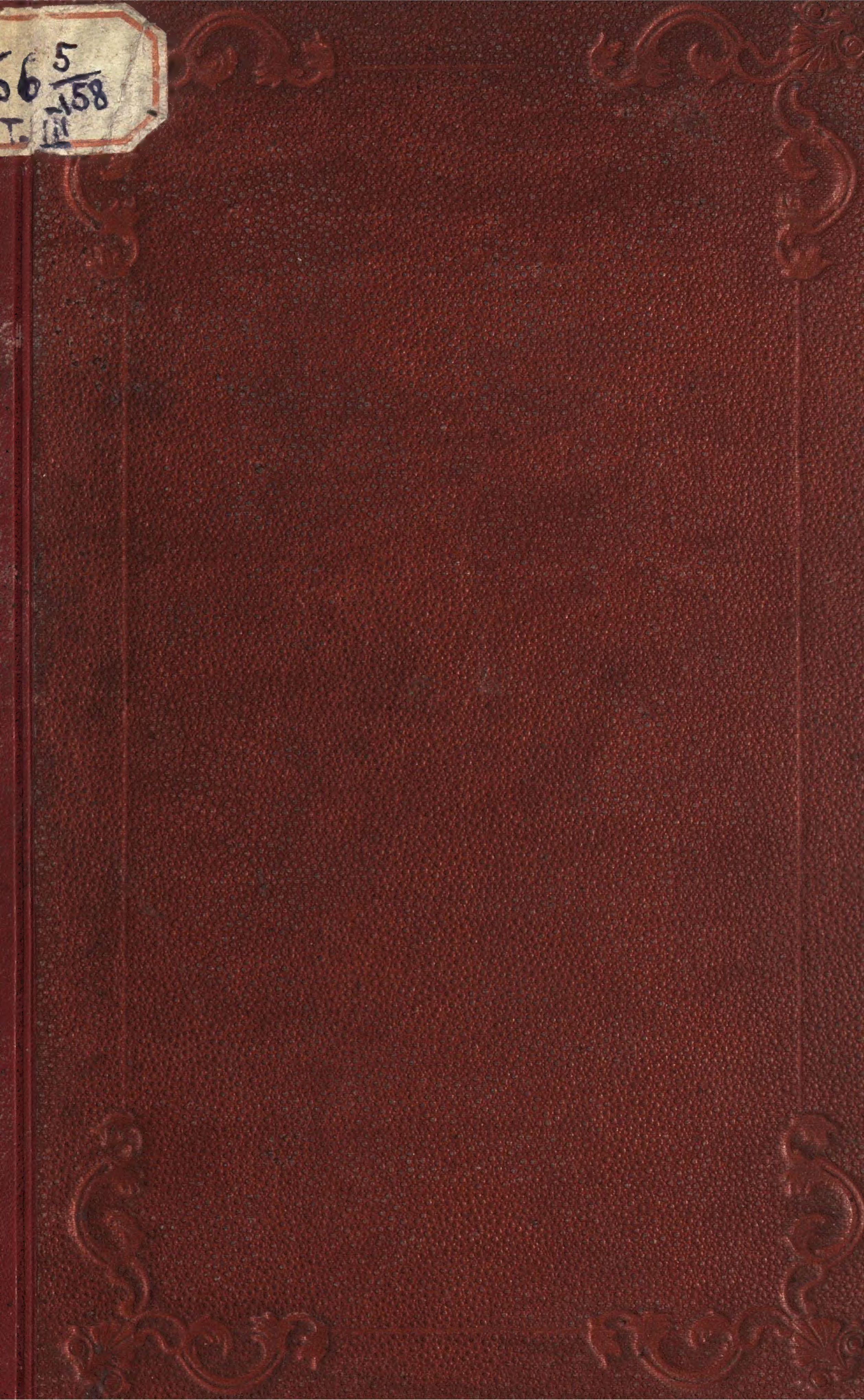
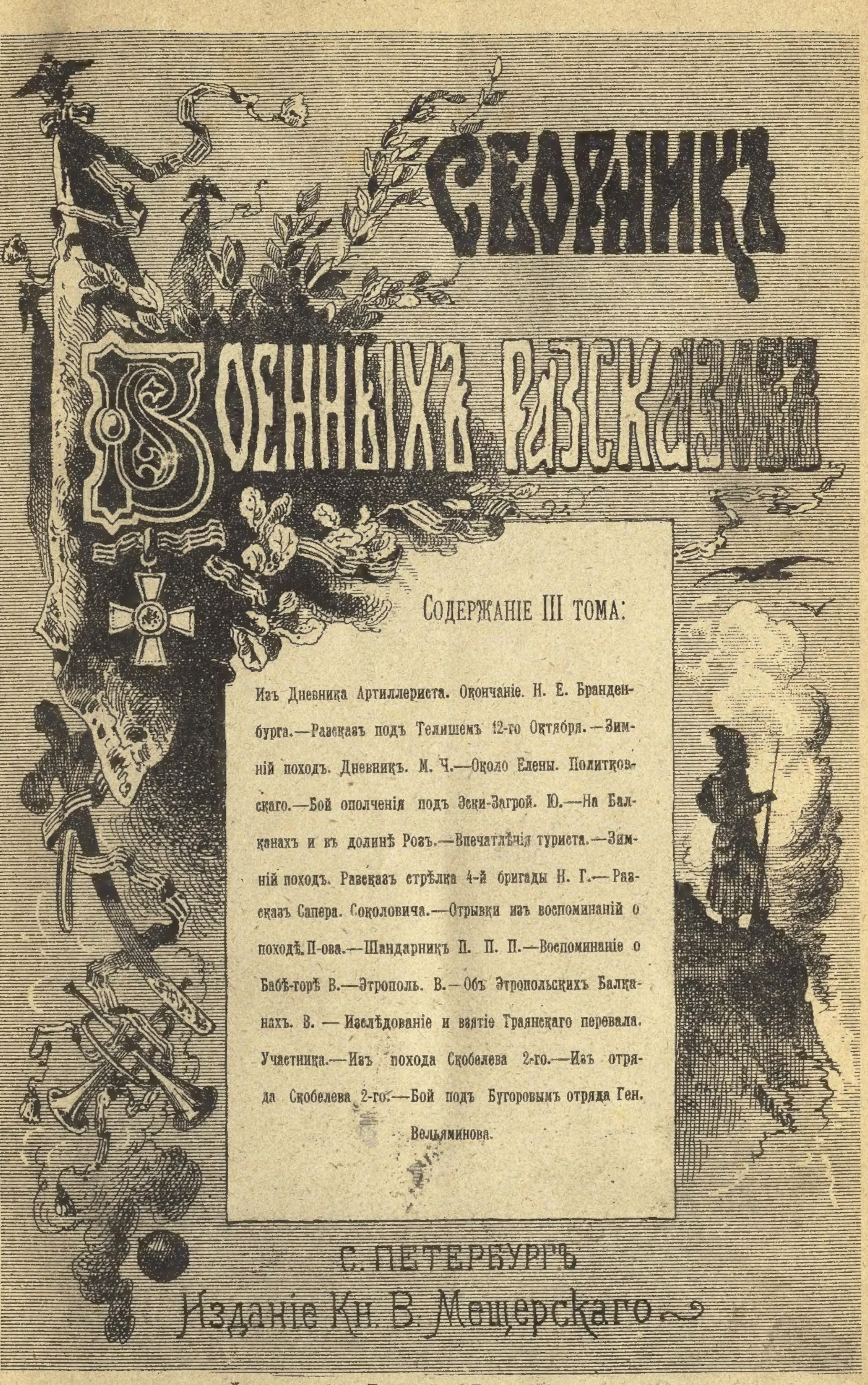




СБОРНИКЪ ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

СОДЕРЖАНІЕ III ТОМА:

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Кн. В. Мещерскаго

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.

СБОРНИКЪ
ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

1877—1878

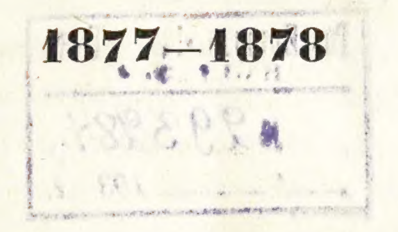
БАХРУШИНЪ

СБОРНИКЪ
ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

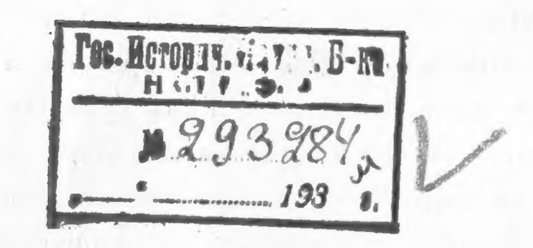
СОСТАВЛЕННЫХЪ

ОФИЦЕРАМИ-УЧАСТНИКАМИ ВОЙНЫ

1877–1878



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Кн. В. Мещерскаго
1879.



Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго м., д. № 93.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Итакъ съ Божіею помощью, первую часть моего труда, я окончилъ, благодаря дорогимъ вкладамъ участниковъ въ этомъ трудѣ. Смѣю думать, что могу считать свою долю труда исполненною добросовѣстно, не взирая на громадныя препятствія, и въ особенности крупные расходы. Никто не повѣритъ, что первая серія трехъ томовъ, обошлась мнѣ вдвое дороже противъ той смѣты, сообразно съ которою я назначилъ подписную цѣну въ 12 рублей, а между тѣмъ это такъ. Многіе ею не воспользовались. Тѣмъ хуже для нихъ, но на оставшіеся экземпляры я по необходимости возвысилъ цѣну съ 12-ти на 20 рублей. Цѣна на вторую серію пока остается таже. Всѣ лица, заявившія о своемъ желаніи подписаться на вторую серію, получать слѣдующіе 3 тома, которые и будутъ изданы въ соотвѣтственномъ количествѣ экземпляровъ. Не заявившіе, сохранятъ право получить вторую серію за 10 рублей, только до 1-го іюля. Послѣ 1-го іюля цѣна на вторую серію будетъ тоже возвышена.

Считаю не лишнимъ обратить вниманіе читателей на то, что я далъ имъ, противъ обѣщаннаго, 38 большихъ печатныхъ листовъ больше, то-есть, цѣлый лишній томъ, такъ какъ всего по объявленію должно было быть 105 листовъ, а выдано: въ I-мъ томѣ—43, во II-мъ—48, а въ III-мъ томѣ 52 листа, итого 38 листовъ лишнихъ. Не знаю, скажутъ-ли намъ подписчики за это спасибо, (подписчики очень любятъ заявлять претензіи и неудовольствіе, но до оцѣнки всего того, что дѣлаютъ издатели излишняго противъ обѣ-

щаннаго, изъ уваженія къ труду и къ читателямъ, они не охотники), но, во всякомъ случаѣ, мы доказали, что смотримъ на это дѣло далеко не какъ на комерческое предпріятіе.

Въ заключеніе считаемъ себя вправѣ и то сказать, что интересъ содержанія томовъ идетъ crescendo, и статьи, какъ тѣ, которые подписаны въ концѣ III-го тома буквою В, заслуживаютъ особаго вниманія.

При шестомъ томѣ будетъ изданъ алфавитъ всѣмъ именамъ собственнымъ, встрѣчающимся въ 6-ти томахъ сборника, и дополнительная портретная галлерея лицъ, невошедшихъ въ число 120-ти, обѣщанныхъ и выданныхъ подписчикамъ.

Желающіе получить то и другое, то есть алфавитъ и дополнительные портреты, могутъ прислать 3 рубля.

Пятый и шестой томы, выйдутъ одновременно въ Сентябрѣ.

Подписываться можно съ разсрочкою, а именно:

При подпискѣ . . . 10 рублей.
Въ Іюлѣ . . . . . 10 „
Въ Сентябрѣ . . . . 10 „ за всѣ 6 томовъ.

Издатель кн. В. Мещерскій.

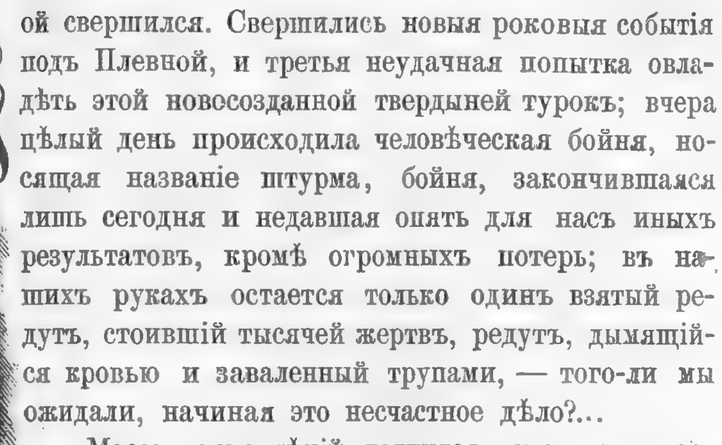
Мая 4 1879.

Въ концѣ приложены факсимиле собственноручныхъ надписей, сдѣланныхъ на портретахъ, подаренныхъ командиру четвертой стрѣлковой бригады.—Во главѣ ихъ надпись Великаго Князя Главнокомандующаго.

Въ томѣ II-мъ, вслѣдствіе недосмотра, мы забыли сказать, что вторая статья полковника Куропаткина, также какъ и первая, была напечатана въ „Военномъ Сборникѣ“.

ИЗЪ ДНЕВНИКА АРТИЛЛЕРИСТА.

Плевна, 31-го Августа.



Бой свершился. Свершились новыя роковыя событія подъ Плевной, и третья неудачная попытка овладѣть этой новосозданной твердыней турокъ; вчера цѣлый день происходила человѣческая бойня, носящая названіе штурма, бойня, закончившаяся лишь сегодня и недавшая опять для насъ иныхъ результатовъ, кромѣ огромныхъ потерь; въ нашихъ рукахъ остается только одинъ взятый редутъ, стоившій тысячей жертвъ, редутъ, дымящійся кровью и заваленный трупами, — того-ли мы ожидали, начиная это несчастное дѣло?...

Масса впечатлѣній толпится теперь въ головѣ, но впечатлѣній какихъ-то единичныхъ, отрывочныхъ, громоздящихся въ какую-то нестройную кучу. Не знаю какъ съ ними справиться, какъ привести въ порядокъ и послѣдовательно припомнить, что довелось видѣть за эти послѣдніе дни лично. Надо вернуться назадъ и прослѣдить по порядку все, что вспоминается съ прибытія нашего подъ Плевну.

25-го числа я выѣхалъ изъ Зимницы вмѣстѣ съ Моллеромъ, отправившимся также подъ Плевну къ отряду своей осадной артиллеріи, который въ составѣ двадцати пушекъ 24-хъ фунт. калибра, давно уже былъ туда двинутъ подъ командой полковника Экстена. Въ числѣ упомянутыхъ орудій было и четыре стальныхъ пушки дальняго боя. Собственно я лично, ѣхалъ подъ Плевну просто въ качествѣ волонтера, не имѣя тогда еще никакого опредѣленнаго назначенія и даже не разсчитывая долго оставаться на позиціи, почему снарядился совершенно на легкѣ, захвативъ только свой резиновый, спальный мѣшокъ и пальто; обстоятельства, однако, сложились совершенно иначе, такъ что въ настоящее время не знаю даже, когда придется вернуться назадъ.

Съ моста черезъ Дунай дорога на Плевну тянется по самому берегу, пробѣгая у подошвы высотъ, которыя верстъ черезъ восемь раз-

ступаются и образуютъ ущелье. Здѣсь поворотъ дороги, еще издали указываемый одинокимъ курганомъ, насыпаннымъ на вершинѣ крутой горы надъ Дунаемъ,—точно шапка надѣта на этой вершинѣ. Вѣроятно уже много столѣтій курганъ этотъ служилъ сторожевымъ пунктомъ, будучи расположенъ вполнѣ соотвѣтственно для подобной цѣли.

Благодаря удобствамъ ѣзды въ покойномъ экипажѣ Моллера, мы къ вечеру добрались уже до деревни Булгарени, къ которой отступилъ генералъ Криднеръ послѣ неудачной атаки 18-го іюля. Дорогой попадались обозы, тянувшіеся къ Плевнѣ, команды солдатъ, биваки войскъ,—все напоминало близость непріятеля. Какъ-то странно откликались въ сердцѣ отвѣты попадавшихся по дорогѣ солдатъ: „Куда идете?“ спрашиваешь ихъ обгоняя. „Подъ Плевень“. Отвѣтъ произносится самымъ безпечнымъ и равнодушнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ намъ Плевна представлялась какимъ-то чудовищнымъ Минотавромъ, одно приближеніе къ которому не оставалось безнаказаннымъ и грозило всякому роковой опасностью. О топографіи этого „Плевеня“, какъ выражались солдатики, и характерѣ его укрѣпленій, мы не имѣли ни малѣйшаго понятія; воображенію оставался полный просторъ дѣйствовать на почвѣ всего слышаннаго о прежнихъ кровавыхъ нашихъ неудачахъ на этой роковой мѣстности.

Булгарени переполнено народомъ, здѣсь и самъ Главнокомандующій съ своей свитой. Мы въѣхали въ деревню, когда уже было темно, такъ что не задаваясь отыскиваніемъ себѣ ночлега въ какой нибудь хатѣ, свернули въ первый закоулокъ и расположились въ повалку около своего экипажа. Взошедшее на утро солнце застало обитателей Булгарени уже въ полномъ движеніи, большинство пришлаго, военнаго населенія было уже на ногахъ, запрягались повозки и экипажи, сѣдлались кони, шли сборы къ движенію подъ Плевну; по дорогѣ за деревней уже вытягивался конвой Государя. Мы съ Моллеромъ поспѣшили также покинуть свое пристанище и пустились далѣе въ путь.

Вотъ передъ нами уже и Парадимъ, за нимъ сейчасъ и Сгалевица,—послѣднія деревни передъ нашими позиціями; отсюда до расположенія нашихъ войскъ всего верстъ семь, уже слышны отдаленные выстрѣлы орудійной канонады подъ Плевной,—черезъ какой нибудь часъ мы будемъ на мѣстѣ.

Правѣе дороги бросаются въ глаза нѣсколько полевыхъ укрѣпленій,—здѣсь мѣстность уже обстрѣленная, видѣвшая бой съ недѣлю тому назадъ, когда со стороны Османа-паши было произведено наступленіе на Сгалевицу и Пелишатъ, 19-го августа, но теперь ничто кругомъ не напоминаетъ болѣе о происшедшемъ,—какъ будто сраженія никогда и не было. Далѣе мѣстами тамъ и сямъ расположились группы болгарскихъ семей, бѣжавшихъ изъ окрестностей Плевны и теперь кочующихъ въ

полѣ, около своихъ каруцъ и выпряженныхъ, пасущихся тутъ-же волов. Еще ближе къ позиціи, и на лежащей впереди возвышенности начинаютъ обрисовываться бѣлыя облачки дыма, стремительно сначала взвивающіяся густыми клубами и затѣмъ медленно расплывающіяся по воздуху; выстрѣлы изъ орудій уже ясно и отчетливо достигаютъ до слуха, привычное ухо различаетъ громъ осадныхъ орудій... Дорога вступаетъ въ лощину, занятую войсками и повозками; по сторонамъ безпрерывно попадаются фўры съ краснымъ крестомъ, санитары, врачи и сестры милосердія, группами расположившіяся по бокамъ дороги. До батарей осталось только подняться на лежащую передъ нами возвышенность, на вершинѣ которой гремѣли выстрѣлы; мы оставили экипажъ внизу и пошли далѣе пѣшкомъ,—вотъ, наконецъ, и самая позиція.

Передъ нами открылась довольно обширная поляна, покрытая роскошной зеленью поспѣвшей кукурузы и окаймленная къ противуположному скату длиннымъ брустверомъ; за лѣвой половиной его стояло двѣнадцать 24-хъ фунтов. пушекъ (восемь мѣдныхъ и четыре стальныхъ, дальняго боя), которыми командовали штабсъ-капитанъ Дюшенъ, подпоручикъ Лезедовъ и прапорщикъ князь Вадбольскій. Саженяхъ въ двадцати назадъ, черной полоской къ верху, возвышалась выдвижная 11-ти саженная лѣстница, съ вершины которой производились наблюденія за непріятелемъ; неподалеку повозка изъ подъ лѣстницы, съ пасущимися тутъ-же волами и на другомъ флангѣ раскинутое желѣзное кресло-кровать, передъ которымъ опрокинутый ящикъ съ самоваромъ составляли всю остальную обстановку батареи въ тылу. На всей полянѣ ни деревца, ни кустика, подъ которыми можно было бы приткнуться, и только зеленый коверъ высокой кукурузы пріятно останавливалъ на себѣ глазъ.

Это былъ главный пунктъ расположенія осадной артиллеріи, въ первые дни открытой съ 26-го числа по Плевнѣ канонады, пунктъ получившій названіе „Великокняжеской горы"; здѣсь же была резиденція и начальника отряда осадныхъ орудій, Экстена. Другая батарея, изъ восьми 24-хъ фун. пушекъ, подъ командой штабсъ-капитана Иванова, находилась отдѣльно, около версты на сѣверо-востокъ, ближе къ деревнѣ Гривицѣ.

Вступивъ въ сферу дѣйствія артиллерійскаго огня, мы конечно первымъ дѣломъ схватились за бинокли, чтобы ознакомиться съ лежавшей передъ нами мѣстностью и тѣми грозными укрѣпленіями Плевны, о которыхъ столько уже наслышались, но немногое представилось нашимъ взорамъ: передъ нами разстилалось покрытое возвышенностями и лощинами пространство, ограниченное съ сѣвера и юга двумя почти паралельными грядами высотъ, командовавшими надъ прочими. Разстояніе между этими грядами было около $4^1/_2$ верстъ. Непосредственно на сѣверъ отъ Великокняжеской горы, верстахъ въ трехъ, виднѣлась деревня

Гривица, за которой немного лѣвѣе, на темномъ силуэтѣ сѣверной гряды, едва можно было разсмотрѣть узкую, правильно очерченную полоску желтоватой насыпи; это былъ турецкій редутъ, извѣстный подъ названіемъ Гривицкаго. Еще лѣвѣе, на томъ же контурѣ сѣверной гряды, проектировалась глазу какая то цѣпь укрѣпленій, въ разстояніи около $1^1/_2$ версты отъ упомянутаго редута; пунктъ этотъ назывался „Буковой Липой" и составлялъ укрѣпленный турецкій лагерь. Вся эта гряда наконецъ обрывалась, далеко на западъ къ рѣкѣ Виду, крутою возвышенностью, которая по указаніямъ болгаръ называлась „Опанецъ"; на ней смутно темнѣлись также турецкія укрѣпленія. Южная гряда, т. е. ограничивавшая позицію со стороны противуположной, была въ нашихъ рукахъ и раздѣлялась крутымъ Тученицкимъ оврагомъ, за деревней Радищево, на двѣ части: до оврага она называлась горой „Артиллерійской", за оврагомъ—„Зеленой". До послѣдняго отъ Великокняжеской горы, черезъ Радишево, было около пяти верстъ, и самый оврагъ, извиваясь отсюда на сѣверъ, упирался въ Плевну, которая лежала противъ Гривицы на западъ, но съ Великокняжеской горы видна не была, такъ какъ заслонялась прихотливыми складками мѣстности.

Западная половина пространства между Гривицей и Плевной была занята турецкими укрѣпленіями, весьма искусно примѣненной системой редутовъ, занимавшихъ вершины капризно изгибавшихся здѣсь возвышенностей, но всѣ эти редуты были настолько удалены отъ Великокняжеской горы, что непривычный глазъ нескоро и различилъ-бы ихъ безъ предварительныхъ указаній. Границей имъ могла служить линія, проведенная отъ Радишево на сѣверъ къ Буковой Липѣ и ближайжими къ этой линіи были редуты №№ 4 и 1-й, составлявшіе такимъ образомъ крайнія турецкія укрѣпленія на востокъ, исключая редута гривицкаго, который выдвинулся сюда еще далѣе. За упомянутыми двумя, западнѣе, виднѣлись еще четыре, почти паралельно первымъ, и носившіе №№ 6, 5, 3 и 10-й: изъ нихъ послѣдній стоялъ отдѣльно, выдавшись на югъ, подобно тому какъ гривицкій на востокъ.

Все это конечно лишь очень смутно можно было разсмотрѣть въ бинокль, такъ какъ разстояніе отъ Великокняжеской горы до ближайшаго изъ редутовъ, какъ напр. до № 1-го, было все таки весьма значительнымъ, около 2000 саженъ.

Результаты всего осмотрѣннаго не оправдали моихъ ожиданій, перевернувъ всѣ сложившіяся до сихъ поръ представленія о физіономіи Плевненской твердыни. Видя эти едва желтѣвшіяся вдали полоски укрѣпленій, изъ которыхъ вылетали клубы бѣлаго дыма, какъ то не вѣрилось въ силу и несокрушимость этихъ холмовъ, не вѣрилось, что бы они могли устоять противъ энергической атаки достаточныхъ силъ, атаки подготовленной цѣлесообразнымъ употребленіемъ артиллерійскаго

огня, столь дѣйствительнаго при современномъ состояніи артиллерійскаго искуства... Но на дѣлѣ выходило иначе.

Великокняжеская гора гремѣла выстрѣлами и курилась дымомъ, посылая бомбу за бомбой въ турецкія укрѣпленія. Стальныя дальнобойныя *) пушки стрѣляли и по укрѣпленному лагерю на Буковой Липѣ и по направленію, гдѣ въ лощинѣ лежала Плевна, а мѣдныя 24-хъ фунтовки обстрѣливали ближайшіе редуты,—ближайшіе..., до которыхъ было съ четыре версты!... Не знаю какими мотивами руководились тѣ, кто выбиралъ эту позицію для центральной осадной батареи, но по моему выборъ былъ не изъ удачныхъ, такъ какъ съ этого пункта, по дальности его разстоянія, нельзя было достигнуть ни одной изъ цѣлей прямого назначенія осадныхъ орудій, нельзя было ни демонтировать артиллеріи непріятеля, ни нанести капитальнаго, систематическаго разрушенія его землянымъ насыпямъ, еслибы таковое оказалось необходимымъ. Почти въ такихъ же условіяхъ находилась и другая осадная батарея, Иванова, стоявшая ближе къ Гривицѣ, но ей трудно было стать ближе, такъ какъ для этого пришлось бы выдвинуться за линію нашего расположенія къ восточной части позиціи. На Иванова турки тѣмъ не менѣе обратили серіозное вниманіе; онъ дѣйствовалъ по Гривицкому редуту и оттуда въ свою очередь его осыпали гранатами; совсѣмъ не то было на горѣ Великокняжеской, сюда турки даже и не стрѣляли, хотя имѣли полную возможность достать ее своими снарядами, такъ какъ одинъ разъ напр., хотя впрочемъ и единственный, пустили къ намъ на гору гранату, давшую еще перелетъ саженъ въ сто за батарею. Мнѣ этотъ выстрѣлъ особенно остался въ памяти потому, что я въ моментъ его былъ на верхушкѣ наблюдательной лѣстницы и граната, пролетѣвшая въ нѣсколькихъ саженяхъ мимо послѣдней, весьма непріятно отозвалась въ моей душѣ, ясно изобразивъ перспективу свалиться внизъ съ 11-ти саженной вышины, еслибы лѣстница была задѣта снарядомъ.

Самая горячая канонада велась турками впрочемъ по нашимъ полевымъ орудіямъ, стоявшимъ на южной сторонѣ, около артеллерійской горы, и успѣвшимъ уже понести значительныя потери; напр. былъ убитъ командиръ одной изъ батарей полковникъ Гудима, попавшей въ него цѣликомъ гранатой, убито и ранено нѣсколько офицеровъ на батареѣ полковника Ильинскаго, причемъ этотъ послѣдній случай замѣчателенъ и по своей фатальности,—граната разорвалась въ кучкѣ офицеровъ, присѣвшихъ на минуту для отдыха.

Стоявшая по сосѣдству съ нами вышка такъ и тянула подняться на верхъ, въ надеждѣ разсмотрѣть яснѣе турецкія позиціи, но неувѣ-

*) Терминъ, который слѣдовало бы совершенно забыть въ артиллеріи и вычеркнуть изъ употребленія.

ренность въ нервахъ,—не измѣнятъ-ли они на 11-ти саженной вышинѣ, заставляла сначала нѣсколько поколебаться,—съ непривычки немудрено, что и голова закружится. Нижняя часть лѣстницы саженяхъ на трехъ поддерживалась четырьмя раскосами, а за верхушку четырьмя веревками, протянутыми внизъ для возможнаго устраненія раскачиванія, весьма непріятно дѣйствующаго на высотѣ; еще веревка однимъ концомъ пристегивалась къ предохранительному поясу, который надо было надѣть на себя, а другимъ проходила черезъ блокъ, укрѣпленный на верху; за нее внизу наблюдателя придерживали солдаты и такимъ образомъ устранялась опасность паденія. Все это мнѣ показалась достаточной гарантіей и я полѣзъ на верхъ. На самой вершинѣ лѣстница все таки чувствительно качалась, вызывая весьма тягостное ощущеніе, особенно усилившееся при взглядѣ внизъ, когда подъ собой видишь только двѣ тонкія жердочки съ перекладинами. На верху надобно было сѣсть верхомъ на крошечную трапецію и затѣмъ въ распоряженіи являлась укрѣпленная на штативѣ зрительная труба и бинокль. Добравшись до конца лѣстницы и прилѣпившись насколько возможно удобнѣе, я принялся разсматривать открывшуюся панораму, но и здѣсь ожиданіи мои не оправдались. До турецкихъ укрѣпленій было такъ далеко, что поднявшись и на одинадцать саженъ, наблюдатель немного выигрывалъ. Тѣ-же едва выдѣлявшіяся на возвышенностяхъ полоски турецкихъ редутовъ смутно рисовались вдали, извергая изъ себя струйки бѣлаго дыма, та-же проекція лежавшихъ впереди холмовъ, и только въ логовины между ними глазъ проникалъ глубже, получая возможность высмотрѣть нѣкоторыя подробности, подмѣтить движеніе партіи непріятельскихъ повозокъ и темныя пятна двигающихся войскъ. Зрительную трубу я нашелъ недостаточно сильною для ясности и отчетливости подобныхъ наблюденій; равнымъ образомъ и устройство штатива не было вполнѣ соотвѣтствующимъ для легкаго и удобнаго управленія трубой,—для наводки и установки послѣдней требовалось значительное усиліе, хотя конечно лишь относительно, въ зависимости отъ неудобства положенія, которое приходится сохранять наблюдателю. Тѣмъ не менѣе по моему для успѣха подобныхъ наблюденій необходимо имѣть трубу болѣе высокихъ качествъ, съ болѣе совершенной установкой.

Такимъ образомъ вообще первое знакомство съ Плевной и ея укрѣпленіями дало въ результатѣ представленіе крайне смутное, не способствовавшее къ уясненію и своего собственнаго положенія по отношенію къ непріятелю.

Начатая 26-го числа канонада была прологомъ къ предстоявшей черезъ нѣсколько дней атакѣ, но въ чемъ заключались предположенія насчетъ послѣдней, мы не видали, черезъ что и задача огня нашего не имѣла точно опредѣленныхъ рамокъ. Очевидно, что дѣло шло о

подготовкѣ самой атаки, объ ослабленіи артиллерійскимъ огнемъ непріятельской позиціи, но при указанномъ протяженіи послѣдней, необходимымъ являлась обозначеніе болѣе тѣснаго круга нашихъ дѣйствій; другими словами, необходимо было указаніе предполагаемыхъ пунктовъ атаки, т. е. сознательное отношеніе артиллеріи къ конечной цѣли начатой канонады, такъ какъ разстрѣлять всю позицію турокъ было очевидной невозможностью, за осуществленіемъ которой понятно никто и не могъ гнаться. Если бы цѣль канонады была для насъ вполнѣ объективна, то весьма вѣроятно, что незамедлила бы выясниться и несостоятельность самаго пріема, приложеннаго для ея достиженія, но пресловутый „секретъ" лежалъ на всемъ; въ пору или не въ пору,—этого повидимому не разбиралось.

При упомянутомъ условіи безъ сомнѣнія и выборъ позиціи для центральной осадной батареи палъ бы не на Великокняжескую гору, не представлявшую требуемыхъ выгодъ для дѣйствія осадныхъ орудій. Разъ послѣднія были уже доставлены подъ Плевну, надобно было ихъ и поставить въ условія нормальныя, иначе онѣ теряли все свое специальное значеніе и вполнѣ могли замѣняться орудіями полевыми, снаряды которыхъ при томъ-же стоили несравненно дешевле. Великокняжеская гора представляла единственное удобство по своему мѣстоположенію, только какъ пунктъ центральный въ линіи нашихъ батарей, охватывавшихъ Плевну отъ Тученицкаго оврага до Гривицы; поэтому гора и удержала надолго за собой характеръ центра нашихъ съ этой стороны позицій, центра, куда часто съѣзжалось начальство, присылались донесенія и т. под. Здѣсь въ первые дни толкалось довольно лицъ и не военныхъ,—чиновниковъ полевыхъ управленій, контроля и прочихъ, приходившихъ послушать громъ выстрѣловъ на самой батареѣ и посмотрѣть на окружающее. Вообще этотъ пунктъ былъ однимъ изъ самыхъ оживленныхъ, извѣстнымъ всякому бывшему подъ Плевной, тѣмъ болѣе что мимо него пролегала дорога въ Сгалевицу и Парадимъ, гдѣ находились всѣ власти. Кромѣ того въ полуверстѣ сзади, въ лощинѣ, былъ разбитъ госпиталь и станція военно-походнаго телеграфа.

Въ ознакомленіи съ мѣстностью и вообще съ окружавшей обстановкой, утро 26-го пролетѣло незамѣтно, несмотря на все еще жаркое августовское солнце, отъ котораго рѣшительно некуда было скрыться. Часовъ около двухъ на батарею пріѣхалъ генералъ Адамовичъ, помощникъ начальника артиллеріи арміи, и мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали верхами къ лѣвому флангу, гдѣ шла самая горячая канонада. Вотъ и 1-я батарея 30 бригады, лишившаяся своего убитаго командира, и батарея, на которой несчастный разрывъ турецкой гранаты вывелъ изъ строя разомъ четырехъ офицеровъ. Здѣсь опасность серіозная,—каждую минуту шипитъ надъ головой непріятельскій снарядъ и слышится вой голод-

ныхъ осколковъ разрывающихся гранатъ. Адамовичъ сошелъ съ лошади и пошелъ по линіи орудій, здороваясь съ прислугой, бодро исполнявшей свои обязанности, несмотря на сильный огонь турокъ; люди весело отвѣчали на привѣтствіе генерала, который подвергался одной съ ними опасности. При насъ впрочемъ не произошло никакого несчастія и даже ни одна граната не разорвалась передъ батареею, давая все перелеты, хотя и весьма небольшіе. Батареи стояли подъ огнемъ открыто и только нѣкоторыя изъ нихъ имѣли передъ собой крошечные, наскоро набросанные валики; ящики и передки были по возможности укрыты, за неровностями сзади и по сторонамъ лежавшей мѣстности. Прилѣпившись за внутренней стороной холмовъ и въ лощинахъ между ними, лошади съ ящиками и передками придавали тылу артиллерійской позиціи весьма своеобразный видъ; о какомъ нибудь строѣ или симметріи здѣсь конечно не могло быть и рѣчи, лишь бы достигалась цѣль укрытія, почему въ тылу батарей все раскидалось капризными группами, притаившись за всѣми складками мѣстности. Лошади стояли спокойно, несмотря на проносившіеся по временамъ снаряды; около сидѣли и стояли ѣздовые, большею частью молча, будучи обречены на пассивную бездѣятельность, но въ то-же время и не вполнѣ гарантированные отъ опасности, такъ какъ несмотря на тщательное стараніе укрыть передки и ящики, нѣсколько лошадей все таки были уже убиты шальными турецкими гранатами.

Къ вечеру канонада съ обѣихъ сторонъ стихла и только рѣдкіе выстрѣлы очередныхъ орудій нарушали общее безмолвіе. Какіе результаты были достигнуты въ теченіе дня, массой выпущенныхъ снарядовъ, рѣшить конечно мудрено, по самой дальности разстоянія до турецкихъ укрѣпленій, но ясно было и то, что въ теченіи ночи туркамъ представлялась полная возможность исправить всѣ поврежденія, которыя могли быть произведены нашими выстрѣлами. Въ голову невольно тѣснился вопросъ, чего мы можемъ достигнуть при тѣхъ же условіяхъ и въ послѣдующіе, остающіеся до 30-го числа, дни, если сфера огня нашего не получитъ болѣе опредѣленной задачи? Невольно думалось—не лучше ли наконецъ обрушить, въ теченіи одного дня передъ приступомъ, всю эту массу снарядовъ, на намѣченные для атаки турецкіе редуты и не прерывать адскаго дождя бомбъ и гранатъ до послѣдняго момента, чѣмъ расходовать то же количество снарядовъ въ теченіи пяти дней, съ перерывами въ теченіи столькихъ-же ночей?... Но, твори волю пославшаго тебя,—приходилось повторять себѣ въ заключеніе, перебирая въ головѣ все видѣнное и расположившись на отдыхъ по возвращеніи на Великокняжескую гору. Всѣ за день порядочно устали, почему кто былъ свободенъ на ночь располагались гдѣ попало въ повалку и скоро большинство спало крѣпкимъ сномъ, не смотря на гулъ выстрѣловъ очередныхъ орудій, раздававшійся чуть не надъ самымъ ухомъ.

На слѣдующій день я и Экстенъ отправились посѣтить батарею Иванова, расположенную, какъ уже замѣчено выше, отдѣльно ближе къ Гривицѣ, и все время обстрѣливаемую турками.

Здѣсь шла борьба между осадными орудіями, съ нашей стороны, и полевыми—съ турецкой, но дальность разстоянія уравновѣшивала отчасти шансы противниковъ; стрѣльба обоихъ находилась въ одинаково невыгодныхъ условіяхъ, въ силу которыхъ пораженіе принимало скорѣе характеръ несчастной случайности, нежели могло являться результатомъ перевѣса въ мѣткости стрѣльбы и силѣ дѣйствія тѣхъ или другихъ пушекъ. Попасть напр. намъ въ непріятельское орудіе, т. е. попасть намѣренно, являлось невозможнымъ уже по одному тому, что его нельзя и видѣть наводчику, стрѣляя на полторы тысячи саженъ, а между тѣмъ напр. случайный выстрѣлъ турокъ при мнѣ подбилъ у Иванова одну 24-хъ фун. пушку; тѣмъ не менѣе никакихъ другихъ потерь на батареѣ до сихъ поръ не было, хотя турки бросили въ нее уже около трехсотъ снарядовъ. Нельзя впрочемъ сказать и того, что непріятельская артиллерія дѣйствовала дурно, напротивъ, снаряды ложились весьма правильно, давая близкіе недолеты и перелеты, при небольшихъ уклоненіяхъ въ стороны, но результатъ огня тѣмъ не менѣе ничтоженъ.

Ивановъ стрѣлялъ по Гривицкому редуту, представлявшемуся отсюда немногимъ яснѣе, чѣмъ съ горы Великокняжеской, такъ что отчетливое наблюденіе за дѣйствіемъ нашихъ снарядовъ было весьма затруднительно. Между батареей и редутомъ, не много правѣе, разстилалась Гривица, очень хорошо отсюда видимая и обстрѣливаемая турками, вѣроятно предполагавшими въ ней наши войска, но въ сущности она была пуста; передняя часть ея представляла уже однѣ развалины.

Стрѣльба у Иванова шла методически, несуетливо; каждый выстрѣлъ производился подъ личнымъ руководствомъ самого командира и другаго состоявшаго на батареѣ офицера—подпоручика Калашникова. Все что можно было приложить для достиженія успѣха, было сдѣлано,—производились тщательныя наблюденія за полетомъ снарядовъ, записывались получавшіяся данныя и т. д. Молодцы-офицеры видимо отдались своему дѣлу, напряжено слѣдя за дѣйствіемъ своихъ орудій и не обращая вниманія на орудія непріятеля, на свистъ и шипѣніе прокатившихся турецкихъ гранатъ. Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ безъ торопливости, наблюдая очередь и какъ бы обмѣниваясь съ снарядами турокъ; рѣдко даже слышались предупредительные возгласы „наша", или „къ намъ", при видѣ появленія на Гривицкомъ редутѣ бѣлаго клуба дыма, по направленію котораго отличалась цѣль непріятельскаго выстрѣла, скрываться за брустверъ никто и не думалъ. На правомъ флангѣ батареи стояла тренога съ трубою, мы остановились около нея и слѣдили за полетомъ нашихъ снарядовъ, но кромѣ кучъ земли, взбрасываемыхъ при

паденіи бомбъ въ насыпь редута, ничего болѣе на такой дистанціи конечно не видѣли. Турецкія гранаты довольно однообразно, черезъ небольшіе промежутки времени, регулярно прилетали на нашу батарею и такъ какъ выстрѣлы слѣдовали большею частью систематично, не сливаясь одинъ съ другимъ, то легко можно было слышать въ воздухѣ даже приближеніе непріятельскаго снаряда, особенно мнѣ, какъ наблюдателю постороннему, вниманіе котораго не поглощалось процессомъ стрѣльбы съ нашей стороны. Забѣлѣется на турецкомъ редутѣ клубъ дыма, стремительно въ первое мгновеніе рванувшійся къ намъ, затѣмъ донесется отдаленный звукъ выстрѣла и вотъ чрезъ нѣсколько мгновеній въ воздухѣ слышится шипѣніе несущейся гранаты... Ближе, ближе,—сейчасъ ударитъ гдѣ нибудь около, такъ и кажется что прямо въ тебя... Еще моментъ какого-то страннаго, безпомощнаго ожиданія, шипѣніе все слышнѣе, все явственнѣе, приближается быстро, наконецъ достигнувъ своего максимума, вдругъ рѣзко обрывается, слышенъ глухой, короткій ударъ о землю, затѣмъ разрывъ и осколки съ плачемъ и воемъ проносятся гдѣ-то далѣе. Черезъ нѣсколько минутъ повторяется тоже самое, опять разрывъ гранаты въ другомъ мѣстѣ и т. д.

Предупрежденіе несущейся опасности, сообщаемое звукомъ приближающагося снаряда, весьма тягостно дѣйствовало на нервы, давая какое-то исключительное ощущеніе, котораго ни раньше, ни послѣ не доводилось испытывать подъ огнемъ непріятеля, даже и въ болѣе опасномъ положеніи; во всѣхъ другихъ случаяхъ приходилось видѣть проявленіе полета снаряда только въ послѣдній моментъ, въ моментъ разрыва или пролета гдѣ нибудь около, вообще неожиданно, безъ напряженія нервовъ нѣсколькими секундами томительнаго ожиданія этимъ приближающимся шипѣніемъ, а тутъ совершенно иначе, хотя результаты возможной несчастной случайности въ сущности тѣ же.

Дальность дистанціи, съ которой велась канонада, выражалась еще въ одномъ обстоятельствѣ, весьма важномъ относительно разрывнаго дѣйствія снарядовъ; можно было подмѣтить нѣсколько случаевъ, что турецкія гранаты, падая по крутой траекторіи, зарывались въ землю настолько, что осколки ихъ оставались на мѣстѣ паденія, не имѣя силы освободиться изъ грунта и такимъ образомъ разрывы не достигали своей цѣли. Я помню два такихъ случая: одинъ разъ турецкій снарядъ ударилъ гдѣ-то поблизости за зрительной трубой, у которой стоялъ я съ Экстеномъ,—послышался глухой взрывъ, но воя осколковъ, обыкновенно затѣмъ слѣдующаго, на этотъ разъ не было; вмѣстѣ съ тѣмъ произошло еще слѣдующее обстоятельство: черезъ нѣсколько мгновеній что-то, прерывисто прошумѣвъ весьма низко надъ нами, ударило сзади въ скучившуюся прислугу крайняго орудія, но такъ счастливо, что только слегка контузило одного номера въ ногу, и затѣмъ шлепнулось о брустверъ. Оказа-

лось, что это было дно отъ только-что разорвавшейся гранаты, которое было отброшено назадъ и такимъ образомъ подтвердило, что наступательное движеніе упавшаго снаряда потеряло всю свою силу, при крутомъ углубленіи въ землю. Другой, подобный же случай, спасъ меня лично, быть можетъ, отъ серьезнаго несчастія: въ нѣсколькихъ саженяхъ за батареей лежало сидѣнье отъ осаднаго лафета, на которое я набрелъ, проходя мимо; остановившись на минуту, я подумывалъ—не перетащить-ли его поближе къ зрительной трубѣ, такъ какъ тамъ не на чемъ было сѣсть, но едва успѣлъ вслѣдъ затѣмъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону, какъ рядомъ съ сидѣньемъ ударила турецкая граната... пролетѣло мимо нѣсколько комьевъ взброшенной земли, но гудѣнья осколковъ опять слышно не было,—черепки снаряда остались въ землѣ. Такимъ образомъ разрывъ снаряда опять былъ парализованъ углубленіемъ въ грунтъ. Подобныхъ случаевъ было безъ сомнѣнія достаточно и, конечно, они должны имѣть свое немалое поучительное значеніе въ вопросѣ объ артиллерійской стрѣльбѣ съ дальнихъ дистанцій.

Послѣднимъ выдающимся эпизодомъ нашего пребыванія у Иванова, былъ случай, вообще въ артиллерійской практикѣ весьма рѣдкій,—турецкая граната едва не влетѣла въ каналъ одного изъ нашихъ орудій. Въ моментъ наступившей тишины, при перерывѣ гула выстрѣловъ, мы какъ-то не замѣтили даже появленія дыма на Гривицкомъ редутѣ, какъ вдругъ рѣзкій звонъ удара о что-то металлическое неожиданно звякнулъ въ ушахъ нашихъ. Звукъ былъ настолько характеренъ, непривыченъ для уха, что въ первую минуту мы не могли понять даже, что такое случилось... У одного изъ среднихъ орудій батареи замѣтно было что-то необыкновенное; мы бросились туда и оказалось, что турецкая граната съ налета ударила въ нашу душку. Снарядъ хватилъ прямо въ срѣзъ дула, отчего и произошелъ рѣзкій звонъ, только-что слышанный нами; несмотря однако на всю удачу турецкаго выстрѣла, онъ не причинилъ прислугѣ никакого несчастія,—граната, ударившись въ край дульнаго срѣза, сдѣлала довольно глубокую выбоину и при этомъ не разорвалась, а только разбилась на части, которыя никого не задѣли и въ концѣ концовъ раненымъ оказалось только само орудіе. Ударъ снаряда былъ замѣчателенъ еще и въ томъ отношеніи, что трубка гранаты освободилась изъ очка и впилась въ ступицу лафетнаго колеса на столько глубоко, что изъ дерева торчалъ внаружу только боевой винтъ, который мы немедленно и вынули. Командиръ батареи распорядился немедленно сдѣлать изъ раненаго орудія неочередной выстрѣлъ, который оно выдержало совершенно удовлетворительно и затѣмъ стрѣльба пошла своимъ прежнимъ порядкомъ. Однако подбитая пушка уже недолго продолжала свою службу,—она выдержала еще только около 40 выстрѣловъ и затѣмъ на поверхности орудія обнаружилось множество мелкихъ продольныхъ трещинъ, ради чего оно и получило чистую отставку.

Такимъ образомъ въ результатѣ все таки турецкое полевое орудіе лишило насъ осадной 24-хъ фунт. пушки, хотя конечно совершенно случайно, и слѣдовательно турецкіе артиллеристы не безъ успѣха боролись съ нами, хотя подобное состязаніе между полевой и осадной артиллеріей могло поддерживаться только, благодаря ненормальности условій, при которыхъ велась стрѣльба обѣими сторонами, ненормальности, лишавшей осадныя орудія всего ихъ перевѣса надъ полевыми.

Пожелавъ наконецъ Иванову всѣхъ возможныхъ въ его положеніи успѣховъ, мы распростились съ нимъ и отправились обратно. На Великокняжеской горѣ все шло попрежнему; стрѣльба, хотя и не очень частая, продолжалась безпрерывно. Нѣсколько саперовъ устроивали въ эполементѣ батареи крошечную землянку для Экстена, но землянку, въ которой нельзя было даже выпрямиться и которая занимала менѣе квадратной сажени; кажется это было первымъ въ своемъ родѣ сооруженіемъ, среди нашихъ войскъ подъ Плевной, такъ какъ всѣ были увѣрены въ скорой развязкѣ и ни кому не приходило въ голову мысль о возможности новаго, продолжительнаго здѣсь пребыванія на позиціи. Помнится встрѣчались даже и такія мнѣнія, что Османа-паши якобы въ сущности уже нѣтъ передъ нами, что онъ отступилъ, оставивъ только небольшой гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ Плевны для замаскированія своего ухода и т. п. Возможности новой неудачи съ нашей стороны никому и въ голову не приходило, боялись напротивъ найти турецкіе редуты пустыми....

Остатокъ дня 27-го числа прошелъ, не представивъ ничего особо выдающагося. Около пяти часовъ вечера съ лѣваго фланга были слышны перекаты ружейныхъ выстрѣловъ, причины которыхъ впрочемъ мы не узнали, а затѣмъ па батареѣ у насъ нѣсколько минутъ шла оживленная, частая канонада по турецкому транспорту, замѣченному около одного изъ редутовъ; транспортъ конечно не замедлилъ скрыться и все снова вошло въ свой порядокъ.

Болѣе важнымъ обстоятельствомъ текущаго дня явилось для насъ извѣстіе, переданное вечеромъ Экстеномъ, что предстоитъ перемѣщеніе части осадныхъ орудій на новую позицію, именно на лѣвый флангъ: извѣстіе это касалось и меня лично, такъ какъ Экстенъ предупредилъ, что мнѣ предстоитъ получить туда назначеніе командовать двумя главными батареями. На другой день дѣйствительно, все это было рѣшено окончательно и очищеніе прежнихъ позицій началось съ упомянутой выше батареи Иванова. Казалось, что въ настоящую войну, подъ Плевной, суждено видѣть ломку всѣхъ прежнихъ понятій о различныхъ пріемахъ военнаго искуства, такъ какъ на каждомъ шагу практиковались пріемы новые, несогласные съ взглядами до сихъ поръ установившимися. Событія послѣдняго времени показали напримѣръ все значеніе

новаго способа стрѣльбы усвоеннаго турками, стрѣльбы не прицѣльной, а разсчитанной на страшное количество свинца, выпускаемаго съ огромныхъ дистанцій, т. е. способа, за которымъ до сихъ поръ непризнавалось ни малѣйшей состоятельности. Наоборотъ,—артиллерія, въ разсчетѣ на сильное дѣйствіе которой, и въ особенности осадной, основывали главнѣйшую долю надежды на успѣхъ новой атаки, оказывалась слабою противъ земляныхъ укрѣпленій непріятеля, по крайней мѣрѣ здѣсь подъ Плевной, и играла роль второстепенную, вмѣсто главной. Значеніе лопаты въ войскахъ, инструмента занимавшаго до сихъ мѣсто весьма скромное, выросло теперь чуть не до значенія такъ излюбленнаго нами штыка и т. д. Въ частномъ случаѣ и вопросъ о перемѣщеніи осадныхъ батарей съ мѣста на мѣсто, или иначе говоря—взглядъ на степень и возможность подвижности тяжеловѣсныхъ осадныхъ орудій, въ виду и подъ выстрѣлами непріятеля, явился совершенно въ иномъ свѣтѣ. Этимъ тяжелымъ, громоздкимъ орудіямъ осадной артиллеріи, съ ихъ тяжелыми снарядами, принадлежностью и даже платформами, которыя по недостатку въ лѣсѣ приходилось почти цѣликомъ таскать за собою, этимъ тяжестямъ довелось неоднократно передвигаться на значительныя разстоянія, въ короткій промежутокъ двухъ послѣднихъ дней и такимъ образомъ осадной артиллеріи пришлось, относительно своей подвижности, приравниваться чуть не къ полевой. Конечно, подобныя передвиженія не могли обойтись безъ затраты значительныхъ трудовъ, но вѣдь надо вспомнить и то, что 24-хъ фунт. пушка съ лафетомъ вѣситъ около 200 пудовъ, что подъ нее требуется настилка платформъ и проч., но несмотря на все, перестановка батарей производилась съ замѣчательною быстротой, вопреки всѣмъ традиціоннымъ взглядамъ на неповоротливость этихъ едва двигаемыхъ волами пушекъ.

Но возвращаюсь къ фактамъ.

Новая позиція для осадныхъ орудій была указана на Артиллерійской горѣ, недоходя немного деревни Радишево, что составляло около четырехъ верстъ отъ мѣста ихъ прежняго расположенія. 28-го числа, часа въ два пополудни, сюда были доставлены съ батареи Иванова, при помощи батальона пѣхоты, сначала четыре орудія, а затѣмъ ночью прибыли и остальныя, со всѣми принадлежностями, такъ что въ теченіи дня прежняя батарея упразднилась окончательно. Постройка новыхъ могла начаться лишь въ сумерки, чтобы не открыть ихъ туркамъ и не навлечь огня на работающихъ, почему все нужно было окончить въ теченіи одной ночи. Съ наступленіемъ сумерекъ, въ окружавшихъ насъ кустахъ, послышалось звяканье штыковъ, извѣстившее о прибытіи роты саперъ отъ 4-го батальона, которая, составивъ ружья и снявъ аммуницію, быстро выстроилась для разсчета и затѣмъ привычно, несуетливо принялась за работу. По нашимъ указаніямъ были разбиты двѣ батареи,

соединенныя траншеей, съ устроенными въ послѣдней крытыми помѣщеніями (нишами) для пороха и снарядовъ; работа немедленно закипѣла, съ соблюденіемъ возможной тишины. Подъ руководствомъ офицеровъ, распоряжавшихся въ полголоса, саперы молча установили по линіи огня рядъ туровъ и безъ шума принялись работать лопатами; въ темнотѣ ничего не было слышно и только глухо отдавалось паденіе взбрасываемыхъ комьевъ земли. Почти одновременно съ этимъ начала помогать общему дѣлу и наша артиллерійская прислуга, принявъ участіе въ настилкѣ платформъ, на назначенныхъ нами мѣстахъ. Нѣсколько фонарей на землѣ, около людей настилавшихъ доски, бросали скудный свѣтъ, въ сферѣ котораго возились рабочіе съ топорами; работать конечно было неловко, вслѣдствіе чего слышалась иногда легкая перебранка между солдатами, вызывавшая строгое замѣчаніе офицеровъ, которое немедленно вновь возстановляло порядокъ. По временамъ тишина вдругъ нарушалась предательскимъ звономъ топора о вбиваемый гвоздь. звономъ такъ и рѣзавшимъ ухо своею ненормальностью въ подобныхъ обстоятельствахъ,—того и гляди выдастъ работу туркамъ.... Однако все обошлось благополучно, и къ разсвѣту батареи, замаскированныя наброcанными и воткнутыми въ свѣжія ихъ насыпи вѣтками, совершенно изготовились къ открытію огня, послѣ чего и мы прилегли, гдѣ попало. вздремнуть часъ-другой, такъ какъ всѣ сильно устали.

Утро 29-го августа застало уже насъ снова на ногахъ, среди послѣднихъ приготовленій къ открытію огня. Новая позиція осадныхъ орудій имѣла, сравнительно съ прежнею, многія за собой преимущества. но преимущества, впрочемъ, относительныя, такъ какъ настоящимъ образомъ и здѣсь она не удовлетворяла нормальнымъ условіямъ назначенія и дѣйствія осадной артиллеріи. Тѣмъ не менѣе если уже послѣдней пришлось подъ Плевной вообще играть роль себѣ не соотвѣтственную. или если уже пришлось вообще пользоваться участіемъ осадныхъ орудій въ обстрѣливаніи турецкихъ позицій, то на лѣвомъ флангѣ имъ оказывалось все-таки наиболѣе подобающее мѣсто. Отсюда, напр., ясно была видна вся южная часть Плевны, минареты которой, стройно выдѣлявшіеся изъ массы скученныхъ построекъ, представляли хорошую мишень для наводки, и хотя разстояніе было огромное—2500 саженъ, за то величина самой цѣли допускала вѣроятность въ нанесеніи существеннаго вреда непріятелю. Изъ турецкихъ укрѣпленій ближайшимъ къ намъ оказывался здѣсь редутъ № 1, до котораго отсюда было около 1000 саженъ: редутъ этотъ на Артиллерійской горѣ былъ извѣстенъ подъ названіемъ „редута съ деревомъ“, такъ какъ съ горы казалось, что послѣднее возвышалось на самомъ валу укрѣпленія; подобное обстоятельство даже удивляло насъ сначала, потому что обыкновенно такія ясныя цѣли стараются уничтожать, какъ облегчающія и способствующія правильной

наводкѣ непріятельскихъ орудій, но послѣ однако оказалось, что упомянутое дерево росло въ сущности гораздо далѣе,—между редутами № 1 и № 4, которые проектировались намъ на одной линіи и закрывали другъ друга. Привожу эти подробности для того, чтобы показать насколько дальность разстоянія можетъ имѣть вліяніе на правильность получаемыхъ глазомъ впечатлѣній и отзываться поэтому на наблюденіяхъ за результатами попаданія самыхъ снарядовъ.

Около двухъ верстъ лѣвѣе, т, е. на западъ, но значительно выдаваясь къ югу, находился другой редутъ—№ 10, ближайшій къ тученицкому оврагу, и лежавшій отъ насъ въ разстояніи около 1400 саженъ. Положеніе наше, (я разумѣю здѣсь свои осадныя орудія), относительно его было неудовлетворительно и въ томъ отношеніи, что по этому редуту могли дѣйствовать всего двѣ пушки, такъ какъ остальнымъ стрѣлять туда было невозможно по расположенію линіи огня батарей; между тѣмъ именно этотъ № 10 и былъ однимъ изъ штурмованныхъ 30-го августа, но такъ какъ предположенія объ атакѣ намъ извѣстны не были, то при разбивкѣ осадныхъ батарей съ 28-го на 29-е число, наше вниманіе и было обращено главнѣйшимъ образомъ на турецкія укрѣпленія, лежавшія непосредственно передъ нами и на которыя мы могли ожидать штурма по своимъ личнымъ предположеніямъ.

Наконецъ, въ пространствѣ между упомянутыми редутами, „съ деревомъ“ и № 10, виднѣлись турецкіе ложементы, тянувшіеся по склону возвышенности, занятой редутомъ № 1, и удалявшіеся отъ насъ по мѣрѣ своего уклоненія влѣво; среди ихъ мы отличали еще одну батарею, получившую отъ насъ названіе „дальней правой“.

Такимъ образомъ въ сущности и на этой позиціи ближайшая дистанція до непріятеля была въ 1000 саженъ, т. е. далеко переходила за maximum настоящаго выстрѣла 24-хъ фунт. пушки (700 с.), выстрѣла, при которомъ осадныя орудія, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, могли выполнять свое настоящее назначеніе—демонстрировать артиллерію непріятеля и систематически разрушать его земляныя закрытія, пользуясь силой разрывнаго дѣйствія своихъ снарядовъ, при всей точности стрѣльбы, допускаемой нормальною дистанціей. Поставленная обстоятельствами и условіями мѣстности въ положеніе ненормальное, осадная артиллерія наша и здѣсь не могла принести существенныхъ выгодъ, развѣ лишь въ моральномъ отношеніи. Дѣйствительно,—подбить съ подобныхъ дистанцій орудіе у непріятеля являлась дѣломъ случая, а становясь на эту почву, естественно является выводъ, что выгоднѣе-же дать мѣсто случаю, стрѣляя несравненно болѣе дешевыми снарядами полевой артиллеріи, нежели дорогими — осадной. 9-ти фунтовая граната, попавъ въ непріятельское орудіе, точно также приведетъ его въ негодность какъ и бомба 24-хъ фунтовая, перевѣсъ-же разрывнаго дѣйствія послѣдней па-

рализуется неизбѣжными, значительными варіаціями въ колебаніи правильности выстрѣловъ съ ненормальныхъ дистанцій. Въ силу всего этого въ нашемъ положеніи подъ Плевной и выходило, что значеніе осадныхъ орудій приравнивалось къ полевымъ, такъ какъ и задачи ихъ могли быть не болѣе какъ одинаковыми, имѣя общія цѣли и общую вѣроятность въ достиженіи возможныхъ результатовъ. О спеціальности стрѣльбы осадныхъ орудій не могло быть и рѣчи.

Все это вызывается теперь горечью воспоминанія, что въ минувшіе несчастные дни артиллерія наша осталась вообще на заднемъ планѣ, не получивъ возможности вполнѣ выполнить свое назначеніе и оправдать возлагавшіяся на нее надежды, хотя по общимъ отзывамъ она и сдѣлала все, что отъ нея зависѣло, что было возможно въ ея положеніи. Но сдѣлать все—долгъ, который выполнилъ каждый солдатъ всѣхъ родовъ войскъ, и подобное сознаніе тѣмъ не менѣе не въ состояніи изгладить тягости впечатлѣнія о такъ неудачно сложившихся обстоятельствахъ, воспрепятствовавшихъ намъ, артиллеристамъ, достичь болѣе осязательныхъ результатовъ, въ общемъ для всѣхъ дѣлѣ подъ этой злосчастной Плевной.

Какъ бы то не было, но 29-го числа мы уже открыли огонь съ нашей новой позиціи. Въ этотъ день канонада была особенно жаркая. Вся Артиллерійская гора, занятая батареями 16-й и 31-й бригадъ, курилась выстрѣлами; дымъ стилался надъ кустами, покрывавшими гору и среди которыхъ на гребнѣ возвышенности стояли скрытыя отъ непріятеля орудія. То же самое виднѣлось и правѣе насъ, на восточной части кольца батарей, окружавшихъ турецкую позицію. Масса снарядовъ ежеминутно бороздила воздухъ; ежеминутно раздавался свистъ и шипѣніе проносившихся гранатъ, трескъ разрыва ихъ на верху и на землѣ, такъ что по временамъ все передъ нами растилалось дымомъ, въ которомъ исчезали и турки съ ихъ укрѣпленіями. Главнѣйшей нашей цѣлью (т. е. двухъ осадныхъ батарей) былъ „редутъ съ деревомъ", естественно насъ болѣе интересовавшій во первыхъ какъ ближайшій, а во вторыхъ какъ дѣйствовавшій по нашимъ полевымъ батареямъ, стоявшимъ съ восточной стороны. На этомъ редутѣ впрочемъ былъ направленъ огонь и не однихъ осадныхъ орудій, сюда безпрестанно ложились снаряды то отъ насъ, то отъ полевыхъ батарей, но тѣмъ не менѣе редутъ держался и стрѣлялъ въ теченіи всего времени. Въ зрительную трубу можно было разсмотрѣть въ немъ не только пушки, стоявшія, какъ мнѣ казалось, впереди главнаго вала, какъ бы на прикрытомъ пути, но и турецкихъ артиллеристовъ съ ихъ красными фесками. Я долго слѣдилъ за ихъ дѣйствіями и видно было, что турки сознавали всю опасность своего положенія, такъ какъ принимали всѣ мѣры, чтобы укрыться отъ нашихъ снарядовъ; они показывались внаружу только на нѣсколько секундъ, для тороли-

ваго, отрывочнаго заряжанія своихъ орудій, въ остальное же время у послѣднихъ не было ни души. Наступитъ на нѣсколько мгновеній тишина и вотъ около турецкой пушки появляется откуда-то снизу голова въ фескѣ, торопливо осматривается кругомъ и если не видно нигдѣ дыма свѣжаго выстрѣла, т. е. вообще не угрожаетъ близкая опасность, то немедленно показываются еще нѣсколько фигуръ и начинаютъ торопливо банить и заряжать орудія... Но вотъ взвился сейчасъ-же гдѣ нибудь клубъ дыма или обрисовалось на воздухѣ бѣлое облачко отъ разрыва картечной гранаты, и въ редутѣ моментально все исчезло, не видать ни одного живаго существа... Опасное мгновеніе миновало, турки снова выскакиваютъ и продолжаютъ прерванное заряженіе, дѣлаютъ торопливо выстрѣлъ и снова скрываются... Такимъ образомъ, въ безпрерывномъ прятаньи и выскакиваніи, турецкіе артиллеристы проводили все утро, и если ихъ тактика не обнаруживала высокаго самоотверженія, за то она оказывалась весьма практичною, такъ какъ въ сущности редутъ все время отгрызался отъ гораздо сильнѣйшаго противника, не прекращая огня, не смотря на всѣ наши старанія. Снаряды наши бороздили насыпи редута, держа безъ сомнѣнія спрятанный гарнизонъ его въ страхѣ и тревогѣ, но и только; болѣе же существенныхъ результатовъ замѣтно не было.

Не безъинтереснымъ должно показаться и то обстоятельство, что по осаднымъ на Артилллерійской горѣ орудіямъ, турки съ своей стороны не сдѣлали ни одного выстрѣла. Огонь ихъ главнѣйшимъ образомъ былъ направленъ на восточную часть нашихъ позицій и лѣвѣе насъ по направленію на Радишево, хотя и трудно понять, какую цѣль они преслѣдовали въ послѣднемъ случаѣ. Турецкія гранаты здѣсь систематически били въ пустое, ничѣмъ не занятое пространство гребня Артиллерійской горы; пространство это представляло поляну, граничившую съ кустами, въ которыхъ стояли наши батареи, а лѣвѣе ея пролегала дорога изъ Радишева въ Плевну, шедшая черезъ высоту, занятую турецкимъ редутомъ № 10. Все утро 29-го числа непріятельскіе снаряды бороздили эту поляну; едва замолкалъ вой пронесшихся осколковъ одной гранаты, сейчасъ же падала другая и концертъ возобновлялся. Быть можетъ турки подозрѣвали за горой сосредоточіе нашихъ войскъ, почему и били въ этомъ направленіи, но во всякомъ случаѣ выстрѣлы ихъ пропадали даромъ, не достигая своей цѣли. За горою у Радишева дѣйствительно стояла бригада 31-й дивизіи, но она была расположена ближе къ намъ по сю сторону деревни, такъ что направленіе турецкихъ выстрѣловъ проходило лѣвѣе.

Около полудня насъ посѣтилъ начальникъ артиллеріи арміи князь Масальскій, не любившій вообще прятаться во время огня и не разъ подвергавшійся опасности лично. По его приказанію, часть нашихъ вы-

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№

стрѣловъ была обращена на самый городъ Плевну, причемъ орудіямъ пришлось давать огромные углы возвышенія, устанавливая прицѣлъ болѣе чѣмъ на 200 линій, такъ что стрѣльба переходила уже почти въ навѣсную. Наши жиденькія платформы и прочность лафетовъ подвергались серьознымъ испытаніямъ, но пока все шло благополучно и огонь цѣлый день шелъ безостановочно, несмотря на сильное утомленіе людей, которымъ въ послѣдніе два дня выпала на долю масса физическаго труда, какъ при перемѣщеніи и вооруженіи батарей на новой позиціи, такъ и при безпрерывной работѣ съ тяжелыми орудіями, еще болѣе утомительной послѣ безсонной предшествовавшей ночи. Къ вечеру похлебали холодныхъ щей,—кухни были далеко, въ Сгалевицѣ, верстъ за десять и доставка варки оттуда на валахъ не могла поспѣвать своевременно; что-же касается до насъ, офицеровъ, т. е. меня, Иванова и Лезедова (командовавшихъ осадными батареями), то благодаря любезности полковника Конаржевскаго, командира стоявшаго около насъ пензенскаго полка, мы сравнительно роскошно утолили свой голодъ присланнымъ горячимъ обѣдомъ.

Къ содѣйствію того-же Пензенскаго полка, какъ ближайшей пѣхотной части, приходилось намъ обращаться за помощью и въ разныхъ случаяхъ, требовавшихъ участія крупной физической силы, напр. при подъемѣ опрокинувшихся орудій и т. под., и всегда встрѣчали полнѣйщую готовность помочь въ нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, безъ малѣйшаго возраженія.

Вечеръ 29-го числа накрылъ насъ тучами и туманомъ, скрывшимъ всѣ ближайшія окрестности. Стрѣльба давно уже прекратилась и только очередныя орудія поддерживали рѣдкій огонь, по замѣткамъ сдѣланнымъ засвѣтло на платформахъ, такъ разглядѣть что нибудь впереди передъ батареями, не было ни малѣйшей возможности. Наступила сырая, дождливая ночь, прохватывавшая насъ насквозь своею холодною, мозглою сыростью, въ которой дрогли лежавшіе на землѣ солдатики. Внизу подъ горою было еще хуже, еще мокрѣе,—пѣхотнымъ цѣпямъ, прикрывавшимъ насъ съ фронта, приходилось тамъ находиться въ теченіи всей длинной ночи точно въ какой то ваннѣ. Незавидна была наша собственная обстановка, но перспектива долгой ненастной ночи на аванпостахъ была еще хуже, и мы съ участіемъ провожали глазами ряды пѣхотинцевъ, тянувшіеся въ послѣдніе сумерки черезъ батареи и исчезавшіе впереди насъ въ мокромъ кустарникѣ, гдѣ они располагались на ночь, для охраненія насъ отъ нечаяннаго нападенія.

Въ темнотѣ, несмотря на сознаніе, что окруженъ своими, все таки казалось, что находишься гдѣ-то въ одиночествѣ, казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ что нибудь нежданное, непредвидѣнное, и какъ бы въ подтвержденіе вдругъ гдѣ-то по близости впереди дѣйствительно

что-то начинало твориться,—блеснетъ неясно огонекъ ружейнаго выстрѣла и вслѣдъ затѣмъ рядъ огненныхъ точекъ пробѣжитъ, изгибаясь прихотливою лентою, по длинному пространству охватываемому аванпостною цѣпью; рядъ другихъ огоньковъ засверкаетъ съ противуположной стороны и опять все погрузится въ прежнюю темноту. Во мракѣ разстоянія скрадываются, такъ что ружейные выстрѣлы эти казались точно въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ батареи; въ сущности-же они были далеко и вызывались напряженнымъ вниманіемъ часовыхъ, силившихся проникнуть взорами въ темноту, которая рисовала имъ вслѣдствіе этого разные неопредѣленные образы, а въ такой обстановкѣ стоитъ выстрѣлить одному и сейчасъ-же огонь пробѣжитъ по всей цѣпи. Выстрѣламъ нашихъ орудій ночью, особенно осадныхъ, пѣхота въ цѣпи очень симпатизировала, такъ какъ они нарушали тягостное однообразіе ночной службы пѣхотинцевъ, освѣжая ихъ бодрость и вниманіе и напоминая съ ними что за ними стоятъ свои, раздѣляющіе труды боевой ихъ жизни. Сверкнетъ сзади огромный снопъ пламени, грянетъ выстрѣлъ и снарядъ туда несется надъ гологами караульныхъ частей; солдатики встрепенутся, оживятся и слѣдятъ гдѣ разорветъ бобму. Все таки хоть какіе нибудь перерывы ночнаго стоянія въ темнотѣ. Пѣхотные офицеры просили даже насъ стрѣлять по возможности чаще, въ виду именно оживленія людей на аванпостахъ, какъ обстоятельства не разъ замѣченнаго ими и по ихъ мнѣнію очень полезнаго для поддержки вниманія въ цѣпи. По возможности мы и старались исполнить ихъ желаніе.

Такъ провели мы всю ночь, лежа и дрогнувъ на размокшей землѣ и вскакивая при каждыхъ ружейныхъ выстрѣлахъ, раздававшихся впереди. Изрѣдка очередное изъ заранѣе наведенныхъ орудій, извергало изъ себя въ тылу огромный огненный клубъ, ослѣплявшій зрѣніе и на мгновеніе багровымъ свѣтомъ освѣщавшій застилавшую все кругомъ влажную, сѣроватую мглу; тысячи искръ на мгновеніе разсыпались у гула орудія, падали внизъ и затѣмъ все опять погружалось въ мракъ, среди котораго мы, лежа на жидкой намокшей травѣ, кутались въ свой скудный имѣвшійся съ собою гардеробъ.

Въ эту-же ночь производилось еще новое перемѣщеніе одной изъ осадныхъ батарей; четыре 24-хъ фунт. пушки, изъ числа стоявшихъ на Великокняжеской горѣ, были переведены еще лѣвѣе насъ, на возвышенность лежавшую нѣсколько юго-западнѣе Радишева и получившую названіе горы Императорской. Командовать этой новой батарей былъ назначенъ Ивановъ; а вмѣсто послѣдняго ко мнѣ на позицію прибылъ подпоручикъ Калашниковъ. Съ вечера-же 29-го числа мы получили и общія распоряженія относительно слѣдующаго дня, распоряженія, касавшіяся впрочемъ только общаго хода стрѣльбы, именно, чтобы съ разсвѣтомъ начать усиленную канонаду и вести ее до 9 часовъ, затѣмъ

*

перерывъ до 11-ти и новая канонада съ 11-ти до 1 часа пополудни; отъ 1 часа до $2^1/_2$ опять перерывъ и въ $2^1/_2$ усиленный огонь до начала штурма; во время послѣдняго стрѣлять до послѣдней возможности какъ по укрѣпленіямъ турокъ, такъ и по могущимъ быть замѣченными передвиженіямъ турецкихъ резервовъ. Цѣль упомянутыхъ перерывовъ заключалась повидимому въ намѣреніи замаскировать время действительнаго начала штурма.

Наступилъ несчастный день 30-го Августа. Отвратительная погода, съ мелкимъ безпрерывно морозившимъ дождемъ и туманомъ, затягивала всѣ окрестности угрюмымъ сѣрымъ покровомъ, сообщавшимъ всему кругомъ тяжелый сумрачный колоритъ; такъ и вспоминалось гадкое октябрское ненастье Петербурга, въ самое дурное его время. На небѣ висѣли свинцовыя, гнетущія душу тучи; по землѣ стлался туманъ, съ которымъ смѣшивался неразгоняемый движеніемъ воздуха дымъ орудійныхъ выстрѣловъ; на батареяхъ не было сухаго мѣста, все намокло, липкая почва развороченнаго грунта приставала къ сапогамъ цѣлыми пластами, пронизывающая насквозь сырость пропитывала всю одежду... Артиллерійская стрѣльба, поставленная подъ Плевной и безъ того вообще въ крайне неблагопріятныя условія, подпадала при подобной обстановкѣ еще подъ болѣе невыгодныя обстоятельства, когда даже самыя цѣли едва можно было различать среди окутавшаго все кругомъ ненастья. Прислуга осадныхъ орудій сильно устала, работавшая усиленно съ самаго разсвѣта; намокшія платформы не задерживали на мѣстѣ тяжелыхъ откатныхъ клиньевъ, которые скользили по мокрымъ доскамъ и отъѣзжали назадъ вмѣстѣ съ лафетными колесами, при выстрѣлѣ; не помогала и подсыпка земли подъ клинья, для увеличенія тренія. Иногда одинъ клинъ скользилъ назадъ, а другой оставался на мѣстѣ, что было еще хуже, такъ какъ орудіе легко могло опрокинуться, а поднять пушку, вѣсящую около 200 пудовъ съ лафетомъ, дѣло не легкое. Первый случай въ этомъ родѣ дѣйствительно и произошелъ утромъ,—24-хъ фунт. орудіе, соскочивъ съ одного клина, очутилось на землѣ вверхъ колесами, такъ что пришлось идти за помощью въ Пензенскій полкъ, отъ котораго и явилось немедленно цѣлая рота пособить нашей бѣдѣ.

Къ полудню погода сдѣлалась еще хуже, съ востока началъ надвигаться такой туманъ, въ сравненіи съ которымъ прежній былъ ничто. Съ горы намъ видно было, какъ справа ползла стѣной какая-то клочковатая масса, поглощавшая все собою: постепенно въ ней исчезало совершенно и наконецъ она навалилась вполнѣ на позицію. Подобнаго тумана я никогда не видывалъ, — точно студенистая масса покрыла всю землю и задернула все сѣрой непроницаемой завѣсой. Мы очутились въ какомъ то облакѣ, въ которомъ смутно обрисовывались лишь силуеты ближайшихъ орудій, далѣе-же ничего не было видно, такъ что

возобновленную въ 11-ть часовъ канонаду пришлось вести точно ночью, по мѣшкамъ на платформахъ. Ко всему этому надъ позиціей еще тяжело висѣли облака пороховаго дыма, такъ какъ въ воздухѣ было совершенно тихо.

До 3-хъ часовъ, т. е. до начала штурма, было еще далеко, и мы поддерживали въ себѣ надежду, что быть можетъ атмосфера хоть нѣсколько прояснится и дастъ намъ возможность слѣдить за движеніями войскъ и вообще принять болѣе активное участіе въ предстоящемъ бою. Тогда намъ еще казалось, что штурмъ произойдетъ предъ нашими глазами во очію, и не предполагали, что стоя въ центрѣ позиціи въ такую рѣшительную минуту, не будемъ ни видѣть, ни знать ничего, что кругомъ насъ дѣлается. Послѣдстія показали однако, что мы очень ошибались и еслибы не случай, приведшій меня лично ближе къ самому мѣсту дѣйствія, то проишествія 30-го августа не запечатлѣлись бы въ душѣ какими либо новыми, лично испытанными ощущеніями, и день прошелъ бы также, какъ прошли и всѣ предъидущіе.

И такъ, всѣ мы съ понятнымъ волненіемъ ожидали предстоящихъ черезъ нѣсколько часовъ событій, долженствовавшихъ начаться одновременно и, какъ послѣ оказалось,—въ трехъ различныхъ пунктахъ, но обстоятельства разстроили предполагавшуюся одновременность атаки и уже въ 11 часовъ, гдѣ-то лѣвѣе насъ за туманомъ, покатилась сильная ружейная перестрѣлка, продолжавшаяся часа два. Что именно произошло и почему такъ рано, мы тогда конечно и не знали, но теперь обнаружилось, что слышанный огонь былъ началомъ атаки Скобелева на турецкіе редуты, бывшіе гораздо лѣвѣе насъ за Тученицкимъ оврагомъ, атаки, начавшейся четырьмя часами ранѣе назначеннаго срока, но вызванной къ тому невольнымъ ходомъ обстоятельствъ.

Наконецъ наступила минута, опредѣленная для начала общаго штурма. Въ три часа, лѣвѣе насъ, поднялся непрерывный гулъ выстрѣловъ,—громъ пушечной стрѣльбы сливался съ перекатами ружейнаго огня въ одну общую трескотню, изъ которой мы ничего не могли понять, кромѣ того, что гдѣ-то недалеко отъ насъ начался ожесточенный бой. Видѣть мы ничего не могли также,—шелъ дождь и попрежнему висѣлъ туманъ, хотя нѣсколько и ослабѣвшій. Правѣе насъ откуда-то издали также доносился громъ выстрѣловъ, впереди же все было по-старому, такъ что намъ оставалось только продолжать свою утреннюю стрѣльбу по лежавшимъ впереди редутамъ.

Прислуга, наэлектризованная сознаніемъ всей важности происходившаго, работала безъ устали, огонь шелъ самый частый. Въ это время отъ намокшихъ платформъ у насъ опять опрокинулось орудіе и опять пришлось звать на помощь пензенцовъ, чтобы поднять его. Такъ прошло часа два, туманъ нѣсколько разошелся, но тѣмъ не менѣе мы остава-

лись въ полной неизвѣстности, что кругомъ насъ творится и только могли прислушиваться то къ усиливавшемуся, то къ ослабѣвавшему гулу ружейнаго огня. Желая положить конецъ томительной неизвѣстности и разузнать положеніе дѣлъ на случай необходимыхъ распоряженій, я рѣшился съѣздить верхомъ на новую батарею Иванова, гдѣ разсчитывалъ встрѣтиться съ начальствомъ, но, не зная хорошенько дороги, заѣхалъ совсѣмъ не туда, а въ окрестности турецкаго редута № 10, на который вели штурмъ войска 4-го корпуса.

Миновавъ батареи 31-й и 16-й бригады, стоявшія лѣвѣе насъ, и поднявшись на крайнюю возвышенность Артиллерійской горы, занятую также нашими орудіями, передъ моими глазами открылся турецкій редутъ, желтѣвшійся на вершинѣ отлогаго холма, въ разстояніи съ небольшимъ около версты. О редутъ этотъ только-что разбился Воронежскій полкъ, при попыткѣ новаго безуспѣшнаго приступа, счетомъ, кажется, уже третьяго, такъ что вся покатость передъ укрѣпленіемъ была усѣяна тѣлами нашихъ раненыхъ и убитыхъ солдатъ. Весь скатъ возвышенности, на которой я остановился, былъ покрытъ солдатами Воронежскаго полка, бредшими назадъ въ разсыпную, возвращаясь съ отбитаго приступа. Невесело было смотрѣть на эту кучу людей, представлявшихъ въ эту минуту толпу, разбитую на единицы, лишенную всякой внутренней связи, толпу деморализованную, машинально направлявшуюся къ назначенному мѣсту сбора,—гдѣ-то за ближайшими батареями. Многіе шли видимо вполнѣ растерянные, направляясь прямо на свои же стрѣлявшія орудія, такъ что даже закрывали послѣднія и препятствовали огню. Никакіе крики съ батареи, чтобы приняли въ сторону, не вразумляли растерявшихся людей; наконецъ одинъ изъ батарейныхъ командировъ и я верхами бросились отгонять ихъ прочь отъ фронта орудій... Какъ теперь помню разстроенное лицо одного молодаго солдатика, который видимо брелъ совершенно безсознательно и свернулъ въ сторону отъ пушекъ только тогда, когда я его почти толкнулъ лошадью; въ эту минуту подъ нами какъ разъ пронеслась одна изъ турецкихъ гранатъ,—мой солдатикъ пригнулся и быстро зашагалъ прочь.

Надобно было вернуться назадъ, чтобы выѣхать на Радишево. Спустившись съ возвышенія, я выбрался на дорогу, шедшую изъ Плевны мимо того же упомянутаго редута, и попалъ на рядъ потрясающихъ сценъ. Дорога была усѣяна ранеными, которыхъ несли и вели на перевязочный пунктъ. Сердце мое сжалось отъ болѣзненныхъ стоновъ этихъ несчастныхъ, оглашавшихъ воздухъ... Первый разъ еще пришлось увидѣть столько крови, столько увѣчья, и Боже,—съ какими ранами эти несчастливцы находили еще силъ двигаться, опираясь на товарищей... Вотъ, напримѣръ, идутъ двое, здоровый поддерживаетъ раненаго, у котораго ступня ноги почти оторвана и болтается какъ на веревочкѣ, на

обрывкѣ кожи, при каждомъ движеніи; онъ одной рукой опирается на свое ружье, другою—на товарища и такимъ образомъ какъ на костыляхъ передвигается на одной ногѣ; что долженъ бѣдняга испытывать при этомъ!... Вотъ ведутъ другаго, онъ весь въ крови; дикій взглядъ и какое-то мычаніе, вырывающееся изъ груди, свидѣтельствуютъ о его страданіяхъ,—у него раздроблена пулей нижняя челюсть и ранена шея. Пронесли на носилкахъ раненаго молоденькаго юнкера,—блѣдное лицо его, съ потухшимъ взглядомъ, казалось какъ бы застывшимъ; онъ взглянулъ на меня, но видно было, что въ его взорѣ мысль не участвовала... Два солдата пронесли что-то человѣкообразное, лежавшее комомъ въ полотнищѣ отъ палатки. Вотъ еще ведутъ несчастнаго, голова котораго облита кровью,—ему пуля пробила на вылетъ глазъ, сорвавъ еще половину уха, и съ этой ужасной раной онъ могъ еще передвигать ногами. Я остановилъ его, чтобы перевязать платкомъ рану, изъ которой бѣжала кровь, и старался поддержать бодрость въ бѣднягѣ, напомнивъ, что Кутузовъ также былъ раненъ въ глазъ и все-таки выздоровѣлъ. Не понимаю, какъ можно съ такими ранами еще помнить себя... Желая, что нибудь сдѣлать пріятное страдальцу, я вынулъ золотой и положилъ ему въ руку, пожелавъ скорѣйшаго выздоровленія; тогда несчастный началъ еще искать у себя что-то и вытащилъ наконецъ какую-то жестянку, въ которую и спряталъ мой подарокъ... Это съ пробитымъ на вылетъ глазомъ!... Другаго солдата несли двое, посадивъ на ружье; разстегнутый на распашку мундиръ открывалъ залитую кровью, отъ раны въ грудь, рубаху, нога была также въ крови, но, несмотря на все это, онъ оставался въ полной памяти, сохраняя силу держаться за товарищей и только громко стоналъ, жалуясь на боль отъ движеній и безпрестанно прося остановиться. Мнѣ пришло въ голову довезти его верхомъ, почему и предложилъ раненому сѣсть на мою лошадь, если онъ надѣется на ней удержаться. Бѣднякъ съ благодарностью принялъ мое предложеніе и мы, втроемъ подсадивъ его на сѣдло, повели тихонько къ перевязочному пункту. Я ужасно боялся, чтобы моя нѣсколько пугливая лошадь не сдѣлала вдругъ скачка въ сторону, но умное животное какъ будто понимало свою роль и ни разу даже не прибавило шагу. Раненый солдатъ, уцѣпившись судорожно за гриву лошади, проѣхалъ такимъ образомъ съ версту, пока наконецъ не попались санитары съ носилками, которымъ мы и сдали его.

Искалеченные солдаты продолжали тянуться по дорогѣ, на которую я снова вернулся, а между тѣмъ это была только часть, такъ какъ главная масса ихъ осталась у подножія турецкаго редута. Нѣкоторые изъ легко раненыхъ шли, оживленно разговаривая про свою неудачную атаку, и большая часть изъ нихъ была видимо въ сильномъ нервномъ возбужденіи, неуспокоившись еще послѣ испытанныхъ потрясеній. Мнѣ живо

представляется до сихъ поръ выразительная физіономія молодаго солдата, по временамъ охавшаго отъ боли, но тѣмъ не менѣе бодро шагавшаго подъ руку съ товарищемъ и оживленно жестикулировавшаго. Увидѣвъ меня, онъ громко, но почти плачущимъ голосомъ, заговорилъ обращаясь ко мнѣ, какъ-бы въ защиту своего полка: „Ваше выс—діе, дошли, ей Богу дошли, до самаго валу добѣжали, да вдругъ кричатъ сзади—назадъ, назадъ, такъ и пропало!“... Шедшій съ нимъ другой солдатикъ, жидокъ, подтвердилъ тоже самое и прибавилъ, что видѣлъ какъ на брустверѣ редута кто-то, совсѣмъ не похожій по „одеждѣ“ на турка, махалъ руками своимъ, направляя огонь турокъ ниже, чтобы сдѣлать его болѣе дѣйствительнымъ. „Кабы еще минуту дружнѣе подхватили наши“, добавилъ разсказчикъ, „редутъ бы былъ нашъ, вѣдь на валу почитай были“!...

У меня не нашлось слова въ упрекъ Воронежцамъ, хотя сначала кипѣла горечь въ душѣ, при первой встрѣчѣ съ отступавшими. Полкъ видимо дошелъ до редута, по тѣламъ своихъ павшихъ товарищей, но въ послѣдній моментъ какое-то роковое замѣшательство погубило все. Да и какъ рѣшиться на упрекъ, будучи лицемъ совершенно постороннимъ, не раздѣлявшимъ всѣхъ тѣхъ опасностей, которымъ подверглись эти люди, не смотрѣлъ вмѣстѣ съ ними тысячу разъ въ глаза смерти, не рвавшись съ ними сквозь этотъ адскій огненый потокъ, широкой струей бившій съ редута во время приближенія къ послѣднему и притомъ приближенія по открытой мѣстности, по размокшей землѣ, по грязи липшей къ ногамъ и затруднявшей даже простыя движенія. Надобно видѣть эту адскую машину, извергающую дождь свинца при помощи новѣйшаго скорострѣльнаго оружія и неистощимаго количества патроновъ, надо слышать это несмолкаемое ни на секунду щелканіе ружей, въ которомъ уже единичные выстрѣлы ухомъ не различаются,—тогда только можно оцѣнить все мужество и энергію, потребныя для того, чтобы пройти этотъ адскій путь и достичь цѣли—ворваться въ укрѣпленіе! Но тѣмъ прискорбнѣе потратить атакующему всѣ свои усилія и высокія качества даромъ, будучи уже у цѣли своихъ стремленій, потерявъ даромъ массу храбрыхъ и еще болѣе при отступленіи назадъ; прискорбнѣе уже потому, что послѣдняя борьба на валахъ редута стоила-бы несравненно меньшаго числа жертвъ, чѣмъ обратное отступленіе по той же дорогѣ смерти!.

Но все это къ несчастію не соображается въ роковыя минуты замѣшательства, случайно быть можетъ вызваннаго какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствомъ, слабостью двухъ-трехъ человѣкъ, пагубно отозвавшимися на конечномъ результатѣ, и вотъ на обратномъ пути ложатся безъ пользы для дѣла столько-же храбрыхъ людей, сколько пало ихъ при первомъ стремленіи впередъ, когда ихъ одушевляли долгъ и заповѣданная отцами преданность родинѣ.

И многое передумалось и перечувствовалось въ эти тяжелыя минуты, когда на каждомъ шагу попадались стонавшія, окровавленныя существа, вырвавшіяся изъ когтей смерти въ настоящую минуту, но быть можетъ только для того, чтобы проволочить еще лишь нѣсколько мучительныхъ дней въ госпиталѣ. Не всѣ изъ нихъ добрались даже и до перевязочнаго пункта, такъ какъ турецкіе снаряды изрѣдка посѣщали и дорогу, по которой тянулись несчастливцы. Я помню напр., какъ на моихъ глазахъ граната добила одного изъ этихъ бѣдняковъ, тащившагося на перевязочный пунктъ: по краю дороги брелъ солдатикъ съ ружьемъ, вѣроятно изъ легко раненыхъ, какъ вдругъ шальной турецкій снарядъ ударилъ около него и несчастный повалился, чтобы никогда не вставать болѣе... Подъѣзжаю къ нему—лежитъ съ раздробленною головой, осколокъ угодилъ прямо въ черепъ, оставивъ страшное сіяющее отверстіе; въ судорожно стиснутыхъ рукахъ трупъ продолжалъ держать свое ружье, или вѣрнѣе сказать обломокъ послѣдняго, такъ какъ по капризной случайности осколкомъ той-же гранаты оторвало еще половину ствола съ штыкомъ, которая и валялась тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ на дорогѣ... Я отворотился и поѣхалъ впередъ, что бы еще приблизиться къ редуту. Вотъ еще участникъ недавняго приступа, попадается офицеръ, запыхавшійся, взволнованный, видимо подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ страшныхъ минутъ; у колѣнъ болтается на шнурѣ неподобранный револьверъ. На мой вопросъ о штурмѣ онъ передалъ тоже, что и солдаты, т. е. что полкъ былъ у самаго укрѣпленія, но въ послѣднюю минуту не выдержалъ...

Пока мы обмѣнивались вопросами, наше вниманіе было привлечено вдругъ массой людей, появившихся въ окрестностяхъ редута и направлявшихся на послѣдній. Новая атака,—мелькнуло въ головѣ, и нервы замерли въ трепетномъ ожиданіи... Темныя массы приближаются къ холму, увѣнчанному желтой насыпью, но до редута еще далеко. Постепенно, но томительно медленно, какъ кажется издали, уменьшается разстояніе до проклятой насыпи; сердце бьется неровно въ страшномъ ожиданіи, въ душѣ мелькаютъ порывы броситься туда же, но все кончится ранѣе чѣмъ успѣешь доѣхать, да и къ чему, шепчетъ холодный разсудокъ, всякому свое, въ чужое не суйся, если не посылаютъ... Вотъ темная масса теряетъ свою компактность, передняя часть ея разбивается на мелкія группы, впереди ихъ движутся отдѣльныя фигуры, какъ бы высыпавшія на окраину, разстояніе все сокращается. Множество отдѣльныхъ точекъ выдѣляется еще и устремляются впередъ... Вдругъ полоса бѣлаго дыма очертила насыпь на холмѣ и изъ редута покатилась непрерывная, неумолкаемая дробь выстрѣловъ. Черезъ минуту редутъ представлялъ огромное курево, надъ которымъ стояло сплошное облако дыма, курево, извергавшее ливень свинца на приближающихся... Страшныя минуты, я замеръ въ ожида-

ніи и грѣшныя уста шептали полузабытую молитву за тѣхъ, кто въ это время каждую секунду готовъ былъ предстать на судъ Всевышняго.

Но вотъ забѣлѣлись дымки выстрѣловъ и со стороны атакующаго,— предвѣстіе недоброе, до редута пространство еще порядочное, ясно видимое издали и безполезная стрѣльба не поможетъ. Еще нѣсколько мгновеній и все двигавшееся до сихъ поръ впередъ — остановилось. Такая-же бѣлая полоса дыма опоясала покатость къ редуту, какъ и та, которая окутывала послѣдній, — съ обѣихъ сторонъ льется неумолкаемый ружейный огонь... Наши, очевидно, не подаются болѣе впередъ, опять неудача, опять отбитый приступъ, со всѣми его страшными послѣдствіями!...

То была послѣдняя въ этотъ злосчастный день атака редута № 10, атака Галицкаго полка. Послѣ передавали, однако, что полкъ вполнѣ исполнилъ возложенную на него задачу, такъ какъ ему было предписано подойти къ редуту не съ цѣлью штурма, а чтобы дать возможность найти спасеніе нашимъ раненымъ, оставшимся на мѣстѣ послѣ предшествовавшихъ приступовъ,—раненымъ, которымъ отъ турокъ не ожидали пощады *).

Съ камнемъ на душѣ вернулся я на свои батареи, было уже почти темно. Черезъ нѣсколько времени мы узнали, что на правомъ флангѣ наши успѣли овладѣть Гривицкимъ редутомъ, взятымъ Архангелогородскимъ и Вологодскимъ полками вмѣстѣ съ горстью румынъ, которыхъ, говорятъ, участвовало въ штурмѣ всего около 200 человѣкъ, хотя назначено было 14 батальоновъ! Такимъ образомъ вся тяжесть приступа легла и здѣсь на нашихъ, хотя какъ слышно — овладѣніе Гривицкимъ редутомъ должно было составить спеціальную задачу нашихъ союзни-

---

*) Мнѣ довелось слышать и отъ офицеровъ Галицкаго полка, что цѣль ихъ атаки была дѣйствительно таковою, какъ упомянуто выше; но, въ свою очередь, не совсѣмъ понятно, какимъ-же образомъ остались подъ редутомъ раненые того-же самаго Галицкаго полка? Нѣкоторые изъ нихъ выползали къ нашимъ аванпостамъ въ теченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ ночей; одинъ изъ нихъ передавалъ напр. слѣдующее, — что въ то время какъ онъ, будучи раненъ, лежалъ среди труповъ, ожидая ночи, къ нему въ темнотѣ подошли двое турокъ изъ числа прочихъ, вышедшихъ изъ редута для грабежа. Къ удивленію своему, онъ услышалъ, что эти двое разговаривали между собой по русски! Когда они остановились около него, несчастный взмолился о пощадѣ, говоря, что у него дома отецъ и семья. Тѣ, посовѣтовавшись между собою, сняли съ него сапоги и кое-что изъ одежды, а затѣмъ объявили, чтобы онъ убирался къ своимъ. Солдатикъ, видя что надъ нимъ сжалились, сталъ просить указать ему дорогу, такъ какъ иначе его все равно добьютъ турецкіе часовые, и тогда его неожиданные избавители указали, ему какъ безопаснѣе пробраться къ нашей цѣпи.

Вообще при близкихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ, нашимъ солдатамъ не разъ доводилось слышать русскія фразы, посылавшіяся имъ изъ турецкихъ рядовъ. Такъ, напр., разсказывали они, что во время приступа имъ кричали изъ-за укрѣпленій: „Давай, давай сюда, кто изъ васъ похрабрѣе, всѣхъ уложимъ“!...

ковъ, а упомянутые русскіе полки приданы были къ нимъ лишь для поддержки, вѣроятно, въ виду неопытности юной арміи князя Карла. На дѣлѣ вышло однако, что подъ редутомъ очутились только Архангелогородцы и Вологодцы, а 14 батальоновъ румынъ остались невѣдомо гдѣ! При штурмѣ былъ смертельно раненъ полковникъ Шлиттеръ, командиръ Архангелогородскаго полка, еще наканунѣ приходившій къ намъ на батарею *). Редутъ былъ взятъ уже около 8-ми часовъ, когда наступила темнота, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ раньше попытокъ; въ немъ захватили пять пушекъ.

Вотъ все, что удалось видѣть въ этотъ роковой день лично. Опять наступила мрачная, дождливая ночь, насѣлъ туманъ и все кругомъ стихло. Стрѣльбы нигдѣ не слыхать, лишь изрѣдка гдѣ-то въ темнотѣ вспыхнетъ лента ружейныхъ выстрѣловъ, да гдѣ-то вдали отзовется на нихъ лай собакъ и затѣмъ на долго все снова погрузится въ прежнее спокойствіе. Было холодно, мокро, на душѣ тяжело; такія ночи не отдыхъ.

Сегодня на нашихъ позиціяхъ уже тишина, смѣнившая жаркую канонаду послѣднихъ дней; огня мы не открывали. Только на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, за Тученицкимъ оврагомъ, слышатся пушечные выстрѣлы, начавшіеся еще съ 6 часовъ утра; тамъ что-то происходитъ въ отрядѣ Скобелева, успѣвшаго вчера овладѣть двумя турецкими редутами. Мы не придавали особаго значенія этимъ выстрѣламъ, а между тѣмъ оказалось позже, что въ сегодняшнее утро за Тученицкимъ оврагомъ разыгрывался эпилогъ вчерашней драмы;—горсть храбрецовъ Скобелева дѣлала послѣднія, отчаянныя усилія, отбиваясь въ занятыхъ редутахъ отъ массъ насѣдавшаго непріятеля, и — что всего грустнѣе—отбивалась на глазахъ всей нашей арміи, отъ которой вмѣстѣ съ тѣмъ не могла получить никакой помощи.

Геройскую защиту эту раздѣляли двѣ полубатареи полевой артиллеріи, одна—2-й батареи 2-й бригады, подъ командой раненаго уже капитана Васильева, другая—5-й батареи 3-й бригады, подъ начальствомъ самого командира батареи подполковника Рушковскаго. Обѣ полубатареи, или вѣрнѣе семь орудій, такъ какъ вторая была въ составѣ трехъ пушекъ, находились вмѣстѣ въ одномъ редутѣ и понесли огромныя потери: первая къ полудню лишилась половины орудій, подбитыхъ непріятелемъ, большей части прислуги и лошадей, павшихъ отъ турецкихъ выстрѣловъ съ фронта и тыла, и своего командира Васильева, тяжело опять раненаго въ это время; оставшіяся два орудія продержа-

*) Онъ былъ раненъ въ лобъ и, какъ говорили,—на вылетъ, но тѣмъ не менѣе былъ живъ еще цѣлыя сутки, хотя всего только одинъ разъ пришелъ въ память, причемъ попросилъ даже себѣ бульона и шампанскаго.

лись еще нѣсколько, но лишившись всей своей прислуги были, по распоряженію Скобелева, вывезены изъ редута. Въ другой полубатареѣ, Рушковскаго, прибывшей въ укрѣпленіе позже, около полудня, цѣлая треть людей скоро выбыла изъ строя, и въ довершеніе взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ, отчего также произошло не мало бѣдъ и потерь. Всѣ три орудія Рушковскаго къ 4-мъ часамъ остались безъ прислуги и лошадей и были повреждены непріятельскими выстрѣлами.

Подобныя потери въ артиллеріи даютъ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находились занятые Скобелевымъ редуты, относительно направленнаго въ нихъ непріятелемъ огня, и что должны были вынести геройскіе ихъ защитники. Въ одномъ изъ редутовъ напр., часть бруствера, по словамъ очевидцевъ, была устроена изъ наваленной груды труповъ!... Тѣмъ не менѣе четыре ожесточенныхъ атаки турокъ были отбиты, но около 5 часовъ пополудни не оказалось уже возможности отразить еще одну, въ которую бросились новыя, еще болѣе значительныя, подавлявшія своимъ численнымъ превосходствомъ, массы турокъ;— редуты очутились снова въ рукахъ торжествующаго непріятеля.

Такимъ образомъ сегодня подвелись итоги вчерашняго штурма—въ нашихъ рукахъ остался одинъ Гривицкій редутъ, но всего въ 200 саженяхъ отъ него, на сѣверъ, лежитъ другой, остающійся въ рукахъ турокъ, слѣдовательно и на этомъ пунктѣ мы не вполнѣ хозяева. Занятый редутъ наполненъ трупами и представляетъ ужасную картину разрушенія; самое сообщеніе съ нимъ весьма опасно, такъ какъ пули ложатся кругомъ и нѣсколько человѣкъ изъ ѣздившихъ туда уже были ранены по дорогѣ. Пули эти летятъ изъ сосѣдняго редута, до котораго, какъ уже сказано, всего 600 шаговъ, т. е. дистанція хорошаго ружейнаго выстрѣла.

Осадныя орудія, бывшія на Императорской горѣ, сегодня уже сняты оттуда и около двухъ часовъ пополудни стали въ резервѣ, въ Радишевскомъ оврагѣ. Около трехъ часовъ и я получилъ было приказаніе спѣшить сняться съ своей позиціи на Артиллерійской горѣ и слѣдовать сегодня-же черезъ Сгалевицу въ Парадимъ, съ тѣмъ чтобы завтра продолжать движеніе на Систовъ, но вслѣдъ затѣмъ пришло приказаніе новое, присланное отъ самого генерала Зотова, предписывавшее оставаться на позиціи и не снимать орудій впредь до особаго распоряженія. Такимъ образомъ мы остались на прежнихъ мѣстахъ, въ полной неизвѣстности о томъ, что насъ ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ и какой оборотъ имѣетъ принять наше положеніе подъ Плевной, послѣ всѣхъ роковыхъ событій двухъ послѣднихъ дней. Тяжелое и печальное время, что-то предстоитъ далѣе?...

Плевна, 19-го Сентября.

Съ 1-го сентября у насъ подъ Плевной сравнительная тишина. Войска занимали еще свои прежнія позиціи и батареи поддерживали рѣдкій огонь по непріятелю, не предпринимавшему съ своей стороны ничего. 2-го числа на Великокняжеской горѣ близъ центральной батареи, происходилъ военный совѣтъ, въ присутствіи самого Главнокомандующаго и было рѣшено очистить часть позицій, стянувъ длинную линію нашего расположенія въ болѣе компактныя массы на юго-восточной и восточной части, гдѣ и оставаться затѣмъ въ ожиданіи прибытія изъ Россіи подкрѣпленій. Въ силу этого все пространство лѣвѣе за Тученицкимъ оврагомъ, или такъ называемая Зеленая гора, должна была быть покинута и слѣдовательно не было уже и рѣчи болѣе о томъ, чтобы воспрепятствовать отступленію Османа-паши, если бы онъ предпринялъ таковое.

2-го числа Великокняжеская гора представляла послѣдній разъ оживленное, кипѣвшее народомъ мѣсто, куда съѣхался весь высшій генералитетъ и былъ приглашенъ самъ начальникъ всего Западнаго отряда— князь Карлъ румынскій. Явился и герой послѣднихъ дней Скобелевъ, котораго Главнокомандующій горячо разцѣловалъ, прибылъ генералъ Имеретинскій—также одинъ изъ непосредственныхъ дѣятелей въ минувшихъ недавно событіяхъ на лѣвомъ флангѣ, и многія другія лица. Недалеко отъ батареи былъ сервированъ походный завтракъ, къ которому пригласили и насъ, наличныхъ артиллеристовъ осадныхъ батарей. Признаться мы воспользовались приглашеніемъ съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ уже нѣсколько дней порядочно не ѣли. Завтракъ прошелъ весьма оживленно, представляя весьма живописную походную картину; за столомъ далеко не хватало мѣста всѣмъ присутствовавшимъ, почему многіе стояли и сидѣли гдѣ попало, весьма разнообразными группами, къ тому-же и день былъ ясный, солнечный, весело освѣщавшій бесѣдовавшихъ.

Я оставался старшимъ въ отрядѣ осадной артиллеріи, такъ какъ Моллеръ и Экстенъ уѣхали по дѣламъ въ Зимницу. Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ и поручилъ выбрать новую позицію для восьми осадныхъ орудій, указавъ приблизительно пунктъ ихъ расположенія значительно впереди упразднявшейся вмѣстѣ съ этимъ центральной батареи. Главнокомандующій былъ совершенно бодръ духомъ, что, послѣ тяжелыхъ событій послѣднихъ дней, производило какое-то освѣжающее впечатлѣніе. Со мной лично Великій Князь обошелся какъ со старымъ знакомымъ, припомнивъ даже, къ моему удивленію, что я служилъ въ строю гвардейской артиллеріи, хотя съ того времени прошло уже довольно лѣтъ, и выразилъ удивленіе, впрочемъ вполнѣ сочувственное, что встрѣчаетъ здѣсь, на батареяхъ подъ Плевной, лицъ покинувшихъ строевую службу, а несущихъ между тѣмъ всѣ тягости походной боевой жизни....

Новая позиція для осадной батареи была выбрана мною въ тотъ-же вечеръ, вмѣстѣ съ будущимъ ея командиромъ, вышеупоминавшимся уже Ивановымъ и саперным офицеромъ Маховцемъ. Она находилась на лѣвомъ флангѣ такъ называвшихся высотъ 9-го корпуса, верстахъ въ двухъ на сѣверо-западъ отъ Великокняжеской горы и около полуторы отъ Гривицы, но до ближайшаго изъ турецкихъ редутовъ отсюда было всетаки съ лишнимъ 1200 саженъ, т. е. разстояніе весьма большое; выдвинуться впередъ еще далѣе не представлялось однако никакой возможности, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ шла лощина съ болотистымъ ручьемъ и противуположная возвышенность была уже за чертою нашего расположенія. 3-го сентября новая батарея была уже готова и вооружена восемью 24-хъ фун. пушками, изъ которыхъ пять были взяты съ Великокняжеской горы, а остальныя съ батарей на горѣ Артиллерійской: взамѣнъ послѣднихъ сюда были переведены съ Великокняжеской четыре стальныхъ пушки дальняго боя, подъ командой Дюшена, съ чѣмъ вмѣстѣ прежняя центральная батарея окончательно упразднилась, закончивъ такимъ образомъ свое безплодное существованіе. Всѣ эти передвиженія осадныхъ орудій были окончены совершенно благополучно, безъ всякой помѣхи со стороны турокъ, и только одинъ разъ при слѣдованіи котораго-то изъ транспортовъ, непріятель сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ изъ орудія, причемъ граната ударила такъ близко, что я и теперь удивляюсь, какъ она никого не задѣла своими осколками. Болѣе однако ничего подобнаго не повторилось.

Съ 3-го же числа начался рядъ скучныхъ, однообразныхъ дней, проведенныхъ нами подъ Плевною, въ ожиданіи прибытія гвардіи и гренадеръ, вызванныхъ какъ слышно сюда изъ Россіи. На позиціяхъ все начало обличать перспективу продолжительной стоянки, людямъ велѣно устроивать себѣ шалаши, начались земляныя работы для укрѣпленія позиціи съ нашей стороны; ежедневно массы людей отъ каждаго полка заняты насыпкой полевыхъ укрѣпленій, роются траншеи и ложементы, однимъ словомъ дѣла подъ Плевной видимо затягиваются на долго; настолько на долго, что напр. для одного изъ нашихъ высшихъ генераловъ дѣлаются даже приготовленія къ постройкѣ каменнаго дома, для чего пріобрѣтенъ уже и необходимый матеріалъ, свозимый на позицію и полученный отъ разломки жилища какого-то болгарина; „братушка" продалъ на сносъ свое помѣщеніе за 300 рублей, какъ разсказывали по крайней мѣрѣ.

Великокняжеская гора совершенно опустѣла и представляетъ грязную вытоптанную поляну, по краю которой тянется ничѣмъ не защищаемый уже брустверъ; роскошной зелени кукурузнаго поля, еще не такъ давно волновавшейся на полянѣ, нѣтъ и слѣда, все частью поѣдено волами и лошадьми, частью затоптано въ грязь и валяется на землѣ; вообще вся

эта мѣстность, еще недавно такъ оживленная, выглядываетъ теперь запущенною и осиротѣлой. Съ отъѣздомъ Экстена въ землянкѣ его водворился я, но помѣщеніе мое очень печальное; сидя въ немъ на складномъ табуретѣ, можно головой задѣвать за потолокъ. Четыре казака, ежедневно смѣняющійся вѣстовой и я, составляли въ первое время все населеніе Великокняжеской горы, кругомъ на версту ни души; позже однако, въ сосѣдство ко мнѣ перебрался штабъ 9-го корпуса, что впрочемъ мало нарушило мое уединеніе, такъ какъ ничего общаго, даже близкаго знакомства между нами не было.

Время потянулось убійственно скучно и однообразно; ежедневно объѣдешь позицію, посѣтишь свои батареи, новаго на нихъ ничего, и затѣмъ наступаетъ безконечный вечеръ, въ теченіи котораго оставалось только бродить по затоптанной полянѣ, изъ одного конца въ другой. Въ дождливые дни было конечно еще тоскливѣе, еще скучнѣе, такъ какъ все принимало гнетущій душу оттѣнокъ, подъ мозглымъ покровомъ осенняго ненастья, а такіе дни стали повторяться все чаще и чаще. Липкая грязь покрываетъ тогда всѣ окрестности моей резиденціи, сдѣлаешь нѣсколько шаговъ и на сапоги пристанетъ столько разной дряни, что сбрасываешь съ ноги цѣлый комъ въ нѣсколько фунтовъ. Бѣдныя лошади, понуривъ головы, мокли подъ дождемъ цѣлыми днями, да и людямъ было не лучше; жаль было смотрѣть напр., на положеніе моихъ казаковъ, Богъ знаетъ чѣмъ и какъ даже довольствовавшихся! Полкъ ихъ находился Богъ вѣсть гдѣ, никакого содержанія они не получали и ни къ какой части для довольствія прикомандированы не были. Все ихъ убѣжище составляла небольшая пирамидка изъ сноповъ, въ которую они залѣзали головой и плечами, ноги же торчали вонъ!..

Появились лихорадки, хина вышла вся, да немного ея и въ запасѣ было, а съ батарей то и дѣло шлютъ просьбы о лекарствѣ; пришлось обратиться къ помощи сосѣдей, къ доктору 9-го корпуса, но и тамъ въ хинѣ нужда, а между тѣмъ говорятъ въ Яссахъ ея лежитъ большое количество! Докторъ подѣлился однако чѣмъ могъ, хотя и его снабжали хиной, въ размѣрѣ всего осьмой доли противъ того, что онъ требовалъ, такъ что не хватало и на своихъ больныхъ. Вообще это было самое скверное время, изъ всего проведеннаго мною подъ Плевной. Бывали такіе дни, что дождь лилъ не переставая и мое убогое убѣжище начинало течь; вездѣ сырость, грязь, приходилось сидѣть въ землянкѣ въ резиновомъ пальто. Явился новый врагъ, масса вшей развелась повсюду, покрывая бѣлье и платье; ежедневно въ лощинахъ можно было видѣть множество полураздѣтыхъ солдатъ, занимавшихся истребленіемъ на себѣ этихъ гадкихъ паразитовъ, но какъ спастись отъ нихъ солдату, если я самъ, при всѣхъ стараніяхъ, не могъ отдѣлаться отъ подобныхъ отвратительныхъ непріятелей...

Вся наша позиція въ ненастные дни представляла какой-то непріятный, унылый видъ,—казалась опустѣлою, такъ какъ всякій старался куда нибудь забиться отъ непогоды; вездѣ пустота, кое гдѣ намокшія обвислыя палатки среди лужъ, людей не видно, мрачное небо, подъ ногами болото,—все это составляло далеко не веселую картину бивачной жизни въ подобныхъ обстоятельствахъ; впрочемъ на то и война, чтобы терпѣливо переносить всѣ ея невзгоды. Изрѣдка на короткое время появлялись странствующіе маркитанты, у которыхъ всякій спѣшилъ запастись наиболѣе необходимымъ, не спрашивая уже о цѣнахъ. Болѣе опытные изъ нихъ сообразовали свой товаръ съ условіями времени, но нѣкоторые привозили между прочимъ конфекты и шампанское! Конечно, предложеніе подобныхъ продуктовъ вызывало у насъ улыбку,—пить шампанское когда большею частью дрогнешь отъ сырости!.. За то на спиртѣ, крѣпкихъ напиткахъ, хлѣбѣ, свѣчахъ и т. под., евреи наживали пропасть.

Въ штабѣ 9-го корпуса пріютился маркитантъ весьма оригинальный, какой-то румынъ, на видъ даже весьма приличный, въ золотыхъ очкахъ, однимъ словомъ вовсе не похожій на торговца; почти весь товаръ его заключался въ винѣ и сырѣ, причемъ послѣдній онъ продавалъ весьма своебразно,—безъ вѣсовъ; спросятъ фунтъ — онъ отрѣжетъ на глазъ и получитъ свои семь франковъ, спросятъ два—отрѣжетъ немного поболѣе и получаетъ вдвое... Сколько вообще войска переплатили денегъ всѣмъ этимъ господамъ и какія бы выгоды могли имѣть наши русскіе купцы, будь только по предпріимчивѣе; отчего-бы имъ не организовать какое нибудь товарищество подвижныхъ маркитантовъ,—было-бы и намъ лучше, да и они остались бы съ огромными барышами, а то все пошло жидамъ и румынамъ!...

На батареяхъ за все это время ничего особеннаго не происходило; стрѣльба, хотя и рѣдкая, поддерживалась однако постоянно, съ цѣлью безпокоить турокъ, которые продолжаютъ развивать укрѣпленія своихъ и безъ того крѣпкихъ позицій; иногда непріятель пробовалъ производить свои работы почти открыто, днемъ, что конечно вызывало въ такомъ случаѣ усиленный огонь съ нашей стороны. Иногда въ трубу можно было различить, что работниками являлись болгары, которыхъ турки выставляли такимъ образомъ подъ наши выстрѣлы, разсчитывая быть можетъ, что мы ради этого не отроемъ огня, но предположенія непріятеля не оправдались, потому что какъ намъ не жаль было цѣлить въ бѣдныхъ «братушекъ», но все-таки приходилось разгонять ихъ бомбами. Съ батарей нашихъ вообще жадно слѣдили за всѣмъ, что дѣлается у турокъ, по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, когда состояніе погоды мало мальски допускало наблюденія. Ежедневно высматривали все, что только было доступно и иногда весьма удачно застигали турокъ, во

время ихъ появленія на открытомъ мѣстѣ. 12-го числа напр., около 4-хъ часовъ пополудни, былъ замѣченъ небольшой обозъ въ двѣнадцать повозокъ, шедшій въ лагерь и повидимому съ матеріалами для инженерныхъ работъ (турами и фашинами); съ батареи Иванова былъ сейчасъ открытъ живой огонь, вслѣдствіе котораго одна половина обоза быстро разгрузилась и усиленнымъ аллюромъ обратилась вспять, а другая повернула назадъ, не доѣхавъ даже до мѣста разгрузки. Въ дождливое время непріятелю конечно гораздо свободнѣе, такъ какъ трудно у него и разсмотрѣть что либо, да къ тому-же и намъ изъ осадныхъ орудій стрѣлять было весьма неудобно, — платформы сильно намокнутъ и клинья совсѣмъ не держатся на мѣстѣ, уѣзжая назадъ вмѣстѣ съ колесами.

Непріятель открывалъ огонь вообще довольно рѣдко и стрѣлялъ преимущественно сѣвернѣе Гривицы, повидимому по румынскимъ батареямъ и ложементамъ, находившимся за Гривицкимъ редутомъ; впрочемъ, обыкновенно и эта стрѣльба продолжалась не долго, такъ какъ въ отвѣтъ на нее начинался усиленный огонь съ нашихъ батарей, преимущественно съ вновь построенной—Иванова, послѣ чего непріятель обыкновенно стихалъ. Чаще всего турки дѣйствовали по румынамъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря, находившагося на высотахъ, окаймлявшихъ сѣверную часть позиціи непріятеля, но тамъ турецкія орудія были заслонены высокой насыпью, закрывавшей ихъ съ тыла отъ нашихъ выстрѣловъ, такъ что только дымъ, поднимавшійся надъ нею, обличалъ мѣсто нахожденіе турецкой батареи. Такимъ образомъ послѣдней трудно было что нибудь сдѣлать, независимо даже отъ огромнаго разстоянія въ 2100 саженъ, отдѣлявшаго ее отъ орудій Иванова. Въ такихъ случаяхъ приходилось принимать мѣры косвенныя, открывая усиленный огонь по самому укрѣпленному лагерю: вѣроятно это имѣло свое дѣйствіе, потому что обыкновенно, и даже довольно скоро, смягчало усердіе турецкихъ артиллеристовъ. Тѣмъ не менѣе румыны несли потери и подчасъ заявляли претензіи, что мы яко-бы мало противодѣйствуемъ огню упомянутыхъ турецкихъ орудій, хотя въ дѣйствительности мы дѣлали все, что отъ насъ зависѣло. Одинъ разъ ночью осколокъ турецкой гранаты раздробилъ голову румынскому офицеру генеральнаго штаба, въ траншеѣ, и на другой день явились новыя сѣтованія, которыя мнѣ довелось слышать самому въ отрядномъ штабѣ.

Вообще, внѣ артиллерійскихъ сферъ, приходилось подъ часъ сталкиваться съ нѣсколько странными воззрѣніями, требовавшими напр. отъ осадныхъ орудій достиженія невыполнимыхъ въ сущности результатовъ, и въ противномъ случаѣ вызывавшихъ мнѣніе чуть-ли не въ родѣ того, что осадныя батареи ничего не дѣлаютъ!.. Такъ въ одинъ прекрасный день, въ долинѣ Гривицкаго ручья, бѣжавшаго отъ Гривицы на западъ,

появилось три турецкихъ лагеря, находившихся конечно болѣе чѣмъ въ приличномъ отдаленіи, но тѣмъ не менѣе ясно различаемыхъ съ нѣкорыхъ пунктовъ позиціи 9-го корпуса. Палатки турокъ дѣйствительно отчетливо обрисовывались подъ скатами лощины, и тотчасъ же были замѣчены и съ батареи Иванова, которому былъ видѣнъ уголъ ближайшаго изъ лагерей, но послѣ нѣсколькихъ произведенныхъ выстрѣловъ, оказалось что палатки внѣ досягаемости нашего огня, почему далѣе стрѣльбу по нимъ и не производили. Между тѣмъ присутствіе турецкихъ шатровъ виднѣвшихся открыто въ лощинѣ, кололо глаза многимъ и вызвало на меня даже замѣчаніе объ индифферентности отношеній къ своимъ обязанностямъ, мѣстѣ съ чѣмъ заявлено и требованіе изыскать какой нибудь способъ отогнать расположившихся въ нашемъ виду турокъ. Съ восточныхъ нашихъ батарей этого достигнуть однако возможности не было, — оставалось попытаться съ южныхъ, пользуясь ихъ сравнительно болѣе высокимъ расположеніемъ, на командующей Артиллерійской горѣ; но отсюда упомянутые турецкіе лагери были невидимы и приходились на совершенно противуположной сторонѣ позиціи. Пришлось устроить стрѣльбу по невидимой цѣли, наблюдая за паденіемъ снарядовъ со стороны расположенія 9-го корпуса, именно съ 3-й батареи 31-й бригады, стоявшей правѣе Иванова. Отсюда до осадныхъ орудій на Артиллерійской горѣ по прямому направленію было около 1200 саженъ, такъ что для передачи наблюденій о ходѣ стрѣльбы, необходимо было установить какіе нибудь особые, условленные сигналы. Попробовали было переговариваться посредствомъ залповъ, но подобный способъ оказался сбивчивымъ и тогда прибѣгли къ передачѣ сигналовъ флагами, которые въ зрительную трубу хорошо различались.—Способъ весьма оригинальный по своему примѣненію въ виду и подъ выстрѣлами непріятеля, вниманіе котораго существенно должно было быть привлечено повторяющимся появленіемъ и исчезновеніемъ влаговъ на батареѣ, съ которой мы дѣлали наблюденія. Солдатики принесли двѣ рубахи, бѣлую и красную, навязали ихъ на колья и такимъ образомъ мы получили четыре сигнала, необходимыхъ для обозначенія недолетовъ, перелетовъ и наклоненій въ стороны снарядовъ; знакомъ удачнаго выстрѣла служитъ залпъ цѣлою батареею.

Любопытно бы знать, что подумали сначала турки въ виду появленія у насъ на позиціи бѣлаго флага, который не разъ пришлось подымать для обозначенія недолетовъ, получавшихся при начатой стрѣльбѣ съ Артиллерійской горы!..

Но всѣ наши ухищренія не достигли желаемаго, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ весьма трудно было уловить паденіе снарядовъ на такомъ огромномъ разстояніи, на какомъ отстоитъ нашъ наблюдательный пунктъ отъ турецкихъ лагерей, не достижимыхъ 24-хъ фунто-

выми пушками съ батареи Иванова. Мы стрѣляли цѣлыхъ два утра, пользуясь, впрочемъ, промежутками времени, пока было ясно, стрѣляли и изъ мѣдныхъ и изъ стальныхъ дальнобойныхъ пушекъ, причемъ, тѣмъ и другимъ придавались огромные углы возвышенія, спуская винты до самой головки, т. е. давая прицѣлу отъ 248—252 линій, но при всемъ томъ, въ предѣлахъ досягаемости выстрѣловъ съ Артиллерійской горы оказывалась только часть лагеря, расположеннаго на лѣвой сторонѣ ручья, до правой же снаряды далеко не долетали. Но и въ первомъ случаѣ стрѣльбу было трудно урегулировать, такъ какъ дальность наблюденія влекла за собою большія ошибки; въ большинствѣ случаевъ не видно было даже и самаго паденія снарядовъ, не смотря на то, что стрѣляли разомъ по два орудія, почему затруднительность наблюденія парализовала даже и самую возможность добрасыванія снарядовъ, на ужасающее впрочемъ разстояніе—около 2,700 саженъ! Насколько однако можно было судить, нѣсколько нашихъ бомбъ все таки упали близко отъ цѣли, вслѣдствіе чего турки вѣроятно и сочли благоразумнымъ очистить ближайшую сравнительно часть своего расположенія въ лощинѣ; по крайней мѣрѣ, бывшій впереди лагерь ихъ на другой день снялся, но остальные не покинули своихъ прежнихъ мѣстъ и остались тамъ же.

Это былъ впрочемъ почти единственный, извѣстный мнѣ, случай, въ которомъ турецкія войска стояли открыто въ виду нашемъ, такъ какъ всегда онѣ скрывались складками волнистой мѣстности. При осматриваніи въ трубу позиціи непріятеля, обыкновенно виднѣлись только одиночные люди, показывавшіеся изъ траншей на короткое время; съ нѣкоторыхъ точекъ мѣстности были видны турецкіе передовые посты, какъ напр. съ упомянутаго выше наблюдательнаго нашего пункта, съ котораго постоянно была замѣтна непріятельская кавалерійская цѣпь, стоявшая впереди редутовъ №№ 1 и 4, около одной изъ водяныхъ мельницъ лѣвѣе Гривицкаго ручья; четыре кавалериста постоянно бросались въ глаза, какъ только наведешь трубу на эту мѣстность: они всегда находились на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ и издали казались неподвижными конными статуями, лишенными малѣйшаго движенія.

Скопленіе турецкихъ войскъ было нами замѣчено еще разъ 4-го сентября, въ укрѣпленномъ лагерѣ на высотахъ западнѣе Гривицкаго редута, но когда съ батареи Иванова открыли по лагерю усиленный огонь, то непріятельскіе таборы были оттуда выведены, или по крайней мѣрѣ скрылись изъ нашихъ глазъ, такъ что никого болѣе не стало видно. Тѣмъ не менѣе, лагерь этотъ безъ сомнѣнія сильно занятъ, хотя и невидимымъ намъ непріятелемъ, и составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ объектовъ для румынъ съ сѣвера: непосредственно же для насъ укрѣпленія его не представляли активнаго значенія, такъ какъ оттуда въ насъ турки никогда не стрѣляли. Лагерь этотъ однако служилъ опорой

и поддержкой редута сосѣдняго съ Гривицкимъ, находившагося во власти турокъ, не смотря на всю незначительность рязстоянія (около 200 саж.), отдѣлявшаго его отъ послѣдняго. Редутъ этотъ находился съ лагеремъ въ непосредственной связи, получая изъ него продовольствіе и все необходимое по всей вѣроятности ихъ соединялъ какой нибудь путь, быть можетъ даже траншея. Здѣсь турки были отъ насъ ближе, чѣмъ гдѣ либо на позиціи,—насъ раздѣляло всего 600 шаговъ, т. е. отличный прицѣльный изъ ружья выстрѣлъ, почему естественно, что между обоими редутами поддерживался оживленный ружейный огонь. Враги подкарауливали другъ друга, сидя за земляными насыпями и обмѣниваясь пулями при всякой возможности, но такъ какъ выстрѣлы турокъ частенько направлялись очень дурно, и по всей вѣроятности нерѣдко даже вовсе безъ прицѣла, вслѣдствіе излюбленнаго ими способа подобной стрѣльбы, то и выходило, что много пуль летѣло черезъ брустверъ Гривицкаго редута, т. е. обстрѣливали мѣстность южнѣе послѣдняго, вдоль фронта нашей позиціи съ восточной стороны Плевны. Это обстрѣливаніе охватывало весьма значительное протяженіе, такъ какъ упомянутыя пули выпускались надъ большими углами возвышенія. Первое время, послѣ 30-го августа, подобная перестрѣлка бывала особенно оживленною и щелканье выстрѣловъ между редутами слышалось постоянно, даже по ночамъ они вполнѣ не затихали. Бывало выйдешь ночью изъ своей норы, побродишь по площадкѣ на опустѣлой Великокняжеской горѣ и прислушиваешься къ этимъ выстрѣламъ, явственно слышимымъ, не смотря на порядочное разстояніе отсюда до Гривицы. Кругомъ мертвая тишина и тьма, изрѣдка гдѣ нибудь какъ молнія блеснетъ пушечный выстрѣлъ и затѣмъ снова все тихо, только со стороны упомянутыхъ редутовъ періодически доносятся короткое, отрывистое щелканье. Въ тиши прислушавшись къ отвыкамъ звуковъ этихъ выстрѣловъ, можно было привычнымъ ухомъ различать даже характеръ стука, при ударѣ пули въ брустверъ. Вотъ наприѣръ послышался выстрѣлъ, черезъ секунду хлесткій, сухой ударъ, который нельзя смѣшать съ другими,—это пуля щелкнула о насыпанный землею туръ, т. е. ударила въ дерево, вотъ опять звукъ выстрѣла, ему какъ эхо вторитъ черезъ моментъ ударъ болѣе глухой, — попала въ землю въ насыпь, а вотъ за выстрѣломъ не слыхать ничего— перелетѣла черезъ цѣль и пошла гулять по нашей позиціи, — не подвернется ли на пути какой нибудь злополучный солдатикъ... Подвертывалось ихъ, какъ увидимъ ниже, не мало!..

Взять этотъ турецкій редутъ было задачей румынъ, чего впрочемъ имъ никакъ не удавалось, несмотря на всѣ неоднократныя попытки. Одною изъ таковыхъ былъ штурмъ 6-го сентября, какъ помнится, около двухъ часовъ пополудни. Мы были предупреждены и усилили огонь съ батарей, ожидая съ любопытствомъ результата новой попытки нашихъ союзни-

ковъ. Дѣйствительно, въ назначенное время за Гривицкимъ редутомъ покатилась ружейная перестрѣлка; нѣсколько минутъ лилась неумолкаемая дробь выстрѣловъ, затѣмъ все стихло и воцарилось прежнее спокойствіе, штурмъ кончился, но результаты неизвѣстны, хотя мы были и далеко отъ того, что-бы ожидать успѣха. Тѣмъ не менѣе тишина; водворившаяся около Гривицы и прекращеніе обычной перестрѣлки между редутами, продолжавшаяся довольно долго, давали поводъ думать, что атакованный редутъ находится въ рукахъ нашихъ союзниковъ. Наконецъ откуда-то даже прошли слухи, что редутъ дѣйствительно взятъ, о чемъ высшими властями получена якобы и телеграмма... Въ достовѣрности послѣдней завѣряли изъ источниковъ дѣйствительно надежныхъ и мы наконецъ пришли къ убѣжденію, что противъ ожиданія дѣло дѣйствительно на сей разъ увѣнчалось успѣхомъ. Каково-же было удивленіе, когда къ ночи, или къ слѣдующему утру, хорошенько не помню, все это категорически опровергнулось и оказалось, что редутомъ попрежнему преспокойно владѣютъ турки! А телеграмма?.. Ее румыны дѣйствительно послали въ Парадимъ, но... преждевременно.

Дѣло вышло, какъ передавали, такъ, что наши союзники успѣли добѣжать до рва редута, но тамъ и засѣли, а начальство ихъ сочло, что новыя лавры храбрыми доробанцами уже сорваны и поспѣшило послать извѣстіе о побѣдномъ вѣнкѣ въ свои высшія сферы, въ Парадимъ, откуда его не замедлили передать кому слѣдуетъ и въ русскій штабъ. Разсказываю впрочемъ, что слышалъ, но приводимыя подробности могутъ подтвердить многіе, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ извѣстія объ упомянутомъ казусѣ, какъ облетѣвшаго всю нашу позицію.

Во всякомъ случаѣ румынамъ не дешево обошлось это сидѣніе во рву, въ которомъ, какъ говорятъ, пробыли они около часу, и изъ котораго турки яко-бы вытащили къ себѣ нѣсколько человѣкъ ихъ живьемъ; потеря убитыми и ранеными, какъ при наступленіи въ ровъ, такъ и при выхожденіи изъ онаго, была немалая.

Взятый еще 30-го августа Гривицкій редутъ,—ближайшій сосѣдъ вышеупомянутаго, теперь занятъ румынами, но первое время въ немъ находились совмѣстно и наши войска. Объ этомъ не безъинтересно упомянуть въ виду того, что совмѣстное занятіе укрѣпленія, на которое между прочимъ не разъ ожидалось уже нападеніе турокъ, какъ напр. въ ночь со 2-го на 3-е сентября, было какъ видно очень по сердцу нашимъ союзникамъ, хотя и неизвѣстно какихъ причинъ ради?.. Горячее желаніе ихъ видѣть у себя въ редутѣ русскіе штыки, формулировалось впрочемъ довольно громкой фразой—„сліянія обѣихъ армій“!.. Такія похвальныя чувства принимались однако зоилами нашихъ военныхъ кружковъ почему-то съ лукавыми улыбками... Зоилы видимо не довѣряли вышинѣ идеи „сліянія“, и видѣли тутъ что-то другое... Тѣмъ не менѣе

стремленіе къ этому „сліянію“ со стороны румынъ выражалось и позже, когда имъ однимъ пришлось остаться обладателями Гривицкаго редута; разсказывали, что по поводу этого ближайшее начальство ихъ даже просило, но словесно, чтобы нашъ 9-й корпусъ удѣлилъ въ составъ гарнизона редута всего на всего лишь двѣ роты.... такъ сильно было желаніе румынъ „слиться“ съ нашими войсками. Двѣ роты имѣли связать съ нами во едино цѣлый корпусъ румынъ, въ рядахъ котораго насчитывалось до 40000!.. По истинѣ, не вездѣ усмотришь такое важное значеніе, въ ничтожномъ повидимому фактѣ, и казалось бы оставалось только преклониться предъ подобною глубиною взгляда, но тѣмъ не менѣе жаждаемаго „сліянія“ не послѣдовало; — высшія соображенія не перешагнули ничтожнаго въ сущности препятствія: румынамъ, по слухамъ, не отказали, но попросили только заявить свое желаніе письменно!.. Усмотрѣли-ли наши союзники въ этомъ предложеніе какое нибудь хитростное лукавство, или чего другаго ради, но на бумагѣ свои соображенія не увѣковѣчили... Такъ вопросъ о „сліяніи“ и исчезъ со страницъ исторіи военныхъ дѣйствій подъ Плевной.

Всѣ эти разныя, болѣе крупныя и мелкія происшествія и эпизоды, кое какъ заполнили три скучныхъ недѣли. Сегодня, 19-го сентября, на нашихъ позиціяхъ все снова оживилось, прибылъ Главнокомандующій съ генераломъ Тотлебеномъ, наѣхало начальство, какъ нарочно выглянуло и солнышко на небѣ, придавъ всему сейчасъ-же другой колоритъ. Бивуаковъ не узнать, куда дѣвались всѣ хмурыя лица; солдаты весело отвѣчали на привѣтъ Великаго Князя, объѣзжавшаго позиціи вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ нашего „Западнаго“ отряда, начальникомъ „de facto“, такъ какъ оффиціально Тотлебенъ назначался помощникомъ къ князю Карлу—начальнику „de jure“. Объѣздъ продолжался все утро и былъ посвященъ сегодня осмотру лишь юго-восточной части нашей позиціи, остальное-же, т. е. расположеніе румынъ и 9-го корпуса, назначено на завтра. Изъ лицъ, сопровождавшихъ Великаго Князя, составился большой кортежъ, который могъ внушать опасеніе, чтобы непріятель, замѣтивъ его, не открылъ огня; поэтому старались по возможности держаться въ разсыпную, но тѣмъ не менѣе масса двигавшихся всадниковъ была очень замѣтна и молчаніе турокъ можно объяснить развѣ нежеланіемъ вызвать усиленный огонь съ нашей стороны. Какъ-бы то не было, но объѣздъ прошелъ благополучно, безъ всякой помѣхи, хотя турки могли бы по временамъ хорошо видѣть цѣлую сотню конвойныхъ казаковъ, сопровождавшихъ Великаго Князя, какъ она не старалась слѣдовать по нижней дорогѣ, за гребнемъ Артиллерійской горы.

Прибывъ на послѣднюю, Главнокомандующій довольно долго пробылъ у насъ, на осадныхъ батареяхъ, разсматривая съ Тотлебеномъ разстилавшуюся отсюда панораму турецкихъ ложементовъ и редутовъ.

Хотѣлось мнѣ очень что нибудь прочесть на лицѣ знаменитаго защитника Севастополя, долго не сводившаго бинокля съ раскинувшихся передъ нимъ турецкихъ укрѣпленій, но черты генерала оставались нѣмы и не выдавали ни одной изъ мыслей, пробѣгавшихъ въ головѣ его; не удалось схватить ни одного замѣчанія именно по вопросу наиболѣе меня интересовавшему,—относительно расположенія нашихъ батарей, замѣчанія, интересовавшаго именно потому, что мы привыкли уважать и вѣрить глубокой опытности генерала въ вопросахъ подобнаго рода, почему и критическая оцѣнка его въ настоящемъ случаѣ получала для насъ особую цѣну.

Послѣ посѣщенія Тотлебена начались, конечно, нескончаемые толки о томъ, что будетъ далѣе. Кто передавалъ, что слышалъ якобы рѣшена правильная осада Плевны, кто сообщалъ предположенія о новомъ штурмѣ, въ сущности-же никто ничего не зналъ; всѣ слухи могли имѣть лишь то значеніе, что показывали общую увѣренность въ прекращеніи томительнаго бездѣйствія послѣднихъ трехъ недѣль и установленіи какого нибудь образа дѣйствій, имѣвшаго привести такъ или иначе къ рѣшительнымъ результатамъ. Какъ новость, впрочемъ, достовѣрная, явилось извѣстіе о примѣненіи подъ Плевною способа періодической сосредоточенной стрѣльбы артиллерійскими залпами, практиковавшейся, какъ говорятъ, не безъуспѣшно и въ Севастополѣ.

Сегодня и для меня заканчивается первый періодъ пребыванія подъ Плевною, такъ какъ получилъ разрѣшеніе съѣздить на нѣсколько дней въ Зимницу и Бухарестъ; необходимо поремонтировать свой походный гардеробъ и запастись кое-чѣмъ изъ теплой одежды, въ виду дальнѣйшаго пребыванія на позиціи и наступающаго холоднаго времени. Кстати пріѣхалъ и Моллеръ, съ которымъ вмѣстѣ уѣзжаю завтра утромъ.

Зимница, 2-го Октября.

Изъ убогой землянки подъ Плевной, въ роскошный номеръ бухарестскаго Hôtel du Boulevard,—переходъ показался весьма разителенъ, но тутъ-то и чувствуешь всю цѣну человѣческаго комфорта. Глазъ, хотя и не очень долго, но все-таки около мѣсяца, не видѣвшій ничего кромѣ пушекъ, вытоптанной травы, грязи и земляныхъ стѣнокъ моего подземнаго жилища на батареѣ, останавливался теперь съ особымъ удовольствіемъ на коврахъ и нарядной мебели, въ одномъ изъ лучшихъ номеровъ отеля; я уже не говорю о томъ, съ какимъ наслажденіемъ пришлось въ первый разъ улечься на чистой эластичной постелѣ, чувствуя кругомъ себя пріятную теплоту, а не ту мозглую сырость, спасаясь отъ которой бывало накидываешь на себя всѣ свои пожитки, просушивая ихъ собственнымъ тѣломъ.

Въ Бухарестѣ всѣ гостинницы биткомъ, и только Моллеру, ради его знакомства въ Hôtel de Boulevard, уступили номеръ, уже заказанный впередъ для кого-то изъ нашихъ военныхъ баръ; за номеръ взяли 15 франковъ въ сутки и обязали немедленно очистить его въ случаѣ надобности. Улицы города полны русскими мундирами, и замѣчательно — число военныхъ чиновниковъ чуть-ли не болѣе числа офицеровъ! Подобнымъ обстоятельствомъ поражались и самые румыны, говорившіе, что у насъ половина арміи состоитъ изъ чиновниковъ. Интендантовъ нѣсть числа, а интендантская часть...

Около Бухареста теперь уже наша гвардія,—проходитъ 2-я дивизія. Въ отелѣ нашемъ безпрестанно мелькаютъ гвардейскіе мундиры, на главной улицѣ цѣлый день толкотня, на одного румына встрѣтишь трехъ русскихъ, такъ что можно забыть, что находишься на чужбинѣ. Въ окнахъ магазиновъ мелькаютъ лубочныя картинки, изображающія подвиги румынъ подъ Плевною, спеціальнымъ сюжетомъ которыхъ, конечно, пресловутое взятіе Гривицкаго редута, съ румынскимъ героемъ дня маіоромъ Попеску, вскочившимъ, какъ извѣстно, съ нашими однимъ изъ первыхъ на брустверъ. Русскихъ, разумѣется, на картинкѣ нѣтъ,—одни румыны, окруженные огненнымъ вихремъ, лѣзутъ на редутъ, и во главѣ ихъ со знаменемъ въ рукахъ—Попеску! Что послѣдній—человѣкъ храбрый и энергичный, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но что и на сколько сами румыны виноваты во взятіи редута,—извѣстно также! Во всякомъ случаѣ нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что румынскаго храбреца въ Бухарестѣ носили чуть не на рукахъ, а у насъ, о павшихъ съ нимъ рядомъ русскихъ офицерахъ, мало кто даже знаетъ! Попеску украшенъ нашимъ георгіевскимъ крестомъ.

Нѣсколько дней въ Бухарестѣ пролетѣли живо, — пора назадъ въ Зимницу и затѣмъ опять подъ Плевну. До станціи Баніасъ доѣхали по желѣзной дорогѣ, далѣе отправились на лошадяхъ. Деревня Баніасъ, стоящая въ разливѣ Дуная, есть царство лихорадокъ, отъ которыхъ не избавлены и постоянные, мѣстные жители; большая смертность между ними—явленіе обычное, такъ что вообще мѣстность эта пользуется заслуженной дурной репутаціей. Тѣмъ не менѣе здѣсь пришлось устроить склады осадной артиллеріи и помѣстить цѣлую роту артиллеристовъ. Отъ Баніаса до Журжи близехонько, такъ что пушечные выстрѣлы хорошо слышны и здѣсь. Менѣе часу ѣзды и мы въ Журжѣ; у въѣзда въ послѣднюю, по обѣимъ сторонамъ дороги, лавки и биваки части мѣстнаго населенія, выбравшагося сюда подалѣе отъ турецкихъ снарядовъ, посылаемыхъ изъ Рущука. Въ одномъ изъ зданій станціи желѣзной дороги, зіяетъ огромная свѣжая пробоина, отъ недавней турецкой бомбы, остальное въ Журжѣ все тоже.

Отвратительная погода, стоявшая все время, привела дороги въ

ужасный видъ, такъ что переночевавъ въ Журжѣ у Бильдерлинга, завѣдующаго здѣсь батареями, и выѣхавъ утромъ въ Зимницу, мы добрались до послѣдней лишь поздно вечеромъ, т. е. употребили почти цѣлый день на переѣздъ около 50 верстъ. Правда, что дорогой пришлось часа два простоять на мѣстѣ, такъ какъ мой спутникъ, Анчутинъ, вздумалъ въ одномъ мѣстѣ, подъ Парапанами, сократить объѣздъ и мы взяли курсъ по другому, болѣе прямому пути, ближайшему къ Дунаю, но не проѣхали и четверти версты по этой, до сихъ поръ, впрочемъ, также проѣзжей, дорогѣ, какъ лошади стали вязнуть. Возница нашъ понадѣялся, что тройка вывезетъ легкую полуколясочку, пріударилъ, и черезъ нѣсколько мгновеній мы окончательно увязли въ какой-то образовавшейся на пути топи. При дальнѣйшихъ попыткахъ лошадей двинуться, онѣ уходили въ грязь по брюхо, — пришлось выпрячь и за веревки вытаскивать экипажъ назадъ, но и тутъ всѣ усилія были напрасны, лошади падали, а коляска ни съ мѣста, ни взадъ ни впередъ. Рѣшились идти кругомъ въ деревню за волами. Наконецъ попадается румынъ съ парой буйволовъ, не отказавшій помочь намъ въ бѣдѣ. Буйволы охотно влѣзли въ грязь выше брюха и дружно понатужившись вытащили экипажъ вспять, на сравнительно сухое мѣсто, откуда мы уже безпрепятственно тронулись далѣе, не помышляя, конечно, болѣе ни о какихъ сокращеніяхъ нашего маршрута.

Это можетъ давать понятіе о свойствахъ румынскихъ дорогъ.

Зимница обратилась также въ море грязи, грязи такой, о которой не видавши не возможно составить себѣ понятіе! Главная улица, упирающаяся въ Дунай, по которой прошла почти вся наша армія, теперь сплошь покрыта густымъ слоемъ какого-то киселя, на три четверти аршина глубиною. Ничего подобнаго я не видывалъ въ самыхъ забытыхъ уголкахъ Россіи. У конца улицы, мѣстахъ въ двухъ имѣются переходы, или вѣрнѣе сказать — броды, слѣдуя по которымъ знаешь, по крайней мѣрѣ, что не провалишься выше длинныхъ сапоговъ. По этимъ бродамъ, высоко подбирая полы платья, циркулируетъ народъ съ одной стороны на другую, а по сторонамъ лѣпится вдоль лавокъ, по узкимъ тропинкамъ; середина улицы, конечно, пуста. Выждешь когда бродъ освободиться и подобравши пальто на руки, пускаешься на переправу, увязая въ густой липкой грязи буквально до колѣнъ и едва-едва выдирая изъ нея ноги... Спускъ къ Дунаѣ на мостъ и подъемъ на турецкій берегъ—ужасны; гвардейскимъ батареямъ пришлось вылѣзать на ту сторону съ нечеловѣческими усиліями, особенно трудно было вывозить ящики съ боевыми зарядами. Устранить эту гомерическую грязь, румыны, повидимому, никогда и не помышляли, но тѣмъ не менѣе края улицъ кишатъ народомъ, конечно, больше военными. Офицеры и солдаты наполняютъ выросшія какъ грибы повсюду лавки и лавчонки, за-

пасаясь разными предметами до перехода въ Турцію; множество закусочныхъ, въ едва закрытыхъ отъ непогоды балаганчикахъ, и чайныхъ— съ кипящими жестяными самоварами, полны народомъ. Все кругомъ торгуетъ, въ погонѣ за грошами русскихъ солдатъ и франками офицеровъ; всякая дрянь и гниль изъ Бухареста сбывается здѣсь румынами и жидами съ огромными барышами,—такого золотаго времени Зимница врядъ-ли когда увидитъ. Впрочемъ надо сказать, что нѣкоторыя вещи можно было пріобрѣсти и очень дешево, сравнительно съ цѣнами у насъ въ Россіи, напр. шелковые платки, полотенцы и т. под., за то предметы необходимости, какъ-то сапоги, теплая одежда, чай, сахаръ и проч., становились въ ужасныя цѣны. Кто-то привезъ въ Зимницу настоящую русскую водку Попова, въ извѣстныхъ четырегранныхъ бутылкахъ, и ее живо разобрали, не смотря на ужасную цѣну—пять, шесть франковъ за штуку! Русскихъ торговцевъ ни единаго.

Кружокъ артиллеристовъ въ Зимницѣ, въ которой попрежнему сосредоточивается паркъ осадной артиллеріи, значительно порѣдѣлъ; часть офицеровъ подъ Плевной и на Шипкѣ (съ 6 д. мортирами), другая отправляется также подъ Плевну, съ новымъ назначеннымъ туда-же отрядомъ осадныхъ орудій. Какъ доберется туда послѣдній по этимъ ужаснымъ дорогамъ,—трудно себѣ представить. Центръ кружка попрежнему въ помѣщеніи, занимаемомъ Моллеромъ, но и здѣсь уже непогода наложила свою печать; садикъ, въ которомъ бывало такъ дружно обѣдали и коротали время вмѣстѣ, запустѣлъ, вездѣ грязь и сырость, приходится сидѣть въ душной комнаткѣ,—лѣтняя обстановка исчезла вполнѣ.

Впрочемъ недолго и всѣмъ намъ гостить здѣсь,—черезъ дня три все наличное населеніе нашего помѣщенія трогается за Дунай; возвратимся ли, или нѣтъ, и когда,—вѣдаетъ единый Богъ.

Плевна, 20-го Октября.

Съ 7-го числа я уже опять нахожусь среди знакомыхъ мѣстъ подъ Плевною. Началось послѣднее дѣйствіе этой многоактной драмы, эпилогъ которой еще неизвѣстенъ; мѣсто дѣйствія то же, но роли перемѣнились вмѣстѣ съ исполнителями, — будемъ надѣяться, что успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія хоть на сей разъ.

Но возвращаюсь къ своимъ воспоминаніямъ за послѣднія двѣ недѣли.

6-го октября нашъ домикъ въ Зимницѣ опустѣлъ окончательно. Моллеръ, Анчутинъ и всѣ обычные посѣтители нашего зимницкаго помѣщенія уѣхали уже наканунѣ, а на другой день отправился послѣднимъ и я съ Шклярскимъ. Въ день нашего отъѣзда, черезъ Дунай переправлялась 2-я бригада гвардейской артиллеріи, съ которою мы сошлись на мосту, занятомъ длинною вереницей пушекъ, ящиковъ и обозовъ, такъ что

пришлось довольно долго ждать, пока явилась возможность перебраться на ту сторону.

Улицы Систова, или по крайней мѣрѣ главная артерія города, по которой производится движеніе, загромождена массой лошадей и повозокъ, пробраться сквозь которыя не было возможности; оставалось только, смѣшавшись съ ними, слѣдовать въ общемъ теченіи, подчинясь всѣмъ переливамъ и остановкамъ этого живаго потока, который подвигался впередъ съ томительною медленностью. Торговая спекуляція кипѣла въ Систовѣ еще лихорадочнѣе, чѣмъ на томъ берегу—въ Зимницѣ, такъ что верхняя часть главной улицы представляла сплошной рядъ лавокъ, лавченокъ и ресторановъ, около которыхъ толкалась масса народа. Здѣсь же орудовало и коммиссіонерство Новосильскаго, снабжавшее желающихъ разными продуктами изъ Россіи и бравшее цѣны, правда, почти тѣ же, что у насъ дома, но... золотомъ, т. е. въ сущности—почти вдвое!

Бросивъ нашу колясочку на волю теченія, направлявшагося къ выѣзду изъ города, мы отправились пѣшкомъ, чтобы гдѣ нибудь позавтракать, и часа черезъ два, когда пустились снова догонять ее,—настигли пѣшкомъ свой экипажъ еще на краю города. Это можетъ дать понятіе о томъ, что̀ представляли систовскія улицы, въ случаѣ скопленія на нихъ болѣе или менѣе значительнаго числа повозокъ. Но вотъ наконецъ вырвались и на просторъ; опять знакомая дорога потянулась по самому берегу Дуная, опять вдали виднѣется поворотъ, ведущій на Плевну, но все это теперь уже не ново, не вызываетъ тѣхъ впечатлѣній, съ которыми приходилось ѣхать въ первый разъ, въ августѣ; въ душѣ уже не шевелятся новыя ощущенія при встрѣчахъ съ транспортами больныхъ и раненыхъ, тянущимися на встрѣчу, — все приглядѣлось, причувствовалось...

Переночевавъ въ деревнѣ Истижаръ въ домѣ болгарскаго священника, у котораго уже не разъ приставало проѣзжавшее офицерство, въ его смазной, залеплѣнной бумагою въ окнахъ, хатѣ, мы двинулись уже прямо на Плевну. Около Булгарени обогнали тянувшіеся въ походномъ порядкѣ эскадроны гвардейской кавалеріи и батареи конной артиллеріи, длинной лентой извивавшіеся по холмистой мѣстности; красныя шапки лейбъ-гусаръ издалека пестрѣли на зеленѣющемся еще фонѣ, люди и лошади бодро двигались впередъ, несмотря на дальній походъ и весело было смотрѣть на эти свѣжія, еще необносившіяся, неистомившіяся войска. заканчивавшія уже теперь свое передвиженіе въ глубь Турціи. Въ Парадимѣ застали кучу народа, высыпавшаго на окраину деревни, къ которой подходило нѣсколько нашихъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, представлявшихся на походѣ проживающему здѣсь князю Карлу. Послѣдній съ видимымъ удовольствіемъ пропускалъ мимо себя длинные ряды молодцоватыхъ гвардейцевъ, усердно подтягивавшихся подъ звуки ру-

мынскаго марша, и затѣмъ поѣхалъ встрѣчать нашу кавалерію, выстроившуюся гдѣ-то за Парадимомъ.

Мы отправились далѣе. Вотъ снова начали вспыхивать впереди клубы бѣлаго дыма, опять заслышались знакомые звуки отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, — мы снова подъ Плевной, снова въ прежней боевой обстановкѣ; тѣ же молчаливые большею частью турецкіе редуты безлюдно смотрятъ издали, тотъ же непривѣтливый осенній колоритъ окружающей мѣстности и тѣ же одиночные, то здѣсь, то тамъ раздающіеся выстрѣлы, нарушающіе обыкновенную тишину позиціи. Вся внѣшняя обстановка, съ которой уже свыклись глазъ и ухо, сохранила свой прежній характеръ, но въ сущности нашего расположенія произошла однако та перемѣна, что теперь наши позиціи покрылись цѣпью возведенныхъ укрѣпленій, охватившихъ турокъ съ трехъ сторонъ цѣлымъ рядомъ траншей и земляныхъ сооруженій. Теперь Османа-пашу окружаютъ двойные окопы,—его собственные и наши, и если намъ удалось проникнуть за первые, то въ свою очередь ему самому врядъ ли вырваться изъ вторыхъ.

Всѣ мы, вновь прибывшіе, расположились лагеремъ на Великокняжеской горѣ, снова оживившейся послѣ продолжительнаго запустенія и забѣлевшей палатками. Образовался довольно большой кружокъ артиллеристовъ, завелся общій столъ, раскинули большой шатеръ для столовой и вообще зажили на славу. Въ нашемъ кружкѣ появился даже женскій персоналъ, въ лицѣ студентки-хирурга С. И. Бальботъ, особы весьма милой, чуждой большинства тѣхъ истрепаныхъ традицій, которыми обыкновенно уродуютъ себя ея собратія по профессіи; она умѣла держать себя съ достоинствомъ во все время продолжительнаго пребыванія нашего подъ Плевной, несмотря на всю короткость отношеній, обыкновенно развивающихся въ скученности бивачной жизни. Еще изъ постороннихъ здѣсь-же былъ молодой хирургъ Гейденрейхъ, личность весьма свѣдущая и живая, хотя и не утратившая еще многихъ отличительныхъ чертъ дерптскаго студенчества, остальные-же члены кружка были все люди коротко другъ другу извѣстные: Моллеръ, Анчутинъ, Экстенъ, Лѣсовой, Шклярскій и нѣсколько молодыхъ офицеровъ состоявшихъ въ управленіи осадной артиллеріи.

Въ теченіи первыхъ дней по нашемъ возвращеніи, подъ Плевной не произошло ничего особеннаго, кромѣ новаго штурма румынами того-же редута, сосѣдняго съ Гривицкимъ. Штурмъ произошелъ 9-го октября и притомъ повторенъ два раза, около полудня и въ семь часовъ вечера, но оба раза неудачно. Редуту этому вѣроятно не суждено перейти въ ихъ руки, а то-то было-бы хвастовства и ликованій въ Бухарестѣ! Около полуночи, того-же числа, у Гривицкаго редута вдругъ разразился жаркій ружейный огонь, поставившій насъ всѣхъ въ недоумѣніе! Оказалось,

на другой день, что турки, отбивъ два приступа румынъ, расходились до того, что задумали ночью сами произвести нападеніе на редутъ Гривицкій и около полуночи сдѣлали вылазку, разсчитывая, пожалуй и, не безъ основанія, на внезапность подобной атаки съ ихъ стороны, послѣ двукратнаго неудачнаго штурма противника. Однако разсчетъ непріятеля не оправдался,—въ свою очередь турки также были отбиты, послѣ чего все опять надолго успокоилось. Какъ слышно, наши союзники теперь отказались уже отъ дальнѣйшихъ попытокъ взять редутъ открытою силою и рѣшились начать вести подъ него мину, изъ чего слѣдуетъ что турки во всякомъ случаѣ еще долго будутъ гостить у насъ на правомъ флангѣ и обстрѣливать тамъ нашу позицію ружейными выстрѣлами.

Но все это частности; необходимо коснуться еще и общихъ распоряженій въ началѣ этого новаго періода нашего стоянія подъ Плевной.

Въ настоящее время линія облаженія нашихъ войскъ, раздѣлена на нѣсколько раіоновъ, имѣющихъ каждый своего начальника. Между Тученицкимъ оврагомъ и Гривицей, т. е. на южной и восточной сторонахъ позиціи, таковыхъ раіоновъ два, однимъ начальствуетъ командиръ 4-го корпуса генералъ Зотовъ, другимъ — командиръ 9-го—Криденеръ; резиденція перваго въ Радишевѣ, втораго — въ Гривицѣ. Всею артиллеріею въ боевой линіи командуетъ генералъ Моллеръ, она раздѣлена на три участка: правый флангъ, центръ и лѣвый флангъ, порученные каждый веденію артиллерійскаго штабъ-офицера; правымъ завѣдывать назначенъ я, центромъ—Экстенъ, и лѣвымъ—Лѣсовой, съ обязанностью руководить огнемъ каждому въ своемъ участкѣ и имѣть наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ отдаваемыхъ приказаній. Относительно подобныхъ мѣръ нельзя не согласиться, что онѣ дѣйствительно цѣлесообразны, хотя на практикѣ и встрѣчаютъ нѣкоторыя неудобства, вытекающія изъ отношеній нашихъ къ строевому артиллерійскому начальству, оставшемуся нѣкоторымъ образомъ въ сторонѣ; впрочемъ пока эти неудобства легко преодолѣваются и общему дѣлу не мѣшаютъ. Далѣе,— ежедневно практикуется способъ сосредоточенной стрѣльбы, заключающійся въ томъ, что въ извѣстный, но всякій день различно назначаемый часъ, всѣ орудія на позиціи производятъ залпъ по заранѣе указанному на тотъ день пункту, конечно съ тѣхъ батарей въ сферѣ огня которыхъ онъ находится, почему обыкновенно такихъ пунктовъ бываетъ два или три. За подобнымъ способомъ дѣйствія нельзя не признать своихъ выгодъ, но многіе готовы уже до крайности преувеличивать его значеніе, предполагая, что такіе сосредоточенные залпы въ состояніи навести панику на турокъ до того, что они не въ состояніи будутъ ничего подвозить въ свои редуты, ожидая ежеминутно готоваго обрушиться на нихъ чугуннаго града!... Увлеченіе довольно наивное, считать турокъ подобными трусами, что ихъ можетъ остановить опасность только предполагаемая,

неизвѣстно даже когда и гдѣ готовая на нихъ обрушиться! Сторонникамъ подобнаго мнѣнія не мѣшало бы поставить себя на мѣсто непріятеля и рѣшить вопросъ—какъ поступили бы они сами въ случаѣ перемѣны ролей?...

Центромъ всѣхъ распоряженій служитъ Тученица, деревня лежащая южнѣе верстахъ въ четырехъ отъ Радишева; въ ней находится Тотлебенъ съ своимъ штабомъ и телеграфъ, соединяющій Тученицу съ корпусными штабами на позиціи, по протяженію-же послѣднихъ приказанія передаются записками, развозимыми казаками и не всегда, между прочимъ, достигающими своевременно своего назначенія.

Относительно перемѣны въ характерѣ нашихъ позицій я уже упоминалъ, что послѣднія покрылись цѣлой сѣтью ложементовъ и полевыхъ укрѣпленій. Взятіе Гривицкаго редута, 30-го августа, дало возможность значительно подать впередъ весь правый флангъ нашего расположенія, такъ что теперь Гривица находится уже за боевой линіей 9-го корпуса. Конецъ праваго фланга упирается въ упомянутый Гривицкій редутъ.

Чтобы дать болѣе близкое понятіе о теперешнемъ характерѣ нашей позиціи, я коснусь подробнѣе своего участка, занимавшаго протяженіе около двухъ съ половиной верстъ.

Участокъ этотъ состоитъ собственно изъ двухъ половинъ, раздѣляемыхъ Гривицкимъ ручьемъ, который бѣжитъ мимо Гривицы въ Плевну, параллельно шоссе, съ востока на западъ. На лѣвой, т. е. южной оконечности первой половины, находится 8-ми орудійная осадная батарея Иванова, носившая № 7 и поставленная еще 3-го сентября. Лѣвѣе ея, на юго-западъ, саженяхъ въ сто и впереди, насыпана батарея № 8 (на восемь орудій), но она не вооружена; мѣстность здѣсь составляетъ раіонъ Воронежскаго полка. Передъ этими батареями, забирая вправо, стоятъ въ шахматномъ порядкѣ три люнета: Воронежскій, Козловскій и Галицкій, изъ коихъ послѣдній находится во второй линіи. Правѣе, т. е. сѣвернѣе, батареи № 7, саженяхъ въ 400 — № 5 съ восемью 9-ти фунтовыми пушками 2-й батареи 31-й бригады, а еще сажень на 100 далѣе—№ 4, съ четырьмя 4-хъ фунтовыми орудіями 6-й батареи той же бригады. Двѣ послѣднія находятся въ раіонѣ Козловскаго полка.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ участка стоятъ 20 орудій, не считая трехъ упомянутыхъ люнетовъ, въ которые могутъ быть поставлены еще девять и батареи № 8 на восемь орудій, также до времени вооруженія не имѣющей.

Вторая половина, за Гривицкимъ шоссе, занята 1-й батареей (9-ти фун. кал.) 31-й бригады, къ которой присоединены два орудія румынъ. Расположеніе ихъ слѣдующее: у самаго шоссе батарея, названная литера В, въ два орудія, далѣе въ 250 саженяхъ—№ 3 въ четыре орудія (въ числѣ ихъ два румынскихъ) и еще сѣвернѣе—№ 2 въ четыре же орудія.

Въ серединѣ этой половины участка находится Тамбовскій люнетъ, а на оконечности—Пензенскій, получившіе свои названія отъ полковъ 31-й дивизіи, занимающихъ эту часть мѣстности. Наконецъ, у самой Гривицы устроена батарея на шесть осадныхъ орудій (поставлена около 9-го октября), называющаяся—литера А.

Слѣдовательно, на второй половинѣ участка стоятъ 16 орудій, не считая Пензенскаго люнета, въ которомъ могутъ быть помѣщены еще четыре.

Итого на всемъ участкѣ моемъ дѣйствуютъ 36 пушекъ, кромѣ состоящихъ въ резервѣ. Пушки распредѣлены на семи батареяхъ и вся мѣстность обстрѣливается пятью большими люнетами.

Независимо отъ этихъ сооруженій, на всемъ протяженіи впереди батарей и люнетовъ тянется непрерывный рядъ глубокихъ траншей, постоянно занятыхъ дежурными частями отъ пѣхоты, а еще впереди бѣжитъ по лощинѣ болотистый ручей, впадающій въ Гривицкій. Подобный же ручей пробѣгаетъ и вдоль второй половины моего участка, но не впереди а за боевой линіей, прикрывая только осадную батарею лит. А и самую деревню Гривицу. Таковы общія черты этой восточной части нашей позиціи подъ Плевной. Возвышенности здѣсь нами занимаемыя, носятъ названіе высотъ 9-го корпуса; ихъ собственно двѣ: южная занимаетъ уголъ, образуемый двумя вышеупомянутыми ручьями, и сѣверная доходящая до Гривицкаго редута. Такимъ образомъ, слѣдуя отъ № 7-го вдоль боевой артиллерійской линіи на сѣверъ, имѣешь влѣво отлогій скатъ, образующій ложбину съ русломъ ручья, затѣмъ у батареи № 4, достигаешь крутаго спуска въ долину Гривицкаго ручья и проходящаго здѣсь шоссе; внизу водяная мельница и переѣздъ черезъ ручей, сначала въ бродъ, а потомъ черезъ несчастный мостикъ, съ дырой по серединѣ, въ которой того и гляди, лошадь сломаетъ себѣ ногу. Далѣе нужно проѣхать шаговъ триста впередъ по дорогѣ и затѣмъ вправо слѣдуетъ вторая половина моего участка, анфилизируемая непріятельскими пулями, хотя, впрочемъ и шальными, не достигающими своего прямаго назначенія—попасть въ защитниковъ Гривицкаго редута. Однако, не возможно и то, что турки съ умысломъ перебрасываютъ часть своихъ пуль черезъ послѣдній, такъ какъ расположеніе нашихъ батарей, имъ конечно не безъизвѣстно, почему и могутъ разсчитывать на нанесеніе намъ вреда подобнымъ способомъ стрѣльбы. Вредъ дѣйствительно оказывался и даже порядочный; напримѣръ, Пензенскій полкъ, стоящій здѣсь фланговымъ, потерялъ уже отъ этихъ выстрѣловъ до 150 человѣкъ въ теченіи мѣсяца! У командира полка Канаржевскаго, шатеръ пробитъ пулями въ трехъ мѣстахъ, а командиру батареи лит. В, одна изъ нихъ прострѣлила пальто. Въ артиллерійской прислугѣ, пока впрочемъ убыли нѣтъ, хотя еще недавно пуля ударила у самыхъ ногъ дежурнаго. Протаженіе этой части участка около версты.

Личный составъ боевой артиллерійской линіи помѣщается въ землянкахъ, построенныхъ солдатами при батареяхъ, о чемъ послѣдовало особое распоряженіе, въ виду наступавшаго холоднаго времени и неизвѣстности срока нашего здѣсь пребыванія. Землянки эти состоятъ изъ продолговатой ямы, накрытой двускатной изъ жердей крышей, на которую набросаны сучья, кукурузная солома и толстый слой земли; въ каждой имѣется печка, сложенная изъ плитняка, добываемаго въ Гривицѣ изъ разрушенныхъ домовъ; оконъ нѣтъ, исключая землянокъ офицерскихъ, да и то не во всѣхъ. Подобное же помѣщеніе устраивается теперь и для меня, на осадной батареѣ № 7, но большое затрудненіе добыть необходимый лѣсъ; на позиціи кругомъ не осталось ни деревца и только нѣсколько ихъ торчатъ еще въ Гривицѣ и Радишевѣ, благодаря спеціальному запрещенію не рубить. Пришлось за лѣсомъ послать верстъ за двадцать, къ Ловчѣ. Землянки пѣхотныхъ частей образуютъ какъ бы цѣлыя поселенія, съ самой разнообразной физіогноміей, но издали очень мало замѣтны, сливаясь своими крышами съ общимъ колоритомъ мѣстности. Народа вообще видно мало, особенно въ дурную погоду, которая держится почти постоянно.

Теперь еще нѣсколько словъ о позиціи турокъ впереди моего участка. Прямо передъ фронтомъ стоятъ въ двѣ линіи четыре турецкихъ редута, впереди №№ 1-й и 4-й, сзади №№ 6-й и 5-й. Наискось, вправо, виднѣется на возвышенностяхъ большой укрѣпленный лагерь № 17-й, наискось, влѣво—можно отличить редутъ № 10-й. Лѣвѣе № 6-го видѣнъ еще № 8-й, за которымъ едва-едва замѣтенъ № 7-й, а правѣе № 5-го по скату къ шоссе стоитъ батарея № 19-й, названная нашими солдатами „четырехъ-глазою", отъ четырехъ амбразуръ въ ней имѣющихся. Самой Плевны съ моего участка не видно, и только съ двухъ пунктовъ его можно въ ясную погоду разсмотрѣть кусочекъ южной части города.

Вотъ всѣ цѣли для нашихъ орудій; иногда впрочемъ на Гривицкое шоссе выѣзжаетъ еще полевая турецкая батарея, но обыкновенно сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, она спѣшитъ удалиться. На этомъ же шоссе верстахъ въ двухъ впереди виднѣется разрушенная водяная мельница, занятая турками и, наконецъ, впереди № 1-го видна въ трубу непріятельская траншея, изъ которой турки по временамъ поддерживаютъ рѣдкій ружейный огонь по нашимъ аванпостамъ. Всѣ упомянутыя укрѣпленія обыкновенно кажутся совершенно пустыми, даже разсматривая ихъ вооруженнымъ глазомъ, и только изрѣдка можно замѣтить въ нихъ появленіе кучекъ рабочихъ и движеніе отдѣльныхъ людей. №№ 5-й и 6-й соединены длинной сплошной куртиной, за которой очевидно расположены невидимыя намъ землянки, такъ какъ присутствіе ихъ изобличается вьющимися иногда дымками. Въ общемъ все пространство лежащее передъ нами кажется пустымъ и необитаемымъ.

Что касается разстоянія до турецкихъ укрѣпленій, то всѣ онѣ вообще за предѣлами хорошаго пушечнаго выстрѣла, а нѣкоторыя, или вѣрнѣе—большинство, внѣ мало-мальски даже и порядочнаго. Для этихъ послѣднихъ дистанцій не полагается даже оцѣнки и въ мирное время, т. е. на учебномъ полѣ, чего же можно требовать на практикѣ боевой, въ которой результаты обученія само собой еще значительно понижаются!...

Ближайшимъ редутомъ къ намъ стоитъ конечно сосѣдъ Гривицкаго, сосѣдъ ежедневно посылающій пули вдоль правой половины моего участка, но его считать нечего, по той причинѣ что онъ намъ совершенно невидимъ. Затѣмъ въ порядкѣ отдаленія слѣдуютъ №№ 1-й и 4-й, въ нихъ изъ нѣкоторыхъ пунктовъ моего участка около 1,200 сажень; остальные редуты и укрѣпленія отстоятъ: №№ 5-й и 6-й отъ разныхъ пунктовъ участка отъ 1,650 до 2.000 саж.; № 8-й, видимый только двумъ батареямъ, 1,650 до 1,800 саж.; № 7-й отъ 1,850—2,000 саж.; № 10-й, видимый только съ одной батареи, 1,900 саж.; укрѣпленный лагерь № 17-й отъ 1,900—2,100 саж. и „четырехъ-глазая“ батарея на 1,770 сажень.

При такихъ условіяхъ становится яснымъ, что въ силу сложившихся обстоятельствъ роль нашей артиллеріи въ обложеніи Плевны, заключается не столько въ нанесеніи существеннаго вреда землянымъ сооруженіямъ непріятеля и скрывающимся за ними туркамъ, сколько въ дѣйствіи моральномъ и обезпеченіи нашихъ собственныхъ позицій, въ случаѣ попытки врага изъ кольца его окружившаго.

Кольцо это уже окончательно сомкнулось послѣ дѣла 12-го октября нашей гвардіи подъ Горнымъ Дубнякомъ. Объ атакѣ гвардейцевъ и результатахъ ея мы узнали конечно позже, но могли только предполагать нѣчто въ виду усиленной кононады, которую намъ велѣно было открыть упомянутаго числа. Въ теченіи этого дня, съ 10 часовъ утра до $5^1/_2$ пополудни, батареями былъ одновременно произведенъ 21 залпъ изъ всѣхъ орудій, такъ что на одномъ моемъ участкѣ было выпущено болѣе 750 снарядовъ. Послѣ мы узнали, что цѣлью нашего усиленнаго огня была демонстрація противъ Османа-паши, чтобы отвлечь его вниманіе отъ происходившаго подъ Дубнякомъ. Канонада наша вѣроятно разсердила турокъ, такъ какъ не отвѣчая намъ въ теченіи дня, они ночью въ свою очередь открыли огонь, явленіе у нихъ рѣдкое, и принялись обстрѣливать мою фланговую батарею № 7-й, а также и расположенный лѣвѣе Воронежскій полкъ.

Толки о событіяхъ 12-го октября дали пищу разговорамъ дня на два, и такъ какъ оффиціальныхъ свѣденій мы не имѣли никакихъ, то разумѣется всякіе летучіе слухи принимались на вѣру, и переходя изъ рукъ въ руки постепенно искажались до невозможности. Невольно приходилось задавать себѣ вопросъ: для кого же существуетъ тотъ летучій Военный Листокъ, который издается при арміи? Мнѣ лично, по крайней

мѣрѣ, не попалось ни одного номера этого изданія, цѣль котораго однако была очевидно служить войскамъ на позиціяхъ. Въ главной квартирѣ я его видѣлъ, а здѣсь, гдѣ всякое новое извѣстіе съ жадностью подхватывается налету, существованіе этого Листка даже забыли. Казалось, чего бы стоило ассигновать сотню экземпляровъ для разсылки на позиціи, тѣмъ болѣе что и редакція-то сама здѣсь не за горами, а между тѣмъ Листокъ вращается именно тамъ, гдѣ легче всего могутъ обойтись безъ его услугъ!...

Но надо вернуться опять къ теченію обстоятельствъ, хотя и не выдающихся, но тѣмъ не менѣе заполняющихъ однообразные дни нашего обложенія Плевны. Обстоятельства эти впрочемъ настолько мелки и значенія лишь мѣстнаго, что лучше ихъ заносить въ формѣ ежедневной артиллерійской лѣтописи моего участка. Переберу по порядку все, что у насъ происходило за послѣднюю недѣлю.

13-го Октября.

У турокъ замѣтно движеніе, — большое число ихъ показалось впереди редута № 1-й, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ батареи Иванова, всѣ снова попрятались. У № 4-го непріятель работалъ траншею. Около 3-хъ часовъ пополудни редутъ № 5 сдѣлалъ „по огню“ четыре выстрѣла, направленныхъ въ сторону за Гривицу, — повидимому въ румынъ. Четырехъ-глазая батарея также пустила нѣсколько гранатъ по румынскимъ работамъ. Съ нашей стороны въ теченіи предшествовавшей ночи и днемъ выпущено на всемъ участкѣ около 240 снарядовъ.

14-го Октября.

Утромъ туманъ. Наканунѣ ночью, около 11 часовъ, турки въ отвѣтъ на залпъ, сдѣланный румынами, открыли изъ №№ 5, 17 и 19-го огонь по ихъ батареямъ и по правой половинѣ моего участка. У насъ выпущено около 110 снарядовъ.

15-го Октября.

Турки сдѣлали около 15-ти выстрѣловъ изъ №№ 5, 6 и 19-го. Въ укрѣпленномъ лагерѣ было замѣтно движеніе и еще большее одиночныхъ людей и даже нѣсколькихъ повозокъ—между №№ 5 и 6. Замѣченъ былъ обозъ изъ восьми фуръ, шедшій по шоссе, въ немъ успѣли подбить одну повозку, послѣ чего онъ скрылся въ лощину. Ночью, въ десятомъ часу, на лѣвомъ флангѣ видно было зарево большаго пожара, а на правомъ—у румынъ, всю ночь слышался ружейный огонь. У насъ выпущено около 120 снарядовъ.

16-го Октября.

Утромъ туманъ. Около 11 часовъ турки начали стрѣлять изъ №№ 5, 4 и 19-го, направляя огонь частью въ лощину лѣвѣе моей фланговой батареи № 7 и по правой половинѣ участка. Въ укрѣпленномъ лагерѣ замѣчено скопленіе войскъ, но не замедлившихъ скрыться, когда мы въ нихъ направили свои выстрѣлы. На шоссе замѣчено нѣсколько повозокъ, при которыхъ успѣли ранить или убить двоихъ людей. Съ нашей стороны выпущено около 890 снарядовъ.

17-го Октября.

Турки нѣсколько времени поддерживали слабый и рѣдкій огонь съ № 5-го и четырехъ-глазой батареи, въ сторону Гривицкаго редута. Часовъ въ 9 утра у № 5-го замѣтно было скопленіе войскъ, а съ двухъ часовъ пополудни — довольно значительное передвиженіе войскъ-же, но несомкнутыми частями, и повозокъ, изъ укрѣпленнаго лагеря въ Плевну. Снарядовъ выпущено около 170.

Ночью ожидалось нападеніе турокъ на Гривицкій редутъ, о чемъ съ вечера было получено собственноручное предупрѣжденіе отъ генерала Тотлебена. Тамбовскому полку, 31-й артиллерійской бригадѣ и Гривицкой осадной батареѣ велѣно было быть въ готовности, лошади полевыхъ батарей стояли въ запряжкѣ всю ночь. Однако все прошло спокойно.

18-го Октября.

Турки изъ № 5-го, 19-го и изъ укрѣпленнаго лагеря, обстрѣливали съ 10 часовъ утра правую половину моего участка. По осадной Гривицкой батареѣ четырехъ-глазая сдѣлала 11 выстрѣловъ, но всѣ мимо. У насъ выпущено около 130 снарядовъ.

19-го Октября.

Слабый огонь съ обѣихъ сторонъ. На правомъ флангѣ за Гривицей постоянно слышна рѣдкая ружейная перестрѣлка. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ, за р. Видомъ, видны были пушечные выстрѣлы. Выпущено 50 снарядовъ.

20-го Октября.

Турки не стрѣляли. Между редутами №№ 1 и 5-й замѣчены войска, а около четырехъ-глазой батареи перевозилось орудіе. Изъ укрѣпленнаго лагеря въ Плевну двигались обозы, небольшими партіями отъ 7 до 9 повозокъ. У насъ выпущено около 130 снарядовъ.

Итого въ теченіи недѣли съ моего участка сдѣлано около 2000 выстрѣловъ, т. е. въ среднемъ почти 300 въ сутки. По всей вѣроятности

не менѣе того выпущено и на остальныхъ, слѣдовательно въ общемъ цифра расхода порядочная, до тысячи бомбъ и гранатъ ежедневно. Любопытно-бы знать, насколько страдаютъ турки отъ нашего огня, но къ сожалѣнію данныхъ для этого никакихъ не имѣется, такъ какъ поврежденія въ земляныхъ постройкахъ безъ сомнѣнія немедленно исправляются, а о потеряхъ въ людяхъ судить не изъ чего. Несомнѣнно однако то, что во первыхъ турки расходуютъ свои снаряды экономно, такъ какъ огонь ихъ вообще очень рѣдокъ и слабъ, быть можетъ потому, что они не разсчитываютъ болѣе на какіе либо подвозы извнѣ, а во вторыхъ—непріятель видимо избѣгаетъ ввязываться въ серіозный поединокъ съ нашими батареями, такъ какъ зачастую бываетъ, что послѣ двухъ-трехъ залповъ напр. съ Гривицкой осадной батареи по открывшему огонь редуту, послѣдній сейчасъ же прекращаетъ стрѣльбу и очевидно прячетъ свои орудія. Оно впрочемъ и понятно, такъ какъ на нашей сторонѣ огромный перевѣсъ въ артиллеріи, которой наоборотъ у турокъ видимо недостаточно. Потерь отъ ихъ выстрѣловъ мы не несемъ никакихъ, хотя турецкіе снаряды ложатся вообще близко около своей цѣли. Неслыхать о несчастіяхъ даже въ самой деревнѣ Гривицѣ, хотя гранаты турокъ залетаютъ иногда и туда, тѣмъ болѣе что она лежитъ на линіи выстрѣловъ, направляемыхъ непріятелемъ въ осадную батарею.

Въ сущности пассивная роль обложенія начинаетъ уже тяготить войска своимъ относительнымъ бездѣйствіемъ. Скука и томительное однообразіе длиннаго ряда дней начинаетъ брать свое...

Въ теченіи этого-же времени у насъ подъ Плевной испытывалась новинка, доставленная изъ Николаева,—пироксилиновыя ракеты, привезенныя лейтенантомъ Рюминымъ. Въ первый разъ около десятка ихъ было выпущено на нашемъ лѣвомъ флангѣ, по редуту № 10-й, но мѣткость ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась крайне неудовлетворительною. Ни одна ракета въ редутъ не попала! Разсказывали, впрочемъ, что одна все-таки угодила прямо въ ровъ, въ которомъ должна была надѣлать переполохъ, если тамъ были турки. Моральное дѣйствіе этихъ ракетъ весьма сильно, такъ какъ воспламененіе заряда въ десять фунтовъ пироксилина производитъ при паденіи ракеты на землю оглушающій взрывъ, и еслибы подобный снарядъ обладалъ достаточною мѣткостью, то могъ-бы въ иныхъ случаяхъ быть очень полезенъ. Одна изъ слѣдующихъ пробъ была назначена на правомъ флангѣ, именно изъ Гривицкаго редута, причемъ мнѣ дано было порученіе сдѣлать на мѣстѣ наблюденіе, относительно имѣющихся получиться результатовъ. Къ назначенному времени я отправился въ редутъ, но еще былъ довольно далеко, какъ уже первая ракета взвилась съ могучимъ шипѣніемъ на воздухъ и черезъ нѣсколько секундъ гдѣ-то впереди раздался гулъ ея разрыва; проба уже началась, но почему-то ранѣе срока. Въ отвѣтъ на ра-

кету, съ одного изъ турецкихъ редутовъ открыли огонь гранатами по редуту Гривицкому, такъ какъ мѣсто пробы, вѣроятно, было замѣтно туркамъ; нѣсколько гранатъ проборождили брустверъ и разорвавшись съ визгомъ унеслись вдаль, затѣмъ все стихло. Отдавши лошадь казаку, я отправился пѣшкомъ, по траншеѣ занятой Пензенскимъ полкомъ и встрѣтившись съ командиромъ послѣдняго Канаржевскимъ, пошли вмѣстѣ. Ракеты спускались теперь уже въ другомъ пунктѣ,—въ одномъ изъ ложементовъ, выведенныхъ румынами изъ Гривицкаго редута. Отсюда ясно было видно турецкая траншея, шедшая подъ угломъ по направленію къ намъ изъ редута сосѣдняго съ нашимъ, а почти паралельно ей тянулась румынская, такъ что обѣ были у насъ передъ глазами; турецкая — служила цѣлью, въ которую старался попасть Рюминъ, но, разумѣется, тщетно. Ракеты высоко взвивались на воздухъ и затѣмъ вертя хвостомъ падали внизъ, совершенно сбиваясь съ своего направленія, такъ что даже явилось опасеніе, какъ бы не попасть еще въ своихъ. Одна изъ ракетъ, пущенная прицѣльно, подъ малымъ угломъ, не разорвалась вовсе, угрожая такимъ образомъ кому нибудь несчастьемъ въ будущемъ...

На этомъ опыты и окончились. Турки здѣсь насъ почему-то не безпокоили, хотя мы стояли почти открыто, даже не въ безопасности отъ ихъ ружейныхъ выстрѣловъ, за то на возвратномъ пути пришлось испытать всѣ неудобства близкаго сосѣдства турецкаго редута съ Гривицкимъ; пули такъ и посвистывали, перелетая черезъ послѣдній, а одна чуть не задѣла Канаржевскаго, шедшаго со мной рядомъ, ударивъ въ землю у самыхъ его ногъ. Впрочемъ въ концѣ концовъ, все обошлось благополучно.

Плевна, 1-го Ноября.

Проходитъ день за днемъ, новаго ничего, все тоже и тоже; содержаніе каждыхъ сутокъ вылито совершенно въ одну форму, что было вчера, то и сегодня, то-же будетъ и завтра. Впереди еще длинная цѣпь подобныхъ безцвѣтныхъ дней, не совсѣмъ выгодно вліяющихъ и на моральную сторону войскъ, въ томъ отношеніи, что поселяется въ извѣстной степени нѣкоторая халатность къ исполненію своихъ обязанностей, халатность—къ которой собственно говоря мы и вообще нѣсколько склонны; выражаясь технически—люди распускаются въ служебномъ отношеніи, къ чему располагаетъ и гнетущее состояніе окружающей природы, съ ея грязью, сыростью, туманами и непригляднымъ, заволоченнымъ тучами небомъ. А между тѣмъ, по существу нашихъ дѣлъ подъ Плевною, чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ сильнѣе должна рости наша дѣятельность и готовность, потому что каждый день ближе и ближе подвигаетъ развязку. Чувствую вліяніе гнетущей скуки даже на самомъ

себѣ, особенно въ теченіи безконечно длинныхъ, темныхъ вечеровъ, все раньше и раньше смѣняющихъ короткіе, сумрачные дни.

Живу, какъ уже говорилъ, на батареѣ, въ отдѣльной землянкѣ, сравнительно довольно удобной, хотя въ ней стоять можно только подъ конькомъ крыши, на остальномъ же пространствѣ необходимо нагибаться. Величина моей землянки—квадратная сажень; въ ней помѣщается складная кровать, столикъ, табуретъ и печка. Бомбовой ящикъ, съ отбитымъ дномъ служитъ оконною рамой, крышка ящика—ставнемъ; роль стекла замѣняетъ промасленный носовой платокъ, который хотя и пропускаетъ лишь тусклую полоску свѣта, но за то не размокаетъ и не рвется при сотрясеніи воздуха отъ стрѣльбы и залповъ 24-хъ фунт. пушекъ батареи; промасленый листъ бумаги пропускалъ гораздо болѣе свѣта, но разлетѣлся при первыхъ же выстрѣлахъ. Рядомъ со мной землянка командира батареи Столѣтова, смѣнившаго Иванова, и живущаго вмѣстѣ съ своимъ офицеромъ княземъ Вадбольскимъ; помѣщеніе ихъ гораздо просторнѣе, потому что выстроено гораздо раньше, когда въ лѣсѣ не было еще такого недостатка, за то совершенно темное, безъ окна,—цѣлый день при свѣчахъ. Вся орудійная прислуга помѣщается также въ землянкахъ за батареей, между которыми оставлено нѣсколько широкихъ проходовъ, на случай движенія сомкнутыхъ частей пѣхоты. Наконецъ по флангамъ батареи, въ нѣкоторомъ отдаленіи, расположена въ видѣ прикрытія стрѣлковая рота Галицкаго полка, подъ командой Башилова, занимающая небольшіе ложементы и свои землянки за ними.

Таковъ внѣшній видъ нашего помѣщенія въ боевой линіи; издали видѣнъ только брустверъ, съ выглядывающими изъ-за него къ верху дулами 24-хъ фунтовыхъ пушекъ, остальное все сливается въ одну сѣрую массу. Вечеромъ и ночью, все погружено въ мракъ, сгущающійся иногда до такой степени, что безъ фонаря не доберешься отъ землянки до орудій на батареѣ, а непремѣнно собьешься съ дороги, хотя и сотни разъ хоженой. Надоѣстъ сидѣть вечеромъ въ своей конурѣ и выйдешь промяться; кругомъ непроглядная тьма и только свѣтятся два огонька—у меня и моего визави, черезъ площадку,—Башилова; пользуясь этими маяками, ходишь взадъ и впередъ часа два, орьентируясь брезжущимъ свѣтомъ, мигающимъ изъ этихъ двухъ окошечекъ; знаешь, что вотъ столько-то шаговъ пройдешь по густой липкой грязи, затѣмъ будетъ лужа, которую нужно обойти, потомъ не много мѣста по суше, дернистаго, затѣмъ опять грязь и т. д.,—зрѣніе уже не учавствуетъ въ выборѣ дороги. Случались и днемъ такіе туманы, что отойдя шаговъ сто за батарею, теряешь изъ вида все кругомъ, а далѣе сбиваешься и съ направленія, которое повѣряешь уже межою пахоти кукурузнаго поля, да направленіемъ скатовъ нашей возвышенности. Темнота ночей особенно даетъ себя чувствовать, когда пустишься въ объѣздъ своего участка.

Мѣстность извѣстна, какъ свои пять пальцевъ, а между тѣмъ, не разъ приходилось плутать около батарей, не находя ихъ. Направленіе отъ своей резиденціи возьмешь кажется вѣрное, — чрезъ нѣсколько минутъ, кругомъ не видать ничего и напрасно силишься проникнуть глазами въ застилающую все черную пелену; спрашиваешь сопровождающаго казака,— не видать-ли влѣво Галицкаго люнета, мимо котораго слѣдуетъ проѣхать, но „Гаврилычъ“ ѣзжалъ здѣсь рѣже, чѣмъ я, и развѣ только врожденный инстинктъ орьентироваться, не обманетъ казака; положиться на это однако трудно, да и въ отвѣтѣ его далеко не звучитъ увѣренности... Вотъ, наконецъ, чуть не уперлись носомъ въ какое-то укрѣпленіе, — оказывается люнетъ, но люнетъ не Галицкій, а Козловскій, значитъ много забрали влѣво, и первый уже миновали, не видавъ его. Опять все исчезло изъ глазъ, черезъ нѣсколько минутъ окликъ часоваго, — уперлись въ батарею съ фронта!.. Приказываешь разбудить офицера, — выходитъ ежась отъ ночной сырости; все исправно, дежурныя орудія не спятъ, пушки наведены куда слѣдуетъ, все остальное также въ порядкѣ,—ѣдемъ далѣе. Опять батарея,—офицера долго нѣтъ,—замѣчаніе. Лошадь начинаетъ осторожно стукать по крутому спуску, такъ и должно быть, внизу Гривицкій ручей, за нимъ шоссе въ Плевну, сейчасъ дырявый мостикъ у мельницы; бросаешь поводья и лошадь низко свѣсивъ голову, шлепаетъ ногами по водѣ черезъ ручей, затѣмъ быстро взбирается къ мостику и здѣсь остановившись на секунду, старается разсмотрѣть знакомую дыру, въ которой разъ чуть не сломала себѣ ногу. Тутъ править нечего, все равно ничего не видно, а умное животное перейдетъ само вѣрнѣе. Вотъ и шоссе, въ общей тиши отчетливо слышенъ стукъ копытъ о каменный грунтъ дороги, да изрѣдка за Гривицкимъ редутомъ щелкнетъ ружейный выстрѣлъ, сейчасъ надо круто повернуть на право, черезъ канаву, а переѣзда все нѣтъ! Вдругъ сзади сверкаетъ снопъ огня, раздается громъ орудія и гдѣ-то на верху, во тьмѣ, шипя несется бомба, направляясь къ турецкимъ редутамъ... Опять далеко проѣхали, знакомый гулъ 24-хъ фунтовой пушки; но довольно далеко сзади, указалъ, что мы много удалились отъ осадной Гривицкой батареи,—переѣздъ черезъ канаву къ ней ближе, надо вернуться назадъ... Наконецъ опять на настоящемъ пути, вступаемъ въ раіонъ турецкихъ ружейныхъ выстрѣловъ, на позиціи Тамбовскаго и Пензенскаго полковъ. Здѣсь легко наткнуться на шальную пулю, и ѣдешь имъ на встрѣчу не съ особенно пріятнымъ ожиданіемъ. Вотъ гдѣ-то выше плавно прожужжала одна, черезъ минуту сбоку — другая, потомъ опять невозмутимая тишина... Опять щелкнулъ выстрѣлъ, снова жужжаніе въ сторонѣ, — шпоры лошади и рысью впередъ!..

Часа черезъ два-три, съ удовольствіемъ протянешься полураздѣтый, на своей походной кровати, и обогрѣвшись подъ одѣяломъ, не разъ

пожалѣешь о тѣхъ, кто въ такую сырую, мрачную ночь долженъ дрогнуть въ мокрой, грязной траншеѣ. Что сравнительно съ этимъ значитъ объѣхать ночью позицію!..

Какъ ни однообразно тянется время, а день за днемъ все прибавляются къ счету. Вотъ уже пошелъ и ноябрь. Встанешь утромъ, не скажу чтобы рано, да и не зачѣмъ, тѣмъ болѣе, что еще и темно, принесетъ деньщикъ самоваръ, прочитаешь присланныя донесенія и часу въ десятомъ выйдешь на батарею, посмотрѣть—нѣтъ ли чего новаго. Затѣмъ, на лошадь и поѣдешь по позиціи, — вездѣ все тоже, новаго ничего. Обогнешь фланговый Пензенскій полкъ, заѣдешь иногда къ его любезному командиру и затѣмъ черезъ ручей за полкомъ направишься къ Гривицѣ. По дорогѣ всякій разъ невольно обернешься на право, немного въ сторонѣ начинаетъ мало по малу выростать кладбище, изъ безвѣстныхъ солдатскихъ могилъ... Пока, слава Богу, ихъ еще немного, всего одинъ рядъ, осѣненный грубо сколоченными крестами. Сосчитаешь мимоходомъ—не прибавилось-ли новыхъ. Затѣмъ на осадную батарею, показываютъ новыя борозды отъ непріятельскихъ снарядовъ, всѣ мимо, черезъ батарею. Дальше, по краю неразрушенной части Гривицы, тянется ложементъ для стрѣлковъ, по насыпи разложены рядами ружья и сидятъ солдаты; задаешь себѣ вопросъ—зачѣмъ они тутъ? впереди вѣдь цѣлая боевая линія съ батареями и укрѣпленіями, занятая войсками. Что-же дѣлаютъ наши воины здѣсь?... Подымаешься опять на верхъ за шоссе и направляешься прямо на Великокняжескую гору, такъ какъ пора поспѣвать къ обѣду, за общій столъ у Моллера. Соберется здѣсь человѣкъ десять, но бесѣда не вяжется, обо всемъ уже переговорили, новаго ничего, въ палаткѣ гдѣ обѣдаютъ мокреть и сырость, однообразіе видимо на все накладываетъ свою тяжелую руку, всѣ лица какія-то кислыя... Потолкаешься тамъ съ часъ и назадъ къ себѣ на батарею. По дорогѣ опять все давно уже знакомое, сотню разъ видѣнное; сейчасъ будетъ вырубленный до корней виноградникъ, затѣмъ спускъ къ ручью ид о нельзя растоптанное мѣсиво грязи у фашиннаго переѣзда черезъ ручей; тутъ-же фонтанъ съ вѣчно толпящимися кругомъ солдатами Галицкаго полка, потомъ дорога на право, съ неизмѣннымъ жидомъ-маркитантомъ библейской наружности, пріютившимся на бойкомъ мѣстѣ съ своей фурой и землянкой, подъ охраной нѣсколькихъ конвойныхъ солдатъ, которыхъ онъ всячески ублажаетъ, какъ своихъ постоянныхъ тѣлохранителей. Далѣе опять подъемъ по вырубленнымъ и растоптаннымъ виноградникамъ, тамъ и сямъ виднѣются солдатики, занятые избіеніемъ на себѣ разныхъ называемыхъ и неназываемыхъ насѣкомыхъ, и выѣзжаешь на высоты 9-го корпуса, т. е. въ свои владѣнія, батарея сейчасъ на лѣво, на выдавшемся впередъ отрогѣ. Въ хорошіе, впрочемъ очень рѣдкіе, дни, по близости упомянутаго фонтана, повторяетъ свой репер-

туаръ хоръ полковой музыки, и тогда съ удовольствіемъ замедляешь шагъ лошади, вслушиваясь въ знакомые мотивы оперъ и вальсовъ, переносящіе воображеніе далеко отъ сѣрой дѣйствительности...

Вечеръ—и опять безцѣльное шаганье по грязи; ложишься спать наконецъ, чтобы завтра опять начать по вчерашнему.

Такъ день за днемъ ежедневно.

Скучна эта прозаическая подкладка нашего обложенія, скучна и для офицеровъ и для солдатъ, тѣмъ болѣе что и конца ей не видно. Иногда, на самыхъ отдаленныхъ скатахъ возвышенностей, занятыхъ турками, видны пасущіяся стада валовъ, внѣ нашихъ выстрѣловъ, что наводитъ на неутѣшительныя мысли относительно предполагаемыхъ въ арміи Османа-паши нуждъ. Съ фуражемъ мы сами бѣдствуемъ; моя лошадь получаетъ напр. всего два фунта сѣна въ день и около двухъ гарнцевъ кукурузы съ ячменемъ. Справочная цѣна на сѣно объявлена 1 р. 42 к. (бумажными деньгами) пудъ, а говорятъ на западѣ отъ Плевны, за рѣкой Искеромъ, сѣна нетронутаго пропасть!... Съ топливомъ также трудно, деньщики наши должны подбирать всякую дрянь, сучки и щепочки, чтобы было чѣмъ согрѣть печку; все кругомъ поломано и вырублено. О доскахъ для починки платформъ на осадныхъ батареяхъ, просишь какъ о какой нибудь драгоцѣнности, такъ что невольно вспоминаются турецкія батареи Никополя съ ихъ 3-хъ дюймовыми настилками! Отсутствіе лѣса невыгодно еще и въ томъ отношеніи, что ничего нельзя предпринять для лучшаго сохраненія зарядовъ и снарядовъ отъ сырости. Они хранятся въ „нишахъ“, т. е. крытыхъ фашинами и землею углубленіяхъ, въ стѣнахъ траншей при батареяхъ, причемъ вліяніе постоянной мглы, всюду проникающей сырости, обнаруживается весьма ощутительно въ крайнемъ разнообразіи силы дѣйствія зарядовъ и горѣніи дистанціонныхъ трубокъ. Въ результатѣ, стрѣльба является иногда просто изъ рукъ вонъ, а картечныя гранаты даютъ чудовищныя аномаліи, такъ какъ въ нихъ одинаково важны и полетъ снаряда и время горѣнія трубки. Подъ часъ просто зло беретъ при видѣ неудачи всѣхъ стараній, прилагаемыхъ для полученія правильнаго выстрѣла; разсчитываешь на перелетъ при повышеніи прицѣла, а получаешь недолетъ; разсчитываешь время горѣнія трубки на столько-то секундъ, а она горитъ въ полтора раза далѣе!... Въ иные дни вдругъ задастся, что гранаты при паденіи не рвутся, приказываешь отвинчивать крышки у трубокъ и каждый снарядъ осматривать, оказывается что въ нѣкоторыхъ трубкахъ вода, въ другихъ образовалась зелень... Пришелъ къ тому крайнему убѣжденію, что герметическая укопорка зарядовъ небольшими партіями, по крайней мѣрѣ въ осадной артиллеріи, и болѣе цѣлесообразное предохраненіе трубокъ отъ сырости, суть мѣры неотложной необходимости, въ видахъ даже самой экономіи казны, для избѣжанія хотя-бы совершенно непроизводи-

тельной траты дорогихъ снарядовъ, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ условій.

Но я увлекся вопросами чисто спеціальными, возвращаюсь къ прежнимъ мелочамъ нашего здѣсь пребыванія.

Вопросъ о томъ, что предприметъ въ концѣ концовъ Османъ-паша, разрѣшается всѣми довольно согласно, т. е. по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что турецкій главнокомандующій не сдастся, не сдѣлавъ отчаянной попытки пробиться сквозь линію нашего обложенія. За это ручаются извѣстная энергія и мужество Османа, качества — въ которыхъ ему никто не отказываетъ, хотя относительно остальныхъ его дарованій, какъ полководца, мнѣнія далеко не сходны. Тѣмъ не менѣе, несмотря на упомянутое убѣжденіе, въ турецкій лагерь былъ посылаемъ парламентеръ, съ предупрежденіемъ, какъ слышно, что турецкій главнокомандующій озаботился передъ сдачею сохранить недѣли на двѣ провіанта для своей арміи, такъ какъ иначе возникнетъ неминуемое затрудненіе въ продовольствіи массы сдавшихся солдатъ. Не знаю что отвѣчалъ Османъ, но предупрежденіе дѣйствительно раціональное и должно-бы заставить пашу подумать. Парламентеры паши обыкновенно направляются изъ Гривицы, по шоссе на Плевну, причемъ въ такихъ случаяхъ огонь на моемъ участкѣ прекращается до возвращенія посланнаго.

Впрочемъ все это—въ скобкахъ, такъ какъ я началъ собственно о предполагаемой попыткѣ турокъ прорваться сквозь наши линіи. Повидимому больше основаній думать, что попытка эта будетъ направлена на западъ, за рѣку Видъ, но слухи, основанные на показаніяхъ перебѣжчиковъ, почему-то напираютъ на совершенно противное, т. е. передаютъ что Османъ собирается ударить именно на Гривицу и, слѣдовательно, на моемъ участкѣ долженъ разыграться послѣдній кровавый эпизодъ плевненской драмы. Или быть можетъ подобные слухи — военная хитрость турокъ?....

Какъ бы то не было, но 25-го октября, по войскамъ 9-го корпуса былъ даже отданъ приказъ, въ которомъ сообщалось, во первыхъ — что попытка Османа прорваться, несомнѣнна и въ недалекомъ будущемъ, а во вторыхъ—что возможенъ явившійся слухъ о предстоящей въ связи съ этимъ на дняхъ атакѣ турокъ и именно по направленію на Гривицу, почему предписывалось усилить нашу бдительнность ночью и въ туманную погоду, и обратить особое вниманіе на болѣе доступные пункты — на правый флангъ Пензенскаго полка, на долину Гривицкаго ручья и балку между Козловскимъ и Воронежскимъ полками. Въ приказѣ сообщались, сверхъ-того, общія указанія относительно движенія резервовъ и порядка ружейнаго огня (стрѣлковымъ частямъ стрѣлять не ранѣе какъ на 1000 шаговъ), относительно преслѣдованія по отбитіи атаки—чтобы люди далеко не увлекались и, наконецъ—чтобы никто не вѣрилъ сигналу

отступленія, который въ настоящемъ случаѣ долженъ быть забытъ и никѣмъ изъ нашихъ поданъ быть не можетъ, а если-бы былъ услышанъ, то это значитъ хитрятъ турки, играя на своихъ рожкахъ наши сигналы нарочно, какъ это уже бывало у нихъ замѣчено. Сигналистамъ предписывалось во время атаки вооружиться и быть въ строю.

Пока слухи эти, однако, не оправдываются и день за днемъ уходятъ по прежнему, оставляя въ результатѣ только лишнія безсонныя ночи.

Какъ-то на дняхъ мнѣ довелось побывать въ самыхъ передовыхъ румынскихъ траншеяхъ, отъ которыхъ до непріятельскихъ ложементовъ не болѣе 30 шаговъ. Траншеями этими румыны приблизились изъ Гривицкаго редута, къ своему сосѣду—турецкому, находящемуся по близости; теперь непріятели сошлись такъ близко, что румыны кидаютъ въ турокъ корками хлѣба изъ-за своихъ насыпей. Въ траншеяхъ у себя союзники поставили четыре мортиры, турецкихъ-же, отданныхъ имъ изъ числа взятыхъ нами въ Никополѣ, и бросаютъ изъ нихъ въ турецкій редутъ сферическія бомбы на весьма близкомъ разстояніи. Редутъ этотъ внутри, безъ сомнѣнія, также стѣсненъ, какъ и Гривицкій. почему можно думать, что румынскія бомбы здѣсь даромъ не пропадаютъ. Румыны передавали даже, что одинъ разъ послѣ ихъ выстрѣла у турокъ были слышны ужасные крики, видѣнъ былъ какой-то взрывъ и полетѣвшія вверхъ обломки съ частями человѣческихъ тѣлъ!—Дѣло не невозможное, но сомнительной достовѣрности, по неблагонадежности вообще всякихъ повѣствованій нашихъ союзниковъ. Во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно и то, что еслибы упоминаемый редутъ подвергнуть усиленному бомбардированію изъ большаго числа мортиръ, то ему пришлось-бы жутко и едва-ли бы турки были въ состояніи удержаться. На такомъ близкомъ разстояніи вполнѣ годились-бы мортиры и старыя, гладкія, всякихъ калибровъ, и быть можетъ упоминаемый редутъ палъ-бы, подобно, напр., Телишу, отъ одного дѣйствія артиллерійскаго огня. Идея объ этомъ даже сообщалась кому слѣдуетъ, но одобренія не воспослѣдовало, почему именно—не вѣдаю. Неужели въ подобной мѣрѣ видѣли дѣйствія наступательныя, отъ которыхъ мы обсолютно отказались въ настоящемъ періодѣ? Редутъ этотъ причинилъ уже не мало потерь, даже безъ всякихъ штурмовъ,—отъ него въ 31-й дивизіи выбыло изъ строя не мало народа, почему казалось-бы, что выжить изъ него турокъ—дѣло вполнѣ заслуживающее вниманіе; ждать отъ румынъ—когда они имъ овладѣютъ, придется еще очень, очень долго, такъ какъ это послѣдуетъ безъ сомнѣнія—послѣ сдачи Османа-паши!...

Итакъ возвращаюсь къ посѣщенію траншей.

Мы отправились вдвоемъ съ полковникомъ Бильдерлингомъ, на-дняхъ прибывшимъ на короткое время изъ Журжи. По дорогѣ навѣстили командира Пензенскаго полка, и получивъ отъ него въ провожа-

тые одного изъ офицеровъ, пустились по лабиринту глубокихъ, прикрытыхъ съ одной стороны насыпями канавъ, наполненныхъ солдатами. Въ траншеяхъ во многихъ мѣстахъ вода; около рва Гривицкаго редута по временамъ чувствуется въ воздухѣ тяжелый запахъ труповъ, которыхъ здѣсь зарыта масса и притомъ весьма неглубоко. Намъ передавали, что въ этихъ мѣстахъ стоитъ только ковырнуть лопатой, чтобы попасть на трупъ; нельзя даже брать землю для исправленія насыпей, потому что сейчасъ-же обнажаются гніющія тѣла. По пути здѣсь есть одно очень опасное мѣсто, такъ какъ по своему положенію относительно турокъ оно открыто и анфилируется ружейными выстрѣлами, траверса-же до сихъ поръ еще не сдѣлано; — приходится шаговъ 50 идти на виду у близко находящихся турокъ. Въ редутѣ румунскій офицеръ, артиллеристъ, присоединился къ намъ, — показать свои орудія, и пошелъ впередъ. Вотъ добрались и до опаснаго перехода... румунъ, объявивъ намъ, что здѣсь очень скверно ходить и что нужно прибѣгнуть къ быстротѣ ногъ, показалъ намъ примѣръ, быстро проскакавъ галопомъ опасное разстояніе. Впереди меня шелъ Бильдерлингъ, захотѣвшій видимо немного побравировать передъ быстроногимъ румынскихъ Ахилломъ, и двинулся ни сколько не прибавивъ шагу, такъ что въ теченіи двухъ, трехъ минутъ турки могли повалить любаго изъ насъ на выборъ. Конечно не оставалось и мнѣ болѣе ничего, какъ послѣдовать примѣру Бильдерлинга, но, признаюсь, далеко не пріятное чувство сжимало сердце эти нѣсколько минутъ, въ которыя каждую минуту можно было ждать вѣрную пулю!... И ради чего?... Однако добрались до поворота благополучно и нашъ скакунъ румынъ былъ нѣсколько сконфуженъ, соединясь съ нами на той сторонѣ роковаго перехода, на которомъ еще недавно были убиты двое.

Но вотъ и крайній ложементъ, за которымъ въ тридцати шагахъ сидятъ турки. Передъ нами высокая, около полуторы сажени насыпь, съ небольшими, въ сигарочный ящикъ величиною, бойницами въ верхней части, въ которыя вставлены ружья. На скатѣ насыпи полулежа сидятъ румыны, изрѣдка заглядывая въ отверстія бойницъ; внизу также стоятъ и сидятъ кучками; въ сторонѣ, за завѣшанной цыновкою амбразурой, стоитъ орудіе. Разговоровъ не слыхать, всѣ серіозны, на чеку, здѣсь смерть не за горами, а за плечами... Въ бойницы смотрѣть подолго опасно,—сейчасъ летитъ турецкая пуля; нѣсколько ихъ уже свиснуло по верху, издавъ рѣзкій, короткій звукъ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который доводится слышать отъ этихъ-же пуль, объѣзжая, напр., свой участокъ; тамъ онѣ летятъ медленнѣе, лѣнивѣе, а здѣсь чуть не въ упоръ, съ полной силой своей начальной скорости. Собственно говоря порядочный стрѣлокъ, даже не долженъ дать промаха въ тридцати шагахъ, по цѣли представляемой бойницей упомянутыхъ размѣровъ, но сознаніе опасности положенія съ обѣихъ сторонъ, мѣшаетъ вѣрности

прицѣла; будешь долго цѣлить — предупредитъ противникъ и влѣпитъ пулю... Нашъ спутникъ, румынъ, пояснилъ, что случалось видѣть, какъ изъ одной бойницы въ непріятельскую и обратно—оттуда, одновременно прицѣливаются двое... Кто прежде выстрѣлитъ?...

Тѣмъ не менѣе неудержимое любопытство тянетъ къ опасному отверстію!... Видно, впрочемъ, немногое: такая-же сѣровато-желтоватая насыпь, рядъ бойницъ и высунувшіяся изъ нихъ ружья, — вотъ и все. Казалось будто мелькаютъ сзади и красныя фески, но быть можетъ это являлось только въ воображеніи, результатомъ напряженія нервовъ, — зазѣваешься долго, такъ и получишь роковой гостинецъ!...

Долго оставаться надобности не было, посмотрѣли, пораспросили,— зачѣмъ, напр., такая высокая насыпь въ ложементѣ,—объяснили въ отвѣтъ, что турки устроили у себя родъ кавальера, и начали стрѣлять сверху, почему пришлось возвысить валъ и съ своей стороны; выкурили по папироскѣ и назадъ. На обратномъ пути видѣли минный колодецъ, изъ котораго румыны ведутъ подъ редутъ галерею; работа идетъ крайне медленно, съ величайшими предосторожностями,—ее хватитъ на долго! Миновали мортирную батарею, изъ которой при насъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ,—бомба шлепнулась прямо въ редутъ. Опять добрались до опаснаго перехода; кто-то сказалъ, что есть другой путь, гораздо менѣе рискованный, и мы было направились туда, но попался еще благой совѣтчикъ и категорически заявилъ, чтобы мы не ходили новой дорогой, такъ какъ она еще хуже... Чѣмъ?—представить себѣ трудно, но кажется она была длиннѣе; мы, конечно, выбрали кратчайшую и благополучно опять пробрались назадъ по старой.

Въ общемъ итогѣ экскурсіи сознаніе, что, собственно говоря, игра не стоила свѣчь и рисковать con amore было не изъ-за чего, тѣмъ болѣе, что этого не требовала ни служба, ни долгъ.

Занятіе Зеленой горы Скобелевымъ, или вѣрнѣе—возвращеніе наше на эти высоты, очищенныя послѣ 30 августа, произошло вечеромъ 28-го числа, подъ покровомъ темноты и густаго тумана, благодаря чему обошлось еще сравнительно дешево; говорятъ, потеря не превышаетъ 150 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Съ батареи, гдѣ я живу, слышно было, какъ полилась дробь ружейныхъ выстрѣловъ, и сквозь сѣрую завѣсу тумана гдѣ-то вдали на лѣвомъ флангѣ, смутно просвѣчивалось множество огненныхъ точекъ; затѣмъ все смолкло. Во время атаки мы, по замѣткамъ на платформахъ, стрѣляли въ редутъ № 10, изъ котораго непріятель могъ дѣйствовать по атакующимъ, но попадали-ли—рѣшить трудно, такъ какъ судить было невозможно. Ночью на лѣвомъ флангѣ нѣсколько разъ возобновлялся ружейный огонь, — турки пытались выбить нашихъ изъ занятыхъ позицій, но неудачно; то-же самое повторилось и на другой день.

Это событіе наиболѣе выдающееся за послѣднее время, нѣсколько освѣжившее однообразное теченіе нашихъ дней; не худо-бы и у насъ, на правомъ флангѣ, произвести нѣчто подобное, что-бы покончить, независимо отъ ожидаемыхъ доблестей румынъ, съ турецкимъ редутомъ у Гривицы.

Вчера на моемъ участкѣ начата инженерами новая большая работа,—приступлено къ устройству плотины, чтобы отнять у турокъ воду Гривицкаго ручья, о чемъ съ утра я получилъ извѣщеніе, съ приказаніемъ энергически дѣйствовать по турецкимъ орудіямъ, если послѣднія откроютъ огонь по нашимъ рабочимъ. Едва-ли, однако, можно сомнѣваться въ противномъ, почему естественно представляется вопросъ: выкупаются-ли будущія потери значеніемъ предпринятаго сооруженія? Стоятъ-ли того нѣсколько мельницъ, двигаемыхъ Гривицкимъ ручьемъ, если цѣль нашего обложенія есть вполнѣ пассивное выжиданіе, пока у турокъ истощатся всѣ жизненные припасы?...

Къ величайшему удивленію, ожиданія мои, однако, совершенно не оправдались... Работа плотины шла цѣлый день, безъ помѣхи со стороны турокъ; не знаю что будетъ далѣе.

Продолжу еще затѣмъ краткую лѣтопись моего участка, за эти дни, хотя содержаніе ея весьма бѣдно, тѣмъ болѣе что частые туманы и скверная погода препятствуютъ дѣлать даже и возможныя наблюденія.

21-го Октября.

По войскамъ 9-го корпуса разослано увѣдомленіе, что вслѣдствіе дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, Шефкетъ-паша, шедшій съ 12-ю таборами къ Плевнѣ, бѣжалъ послѣ встрѣчи съ конно-гренадерами; 20-го числа взятъ нашими Дольній Дубнякъ, близъ Плевны.

Турки не стрѣляли, съ нашей стороны выпущено около 370 снарядовъ.

22-го Октября.

Турки сдѣлали до 30 выстрѣловъ, изъ №№ 1, 5 и 19-го, по правому флангу моего участка; съ нашей стороны выпущено около 100 гранатъ.

23-го Октября.

Непріятель сдѣлалъ по румынскимъ батареямъ, изъ №№ 5 и 19-го, до 40 выстрѣловъ; съ нашихъ двухъ осадныхъ батарей выпущено 54 бомбы.

24-го Октября.

Стрѣлялъ № 5 и № 6, далъ до 40 выстрѣловъ по румынамъ; съ нашихъ осадныхъ батарей сдѣлано 137.

25-го Октября.

№ 19-й сдѣлалъ всего четыре выстрѣла, съ нашихъ осадныхъ батарей—78.

26-го Октября.

Непріятель сдѣлалъ всего шесть выстрѣловъ изъ №№ 5 и 19-го; съ Гривицкой батареи выпущено 44 бомбы.

27-го Октября.

Изъ №№ 5 и 19-го турки произвели 25 выстрѣловъ; съ нашей стороны около 70.

28-го Октября.

Турки не стрѣляли; цѣлый день туманъ; съ нашей стороны, съ батареи № 7 сдѣлано 60 выстрѣловъ по № 10. Скобелевъ занялъ первый гребень Зеленой горы.

29-го Октября.

Турки изъ №№ 5 и 6-го сдѣлали днемъ около 20 выстрѣловъ и столько-же ночью, преимущественно по румынамъ. Въ два часа ночи за Тученицкимъ оврагомъ, на лѣвомъ флангѣ, былъ слышенъ сильный ружейный огонь, почему съ нашей стороны стрѣляли по редуту № 10; осадными батареями выпущено 100 бомбъ.

30-го Октября.

Около полудня турки изъ № 17-го производили довольно оживленный огонь по румынамъ, а около 5 часовъ вечера, во время ружейнаго и артиллерійскаго огня, начавшагося на лѣвомъ флангѣ, принялись даже стрѣлять залпами изъ №№ 5 и 6-го, но съ фасовъ, обращенныхъ въ ту сторону. Отъ насъ съ батареи № 6 сдѣлано 70 выстрѣловъ.

31-го Октября.

Между 2-я и 5-ю часами мы не стрѣляли, по случаю поѣздки къ туркамъ парламентера. Непріятель изъ № 19-го (четырехъ-глазая батарея) сдѣлалъ по Гривицкой десять выстрѣловъ. Ночью, во время ружейнаго огня на лѣвомъ флангѣ, стрѣляли №№ 5, 6 и 10. Съ нашей стороны выпущено 170 снарядовъ.

Плевна, 25-го Ноября.

Еще почти цѣлый прожитый мѣсяцъ, сложившійся изъ тѣхъ-же однообразныхъ, скучныхъ дней. Ноябрь на исходѣ, южная болгарская зима вступила, повидимому, вполнѣ въ свои права, хотя апогей ея, по

словамъ мѣстныхъ жителей, наступитъ еще позже, въ концѣ января, когда появляется и снѣгъ. Пока, однако, мы все еще пребываемъ въ густой грязи, покрывающей окрестности, но по утрамъ рано держатся еще ночные заморозки, все чаще и чаще напоминающіе, привычные намъ, признаки приближенія нашихъ сѣверныхъ, русскихъ зимъ. Заморозки эти, однако, приносятъ уже свои плоды въ мокрыхъ траншеяхъ,—начинаютъ появляться случаи отмораживанія ногъ солдатами.... Въ турецкихъ траншеяхъ частенько къ вечеру вьется длинный рядъ дымковъ, но огней не видать, слѣдовательно, очевидно, отапливаются какія-то внутреннія помѣщенія, о которыхъ въ нашихъ траншеяхъ не имѣютъ понятія. Поэтому непріятель вѣроятно лучше обставленъ въ своей службѣ на передовыхъ линіяхъ, чѣмъ мы; турки вѣдь извѣстные мастера копаться и приспособляться въ землѣ, нашего-же солдата вывозитъ развѣ его выносливость и многотерпѣніе. Есть, напр., у насъ и такіе молодцы, которые по сію пору щеголяютъ въ лѣтнихъ холщевыхъ шароварахъ!... Копѣечныя формальности дѣло намъ давно сродное, излюбленное;—изодрался въ походѣ десятокъ суконныхъ брюкъ, требуется актъ о негодности лохмотьевъ, а пока актъ достигнетъ рукъ подобающей власти, пока состоится разрѣшеніе отпустить десятокъ штановъ, пройдетъ столько времени что пожалуй опять придетъ пора надѣвать холщевыя брюки, или половина будущихъ владѣльцевъ перемретъ въ госпиталѣ.... Одно, впрочемъ, утѣшительно,—наши солдаты ѣдятъ по крайней мѣрѣ хорошо, хотя, конечно, не интендандство повинно въ этомъ. Полки имѣютъ свой скотъ, два раза въ день горячую пищу и чарку водки; послѣдняя, впрочемъ, не всегда доставляется аккуратно, но... вѣдь она получается изъ интендандства. Свѣжій хлѣбъ раздается, кажется, раза два въ недѣлю, въ остальное время замѣняется сухарями. Въ теплой одеждѣ вообще недостатокъ, но въ осадной артиллеріи многіе имѣютъ короткіе полушубки. Въ послѣднее время, въ Гривицѣ, появился какой-то торговецъ подобнымъ товаромъ, но, конечно, цѣны брались огромныя; напр. мой денщикъ за дрянненькій полушубокъ заплатилъ 12 р. золотомъ.

Роясь въ воспоминаніяхъ за истекшіе дни, встрѣчаешь все однѣ мелочи, на которыхъ невольно и останавливаешься, за неимѣніемъ ничего выдающагося. На позиціяхъ все по прежнему; дни сдѣлались еще короче,—съ четвертаго часу начинаетъ уже смеркаться,—разсвѣтъ около 8-ми. Безконечные темные вечера загоняютъ въ землянки все живое, свободное отъ службы, на цѣлую половину сутокъ. Подъ нависшимъ свинцовымъ небомъ ночи сдѣлались какъ будто еще темнѣе, еще непрогляднѣе; отойдешь отъ батареи шаговъ пятдесятъ и очутишься точно совершенно одинокимъ въ цѣломъ мірѣ, въ какой-то глуби сѣраго тумана, какъ будто надавленнаго на землю безлунной, беззвѣздной ночью. Сквозь тяжелый покровъ послѣдней какъ-то съ усиліемъ прорывается

откуда-то изрѣдка отблескъ пушечнаго выстрѣла, гдѣ-то глухо ударитъ пушка и снова кругомъ все тихо.... Много долгихъ часовъ проводишь отъ нечего дѣлать, прохаживаясь поздно вечеромъ, въ тылу батареи, если нѣтъ дождя. Многое перебродитъ въ головѣ въ это время, мысли наконецъ неизмѣнно возвращаются къ одному и тому-же неизмѣнному вопросу—когда же все это кончится, что предстоитъ потомъ, послѣ Плевны? Но все это такъ-же непроницаемо, какъ и мракъ, среди котораго ступаешь теперь по вязкой, распустившейся почвѣ. Вотъ гдѣ-то вдали, по направленію къ Плевнѣ, высоко но тускло засвѣтилась какая-то огненная точка и неподвижно плаваетъ въ верхнихъ слояхъ насѣвшаго тумана; черезъ минутъ десять исчезла снова,—вѣроятно какой-нибудь сигналъ у турокъ. Вотъ около Гривицы образовалась вдругъ на небѣ свѣтящаяся полоска, крутой дугой спустившаяся въ сторону непріятеля и быстро снова скрывшаяся,—румыны въ траншеяхъ бросили бомбу, изъ своихъ гладкостѣнныхъ мортиръ; налѣво, изъ нашихъ траншей рѣзко щелкнулъ выстрѣлъ крѣпостнаго ружья, на батареѣ гдѣ я хожу слышится команда—„орудіе"... и клубъ огня на мгновеніе озаряетъ отпрыгнувшую назадъ 24 фунт. пушку и силуэты стоящей около прислуги,—бомба, шипя и издавая какіе-то прерывающіеся звуки, очень напоминающіе пыхтѣнье удаляющагося локомотива, какъ-то порывисто, точно съ усиліемъ разрываетъ густой туманъ и летитъ искать себѣ жертву; нѣсколько секундъ еще слышится все болѣе и болѣе учащающіеся какъ будто порывы полета бомбы, затѣмъ отблескъ разрыва и опять прежняя тишина *). Гдѣ-то вдали затянулъ свои раздирающія ноты голодный оселъ, глухо пролаяла собака и снова спокойствіе возстановляется на долго... Опять хожденіе взадъ и впередъ, въ двухъ шагахъ натыкаешься на какую-то темную фигуру: „Ваше выс—діе, казакъ записку привезъ", останавливаетъ деньщикъ, шаря по воздуху рукой съ бумажкой... Отправляешься въ землянку читать полученное приказаніе и сдѣлать распоряженія; требуешь своего разсыльнаго казака, нужно послать на нѣкоторыя батареи. По деревяннымъ ступенькамъ въ землянку тяжело вваливается ощупью заспанная фигура „Гаврилыча", вытащеннаго на сырость изъ какой-то норы, въ которой онъ сладко храпѣлъ бокъ о бокъ съ пріютившими его солдатами. Физіономія Гаврилыча видимо озабочена перспективой путешествія по батареямъ въ такую темную, непроглядную ночь; разсыльные особенно не любятъ, когда ихъ посылаешь на крайній правый флангъ, за Гривицкій ручей, но на этотъ разъ

* Приведенное сравненіе можетъ показаться страннымъ, но тѣмъ не менѣе оно совершенно правдоподобно; я его наблюдалъ не разъ и при густомъ туманѣ оно всегда повторялось. Отрывистые шипящіе звуки дѣлаются все короче и чаще по мѣрѣ удаленія снаряда, соотвѣтственно съ этимъ ослабѣвая, но въ первые моменты они очень сильны и характерны.

туда ѣхать не требовалось. Ушелъ, слышу за дверью шепотъ между моимъ Степаномъ и казакомъ, приготовляющимся влѣзать на лошадь: „Далече гонитъ?“ „Нѣтъ, нѣтъ“, радостно бормочетъ Гаврилычъ. „Слава тебѣ Господи, только до шаси (шоссе)!...“ Затѣмъ конскія копыта грузно зашлепали по грязи и казакъ отправился. Разъ случилось, что изъ подобной ночной поѣздки другой казакъ вернулся только на другой день утромъ, проплутавъ—по его словамъ—всю ночь, но полагаю, что въ дѣйствительности это было не совсѣмъ такъ и казакъ заблудившись въ туманѣ, вѣроятно приткнулся къ какой нибудь части войскъ, въ которую случайно заѣхалъ, и отложилъ до свѣта конецъ своей поѣздки. Что вечеромъ въ туманѣ легко сбиться съ дороги и заѣхать Богъ знаетъ куда, могутъ впрочемъ подтверждать многіе случаи; передавали напр., что въ отрядѣ Скобелева такимъ образомъ, вмѣсто своихъ, заѣхалъ какой-то турецкій артельщикъ съ котлами, а двое нашихъ офицеровъ заблудились даже днемъ и попали въ руки турокъ, которымъ выдали себя за парламентеровъ, разсказавъ сказку, что посланы съ предложеніемъ прекратить на другой день съ обѣихъ сторонъ стрѣльбу, по поводу яко-бы какого-то праздника.

Длинные, темные вечера и ночи прерываются короткими сумрачными днями, въ теченіи которыхъ стрѣльба оживляется лишь въ рѣдкую, сравнительно болѣе ясную погоду; въ остальное время виситъ туманъ и огонь поддерживается вяло, но за то ежедневные сосредоточенные залпы ведутся регулярно. Частенько этихъ залповъ бываетъ по нѣсколько въ теченіи сутокъ, не выключая и ночнаго времени, и въ послѣднемъ случаѣ они представляютъ весьма эффектную картину *). Среди непро-

*) Для примѣра записываю распредѣленіе этой сосредоточенной стрѣльбы за нѣсколько дней ноября мѣсяца:

Ноября 3-го, въ 4 ч. пополудни—залпъ по редуту № 7. Ноября 6-го, въ 5 час. по полудни—залпъ по городу или по землянкамъ между №№ 5 и 6 (для батарей которымъ городъ не видѣнъ); 7-го, въ часъ пополудни—три залпа по Плевнѣ или по траншеямъ между №№ 6, 5, 4 и 1 мъ. 8-го, въ два часа пополудни—залпъ по Плевнѣ, или по №№ 7-му и 8-му. 9-го, въ 6 ч. пополудни—залпъ по Плевнѣ, или по № 7-му. 11-го, въ 5 ч. утра—залпъ по Плевнѣ, или по траншеѣ между №№ 5-мъ и 6-мъ; въ 2 час. пополуночи—залпъ по Плевнѣ, или по №№ 7-му и 8-му. 13-го, въ 4 ч. пополудни—залпъ по Плевнѣ, или по пространству между №№ 7-мъ и 8-мъ. 14-го, въ 6 ч. пополудни—залпъ по Плевнѣ, или по редутамъ №№ 5 и 6; въ 2 ч. пополудни—залпъ по Плевнѣ, или по наилучше простреляннымъ цѣлямъ. 15-го, въ 3 ч. пополудни—залпъ по Плевнѣ, или по траншеѣ между №№ 5-мъ и 6-мъ. 16-го, въ часъ пополудни—залпъ по Плевнѣ, или по траншеѣ между №№ 5-мъ и 6-мъ; въ 7 ч. вечера—залпъ по Плевнѣ-же, или по траншеѣ у № 10-го, (въ 4 ч. пополудни было сдѣлано еще четыре экстренныхъ залпа по Плевнѣ). 17-го: въ $1^{1}/_{2}$ ч. пополудни—по Плевнѣ, или по редутамъ №№ 7-й и 8-й; въ 11 ч. ночи—по Плевнѣ, или по редутамъ №№ 5-й и 6-й. 18-го, въ 4 ч. утра—залпъ по Плевнѣ, или по пространству между №№ 5-мъ и 6-мъ. 19-го, въ 4 час. пополудни—по Плевнѣ, или по редутамъ №№ 1-й и 4-й; въ 2 ч. пополуночи—по Плевнѣ, или по про-

ницаемаго покрова ночи, въ опредѣленную минуту вдругъ сверкнутъ снопы пламени сигнальной батареи и роковая иллюминація въ ту же минуту обѣжитъ свѣтлымъ кольцомъ весь поясъ нашего обложенія; батарея за батареей вторитъ гулъ залпа, удаляющійся какъ эхо къ флангамъ и черезъ нѣсколько секундъ мѣстность обстрѣливаемыхъ пунктовъ покрывается сотнями блестящихъ вспышекъ отъ разрывовъ снарядовъ; въ воздухѣ нѣсколько секундъ стоитъ отдаленная дробь, какъ бы лопающихся ракетъ и затѣмъ все погружается въ прежній невозмутимый мракъ. Батарея № 7-й, гдѣ находилась моя резиденція, часто служила сигнальною, какъ находившаяся въ центрѣ расположенія; въ глухую ночь выйдешь изъ землянки къ часу залпа, тьма и сырость мгновенно охватятъ кругомъ; начинаешь отсчитывать шаги, чтобы во время повернуть къ орудіямъ, не видно ни зги... Повернулъ, и черезъ секунду влѣзъ было на какую-то наклонную плоскость, подъ ногами крыша сосѣдней землянки... Въ отдаленіи блеснулъ свѣтъ, слышится звукъ ломовъ о доски платформъ, въ двухъ трехъ мѣстахъ блестятъ на землѣ полуглухіе фонари, прислуга наводитъ по мѣткамъ орудія. Вотъ все стало по мѣстамъ, изъ темноты слышится голосъ Столѣтова—„батарея пли“, и при свѣтѣ пламени, блеснувшаго изъ восьми 24-хъ фун. пушекъ, на мгновеніе обрисовывается силуетъ бруствера съ падающими на него искрами... Немедленно справа и слѣва затонувшая въ мракѣ мѣстность вторитъ залпу батареи, и снопы пламени группами сверкаютъ по сторонамъ; вотъ донесся послѣдній залпъ съ крайняго праваго фланга и все смолкло опять, тьма еще гуще, еще непрогляднѣе охватила все кругомъ, дежурное орудіе остается бодрствовать; остальная прислуга идетъ спать и черезъ нѣсколько минутъ вездѣ опять невозмутимая тишина... Идешь въ землянку продолжать прерванный сонъ. А спится на позиціи хорошо; другой разъ и не выйдешь къ залпу, въ нѣсколькихъ саженяхъ раздается громъ осадныхъ орудій и все таки не просыпаешься, слышишь только смутно сквозь сонъ—какъ бы гдѣ-то близко хлопнули дверью.

День проходитъ за днемъ по одному и тому же шаблону; со стороны непріятеля огонь весьма слабъ, такъ что на нашихъ позиціяхъ онъ не внушаетъ ни малѣйшаго опасенія. По утрамъ на боевой линіи можно зачастую видѣть напр. картину весьма оригинальную для нашей обста-

---

странству между №№ 7-мъ и 8-мъ. 20-го, въ полдень—по Плевнѣ или по №№ 5 и 6; въ 11 ч. ночи—по Плевнѣ, или по траншеямъ у № 10-го. 21-го, въ 7 час. утра—по Плевнѣ, или по траншеѣ между №№ 5-мъ и 6-мъ. 22-го, въ 5 ч. пополудни—по Плевнѣ, или по редуту № 5-й. 24-го, въ 5 ч. пополудни—по Плевнѣ, или по траншеѣ между №№ 5-мъ и 6-мъ; въ полночь—по Плевнѣ или по траншеямъ около № 10-го. 25-го, въ 9 ч. вечера—по Плевнѣ, или по лагерю № 17 и батареѣ № 19; въ 2 час. ночи—по Плевнѣ, или по траншеямъ между №№ 1-мъ и 4-мъ; въ 6 час. пополуночи—по Плевнѣ, или по пространству между №№ 7-мъ и 8-мъ.

новки,—подъ выстрѣлами непріятеля пѣхота дѣлаетъ ученья, упражняясь въ маршировкѣ и разныхъ эволюціяхъ за линіей укрѣпленій, но совершенно открыто на глазахъ у турокъ. Часъ, другой, повторяются эти преуспѣянія многихъ мирныхъ лѣтъ, передъ носомъ турецкихъ редутовъ и послѣдніе безмолствуютъ, не прельщаясь отличной цѣлью для своихъ выстрѣловъ! Не знаю чѣмъ это можетъ объясняться, вѣдь стрѣляютъ-же турки въ другихъ случаяхъ!

Днемъ, когда состояніе погоды допускаетъ возможность наблюденій за непріятелемъ, осматриваешь въ трубу лежащую впереди мѣстность, но обыкновенно встрѣчаешь все то-же. Тѣмъ не менѣе турки какъ видно не бросаютъ совсѣмъ своихъ лопатокъ, время до времени замѣчаются кое-какія измѣненія въ ихъ постройкахъ. Недавно напр. (кажется 21-го числа), въ куртинѣ, соединяющей №№ 5-й и 6-й, непріятель вдругъ началъ продѣлывать выходъ и хотя днемъ работать ему мѣшали, но за ночь дѣло было сдѣлано и утромъ мы могли уже видѣть новую насыпь, въ видѣ исходящаго угла, прикрывавшую выходъ въ серединѣ куртиннаго вала.

Чаще всего, смотря въ трубу, останавливаешься на передовыхъ ложементахъ Воронежскаго полка, лежавшихъ далеко впереди передъ батареею, противъ ровиковъ, занятыхъ турками у редута № 1. Намъ ясно были видны фигуры нѣсколькихъ турецкихъ солдатъ, въ плащахъ бѣловатаго цвѣта и съ такими же накинутыми на голову башлыками; они виднѣлись открыто надъ насыпью ровика и не думали скрываться, изрѣдка давая выстрѣлы по стрѣлкамъ въ нашихъ ложементахъ; воронежцы на ихъ выстрѣлы не отвѣчали вовсе и не показывались изъ своей траншейки. Въ сущности впрочемъ и не стоило, если разстояніе между ними было дѣйствительно большое, какъ казалось намъ издали, саженъ болѣе 400; стрѣлять на такую дистанцію по одиночнымъ людямъ—толка никакого, почему показалось страннымъ, когда мы узнали, что въ стрѣлковыя роты Воронежскаго полка выдано по нѣсколько десятковъ турецкихъ ружей Пибоди (кажется по 30 на роту). Какая цѣль?... Положимъ, что у нашихъ ружей Крынка въ стрѣлковыхъ частяхъ прицѣлъ приспособленъ на 1.200 шаговъ, а у Пибоди гораздо далѣе, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Въ одиночныхъ выстрѣлахъ пуля на 2.000 шаговъ, говоря по Суворовски—дура, и если огонь турокъ пріобрѣлъ пагубную извѣстность на подобныхъ дистанціяхъ, то лишь потому, что подобныхъ „дуръ" выпускались сотни тысячъ, одинъ процентъ изъ которыхъ, если еще того не менѣе, попадая даже случайно, наносилъ огромный уронъ. Но вѣдь разсчитывать на это можно только при пальбѣ массы людей и громадномъ запасѣ патроновъ, какимъ напр. вѣроятно снабжали нашихъ противниковъ всесвѣтные аршинники-англичане, а какое-же значеніе могутъ имѣть 30 Пибоди въ ротѣ нашихъ солдатъ? Если требовалось подорвать въ послѣднемъ довѣріе къ своему оружію, съ которымъ онъ дерется, то

цѣль безъ сомнѣнія достиглась, но едва-ли подобныя соображенія могли входить въ разсчетъ раздавателей турецкихъ ружей! По моему, это наша близорукость какъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ, хотя бы напр. и въ вопросѣ о пресловутыхъ турецкихъ пушкахъ дальняго боя, ради которыхъ въ свое время было столько говора и поклеповъ, и которыя, сказать кстати, ничѣмъ въ концѣ концовъ не выказали своего превосходства надъ нашими 9-ти фунтовками, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ мнѣ удавалось это наблюдать лично. Впрочемъ, пусть подадутъ въ подобныхъ вопросахъ голосъ свой и другіе очевидцы, отрѣшившись отъ пристрастныхъ взглядовъ и отъ свойственнаго каждому желанія сваливать въ свое время причины неудачъ на обстоятельства, въ сущности совершенно второстепенныя, тогда какъ корень этихъ неудачъ совсѣмъ въ иномъ!

Но это вопросы опять чисто техническіе. Съ Пибоди или безъ Пибоди, однако положеніе стрѣлковъ турецкихъ и Воронежскихъ осталось тоже самое; попрежнему турецкіе башлыки и послѣ торчали надъ насыпью ровика, попрежнему дымки турецкихъ выстрѣловъ взвивались изъ ихъ ложемента, но наши солдатики въ безполезную стрѣльбу не втягивались. Пробовали и мы съ батареи заявить туркамъ въ ровикѣ о своемъ присутствіи, но ничего сдѣлать не могли, — заряды и дистанціонныя трубки картечныхъ гранатъ дѣйствовали настолько разнообразно отъ сырости, что „деликатная", такъ сказать, стрѣльба шрапнелью по такой маленькой цѣли, совершенно парализовалась грубыми, случайными измѣненіями упомянутыхъ коеффиціентовъ, и не давала ожидаемыхъ результатовъ. Какъ послѣднее упоминаніе объ этой турецкой траншейкѣ, замѣчу еще, что сегодня нами получено увѣдомленіе, ничѣмъ, впрочемъ, не мотивированное, что завтра 26-го числа съ разсвѣтомъ, отъ Воронежскаго полка будетъ выслана стрѣлковая цѣпь, для открытія огня по турецкимъ стрѣлкамъ, но что послѣ непродолжительной перестрѣлки она отойдетъ назадъ. Цѣль этого маневра для насъ невѣдома, а сообщено только такъ, для свѣдѣнія!...

Въ сущности слабый, вообще, огонь турокъ, совершенно безплоденъ, — потерь отъ него мы, попрежнему, не несемъ, хотя нѣкоторые снаряды ихъ ложатся весьма удачно и вообще группируются правильно. Своя доля счастья, видимо, не оставляетъ насъ; напр. 7-го числа турецкая граната упала прямо на платформу шестаго орудія осадной батареи у Гривицы, разбила доски и разорвалась, опрокинувъ при этомъ тяжелый откатный клинъ, но при всемъ томъ ни единый человѣкъ не былъ даже оцарапанъ!... Нѣчто въ этомъ же родѣ происходило и при постройкѣ нашей пресловутой Гривицкой плотины, которую турки хотя и урывками, но обстрѣливали въ теченіи нѣсколькихъ дней, по 16-е число, дѣлая ежедневно съ полдесятка выстрѣловъ по рабочимъ, но совершенно безвредно.

У насъ, какъ будто, начинаетъ сознаваться необходимость и польза хоть нѣкоторой активности въ нашихъ дѣйствіяхъ подъ Плевною, въ нынѣшнемъ ихъ періодѣ. Думаю такъ на основаніи зародившагося было, около половины ноября, проекта, сформировать нѣчто въ родѣ летучаго отряда, который бы имѣлъ задачею безпокоить непріятеля на всѣхъ пунктахъ, путемъ мелкихъ наступательныхъ дѣйствій. Мнѣ даже было выпала честь сдѣлаться начальникомъ подобнаго отряда, такъ какъ въ этомъ смыслѣ я получилъ и предложеніе, выраженное, впрочемъ, въ полуофиціальной формѣ, но въ концѣ концовъ дѣло не состоялось. Я, признаюсь, не рѣшился дать сразу безусловное согласіе, такъ какъ считалъ полною необходимостью выяснить свои права и степень отвѣтственности; впереди предстояли неизбѣжныя потери, сопряженныя съ подобными предпріятіями, какъ требовавшими для своего успѣха прежде всего беззавѣтной отваги и рѣшительности, почему естественно было желать узнать степень своихъ полномочій, а между тѣмъ пока шли объ этомъ разговоры—дѣло какъ то замялось и болѣе не возобновлялось. Теперь, впрочемъ, жалѣю, что вышло такъ, быть можетъ сами обстоятельства на первыхъ же порахъ выяснили все необходимое.

Въ началѣ ноября мы всѣ были обрадованы полученнымъ извѣстіемъ, что Карсъ взятъ нами штурмомъ; слава Богу, значитъ на Кавказѣ наши дѣла поправились. Узнали объ этомъ 7-го числа и въ тотъ же день праздновали счастливое событіе: вечеромъ, между 8-ю и 9-ю часами, весь поясъ нашего обложенія разцвѣтился фальшфейерами, сожигавшимися на батареяхъ; поочередно то на одной, то на другой, взлетали на воздухъ яркія, огненныя змѣйки сигнальныхъ ракетъ, высоко бороздившихъ мрачное черное небо; громкое ура тысячей солдатскихъ голосовъ перекатывалось по позиціи и съ звуками этого могучаго ура соперничалъ лишь ревъ орудій, посылавшихъ залпами массы чугуна въ кромѣшную тьму, окутывавшую непріятеля. Въ промежутокъ молчанія слышалась откуда-то музыка, неслась хоровая пѣсня и снова ура покрывало все. Но вотъ далеко впереди насъ, изъ тьмы блеснула полоса огня, другая, третья,—встревоженные турки начали стрѣлять изъ орудій, гдѣ-то лѣвѣе насъ прогудѣло въ темнотѣ нѣсколько снарядовъ,—огонь открытъ, кажется, съ № 5-го; залпъ въ него, другой, — туркамъ сегодня безсонная ночь... Небывалое явленіе на нашихъ позиціяхъ, очевидно, должно было ихъ встревожить, они приготовились къ ночному штурму съ нашей стороны и пододвинули у себя даже резервы, удаленіе которыхъ было видно намъ на слѣдующее утро... Торжество не обошлось и безъ транспарантовъ,—расказываютъ, что у Скобелева на Зеленой горѣ былъ выставленъ ярко освѣщенный щитъ, на которомъ крупными буквами было написано по турецки—„Карсъ взятъ“, и что по этому транспаранту турки усердно стрѣляли, но попасть не могли.

Но напрасно непріятель безпокоился,—мы съ своей стороны не замышляли ничего, а, напротивъ, готовились къ отпору его-же ожидаемой атаки. Относительно послѣдней слухи попрежнему упорно держатся, что попытка турокъ вырваться изъ Плевны будетъ направлена на нашъ правый флангъ. Не знаю, на основаніи какихъ именно извѣстій, но уже два раза за это время я получалъ соотвѣтственныя предупрежденія, но оба раза онѣ не сбылись. Такъ 3-го ноября пришло увѣдомленіе изъ штаба 31-й дивизіи, которое извѣщало, что въ предстоявшую ночь весьма возможна атака на насъ турокъ, такъ какъ изъ оффиціальнаго якобы сообщенія сдѣлалось извѣстнымъ, что или 3-го числа ночью, или 4-го—днемъ, непріятелемъ окончательно принято рѣшеніе пробиться сквозь наши линіи, или сдаться. Другой разъ, въ томъ же смыслѣ я получилъ увѣдомленіе 23-го ноября, какъ изъ 31-й дивизіи, такъ и изъ управленія начальника осадной артиллеріи, что въ предстоявшую ночь, по показаніямъ перебѣжчиковъ, турки намѣреваются произвести наступленіе на Гривицкій редутъ... Распускаются-ли подобные слухи Османомъ-пашей среди его войска, съ цѣлью отвести намъ глаза отъ своего настоящаго намѣренія, или несбывающимися ожиданіями предполагаетъ онъ утомить нашу бдительность,—рѣшить трудно, послѣдствія дадутъ отвѣтъ на эти вопросы, но во всякомъ случаѣ мы готовы встрѣтить турокъ и здѣсь; всѣ главнѣйшіе пункты позиціи пристрѣляны нашими орудіями уже давно, и кромѣ того, по особому приказанію генерала Тотлебена, на 23, 24, 25 и 26-е ноября назначено еще произвести спеціальную пристрѣлку по различнымъ пунктамъ впереди лежащей мѣстности, по которой можетъ наступать непріятель. На батареяхъ приняты всѣ мѣры къ увеличенію обстрѣла орудій, во многихъ мѣстахъ для этого срыты гребни насыпей, стѣснявшіе прицѣливаніе въ сторону, разрыты гдѣ нужно „маски" передъ нѣкоторыми батареями, вездѣ устроены подъ орудіями площадки на фашинахъ, для удобства стрѣльбы и легкости обращенія съ пушками, прокопаны на батареяхъ траншеи сообщенія, землянки распланированы, чтобы въ случаѣ надобности войска имѣли свободный проходъ,—однимъ словомъ приняты всѣ зависящія мѣры къ устраненію всякихъ, могущихъ вредно отозваться въ случаѣ столкновенія съ непріятелемъ, обстоятельствъ. Остается ждать и ждать, какъ это ни скучно, какъ ни томительно.

О положеніи турокъ въ продовольственномъ отношеніи, вѣрнаго ничего не знаемъ; одни перебѣжчики говорятъ одно, другіе—другое, несомнѣнно только то, что скота у турокъ, по крайней мѣрѣ, достаточно, такъ какъ два раза (послѣдній — 20-го ноября), мы ясно видѣли большія стада, пасшіяся около укрѣпленнаго лагеря № 17 и по возвышенности за №№ 7 и 8-мъ, но внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ въ первомъ — онѣ не

замедлили скрыться, лишь только въ томъ направленіи былъ открытъ огонь съ батарей правой половины моего участка.

Вотъ все, что могу сказать о прожитыхъ нами дняхъ ноября: остается еще привести выдержки о ходѣ нашей ежедневной стрѣльбы:

1-го Ноября.

Изъ Гривицы отправился къ туркамъ парламентеръ, въ 1½ ч. по полудни, почему огонь былъ прекращенъ до его возвращенія. Съ двухъ осадныхъ батарей выпущено 44 снаряда; турки не стрѣляли.

2-го Ноября.

Во время ночной тревоги на лѣвомъ флангѣ, турки изъ №№ 5, 6 и 10-го сдѣлали около 14 выстрѣловъ, часть которыхъ была направлена лѣвѣе моей батареи № 7. Правѣе редута № 5 были замѣчены рабочіе; днемъ турки не стрѣляли, съ нашей стороны выпущено около 70 снарядовъ.

3-го Ноября.

Во время ночной тревоги на лѣвомъ флангѣ, турки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ №№ 5 и 6-го; днемъ непріятель молчалъ. На возвышенности за укрѣпленнымъ лагеремъ № 17 видны были войска, собранныя, какъ будто для смотра. Съ нашей стороны произведено около 110 выстрѣловъ. Въ Плевнѣ въ трехъ мѣстахъ былъ видѣнъ пожаръ.

4-го Ноября.

Замѣчено скопленіе людей въ редутѣ № 1 и траншеѣ съ правой стороны „четырехъ-глазой" (№ 19) батареи. Со стороны турокъ сдѣлано всего два выстрѣла, съ нашей—около 75-ти.

5-го Ноября.

Турки изъ четырехъ-глазой батареи сдѣлали девять выстрѣловъ по Гривицкой плотинѣ, но вызвавъ этимъ схсредоточенный огонь съ трехъ моихъ батарей—вскорѣ замолчали. Нами выпущено около 115 снарядовъ.

6-го Ноября.

Непріятель изъ четырехъ-глазой батареи сдѣлалъ четыре выстрѣла по той-же плотинѣ; у насъ выпущено около 140 снарядовъ.

7-го Ноября.

Между 11 и 12-ю часами на лѣвомъ флангѣ была слышна ружейная перестрѣлка. Турки стрѣляли изъ № 5 и четырехъ-глазой батареи

по румынамъ, по осадной Гривицкой батареѣ и по плотинѣ, сдѣлавъ въ теченіи дня около 50-ти и ночью—15 выстрѣловъ. Вечеромъ на позиціи праздновалось извѣстіе о паденіи Карса. Съ нашей стороны произведено около 265 выстрѣловъ.

8-го Ноября.

Турки сдѣлали два выстрѣла по плотинѣ изъ четырехъ-глазой батареи и одинъ изъ № 5-го. Нами выпущено около 105 снарядовъ.

9-го Ноября.

Непріятель молчалъ, мы сдѣлали около 40 выстрѣловъ.

10-го Ноября.

Турки дали одинъ выстрѣлъ по плотинѣ, съ нашей стороны — около 50-ти.

11-го Ноября.

Цѣлый день густой туманъ, турки не стрѣляли. У насъ выпущено около 70 снарядовъ.

12-го Ноября.

Около укрѣпленнаго лагеря № 17, но внѣ нашихъ выстрѣловъ, видна была непріятельская полевая артиллерія. Турки изъ четырехъ-глазой батареи сдѣлали три или четыре выстрѣла, по нашимъ повозкамъ на Гривицкомъ шоссе, и два—по плотинѣ. Редутъ № 5 бросилъ около шести гранатъ по румынамъ и батареѣ № 2. Съ нашей стороны выпущено около 130 снарядовъ.

13-го Ноября.

Турки сдѣлали изъ четырехъ-глазой батареи два выстрѣла по плотинѣ и изъ № 5-го—около восьми по румынамъ. Съ нашей стороны выпущено около 190 снарядовъ.

14-го Ноября.

Турки не стрѣляли, у насъ выпущено около 40 снарядовъ.

15-го Ноября.

Турки не стрѣляли, у насъ выпущено около 50 снарядовъ. У траншеи ниже № 4-го замѣчены работы.

16-го Ноября.

Турки сдѣлали три выстрѣла по плотинѣ; у непріятеля значительно возвышена куртина, соединяющая №№ 5 и 6. Съ нашей стороны выпущено около 265 снарядовъ.

17-го Ноября.

Турки не стрѣляли. Въ три часа пополудни осадную Гривицкую батарею посѣтилъ принцъ Баварскій, по желанію котораго былъ открытъ весьма удачный огонь по № 5-му. Съ нашей стороны сдѣлано около 100 выстрѣловъ.

18-го Ноября.

Турки не стрѣляли; у насъ выпущено около 60 снарядовъ.

19-го Ноября.

Турки не стрѣляли; у насъ выпущено около 40 снарядовъ.

20-го Ноября.

Непріятель изъ № 5-го сдѣлалъ залпъ по румынамъ и изъ траншей впереди № 1-го поддерживалъ рѣдкій ружейный огонь по ложементамъ впереди Воронежскаго полка; съ нашей стороны выпущено около 160 снарядовъ.

21-го Ноября.

Въ куртинѣ между №№ 5 и 6-мъ замѣчены работы; изъ траншеи впереди № 1-го поддерживался рѣдкій ружейный огонь. Турки изъ орудій не стрѣляли, съ нашей стороны выпущено около 150 снарядовъ.

22-го Ноября.

Густой туманъ; турки не стрѣляли, нами сдѣлано около 30 выстрѣловъ.

23-го Ноября.

Турки не стрѣляли; въ № 5-мъ и у мельницы замѣчено скопленіе людей; ожидалось наступленіе турокъ на правый флангъ. У насъ выпущено около 40 снарядовъ.

24-го Ноября.

Густой туманъ, турки не стрѣляли. Съ нашей стороны сдѣлано около 60 выстрѣловъ.

25-го Ноября.

Турки не стрѣляли; съ нашей стороны выпущено около 90 снарядовъ.

Плевна, 29-го Ноября.

Вчера наконецъ свершилось то, чего мы такъ долго ожидали, къ чему стремились въ теченіи долгихъ четырехъ мѣсяцевъ, — Плевна

пала!... Османъ-паша и вся его 40-тысячная армія у насъ въ рукахъ, торжество полное, забыты всѣ тяжкія минуты прошлаго, всѣ лица просвѣтлѣли, сіяютъ радостью,—наконецъ-то, наконецъ эта злосчастная Плевна наша, мы упиваемся побѣдой во всемъ объемѣ этого слова. Воображаю, какая радость охватила всю Россію, какія ликованія въ Петербургѣ!..

Но надо припомнить по порядку все видѣнное.

Послѣдніе два дня предъ, отнынѣ навсегда памятнымъ, 28-мъ ноября, ничѣмъ не отличились отъ предшествовавшихъ; никому и въ голову не приходило, что мы доживаемъ послѣдніе часы нашего обложенія Плевны, что находимся наканунѣ событія, на которомъ столько времени сосредоточивались всѣ наши желанія и помышленія. Произойди оно только двумя днями раньше и тогда пришлось бы какъ разъ на Георгіевскій праздникъ, т. е. произошло бы совпаденіе въ своемъ родѣ знаменательное и исключительное... 26-го числа на лѣвомъ флангѣ, около Радишева, происходило обычное торжество этого дня, но торжество на сей разъ конечно весьма скромное, такъ какъ обстоятельства, сопровождавшія его, были совершенно исключительныя:—быть можетъ впервые отъ своего основанія, обычный петербургскій праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ былъ проведенъ на боевой позиціи, при ревѣ многочисленныхъ залповъ, потрясавшихъ Плевну съ ея укрѣпленіями и осыпавшихъ непріятеля тучами чугуна. Въ этотъ день, въ часъ пополудни, т. е. по окончаніи молебствія на „Императорскомъ“ редутѣ, велено было всѣмъ батареямъ на позиціи сдѣлать девять залповъ, сигналы которыхъ такъ быстро подавались одинъ за другимъ съ лѣваго фланга, что у меня едва успѣвали заряжать и наводить орудія. Турки все время молчали и только въ полночь пустили нѣсколько гранатъ по румынамъ.

27-е число прошло совершенно безмятежно; выпалъ густой снѣгъ, но мокрый, непрочный, который тѣмъ не менѣе пріятно видоизмѣнилъ, хотя на непродолжительное время, грязный колоритъ нашей обстановки. До сихъ поръ только по утрамъ замерзшій за ночь иней на крышахъ нашихъ землянокъ, оживлялъ этотъ всеобщій мутно-сѣрый колеръ, которымъ сплошь покрыты наши позиціи, теперь-же—сплошная бѣлая пелена разостлалась предъ нами, и съ какимъ удовольствіемъ покоился на ней глазъ, не видѣвшій столько дней ничего, кромѣ грязи, дождя и тумана; душа невольно переносилась въ зимніе снѣга далекой родины и въ головѣ пробѣгали картины знакомыхъ родныхъ мѣстъ, въ которыя такъ бы хотѣлось перенестись теперь... Въ теченіи дня ничего не было замѣчено новаго, но я получилъ отъ Моллера предупрежденіе, чтобы въ случаѣ если за рѣкой Видомъ былъ замѣченъ ружейный огонь, то открыть по всей линіи усиленную канонаду. Это впрочемъ еще ничего не объясняло и не вызвало особыхъ предположеній, хотя на минуту и

промелькнуло было сопоставленіе подобнаго предупрежденія, съ извѣстіемъ полученнымъ мною наканунѣ утромъ съ осадной Гривицкой батареи, что шоссейная турецкая батарея непріятелемъ очищена! Тѣмъ не менѣе, обманывавшись уже не разъ въ различныхъ ожиданіяхъ и предположеніяхъ, не было повода видѣть что либо особо выдающееся и на сей разъ, почему ночь наступила при тѣхъ-же обычныхъ нашихъ условіяхъ, съ которыми мы ее встрѣчали и проводили ежедневно, будучи готовы на всякій случай, путемъ принятія обычныхъ мѣръ предосторожности и порядка, требуемаго нашимъ положеніемъ.

28-го числа утромъ, часу въ девятомъ, когда тусклый свѣтъ еще еле-еле пробивался сквозь убогое окошечко моей землянки, досчатая дверь моего жилища быстро распахнулась, безъ всякаго соблюденія обычной тишины и осторожности, съ которыми обыкновенно входятъ деньщикй въ комнату своего еще не вставшаго патрона. Вступленіе предвѣщало что-то особенное,—въ дверяхъ появился мой Степанъ и торопливо объявилъ, что... „турки ушли изъ редутовъ!“... Надѣть сапоги и выскочить наверхъ—было дѣломъ одной минуты; я бросился къ зрительной трубѣ на батареѣ,—дѣйствительно, произошло что-то необыкновенное... Турецкіе редуты мы привыкли видѣть безлюдными, а теперь вблизи ихъ, у №№ 1 и 4-го, двигались уже въ разсыпную сѣрыя шинели нашихъ солдатъ, все ближе и ближе подходившихъ къ молчаливо смотрѣвшимъ на насъ валамъ турецкихъ укрѣпленій. Черезъ нѣсколько минутъ очищеніе непріятелемъ по крайней мѣрѣ передовыхъ редутовъ обратилось въ несомнѣнный фактъ, — сѣрыя шинели показались на самомъ бруствerѣ; это были солдаты изъ нашихъ передовыхъ ложементовъ, кажется Воронежцы, которые не видя передъ собою, когда разсвѣло, обычнаго непріятеля въ турецкой траншеѣ, начали подаваться впередъ и такимъ образомъ обнаружили отсутствіе турокъ. Прошло еще съ полчаса и сѣрыя шинели показались уже на редутахъ второй линіи,—непріятель очевидно покинулъ свои позиціи! Вправо по гребню отъ Гривицкаго редута видно было, какъ уже двигались цѣлыя колонны войскъ, направлявшіяся къ лежавшему впереди турецкому укрѣпленному лагерю, — то уже двигались впередъ румыны... Чего-же стоимъ мы на мѣстѣ?—промелькнуло въ головѣ, — наши союзники уже предупредили насъ, теперь будутъ говорить, что они ударили Осману въ тылъ и рѣшили участь дня; да и почемъ знать, быть можетъ мы въ самомъ дѣлѣ теряемъ драгоцѣнныя минуты!...

Сѣвъ на лошадь, я отправился къ Гривицѣ, предупредить полевыя батареи немедленно двинуться, и рѣшаясь въ случаѣ возможности занять съ ними позицію въ тылу ушедшаго непріятеля, но полученное отъ корпуснаго командира приказаніе — оставаться на мѣстахъ, разрушило всѣ мои нроекты; надо было повиноваться. Послѣдовало даже

распоряженіе вернуть назадъ всѣхъ солдатъ, забравшихся въ непріятельскіе редуты, т. е. сдѣлано значитъ совершенно обратное тому, что произошло на лѣвомъ флангѣ, гдѣ Скобелевъ занялъ редуты турокъ сейчасъ-же, какъ только было замѣчено очищеніе ихъ непріятелемъ. На нашемъ флангѣ очевидно на дѣло смотрѣли иначе... и интересно бы знать, какъ бы мы отнеслись къ турецкимъ укрѣпленіямъ въ томъ случаѣ, если бы Османъ-паша вздумалъ оставить въ редутахъ хотя-бы по нѣсколько человѣкъ, для отвода глазъ, если уже пустые редуты возбуждали наши опасенія!

Раньше или позже, но однако общее движеніе впередъ должно наконецъ увлечь и насъ въ своемъ теченіи, слѣдовательно и моя роль на позиціи должна окончиться; въ виду этого и для разъясненія вообще положенія дѣлъ, оставалось отправиться за инструкціями на лѣвый флангъ, въ Радишево, куда нѣсколько дней тому назадъ переселился Моллеръ съ своимъ управленіемъ съ Великокняжеской горы *). Было уже около десяти часовъ.

Почти вся наша боевая линія покинула уже свои мѣста. Странно было видѣть, какъ вся обстановка быстро измѣнила свою физіономію: куда дѣвались эти ряды пушекъ, торчавшихъ бывало за валами, куда исчезли эти коновязи съ лошадьми, которыя глазъ привыкъ встрѣчать, подъѣзжая къ извѣстнымъ пунктамъ; патронные и зарядные ящики повылѣзли изъ своихъ скрытыхъ за земляными насыпями убѣжищъ и ѣхали къ своимъ частямъ, вездѣ вели лошадей, двигались войска, бороздили грязь орудія, все шевелилось, спѣшило впередъ, какъ-то осиротѣло выглядывали теперь опустѣлыя батареи; кое гдѣ изъ нашихъ землянокъ валилъ дымъ,—солдатики уходя нашли нужнымъ зажечь ихъ!..

Поднялся на гору за Радишево, къ биваку управленія осадной артиллерій, никого не видать; попадаются наконецъ двое — Карповъ и наша „докторша" Бальботъ, отъ которыхъ узнаю, что наступленіе Османа за Видъ—уже несомнѣнный фактъ и что самъ главнокомандующій направляется туда-же, прибывъ съ многочисленною свитой изъ Богота. Случай представлялся весьма соблазнительный, тѣмъ болѣе, что въ свитѣ находилось и мое непосредственное начальство, которое я розыскивалъ; я рѣшился присоединиться къ кортежу, направлявшемуся уже къ покинутымъ турками позиціямъ.

Вотъ передъ нами роковой холмъ, увѣнчанный редутомъ № 10, пожравшимъ столько жертвъ при штурмѣ 30-го августа. Мы ѣдемъ по легкой покатости, покрытой вытоптанною кукурузой, далѣе грязный грунтъ, вездѣ глазъ натыкается на не прибранные трупы нашихъ солдатъ, уже

*) Это переселеніе произошло, сколько помнится, 17-го ноября, въ виду потребности быть ближе къ центру всѣхъ распоряженій,—къ деревнѣ Тученицѣ.

три мѣсяца гніющихъ здѣсь подъ носомъ у варваровъ-турокъ, недозволявшихъ предать тѣла павшихъ погребенію и какъ бы находившихъ наслажденіе въ этомъ отвратительномъ зрѣлищѣ... Злость и негодованіе сжимаютъ сердце, при видѣ этихъ труповъ лежащихъ тамъ-же, гдѣ застала ихъ смерть назадъ тому три мѣсяца; а сколько изъ этихъ несчастныхъ дышали еще нѣсколько дней здѣсь на роковой для нихъ покатости, послѣ того какъ пуля лишила ихъ возможности двигаться, свадивъ въ виду дикаго изувѣра врага, пока ангелъ смерти не сжалился надъ ихъ страданіями... Теперь на этихъ трупахъ не прочтешь ничего; провалившіеся орбиты глазъ зіяютъ черными кругами на черепахъ, еще покрытыхъ кожею, оскаленные зубы стиснуты предсмертною агоніей, изъ подъ остатковъ одежды торчатъ обнаженныя кости.

Еще ближе къ редуту и нужно объѣзжать его довольно далеко кругомъ, такъ какъ по флангамъ и въ тылу онъ изрытъ паутиною траншей. Двѣ главныхъ раскинулись длинными крыльями по сторонамъ, по гребню насыпи ихъ правильно уложены рядами наши ружья Крынка съ отломанными затворами, а мѣстами также систематически разложены однѣ только деревянныя ложи, безъ стволовъ; всѣ обращены дулами въ нашу сторону и выражаютъ собою очевидное желаніе непріятеля поглумиться надъ нами, при своемъ уходѣ изъ редута. Я объѣхалъ послѣдній кругомъ и заглянулъ во внутрь. Снаружи шелъ глубокій ровъ, по краю котораго тянулась еще траншея и такимъ образомъ лежащая впереди мѣстность обстрѣливается двуяруснымъ огнемъ самого укрѣпленія, независимо отъ траншей раскинувшихся еще по сторонамъ. Внутренность редута я нашелъ весьма стѣсненною, такъ какъ середина его была занята огромнымъ траверсомъ. Землянки турокъ устроены вездѣ въ отлогостяхъ насыпей, равнымъ образомъ и въ траншеяхъ, такъ что люди были хорошо укрыты какъ отъ непогоды, такъ и отъ нашихъ выстрѣловъ, и притомъ, каждый въ случаѣ тревоги былъ у своего мѣста, не будучи въ тоже время обремененъ всѣми тягостями службы въ сырыхъ, открытыхъ для непогоды траншеяхъ. По этимъ траншеямъ мы часто стрѣляли, онѣ хорошо обрисовывались струйками дымковъ, вившихся изъ отапливаемыхъ землянокъ, но при описанныхъ условіяхъ размѣщенія ихъ обитателей—что можно было сдѣлать послѣднимъ?... Попасть гранатой въ узкую траншею, и притомъ на весьма значительномъ разстояніи, можно было развѣ совершенно случайно, а отъ гранатъ картечныхъ турки были защищены потолками землянокъ. Вообще искусству непріятеля—приспособляться къ мѣстности и пользоваться земляными прикрытіями—надобно отдать полную справедливость и многому бы отъ него не мѣшало поучиться. Около землянокъ валялось множество разнаго хлама, тряпья и битой посуды, особенно въ самомъ редутѣ; между разной дрянью, покрывавшей землю, кое-гдѣ валялись маленькіе ручные жернова, служившіе для перемалыванія зерноваго хлѣба.

Отъ редута мы понемногу стали подвигаться къ Плевнѣ, въ которой къ этому времени уже успѣли побывать нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ и теперь послана туда команда казаковъ; по временамъ къ Великому Князю прибывали донесенія о происходившемъ за Видомъ. Нѣсколько болгаръ вышло изъ города и раскланивались со свитой, обмѣниваясь рукопожатіями съ подходившими къ нимъ офицерами, но къ сожалѣнію трудно было распросить ихъ о чемъ бы хотѣлось, такъ какъ мы другъ друга не понимали. Между ними былъ одинъ такой краснощекій, цвѣтущій, одѣтый въ короткую мѣховую шубку, что глядя на него и въ голову не приходило мысли о какихъ либо лишеніяхъ, которымъ могли подвергаться обитатели обложеннаго нами города. Черезъ нѣсколько времени кортежъ нашъ двинулся далѣе; проѣхали небольшою частью Плевны, мимо нѣсколькихъ разбитыхъ снарядами домовъ, перемежавшимися съ гораздо большимъ количествомъ совершенно цѣлыхъ, но пустыхъ, брошенныхъ обитателями; изъ нѣкоторыхъ дворовъ, впрочемъ, выглядывали ребятишки, спокойно провожавшіе глазами нашъ поѣздъ. Затѣмъ кратчайшимъ путемъ мы направились къ Виду, до котораго хотя еще было довольно далеко, но тѣмъ не менѣе явственно слышались перекаты ружейныхъ залповъ. За Видомъ, по донесеніямъ, шло горячее дѣло, объ исходѣ котораго еще извѣстно не было. Мы ѣхали, шутили, разговаривали, а въ это-же время рѣшалась участь, быть можетъ, цѣлой кампаніи, сотни людей гибли въ эти минуты, сотни жизней вырывались этими доносившимися до насъ перекатами ружейнаго огня... Серьозность минуты никому, кажется, и въ голову не приходила! Становится совѣстно за свой эгоизмъ,—въ сущности человѣкъ скверное созданіе!...

Такъ прошло еще часа два, вдругъ скачетъ казакъ и привозитъ турецкое знамя въ чехлѣ... По кортежу молніей облетаетъ извѣстіе — „Османъ-паша съ арміей сдался и самъ въ плѣну!"... Неистовое ура огласило нашу многочисленную толпу, посыпались взаимныя поздравленія, пожатія рукъ; я взглянулъ на часы — было 3 ч. 15 м. пополудни.

Скоро мы добрались до утесистыхъ береговъ Вида; внизу кое гдѣ виднѣлись одиночныя фигуры турецкихъ кавалеристовъ, или черкесовъ, сидѣвшія на берегу съ конями въ поводьяхъ. Мы спустились къ самой рѣкѣ и вбродъ перебрались черезъ Видъ; далѣе разстилалось широкое поле, — арена событій того дня, но къ сожалѣнію нашъ кортежъ свернулъ вправо, къ войскамъ, выстроеннымъ уже послѣ битвы, для встрѣчи Главнокомандуюшаго. Великій Князь поѣхалъ по фронту, останавливаясь передъ полками, съ теплыми словами благодарности за храбрость и энергію, высказанныя при отраженіи нападенія врага и поздравляя войска съ полной побѣдой. Потрясающее ура неумолкаемо стояло въ воздухѣ, задніе поднимали на штыкахъ шапки, бросали ихъ къ верху, лица пе-

реднихъ сіяли радостью и воодушевленіемъ, глаза блестѣли, на гренадерахъ не было замѣтно и слѣда усталости,—все упивалось торжествомъ минуты.

У каменнаго моста черезъ Видъ толпа плѣнныхъ. Нѣсколько убитыхъ турокъ валяются у самой воды; какой-то докторъ, въ статскомъ, стоя на колѣняхъ, перевязываетъ раненаго турка, стоящаго къ нему спиной съ подобранной подъ мышки рубахой, — рана пулей сзади, въ поясницу. Далѣе стоитъ несчастная лошадь, у ней одна изъ переднихъ ногъ оторвана по колѣно, вмѣсто котораго торчитъ обнаженная, окровавленная кость; несчастное животное держится еще стоя, низко понуривъ голову и какъ бы предъугадывая свою участь, — хоть бы кто нибудь пристрѣлилъ злополучнаго коня. Недалеко валяется трупъ, голову котораго какая-то сердобольная душа прикрыла цыновкой; я не утерпѣлъ, слѣзъ взглянуть,—оказалось, что у турка только половина головы, остальную снесла гравата... Въ общемъ, впрочемъ, здѣсь кровавыхъ сценъ еще немного, онѣ остались сзади насъ, у атакованныхъ турками позицій, до которыхъ мы не доѣзжали.

Переѣхавъ черезъ мостъ, снова на плевненскій берегъ Вида, мы направились по шоссе. Здѣсь по сторонамъ цѣлое море чалмъ и фесокъ; безконечная вереница обозовъ арміи и турецкаго населенія Плевны, собравшагося бѣжать за своими войсками; здѣсь же стояли и транспорты съ ранеными турками. Все это сбилось въ кучу, среди которой едва можно было проѣхать, такъ что кортежъ нашъ растянулся и разбился на части. Проѣздъ иногда такъ былъ тѣсенъ, что лошади наши задѣвали за сидящихъ въ повозкахъ; одинъ турокъ, какъ теперь помню, сидѣлъ свѣсивши внаружу свои ноги, изъ которыхъ одна была ранена, такъ что какой-то ѣхавшій впереди меня офицеръ невольно задѣлъ его, — несчастный громко застоналъ и заплакалъ...

Еще далѣе,—огромное пространство буквально усѣяно брошеннымъ вооруженіемъ сдавшейся арміи. Раскиданныя безъ малѣйшаго порядка массы ружей, патронныхъ сумъ, холоднаго оружія, ящиковъ съ патронами и т. п., устилали землю. Я воображалъ себѣ картину совершенно иную, думалъ, что сдающіяся войска систематически складываютъ предъ собою оружіе и отводятся затѣмъ въ сторону, а теперь передъ моими глазами груды раскиданныхъ предметовъ, въ такомъ хаосѣ, котораго и описать нѣтъ возможности. Интересно бы знать, какъ продѣлали подобную-же процедуру сдачи французовъ нѣмцы, въ франко-прусскую войну, напр., подъ Седаномъ, неужели и тамъ произошло нѣчто подобное?...

Среди всей этой массы раскиданнаго оружія, бродили сотни румынскихъ солдатъ, нагружавшихъ свои плечи ружьями и всякой всячиной, въ качествѣ добычи, т. е. практикуя просто на просто военное мародерство и притомъ съ крайнею безцеремонностью, не стѣсняясь даже

присутствіемъ Главнокомандующаго! Великій Князь, увидѣвъ это безобразіе, подозвалъ къ себѣ кого-то изъ бывшихъ по близости румынскихъ военачальниковъ и сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе, приказавъ немедленно возстановить порядокъ. Но это не такъ легко было исполнить, по крайней мѣрѣ крики румына, начавшаго созывать свое разбредшееся стадо, останавливали только ближайшихъ, остальные же продолжали свое занятіе. Не знаю чѣмъ кончилось, такъ какъ мы двинулись далѣе. Впрочемъ, надо сказать, что и наши казаки не остались безъучастными въ процессѣ растаскиванія непріятельскаго оружія—магазинки турецкой кавалеріи представляли особенный соблазнъ и у многихъ уже болтались за плечами; у нѣкоторыхъ я видѣлъ даже по двѣ и по три, а соблазняли онѣ потому, что ихъ охотно всѣ раскупали, давая даже по три полуимперіала за каждую.

Не мало валялось въ разныхъ мѣстахъ и артиллерійскихъ снарядовъ. Снаряженныя гранаты попадались и на шоссе, по которому мы слѣдовали, такъ что легко могло произойти несчастіе, еслибы которую нибудь изъ нихъ разорвало отъ удара подковой. Впрочемъ, ѣхавшіе впереди заботливо предупреждали остальныхъ, когда наѣзжали на разбросанные снаряды и всѣ старательно обходили послѣдніе. Иногда лошадь ступала прямо по кучамъ патроновъ, разсыпанныхъ вездѣ въ изобиліи; раза два въ сторонѣ гдѣ-то даже щелкнули неосторожные ружейные выстрѣлы. Сколько еще хлопотъ, чтобы привести все это въ порядокъ.

Но вотъ впереди послышались восклицанія—„Османа-пашу везутъ!" Всѣ хлынули ближе, каждому хотѣлось взглянуть на эту личность, причинившую столько потерь нашимъ войскамъ. Я успѣлъ пробраться впередъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты появленія турецкаго главнокомандующаго. „Османъ-паша раненъ" — разнеслось вдругъ кругомъ и наши надежды увидѣть его пошатнулись. Черезъ нѣсколько минутъ, однако на встрѣчу Великому Князю приблизилась шагомъ небольшая двумѣстная колясочка, въ пару лошадей, съ туркомъ возницей въ красной фескѣ на козлахъ, окруженная смѣшаннымъ конвоемъ изъ нашихъ и румынскихъ кавалеристовъ съ саблями на-голо. Подъѣхавъ къ Великому Князю, экипажъ остановился и изъ подъ закрытаго фердека приподнялась фигура, привставшаго съ нѣкоторымъ усиліемъ, Османа-паши... Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его докторъ-турокъ и сзади верхами слѣдовали нѣсколько турецкихъ генераловъ. Сотня глазъ сосредоточилась на плѣненной турецкой знаменитости; кругомъ вдругъ раздались, не знаю, впрочемъ, на сколько умѣстныя, аплодисменты и восклицанія — „браво Османъ-паша"!... Я впился глазами въ его физіономію, надѣясь встрѣтить въ ней выраженіе жестокости и неукротимой энергіи, но ничуть не бывало,—передъ мною находилось выразительное впрочемъ лицо: довольно крупныя черты, умные черные глаза, прямой но мясистый носъ

и черная съ небольшой просѣдью борода, составляли наружность турецкаго генерала. На головѣ обычная феска, на плечахъ темное пальто съ откинутымъ башлыкомъ и на шеѣ теплый, но простой вязаный шарфъ. Османъ дѣйствительно былъ раненъ, но не тяжело,—въ нижнюю часть лѣвой ноги. На мой взглядъ онъ не показался сколько нибудь потрясеннымъ постигшею его и его армію участью, равнымъ образомъ не было замѣтно и на лицѣ слѣдовъ страданія отъ полученной раны. Османъ привѣтливо улыбался и откланивался на привѣтствія, прикладывая руку къ фескѣ. Гораздо больше его убитымъ показался мнѣ, ѣхавшій сзади верхомъ, одинъ изъ высшихъ, повидимому, генераловъ, типъ настоящаго старо-турка: высокая сухая фигура, хищный ястребиный носъ, низко нависшія на глаза брови и сѣдая борода, окаймлявшая старую худощавую физіономію, выдвигали эту личность сразу; онъ сидѣлъ на лошади, опустивъ голову и бросая полные ненависти взгляды, изъ подъ своихъ нависшихъ сѣдыхъ бровей; недоставало ему только чалмы на голову, чтобы типично олицетворить какого нибудь Али-пашу янинскаго!...

Тутъ-же находилась и другая очень извѣстная личность,—Тевфикъ-бей, начальникъ штаба Османа,—турецкій Тотлебенъ въ области инженернаго искусства, которому турки обязаны всей системы оборонительныхъ укрѣпленій кругомъ Плевны, человѣкъ, дѣйствительно высоко даровитый, по крайней мѣрѣ, въ этой профессіи, и произведенный въ паши за оборону Плевны. По наружности онъ ни мало не турокъ; къ его открытому, полному, румяному, съ широкими остроконечными усами, лицу, совсѣмъ даже не шла феска. Остальная свита Османа, ничѣмъ не выдавалась.

Великій Князь подъѣхалъ верхомъ къ коляскѣ, и протянувъ руку своему плѣннику, обмѣнялся съ нимъ обычными въ такихъ случаяхъ привѣтствіями; за нимъ тоже сдѣлали князь Карлъ и Тотлебенъ.

Начинало уже быстро смеркаться; голова нашего кортежа очутилась далеко впереди, я же, увлекшись своими наблюденіями, оказался въ самомъ хвостѣ; приходилось подумывать—какъ-то удастся вернуться во свояси на позицію и не захватитъ-ли темнота, при которой нечего и пускаться по незнакомой, изрытой траншеями мѣстности. Сумерки быстро спускались, такъ что уже стемнѣло, когда я былъ еще на улицахъ Плевны; свита Великаго Князя уже исчезла, кругомъ масса толкающихся въ разсыпную солдатъ, никто ничего не знаетъ, куда же дѣваться?.. Наконецъ, встрѣчаю генерала Максимова, члена кассаціоннаго присутствія при арміи, предложившаго мнѣ ночлегъ у себя въ Боготѣ. Захватили первыхъ встрѣчныхъ четырехъ казаковъ оттуда же и отправились. Я чувствовалъ себя сильно уставшимъ,—цѣлый день проведя на лошади замечтаешь объ отдыхѣ, почему дорога показалась безконечною. Но вотъ впереди засверкали огоньки,—слава Богу Боготъ; теплая хата любезнаго

хозяина уже вмѣщала въ себѣ троихъ соквартирантовъ, но тѣмъ не менѣе пріютили и меня. Вдали изъ помѣщенія штаба лились звуки музыки, тушъ гремѣлъ за тушемъ и громкіе ура возвѣщали празднованіе побѣды за веселымъ ужиномъ.

Утромъ, сегодня, добрался наконецъ домой на батарею. Около Радишева встрѣтился опять съ Османомъ-пашей, котораго везли въ Боготъ и заѣхалъ еще разъ въ лежавшій на пути редутъ № 10, въ которомъ мы были вчера. Теперь около него происходила печальная церемонія похоронъ костей нашихъ убитыхъ, валявшихся здѣсь съ 30-го августа; команда солдатъ собирала эти остатки павшихъ своихъ товарищей, для преданія землѣ; я не рѣшился впрочемъ подъѣхать ближе къ этому процессу переноса сгнившихъ человѣческихъ тѣлъ, такъ долго служившихъ ужасными памятниками варварства турокъ и нашей роковой неудачи.

Посѣтилъ еще, сдѣлавъ однако огромный крюкъ, и редуты №№ 6, 5, 4 и 1-й, лежавшіе непосредственно передъ батареями бывшаго моего участка. Вездѣ солидность работъ, произведенныхъ турками, не оставляла желать ничего лучшаго; въ нѣсколькихъ мѣстахъ за мерлонами брустверовъ устроены скрытыя углубленныя помѣщенія, куда турки прятали отъ нашихъ выстрѣловъ свои пушки, скатывая ихъ внизъ по отлогимъ спускамъ. Слѣдовъ разрушенія отъ нашихъ снарядовъ почти не замѣтно, все было немедленно исправляемо и только въ нѣкоторыхъ траверсахъ, видны свѣжіе развалы отъ разрыва бомбъ,—вѣроятно въ виду близкаго отступленія, непріятель не счелъ нужнымъ исправлять ихъ. Около редутовъ валяется масса не разорвавшихся снарядовъ, масса, конечно, въ смыслѣ абсолютномъ, такъ какъ въ относительномъ—она все-таки далеко не такъ велика, принимая во вниманіе и количество всѣхъ выпущенныхъ. Объ этихъ снарядахъ позаботиться не кому, да и до того ли, а между тѣмъ, сколькими несчастіями они грозятъ еще въ будущемъ: болгары вздумаютъ утилизировать валяющіяся бомбы и гранаты, и нечаянные разрывы неизбѣжны... Землянки въ редутахъ расположены по той же, указанной уже выше системѣ, сзади самыхъ брустверовъ и въ ихъ отлогостяхъ, всѣ отъ нашихъ выстрѣловъ защищены прекрасно. Въ укрѣпленіяхъ, конечно, ни души и только гдѣ-нибудь наткнешься развѣ на нашего солдатика, шарящаго въ разной дряни и хламѣ, брошенномъ турками. Около одной землянки, мое вниманіе обратилъ какой-то шаровидный пестикъ, съ деревянной ручкой, смотрю—головная часть нашей гранаты (шарохи); въ очко вколочена рукоятка и такимъ образомъ, составлена какая-то колотушка. Вотъ и куртина, соединяющая №№ 5 и 6, служившая не разъ цѣлью для нашихъ выстрѣловъ, за ней мы постоянно видѣли вьющіеся дымки. Дѣйствительно, вдоль всего ея внутренняго протяженія расположены землянки, но только узкой полосой, у самой

подошвы насыпи, такъ что попасть въ нихъ можно было развѣ лишь навѣсно, прицѣльно же всѣ наши выстрѣлы должны были или перелетать, или бить въ самую насыпь. Такъ случалось и на самомъ дѣлѣ: сейчасъ же за куртиной все пространство имѣло буквально видъ вспаханнаго поля, до того оно было изрыто нашими снарядами, а между тѣмъ, турецкія землянки оставались цѣлыми, находясь въ мертвомъ непоражаемомъ пространствѣ; въ результатѣ—выстрѣлы пропадали даромъ, хотя, конечно, и не по винѣ нашей артиллеріи, сдѣлавшей все что возможно было въ ея минувшемъ положеніи. Около редутовъ уединенно рядкомъ виднѣются нѣсколько могилъ, вѣроятно убитыхъ турокъ, которыхъ не зачѣмъ было везти въ Плевну. Въ общемъ покинутыя укрѣпленія производили непріятное впечатлѣніе чего-то запустѣлаго, какъ бы вымершаго, могильная тишина, ни одного звука; что-то подавляющее чувствуешь, находясь одинъ среди этихъ огромныхъ насыпей, отъ которыхъ вѣетъ теперь безжизненностію...

Батарей нашихъ отсюда не видать совершенно, по крайней мѣрѣ, невооруженнымъ глазомъ и въ настоящую пору, когда онѣ не стрѣляютъ; нельзя было разсмотрѣть мѣсто даже и осадной № 7, гдѣ находится мое жилище, хотя она должна быть замѣтнѣе другихъ, какъ по своему положенію, такъ и по размѣрамъ.

Плевна, 1-го Декабря.

На позиціяхъ у насъ понемногу пустѣетъ, нѣкоторыя части войска уже двигаются, другія собираются въ походъ, но куда, какія дальнѣйшія операціи—не знаемъ, хотя видимо направляются къ Балканамъ. Непріятеля передъ нами подъ Плевной нѣтъ, а то и дѣло раздаются выстрѣлы и пули посвистываютъ въ воздухѣ!... Забавляются солдатики изъ турецкихъ ружей. Недавно поймалъ на мѣстѣ преступленія даже своего деньщика,—тоже раздобылъ себѣ откуда-то Пибоди и феску, и пострѣливаетъ... „Я вѣдь въ верхъ“, объяснилъ онъ, когда былъ пойманъ мною за своей забавой,—о пулѣ, куда она попадетъ, не думаетъ... Одинаково разсуждаютъ и прочіе, вслѣдствіе чего позиція наша обстрѣливается собственными-же стрѣлками. Недавно мнѣ довелось быть въ Радишевѣ, и по дорогѣ чуть не мимо насъ просвистали три пули, такъ что стало опаснѣе пожалуй чѣмъ было прежде!... Скоро мы съ осадными орудіями останемся одни подъ Плевной и надолго-ли — неизвѣстно; вообще повидимому роль осадной артиллеріи окончена, и развѣ только подъ Рущукомъ, или на Босфорѣ, можно ожидать чего нибудь, но о первомъ ничего нѣтъ и въ поминѣ, а второй—еще въ далекомъ будущемъ, да и Богъ вѣсть, что послѣдуетъ впереди!...

Вчера мы со Столѣтовымъ совершили путешествіе въ Плевну и на атакованныя турками позиціи за Видомъ. Выѣхали утромъ и направи-

лись по Гривицкому шоссе, по которому теперь уже устроенъ свободный проѣздъ,—свободный въ томъ смыслѣ, что прежде, на линіи нашихъ батарей крайняго праваго фланга, оно было перекопано поперегъ ложементомъ, а теперь расчищено и устроенъ мостикъ; то-же самое сдѣлано и версты двѣ далѣе, на турецкой сторонѣ. По дорогѣ ничего особеннаго, что могло бы напоминать о недавнемъ еще присутствіи здѣсь двухъ воюющихъ сторонъ, такъ долго стоявшихъ другъ противъ друга; въ одномъ только мѣстѣ въ сторонѣ отъ шоссе валялся еще свѣжій трупъ какого-то турка, Богъ знаетъ какъ здѣсь очутившагося. Проѣхали мимо турецкихъ редутовъ №№ 4 и 5-го, величаво рисовавшихся влѣво, на упиравшихся въ шоссе возвышенностяхъ; здѣсь-же гдѣ-то была, по разсказамъ, ставка Османа-паши. Вотъ показались крайніе домики Плевны, нѣкоторые вполнѣ разрушены, но повидимому пожаромъ, и всѣ пусты; около домовъ въ глаза бросаются валяющіяся тамъ и сямъ издохшія собаки, вѣроятно съ голода. На улицахъ Плевны, у моста черезъ рѣчку, кажется Тученицу, усиленное движеніе; въ разныхъ пунктахъ торчатъ казаки и жандармы, по пути ожидаемаго проѣзда Государя на смотръ войскамъ, собраннымъ за Видомъ; по дорогѣ туда-же ведутъ лошадей, мчатся экипажи съ генералами и свитой, изъ колясокъ летятъ французскія фразы,—опять припомнилась знакомая обстановка Краснаго Села!...

Передъ Видомъ по сторонамъ шоссе по прежнему массы повозокъ съ бѣглецами изъ Плевны; отпряженные волы привязаны тутъ же, коегдѣ около повозокъ подвѣшены котелки и сидятъ кружками турки; на повозкахъ съ разнымъ скарбомъ торчатъ дѣти, въ воздухѣ говоръ и шумъ. Еще далѣе въ сторонѣ видны команды нашихъ солдатъ, собирающія разкросанное оружіе въ кучи, около которыхъ рмзставлены часовые; за сборомъ оружія наблюдаютъ офицеры. Тѣмъ не менѣе много ружей уже растаскано, такъ что не только магазинки, но и Пибоди попадаются уже рѣдко, остальное все—передѣлочныя ружья Снайдера. За Видомъ двѣ толпы плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ, оцѣпленныя нашими часовыми; плѣнники уже третій день пользуются свѣжимъ воздухомъ подъ отрытымъ небомъ, но признаюсь — въ моемъ сердцѣ не пошевелилось къ нимъ ни малѣйшаго участія, припоминая, что выдѣлывали эти воины съ нашими ранеными..! Подъѣхали къ правой толпѣ; среди ея точно по улицамъ, бродятъ казаки, солдаты, офицеры, — кто ищетъ купить лошадь, кто продать хлѣбъ, но все чинно, безъ шума и гама. Въ толпѣ къ намъ обратились съ вопросами,—скоро-ли ихъ, т. е. плѣнныхъ, отправятъ отсюда, но что мы могли имъ отвѣтить? Нелегкая и въ самомъ дѣлѣ задача, спровадить по назначенію около 40,000 взятыхъ въ плѣнъ солдатъ и странными мнѣ кажутся претензіи на переносимыя лишенія, кого-же—турокъ, заявившихъ свое звѣрство въ стол-

кихъ уже случаяхъ. Пусть меня назовутъ дикимъ человѣкомъ, но я глубоко убѣжденъ, что съ турками слѣдовало обращаться иначе, чѣмъ мы до сихъ поръ, тогда бы и они позволяли себѣ меньше неистовствъ; сантиментальничать съ подобнымъ непріятелемъ нечего, а кокетничать съ Западомъ и расплачиваться тысячами истерзанныхъ труповъ за пресловутое „Que dira l'Europe“ ни къ чему не приведетъ,—насъ все равно будутъ ненавидѣть, сколько бы не гуманничали. Если бы турки были, напримѣръ, заранѣе предупреждены, что за каждое истязаніе нашего раненаго, поплатится головой турецкій плѣнный, то безъ сомнѣнія были-бы спасены многія жертвы, попавшія въ руки изувѣра-непріятеля. Туркамъ подобный разговоръ только и понятенъ, да, наконецъ, желалось-бы знать, кто бы изъ нашихъ высокоцивилизованныхъ „благопріятелей“ поступалъ также какъ мы! Напротивъ, примѣры прошлаго доказываютъ совершенно противное и остается слѣдовательно намъ утѣшаться, что мы на стезѣ добродѣтели опередили порицающій насъ „гнилой“ Западъ...

За Видомъ раскинулось широкое, ровное плато; верстахъ въ трехъ впереди, почти параллельно берегамъ рѣки, тянутся наши позиціи, на которыя 28-го числа обрушился Османъ-паша. Мѣстность совершенно ровная, ни одного закрытія; далеко впереди, точно бородавка, выросъ какой-то кривой горбикъ, остальное — гладкое поле. На половинѣ разстояніе отъ Вида до нашихъ лежементовъ начинаютъ попадаться тѣла турокъ, чѣмъ дальше тѣмъ гуще покрывающія землю; между ними рѣзкими пятнами выдѣляются высоко вздувшіеся трупы лошадей. Наши кони пугливо озираются то направо, то налѣво и обходятъ сторонкой распростертыхъ непріятелей, осторожно пробираясь въ этомъ царствѣ мертвыхъ. Какія разнообразныя позы убитыхъ, — почти всѣ лежатъ головой впередъ, но кто ничкомъ, кто навзничь... Оружія нѣтъ ни при одномъ, многіе раздѣты и оставлены только въ бѣльѣ, на нѣкоторыхъ только одна рубашка, — видимо тутъ уже похозяйничали болгары. У большинства убитыхъ ранъ не видно и лица совершенно спокойны, — пуля покончила съ нимъ разомъ, у другихъ на лицахъ запечатлѣлись страданія. Вотъ лежитъ одинъ, совершенно обобранный,—бѣлое тѣло и чистая рубашка, вышитая на воротникѣ и рукавахъ красными узорами, обличаютъ въ немъ офицера, но это не турокъ,—складъ лица и физіономія чисто европейскія... Вотъ недалеко другой,—это настоящій сынъ Востока, съ смуглымъ, опаленнымъ южнымъ солнцемъ, лицомъ; какая сильная рука нанесла ему огромную рану и притомъ сабельнымъ ударомъ,—у него разрубленъ подбородокъ и половина шеи. Вотъ третій— голова раздроблена, почти голый и еще рана въ руку, которая успѣла страшно распухнуть, вѣроятно, еще при жизни. Четвертый, пятый..., но къ чему развертывать этотъ ужасный калейдоскопъ человѣческихъ страданій, скоро и мы перестали приглядываться къ этимъ отдѣльнымъ

роковымъ эпизодамъ эпилога плевненской драмы. Чѣмъ дальше, тѣмъ число этихъ картинъ возрастало и перестало наконецъ привлекать наше вниманіе.

Передъ нами первая линія нашихъ укрѣпленій, побывавшая въ рукахъ непріятеля. Длинный рядъ ложементовъ и батарей раскинулся вправо до Дольняго Нетрополя, продолжаясь еще за послѣдній, и влѣво—пересѣкая Софійское шоссе; около середины два люнета. Съ версту далѣе—вторая линія. Тѣла турокъ устилаютъ землю вплоть до послѣдней, что можетъ обрисовывать стремительность и энергію натиска непріятеля. У окраины рва одного изъ люнетовъ первой линіи цѣлыя лужи крови и множество разныхъ обрывковъ и обломковъ; на днѣ масса труповъ, но повидимому сброшенныхъ туда позже, по крайней мѣрѣ частью, такъ какъ нѣсколько ихъ были кинуты и теперь, въ нашемъ присутствіи; болгары, зарывавшіе убитыхъ турокъ, пользовались рвами, какъ готовыми могилами и сваливали въ нихъ тѣла. Около многихъ труповъ у люнета валялись какіе-то листки бумаги, съ крупными турецкими заголовками, вѣроятно означеніе личности солдатъ; въ общей сложности все это представляло зрѣлище, требовавшее крѣпкихъ нервовъ.

Во время нашего объѣзда производилась уборка турецкихъ тѣлъ, такъ какъ наши раненые и убитые всѣ уже подобраны; процессъ этой уборки довольно циниченъ: нѣсколько болгаръ, подъ надзоромъ казака, скидываютъ лопатами въ ровъ ближайшія тѣла, а дальнѣйшія волокутъ веревкой, захвативъ за ноги убитаго;—трупы грузно шлепаются въ ровъ, на груду уже тамъ лежащихъ. Нѣкоторыя тѣла зарываются на мѣстѣ, впрочемъ вѣрнѣе не зарываются—а окапываются; подойдетъ болгаринъ къ убитому и своей перпендикулярно загнутой лопатой вырветъ кругомъ тѣла нѣсколько комьевъ земли, которыми и прикроетъ трупъ, — похороны готовы. Казаку-надзирателю вѣдь все равно, ему бы только поскорѣе освободиться отъ своей тяжелой обязанности и доложить, что „молъ всѣ зарыты“, а между тѣмъ лѣтомъ всѣ эти гніющія тѣла будутъ безъ сомнѣнія обнажены, при первыхъ-же дождяхъ, почему могутъ произойти послѣдствія весьма печальныя, въ смыслѣ появленія какой нибудь заразы!...

А рядомъ торжество живыхъ, гремитъ музыка и могучее ура перекатывается по рядамъ войскъ, выстроенныхъ для смотра съ версту лѣвѣе. Блестящая свита мелькаетъ передъ длинными шеренгами, льются звуки гимна. Какой контрастъ съ этими еще только-что остывшими остатками человѣческой бойни, разбрасываемыми по ямамъ рукою апатичнаго „братушки“!...

Поздно вечеромъ уже, мы вернулись на батарею, не преминувъ заплутаться на позиціи, благодаря темнотѣ и туману; наконецъ наѣхали на какія-то землянки. „Гдѣ осадная батарея“? спрашиваемъ у кого-то, оказалось что мы уже у себя дома.

Плевна, 10-го Декабря.

Наша стоянка теперь можетъ напоминать нѣчто въ родѣ зимовки на Новой Землѣ, мы погружены въ снѣгъ, котораго навалилось масса и все кругомъ имъ засыпано. Сообщеніе между землянками производится только по узкимъ тропинкамъ, извивающимися среди глубокихъ снѣжныхъ сугробовъ; замело все, и траншеи, и ложементы, такъ что съ дороги никуда не сворачивай, провалишься и не вылѣзешь. На позиціи все опустѣло, всѣ ушли и только осадная артиллерія остается еще на своихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ средствъ двинуться. Нигдѣ никого не видно, и только верхушки столбиковъ, выглядывающихъ изъ снѣга на перекресткахъ, указываютъ дорогу къ бывшимъ стоянкамъ частей войскъ. По этимъ столбикамъ и оріентируешься, отправляясь отъ нечего дѣлать за новостями въ Радишево; къ снѣжной мѣстности глазъ еще не приглядѣлся и столбики эти теперь очень полезны, тѣмъ болѣе что дороги едва проѣзжены и ихъ почти не отличишь отъ цѣлины. Вьюга, занесшая всѣ окрестности, началась кажется съ 5-го числа и къ вечеру 6-го разыгралась до такой степени, что я, пріѣхавъ утромъ къ Моллеру, долженъ былъ у него пробыть два дня, такъ какъ выѣхать обратно не было никакой возможности. Метель свирѣпствовала ужасно, снѣгъ набивался въ землянку даже изъ подъ дверей. Каково должно быть положеніе турецкихъ плѣнныхъ, которыхъ въ это время конвоировали большими партіями къ Дунаю! Проѣзжавшіе вслѣдъ затѣмъ изъ Никополя передавали, что вся дорога въ послѣдній изъ Плевны устлана трупами замерзшихъ турокъ. Наши люди впрочемъ ни въ чемъ не нуждаются, сидятъ въ теплыхъ землянкахъ, такъ какъ въ дровахъ недостатка нѣтъ—турецкія траншеи поставляютъ горючій матеріалъ въ изобиліи; съѣстные припасы достаемъ въ Плевнѣ.

Новостей относительно военныхъ дѣйствій не слыхать никакихъ; впрочемъ у насъ велѣно сформировать отрядъ осадной артиллеріи, который предполагается двинуть за Балканы, но когда это можетъ послѣдовать и состоится ли, рѣшить трудно. Начальникомъ его назначенъ Лѣсовой.

Боготъ, 16-го Декабря.

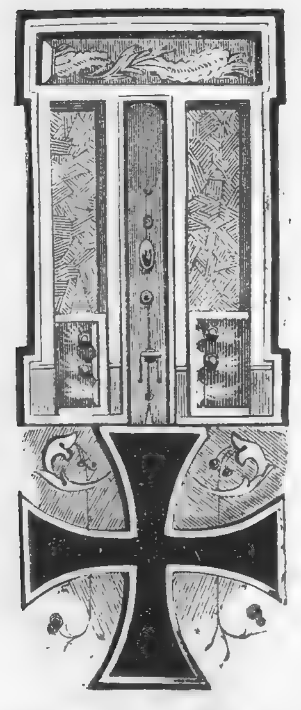
Вчера окончательно распростился съ нашей позиціей подъ Плевной, получилъ отпускъ на два мѣсяца и ѣду въ Петербургъ. Въ 12 часовъ мой скудный багажъ солдатики уложили на небольшія санки и поволокли въ Радишево. На минуту я остался одинъ, въ своей опустѣлой землянкѣ и, вотъ человѣческая натура, мнѣ стало жаль моего убогаго помѣщенія, жаль этой норы, въ которой было проведено столько тоскливыхъ минутъ!... Прощай Плевна, вѣроятно навсегда, завтра чуть свѣтъ трогаюсь въ путь.

Н. Е. Бранденбургъ.

РАЗСКАЗЫ ПРО ТЕЛИШЪ.

Офицеровъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.

I.



По утру 11-го октября, генералъРаухъ объявилъ, что намъ предстоитъ честь первыми изъ гвардейскаго корпуса вступить въ бой. При этомъ генералъ напомнилъ намъ, что тамъ гдѣ офицеръ, тамъ не было примѣра, чтобы за нимъ не шелъ русскій солдатъ.

Въ парольномъ приказаніи этого дня было сказано: аттаковать и взять если можно Телишъ и стать фронтомъ къ Горному Дубняку, а на нашъ вопросъ о количествѣ турокъ въ Телишѣ, намъ былъ данъ отвѣтъ, что турецкихъ силъ въ Телишѣ отъ 4-хъ до 5-ти таборовъ. Выступить было приказано въ часъ ночи, изъ деревни Эски-баркачь, съ расчетомъ послѣ разсвѣта вступить въ бой. Разстояніе нашего перехода было отъ 12 до 15 верстъ. При этомъ намъ было приказано не брать вещей, а всего два вьюка на офицеровъ каждаго батальона. Поднялись мы на крутой подъемъ и вошли по дорогѣ въ деревню Петерницъ; ночь была темная, когда подошли мы къ Виду, луна выглянула изъ-за тучъ и освѣтила дорогу и мѣстность. Шли мы бодро и весело, переговариваясь почти шепотомъ, такъ какъ приказано было соблюдать строгую тишину.

У Вида былъ привалъ, людямъ приказали снять сапоги, чтобы перейдти Видъ босикомъ. Солдатикамъ такое приказанье пришлось далеко не по вкусу, такъ какъ дно рѣки было усѣяно мелкими камешками, и нѣкоторые изъ солдатъ порѣзали себѣ ноги.

Перейдя Видъ, мы прямо вышли въ деревню Чуриково, почти пустую, гдѣ нашли наши казачьи кавалерійскіе разъѣзды. По выходѣ изъ деревни, новый короткій привалъ, для сбора растянувшихся частей: выпита была чарка водки, такъ какъ ночь наступила свѣжая. Затѣмъ, безъ дороги вступили мы въ Свинарскую балку, параллельную Софійскому шоссе. Часть этой балки покрыта была молодымъ дубнякомъ. Тутъ уже начало разсвѣтать. Послѣдовало приказаніе снять шинели и скатать ихъ.

Помню, что здѣсь я замѣтилъ, что за нами шла команда сапернаго батальона съ офицеромъ.

— Вы здѣсь для чего, спросилъ я офицера.

— А для того, отвѣтилъ онъ, что если вамъ прійдется укрѣпляться, то мои саперы будутъ руководить работами вашихъ солдатъ.

Переодѣванье солдатиковъ совершено было живо. Едва оно окончилось, какъ послѣдовало приказаніе идти впередъ.

Тутъ мы замѣтили, что четвертаго и втораго нашихъ батальоновъ съ нами уже не было; куда они ушли, мы не знали, и ихъ не видѣли. Мы же, первый баталіонъ, какъ только сдвинулись съ мѣста, почти сразу очутились правѣе 3-го баталіона, и начали подыматься на гребень, выходившій нѣсколько вправо отъ Свинарской балки. Здѣсь баталіонъ нашъ былъ перестроенъ по ротно: вторая рота въ первой линіи, Государева рота во второй линіи, со знаменами перваго и втораго баталіоновъ; четвертая рота отдѣлена была для занятія аванпостовъ, а третья рота – для прикрытія перевязочнаго пункта.

Взойдя на гребень, мы впервые услыхали, вправо впереди насъ, ружейные выстрѣлы; вслѣдствіе этого баталіону приказано было перемѣнить фронтъ, лѣвымъ плечомъ впередъ и затѣмъ, мы быстро двинулись впередъ. Съ первыми же шагами мы попали въ сферу ружейнаго огня, но выстрѣлы были рѣдки; разстояніе опредѣлить было невозможно, видны были только бѣлые дымки.

Вдругъ, мы слышимъ въ той дали, гдѣ виднѣлись дымки, раздается наше ура. Какъ потомъ мы узнали, это были наши стрѣлки, взявшіе штурмомъ турецкій ложементъ впереди редута. Мы наступаемъ полнымъ шагомъ, причемъ командиръ баталіона Мебесъ приказалъ держаться вправо; такъ мы очутились за 3-мъ баталіономъ.

Долго-ли мы шли не помню, но знаю, что пока мы шли, за нами появилась пѣшая 9-ти фунтовая батарея полковника Кокорева, такъ что наша 1-я рота должна была очистить батареѣ мѣсто и бѣжать вправо, а вторая рота была правѣе насъ.

Послѣ перебѣжки, чтобы прикрыть батарею съ праваго фланга, мы легли. Здѣсь вѣроятно наша артиллерія была замѣчена непріятелемъ: начался ужаснѣйшій огонь; и въ первый разъ мы увидѣли передъ нами на полѣ пыль, поднимавшуюся отъ града падавшихъ въ одно направленье

пуль. Какъ оказалось потомъ, мы были отъ редута уже въ разстояніи 200 саженъ; помню, что первому флангу нашей Государевой роты пришлось стоять на межѣ, на которой было одно грушевое дерево: буквально, всѣ вѣтки дерева были отшиблены пулями. Помню также, что пока я тутъ лежалъ, я курилъ одну папироску за другою совершенно безсознательно, и во все же время принялся считать пули, падавшія передо мною, на столько близко, что обдавали меня пылью и пескомъ; въ промежуткѣ менѣе получаса я насчиталъ ихъ 62. Помню также, что до этого времени я не замѣчалъ ни убитыхъ, ни раненыхъ, хотя, какъ я послѣ узналъ, они уже были; но тутъ рядомъ со мною я увидѣлъ впервые рядоваго, убитаго пулею въ лобъ. Лежали мы около часа времени. Въ это время слышу одинъ изъ унтеръ-офицеровъ говоритъ: что-то господъ нашихъ не слыхать, ужъ не убили ли ихъ всѣхъ?

Я вскочилъ на ноги, говоря: я еще живъ, и началъ звать по имени и отчеству ротнаго командира, который за травою и кукурузою не былъ мнѣ видѣнъ.

Ротный командиръ на мой откликъ тоже всталъ.

— Что вамъ? спрашиваетъ онъ.

Я ему говорю по французски, что не мѣшало бы сдѣлать перебѣжку впередъ, такъ какъ стало выбывать у насъ ужъ много людей.

— Встать, скомандовалъ ротный командиръ.

Затѣмъ мы перебѣжали впередъ шаговъ на 150—200 и опять залегли. Намъ посчастливилось, ибо мы какъ разъ залегли въ такое мѣсто, гдѣ пули уже перелетали черезъ наши головы и убыль людей почти прекратилась.

Не берусь опредѣлить, какое чувство владѣло мною все время, пока мы находились подъ убійственнымъ дождемъ пуль: что-то въ родѣ, какъ я уже сказалъ выше, безсознательной духовной жизни. Помню только, что я совершенно забылъ объ опасности въ тотъ моментъ, когда я увидѣлъ цѣпь второй роты, отступающею на насъ.

Я вскочилъ на ноги.

— Отчего вы отступаете, спросилъ я у унтеръ-офицера второй роты.

— У насъ, ваше б—іе, нѣтъ ни одного офицера; ротный командиръ убитъ, остальные два офицера ранены, отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

Тогда я обратился къ нашему ротному командиру, флигель-адъютанту Богаевскому, съ просьбою пойти съ цѣпью второй роты впередъ.

— Твоя обязанность идти, отвѣтилъ мнѣ ротный командиръ.

Я далъ свистокъ.

Цѣпь повернулась назадъ: вижу, что нѣсколько солдатъ стрѣляютъ по туркамъ, вышедшимъ изъ редута, и въ тоже время ясно вижу впереди себя цѣпь залегшихъ людей нашего полка; приказываю прекратить огонь, чтобы не попадать въ нашихъ.

— Ваше благородіе, да это все убитые, говоритъ мнѣ унтеръ-офицеръ, указывая на залегшую цѣпь.

Я не повѣрилъ, и не повѣрилъ собственно потому, что слишкомъ много было лежащихъ; подхожу ближе, до самой цѣпи, и вижу, что унтеръ-офицеръ былъ, увы, правъ: все это лежали наши убитые.

Въ это же самое время, не знаю почему, мнѣ показалось, что турки значительно уменьшили огонь. По всей вѣроятности, выскочившіе изъ редута турки закрыли насъ собою, и мѣшали имъ стрѣлять.

Цѣпь моя открываетъ огонь по кучкѣ выскочившихъ изъ редута турокъ, а въ тоже время, нѣсколько лѣвѣе меня, изъ турецкаго ложемента, занятаго нашими стрѣлками, замѣтили тоже какъ и я, что турки рубятъ нашихъ раненыхъ, и на солнцѣ сверкаютъ надъ ними турецкіе sabres baionnettes; моментъ ужасный; гляжу, выскакиваетъ изъ ложемента унтеръ-офицеръ Ермолинскій, съ нѣсколькими людьми, и бросается на выскочившихъ изъ своего ложемента турокъ въ штыки и въ приклады: турки бросились бѣжать къ редуту, провожаемые бѣглымъ огнемъ нашей цѣпи. Помню, какъ самъ я, въ жару возмущенія и негодованія противъ турокъ, рубившихъ нашихъ несчастныхъ плѣнныхъ, схватилъ ружье, и началъ стрѣлять. Вижу и теперь фигуру одного турка; нагнувшись впередъ, рубитъ онъ одного нашего унтеръ-офицера, ружье у меня дрожитъ въ рукахъ отъ прилива крови въ голову, цѣлюсь, стрѣляю, вижу онъ не падаетъ, но уткнувшись головою къ землѣ, и опершись на убитаго или раненаго, остался неподвижнымъ: онъ былъ убитъ, но солдаты нашей роты, принимая его за живаго, стали стрѣлять въ него.... Въ эти минуты мы были въ настроеніи до того возбужденномъ, непріятель такъ близокъ, огонь казалось намъ, затихалъ, что у меня явилась мысль: не броситься-ли на редутъ.

— Встать, скомандовалъ я своимъ людямъ, желая прежде всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, сколько у меня приблизительно въ распоряженіи людей.

Люди вскочили.

Я сосчиталъ на скоро.

Увы, осталось до 50 человѣкъ.

Невыносимо жгучая досада схватила за душу. Несмотря на все, я долженъ былъ сказать себѣ, что броситься на штурмъ и на ура съ такой горстью храбрецовъ, значило бы ихъ всѣхъ уложить безполезно. А тутъ въ это же самое время турки начали стрѣлять въ насъ картечью. Я увидѣлъ, что нѣкоторыя части лѣвѣе меня отступаютъ. Что дѣлать? Пришлось приказать и своимъ отступать, отстрѣливаясь и помогая раненымъ отступать вмѣстѣ съ цѣпью.

Флигель-адъютантъ Богаевскій, лежавшій нѣсколько сзади меня, увидѣвъ общее отступленіе нашей цѣпи, приказываетъ ротѣ встать, для

того, чтобы видомъ сомкнутой части пріободрить отступающихъ, и во всякомъ случаѣ дать возможность отступать въ полномъ порядкѣ. Затѣмъ онъ приказываетъ рыть ложементъ, для доставленія возможности убрать раненыхъ, такъ какъ онъ боялся вылазки турокъ; но къ счастью турки, послѣ послѣдней нашей энергичной атаки, были какъ будто запуганы, и вылазки сдѣлать не посмѣли.

Когда я подошелъ къ Богаевскому, онъ мнѣ сказалъ, что полковникъ Мебесъ лежитъ впереди или убытый или раненый, и что онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало его вынести мертвымъ или живымъ; вслѣдствіе этого мнѣ онъ приказалъ своею цѣпью прикрыть стоявшую Государеву роту, и вызвавъ изъ этой роты охотниковъ, отправился впередъ отыскать тѣло полковника Мебеса.

Охотники немедленно отправились.

Въ это время съ остатками 9-й роты подошелъ поручикъ Бушень. Богаевскій ему приказываетъ своей цѣпью тоже прикрыть Государеву роту, и главнымъ образомъ отступленіе раненыхъ.

Минутъ двадцать спустя, вернулись охотники и доложили, что не могли отыскать полковника Мебеса, такъ какъ въ указанномъ имъ приблизительно направленіи искали вездѣ, но ничего не нашли. Вѣроятно, показанія раненыхъ, служившіе указателемъ мѣстности, гдѣ долженъ быть полковникъ Мебесъ, были невѣрны.

Охотники вернулись на половину раненые. Помню, что особенно поразилъ меня своимъ хладнокровіемъ ефрейторъ Минковскій: его ранили пулей въ ногу, а онъ опираясь на ружье, шелъ пѣшкомъ, пѣлъ пѣсенку, и проходя мимо роты шутилъ. (Онъ получилъ Георгія и произведенъ въ унтеръ-офицеры).

Тутъ мы слышимъ раздалось слово: баши-бузуки. Невольно мы дрогнули и оглянулись. Вдали вправо отъ насъ мы видимъ кавалерію, которую солдатики наши немедленно назвали баши-бузуками. Мы всматриваемся и ждемъ. Но за то не мало мы обрадовались въ ту минуту, когда увидѣли, что эти баши-бузуки были наши ковно-гренадеры, дѣйствовавшіе въ тылу у отряда подъ Горнымъ-Дубнякомъ, и посланные для поддержанія связи между Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ.

Запомнился тутъ слѣдующій характеристичный эпизодъ съ двумя нашими ранеными. Подходитъ ко мнѣ солдатикъ, кричитъ, стонетъ, и держитъ руку у рта.

— Что съ тобою?

— Пуля во рту зашла ваше б—іе, говоритъ солдатикъ, и закричалъ благимъ матомъ.

Я велю ему открыть ротъ, онъ открываетъ: смотрю, у него вышибленъ пулею одинъ зубъ, но наружной раны не видать; вѣроятно, ротъ

былъ у него открытъ, и пуля только мимолетъ задѣла зубы и выбила одинъ зубъ...

Тутъ подходитъ тихо, безъ звука, безъ стона, другой солдатикъ; держитъ онъ тоже руку у рта.

Невнятно спросилъ онъ, гдѣ перевязочный пунктъ.

Я оборачиваюсь и вижу, что все лицо его отъ самаго носа до низа разодрано пополамъ, и виситъ клочками, такъ что вся средина лица составляла одну открытую рану. Я наскоро перевязалъ ему лицо своимъ платкомъ, и обратился къ первому раненому, стоявшему тутъ же пораженный видомъ раны товарища.

— Видишь, говорю я, какъ тебѣ не стыдно: погляди-ка на его рану: онъ даже не стонетъ; а у тебя только зубъ вышибленъ, и ты орешь какъ старая баба.

— Виноватъ, ваше б—іе, отвѣчаетъ солдатикъ, уже позвольте, я его отведу.

Разомъ исчезла въ солдатикѣ забота о себѣ самомъ; доброе лицо его освѣтилось горячимъ состраданіемъ къ товарищу.

— Извѣстно, веди его.

— Ну идемъ дружокъ, и солдатъ взявъ за руку товарища повелъ его, а чтобъ тому было повеселѣе идти, принялся шутить, и забылъ про выбитый зубъ.

Въ это время прискакалъ къ капитану Богоевскому, посланный отъ полковника Челищева, съ приказаніемъ отступать. Прикрываясь цѣпью 2-й и 9-й роты, Богаевскій повелъ роту свою назадъ, и дойдя до какой-то проселочной дорожки, остановился, чтобы привести въ порядокъ массу людей другихъ частей, отступавшихъ на насъ, какъ на сомкнутую часть.

Только что эта часть приведена была въ порядокъ, прискакиваетъ гонецъ съ приказаніемъ дать полуроту для прикрытія отступленія въ другомъ мѣстѣ. Привезшій приказаніе, подпоручикъ Ѳаворскій, вызывается охотникомъ вести эту полуроту.

Но только что она двинулась, какъ пріѣзжаетъ самъ полковникъ Челищевъ, и возвращаетъ полуроту назадъ, какъ оказавшуюся ненужною.

Полковникъ Челищевъ даетъ приказаніе всѣмъ отступать по направленію Свинарской балки, мнѣ же по выходѣ изъ сферы дѣйствительнаго ружейнаго огня, дано было приказаніе остаться, и наблюдать за уборкою раненыхъ. Въ это время отъ л.-гв. Гусарскаго полка присланъ былъ эскадронъ, который смѣнилъ стрѣлковъ, и разсыпался въ кукурузѣ, для прикрытія отступленія раненыхъ. Оставаясь тутъ, я слѣдилъ, какъ отступали рота за ротою, съ лѣваго фланга нашей позиціи, которая отъ Свинарской балки, была дальше, чѣмъ мы; то были стрѣлковыя роты и 2-й баталіонъ. Я помню, что послѣднимъ вышелъ изъ боя

подпоручикъ Лундъ, который при помощи фельдфебеля Баранова привелъ въ порядокъ отставшихъ отъ разныхъ ротъ людей, далъ по туркамъ залпъ, и подъ прикрытіемъ дыма доставилъ людямъ полную возможность отступить. Фактъ этотъ замѣчателенъ, ибо не будь этихъ внезапныхъ распоряженій не было бы никакой возможности спасти людей, такъ какъ турки всякаго вставшаго солдатика клали на мѣстѣ, цѣля какъ въ близкую мишень. Затѣмъ я вдругъ услыхалъ налѣво за балкою—играютъ гвардейскій кавалерійскій походъ. То, оказалось, лейбъ-гусары и батарея полковника Безака отдавали честь знаменамъ нашихъ 2-го и 4-го батальоновъ, проходившимъ съ одною изъ нашихъ ротъ.

Помню, что разсказывая офицерамъ Гусарскаго полка ходъ боя, я не могъ удержаться отъ слезъ: досада, боль, воспоминаніе сколько отличныхъ людей легло въ моихъ глазахъ, и въ какихъ нибудь нѣсколько часовъ, и все это съ мыслію, что даромъ, напрасно, мучили, грызли душу, душили. Потомъ уже легче немного стало, когда мы убѣдились, какую пользу принесло это несчастное для нашего полка дѣло, для аттаковавшихъ Горный-Дубнякъ.

Большую услугу оказали лейбъ-гусары нашимъ бѣднымъ раненымъ Трудно представить, что бы мы безъ нихъ сдѣлали, и что бы случилось со многими изъ нашихъ раненыхъ. Не только ихъ фургоны, доктора, фельдшера, солдаты были отданы въ распоряженіе нашихъ раненыхъ, но они посылали людей о двухъ коняхъ въ огонь, и вывозили съ мѣста раненыхъ, которые подъ огнемъ сами не могли идти.

Когда раненые были собраны, я съ людьми отправился сперва на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ былъ прежде, но тамъ его уже не засталъ, а затѣмъ вернулся къ полку, который остановился на ночлегѣ въ лѣсу Свинарской балки, а третья рота послана была на аванпосты, какъ пострадавшая меньше другихъ, хотя и у нея были раненые на перевязочномъ пунктѣ. Цѣлую ночь раненые или привозились или подходили.

Потеря наша была 930 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и 28 штабъ- и оберъ-офицеровъ.

II.

О Телишѣ 12-го октября было уже нѣсколько разъ разсказано. Но я полагаю, что сраженіе вообще можетъ быть разсматриваемо и описано нѣсколько разъ, и эти разсказы и описанія не будутъ повтореніемъ одного и того же. Разсказъ того, кто былъ на правомъ флангѣ, совсѣмъ другой, чѣмъ того, кто былъ на лѣвомъ; а у этого послѣдняго совсѣмъ иной, чѣмъ у того, кто былъ въ центрѣ позиціи — это во первыхъ; а во вторыхъ даже и предположивъ, что нашелся бы та-

кой вездѣсущій корреспондентъ, который умудрился бы одновременно быть на разныхъ пунктахъ позиціи, то и то послѣ выхода въ свѣтъ его разсказа можно бы было еще разсказать про то же сраженіе совершенно въ другомъ родѣ, и не повторивъ ни одного слова изъ его сочиненія — настолько многосторонне можно взглянуть на дѣло. И относится-то каждый различно къ окружающему его, да и цѣль описанія у всякаго своя: кто описываетъ передвиженія ротъ и батальоновъ, а кто ощущенія, какія испытываются, когда кругомъ жужжатъ пули и пр. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго беру на себя смѣлость еще разъ вспомнить Телишъ 12-го октября.

Вѣсть, что 12-го октября мы будемъ аттаковывать Телишъ, пришла къ намъ наканунѣ, 11-го. Мы стояли тогда бивакомъ въ лощинѣ у д. Бѣглышъ. Ее привезъ въ 12 часовъ дня командовавшій нашей дивизіей генералъ-маіоръ Раухъ. Онъ поздравилъ насъ съ будущимъ первымъ нашимъ дѣломъ и объявилъ, что мы должны выступить въ 1 часъ ночи и сдѣлавъ ночной переходъ къ Телишу, поутру аттаковать его. Мы стали собираться. Палатки снимались, все хозяйство солдатское собиралось и увязывалось. Наступилъ вечеръ съ 11-го на 12-е. Все уже было у всѣхъ готово, палатки сняты, всѣ уже въ аммуниціи, спать не стоило ложиться и всѣ солдаты и офицеры кучками обступили костры. Въ одной изъ офицерскихъ кучекъ, какъ сейчасъ помню, стояли окруженные офицерами нашего полка поручикъ Перепелицынъ 2-й и штабсъ-капитанъ Ольдерроге, только что присоединившіеся въ этотъ день къ полку (они пріѣхали изъ Кавказской арміи, куда были командированы отъ нашего полка). Всѣ съ любопытствомъ разспрашивали ихъ про кавказскія дѣла, въ которыхъ они участвовали, осматривали ихъ снаряженіе—они ѣхали чрезъ Петербургъ и поэтому все приладили, по опыту, какъ слѣдуетъ, т. е. носку сабли, бинокля, сапоги; тогда какъ у многихъ изъ насъ многое оказалось въ походѣ не практично. Болтали, шутили, смѣялись. Для Перепелицына этотъ вечеръ былъ послѣднимъ—на другой день 12-го онъ былъ убитъ, а Ольдерроге раненъ въ голову и ногу. Въ сторонѣ отъ костра два другіе офицера, капитанъ Мендтъ и капитанъ Базилевскій, сидѣли одинъ на барабанѣ, а другой на бревнѣ, и играли при свѣтѣ костра въ пикетъ. И Базилевскій въ послѣдній разъ игралъ въ пикетъ— на другой день его не стало, а Мендтъ лишился глаза. Кстати о боевой апатіи. Какой-то корреспондентъ, въ какомъ-то журналѣ (кажется въ „Вѣстникѣ Европы") все возмущается апатичностью нашихъ солдатъ и офицеровъ, т. е. напр. когда приходитъ извѣстіе, что тамъ-то такая-то убыль, то никто не рветъ волосъ на головѣ и никто не предается глубокой, мрачной и всесокрушающей скорби. Что же было это за войско, которое за два дня до дѣла ходитъ какъ потерянное отъ апатіи, а при извѣстіи о какой нибудь неудачѣ, недѣлю никуда негодно тоже отъ

элюціи. Это и похвально у нашего офицера и солдата, что собственно элюція боя для него подъ пулями. Напримѣръ, для меня и нашего батальона она наступила, когда въ оврагѣ подъ Телишемъ намъ приказали снять и скатать чрезъ плечо шинели и батальонный командиръ перекрестившись, сказалъ: „съ Богомъ ребята—въ добрый часъ, шагомъ маршъ", и мы поднялись по берегу оврага на Телишское поле (объ этомъ впереди). А до боя, вечеромъ 11-го октября, солдатъ подшивалъ подметку, а офицеры, болтая и смѣясь, пригоняли вьючныя сѣдла на лошадей (мы обозовъ не брали подъ Телишъ). При извѣстіи же, что тамъ-то столько-то убило, солдатъ нашъ сниметъ шапку и перекрестясь, скажетъ „вѣчная память" отъ всей души, но спокойно и волосъ рвать не станетъ, что собственно, кажется, и огорчило вышеупомянутаго корреспондента. Возвращаюсь къ вечеру 11-го октября. Въ 1 часъ ночи мы двинулись и шли всю ночь до 9 часовъ утра. Это было наше первое ночное движеніе; люди страшно утомились, но отсталыхъ почти не было; всякій солдатъ понималъ, что попасть въ отсталые, идя на Телишъ, совсѣмъ не то, что на обыкновенномъ переходѣ; пожалуй, скажутъ—отъ страху присѣлъ... и подтягивались, подбодрывались, и все шли и шли. Въ одномъ мѣстѣ мы обогнали нашихъ санитаровъ, которые получили приказаніе двигаться за полкомъ. Впечатлѣніе, производимое санитаромъ съ своей палкой или полотнищемъ отъ носилокъ, производимое на солдата идущаго въ бой, можно сравнить съ впечатлѣніемъ маленькихъ гробиковъ и катафалокъ, которые имѣютъ привычку выставлять гробовщики въ Петербургѣ на окна своихъ лавокъ для соблазна прохожихъ, на крѣпко больнаго человѣка, которому есть шансы переселиться въ непродолжительномъ будущемъ въ другой міръ. Не въ обиду будь это сказано нашимъ санитарамъ, они молодцы и свое дѣло исполняли честно и мужественно, но что будешь дѣлать когда это такъ. Я нарочно взглянулъ на моихъ сосѣдей—старыхъ солдатъ, шедшій рядомъ со мной посмотрѣлъ на санитаровъ, слегка нахмурился, крякнулъ, вынулъ трубку и сталъ набивать ее, молодой солдатикъ, шедшій рядомъ съ нимъ, вздохнулъ: „Синодары"... старый посмотрѣлъ на него пристально и неодобрительно, но ничего не сказалъ.

Въ серединѣ перехода сонъ сталъ одолѣвать—только присядешь на привалѣ—глаза сами собой закрываются, но къ утру опять разгулялись и въ 9-ть часовъ мы поднялись изъ Свинарской балки на Телишское поле.

3-й и 4-й наши батальоны посланы были въ первой линіи, 1-й и 2-й, въ которомъ былъ и я,—во второй. Командиръ нашего батальона перестроилъ по выходѣ изъ балки батальонъ изъ колонны, изъ середины рядами, какъ мы шли, прямо по ротно въ двѣ линіи. Когда мы поднялись на поле, я только и увидѣлъ вспаханное поле, засѣянное кукуру-

зой и вдали бѣлый дымокъ — артиллерійскій, турецкій выстрѣлъ. Рота наша, развернутая и съ разомкнутыми рядами, двинулась по командѣ ротнаго командира—пошли. „Ложись“... немного погодя „Встать“... „Бѣгомъ маршъ“... „Ложись“ и т. д. Вдругъ жжж... мнѣ показалось, что это первая пуля пролетѣла около самаго праваго уха, и я невольно подался влѣво; но при слѣдующихъ убѣдился, что всѣ кажутся летящими мимо уха. Пули пошли свистѣть, шипѣть и визжать. Мы подвигались впередъ все перебѣжками; на второй перебѣжкѣ слышу сзади голосъ: „Ваше благородіе, у насъ Осиповъ раненъ“ и затѣмъ стонъ. Первое движеніе мое было обернуться, но самъ не знаю почему не обернулся. Опять „встать, бѣгомъ маршъ“. Стонъ опять; фельдфебель упалъ раненый въ ногу, еще и еще. Мы шли за 4-мъ батальономъ, который оставлялъ за собой слѣдъ, ничкомъ лежащихъ убитыхъ и ползущихъ назадъ и стонущихъ раненыхъ. Эти ничкомъ лежащіе, лицомъ въ землю, съ откинутой рукой и сгорбившись, такъ произвели на меня живое до сихъ поръ впечатлѣніе, что недавно, когда я былъ въ отпуску, въ деревнѣ, проѣзжая мимо вспаханнаго и полу-сжатаго поля, задумался, и окружавшая меня обстановка навела мои мысли на роковой день 12-го октября. Я взглянулъ на поле и мнѣ на мгновеніе показалось въ родѣ миража, на рубежѣ ничкомъ, затылкомъ къ верху, плечи приподняты, рука откинута; я такъ и отшатнулся.

По мѣрѣ того, какъ мы подавались впередъ, я яснѣе и яснѣе сталъ различать все находящееся впереди: темную полосу (укрѣпленія) и изъ нея дымки одинъ за другимъ. Въ лѣво за оврагомъ—самое село Телишъ съ бѣлымъ минаретомъ. Свистъ и жужжаніе пуль были почти безпрерывные. Вдругъ впереди „урра“ и мы увидѣли людей, бѣгущихъ къ укрѣпленію—это были турки, выбитые нашими 3-мъ и 4-мъ батальонами изъ передовыхъ ложементовъ и бѣгущіе къ укрѣпленію. Нашему и 1-му батальону приказали вступить также въ 1-ю линію и занять средніе ложементы (3-й и 4-й фланговые). Мой ротный командиръ вызвалъ цѣпь, я скомандовалъ своей полуротѣ „встать“; повелъ бѣгомъ, подпрыгивая по кочкамъ пашни и разсыпалъ. Мое звѣно для прикрытія (каждому офицеру въ цѣпи полагается 4 солдата прикрытія), подбѣжали ко мнѣ и одинъ изъ нихъ кричитъ; „В. б-іе, намъ при васъ находиться?“

Я взглянулъ на его лицо и теперь (тогда мнѣ это и въ голову не пришло) оно мнѣ своимъ выраженіемъ, напоминаетъ выраженіе лицъ артиллеристовъ той батареи, гдѣ былъ Пьеръ Безухій (изъ романа гр. Толстого „Война и Миръ“). Какъ будто спокойное, но какъ-то не нормально оттянутое, и нижняя челюсть нервно поддернута.

Еще перебѣжка, и моя цѣпь заняла вмѣстѣ съ присоединившейся къ ней ротой ложементъ. До турокъ примѣрно было шаговъ 400. Можно было различить изрѣдка, высовывающіяся фигуры изъ брустверъ и рвовъ.

уже ясно различаемаго укрѣпленія. Ложементы, занятые нами—были на скоро выкопанные, и самой ничтожной углубленной профили, такъ что намъ прикрытіе доставало фута ½ т. е. почти никагого, принявъ во вниманіе что мѣстность была поката къ укрѣпленію.

Рота наша открыла стрѣльбу по одиночкѣ, люди стали пробовать стрѣлять на разныя дистанціи, чтобы опредѣлить прицѣлъ, переговаривались и замѣтно повеселѣли; прикрытіе, хоть въ сущности нисколько не прикрывающее и за которымъ также и ранятъ и убиваютъ, какъ и безъ него, все-таки нравственно ободряетъ. Мой сосѣдъ, лежавшій со мной бокъ о бокъ былъ деньщикъ, попавшій въ строй какъ разъ предъ походомъ. Раза два онъ выстрѣлилъ и затѣмъ опустилъ лицо на руки и утихъ. „Неужели убитъ", подумалъ я и дотронулся его плеча. Онъ вздрогнулъ и продралъ глаза—спалъ. Многимъ это покажется утрировкой съ моей стороны, но надо принять во вниманіе крайнюю физическую усталость и хоть мифическое, но все-таки прикрытіе, почему это мнѣ и не показалось страннымъ, хотя я и внушилъ моему сосѣду, что мы не „соснуть сюда пришли". Хотя и было ясно, что аттаковать нашими силами, т. е. однимъ полкомъ уже значительно поубавившимся, было немыслимо — большое, отлично выстроенное и сильной профили укрѣпленіе, но мы все ждали общей аттаки; а тѣмъ временемъ рота за ротой давали залпъ, вскакивали, „ура", бѣжали впередъ и не успѣвали другія послѣдовать ихъ примѣру, какъ поднимался такой адскій огонь изъ укрѣпленія, что раненые и убитые массами валились и роты поневолѣ ложились. Мы также нѣсколько разъ поднимались, но каждый разъ, такая трескотня, такой рой пчелъ, что стой... Мы пробыли съ 9-ти часовъ утра до 1-го часу на полѣ. Примѣрно, въ часъ дня началось отступленіе нашихъ остатковъ. Мы дали залпъ, вскочили и побѣжали къ отлогому оврагу, находившемуся шагахъ въ 60 позади занимаемыхъ нами ложементовъ. Трескотня поднялась опять адская, я видѣлъ какъ двое бѣжавшихъ рядомъ со мною кувырнулись. Кто то опять вскочилъ изъ нихъ и опять побѣжалъ. Добѣжали мы до оврага и засѣли въ немъ: тутъ были остатки 4-го бат. и остатки ротъ 1-го и наша. Прикрытіе оказалось еще хуже чѣмъ ложементы. Съ лѣваго фланга стрѣляли изъ дер. Телиша фланговымъ огнемъ, хотя вреда и мало приносившемъ, но впечатлѣніе производившемъ пренепріятное; а чуть кто голову высунетъ изъ оврага опять трескотня изъ укрѣпленія. А сзади еще добрыхъ 1400 шаговъ отступать по ровному, какъ ладонь полю, покрытому рѣдкой кукурузой.

Убитыхъ и раненыхъ въ оврагѣ было много; я усѣлся рядомъ съ трупомъ унтеръ-офицера Захарова, бывшаго до похода городовымъ у Пяти угловъ, и по своей волѣ пошедшаго въ походъ. Его лицо едва можно было узнать—черепъ у него былъ расплюснутъ осколкомъ гранаты. Наконецъ, перебѣжками мы постепенно отступили изъ сферъ огня, оставивъ на полѣ

еще раненыхъ. То, что теперь еще осталось въ живыхъ немного егерей, мы обязаны вполнѣ нашей кавалеріи — лейбъ-гусарамъ, прикрывавшимъ во время боя нашъ флангъ, а потомъ прикрывавшимъ наше отступленіе. Черкесы (я уже не говорю про баши-бузуковъ, а ихъ было въ Телишѣ немного) не смѣли насъ преслѣдовать, боясь гусаръ и не желая идти съ ними грудь на грудь. Масса нашихъ раненыхъ была посажена на сѣдла и вывезена, а также и „Кокоревская" батарея (4-ая бат. 1 лейбъ-гв. артиллерійской бригады) вывезла много раненыхъ на лафетахъ и лейбъ-драгуны. Гусаръ слѣзалъ съ лошади и втаскивалъ на сѣдло нашего егеря съ перешибленною ногой. Зарядные ящики, батареи, лафеты всѣ были облѣплены нашими ранеными.

Выйдя изъ сферъ огня, я сталъ разспрашивать солдатъ разныхъ ротъ про офицеровъ; про кого не спросишь: убитъ, раненъ, убитъ.

Собрался полкъ; изъ ротъ остались маленькія кучки людей. Вотъ, напримѣръ, цифра убыли въ 11-й ротѣ, которой я былъ назначенъ командовать (3-й батальонъ весь пострадалъ болѣе другихъ): 146 рядовыхъ убитыхъ и раненыхъ, 54 осталось, 21 унтеръ-офицеровъ выбыло, 6 осталось, фельдфебель убитъ. Всего убыли въ полку нижнихъ чиновъ около 1000; изъ нихъ гораздо болѣе половины убитыхъ и добитыхъ турками (такъ какъ мы при отступленіи не могли забрать всѣхъ раненыхъ). Офицеровъ убито 8, ранено 16.

Полученъ былъ приказъ не отступать, выставить аванпостную цѣпь, костровъ не разводить.

Ночь эта проведена была нами ужасно: ѣсть нечего, развѣ кой у кого сухарь найдется (деньщики и обозы за рѣкой), теплаго покрыться ничего нѣтъ; а ночь была морозная; къ счастью, мы розыскали копну сѣна и всѣ уцѣлѣвшіе наши офицеры (а ихъ было немного) и артиллеристы сбились въ кучѣ, зарывались въ сѣно и продрогли кое-какъ всю ночь. Поутру я хоронилъ трехъ убитыхъ солдатъ своей роты, принесенныхъ съ поля. Выкопали имъ могилу, положили рядомъ, я прочиталъ краткую молитву и бросилъ горсть земли на прахъ трехъ храбрецовъ.

Пріѣхалъ ординарецъ—Горный Дубнякъ взятъ. Это насъ очень обрадовало. Насъ повели въ Горный Дубнякъ, гдѣ мы и присоединились къ нашему гвардейскому корпусу.

17-го октября, на другой день послѣ взятія Телиша одной артиллеріей (16-го октября), мы хоронили четырехъ нашихъ офицеровъ: флигель-адъютанта полковника Мебеса, поручика Перепелицына, подпоручика Гресбекъ и подпоручика Шильдбахъ.

Ихъ всѣхъ привезли раздѣтыхъ до нага, но не обезображенныхъ, такъ какъ они лежали всѣ вблизи отъ укрѣпленія; трупы, лежавшіе вдали, были почти всѣ изувѣчены: у кого крестъ на груди, у офицеровъ полоски на шеѣ вырѣзаны, на подобіе галуновъ, многіе безъ носовъ.

Паша, взятый въ Телишѣ, объяснялъ все это, что его регулярныя войска не трогали труповъ, только раздѣвали ихъ (у него самого былъ найденъ въ карманѣ погонъ съ вензелемъ нашего покойнаго Мебеса); а что ночью, вдали отъ укрѣпленія, рыскали баши-бузуки, на которыхъ, по его словамъ, ни управы, ни начальства нѣтъ, и безобразничали.

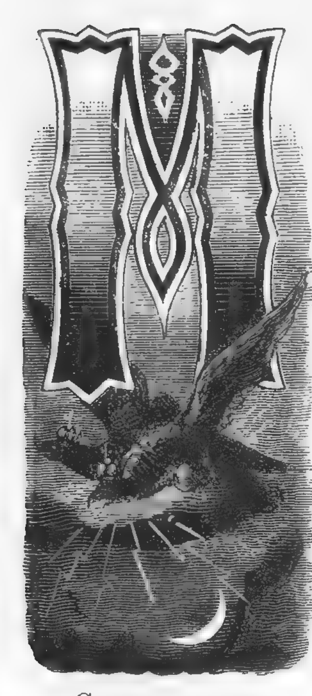
На тѣла нашихъ офицеровъ мы надѣли рубашки, покрыли холстомъ и положили на поставленныя рядомъ носилки; полкъ выстроился покоемъ и священникъ отпѣвалъ ихъ. Похоронили мы ихъ около Дольнаго Дубняка на курганѣ.

Черезъ нѣсколько дней нашли тѣло еще одного офицера—Базилевскаго и хоронили его, а тѣла подпоручика Романова и поручика Кашерининова совсѣмъ не нашли. Англійскіе же доктора, взятые въ Телишѣ въ плѣнъ, разсказывали, что двухъ офицеровъ, „съ вышитыми цвѣтами на воротникахъ", притащили еще полуживыхъ въ укрѣпленіе и на животахъ у нихъ разложили костеръ. Правда ли это или фантазія англійскихъ докторовъ—до сихъ поръ неизвѣстно. Дѣйствительно, мы видѣли обгорѣлые черепа и кости въ укрѣпленіи Телиша; но нашимъ ли покойнымъ товарищамъ принадлежали они—неизвѣстно. На полѣ же, несмотря на усиленные розыски, тѣла не отысканы.

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ.

(Дневникъ офицера-артиллериста).

5-го Октября, среда.



ы, или, вѣрнѣе, гвардейская кавалерія, стояли по-прежнему въ Дольней-Липницѣ. Окончательно потеряли надежду попасть въ дѣла: весь гвардейскій корпусъ ужъ на походѣ къ Плевнѣ. Генералъ Гурко, коренной начальникъ нашей дивизіи, получилъ другое назначеніе...

Приказаніе стать на квартиры окончательно убѣдило нетерпѣливыхъ, что мы останемся въ глубокомъ резервѣ.

Вдругъ получается приказаніе приготовиться къ выступленію. Все закопошилось—укладывается. Куда идемъ, къ какому отряду присоединяемся — было все равно. Вопросъ заключался въ томъ, что дивизія попадетъ въ дѣла, слѣдовательно, не даромъ прогулялась въ Болгарію и не стыдно будетъ вернуться со временемъ домой.

Странная вещь, но боязнь быть въ дѣйствующей арміи не побывавши въ дѣлѣ, попеременно овладѣвала всѣми. Въ особенности трепетали за это еще въ Кишиневѣ. Правда, первое дѣло многихъ весьма быстро охлаждаетъ отъ стремленія къ сильнымъ ощущеніямъ; но стоитъ постоять нѣкоторое время въ бездѣйствіи, и снова послышатся жалобы на однообразную бивуачную жизнь, и появляются и созрѣваютъ въ головѣ блестящіе планы и желаніе привести ихъ въ исполненіе. Такова безпокойная человѣческая натура!

Гвардейская кавалерія получила приказаніе выступить 6-го октября и присоединиться къ своей пѣхотѣ подъ Плевной; она поступала въ отрядъ генерала Гурко.

6-го Октября, четвергъ.

Время настало вполнѣ осеннее: ночи холодныя, даже морозныя,— дни теплые. Мы выступили въ $7^{1}/_{2}$ часовъ изъ Дольней-Липницы и шли на Дольній-Студень, Овча Могилу, гдѣ и вышли на большую Плевненскую дорогу.

Дорога эта, соединяющая стотысячную нашу армію съ главной квартирой и всѣмъ тыломъ, поражала насъ своею пустынностью. Одни глубокія колеи, въ высохшей грязи, свидѣтельствовали, что тутъ происходило какое-то усиленное движеніе. По сторонамъ, кромѣ незасѣянныхъ полей, пустыхъ селъ, ничего не было видно. Скотъ и тотъ не оживлялъ брошенныя поля. Изрѣдка проходилъ какой-нибудь братушка съ посохомъ въ рукахъ и только... Однимъ словомъ, было ясно, что все мѣстное давно уже потреблено проходившими массами войскъ. Скучная, однообразная дорога казалась безконечною и какъ бы ведущею на что-то тяжелое, грустное. Этому способствовало составившееся у каждаго понятіе о Плевнѣ, какъ о какомъ-то чудовищѣ, поглотившемъ столько русскихъ жертвъ и еще, можетъ быть, грозящемъ поглотить столько же.

Бивуакъ у насъ сегодня отличный, у Лиджанскихъ мостовъ. Чистая, ровная, сухая и травянистая поляна и близость воды помогутъ отдохнуть болѣе 4500 конямъ.

Генералъ Гурко, получившій начальство надъ всею кавалеріею Плевненской арміи послѣ генерала Крылова, пріѣхавши на мѣсто и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, говорятъ, пришелъ къ заключенію, что съ одною кавалеріею нельзя помѣшать подвозу припасовъ арміи Османа-паши по Софійскому шоссе. Оказывается, что каждое селеніе на шоссе обращено турками въ укрѣпленный лагерь, снабженный гарнизономъ. Конвоируемые значительными силами пѣхоты, транспорты свободно переходятъ изъ одного укрѣпленнаго мѣста въ другое и доходятъ такимъ образомъ до самой Плевны. Такія укрѣпленныя позиціи имѣются у турокъ въ Дольнемъ Дубнякѣ, Горномъ Дубнякѣ, Телишѣ, Радомирцахъ и т. д. Вслѣдствіе этого, ему ввѣрили подъ начальство 1-ю и 2-ю гвардейскія пѣхотныя дивизіи со стрѣлковою бригадою. Съ такими силами можно уничтожить весь непріятельскій тылъ. Вообще, какъ мнѣ кажется, намъ предстоитъ много интересныхъ дѣлъ на Софійскомъ шоссе.

Получивъ подъ свое начальство почти весь гвардейскій корпусъ, генералъ Гурко, хотя и младшій по службѣ, становился старше командира 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генерала графа Шувалова. Подобныя назначенія должны избѣгаться въ военное время. Но въ данномъ случаѣ вреда дѣлу не послѣдуетъ, такъ какъ гр. Шуваловъ заявилъ самъ, что онъ отдаетъ полную справедливость таланту, уже высказанному ге-

нераломъ Гурко, и съ удовольствіемъ будетъ служить подъ его начальствомъ. Черта джентельменская,—рѣдкая!

7-го Октября, пятница.

Въ восемь часовъ утра мы выступили далѣе. Едва мы свернули съ большой Плевненской дороги влѣво, какъ мы вступили въ расположеніе тыла плевненской арміи: транспорты, лазареты, парки, обозы, безконечнымъ количествомъ повозокъ тянулись по обѣ стороны дороги. Доктора, сестры милосердія, интенданты, лица въ партикулярномъ платьѣ всѣмъ извѣстно для чего протирающіеся въ арміи, евреи и всякій сбродъ, сновали вокругъ повозокъ и телѣгъ всевозможныхъ видовъ и конструкцій. Вскорѣ стали появляться и сыны румынскаго племени. Румынскій солдатъ поражалъ своею мужиковатостью и отсутствіемъ воинскаго вида—молодцоватостью; румынскій офицеръ своимъ опрятнымъ до прилизанности видомъ, узкими въ обтяжку пантолонами, манжетками, воротничками и кокетливо надѣтымъ кепи. Военное положеніе, вся обстановка. какъ-то не гармонировалась съ точно вышедшимъ изъ парикмахерской румынскимъ офицеромъ.

Русскій офицеръ въ полушубкѣ, въ поношенныхъ и обтоптанныхъ. длиннымъ походомъ сапогахъ, съ загорѣлымъ лицемъ, какъ-то болѣе походилъ на воина, пришедшаго сюда драться, чѣмъ румынскій офицеръ, пріѣхавшій, какъ на любовное свиданіе, добывать пóтомъ и кровью независимость своему княжеству.

Солдаты не могли обойтись безъ мѣткихъ замѣчаній.

— Посмотри-ка, дружище, что это за заморская птица такая? указывалъ одинъ.

— Павлинъ настоящій, ей,—ей павлинъ или цапля, смѣялся другой.

— Да, скорѣй цапля: ноги тонкія, весь перегинается, однимъ щелчкомъ перешибешь, говорилъ третій.

— На такихъ ножкахъ далеко не уйдешь: какъ разъ хрустнутъ и переломятся. И удивленное дѣло, какъ они имѣютъ рѣшимость съ туркой воевать, удивлялся первый.

— Извѣстное дѣло, одни-бы не сунулись; видятъ, что русскіе пошли, они къ намъ и попристроились, замѣтилъ смѣтливый солдатъ.

— Понятная вещь; хоть слабенькіе, а не глупенькіе, заключилъ третій.

Румыны намъ стали оттого встрѣчаться, что мы подходили къ дер. Парадимъ, гдѣ была главная квартира князя Карла, командовавшаго всею западною арміею подъ Плевною. Князь Карлъ пожелалъ видѣть гвардейскую кавалерію, вступающую въ составъ его арміи. Мы подтянулись, пооправились. Вскорѣ вправо отъ дороги мы увидали блестящую свиту князя. Разноцвѣтные костюмы адъютантовъ, ординарцевъ, роміо-

ровъ, капарашей и т. д. въ перемѣшку съ нашими офицерами, состоящими при князѣ, дѣлали свиту пестрою. Князь Карлъ здоровался съ полками гвардейской кавалеріи по русски, произнося неявственно: „здорово ребята.“ Ему очень понравился видъ гвардейской кавалеріи; онъ постоянно повторялъ: „quels chevaux, quels hommes!“ Въ заключеніе онъ передалъ командующему дивизіею, что онъ считаетъ себя счастливымъ командовать такимъ отборнымъ войскомъ.

Въ Пелишатѣ мы обогнали 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, которая только что прибыла туда на бивуакъ. Кругомъ Пелишата опять стояло безконечное количество всякихъ транспортовъ, обозовъ и лазаретовъ, занимавшихъ нѣсколько такихъ пространствъ, какъ вся деревня.

Пройдя Пелишатъ, вправо отъ дороги, открылся для насъ видъ на какую-то часть непріятельской, плевненской позиціи. Голая, безъ растительности мѣстность, ряды гористыхъ перекатовъ, а еще далѣе и выше, полоски непріятельскихъ батарей и редутовъ, вотъ какъ представилась мнѣ плевненская, непоборимая позиція.

Становилось понятнымъ, что нашимъ войскамъ, атаковавшимъ непріятеля, приходилось со своей позиціи спуститься внизъ и подыматься до линіи непріятеля, будучи совершенно открытыми и все время поражаемыми сидящимъ въ укрѣпленіяхъ непріятелемъ. Конечно, это должно было намъ дорого стоить!

Недоходя Богота, мы встрѣтили быстро проѣхавшаго верхомъ генерала Тотлебена съ начальникомъ штаба княземъ Имеретинскимъ и нѣсколькими кубанскими казаками. Генералъ на ходу здоровался съ полками. Его строгій, но спокойный видъ, его боевая опытность, общеевропейская извѣстность, вселяетъ какое-то непонятное довѣріе къ нему: чувствовалось, что онъ совершенно на мѣстѣ.

Уже смеркалось, всюду разводили костры, когда мы подошли къ д. Боготъ въ 7 часовъ вечера. Мы становились на бивуакъ, когда къ намъ подошло цѣлое общество докторовъ съ сестрами милосердія.

— Скажите, пожалуйста, обратилась одна изъ нихъ ко мнѣ, пришли-ли сюда Измайловцы?

— Нѣтъ-съ, сюда приходитъ и сегодня ночуетъ только гвардейская кавалерія, отвѣчалъ я ей.

— Ахъ, какъ жаль, Маша, — обратилась она къ другой сестрѣ, — только кавалерія прійдетъ сюда.

Въ это время раздалось нѣсколько дальнихъ орудейныхъ залповъ.

— Что это такое? невольно спросилъ я сестру.

— Это у насъ здѣсь постоянно идетъ стрѣльба.

— И ночью также?

— Да, иногда и ночью. Мы, знаете, ужъ такъ къ этому привыкли, что на это не обращаемъ никакого вниманія, хвастала сестрица, какъ

будто Боготъ стоялъ въ сферѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Турки также отвѣчаютъ, продолжала она, но особеннаго вреда намъ не приносятъ, Это происходитъ оттого, что гранаты ихъ рѣдко рвутся, а если рвутся. то плохо, читала мнѣ сестра лекцію, очевидно думая, что мнѣ, какъ не бывавшему въ дѣлахъ,—ничего неизвѣстно. Вообще, по ихъ тону можно было замѣтить, что на гвардейцевъ, какъ на не принесшихъ еще кровавыхъ жертвъ, они смотрятъ съ полу-улыбкою.

Хотя особенной симпатіи онѣ къ намъ не проявляли, но все-таки было крайне пріятно въ этой тяжелой мѣстности видѣть и говорить съ русской женщиной.

Деревня Боготъ, какъ и каждое селеніе въ окрестностяхъ Плевны, гдѣ четвертый мѣсяцъ стоятъ двѣ непріятельскія арміи, давно уже отдала всѣ свои достатки на пользу воинства и сохранила только одни голыя стѣны. Но и этими голыми стѣнами не пренебрегаютъ; около нихъ ютятся раненые, больные, доктора и сестры милосердія. Кругомъ деревни стоитъ нескончаемый рядъ войсковыхъ обозовъ, ящиковъ, лазаретныхъ фуръ. Послѣдній кусокъ дерева, послѣдній пукъ соломы давно уже найденъ въ Боготѣ и потребленъ какимъ-то счастливцемъ. Все это видятъ, но это не мѣшаетъ, имѣющимъ надежду, что-нибудь еще найти, шнырятъ вдоль и поперегъ деревни, но напрасно.... приходится возвращаться съ пустыми руками. Пришлось обойтись безъ горячей пищи и чаю. Ночь-же наступила холодная, сырая. Здоровому-же человѣку, пробывшему цѣлый день въ движеніи, хочется страшно ѣсть къ вечеру. Тогда спасеніемъ является сухарь, котораго начинаешь грызть съ нетерпѣніемъ, пока не заболятъ десна. Это средство практиковалось въ этотъ вечеръ всѣми.

8-го Октября, суббота.

Утромъ мы не съ особеннымъ сожалѣніемъ вышли изъ непривѣтливаго Богота и снова пошли полями и пустырями. Вскорѣ мы встрѣтили 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, которую вернули откуда-то обратно подъ Плевну. Разойдясь благополучно съ дивизіею, мы остановились.... Простоявши добрый часъ, слѣзли съ лошадей.... Стоимъ другой часъ, третій....

— Отчего остановились? Что случилось? спрашиваетъ всякій.

— Обозы 3-й дивизіи встрѣтились въ оврагѣ съ нами: ни намъ не пройти, ни обозамъ, отвѣчалъ ѣхавшій оттуда офицеръ.

— Утѣшительно! замѣтилъ кто-то. Эдакъ мы можемъ здѣсь простоять до скончанія вѣка... И къ чему это насъ учатъ тактическимъ правиламъ движеній въ походномъ порядкѣ, когда мы не можемъ пройти спокойно, чтобъ не помѣшать другъ другу?

Пришлось простоять на мѣстѣ болѣе трехъ часовъ, пока явилась

возможность тронуться впередъ. Крутой спускъ въ оврагъ и самый оврагъ былъ сплошь загроможденъ другъ на друга наѣхавшими 280-ю повозками. Кавалеріи пришлось спускаться по одному; орудія пришлось выпрягать и свозить на рукахъ. Мудрено-ли послѣ этого, что мы потеряли четыре часа времени, пока вся дивизія не прошла обозъ этотъ насквозь?

Уже темнѣло, когда мы прошли дер. Беглись, лежащую въ этомъже оврагѣ. Только къ 11-ти часамъ ночи мы подошли къ дер. Бежаново, гдѣ намъ назначено было ночевать. Передъ самой деревней колонна опять остановилась. Оврагъ съ отвѣсными берегами и глубокимъ ручьемъ на днѣ его снова помѣшалъ намъ благополучно добраться до мѣста отдохновенія. Спускъ въ оврагъ былъ настолько крутъ и каменистъ, что лошади едва держались на ногахъ, и мѣстами, выпрямивъ всѣ четыре ноги, спускались, какъ на салазкахъ. Наша батарея шла за лейбъ-гусарами. Артиллерійскій офицеръ, посланный осмотрѣть степень проходимости этого оврага ночью, вернувшись, сообщилъ, что за общею усталостью, темнотою и опасностью спуска, нѣтъ возможности рѣшится идти впередъ безъ риска искалѣчить людей и лошадей. Ничего болѣе не оставалось, какъ свернуть тутъ-же съ дороги и расположиться на ночлегъ. Вправо отъ дороги оказалась большая лужайка, окруженная лѣсомъ, которою и не замедлили воспользоваться. Только къ 12-ти часамъ ночи все размѣстилось и можно было подумать объ отдыхѣ.

Такимъ образомъ 30-ти верстный переходъ, который кавалерія могла бы сдѣлать въ шесть часовъ времени, былъ сдѣланъ въ 16 часовъ, что не могло не отозваться скверно на лошадей.

9-го Октября, воскресенье.

Сегодня дивизія отдыхаетъ. Мы начали, неторопясь, переправлять чрезъ оврагъ каждое орудіе отдѣльно. Затормозивъ всѣ четыре колеса, съ цѣлымъ взводомъ людей у каждаго орудія, удерживающихъ на лямкахъ раскатъ, съ однимъ только кореннымъ уносомъ, спускалось орудіе на дно оврага. Перейдя быструю рѣчку въ бродъ, на другой ея сторонѣ, впрягались остальные уносы и орудіе тянулось въ гору, на которой былъ расположенъ бивуакъ всей дивизіи.

Передъ самымъ бивуакомъ лежала брошенная жителями дер. Бежаново. Скирды убранной пшеницы, стога сѣна, доказывали, что жители должны были бросить свое селеніе въ самое счастливое время сельской годины, когда земледѣлецъ окончилъ свои полевыя работы, отдыхаетъ послѣ лѣтнихъ трудовъ и чувствуетъ себя богатымъ. Изрѣдка можно было встрѣтить бродившаго по селенію болгарина, грустно ходившаго по дворамъ, вздыхающаго и покачивающаго головою, когда онъ останавливался передъ разобраннымъ войсками стогомъ сѣна... На его лицѣ чи-

талось: дѣло мое пропащее, я съ немногимъ останусь... нужно покориться всякому несчастію.

Сегодня стало извѣстнымъ, что на 12-е число предстоитъ большое дѣло. Задача гвардейскаго корпуса стать на сообщеніе арміи Османа-паши и замкнуть линію обложенія Плевны. Отъ успѣха этого дня зависитъ существованіе Плевны, а можетъ быть и успѣхъ всей кампаніи. Разъ вводятъ въ дѣло гвардію, значитъ дѣло нешуточное. Гвардія есть резервъ всей арміи. Неудача гвардіи больно отзовется на общій ходъ дѣла и на каждаго русскаго человѣка. Гвардію берегли, за что молва прозвала ее бѣлоручками, слѣдовательно для нея кромѣ того является вопросъ личный. Всякій это понималъ, чувствовалъ и настраивалъ себя, какъ на поединокъ.

10-го Октября, понедѣльникъ.

Сегодня назначена рекогносцировка генераломъ Гурко селенія Телишъ съ цѣлью ознакомиться съ мѣстностью, гдѣ долженъ произойти бой 12-го числа.

Рано утромъ, съ разсвѣтомъ, сѣли мы на коней и проѣхавъ вдоль дер. Бежаново, выѣхали на дорогу, ведущую въ дер. Свинаръ. Изъ нашей дивизіи ѣхали: генералъ Леоновъ, Клодтъ, полковники Бунаковъ, Мейендорфъ, Безакъ и штабъ дивизіи. Морозъ съ туманомъ стоялъ преизрядный. Было холодно и ногамъ и рукамъ. Лошади шли большимъ шагомъ, звонко стуча подковами по замерзшей дорогѣ. Миновавъ главный караулъ отъ лейбъ-драгунскаго полка, мы подъѣхали къ р. Видъ. Съ шумомъ быстро неслась эта рѣка по каменистому ручью. Морозный паръ стелется по ней... Мы переѣхали ее въ бродъ и вступили въ неубранныя кукурузныя поля. Желто-грязные стволы кукурузы, съ такого-же цвѣта листьями, тянулись далеко по обѣ стороны дороги и скрывали мѣстность... Краснымъ пятномъ въ туманѣ восходило солнце и кстати: мы совсѣмъ продрогли.

Выѣхавъ изъ безконечно долгаго кукурузнаго поля на поляну, мы вскорѣ увидали дер. Свинаръ. Какъ и всѣ окрестныя Плевнѣ селенія, Свинаръ была брошена. Проѣхавъ по грустнымъ, запустѣлымъ улицамъ ея, мы снова переѣхали въ бродъ р. Видъ и вступили въ дер. Чирково, гдѣ стояли двѣ роты 2-го гвард. стрѣлковаго баталіона и казачій № 4 полкъ, содержавшіе аванпосты по Виду. Мы остановились у шалаша командира казачьяго полка, слѣзли съ лошадей, такъ какъ сюда долженъ былъ прибыть въ скоромъ времени генералъ Гурко. Первымъ долгомъ было обогрѣться около казачьихъ костровъ. Услужливые казаки подкладывали въ костры дровъ.

Казачій бивуакъ рѣзко отличается отъ всякаго другаго бивуака. Благодаря практичности казаковъ, они въ самое короткое время успѣ-

ваютъ такъ хорошо устраиваться, что становится положительно завидно. Въ одинъ день у командира и офицеровъ появляются шалаши съ печками и сидѣньями,—хоть вѣкъ въ нихъ живи. Насчетъ-же того, чтобы „раздобыть“, всякому извѣстно какова на это казачья смѣтливость. Мясо, индѣйки, гуси, мѣстные плоды, ячмень, сѣно, заготовленныя дрова, все можно найти на казачьемъ бивуакѣ. Невыгоднѣе всего бываетъ становится одновременно съ ними на бивуакъ: всегда останешься въ накладѣ, они вездѣ предупредятъ. Тамъ, гдѣ они не могутъ все забрать, они оставляютъ людей, которые никого не допускаютъ до присвоеннаго. Изъ-за этого постоянно происходили ссоры. Неповоротливые кавалеристы наши запоздаютъ и видя, что все лучшее захвачено казаками, вступаютъ съ ними въ брань или въ сдѣлку.

Мнѣ извѣстенъ одинъ подобный эпизодъ.

— Есаулочи проклятые!—кричитъ обѣгавшій даромъ всю деревню кавалеристъ, — все, жадные, забрали. И не нужно — да берутъ, чтобъ только другимъ не досталось. Живодеры окаянные! проклятые глаза корыстные!

— Что ругаешься-то, языкъ чешишъ?—спокойно замѣчаетъ казакъ.— Зѣвать-то, не бось, молодцы? На лошадяхъ-то казенныхъ ѣздите, такъ думаете, нечего торопиться, до-останемъ. Заводите своихъ, такъ ячменя и сѣна будетъ у васъ вдоволь, не станете на небѣ воронъ считать, когда Богъ добро посылаетъ. А ругаться-то всякій на это мастеръ.

— Съ ними еще, съ архаровцами не ругайся, изволишь видѣть когда у нихъ столько нахальства и жадности имѣется? Имъ еще въ поясъ кланяйся, благодари. Хваты, нечего сказать! возражаетъ кавалеристъ.

— А сколько возмешь купить у тебя эвтотъ амбаръ съ ячменемъ? спрашиваетъ у того-же казака подошедшій и прямо идущій къ дѣлу фуражиръ.

— Да сколько съ васъ взять-то?—съ важностью отвѣчаетъ казакъ, довольный, что дѣлаетъ выгодное дѣло.—Много не возьмемъ; за все три желтицы? болѣе не возьмемъ.

— Ладно, по рукамъ, говоритъ фуражиръ и зоветъ солдатъ съ мѣшками забирать зерно.

Около 9-ти часовъ пріѣхалъ генералъ Гурко со штабомъ и двумя эскадронами Собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя, назначенными для рекогносцировки. Генералъ слѣзъ съ лошади, поздоровался со всѣми и тотчасъ-же позвалъ къ себѣ командировъ частей; его окружили кольцомъ и онъ началъ пояснять диспозицію на 12-е октября. Генералъ противъ обыкновенія говорилъ не громко и многое нельзя было услышать.

— Одновременно съ атакою Горняго Дубняка... 2-ю дивизіею и

стрѣлковою бригадою, егерскій полкъ съ батареею и 2-я кавалерійская бригада съ конною батареею атакуютъ Телишъ... 1-я кавалерійская бригада будетъ въ промежуткѣ между Дубнякомъ и Телишемъ...

— Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій полки и 3-я кавалерійская бригада составятъ резервъ; армейская кавалерійская и Кавказская бригада, будутъ демонстрировать противъ Дольнаго Дубняка...

Фразы эти явственно доносились до моего уха.

— По слухамъ въ Горномъ Дубнякѣ нѣсколько баталіоновъ, въ Телишѣ-же нѣсколько ротъ... Теперь мы проѣдимъ по пути слѣдованію телишскаго отряда, обрекогносцируемъ мѣстность и постараемся кое-что разсмотрѣть...

Сѣли на коней, тронулись. Между офицерами пошли разговоры:

— Такъ на 12-е назначена атака Дубняка и Телиша, Что-же? хорошо, надежда на успѣхъ полная, замѣтилъ одинъ ординарецъ.

— Нужно надѣяться, что цѣлый гвардейскій корпусъ успѣетъ утвердиться на софійскомъ шоссе. Врядъ-ли нѣсколько баталіоновъ будутъ въ состояніи помѣшать нашей задачѣ? Ну, а тогда, Плевна прощай, замѣтилъ другой офицеръ.

— Дѣло во всякомъ случаѣ интересное. Я полагаю, что отъ турокъ мокро останется, говорилъ третій.

— Ну, да и намъ-то сухими не уйти! заключилъ кто-то.

Проѣхавъ деревню Свинаръ и двигаясь въ южномъ направленіи, генералъ Гурко съ рекогносцирующимъ отрядомъ, къ которому присоединилась сотня казачьяго № 4-го полка, въѣхалъ въ долинку какого-то ручейка, вѣрнѣе—балку. Донцы окружили отрядъ боковыми и головными разъѣздами. Двигаясь этою балкою, мы были совершенно скрыты отъ непріятеля. Многочисленная свита генерала, состоящая изъ его штаба, ординарцевъ, командировъ частей съ адъютантами и строевыхъ офицеровъ отъ частей, ѣхала группами, ведя оживленную бесѣду о предстоящемъ дѣлѣ. Тихо, безъ шума, точно подкрадываясь, шелъ дивизіонъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя. Только изрѣдка раздавалось щелканье по заортачившейся лошади. Что за чудноо войско кубанскіе и терскіе казаки! Какой по истину воинскій видъ, сколько молодцоватости и кавалерійской граціи въ этихъ природныхъ воинахъ; сколько азарта, горячности въ этихъ черныхъ блестящихъ жизнею казачьихъ глазахъ!

Генералъ остановился и позвалъ командира дивизіона, полковника Жукова. Балка уже исчезала и переходила въ поле. Я нарочно слѣдилъ въ это время за казаками. Только что понесся ихъ командиръ на зовъ начальника отряда, какъ точно подогрѣтые чѣмъ-то, они всѣ зашевелились: кровь заходила... Они догадались, что ихъ сейчасъ вызовутъ впередъ. Въ воздухѣ, отъ ударовъ по бокамъ лошадей, защелкали сотни

нагаекъ, чтобъ, такъ сказать, „себя и лошадь подбодрить"; винтовки вынимались изъ чехловъ и брались на изготовку: одинъ взводъ въ карьеръ вынесся передъ дивизіонъ и остановился: ему предназначалось идти въ цѣпь. Все это дѣлалось безъ команды, безъ говора, по догадкѣ и здравому смыслу. Едва успѣлъ командиръ дивизіона, получивъ приказаніе, отъѣхать отъ генерала, какъ увидавши, что все готово и понято его казаками, онъ махнулъ рукою—и казаки тронулись.

Головной взводъ, нагнувшись напередъ, въ карьеръ разсыпался вправо, влѣво и впередъ, а дивизіонъ пошелъ за ними рысью. На ихъ лицахъ было написано увлеченіе, азартъ и сознаніе, что они идутъ въ такое дѣло, которое имъ любо, составляетъ ихъ жизнь и которое никто лучше ихъ не исполнитъ. Это своего рода казачья кокетливость. Чувства эти передавались на всѣхъ и всякій ими любовался.

Генералъ Гурко со своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Нагловскимъ поѣхалъ вслѣдъ за ними; на желаніе остальныхъ слѣдовать за нимъ, онъ попросилъ остаться и не выказываться, дабы турки не обнаружили рекогносцировку и не помѣшали бы ей. Одинъ подполковникъ генеральнаго штаба Крюденеръ, который завѣдывалъ рекогносцировкою Телиша, принялъ участіе въ ней; остальные играли пассивную роль. Тамъ, гдѣ сидѣла вся скучающая свита, назначенъ былъ сборный пунктъ отряда. Съ нечего дѣлать, мы начали закусывать, посыпались шуточки. Отдѣльные выстрѣлы казаковъ долетали до насъ. Любопытные пѣшкомъ выходили на пригорокъ, посмотрѣть: что дѣлается?

Ничего не было видно, кромѣ ракитской высоты влѣво, на которой копошились какія-то черныя точки. Ясно было, что мѣстность до Телиша чрезвычайно трудно для изученія и пониманія. Черезъ три четверти часа, генералъ Гурко возвратился и казакамъ велѣно было отойти. Все двинулось тѣмъ же порядкомъ обратно. Результатъ оказался для насъ неизвѣстнымъ. Кто знаетъ, можетъ быть подполковникъ Крюденеръ что нибудь видѣлъ и узналъ, до насъ же это не дошло. Польза рекогносцировки во всякомъ случаѣ состояла въ томъ, что мы знали дорогу, по которой намъ слѣдовало идти, чтобъ собраться на сборный пунктъ. Пріѣхавъ домой, всякій спѣшилъ, конечно, разсказать всѣ слышанныя новости товарищамъ.

— Кто-же будетъ командовать Телишскимъ отрядомъ? спрашивали меня наперерывъ.

— Неизвѣстно, отвѣчалъ я, и становилось досаднымъ, что и объ этомъ не справился. Вѣроятно кто нибудь изъ кавалерійскаго начальства, потому что пѣхотныхъ начальниковъ на рекогносцировкѣ не было, старался я логически дойти до столь серьезнаго вопроса.

11-го Октября, вторникъ.

Утромъ получена диспозиція по отряду на завтрашній день. Наша 5-я гвардейская конная батарея назначена въ Телишскій отрядъ. Отрядъ, долженствующій атаковать Телишъ, состоитъ изъ Егерскаго полка съ 3-ею пѣшею батареею 1-й гвардейской артиллерійской бригады полковника Кокорева и 2-й гвардейской кавалерійской бригады: лейбъ-гвардіи драгунскій, лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ и 5-я гвардейская конная батарея полковника Безака. Итого: 4 батал., 8 эскадроновъ и 14 орудій. Отрядомъ будетъ командовать командиръ Егерскаго полка полковникъ Челищевъ.

Такъ какъ намъ предстояло выступить въ 12 часовъ ночи, многіе легли днемъ заранѣе выспаться.

Настроеніе у всѣхъ превосходное. Во первыхъ, наступаетъ давно ожидаемое первое дѣло; во вторыхъ, каждый проникнутъ сознаніемъ въ важности успѣха завтрашняго оня, отъ котораго зависитъ, какъ существованіе Плевны и дальнѣйшій исходъ кампаніи, такъ и честь старѣйшихъ россійскихъ полковъ и всего гвардейскаго корпуса. Однимъ словомъ за рѣшительностію и отвагою дѣло не станетъ, лишь-бы помогло маленькое счастіе. Безъ счастія-же на войнѣ плохо.

12-го Октября, среда.

Не легкая задача записать сегодняшній день въ дневникъ. Не знаешь какъ взяться... съ чего начать? Столько разнообразныхъ, сильныхъ ощущеній пережито мною, что мысли блуждаютъ и усталые и разслабленные нервы не выдерживаютъ... Сколько-бы хотѣлось излить горечи на бумагу! Но нѣтъ... сегодня этого не съумѣешь... Сознаніе, что наше дѣло было неудачно, не смотря на громадныя жертвы, принесенныя храбрыми егерями, можетъ привести къ полному упадку духа. Неужели геройскій егерскій полкъ, эти судьбою отобранные изъ храбрыхъ русскихъ, шедшіе въ атаку съ такою увѣренностью въ свою непобѣдимость, въ свое правое дѣло, въ свое превосходство надъ оборвышемъ, второй мѣсяцъ служащимъ туркамъ, не были достойны побѣды полной, громкой? Развѣ это не есть несправедливость судьбы? Развѣ нельзя отъ этого дойти до ропота на... Но лучше остановиться и удержать расходившіяся мысли... Счастье, счастье, гдѣ ты? Вотъ чего намъ сегодня недоставало.

Но довольно,—нужно успокоиться. Ведя дневникъ всю кампанію, грѣшно не записать сегодняшній день въ подробности.

Въ 12 часовъ ночи гвардейская кавалерія, согласно диспозиціи, совершенно готовая, начала вытягиваться изъ дер. Бежаново. Ночь была свѣтлая, прозрачная, лунная, но холодная, такъ что морозъ пробиралъ сквозь пальто. Особенной сосредоточенности въ людяхъ не замѣчалось.

Топотъ конницы и почтительный стукъ артиллерійскихъ орудій по мерзлой дорогѣ нерѣдко прерывались разговорами.

— Ну, смотри, братъ, обращался подпоручикъ Ш. къ одному изъ наводчиковъ, ты хвастался не кланяться турецкимъ гранатамъ; посмотримъ завтра, каковъ ты будешь?

— Ни за что, ваше б—іе, не поклонюсь, вѣрное слово не поклонюсь, отвѣчалъ наводчикъ.

— Смотри, не ручайся; никто за себя въ первомъ сраженіи поручиться не можетъ. Старики-же говорятъ, что первой гранатѣ рѣдко кто не поклонится, продолжалъ офицеръ.

— Кому угодно, Ваше Б—іе, поклонюсь, а до такой пасквили себя не доведу, чтобъ туркѣ поклониться.

Красиво было смотрѣть на гвардейскую кавалерію съ конною артиллеріею, ночью, при лунномъ свѣтѣ, переходящую въ бродъ рѣку Видъ. Рѣка Видъ въ то время была чрезвычайно быстра, камениста и мѣлка. Шумъ быстро бѣгущей воды смѣшивался съ шумомъ нѣсколькихъ сотенъ конскихъ ногъ, переходящихъ рѣку, и съ храпомъ лошадей, сразу охолодившихъ свои ноги. Весело выпрыгивали онѣ изъ воды, желая скорѣе избавиться отъ холода. По одному переходили конныя орудія черезъ рѣку и со свойственнымъ конно-артиллерійскимъ ѣздовымъ шикомъ, въ карьеръ выскакивали на противоположный берегъ.

Вскорѣ показались огоньки; то была деревня Свинаръ. Отъ деревни Свинаръ войска, долженствовавшія атаковать Телишъ, круто сворачивали налѣво по балкѣ. Пройдя по ней версты двѣ, войска останавливались. Это было сборное мѣсто для нихъ. Отсюда всего было верстъ пять до Телишскихъ укрѣпленій. Лучше скрытаго мѣста, трудно было себѣ и представить. Въ этой лощинѣ легко могъ бы спрятаться цѣлый корпусъ, благодаря мелкому лѣсу, который окончательно замаскировалъ ее.

Первою на сборное мѣсто пришла кавалерія, слѣзла съ лошадей и ждала прибытія лейбъ-егерей, которые не замедлили черезъ полчаса явиться. Начинало разсвѣтать. Восходъ солнца былъ великолѣпенъ. Роса сразу начала подсыхать. Все обѣщало жаркій день, а потому велѣно было снять шинели въ кавалеріи.

Сознавали-ли всю предстоящую опасность, или не сознавали ея, но развѣ только самый опытный глазъ могъ подмѣтить неспокойное и весьма понятное передъ первымъ дѣломъ внутреннее волненіе людей, черезъ полчаса пойдущихъ въ атаку, почти на вѣрную смерть. Правда, несмотря на безсонную ночь, проведенную въ движеніи, спать никому не хотѣлось.

Только нетерпѣливое хожденіе совсѣмъ молодыхъ офицеровъ и особенно женатыхъ, ходившихъ въ одиночку и крѣпко раздумывавшихъ о чемъ-то, нарушали это томительное ожиданіе.

Лошади, утомленныя ночнымъ движеніемъ, стояли понуривъ голову. Кто знаетъ, можетъ быть, у нихъ было свое предчувствіе.

— Докторъ, вы, пожалуйста, въ случаѣ чего, резекцію, а не ампутацію; слышите? подшучивалъ офицеръ, подходя къ группѣ офицеровъ, окружавшихъ полковаго врача, объясняющаго имъ различныя раненія и операціи.

Солдаты также сидѣли кучками. Нѣкоторые полудремали, другіе толковали о солдатской жизни и превратностяхъ судьбы.

Вдругъ все зашевелилось. Всѣ повернули головы въ ту сторону, откуда слышалось: „начальникъ штаба!“ „подполковникъ Крюденеръ!“ „приказанія!“ И дѣйствительно, вскорѣ подъѣхалъ генеральнаго штаба подполковникъ Крюденеръ и искалъ глазами начальниковъ. Начальники и офицеры уже шли ему на встрѣчу. Любопытство и напряженное вниманіе ясно выражались на лицахъ всѣхъ. Одни еще издали спрашивали:—„ну, что, отказъ?“ другіе:—„ну, что, наступленіе?“

— Сейчасъ будемъ атаковывать Телишъ. Въ этотъ моментъ наступленіе на Горный Дубнякъ также начинается, проговорилъ подполковникъ, вынувъ часы и посмотрѣвъ на нихъ. Лейбъ-гусары съ четырьмя конными орудіями на рысяхъ пойдутъ осмотрѣть противника и мѣстность, а драгуны съ двумя орудіями пойдутъ влѣво для прикрытія лѣваго фланга и тыла.

Егеря пойдутъ вслѣдъ за гусарами.

Кончено. Дѣло рѣшено; приказанія получены. Тутъ у всякаго защемило сердце. Всѣ пошли къ своимъ частямъ, наружно стараясь не показать волненія. Солдаты не успѣвали спрашивать у офицеровъ о новопривезенныхъ приказаніяхъ, какъ они уже ими сообщались. Начались прибауточки: „Пойдемъ ихъ нехристовъ бить, бритоголовыхъ проклятыхъ; не ждутъ насъ окаянные; петербургскихъ гостинцевъ еще не пробовали,“ и т. д. Но скоро пришлось покончить съ прибаутками, потому что въ кавалеріи раздалось: „по конямъ, садись“, а въ пѣхотѣ „въ ружье“, и все бросилось къ своему дѣлу. Многіе снимали шапки и крестились.

Мѣстность передъ Телишемъ, какъ мнѣ показалось и на рекогносцировкѣ, принадлежитъ къ одной изъ самыхъ трудныхъ для управленія войсками въ бою. Она не состоитъ изъ холмовъ, имѣющихъ хоть какую-нибудь конфигурацію, и для глаза кажется почти ровною. Ряды-же незначительныхъ перекатовъ, обросшихъ сначала небольшимъ кустарникомъ, а потомъ вплоть до турецкаго редута неубранною, высохшею кукурузою, совершенно скрываютъ мѣстность даже за версту отъ глаза. Турецкій редутъ былъ построенъ по нашу сторону софійскаго шоссе, селеніе-же Телишъ лежало за шоссе, въ лощинѣ. Прямо отъ селенія Телишъ поднимается кряжъ, на которомъ были видны шалаши, обнесен-

ные одною общею канавою. Это просто укрѣпленный лагерь. Лѣвѣе прямаго пути наступленія нашихъ войскъ на Телишъ, кукурузное поле прекращается и мѣстность становится болѣе опредѣленною: на лѣвомъ флангѣ и отчасти въ тылу стоитъ высокая гора; за горой расположена деревня Ракита. Съ полверсты еще влѣво отъ Ракитской высоты лежитъ сплошной лѣсъ верстъ на десять. Впереди высоты идетъ опять рядъ лощинъ, засѣянныхъ кукурузою, уже вплоть до Софійскаго шоссе, на которомъ стоитъ турецкая караулка.

Какъ только войска изготовились, лейбъ-гусарскій полкъ съ четырьмя конными орудіями 5-й батареи началъ рысью вытягиваться по дорогѣ и, выѣхавъ лѣвѣе кукурузнаго поля, на ходу развернулся. Сначала, по хорошему грунту, лошади легко шли рысью, но вскорѣ мы выѣхали на кукурузное поле и рысь стала тяжелѣе. Не успѣли мы проѣхать и пяти минутъ по этому полю, какъ начали свистать первыя пули. Первому лейбъ-гусарскому эскадрону приказано было разсыпаться и осмотрѣть мѣстность. Галопомъ вынесся этотъ эскадронъ впередъ полка, развернулся и скрылся впереди. Мы услыхали частую ружейную пальбу, залпъ, и увидѣли гусаръ, ѣдущихъ назадъ. Между тѣмъ пули сильнѣе и сильнѣе жужжали между людьми.

Оказалось, что лейбъ-эскадронъ вплотную наскочилъ на турецкій ложементъ, вынесенный за полверсты передъ редутъ, и потерялъ нѣсколько людей и лошадей. Тутъ явили себя молодцами два гусарскихъ офицера: поручики Снѣжковъ и Крупенскій, привезшіе на крупахъ своихъ лошадей чуть не погибшихъ въ рукахъ турокъ гусаръ, такъ какъ лошади у нихъ были убиты. Подобная взаимная выручка очевидно навсегда сближаетъ офицеровъ со своими солдатами, и въ военномъ дѣлѣ можетъ служить идеальнымъ примѣромъ святой военной связи, существующей въ русской арміи безъ различія чиновъ.

Вслѣдъ за гусарами, изъ кукурузы вышли турецкіе стрѣлки, стрѣлявшіе непосредственно по нашей батареѣ. Тогда 5-я конная снялась съ передковъ и открыла огонь. Я командую первымъ взводомъ и первый орудійный выстрѣлъ 12-го октября принадлежитъ мнѣ, такъ какъ дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ еще не начиналось. Скажу съ гордостью еще болѣе, что мой первый выстрѣлъ 12-го октября былъ первымъ выстрѣломъ гвардейской артиллеріи въ эту кампанію. Какъ только батарея пристрѣлялась обыкновенною гранатою, велѣно было перемѣнить гранату на штрапнель, какъ болѣе дѣйствительную противъ пѣхоты, и этотъ превосходный снарядъ тотчасъ же оправдалъ себя: непріятельская цѣпь стала подаваться назадъ.

Начался бой, начались и потери; въ нѣсколько минутъ четыре человѣка и пять лошадей выбыли у насъ изъ строя. Особенно пострадалъ передокъ моего перваго орудія. Сначала выбыла подручная средняго вы-

носа, затѣмъ ѣздовой, затѣмъ подручная передняго выноса и, наконецъ, кончилось на подсѣдѣльной средняго выноса. Видимо, моимъ орудіемъ занимался какой нибудь ловкій стрѣлокъ.

Вся тяжесть боя, пока, отзывалась на конной батареѣ, такъ какъ она одна наносила вредъ туркамъ. Но вотъ послышались ружейные выстрѣлы цѣпи егерей, и турки весь огонь обратили на нашу пѣхоту. Тогда конная батарея стала фланкировать турецкій ложементъ.

Началось дѣло и подъ Горнымъ Дубнякомъ. Хотя онъ лежитъ въ восьми верстахъ отъ Телиша, а Плевна, которая сегодня также бомбардировалась, въ 20-ти, но грохотъ орудій и страшные перекаты ружейной пальбы, какъ непрерывный громъ, явственно доходили до насъ. На горизонтѣ же видны были цѣлыя облака дыма. Еще перестрѣлка пѣхоты не была очень часта, какъ вдругъ мы услышали могучее русское грудное „ура!“

Это молодцы егеря пошли въ атаку! говорили у насъ на батареѣ.

Егеря бросились на турецкіе ложементы. Въ отвѣтъ на это «ура», изъ главнаго турецкаго редута послышалось громкое, дикое „алла!“. Потомъ все вдругъ затихло. Намъ казалось, что идетъ рукопашный бой. Но сразу эта тишина разразилась неумолкаемою ружейной трескотней. Тысячи ружейныхъ, короткихъ звуковъ выстрѣловъ сливались въ одинъ общій гулъ. Егеря, занявшіе ложементы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ редута, совершенно открытые, залегли и перестрѣливались съ сидящимъ въ редутѣ непріятелемъ. Огонь турокъ былъ такъ силенъ, что всякій желавшій приподняться былъ моментально пронизанъ нѣсколькими пулями.

3-я пѣшая батарея полковника Кокорева выѣхала сразу на самый дѣйствительный ружейный выстрѣлъ. Не успѣла эта батарея сдѣлать нѣсколько очередей, какъ должна была отойти за громадною для батареи убылью въ людяхъ и особенно въ лошадяхъ. Она потеряла въ самое короткое время 17 человѣкъ номеровъ. Ей грозила опасность черезъ нѣсколько минутъ обратиться изъ полевой батареи въ осадную, и, въ случаѣ отступленія, бросить свои орудія за невозможностью ихъ увезти. Егеря-же бросились впередъ; конфигурація мѣстности не позволяла хорошо видѣть замаскированный редутъ, и всякая, не мѣтко попадающая граната, била своихъ же егерей. Тогда 3-я батарея, за невозможностью принести пользу егерямъ, отошла назадъ и болѣе уже не дѣйствовала. 5-я конная батарея, дѣйствовавшая во флангъ ложементамъ съ момента занятія ихъ егерями, должна была также прекратить огонь, такъ какъ турецкаго редута ей совсѣмъ не было видно, и была переведена лѣвѣе, противъ лощины, открывшей селеніе Телишъ. Такимъ образомъ, бѣдные егеря лишились послѣдней поддержки артиллерійской.

Пока совершались первые фазисы Телишскаго боя, Лейбъ-Драгунскій полкъ съ двумя конными орудіями капитана Мартынова, на нашемъ лѣ-

вомъ флангѣ, открывъ присутствіе непріятеля, вызвалъ свою артиллерію, которая и открыла огонь по все прибывающимъ у караулки туркамъ. Становилось ясно, что эти турецкіе батальоны собираются идти на подкрѣпленіе Телишскаго гарнизона. Положеніе становилось все тягостнѣе и тягостнѣе; по софійскому шоссе показались турецкія колонны, шедшія къ Телишу, и изъ верхняго лагеря стали спускаться также пѣхотныя части. Нужно было употребить всѣ усилія, чтобъ остановить турецкія подкрѣпленія, и эта задача выпала на долю 5-й конной батареи. Какъ только турки начали спускаться изъ лагеря, огонь четырехъ орудій, стрѣлявшихъ противъ самаго селенія, былъ тотчасъ переведенъ на нихъ. Двухъ мѣтко пущеныхъ гранатъ было достаточно, чтобъ заставить турецкую колонну спрятаться въ укрѣпленіи. Нѣсколько разъ турки пытались выходить изъ лагеря, но всякій разъ были отброшены однимъ гранатнымъ огнемъ. Восторгъ артиллеристовъ и особенно гусаръ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за дѣйствіемъ своей батареи, былъ полный.

Но радость была всеобщая, когда изъ Телиша потянулся отступающій обозъ и граната попала въ одну повозку, запряженную буйволами. Повозка разлетѣлась въ дребезги; люди побѣжали отъ обоза прочь; буйволы, ломая отъ испуга ярма, также въ припрыжку утекали. Батарея вообще стрѣляла замѣчательно удачно.

Между тѣмъ, четыре турецкіе батальона явственно показались на шоссе и шли прямо въ Телишъ. Для отвлеченія огня нашихъ двухъ конныхъ орудій капитана Мартынова, дѣйствовавшихъ противъ нихъ, турки выставляютъ цѣлую батарею, которая начинаетъ громить нашъ взводъ артиллеріи. Мартыновъ, заранѣе знавшій дистанцію, послѣ десятковъ выстрѣловъ, заставляетъ эту батарею отойти, и она совсѣмъ скрывается изъ виду.

Наконецъ, четыре турецкіе батальона подходятъ ближе къ Телишу и входятъ въ сферу артиллерійскаго огня. Тогда полковникъ Безакъ приказываетъ батареѣ перемѣнить фронтъ и тремя залпами заставляетъ колонну, въ разсыпную, бѣгомъ, отойти отъ шоссе и подняться на гору, чтобъ продолжать свой путь. Дѣйствія батареи были какъ нельзя болѣе удачны, когда получается приказаніе 2-й гвардейской кавалерійской бригадѣ прикрыть отступленіе егерей и тѣмъ дать возможность имъ отойти.

Четыре часа уже воздухъ тряссся отъ страшнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня на протяженіи 30-ти верстъ. Четыре часа уже егеря лежали и умирали. Минута была критическая, торжественная! Нечего уже говорить о тѣхъ чувствахъ, которыя нами овладѣли. Больно, жутко было слышать о неудачѣ. Казалось, все потеряно, все проиграно! Руки опускались...

Нужно все сдѣлать, чтобъ спасти егерей, говорилъ проѣзжавшій мимо батареи полковникъ Мейендорфъ.

Эти слова какъ-бы отрезвили меня. Да, дѣйствительно, не было для насъ ничего невозможнаго, чтобъ помочь егерямъ. Казалось, что самымъ пріятнымъ удовольствіемъ въ эти минуты было разорвать, истоптать, измучить живого непріятеля... всѣ чувства обратились въ страшную, безпощадную злобу. Но злоба эта была безсильна...

Командующій бригадою и вмѣстѣ съ тѣмъ командиръ лейбъ-гусарскаго полка, полковникъ Мейендорфъ, приказываетъ батареѣ стать на позицію, спѣшиваетъ всю кавалерію, и началась ужасная картина отступленія. Сначала начали показываться одни раненые. Большинство плелось въ одиночку, молча, понуривъ головы. Проходитъ раненый егерь сквозь батарею, дошелъ до передка и ложится.

— Ты куда раненъ, братецъ? спрашиваю я его.

— Во всѣ мѣста, ваше б—іе.

— Какъ во всѣ мѣста?

— Такъ точно-съ, обѣ руки прострѣлены; нога вотъ въ эвтомъ мѣстѣ; за шею задѣло, да въ боку двѣ дырки.

— Какъ же ты добрелъ сюда, молодецъ?

— Еще идти возможно.

— Чего тутъ возможно. Санитары, подать носилки, крикнулъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше б—іе, до дохтуровъ я и такъ доберусь, а тамъ еще много такихъ раненыхъ, что не могутъ идти — тѣмъ носилки пригодятся. Однихъ гг. офицеровъ что побито! продолжалъ егерь приподнимаясь, чтобъ идти.

Я настаивалъ, чтобъ ему дать хоть санитара; онъ ни за что не согласился. Признаюсь, меня прошибла слеза. Вотъ каковы молодцы егеря? И такихъ героевъ сегодня много! А сколько отнято сегодня у Россіи храбрыхъ, честныхъ сыновъ отечества! Черезъ часъ перестрѣлка значительно ослабѣла, и стали проходить кучки людей, изображающія роты. Разсказы о потеряхъ были ужасные; даже не вѣрилось. Но гдѣ-же егерскія знамена? Не погибли-ли они? Не остались-ли они въ рукахъ непріятеля?

Нѣтъ. Вотъ командуется „смирно! сабли вонъ, гг. офицеры!" трубачи играютъ „честь", и мы увидѣли картину, которая никогда во всю жизнь не изгладится изъ памяти. Нѣсколько музыкантовъ, съ конвоемъ изъ 20-ти человѣкъ, не болѣе, егерей, несли всѣ четыре знамени полка. Воздухъ еще разсѣкали непріятельскія пули. Радость при видѣ всѣхъ знаменъ полка, несмотря на неудачу, не отданныхъ непріятелю, дѣлилась съ горестью за страшныя потери егерей, основаніе которыхъ, честь которыхъ приближалась къ намъ. Со слезами на глазахъ, всякій отдавалъ столь заслуженную воинскую честь этому молодецкому полку. Полкъ

потерялъ 19 офицеровъ и болѣе 1000 нижнихъ чиновъ. Когда егеря прошли и раненые, кромѣ оставшихся у ложементовъ, были убраны, мы также отошли; турки не преслѣдовали. Подъ Горнымъ-Дубнякомъ-же стоялъ все тотъ-же пороховой дымъ и ревъ орудій и перекаты пѣхотнаго огня все съ тою-же силою доходили до насъ. Кончился день 12-го октября для нашего отряда. Всѣ были грустны,—подавлены. Несмотря на прошлую безсонную ночь, на дневной бой всѣ бодрствовали до темноты. Да трудно было заснуть, когда подъ Горнымъ-Дубнякомъ бой шелъ еще въ полномъ разгарѣ и извѣстій оттуда не получалось. Тамъ дралась цѣлая дивизія и бой не прекращался. Думалось, что и тамъ неудача. Но развѣ могъ одинъ егерскій полкъ взять Телишъ? Да тутъ дивизіи мало... Что-же будетъ? Неужели мы безсильны справиться съ арміею Османа-паши? Какія-же огромныя полчища нужны, чтобъ задавить этого настойчиво-сидящаго въ Плевнѣ пашу? Какъ эта неудача должна огорчить Государя, всю Россію, и какъ злорадствовать будутъ наши враги!

Сознаніе, что мы безсильны были взять Телишъ, вотъ что особенно больно. Приходится переработать въ себѣ чувство военной гордости, самолюбія, нравственно угнетать себя... Но насъ поддерживаетъ внутреннее сознаніе, что нашъ долгъ исполненъ честно, кровь тысячи человѣкъ громко свидѣтельствуетъ за насъ, и что никто не посмѣетъ упрекнуть отрядъ въ недобросовѣстности.

Выставивъ аванпосты, не раздѣваясь, не распрягая лошадей, отрядъ отдыхалъ, заснувъ подъ этими тяжелыми впечатлѣніями.

13-го Октября, четвергъ.

Недолго пришлось намъ ждать извѣстій и приказаній. Часовъ въ 8 утра, громкое радостное „ура!“ пронеслось по бивуаку 2-й бригады и оповѣстило всѣхъ о взятіи Горнаго Дубняка. Но что это было за ура! Ура съумасшедшее, со слезами на глазахъ. Съ этою радостною вѣстью исчезъ упадокъ духа, все главное вернулось, всѣ ободрились и прежній говоръ, веселость и изрѣдка смѣхъ снова стали раздаваться по бивуаку.

— Слышь братъ! говорилъ солдатъ, что гг. офицеры сказываютъ: пашу да 2,500 турокъ наши забрали, да наворотили ихъ, говорятъ, столько-же.

— Ну, слава Богу, по крайности и имъ маленько запопало.

— Главное дѣло сдѣлано, говоритъ офицеръ, цѣль достигнута: Плевна обложена.

— Жаль только, что потери наши громадны.

Нашей бригадѣ приказано наблюдать за Телишемъ.

Командующій бригадою, полковникъ Мейндорфъ, вскорѣ повелъ насъ

на Ракитную высоту, гдѣ мы и стали. Трудно было выбрать мѣстность лучше для наблюденія за противникомъ.

Далеко кругомъ, все было видно, какъ на ладонѣ.

Вправо, впереди насъ былъ видѣнъ Телишъ, его редутъ, его ложементы; прямо передъ нами стояла караулка на шоссе; влѣво отъ насъ тянулся на нѣсколько верстъ сплошной лѣсъ, имѣвшій двѣ или три плѣшинки на софійскомъ шоссе. Каждый, даже одиночный человѣкъ не можетъ пройти эти плѣшинки и отъ караулки до селенія Телишъ незамѣтно для насъ. Мѣстность отъ насъ до шоссе была чрезвычайно неудобна для движенія: глубокіе овраги и лощины съ крутыми обрывами не позволяли намъ въ случай появленія непріятеля на шоссе приблизиться къ нему для нападенія. Во всякомъ-же случаѣ мы занимали фланговую позицію отъ непріятеля. На сколько было непріятно туркамъ имѣть у себя постоянно на флангѣ бригаду кавалеріи съ батареею, настолько рисковано было и наше положеніе. Непріятель могъ легко насъ отрѣзать, потому что ближе 8-ми верстъ отъ насъ ни одной русской части не было. Турки, кромѣ того, могли легко оцѣнить выгоду расположенія Ракитской высоты на случай второй атаки Телиша и пожелать занять ее. Удержать позицію это мы-бы не могли. Поэтому нужно было намъ быть весьма осторожными. Какъ только наступила темнота, батарея была отведена за гору и дано приказаніе за нѣсколько времени до разсвѣта снова занять свою позицію.

Днемъ отрядъ нашъ занималъ эту прекрасную позицію такимъ образомъ: 5-я конная батарея на самой высотѣ, лейбъ-драгуны стали лѣвѣе батареи на склонѣ, лейбъ-гусары правѣе.

Съ версту впереди Ракитской высоты стоитъ другое возвышеніе съ дубовой рощей и съ оврагомъ впереди. Это возвышеніе не мѣшало видѣть впереди лежащую мѣстность, но представляло также артиллерійскую позицію для обстрѣливанія караулки. Эта роща была также занята драгунами.

Вооружившись биноклями, мы все время слѣдили за каждымъ движеніемъ непріятеля. Особенно ясно былъ видѣнъ турецкій редутъ.

— Смотрите, говоритъ поручикъ К., турки разбрелись впереди редута, вѣрно грабятъ убитыхъ егерей.

— Хорошо еще, какъ грабятъ убитыхъ; а, можетъ быть, мучаютъ раненыхъ? возразилъ я, вспомнивъ изувѣченныхъ на Шипкѣ турокъ.

— Въ правомъ углу редута турки выстраиваются, говорилъ полковникъ Ѳ. Ихъ небольше роты.... Вотъ они пошли куда-то впередъ изъ редута.... Вѣрно смѣняютъ главный караулъ....

— Нѣсколько человѣкъ конныхъ выѣзжаютъ передъ цѣпь.... Одинъ на бѣлой лошади остановился... слѣзаетъ... должно быть на егеря наткнулся.

— Негодяй! Это вѣрно черкесъ.

— Ваше высокоб—іе, говоритъ смотрѣвшій простымъ глазомъ наводчикъ, эвона рота турецкая смѣнившаяся идетъ....

Такъ прошелъ весь день въ наблюденіяхъ.

14-го Октября, пятница.

Сегодня второй день, что мы стоимъ на Ракитской высотѣ. Стоимъ мы точно забытые: никакихъ приказаній и извѣстій второй день не получается. Бригада же съ ночи 11-го числа въ работѣ, лошади не разсѣдлываются. Наши разъѣзды дѣлаютъ отлично свое дѣло. Такъ, лейбъ-драгунскій разъѣздъ проникъ почти въ с. Радомирцы, гдѣ открылъ отличную турецкую позицію и насчиталъ одиннадцать редутовъ. Турки въ Телишѣ цѣлый день роются и дѣлаютъ новыя укрѣпленія.

Но вотъ около караулки замѣчается какое-то движеніе. Изъ лѣсу выѣхало орудіе и стало въ какой-то ложементъ. Что это значитъ? Не предпринимаютъ ли они наступленіе? Всѣ начальники собрались къ намъ на батарею и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за тѣмъ, что будетъ дальше. Изъ лѣсу показывается какой-то транспортъ съ кавалеріею. Кавалеріи цѣлый полкъ... Какіе-то конные скачутъ къ Телишу... Транспортъ весь вытянулся по шоссе... его окружаетъ цѣпь разъѣздовъ... Изъ Телиша стала выходить ему на встрѣчу пѣхота... Ничего серьезнаго нѣтъ. Но досадно, что подѣлать съ ними ничего нельзя.

Какъ только транспортъ прошелъ, орудіе выѣхало изъ ложемента и скрылось въ лѣсу. Осторожный народъ эти турки.

Вскорѣ пріѣхалъ нашъ начальникъ штаба, полковникъ Бунаковъ. Мы ему чрезвычайно обрадовались, такъ какъ могли узнать отъ него новости, онъ могъ оцѣнить важность занятія нами Ракитской высоты, подкрѣпить насъ, а главное—смѣнить насъ другою бригадою, принявъ во вниманіе, что мы, послѣ телишскаго боя, несемъ особенно трудную для лошадей службу. Наши ожиданія оправдались. Первое, что замѣтилъ полковникъ Бунаковъ, это то, что онъ и не воображалъ, что мы занимаемъ такую выгодную позицію и такъ далеко забрались и въ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о самостоятельныхъ распоряженіяхъ полковника Мейендорфа. Затѣмъ, мы не ошиблись, онъ привезъ новость, первостатейной для насъ важности,—что на 16-е октября назначено артиллерійское бомбардированіе Телиша. Артиллерійскій бенефисъ! До восьмидесяти орудій примутъ участіе въ этомъ адскомъ концертѣ, только не въ пользу, а на погибель телишскаго гарнизона. Цѣль прекрасная,—нельзя ей не сочувствовать. Съ удовольствіемъ понесемъ и мы свою лепту на эту благотворительность въ видѣ сотенъ гранатъ и шрапнелей.

Всѣмъ извѣстная заботливость полковника Бунакова о находящихся

подъ его руководствомъ частяхъ также не замедлила проявиться. Онъ обѣщалъ смѣнить насъ завтра 1-ю бригадою, которая третій день ужъ отдыхала, и дать намъ возможность хоть день, да отдохнуть передъ будущимъ дѣломъ 16-го числа.

Наступилъ вечеръ. Батарея спустилась за гору. Мой взводъ сегодня дежурный, а потому спать ужъ не придется. Все улеглось, закрылось бурками и шинелями; завидно смотрѣть на спящихъ. Ночь темна, какъ мгла и морозна. Придумываемъ: какъ убить время? Какъ прогнать отъ себя сонъ? Подойдемъ къ орудіямъ, спросимъ: все ли въ порядкѣ? люди всѣ ли на лицо? Опять бродимъ въ темнотѣ. Однако же холодно; лучше посидѣть у костра. У котораго? Да вотъ у котораго сидятъ трое солдатъ. Не стѣсню ли я этимъ ихъ? Нѣтъ, ничего, я ихъ предупрежду, чтобъ они продолжали сидѣть и грѣться. Я подошелъ къ костру; солдаты встаютъ.

— Сиди, братцы, грѣйся, не стѣсняйся, а то я уйду.

Солдаты сѣли,—молчатъ.

— Да что же вы такой маленькій костеръ развели? Слава Богу, дровъ здѣсь сколько угодно. Возьмите-ка, да подложите ихъ побольше. Кругъ больше станетъ; другіе подойдутъ; всѣмъ веселѣе будетъ, замѣтилъ я и былъ правъ.

Нанесли дровъ и черезъ полчаса не болѣе прекрасный костеръ освѣщалъ и согрѣвалъ такое значительное пространство, что до 15-ти человѣкъ помѣстилось кругомъ него.

Одно изъ главныхъ преимуществъ военнаго времени передъ мирнымъ, это общеніе начальниковъ съ подчиненными и та связь, которая создается невидимо между ними. Можетъ быть, въ цѣлый годъ не удалось бы, хоть, напримѣръ, мнѣ такъ сблизиться съ своими солдатами, какъ въ одну ночь этого дежурства.

Нашъ русскій солдатъ отъ природы чутокъ и очень быстро узнаетъ своего офицера. Онъ рѣдко ошибается въ немъ и всякое вниманіе къ нему имъ цѣнится и не забывается. Оттого нѣтъ ничего легче, какъ пріобрѣсти его расположеніе. Но русскій солдатъ не любитъ, чтобъ любезность офицера доходила-бы до потворства его промахамъ,—онъ всегда самъ напрашивается на обращеніе совмѣстное съ достоинствомъ офицерскаго званія. Необходимо это понимать.

Нашъ разговоръ къ полуночи принялъ оживленный характеръ. Сначала люди было стѣснялись, разговоръ не клеился; но потомъ, о чемъ мы только не трактовали! Ихъ все интересовало: да какъ это съ Плевной-то будетъ? Да какъ это 16-го подъ Телишемъ будетъ? Да почему это турки такъ хорошо вооружены? Да отчего другія христіанскія государства не помогутъ бить турокъ? и т. д. Объ чемъ только мы за всю

эту ночь не перетолковали. А я ораторствовалъ, да ораторствовалъ и ночь прошла незамѣтно и для всѣхъ насъ одинаково полезно.

15-го Октября, суббота.

За полъ-часа до разсвѣта я перевелъ батарею на позицію. Все спокойно. Турки продолжаютъ рыться. Къ полудню пріѣхалъ къ намъ полковникъ Бунаковъ съ капитаномъ Храповицкимъ ознакомиться съ мѣстностью и кое-что прорекогносцировать. Они сообщили нѣкоторыя подробности объ Горномъ-Дубнякѣ. Оказывается, что наши потери въ сравненіи съ численностію турецкаго гарнизона, оборонявшаго Горный-Дубнякъ—громадны: 117-ть офицеровъ и 3200 человѣкъ нижнихъ чиновъ выбыли язъ строя! Генералъ Лавровъ и полковникъ Эбелингъ уже умерли отъ ранъ. Генералы Зеддлеръ и Розенбахъ ранены. Всѣ полки безъ исключенія вели себя героями. Неудержимая отвага, русское суворовское „впередъ",—вотъ главная причина такихъ большихъ потерь. Словомъ, тамъ было то-же, что и у насъ подъ Телишемъ. И какъ я замѣтилъ въ своемъ дневникѣ еще до 12-го Октября, такъ и повторяю теперь: что гвардія смотрѣла на этотъ бой, какъ на дуэль, гдѣ нужно отстоять: свою честь, свою прежнюю славу и поддержать общее довѣріе къ ней. Отъ этого она пренебрегала собою, и, развернувъ свою славную, могучую, разукрашенную прежними побѣдами грудь и дерзко подставляя ее непріятелю, лѣзла на него, помня только одно: или побѣдить, или умереть!

Къ вечеру прибыла 1-я бригада. Конно-гренадеры смѣнили лейбъгусаръ. Наконецъ-то сегодня мы имѣемъ возможность вполнѣ отдохнуть. А завтра—опять въ бой.

16-го Октября, воскресенье.

По диспозиціи сегодняшній бой долженъ былъ начаться въ 12 часовъ. Этъ доказываетъ, что не было надобности спѣшить съ Телишемъ. Для войскъ-же такой часъ чрезвычайно удобенъ: рано вставать не пришлось, и всѣ были свѣжи. Распредѣленіе силъ слѣдующее:

1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями наступаетъ съ сѣвера, а 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями съ запада. Генералъ Черевинъ съ Кавказскою бригадою и № 8-мъ донскою батареею наступаетъ съ востока; гвардейская же кавалерійская дивизія съ тремя гвар. конными батареями дѣйствуетъ въ тылъ и на сообщеніе непріятеля. Каждой колоннѣ были приданы саперы для устройства ложементовъ, какъ батареямъ, такъ и пѣхотѣ. Однимъ словомъ все было сдѣлано и предусмотрѣно для продолжительной бомбардировки непріятельскаго укрѣпленія семидесяти двумя орудіями.

Огонь артиллеріи долженъ былъ начаться ровно въ 12 часовъ, и послѣ трехъ залповъ, половина втораго,—прекратиться. Въ два часа,

послѣ получасоваго отдыха, огонь долженъ былъ снова возобновиться, и тремя-же залпами прекратиться въ $3^1/_2$ часа. Въ четыре часа кононада должна была начаться въ третій разъ и кончиться въ 6 часовъ вечера. Эти получасовыя передышки давались для того, чтобы дать возможность непріятелю опомниться, такъ сказать придти въ себя, и видѣть все свое безвыходное положеніе.

Наша батарея съ утра стояла на Ракитской высотѣ. Мы слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за движеніемъ нашихъ колоннъ изъ подъ Горнаго-Дубняка. Въ турецкомъ редутѣ все было спокойно, видимо тамъ ничего не подозрѣвали. Длинною лентою потянулись наши двѣ колонны, каждое наше орудіе отлично видно въ бинокль... Наши подходятъ, подходятъ, выстраиваются... дымокъ, выстрѣлъ, и первая русская граната разорвалась въ редутѣ. За нею другая, третья, и пошла потѣха.

У турокъ все зашевелилось, — потомъ затихло: все спряталось въ ложементы, за бруствера. Одни турецкіе всадники усиленно заскакали отъ Телиша—къ караулкѣ. Пѣшія батареи и наша 2-я гвардейская конная стали полукругомъ противъ редута и громятъ его. Турки отвѣчаютъ изъ своихъ дальнобойныхъ, но уже трудне разобрать, какой виденъ дымъ въ непріятельскомъ редутѣ: турецкій-ли это выстрѣлъ, или снопъ нашихъ разорвавшихся гранатъ? Наши перемѣнили гранату на шрапнель, что видно по маленькимъ облочкамъ дыма, которые стелятся въ воздухѣ надъ редутомъ.

Скакавшіе отъ Телиша къ караулкѣ всадники очевидно дали знать отряду турецкихъ войскъ, расположенному близь Радомірцъ о нашемъ наступленіи, и вскорѣ у караулки мы замѣтили какое-то движеніе и увидали блескъ штыковъ. Это были турецкіе баталіовы, шедшіе на выручку въ Телишъ. Но, постойте братцы, эта стара штука, мы васъ даромъ не пустимъ и наша батарея рысью выѣхала на позицію „къ будкамъ". Дистанція до караулки намъ была уже извѣстна и мы открыли огонь навѣрняка.

Едва мы дали первую очередь, какъ за турками и за караулкой, на высотѣ показался орудейный выстрѣлъ, другой, и турки, стоявшіе у караулки, открыли ружейную трескотню по нимъ.

Что это такое? Вѣдь это нами вышли въ тылъ караульни? Да, конечно, это генералъ Черевинъ съ своею лихою бригадою. Такимъ образомъ, желавшіе пробраться къ Телишу турки, оказались между двухъ огней: бригады генерала Черевина и наши. Турки не рисковали продолжать идти впередъ и стали отступать, отстрѣливаясь къ лѣсу. Наша 5-я гвардейская конная батарея продолжала стрѣлять, но уже рѣже, такъ какъ мы боялись своими выстрѣлами нанести вредъ черевинцамъ.

Черкесы и турецкая кавалерія, зная, что мы не станемъ стрѣлять въ одиночныхъ людей, небольшими кучками рыскали по полю между

караулкою и нами, хотя наши гранаты и летѣли имъ черезъ головы. Они выползали изъ лѣсу все въ большемъ и въ большемъ количествѣ. Вдругъ мы ясно увидали трехъ изъ нихъ, пресмѣло ѣдущихъ рысью на батарею. Какой-то нашъ разъѣздъ было бросился къ нимъ, но остановился. Они продолжаютъ ѣхать и вотъ намъ ужъ явственно видны ихъ фигуры и папахи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на нихъ; они какъ разъ подъѣхали къ моему взводу. Но каково мое изумленіе.

Они всѣ три георгіевскіе кавалеры!

— Ваше Благородіе, насъ прислалъ генералъ Черевинъ передать, чтобъ батарея ваша не стрѣляла, потому наши казаки съ горы ужъ опустились и гонятъ турокъ, которые отступаютъ, говорилъ урядникъ.

Я глазамъ своимъ не вѣрилъ и невольно спросилъ:

— Да какъ-же это вы сюда проѣхали сквозь непріятельскую кавалерію?

— Турки больше какъ за своихъ принимали, а когда признаютъ насъ, такъ стрѣляли...

Зналъ-же генералъ Черевинъ, кого послать на такую рискованную вещь! Чортъ знаетъ, что за молодцы эти кавказскіе казаки.

Я имъ указалъ на начальниковъ и насъ снова отвели на Ракитскую высоту, гдѣ стояло все наше кавалерійское начальство. Подъ редутомъ шла все та-же канонада, но еще сильнѣе, ожесточеннѣе. У насъ же ничего нельзя было разобрать. Все поле до караулки и за нею было усѣяно людьми. А какими? неизвѣстно, поди—разбери. Когда въ ста шагахъ черкеса отъ казака не отличишь, то за версту и подобно. Поэтому мы хоть и не стрѣляли, но спокойствіе у насъ все-таки никакого не было.

— Это наши. Нѣтъ, не наши. Стрѣляйте, живѣе стрѣляйте. Нѣтъ не стрѣляйте, кричалъ горячившійся генералъ N.

— Ваше превосходительство, куда прикажете? спрашивали его.

— Не нужно, это черевинцы. Тутъ такая галиматья, что самъ дьяволъ не разберетъ.

Казалось, что генералъ успокоился. Но черезъ какую-нибудь минуту снова начиналось.

— Живо впередки, быстрѣе, а то опоздаете. Скачите на ту позицію...

Только скомандуютъ „въ перед-ки", какъ генералъ уже кричитъ:

— Не нужно, отставить, тутъ какъ разъ своего хватишь.

Но вотъ, справа показались наши лейбъ-уланы, кучки черкесъ стали гуще, уланы идутъ прямо на нихъ. Стало ясно, что будетъ атака. Генералъ сильно кричитъ, ругается. Среди этого собственно нашего шума я получаю приказаніе: выѣхать, какъ можно скорѣе къ дубкамъ и, обстрѣливая непріятеля, помочь атакѣ уланъ. Я со взводомъ рысью спустился съ горы. Понималось, что происходитъ кавалерійское дѣло, дѣло минутное, что можно упустить моментъ и своею стрѣльбою пользы не

принести. Мнѣ хотѣлось скомандовать маршъ-маршъ, но напрасно.... Мы шли тяжелою пахотью кукурузы и лошади, все равно-бы, не подхватили. До „дубковъ" было всего пол-версты и я со взводомъ уже былъ тамъ. Въ рощицѣ, въ прикрытіе мнѣ, стояли эскадронъ лейбъ-драгунъ и конно-гренадеръ. Я торопилъ людей:

— Братцы, ради Бога, живѣе наводите, время золотое, уйдетъ....

Уланы въ это время скакали за черкесами, которые отъ нихъ улепетывали.

Выстрѣлъ,—первая моя граната. Смотришь напряженно,—увидалъ разрывъ.

— Небольшой перелетъ; линію убавь, приказывалъ я другому орудію.

Другой выстрѣлъ.

— Прекрасно! Живо давай шрапнель!

Съ этимъ снарядомъ стрѣльба идетъ медленнѣе. Для быстроты стрѣльбы я предоставилъ наводчику самому командовать „пли" по мѣрѣ того, какъ орудіе было заряжено и наведено.

Стоявшіе тутъ кавалерійскіе офицеры также отлично понимали, что быстрота въ стрѣльбѣ тутъ больше чѣмъ—необходима.

— Хочешь я тебѣ дамъ своихъ гренадеръ, обучавшихся у васъ артиллеріи, они по крайней мѣрѣ снаряды таскать будутъ, обратился ко мнѣ капитанъ Ломачевскій.

— Превосходно! обрадовался я, давай ихъ сюда.

Лейбъ-уланы скрылись въ кустарникѣ, на нѣсколько секундъ моя стрѣльба должна была прекратиться... Послышался залпъ пѣхоты, потомъ ружейная трескотня и уланы стали показыватчся изъ кустарника и отходить назадъ. Черкесы было сунулись за ними,—мы угостили ихъ шрапнелями и они стали прятаться.

Но вотъ зашипѣла непріятельская граната и ударилась близъ моихъ передковъ. За ней другая, третья. Каждая перелѣтала черезъ наши головы и рвалась или у лошадей, или у передка. Передки были въ опасности. Зная поразительно-однообразную стрѣльбу турецкой артиллеріи, я велѣлъ передкамъ еще ближе подъѣхать къ орудіямъ и кстати: граната лопнула на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ передокъ. Счастье, вещь великая, въ военномъ дѣлѣ.

Пославъ нѣсколько послѣднихъ гранатъ по кустамъ куда скрылись турки, я прекратилъ стрѣльбу. Непріятельская-же батарея продолжала стрѣлять по моему взводу и гранаты падали все на тѣ-же самыя мѣста. Но что-же дѣлается въ Телишѣ? Я обернулся въ его сторону. Все молчитъ, канонада прекратилась; надъ редутомъ стоитъ страшный дымъ и видно пламя горящихъ шалашей. Вдругъ мы услыхали „ура!" безконечное ура! Неужели Телишъ ужъ сдался? Само собою разумѣется, не даромъ-же воздухъ дрожитъ отъ радостныхъ возгласовъ.

— Ребята, Телишъ сдался: ура! и драгуны и конно-гренадеры неистово подхватили радостный возгласъ.

Тутъ ко мнѣ подъѣхалъ ординарецъ и передалъ приказаніе отойти на Ракитскую высоту, такъ какъ я, даромъ, въ бездѣйствіи стою подъ выстрѣлами.

Изъ двухъ орудій, въ четверть часа времени я выпустилъ 37 снарядовъ, благодаря кавалеристамъ, которые подносили и помогали устанавливать дистанціонную трубку. Вотъ примѣръ тому, что всякое обученіе не пропадаетъ безслѣдно. Я полагалъ, что слишкомъ быстрая стрѣльба послужила въ ущербъ мѣткости, и потому ждалъ съ нетерпѣніемъ, что скажутъ стоявшіе на Ракитской высотѣ, видѣвшіе мою стрѣльбу сверху. Но безпристрастная похвала товарищей успокоила меня.

Лишь только сдался Телишъ, вся кавалерія ушла на софійское шоссе. Лейбъ-драгунскій-же полкъ и мой взводъ были оставлены на Ракитской высотѣ.

Еще долго на шоссе слышались отдѣльные выстрѣлы. Долго пришлось мнѣ ждать приказанія соединиться съ батареею. Только въ три часа ночи я нашелъ свою батарею, на бивуакѣ, въ Свинарской балкѣ.

Такимъ образомъ Телишъ достался намъ сегодня безъ потерь. Нѣсколько десятковъ пудовъ чугуна и свинца сдѣлали тоже. что тысячи человѣческихъ смертей.

17-го Октября, понедѣльникъ.

Только на другой день узнаются обыкновенно подробности боя. Оказывается, что турки выдержали нашу канонаду только отъ 11—1½. Въ первую-же передышку, генералъ Гурко послалъ имъ парламентеровъ изъ плѣнныхъ турокъ съ предложеніемъ сдаться. Въ письмѣ къ пашѣ, ему выяснялось его безвыходное положеніе и средство избѣжать напраснаго кровопролитія, т. е. сдаться. Едва только вошли парламентеры въ редутъ, какъ турки высыпали на брустверъ. Наши солдаты уже тутъ закричали ура! принявъ этотъ выходъ турокъ за желаніе сдаться. Прошло нѣсколько нетерпѣливо ожидаемыхъ минутъ, пока паша разбиралъ письмо и колебался исполнить требованіе генерала Гурко. Паша хотѣлъ употребить и попробовать послѣднее средство и послалъ къ генералу Гурко турецкаго полковника, который было раскрылъ ротъ, чтобъ что-то сказать, но встрѣтивъ суровый, повелительный взглядъ генерала и, проникнутую достоинствомъ и сознаніемъ побѣды, рѣчь генерала, сконфузился и уѣхалъ. Вскорѣ турки начали выходить изъ редута и клали оружіе по обѣ стороны шоссе. Въ числѣ плѣнныхъ были взяты три англичанина, хотя и съ повязками красной луны, но весьма сомнительнаго свойства. Измаилъ-Хаки-паша, начальникъ телишскаго гарнизона,—уморительный, толстенькій, кругленькій на короткихъ ножкахъ генералъ.

Его глупая, все улыбающаяся фигура, вовсе не говоритъ за него. Всего взято семь батальоновъ въ плѣнъ. Тутъ были и низамъ, и редифъ, и мустахфизъ. Турецкая кавалерія-же успѣла передъ сдачей удрать. Турецкихъ раненыхъ перенесли на ближайшій перевязочный пунктъ.

Но что стало съ оставшимися 12-го октября на поле сраженія ранеными егерями? Ужасно сказать,—ихъ нѣтъ ни одного, ни въ плѣну, ни въ турецкихъ госпиталяхъ. Раненыхъ егерей убили, изувѣчили, или бросили умирать безъ призрѣнія. Паша въ свое оправданіе свалилъ все на удравшихъ черкесъ и баши-бузуковъ. Всѣ четыреста тѣлъ, какъ убитыхъ, такъ и замученныхъ, лежали голыми. Мундиры ихъ валялись въ редутѣ и носились турками. Тѣла убитыхъ лежали нетронутыми, спокойно. Тѣла-же раненыхъ, съ отрѣзанными ушами и носами, съ вырѣзанными ремнями на спинѣ, груди, плечахъ, и кружками на сердце, носили отпечатокъ предсмертныхъ мукъ: стиснутые зубы, раскинутыя руки и ноги, сжатые въ кулакъ пальцы....

Проклятое племя, изверги рода человѣческаго, справедливость требуетъ, чтобъ это вамъ даромъ не прошло! Кровь ваша, а можетъ быть дѣтей вашихъ отвѣтитъ за всѣ эти ужасы! Прійдетъ часъ и часъ справедливый, когда судьба стряхнется надъ вами и вы проклянете день вашего рожденія!

Пронесся слухъ, что Осману-пашѣ послано предложеніе сдаться. Радомірцы брошены турками и заняты нами.

Сегодня день полнаго отдыха. На нашемъ бивуакѣ появился жидъ-маркитантъ. У него есть много хорошаго, нужно спѣшить пока не разобрали. Но только деретъ онъ съ насъ немилосердно. За сахарный пшеничный сухарь—одинъ франкъ. Хорошъ контрастъ: одни пришли сюда изъ-за долга, убѣжденія, патріотизма, безропотно умираютъ, страдаютъ; другіе, пользуясь этимъ несчастіемъ, и неимѣніемъ у первыхъ самаго необходимаго, за безсовѣстной наживой. А попробуйте сказать это жиду, онъ вамъ начнетъ, какъ дважды два—четыре, доказывать, что онъ такой-же герой, какъ и каждый военный, идущій на вѣрную гибель. Онъ также бросилъ свою „зину, дѣтисекъ", и пріѣхалъ изъ патріотизма оказывать услуги славной, русской арміи. Какъ турокъ, такъ и жидъ одни и тѣ-же враги нашему отечеству.

18-го Октября, вторникъ.

На нашу батарею присланы три георгіевскихъ креста за дѣло 12-го октября.

Я воспользовался свободнымъ днемъ и поѣхалъ въ Горный Дубнякъ, въ главную квартиру отряда.

Рысью проѣхавъ всю дорогу, чрезъ ³/₄ часа я уже былъ тамъ. Съ какимъ-то особенно-благоговѣйнымъ чувствомъ подъѣзжалъ я къ этому

отнынѣ знаменитому мѣсту. Кромѣ ложементовъ и крестовъ сначала ничего не было видно. Но вотъ, направо отъ меня, стоитъ рядъ нашихъ свѣженькихъ батарей. За ихъ брустверами стояли гдѣ два, гдѣ четыре орудія.

— А, подумалъ я,—теперь я вижу собственными глазами, что Плевна обложена. Ну-ка, суньтесь прорываться, попытайтесь-ка взять эти батареи! Да вы тутъ въ десять разъ больше потеряете, чѣмъ мы подъ Горнымъ-Дубнякомъ.

Я переѣхалъ софійское шоссе. Мнѣ думалось: вотъ онъ, знаменитый путь, изъ-за котораго пролито столько крови! Налѣво отъ меня стоялъ большой редутъ. Я поѣхалъ къ нему, въѣхалъ въ его середину. Это былъ знаменитый большой Горно-Дубнякскій редутъ. Долго стоялъ я, стараясь представить себѣ картину боя 12-го числа, и мнѣ пришло въ голову: неужели этотъ редутъ двадцать два батальона могли взять только къ вечеру? Неужели не было другаго способа взять его, какъ скучить кругомъ него эти двадцать два батальона?

Раздумывая, я пришелъ къ заключенію, что войска наши должны были быть чрезвычайно скучены, что и стоило намъ такъ дорого: шальныхъ нападеній должно было быть очень много. Но главное, мнѣ показалось, что мы сами виноваты, что турки такъ упорно защищались въ этомъ редутѣ. Вѣдь и зайца можно заставить обороняться и отбиваться лапами и трудно бываетъ его схватить на охотѣ, если вы его загоните въ безвыходное мѣсто. А дайте ему выходъ, источникъ спасенія, онъ имъ сейчасъ же воспользуется и борзая сейчасъ же будетъ на немъ сидѣть.

Что мы имѣли въ виду при атакѣ Горнаго-Дубняка? Стать ли на софійскомъ шоссе, или взять цѣликомъ Горно-Дубнякскій гарнизонъ въ плѣнъ?

Безспорно, удовольствіе имѣть Горно-Дубнякскій гарнизонъ въ 4,000 человѣкъ у себя въ плѣну не было дѣломъ существенной важности для насъ. Намъ нужно было занять Горный-Дубнякъ, какъ пунктъ на софійскомъ шоссе, чтобъ замкнуть линію обложенія арміи Османа-паши. Какимъ же образомъ возможно легче и быстрѣе (вѣдь на быстроту особенно упирали) заставить непріятеля бросить Горный-Дубнякъ? Мнѣ кажется, только никакъ не отказавшись отъ бомбардировки, для скорости, и окруживши редутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, и поставивши этимъ непріятеля въ безвыходное положеніе. Туркамъ же, безъ всякаго пути отступленія, оставалось: или драться, или умереть.

Напротивъ, оставивши умышленно непріятелю дырку, хоть въ сторону Плевны, чтобъ у него оставался путь ко спасенію, можно было скорѣе и легче, безъ большихъ потерь, съ меньшимъ числомъ войскъ, его заставить кинуть эту позицію.

Турки, безспорно, воспользовались бы свободнымъ проходомъ къ Доль-

нему-Дубняку и, при ихъ отступленіи можно бы было ихъ порядочно пощипать, чему могла способствовать масса кавалеріи, имѣвшейся въ отрядѣ. Если же имъ бы и удалось благополучно дойти до Дольняго-Дубняка, то развѣ это бѣда? Развѣ это не прибавило бы Осману-пашѣ 4,000 голодныхъ ртовъ? И я представлялъ себѣ какъ наши войска врѣзались клиномъ между Телишемъ и Горнымъ-Дубнякомъ, какъ десятки нашихъ орудій громятъ редутъ съ двухъ сторонъ, со стороны Телиша и Свинара и отступленіе турокъ изъ Горнаго-Дубняка. Наша пѣхота насѣдаетъ на нихъ изъ Дубняка, а десятки эскадроновъ атакуютъ ихъ со стороны Вида и Искера. И какая эта мѣстность для кавалерійскихъ атакъ! Не скоро такую другую найдешь. Такъ мнѣ все это казалось вѣроятнымъ, осуществимымъ...

Посѣтивъ нѣкоторыхъ товарищей, не узнавши новостей, уѣхалъ я изъ этого кладбища героевъ съ чувствомъ грустнымъ, тяжелымъ.

19-го Октября, среда.

Сегодня мы перешли въ дер. Махалету. Путь нашъ лежалъ черезъ дер. Свинаръ и Горный-Дубнякъ. У Дубняка насъ встрѣтилъ начальникъ артиллеріи, генералъ Бреверпъ, и благодарилъ за службу. Отъ Дубняка до Махалеты путь лежалъ однообразный, голымъ полемъ. Махалета отъ Дубняка по картѣ всего верстъ десять, но въ сущности гораздо больше, такъ какъ дорога все время идетъ кривулями и слегка въ гору. Казалось, этимъ десяти верстамъ не было конца, но наконецъ мы дошли до Румынскаго кавалерійскаго бивуака. Полкъ каларашей былъ выстроенъ и собирался уходить. Странная кавалерія эти калараши. На маленькихъ, мужицкихъ румынскихъ лошадяхъ, не имѣющихъ никакого аллюра, сидятъ толсторожіе мужики, сидятъ скверно и вызываютъ скорѣе улыбку, чѣмъ внушающій уваженіе воинскій видъ. Мудрено ли, что эти эскадрончики не могутъ принести никакой пользы. Очевидно, десятокъ черкесъ долженъ наводить на нихъ паническій страхъ.

Насъ остановили и начали разставлять на бивуакъ. Деревни же никакой не было видно. Но едва мы вошли на самый бивуакъ, какъ передъ нами открылся чудесный видъ на долину Искера. Далеко, голубою лентою, извивается Искеръ, орошая богатыя пастбища, рощи и многочисленныя селенія, расположенныя по немъ. За Искеромъ, далеко вдаль, на западъ, видна вся мѣстность, какъ на ладони, пока синева неба не сливается съ чернотою горизонта...

Дер. Махалета лежитъ на спускѣ нашей бивуачной горы къ рѣкѣ и на низкомъ берегу рѣки. Повидимому, это большое селеніе.

Только что мы прибыли на мѣсто, какъ пришли болгары жаловаться, что румыны забирали у нихъ все время своей стоянки всякіе припасы и фуражъ и ушли, ничего не заплативши.

— Мы, говорятъ они,—ходили къ ихъ командиру, а онъ насъ выругалъ, да чуть не побилъ. За васъ, говоритъ онъ, мы сюда пришли драться, а вы, негодяи, съ насъ деньги берете. Да я васъ за это отодрать велю. Братья-русскіе, вы хоть за насъ заступитесь. Мы скоро безъ хлѣба останемся.

На это-то калараши должны быть очень и очень способны, подумалъ я.

Новость сегодняшняго дня—это предполагаемая на 21-е число атака Дольнаго-Дубняка. Только не съ четырехъ сторонъ.

20-го Октября, четвергъ.

Получено приказаніе лейбъ-гусарскому полку съ 5-ю гвардейскою конною батареею выйдти сегодня на аванпосты къ Дольнему-Дубняку. Мы выступили изъ Махалеты въ 12 часовъ, а въ два были уже на мѣстѣ главнаго караула. Первое, что мы узнали отъ Харьковскихъ уланъ, которыхъ мы смѣнили, что турки сегодня ночью бросили Дольній-Дубнякъ. Турки точно предчувствовали, что на завтра назначалась атака Дольнаго-Дубняка. Видимо, послѣднія наши удачи на софійскомъ шоссе деморализировали турокъ. Въ Дольнемъ-Дубнякѣ ихъ было пять батальоновъ и четыре орудія. Съ занатіемъ Дольнаго-Дубняка, линія обложенія еще сократилась и мы приблизились къ выходу изъ Плевны на софійское шоссе на пушечный выстрѣлъ.

Аванпосты, для которыхъ мы сюда пришли, теперь уже не имѣютъ смысла. Приказаній же уйти не получалось. Такъ что нашъ главный караулъ стоитъ въ двухъ верстахъ за пѣхотой и укрѣпленіями, которыя быстро и съ усердіемъ воздвигаются нашими гвардейцами. Такіе аванпосты не особенно тяжелы и мы расположились на бивуакъ и спали спокойно, зная, что впереди насъ цѣлый корпусъ пѣхоты.

21-го Октября, пятница.

Румыны безъ умолку стрѣляютъ по каменному мосту на Видѣ. Мы все стоимъ въ çi devant главномъ караулѣ. Только въ два часа прибыла намъ на смѣну румынская конная батарея съ эскадрономъ каларашей.

Насъ интересовало познакомиться съ матеріальною частью румынской артиллеріи. Офицеръ-артиллеристъ оказался очень любезнымъ, показывалъ и объяснялъ намъ все съ охотою. Орудія у румынъ мѣдныя, крупповскія, 8-ми сантиметроваго калибра. Снаряды удивительно плотно уложены въ передкѣ: каждый снарядъ отдѣльно ставится въ стальные ободки, которые плотно сжимаются винтами.

Лафеты у нихъ деревянные, упряжка—прусская.

Въ 6 часовъ вечера мы пришли на свой бивуакъ въ Махалету.

*

22-го Октября, суббота.

Настала глубокая осень: сыро и холодно, листъ опалъ, дороги стали грязны.

Роль гвардейской кавалеріи подъ Плевной окончена. Намъ предписано вмѣстѣ съ 14-ю кавалерійскою дивизіею наблюдать за пространствомъ между р. Искеромъ и р. Огостомъ.

Лейбъ-драгуны вернулись сегодня съ набѣга. Они отбили транспортъ, перерубили нѣсколько баши-бузуковъ и отбили много скота. Одного изъ баши-бузуковъ, легко раненаго, они привезли. Живо разнеслась по бивуаку извѣстіе о прибытіи отбитаго транспорта. Это большое развленеіе въ однообразной, бивуачной жизни: каждый спѣшилъ посмотрѣть и отобранное турецкое оружіе и страшнаго баши-бузука. Густою толпою стояли солдаты кругомъ телѣги, на которой, подогнувши подъ себя ноги, съ суровымъ, серьознымъ выраженіемъ, сидѣлъ пожилой баши-бузукъ. Видъ его былъ дѣйствительно страшенъ. Крупныя черты лица, огромный крючковатый носъ, отвислая губа, большіе, черные, все время въ одну точку смотрящіе глаза, производили непріятное впечатлѣніе. Несмотря на то, что кругомъ него стояла сотня людей, смотрящіе на него съ любопытствомъ, несмотря на прибауточки и смѣхъ, раздававшійся кругомъ него, свирѣпый турокъ сидѣлъ все время неподвижно, какъ статуя.

— Экій волкъ какой!

— Чисто разбойникъ! Встрѣнься ему на большой дорогѣ,—живымъ не уйдешь.

— А носище-то какое? Вотъ страсти Господни!

Замѣчанія подобнаго рода дѣлались одно за другимъ и вызывали неумолкаемое хихиканье.

Вдругъ турка повернулъ голову и пристально посмотрѣлъ на одного изъ любопытныхъ.

— Берегись,—съѣстъ, крикнули смѣясь солдаты и бросились отъ телѣги вонъ. Турка также улыбнулся.

Приказаніе начальства разойтись и не надоѣдать плѣнному, прекратило это развлеченіе: никто близко къ нему и не подходилъ.

24-го Октября, понедѣльникъ.

Вчера Государь Императоръ объѣзжалъ войска гвардейскаго корпуса и благодарилъ ихъ за славныя дѣла 12-го и 16-го Октября. Обрадованный монархъ ѣхалъ отъ одного полка къ другому, объѣзжалъ баталіоны, благодарилъ каждую часть отдѣльно, ласково разговаривалъ съ офицерами, сообщалъ новости о раненыхъ, которыхъ онъ уже посѣтилъ...

Восторгъ войска былъ съумасшедшій! Многіе плакали отъ умиленія

видѣть въ такія серьозныя минуты войны между ними того, имя котораго произносится съ благоговѣніемъ, слово котораго пронизываетъ насквозь душу всякаго истинно-русскаго человѣка.

Благодарственное молебствіе служилось л.-гв. въ Егерскомъ полку. При произнесеніи вѣчной памяти убитымъ за Вѣру, Царя и Отечество воинамъ, Государь Императоръ сталъ на колѣни, а за нимъ и всѣ присутствовавшіе. Минута была трогательная, славная! Слезы обильными каплями текли по лицу любящаго и страдающаго за своихъ подданныхъ, Царя Освободителя, и падали на только что орошенную, храброю русскою кровью, землю.

Такъ молился русскій Государь за своихъ вѣрноподданныхъ, положившихъ свою жизнь во имя Бога, во имя любви къ своему народному Государю и на славу своего отечества!

Всякій это понималъ и старался въ восторженныхъ крикахъ, оглашавшихъ воздухъ при отъѣздѣ Государя Императора, передать ему свою преданность и неподѣльную любовь!

— Вотъ-бы теперь на штурмъ Плевны пойти, замѣтилъ одинъ офицеръ, подъ вліяніемъ расходившихся патріотическихъ чувствъ, такъ-бы кажется все-бы раздавили.

Эти слова искреннія, благородныя много значатъ. Они выражаютъ настроеніе, которому поддались всѣ, съ момента пріѣзда Государя Императора и служатъ отголоскомъ той могучей и святой связи, которая существуетъ вѣками между Русскимъ Царемъ и его подданными. Эта связь есть причина могучести, силы, славы и величія Россіи.

Генералъ Гурко за обложеніе Плевны и утвержденіе на софійскомъ шоссе получилъ бриллiантовую саблю.

Отъ дезертировъ, прибѣгающихъ изъ Плевны, имѣются свѣдѣнія, что турки сильно упали духомъ, что хлѣба совсѣмъ мало, но скотъ имѣется пока въ изобиліи. Недовольство на Османа-пашу съ каждымъ днемъ увеличивается; упрямый же генералъ стоитъ на своемъ и не поддается ни на что, надѣясь на выручку арміею Шевкета-паши. Нѣсколько пойманныхъ Османомъ-пашею шпіоновъ. Генералъ Гурко отдалъ приказаніе гнать назадъ въ Плевну всѣхъ дезертировъ, появляющихся у нашихъ аванпостовъ, чтобъ увеличить число голодныхъ ртовъ въ обложенной нами мѣстности.

27-го Октября, четвергъ.

Вчера Конно-Гренадерскій, Уланскій Его Величества и лейбъ-Драгунскій полки съ двумя гвардейскими донскими орудіями и двумя орудіями 2-й батареи выступили на Врацу. Бригада генерала Давыдова изъ Ловчи выступила къ Орханіи.

Генералъ Гурко, сознавая всю важность обезпечить обложеніе Плев-

ны со стороны Софіи, послалъ генеральнаго штаба капитана Пузыревскаго въ главную квартиру, просить направить 1-ю и 2-ю гвардейскія пѣхотныя дивизіи, гвардейскую стрѣлковую бригаду и до 40 эскадроновъ кавалеріи на Софію. Говорятъ, что черезъ 10 дней начнется это движеніе. Гвардію смѣнятъ Гренадеры.

Къ намъ въ Махалету прибылъ подполковникъ Ставровскій, чтобъ распорядиться сборомъ зерна перемоломъ его на муку и изготовленіемъ хлѣба. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ. Продолжительность же стоянки корпуса подъ Плевной неизвѣстна и можетъ случиться въ одинъ недобрый день, что ни хлѣба, ни сухарей не будетъ. Общее складочное мѣсто зерна и муки назначено въ Радомірцахъ, гдѣ изготовляются печи въ большомъ количествѣ.

28-го Октября, пятница.

Нашу дивизію ставятъ на квартиры. Каждому офицеру гвардейской кавалеріи назначено селеніе, гдѣ онъ поселяется, отыскиваетъ зерно и муку, гдѣ есть мельницы—перемоловываетъ, и на подводахъ перевозитъ въ Радомірцы. Все это зерно и подводы берутся у болгаръ, гдѣ добровольно, гдѣ принужденіемъ, за что они получаютъ простыя росписки отъ офицеровъ съ обозначеніемъ сколько у нихъ взято. Болгары должны съ этими росписками явиться въ Дольній-Дубнякъ, главную квартиру отряда, гдѣ они и должны получить слѣдуемыя имъ деньги.

Офицеры съ замѣчательнымъ рвеніемъ взялись за это дѣло и сборъ идетъ весьма успѣшно.

Я завѣдую сборомъ и перемоломъ въ самой Махалетѣ. День и ночь лейбъ-гусары работаютъ на трехъ мельницахъ. Сегодня я отправилъ транспортъ въ 15 подводъ муки въ Радомірцы. Однимъ словомъ, мы обратились въ интендантовъ и мельниковъ. Когда подумаешь, чѣмъ только офицеръ не перебываетъ на свою службу?

30-го Октября, воскресенье.

Вчера вечеромъ получено извѣстіе о взятіи Врацы. Конно-Гренадеры особенно отличились, порубивъ порядочно турокъ.

У насъ идетъ все та-же усиленная дѣятельность по сбору провіанта. Но вотъ какое грустное обстоятельство отымаетъ у насъ всю энергію. Росписки, которыя приказано было намъ выдавать болгарамъ съ обозначеніемъ того, что мы у нихъ взали, признаны недѣйствительными, такъ какъ они не засвидѣтельствованы полковыми командирами и казенною печатью.

Славно! Во-первыхъ намъ объ засвидѣтельствованіи ничего не было раньше сказано, во-вторыхъ, раіонъ полка, занимающагося сборами про-

віанта, раскинутъ на 30 верстъ. Извольте-ка каждую росписку посылать засвидѣтельствовать въ Махалету и найти такое количество посыльныхъ. Во всякомъ же случаѣ это нужно было предупредить раньше.

А то, что-же вышло? Недѣйствительныя наши росписки розданы въ массѣ населенію. Бѣдные болгары, у которыхъ забрали послѣдній насушный хлѣбъ, изъ далека приходятъ въ Дольній-Дубнякъ за полученіемъ денегъ, а ихъ оттуда гонятъ, говоря, что какой-то клочекъ бумаги, подписанный офицеромъ, ничего не стоитъ. Славное довѣріе гвардейскому офицеру! славное положеніе, въ которое его поставили! Если нѣтъ довѣрія на безконтрольный расходъ этихъ росписокъ, такъ не давай такія порученія. Пришли для этого интендантовъ, это ихъ спеціальность, и имъ вѣдь больше вѣрятъ. Мошенническое выдаваніе росписокъ—это ужъ такъ низко, и такъ сложно и утонченно придумано, что трудно и понять-то. И какую тутъ можно извлечь выгоду? А мы-то стараемся, круглый день хлопочемъ, какъ угорѣлые и въ благодарность за дѣло, вовсе намъ постороннее, не офицерское, насъ награждаютъ темными сомнѣніями. Но Богъ съ ними. Главная непріятность состоитъ въ томъ, что совѣстно выдти на улицу, гдѣ меня обступаютъ десятки болгаръ съ моими-же росписками и съ упреками самаго обиднаго свойства.

— Ты, говорятъ, насъ надулъ, обманулъ, денегъ не заплатилъ, а выдалъ какія-то дрянныя бумажки. Насъ съ ними прогнали. Это безсовѣстно, дай намъ денегъ и т. д.

Имъ стараешься втолковать, что нужно приложить печать и они тогда деньги по роспискамъ получатъ, а они отвѣчаютъ:

— Нѣтъ, разъ обманулъ, другой разъ не поймаешь....

Гораздо было-бы проще въ Радомірцы послать какого-нибудь интенданта съ деньгами, который принимая, транспортъ муки, свѣсилъ-бы ее и заплатилъ сдатчику стоимость по назначенной цѣнѣ. Получивъ эти деньги отправитель транспорта и расплатился-бы съ болгарами. Тогда и насъ-бы очистили передъ болгарами и болгаръ-бы успокоили.

1-го Ноября, вторникъ.

Оссикова занято лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ. Гвардія на дняхъ выступаетъ вся на Софію. 2-я гвардейская пѣхотная дивизія уже выступила сегодня; 1-я дивизія выступаетъ 3-го числа, генералъ Гурко—4-го.

Командующій дивизіею, генералъ Леоновъ, получилъ Георгіевскій крестъ за взятіе Врацы и вернулся съ полковникомъ Бунаковымъ оттуда обратно. Онъ сегодня-же поѣхалъ въ главную квартиру отряда за приказаніями. Во Врацѣ найдены огромные запасы провіанта и фуража.

3-го Ноября, четвергъ.

Слава Богу, хлопоты и непріятности по сбору фуража сегодня совсѣмъ кончаются. Вслѣдствіе настояніи командира лейбъ-Гусарскаго полка, полковника Мейендорфа, интендантъ нашей дивизіи присланъ съ деньгами расплатиться съ болгарами. Но, мнѣ кажется, что теперь ужъ поздно, такъ какъ мы завтра выступаемъ отсюда. Кто укажетъ интенданту болгаръ, у которыхъ забранъ провіантъ? Какая возможность повѣрить офицеровъ, когда ихъ нѣтъ? А безъ этого болгары ничего не получатъ.

4-го Ноября, пятница.

Сегодня мы съ удовольствіемъ выходимъ изъ Махалеты. На наше мѣсто сюда прибыла бригада рошіоровъ съ румынскою конною батареею и Харьковскій уланскій полкъ съ № 8 конною батареею. Они завтра-же идутъ брать Рахово. Кромѣ нихъ въ атакѣ примутъ участіе шесть румынскихъ батальоновъ съ тремя пѣшими батареями.

Рошіоры—это румынская гвардейская кавалерія. Собственно говоря, это ихъ единственная регулярная кавалерія. Офицеры, изъ отборнаго румынскаго общества, сидятъ на отличныхъ лошадяхъ. Солдаты—народъ видный, красивый: Les rochiors sont les hussards de la garde en Romanie, объяснялъ мнѣ одинъ офицеръ. Мы уже были готовы къ выступленію, когда всѣ офицеры бригады рошіоровъ, съ хоромъ музыки пріѣхали проводить насъ. Это было очень мило съ ихъ стороны и мы наговорили другъ другу кучу любезностей. Мало того, офицеры насъ проводили за версту за Махалету и чтобъ имъ отплатить любезностью-же, мы прошли передъ ними церемоніальнымъ маршемъ и простились, посылая другъ другу лучшія пожеланія.

Сегодня путь нашъ былъ намъ знакомъ. Мы шли чрезъ Горный-Дубнякъ, Телишъ, караулку на Радомірцы. Мы шли и вспоминали обстоятельства нашихъ сраженій. По дорогѣ мы заѣзжали въ непріятельскіе редуты, такъ сказать, еще разъ, а, можетъ быть, въ послѣдній разъ, посмотрѣть на нихъ. По всей дорогѣ вплоть до Радомірцъ намъ попадались ложементы съ кучками патроновъ на днѣ ихъ. Особенно много встрѣчали мы турецкихъ свѣжихъ могилъ, иногда цѣлыми десятками. Это радовало насъ, такъ какъ удостовѣряло, что и турки порядочно потеряли подъ Плевной и въ славныхъ ея окрестностяхъ.

Радомірцы, это цѣлый укрѣпленный лагерь съ рядами великолѣпныхъ позицій, усиленныхъ редутами и батареями. Оставалось только удивляться, какъ турки не попытались задержать насъ здѣсь и такъ легко уступили такую сильную позицію. Мы бивуакируемъ въ Радомірцахъ.

5-го Ноября, суббота.

Въ 10 часовъ утра мы выступили далѣе по софійскому шоссе. Вскорѣ мы наткнулись на 1-ю гв. пѣхотную дивизію. Ничего не можетъ быть хуже въ походѣ, какъ кавалеріи идти за пѣхотою. Всю дорогу кавалерія тычется, оттягиваетъ, опять тычется. Сегодня весь пѣхотный переходъ, вплоть до Босничева, до вечера, мы верхами шли со скоростью пѣшаго человѣка; намъ-же нужно было прійти на ночь въ Яблоницу. Уже темнѣло, когда пѣхота свернула съ дороги у дер. Босничево и очистила намъ путь. Только тогда мы пошли своимъ естественнымъ шагомъ.

Дорога становится съ каждымъ шагомъ гористѣе и живописнѣе: горы ближе подходятъ къ дорогѣ, образуя красивыя лощинки, пересѣкающія шоссе, съ быстро текущими ручейками. Вдали, въ глубинѣ этихъ лощинъ, направо и налѣво отъ шоссе, виднѣются селенія, утопающія въ лиственной растительности. Кое-когда, въ сторонѣ, стали попадаться и крупныя вершинки куполообразной формы или въ видѣ скалы. Очевидно, мы въ отрогахъ Балканъ. Въ селеніяхъ, брошенныхъ жителями-помаками, т. е. болгарами-мусульманами, насъ поражало огромное количество труповъ дохлыхъ собакъ, обожравшихся падалью, или убитыхъ острымъ оружіемъ. Кромѣ того вся дорога была усѣяна павшими волами, лошадьми и турецкими могилами.

Съ наступленіемъ темноты морозъ сталъ сильнѣе, дорога подмерзла и гололедица стала нестерпима. Лошади съ трудомъ везли даже на небольшую гору. Къ полуночи, при полномъ лунномъ свѣтѣ, мы прибыли въ Яблоницу и стали измученные на бивуакъ. Пропусти насъ впередъ пѣхоты и мы-бы прибыли сюда еще засвѣтло.

6-го Ноября, вослресенье.

Сегодня праздникъ л.-тв. Московскаго и л.-гусарскаго полковъ.

5-я гвард. конная батарея, неразлучная, какъ въ бою, такъ и въ походахъ съ лейбъ-гусарами, сжилась съ этимъ полкомъ такъ, какъ можно сжиться только на войнѣ. Мы зовемъ лейбъ-гусаръ „нашимъ полкомъ“, лейбъ-гусары зовутъ насъ „своею батареею“. Само собою разумѣется, что ихъ праздникъ былъ и для насъ праздникомъ и потому съ ранняго утра мы были у нихъ въ гостяхъ и провели цѣлый день вмѣстѣ.

На довольно ровной площадкѣ въ Яблоницкомъ ущельи, полкъ былъ выстроенъ въ полномъ составѣ и поджидалъ начальника отряда генерала Гурко, стараго лейбъ-гусара, начавшаго службу въ этомъ полку. Вскорѣ прибылъ и начальникъ отряда, объѣхалъ полкъ, поздравилъ съ праздникомъ. Послѣ молебствія генералъ Гурко своимъ внятнымъ, звучнымъ голосомъ произнесъ рѣчь полку, закончивъ ее такими словами:

— Желаю вамъ вернуться большинству на родину, но не всѣмъ, потому что это будетъ значить, что вы въ дѣлѣ не бывали.

Довольствуясь самой скромной боевой обстановкой, болгарскимъ краснымъ виномъ, также беззаботно, весело, провели мы праздникъ, какъ и въ мирное, спокойное время въ Петербургѣ.

Полковникъ Паренцовъ, съ ординарцемъ генерала Гурко, княземъ Цертелевымъ и пятьюдесятью Осетинами Кавказской бригады, отправились сегодня на рекогносцировку обходнаго пути за Балканы. Отъ этой рекогносцировки зависитъ рѣшеніе: атаковать турокъ въ ихъ позиціяхъ, или взять Балканы обходомъ.

7-го Ноября, понедѣльникъ.

Генералъ Гурко собралъ сегодня къ себѣ начальниковъ частей. Говорятъ, что онъ недоволенъ, дошедшими до него слухами...

. . . .

Въ главную квартиру послано просить разрѣшеніе взять Орханію.

Рекогносцировка, произведенная полковникомъ Паренцовымъ, показала, что только первоначально, верстъ на тридцать, имѣется въ обходъ дорога, которая вдругъ прекращается и упирается въ перевалъ. Подъемъ на этотъ перевалъ немыслимъ, не только что для артиллеріи, но и для кавалеріи. Они пробовали подняться на перевалъ съ другой стороны, по вьючной дорогѣ, но и этотъ путь оказался невозможнымъ для артиллеріи.

Въ довершеніе-же всего, они наткнулись на турецкую сторожевую цѣпь, которая открыла по нимъ огонь. Турки вездѣ бдительно сторожатъ.

Отъ болгаръ свѣдѣній трудно добиться потому, что они сами ничего существеннаго не знаютъ; они показываютъ, что турки сильно перепугались послѣ взятія-Горнаго Дубняка и Телиша и поспѣшно заняли перевалы. Жители-же бѣжали, какъ изъ Орханіи, такъ и изъ Этрополя— въ Софію.

Сегодня получено радостное извѣстіе о взятіи Карса штурмомъ. Радость всеобщая!

8-го Ноября, вторникъ.

Утромъ у насъ двойной молебенъ: по случаю взятія Карса и праздника нашей батареи. На праздникѣ у насъ, кромѣ нашихъ артиллеристовъ, конечно,—лейбъ-гусары.

Настало отрадное время кампаніи. Что ни новость, то побѣда русскаго оружія. Одна бѣда, мы только что разошлись, какъ наступаютъ морозы и глубокая зима. Какъ бы это намъ не помѣшало. Удивительно, что подъ Плевной ничего важнаго не происходитъ. Неужели Османъ еще долго продержится?

Чрезъ болгаръ узнано, что изъ Константинополя пріѣзжалъ къ Шефкету-пашѣ зять султана Кассимъ-паша осмотрѣть позиціи, остался

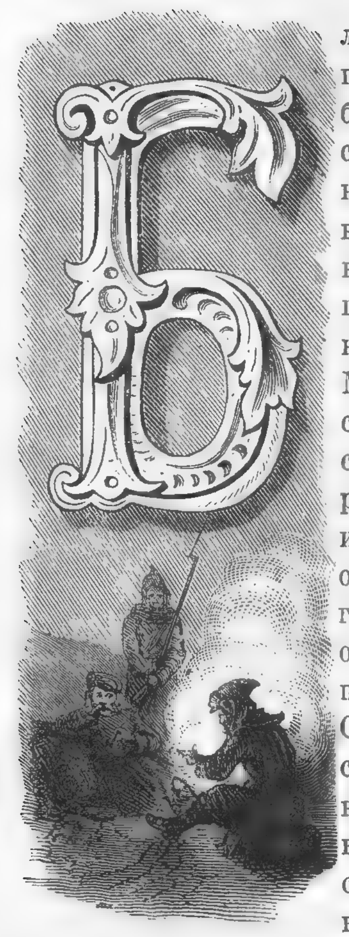
недоволенъ и смѣнилъ Шефкета. Въ Орханію назначенъ командовать Шакиръ-паша. Турки сильно побаиваются нашего генерала Гурко, прозвавъ его Гяурко-пашей. Предполагаютъ, что въ горахъ противъ насъ не болѣе 25-ти таборовъ пѣхоты. Ближайшая къ намъ позиція у селенія Правицы, въ ущельи. Правица узелъ двухъ дорогъ на Орханію и Етрополь. Какъ Орханія, такъ и Этрополь укрѣплены и заняты турками. Кромѣ того въ Златинъ, по ту сторону Балканъ, имѣется значительный турецкій отрядъ.

М. Ч.

(Продолженіе см. въ концѣ).

ОКОЛО ШИБКИ.

Воспоминанія.



лагополучно возвратившись изъ-за Балканскаго похода (въ началѣ августа) и захвативъ съ собою сильнѣйшую лихорадку, я кое-какъ доплелся съ батареею до Присова *). Совсѣмъ обезсиленный долгими и частыми пароксизмами, я лежалъ въ палаткѣ сутокъ по-двое, по-трое, безъ движенія, какъ говорится, пластъ-пластомъ. Иногда пароксизмы бывали по пяти сутокъ къ ряду. Хининъ я принималъ тогда по 40 гранъ въ пріемъ. Между тѣмъ батарея передвинулась изъ Присова въ Тырново, на поправку, и это обстоятельство позволило мнѣ перейти на квартиру въ городъ. Госпиталя всѣ переполнены были больными и ранеными изъ-подъ Ловчи и Шибки, да и не особенно-то хотѣлось лежать въ такія минуты въ госпиталѣ. Помню, какъ однажды совершенно обезсиленный я былъ отвезенъ въ Самоводы, (куда перевели тогда № 62 военный госпиталь). Докторъ С., съ которымъ я пріѣхалъ, оставивъ меня въ солдатскомъ шатрѣ, куда-то скрылся. Я лежалъ на землѣ безъ чувствъ до прихода старшаго доктора З......а, который обойдя больныхъ, наткнулся и на меня. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ отнести меня въ офицерскій шатеръ и осмотрѣвъ вечеромъ, объявилъ мнѣ, что у меня „тифоида“. На другой день часамъ къ 12-ти мнѣ стало гораздо лучше и я могъ разговаривать съ сосѣдомъ моимъ, капитаномъ Сѣвскаго полка — Вроцкимъ. Бѣдняга еле-еле оправился отъ болѣзни (у него была диссентерія) и уже торопился „домой“, т. е. въ полкъ, который стоялъ тогда въ Еленѣ.

---

*) Въ 4-хъ верстахъ отъ Тырнова.

Противъ насъ лежалъ въ сильномъ тифѣ офицеръ драгунскаго полка, бредившій всю ночь. Вѣрный „Личарда"—деньщикъ его не покидалъ ни на минуту! На другомъ концѣ другой кавалеристъ, раненый пулей въ грудь, медленно умиралъ, оплакиваемый сестрою милосердія!.. Такъ заботливо ухаживать можетъ только мать за роднымъ сыномъ, какъ ухаживала за больнымъ эта добрая душа... Кстати, я долженъ сказать, что дѣятельность сестеръ-милосердія въ эту кампанію, насколько я могу судить по моимъ личнымъ наблюденіямъ, достойна удивленія и глубокаго, искренняго уваженія. Всякій, если въ немъ есть хоть капля справедливости, кому довелось видѣть и по пользоваться ихъ попеченіемъ, раздѣлить со мной это убѣжденіе. Дѣятельность ихъ не эффектна; о нихъ не пишутъ въ реляціяхъ; ихъ скромныя имена едва-ли извѣстны были массѣ русской публики, жадно глотавшей телеграммы о громкихъ побѣдахъ... но десятки тысячъ русскихъ людей, обязанныхъ жизнію истинно-материнскимъ заботамъ этихъ женщинъ, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ объ ихъ подвигахъ геройскаго самопожертвованія! Этими русскими женщинами справедливо можетъ гордиться наша родина.

Горько жалуясь на судьбу свою я убѣдительно просилъ Вроцкаго захватить меня съ собою, не, оставлять въ госпиталѣ, гдѣ пожалуй придется умереть отъ тифа. „Ужъ если суждено умереть, такъ лучше умирать въ полѣ! говорилъ я ему. Видимо тронутый, Вроцкій смотрѣлъ однако на меня, какъ на человѣка, дни котораго уже сочтены,—до такой степени я измѣнился въ короткое время, и такъ несообразно было мое желаніе съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ я находился.

Къ вечеру мнѣ опять стало хуже и я всю ночь прометался въ какой-то агоніи. Казалось, мнѣ не хватало воздуха; что-то тяжелое навалилось на голову и давило меня; я чувствовалъ, что все горитъ на мнѣ. Подъ утро я выползъ изъ шатра...

Разсвѣтало. Я прилегъ на траву и немного забылся. Орудійный выстрѣлъ, прогремѣвшій гдѣ-то, заставилъ меня вздрогнуть... я приподнялся и сталъ прислушиваться. За первымъ вскорѣ послѣдовалъ другой, третій—ясно слышалась канонада. Судя по отчетливо-слышнымъ выстрѣламъ, можно было смѣло заключить, что въ 10 — 12 верстахъ началось дѣло. Направленіе, по которому доносился звукъ, заставляло предполагать, что наша батарея вступаетъ въ бой. Внезапно ко мнѣ возвратилась вся энергія силъ. Войдя въ шатеръ, и, одѣвшись на-скоро, я разбудилъ Вроцкаго.

— Ѣдемте, голубчикъ, верстахъ въ 10 идетъ бой и, кажется, наша батарея вступила въ дѣло!

Вроцкій подозрительно посмотрѣлъ на меня, но видя мою полную готовность уходить, всталъ и вышелъ вмѣстѣ со мною изъ шатра. Прислушавшись къ звуку выстрѣловъ, онъ сталъ утѣшать меня, что я на-

прасно тревожусь, что это очень далеко, „въ Рущукѣ или вообще въ арміи Наслѣдника“, но разувѣрить меня было не такъ-то легко.

Канонада усиливалась и я, не вытерпѣвъ, отправился пѣшкомъ въ Самоводы, въ надеждѣ отыскать и упросить старшаго доктора отправить меня къ батареѣ. Я не зналъ его квартиры. Путаясь по кривымъ улицамъ и распрашивая сонныхъ болгаръ, я наконецъ наткнулся на младшаго врача, который было согласился на мою просьбу отправить меня. Остановка была за подводой.

— Вы немного подождите, капитанъ, скоро придетъ старшій докторъ и я увѣренъ, что онъ не задержитъ васъ ни минуты.

Воротившись въ шатеръ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода доктора. Въ 9-мъ часу пришелъ З—чь и усмѣхнулся, когда я заявилъ ему о своемъ намѣреніи. Пощупавъ пульсъ, и, видя мою настойчивость, З—чь сталъ отговариваться тѣмъ, что не было ни одной повозки.

— Я пойду пѣшкомъ, тутъ недалеко, верстъ десять всего!—Дѣйствительно, я чувствовалъ себя въ ту минуту способнымъ пройдти такое разстояніе.

— Вижу, что вамъ теперь немного лучше,—сказалъ мнѣ серьозно, почти сердито, З—чь, — но это не нормальное состояніе! Повѣрьте мнѣ: завтра васъ привезутъ сюда опять и вы можете жестоко поплатиться за такой ребяческій, необдуманный поступокъ!

Этотъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такимъ искреннимъ желаніемъ мнѣ добра, что слова его тронули меня и я готовъ былъ остаться, но... въ этотъ моментъ подъѣзжала чья-то офицерская повозка, отъѣзжавшая въ Тырново и я, крѣпко пожавъ руку З—ча,—рѣшительно объявилъ, что не смотря ни на какія послѣдствія, ѣду къ батареѣ. Докторъ пожалъ плечами и мы разстались. Я захватилъ съ собой и Вроцкаго.

Разумѣется, батарею я нашелъ тамъ-же, гдѣ и оставилъ. Канонада ясно слышанная мною на зарѣ, какъ впослѣдствіи оказалось, была въ Кезровѣ, верстахъ 40 отъ Тырнова; но этотъ случай избавилъ меня дней на пять отъ лихорадки, а можетъ быть и отъ госпитальнаго тифа.

Въ тотъ-же день Вроцкій уѣхалъ въ Елену, раза два выразивъ желаніе, чтобы наша батарея скорѣе присоединилась къ Сѣвскому полку.

— Приходите скорѣй съ батареею, заживемъ по старому. Помните, какъ за Балканами? Съ вами и въ дѣло весело идти!

Прошелъ мѣсяцъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября турки закопошились. На всей линіи, или лучше сказать во всѣхъ ея соприкасающихся съ непріятелемъ точкахъ, замѣтно было, со стороны непріятеля, наступательный или демонстративный характеръ дѣйствій. Батарея наша изъ Габрова вызвана

въ Елену. Мы очень довольны были этому назначенію и рады были встрѣтиться съ нашими старыми пріятелями.

Проводивъ батарею до Присова, я завернулъ въ Тырново за жалованьемъ и другими деньгами, которыя слѣдовало получить батареѣ. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что успѣю догнать ее на пути слѣдованія въ Елену, но.... l'homme propose et Dieu dispose! Казначеевъ въ Тырново собралось гораздо болѣе, нежели имѣлось тогда въ казначействѣ наличныхъ полуимперіаловъ. Ждали денегъ и въ этомъ ожиданіи прошло дня два или три.

Передъ отъѣздомъ я явился къ начальнику нашей дивизіи. Князь былъ боленъ. Страшная лихорадка измѣнила его такъ, что трудно было узнать... Онъ только что вернулся съ Шибки. Отъ него я узналъ, что и Орловскій полкъ „по всей вѣроятности“, будетъ присоединенъ къ Еленинскому отряду, а, какъ резервъ, и 4-я стрѣлковая бригада. Легко можно было вывести изъ этого заключеніе, что или Елененская позиція не ладна, или ожидается наступленіе. Я поскромничалъ и не рѣшился высказать свою мысль.

О бригадномъ генералѣ Домбровскомъ, назначенномъ послѣ ген.-м. Борейши князь отзывался прекрасно; отрядъ усиливается отличными гостями; казалось, все обстоитъ благополучно,— но нельзя было не замѣтить, что князь чѣмъ-то былъ озабоченъ и торопился ѣхать въ Елену.

Прощаясь, я спросилъ князя о Щепанскомъ.

— Онъ кажется по окончаніи войны пріѣдетъ! шутливо уже замѣтилъ князь.

Пусть не посѣтуетъ на меня читатель, если я посвящу нѣсколько словъ памяти покойнаго Щепанскаго. Мнѣ вообще дорого воспоминаніе о моихъ бывшихъ боевыхъ товарищахъ, о которыхъ я считаю священною обязанностію заявить при всякомъ удобномъ случаѣ. Многихъ изъ васъ не стало, мои дорогіе друзья! Миръ праху вашему, честные герои-мученики! Грудью своею пролагали вы путь къ славѣ нашей дорогой родины! По могиламъ вашимъ мы шли впередъ, и, изнуренные тяжелой борьбой съ врагомъ и природой, ободряли себя дорогимъ, вѣчно свѣжимъ воспоминаніемъ о вашихъ геройскихъ подвигахъ, о вашей завидной смерти!

Капитанъ Щепанскій служилъ на Кавказѣ въ 77-мъ Тенгинскомъ полку. Въ бытность мою, полкомъ этимъ командовалъ князь Святополкъ-Мирскій 2-й, принявши командованіе отъ А. А. Бажанова. Кавказская война, упрочивъ славу полка, выдвинула изъ него много героевъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Кто изъ кавказцевъ не помнитъ Данибекова? Кому изъ русскихъ людей не извѣстно имя безсмертнаго рядового Ар-

хипа Осипова? Дѣти полка, выросшіе на славной почвѣ, были только предшественниками послѣдующихъ героевъ!

Щепанскій въ мое время командовалъ партизанскою командою Тенгинскаго полка; съ нею онъ стоялъ въ Галашкахъ. Лучшаго назначенія нельзя было и выдумать для Щепанскаго! Онъ, казалось, созданъ былъ для такой жизни. Замѣчательный охотникъ,—онъ зналъ превосходно не только мѣстность гдѣ стоялъ, но каждую тропинку. Зоркій глазъ, чуткое ухо, неутомимыя ноги и громаднѣйшій голосъ, — дѣлали его по истинѣ «лѣснымъ царемъ». Такъ его мы и называли! Для сторожевой службы Щепанскій былъ драгоцѣнность и, надо правду сказать, что командиръ полка умѣлъ оцѣнить его.

Мнѣ случалось бывать съ нимъ на охотѣ и онъ изумлялъ меня своею неутомимостію! Подняться изъ трущобы на верхушку горы—въ нѣсколько минутъ,—для него было дѣломъ обыкновеннымъ. Часто, разставивъ насъ по хребту на такой высотѣ, что внизу подъ ногами, кромѣ моря облаковъ, мы ничего не видимъ,—Щепанскій скрывался отъ насъ, „проваливался“ въ эту бездну со своими партизанами и собаками, а черезъ какихъ нибудь полчаса—уже раздавался его могучій голосъ, отъ котораго волоса становились дыбомъ и испуганный звѣрь стремглавъ несся на вершину горъ! Такимъ же онъ былъ и въ дѣлѣ. Малая война была его сфера! Въ обыкновенной жизни это былъ очень добрый и симпатичный человѣкъ. Въ веселой компаніи онъ былъ не прочь выпить и посмѣяться. А смѣялся онъ замѣчательно. Широкоплечій гигантъ обладалъ, какъ видно, замѣчательными легкими. Въ искуствѣ стрѣлять не было соперниковъ у „партизановъ“, а самъ начальникъ стрѣлялъ съ лошади въ летъ фазановъ.

Были-ли родные у Щепанскаго—мнѣ неизвѣстно. Случайно, впослѣдствіи, довелось слышать, что гдѣ-то въ Варшавѣ воспитывался въ гимназіи одинъ изъ его родственниковъ, которому Щепанскій помогалъ своими скудными средствами.

Мнѣ неизвѣстно также, какія причины впослѣдствіи побудили его перейти въ Забайкальскій край, но можно догадаться, что человѣкъ, привыкшій къ боей жизни, скучалъ и искалъ сколько нибудь подходящей себѣ дѣятельности. Во время мобилизаціи въ 1876 г. Щепанскій, почуявъ войну, просилъ письменно своего бывшаго командира князя Н. И. Святополкъ-Мирскаго ходатайствовать о переводѣ его въ 9-ю дивизію. Но пока шла переписка, пока ѣхалъ Щепанскій, — скоро-ли на почтовыхъ проѣдешь 11-ть тысячъ верстъ,—прошелъ ровно годъ. Орловскій полкъ, въ который зачисленъ былъ Щепанскій, успѣлъ не разъ побывать въ дѣлѣ и прославить себя славною обороною Шибкинскаго перевала,—о Щепанскомъ все не было никакого слуху. Еще-бы мѣсяцъ и слова князя оправдались...

Пріѣхавъ въ Елену, явившись и сдавъ деньги батарейному командиру, я въ тотъ же день вечеромъ отправился на Маренскую позицію.

На возвышенномъ плато, которое угломъ вдается въ долину р. Марены, подъ тѣнію высокихъ столѣтнихъ чинаровъ,—расположились уютно землянки передоваго Маренскаго отряда. Длинныя съ двухъ-скатною крышею, старательно обложенныя дерномъ снаружи, — землянки нижнихъ чиновъ Сѣвскаго полка были настолько просторны внутри, что легко вмѣщали роту—каждая. На правомъ флангѣ помѣщался бивуакъ драгунскаго полка. Коновязи и землянки этого бивуака были въ живописномъ безпорядкѣ и представляли лабиринтъ, изъ котораго простой смертный, непосвященный въ тайну его устройства, — пожалуй не скоро и выйдетъ. При устройствѣ этого бивуака руководствовались, какъ видно, группировкою деревьевъ, между которыми драгуны мастерски устроили отличныя конюшни, защищавшія лошадей отъ всевозможныхъ перемѣнъ погоды.

Впереди этого оригинальнаго городка стояли здѣсь и тамъ офицерскія землянки, между которыми подъ деревьями привязаны были лошади, ослы и мулы. Мѣстами: стоянки соломы и сѣна, повозки, кухни—довершали картину кочевой жизни. Надъ обрывомъ, поросшимъ лѣсомъ, впереди и противу середины бивуака паркомъ выстроилась полубатарея 4 ф. орудій.

На самомъ лѣвомъ флангѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ бивуака, выстроены были двѣ батарейки на два орудія каждая. Одна изъ нихъ занимала какъ разъ выдающійся уголъ, „мысокъ". Орудія ставились туда въ случаѣ надобности.

На правомъ флангѣ устроена была батарейка для 2-хъ орудій коннаго взвода. Орудія этого взвода постоянно и стояли на этой батарейкѣ. Находясь на возвышенномъ пунктѣ, и, имѣя хорошій обстрѣлъ,—эта батарейка служила отличнымъ наблюдательнымъ постомъ. Отсюда видна была цѣпь нашихъ пикетовъ, (лѣвый флангъ этой цѣпи,) противуположный (турецкій) берегъ долины р. Махрепки и „Лысая" гора, на которой собирались турецкіе сторожевые посты. У орудій, кромѣ часоваго, всегда находился дежурный артиллеристъ—наводчикъ, вооруженный биноклемъ. Его обязанность была зорко слѣдить за всякимъ движеніемъ турокъ на противуположныхъ горахъ и о чрезвычайномъ давать знать отряду.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ на позицію, въ моей землянкѣ собралось столько народа, что не только сидѣть,—стоять было негдѣ. Разумѣется, было весело! Кому изъ бывавшихъ въ дѣлахъ неизвѣстно то радостное чувство, которое является при встрѣчѣ со своими боевыми товарищами! Вспоминали старину (забалканскій походъ былъ уже старина!), явилась на столъ бутылка-другая вина и вслѣдъ за тѣмъ кто-то, увлеченный воспоминаніемъ, затянулъ пѣсенку, которую мы пѣли наканунѣ движенія къ Іени-Загрѣ.

Онъ былъ откровеннымъ
И часто намъ пѣлъ,
Что въ дѣлѣ военномъ
„Собаку, молъ, съѣлъ“
А ктожъ его знаетъ?
(Быть можетъ и вретъ?!)

и, по мѣрѣ того, какъ пѣлись эти строки, улыбка на лицахъ присутствующихъ росла все болѣе и болѣе, и вотъ вся компанія дружно и весело хоромъ заключила куплетъ:

Бодливой коровѣ
Богъ рогъ не даетъ!

Пришелъ подполковникъ Улагай.

— Слышу, слышу что пріѣхалъ! Наконецъ-то! согнувшись влѣзая въ землянку и заключая меня въ свои мощныя объятія, говорилъ Улагай.

Командиръ 1-го батальона Сѣвскаго полка, подполковникъ Улагай, безспорно одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ полка, былъ всеобщимъ любимцемъ отряда. Крымскій татаринъ-князь по происхожденію, онъ мало того что былъ самъ храбръ, умѣлъ увлекать другихъ своею храбростію, солдаты чуть не молились на него *).

Это былъ истинный „джигитъ“, никогда не унывавшій, находчивый и энергичный! Обладая прекраснымъ сердцемъ, онъ бывало съ восторгомъ, даже съ завистію говорилъ о славной смерти убитаго въ бою товарища, честно и свято исполнившаго долгъ. И понятно! для него самаго никогда не было «неудобоисполнимыхъ» приказаній!

Сѣвскій полкъ можетъ справедливо гордиться имъ и было-бы непростительно, со стороны его товарищей, не собрать о его жизни свѣденій, которыя могли бы служить хотя краткой біографіи этого героя.

Познакомившись на другой день съ новыми товарищами по отряду, мы тотчасъ-же рѣшили устроить небольшую экскурсію, чтобы воспользоваться фуражемъ, находившимся почти подъ носомъ у турокъ. Дѣло не обошлось безъ перестрѣлки, однако мы достигли своей цѣли и раза два повторили свои экскурсіи. Мы порывались устроить и рекогносцировку, которая была необходима, тѣмъ болѣе, что точныхъ свѣденій о количествѣ непріятеля, находившагося противу насъ, мы, по правдѣ сказать,—не имѣли.

Доходили до насъ слухи, что 3-го ноября въ Ахметли (верстъ 19-ть отъ Марены) былъ совѣтъ у турокъ, на которомъ участвовало четверо па-

*) Однажды нарвавшись на адскій огонь онъ ни за что не хотѣлъ слѣсть съ лошади:
— Есть когда тутъ слѣзать да влѣзать, говорилъ онъ сердито своимъ товарищамъ и, неожиданно обратившись къ солдатамъ, крикнулъ: „А вы чего курятники-то раскрыли?! Впередъ!“ И вслѣдъ за дружнымъ «ура» молодецъ-командиръ ворвался съ батальономъ въ турецкіе ложементы.

шей (Сулейманъ-паша, Фуадъ-паша, Іорданъ-паша, а 4-го не знаю). Слухъ этотъ подтверждался тѣмъ обстоятельствомъ, что 4-го числа человѣкъ 50 всадниковъ, большею частію на бѣлыхъ лошадяхъ, въ сопровожденіи пѣхоты, показались на противуположныхъ высотахъ и очевидно дѣлали рекогносцировку, обозрѣвая съ возвышенныхъ пунктовъ нашу позицію. День былъ ясный и въ бинокль отлично было видно все, происходившее на турецкой позиціи. Всадники постояли, посмотрѣли и послѣ залпа изъ двухъ орудій коннаго взвода, (снаряды котораго дали большой недолетъ)—преспокойно удалились. Между всадниками одинъ былъ въ блестящемъ мундирѣ *). Если ко всему этому прибавить сообщеніе изъ главной квартиры, о движеніи въ нашу сторону значительныхъ силъ, то вполнѣ будетъ понятно, что слухи о событіи въ Ахметли имѣли большое основаніе.

Больше всего безпокоился за судьбу отряда полковникъ Жиржинскій. Онъ положительно не спалъ ночей.

— Вотъ вы увидите, что турки сдѣлаютъ нападеніе на Марену, говаривалъ онъ мнѣ часто, когда я, подъ вліяніемъ общаго настроенія и блаженнаго невѣденія, начиналъ увѣрять его, что турокъ противъ насъ нѣтъ и что слѣдуетъ только сдѣлать хорошую рекогносцировку, чтобы убѣдиться въ этомъ. Больше всего онъ боялся за лѣвый флангъ, какъ за самый слабый пунктъ нашей позиціи **). Противу лѣваго фланга нашей позиціи, саженяхъ въ 800—1000 отъ „мыска“ лежала высота, командовавшая нашей позиціей. Она называлась „Зеленая горка“. Слѣдующая за ней высота былв въ 2000 саж. отъ позиціи и называлась „Черкеской горкой“. (Она командовала „Зеленой горкой“ и слѣд. нашей позиціей).

---

13 ноября въ Елену долженъ былъ вступить Орловскій полкъ, но вступилъ только одинъ батальонъ его.

Того же числа было нападеніе турокъ на Миновцы и Игнатовцы, (на правомъ флангѣ, впереди и правѣе Новочекъ верстахъ 8—10) тысячъ пять ихъ, по словамъ болгаръ, считая съ кавалеріей, сожгли эти деревни, задавъ страху драгунскому посту, (стоявшему въ Буйловцахъ), который вслѣдствіи этого очутился на Хайнбугазѣ.

Посланный кавалерійскій разъѣздъ подъ командою поручика Леонтовича подтвердилъ отчасти свѣденія, доставленыя болгарами. Движеніе

*) Впослѣдствіи оказалось, что это былъ Сулейманъ-паша.

**) По разбросанности своей и по тому обстоятельству, что противуположный непріятельскій берегъ должны командовать этой позиціею—она не выдержала ни малѣйшей критики въ тактическомъ отношеніи. Какъ передовая позиція, она защищала г. Елену отъ нечаяннаго нападенія—и между Еленой и Мареной была лучшая—въ этомъ и все ея удобство и достоинство.

*

войскъ отъ Старорѣкъ по горамъ къ Беброву замѣчено было и въ Новочкахъ...

Посланъ былъ лазутчикомъ болгаринъ Саранди и онъ привезъ вскорѣ свѣденія, которыя всѣхъ сбили съ толку.

Саранди увѣрялъ, что онъ ѣздилъ и въ Беброво и въ Ахметли и Старо-Рѣки. Въ Бебровѣ и Ахметли, по его словамъ, было не болѣе 1800 челов. башибузуковъ и арнаутовъ при 4 орудіяхъ горныхъ. Въ Старо-Рѣкахъ нѣтъ никого.

Онъ клялся, что это правда и въ доказательство предлагалъ слѣдующее: пусть съ нимъ ѣдетъ офицеръ при двухъ или трехъ человѣкъ нижнихъ чиновъ. Онъ незамѣтно проведетъ ихъ въ Старо-Рѣки и они сами убѣдятся своими глазами, что въ Старо-Рѣкахъ нѣтъ никого—вообще онъ доставитъ имъ возможность убѣдиться въ справедливости его словъ. Саранди отчасти повѣрили и заплатили 50 золотыхъ.

Одинъ человѣкъ не вѣрилъ ни на грошъ Саранди. Это былъ докторъ В. И. Порой-Кошицъ, который говорилъ, что Саранди подкупленъ турками и ему ни въ какомъ случаѣ нельзя довѣряться.

— Неужели вы вѣрите этому разбойнику? говорилъ докторъ. Вы посмотрите ему въ лицо! Оно достаточно убѣждаетъ, что лучшей наградой этому негодяю была-бы веревка! Я не сомнѣваюсь, что офицеръ найдется, который-бы рискнулъ поѣхать съ нимъ, но вполнѣ увѣренъ также, что офицеръ этотъ не вернется и, пожалуй, чего добраго, можетъ подвергнуться непріятному допросу и остаться заложникомъ.

Слова-ли доктора или неблагопріятные отзывы болгаръ о Соранди подѣйствовали на полковника Ж—го, и тотъ предоставилъ эту экспедицію на благоусмотрѣніе отряднаго начальника генералъ-маіора Домбровскаго, который тогда уже положительно отказалъ Саранди дать офицера и солдатъ.

Предположенія доктора, впослѣдствіи, оправдались блистательно и Саранди въ день 22-то ноября пропалъ.

Турки видимо что-то замышляли... 18-го ноября я поѣхалъ въ Елену по службѣ, а кстати затѣмъ повидаться съ орловцами.

У поручика Д—ви, (жолнернаго офицера Сѣвскаго полка), собралось большое общество офицеровъ, и первый, попавшійся мнѣ на глаза, какъ „человѣкъ замѣтный"—былъ Щепанскій. Онъ сидѣлъ на концѣ стола и покуривая трубочку, задумчиво глядѣлъ на эту шумную молодежь, поющую, пьющую и играющую. Онъ не обратилъ вниманія, когда я взошелъ въ комнату и только когда хозяинъ крикнулъ: а! капитанъ, добро пожаловать!—Щепанскій повернулъ ко мнѣ голову.

Я подошелъ къ нему.

— Неужели не узнаешь, старый товарищъ?

Щепанскій сталъ припоминать, но.... 15 лѣтъ и проклятая лихорадка такъ измѣнили меня, что онъ не могъ припомнить.

„Ты помнишь-ли товарищъ неизмѣнный", запѣлъ я ему именно такъ, какъ когда-то пѣвали эту пѣсню пѣсенники 3-й стрѣлковой роты Тенгинскаго полка по желанію А. А. Баманова. Не успѣлъ я пропѣть и первой строчки, какъ Щепанскій уже держалъ меня въ своихъ объятіяхъ, радостно смѣясь.

Мы усѣлись и начался тотъ разговоръ, который обыкновенно происходитъ между хорошими товарищами, невидавшимися 15 лѣтъ и связанными воспоминаніями лучшихъ дней своей жизни!

Щепанскій мало измѣнился на мои глаза. Также бодръ и мощенъ, тотъ-же голосъ, даже и лицемъ не подался. „Крѣпокъ!" думалъ я, вглядываясь въ добродушное лице „Патфайндера".

Онъ успѣлъ сойтись съ новыми своими товарищами, которые скоро полюбили его и называли „дядей".

— А что-жъ? Выпіемъ малко винко и да хвалимъ Бога! проговорилъ и хозяинъ.

Я вспомнилъ только что разсказанный случай о Щепанскомъ и разсмѣялся. Надо замѣтить, что когда Щепанскій пріѣхалъ въ Тырново, одно болгарское семейство, пригласивъ его на свадьбу и угощая обѣдомъ,—любезно просило, послѣ уже громаднаго количества выпитаго вина, выпить еще немного.

— Оште, господине! Да выпіемъ за малко! *) говорилъ любезный хозяинъ.

— За Малку!—вскрикнулъ, разражаясь громовымъ смѣхомъ Щепанскій,—ха! ха! ха! за Малку!... выпьемъ! и онъ осушилъ еще громадный стаканъ вина.

Для кавказцевъ рѣка Малка имѣла большое значеніе. За Малкой считался настоящій Кавказъ и съ переѣздомъ этой рѣчки шло уже усиленное содержаніе. Щепанскій, видимо, обрадовался этому напоминанію. Да, онъ дѣйствительно былъ теперь уже за Малкой!

Прощаясь съ Щепанскимъ, я выразилъ надежду видѣть его чаще.

— Хоть на дню три раза, потрясая руку говорилъ Щепанскій. Онъ вышелъ со мною на улицу.

Ночь была тихая и темная. Звѣзды еле мерцали гдѣ-то высоко.

— Далеко до позиціи?

— Да, верстъ пять будетъ.

— Конь знаетъ?

— „Казакъ?" Какъ ему не знать!

---

*) Немного.

Пока я въ темнотѣ отыскивалъ привязаннаго „казака", Щепанскій, стоя на лѣстницѣ, говорилъ какимъ-то пророческимъ голосомъ:

— Охъ, въ этакую ночь ухо востро держи! Вотъ-бы подобраться къ этимъ собакамъ!

— Партизаны хороши были на эти штуки, замѣтилъ я.

— О, го, го, го! дико загоготалъ Щепанскій. Весело и страшно мнѣ стало отъ этого смѣха. „Вотъ попадись-ка этакому чорту въ лапы!" подумалъ я.

— Такъ я жду визита на позицію?

— Не замедлю, крикнулъ Щепанскій.

Лошадь не стояла на мѣстѣ и послѣднее восклицаніе „лѣснаго царя" я услышалъ уже на улицѣ.

— До свиданія! крикнулъ я ему и хлестнувъ нагайкой толстокожаго мерена, крупной рысью выѣхалъ изъ города.

Проѣхавъ версты полторы, я замѣтилъ вдали огонекъ, около котораго двигалось два силуэта.

„Неужели это аванпосты?" подумалъ я и вспомнилъ слова Щепанскаго; своротивъ съ дороги, я хотѣлъ уже ѣхать на огонь и „разнесть" за такую штуку, но вдругъ „казакъ" мой захрапѣлъ и подался въ сторону.

— Стой!! что пропускъ? раздалось у меня подъ самымъ ухомъ.

— Чья рота въ караулѣ? спросилъ я строго.

— Что пропускъ?! грозно повторилъ въ темнотѣ тотъ-же голосъ и два штыка уставились въ упоръ недоумѣвавшему „казаку".

Я сказалъ.

— Кто-жъ это костеръ тамъ развелъ, ребята?

— Не могимъ знать! Братушки должно... ваше благородіе! вглядываясь въ меня, отвѣтилъ неохотно солдатъ.

Подъѣзжая къ бивуаку, я снова былъ окликанъ. Около батарейки коннаго взвода стояла группа офицеровъ. Шелъ оживленный разговоръ.

— Ну, ужь нашли кого послать! слышался чей-то голосъ.

— Кто ихъ посылалъ? Сами вызвались! охотниками...

— Этакая дрянь! И вѣдь наврetъ чортъ знаетъ что, какъ пріѣдетъ.

— Да! этотъ... далеко не пойдетъ!

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— А вотъ новое созвѣздіе открыли, такъ учитель чистописанія и русской словесности поѣхалъ дѣлать наблюденія... отвѣтилъ мнѣ капитанъ Фростъ.

— Можете себѣ представить! сказалъ П—й...

— Полюбуйтесь-ка,—продолжалъ Фростъ, предлагая бинокль.—Глядите вонъ на верхушку дерева и тамъ прямо на горизонтѣ... видите?

Далеко на горахъ, дѣйствительно, какъ созвѣздіе, виднѣлись свѣтя-

щіеся точки бивуачныхъ костровъ. Я навелъ бинокль. Не было никакого сомнѣнія, что это бивуачные огни и, судя по количеству ихъ, — порядочнаго отряда.

— Поѣхалъ кто нибудь на развѣдку?

— Да эта... выскочка —ской! и тутъ-же прибавленъ былъ весьма рѣзкій эпитетъ.

— Помилуйте, господа! Да я этому „охотнику" на грошъ-бы не повѣрилъ!...

— Самъ вызвался, а полковникъ, вы знаете, благоволитъ къ нему, сказалъ драгунскій офицеръ.

— Чортъ знаетъ что такое?

На другой день объ этомъ говорилось во всемъ отрядѣ. Опять пріѣхалъ генералъ и полковникъ Ж—й.

Ж—й настаивалъ на томъ, чтобы дальше выдвинуты были аванпосты и передалъ приказаніе подполковнику Улагаю въ этотъ же день измѣнить направленіе пѣхотныхъ постовъ.

Тутъ-же было рѣшено укрѣпить лѣвый флангъ (самый опасный по мнѣнію Ж—аго), а для этого на Зеленой Горкѣ вырыть ложементы и батарейку на два орудія.

— Вы тамъ поставьте свой взводъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ Ж—й.

— Разбросаемъ мы орудія, полковникъ, а въ случаѣ чего, вѣдь этотъ взводъ останется на жертву...

— Да что-жь дѣлать? А займи онъ эту горку,—дѣло будетъ совсѣмъ скверно! Завтра-же надо будетъ послать людей на работу.

Генералъ и Ж—й пошли къ полковнику Лермонтову.

21-го ноября, въ 6 часовъ вечера, на главной улицѣ гор. Елены противъ болгарской лавочки играла музыка. Въ лавкѣ сидѣли, стояли, входили и выходили офицеры. Было весело и шумно.

Офицерство, получивъ жалованье, запасалось закусками, сахаромъ, галетами, свѣчами, картами... теплыми носками... въ лавкѣ все было.

— Вино есть?..

„Има, братушка, има господине!" отрицательно качая головой, говорятъ болгаре.

Начинается проба.

— То губово винко! По губово!.. одобрительно киваетъ головой болгаринъ, подавая стаканъ.

— Дрянь порядочная... ну, да ничего! Давай полъ ока!

Пьютъ вино, кофе. Курятъ, пробуютъ—ѣдятъ... Въ отдѣльной компатѣ четверо пьютъ шампанское. (Пятому-бы тамъ и мѣста не хватило).

— Тѣснота, толку не доберешься! Чортъ знаетъ что такое!.. выходя говоритъ орловецъ.

— А тебѣ чего тутъ надо? спрашиваетъ его однополчанинъ. Выпилъ и уходи!

— Куда уходить? Мнѣ вотъ сахару...

— Плюнь ты на это дѣло, братецъ!..

Подъѣхали два всадника.

— Не слѣзайте господа! говоритъ тотъ же шутникъ-офицеръ.

— А что такое?

— Толку не доберетесь.

— А винко има тука?

— Плюньте вы на это дѣло! Хотите по рюмочкѣ коньяку? вотъ и и лимонъ есть! Вы куда?

— Къ командиру!

— Что новаго?

— Это у васъ надо спросить.

— Слышали про записку, которую привезъ болгаринъ?

— Слышалъ. Это что пятнадцать-то тысячъ, что-ли?

— Ну да! „На разстояніи 16-ти говоритъ верстъ и при пріятной погодѣ!“

— Брехня!

— Я и самъ думаю. Откуда? Впрочемъ, этакія штуки не въ первый разъ!

— Ну!.. „Гайда на Букарестъ!“

— До свиданья!

Всадники джигитуютъ дальше. Въ лавкѣ публика мѣняется, какъ въ калейдоскопѣ.

— Капитанъ!.. выпьемъ!

— Не могу, голубчикъ! Сейчасъ иду къ начальнику дивизіи.

— А ну, рюмочку!

— Нѣтъ, не пойдетъ!

— Ну, какъ знаешь! Заверни послѣ!..

Встрѣчаю полковника Жиржинскаго.

— Ну, что у васъ тамъ все благополучно? былъ первый вопросъ его; видно было, что этотъ человѣкъ мысленно жилъ на Маренской позиціи и съ минуты на минуту ждалъ чего нибудь.

— Пока все благополучно, полковникъ! А вы все турокъ ожидаете? Кажется они не придутъ!..

— Толкуйте, толкуйте!—вотъ увидите!

— Ну что-жъ, придутъ — такъ подеремся. Надоѣло безъ дѣла-то стоять. Хоть бы рекогносцировку...

— Погодите, вотъ турки устроятъ вамъ рекогносцировку... смѣясь говорилъ Жиржинскій.

— Какіе тамъ турки! Можетъ быть три-четыре табора оборванцевъ и стоятъ тамъ противъ насъ. Откуда они возьмутся?

Жиржинскій сообщилъ мнѣ о только что полученной запискѣ, въ которой говорилось, что тысячъ 15—20 турокъ съ кавалеріей и артилеріей пришли изъ Старо-Рѣкъ.

— Слышалъ и я объ этомъ, да что-то не вѣрится. Болгаре всегда вѣдь преувеличиваютъ! Ну, а если правда—что-жъ! Теперь, слава Богу, резервъ есть не очень-то испугаемся!

— Вотъ должно быть костры-то ихъ вы и видѣли третьяго дня на горахъ! пояснялъ Жиржинскій.

Тоже самое подтвердилъ мнѣ и начальникъ дивизіи. Князь былъ одинъ и что-то писалъ, когда вечеромъ, часовъ въ 8, я пришелъ къ нему. Видя, что онъ занятъ, я просидѣлъ не болѣе четверти часа и поѣхалъ на Маренскую позицію. Отъ князя, между прочимъ, я узналъ, что въ Елену идетъ 4-я стрѣлковая бригада.

„Странное дѣло! Турки хотятъ наступать и нисколько не скрываютъ своихъ намѣреній! Среди бѣлаго дня дѣлаютъ рекогносцировку, выѣзжая на нее точно на парадъ; разводятъ костры такъ, что всѣмъ видно! Что такое дѣлается — не понимаю! Или они увѣрены въ своихъ силахъ и знаютъ, что намъ не откуда резервовъ ждать? Или это демонстрація?“

Въ такихъ размышленіяхъ я незамѣтно доѣхалъ до бивуаковъ передоваго отряда.

На Маренской позиціи тишина. Въ домѣ, гдѣ помѣщался штабъ драгунскаго полка, свѣтились огоньки.

Мой товарищъ по корпусу, командиръ 4-го эскадрона, съ которымъ мы собирались ѣхать на другой день на фуражировку, встрѣтилъ меня при входѣ.

Я сообщилъ ему новости.

— Да, слышалъ! со всегдашнею флегмой сказалъ мнѣ Пейнеръ. Сундстремъ поѣхалъ съ охотниками на цѣлую ночь!

— Сундстремъ человѣкъ надежный! Интересно, что онъ привезетъ!

Полковникъ Лермонтовъ еще не спалъ, когда я вошелъ къ нему попросить разрѣшенія на завтрашнею фуражировку.

— Сдѣлайте одолженіе! Поѣзжайте съ Богомъ, а относительно пѣхоты зайдите къ подполковнику Улагаю.

Улагай тоже не спалъ. Онъ сидѣлъ и записывалъ что-то въ свою памятную книжку.

— Людей, братъ, мало! Завтра на „Зеленой горкѣ“ работа еще предстоитъ. Надо кончить батарейку для твоихъ орудій.

— Да нельзя-ли Дашевскому съ нами! Онъ съ удовольствіемъ пойдетъ. Ты хоть полроты дай.

— Завтра увидимъ!...

— Ну такъ до свиданія! Я усталъ какъ собака. Пойду спать.

Сдѣлавъ кое-какія распоряженія на слѣдующій день, я вернулся въ свою землянку и улегся спать.

Странный сонъ видѣлъ я въ эту роковую ночь! Не могу умолчать о немъ...

Передо мной храмъ богини Афины. Металлическія массивныя двери тихо и медленно раскрылись лишь только я прикоснулся къ нимъ. Чудная картина представилась моему изумленному взору!

Громадный залъ, весь уставленный тропическими растеніями, освѣщался окнами въ два свѣта. Въ глубинѣ зала, во всю ширину его, шли ступени на площадку. На ней нѣсколько колоннъ подпирали просторные хоры. Группы людей, человѣка по два, по три, устанавливали по всему залу какія-то тяжелыя кубической формы ящики полисандроваго дерева, отлично сдѣланные, съ бронзовыми, позолоченными педалями. Ящики опускались ниже пола, такъ что на поверхности виднѣлись только крышка и педаль. Общій видъ напоминалъ мнѣ, въ маломъ размѣрѣ, Севастопольское стотысячное кладбище. Ящики огорожены были рѣшетками и уставлены различными растеніями. Дорожки между ними были усыпаны краснымъ подъ кровь пескомъ. Лица у людей, устанавливавшихъ эти ящики, блѣдныя и серьезныя. Одѣтые въ костюмы квакеровъ, люди эти работали медленно и торжественно, точно совершали какой нибудь религіозный обрядъ.

Я подошелъ къ одной группѣ, но работавшіе были такъ заняты своимъ дѣломъ, что не обращали на меня повидимому никакого вниманія.

— Что вы дѣлаете? робко обратился я къ нимъ.

Работавшіе вопросительно переглянулись между собой. Легкая, едва замѣтная иронія скользнула на лицахъ ихъ.

— Вы развѣ не видите?.. Устанавливаемъ адскія машины! отвѣтилъ чей-то голосъ.

Сердце какъ-то болѣзненно сжалось у меня.

— Какъ, здѣсь? Да зачѣмъ-же?.. задыхающимъ голосомъ проговорилъ я.

Какое-то дьявольски презрительная улыбка скривила тонкія губы отвѣчавшаго мнѣ квакера, продолжавшаго устанавливать ужасный ящикъ.

— Какъ? И они здѣсь будутъ дѣйствовать? невольно вырвалось у меня.

— Да, здѣсь... непремѣнно... и квакеръ спокойно, рѣшительно опустилъ руку на педаль...

Я хотѣлъ было вскрикнуть, но голосъ мой оборвался. Я чувствовалъ, что кровь остановилась въ моихъ жилахъ и какая-то неестественная сила приковала меня къ мѣсту.

Гдѣ-то на хорахъ послышались чудные торжественные звуки, Шопеновскаго „Marche Funèbre“ и въ тоже время опущенная педаль медленно стала подниматься само-собой...

„Сейчасъ что-то совершится“, подумалъ я и закрылъ глаза...

Вотъ ужъ я стою на площадкѣ подъ колоннами.

Органъ доигрывалъ послѣдніе такты погребальнаго марша. Вдругъ онъ перешелъ на какой-то тревожный акомпаниментъ, предшествующій извѣстному alegro „зажигайте огни“ (Жизнь за Царя) и вслѣдъ за аккордомъ заключающимъ эту фразу, раздался потрясающій взрывъ... другой, третій, съ каждымъ послѣдующимъ аккордомъ все сильнѣй и сильнѣй... Пламя и дымъ вырывалось изъ мѣстъ, гдѣ стояли ящики, снопомъ выбрасывались неестественной силой массы камней. Ударяясь въ стѣны и потолокъ чуднаго зданія, онѣ били прелестныя фрески, причудливыя капители колоннъ и только окна какимъ-то чудомъ оставались нетронутыми... Взрывы дѣлались все ужаснѣе и опустошительнѣе. Колонны зашатались, разверзся потолокъ и пламя огромнымъ языкомъ вырвалось изъ щелей зданія въ наружу?...

Я открылъ глаза...

Передо мною стоялъ Пейнеръ...

— Ты что спишь? Турки уже четыре выстрѣла орудійныхъ сдѣлали.

Все очарованіе прошло... Я вскочилъ какъ ужаленный.

— Сергѣй Александровичъ! крикнулъ я, спавшему со мной въ землянкѣ поручику Бѣлому, „вставайте скорѣй,—ради Бога! Турки наступаютъ!“ и накинувъ кое-какъ пальто, я выскочилъ изъ землянки.

— Къ конямъ! Живо! Объамуничивать!! крикнулъ я дежурному, который вслѣдъ за этимъ опрометью бросился на коновязи.

Не успѣлъ я влѣзть обратно въ землянку, чтобы одѣться, какъ подъѣхалъ полковникъ Лермонтовъ.

— Капитанъ! немедленно займите двумя орудіями мысокъ!.. Два орудія я поставлю самъ гдѣ нужно будетъ.

Я бросился къ орудіямъ. Прислуга уже бѣжала въ паркъ, выкатывала орудія, разбирала принадлежности... Я приказалъ въ ожиданіи лошадей надѣть орудія на передки.

— Не суетись, ребята, не суетись! крикнулъ я, стараясь придать своему голосу, какъ можно болѣе спокойствія; а между тѣмъ секунды казались мнѣ вѣчностію! Я не вытерпѣлъ.

— Рысью!!! крикнулъ я выѣзжавшимъ по одиночкѣ ѣздовымъ, выводившимъ лошадей для обычнаго строя.

Схвативъ первыя заряженныя орудія, я вскочилъ на боевую ось и полною рысью тронулся съ мѣста. Прискакали, снялись съ передковъ, вкатили за брустверъ орудія и пока заряжали ихъ, я взглянулъ на противуположный берегъ.

Съ горъ въ разныхъ направленіяхъ, какъ муравьи сползали массы турокъ. Они были уже въ сферѣ дѣйствительнаго выстрѣла гранатой. Прямо противъ меня на Зеленой горкѣ шла оживленная ружейная пальба; изрѣдка слышались далеко выстрѣлы горныхъ орудій.

Рота, высланная рано утромъ на Зеленую горку, первая вступила въ бой. Турки тѣснили ее, обхватывая справа и слѣва все болѣе и болѣе. Вотъ она бросилась впередъ съ крикомъ ура, слышаннымъ даже на батареѣ.

— Славно, Сѣвцы, славно! громко подумалъ я и указалъ наводчикамъ цѣль. Только раздался первый выстрѣлъ на моей батарейкѣ, какъ на противуположныхъ горахъ блеснули огоньки, показались знакомые намъ сѣровато-бѣлые дымки и вслѣдъ затѣмъ одинъ за другимъ раздались непріятельскіе орудійные выстрѣлы. Гранаты ложились все ближе и ближе и наконецъ, перелетая батарейку, начали шлепаться въ лощину (слѣва отъ батареи).

12 орудій, изъ которыхъ 8 дальняго боя, съ разстоянія 3—5 верстъ въ продолженіе полутора часа неумолкаемо били по батарейкѣ, бивуаку и двумъ коннымъ орудіямъ.

Состязаться съ ними было-бы преступленіемъ въ виду громадной цѣли, представляемой массою турецкой пѣхоты, которая ползла съ горъ безпорядочными толпами.

Съ презрѣніемъ смотрѣли мы на эту канонаду и неудостоили турецкую артиллерію ни однимъ отвѣтнымъ выстрѣломъ въ продолженіе всего боя!

Мною все вниманіе было обращено на Зеленую горку. Тамъ шла борьба за каждый клочекъ земли, борьба неровная, отчаянная!... Роту притѣсняли къ обрыву.... Положеніе было критическое!

Постепенно уменьшаясь, въ это время высота прицѣла дошла до 33 л. Двѣ картечныя гранатки, заранѣе принесенныя къ батарейкѣ и установленныя, быстро вложены въ орудія. Раздался залпъ. Всѣ съ напряженіемъ слѣдили за ихъ разрывомъ. Они были до того удачны, что у насъ у всѣхъ невольно вырвалось дружное ура. На Зеленой горкѣ точно эхо отвѣтили намъ Сѣвцы *), кидаясь впередъ! Вотъ они сцѣпились такъ близко, что страшно стрѣлять,—того и гляди задѣнешь своихъ! Справа

---

*) Это былъ Улагай, увы, тутъ-же раненый смертельно!

муравейникъ сползаетъ къ Марвину и, почти одновременно, слѣва — турки, обойдя Зеленую горку, спускаются въ лощину.

Взводъ поручика Бѣлаго, стоявшій лѣвѣе меня, на рысяхъ несется на встрѣчу туркамъ.

— Выкатывайте, братцы, орудія!

— Ваше высокоблагородіе! извольте надѣть сапоги! неожиданно раздается надъ ухомъ голосъ запыхавшагося вѣрнаго „Личарды“.

Тутъ только я замѣтилъ, что былъ въ однихъ длинныхъ шерстяныхъ чулкахъ, которыя почему-то казались мнѣ прорванными сапогами.

Неуспѣлъ я натянуть сапоги, какъ на батареѣ раздался страшный трескъ! Какой-то щеткой ударило меня въ голову, отлетѣлъ одинъ номеръ отъ орудія, упалъ фейерверкъ, и прямо передо мной кувыркался въ конвульсіяхъ солдатикъ... сквозь шинель его на рукѣ сочилась кровь!... Прислуга суетится около орудія: осколкомъ гранаты, ударившимъ въ запирающій механизмъ, испорчено орудіе! Его никакими усиліями нельзя выдвинуть! Что такое?.. Я ничего не понималъ.

Неуспѣлъ я встать, какъ другая граната, шлепнувшись въ брустверъ и поднявъ цѣлый снопъ земли, лопнула надъ головами ѣздовыхъ.

— Носилки! санитары! слышалось мнѣ, но я былъ въ ужасномъ состояніи.

— Что я буду дѣлать съ однимъ орудіемъ? чуть не плача отъ злобы и досады. Никогда мнѣ не было такъ скверно и тяжело, никогда не чувствовалъ я себя настолько беззащитнымъ и безполезнымъ? Въ тотъ моментъ, когда я могъ такъ страшно навредить своимъ огнемъ непріятелю, у меня одно—единственное орудіе! Я чувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за горло и душитъ съ страшною силою, такъ что глаза на лобъ вылѣзаютъ.

— Вонъ-вонъ они бѣгутъ! Въ кучку-то, въ кучку! Раздался выстрѣлъ. Я овладѣлъ уже собой и взглянулъ на прислугу.

Славныя, полныя какого-то вдохновенія лица молодыхъ солдатиковъ моихъ, окончательно успокоило меня.

— Спасибо братцы! крикнулъ я отъ всей души. Мы понимали другъ друга!

— Ради стараться! ваше высокоблагородіе! дружно и весело отвѣтили эти герои.

Я чувствовалъ, что нѣтъ цѣны, нѣтъ награды этимъ людямъ, у которыхъ въ такую минуту пробуждается тотъ мощный духъ, котораго не сокрушатъ никакія силы, который всегда и у всѣхъ народовъ заслуживалъ удивленія и глубокаго безпредѣльнаго уваженія!

Въ дырявой истасканной шинелешкѣ, въ грязной рубахѣ, въ порыжелыхъ, стоптанныхъ худыхъ сапожишкахъ, съ болѣзненнымъ лицемъ, съ брюхомъ наполненнымъ какою-то сухарною глиною, въ кэпе еле дер-

жащейся какимъ-то замасленнымъ блиномъ на затылкѣ, съ сухарнымъ мѣшечкомъ черезъ плечо, — русскій солдатъ-богатырь представляетъ великое зрѣлище въ такія минуты!

Тѣло его нездорово, но въ немъ живетъ здоровый бодрый духъ! Онъ оборванъ, грязенъ, невзраченъ,—но я не промѣняю его на лучшую красавицу въ мірѣ!

Рѣзкое, пронзительное, высокое C турецкаго сигнальнаго рожка раздавалось по долинѣ. Играли наступленіе.

На Зеленой горкѣ показались два непріятельскихъ горныхъ орудія.

Въ Маренѣ идетъ страшная ружейная трескотня. Отъ Чакала къ верху медленно отступаетъ, отстрѣливаясь, рота Сѣвскаго полка.

На противуположной горкѣ за с. Чакаломъ непріятельская кавалерія на рысяхъ заскакиваетъ въ долину между с. Новачекъ и Еленою.

„Отрѣжутъ они Новачскій отрядъ!“ мелькнуло у меня въ головѣ.

По всему бивуаку летаютъ и лопаются гранаты, несутся лошади безъ всадниковъ, идутъ раненые, тащатъ убитыхъ....

Куда не взглянешь—горсть Сѣвцевъ и масса турокъ!

Мы на новой позиціи. Подъѣхалъ поручикъ Бѣлый, подъѣхалъ капитанъ Фростъ. Всѣ соединились и образовали батарейку въ пять орудій. Идетъ оживленная пальба.

— Наводчики! Смотри на гору-то! Кавалерія!

— По кавалеріи, по кавалеріи наводить! — живо!

— Двадцать семь!... Пять и три восьмыхъ?...

— Отклоненіе цѣлика не забыть!—Четыре!

— Первое готово?

— Готово!

— Первое!

Одна граната, другая, третья!... Снаряды ложатся все ближе и ближе къ цѣли. Вотъ одна лопнула впереди скачущихъ.

— Назадъ! назадъ пошли! радостно вырывается восклицаніе.

— Уррра! кричатъ пробѣгающія впередъ роты Орловскаго полка.

— Урра!! отвѣчаютъ имъ артиллеристы.

— Турки, турки! смотрите назадъ-то! И вслѣдъ за тѣмъ въ тылу батареи, раздается залпъ непріятельской пѣхоты.

— Охъ, охъ, охъ! стонетъ кто-то, офицеръ-ли, солдатъ-ли—въ дыму ничего и не видно.

— Картечь!

— Шрапнель!

— Поворачивай хобота вправо! больше! больше! такъ! Но наводчики ужъ увидали турокъ...

— Готово? Орудія! Раздается залпъ.

— Ребята! спасай артиллерію!! кричитъ прапорщикъ Галюцинскій, выскакивая слѣва.

— Урра! и какая-то горсточка солдатъ, согнувшись, бѣжитъ по истерзанному плато.

— Вотъ и пятая батарея нашей бригады!... Некогда поздороваться съ товарищами.

Опять по горѣ несется кавалерія... но на этотъ разъ залпъ четырехъ орудій, которымъ дала высота прицѣла, сразу останавливаетъ ее.

Турки заняли дорогу къ Еленѣ.

— Убирайте по одному орудію! говорю я подполковнику Сливицкому, командиру 5-й батареи.— Перебьютъ лошадей, оставимъ здѣсь орудія! Надо поскорѣй занять вонъ ту горку!

Опять горсточка кинулась въ атаку!...

Спасибо вамъ, голубчики, Сѣвцы! Не убрать-бы намъ своихъ орудій!

Отъѣхавъ саженей сто и взбираясь снова на горку, я увидалъ, что четыре солдата несутъ на носилкахъ какого-то штабъ-офицера Сѣвскаго полка.

— Неужели это Улагай?!

Подскакиваю,—дѣйствительно онъ! Смертельно блѣдное лицо, потухшій взоръ—ясно говорили, что онъ уже не жилецъ!...

— Улагай! ты раненъ, голубчикъ? Куда?

Онъ открылъ широко глаза и взглянулъ на меня... Никогда я не забуду этого взгляда! Сердце облилось кровью...

— Прощай, братъ!... еле слышно произнесъ Улагай!

Слезы брызнули у меня изъ глазъ...

— Господи, какая потеря! Какая невознаградимая потеря! говорилъ я вслухъ, машинально ѣдучи за умиравшимъ героемъ.

На новой позиціи мы простояли не болѣе получаса, все время шрапнелью обстрѣливая склоны горъ и дорогу, по которой наступали турки. Позиція эта была какъ разъ на пути отступленія въ Елену.

Черезъ полчаса пришло приказаніе: не держаться долго на этой позиціи и отступать къ Еленѣ и занять на высотахъ ея укрѣпленія.

Тѣмъ временемъ мимо насъ потянулась уже печальная процессія: вели подъ руки и несли на носилкахъ раневыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ уныло опустивъ голову, охая и опираясь на ружье, — кое-какъ ковыляли сами.

Отступая къ Еленѣ, я встрѣтилъ Щепанскаго.

— Ну что? Спросилъ онъ меня.

— Да вотъ,—боремся...

— А много? Онъ кивнулъ головой въ сторону непріятеля.

— Чортова сила! Хватитъ еще надолго!

— А я поздалъ! Эти проклятые деньщики всполошились и удрали куда-то. Вотъ въ чемъ иду!... Совѣстно, а дѣлать нечего! Надо торопиться. Онъ былъ въ мундирѣ безъ погонъ. Сверху накинутъ непромокаемый плащъ. Въ рукахъ какой-то шарфикъ и неизмѣнная трубочка.

— Такъ до свиданія! сказалъ Щепанскій, протягивая мнѣ руку.

— Конечно до свиданья! Съ Богомъ! Что дѣлать! Въ чемъ попало, тутъ не парадъ!...

Щепанскій кивнулъ мнѣ головой и зашагалъ къ ложементамъ. Онъ похожъ былъ въ эту минуту на статую командора...

Не успѣлъ я занять позицію на Еленинской высотѣ, какъ смотрю кого-то на носилкахъ тащатъ четыре орловца.

— Кого ребята?!...

— Новаго капитана! Не могимъ знать, какъ фамилія! отвѣтили солдатики, останавливаясь для отдыха.

— Раненъ?

— Никакъ нѣтъ,—убиты!

Я подъѣхалъ ближе, мнѣ не хотѣлось вѣрить, что это былъ Щепанскій. „Сію минуту, кажется, видѣлъ живымъ!... Вотъ тебѣ и до свиданья!“

Страшная рана зіяла во лбу... изъ нея вылѣзъ цилиндрическій кусокъ сѣроватаго мозгу и придерживался окоченѣвшей уже рукой „Патфайндера“!...

На правомъ флангѣ Еленинскихъ укрѣпленій открыто на бугрѣ устроилась опять наша пяти-орудійная батарея *).

Непріятель наступалъ съ замѣчательной энергіей.

Вскорѣ всѣ склоны, версты за двѣ, за три отъ позиціи начали покрываться густыми массами непріятельской пѣхоты. Какъ стада барановъ, турки перебѣгали въ лощину, идущую отъ Марены къ Еленѣ. Въ тоже время на самомъ правомъ флангѣ показался нашъ маленькій новачскій отрядъ **). Оберегая нашъ флангъ, на которомъ была единственная дорога, путь отступленія Левковецкую позицію,—отрядъ этотъ

*) 2 орудія коннаго взвода, 2 орудія 5-й батареи и одно орудіе 4-й, остальныя орудія заранѣе были разставлены по вырытымъ укрѣпленіямъ. Намъ не хватило мѣста за брустверами.

**) 2 роты Сѣвскаго полка и 2 орудія поручика Перлинъ.

съ фронта и фланга тѣснимъ былъ турецкою пѣхотою и кавалеріею. Онъ отступалъ на Елену по Твердицкому шоссе.

Непріятель полукругомъ обхватилъ Елену и линія его огня была теперь около 12 верстъ! Медлить было некогда—начался упорный артиллерійскій огонь... Два раза турки останавливались, дожидая успѣха на своихъ флангахъ.

Но вотъ прискакала турецкая артиллерія. Опять съ огромнаго разстоянія полетѣли на наши батареи турецкіе снаряды.

— Вонъ Орловцы залегли внизу въ ложементы. Не выбить ихъ туркамъ!...

— А вы замѣчаете, огонь-то ружейный слабѣть сталъ! Поусмирили мы ихъ шрапнелькой!... говоритъ подполковникъ Сливицкій.

Но въ это время огонь вдругъ возобновился съ страшною силою!

Опять пошла работа шрапнелью.

У насъ уже три орудія; капитанъ Фростъ отъѣхалъ къ драгунскому полку, который намѣревался броситься въ атаку.

Подъѣхалъ генералъ Домбровскій. Его спокойное, доброе лицо ободрило всѣхъ присутствующихъ.

Въ это время на правомъ флангѣ четыре горныхъ орудія направили убійственный огонь на взводъ поручика Перлинъ. Я вижу его критическое положеніе.

— Ваше превосходительство! Надо помочь поручику Перлинъ! Позвольте мнѣ къ нему поѣхать съ взводомъ! Онъ стрѣляетъ по пѣхотѣ и не имѣетъ возможности ни однимъ выстрѣломъ наказать этихъ нахаловъ!

— Нѣтъ ужъ вы пожалуйста, капитанъ, оставайтесь тутъ. Ваши орудія отлично пристрѣлялись; а я пошлю туда кого нибудь изъ центра, и онъ отдалъ адъютанту поручику Павловскому приказаніе о посылкѣ взвода на помощь поручику Перлину.

— Нельзя-ли вправо направить огонь? Вонъ лощиной идетъ густая цѣпь турокъ!

— Напрасно время потеряемъ на пристрѣлку, ваше превосходительство, вонъ извольте видѣть турки сосредоточиваются въ лѣсу противъ ложементовъ Орловскаго полка.

— Хорошо, хорошо! Держитесь-же, капитанъ, можетъ быть... генералъ недоговорилъ. Лопнувшая непріятельская граната испугала его лошадь, которая прянула въ сторону.

Я понялъ недосказанную мысль генерала. Онъ ждалъ съ минуты на минуту появленія на флангѣ 4-й стрѣлковой бригады. Ружейный огонь дѣлался все сильнѣй и сильнѣй.

Въ тылу нашего лѣваго фланга, съ горъ отъ Златарицы, спускался турецкій отрядъ... На правомъ флангѣ непріятель поставилъ свою батарею на продолженіи линіи фронта нашей батареи.

— А центръ-то ни на шагъ не подвинулся!? обратился было ко мнѣ подполковникъ Сливицкій, но въ эту минуту что-то шлепнулось, онъ вскрикнулъ и обѣими руками схватилъ меня за шею. Его вынесли съ батареи.

— Ваше превосходительство! позвольте взять человѣкъ восемь изъ пѣхоты для подноски снарядовъ. (Ящики зарядные и передки поставлены были за бугромъ). Людей мало, да и тѣ измучены! Генералъ разрѣшилъ. Но откуда взять ихъ? Оставались знаменные ряды—только, но на нихъ лежала священная обязанность защищать знамена полка. (Они отступили по распоряженію маіора Косенки тотчасъ-же, какъ только турки показались у подошвы бугра, на которомъ стояла батарея).

Прискакалъ поручикъ Павловскій и что-то передалъ генералу.

— Хорошо! спокойно выслушавъ, сказалъ генералъ.

Между тѣмъ огонь сталъ невыносимъ.

Я посовѣтовалъ адъютанту отъѣхать съ генераломъ за бугоръ. Генералъ подъѣхалъ къ стоявшему недалеко полковнику Жиржинскому.

Проходитъ другой часъ. Турки все ближе и ближе надвигаются на наши фланги. Между тѣмъ орудія раскалились, воды нѣтъ и снаряды еле входятъ въ орудія.

На лѣвомъ флангѣ турки устроили двухъярусную пальбу по пѣхотѣ, сидѣвшей въ ложементахъ. Центръ попрежнему не подается ни на шагъ.

Снаряды били по крышамъ города Елены. Наконецъ на лѣвомъ флангѣ турки ворвались въ ложементы. Да и какъ не ворваться? Много-ли тамъ оставалось защитниковъ?

Правый флангъ подался къ городу. Началось отступленіе...

— Ваше высокоблагородіе! А вонъ турки-то гдѣ, внизу-то къ намъ на бугоръ лѣзутъ!

Я взглянулъ внизъ.

Шагахъ въ 400—450, изъ балочки лѣзли на бугоръ въ разсыпную турки. Я видѣлъ ихъ еще раньше и все принималъ за своихъ отступающихъ.

Откатили орудія, зарядили ихъ шрапнелью безъ установки трубокъ и приготовились...

— Картечь есть? тихо спросилъ я.

— Двѣ есть, в. в—е!

— Послѣ выстрѣла сейчасъ-же не баня, вложить картечь. Готово?

— Готово!! в. в—е, тихо отвѣтили наводчики. Всѣ сознавали торжественность минуты.

— Съ Богомъ! Накати!!!

Цѣлый рой „пчелъ Пибоди“ зажужжалъ надъ батареей.

Послѣдовалъ залпъ изъ трехъ орудій... Съ быстротою молніи бросилась прислуга къ орудіямъ... Я оглянулся. Кругомъ около насъ никого уже не было. Ружейная трескотня на правомъ флангѣ стала какъ будто тише... На правомъ флангѣ и у околицы города былъ адъ... Я понялъ въ чемъ дѣло.

— Послѣ выстрѣла, ребята,—за колеса и съ бугра къ передкамъ скатывай...

— Готово? Накати!! Орудія!!!

Это былъ послѣдній залпъ нашъ на этой позиціи. Турки были на полгорѣ...

— Надѣвай живѣе, садись и держись, ребята, остановки не будетъ! Рысью, маршъ!!!

Мы не успѣли подъѣхать къ городу,—турки были уже на бугрѣ. Какъ мы остались цѣлы, спускаясь на полныхъ рысяхъ съ горы и проскакивая Елену,—это Богу только извѣстно!

Въ городѣ летали непріятельскіе снаряды, осколки черепицы и каменныхъ плитъ съ крышъ болгарскихъ домовъ. Недавно оживленный городъ представлялъ теперь ужасную картину разрушенія!

На главной улицѣ, поперегъ тротуара, лежалъ трупъ Щепанскаго... Это была третья встрѣча съ нимъ въ этотъ день.

Одновременно со мной снимался съ позиціи, стоявшій лѣвѣе меня капитанъ Духонинъ. Онъ ѣхалъ другой дорогой, но въ городѣ мы соединились съ нимъ.

— Запертъ выходъ изъ города или нѣтъ?—вотъ вопросъ, интересовавшій насъ въ минуту встрѣчи.

— Ну! Что будетъ! Прибавь рыси!

Выскакиваетъ первое орудіе... Черкесы выстроились за городомъ и ожидаютъ нашего въѣзда.

Взводъ поручика Перлина къ тому времени былъ буквально уничтоженъ четырьмя дѣйствовавшими противъ него непріятельскими орудіями.

Недостало-ли снарядовъ, оплошность-ли со стороны турокъ—но они упустили отличный моментъ уничтожить насъ при выѣздѣ изъ города огнемъ своихъ орудій!

Въ колоннѣ въ одно орудіе вытягивались мы въ гору подъ огнемъ магазинной турецкой кавалеріи. Броситься на насъ ей мѣшалъ яръ въ этомъ мѣстѣ, (влѣво отъ дороги).

— Ваше благородіе!! не оставляйте насъ! стонали попадавшіеся раненые пѣхотные солдатики.

Тѣхъ, которые не могли уже идти, я усадилъ на ящики — сколько могъ.

Прислуга, соскочивъ съ орудій, помогала лошадямъ, что было силъ. Протянувъ саженей 200, я свернулъ влѣво отъ дороги, Духонинъ вправо и выстроивъ батарею, мы не медля ни минуты, открыли огонь съ 400 шрапнелью.

Прискакалъ ординарецъ отъ ген. Домбровскаго.

— Генералъ приказалъ вамъ при первой возможности открыть огонь и задерживать наступленіе до послѣдней крайности! сказалъ мнѣ ординарецъ. „Тамъ хвостъ обоза болгаръ запрудилъ дорогу", прибавилъ онъ отъ себя.

— Передайте генералу, что орудія уже сняты и огонь открытъ.

Гдѣ это „тамъ", Богъ его знаетъ!..

— Къ атакѣ! Сабли вонъ! раздалась вдругъ справа команда полковника Лермонтова.

Мы участили огонь.

Строй турецкой кавалеріи представлялъ изъ себя огромный уголъ, вершина котораго, обращенная къ нимъ, напоминала тѣло какой-то остроносой хищной птицы, — стороны, углы казались мнѣ громадными крыльями.

Всадниковъ было до тысячи...

Огонь орудій не умолкалъ.

Въ 4 часа 20 минутъ я получилъ отъ генерала записку: „немедленно отступить къ Девковцамъ и размѣстить орудія по батареямъ" (заранѣе устроеннымъ).

Подъ прикрытіемъ драгунскаго полка мы отступили на сильную Девковецкую позицію. Быстро темнѣло... Орудія были разставлены при помощи фонаря... Въ 6 часовъ пришелъ 13-й стрѣлковый батальонъ, шедшій во главѣ бригады...

Вотъ мои личныя впечатлѣнія. Передавая факты непосредственно видѣнныя мною, я опускаю множество подробностей и совершенно отказываюсь дѣлать какое-либо заключеніе. Пусть читатель самъ выведетъ его объ этомъ дѣлѣ, въ которомъ отрядъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, окруженный въ восемь разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, отступалъ пять верстъ въ продолженіи 9-ти часовъ! Пусть онъ безпристрастно выскажетъ свое мнѣніе объ этой горсти людей, которая своимъ геройскимъ самопожертвованіемъ не только дала возможность спастись всѣмъ жителямъ города Елены съ ихъ имуществомъ, но и совершенно парализировала въ данномъ пунктѣ временной успѣхъ сильнѣйшаго непріятеля. Выполнила-ли она свою задачу—это слово принадлежитъ исто-

ріи, но для насъ артиллеристовъ, учавствовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, день 22-го ноября будетъ самымъ отраднымъ воспоминаніемъ потому уже, что, мы вѣрные своимъ традиціямъ, честно и свято исполнили свой долгъ внушенный намъ присягою Нашему Государю, нашимъ воспитаніемъ и горячею любовью къ Родинѣ!

Мы лишились въ этомъ дѣлѣ нашего славнаго товарища, храбраго энергичнаго подпоручика 5-й батареи Родіонова, достойнаго воспитанника Артиллерійскаго Училища! Онъ былъ изрубленъ на батареѣ.

Капитанъ Вроцкій убитъ пулею въ сердце.

9-й артиллерійской бригады 4-й батареи

Капитанъ **Г. Я. Политковскій.**

Годъ прошелъ послѣ описаннаго мною. Возвращаются доблестныя войска наши черезъ Севастополь.

Пришла гвардія—ее встрѣтили громкими криками ура и угостили какъ могли угостить нынѣшніе „граждане“ бѣднаго города. Пришли Орловцы—никто не пикнулъ и даже людямъ напиться воды негдѣ было!..

Пріѣзжаетъ Государь и дѣлаетъ смотръ Орловскому полку.

Послѣ смотра, вызвавъ офицеровъ. Онъ милостиво разговаривалъ съ ними обращаясь по нѣскольку разъ къ каждому. Тутъ же стояли раненые солдаты вернувшіеся въ полкъ.

— Ну что-жь, тебѣ страшно было идти впередъ? спрашиваетъ Государь одного солдатика.

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Императорское Величество, съ чего же страшно, когда у насъ всѣ офицерà впереди! — простодушно, совершенно справедливо замѣтилъ солдатъ.

Можете судить радость Государя!

— Я уже не первый разъ это слышу господа! сказалъ онъ, обращаясь къ свитѣ. Радуюсь, что слышу это теперь при васъ изъ устъ солдата! (Здѣсь между прочимъ былъ военный министръ).

Затѣмъ обращаясь къ вызваннымъ офицерамъ Государь съ чувствомъ сказалъ: еще разъ спасибо вамъ господа! Васъ оцѣнилъ солдатъ—но вѣрьте, что и Я съумѣю оцѣнить! Ступайте теперь съ Богомъ по домамъ, отдохните, поправьтесь... далѣе я не разслыхалъ. Вслѣдъ за этимъ раздалось, конечно, восторженное ура.

— Что это у васъ одна медалька? спросилъ графъ Милютинъ, обращаясь къ офицеру Орловскаго полка (Жунаевъ), у котораго скромно болталась серебряная медалька.

— Что-же ваше высокопревосходительство (причемъ офицера толкаютъ въ бокъ потому, что Милютинъ уже графъ)—мы еще и за іюль прошлаго года не получили никакихъ наградъ! точно провинившись говоритъ Орловецъ.

— Возможно-ли? Какимъ образомъ?—Это удивительно!..

— Ну да это ничего! А вотъ что обидно:

Станція желѣзной дороги. Буфетъ. Входитъ адъютантъ... не слыхавшій никогда свиста пули (издали видѣлъ, какъ летѣла 5-ти пудовая бомба въ ложементы Орловскаго полка). Тѣмъ не менѣе однако-же грудь адъютанта увѣшана тремя крестами (4-ю награду онъ получилъ—чинъ). У Орловца и у меня серебряныя медальки и у меня еще Анны 3-й степени.

— А!! Герои!.. проигранныхъ сраженій! хохоча во все горло, громко говорилъ адъютантъ. Кто больше выигралъ?..

Орловецъ пробовалъ улыбнуться. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Орловецъ понялъ меня и выручилъ:

— Надо быть негодяемъ или идіотомъ, находя въ этомъ причину смѣха!.. задыхаясь говорилъ онъ,—выберите сами любое, вызывающимъ тономъ окончилъ онъ.

Адъютантъ и тутъ пожадничалъ: взялъ себѣ и то, и другое.

БОЙ ОПОЛЧЕНІЯ ПОДЪ Г. ЕСКИ-ЗАГРОЙ.

(Изъ воспоминаній болгарскаго ополченца).

I.

Рано утромъ 11-го іюля 1877 года болгарское ополченіе въ составѣ четырехъ дружинъ и горной батареи заняло безъ боя г. Эски-Загру, лежащій въ плодородной долинѣ рѣки Марицы. Депутація отъ города съ духовенствомъ во главѣ встрѣтила насъ хлѣбомъ и солью. Радостныя, душевныя привѣтствія сыпались со всѣхъ сторонъ. Дома оригинальной архитектуры были украшены флагами и гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. Надъ узкими улицами стоялъ густой гулъ отъ частаго громкаго „ура" и радостнаго возгласа болгаръ, „да живѣй царь Александръ". Шапки, ружья и ятаганы дружинниковъ украсились цвѣтами.

Смотря издали на эту волнующую толпу, ее можно было принять за бушующее море живыхъ цвѣтовъ. Вино, табакъ, хлѣбъ и другіе продукты предлагались добрыми жителями нашимъ ополченцамъ. Весело, легко быто на душѣ, видѣть и чувствовать неподдѣльную, искреннюю радость жителей и ихъ горячее участіе и вниманіе къ войскамъ, ставшимъ добровольно въ ряды защитниковъ святого праваго дѣла,—войскамъ, положившимъ начало христолюбивому болгарскому воинству, имѣющимъ впереди разрѣшеніе грандіозной политической задачи. Но, не чуяли тогда „бѣдные братушки", что черезъ восемъ дней единовѣрцы и вѣрные защитники ихъ свободы принуждены будутъ отойти опять за Малые, а потомъ за Большіе Балканы, оставивъ на поруганіе и разруше-

ніе мусульманъ ихъ родныя, завѣтныя гнѣзда, не чуяли также, что скоро опять кривой турецкій ятаганъ войдетъ въ свои права, проливая неповинную кровь женщинъ, стариковъ и дѣтей; что опять будетъ стоять надъ узкими улицами гулъ, но гулъ пронзительный, ужасный.... гулъ отъ криковъ и стоновъ, вызванныхъ нестерпимою мучительною болью....

Пройдя городъ, дружины расположились бивуакомъ на большой полянѣ. Наша дружина остановилась бивуакомъ въ верстахъ двухъ отъ города на солнечномъ припекѣ, такъ какъ тѣнистой зелени, кромѣ одного довольно жидкаго и жалкаго на видъ орѣха, не было по близости. Впрочемъ, широкій и длинный холщевой навѣсъ нашего добраго командира манитъ отдохнуть подъ своею тѣнью на кошмахъ и цыновкахъ. Солдаты также раскинули тентабри. День стоялъ необыкновенно жаркій и душный. Густыя волны пыли стлались по дорогѣ, окаймляющей городъ. Разскаленный воздухъ, тихо брожа, окрашивался временами совершенно желтою краской. Кусты и трава, высоко поднявъ свои стебли, стояли какъ очарованныя. Казалось, природа отдыхала, пригрѣтая солнцемъ. Да и большинство свободныхъ отъ службы людей поторопились залѣзть подъ незатѣйливыя тентабри и укрывшись такимъ образомъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей отдались въ объятія сна.

Невыразимо долго тянутся часы дня, гдѣ нибудь на бивуакѣ, подъ южнымъ пекломъ. Жара становится иногда не въ моготу, а сознаніе своего собственнаго безсилія противъ непоборимаго врага природы приводитъ васъ просто въ отчаяніе. Знаешь, что раньше шести часовъ вечера жара не сляжетъ и тужишься всѣми силами перетерпѣть безропотно охватившую васъ истому. За то съ послѣднимъ лучемъ заходящаго солнца вы вновь оживаете. Влажный воздухъ пропитывается душистымъ запахомъ травъ и вы, высунувши изъ палатки голову, полною грудью втягиваете въ себя струю пахучаго воздуха. Вотъ вы потянулись, встали... легкій вѣтерокъ обдалъ васъ.... оглядываетесь—все ожило: люди снуютъ по бивуаку,—кто тащитъ воду, кто хворостъ, кто раскладываетъ костеръ. Проходитъ часъ, другой и тѣни становятся темнѣй и гуще. Красноватый дымъ костровъ клубами потянулся къ верху. Послышались грустные звуки какой-то болгарской пѣсни. Въ другомъ мѣстѣ раздается разухабистая русская плясовая. Вокругъ большого костра человѣкъ 15 дружинниковъ, подъ заунывные своеобразные звуки такъ называемой волынки,—отплясываютъ съ визгиваньемъ и гиканьемъ свой національный танецъ, очень похожій на сербское „коло“. Поглядишь, полюбуешься на окружающее веселье, а затѣмъ поплетешься въ тѣсный кружокъ товарищей и долго-долго за полночь длятся оживленные разговоры, часто разжигаемые вкуснымъ забалканскимъ виномъ. Любили мы также попѣть, причемъ могли дѣйствительно похвастаться хорошими сильными голосами.

II.

Дни проходили за днями, а ополченіе бездѣйствовало, неся лишь аванпостную службу, занимая караулы въ чертахъ города, разсылая патрули по окрестностямъ. За то на долю кавалеріи выпала непосильная работа. Отъ форсированныхъ дальнихъ рекогносцировокъ къ сторонѣ Черпана, Адріанополя и Ени-Загры, лошади стали таять быстро, заболѣвая часто запаломъ, спадая съ тѣла. Перейдя Дунай, мы все время шли въ арріергардѣ передоваго отряда и намъ не могла казаться не страшною опала начальства. Не смотря на то, что болгарская молодежь, составлявшая большій контингентъ ополченія, была сравнительно плохо обучена и дисциплинирована, мы, при хорошемъ кадровомъ составѣ и опытныхъ офицерахъ, могли бы постоять за себя, тѣмъ болѣе въ небольшихъ дѣлахъ, которые представлялись часто при выходѣ въ долину Тунджи изъ Ханнъ-Буазкаго прохода. Вводя такимъ образомъ молодое ополченіе исподоволь въ бой, за нимъ можно было-бъ укрѣпить боевую опытность и тѣмъ самымъ блистательно подготовить часть, не лишая ея одновременно полезныхъ наставниковъ. Но про существованіе ополченія, повидимому, совершенно забыли. Впрочемъ, при взятіи Шипкинскихъ высотъ, 5-я и 6-я дружины были назначены въ составъ штурмующихъ колоннъ, но увы, на дѣлѣ имъ пришлось убирать только раненыхъ. При такомъ положеніи дѣлъ не мудрено, что въ средѣ офицерства ополченія все чаще и чаще высказывалось неудовольствіе по поводу бездѣйствія. Многіе изъ офицеровъ прибыли въ ополченіе изъ далекихъ окраинъ и, конечно, съ исключительною цѣлью попасть скорѣе въ дѣло; а слѣдовательно, казарменная дѣятельность, выпавшая пока на долю ополченія, была далеко чужда ихъ интересамъ.

Прошелъ почти мѣсяцъ, какъ русскія войска перешли Дунай, вступили на турецкую землю, взяли Систово, Тырново, перевалили Большіе Балканы, вошли въ долину Тунджи, захватили Казанлыкъ, разбили Шипкинскій гарнизонъ и побѣдоносно вошли въ г. Эски-Загру, преодолѣвъ на своемъ пути всѣ преграды и трудности горнаго похода. Ополченіе шло все время въ хвостѣ передовой колонны, не слыша свиста пуль, исполняя въ завоеванныхъ городахъ обязанности караульной службы. Но всякому долготерпѣнію суждено когда нибудь пожать плоды за свои заслуги.

Бивуакируя до 16-го іюля въ окрестностяхъ Эски-Загра, мы имѣли самыя смутныя извѣстія о движеніи непріятеля; эти извѣстія передавались намъ бѣженцами-болгарами; начальство же, имѣвшее въ руцѣхъ своихъ, быть можетъ самыя подробныя свѣдѣнія, облекалось въ таинственность. Очевидно, мы не могли придавать особенной вѣры разсказамъ бѣженцовъ. Но вотъ наступило 16-е іюля, а съ нимъ вмѣстѣ и

приказаніе выступать нашей дружинѣ къ сторонѣ Адріанополя. Обрадованные крайне такимъ благопріятнымъ исходомъ долготерпѣнія, мы начали готовиться къ походу, а часъ спустя, узкая черная лента задвигалась по дорогѣ, вздымая высоко облака пыли.

Солнце уже сѣло и прохладный вѣтерокъ обдувалъ вспотѣвшія и раскраснѣвшія лица братушекъ, когда мы пришли на позицію, лежащую верстахъ въ десяти южнѣе Ески-Загра и расположенную влѣво отъ большой шоссейной Адріанопольской дороги.

Тотчасъ же были приняты надлежащія мѣры къ огражденію отъ нечаяннаго нападенія непріятеля и для наблюденія за нимъ. Особенныя предосторожности не входили въ разсчетъ нашего отряднаго начальника, тѣмъ болѣе, что опредѣленныхъ извѣстій о наступленіи непріятеля со стороны Адріанополя не было, да и подкрѣпленія въ случаѣ надобности могли подойти быстро. Расположились мы на позиціи точно также, какъ и на бивуакѣ, раскинувъ палатки, разведя костры. Въ этотъ разъ въ шатрѣ нашего многолюбимаго начальника чувствовалось еще большее оживленіе, чѣмъ когда либо. Разговоры, пѣсни длились за полночь. Почти все офицерство собралось вмѣстѣ, за исключеніемъ поручика Ж., ушедшаго наканунѣ съ охотниками, городскими болгарами, вызвавшимися истреблять мелкія шайки баши-бузуковъ къ сторонѣ Черпана. Мысль невольно останавливалась на любимомъ всѣми товарищѣ, благославляя его мысленно окончить успѣшно, по истинѣ, хорошее доброе дѣло.

Наговорившись вдоволь, офицеры мало по малу стали расходиться. Говоръ и пѣсни смолкли.

На позиціи водворилась тишина.

III.

На слѣдующій день, т. е. 17-го числа, рано утромъ, прискакалъ на нашу позицію ординарецъ, съ приказаніемъ немедленно отступить на старый бивуакъ. Такого рода распоряженіе заставило насъ невольно призадуматься.

Въ этомъ приказаніи чуялось не одно только пустое передвиженіе отряда, но нѣчто болѣе серьозное.

Прійдя къ прежнему мѣсту стоянки, мы узнали, что въ 12 часовъ дня назначено выступленіе нашего отряда, подъ командою Е. В. герцога Николая Максимиліановича, къ сторонѣ города Ени-Загра. Но такія поверхностныя свѣденія далеко не могли удовлетворить любознательности и въ этомъ случаѣ не пустой. Хотѣлось узнать цѣль нашего движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе познакомиться съ предстоящимъ дѣломъ. Начались разспросы, справки, обращенные къ штабнымъ, которые, въ этомъ случаѣ, всегда во все посвящены, и даже отъ себя добавляютъ

кой-какія свѣденія, конечно не обуздывая воли своего игриваго воображенія. Оказалось, что отрядъ нашъ долженъ прибыть завтрашній день къ г. Ени-Загра, занятаго значительными непріятельскими силами, составлявшими авангардъ отряда Сулеймана-паши, и атаковать его съ правой стороны, поддерживая такимъ образомъ атаку сѣвернаго и восточнаго отряда генерала Гурко. Къ идеальному плану атаки съ трехъ сторонъ одновременно, нельзя было не относиться съ почтеннымъ уваженіемъ и глубокою вѣрою въ блестящіе результаты дѣла. Безъ сомнѣнія, непріятель будетъ разбитъ на голову и разбѣжавшіяся войска его, одержимыя страшной паникой, внесутъ полнѣйшую деморализацію въ турецкое войско, сообщая вѣсть о русскихъ побѣдахъ. Такъ думалось каждому изъ насъ, такъ оно должно было быть, но въ дѣйствительности случилось иначе.

Предположеніе же большинства офицеровъ о блестящемъ пораженіи непріятельской арміи, при соединеніи трехъ отрядовъ, основывалось не на однихъ простыхъ выкладкахъ ума, а на фактахъ еще такъ недавно минувшихъ. Дѣйствительно, съ переходомъ генерала Гурко за Балканы, долина Тунжи очищается отъ непріятельскихъ войскъ; побѣды всюду остаются за нами; въ рядахъ непріятельскихъ царитъ паника, наведенная на нихъ кара-аскерами (черные солдаты); такое названіе дано турками стрѣлкамъ 4-й бригады. Едва разносится вѣсть о приближеніи русскихъ войскъ, и непріятель бѣжитъ, не принявъ даже сраженія; — совмѣстно съ нимъ бѣгутъ сельскіе и городскіе жители, боясь расправы болгаръ, съ которыми у нихъ ведутся старые счеты. Да не тоже ли самое повторилось за Малыми Балканами, въ долинѣ рѣки Марицы? Недождавшись праваго отряда, генералъ Гурко атакуетъ Ени-Загру двумя отрядами и послѣ пяти часоваго боя городъ сдается, а разстроенный непріятель бѣжитъ въ безпорядкѣ къ Адріанополю. Тамъ полнѣйшая паника; городское населеніе, увѣдомленное отступившими, прибѣжавшими войсками о побѣдахъ русскихъ, спѣшитъ взвалить свое добро на телѣги и ищетъ спасенія въ Константинополѣ. Эти свѣденія достовѣрны; Адріанопольское турецкое населеніе передавало все вышесказанное русскимъ офицерамъ, по вступленіи нашихъ войскъ въ Адріанополь. Однако къ разсказу.

Не смотря на то, что былъ четвертый часъ дня, жара не унималась, но войска шли бодро. Отрядъ нашъ состоялъ изъ трехъ кавалерійскихъ полковъ: драгунской бригады (Казанскій и Астраханскій) и Кіевскаго гусарскаго; пѣхоту составляли $3^{1}/_{2}$ дружины ополченія, а артиллерію—2 орудія Донской казачьей батареи, четыре горныхъ орудій 2-й конной батареи и четырехъ-фунтовая конная батарея. Кромѣ регулярной кавалеріи, при отрядѣ находились еще казаки, въ числѣ отъ 300—400 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Краснова.

Мы шли по довольно пыльной дорогѣ; справа и слѣва по сторонамъ тянулись поля, одѣтыя высокой кукурузой и золотистыми полосами пшеницы, красиво волновавшейся при малѣйшемъ вѣтрѣ. Тамъ и сямъ разбросались фруктовыя деревья, преимущественно густолиственный орѣшникъ и миндаль. Вдали дымились селенія, подожженныя рукою башибузука или черкеса; неприглядно смотрѣли обгорѣвшія почернѣлыя стѣны строеній. Почти около самой дороги попадались не рѣдко трупы турокъ и болгаръ, предавшіеся разложенію. Сильное зловоніе непріятно щекотало ноздри. Многіе трупы, въ особенности болгаръ, носили слѣды страшной мучительной расправы. Благодаря распорядительности начальства, были приняты мѣры къ устраненію могущей послѣдовать заразы. На пути слѣдованія приказано зарывать или сожигать встрѣчающіеся трупы. Къ послѣднему способу прибѣгали чаще въ тѣхъ видахъ, что онъ требовалъ гораздо менѣе времени, чѣмъ первый и кромѣ того въ горючемъ матеріалѣ не встрѣчалось недостатка.

Было часовъ пять. Отрядъ медленно и вяло подвигался впередъ; люди не выступали уже такъ бодро, а лѣниво переставляли ноги. Утомленные отъ перехода, а также отъ сильной жары, отрядъ требовалъ временнаго отдыха, чтобъ немного передохнуть, утолить жажду. Скоро головная часть отряда остановилась; остальныя стали медленно подтягиваться. „Стой! Составь!“ послышались командныя слова. Едва они замерли, какъ большинство людей ринулось къ впереди насъ лежащей рѣчкѣ, чтобы напиться всласть водицы и наполнить ею манерки на дорогу.—„А то, кто э знаетъ, можетъ до самаго непріятеля воды не найдешь замѣтилъ одинъ изъ кадровыхъ.

IV.

Во время слѣдованія отряда до привала, одинъ изъ дружинниковъ обратилъ на себя мое особенное вниманіе. Онъ шелъ впереди всѣхъ; славянка его, надѣтая на одну руку, свѣсилась за спину и болталась на подобіе ментика. Засученный выше локтя рукавъ грубой рубашки обнажалъ руку, на кисти которой чернѣла порохомъ натертая мѣтка. Вся фигура его была до чрезвычайности типична и невольно останавливала на себя вниманіе. Средняго роста, коренастый, съ хорошо развитыми плечами, онъ казалось обладалъ изрядною силой, не смотря на свои преклонныя лѣта. Физіономія его отличалась необыкновенною подвижностью; въ особенности глаза. Черты лица его были довольно правильны, за исключеніемъ носа, имѣвшаго видъ ястребинаго клюва. Идя впереди своихъ товарищей, онъ все что то бормоталъ себѣ подъ носъ. Если встрѣчалась на пути небольшая рытвина или канава, которую легко можно было перешагнуть, онъ непремѣнно перепрыгивалъ, Богъ

знаетъ почему! Но по всей вѣроятности для того, чтобы показать этимъ: „поглядите, хоть я молъ и старъ, но не хуже васъ молодыхъ; за себя еще постою". А можетъ быть онъ этими прыжками утѣшалъ, подбодривалъ самого себя, забывая на время свою старость. На болгарскомъ нарѣчіи Коросскаки (такъ звали дружинника) говорилъ мало, а на русскомъ зналъ какое то непечатное слово, и, хорошо, которое выговаривалъ „корошъ". Большею частью онъ объяснялся мимикой, которую постигъ въ совершенствѣ и благодаря этому искусству, его отлично понимали. Держался онъ тоже странно; совершенно особнякомъ, питая какую-то отеческую привязанность къ одному молодому дружиннику, хотя былъ уважаемъ и любимъ товарищами. Къ офицерамъ относился съ должнымъ уваженіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ своею обязанностью здороваться съ ними за руку, и распространялъ эту обязанность даже на командировъ отдѣльныхъ частей.

Сначала къ этому протягиванію руки нижняго чина относились шутливо, считая Коросскаки полупомѣшаннымь чудакомъ, а потомъ познакомившись ближе съ жизнью этой оригинальной личности, съ нимъ стали всѣ здороваться за руку, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ достоинъ всякаго уваженія. 30-ть лѣтъ онъ дрался съ турками за свободу христіанъ, участвовалъ во всѣхъ возстаніяхъ и сдѣлавъ сербскую кампанію, поступилъ добровольцемъ въ ряды ополченія, чтобы, какъ онъ выражался, сложить свою голову за идею. Смерти выше—онъ не желалъ и не могъ себѣ представить. Объявивъ себѣ по смерть свою войну невѣрнымъ, онъ былъ къ нимъ невыразимо лютъ безъ разбора. Рука Коросскаки не дрогнула бы убить даже беззащитнаго младенца. Видно сильная злоба, и не безпричинная, накопилась у него на сердце. Вотъ какова была личность Георгія Коросскаки! Но о ней прійдется еще поговорить.

На привалѣ отрядъ отдыхалъ не долго. Скоро было скомандовано движеніе впередъ и войска вытянувшись, вновь задвигались по дорогѣ.

Солнце спустилось низко и край его спрятался за гребнемъ горъ. Въ наступающей прохладѣ чувствовалось близость сумерекъ. Вдали послышались выстрѣлы. Отрядъ сталъ медленно сворачивать съ дороги влѣво и выстраиваться въ боевой порядокъ. „Снимите шапки, братцы, да перекреститесь. Сегодня въ первый разъ вамъ доведется подраться съ туркой", говорилъ ротный командиръ своимъ подчиненнымъ. Солдаты, снявъ шапки, стали набожно креститься.

Мы зашагали по вспаханному полю, по кукурузѣ и наконецъ зашли въ густой цѣпкій кустарникъ, впереди котораго виднѣлся неглубокій длинный ровъ. Выстрѣлы слышались чаще и явственнѣе. Но вотъ раздался сильный глухой ударъ, за нимъ другой, третій и непріятельскія гранаты зашипѣли, загудѣли въ воздухѣ. Наша батарея не замедлила

отвѣтить и одна изъ пущенныхъ гранатъ удачно врѣзалась въ группу всадниковъ, расположенныхъ на небольшомъ курганчикѣ. Турецкія гранаты не причиняли намъ вреда: они ложились передъ ротами въ шагахъ 50-ти, не разрываясь и глубоко закапывались въ землю. Цѣпь наша заняла длинный ровъ, но огня пока не открывала. Скоро послышался не то гикъ, не то визгъ. Черкесы неслись на нашъ лѣвый флангъ, преслѣдуя драгунъ, и быть можетъ, намѣреваясь атаковать также пѣхоту; 2-я и 4-я рота 3-й дружины, открыли по нимъ густой огонь. Черкесы не выдержали и въ разсыпную поскакали обратно. Дальнѣйшихъ попытокъ, со стороны непріятеля, атаковать насъ не было, а мы идти впередъ не рѣшались, не зная въ точности численности непріятеля. Но уже по одному только числу его орудій и сильно укрѣпленной позиціи къ сторонѣ села Джуранлы, можно было заключить, что силы непріятеля далеко превосходятъ наши.

Простоявъ до темноты противъ непріятельскихъ батарей, отрядъ получилъ приказаніе отступать въ боевомъ порядкѣ за селеніе Дельбоки и тамъ ждать дальнѣйшихъ приказаній. Отступивъ къ означенному селенію, войска отряда, кое-какъ расположились на отдыхъ со всѣми предосторожностями. Ночь, въ виду близости превосходныхъ силъ, мы провели тревожно. Съ разсвѣтомъ намъ было велѣно отступать къ сторонѣ г. Эски-Загра.

V.

Едва, едва заалели розовыя полосы зари надъ гребнемъ вдали синѣющихъ горъ, и блѣдныя звѣзды, едва мигая, еще боролись съ наступающимъ разсвѣтомъ, какъ отрядъ длинною темною полосой уже бодро двигался къ сторонѣ г. Эски-Загра. Идти на зарѣ легко, а въ особенности при сознаніи, что по приходѣ, на мѣстѣ васъ ожидаетъ отдыхъ. Скоро показались знакомыя вышки мечетей, а потомъ вырѣзалась отъ прозрачнаго тумана вся лѣвая сторона города.

Отрядъ, не дойдя до города, свернулъ съ дороги влѣво и раскинулся бивуакомъ возлѣ турецкаго кладбища. Получилось приказаніе готовить людямъ обѣдъ. Обычная суета, на бивуакѣ, смѣнила серьезный, сосредоточенный характеръ отряда. Люди снуютъ взадъ и впередъ по всѣмъ направленіямъ; раздается несдержанный смѣхъ, громкій говоръ, трескъ сучьевъ. Костры задымились и уже готовы жечь, палить и варить. Офицеры держатся отдѣльными группами и въ каждой изъ нихъ слышится оживленная бесѣда.

„Господа, поручикъ Ж., прибылъ“, разнеслась вѣсть по бивуаку и мы всѣ спѣшили къ прибывшему товарищу, чтобы узнать какъ и чѣмъ окончилась его экспедиція, съ городскими болгарами-охотниками къ сторонѣ Черпана. Свѣденія, сообщенныя намъ поручикомъ Ж., были не особенно

утѣшительны: онъ сообщилъ между прочимъ, что отрядъ ихъ потерпѣлъ полнѣйшій фіаско; сообщилъ также, что былъ окруженъ не только башибузуками, но массою регулярной кавалеріи, что перестрѣлка, завязанная съ нашей стороны, ни къ чему не повела и заставила его немедленно отступить. Но самая убійственная вѣсть заключалась въ томъ, что бѣжавшіе болгарскіе поселяне сообщали единогласно о наступленіи Сулеймана-паши съ превосходными силами со стороны Адріанополя.

Грубая, рѣзкая дѣйствительность предстала во всей своей наготѣ. Положеніе отряда становилось уже слишкомъ незавиднымъ. Да, именно—незавиднымъ. Какое значеніе имѣли наши слабыя силы, не обезпеченныя ни съ тыла, ни съ фланговъ, ни съ фронта, съ сравнительно превосходными силами непріятеля.

Весь успѣхъ дѣла и единственная надежда побѣдить противника заключалась въ разрѣшеніе слѣдующей задачи: пробиться нашему отряду чрезъ непріятельскую армію, укрѣпившуюся въ селеніи Джуранли и идти на соединеніе съ генераломъ Гурко, или же держаться оборонительнаго дѣйстія, занявъ высоты передъ Ески-Загрой, и выжидать прибытія къ намъ Енизагрскаго отряда, которому по составу своему легче пробиться чрезъ Джуранли и выручить насъ.

Но герцогъ Николай Максиміліановичъ возобновилъ вчерашнюю попытку прорваться чрезъ Джуранли и съ этою цѣлью двинулъ вновь отрядъ по дорогѣ къ Ени-Загрѣ. Опять зашагали по пыльной дорогѣ усталые, неоправившіеся солдаты, глотая ѣдкую пыль, назойливо липнувшую къ вспотѣвшему тѣлу; опять, какъ и вчера, свернули съ дороги и съ трудомъ переставляя ноги, задвигались по кочкамъ, кукурузѣ, пшеницѣ.

Но непріятельскія батареи, стоявшія на прежнихъ мѣстахъ, изъ далека встрѣтили насъ огнемъ. Позиція противника, сильно укрѣпленная заставила герцога отказаться отъ попытки проложить путь чрезъ Джуранли.

Да и могли ли въ дѣйствительности три дружины съ двумя ротами ($3^1/_2$ батальона) почти безъ артиллеріи и безъ резервовъ атаковать сильно укрѣпленный лагерь, когда противъ генерала Гурко, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи 2 полка и 4 баталіона, а также значительное число орудій, непріятель, засѣвшій въ Джуранли, держался упорно и сдался лишь послѣ восьми часоваго боя.

Противъ рожна не пойдешь! Волей не волей пришлось повернуть оглобли и держаться оборонительнаго положенія.

Къ солнечному закату, отрядъ послѣ неудачной экспедиціи вернулся обратно къ Ески-Загрѣ. Но кавалерія отряда работала еще долго. Черкесы въ значительномъ числѣ упорно насѣдали на нашу кавалерію. Потребовалась помощь со стороны пѣхоты и въ виду этого обстоятель-

ства, для прикрытія отступленія кавалеріи, назначили 1-ю роту 3-й дружины, которою командовалъ доблестный капитанъ 1-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона Федоровъ, павшій геройскою смертью 19 іюля, въ сраженіи при г. Ески-Загрѣ.

Послѣ часовой перестѣлки, черкесы принуждены были отступить. Этотъ день ознаменовался первой потерей въ бою со стороны нашего молодаго ополченія: убыло изъ строя 7 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ убитъ и 6 ранены. Капитанъ Федоровъ, командовавшій ротою въ дѣлѣ съ черкесами, между прочимъ, сообщилъ намъ, что ополченцы, не взирая на слабую военную подготовку, тѣмъ не менѣе, держатъ себя въ бою превосходно, выше ожиданій; крайне понятливы, хладнокровны и не изъ трусливыхъ. Извѣстіе это насъ, какъ людей близко стоящихъ къ ополченію, весьма обрадовало. Поздно вечеромъ пришла еще одна радостная вѣсть, поднявшая нравственное состояніе и вселившее въ насъ полный успѣхъ побѣды. Генералъ Гурко извѣстилъ герцога, что гор. Ени-Загра послѣ ожесточеннаго боя перешелъ въ наши руки, непріятель разбитый на голову, въ безпорядкѣ бѣжалъ; въ концѣ донесенія генералъ выразилъ, между прочимъ, полнѣйшую надежду завтра же, т. е. 19-го, соединиться съ нашимъ отрядомъ.

VI.

Надвинулась темная южная ночь. Звѣзды ярко мигали на небѣ, и словно тысяча небесныхъ глазъ любовно взирали на землю.

Сверхъ обыкновенія, ночь была теплая; даже какая-то пріятная духота чувствовалась въ ней. Офицеры расположились вокругъ большаго костра. Тяжелыя предчувствія не мучили насъ. Никому не думалось, что мы собрались послѣдній разъ въ тѣсный товарищескій кружокъ и что кусокъ свинца, не позже какъ завтрашній день, многихъ изъ насъ разочтетъ съ земною жизнью.

Съ первыми лучами встающаго солнца поднялся на ноги отрядъ и бивуакъ или, вѣрнѣе сказать, позиція приняла свою обычную военную физіономію.

Съ восточной стороны слышались временами отдѣльные выстрѣлы, переходившіе часто въ густые учащенные залпы. Часовъ около девяти, появился съ южной стороны, въ виду Ески-Загры, непріятель въ значительномъ числѣ. Немного впереди и лѣвѣе мѣсторасположенія нашей дружины возвышалась высокая отдѣльная площадка, на которой помѣстился герцогъ и его штабъ. Я тоже направился туда, чтобы нѣсколько ознакомиться съ силами непріятеля. Зрѣлище, представшее моимъ глазамъ: превзошло мое ожиданіе, непріятель густыми цѣпями въ нѣсколько рядовъ, съ сильною артиллеріею въ интервалахъ, наступалъ съ южной

стороны города. Глядя на эту силу, можно было съ разу опредѣлить, что боя въ открытомъ полѣ мы не въ состояніи принять. Вся надежда падала на отрядъ генерала Гурко. Но едва-ли успѣетъ онъ подойти во время выступовъ, (даже по своему обѣщанію) изъ Ени-Загры въ 6 часовъ утра. Какъ бы то ни было, надо по мѣрѣ силъ своихъ продержаться впредь до подхода подкрѣпленій.

Генералъ Столѣтовъ, подъѣхавъ къ дружинѣ, отдалъ приказаніе немедленно стать въ ружье и приблизиться къ городу.

Подходя къ нему, дружина была неожиданно встрѣчена ружейнымъ огнемъ на весьма неблагопріятной для себя и открытой позиціи, имѣя сзади городъ, а впереди большое пространство земли, покрытой густыми кустарниками и садами фруктовыхъ деревьевъ, виноградниками и кукурузою, гдѣ занялъ позицію непріятель, засѣвши за кучки связанныхъ сноповъ соломы. Позлѣ надлежащей команды нашего командира, дружина построилась въ боевой порядокъ, причемъ въ цѣпь разсыпалась 1-я и 2-я рота, а резервами цѣпи служили 3-я и 4-я рота. Турецкая цѣпь все усиливалась, а противъ нашего праваго фланга выдвинулась непріятельская сомкнутая колонна. Въ силу удлиненія непріятельской цѣпи и въ виду возможности обхвата нашего праваго фланга, 1-я и 2-я рота двинулись вправо, а 3-я и 4-я роты, разсыпавшись также въ цѣпь, заняли пространство лѣвѣе 2-й роты, такъ что вся дружина образовала сплошную линію цѣпы, не имѣя за собою резервовъ. Я не замѣтилъ, какъ я попалъ въ сферу выстрѣловъ, хотя явственно слышалъ разнообразное завываніе и свистъ пуль; но то какое-то оцѣпенѣніе, не то словно сонливость, непониманіе охватило меня. Слабый крикъ, раздавшійся у моихъ ногъ, заставилъ меня очнутся. Ополченецъ, лежавшій за небольшимъ бугоркомъ, не много впереди меня заметался, приподнялъ было руку, но рука такъ и не дошла къ желанной цѣли, а осталась полуприподнятой и закоченѣла. Изъ подъ шапки убитаго текла кровь по затылку, спускаясь за спину.—„Что вы стоите на виду,—ложитесь“, крикнулъ мнѣ ротный командиръ. А, такъ мы на яву, въ огнѣ и въ сильномъ; даже убитые есть, заговорилъ мой разсудокъ.

Непріятельская и наша цѣпь долго стояли другъ противъ друга въ ровномъ положеніи, размѣниваясь обоюдно дождемъ свинца. Надо было выйти изъ оборонительнаго положенія и отбросить непріятеля. Наша дружина составляла центръ боевой линіи и, потому, противникъ всѣми силами обрушился на насъ, стараясь повозможности скорѣе прорвать центръ, а затѣмъ уже порѣшить съ флангами.

По приказанію дружиннаго командира, барабанщики забили атаку, и вся линія двинулась впередъ; въ 3-й ротѣ запѣли даже пѣсню: „Болгаре юнацы“. Приблизившись къ непріятелю шаговъ на 360, раздалось грозное „ура“. Нападеніе было сдѣлано до того дружно и быстро, что

непріятель въ полнѣйшемъ безпорядкѣ бросился бѣжать. Мы съ успѣхомъ опрокинули турокъ, засѣвшихъ за снопами и воспользовались временно ихъ прикрытіемъ.

Масса убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ которыхъ попадались эфіопы, валялись здѣсь. Намъ приходилось шагать черезъ нихъ,—а нѣкоторыхъ и прикалывать, такъ какъ многіе изъ раненыхъ, не взирая на свои раны, продолжали стрѣлять намъ въ тылъ. Живо припоминается мнѣ одинъ негръ, лежавшій на спинѣ съ закрытыми глазами. Пройдя мимо него, я случайно обернулся назадъ и замѣтилъ, что онъ уже приподнялся корпусомъ и схватился за ружье. Шедшій сзади меня ополченецъ, видя эту восточную хитрость, прихлопнулъ его въ голову прикладомъ.

Выбивъ непріятеля изъ его первой позиціи, мы бросились опять впередъ. Въ этотъ же самый моментъ вдругъ и одновременно въ тылу нашего праваго фланга и противъ лѣваго появились густыя непріятельскія колонны.

VII.

Правый флангъ нашъ перемѣнилъ фронтъ, а на появившагося непріятеля на лѣвомъ флангѣ пошла въ атаку первая дружина.

Огонь все усиливался и наконецъ дошелъ до такого maximum'а, что держаться не было никакой физической возможности. Непріятель осыпалъ насъ градомъ свинца, стрѣляя съ трехъ сторонъ. Мы же, благодаря своему отвратительному вооруженію ружьями Шаспо, не могли соперничать съ противникомъ. Въ продолженіи боя, ружья то и дѣло портились.

Отъ такого перекрестнаго, густаго огня, убыль людей становилась слишкомъ ощутительна, кромѣ того, фланги наши, потерявшіе связь съ общей боевой линіей, были совершенно открыты противнику и имъ грозила опасность быть окончательно разбитыми, если непріятель пуститъ въ атаку свою кавалерію. Не смотря на мѣткій огонь шрапнелью капитана Константинова, обстрѣливавшаго съ фланга густую непріятельскую цѣпь, турки упорно наступали.

Дистанція, лежащая между нами и непріятелемъ, была слишкомъ незначительна, такъ что гранаты нашей горной батареи ложились вблизи нашего фронта, а одна изъ нихъ упала впереди насъ, въ шагахъ пяти, не причинивъ, впрочемъ, никакого вреда, такъ какъ, къ счастью, врѣзалась въ стволъ огромнаго орѣха, расщипавъ въ куски дерево. Такимъ деревяннымъ осколкомъ былъ легко контуженъ одинъ изъ офицеровъ.

Продержавшись до послѣдней минуты возможности всякой защиты, подполковникъ Калитинъ приказалъ начать отступленіе. Въ это время знаменщикъ Аксентій Цимбалюкъ получаетъ сильное раненіе въ грудь, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ идти, не выпуская знамени, пока его силы не оставляютъ совершенно. Тогда Калитинъ беретъ знамя изъ его рукъ, но падаетъ самъ съ лошади, сраженный пулею въ голову. Знамя

переходитъ изъ рукъ въ руки; подъ нимъ падаетъ пять человѣкъ, но оно, съ обломленнымъ древкомъ и погнутымъ копьемъ, вынесено унтеръ-офицеромъ 2-й роты. Отдѣльныхъ примѣровъ удали было много, какъ въ средѣ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

Георгій Карасскаки, тотъ самый, о которомъ я говорилъ уже выше, будучи раненъ въ голову, нисколько не безпокоится о своемъ раненіи, а думаетъ лишь о томъ, какъ бы отомстить врагу. Выпустивъ серію ругательныхъ, недоступныхъ печати, словъ, онъ принимается ожесточенно стрѣлять по непріятелю, а кровь, между прочимъ, такъ и струится по его лицу, залѣпляя глаза. Насладившись отмѣсткой, онъ перевязываетъ рану свою платкомъ и продолжаетъ работу ружьемъ.

Осетинъ, Николай Дудоръ, находящійся при дружинѣ, въ качествѣ ординарца при подполковникѣ Калитинѣ, и горнистъ 4-й роты Петръ Корчинскій, отрѣзанные непріятелемъ, прокладываютъ себѣ путь къ своимъ, отмахиваясь на лѣво и на право турецкимъ же оружіемъ, причемъ Дударъ убиваетъ кинжаломъ пять человѣкъ.

А какими героями-молодцами показали себя капитанъ Федоровъ, штабсъ-капитанъ Усовъ, а въ особенности поручикъ Живоревъ и подпоручикъ Поликарповъ. Послѣдній, раненый въ нижнюю челюсть, забрызганный своею кровью, все время остается въ бою и ѣздитъ подъ огнемъ непріятеля, передавая приказанія, пока, наконецъ, не лишается силъ. Необыкновенное самоотверженіе и презрѣніе къ смерти проявилъ поручикъ Живоревъ. Раненый въ ногу, онъ старается вынести изъ строя убитыхъ товарищей, сначала капитана Федорова, а потомъ подполковника Калитина, но бремя ноши оказывается не по силамъ. Турки въ нѣсколькихъ шагахъ и вотъ-вотъ сейчасъ настигнутъ. Приходится оставить убитыхъ товарищей на полѣ битвы и спасаться самому. Онъ чуть ли не самымъ послѣднимъ втянулся въ ущелье. Говоря о примѣрахъ удали, проявлявшихся на каждомъ шагу, нельзя не упомянуть о тѣхъ страшныхъ варварскихъ сценахъ, видѣнныхъ нами, при воспоминаніи которыхъ каждый отдѣльный волосокъ поднимается на головѣ и острая дрожь непріятно пробѣгаетъ по тѣлу.

Смертельно раненый въ грудь поручикъ Павловъ 5-й дружины прислонился къ дереву, не въ силахъ идти за отступающею частью. Солдаты его роты хотятъ вынести своего офицера, но онъ приказываетъ имъ нетревожить его, такъ какъ все равно неминуемо долженъ умереть.

Наступающій непріятель, дойдя до дерева, о которое прислонился Павловъ, окружаетъ умирающаго. Турецкій офицеръ съ обнаженною саблей подходитъ къ Павлову, наноситъ ударъ саблею сначало по одной рукѣ, затѣмъ по другой, — обѣ руки отваливаются. Не довольствуясь этимъ звѣрствомъ, турокъ наноситъ еще ударъ и отдѣляетъ голову отъ туловища; затѣмъ трупъ безъ головы и безъ рукъ поднимается окружающи-

ми турками на штыки и подбрасывается къ верху. Подобныхъ звѣрскихъ поступковъ со стороны турокъ было совершено не мало. И послѣ всего этого у Англіи хватало еще нахальства громогласно заявлять и обвинять насъ русскихъ якобы въ жестокомъ обращеніи съ турками. Гуманность русскихъ въ отношеніи враговъ доведена до nec plus ultra—мы пересолили!

Отступая относительно въ порядкѣ, мы наконецъ втянулись въ ущелье и непріятель прекратилъ преслѣдованіе. Мы вздохнули свободно. Но прежде, чѣмъ дойти до безопаснаго мѣста, намъ пришлось слишкомъ много перечувствовать, передумать.

VIII.

Городъ, подожженный въ нѣсколькихъ мѣстахъ, пылалъ; густой черный дымъ стлался надъ крышами домовъ; шайки баши-бузуковъ и черкесовъ, ворвавшихся въ городъ, рѣзали и мучили жителей, насилуя женщинъ и уводя съ собою красивыхъ дѣвушекъ.

Ополченіе дралось блистательно, продержавшись противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ болѣе четырехъ часовъ и понеся значительную потерю.

Въ одной 3-й дружинѣ, изъ числа 13-ти офицеровъ, убыло изъ строя 9, причемъ убито 4. Нижнихъ чиновъ убыло болѣе 200 человѣкъ. Все ополченіе потеряло убитыми и ранеными: офицеровъ 22 и нижнихъ чиновъ болѣе 800.

Потрясающее впечатлѣніе произвела на насъ картина отступленія.

Послѣ томительнаго перехода, мы вышли изъ ущелья и, перейдя рѣку Тундру, расположились бивуаками. Немного дружинниковъ собралось подъ спасеннымъ знаменемъ: недосчитывалось многихъ.

Кружокъ офицерства совсѣмъ порѣдѣлъ:—всего-то четверо на всю дружину осталось, такъ что старшему офицеру штабсъ-капитану Стесселю пришлось командовать и дружиной и ротой. По сборѣ ополченія, насъ поразило отсутствіе генерала Столѣтова,—который, какъ оказалось впослѣдствіи, прорвался во время боя съ двумя орудіями и присоединился къ отряду генерала Гурко. Выбравъ позицію, и поставивъ отрядъ въ боевомъ порядкѣ, людямъ разрѣшили наконецъ отдохнуть, — а отдыхъ послѣ трехдневныхъ форсированныхъ переходовъ, и послѣдняго жаркаго дѣла подъ знойными лучами былъ болѣе чѣмъ необходимъ.

Наступила ночь. Звѣзды ярко вспыхивали на темномъ, безконечномъ фонѣ неба, а вдали надъ капризнымъ контуромъ горъ висѣло зарево пожара, когда-то уютнаго, богатаго города. Невеселыя думы, словно тать, подкрадывались въ воображеніе, заставляя его переносится къ трудно, горько пережитому утру; а разстроенному слуху чудились чьи-то далекіе замирающія вопли. . . . .

Ю.

НА БАЛКАНАХЪ И ВЪ ДОЛИНѢ РОЗЪ

27 и 28 Декабря.

Кончился день: насталъ тихій зимній вечеръ, по свѣтлому куполу неба такъ и роются звѣзды. Все спитъ, ничто не нарушитъ это безмолвіе природы, это мертвое царство сна. Лишь изрѣдка лай болгарской собаченки, глухое мычаніе буйвола, или крикъ соннаго погонщика пытаются нарушить его, но снова все стихнетъ, опять тишина, опять все заснетъ. Но что же это за звуки теперь нарушаютъ ее?— Церковное пѣніе, оно тихо раздается и какъ лучи бросаетъ солнце, забрасываетъ далеко въ тишь замирающіе звуки „благослови душе моя Господи". Это 24 декабря въ дер. Топлишъ офицеры Углицкаго полка (отряда г.-л. Скобелева 2-го) въ присутствіи храбраго командира своего полковника Панютина служатъ всенощную. Многихъ усердно молящихся тутъ нѣтъ болѣе въ живыхъ, и каждый думалъ, что это быть можетъ послѣдняя рождественская всенощная, которую приходится слушать. Хозяинъ хаты бѣдный болгаринъ раздобылъ для этого случая 4 желтаго воску свѣчки, 5 турецкихъ галетъ, замѣнявшихъ пять хлѣбовъ, вина пшеницы и елею. Все это установлено было на болгарскій подносъ и у подножія грозныхъ Балканъ тихо покачивались, колыхаемые сквознымъ вѣтромъ, огоньки свѣчей и плавно лились звуки „Рождество твое Христе Спасе нашъ". Такъ молитвою и окончился канунъ великаго у насъ на Руси праздника. 25-го декабря въ самый день Рождества Христова, полкъ нашъ въ 7 часовъ утра выше пояса въ снѣгу, при 20° морозу справа по одному сталъ подыматься къ высшей точкѣ большихъ Балканъ и лишь къ 4 часамъ утра 26-го достигъ ея, тянувши на себѣ 12 орудій горной артил-

леріи. Послѣ трехъ-часоваго привала полкъ тронулся и долженъ былъ слѣдовать во главѣ отряда.

Утро было морозное, неимовѣрно рѣзкій вѣтеръ свирѣпствовалъ по вершинамъ, злостію завывая гудѣлъ и срывалъ громадныя клоки снѣга прилипшіе къ скаламъ. Полкъ шелъ въ туманъ тучъ, тяжело было дышать, легкой пластинкой льда стягивало ротъ, глаза были въ слезахъ, но не отъ одной грусти, но и отъ мороза. Пройдя версты четыре по узкому карнизу, мы подняли уныло опущенныя головы; сердито шипя и присвистывая, пролетали гранаты, но къ счастію всѣ черезъ головы. Это турки забавляются, пуская ихъ съ батарей своихъ шипкинскихъ позицій. Еще двѣ версты и спиралью вьется дорожка—спускаясь въ долину розъ, долину рѣки Тунджи. По этой-то протоптанной Казанскимъ полкомъ дорожкѣ мы и спускались. Настолько крутымъ обрывомъ оканчивалась она, что верхомъ спуститься было больше чѣмъ невозможно. Лошади были пущены на произволъ собственнаго разума. Когда скатился внизъ полковникъ Панютинъ и еще два три человѣка, а полкъ только еще подходилъ къ спуску, показался всадникъ, летѣвшій въ скачь съ крикомъ „скорѣе резерва, выручайте". Ободривая людей, быстро сбѣгавшихъ по одному съ кручи, Панютинъ пустился бѣгомъ. Какъ электричество пробѣгаетъ по проволокѣ, пролетѣлъ крикъ „скорѣй выручайте братцы, нашимъ плохо". Дѣйствительно было не хорошо. Двѣ роты Казанскаго полка, подъ начальствомъ адъютанта в. к. главнокомандующаго полковника Ласковскаго, увлеклись и черезъ-чуръ далеко зашли въ долину, къ самой дер. Эметли, лежащей у подножья хребта. Деревня эта была занята нѣсколькими таборами турокъ, защищавшихъ выходъ. Казанцы были встрѣчены сильнымъ огнемъ и послѣ упорнаго сопротивленія, принуждены были воротиться обратно, не успѣвъ подобрать даже раненыхъ,—послѣдніе сдѣлались тотчасъ же жертвами турецкаго варварства. Не будучи въ состояніи скоро спустить хотя бы одну роту, Панютинъ съ 10 нижними чинами и ординарцемъ своимъ, охотникомъ Узатисомъ, бѣжалъ къ Казанцамъ; за нимъ по одиночкѣ, съ трудомъ карапкаясь по льду крутизны, бѣжали люди. Выбравъ болѣе выгодныя позиціи, Панютинъ размѣщалъ людей. Дорожка эта кончалась площадью, которая обстрѣливалась съ трехъ сторонъ засѣвшими на верху, внизу и на лѣвомъ боку турками, эту-то плошадку и выбралъ Панютинъ для своихъ наблюденій, но, къ счастію, показался Скобелевъ съ начальникомъ штаба Куропаткинымъ. Панютинъ направился къ нимъ, иначе бы врядъ ли остился живымъ, много проигралъ бы полкъ, потерявъ такого командира, да и не полку одному онъ былъ полезенъ, какъ храбрый и безусловно прекрасный начальникъ части. Скобелевъ съ Куропаткинымъ тотчасъ поѣхали рекогносцировать дорогу къ долинѣ или вѣрно ущелье. Впереди подъ площадкою засѣли три роты Казанцевъ и держались; не

легко имъ было, съ каждою минутою стали проносить отъ нихъ все больше и больше раненыхъ, вотъ и двухъ офицеровъ понесли. „Размышлять некогда, надо идти“, сурово прокричалъ Скобелевъ. Съ ротою стрѣлковъ, имѣя цѣлью выбить турокъ, засѣвшихъ на гребнѣ у выхода за каменьями, Панютинъ двинулся впередъ. Съ этой позиціи турки засыпали дождемъ пуль дорогу, во что бы то ни стало ихъ надо было выбить. „Носилки, носилки“, кричалъ чей то грубый голосъ. Требуютъ носилки, несутъ ихъ, но для кого? Кого то ведутъ, болѣзненно сжалось сердце, при видѣ слѣдующей картины: упираясь на руки двухъ офицеровъ, блѣдный, безжизненно двигался Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ, его любили всѣ, уваженіе и довѣріе, которыми онъ пользовался, были безпредѣльны. И вотъ онъ тутъ раненый, чуть живой останавливается перевести духъ, едва сохраняя сознаніе. Рана его серьезна, пуля прошибла плечевую кость на вылетъ. Чрезвычайно жалко его было, какъ человѣка, да наконецъ и для пользы дѣла. Положили его на носилки и понесли дальше.

Дорого стоитъ намъ этотъ первый шагъ въ долину Розъ; что будетъ дальше! Вооруженные ружьями Пибоди, отбитыми у турокъ подъ Плевною, стрѣлки скоро ссадили врага съ гребня, и перешли дальше къ другому еще занятому врагомъ пункту. Подходитъ къ стрѣлкамъ молодецки работавшимъ Скобелевъ, явное клеймо заботы лежитъ на лицѣ его. „Полковникъ Панютинъ, вы сегодня ночью займете деревню Эметли, слушайте, непремѣнно.“ Наконецъ турки очистили выходъ и отошли къ деревнѣ, ночью мы подходили къ ней, завязали дѣло, падаютъ товарищи съ права, съ лѣва; скоро не останется и пяди земли въ Болгаріи, не орошенной ихъ молодецкой, славной кровью; слава же отечества нашего все растетъ и крѣпнетъ. Турки оставили свои позиціи, Эметли наше. Съ этой минуты, 63-й Углицкій полкъ шелъ все время впереди отряда. Скобелевъ твердо зналъ, посылая полкъ въ огонь, что не вернется онъ, не прибавивъ еще страницы въ славной исторіи своей. Карнизъ, ведущій въ Эметли, безъ малаго на разстояніи 5 верстъ, былъ усѣянъ трупами храбрыхъ Казанцевъ; убрать ихъ еще не успѣли. Деревушка Эметли мало выражала своею наружностью,—вѣтхія полуразрушенныя мазанки, окруженныя сухимъ кустарникомъ розъ, не представляли изъ ряду вонъ выходящаго ланшафта, какъ можно было ожидать. Ярко освѣтили ущелье первыя лучи восходящаго солнца. Тутъ-то мы замѣтили, что турки спустились внизъ и засѣли въ кустахъ параллельно дорогѣ, почему и ходить по послѣдней было крайне опасно. Въ 8 часовъ, начальнику болгарскаго ополченія, генералъ-маіору Столѣтову, велѣно было выбить съ низу турокъ, чтобы обезпечить дорогу, онъ возложилъ свое порученіе на полковника Панютина, самъ-же, съ любопытствомъ глядя

въ даль, наблюдалъ. Панютинъ вывелъ со стороны Эметли двѣ роты Казанцевъ, которые и пошли вдоль подошвы горы, чтобы брать турецкую траншею во флангъ, но наши Углицкіе не вытерпѣли, одинъ за другимъ сбѣжали они внизъ, турки осыпали ихъ пулями, много потеряли они, но не дождавшясь Казанцевъ, ударили въ траншею, турки не выдержали стремительнаго удара, бѣжали къ деревнѣ Шибки. Мы окопались вдоль всей дороги и смотрѣли на завязавшуюся перестрѣлку между нашими казаками и черкесами. Темнѣло, какъ фатой облако обтянуло сумеркомъ воздухъ, полки отошли къ деревнѣ, выстраиваясь фронтомъ къ дер. Шейны, гдѣ сидѣлъ самъ Весель-паша съ главными силами, на ночлегъ. Нѣсколько гранатъ прожужало около, но мы не отвѣчали; „на утро бой“ рѣшенъ, что отложено, то не потеряно. Тишина ночи была нарушена шумными приготовленіями турокъ къ оборонѣ хорошо укрѣпленнаго лагеря. Шумъ, трескъ, грохотъ гранатъ разносился по горамъ, сначала это спускался отрядъ Мирскаго, потомъ яснѣе слышались гранаты на горахъ противъ Радецкаго. Какое страшное ощущеніе производитъ въ тиши ночи гулъ снарядовъ,—прошипитъ, вѣтеръ подхватитъ и далеко разнесетъ по горамъ, замретъ вдали, вѣтеръ подхватитъ другую и т. д. Густой дымъ выбрасываютъ трубы маленькой мазанки въ Эметли, большой костеръ освѣщаетъ спящихъ, и уютенъ и миренъ кажется этотъ пріютъ Панютина съ офицерами; тамъ спали Угличане передъ днемъ 28-го декабря, украсившаго не одну страницу 63-го пѣхотнаго полка. Время летѣло и готовило серьезный моментъ, рѣшительный для воюющихъ сторонъ, или уже полная побѣда или еще надолго отсроченъ конецъ. У насъ все тихо, всѣ спятъ, не думая о будущемъ, на горахъ-же грохотъ гранатъ не умолкаетъ, свиститъ, шипитъ и разрывается снарядъ. Краснымъ полымемъ заря вспыхнула, когда взошелъ въ мазанку казакъ отъ Скобелева за Панютинымъ, Скобелевъ всю ночь былъ, какъ на угляхъ. Гдѣ Мирскій? сколько передъ нимъ турокъ, какъ они устроили оборону? Отступленіе же вслучаѣ неудачи нѣтъ, панъ или пропалъ, а еще не весь отрядъ спустился, да наконецъ, что атаковать Шибку или Шейну? Вотъ вопросы томившіе его, да, и дѣйствительно, было чему безпокоиться. Онъ рѣшился собрать совѣтъ, вотъ на этотъ совѣтъ и потребовали Панютина. Послѣдній нашелъ сильную поддержку въ предложеніи атаковать главный лагерь у Шейны, такъ какъ въ этомъ случаѣ при удачномъ исходѣ, дорога на Казанлыгъ занята, и путь отступленія врагу отрѣзанъ. Такъ и рѣшили, мазанка оживилась; всѣ встали, когда явился командиръ нашъ, и объявилъ что черезъ часъ выступленіе въ бой. 16-я дивизія (Владимірскій, Суздальскій, Углицкій и Казанскій полки), 9-й и 11-й стрѣлковые баталіоны, батарея горныхъ орудій, 4 полка кавалеріи (Московскіе драгуны, 1-й С.-Петербургскій Уланскій, 1-й и 9-й донскіе полки), 5-я и 6-я болгарскія дружины

составляли нашъ отрядъ въ ужасный день боя 28-го декабря. Длинной вереницей спускались съ Балканъ въ долину обозы и кавалерія, окруженные высокими чинарами. Дер. Шейна, носила печать величія, и коронованная десятками укрѣпленій представлялась грозною. Это-то и есть та твердыня, на которую мы сейчасъ полѣземъ, вотъ она какова, думалось каждому. Выстроились въ боевой порядокъ, въ передовую линію цѣпь и ея резервы пошли 4 роты Углицкаго полка, вооруженные ружьями системы Пибоди, два стрѣлковыхъ батальона и столько же дружинъ болгарскаго ополченія. Начальство подъ этой передовою линіею было возложено на флигель-адъютанта полковника графа Толстаго; онъ былъ намъ чужой и не принесъ счастье; не оставивъ цѣпи резерва послѣ кратковременнаго огня, онъ повелъ штурмовать.

Ужасный градъ пуль осыпалъ лѣвый флангъ; потерявъ массу людей, мы удерживали съ трудомъ наскакавшихъ черкесовъ, Толстой раненъ невыдержавъ адскаго огня, наши дрогнули и подались назадъ. Скобелевъ поручаетъ командовать передовою линіею полковнику Панютину, тяжелая задача легла на его голову съ первой минуты боя,— неудача, вслѣдствіе которой цѣль значительно порѣдѣла, огонь турки усилили до послѣдней возможности, отдѣльные выстрѣлы были рѣдки, все сливалось въ одинъ протяжный гулъ, вой; настолько силенъ былъ этотъ дождь пуль, что огонь артиллеріи казался ничтожнымъ, и на людей не производилъ никакого впечатлѣнія. Углицкій полкъ, съ распущенными знаменами, и съ музыкой подходилъ впередъ, когда Панютинъ подъѣхалъ къ Скобелеву за приказаніями; сдѣлавши салютъ саблею, онъ оглянулся, снарядъ упалъ въ музыкантскій хоръ, вынесъ 4 солдатъ, но не прервалъ начатаго марша. Панютинъ рѣшилъ штурмовать немедля, но со стрѣлками это было невозможно; утомленные страшнымъ двухъ-часовымъ огнемъ, потерявъ много людей, они были внѣ возможности нанести такой неотразимый ударъ, отъ котораго-бы отлично защищавшіеся турки поддались. Укрываемые за высокими стѣнами редутовъ, турки не только не страдали отъ нашего огня, но видя его ничтожность ободривались успѣхомъ. Панютинъ послалъ своего ординарца подпоручика Китаевскаго къ Скобелеву просить; Углицкій полкъ отважно проскакавъ подъ страшнымъ огнемъ, Китаевскій привезъ утвердительный отвѣтъ. Передъ центромъ непріятельской позиціи тянулось небольшое ущелье; выстроивъ тамъ по двѣ роты, на разстояніи 80 шаговъ одну отъ другой, Панютинъ повелъ всѣхъ сразу. Видя длинныя колонны, нарочно растянувшихся войскъ, передовые люди шли смѣлѣе. До первой траншеи дошли безъ выстрѣла, дружнымъ натискомъ сбили врага; первый шагъ сдѣланъ, траншея наша. Впереди ничего невидно, все застилалось лѣсомъ, только съ боковъ тамъ и сямъ, виднѣлись бруствера редутовъ; ихъ было много, и въ центрѣ главный каменный редутъ: все дѣло было еще впереди.

Ворвавшись въ лѣсъ, люди смѣшались, завязавъ перестрѣлку, и впередъ идти мялись; подобное замедленіе было тѣмъ болѣе убійственно, что два редута съ фланговъ, все время фланкировали насъ. Когда взошелъ въ лѣсъ 3-й батальонъ, то, желая подвинуть оторопѣлыхъ людей, Панютинъ беретъ у знаменщика знамя, вскочивъ первымъ на траншею, кричитъ, „братцы, смѣлѣе, ура", и кидается впередъ. Унтеръ-офицеръ Бартелевъ, барабанщикъ, слѣдомъ вскакиваютъ за нимъ, повторяя, „ребята, мы присягали, неужели-жъ теперь отказываться", бьетъ наступленіе, подхватили и люди углицкіе, стрѣлки, болгары, смѣшавшись ахнули съ такою силой, что моментально выкололи турокъ, которые какъ тараканы посыпались изъ траншеи. Налѣво, редутъ штурмовалъ командиръ 12 роты Углицкаго полка поручикъ Власовъ, причемъ первый вскочилъ на брустверъ, направо отставной инженеръ Узатисъ, а во сосѣдній ему редутъ поручикъ Борзовъ, — геройски показали себя эти три молодца. Да и счастье улыбнулось имъ, предоставивъ такой случай, къ которому готовы впрочемъ и не одни они были. Подвигаться можно было исключительно перебѣжками, залечь за симъ, послѣ залпа непріятеля вновь бѣжать, и такимъ порядкомъ подбѣжавъ къ траншеѣ съ крикомъ „ура", выкалывать изъ нея турокъ. Все-таки потери велики, чрезвычайный процентъ офицеровъ выбылъ изъ фронта; первый баталіонъ Углицкаго полка былъ менѣе другихъ счастливъ, послѣ первой-же перебѣжки залпъ турокъ вынесъ изъ строя командира—капитана Кика-Маценика, и адъютанта—прапорщика Купчинскаго ужасно раненаго: пуля прошибла черепную кость и пройдя все тѣло, вышла изъ ноги. Оба умерли отъ ранъ. Хорошо зная расположеніе редутовъ, что выяснилось ясно вчерашней демонстраціей, ротные командиры поспѣшно ихъ занимали одинъ за другимъ. Командиръ-же полка, герой этого рѣшительнаго боя, все время былъ впереди, то ободривая, то направляя людей на тотъ или другой редутъ, охотникъ Узатисъ, охотникъ Постельниковъ, полковой адъютантъ поручикъ Гернгросъ и кирасиръ Невѣровъ не оставляли его, во всѣхъ его опасностяхъ. Разсвирѣпѣли люди и отмщая за варварства, не щадили никого, прикалывали всѣхъ. Ни на крестъ сложенныя руки, ни возгласы „аманъ, аманъ" (что значитъ: прости) не спасали. По дѣломъ вору и мука, приговаривалъ солдатикъ, по стволъ всадивши штыкъ въ турецкаго бишъ-баши. Пройдя послѣднюю линію траншей, мы сознали моментъ общаго наступленія, грохотъ снарядовъ, такъ и лопавшихся на горахъ, обнаруживалъ сильный бой у Радецкаго, да и у Мирскаго была рѣшительная минута.

Такимъ образомъ, турки, собравшись вмѣстѣ, сосредоточились у главнаго каменнаго редута; отбить штурмъ было невозможно, хотя они не теряли надежды; выскочитъ впередъ верхомъ какой-нибудь паша, махаетъ саблею, понукаетъ аскеровъ, но градъ пуль снимаетъ его съ

лошади, выскакиваетъ другой, но тоже не на долго, а мы все гуще и гуще оцѣпляемъ редутъ. Видя уже безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, турки бросились къ дорогѣ на Казанлыкъ, но, увы! части праваго фланга загородили ее, только кавалеріи удалось проскакать, положивши кучу труповъ. Съ другой стороны въ деревню, во главѣ Владимірскаго полка, шелъ Скобелевъ, надѣясь доконать врага, но тутъ ему доложили, что бѣлый флагъ широко развивается на брустверѣ главнаго редута. Побѣдоносное ура огласило окрестность и у замѣнившихъ бѣлый флагъ знаменъ, пропѣли: „Спаси, Господи, люди Твоя", пока турки складывали ружья, свозили орудія и дер. трофеи дѣла. Сдалась армія Весель-паши въ 30,000 человѣкъ, съ орудіями и запасами. Штурмъ этотъ стоилъ полку въ 486 человѣкъ нижнихъ чиновъ, при 15-ти офицерахъ. Такъ вотъ какъ было дѣло 28-го декабря 1877 года, при дер. Шейнѣ, въ долинѣ Розъ, по рѣкѣ Тунджи.

Такъ занесетъ его въ скрижали исторіи талантливое перо какого-нибудь историка, такъ и старый солдатъ-ветеранъ въ деревнѣ разскажетъ, какъ мы „басурмана у Шипки кололи", такъ и пѣсня солдатская, не выпуствивъ факта изъ полка, воспѣвать будетъ „штурмъ Шейны", такъ и я, желая указать на нашу настоящую русскую силу, на нашихъ героевъ-воиновъ, про которыхъ мы слишкомъ скромно говоримъ, пишу эти строки. Ей Богу, нѣтъ такихъ людей ни въ одной арміи міра, съ ними намъ никто не страшенъ. Эта могучая, богатырская сила нашего отечества. Какъ не совершенствуй военное искусство, какъ ни доводи до предѣла постройку укрѣпленій редутовъ,—все пустое; ни что не устоитъ передъ рѣшительнымъ натискомъ нашего русскаго солдата; вѣрьте мнѣ, что мы всѣхъ сильнѣе, наша слабость—презрѣнный металлъ и собственная скромность.

Угличанинъ.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ТУРИСТА.

(Съ октября по декабрь 1877 года).

ъ октября 1877 г. я попалъ совершенно неожиданно на театръ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи. Три мѣсяца провояжировалъ тамъ, не принимая, впрочемъ, никакого активнаго участія ни въ одной изъ отраслей великой, кипучей дѣятельности — компаніи 1877—1878 г. Все это время я былъ стороннимъ наблюдателемъ, и все что происходило передъ глазами и было крайне интересно, попадало въ мою записную книжку и не встрѣчалось ничего такого, что было-бы мнѣ особенно близко или особенно далеко, а слѣдовательно ни къ чему не могъ относиться пристрастно.

Группируя теперь свои впечатлѣнія въ одно цѣлое, я счелъ лучшимъ вести послѣдовательность по времени впечатлѣній, т. е. вести какъ бы дневникъ туриста.

Въ самомъ началѣ октября, послѣ пятидневнаго путешествія отъ Петербурга, добрался я до Унгенъ—пограничной станціи Россіи и Румыніи. Но, Боже великій, что это за путешествіе! Масса безполезной траты времени на всякія нужныя и не нужныя остановки,—въ Бирзулѣ 2 часа, въ Раздѣльной 5—6 часовъ; въ Унгенахъ (Русскихъ) $1^1/_2$—2 часа. Ко всему этому—черепашій ходъ поѣзда и полное отсутствіе маломальски порядочнаго буфета, начиная съ Бирзулы. Всѣ эти неудобства и лишеніе какого-бы то ни было комфорта безконечно утомляютъ всякого пассажира, даже и русскаго, привыкшаго сидѣть не часами, а сутками на какой нибудь скверненькой станціи, или гдѣ нибудь въ сугробѣ.

Одесская дорога для пассажировъ, ѣдущихъ прямымъ сообщеніемъ, считаетъ почему то нужнымъ постоянно уменьшать удобства по мѣрѣ

приближенія къ границѣ. Такъ до Раздѣльной (съ сѣвера), поѣздъ идетъ курьерскій; отъ Раздѣльной до Кишинева пересаживаются на пассажирскій, а въ Кишиневѣ прицѣпляютъ массу товарныхъ вагоновъ и платформъ и поѣздъ образуется товаро-пассажирскій. Одновременно съ убавленіемъ скорости поѣздовъ, идетъ и ухудшеніе станцій. Такъ напр., подъѣзжая къ границѣ, на одной изъ станцій (Каларашъ) буфетъ устроенъ въ парусной палаткѣ, что не совсѣмъ удобно въ осеннее время. Всякія задержки на пути и на станціяхъ дѣлаетъ то, что происходитъ вѣчное опозданіе въ Яссахъ на поѣздъ, идущій далѣе—въ Бухарестъ.

Не смотря на всѣ старанія Одесской дороги задержать насъ, мы были такъ счастливы, что прибыли за 10 минутъ до отправленія поѣзда въ Бухарестъ. Хотя всюду существуетъ одинъ, общепринятый порядокъ задерживать далѣе идущій поѣздъ, чтобы дать время пассажирамъ сдать свой багажъ и отправиться тотчасъ, но румыны не таковы. Они хотятъ казаться аккуратными и поэтому какъ только наступаетъ время—тотчасъ отправляютъ поѣздъ, а пассажирамъ предоставляютъ право отправиться по гостинницамъ и ждать цѣлые сутки.

По прибытіи же въ Яссы, начинается ужасная операція осмотра паспортовъ и записываніе ихъ въ книги. Всѣхъ пассажировъ пропускаютъ сквозь строй румынскихъ жандармъ и отбираютъ паспорта. Затѣмъ, иногда нужно ждать часъ, иногда два, пока жандармскій офицеръ занесетъ всѣ паспорта въ книгу. Зачѣмъ это имъ нужно—одинъ Богъ вѣдаетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ паспорта отмѣчаются очень скоро пятью-шестью жандармами на нашей станціи Унгены. Подобныя излишнія стѣсненія досмотра видовъ въ Румыніи, не можетъ достигать той цѣли, которая существуетъ при осмотрѣ на другихъ таможняхъ. Паспорты на нашей границѣ могутъ предупредить побѣги, укрывательства и т. п. преступленія, предусмотрѣнныя милліоной статьей дополненій къ дополненіямъ. Здѣсь же эта цѣль совсѣмъ пропадала, такъ какъ стоило только раззориться на 40—50 рублей, сдѣлавъ себѣ военное платье и васъ не спросятъ о паспортѣ, стало-быть и квадратное добавленіе остается мертвой буквой. Но невсегда худое остается только худымъ, есть нѣкоторая доля и хорошаго. Такъ эта задержка съ паспортами убѣждаетъ каждаго, что Румыны считаютъ свой языкъ—языкомъ европейскимъ всемірнымъ, обязательнымъ для всѣхъ и каждаго. Приходишь, поневолѣ, къ такому заключенію, такъ какъ офицеръ-паспортистъ, очень любезный, говоритъ только по румынски. На всѣ объясненія по нѣмецки, по французки и по русски отвѣчаетъ какимъ то мычаніемъ и любезными жестами. Если бы румыны не были такого высокаго мнѣнія о своемъ языкѣ, навѣрное посадили бы на пограничную станцію человѣка, говорящаго если ужь не по нѣмецки и по французски, то хотя объясняющагося на языкѣ Когановъ и К°, такъ какъ имя послѣдняго—легіонъ.

Черезъ нѣсколько часовъ томительнаго ожиданія, я получилъ свой паспортъ обратно и вступилъ на румынскую почву, въ самый центръ дѣятельности тыла нашей арміи.

Во всякой войнѣ, а тѣмъ болѣе наступательной, самое важное мѣсто занимаетъ вопросъ о тылѣ арміи. Смотря потому, какъ обезпеченъ, какъ устроенъ этотъ тылъ, и самая армія дѣлается болѣе или менѣе обезпеченной въ своихъ дѣйствіяхъ. Говоря о тылѣ арміи, я разумѣю и сообщенія, ее съ мѣстами, откуда исходятъ всѣ продовольственныя и военныя припасы арміи. Средства къ такого рода сообщеніямъ, несомнѣнно, служатъ не подводы г. Варшавскаго, а желѣзно-дорожные пути.

Практика воинъ 66 и 70 годовъ, достаточно выработала этотъ вопросъ. Пруссаки шли впередъ скоро и, несмотря на то, что отъ Рейна до Парижа комуникаціонная линія пролегала по непріятельской странѣ, гдѣ нужно было оберегать каждое звѣно отъ вражескихъ рукъ, дѣло доставки провіанта шло прекрасно и безостановочно благодаря ихъ военнодорожнымъ баталіонамъ. Такимъ образомъ практики было достаточно, если не для безукоризненнаго дѣйствія, то ужъ во всякомъ случаѣ для такого рода дѣяній, которое могло быть заранѣе обдумано и гармонично приведено въ исполненіе.

Въ этомъ отношеніи—о желѣзнодорожныхъ баталіонахъ мы начали очень рано думать, именно въ декабрѣ 76 года былъ отправленъ въ Кишиневъ отрядъ инженеровъ, съ г. Горчаковымъ во главѣ, для того, чтобы на случай войны, тотчасъ были-бы готовы и инженеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Измайловъ былъ отправленъ въ Румынію для изученія положенія желѣзныхъ дорогъ и для заключенія конвенціи съ обществами. Затѣмъ, въ іюлѣ 1877 года, отправленъ еще одинъ баталіонъ, а въ декабрѣ туда прибылъ и третій.

При этомъ нужно помнить, что мы находились совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ пруссаки. Они шли по территоріи непріятеля, мы же начали наше наступленіе черезъ землю дружественной намъ державы; какъ тѣ шли въ ожиданіи постояннаго нападенія, постоянно готовые защищать всякій свой шагъ, такъ мы подвигались съ убѣжденіемъ что никто не нападетъ, не отниметъ наше сообщеніе.

Въ октябрѣ, при проѣздѣ границы, я имѣлъ экземпляръ конвенціи, по которой, волей-неволей, мы должны были дѣйствовать до конца компаніи. Это одинъ изъ тѣхъ документовъ, въ которомъ много написано, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничего нѣтъ. Подобные документы какъ и нѣкоторые ораторы, многое говорятъ, да дѣла ни въ нихъ, ни въ ихъ рѣчахъ нѣтъ. Подобнаго рода конвенціи, гдѣ дѣло идетъ о будущемъ передвиженіи какъ цѣлой арміи, акъ равно и всего необходимаго для нее не можетъ быть, не должна быть легко составлена. Такъ, напримѣръ, конвенція должна была бы гарантировать намъ или исключительное поль-

зованіе румынскими желѣзными дорогами на время войны, или же на нихъ должны быть наложены извѣстныя обязательства. Тогда съ нашей стороны произошло бы полное невмѣшательство въ распоряженіе румынъ, а только строгое наблюденіе за исполненіемъ обязательствъ. Невольно является вопросъ—зачѣмъ намъ понадобилось вмѣшиваться въ дѣла желѣзныхъ дорогъ Румыніи, и при томъ вмѣшиваться совсѣмъ неумѣстно? У насъ были исходы и лучшіе, и болѣе для насъ удобные. Такъ, мы могли пріобрѣсти желѣзныя дороги очень легко и притомъ безъ всякихъ, почти, финансовыхъ потерь: въ январѣ, февралѣ и мартѣ, чуя запахъ войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость въ пріобрѣтеніи произведеній доктора Струсберга, мы могли купить акціи этихъ дорогъ, а по окончаніи войны продать ихъ, если не совсѣмъ безъ убытка, то все-таки не потеряли бы тѣ десятки милліоновъ, которыми уплатилась перевозка нашихъ войскъ *).

Во вторыхъ, г. Измайловъ могъ бы нанять по условію необходимыя намъ линіи желѣзныхъ дорогъ, съ опредѣленной ежедневной поверстной платой. Въ обоихъ случаяхъ мы были бы полные хозяева всѣхъ дорогъ Румыніи.

Но пословица говоритъ:—„назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ". Заключили конвенцію, нужно было по ней дѣйствовать. Перешли границу наши храбрые воины, а съ ними и вся инженерія. Что же стали дѣлать эти батальоны? Вотъ примѣръ ихъ энергичной дѣятельности. Въ Яссахъ была перегрузочная платформа для 4 вагоновъ (между двумя товарными путями). Очевидно это 1-е должно было броситься въ глаза—вѣдь не въ четыре же вагона будутъ приходить поѣзда. Разумѣется, всякій скажетъ, что инженеры сейчасъ же начали строить платформу на 30—40 вагоновъ. Но кто это подумаетъ—сильно ошибется. Въ концѣ сентября только окончили постройку перегрузочной платформы, а до тѣхъ поръ всѣ тяжести, какъ то: возы, орудія и т. п. перевозили съ широкаго пути на узкій **) гужами, т. е. на лошадяхъ. Да гдѣ-же были наши инженеры, что они дѣлали, спросите вы. А Богъ ихъ вѣдаетъ гдѣ были!

15 іюня, мы безпримѣрно въ исторіи нашихъ войнъ, перешли Дунай у Зимницы; 18—19 заняли укрѣпленіе, въ окрестностяхъ Систова, но только въ концѣ августа начали строить дорогу, отъ Фратешти до Зимницы, и то не своими средствами, т. е. не своими двумя тысячами солдатъ (два баталіона), не своими инженерами, а прибѣгли къ частной предпріимчивости. Да гдѣ-же были наши инженеры, что они дѣлали, спросите вы. А Богъ вѣдаетъ, гдѣ они были и что дѣлали.

---

*) Всѣ акціи румынскихъ желѣзныхъ дорогъ можно было купить за $4^1/_2$ милліона франковъ.

**) Наша колея, шириною 5 ф., а заграничная 4 ф. 8 д.

Въ Бухарестѣ, на станціяхъ, негдѣ было разгружать ту массу грузовъ, которая постоянно прибывала. Нужно было построить вѣтвь. Построило ее общество опять-таки румынскихъ дорогъ, а съ насъ взяло около 3000 фр. за постройку, да кромѣ того, беретъ за проходъ по этой вѣтви, какъ за пробѣгъ по всей соединительной вѣтви по верстно и повагонно. Да гдѣ-же, гдѣ наши инженеры. Съ чѣмъ-же ранѣе ознакомливались, когда этого не видали, не обратили должнаго вниманія. Но я, разъ на всегда, вамъ отвѣчу, что одинъ Богъ то вѣдаетъ.

Только съ назначеніемъ генерала Дрентельна, этого человѣка крайне энергичнаго и умнаго, начали показываться и наши инженеры, и тогда только на силу нашли у себя настолько запасъ знаній, что построили собственными средствами платформу въ Яссахъ. Въ то-же время начали строить въ Бухарестѣ еще вѣтвь, словомъ начали шевелиться, но все-таки не вышли они изъ того заколдованнаго круга, въ который поставилъ ихъ г. Измайловъ своей конвенціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наши инженеры занимали высшія должности на румынскихъ дорогахъ. Были и начальники эксплоатаціи и всевозможные другіе начальники и даже участковые инспектора, но всѣ они меньше значили для желѣзныхъ дорогъ Румыніи, чѣмъ интендантскій сторожъ для г. Когана. Я говорю это потому, что ни одинъ изъ многихъ начальниковъ не имѣлъ никакого права приказать кому нибудь изъ нашихъ служащихъ, а могъ только умильно просить. Исполнять хорошо, а не исполнять—и то ладно. Это происходило отъ того, что назначеніемъ нашихъ начальниковъ, не уничтожалось начальство румынское. У нихъ были свои всякіе начальники, и что еще важнѣе—всѣ низшіе служащіе, какъ то: начальники станцій пассажирскихъ и товарныхъ, завѣдывающіе матеріалами все румыны, а потому весьма понятно и естественно, что они и знать нехотѣли нашихъ начальниковъ.

Кромѣ всего этого, въ канцеляріи завѣдывающаго всѣми путями сообщенія прежде было установлено правило, до крайности не практичное: выдавать деньги за работы, когда будетъ представленъ отчетъ работъ. Да развѣ можно представить отчетъ въ работахъ, безъ денегъ? На что-же строить-то́, о чемъ требуется отчетъ? Я лично слыхалъ, какъ двое инженеровъ, въ разныхъ участкахъ, просили своего начальника похлопотать о присылкѣ денегъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ; „помилуйте, я на 30.000 сдѣлалъ работъ, а получилъ только 8000 р.“ Меня удивляло какъ генералъ Дрентельнъ не обратилъ вниманія на такой абсурдъ.

Познакомившись поближе, со всѣми этими порядками передвиженія по румынскимъ дорогамъ, поневолѣ приходитъ въ голову, что нѣчто свыше хранило и оберегало насъ. Въ самомъ дѣлѣ удивительно, какъ это не изувѣчило тысячи людей, при такомъ полномъ отсутствіи согласія.

Кстати, по поводу раненыхъ, только не на желѣзныхъ дорогахъ, а

на полѣ чести. Нужно сознаться, что не смотря на нѣкоторые промахи, народная помощь, олицетворенная въ Обществѣ Краснаго Креста блистательно исполнила свою задачу. Вездѣ, гдѣ только были лазареты, бараки этого общества, вездѣ существовалала и полная гармонія дѣйствій каждаго отдѣльнаго члена. Входя въ лазаретъ, въ самомъ тяжеломъ состояніи, человѣкъ положительно отдыхаетъ, успокаивается отъ всѣхъ треволненій и переносится совсѣмъ въ другой міръ. Какъ-то необыкновенно отрадно становится на душѣ. Вотъ гдѣ, по истинѣ, царство Евангельское. „Придите на помощь нуждающемуся“ — вотъ девизъ этого общества. Сколько я не видалъ лазаретовъ Краснаго Креста — мнѣ ни разу не пришлось хоть сколько нибудь разъубѣдиться. Часа два я провелъ въ лазаретѣ этого учрежденія, вь Яссахъ, и положительно не хотѣлось выйти—только ради настоянія своего спутника, мы пошли въ другіе. Это чисто братскія, задушевно-пріятельскія отношенія медиковъ къ паціентамъ, нѣжное ухаживаніе сестеръ-милосердія, отличное содержаніе больныхъ уничтожаетъ, если не все, то навѣрное на половину непріятность положенія раненаго. Медики, ходя съ нами по лазарету, разсказывали цѣлыя исторіи про своихъ паціентовъ. Изъ всего видно было, что это не тѣ эскулапы, которые подходя къ больному, наводятъ на него страхъ и ужасъ, а прежде всего—люди. Разговаривая съ солдатиками, я спрашивалъ нѣкоторыхъ, каково имъ здѣсь живется. „Очень хорошо, ваше б—іе, очень хорошо“ — единственный и единодушный отвѣтъ. Нечего говорить, что чистота во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненная.

Но какіе герои всѣ эти больные — можно судить, только видѣвши ихъ. Какая нужна удивительная сила воли, когда при страшныхъ страданіяхъ, отпечатывающихся на каждомъ мускулѣ лица, не слышно ни единаго звука, ни единаго стона. И какія бываютъ пораненія! Лежитъ рука ладонью на лафетѣ; пуля летитъ по поверхности лафета, перешибаетъ большой палецъ, и входитъ въ руку паралельно ладони. Изъ руки мгновенно образуется просто подушка, и теперь эта подушкообразная рука лежитъ восемь дней и восемь ночей въ ваннѣ, въ которую сверху, изъ крана, капаетъ вода! Три рѣзкія морщины на лбу говорятъ, что чувствуетъ этотъ несчастный, но ни единаго слова о боли.—„Ничего слава Богу. Больновато, да дастъ Богъ пройдетъ“. Больновато! Точно рѣчь идетъ объ уколѣ булавкою.

Другой примѣръ. Сидитъ солдатъ съ обвязанной головой и половиною лица. Зажавъ правую половину рта двумя пальцами, въ лѣвой держитъ папироску и простодушно улыбается, глядя, какъ сосѣди — одинъ безъ кости въ плечѣ, другой безъ колѣнной чашки—играютъ въ шашки. Спрашиваю: какая у него рана, думая по лицу, что надо быть ухо отсѣкло пулей, и то такъ давно, что „все обстоитъ благополучно“.—„Да

вотъ, угодилъ, подлецъ, прямо въ ротъ, въ правый уголъ, да знать, скулы-то крѣпки—не прошла насквозь, за ухомъ застряла. Ну, вынули, теперь подживаетъ". И говорится это, какъ о вещи обыкновенной, спокойно, безъ рисовки. Вотъ гдѣ та закаленность русскаго человѣка, которая дѣлаетъ изъ него такого воина, какъ герои Севастополя, Плевны, Шипки. Въ томъ-же госпиталѣ я встрѣтилъ офицера Зарайскаго полка, г. Цвирко, раненаго въ локтевой суставъ. Онъ сидѣлъ на балконѣ, когда я подошелъ къ нему. Раненъ онъ при Карахассанкеѣ, 17 августа, въ томъ дѣлѣ, послѣ котораго началось концентрированіе арміи Наслѣдника Цесаревича. Въ разговорѣ коснулись, между прочимъ, и сношеній между родными и товарищами. Онъ говоритъ, что ни разу не получалъ отъ своей матери ни одного письма (изъ Могилевской губерніи); посылалъ ей изъ дѣйствующей арміи, еще до раны, деньги, на что имѣетъ и квитанцію, но до сихъ поръ отъ нея ни слова. „Писалъ, говоритъ, и къ товарищамъ, въ полкъ; но и отъ нихъ ни слова; можетъ быть, не хотятъ". Послѣднія слова были сказаны съ такою непритворною грустью, что чуть не до слезъ стало жаль этого бѣднягу. Тутъ слышалась и грусть, и одиночество, и сознаніе о полномъ забвеніи всѣми! Но скорѣе можно допустить, что письма не доходили по назначенію, чѣмъ то, что товарищи „не хотятъ" вспомнить своего брата-героя. Не исправилась наша полевая почта и до конца кампаніи, до того предѣла, чтобы не оставлять сослужившихъ свою службу честно—одинокими и заброшенными въ чужомъ краю.

Преинтересную сценку разсказалъ мнѣ одинъ солдатъ (безъ плечевой кости). Онъ раненъ подъ Плевной 18 іюля. „Сидимъ, говоритъ, этто мы въ своихъ ямахъ, да и притаились, а сосѣдъ мой и говоритъ: смотри-ка, братъ, никакъ наши отступаютъ. Только этто я высунулся изъ ямы, а она какъ хватитъ меня въ плечо и ружье вывалилось изъ руки. Только я вижу, что и вправду наши отступаютъ, а турокъ тѣснитъ да тѣснитъ, потому силу большую взялъ, ну и мы давай отступать. Приходимъ къ перевязочному мѣсту, а онъ все за нами, по слѣдамъ. Да такъ тѣснилъ, что доктора сѣли на лошадей, да съ нами отступаютъ, а сестры давай визжать, потому одни остались ужъ позади насъ. На ихъ счастье тутъ эскадронъ какой-то проходилъ. Эскадронный скомандовалъ: „сестры, садись въ сѣдла", ну и самъ, для примѣра другимъ, взялъ одну сестру къ себѣ въ стремя, да и привязалъ ее къ себѣ ремнемъ. Такъ и поѣхали. Ужъ что мы тутъ хохотали, какъ онѣ это мимо насъ ѣхали". Въ самомъ дѣлѣ, должно быть было интересно видѣть эту смѣшанную кавалерію!

Изъ госпиталя Краснаго Креста, я отправился посмотрѣть Московскій передвижной госпиталь, расположенный не вдалекѣ отъ перваго. Совсѣмъ не та картина, совсѣмъ другія условія. Вмѣсто теплыхъ бара-

ковъ—парусинныя палатки, совсѣмъ не по сезону. Въ нихъ дуетъ, поддуваетъ и задуваетъ не хуже чѣмъ въ щедринской поэмѣ, а что еще хуже—въ нихъ помѣщались не раненые, т. е. люди здоровые только съ поврежденіями нѣкоторыхъ членовъ, а больные внутренними болѣзнями. Вмѣсто чистыхъ простынь, наволокъ и т. п. подобіе половика, разостланнаго на 12 коекъ подъ рядъ. Вмѣсто нѣжной руки женщины—грубая лапа фельдшера. И что всего хуже—это смѣшеніе больныхъ. Въ палаткѣ помѣщалось 24 человѣка, тутъ и воспаленіе легкихъ и кровавый поносъ и лихорадки—словомъ скучены самыя разнообразныя болѣзни.

Кончая мои воспоминанія о Яссахъ, не могу умолчать объ умѣ и смѣтливости моего возницы. Нужно замѣтить, что Яссы расположены въ очень живописномъ мѣстѣ, на отдѣльныхъ горкахъ и горахъ. Въѣзжая (загородомъ) на одну изъ горъ, мнѣ какъ-то бросились въ глаза, вдали, въ лощинѣ, необыкновенно-живописно разбросанные домики, среди которыхъ мнѣ показались какіе-то замки. Спрашиваю возницу, что это тамъ виднѣется.—Это тамъ жители. Неправда-ли понятъ вопросъ и хорошъ отвѣтъ?

Въ утѣшеніе нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, русскимъ, долженъ сказать, что румынскія еще хуже. Отъ Яссъ до Букареста дорога такъ скверна, что по праву можетъ считаться худшей во всемъ мірѣ. Путь до того плохо уложенъ, что васъ качаетъ въ вагонѣ, какъ на пароходѣ въ качку. Чуть не сбрасываетъ со скамейки. Опаздываютъ поѣзда не хуже чѣмъ и на нашихъ дорогахъ: вмѣсто 9 часовъ, мы прибыли въ Букарестъ въ 12-ть!

Пробывши въ Букарестѣ нѣсколько часовъ, я отправился дальше. Хоть и хотѣлось посмотрѣть столицу Румыніи, но что-то свое, родное манило въ даль—хотѣлось скорѣе посмотрѣть на братьевъ-богатырей. Еще нѣсколько часовъ ѣзды по отвратительной желѣзной дорогѣ, и я очутился лицомъ къ лицу съ дѣйствующей арміей. Все воинственно, все не по мирному. Я попалъ во Фратешти, гдѣ, какъ извѣстно, кончалось желѣзно-дорожное сообщеніе, а потому тутъ было главное складочное мѣсто всего, что требовалось для арміи. Эти склады сѣна, хлѣба, снарядовъ и пр. занимали огромное пространство. Не подалеку отъ станціи помѣщался въ прекрасномъ саду госпиталь Краснаго Креста для тяжело раненыхъ. Туда-то я и отправился. Опять повѣяло на меня тою братскою задушевностью, тою теплотою и мягкостью обращенія съ больнымъ, какъ и въ Яссахъ. Благодаря любезности уполномоченнаго, человѣка крайне любезнаго и радушнаго, я подробно осмотрѣлъ всѣ палатки и даже всѣ хозяйственные бараки. Вездѣ бросается въ глаза замѣчательная чистота, порядокъ, всюду видѣнъ хозяйскій глазъ не служащаго, а человѣка, преданнаго дѣлу, отдающаго ему все свое время и трудъ. Наступилъ часъ обѣда больныхъ, и уполномоченный предложилъ мнѣ

пообѣдать съ ранеными, отвѣдать ихъ столъ. Обѣдъ былъ хорошъ даже и для мирнаго обитателя страны не воюющей, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ трудно достать даже и хлѣба.

Я уже сказалъ, что этотъ госпиталь устроенъ для тяжело раненыхъ. Раны встрѣчались такія ужасныя, что до сихъ поръ я не въ силахъ ни объ одной говорить безъ нервной дрожи, вспоминая тѣ нечеловѣческія страданія, которыя испытывали раненые. Раны, по преимуществу, пульныя; за все время существованія госпиталя были двѣ раны осколкомъ, двѣ раны штыкомъ и одна сабельная. Черкесъ ударилъ солдата по шеѣ, но, къ счастью, не пересѣкъ сонную артерію; солдатъ упалъ,—черкесъ же взялъ его за руку и ударилъ саблей по рукѣ, „на память," и отрубилъ ему три пальца на правой рукѣ. Всѣ раненые, съ которыми я говорилъ, разсказывали о ехидствѣ турокъ самыя разнообразныя вещи. Между прочимъ говорятъ, что здоровые турки притворялись убитыми, вымазывая себѣ руки и лице кровью. „Идешь мимо него, а онъ, какъ пройдешь, такъ и ловитъ за фалду сзади, да и наровитъ ятаганомъ убить".

Тутъ-же познакомился я съ г. Бобровымъ, старшимъ врачомъ, душою и тѣломъ преданнымъ своему дѣлу. Вечеромъ, присутствуя при перевязкѣ ранъ, я любовался теплымъ вниманіемъ, съ которымъ врачъ относится къ своему тяжелому дѣлу. Перевязка производится два раза въ день. Вообще уходъ и вниманіе самое горячее, задушевное.

На слѣдующій день я посѣтилъ Журжево, отстоящее отъ Фратештъ на 7 верстъ. Городокъ довольно порядочный, но побитый турецкими гранатами. Взобрался я на городскую башню. Съ вершины башни открывается прекрасный видъ на Рущукъ. Весь городъ какъ на ладони. Слѣва, за городомъ, отчетливо видѣнъ вокзалъ, нынѣ госпиталь, на которомъ разбѣвается флагъ съ „краснымъ полумѣсяцемъ" что, впрочемъ, не мѣшало туркамъ вводить туда и выводить оттуда войска всѣхъ родовъ оружія, т. е. устраивать тамъ нѣчто въ родѣ казармъ. Впрочемъ, можетъ то были выздоравливающіе, выходящіе толпами въ мундирахъ и полной амуниціи! Рядомъ съ этимъ зданіемъ помѣщалась турецкая батарея, назначавшаяся, вѣроятно, для Журжева, такъ какъ въ этой сторонѣ около города не было ни одной нашей батареи. Да впрочемъ, мало было бы пользы, еслибъ батарея и находилась, такъ какъ пришлось бы только получать выстрѣлы, а не отвѣчать на нихъ, потому что турки стрѣляли-бы изъ-подъ охраны „краснаго полумѣсяца".

Самъ Рущукъ расположенъ на скатѣ горы. Надъ Дунаемъ, прямо противъ Журжева, стоитъ широкоплечій гигантъ Леванттабія, этотъ каменный ключъ къ Рущуку. На берегу маленькаго рукава, протекающаго около Журжева, я замѣтилъ бугоръ и хотѣлъ пройти къ нему, но солдатъ не пустилъ меня. Благодаря любезности дежурнаго офицера, мнѣ

удалось таки пройти туда. Я былъ увѣренъ, что тамъ скрывается батарея, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Каково-же было мое удивленіе, когда я увидалъ небольшую будочку и въ ней солдата. Оказалось, что это наблюдательный пунктъ для подачи сигналовъ въ случаѣ, еслибъ турки предприняли переправу черезъ Дунай! И это тутъ, около набережной, откуда вы можете смотрѣть совсѣмъ свободно.

Вправо отъ города находился цѣлый рядъ нашихъ батарей, кажется 15 нумеровъ, на которыя, разумѣется, также не пускали, хотя я не понимаю почему. Какой можетъ быть секретъ въ томъ, какимъ образомъ установлены орудія? Мѣсто батарей турки, разумѣется, узнали съ той минуты, какъ они дали первый выстрѣлъ. Въ чемъ-же можетъ быть секретъ на батареяхъ?

Дорога отъ Журжева до Зимницы крайне однообразна, узка и грязна. По сторонамъ дороги въ громадномъ количествѣ валялись дохлые быки и лошади, объѣдаемые дикообразными собаками. Нѣсколько транспортовъ встрѣчаемыхъ и попутныхъ—вотъ все, что сколько нибудь разнообразитъ путешествіе. Въ Зимницу я пріѣхалъ часовъ въ 7—8 вечера при совершенныхъ потемкахъ. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня городомъ, было прескверное. Фургонъ завязъ въ грязи такъ, что пять лошадей не могли вытащить его и пришлось обращаться за помощью къ проходившимъ солдатамъ, и, благодаря только имъ, я выбрался изъ грязи, въ которой просидѣлъ около часа; такъ что до гостинницы пришлось добраться только часовъ около девяти вечера.

Гостинница выстроена на площадкѣ, на которой помѣщается еще нѣсколько трактирчиковъ въ балаганахъ и довольно большой циркъ. Домъ гостинницы двухэтажный. Расположеніе внутри крайне оригинально и своеобразно. Въ первомъ этажѣ только двѣ залы, въ которыхъ стоятъ отдѣльные столики съ разными товарами, начиная отъ чулокъ и кончая виномъ. Излишне пояснять, что за столиками сидятъ тѣ самые храбрецы, сыны Израиля, которые дали тягу изъ Зимницы при первомъ извѣстіи о неудачѣ подъ Плевной 18-го іюля. Въ томъ-же этажѣ помѣщается и хозяинъ гостинницы, въ какой то грязной, отвратительной конурѣ.

Во второмъ этажѣ, въ номерахъ, помѣщалось столько офицеровъ, сколько номеръ можетъ вмѣстить. Грязь и вонь—ужасныя, и, несмотря на это, за маленькую комнату драли по 14 франковъ въ сутки. Заглянулъ въ нумера—нечего было и думать пристроиться гдѣ-нибудь, такъ какъ и безъ того людей было болѣе, чѣмъ мѣстъ. Та же исторія повторилась и во всѣхъ остальныхъ притонахъ. А, между тѣмъ, время проходило и было уже около половины одиннадцатаго. Мнѣ предложили отправиться по сосѣдству, въ домъ, устроенный по случаю кампаніи, гдѣ можно переночевать. Это нѣчто въ родѣ ночлежнаго пріюта. Внутри

устроены нары, на которыхъ лежали рядкомъ всѣ ищущіе пристанища, начиная съ нищаго и кончая офицерами, проходящими черезъ Зимницу на поле брани. За ночлегъ брали 4 франка (около 1 р. 60 к. на наши деньги). При всемъ желаніи отдохнуть, положительно бѣжишь оттуда. Бѣлье грязно до черноты грязи въ черноземной полосѣ, а своего вынуть нельзя, такъ какъ всякій рискуетъ за ночь потерять и всѣ остальные пожитки, которые крадутся ночующими нищими. О вентиляціи, кажется, совсѣмъ забыли думать. Отправясь опять рискать на улицу, я наткнулся на предпріимчиваго хозяина цирка, который устроилъ вокругъ ристалища двойныя стѣны и это междустѣніе раздѣлилъ на маленькія отдѣленія, со входомъ прямо съ улицы. Это, изволите-ли видѣть, номера. Но къ несчастью, этотъ „Grand Hôtel" оказался неотдѣланнымъ. Опять скитаніе и безъ всякихъ надеждъ на малѣйшее уклоненіе хотя бы только отъ поисковъ. Къ счастью, я встрѣтилъ офицера, съ которымъ наканунѣ ѣхалъ отъ Букареста до Фратешти Должно быть убѣдительна была моя просьба, такъ какъ онъ предложилъ сопутствовать мнѣ въ поискахъ, а затѣмъ, ему пришла добрая мысль помѣстить меня въ своей столовой (общества человѣкъ въ десять) совершенно отдѣльномъ домикѣ, гдѣ, не смотря на холодъ, я скоро забылъ всякую усталость.

Нѣкоторыя обстоятельства задержали меня въ Зимницѣ весь слѣдующій день, а на другой день я услышалъ, что ждутъ прибытія раненыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Я думаю, у $^{9}/_{10}$ изъ насъ, петербуржцевъ, есть и родственники и связи съ гвардіей, помимо всякаго знакомства. Меня какъ громомъ поразило извѣстіе о потеряхъ гвардіи. Немедля ни минуты, отправился я разъискивать госпитали, которыхъ около Зимницы два военные. Въ ближайшемъ я не нашелъ ни одного офицера, хотя мнѣ и тамъ подтвердили, что ожидаютъ раненыхъ сегодня. Пришлось идти пѣшкомъ въ дальній—версты за три отъ города. У самаго госпиталя встрѣчаю трехъ офицеровъ — гвардейцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ съ завязанною головою, двое другихъ—съ перевязанными руками. Время было къ вечеру, часа четыре.

— Мы, раненые, не можемъ найти мѣста. Обратились въ тотъ госпиталь, ради крайности, такъ какъ въ городѣ негдѣ пріютиться, насъ спросили на подводахъ-ли мы пріѣхали, На нашъ отрицательный отвѣтъ, намъ сказали, что на „васъ наряда нѣтъ."

Бѣдные офицеры! имъ и въ этомъ госпиталѣ сказали тоже. Такимъ образомъ, они оказались въ худшемъ положеніи, чѣмъ я наканунѣ. Негдѣ переночевать, да еще некому перевязать ранъ, которыя начали побаливать. Еле-еле разъискали одного изъ врачей и упросили его сдѣлать перевязку. Но его согласія было еще мало. Надо было разъискивать бинты, карболовую кислоту и т. д. Наконецъ, все было готово къ 8-ми часамъ вечера и началась перевязка. Врачъ развязалъ бинтъ и момен-

тально отодралъ присохшій компрессъ. При видѣ такого обращенія, у меня невольно вырвался вопросъ: „Скажите, докторъ, вы здѣсь служите по собственной волѣ, или по назначенію?“—„По назначенію“. Пришлось сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобъ удержать на языкѣ „это и видно.“

Хоть я и помѣщался въ тѣсненькой комнаткѣ, но предложилъ несчастнымъ страдальцамъ свое помѣщеніе, приготовляясь мысленно устроить свой ночлегъ во дворѣ. Имъ не удалось воспользоваться моимъ предложеніемъ. Пріѣхавъ вмѣстѣ съ ними обратно въ городъ, мы встрѣтили посланнаго отъ генерала Алабьева, уполномоченнаго „Краснаго Креста“, который разъискивалъ раненыхъ офицеровъ съ предложеніемъ помѣститься у него. Генералъ встрѣтилъ насъ самымъ задушевнымъ образомъ. Въ распоряженіе гг. офицеровъ онъ отдалъ цѣлую комнату своей тѣсной квартиры. Сейчасъ появился самоваръ и всякія съѣстныя снадобья, наконецъ, самое дорогое для измученныхъ раненыхъ—отдыхъ въ удобной, теплой комнатѣ, на хорошей постелѣ. Я, по свойственной человѣку слабости, взялъ съ офицеровъ взятку—полчаса времени, въ теченіи котораго они мнѣ разсказали все дѣло отъ начала до конца.

Кончивши свои дѣла въ Зимницѣ, я отправился далѣе, въ главную квартиру. Переѣхавъ Дунай рано утромъ, я въѣхалъ въ Систово, или какъ наше гражданское управленіе окрестило его, въ городъ Свищовъ. Улицы въ немъ до того узки, что нельзя ѣхать съ обѣихъ сторонъ одновременно—съ одной ѣдутъ—съ другой задерживаютъ. Часа 4 потерялъ я на проѣздъ черезъ Систово и къ вечеру добрался только до Радоницы. Тутъ я ночевалъ съ однимъ офицеромъ изъ главной квартиры, который, впослѣдствіи, и пріютилъ меня у себя въ Боготѣ.

Отъѣхавъ немного отъ Радоницы, встрѣтилъ я ужаснѣйшее количество повозокъ всевозможныхъ величинъ и самыхъ разнообразныхъ по виду. Это обозъ раненыхъ. По два, по три человѣка сидятъ въ разныхъ позахъ на маленькой тележонкѣ: одинъ сидитъ, поджавъ ноги, среди двухъ товарищей; другой—чуть не на облучкѣ пристроился; тамъ лежатъ двое, растянувшись во всю длину,—это тяжелораненые. Вся эта фаланга движется тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, точно похоронная процессія. Ни слова не слышно среди этой массы людей; только изрѣдка услышишь веселый говоръ, когда попадется повозка съ легкоранеными. Могилой пахнетъ отъ такого молчанія! Извощикъ-болгаринъ сидитъ и тоже дремлетъ, только изрѣдка крикнетъ, съ просонья, на кляченку... Тяжелое впечатлѣніе! Это были гвардейцы изъ-подъ Телиша и Дубняка. Полусонные, полуживые сидятъ они на тележонкѣ, тыкаясь одинъ съ другимъ, а иному не до сна, не до дремоты отъ боли!.. Сидитъ на одной изъ повозокъ раненый турокъ съ однимъ изъ нашихъ солдатъ. За день передъ тѣмъ эти два сѣдока одной и той же телѣги готовы были

другъ другу горло перерѣзать, штыками проколоть, а теперь сидятъ вмѣстѣ, разговариваютъ пантомимами, и, видимо, понимаютъ другъ друга—папиросами угощаютъ одинъ другаго и какъ будто довольны своимъ сообществомъ, какъ будто пріятели отъ рожденія. Вся эта процессія движется мимо, такъ какъ дорога настолько узка, что нужно, съѣхавъ въ сторону, пообождать, пока проѣдутъ. Какъ-то невольно, безотчетно поднялась рука къ шапкѣ...

Вотъ ѣдетъ повозка и на ней все спитъ или дремлетъ; за нею болѣе оживленная: сидятъ, покуриваютъ. «А вотъ, братцы, нашъ ротный такъ молодецъ! Бѣжалъ къ туркѣ, какъ угорѣлый, и только этто онъ добѣжалъ»... повозка удаляется, словъ не слышно. Вмѣсто веселой рѣчи слышится: «охъ, Господи!»

Проѣхавъ немного, я былъ точно разбуженъ отъ глубокаго сна ухарскою пѣсней. Это солдаты варили кашу. Я подъѣхалъ къ Порадиму. Тутъ стояли артиллерійскіе парки и отсюда вы ѣдете уже все время, обгоняя огромныя повозки со снарядами. Тутъ же, не доѣзжая Порадима, начинаются наши укрѣпленія—батареи и ложементы. Порадимъ—довольно большое селеніе и, по обыкновенію всѣхъ болгарскихъ селъ, пристроилось въ овражкѣ. Тѣ же хаты, о которыхъ говорилъ раньше, и среди этихъ-то лачужекъ, какъ-то странно поражаетъ домъ въ четыре—пять оконъ, похожій на каменный. Въ этомъ домѣ, говорятъ, жилъ прежде принцъ Карлъ, но уступилъ его Государю Императору.

Въ Боготъ я пріѣхалъ рано утромъ при отвратительной погодѣ. Грязь невылазная. Квартиры, разумѣется, ни одной. Самъ главнокомандующій, великій князь, жилъ въ юртѣ; въ юртахъ же размѣщается и весь штабъ. Я уже сказалъ, что встрѣтилъ дорогою одного изъ офицеровъ, который пріютилъ меня у себя на квартирѣ. Но, Боже, что это за квартира! Какой-то, въ землю врытый, свинарникъ, безъ пола, словомъ, хуже извозчичьей конюшни въ Петербургѣ. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что такія «комнаты» считались въ Боготѣ за генеральскую квартиру, а то и такой нѣтъ, хоть подъ открытымъ небомъ помѣщайся.

Придунайскіе болгары живутъ бѣдно, очень бѣдно; не то что забалканскіе. «Тѣ не въ примѣръ съ этими, говорилъ мнѣ бывалый человѣкъ». «Вотъ какъ мы ходили съ генераломъ Гурко за Балканы—такъ совсѣмъ другой табакъ. И чистый народъ, и образованіе совсѣмъ другое. Разъ шли мы небольшимъ отрядомъ, далеко впереди, этакъ человѣкъ 48 или 50, такъ насъ въ одномъ городѣ съ такой амбиціей принимали, что страсть! На всѣхъ на насъ понадѣвали вѣнки, а на начальника такой надѣли, что черезъ голову прошелъ на плечи».—«Воображаю, какъ ты хорошъ былъ»? — «Да, что и говорить! Начальникъ нашъ на что суровъ былъ, никогда, бывало, не улыбнется, а тутъ какъ посмотрѣлъ на насъ, да какъ расхохочется... А мы всѣ это такъ важно

ѣдемъ, знай, молъ, нашихъ. Ну и жизнь совсѣмъ другая. Тамъ понимаютъ, кто мы такіе. Не то, чтобъ разставлять по квартирамъ—сами просятъ: сдѣлай только милость — живи. И накормятъ тебя, и напоятъ—ѣшь не хочу. Може вино какое берегъ про свѣтлый день, а тутъ какъ русскій пришелъ—такъ все тащитъ; не знаетъ гдѣ и посадить, не то што тутъ и самъ не найдешь, гдѣ сѣсть».

Престранное впечатлѣніе производитъ эта деревня (Боготъ). Представьте себѣ листъ бумаги и на немъ, по двумъ краямъ, двѣ линіи—это двѣ улицы Богота. Потомъ наставьте нѣкоторое число точекъ между этими линіями, въ какомъ угодно порядкѣ, или, лучше сказать, въ наибо́льшемъ безпорядкѣ—это будутъ землянки жителей. Отыскать когонибудь изъ живущихъ здѣсь ужасно трудно.—«Пойдите до такой-то палатки, сверните по правѣе до такой-то землянки, налѣво увидите сарай; вотъ въ этомъ-то сараѣ и живетъ N». Поэтому можно судить о порядкѣ распредѣленія землянокъ. Боготъ представлялъ нѣчто въ родѣ крѣпости, стѣнами которой служили обозы разныхъ полковъ. Грунтъ отвратительный; малѣйшій дождь—пройдти трудно, того и гляди сапоги оставишь въ грязи. Около села, на полѣ, услужливые маркитанты раскинули палатки, а одинъ даже устроилъ нѣчто въ родѣ table d'hôte. Но плохая провизія привлекала мало посѣтителей. Тутъ же пріютился въ палаткѣ какой-то «французикъ изъ Бордо» съ винами и консервами подозрительнаго свойства, хотя, конечно, «американскими». Главныхъ маркитантовъ два—ихъ называли Дюссо и Борель. Бутылка штритеровской водки въ 40 коп. стоила 6—7 франковъ, т. е. около 2 р. 40 к. или 2 р. 80 к., простая, небольшая французская булка — 1½ франка, т. е. 60 коп., фунтъ стеариновыхъ свѣчей около 1 рубля. Странно, какъ такой громадный спросъ не вызвалъ конкуренціи? Въ большинствѣ случаевъ, бывало и за такую высокую цѣну ничего не получишь—все расхватаютъ, какъ только привезутъ.

Черезъ день по пріѣздѣ моемъ въ Боготу, привезли партію плѣнныхъ изъ Телиша. Боже, какіе это оборванцы! У кого шапка, у кого феска, у кого платкомъ завязана голова. Костюмы самые разнообразные и всѣ рваные до того, что можно видѣть цвѣтъ кожи. Видимо голодные, съ жадностью кидались они на хлѣбъ, продаваемый солдатами. Всю эту ораву, тысячи въ двѣ-три человѣкъ, согнали въ кучу и кругомъ линія караула. Для нихъ приготовили обѣдъ или что-то въ родѣ этого; они были такъ голодны, что просто бросались на хлѣбъ. Вокругъ цѣпи, съ наружной стороны, столпились наши солдаты. У кого остался хлѣбъ, у кого два—все это было принесено, чтобы обмѣнять на металъ. Вы видите, какъ высовывается чья-то рука съ наружной стороны съ хлѣбомъ и въ это время масса рукъ поднимается съ той стороны съ монетами. Вдругъ рука съ хлѣбомъ опускается — значитъ мало показали. Лѣзутъ

въ карманы, показываютъ другую монету—хлѣбъ передается черезъ часоваго и моментально разтерзывается и руками, и зубами. Сами турки сознаютъ ничтожество своихъ каиме, и за десятифранковую бумажку охотно берутъ одинъ франкъ. Такого рода сцены посѣщались всѣми жителями Боготы, такъ какъ всякое развлеченіе доставляетъ громадное удовольствіе при страшномъ однообразіи жизни. Погода, впрочемъ, не благопріятствуетъ внѣшнимъ удовольствіямъ,—дожди шли каждодневно. Выбравъ день пояснѣе, я осѣдлалъ своего Росинанта и направился прямо на Плевну.

Плевна окружена горами, наши же батареи стояли прежде по сю сторону горъ, такъ что бросали снаряды черезъ горы, почему мнѣ и говорили, что я ничего не увижу; только у гривицкаго редута, черезъ лощину, видѣнъ правый уголъ города. Я поѣхалъ кратчайшимъ путемъ, т. е. прямо на Плевну; ѣхалъ по оврагамъ, по кукурузѣ, по кустарникамъ. Выѣзжаю на одну изъ горъ и вижу прямо подъ ногами городъ не городъ, деревню не деревню. Разстояніе казалось съ версту до этого жилья—только спуститься подъ гору. Тутъ проходилъ какой-то солдатъ. Спрашиваю, что это за деревня?—«Это, говоритъ, Плевна». Меня это такъ поразило, что я сначала даже не повѣрилъ. Ничего воинственнаго, т. е. въ томъ родѣ, какъ это ожидаютъ всѣ сюда пріѣзжающіе. Не видать ни солдатъ, ни грозныхъ орудій. На томъ мѣстѣ, къ которому я подъѣхалъ, стоялъ большой столбъ съ лѣстницей — наблюдательный пунктъ. Солдатъ предложилъ мнѣ туда взобраться, но и безъ того все было отлично видно. Прямо передъ вами, или вѣрнѣе, подъ вами,—городъ довольно чистенькій, нѣсколько мечетей и очень порядочный соборъ. Неподалеку отъ собора еще православная церковь. Видимо, городъ раздѣленъ на двѣ части—на мусульманскую или южную и православную, или сѣверную. На улицахъ полное отсутствіе жизни. Въ теченіи часа я не видѣлъ ни единаго живаго существа, хотя городъ такъ было видно, что простымъ глазомъ можно пересчитать хоть число оконъ во всякомъ домѣ, хоть собакъ, еслибъ таковыя были.

Вообще, Плевна производитъ очень пріятное внѣшнее впечатлѣніе, хотя каждому русскому внутренно она не по сердцу. Изъ прежнихъ описаній вы уже знаете, что Плевна лежитъ въ лощинѣ и что кругомъ горы, за исключеніемъ не широкаго ущелья съ западной стороны — это софійская дорога. Лощина эта шириною верстъ восемь или около того, а длиною—верстъ десять (до Вида). На возвышенности, или, вѣрнѣе сказать, на обрывѣ, видѣнъ отчетливо рядъ турецкихъ редутовъ, которыхъ насчитывали семь, но я не видѣлъ ихъ вѣкъ. Затѣмъ, правѣе, та самая вторая Гривица, которая такъ мозолила глаза румынамъ и которую они никакъ не могли взять. Налѣво отъ наблюдательнаго пункта видны отчетливо оба редута, которые взялъ Скобелевъ 30-го августа, и,

наконецъ, крайній редутъ, защищавшій мостъ на Видѣ. Вся же лощина буквально изрыта—это тѣ самые ложементы, которые такъ помогли туркамъ въ нынѣшнюю кампанію. Вотъ вамъ и вся грозная Плевна, съѣвшая у насъ столько крови, денегъ и времени. Нетолько ничего грознаго—все такъ просто! Мы, мирные граждане, привыкли подразумѣвать подъ укрѣпленіемъ нѣчто замкнутое, съ колоссальными стѣнами—ничуть не бывало: картина до того мирная, точно гдѣ-нибудь въ селѣ какой-нибудь богоспасаемой губерніи и еслибъ не постоянный артиллерійскій грохотъ, можно совсѣмъ забыть, что находишься на войнѣ.

За горкою раскинутъ лагерь, тамъ обѣдаютъ офицеры и ясно доносится попури изъ «Жизни за Царя», фортиссимо играетъ оркестръ «Славься, славься», но, вмѣсто колоколовъ, постоянно гудятъ пушки. Слышится прекрасный мотивъ изъ «Руслана», или съ другой стороны воскресаетъ образъ «Madame Angot» и вдругъ надъ головою гранаты начинаютъ сверлить воздухъ. Словомъ, первый часъ на позиціяхъ приводитъ въ какое-то странное состояніе. Не пьянъ-ли, думается, или не во снѣ-ли это видишь. Одно другое исключаетъ: или пушки, или «Madame Angot»; вмѣстѣ какъ-то не вяжется. Попривыкши, конечно, это не кажется страннымъ, какъ и вообще все, къ чему привыкаешь.

Что касается, столь распространеннаго выраженія: „Плевна бомбардируется", то и на этотъ счетъ пришлось мыслить о многомъ, иначе Плевну, собственно, никогда не бомбардировали, а бомбардируютъ ея окружности, вѣрнѣе даже сказать, землю, принадлежащую плевненскимъ обывателямъ, а въ городѣ, въ видѣ пробы, пустили разъ нѣсколько снарядовъ, попробовать не загорится-ли, и когда результатъ получился отрицательный, по случаю каменныхъ построекъ, то рѣшили, что рѣшеченіе домовъ и притомъ, очевидно, пустыхъ—дѣло неподходящее, и съ тѣхъ поръ въ городъ не пускали гранатъ.

Общее впечатлѣніе отъ поля брани и жизни арміи—самое прекрасное, несмотря на всѣ лишенія и далеко не отрадныя внѣшнія ея стороны. Въ общемъ—вся армія—какъ-бы одна семья. Одна цѣль, лишенія, неудобства жизни — все это какъ-то соединяетъ въ одно всѣхъ членовъ, огромной семьи русской арміи. Въ первый разъ видишь человѣка—какъ будто вѣкъ былъ знакомъ; смѣло можешь подойти и разговаривать какъ со старымъ пріятелемъ. Квартиры нѣтъ—пріютятъ; нечего ѣсть—накормятъ. Словомъ, братство въ полномъ смыслѣ слова...

Прожилъ я въ Боготѣ недѣли двѣ. Сказать, что нибудъ о тамошней жизни—мудрено, до того она однообразна и томительно скучна. „День да ночь и сутки прочь"—вотъ все чѣмъ можно вспомнить это прозябаніе. Если кого встрѣчаешь — одинъ вопросъ: „не слыхалъ-ли чего объ Османѣ?" или „приходите сегодня на пульку".

Поѣздивши по окрестностямъ Богота, я отправился на нѣсколько

дней въ Букарестъ, предполагая потомъ направить свой путь на Шипку. Но судьбѣ не угодно было, чтобы я выбрался изъ Букареста и я застрялъ тамъ до конца компаніи, потерявъ тамъ все лучшее, что есть въ человѣкѣ, т. е. вѣру въ высокое и честное на землѣ, но объ этомъ рѣчь впереди. Ѣхалъ я теперь уже другой дорогой — почтовой, а не сокращенной.

Почтовая дорога отъ Богота (въ Систово) не представляетъ ничего особенно интереснаго, кромѣ украшенія изъ сгнившихъ уже труповъ лошадей, быковъ и другихъ животныхъ, которые встрѣчаются въ громадномъ числѣ по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ Болгаріи и отчасти даже Румыніи. Тамъ былъ престранный обычай: какъ только падетъ лошадь или волъ, снимаютъ хомутъ и тутъ же бросаютъ падаль, оттащивъ отъ колеи, а иногда и просто оставляютъ на дорогѣ. По такой-то дорогѣ проходила масса солдатъ, большими и малыми партіями, но никто имъ не приказывалъ остановиться минутъ на пять, чтобы зарыть, хотя и неглубоко, павшее животное, между тѣмъ отъ этого, несомнѣнно зависѣло здоровье всей арміи. Отчего, казалось-бы не образовать небольшой отрядъ „зарывателей", человѣкъ въ 10—15? Въ недѣлю, много двѣ, убрали-бы все, что такъ губительно дѣйствовало на здоровье проходящихъ и проѣзжающихъ.

Почтовый трактъ изъ Боготы въ Систово идетъ окольнымъ путемъ, на Горный-Студень, что̀ составляетъ крюкъ верстъ на 20, сравнительно съ дорогою, сворачивающею отъ Булгарень прямо на Систово. Почтовыя лошади представляли ужасную картину—исхудалыя, загнанныя, онѣ еле таскали ноги, и немудренно: на 120 верстъ 150 лошадей и изъ нихъ половина негодныхъ! Случалось, что лошади въ сутки отдыхали по три—четыре часа, дѣлая по 60—70 верстъ.

На всемъ пути до Систова, вѣрнѣе до Дуная, дорога не хороша и содержится небрежно; но особенно замѣчательно одно мѣсто, между Царевицемъ и Дунаемъ: вмѣсто шоссе, какое-то волнистое море, хуже московскихъ зимнихъ ухабовъ. Чѣмъ ближе къ Дунаю, тѣмъ хуже и хуже. Самый спускъ къ мосту вырытъ въ горѣ; ширина его достаточна для трехъ повозокъ, но порядка никакого, и потому, два-три часа нужно употребить, чтобы проѣхать версты—двѣ. Надзора за правильностію движенія нѣтъ; никто не держится одной, извѣстной стороны, и не ѣдетъ въ линію. Случается, что болгары заѣдутъ съ подводами такъ, что большихъ усилій стоитъ разгородить дорогу, и всѣ должны ждать, пока дорога освободиться. И это повторяется не разъ, не два, а на каждомъ шагу; не успѣешь проѣхать 10—15 шаговъ, какъ опять остановка! При назначеніи пяти—шести казаковъ на всемъ спускѣ, для наблюденія за порядкомъ, дѣло пошло-бы отлично. Теперь-же и въ контрактахъ на подводы переправа и спускъ, т. е. три — четыре версты, считаются за

25 верстъ (при поверстной перевозкѣ). Та-же самая исторія повторяется и на мостахъ. Черезъ Дунай, у Систово-Зимницы, два моста, одинъ возлѣ другаго. Вмѣсто того, чтобы въ Систово направлять по одному мосту, а въ Зимницу—по другому, движеніе производилось одновременно по обоимъ мостамъ въ обѣ стороны.

Въ Зимницѣ я посѣтилъ почту. Боже, что за хаосъ! маленькая комнатка и тысячи писемъ, наваленныхъ грудою. „Нѣтъ-ли писемъ такому-то до востребованія?"—„Поищите вотъ тутъ". На полу, грудой, навалены письма и около нихъ сидятъ на корточкахъ два офицера.—Только долгое отсутствіе какихъ-бы ни было извѣстій „изъ дома" можетъ заставить копаться въ этомъ хаосѣ! Я былъ счастливѣе офицеровъ и довольно скоро отыскалъ свое письмо; оно оказалось распечатаннымъ (?). Посылки идутъ не лучше писемъ. Мнѣ была выслана посылка изъ Петербурга въ Букарестъ, 26-го октября. Прихожу 17-го ноября на почту.—„Когда посылка отправлена?"—26-го октября".—„Такъ вы приходите дней черезъ пять—шесть; можетъ быть тогда будетъ". Что за притча, думаю, уже три недѣли въ пути, а еще ждать пять—шесть дней! Сосѣдъ—полковникъ надоумилъ меня: „Вы, должно быть, новичекъ здѣсь. Сапоги, отправленные изъ Одессы 4-го мая, я получилъ уже на позиціи, на Шипкѣ, 6-го октября, такъ что въ ожиданіи успѣлъ износить сапоги здѣшней работы; вотъ теперь получаю посылку, отправленную изъ Одессы-же еще въ августѣ".

Телеграфъ почти въ такомъ же положеніи, но не по своей винѣ Пріѣхавъ 18-го октября въ Зимницу, я написалъ телеграмму, съ извѣстіемъ о подробностяхъ дѣла гвардіи подъ Дубнякомъ и Телишемъ. Телеграфистъ ея не принимаетъ.—„Нужно разрѣшеніе начальства".—„Какого?"—„Не знаю; только безъ разрѣшенія не приму". Вотъ и задача: добейтесь разрѣшенія неизвѣстно отъ кого. „Одно слово лишь-бы начальство".—„Да какое же? Комендантъ, что-ли"? Иду къ коменданту. „Это, говоритъ, не мое дѣло; ступайте къ генералу NN". Иду.—„Это не мое дѣло; говоритъ генералъ NN. ступайте къ полковнику УУ."—Иду.—„Это не мое дѣло" и т. д. Проходилъ добрые часа три, ничего не могъ добиться и рѣшилъ написать письмо.

Въ Букарестѣ поговаривали, что газъ на улицахъ будутъ тушить въ 10 часовъ вечера, потому, что „угля нѣтъ". Въ виду этого обстоятельства, какъ мнѣ передавали, заарестовали уголь, который шелъ къ г. Полякову, на зимницкую дорогу. Много было хлопотъ выручить этотъ уголь. Да и вообще румыны не церемонились въ арестахъ. Ѣдутъ, напримѣръ, подводы изъ Букареста: загородомъ ихъ останавливаютъ и забираютъ: „намъ самимъ нужно". Разумѣется, къ подводамъ, идущимъ съ казеннымъ грузомъ, не подступали. Въ виду этого, здѣсь практиковалась система: „брать солдатъ на подержаніе". Я самъ слышалъ, какъ

подводчикъ просилъ 10—15 солдатъ, обѣщая ихъ и кормить и поить и даже жалованье имъ платить, лишь бы солдаты провожали транспортъ. Не угодно-ли при такой системѣ найма подводъ ставить грузъ къ сроку? Но съ подводами еще можно совладать—солдатъ посадить, а вотъ съ желѣзными дорогами ничего не подѣлаешь, сколько солдатъ не сажай. Получается, напримѣръ, дубликатъ накладной, что отправлено столько-то вагоновъ. Приходятъ узнать, не пришли-ли вагоны; — нѣтъ; еще получались накладныя на нѣсколько вагоновъ—и ихъ нѣтъ въ приходѣ. Наконецъ, въ одномъ, извѣстномъ мнѣ случаѣ, накопилось такихъ накладныхъ на 150 вагоновъ, но на станціи говорятъ, что они не пришли еще. Это на дорогѣ въ 60 верстъ-то длиною (Букарестъ — Журжево)! Идутъ, на всякій случай, съ накладными розыскивать вагоны по станціи, и, оказывается, что они давно всѣ здѣсь, но пришли безъ документа, т. е. либо совсѣмъ не выдали кондуктору поѣзда, или кондукторъ затерялъ его. Какъ то, такъ и другое одинаково утѣшительно, тѣмъ болѣе, что грузъ срочный, за нимъ стоитъ, можетъ быть, вся работа.

Я писалъ уже, что здѣсь были всякіе начальники на желѣзныхъ дорогахъ, да рукъ и ногъ у нихъ не было, такъ какъ всѣ служащіе—румыны. Лучше всего выясняется положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла разсказомъ одного изъ высоконачальствующихъ лицъ. Съ горестью говоря о своемъ положеніи, онъ прибавилъ: „Не знаю, почему-то считаютъ нужнымъ каждый разъ телеграфировать мнѣ, если что-нибудь случается на линіи. Даже ночью приносятъ телеграммы“.—„Что же вы дѣлаете, получая такое увѣдомленіе?“—„Да повернусь на другой бокъ и стараюсь заснуть“. И разумно: больше ему и дѣлать нечего. Въ бытность мою въ Букарестѣ, и само высшее начальство путей сообщенія начало сознавать всю фальшивость такого положенія. Генералъ Дрентельнъ, при всей своей энергіи, говорилъ, что ничего не можетъ сдѣлать. Изъ такого положенія могли быть два выхода: или отдать дороги въ полное распоряженіе румынъ и брать съ нихъ неустойку, въ случаѣ не исполненія обязательствъ, или же взять дороги въ свои руки и платить румынамъ аренду. Другаго ничего нельзя было сдѣлать. При такомъ же положеніи, какъ было въ перспективѣ, былъ переводъ бумаги стопами, но безъ признака, даже дѣла.

Вскорѣ по прибытіи въ Букарестъ, мнѣ удалось посѣтить госпиталь св. Пантелеймона. Это военно-временный госпиталь № 54-й. Онъ помѣщался въ пяти-шести верстахъ за городомъ, на прекрасномъ мѣстѣ. Старшій врачъ госпиталя, нашъ военный докторъ Перминовъ, человѣкъ крайне любезный и весь преданъ своему дѣлу. Вездѣ чистота — соринки не увидишь. При мнѣ врачъ „распекалъ“ фельдшера, зачѣмъ, вопреки его приказанія, оставлена въ палатѣ чистая вата, а не убрана въ надле-

жащее мѣсто. По предложенію врача, отправились въ кухню—пища приготовлялась очень чисто и вкусно. Самое зданіе—роскошное. Огромныя, чистыя комнаты, съ высокими потолками; воздуха—масса; баня, ванны—словомъ, ничего лучшаго нельзя желать. Въ больницѣ было всего 25 палатъ; на каждыя двѣ палаты—сестра милосердія, ну, а гдѣ сестра милосердія тамъ чистота, порядокъ, вниманіе. Всѣхъ сестеръ 16, да еще пріѣхало нѣсколько. Всѣхъ больныхъ въ госпиталѣ было 509. Самая большая часть приходится на долю тифовъ, перемежающихся и всякихъ другихъ лихорадокъ. Затѣмъ идутъ дисентерики, которыхъ было 78 человѣкъ, затѣмъ сифилитики—56, и наконецъ, живые документы исправности той мерзости, которая почему-то называется „товарищество продовольствія арміи" —16 человѣкъ съ отмороженными членами и одинъ съ онѣмѣлыми руками и ногами. Врачъ объяснилъ отмороженіе не холодомъ, стужей или морозомъ, а неправильнымъ, худымъ питаніемъ. Доказательства самыя простыя: 1) ни одинъ офицеръ не отморозилъ себѣ ногъ или рукъ, хотя очень многіе изъ нихъ не имѣютъ ничего теплаго и живутъ въ одинаковой съ солдатами обстановкѣ и 2) люди, совершенно здоровые, заболѣвали онѣмѣніемъ конечностей. Ужасная это вещь! Ни руки, ни ноги не двигаются. Все леченіе состоитъ въ здоровой, питательной пищѣ; больнымъ давали вино, коньякъ и человѣкъ начинаетъ понемногу шевелить пальцами. Дѣйствительно, имѣя такую очевидность, приходится сознаться, что пища незавидная.

Когда я былъ еще подъ Плевной, я попробовалъ раза два сухари изъ сумки солдата. Сухари эти представляли собою (отъ сырой погоды) разбухшее тѣсто, такъ что отъ нихъ въ желудкѣ дѣлается навѣрно нѣчто въ родѣ винокуреннаго завода, вслѣдствіи кислаго броженія. Объясняется это очень просто: сухари, доставляемые израильскимъ „grande société", не просушенные, а подсушенные на скорую руку, такъ что при сырости они пробухаютъ, впитывая въ себя влагу.

Кстати нѣсколько словъ по поводу „товарищества". Оно обязано было провіантировать армію; но это оказалось только фиктивное обязательство, такъ какъ оно снабжало армію только тѣмъ, что̀ ему было выгодно, а что̀ мало-мальски трудно было достать, того никто не допросится. И, главное, обидно то, что это имъ даромъ сходило, какъ будто такъ и слѣдуетъ. За примѣрами дѣло не станетъ. Въ бытность мою въ Боготѣ, я былъ очевидцемъ, какъ за маленькій возъ соломы платятъ по четыре полуимперіала, а сѣна нельзя было достать ни за какія деньги. Между тѣмъ, товарищество имѣло запасъ до трехъ милліоновъ пудовъ сѣна, по сю сторону Дуная. Отчего же у него не берутъ сѣна туда, гдѣ оно нужно? Не даютъ! Да почему же? Очень просто: они его продавали по $2^1/_2$ франка за пудъ, а сами платили по одному и полтора франка—стало быть, здѣсь были большіе барыши, а тамъ малые; вотъ отчего и

говорятъ, что нѣтъ сѣна. Вообще все, что дѣлало товарищество, „ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать...“

Проживши въ Румыніи довольно долгое время, я могъ ближе познакомиться со всѣми порядками внутренняго строя кампаніи, такъ какъ тамъ-то и совершалось все, а армія только испытывала на себѣ результаты этого совершаемаго въ видѣ голода и холода. Тутъ же я увидѣлъ ближе тотъ народъ, съ которымъ волей-неволей пришлось быть друзьями. Я разумѣю румынъ.

Все, что я слыхалъ и читалъ, раньше своей поѣздки, о румынахъ, было, по большинству, нехорошее. Это предубѣжденіе было очень сильно во всякомъ изъ насъ, и вся сила этой непріязни очевидна при въѣздѣ въ Румынію. Не успѣли вы сѣсть въ вагонъ, въ Яссахъ, какъ вы слышите со всѣхъ сторонъ непохвальные эпитеты румынамъ и ни одного слова добраго. Это говорятъ, по большей части, люди, только-что въѣзжающіе въ предѣлы этого маленькаго свободнаго княжества. Каюсь чистосердечно—и я былъ въ числѣ ихъ. Бранилъ же ихъ, по большинству, за все, такъ, здорово живешь. Пріѣзжаешь, напримѣръ, въ Яссы: „Сифонъ зельтерской воды.„—„Что сто́итъ?“—„50 сантимовъ“.—„Экъ, канальи, дерутъ!“ На самомъ же дѣлѣ дешевле, чѣмъ у насъ на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ бутылка стоитъ 20 коп., а тутъ на бумажныя деньги тѣ же 20 коп., только даютъ больше и съ бо́льшимъ удобствомъ. Опоздалъ поѣздъ—опять виноваты румыны; „глупцы, во время ѣздить не умѣютъ“; тогда какъ на нашихъ дорогахъ отсутствуетъ всякое понятіе о точномъ времени. Такъ всегда и во всемъ. Эти примѣры ясно указывали настроеніе русскаго общества по отношенію къ румынамъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ приношу покаяніе въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, основанныхъ только на неполномъ знакомствѣ также, какъ думаю, и у другихъ. Я убѣжденъ, что всѣ тѣ, которые наговорили намъ противъ румыновъ, сознаются въ своей оплошности. По моему мнѣнію, причинами нападокъ служатъ, главнымъ образомъ, во-первыхъ, тѣ отношенія, въ которыя мы стали къ румынамъ, а во-вторыхъ, наша непривычка обращаться съ металлическими деньгами, а непремѣнно сейчасъ переводить на бумажки, забывая при этомъ, что за тотъ товаръ, который мы покупаемъ, платилось тоже металломъ, а не бумагою. Гдѣ же тѣ люди, которые, ради идеи братства, какой-то фиктивной идеи, брали бы копѣйку вмѣсто рубля? Разумѣется, найдутся очень многія единичныя личности, которыя, ради идеи, ничего не возьмутъ за то, что стоитъ сотни рублей; но, вѣдь, нельзя же подвести весь народъ подъ этотъ уровень. Втолкуйте, напримѣръ, молдаванину: „ты мнѣ братъ (?), такъ долженъ дать чуть не даромъ“.—„Да я самъ себѣ прежде всего и ближе всѣхъ другихъ братъ“, отвѣтитъ простолюдинъ. Стоитъ пойти на любой рынокъ, чтобъ убѣдиться, что предметы, болѣе всего спрашиваемые, под-

нимаются въ цѣнѣ значительно; а тутъ пришли въ страну 400,000 лишнихъ ртовъ, и хотятъ, чтобы все дешевѣло! Странное желаніе! Въ одномъ, кажется, всѣ должны быть согласны, что румыны не виноваты, что нашъ бумажный рубль составляетъ 60% серебрянаго.

Разумѣется тамъ не было Мильбретовъ, чтобъ кормить сколько-нибудь сносно за 15 рублей въ мѣсяцъ: не было комнатъ въ 20—25 руб. бумажныхъ, но, все таки, нѣтъ той дороговизны, о которой кричатъ. Очень хорошій нумеръ въ одномъ изъ лучшихъ отелей, чай, завтракъ изъ двухъ блюдъ, обѣдъ изъ четырехъ, вино, кофе и вечерній чай—стоилъ 16 франковъ въ сутки, т. е. 4 руб., но, опять таки, серебрянныхъ. И это въ странѣ, гдѣ сотни тысячъ лишнихъ ртовъ, гдѣ вы, бывало, не достанете свободнаго нумера — все биткомъ набито. Да, наконецъ, стоитъ вспомнить любую выставку, когда за чуланъ на чердакѣ платили чуть не все то, что мнѣ стоило дневное содержаніе, а наплывъ вовсе не былъ въ такомъ размѣрѣ. Тамъ перебываетъ и вдвое—втрое болѣе, но здѣсь, эти сотни тысячъ сряду живутъ 10—12 мѣсяцевъ. Еще одинъ примѣръ. Одинъ изъ нашихъ тузовъ отъ комерціи нанималъ отдѣльный двухэтажный домъ въ 12—15 комнатъ съ полной, роскошной меблировкой, вездѣ ковры, вся посуда до мельчайшей, даже все постельное бѣлье готовое при квартирѣ и за все это платитъ 1,200 фр. въ мѣсяцъ, т. е. 300 руб. Гдѣ можно найти у насъ такое удобство? Что тамъ, дѣйствительно, дорого—топливо, 20—25 фр. небольшая вязанка дня на три, на двѣ печи, или, лучше сказать, камина. Да, едва-ли румыны заслуживали брань за дороговизну.

Впрочемъ, кромѣ дороговизны, была масса поводовъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Представьте себѣ, что я являюсь въ вашъ домъ и назначаю своего управляющаго, своего дворника и т. д. и т. д. Несомнѣнно вы будете ставить всякія препятствія къ исполненію приказаній моихъ управляющихъ. Мы заняли у румынъ желѣзныя дороги и поназначали тамъ своихъ всевозможныхъ управляющихъ, разумѣется встрѣчали враждебное настроеніе и препятствіе на каждомъ шагу. Намъ нужно было девять поѣздовъ, а намъ даютъ два—три; намъ нужно 2000 вагоновъ для перевозки лазаретовъ и пр., а получаемъ чуть не по два въ день, и такъ во всемъ. У румыновъ есть много такихъ сторонъ, чисто національныхъ, которыя, разумѣется, не заслуживаютъ одобренія, хотя это чисто дѣло ихъ внутренней жизни. Во первыхъ, у нихъ нѣтъ никакой производительности, кромѣ хлѣбной. Что ни возьмете—все иностранное. Например, понадобилось мнѣ сѣдло, заказываю его въ Букарестѣ, кстати сказать, очень дешево, четыре золотыхъ т. е. 20 руб., и отличное сѣдло. Выбираю кожу. „Какая это кожа?"—„Австрійская".—„А у васъ нѣтъ кожи вашего производства?"—„Есть, да дрянь такая, что никуда не идетъ". Что бы вы ни захотѣли мѣстнаго произведенія—все дурно, не

исключая и вина, несмотря на обиліе виноградниковъ. Даже самый виноградъ какой-то мелкій, сморщенный, видимо, даже и этимъ не занимаются прилежно. Только ячмень и найдете путный. Такое малоразвитіе промышленности очевидно указываетъ на уровень развитія страны. Каждый румынъ, за малымъ исключеніемъ высшаго класса—дитя природы. Онъ васъ иногда ошеломитъ такимъ отвѣтомъ, что невольно подумаешь—не попалъ-ли въ царство ребятъ? Въ началѣ меня не мало удивляло, отчего-бы такая свободная страна, съ самою либеральною конституціей могла быть такъ мало образована? Вы почти нигдѣ, начиная съ улицъ Букареста и кончая деревней, не увидите газеты въ рукахъ простолюдина, что, не говорю уже о Европѣ, попадается за послѣднее время довольно часто и у насъ. На что ужъ выгоденъ извозный промыселъ въ самомъ Букарестѣ, и тутъ мало румыновъ, все больше пришлый элементъ—нѣмцы и наши раскольники. Я почти нигдѣ не видѣлъ, чтобъ русскій офицеръ разговаривалъ съ румынскимъ офицеромъ, которыхъ здѣсь не малое число. Каждый изъ нихъ самъ по себѣ. Отчего это происходило—рѣшить не берусь, но, кажется, общая цѣль должна-бы сблизить ихъ хоть сколько-нибудь. За это можно обвинять румыновъ. Ни у кого изъ нихъ, видимо, не западала мысль, что независимость ихъ, построена на пирамидѣ десятковъ тысячъ труповъ нашихъ солдатъ, за что можно было-бы оказать нѣкоторую долю если не почтенія, то, хотя признательности, выраженной хоть внѣшними отношеніями. Но этого-то и нѣтъ: они, видимо, думаютъ и говорятъ о насъ тоже, что и мы о нихъ. Въ этомъ отношеніи много погрѣшила и наша печать, которая, чуть-ли не на другой день вступленія нашихъ войскъ въ Румынію, облаяла румынъ ни за что, ни про что. Я прошу извиненія за это выраженіе, но болѣе подходящее пріискать мудрено.

Низкій уровень развитія страны, пожалуй подтвердитъ еще и краткій очеркъ тѣхъ эстетическихъ удовольствій, которыми пользуются румыны. Въ Букарестѣ есть только два театра: румынскій драматическій и итальянская опера. Въ послѣдствіи, по случаю наплыва массы русскихъ, развились кое-какіе походные театры. Явилась и „опера Буффъ“ и „Алказаръ“; но все это только походное, временное, ниже всякой посредственности. Видѣлъ, я напримѣръ, „Фауста“, но, право, не Гуно—у композитора волосъ сталъ-бы дыбомъ, еслибъ онъ былъ тутъ. Роль Маргариты исполняла наша русская пѣвица изъ Кіева. Она, можно сказать, была лучше всѣхъ остальныхъ, потому что ее совсѣмъ не было слышно, а только видно было, какъ она открываетъ ротъ, стало быть, думалось, поетъ. Объ игрѣ и помина нѣтъ. Несмотря на эти прекрасныя стороны артистки, ей подавали букеты и нѣсколько разъ аплодировали за прекрасное молчаніе. О Фаустѣ и Мефистофелѣ и говорить нечего. Хоры состояли изъ шести женщинъ и 11 мущинъ. Не можете пред-

ставить до чего комично видѣть, какъ во второмъ дѣйствіи они раздѣлены: съ одной стороны три и съ другой три. На большой сценѣ шесть женщинъ—весь хоръ! При этомъ какія-то калѣки, хромыя, косыя, точно изъ богадѣльни! Наконецъ самый оркестръ ниже всякой критики. Не говоря уже о музыкантахъ, капельмейстеръ явился въ какой-то засаленной жакеткѣ, точно сейчасъ только подавалъ кушанья въ какомъ-нибудь плохомъ ресторанѣ. А его разговоры во время самаго дѣйствія? Совралъ фаготъ и несносно совралъ, капельмейстеръ не пропустилъ это, и вы слышите, „Was machen Sie da?“ Такова опера въ Букарестѣ. Но что страннѣе всего, публика бывало обыкновенно ею очень довольна, аплодировала, заставляла повторять.

О румынскомъ театрѣ мудрено что нибудь сказать, не понимая ни слова. Если-бъ еще играли какія нибудь переводныя, извѣстныя пьесы, а то ничего не разберешь.

„Оперу-Буффъ,“ какъ говорили въ Букарестѣ, привезли съ собою русскіе. Это, разумѣется, не совсѣмъ точное выраженіе, но все же близко подходящее. Румыны посѣщали „Буффъ“ очень мало, за то чуть-ли не на ихъ иждивеніи содержался „Алказаръ.» Это кабакъ первостатейный съ гимнастами въ костюмахъ съ плечъ нашихъ уличныхъ акробатовъ, съ одной пѣвицей-француженкой, взятой чуть не изъ „Café chantant,“ что на Каменноостровскомъ проспектѣ, и съ неизбѣжнымъ баритономъ, поющимъ „пѣсни любви.“ Вотъ вамъ и всѣ букарештскія удовольствія. Впрочемъ, нѣтъ—забылъ еще упомянуть о еврейскомъ театрѣ, устроенномъ, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ, для членовъ и агентовъ достославнаго „товарищества,“ и мнѣ кажется, разсчетъ безошибочный, потому что если бы вы хотѣли увидѣть кого нибудь изъ нихъ — слѣдовало бы отправиться въ этотъ кабачокъ.

Вообще говоря, румынъ видишь въ городѣ очень мало; потому-ли, что они домосѣды или нелюдимы—Богъ ихъ знаетъ, но за то столицу изъ заполонили, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, „іезуитскіе дворяне.“ Букарестъ, во время кампаніи, былъ совершенно столицей царства іезуитскаго. Газета еврейская расходилась въ Букарестѣ въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ даже „Rumunul.“ Вотъ гдѣ была, по истинѣ, земля обѣтованная, даже и съ манной небесной во образѣ наполеоновъ и полуимперіаловъ! Разумѣется, излишне пояснять, что мѣста Авраамовъ и Моисеевъ заняли современные патріархи въ родѣ Горвицовъ, Когановъ, Варшавскихъ, на которыхъ мелкопомѣстные іерусалимскіе дворяне смотрѣли съ какимъ-то подобострастіемъ. Да и какъ не смотрѣть подобострастно на этихъ тузовъ: далъ мѣсто—черезъ два мѣсяца богатый комерсантъ, не далъ—иди, попрежнему, надувать, обмѣривать, обвѣшивать.... Какъ-то я бесѣдовалъ съ тузомъ, членомъ тріумвиратскаго товарищества.—„Почему у васъ нѣтъ почти русскихъ слу-

жащихъ; вѣдь есть же и среди русскихъ народъ способный?“—„Были, батюшка, были, да не выдерживаютъ этой адской службы; помилуйте, цѣлыми мѣсяцами не видать хаты! Выписали мы вашихъ русскихъ человѣкъ 200, да всѣ разбѣжались черезъ недѣлю.“ Полагаю, ,,товарищъ“ слишкомъ ужъ грѣшилъ противъ заповѣди, запрещающей возводить на ближняго „свидѣтельство ложно.“ Неужели служба „товарищамъ“ тяжелѣе жизни на Шипкѣ или подъ Плевною? Неужели еврей выносливѣе русскаго? Не отъ труда бѣжалъ русскій человѣкъ—совѣсть не позволяла оставаться на службѣ у товарищества. Стоитъ не много лишь поприглядѣться, какъ здѣсь, въ товариществѣ, дѣлались дѣла, чтобъ всякому порядочному человѣку отвернуться съ пренебреженіемъ, а не только идти туда служить. Факты на лицо и ихъ не перечтешь.

Вся торговля предметами, необходимыми для арміи, была въ рукахъ евреевъ. Назначаются, напримѣръ, торги, ну, скажемъ на подтяжки. Приходите вы въ итендантство. Кругомъ пахнетъ чеснокомъ и лукомъ; все шепчется и таинственно посматриваетъ на васъ, какъ на новаго врага. Извѣстное дѣло, что мы начинаемъ думать о чемъ нибудь только тогда, когда что называется, приспичитъ—вынь да положь! Тоже самое происходитъ и съ нашими подтяжками. Люди, напримѣръ, настолько похудѣли отъ добрыхъ услугъ товарищества, что безъ подтяжекъ, положимъ, приходится плохо, а время холодное. Назначаютъ день торговъ и требуютъ, чтобъ эти злополучныя подтяжки непремѣнно были черезъ недѣлю. Допустимъ, что вы ихъ можете купить въ Берлинѣ по франку; въ виду же экстренности, нужно вести не товаромъ, а багажемъ, что чуть не вдесятеро дороже. Положимъ, по справкамъ, привозъ стоитъ франкъ. Нажить что нибудь нужно, такъ что вы подаете цѣну два франка 20 сантимовъ, и дешевле, разумѣется, брать нельзя ни на копѣйку. Евреи, пошушукавшись, берутъ полтора франка. За ними, разумѣется, и остается. Слава Богу, думаете вы, при такой системѣ получается наивыгоднѣйшая цѣна. Но это только такъ кажется. Проходитъ недѣля. Еврей прибѣгаетъ и говоритъ, что потому-то и потому-то подтяжекъ нѣтъ, но что черезъ недѣлю непремѣнно будутъ. Что съ нимъ прикажете дѣлать? Оставить залогъ и прогнать вонъ? Но въ такомъ случаѣ нужно назначать новые торги, да дожидаться еще недѣлю, т. е. въ сложности, потратить двѣ-три недѣли и рисковать наткнуться на такую же штуку—такъ ужъ лучше оставить за прежнимъ! И получаются подтяжки черезъ двѣ—три недѣли. Въ такой срокъ вы, можетъ быть, взялись бы поставить по 1 франку 25 сантимовъ, но у васъ не хватаетъ сметки на подобный гешефтъ, да и порядочность не позволяетъ выкинуть такой штуки. Такъ дѣлались всѣ дѣла въ тылу и такимъ-то путемъ руссіе люди оказывались невыносливыми, къ чести этихъ русскихъ людей будь сказано.

Самый прибыльный подрядъ былъ здѣсь подводный, только не у частныхъ лицъ, а съ казною. Интендантство съ начала кампаніи и все время платило все одну, затверженную цѣну—16 фр. съ подводы въ сутки, тогда какъ частныя лица находили съ избыткомъ по 12—13 фр. за такую же подводу, и за ними никогда не было остановки. При этомъ нужно сказать, что частныя лица платили деньги, разумѣется, не такъ хорошо, какъ платило интендантство, которое выдаетъ разные авансы, чего не дѣлаютъ частныя лица. Вообще, я не могу понять, почему интендантство практиковало систему постоянныхъ цѣнъ, не смотря на указанія практики? Въ Кишиневѣ, еще до перехода нашихъ войскъ черезъ границу, цѣна на подводы почему-то была установлена въ 16 франковъ, тогда какъ нѣмцы-колонисты брали значительно дешевле. Интендантство, имѣя росписки, въ родѣ недавно опубликованной („Голосъ," 1-го февраля № 32) поставило вопросъ о желѣзныхъ осяхъ, колонисты отказались, а тогда Варшавскому разрѣшили деревянныя оси. Эта цѣна осталась и до самаго конца. хотя обстоятельства значительно измѣнились. Тамъ-же, въ Кишиневѣ, можно было достать подводы по 100—105 рублей бумажныхъ въ мѣсяцъ, а платило интендантство по 16 франковъ въ сутки или 192 рубля бумажные въ мѣсяцъ! Даже къ концу кампаніи, т. е. когда все стало въ три дорога, и то люди, заключившіе контрактъ на подводы съ интендантствомъ, брали по 1½ франка отступнаго, передавая контрактъ. Взявшій по 14½ франковъ, все-таки оставались съ большими барышами.

Вотъ у „товарищей" дѣло велось иначе. Они говорили: „ничто не вѣчно подъ луною" и какъ можно чаще мѣняли цѣну. Какъ извѣстно, „товарищество" не было подрядчикъ за извѣстную, опредѣленную цѣну—это комисіонерное учрежденіе, т. е. оно обязалось доставлять продовольствіе и за это получало 10% свыше справочной цѣны, т. е. выше той фиктивной цѣны, которую какъ бы само платило. Каковы были эти справочныя цѣны, видно изъ слѣдующаго: товарищество поставляло печеный хлѣбъ по 3 р. 50 к. металлическихъ за пудъ. Послѣ же ихъ отказа отъ поставки, поставляли тотъ же хлѣбъ по 1 р. 55 к. и въ 1½ мѣсяца нажили съ одного корпуса 80 т. рублей. Изъ этого положенія о коммисіи съ перваго же знакомства съ дѣломъ выходитъ ужаснѣйшій абсурдъ: чѣмъ дороже товаръ, тѣмъ больше 10% коммисіонныхъ, т. е. товарищамъ выгоднѣе, вотъ почему имъ выгоднѣе играть на повышеніе цѣнъ, чѣмъ на пониженіе. „Что просишь за ячмень?"—„Рубль."—„Рубля не дамъ; возьми три—куплю." И совсѣмъ резонно. Вмѣсто 10 к. наживаютъ 30 к. Выдумайте-ка другую какую нибудь такую-же „коммерцію", чтобъ дороже платить, чѣмъ стоитъ, и отъ этого больше нажить! Мнѣ можетъ быть, возразятъ, что это обыкновенно такъ бываетъ: чѣмъ дороже товаръ, тѣмъ больше наживаютъ. Не объ этомъ рѣчь. Если торгуютъ два магазина рядомъ однимъ и тѣмъ же товаромъ и одинъ пла-

титъ за какую нибудь единицу товара одинъ рубль, а сосѣдъ платитъ за ту же единицу два рубля, то, продавая по одной цѣнѣ, кто изъ двухъ больше наживетъ? Конечно первый: посмотрите же на дѣла товарищества, выходитъ совсѣмъ другое. Случалось-ли вамъ просить, чтобъ подороже съ васъ брали? Не знаю какъ вамъ, мнѣ никогда не случалось! А здѣсь наоборотъ! Да развѣ я не правъ послѣ этого, говоря, что Румынія—страна обѣтованная? Всѣ цѣны устанавливались не практикою, а какими-то отвлеченными разсужденіями.

Подводное дѣло—громадное; пожалуй даже и больше, чѣмъ у товарищества, такъ какъ товарщество, ссылаясь на книги и квитанціи, говоритъ, что его оборотъ за восемь мѣсяцевъ войны, составлялъ сумму около 23-хъ мил. (въ чемъ я сильно сомнѣваюсь), а у Варшавскаго прошло черезъ руки въ восемь мѣсяцевъ нѣчто около 30 мил. р. Я не особенный сторонникъ тѣхъ господъ, что считаютъ барыши въ чужомъ карманѣ, и притомъ увеличивая ихъ произвольно, не зная дѣла; но, все-таки не могу не сказать, что къ рукамъ г. Варшавскаго прилипло много рублей! Онъ имѣлъ на каждую подводу барыша до трехъ франковъ въ день, или 90 фр. въ мѣсяцъ; считая расходы по администраціи, пропажи задатковъ, падежъ и истощеніе лошадей и т. п. расходъ, чистый барышъ все же былъ больше 50 франк. на подводу въ мѣсяцъ, что составляло на 11.000 подводъ около 200.000 руб. въ мѣсяцъ. Первый мѣсяцъ онъ былъ несравненно больше; потомъ, можетъ быть и меньше, такъ что средняя цифра именно такова. Во всякомъ же случаѣ, огромное дѣло! Злые языки говорили, что по спискамъ числилось въ ноябрѣ 1877 года до 17.000 подводъ, а на самомъ дѣлѣ число ихъ далеко не доходило до этой цифры.

Этотъ же г. Варшавскій—подводчикъ получилъ заказъ лошадиныхъ галетъ для арміи. Заказъ этотъ состоялся въ сентябрѣ, на 4.000.000 раціоновъ, по 65 коп. кредитныхъ за раціонъ втораго разряда, т. е. вѣсомъ четыре фунта. Познакомившись поближе съ галетнымъ дѣломъ, я узналъ, что и лошади гвардейскія имѣютъ громадное преимущество передъ армейскою, а армейскими, въ свою очередь, смотрятъ свысока на обозныхъ лошадей. Словомъ — аристократія, демократія и плебсъ. Аристократы и демократы (лошадиные) возятъ на себѣ благородныхъ всадниковъ, а плебсъ—какъ и въ жизни—таскаетъ провіантъ для первыхъ двухъ категорій. Аристократы получаютъ три гарнца овса или $5^1/_2$ фунтовъ лепешекъ; демократы—три гарнца или четыре фунта лепешекъ и, наконецъ, плебсъ—$2^1/_2$ гарнца овса или три фунта 40 золотниковъ лепешекъ. Г. Варшавскій, почему-то, не удостоился чести приготовлять вкусное блюдо, для аристократовъ, такъ какъ ему заказаны одни демократическіе раціоны.

Для производства галетъ г. Варшавскій, въ союзѣ съ какимъ-то Му-

хановымъ, выстроилъ огромную фабрику, около желѣзной дороги, идущей на Яссы. Разумѣется, постройки всѣ временныя—на живую руку. Самое зданіе представляло собой сарай, длиною около 120 метровъ и приличной ширины. По обѣимъ сторонамъ сарая сдѣланы печи, а по серединѣ—въ два ряда, во всю длину зданія, стоятъ какъ бы два сплошные стола. На этихъ столахъ мѣшаютъ и мнутъ тѣсто, а дальше, на тѣхъ же столахъ, изъ огромныхъ лепешекъ вырѣзаютъ казенный форматъ. Вырѣзанные кружочки укладываютъ на жестянные листы и кладутъ въ печь, откуда черезъ 30—40 минутъ выходятъ готовыя лепешки. Прожаренныя галеты подаютъ на верхъ (верхній этажъ), гдѣ и сортируются, нанизываются на тонкую проволоку и упаковываются въ ящики. Особенно понравились мнѣ на этомъ заводѣ печи: представьте себѣ сплошную кирпичную стѣну, вышиною въ ростъ человѣка, и въ основаніи квадратную, сажени двѣ въ сторонѣ. Съ одной стороны этого масива сдѣлано въ вышину узкое отверстіе, длиною во всю ширину масива—это и есть печь, куда ставятъ листы съ лепешками. Съ другой стороны производится топка. Все остроуміе печей—въ самой топкѣ и въ нагрѣваніи печи. Топка устроена слѣдующимъ образомъ: примѣрно на серединѣ высоты всего масива вдѣланы три металлическіе колокола въ діаметрѣ около $^3/_4$ или одного аршина. Въ эти колокола и накладываютъ дрова. Прямо изъ колокола пламя идетъ въ масивъ, какъ я сказалъ, на серединѣ его высоты. Тамъ оно дѣлаетъ до 20-ти оборотовъ и выходитъ въ трубу. Вмѣстѣ съ этимъ, сбоку масива сдѣлано большое отверстіе. Черезъ это отверстіе входитъ наружный воздухъ, который особымъ каналомъ огибая горячіе колокола, уже значительно нагрѣтый, входитъ въ масивъ на разстояніи 3—4 дюймовъ отъ пола печки, и дѣлая тамъ нѣсколько оборотовъ, входитъ въ самую печь. Такимъ образомъ, пламя грѣетъ ходы воздуха, а воздухъ даетъ тепло печи. При такой системѣ печенія немыслимо подгораніе. Строилъ печи инженеръ Прене (J. E. Prenez), французъ. Разумѣется, французъ не обошелся безъ того, чтобъ не попробовать другихъ системъ печей и понадѣлалъ ихъ изрядное число. Сущность ихъ одна и таже, только самая печь устроена иначе. Въ описанныхъ мною печахъ жестяные листы кладутся въ печь и съ той же стороны вынимаются, а въ такъ-называемыхъ американскихъ устроена черезъ печь безконечная сѣтка, такъ что лепешки накладываются съ одной стороны, а вытягиваются съ другой. Всѣхъ печей я видѣлъ 43 и выпекали они (въ день моего посѣщенія) 20.000 раціоновъ. Въ послѣдствіи же доведено было до выдѣлыванія отъ 30.000—40.000 раціоновъ въ день.

Относительно цѣны на галеты, какъ я сказалъ, повторилась таже исторія, что и со всѣми остальными цѣнами. Дали за нихъ по 65 коп. кредитныхъ за раціонъ. Почему не 70 или 60 копѣекъ? Практика по-

казала, что раціонъ стоитъ около 40 копѣекъ, а дали 65 копѣекъ. Чтобъ мое опредѣленіе цѣны не показалось голословнымъ, я приведу самый обстоятельный разсчетъ.

Галеты дѣлаются изъ слѣдующей смѣси: 30% ржаной муки, 30% овсяной, 30% гороховой и остальные 10% льнянаго сѣмени, съ другими необходимыми примѣсями въ родѣ соли. Такъ какъ здѣсь трудно достать овесъ и горохъ, то разрѣшили замѣнить овесъ—ячменемъ, а горохъ—фасолью. Стоимость матерьяла, работы, администраціи и погашенія цѣнности обзаведенія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Порція галетъ должна вѣсить 4 фунта, слѣдовательно, по вышеприведенной пропорція, смѣси на порцію нужно: 1.20 фунтъ муки ржаной, 1.20 ячневой, 1.20 фасольной и 0.40 льнянаго сѣмени; платили за 100 окъ: ржаной муки 32 фр., ачневой и фасольной 25 фр. и льнянаго сѣмени 62 фр. Такъ какъ око составляетъ три нашихъ фунта, то стоимость матерьяловъ въ галетахъ такова: ржаная мука 0.13 фр., ячневая 0.10 фр., фасольная 0.10 и наконецъ льняное сѣмя 0.08 фр. въ суммѣ 0.14 фр.

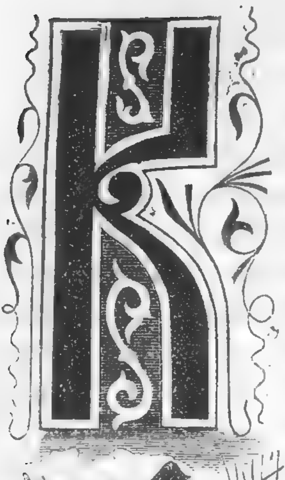
Я уже сказалъ, что въ тотъ день, когда я былъ на фабрикѣ, выдѣлывали въ сутки до 20.000 раціоновъ. Рабочихъ было до 600 человѣкъ, да ночью столько же, т. е. всего въ сутки работало до 1.200 человѣкъ. Платили имъ: мущинамъ 2 фр. и женщинамъ 1½ фр. хотя на заводѣ работали по большинству женщины, по крайней мѣрѣ 60—65%, но для ровности счета, я буду считать, что работали только мущины. Общій расходъ на рабочія руки составляетъ 2.400 фр. въ сутки на 20.000 раціоновъ, а на одинъ 0.12 фр.

Построить фабрику со всѣми обзаведеніями стоило около 500.000 фр. Я считаю, что по выдѣлкѣ своего заказа, т. е. всѣхъ четырехъ милліоновъ раціоновъ, г. Варшавскій броситъ фабрику; слѣдовательно, постройка ложится на каждый раціонъ въ размѣрѣ 0.13 фр.

Отопленіе печей и машинъ въ день стоитъ около 1.000 фр., слѣдовательно, на раціонъ 0.05 фр. Все это вмѣстѣ составляетъ 0.71 фр. Полагая на администрацію и непредвидѣнныя издержки по 10%, стоимости матерьяловъ, получится цѣна раціона 0.35 франковъ или 34 копейки кредитныхъ. Это при самомъ широкомъ разсчетѣ. Но, наконецъ, допустимъ, что нераспорядительность, новизна дѣла и т. п. факторы возвысятъ стоимость раціона еще на 3 коп., всего составится 37 коп., почему же интенданство платило ровно вдвое?

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ.

(Разсказъ стрѣлка 4-й стрѣлковой бригады).



Къ началу августа 1877 года 4-я стрѣлковая бригада, окончивъ блистательно первый забалканскій походъ, поступила въ составъ 8-го армейскаго корпуса и по распоряженію корпуснаго командира генерала Радецкаго отошла въ резервъ къ с. Присово. Здѣсь предполагалось дать крайне необходимый отдыхъ, какъ для укрѣпленія физическихъ силъ солдатъ, измученныхъ продолжительными усиленными переходами, такъ съ другой стороны для исправленія одежды и обуви, которыя пришли почти въ негодность: — шапки потертыя съ поломанными козырьками, мундиры и шинели, порванныя или пожженныя отъ костровъ, синія штаны *) и обмотанныя тряпками ноги въ какихъ нибудь лаптяхъ или башмакахъ; все требовало перемѣны или исправленія. Но, какъ извѣстно, обстоятельства такъ сложились, что бригада вмѣсто отдыха попала на Шибкинскую позицію, гдѣ простояла въ постоянной борьбѣ съ природой и со врагомъ до 1-го ноября, когда изъ Россіи пододвинулись войска и 24-я дивизія, щеголеватая и бодрая, смѣнила оборванныхъ, обношенныхъ, измученныхъ, но крѣпкихъ духомъ и гордыхъ своей славой, стрѣлковъ. Съ этого времени бригада вошла въ составъ 11-го армейскаго корпуса и получила назначеніе, опять-таки для отдыха, въ резервъ въ Тырново, въ с. Присово и въ с. Федобеко.

*) По занятіи нами Казанлыка, найдены были турецкіе склады одежды, а такъ какъ у большинства солдатъ штаны были очень плохи, то разрѣшено было выдать турецкія, съ тѣмъ чтобы ихъ при первой возможности замѣнить, но эта возможность не представлялась, а потому носили ихъ, пока неизорвались.

Сдѣлавъ нѣсколько переходовъ, батальоны наши согласно дислокаціи расположились и первый разъ стали по квартирамъ, съ надеждой воспользоваться болѣе продолжительнымъ отдыхомъ.

Между тѣмъ 22-го ноября, бригада снова была потребована на выручку атакованныхъ подъ г. Еленой Орловцевъ и Сѣвцевъ, но такъ какъ приказаніе было получено поздно, то, не смотря на всю поспѣшность, бригада прибыла тогда только, когда Марьинская позиція и городъ Елена находились въ рукахъ турокъ. А потому, въ виду возможности дальнѣйшаго наступленія непріятеля, занята была впереди д. Елковцы позиція, гдѣ и расположилась стрѣлковая бригада, ожидая съ часу на часъ атаки со стороны турокъ. Но этого не послѣдовало, а напротивъ того, вслѣдствіе паденія Плевны, турки отступили, оставивъ г. Елену и прежнюю Марьинскую позицію.

Съ этого времени начинается мой разсказъ.

День былъ пасмурный и густой туманъ покрывалъ мѣстность; навалившій передъ тѣмъ снѣгъ готовъ былъ распуститься и дороги обозначались грязной полосой, но слышалась зима; въ воздухѣ было сыро и холодно. Изъ Тырнова выѣхали верхомъ два офицера. Ихъ вооруженіе, костюмъ и, притороченныя къ сѣдлу, полныя переметныя сумки показывали, что они ѣдутъ далеко. Лошади ихъ пофыркивая мѣрно ступали, а между всадниками шла довольно оживленная бесѣда, которая была отчасти выраженіемъ мнѣнія того времени однихъ разочаровавшихся въ Болгаріи и сожалѣвшихъ о жертвахъ Россіи, и другихъ, снисходительно смотрѣвшихъ на всѣ недостатки и вѣрившихъ въ лучшее будущее и возрожденіе Болгаріи.

— Вы себѣ представить не можете, что сдѣлалось здѣсь,—въ Тырново, когда узнали, что Елена взята турками:—бѣгство, полнѣйшее бѣгство всѣхъ жителей готовилось, если бы не подоспѣвшее извѣстіе о взятіи Плевны и нѣкоторыя успокоительныя мѣры со стороны нашихъ. Этакой малодушный и не вѣрующій народъ эти болгары; мало того, что въ свои силы нѣтъ никакой вѣры, да и намъ довѣряютъ только на половину: чуть малѣйшая неудача, разбѣгаются какъ овцы, незная куда примкнуть. Или вотъ: на что это похоже? Для нихъ же хлопочутъ, собираютъ ополченіе; сегодня собрали человѣкъ сто, одѣли, снарядили, а завтра тридцати не досчитались; побросаютъ ружья, одежду, амуницію и разбѣгутся, чортъ знаетъ куда. Вотъ вамъ и любовь къ отечеству.

— Вы ужь слишкомъ строго ихъ судите; въ семьѣ не безъ урода, а большинство все-таки, мнѣ кажется, хорошіе люди. Я самъ видѣлъ, какъ болгары дрались на Шипкѣ, и вы вѣроятно помните съ какимъ уваженіемъ стали относиться къ болгарскому ополченію, послѣ Эски-

Загры и Шипки?“ „Да, совершенно вѣрно, но ихъ ужь нѣтъ, а если есть, то очень мало; то были передовые, самый сокъ Болгаріи, и большинству, о которомъ вы говорите, далеко до такихъ. Отъ чего турки ихъ всегда душили и всѣ возстанія болгаръ оканчивались еще большимъ гнетомъ для всѣхъ? Опять-таки потому, что это были маленькія вспышки, что маленькія горсти, а не большинство было душою этого дѣла. Я, какъ то, заѣзжалъ въ габровскій монастырь, вы вѣроятно знаете Цареву-Ливаду, между Дряново и Габрово; такъ вотъ, отъ этой Ливады въ одну сторону по ущелью идетъ дорога въ Трявну, а въ другую, тоже по ущелью,—къ монастырю. Верстахъ въ четырехъ въ верхъ по рѣченкѣ, въ живописной разсѣлинѣ, окруженной богатой растительностью, красуются развалины; это и есть тотъ монастырь, о которомъ я началъ говорить. Туда я заѣзжалъ изъ любопытства, такъ какъ не разъ случалось слышать отъ болгаръ, что во время послѣдняго возстанія у стѣнъ монастыря было большое сраженіе, и имъ окончилось возстаніе. Сверхъ всякаго ожиданія я нашелъ тамъ одного монаха, человѣкъ этотъ меня поразилъ, какъ своей мужественной, умной и чрезвычайно выразительной физіономіей, такъ еще болѣе своей необыкновенной радостью и радушіемъ, съ которыми меня встрѣтилъ, какъ русскаго. Рѣчь его приблизительно была такая. „Вы братья русскіе—славная, великая нація, много лучше болгаръ; болгары не хорошій народъ. Видишь эти развалины! Это живой укоръ нашимъ болгарамъ за послѣднее возстаніе. Когда турки стали тѣснить возстанцевъ, въ этомъ монастырѣ собралось до 300 человѣкъ истинныхъ сыновъ Болгаріи и монахи съ крестами ходили въ Габрово, въ Дряново и по селамъ, призывая всѣхъ сюда отстаивать свою землю противъ врага, но на призывъ ихъ откликнулись лишь пустымъ обѣщаніемъ, а когда турки окружили монастырь, то, къ бывшимъ тремъ стамъ, ни одинъ человѣкъ не прибавился. Долго герои держались на прилегающихъ высотахъ, пока врагъ не задавилъ ихъ многочисленностью; всѣ полегли, чтобы не видѣть позора своей родины. Вотъ кости, собранныхъ труповъ, этихъ мучениковъ за свободу“. При этомъ онъ показалъ на груду костей, сложенныхъ въ видѣ пирамиды, на какомъ то возвышеніи въ родѣ стола.

Съ тяжелымъ чувствомъ оставилъ я Габровскій монастырь и, признаюсь вамъ, съ тѣхъ поръ совершенно иначе взглянулъ на торжественныя встрѣчи и всякія изліянія чувствъ горожанъ, на ихъ воинственный азартъ въ разговорахъ съ русскими и на тѣ откормленныя физіономіи тырновскихъ торгашей, которыя теперь намъ такъ умильно улыбаются.

— Все, что вы мнѣ разсказывали, я увѣренъ справедливо; но апатія эта и недовѣріе созданы ихъ политическимъ положеніемъ, постояннымъ ярмомъ. Перемѣните условія, дайте расправить имъ крылья и тогда совсѣмъ другія чувства возьмутъ верхъ. Тѣмъ не менѣе тырновская тре-

вога была очень естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ плевненскихъ событій и катастрофы подъ Еленой. защищаемой русскими войсками; численности ихъ никто не зналъ, а разъ фактъ совершился, Тырново ничѣмъ не было гарантировано. Оставить же женъ и дѣтей, въ виду ожидаемыхъ ужасовъ, на жертву случайности, врядъ ли было бы человѣчнѣе.

Однако я совсѣмъ продрогъ; не мѣшало бы намъ заѣхать куда-нибудь. Давай-ка, поѣдемъ скорѣй". И всадники помчались крупной рысью; а черезъ четверть часа ужъ подъѣзжали къ монастырю св. Николая. Монастырь этотъ лежитъ у подножія Балканъ, верстахъ въ 15-ти отъ Тырнова, по дорогѣ въ г. Елену, т. е. почти въ половинномъ разстояніи. Тутъ же, перерѣзывая дорогу, протекаетъ небольшая рѣченка; кругомъ лѣсъ, а вблизи нѣсколько небольшихъ строеній и, такой же маленькій, другой монастырь св. Ильи. Все это способствовало тому, что здѣсь былъ постоянный пунктъ всѣхъ остановокъ транспортовъ, обозовъ, проходящихъ войскъ, лазаретовъ и даже интендантскихъ складовъ. Въ стѣнахъ его неумолкаемый день и ночь шумъ и говоръ прибывающихъ и убывающихъ; суета, движеніе и преобладающій военный элементъ замѣнили собою спокойствіе, тишину и нежитейскую обстановку монастырской жизни. Едва путники слѣзли съ лошадей и, привязавъ ихъ, направились къ зданію, какъ во дворъ въѣхала телѣга, запряженная парою воловъ. На телѣгѣ сидѣлъ или, вѣрнѣе, полулежалъ военный врачъ; лицо его было обращено въ другую сторону; но когда онъ обернулся, то офицеры эти тотчасъ его узнали и подошли къ телѣгѣ.

— „Здравствуйте, докторъ!" — „А-а! Николай Даниловичъ, здравствуйте! Ну что, какъ ваша рана? Совсѣмъ поправилась?" —„Какъ видите, слава Богу. А вы какъ поживаете?" — „Да плохо; вотъ еле двигаюсь; совсѣмъ расхворался; отправляюсь въ госпиталь".—„Скажите, пожалуйста, докторъ: гдѣ теперь наша бригада, на Елковской позиціи что ли?"—„Нѣтъ! Турки ужъ отступили, бросили Елену и бригада перешла на Марьинскую позицію, гдѣ прежде стояли Сѣвскіе и гдѣ ихъ атаковали. Я не судья въ вашемъ дѣлѣ, а только мнѣ кажется, что позиція не того... не ахти, впрочемъ, ее укрѣпляютъ". Нѣсколько минутъ еще продолжался разговоръ; затѣмъ офицеры, попрощавшись съ докторомъ, который долженъ былъ остаться въ лазаретѣ, пошли въ помѣщеніе, чтобы обогрѣться, въ виду дальнѣйшей дороги. Здѣсь полагаю умѣстнымъ объяснить читателю, что однимъ изъ пріѣхавшихъ офицеровъ былъ я, возвратившійся только-что изъ Россіи, а другой—нашего же батальона поручикъ Трофимовъ, находившійся въ Тырновѣ по должности квартирмейстера. Ѣхали мы къ своей бригадѣ.

И такъ, узнавъ отъ доктора, что бригада наша перешла на Марьинскую позицію, мы согласились ночевать въ Еленѣ, такъ какъ до пози-

ціи было еще верстъ пять лишнихъ, а по-времени, до города можно было доѣхать только къ вечеру. Черезъ полчаса мы снова ѣхали. Почти до д. Елковцы дорога шла по ущелью, примыкая къ одной сторонѣ его и, постоянно подымаясь, значительно съуживалась, образуя какъ бы карнизъ надъ обрывомъ. Въ такихъ мѣстахъ можно было зачастую увидѣть опрокинутую телѣгу, валяющіяся колеса или трупы лошадей, что свидѣтельствовало, съ какими трудностями сопряжена была перевозка всякихъ тяжестей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы обгоняли то транспортъ, то артиллерійскій паркъ, то семейство болгаръ, возвращающихся на свои пепелища, или просто пѣшихъ и конныхъ, и, подвигаясь все дальше и дальше, далеко оставляли за собой, лишь эхо доносило до насъ понукающіе крики хриплыхъ голосовъ и звонкое похлестыванье.

Вотъ ужъ миновали такъ-называемую Елковскую позицію, гдѣ чернѣющія мѣста бивуачныхъ огней, разбросанная солома, хворостъ, изрытая земля, батареи, ложементы и все свидѣтельствовало о недавней стоянкѣ войскъ и о лихорадочной поспѣшности работъ, гдѣ недавно тысячи готовились жизнью отстаивать каждый клочекъ, суетились, волновались, работали,—теперь было тихо и мирно; лишь кое-гдѣ грачи, попрыгивая, щипали обглоданныя кости.

Ужъ день клонился къ вечеру и становилось морозно, когда влѣво отъ дороги задымились ряды землянокъ и показались огоньки пылающихъ костровъ, а вдали, на темномъ небосклонѣ, все яснѣющимъ пятномъ обозначалось зарево. При дорогѣ, то съ той, то съ другой стороны по-временамъ стали встрѣчаться убитыя лошади или, гдѣ-нибудь въ ложбинкѣ, наполовину засыпанные снѣгомъ, окоченѣлые трупы людей. Ближе къ городу, почти на окраинѣ его, показалась группа людей, разсматривающая что-то съ любопытствомъ; подъѣхавъ, невольно остановились, пораженные страшнымъ зрѣлищемъ: на землѣ лежало до пятидесяти полуобнаженныхъ, посинѣлыхъ, обезображенныхъ труповъ, на которыхъ смерть наложила свою печать въ минуты ужаса, злобы или адскихъ мученій. Надъ однимъ трупомъ сидѣла молодая смуглая болгарка, къ которой ужъ нѣсколько разъ обращался стоящій неподалеку старикъ и, не получая отвѣта, снова повторялъ: Марійка! Марійка!... но она по-прежнему смотрѣла въ пространство и не утѣшное, глубокое горе выражалось въ каждой чертѣ лица ея. Сюда же подходили солдатики съ обнаженными головами, крестясь, проходили по рядамъ, разсматривая лица покойниковъ; ни рыданій, ни слезъ, ни даже сожалѣнія не слышно,—ужасенъ этотъ, томящій душу, видъ нѣмыхъ людскихъ страданій. А надъ городомъ — пламя то здѣсь, то тамъ, притухая и снова разгораясь, все больше и больше освѣщало темнѣющую окружность.

Между тѣмъ наступила ночь, а намъ предстояло еще найти ночлегъ, поэтому мы поѣхали дальше. Проѣзжая по пустыннымъ улицамъ города,

я увидѣлъ, возлѣ одного изъ домовъ двухъ солдатъ Орловскаго полка, разговорившись съ которыми, мы узнали, что они охраняли, сложенныя въ этомъ домѣ оставленныя турками, одѣяла и кое-какія вещи, а такъ какъ этотъ домъ былъ раззоренъ менѣе, чѣмъ другіе, то, посовѣтовавшись, мы рѣшили остановиться тамъ-же. Добрые солдатики даже какъ-бы обрадовались намъ: лошадей поставили въ конюшню, раздобыли гдѣ-то сѣна, принесли дровъ, а когда огонь ужъ пылалъ въ каминѣ, и мы кое-какъ расквартировались, поставили съ водою, имѣвшійся у насъ, мѣдный чайникъ для чаю, а въ своихъ котелкахъ заварили какую-то не хитрую кашицу. Скоро и то, и другое было готово, и мы взаимно угощали другъ друга.

Нѣсколько разъ я пытался заводить рѣчь о послѣднемъ дѣлѣ, но ихъ объясненія ограничивались общими фразами и мало уясняли: „укрѣпленіевъ не было, ваше благородіе, а мы, значитъ, такъ просто; взяли было на уру, да гдѣ-же тутъ;—сила, одно слово кругомъ, какъ есть, бьетъ изъ орудій, бу-бухъ, да бу-бухъ. А эти бузуки, да черкесы, какъ оглашенные, такъ и лѣзутъ; Боже мой! сколько народу пропало“....

Такимъ образомъ, благодаря услужливымъ солдатикамъ, мы имѣли довольно выгодный ночлегъ, и лошади наши были накормлены.

На слѣдующее утро, напившись чаю и попрощавшись съ нашими добрыми, случайными компаньонами, мы отправились дальше. Городомъ пришлось ѣхать довольно долго. Пожаръ хотя значительно уменьшился, но во многихъ мѣстахъ еще горѣло, и почти вездѣ до такой степени былъ удушливый запахъ, что съ трудомъ можно было пробираться.

Тамъ и сямъ торчали обгорѣлые остовы домовъ, какъ могильные памятники, и одинъ изъ лучшихъ городовъ Болгаріи похожъ былъ на большое кладбище.

Выѣхавъ изъ города, черезъ полчаса мы подъѣзжали къ землянкамъ на Марьинской позиціи, гдѣ была расположена наша бригада. И такъ я снова былъ съ моими товарищами, попрежнему, готовый раздѣлить радость, горе и всѣ случайности боевой жизни. Многое измѣнилось за мое отсутствіе: бывшій начальникъ бригады, генералъ-лейтенантъ Цвѣцинскій, получилъ дивизію, а вмѣсто его командовалъ бригадой полковникъ Кракъ; командиры батальоновъ, кромѣ 15-го батальона, тоже перемѣнились; изъ остальныхъ-же офицеровъ не болѣе половины осталось прежнихъ, а изъ солдатъ, я полагаю, не болѣе одной трети, такъ какъ помимо убитыхъ и раненыхъ, не мало людей въ разное время переболѣло вслѣдствіе чрозвычайно-трудныхъ условій, въ которыхъ почти все время находились.

Но среди постоянныхъ военныхъ бурь, еще болѣе закалились и окрѣпли тѣ славныя нравственныя силы, съ которыми 4-я бригада показала міру, какъ русскій солдатъ служитъ своему Царю и Отечеству.

Около описываемаго мною времени, турки предпринимали въ различныхъ пунктахъ наступленіе, но вездѣ встрѣчали сильный отпоръ; или войскъ нашихъ было достаточно, или мѣстность до извѣстной степени была возможна для обороны, но передъ Еленой, несмотря на храбрость нашихъ защитниковъ, турки имѣли успѣхъ: на два полка, Орловскій и Сѣвскій, обрушились десятки тысячъ, на мѣстности совершенно не выгодной для обороняющагося и къ тому же не укрѣпленной. Марьинская позиція принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, имѣя много неудобствъ, занимаются по необходимости; она состоитъ вся изъ многихъ отдѣльныхъ возвышенностей, образующихъ своими соединеніями лощины, весьма удобныя для обходныхъ движеній непріятеля. Растянутая на большомъ протяженіи, такая мѣстность представляетъ, при выборѣ на ней позиціи, значительныя затрудненія: выбрать-ли позицію болѣе впередъ или назадъ? Командующихъ высотъ нѣтъ, а если и есть, то онѣ расположены не въ направленіи фронта, а почти подъ прямымъ угломъ; слѣдовательно, каждое взятое мѣсто будетъ имѣть передъ собою къ сторонѣ непріятеля возвышенности, превышеніе которыхъ надъ позиціей дастъ превосходный обстрѣлъ. Вездѣ непріятель имѣетъ возможность приближаться незамѣтно, такъ какъ обстрѣлъ впереди лежащей мѣстности очень малъ: поставивъ орудія, можно или стрѣлять далеко черезъ холмы, образуя большія мертвыя и удобныя для прохода пространства, или стрѣлять у себя подъ носомъ. Поэтому, всѣ мы хорошо сознавали, что здѣсь у насъ слабая сторона, и возможно удержаться не иначе, какъ при помощи искуственныхъ укрѣпленій, а такъ какъ до прихода бригады были только землянки, то пришлось усердно взяться за лопаты. Общее наблюденіе было поручено давно намъ извѣстному своимъ строительствомъ капитану *, но такъ какъ онъ, вслѣдствіе нѣкоторой болѣзни, иногда разбивалъ батарею на 5-ть орудій вмѣсто 6-ти, то скоро дѣйствительное руководство перешло къ двумъ офицерамъ нашей бригады. Старательно копали солдатики, зная по опыту пользу отъ этого—и закипѣла работа.

Между тѣмъ обстоятельства измѣнились: успѣшныя дѣйствія нашихъ со стороны Злоторицы, заставили турокъ отступить и совершенно обезпечили Марьинскую позицію. Войска изъ подъ Плевны двинулись впередъ и начались подготовленія къ переходу черезъ Балканы. А потому, 8-го декабря, на смѣну намъ пришелъ 26-й дивизіи Пермскій полкъ, бригада же получила другое назначеніе и выступила въ Габрово, перейдя снова въ составъ 8-го армейскаго корпуса. Къ этому времени зима ужъ совершенно установилась: снѣгъ толстымъ слоемъ покрылъ землю; вьюги и мятели замѣнили собою дождь и слякоть; а морозы до того стали крѣпки, что невольно брало сомнѣніе въ возможности въ эту пору перейти Балканы. Поздно вечеромъ, 11-го числа, бригада подошла къ

Габрово, гдѣ получила приказаніе изъ корпуснаго штаба расположиться по окрестнымъ деревнямъ, на тѣсныхъ квартирахъ.

Для нашаго батальона назначены были деревни: Вуевцы, Рачевцы, Гиргины и Изуцуманы.

Расквартировались мы просторно и весьма удобно: точь въ точь въ Россіи зимняя стоянка по деревнямъ; это насъ еще болѣе утвердило въ нашихъ ошибочныхъ предположеніяхъ, относительно не скораго перехода черезъ Балканы. День за днемъ проходилъ спокойно; солдаты отлеживались за прошлое и ужь попривыкли къ своимъ братушкамъ, у которыхъ квартировали, закрѣпляя дружбу и согласіе мѣстнымъ „винкомъ", всегда конечно на счетъ братушки. Офицеры тоже не менѣе благодушествовали, развлекаясь то писаніемъ писемъ, охотой за зайцами, то поѣздками другъ къ другу въ гости или въ Габрово, откуда привозились новости и всякія необходимыя покупки. Кстати упомянуть о томъ препровожденіи времени, которое, какъ неизбѣжное печальное послѣдствіе исключительнаго положенія, оторванныхъ отъ родины и быть можетъ на всегда, лишенныхъ всякой возможности развлечь умъ и сердце,—не мѣстная а общая болѣзнь, бываетъ причиною многихъ золъ и доходитъ иногда до грандіозныхъ размѣровъ; я говорю о всевозможныхъ выпивкахъ и карточной игрѣ. Многіе, въ мирное время совершенно не пьющіе и не играющіе, въ военное, что называется, дуютъ во всю ивановскую. Обыкновенно походомъ больше пьютъ, а на болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянкахъ—карты больше въ ходу, но и другимъ не пренебрегаютъ. То и другое стало развиваться вскорѣ по объявленіи мобилизаціи, какъ только мы оставили свои мирныя стоянки и перешли къ границѣ; длинные зимніе вечера, деревня, скука отъ отсутствія всякихъ освѣжающихъ элементовъ общественной жизни и томительное выжиданіе,—все, какъ нельзя болѣе, содѣйствовало этому. Вечера, на которыхъ, главнымъ образомъ играли въ карты, но кромѣ того, пили, ѣли, спорили, пѣли пѣсни, однимъ словомъ всѣми способами развлекались, назывались у насъ почему-то юрдонами.

Юрдоны, въ началѣ маленькіе, впослѣдствіи стали принимать все большіе и большіе размѣры: начальники и подчиненные, старшіе и младшіе, старые и молодые, всѣ собирались на юрдонъ, который сдѣлался единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ. Съ объявленіемъ войны начался походъ и постоянные юрдоны кончились, но иногда при благопріятныхъ обстоятельствахъ устраивались небольшіе юрдончики, на которыхъ ужь главную роль играла выпивка, въ карты же рѣзались самые завзятые и не иначе, какъ въ штосъ. И теперь, расположившись на предполагаемую зимовку, снова начали устраивать юрдоны.

Между тѣмъ стали приходить все чаще и чаще приказанія: то относительно теплой одежи, то о закупкѣ порціоннаго скота, о пополненіи

патроновъ, сухарнаго запаса и такъ далѣе; это насъ правда не смущало, такъ какъ подобныя приказанія отдавались при всякомъ удобномъ случаѣ, когда можно было пользоваться временемъ, но о скоромъ движеніи все болѣе и болѣе начали насъ тревожить. „Что, какъ на Шипку насъ снова двинутъ?“ говорилъ кто нибудь: „вѣдь, чортъ возьми, всѣ пропадемъ; тамъ, говорятъ, турки теперь настроили такихъ укрѣпленій, что и имъ бѣжать нельзя, и намъ невозможно добраться до нихъ. Кромѣ того, весь спускъ въ долину обложили минами; вотъ и сунься!“—„Какіяжъ такія, особенныя, укрѣпленія они настроили?“ спрашивалъ другой. „А вотъ какія: вмѣсто редутовъ ставятъ укрѣпленія въ родѣ блокгаузовъ, то есть, закрытыя со всѣхъ сторонъ, съ верху и съ боковъ, только продѣланы отверстія для орудій и ружей. Выходъ есть, но онъ во власти, находящагося тамъ, начальника, захочетъ пуститъ, а нѣтъ, такъ сиди и защищайся“.—„Ерунда, батинька мой; артиллерія поразковыряетъ эти землянки и, какъ нибудь, доберемся“.—А„ мины?“ „И это чепуха: одинъ, другой взлетѣлъ, а остальные дойдутъ, куда нужно и воздадутъ должное. А вотъ морозъ и ужасныя мятели на перевалѣ, такъ, пожалуй, дѣйствительно доймутъ, ничего нѣтъ мудренаго и подъ снѣгомъ очутиться до теплыхъ дней“.

Такъ разсуждали одни и другіе, когда получилось приказаніе нашей бригадѣ выступить въ Трявну, подъ команду князя Святополкъ-Мирскаго, въ составъ лѣвой колоны войскъ, назначенныхъ для перехода Балканъ и атаки Шипкинскихъ позиціи; такимъ образомъ, не давно еще въ отдаленіи воображаемые ужасы, скоро предстали во очію передъ нами.

Еще до восхода солнца, 19-го декабря, баталіонъ нашъ собрался къ д. Вуевцы, къ баталіонному штабу, а оттуда съ разсвѣтомъ тронулся дальше.

Взошло солнце и яркіе его лучи, отражаясь отъ снѣжной пелены полей и безчисленныхъ летающихъ снѣжинокъ, ослѣпляютъ глазъ. Тихій морозный день, по душѣ русскому; и дышется такъ легко,—такъ свободно. А хорошій отдыхъ въ теплой хатѣ животворно подѣйствовалъ: ободрилъ и подкрѣпилъ для новой борьбы; бодро шли солдаты, не раздавалось обычное „не отставай“, „не растягивайся“; веселыя пѣсни, разговоръ и смѣхъ слышится со всѣхъ сторонъ.

„Ты что сухарь-то все жуешь?“ обратился старый солдатъ къ недавно прибывшему изъ запаса, на пополненіе: „чай обрадовался мѣшку-то, аль тяжело нести? сухарикъ-то береги; придетъ такъ, что снѣгомъ закусишь, да и спать ложись.“ „Да я, дядинька, такъ,—балуюсь.“ „То-то, балуюсь.“—Здѣсь нѣсколько человѣкъ разсуждаютъ и дѣлаютъ свои выводы о настоящемъ походѣ: „Ужь это безпремѣнно, братцы, на Шипку, потому самому, тѣ то, что намъ пришли на смѣну, слышно, всѣ повымерзли.“ „Да что толковать-то,“ заключаетъ другой „туда-ли, сюда-

ли, все единственно не въ Россею, а супротивъ турка." „Это точно" прибавляетъ третій.—Въ другомъ мѣстѣ бывалый разсказываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ; „...я было его въ пузо долбонулъ штыкомъ, а онъ ухватился за штыкъ и ну мы другъ дружку волочить, сюда и туда; спасибо—Колесовъ выручилъ. Вонъ, у болгаровъ, у этихъ не въ примѣръ лучше штыки: одно слово ножъ; руками не ухватишься."—Вездѣ говоръ—оживленіе.

Вотъ ужъ стали приближаться къ Габрово, на встрѣчу показалась не большая процесія; „покойника несутъ, хорошая примѣта" сказалъ кто-то, и солдаты, снимая шапки, стали креститься.

Еще часъ, — другой ходу и усталость по немногу проглядываетъ, но вотъ грянула пѣсня и опять принатужились,—зашагали... Стало вечерѣть, когда добрались до ночлега. На слѣдующій день, около полудня, мы были въ Трявнѣ, отъкуда, послѣ продолжительнаго привала, пошли на ночлегъ въ д. Радовцы. Деревня эта лежитъ въ ущельи; отъсюда начинается подъёмъ на гору Крестецъ и, такъ называемый, трявенскій проходъ черезъ Балканы. Здѣсь еще остановили до 24-го числа, пока сосредоточился отрядъ, собрались рабочіе для разчистки дороги и сдѣлались всѣ послѣднія подготовленія, тогда двинули, приказавъ предварительно оставить всякій обозъ, даже вьючный, кухни, заготовленный нами порціонный скотъ, однимъ словомъ все, кромѣ себя со своей необходимой ношей. Всѣ буквально исполнили, и послѣдствіемъ было, что только офицеры отъ того потерпѣли, лишившись на нѣсколько дней всего, что крайне необходимо, но чего на своихъ плечахъ офицеръ не носитъ. Кстати замѣчу, что ужъ безъ сомнѣнія всѣми признано вполнѣ подтвержденнымъ и оправданнымъ: обозъ никуда не годится, а офицерскій въ особенности: нигдѣ почти офицеры не пользовались своимъ обозомъ и заведенные фургоны или брички съ пользой лишь служили остававшимся при обозахъ квартермистрамъ, для возки овса; офицеры же покупали муловъ, ословъ, лошадей и вьючили чѣмъ нужно. Но этотъ обозъ былъ не положенный и объ немъ никто не заботился; пропустятъ—хорошо, а нѣтъ, такъ офицеръ жди, пока догадливый деньщикъ, какъ нибудь доберется. Кромѣ того, вьюки эти двигались, какъ хотѣли и когда хотѣли; отъ этого впослѣдствіи бывали случаи, что нѣкоторые деньщики съ офицерскими вьюками теряли свой отрядъ, бродили, переходя отъ одной деревни къ другой, и пользуясь обстоятельствами, иногда занимались просто на просто мародерствомъ, пока какъ нибудь не наталкивались на возможность отъискать свою часть.

Въ отрядѣ князя Святополкъ-Мирскаго — бригада наша съ первой горной батареей и 23-мъ донскимъ полкомъ составляла авангардъ, намъ суждено было прокладывать дорогу и, такъ сказать, вынести главную тяжесть предстоящаго событія. Еще наканунѣ, кромѣ болгаръ, высы-

лались команды отъ нашихъ батальоновъ для разчистки дороги на Крестецъ, гдѣ до этого времени стояла какая-то дружина болгаръ и казаки, занимавшіе аванпосты. По этому, выступивъ 24-го числа, на зарѣ, мы, почти безпрепятственно, часамъ къ 8-ми утра добрались до болгарскихъ землянокъ, но отсюда движеніе наше чрезвычайно замедлилось, потому что надо было разчищать дорогу. Съ нами шли сотни болгаръ, вооруженныхъ лопатами, которые главнымъ образомъ очищали намъ путь; большинство изъ нихъ были бѣжанцы, то есть. забалканскіе бѣглецы, потерявшіе все свое состояніе съ нашествіемъ турокъ и жаждавшіе, какъ спасенія души, нашего успѣшнаго перехода и побѣды надъ турками, а потому работали, напрягая всѣ свои силы, но при всемъ томъ, мы подвигались медленно, по мѣрѣ разчистки дороги. Нерѣдко приходилось стоять на мѣстѣ по полчаса и болѣе, ожидая, пока разкопаютъ саженный слой снѣгу и вывезутъ артиллерію, а такъ какъ съ каждымъ часомъ холодъ становился невыносимѣе, то эти остановки сдѣлались мучительны. Дорога шла лѣсомъ,—не ровно: то подымаясь, то опускаясь и надъ нами громады снѣгу, какъ бы готовились обрушиться, то огибая вершину надъ крутымъ глубокимъ оврагомъ и снова подымаясь на значительную высоту. Солнце ужъ клонилось къ западу и послѣдніе лучи его, пробираясь между деревъ, ярко обрисовывали длинныя тѣни. Морозъ становился все крѣпче и крѣпче, чуялось приближеніе ночи, а съ нею всѣми желаннаго отдыха. Вотъ лѣсъ сталъ рѣдѣть: пошелъ мелкій сосонникъ, открылась поляна одна,—другая, но въ такихъ мѣстахъ еще жутче становилось: токъ воздуха изъ ущелій рѣзкимъ вѣтромъ обдавалъ, пронизывая и безъ того озябшее тѣло. Стемнѣло совсѣмъ, когда остановили отрядъ. Причину остановки сначала никто не зналъ и думали, что снова встрѣтилось какое нибудь препятствіе, но когда, истомленные двухъ-часовымъ стояніемъ и видя, что почти замерзаемъ, нѣкоторые командиры частей освѣдомились, то оказалось, что здѣсь мы должны стать бивуакомъ и ждемъ только по обыкновенію, чтобы намъ указали мѣста, а потому, не ожидая этихъ благодѣтелей, которые должны были указать, командиры сами размѣстили, гдѣ нашли удобнымъ и мы, едва къ 10-ти часамъ вечера, зажгли костры, возлѣ которыхъ отогрѣвали до утра свои, почти окоченѣлые члены.

Дивно свѣтитъ луна. Миріады звѣздъ мерцаютъ на темной синевѣ и роскошная, несравненная картина горной природы, освѣщенная фантастическимъ свѣтомъ, уноситъ мысли въ міръ сказочный... Горы, овраги, обрывы, лѣсъ дремучій и вѣтви могучихъ сосенъ нависли подъ тяжестью снѣга. Но вотъ, въ ночной темнотѣ, блеснулъ огонь; подходимъ ближе, видимъ въ окно что-то знакомое: по срединѣ стоитъ елка, вокругъ бѣгаютъ и суетятся дѣти, протягивая рученки то здѣсь, то

тамъ, въ каминѣ огонь горитъ, а въ дверь виднѣется столъ накрытый и возлѣ него ожесточенно пыхтитъ самоваръ.

„Эхъ! какъ бы славно напиться чаю; давайте, зайдемъ"... „Кто идетъ?" спрашиваетъ часовой—„Солдатъ!"—„Какой солдатъ?"—„Русскій." А—а! Русскій... и вдругъ турецкая образина въ фескѣ намѣревается ударить штыкомъ. „Братцы! сюда, сюда; здѣсь турки"... Да проснитесь, Господь съ вами, что вы, а то замерзнете, и я очнулся отъ своей дремоты.—Луна все также ярко блеститъ. Морозъ какъ будто еще сильнѣе сталъ. Тишина въ воздухѣ, костры вездѣ пылаютъ, а кругомъ ихъ сидятъ, прижавшись другъ къ другу солдаты и тихо разговариваютъ. Вдругъ кто-то въ полголоса, протяжно, отчеканивая каждое слово, затянулъ: Рождество Твое Христе Боже нашъ...

Зашевелилось православное воинство и каждый наложилъ крестное знаменіе; то былъ для насъ канунъ Рождества Христова. Ночевали мы не подалеку отъ д. Сельцы, въ которой не болѣе двухъ, трехъ строеній уцѣлѣло отъ пожара. Отъ этой деревни проходъ развѣтвляется: одинъ идетъ на с. Маглышъ,—восточнѣе, а другой на Казанлыкъ,—западнѣе. На Маглышъ была направлена 30-я дивизія. Остальной отрядъ, то есть, нашъ авангардъ и три полка 9-й пѣхотной дивизіи—на Казанлыкъ. Надо замѣтить, что при всемъ нашемъ отрядѣ артиллеріи, кромѣ горной, не имѣлось по невозможности перевезти черезъ горы къ назначенному времени.

Утромъ, какъ только мы снялись съ бивуака и тронулись дальше стали до насъ доноситься, какъ отдаленные раскаты грома, орудійные выстрѣлы съ Шипки, это намъ напомнило то время, когда мы стояли тамъ и также привѣтствовали врага съ наступающимъ днемъ. Не измѣнилось оно и въ этотъ торжественный день, когда по всей святой Руси гудятъ колокола и православный народъ оставляетъ всѣ свои мірскія заботы, посылая моленія Всевышнему.

Переходъ въ этотъ день былъ небольшой, такъ что, послѣ нѣсколькихъ подъемовъ, часамъ къ двумъ дня, мы вышли на перевалъ, откуда шелъ крутой спускъ и мы увидѣли долину Тунджи, а вдали знакомый намъ Казанлыкъ. На перевалѣ весь отрядъ остановился, а на долю нашего батальона выпало выставить аванпосты впередъ, по скатамъ съ одной и другой стороны.

Снѣгъ до того былъ глубокъ, что не было ни малѣйшей возможности, хотя сколько нибудь, пододвинуться впередъ, а потому пришлось, давъ направленіе постамъ, отъ главнаго караула прокапывать тропинки. Такимъ образомъ къ вечеру отъ главнаго караула къ постамъ шли узкіе корридорчики и также всѣ посты были соединены между собою. Огней разводить ни въ какомъ случаѣ намъ не разрѣшалось, а между тѣмъ сильный морозъ и рѣзкій вѣтеръ, при отсутствіи теплой пищи и въ

виду предшествовавшихъ лишеній, казалось сдѣлаютъ для большинства эту ночь послѣдней. Чтобы хотя сколько нибудь облегчить свою роту, я приказалъ набросать изъ снѣга круглый редутъ, высокая стѣнка котораго могла бы предохранять отъ вѣтра, а на постахъ—смѣняться, какъ можно чаще, не давая другъ другу долго оставаться безъ движенія. Когда мой редутъ былъ готовъ, мы усѣлись въ кучу, поближе одинъ къ другому и, обогрѣваясь взаимно собственной теплотой, проводили ночь безъ сна въ ожиданіи желаннаго разсвѣта.

„Ваше благородіе! позвольте спросить: мы, значитъ, завтра въ Казанлыкъ на квартеры пойдемъ, аль нѣтъ?“ обратился ко мнѣ одинъ солдатъ. „Незнаю, братецъ мой, незнаю“, отвѣтилъ я. „Ишь ты,—на квартеры, а нешто тамъ нѣту турка?“ замѣчаетъ другой. „Какъ не быть, знамо есть, такъ либо онъ, либо мы“. „Эхъ!“ отозвался хохолъ: „нэма нашого Гурки; той якъ бы гуркнулъ, то мыбъ сигодни повичирялы въ Казанлыки“. „Это что и говорить;—одно слово орелъ“. Эти подлинныя, чрезвычайно характерныя замѣчанія, я выставляю, какъ образецъ того безграничнаго довѣрія, которымъ пользовался между нашими стрѣлками генералъ Гурко, имя котораго всегда, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, произносилось, какъ эмблема разрѣшенія всякихъ трудностей боевой жизни.

Наконецъ, насталъ давно жданный часъ; мы стали спускаться въ долину: впереди шли казаки, они быстро пробирались по тропѣ и, не прошло часу, какъ стали скрываться отъ нашихъ глазъ, за послѣдней небольшой возвышенностью, къ лежащей тамъ деревнѣ Горное Гузово. через нѣкоторое время, къ намъ на встрѣчу примчался казакъ съ извѣстіемъ, что въ деревнѣ были баши-бузуки, но казаки ихъ вытѣснили и заняли деревню; другихъ же турецкихъ войскъ не видно.

Такое хорошее начало и надежда выйти безпрепятственно изъ ущелья насъ чрезвычайно обрадовали,—здѣсь не встрѣтятъ, а тамъ на просторѣ, какъ то легче. Черезъ полъ-часа мы выдвинулись изъ ущелья и, пройдя деревню, повернули вправо къ д. Дальное Гузово. Не доходя этой деревни, на выдающейся возвышенности, мы остановились, занявъ позицію, для прикрытія остальныхъ войскъ нашего отряда отъ могущаго послѣдовать движенія со стороны непріятеля. Теперь намъ хорошо видна была долина и мы любовались съ высоты, какъ казаки, молодецки вытѣснивъ непріятеля изъ долины Горное-Гузово, наступали пѣшимъ строемъ: цѣпь ихъ была растянута на большомъ протяженіи; на правомъ флангѣ они выбивали баши-бузуковъ изъ д. Дальное-Гузово, а на лѣвомъ дружно отстрѣливались отъ наступающей на нихъ непріятельской кавалеріи, которая ужь успѣла прискакать. Выстрѣлы магазинокъ все чаще и чаще раздаются, непріятельская кавалерія, сосредоточившись, ужь насѣдаетъ на лѣвый флангъ нашихъ каза-

ковъ и готова броситься въ атаку, но съ нашей высоты грянулъ орудійный выстрѣлъ, за нимъ—другой и, озадаченные турки, разметались отъ разорвавшихся гранатъ. Къ довершенію, въ это же время, изъ за горки показалась 4-я рота нашего баталіона, посланная на поддержаніе лѣваго фланга казаковъ. Такимъ образомъ турки увидѣли фактъ совершившимся и, не будучи въ состояніи противодѣйствовать, повернули назадъ, понеся съ собою печальную вѣсть. Къ вечеру была послана телеграмма генералу Радецкому, о благополучно совершившемся переходѣ черезъ Балканы и о занятіи вышеозначенныхъ деревень, а отрядъ сталъ располагаться для отдыха, въ которомъ всѣ сильно нуждались.

Такъ какъ выходъ нашъ изъ ущелья былъ для турокъ совершенно неожиданъ, то жители бѣжали изъ занятыхъ нами деревень, не успѣвъ взять съ собою почти ничего, а потому на нашемъ бивуакѣ скоро въ изобиліи появились всякія яства: говядина, пшено, масло, лепешки, орѣхи, медъ и прочее, кромѣ того—много сѣна, соломы, кориковъ, попонокъ и всякихъ другихъ подстилокъ; все это дало возможность съ избыткомъ вознаградить прошлое; и солдаты, получивъ приличную дозу говядины и другихъ продуктовъ, съ видимымъ удовольствіемъ и наслажденіемъ, сидя возлѣ костеровъ, занимались стряпней.

Вдругъ къ востоку, къ сторонѣ Маглыша, послышалась ружейная перестрѣлка, — все сильнѣе и сильнѣе и обратилась въ непрерывную дробь.

Мигомъ все перемѣнилось: стали приготовляться и, черезъ нѣсколько минутъ, всѣ стояли взволнованные, въ ожиданіи, не понимая настоящей причины. Но черезъ нѣкоторое время перестрѣлка стала затихать и объяснилось, что это 30-я дивизія занимала Маглышъ, а потому всѣ возвратились къ прежнимъ занятіямъ, еще болѣе спокойные, такъ какъ теперь ничто намъ не угрожало съ тыла.

На громадномъ пространствѣ пылаютъ бивуачные огни нашего отряда, вводя турокъ въ заблужденіе о численности. На бивуакѣ полная жизнь: здѣсь нѣсколько человѣкъ потрошатъ быка, въ другомъ мѣстѣ кругомъ огня суетятся съ котелками, а тамъ несутъ дрова или воду; всѣ живутъ настоящимъ. Въ одномъ мѣстѣ, вокругъ костра сидѣла группа нашихъ офицеровъ и артиллеристовъ первой горной батареи, съ которыми мы познакомились сначала кампаніи и, учавствуя вмѣстѣ во многихъ походахъ и дѣлахъ, сжились, свыклись, сроднились. Отношенія офицеровъ передались солдатамъ и стрѣлки любили свою артиллерію, называя обыкновенно: „наша стрилковая антиллерія“. Курьезно бывало, когда солдаты наши ожидаютъ выстрѣла изъ маленькой пушки: „а ну, ну, матушка, вдарь, вдарь“, а когда раздается выстрѣлъ и орудіе откатываясь перевернется, что нерѣдко случалось, то непремѣнно одинъ, другой сдѣлаетъ шутливое замѣчаніе: „Ишь ты, махонькая, какъ принатужилась“.

Въ группѣ офицеровъ шелъ разговоръ о прошедшемъ днѣ и о предстоящемъ завтра, а чарка, переходя изъ рукъ въ руки, еще болѣе оживляла компанію. Но вотъ понемногу все стало успокоиваться; всѣ разошлись по своимъ логовищамъ; на бивуакѣ воцарилась тишина и настала ночь, послѣдняя для многихъ изъ насъ. Насталъ день 27-го декабря. Ужь солнце взошло и освѣтило сквозь сѣрыя тучи окрестность, когда отрядъ нашъ тронулся съ бивуака. День былъ тихій и легкій морозецъ едва удерживалъ снѣгъ, покрывавшій тонкимъ слоемъ землю. Вправо, къ сторонѣ Шипки, за д. Хазкіой виднѣлись передвигающіяся колоны турецкой кавалеріи, влѣво же, къ Казанлыку—небольшія пѣхотныя части, а дальше возвышающіяся мечети и дымящіяся трубы города.

Намъ предназначено было произвести рекогносцировку г. Казанлыка, но лишь только мы прошли д. Янину, какъ была получена телеграмма отъ генерала Радецкаго: немедленно атаковать Шипку.

Заволновалась грудь каждаго при этомъ извѣстіи, — вотъ-вотъ рѣшится вопросъ жизни и смерти. Авось, думалось, не мы атаковывать будемъ, вѣдь мы стрѣлки; огонь нашъ — сила. Но когда, оглянувшись назадъ, мы увидѣли резервы наши еще далеко, а мы ужь прошли д. Хазкіой и двигались боевымъ порядкомъ, то пришлось прямо взглянуть на дѣйствительность и, откинувъ всѣ мелкіе помыслы, всецѣло отдаться на служеніе Царю и родинѣ святой. Д. Хазкіой, вся въ садахъ, лежитъ верстахъ въ 4—5 отъ Шипки, это была послѣдняя преграда, раздѣляющая насъ съ непріятелемъ.

Передъ нами открылась ровная, какъ скатерть, поляна, а въ дали грозно молчавшая линія редутовъ и укрѣпленныхъ кургановъ. Первую на пути нашемъ оборонительную линію составляли четыре кургана и линія ложементовъ. На большомъ изъ кургановъ вершина была срѣзана и на площадкѣ этой помѣщалось два орудія, а всѣ курганы были спирально обвиты траншеей, представляя укрѣпленіе въ нѣсколько ярусовъ. Противъ этихъ твердынь, скрывающихъ десятки тысячъ, двигалось четыре нашихъ батальона съ горной батареей.

Быстро двигались наши колонны и ужъ версты на двѣ приблизились. Все молчало; но страшна была тишина передъ разражающейся грозой. Вдругъ батареи турокъ окутались дымомъ; десятки орудій заревѣло, потрясая землю и воздухъ, и гранаты съ оглушительнымъ трескомъ заборoздили между нами...

„Эй вы, срамники, не кланяйся туркамъ!" крикнулъ подполковникъ Лазаревъ, штабъ-офицеръ нашего батальона, увидя, что многіе наклоняются при разрывѣ гранатъ. „По-ротно въ двѣ линіи стройся!" пронеслась команда. „Шире разомкнись, ребята!" Въ десять минутъ все обратилось въ цѣпь, охватившую полукругомъ непріятельскую позицію. Съ возрастающей поспѣшностью врагъ сыпетъ снаряды и смерть носится

надъ нами, намѣчая избранныя жертвы. Ни однимъ выстрѣломъ не отвѣчая, мы надвигались на врага...

Но вотъ наша горная батарея, подъ командою подполковника Гладкова, смѣло подойдя на близкую дистанцію, открыла огонь, — казалось: что могутъ сдѣлать эти пушечки противъ громившихъ со всѣхъ сторонъ непріятельскихъ дальнобойныхъ орудій; а между тѣмъ онѣ оказали намъ незамѣнимую услугу: одна изъ гранатъ, направленныхъ на главный курганъ, попала въ стоящій неподалеку зарядный ящикъ; страшный взрывъ заставилъ толпы турокъ отхлынуть, а это послужило для насъ сигналомъ окончательной атаки.

Братцы! бѣгутъ!... Турки бѣгутъ!... Ура! ура!...

И всѣ бѣшено кинулись впередъ, какъ неудержимый приливъ моря, когда волна обгоняетъ волну...

Вотъ ужъ замолкли орудія на курганѣ, а наши со всѣхъ сторонъ лѣзутъ, прикалывая засѣвшихъ въ траншеи турокъ. Еще нѣсколько минутъ—и вся первая позиція, а также деревня Шипка были заняты нами. Тотчасъ горная артиллерія забралась на курганъ и взятыя орудія повернули на редуты, съ которыхъ съ удвоенной силой открылся огонь. Разстроенные и перемѣшанные послѣ атаки батальоны наши, потерявъ третью часть своего состава, расположились вправо и влѣво по занятымъ ложементамъ и открыли огонь, ожидая прибытія резервовъ. Наконецъ подошли свѣжія части, которымъ предстояло возобновить атаку на редуты; но едва только роты Елецкаго и Сѣвскаго полковъ стали выдвигаться, какъ непріятель открылъ до того сильный огонь, что въ нѣсколько минутъ поле положительно усѣялось убитыми и ранеными, а нѣкоторые, не выдержавъ, повернули; за ними—другіе, и все готово было обратиться въ безпорядочное отступленіе. Тогда подполковникъ Лазаревъ, приказавъ всѣмъ гарнистамъ играть атаку, самъ кинулся, съ револьверомъ въ рукѣ, на встрѣчу, крича: „впередъ, ребята! впередъ!" и этимъ возобновилъ порядокъ. Послѣ этого атака ужъ не предпринималась и всѣ расположились на той позиціи, которую заняла наша бригада. Всякое колебаніе влечетъ за собою лишнія жертвы; это имѣло мѣсто и въ последней атакѣ. Разрозненныя части нашей бригады, увлеченныя надеждой на хорошую поддержку, смѣло ужъ дошли до землянокъ непріятельскихъ, расположенныхъ не болѣе 150-ти шаговъ отъ редутовъ, откуда готовились кинуться на укрѣпленія, ожидая только, когда подойдутъ резервы; но, какъ я объяснилъ, исходъ этой атаки былъ неудаченъ и поставилъ насъ въ критическое положеніе. Турецкая кавалерія, замѣтя неустойку, выдвинулась изъ-за укрѣпленій и понеслась въ разсыпную; кто, замѣтя раньше это движеніе, успѣлъ отбѣжать подъ прикрытіе своего огня, — остался цѣлъ; остальные же возлѣ землянокъ были порублены;

такъ погибъ 15-го стрѣлковаго батальона храбрый капитанъ Володкевичъ и до 50-ти державшихся съ нимъ стрѣлковъ.

Въ такомъ положеніи, какъ выше сказано, обѣ стороны держались до глубокой ночи, поддерживая самый жестокій огонь. Ночью огонь ослабѣлъ, но перестрѣлка продолжалась безъ умолку. Всѣ части привели въ порядокъ, назначили участки, подъ руководствомъ саперъ укрѣпили еще болѣе позицію и томительно ожидали дня, въ который должна была рѣшиться наша участь. Неизвѣстно было удался-ли переходъ генерала Скобелева и выйдетъ-ли его отрядъ, предназначенный для атаки съ запада, и такимъ образомъ турки будутъ окружены, или же отрядъ этотъ, задержанный непредвидѣнными обстоятельствами, не явится, а турки всѣми силами атакуютъ насъ, легко могло быть, съ двухъ сторонъ и мы должны будемъ защищаться, не имѣя достаточно съѣстныхъ припасовъ,—артиллеріи кромѣ горной,—весьма ограниченное количество патроновъ и обремененные множествомъ раненыхъ.

Весьма понятно, насколько послѣдній походъ былъ не желателенъ, какъ оно болѣзненно отзывалось въ груди каждаго и какъ жадно и недоумѣвая прислушивались всѣ къ усиливающейся по временамъ стрѣльбѣ со стороны турокъ, что она означала: то или это? А что не одни мы строевые, то есть, знающіе мало, думали такъ, можно заключить изъ того, что приказано было позади насъ д. Янину, гдѣ сосредоточивались раненые, укрѣпить, какъ нашъ опорный пунктъ.

Подъ прикрытіемъ темноты всѣ хлопотали, работали, приготовлялись. Многіе, промокши за день отъ лежанія на снѣгу, ходили сушиться къ главному кургану, подъ которымъ была устроена прекрасная казарма съ большимъ каминомъ.

Я упоминаю объ этомъ, чтобы указать, какъ турки умѣли устраивать свои укрѣпленія, дѣлая ихъ сплошнымъ огнемъ въ нѣсколько ярусовъ и прочнымъ, удобнымъ, безопаснымъ отъ всякихъ выстрѣловъ помѣщеніемъ для войскъ; все это, конечно, достигалось большимъ трудомъ и стоило нѣкоторыхъ издержекъ; но гдѣ-же не трудятся? Трудъ бываетъ и тамъ, гдѣ издержекъ больше, а постройки, не представляя удобствъ, сами собой валятся.

За нѣсколько часовъ до разсвѣта, когда ужь всѣ приготовились и были на своихъ мѣстахъ, турки вдругъ по неизвѣстной причинѣ, со всѣхъ своихъ батарей открыли страшную канонаду: пули, гранаты, бомбы зашумѣли, то взрывомъ своимъ, какъ молнія, озаряя мѣстность, то обозначая путь своимъ мелькавшимъ огонькомъ и ужаснымъ паденіемъ, готовыя разнести землю.... Не понимая настоящей причины и предполагая, что вотъ-вотъ на насъ надвинутся толпы разъяренныхъ османовъ со своимъ неизмѣннымъ „алла! „алла!“ мы, не отвѣчая ни однимъ выстрѣломъ, съ трепетомъ, но готовые дорого продать свою жизнь, ожи-

дали ихъ приближенія и роковой развязки. Но прошелъ часъ, другой, начался разсвѣтъ и канонада стала утихать. Мы увидѣли турокъ по прежнему на своихъ мѣстахъ, а потому надо думать, что они сами чего нибудь испугались, такъ какъ, по всей вѣроятности, ожидали съ нашей стороны ночной атаки. Стрѣльба, то усиливаясь, то уменьшаясь, велась безпрерывно; въ ней, главнымъ образомъ, отличалась наша небольшая артиллерія. Нельзя было не любоваться, какъ наши артиллеристы, стоя совершенно открыто на курганѣ, и представляя главную точку стремленія всѣхъ непріятельскихъ снарядовъ, преспокойно производили выстрѣлъ за выстрѣломъ съ такой вѣрностью, что одинъ изъ редутовъ былъ ими поразительно опустошенъ; это впослѣдствіи мы повѣрили съ изумленіемъ собственными глазами. Положеніе наше, съ каждымъ часомъ становилось хуже: голодъ, изнуреніе и неизвѣстность исхода томили невыносимо. Часу во второмъ пополудни, стрѣльба по всей непріятельской линіи значительно усилилась, а съ отдаленія стали до насъ доноситься орудійные выстрѣлы. Вскорѣ все пространство къ западу отъ турецкихъ редутовъ покрылось сплошнымъ дымомъ и, по направленію отъ д. Шейново, показались толпы, въ безпорядкѣ отступающихъ турокъ; кавалерія-же ихъ, съ надеждой прорваться, заметалась во всѣ стороны, но встрѣченная вездѣ дружными залпами, массами гибла, не находя спасенія; отрядъ генерала Скобелева, грозно наступая, сталъ приближаться къ намъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Единодушный взрывъ восторга и радости былъ отвѣтомъ: ура! ура!... прогремѣло по всему нашему отряду, и все поднялось на послѣдній бой. Но турки, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, прекратили огонь и, высыпавъ на стѣны редутовъ, стали махать платками и шапками въ знакъ того, что они сдаются. Такъ окончился двухдневный бой и плѣненіе Шипкинской арміи. Къ вечеру бригада наша потянулась къ Казанлыку. Разбросанные по всему полю трупы людей, за минуту передъ тѣмъ ни чьего не возбуждавшіе вниманія, теперь невольно наводили на гнетущія мысли: сколько славныхъ сыновъ, отцевъ, мужей и братьевъ, вчера еще полныхъ жизни, надеждъ и упованій, не могло раздѣлить радости нашей, и никогда не увидятъ своей родины. Вотъ оно, въ человѣческомъ, вѣками развитія достигнутомъ, разрѣшеніи всѣхъ премудрыхъ вопросовъ:—люби ближняго, какъ самого себя.

Сегодня, завтра мы спокойны, а тамъ?.. быть можетъ, еще большія жертвы.

Въ Казанлыкѣ насъ размѣстили, со слѣдующаго дня, по квартирамъ. Это ужъ не былъ тотъ цвѣтущій, живой городъ, видѣнный нами лѣтомъ, когда каждый дворикъ, чистый и привѣтливый, свидѣтельствовалъ о довольствѣ живущихъ, и о роскоши долины; погорѣлый и раззоренный

онъ выглядѣлъ уныло, вмѣщая въ себѣ тысячи больныхъ и раненыхъ. турокъ, вмѣсто прежняго населенія.

Женскій монастырь, давшій пріютъ нашимъ раненымъ, въ первомъ забалканскомъ походѣ, подъ стѣнами котораго, покоились товарищи наши, павшіе при занятіи Шипкинскаго перевала, былъ также раззоренъ, и обращенъ въ склады; въ церкви его, во множествѣ сложены были хлѣбъ, ячмень, галеты, сахаръ, теплая одежда, патроны и всякія другія необходимости военнаго быта. Въ чье веденіе потомъ поступили эти громадныя запасы, и кому выдавалось не знаю, такъ какъ намъ, только по усиленной просьбѣ офицеровъ, выдали фунтовъ десять сахару на баталіонъ. Размѣстили насъ въ турецкой части города, которая сохранила нѣкоторую цѣлость, и тамъ вездѣ еще были видны слѣды недавней жизни: на квартирахъ многіе находили, кое-гдѣ, небольшіе запасы сѣна, овса, или чего нибудь съѣдомаго, чѣмъ мы, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, по необходимости пользовались. Спокойный сонъ, теплая пища, или, вообще говоря, стоянка въ Казанлыкѣ, послѣ понесенныхъ трудовъ, была для насъ большимъ благодѣяніемъ, мы отъ всей души желали только, чтобы это продолжилось дольше, хотя-бы до заключенія перемирія, о которомъ мы ужь мечтали, въ виду послѣднихъ событій, такъ подвинувшихъ дѣла, что по неволѣ вѣрилось въ возможность весьма скораго окончанія. Къ тому-же, 30-го числа, когда всѣ войска, бывшія въ Казанлыкѣ, вышли за городъ и, выстроившись шпалерами по дорогѣ на Шипку, ожидали прибытія генерала Радецкаго; въ Казанлыкъ пріѣхали турецкіе парламентеры, для первоначальныхъ переговоровъ о перемиріи; они, не останавливаясь, проѣхали мимо насъ и отправились дальше. Такимъ образомъ, мы сами видѣли, что уже начиналось то, чего всѣ такъ желали, и что возвращало много радостныхъ надеждъ. Часу во второмъ пополудни, пріѣхалъ нашъ корпусный командиръ, генералъ Радецкій; объѣзжая войска, онъ благодарилъ всѣхъ за молодецкую службу. „А вамъ стрѣлки, еще разъ спасибо!“ сказалъ генералъ, подъѣзжая къ намъ вторично. При этомъ случаѣ и нашъ начальникъ отряда, князь Святополкъ-Мирскій, собравъ офицеровъ нашей бригады, сказалъ: „господа! много я съ Божіей помощью на моемъ вѣку воевалъ; много видѣлъ храбрецовъ и молодецкихъ атакъ, видѣлъ знаменитыхъ Куринцевъ и Кабардинцевъ, но такой атаки, какъ ваша, и такихъ молодцевъ, какъ вы, я, ей Богу, не видывалъ. Позвольте мнѣ съ каждымъ изъ васъ лично познакомиться“.

На слѣдующій день, войска снова были выведены для встрѣчи его императорскаго высочества главнокомандующаго; долго собирались, выстраивались, выравнивались.... но вотъ раздалась музыка, прогремѣло ура, и его высочество подъѣхалъ къ войскамъ: медленно проѣзжая по рядамъ, онъ благодарилъ всѣхъ за славное дѣло и за понесенные труды.

Окончивъ объѣздъ, его высочество вызвалъ офицеровъ нашей бригады впередъ, и сказалъ: „Господа! я очень радъ, что имѣю случай, передать вамъ лично отъ имени Государя Императора благодарность, за всѣ ваши безпримѣрныя дѣла. Вы герои! и я передъ вами долженъ снять шапку". Затѣмъ Его Высочество сталъ милостиво съ нами разговаривать, и въ заключеніе сказалъ, что хотя мы много сдѣлали, но надо еще послужить Царю и доконать врага. Изъ послѣднихъ словъ мы увидѣли ясно, что еще далеко не конецъ и, хотя наши прежнія мечты разбивались, но ободренные особыми похвалами и ласковымъ словомъ его высочества, съ музыкой, съ пѣснями, всѣ весело возвращались по квартирамъ.

— Смотри, братцы, дружнѣй, теперь спасибо набрали во всѣ карманы, сказалъ шутникъ запѣвало, и началъ выводить съ приудариваніемъ:

Антиллерія, стрилочки, не дали промашки,
А казаки молодцы, ударили въ шашки.
Гремитъ слава трубой.

Лихо подхватилъ хоръ, старинный кавказскій припѣвъ.

Еще накавунѣ изъ д. Янины въ Казанлыкъ привезли нашихъ раненыхъ, какъ только узнали объ этомъ, нѣкоторые изъ насъ отправились навѣстить своихъ товарищей. Надо замѣтить, что въ Казанлыкѣ, до прихода нашего было множество раненыхъ и больныхъ турокъ; ими были заняты почти всѣ порядочные дома въ городѣ, такъ что для нашихъ раненыхъ не было мѣста, а потому приказано было, ихъ немного стѣснить, очистивъ нѣсколько домовъ для нашихъ.

Съ трудомъ удалось намъ розыскать между многими лазаретами тѣ, гдѣ находились наши. Домъ, въ который мы вошли, былъ деревянный, двух этажный; оба этажа были переполнены ранеными, которые, за отсутствіемъ кроватей и принадлежностей къ нимъ, лежали или сидѣли на полу, гдѣ кому пришлось, завернувшись въ свои худыя шинельки. Нечистота и зловоніе поразили насъ при входѣ. Въ комнатѣ было холодно; со всѣхъ сторонъ раздавались стоны, оханье и жалобы.

Недалеко отъ дверей я увидѣлъ одного изъ стрѣлковъ моей роты: онъ стоялъ лицемъ ко мнѣ, имѣя шинель въ накидку. „Здравствуй Зиновьевъ! ты куда раненъ?" обратился я къ нему. „Вотъ! Ваше благородіе" сказалъ онъ слабымъ голосомъ и при этомъ развернулъ шинель. Онъ былъ безъ рубахи и, на груди его, по правой сторонѣ, ниже соска виднѣлась, просачиваясь черезъ перевязку, кровь. „Какъ есть... насквозь... охъ!.. смерть моя". „Отчего-же ты безъ рубахи? вѣдь холодно". „Замокла... бросилъ... ваше благородіе". Сказавъ ему нѣсколько ободрительныхъ словъ и пообѣщавъ прислать рубашку, я пошелъ въ другую комнату, гдѣ помѣщалось нѣсколько нашихъ офицеровъ; тамъ было также холодно и также грязно, но лежали не на полу, а на чемъ-то въ родѣ кроватей. Прямо противъ входа лежалъ молодой офицеръ

подпоручикъ Казанскій, раненый смертельно въ голову; съ мертвенной блѣдностью въ лицѣ, съ полуоткрытыми глазами онъ безумолку произносилъ безсвязныя слова, отражающія послѣднюю борьбу умирающаго молодаго организма. Страшный видъ приближающейся смерти производилъ крайне мучительное и потрясающее впечатлѣніе, увеличивая страданія остальныхъ; всѣ сосредоточенно молчали. Наше прибытіе ихъ немного оживило, пошли взаимные разспросы и разговоры...

Положеніе ихъ оказалось весьма незавиднымъ: такъ какъ дивизіонные лазареты не могли слѣдовать съ войсками при переходѣ Балканъ, то только небольшая часть ихъ была перевезена своевременно на вьюкахъ: именно перевязочныя средства; все-же остальное, хотя не столько, но также необходимое, могло явиться не скоро. Раненые находились на попеченіи весьма небольшаго числа докторовъ и лазаретныхъ служителей, а за недостаткомъ ихъ—санитаровъ, которые, неся всю службу наравнѣ съ остальными строевыми солдатами, нуждались не менѣе въ отдыхѣ и не могли принести желанную пользу. Продовольствіе раненыхъ тоже не особенно хорошо было обезпечено, судя по тому, что офицеры сами хлопотали, заставляя своихъ деньщиковъ стряпать что нибудь, или посылая съ просьбою къ товарищамъ. Въ другомъ лазаретѣ тоже самое. Здѣсь мы отыскали нашего адъютанта-подпоручика Тимофѣева, раненаго въ грудь; онъ лежалъ въ маленькой отдѣльной комнаткѣ, съ другимъ нашимъ офицеромъ, подпоручикомъ Бауфаломъ, раненымъ тремя пулями съ переломомъ праваго плеча. Тимофѣевъ былъ любимый товарищъ и душа общества; всѣ его уважали за умъ и чрезвычайное умѣніе держать себя, не роняя между командиромъ и товарищами, а любовь общую онъ пріобрѣлъ за свои прекрасныя душевныя качества. Большинство называли его по имени, уменьшительно „Эля“ (Рафаилъ) что лучше всего свидѣтельствовало о братскихъ къ нему отношеніяхъ. Раненіе его и опасное положеніе, въ которомъ находился, насъ всѣхъ крайне опечалило.

Теперь мы его застали въ страшныхъ мученіяхъ; онъ весь опухъ, поминутно стоналъ и кашлялъ, призывая помощь и жалуясь на удушье: „Охъ!.. Боже мой... неужели я долженъ... умереть?.. Нѣтъ?.. Ой! душитъ... спасите!.. спасите!..“ Въ это время вошелъ нашъ баталіонный врачъ Зимонскій; увидѣвъ его, Тимофѣевъ порывисто обратился къ нему: „Докторъ!.. Ради Бога... спасите... я... жить хочу... душитъ... Ой! Ой!..“ Оставить его дальше въ такомъ положеніи невозможно было, такъ какъ онъ могъ въ нѣсколько минутъ скончаться отъ удушія; необходимо было снять шовъ, наложенный ему врачемъ Верниковскимъ, при первой перевязкѣ, потому что отъ этого воздухъ, выходящій изъ пульнаго отверстія, не имѣя свободнаго выхода, сталъ распространяться подъ кожей, раздувая все тѣло и, сгущаясь все болѣе и болѣе въ грудной полости,

душилъ. Какъ только докторъ Зимонскій снялъ шовъ, воздухъ съ шипѣніемъ и свистомъ вырвался изъ отверстія и Тимофѣевъ почувствовалъ значительное облегченіе, а черезъ нѣкоторое время даже разговаривалъ съ нами и началъ высказывать свои мысли о будущей поѣздкѣ въ Россію. Но увы! не суждено было этому осуществиться; черезъ два дня онъ скончался, оставивъ друзьямъ и товарищамъ своимъ навсегда дорогія воспоминанія прожитыхъ съ нимъ дней.

Извѣстіе о смерти Тимофѣева мы ужъ получили на походѣ, такъ какъ 1-го января бригада наша выступила въ Эски-Загру, въ составѣ авангарда подъ начальствомъ генерала Скобелева.

Что намъ предстояло впереди? Какой оборотъ примутъ дѣла и когда начнетъ проясняться на горизонтѣ политическомъ? Это были вопросы неизвѣстнаго будущаго, благопріятное разрѣшеніе которыхъ становило для насъ возрожденіе къ новой жизни. Во всякомъ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ мы ожидали не ранѣе, какъ подъ Адріанополемъ, укрѣпленія котораго грознымъ призракомъ тревожили наше воображеніе.

Городъ Эски-Загра, сожженый турками еще во время перваго нашего забалканскаго похода, теперь представлялъ груды весьма живописныхъ развалинъ, свидѣтельствовавшихъ о бывшемъ богатствѣ и великолѣпіи города: стѣны громадныхъ зданій, колоны, украшенныя арабесками, фонтаны, высокіе минареты и остатки альфреско рѣзко выдѣляли этотъ городъ изъ ряда остальныхъ городовъ Болгаріи, на долго оставляя потомству память о дѣяніяхъ Сулеймана и о борьбѣ за свободу болгарскаго народа. Въ уцѣлѣвшихъ домахъ города мы простояли два дня, выставляя въ разныя стороны аванпосты, пока прибыли остальныя части авангарда: 3-я стрѣлковая бригада и 16-я дивизія.

3-го числа, послѣ полудня, мы неожиданно получили приказаніе и вечеромъ выступили къ г. Тырново, что на р. Марицѣ. Поспѣшное наше выступленіе было причиною того, что многіе офицерскіе деньщики съ вьюками, не успѣвъ слѣдовать при части, въ темнотѣ сбились съ дороги и офицеры на нѣсколько дней остались безъ всякихъ необходимыхъ вещей. Съ этого времени начался однообразный, утомительный походъ, не вдаваясь въ описаніе котораго, я остановлюсь на небольшомъ очеркѣ перехода отъ г. Германли къ г. Хаскіою и обратно, какъ на болѣе выдающемся, гдѣ бѣдствія войны и, ни чѣмъ не укротимая, вѣковая ненависть болгаръ разразилась ужасающими послѣдствіями, вызывая глубокое состраданіе русскаго солдата къ своему врагу. Надо замѣтить, что болгарскіе бѣглецы, съ переходомъ русскихъ войскъ на южную сторону Балканъ, толпами слѣдовали за войскомъ и, расходясь во всѣ стороны отыскивать свои жилища, сторицею платили туркамъ за понесенныя бѣдствія: съ девизомъ „рѣзать турку", какъ ураганъ, они проносились, поль-

зуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ и никому не было пощады отъ болгарскаго ножа. Устранить это бѣдствіе въ странѣ, гдѣ еще не было никакого административнаго строя, для войскъ, выполняющихъ предназначенныя военныя операціи, было невозможно, тѣмъ болѣе, что болгары пользовались удобнымъ случаемъ, зная, какъ русскіе отнесутся къ этому.

Въ г. Германли отрядъ нашъ собрался къ 6-му числу. Здѣсь генералъ Скобелевъ получилъ извѣстіе, что Сулейманъ разбитъ подъ Филиппополемъ и отступаетъ. Въ тоже время по дорогѣ отъ г. Хаскіоя къ г. Германли показались двигающіяся войска и громадный обозъ; нельзя было не признать, что это авангардъ Сулеймана. Въ виду этого, такъ какъ Германли лежитъ на пути между Филиппополемъ и Адріанополемъ, позиція, возлѣ Германли, на всякій случай была укрѣплена, а отрядъ нашъ двинулся къ Хаскіою, съ цѣлью встрѣтить отброшенную армію Сулеймана и окончательно ее разбить. Между тѣмъ Сулейманъ, отступая еще отъ Софіи, приказывалъ всѣмъ жителямъ бѣжать къ Константинополю, угрожая имъ русскими жестокостями и нагайками своихъ черкесовъ;—понятно, что бѣглецовъ этихъ собралась страшная масса. И вотъ обозъ въ 20 тысячъ повозокъ, нагруженныхъ всякимъ добромъ, множество стариковъ, женщинъ, дѣтей всѣхъ возрастовъ и баталіонъ низама для прикрытія, все это медленно двигалось отъ Хаскіоя къ Германли, въ то время, какъ мы шли на встрѣчу. Какъ только головныя части нашего отряда вступили въ бой, а прикрывающія войска начали отступать, всѣ турки съ ужасомъ стали разбѣгаться, бросая все достояніе, даже дѣтей на произволъ судьбы. Войска наши, ожидая встрѣчи съ главными силами, подвигались впередъ, оставляя за собою обозъ, а съ нимъ раздирающій душу дѣтскій крикъ и вопли брошенныхъ женщинъ. Поздно ночью мы подошли къ Хаскіою и вмѣсто Сулеймана встрѣтили разъѣзды нашей гвардейской кавалеріи изъ отряда генерала Гурко. Такимъ образомъ оказалось движеніе нашего отряда напраснымъ, такъ какъ Сулейманъ отступилъ на югъ. Мы снова двинулись къ Германли. По обѣимъ сторонамъ дороги, по прежнему, на протяженіи 15-ти верстъ, стоялъ турецкій обозъ, но какое страшное зрѣлище! какія возмутительныя, потрясающія сцены на каждомъ шагу: здѣсь въ послѣднихъ судорогахъ умирающая женщина съ груднымъ ребенкомъ, а тамъ двое малютокъ, надрываясь, зовутъ мать, трупъ которой лежитъ возлѣ телѣги; убитыя, раненыя и замерзающія женщины и дѣти, сотни замерзающаго скота, — опрокинутыя телѣги и разбросанная посуда, одѣялы, подушки и прочее. Солдаты наши съ сожалѣніемъ и съ состраданіемъ относились къ несчастнымъ, раздавая свой скудный запасъ сухарей и вареную говядину, или помогая подобрать вещи и укутать дѣтей. Многіе, и безъ того обремененные ношей, брали съ собою малютокъ, чтобы не оставить умереть голодной смертью или отъ холода. Въ нашъ баталіонъ взяли

двухъ мальчиковъ, оставшихся сиротами, и не покидали ихъ во весь остальной походъ, оказывая всевозможную заботу и попеченіе. „Гасанка" и „Ахметка" до сихъ поръ у насъ: старшій на попеченіи командира баталіона подполковника Худякова, а младшій—у капитана Сулковскаго.

Между тѣмъ, когда мы ужь приближались къ Германли, къ намъ подъѣхалъ генералъ Скобелевъ, поздравилъ насъ и объявилъ о занятіи Адріанополя нашей кавалеріей, подъ командою генерала Струкова, а такъ какъ теперь линіей желѣзной дороги до Адріанополя и однимъ оставшимся поѣздомъ можно было располагать, поддержаніе же нашей кавалеріи требовалось немедленное, то нашему баталіону назначена была, тотчасъ по приходѣ въ Германли, посадка и отправленіе по желѣзной дорогѣ.

Такой неожиданный исходъ былъ чрезвычайно важнымъ и радостнымъ для насъ событіемъ; избавляясь отъ всѣхъ и трудностей атаки сильныхъ укрѣпленій, мы подвигались на значительное пространство, быстро приближаясь къ конечному результату. Занимая Адріанополь, мы имѣли сильный опорный пунктъ и возможность современемъ сосредоточить всѣ необходимые запасы ближе къ дѣйствующинъ войскамъ, а съ прибытіемъ нашимъ—пополнить нашъ, совершенно истощившійся сухарный запасъ. Кромѣ того, много выгодъ представлялось намъ съ занятіемъ этого города.

Къ 6-ти часамъ вечера батальонъ нашъ подошелъ къ вокзалу за Германли, тамъ ужь былъ генералъ Скобелевъ со своимъ штабомъ. Тотъчасъ началась посадка, а такъ какъ вагоновъ было немного, то пришлось, что называется, биткомъ набивать, не смотря на то, что всѣ нестроевые,—вьюки и верховыя лошади были оставлены. Когда всѣ ужь размѣстились, отдано было приказаніе: на всякій случай быть въ готовности, потому что еще мѣстность въ окружности не была достаточно очищена, бродили шайки баши-бузуковъ и черкесовъ, которые легко могли, собравшись, занять какой нибудь выгодный пунктъ возлѣ желѣзной дороги и причинить много бѣды, снявъ предварительно рельсы. Около 7-ми часовъ вечера поѣздъ нашъ съ музыкой и пѣснями тронулся въ путь. Ровно покачиваясь и своимъ однообразнымъ шумомъ укачивая своихъ пассажировъ, мчался по этому пути первый русскій поѣздъ все дальше и дальше.

Была ужь ночь, когда поѣздъ медленно тянулся черезъ мостъ на р. Марицѣ. Вдругъ съ противоположнаго берега раздался выстрѣлъ, за нимъ—другой,—третій... и поѣздъ нашъ остановился на мосту;—минута недоумѣнія и тревоги... Неужели, погибнуть въ волнахъ Марицы или быть застрѣленнымъ, сидя въ вагонѣ? невольно пронеслось въ мысли каждаго. Но вотъ съ передняго вагона стали переговариваться, стрѣльба прекратилась и поѣздъ тихо тронулся мимо толпы вооруженныхъ „бра-

тушекъ“, собравшихся для охраны моста; недоразумѣніе разсѣялось и мы помчались дальше, а черезъ нѣкоторое время благополучно прибыли къ вокзалу Адріанополя, возлѣ котораго расположились бивуакомъ. На слѣдующій день мы торжественно вступали въ городъ, встрѣченные депутаціями отъ разныхъ сословій, духовенствомъ въ полномъ облаченіи, всей интеллигенціей города и толпами народа, сопровождавшаго привѣтственными криками наше шествіе до Конака. Отсюда нашъ батальонъ былъ оправленъ въ фортъ № 1-й, гдѣ простоялъ до 16-го января. Здѣсь можно считать періодъ военныхъ дѣйствій оконченнымъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней по нашемъ выступленіи изъ Адріанополя мы узнали о заключенномъ перемиріи и начался періодъ мирныхъ переговоровъ.

Н. Г.

28-го февраля 1879 г.
Г. Одесса.

РАЗСКАЗЪ САПЕРА.

Въ походѣ и Горный-Дубнякъ.

Живо и весело распрощались мы 12-го сентября съ румынскимъ берегомъ Дуная и вошли въ предѣлы Болгаріи. Переправлялись у Систова по проложенному уже пути, по готовымъ мостамъ. Хотя и не было слѣдовъ, свидѣтельствовавшихъ о совершившейся здѣсь славной переправѣ, но каждый рисовалъ въ своемъ воображеніи картины разыгранной кровавой драмы. Войска радостно привѣтствовали болгарскій берегъ.

Невольно думалось: куда мы идемъ? Будемъ ли мы активными участниками, или только придется стоять въ главномъ глубокомъ резервѣ? Врядъ ли былъ кто-нибудь, кто не желалъ бы побывать въ дѣлѣ, испытать себя подъ огнемъ, какъ говорится,—понюхать пороху.

Въ три перехода дошли мы до главной квартиры, находившейся въ то время въ Горномъ-Студенѣ.

Въ деревняхъ, черезъ которыя довелось проходить, братушки встрѣчали далеко не гостепріимно. Въ свои кишты болгары насъ не пускали. Да въ избахъ впрочемъ мы и не нуждались, — погода стояла хорошая, ночью на бивуакѣ въ палаткѣ было несравненно лучше, чѣмъ въ хорошей избѣ. Если хотѣли зайти въ избы, то единственно съ цѣлью посмотрѣть житье-бытье братушекъ. Куры, яйца, масло, молоко, даже хлѣбъ—все это было для насъ недоступно, — болгары не хотѣли ни за что продавать. Станешь уговаривать, упрашивать,—они отдѣлываются либо непониманіемъ русскаго языка, либо обычнымъ отвѣтомъ: не ма ништо, не ма конь, не ма бювolъ, не ма жинко, не ма крава, не ма каруца;

ништо, ништо не ма? Турка сичко порѣзалъ, побиралъ и на Плевенъ бѣгалъ!“ Случалось слышать и такіе отвѣты: „не ма ништо, турка сичко побралъ, гайда на Плевенъ, тамо и земешь!“ Поди, молъ, сунься въ Плевну, да тамъ и бери! Мы же въ то время черезъ-чуръ ласково и нѣжно обращались съ братушками. Вынесетъ братушка уголекъ, чтобы дать закурить, и тутъ пàри получитъ, а спросишь воды или хлѣба, опять,—„турка побралъ!“

При входѣ въ Горный-Студень, насъ встрѣтилъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Доблестный генералъ нѣсколько разъ проѣзжалъ отъ головы батальона къ хвосту, обращаясь съ привѣтливыми словами къ офицерамъ и солдатамъ. Онъ былъ въ восторгѣ и говорилъ, что не находитъ словъ выразить свою радость. Пó сердцу была намъ такая встрѣча дорогаго начальника. Любо смотрѣть, говорили солдаты; вотъ герой, такъ герой, коли съ нимъ пойдемъ, такъ что хошь сдѣлаемъ! Съ пѣснями и музыкой входили войска въ главную квартиру.

Началась обыкновенная лагерная жизнь,—ученья, аванпостная служба. Приказано строить шалаши. Это насъ нѣсколько смущало: должно быть, предстоитъ долгое сидѣнье въ главной квартирѣ. Но вотъ Государь Императоръ, проѣзжая мимо лагеря, объявилъ, что скоро пойдемъ въ дѣло. Съ какимъ восторгомъ было принято это извѣстіе! Масса солдатъ далеко провожала экипажъ Государя и долго проносилось по всему лагерю громкое, дружное ура. Пѣсни не смолкали до поздней ночи. По случаю объявленія о скоромъ выступленіи, всѣмъ, въ чемъ-либо провинившимся, была дарована амнистія. Мнѣ съ товарищемъ предстояло отбыть пять дежурствъ не въ очередь. (На нашихъ дежурствахъ кухонные и обозные растащили хворостъ, привезенный для постройки шалашей). Мы также получили амнистію.

Въ день отступленія, утромъ, въ походной церкви отслуженъ молебенъ въ присутствіи Государя. Въ 10 часовъ войска вышли изъ лагеря и построились для высочайшаго смотра. Его Высочество Главнокомандующій сталъ объѣзжать войска. Подъѣхавъ къ батальону, онъ обратился съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „вы будете учителями другихъ частей,—научите ихъ хорошенько окапываться и прикрываться“. Затѣмъ долго разговаривалъ, шутилъ. Уѣзжая, сказалъ: вы пойдете въ самое пекло. Потомъ объѣзжалъ Государь Императоръ и, въѣзжая въ середину каждой части, также говорилъ рѣчь. Затѣмъ каждая часть проходила мимо Государя съ несмолкаемымъ ура и, перестроясь въ походный порядокъ, двигалась въ путь.

Трудны были переходы до Іени-Баркача. Отвратительныя дороги, проходящія по черноземнымъ кукурузнымъ полямъ, вслѣдствіе сильныхъ дождей сдѣлались невыносимы для пѣшехода. Ноги скользятъ, расхо-

дятся и вязнутъ въ грязи. Трудно вытащить ихъ изъ этой клейкой массы. Къ сапогамъ пристаютъ комья чуть не въ полъ-пуда.

Переходы верстъ 20—25 въ сутки; сквернѣйшая погода: днемъ туманъ; вечеромъ дождь, ночью—тоже дождь. На тѣлѣ сухой нитки нѣтъ, а тутъ еще обозы,—лошади не берутъ; люди вывозятъ на рукахъ.

На бивуакъ приходили вечеромъ, палатки разбивались въ темнотѣ. Рѣдко случалось достать соломы или сѣна,—надо было довольствоваться естественною довольно мягкою постелью—грязью.

Замѣчательный по трудности былъ переходъ отъ Богота до Парадима. Это былъ третій или четвертый день похода. Дневки не было. Сначала шла дорога, а дальше вспаханное поле съ вырубленной кукурузой. Дождь не переставалъ. Каждый шагъ стоилъ значительнаго усилія. Обозы отстали; — объ нихъ и слуху не было. Переходъ не болѣе двадцати верстъ казался хуже сорока-верстнаго. Про него смѣло можно сказать словами солдатской пѣсенки:

Какъ четвертаго числа
Насъ нелегкая несла.

Хотя это было и не 4-го числа.

Встрѣтится братушка; всѣ къ нему съ вопросомъ: далеко-ли до Парадима? „Тука, тука! э!! два часа и полъ“, отвѣчаетъ братушка. Пройдешь версты три-четыре,—встрѣчные братушки опять говорятъ, два часа и полъ, а то и три,—кому какъ вздумается. Днемъ было еще сносно.

Стемнѣло, а до Парадима не близко. Въ двухъ шагахъ нельзя различать предметы. Споткнешься о корень срубленной кукурузы или кочку,—падаешь въ грязь. Вдали замелькали огоньки. Кажется близко; идешь, идешь, а огни все на томъ же разстояніи. Отсталыхъ масса. Достаточно сказать, что до Парадима дошелъ знаменщикъ—замѣчательный ходокъ, бывшій въ хивинскомъ походѣ, три-четыре офицера и человѣкъ 80 солдатъ (изъ цѣлаго батальона). Въ другихъ частяхъ было, вѣроятно, тоже самое.

Палатокъ не разбивали, а расположились кто подъ стогомъ, кто у костра, а кто и просто на землѣ. Командиръ батальона пріѣхалъ раньше. Велѣно играть сборъ. Къ утру почти всѣ собрались. Разбили лагерь. На слѣдующій день дневка и затѣмъ снова походъ. У деревни Ралево мѣстность измѣнилась, изъ ровной обратилась въ пересѣченную глубокими оврагами. Дорога шла то спускаясь, то подымаясь—иногда довольно круто. Въ Ралево оказались три спуска, исправить которые было необходимо. По приказанію командующаго корпусомъ осталась одна рота. Лишь только приступили къ рубкѣ плетня, братушки подняли вой. Они вообразили, что отъ плетня доберутся и до ихъ кишть, но когда увидѣли, что кромѣ плетня ничего не трогаютъ, то стали очень усердно

помогать намъ. Скоро работа была покончена. Жидкую грязь завалили соломой, положили плетень и сверху заровняли соломой и землей.

Почти вся артиллерія миновала спуски засвѣтло. Вечеромъ спускалось нѣсколько орудій, и съ однимъ изъ нихъ произошелъ курьезный случай. Прибѣгаетъ къ намъ артиллеристъ и проситъ дать двухъ или трехъ человѣкъ съ топорами. Нужно, говоритъ, прорубить косяки у дверей, чтобы вывезти орудіе. Ѣхали по спуску, темень — хоть глазъ выколи, свернули съ дороги, орудіе оборвалось, упало на крышу стоявшей на косогорѣ избы, проломало крышу и попало въ избу.

При этомъ никакого несчастія не произошло.

Почти во все время нашего похода канонада подъ Плевной не умолкала.

Въ Іени-Баркачѣ занимались укрѣпленіемъ позиціи, — строили батареи, ложементы, приводили въ оборонительное положеніе деревню и проч. Для чего мы это дѣлали— незнаю. Говорили, что въ случаѣ выхода изъ Плевны, Османъ-паша долженъ наткнуться на эту позицію. Говорили также, что это для того, чтобы имѣть готовую оборонительную позицію на случай, если бы при дальнѣйшемъ наступленіи намъ пришлось отойти назадъ. Во всякомъ случаѣ работы эти принесли ту пользу, какую приносятъ всякія практическія работы въ полѣ.

Въ Іени-Баркачъ наши кавалерійскіе разъѣзды часто приводили, пойманныхъ въ окрестныхъ селахъ и въ особенности на мельницахъ, турецкихъ солдатъ, приходившихъ небольшими партіями за мукой и хлѣбомъ.

Командованіе надъ гвардейскимъ корпусомъ принялъ генералъ Гурко. Ближайшая цѣль нашихъ дѣйствій стала извѣстна — атаковать укрѣпленную турецкую позицію на Софійскомъ шоссе, расположенную близъ селъ Телишъ, Горный-Дубнякъ и Дольный-Дубнякъ,—и такимъ образомъ сомкнуть пресловутое плевненское кольцо. Выступленіе назначено 10-го октября. Въ приказѣ генерала Гурко значилось, что ни одно колесо не перейдетъ черезъ рѣку Видъ. Слѣдовательно, на обозъ разсчитывать нечего. Нужно позаботиться о покупкѣ вьючныхъ лошадей. Съ большимъ трудомъ удалось купить въ сосѣдней деревнѣ лошадь, не бывшую ни въ упряжѣ, ни подъ сѣдломъ. Лошадь эта должна была носить вьюкъ для четырехъ офицеровъ. Часовъ въ шесть сняли палатки и приготовились въ путь-дорогу.

Болѣе часу ждали мы приказанія двигаться. Послѣдовала отмѣна. Выступленіе отложено до слѣдующаго дня. Палатки разбиты снова и мы пережили еще одну (для многихъ послѣднюю) мирную спокойную ночь. 11-го октября вечеромъ изъ Іени-Баркача пошли къ деревнѣ Чириково, гдѣ и начали устраивать переправы черезъ рѣку Видъ.

Разобрали мельницу и сдѣлали гать для проѣзда артиллеріи. Для

пѣхоты сложили одну или двѣ переправы. Небольшой кусокъ ночи можно было удѣлить сну. Да и спать то не хотѣлось. Разнообразныя мысли приходили въ голову. Чѣмъ-то ознаменуется завтрашній день? Каково-то будетъ наше крещеніе? Не будетъ-ли этотъ день — днемъ паденія Плевны. Не выйдетъ-ли Османъ-паша, не попробуетъ-ли прорваться, вмѣсто того чтобы дать окружить себя? Стерегутъ его хорошо, и не устоять тогда Плевнѣ.

А что то дѣлается теперь тамъ, далеко-далеко, на дорогой родинѣ?! Знаютъ-ли близкіе намъ люди, что эти минуты для многихъ—канунъ смерти!

И вотъ, начинаютъ проноситься милые, дорогіе образы...

Около шести часовъ утра войска начали переходить черезъ Видъ. Они идутъ въ бой,—а наше дѣло—по взятіи Дубняка укрѣпиться къ Плевнѣ и Телишу. Быть можетъ и насъ пощиплютъ, но это еще впереди и вполнѣ зависитъ отъ удачи боя.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ждали мы перваго выстрѣла. Давно уже доносился гулъ отдаленной канонады подъ Плевной.

Грянулъ выстрѣлъ, другой, третій. Наши батареи поздравляли турокъ съ добрымъ утромъ!

Всѣ прошли. Двинулись и мы. Пришлось доказывать справедливость пословицы: „сапожникъ безъ сапогъ". Для другихъ строили переправы, а сами пошли въ бродъ, почти по поясъ въ воду.

Солдатскій юморъ разъигрывался. „Кто первый разъ идетъ подъ пули, говорилъ солдатъ, то, значитъ, второе крещеніе принимаетъ. А какое же крещеніе безъ воды? Вотъ затѣмъ и идемъ по водѣ, чтобы все, значитъ, по формѣ было!" „Врешь, говоритъ другой, затѣмъ и въ воду лѣземъ, чтобъ въ огнѣ не слишкомъ жарко было".

Перейдя р. Видъ, вышли на равнину. Впереди шли колоны. Скоро мы ихъ догнали и вошли въ линію резервовъ. Артиллерійскій бой былъ въ полномъ разгарѣ. Орудійные выстрѣлы заглушали ружейную пальбу, но въ промежутки слышалась какая-то трескотня. Казалось, нѣсколько батарей картечницъ приведены въ полное дѣйствіе—это турецкая ружейная стрѣльба. Къ чему такая трескотня? Не атакуютъ-ли наши? Но быть не можетъ, навѣрное еще не успѣли и подойти такъ близко.

Но вотъ мы на линіи батарей. Вниманіе наше поглотили гранаты. Бѣлымъ кольцомъ взовьется пороховой дымъ, и зашипитъ, завоетъ граната, какъ будто оплакиваетъ тѣхъ, кого должна уничтожить.

Турки не дремали. Граната за гранатой летѣли къ нашимъ батареямъ. Одна перелетѣла и разорвалась далеко позади батареи; другая тоже перелетѣла, но, не разорвавшись, взбороздила землю. Слѣдующія гранаты стали ложиться ближе и ближе къ батареѣ. Она перемѣнила позицію. Огонь турецкой артиллеріи сталъ ослабѣвать.

Трескотня продолжалась. Съ нашей стороны ружейный огонь учащался. Вдругъ все смолкло. Гдѣ-то влѣво вдали послышался крикъ ура. Затѣмъ снова трескотня. Ничего не было видно,—мы двигались по густо поросшему кукурузному полю. Вновь слышалось ура, и вновь замирало!...

Провыла граната и, не разорвавшись, шукнула въ землю позади батальона передъ самой батареей. Это былъ послѣднiй дебютъ горнодубнякской артиллерiи. Вѣроятно, послѣднее орудiе на редутѣ было подбито,—гранатъ оттуда болѣе не посылали.

Наконецъ мы выбрались изъ кукурузы.

Прямо передъ нами—небольшая рощица, или вѣрнѣе кустарникъ, далѣе, постепенно возвышаясь, идетъ поле—чистое, ровное, ни единаго кустика, ни единаго бугорка. Въ полутора-верстномъ разстоянiи видны телеграфные столбы на софiйскомъ шоссе, и сквозь дымъ выглядываетъ какое-то укрѣпленiе, неопредѣленной формы, но солидныхъ размѣровъ. Лѣвѣе и ближе къ намъ виднѣлось другое, меньше, занятое уже лейбъ-гренадерами.

Батальонъ остановился. На перевязочномъ пунктѣ, бывшемъ впереди насъ, работа кипѣла. То и дѣло двигались носилки съ мѣста боя на перевязку. Фельдшера, доктора, санитары работали, какъ заведенная машина.

Велики ли были наши потери до сей минуты, мы не могли судить даже приблизительно.

Солнце начинаетъ припекать. Солдаты бѣгаютъ по одиночкѣ съ манерками за водой къ находящемуся впереди въ кустахъ роднику.

Возвращавшiеся оттуда солдатики съ удивленiемъ разсказывали своимъ товарищамъ о только что происшедшемъ съ ними случаѣ. „Беремъ мы это воду; вдругъ: ссс-и! ссс-и! чикъ! смотримъ, у самаго-то родника и ударила. А тамъ еще, еще. Да этакъ ихъ штукъ съ десять! такiя все длинныя-предлинныя! Баранову-то, вотъ, у самой ноги вдарила! Еще-бы, значитъ, на вершокъ и безпремѣнно-бы въ ногу!“ Прибѣжалъ еще солдатикъ. „Вотъ, братцы, проклятая-то рукавъ зацѣпила. Во—какая! и онъ сталъ показывать окружившимъ его товарищамъ поднятую пулю.

Ай! раздалось рядомъ. Саперъ 2-й роты схватился за ногу, зашатался и упалъ на руки своихъ товарищей. Это былъ первый раненый; его сейчасъ же отнесли на перевязочный пунктъ. Батальонъ стоялъ сомкнутою колоной.

„Постараемся!“ послышалось невдалекѣ и смѣнилось громкимъ ура. Стоявшему въ резервѣ батальону лейбъ-гренадерскаго полка было объявлено, что товарищи ихъ пострадали во время молодецкой атаки и нужно идти выручать. Перестроившись по-ротно, гренадеры двинулись впередъ.

Кто-то изъ товарищей сообщилъ, что мы идемъ въ прикрытiе артил-

леріи. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ командиръ выѣхалъ передъ середину батальона, сказалъ краткую рѣчь, въ которой выразилъ увѣренность, что саперы покажутъ себя такими же молодцами, какъ прежде, какъ въ 1828 году, когда батальонъ отличался здѣсь же въ Турціи и заслужилъ георгіевское знамя.

Раздалась команда: „ружья вольно! шагомъ маршъ! Батальонъ поротно въ двѣ линіи стройся! 3-я и 4-я роты во вторую линію".

Раздѣлившись по-ротно, взявъ полуоборотъ налѣво, подходили къ кустамъ. Засвистали пули. Командиръ батальона, флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ ѣхалъ впереди на своемъ бѣломъ конѣ à la Скобелевъ 2-й.

Солдатскому юмору не было конца. Больше другихъ выдѣлялся своими шутками взводный унтеръ-офицеръ Архипъ Коченевъ, находившійся второй разъ на службѣ, бывшій въ учебномъ батальонѣ, образцовый гимнастеръ и стрѣлокъ. Въ походѣ и теперь подъ пулями его окружала толпа солдатъ, которые надрывали себѣ животики отъ его выходокъ. Не далеко отъ меня упалъ раненый въ ногу Дидоренко, хорошій саперъ изъ новобранцевъ 1876—77 года, единственный солдатъ въ ротѣ, который въ прыганіи черезъ ширину могъ соперничать съ Коченевымъ.

— Что тебѣ ногу уходили? спрашиваетъ его послѣдній. Эй, Базановъ! добавляетъ онъ, обращаясь къ молодому саперу, для котораго всякія гимнастическія упражненія были камнемъ преткновенія,—теперь ты у меня молодчина, навѣрное лучше Дидоренко прыгнешь!

Пройдя мимо стоговъ, гдѣ находился передовой перевязочный пунктъ, мы вошли въ кусты.

Пули, цѣпляясь за вѣтви, производили пренепріятный звукъ. Въ кустахъ мы потеряли нѣсколькихъ человѣкъ. Противникъ былъ не видимъ.

Чѣмъ чаще летали пули, тѣмъ быстрѣе двигались мы впередъ, желая скорѣе выбраться на чистое мѣсто, чтобъ въ свою очередь имѣть возможность поражать турокъ. Кусты были густы, мѣстами пришлось двигаться другъ за дружкой. (Этимъ, вѣроятно, объясняется сравнительно небольшая потеря въ людяхъ въ этотъ промежутокъ времени при страшномъ огнѣ).

Тамъ и сямъ слышались стоны. Коченевъ подпрыгнулъ и остановился, держась за дерево. Изъ ноги брызнула кровь. „Ты раненъ?" „Такъ точно", отвѣчалъ онъ, улыбаясь. (Больше я его не видѣлъ. Вслѣдствіе раны онъ получилъ отставку. Когда Государь Императоръ смотрѣлъ въ Петербургѣ раненыхъ, то пожаловалъ ему крестъ). Рота порастянулась. Переднихъ остановили. Пока остальные подтягивались, мы легли. Свиснула пуля, чикнула; меня обрызнуло кровью. Саперъ Тіунчикъ лежалъ рядомъ. Пуля, задѣвъ щеку, ударила ему въ плечо. Не сказавъ ни слова, онъ всталъ, взялъ ружье и, придерживая рукой рану,

пошелъ на перевязку. (На пути его догнала еще пуля, попавъ въ спину. Отправленный въ Россію, онъ доѣхалъ только до Румыніи. Чувствуя себя хорошо, онъ просился вернуться къ батальону, и во время работъ на Балканахъ, присоединился къ ротѣ). Не успѣли мы выйти изъ кустовъ, какъ приказано было отойти назадъ къ стогамъ. Въ это время былъ раненъ въ животъ командиръ батальона и отнесенъ на перевязочный пунктъ. Командиръ роты Его Высочества (3-я р.) капитанъ, князь Кильдишевъ, контуженный въ грудь, оставался въ строю и, получивъ вторую контузію въ ногу, передалъ командованіе ротою поручику, графу Ивеличу, раненому въ ухо.

У стоговъ ротѣ сдѣлали повѣрку. Изъ строя выбыло пять, а трое раненыхъ остались въ строю.

Гренадѐръ съ перевязанной головой лежалъ у стога, мучился и стоналъ. Видно, судьба сжалилась надъ нимъ: двѣ пули одна за другой попали въ шею и еще въ голову и прекратили его мученія.

Какой-то санитаръ у перевязочнаго пункта трактовалъ о томъ, что пуля-де виноватаго найдетъ. Изъ роты вызваны были шесть—или восемь человѣкъ, чтобы осмотрѣть не остались-ли въ кустахъ раненые. Эти люди вынесли изъ огня нѣсколькихъ раненыхъ гренадеръ и павловцевъ. Носилки за носилками двигались къ мѣсту перевязки, и пули безцеремонно летѣли туда-же. Закрытія отъ огня не было, а потому перевязочный пунктъ отошелъ назадъ на болѣе приличную дистанцію.

Пришелъ ординарецъ убитаго генерала Зедлера и привелъ раненую лошадь. Онъ разсказывалъ, что, какъ только они выѣхали съ генераломъ изъ кустовъ,—пули тучами полетѣли на нихъ. Генералъ и нѣкоторые изъ его свиты—убиты на повалъ. Онъ удивлялся, какимъ чудомъ удалось ему уцѣлѣть, и не зналъ, что-же ему теперь изображать изъ себя; наконецъ рѣшился отъискать генерала Брока.

Деньщики принесли намъ завтракъ. Пули—пулями, а завтракъ самъ по себѣ. Никто не отказался. Пришелъ генералъ Брокъ (если не ошибаюсь) и просилъ взять подъ охрану два знамени Павловскаго полка, охранять которыя было уже не кому. Такимъ образомъ у насъ очутилось три знамени.

Сначала почему-то казалось, что особенно большихъ потерь не будетъ; но теперь было ясно, что дѣло становится серьезно, и дешево не обойдется.

Приходитъ командующій лейбъ-гренадерскимъ полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій. Кто старшій? спрашиваетъ онъ. Старшимъ оказался командиръ нашей роты штабсъ-капитанъ Чудовскій. Сколько у васъ тутъ,—двѣ роты?

— Двѣ. Вамъ придется вести ихъ впередъ. Сейчасъ я былъ на батареѣ. Тамъ чистый адъ. Обсыпаютъ какъ горохомъ. Многіе изъ моихъ

гренадеръ разстрѣляли всѣ патроны и довольствуются крикомъ ура. Помочь необходимо. Возьмите вашу роту (скажите тоже и командиру другой роты) и ведите сюда впередъ. Разсыпьте цѣпь и, если возможно, атакуйте. Въ случаѣ надобности прикроете отступленіе.

— Рота встать! Ружья вольно! Шагомъ маршъ!

Снова двинулись мы впередъ Обогнули кусты съ лѣвой стороны и вышли на чистое мѣсто. Шли скорымъ шагомъ. Пули засвистали чаще. Редутъ на виду. Первая полурота по двадцати шаговъ на звѣно въ цѣпь—маршъ! Разсыпались. Огонь усилился.—Ложись!

Черезъ наши головы буквально полился свинцовый дождь. Поле чисто—ни кустика, ни бугорка, ни ямки. Редутъ, окаймленный полосою бѣловатаго дыма, обрисовывается совершенно отчетливо. Мы тоже—какъ на ладони! Только плотнѣе прижимаешься къ землѣ. Предпочитая быть убитымъ сразу, чѣмъ изуродованнымъ, всѣ ложились головою впередъ, подставляя подъ пули только темя и плечи.

Въ ту минуту дорога казалась жизнь, какъ любимая невѣста!... Хороши-бы мы были, еслибъ турки цѣлились при такомъ адскомъ огнѣ. Врядъ-ли бы кто уцѣлѣлъ! А добраться до редута,—да объ этомъ и помышлять-то нельзя бы было! Пролежали нѣсколько минутъ. Огонь сталъ ослабѣвать. Свистокъ,— и цѣпь, какъ одинъ человѣкъ, подымается и быстро бѣжатъ впередъ. Пули зачастили. Ложись!—и цѣлый рой опять летитъ черезъ головы. Еще перебѣжка, и мы открыли огонь. За это время ранены нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ подпоручикъ Адріановъ въ лѣвое плечо, (впрочемъ, въ цѣпи передали, что онъ убитъ).

Нѣкоторые не успѣли еще выпустить ни одной пули, какъ приказано перестать стрѣлять. Наши пули могли случайно поражать тѣхъ изъ гренадеръ, которые послѣ отбитой атаки предпочли остаться во рву главнаго редута. При томъ же фески не показывались, а сыпали пулями, сидя за брустверомъ. Впрочемъ, турки зорко слѣдили за происходившемъ вокругъ редута. Стоило только кому нибудь одному подняться, это уже привлекало десятки лишнихъ пуль. Шагахъ въ двадцати передъ цѣпью лежитъ убитый унтеръ-офицеръ — вся спина изборождена пулями. Раненые, лежавшіе вблизи цѣпи, просили—кто разстегнуть мундиръ, снять портупею, кто просилъ воды. Гренадеръ, раненый въ ногу, напившись воды, отомкнулъ штыкъ, перевернулъ ружье дуломъ внизъ и поднялся, опираясь на ружье, какъ на костыль. „Ну, черти, обратился онъ къ редуту, добивать—такъ добивайте скорѣе, а околѣвать здѣсь не стану!“ Снопомъ полетѣли ему въ слѣдъ пули и сдѣлали свое дѣло.

Бокъ-о-бокъ со мной лежалъ взводный унтеръ-офицеръ Мрочекъ. Пули часто ложились рядомъ, бороздя землю. Они походили на пули системы Крынка и принадлежали ружьямъ Пибоди-Мартини.

Длинныя тонкія пули долетали съ какимъ-то особымъ жужжаніемъ

и шлепались бокомъ. Видно было, что они на излетѣ, и, вѣроятно, принадлежали магазиннымъ ружьямъ.

Запахло спиртомъ.—Ты кажется водку пьешь?

— Никакъ нѣтъ, а спиртомъ точно воняетъ!

Сталъ закуривать папиросу,—смотрю—фляжка разбита, коньякъ вытекъ. Тутъ же и пулька лежитъ.

— Ваше благородіе, что это пули то все чихаютъ?!

Дѣйствительно, пули, пролетая довольно высоко, какъ-то странно щелкали.—Неужели разрывныя?!

Какъ бы въ отвѣтъ на это передъ самымъ почти носомъ упала лопнувшая пуля. Въ другихъ частяхъ цѣпи подняли ихъ нѣсколько штукъ. Были и раненые разрывными пулями.

Вотъ уже болѣе часу лежимъ мы на одномъ мѣстѣ. Свистъ пуль уже не безпокоитъ, будто такъ и должно быть. Сами не стрѣляемъ. Что-то дальше будетъ? Солнце печетъ. Плохо проведенная ночь, только что пережитыя сильныя ощущенія — все это нагоняло дремоту. Напала какая-то безотчетная апатія ко всему. Нѣкоторые успѣли даже заснуть.

Вдругъ, совершенно неожиданно, шипя и воя, пронеслись надъ нашими головами гранаты.

Грянулъ орудійный залпъ. Надъ редутомъ показались пять бѣлыхъ дымковъ и послышался разрывъ шрапнелей. При полетѣ гранатъ, мы невольно стукнулись носами въ землю.

Всѣ оживились, пробудились. Послѣдовалъ залпъ справа, затѣмъ—слѣва. Скверно должно быть положеніе защитниковъ редута во время этихъ убійственныхъ залповъ!.. Послѣ одного изъ нихъ съ редута повалилъ дымъ. Былъ-ли то взрывъ, или загорѣлись шалаши, — разобрать трудно. Шрапнели рвутся надъ самымъ гребнемъ редута. Съ удовольствіемъ смотрѣли мы это интересное зрѣлище. Многіе встали, желая лучше наблюдать. Даромъ это не прошло. Пока рвалась шрапнель, огонь на редутѣ замеръ было, за то теперь срязу огорошили. Одинъ саперъ убитъ на повалъ и нѣсколько человѣкъ ранено, одинъ изъ нихъ (раненый въ руку съ раздробленіемъ кости) отдалъ товарищу ружье и, посылая туркамъ цѣлый лексиконъ бранныхъ словъ, пошелъ на перевязочный пунктъ. „Сухари забылъ! Али сытъ?“ закричалъ ему кто-то въ слѣдъ.

Саперъ Карповъ вздумалъ устроить себѣ закрытіе, положилъ передъ собою манерку и два мѣшка съ сухарями. Пуля, пробивъ манерку и оба мѣшка, раздробила большой палецъ руки, разщепила ложе ружья, разбила фляжку,—въ ней и осталась.

Ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Чудовскій, за все это время безпрестанно ходилъ отъ резерва къ цѣпи и обратно, не наклоняясь, не торопясь. Кажется ему не было никакого дѣла до пуль, и онѣ, должно быть, цѣнили молодечество,—ни одна даже не царапнула его.

Еще разъ пришлось испытать адскій огонь. Къ намъ приближалась цѣпь Измаиловскаго полка. Перебѣжками она быстро двигалась впередъ. „Смерть моя, конецъ приходитъ! Чувствую, что убьютъ!" приговаривалъ фельдфебель.

Было около шести часовъ вечера. На редутѣ горѣли шалаши. Солнце садилось. Вдали послышалось ура. Вотъ оно несется все ближе и ближе; охватило всю линію... Гдѣ-то заиграли атаку. Еще и еще. Позади насъ тоже,—вторая полурота подходила къ намъ. Двинулись въ атаку *).

Ура пронеслось уже на лѣвомъ фасѣ редута. Трескотня почти прекратилась. Раздавались отдѣльные выстрѣлы. Пули еще свистали. Вдругъ надъ лѣвымъ угломъ редута показался бѣлый дымокъ. Разорвалась наша родная шрапнелька! Но вышло такъ, что своя своихъ не познаша. Не одну жизнь унесла она.

Благая мысль пришла Измаиловскому знаменщику. Быстро сорвалъ онъ со знамя чехолъ и, стоя на валу редута, высоко поднялъ красивое новое развернутое знамя. Представительная фигура знаменщика ярко освѣщалась красноватыми лучами заходящаго солнца и заревомъ пожара. Картина была по истинѣ эффектная!

На батареѣ замѣтили, и выстрѣлы не повторились.

Я запнулся за корень срубленнаго куста и, падая, почувствовалъ, что что-то обожгло ногу. Поднявшись, увидѣлъ, что раненъ. Рана была легкая,—пуля скользнула по ногѣ и вырвала кусочекъ мяса. До редута добрался при помощи унтеръ-офицера. Во рву пришлось перелѣзть черезъ нѣсколько труповъ. Взобравшись на брустверъ, я остановился. Страшная рѣзня происходила на редутѣ. Все перемѣшалось въ ужасной свалкѣ. Какъ разъяренные звѣри, бросались другъ на друга, стрѣляли, кололи, рубили, душили. Среди дыма, треска лопавшихся тысячами патроновъ, шума, гама, стона и проклятій выскакивали толпы турокъ изъ горѣвшихъ шалашей и яростно бросались въ ятаганы. Принимаемые въ штыки, они или гибли тутъ, или бросались снова въ шалаши, въ огонь, гдѣ и сгорали.

Многіе турки бросались на колѣни, но лишь только наши проходили, они начинали стрѣлять,—за что и платились жизнью.

Одинъ турецкій офицеръ ухватился за рукавъ нашего офицера и не отпускалъ его до конца свалки, боясь быть убитымъ.

---

*) Горнистъ Геркусъ, жидъ,—бодро шелъ позади роты, наигрывая атаку. Никто не разсчитывалъ даже видѣть его подъ огнемъ, Почти весь походъ онъ числился отсталымъ. Если приходилось двигаться въ шабашъ (а это было нерѣдко), то ужъ Геркусъ, хоть его зарѣжьте, не пойдетъ и исполнитъ свои обряды, а затѣмъ во время дневки догонитъ роту. Солдаты его прозвали „ходячій календарь",—онъ всегда зналъ какой день и какое число. Огнестрѣльнаго оружія онъ боялся пуще всего на свѣтѣ. Въ лагеряхъ на стрѣльбѣ его не могли заставить взять въ руки заряженное ружье и спустить курокъ.

Съ изступленнымъ отчаяніемъ защищалась толпа турокъ на батареѣ внутри редута.

Рѣзня прекратилась съ пріѣздомъ графа Шувалова. Генералъ плакалъ отъ радости. Цѣловалъ всѣхъ офицеровъ, благодарилъ всѣхъ и не мало удивлялся, какимъ образомъ попали сюда саперы.

Играли сборъ. Скоро все пришло въ порядокъ, части собирались къ своимъ знаменамъ, выстраивались, составляли ружья. При обстановкѣ въ данную минуту приходилось испытывать странное чувство. Какъ сквозь сонъ представляется оно теперь. Пробыть почти цѣлый день подъ огнемъ, да еще въ первый разъ въ жизни, видѣть сотни раненыхъ, умирающихъ, убитыхъ людей, ожидать каждую минуту, что самого отправятъ къ праотцамъ,—и затѣмъ, видѣть себя живымъ, врага уничтоженнымъ, сознавать долгъ свой исполненнымъ!

Забили тревогу. Послышались команды, въ ружье! Распространился слухъ, что турки наступаютъ. Скоро все успокоилось. Заиграли отбой. Составили ружья. Тревогу надѣлалъ казакъ, сообщившій, что въ рощѣ турки. Тамъ, дѣйствительно, оказалось нѣсколько турокъ, которые при приближеніи казаковъ начали стрѣлять. Ихъ скоро забрали.

Съ редута я отправился на перевязку. Главный перевязочный пунктъ находился въ д. Чириково. Туда было не менѣе трехъ верстъ, а потому я остался на передовомъ пунктѣ у стоговъ. Работа тамъ кипѣла, То и дѣло приносили раненыхъ. Имъ оказывали первую помощь и, если были свободные носильщики, сейчасъ же относили въ Чириково. Фельдшеръ Павловскаго полка перевязалъ мнѣ ногу. У стоговъ ночевало болѣе ста человѣкъ раненыхъ. Ихъ поили чаемъ, клали на сѣно, сверху также прикрывали сѣномъ. Ночь была морозная. Далеко за полночь ходили санитары по полю битвы, отыскивая раненыхъ.

До самого утра била лихорадка. Заснешь. Свиститъ вѣтеръ, кажется—пули. Проснешься,—раненые стонутъ, у костра кого нибудь перевязываютъ. Ночью болѣе тридцати человѣкъ заснули навсегда! Утромъ пошелъ къ батальону на редутъ. Трупы убитыхъ начинали убирать. Отъ кустовъ до редута не было мѣста, гдѣ бы не видно было слѣдовъ вчерашняго боя: лежали трупы, стояли лужи запекшейся крови, валялись окровавленныя шинели, мундиры, шапки, сухарныя сумки и оружіе. Особенно много труповъ лежало у кучъ хвороста. При постройкѣ укрѣпленій турки оголяли мѣстность на большое протяженіе. Срубленные кусты они наваливали кучами, которыя служили имъ мѣтками при стрѣльбѣ. Цѣпь атакующаго, желая найти себѣ какое нибудь закрытіе отъ огня, очень часто пользовалась этими кучами. А тутъ-то и была самая вѣрная смерть!

Въ Дубнякѣ роты уже не было. Она ушла на постройку оборонительной позиціи къ сторонѣ Телиша. Я полюбопытствовалъ осмотрѣть редутъ.

Мѣсто для постройки редута выбрано безукоризненно. Командуя надъ всей прилежащей мѣстностью, онъ обстрѣливалъ на большое протяженіе Софійское шоссе, а равно и грунтовую дорогу на Тетевенъ, по которой турки доставляли изъ Софіи въ Плевну все необходимое послѣ того, какъ нашей кавалеріей были разрушены на шоссе мосты у селъ Луковицы и Радомирцы Редутъ, построенный на возвышенности, охватывалъ своими четырьмя фасами вершину, на которой находилась батарея на два орудія, представлявшая роль кавальера. Вообще на кавальерахъ турки, кажется, помѣшаны. Если они строили редуты и на ровномъ мѣстѣ, то задавали себѣ гигантскій трудъ воздвигнуть кавальеръ изъ приносной земли. Не представляя никакихъ особенныхъ выгодъ обороняющемуся, онъ служилъ прекрасною цѣлью артиллеріи атакующаго,—12-го октября одно изъ орудій, стоявшихъ на батареѣ, было подбито чуть-ли не первой гранатой.

Внутреннее пространство редута было достаточно, чтобы вмѣстить отрядъ тысячъ въ восемь. Брустверъ, высотою болѣе 10-ти футовъ и толщиною около трехъ саженъ, хорошо прикрывалъ внутреннее пространство. За банкетомъ шелъ внутренній ровъ, должно быть, для помѣщенія резервовъ въ моментъ сильнаго развитія огня по редуту. За этимъ рвомъ—землянки для гарнизона, крытыя двускатной крышей изъ накатника, обложенныя хворостомъ и засыпанныя сверху землей.

Видно, турки готовились зимовать здѣсь. Вообще, редутъ былъ постройкой временною, требовалъ для насыпки не одну тысячу рабочихъ и по крайней мѣрѣ 10 дней времени. Воздвигать подобныя постройки туркамъ не трудно: сгонятъ болгаръ съ цѣлаго округа и заставятъ работать; кто работаетъ плохо,—расправа коротка,—повѣсилъ и дѣлу конецъ. Въ глубокомъ наружномъ рвѣ валялась масса труповъ. Внутри редута положительно не было живаго мѣста. Тутъ были трупы людей, лошадей, рогатаго скота и даже гусей. Мѣстами лежали кучи обезображеннаго, исковерканнаго мяса. Большинство труповъ было слѣдствіемъ артиллерійскаго огня. Были такіе, у которыхъ одна половина головы въѣхала въ другую, были съ оторванными руками, ногами, съ вывороченными внутренностями. Нашихъ убитыхъ на редутѣ было сравнительно очень мало. У одного изъ шалашей, среди обгорѣлыхъ турокъ лежали гренадеръ и измаиловецъ, проткнувшіе другъ друга штыками. Вѣроятно, среди хаоса, въ темнотѣ и дыму приняли другъ друга за турку. На батареѣ, гдѣ горсть турецкихъ храбрецовъ защищалась до послѣдней возможности, лежалъ на спинѣ, съ откинутыми руками, со скатаннымъ пальто подъ головой, въ растегнутомъ мундирѣ, съ запекшейся и уже почернѣвшей раной,—красавецъ, высокаго роста, здороваго тѣлосложенія—офицеръ Измайловскаго полка. Выраженіе лица спокойно, какъ будто не убитъ, а отдыхаетъ. Богатырь, да и только! А выше на

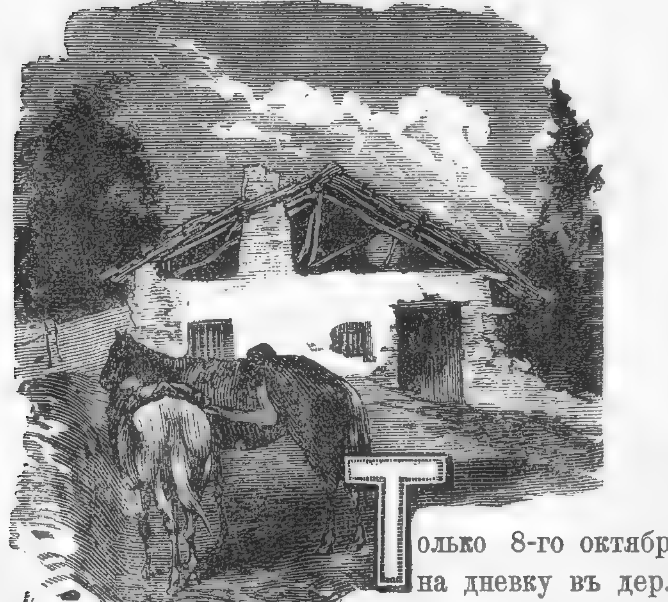
самомъ брустверѣ, ухвативши руками ятаганъ, лежитъ фельдфебель того-же полка съ головой, размозженной прикладомъ.

Съ редута поплелся къ ротѣ. У шоссе были выкопаны большія могилы и отдѣльная для офицеровъ. Дно могилъ устилали вѣтвями. Тѣла убитыхъ клали въ рядъ, другъ подлѣ друга. Вмѣсто савана, каждаго покрывали палаточнымъ полотнищемъ.

Деньщикъ раздобылъ мнѣ какую-то хромую лошаденку. Не дождавшись отпѣванія павшихъ героевъ, я поѣхалъ на работу.

Участникъ (подпоручикъ Соколовичъ).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОХОДѢ.



Только 8-го октября нашъ полкъ пришелъ на дневку въ дер. Боготъ.

Ходили слухи, что весь гвардейскій корпусъ сосредоточивается гдѣ-то въ окрестностяхъ Плевны, съ цѣлью оперировать противъ укрѣпленныхъ позицій вдоль Софійскаго шоссе, обезпечивавшихъ туркамъ свободное сообщеніе съ обложенной арміей Османа-паши. Желѣзное кольцо около Плевны, только тогда дѣлалось дѣйствительно кольцомъ, когда блокирующая армія, ставъ твердой ногой на Софійскомъ шоссе, окончательно преградитъ подвозъ жизненныхъ и боевыхъ припасовъ, до сихъ поръ безпрепятственно посылавшихся Осману-пашѣ по этому пути изъ внутреннихъ областей Турціи.

Боготъ — длинная деревня, имѣющая во внѣшнемъ своемъ видѣ общій характеръ всѣхъ болгарскихъ деревень. Съ высокаго пригорка, гдѣ былъ расположенъ бивуакъ полка, можно было видѣть по направле-

нію къ Плевно рядъ холмовъ, въ перемежку съ глубокими оврагами, по скатамъ и на днѣ которыхъ, бѣлѣли палатки лагерей и стояли ряды парковыхъ повозокъ.

Изрѣдка раздавались выстрѣлы изъ орудій; въ сильный бинокль можно было различить кой-гдѣ наши батареи.

Въ октябрѣ стояли ясные, солнечные дни, напоминавшіе осень у насъ въ Малороссіи, по ночамъ морозило, и въ нашихъ tente-abri утренній холодокъ давалъ себя сильно чувствовать.

9-го числа было отдано приказаніе нижнимъ чинамъ, ранцы и запасные сапоги оставить въ Боготѣ, сдавъ ихъ особой командѣ, назначенной для ихъ охраненія; смѣна бѣлья помѣщалась въ башлыкѣ, который вмѣстѣ съ котелкомъ надлежало подвязать къ скатанной шинели, носимой черезъ плечо. Указанная мѣра имѣла цѣлью облегчить тяжелую ношу нашего солдата и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать ему возможность взять съ собой большее количество сухарей.

Въ этотъ день мнѣ удалось видѣть полки доблестной 16-й пѣхотной дивизіи, которымъ генералъ Скобелевъ 2-й дѣлалъ смотръ, невдалекѣ отъ нашего бивуака, пропуская ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ подъ звуки хора музыки.

10-го октября мы выступили по направленію къ дер. Эски-Баркачъ, въ первый разъ дѣлая переходъ съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей и, какъ-бы готовясь встрѣтить непріятеля, тамъ, гдѣ ширина пути позволяла, шли во взводныхъ колоннахъ изъ середины, съ нами вмѣстѣ двигалась артиллерія. Близь деревни Ралево, замѣчательной своимъ мѣстоположеніемъ у подножія крутыхъ обрывовъ, стояла бивакомъ 3-я гвардейская пѣхотная дивизія (за исключеніемъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, находившагося въ этотъ день на позиціи у дер. Медованъ).

Было уже совсѣмъ темно, когда мы пришли въ Эски-Баркачъ, и намъ представилось оживленное зрѣлище бивуака, большой массы войскъ, собранныхъ около этой деревни, оказалось, что здѣсь находятся уже 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, 2-я бригада нашей дивизіи съ ихъ артиллеріей и лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ.

Въ этотъ вечеръ намъ сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что гвардія, подъ начальствомъ генерала Гурко, начнетъ отсюда настунательное движеніе къ сторонѣ Софійскаго шоссе, а наша дивизія будетъ атаковывать укрѣпленную позицію у Горнаго-Дубняка.

Утромъ 11-го числа нашъ полкъ посѣтили: командиръ бригады баронъ Зедделеръ, графъ Шуваловъ и генералъ Гурко со свитой, гдѣ обращалъ на себя особенное вниманіе, украшенный 4-мя знаками отличія военнаго ордена, урядникъ князь Церетелевъ, о заслугахъ котораго во время перваго похода за Балканы, приходилось читать и слышать еще въ Петербургѣ.

Обаяніе недавняго еще, но уже громкаго боеваго опыта, звучный голосъ и импозантная манера говорить коротко, но вѣско, все это было причиной, что слова генерала Гурко, обращенныя имъ къ баталіонамъ полка и потомъ отдѣльно къ офицерамъ, произвели сильное впечатлѣніе. Мы узнали, что нашему полку достанется завтра славная доля атаковать непріятеля, находясь въ первой линіи; не скрывалось, что въ виду упорства, съ которымъ турки защищаютъ свои окопы, бросая изъ-за нихъ уже съ 2000 шаговъ на встрѣчу атакующему цѣлыя тучи пуль; задача наша будетъ трудная, но въ тоже время и достойная для того, чтобы имѣть случай оправдать высокое довѣріе къ намъ Государя Императора и ожиданія всей Россіи. Обращалось наше вниманіе на то, чтобы, послѣ занятія непріятельскихъ позицій, немедленно тамъ укрѣпиться и быть готовыми на случай, если Османъ-паша, узнавъ, что онъ отрѣзанъ отъ Софіи, вздумаетъ пробиваться въ этомъ направленіи. Обозъ оставлялся въ Эски-Баркачѣ, нижнимъ чинамъ приказано было раздать на руки 7-дневный запасъ сухарей, а офицерамъ предоставлялось взять съ собой для перевозки багажа и провизіи по 3 вьючныхъ животныхъ на баталіонъ.

Весь день 11-го прошелъ въ приготовленіяхъ къ бою: отдавались различныя приказанія, вязали фашины *), чистили ружья, получали провіантъ, писали письма на родину. Офицерскіе деньщики хлопотали объ уборкѣ всего лишняго багажа въ обозъ; съ собой возможно было взять только запасъ сухарей, чаю, сахару, немного закусокъ отъ маркитанта, особенно хорошо торговавшаго въ этотъ день **), да развѣ еще румынскій короткій полушубокъ и одѣяло, все это навьючивалось на магаровъ (мѣстное названіеословъ), которыми офицеры обзавелись послѣ перехода черезъ Дунай, въ виду того, что обозъ, при дурныхъ дорогахъ, никогда во время не поспѣвалъ на бивуакъ. Эти магары были живымъ протестомъ противъ людской молвы, обратившей названіе осла въ синонимъ крайней глупости и упрямства; кроткіе, услужливые и выносливые животные, отнюдь не лишенные смѣтливости, они были однако непріятны въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходило въ голову обнаруживать свой голосъ; рѣзкій крикъ одного подхватывался всѣми остальными и получался такой концертъ, что даже солдатики, при всемъ своемъ добродушіи, бѣжали принимать мѣры къ скорѣйшему прекращенію непрошеной музыки.

Часовъ въ 9 вечера мы легли спать, а въ половинѣ второго ночи были уже готовы къ выступленію и вскорѣ тронулись. Пройдя между

*) Эти фашины, которыхъ было и заготовлено по 75 штукъ на батальонъ, въ дѣло употреблены не были.

**) За фунтъ швейцарскаго сыру мы платили маркитанту $1^1/_2$ серебр. рубля, за бутылку водки—1 серебрянный рубль.

многочисленными бивуаками, мы вышли на широкую дорогу, окаймленную молодымъ лѣскомъ, которая привела насъ къ р. Видъ. На самомъ берегу стоялъ л.-гв. саперный батальонъ, выступившій еще въ 9 часовъ вечера, и окончившій исправленіе дороги и устройство спусковъ къ броду. При значительной ширинѣ р. Видъ не глубока въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее перешли въ бродъ: вода едва достигала до колѣнъ.

Когда нашъ батальонъ собрался и построился на противоположномъ берегу, скомандовано было зайти лѣвымъ плечомъ впередъ и лечь.

Было еще довольно темно.

Утренній холодокъ давалъ себя сильно чувствовать. Офицеры батальона бесѣдовали отдѣльными группами; солдатики улеглись за ружьями; разговоры велись въ полголоса; всякій невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ находился непріятель, съ которымъ черезъ нѣсколько часовъ придется имѣть дѣло. Знаетъ-ли онъ о нашемъ движеніи и о готовящейся атакѣ? Конечно знаетъ—служба лазутиковъ организована въ турецкой арміи превосходно; за нѣсколько дней передъ этимъ была произведена подробная рекогносцировка Горно-Дубнякской позиціи, которую непріятель не могъ не замѣтить а потому вѣрно находится на сторожѣ *). Очертанія окружающей мѣстности едва-едва обрисовывались неясными контурами на сѣровато-синемъ фонѣ неба; съ правой стороны выдѣлялась извилистой лентой р. Видъ, на темной зеркальной поверхности котораго отражались ярко-горѣвшіе костры, разведенные нашими аванпостами на противоположномъ правомъ берегу. Переднихъ батальоновъ полка (4-го, 3-го и 2-го) было не видно. Гдѣ-то глухо стуча колесами и побрякивая, двигалась артиллерія...

Торжественны были эти минуты, пережитыя наканунѣ разсвѣта того дня, который могъ быть послѣднимъ въ жизни всякаго изъ насъ. Каждый внутренно сознавалъ серьезность минуты, но мало кто высказывался; о возможностя быть убитымъ, раненымъ, если и говорилось, то какъ-то вскользь, не хотя и въ то же время съ нѣкоторымъ юморомъ. Толковали больше о томъ, какая роль можетъ выпасть на долю того или другого полка, можетъ-ли сдѣлать вылазку Османъ-паша и что мы будемъ ѣсть въ слѣдующіе дни. Въ то же время мысли незамѣтно для самого себя переносились на далекую родину...

А звѣзды становились все блѣднѣе и блѣднѣе. Рѣзче стали выдѣляться очертанія сосѣднихъ холмовъ. Вотъ и начало восхода солнца; первые лучи его, озаривъ мѣстность по лѣвую сторону Вида, упали на

*) Впослѣдствіи плѣнные офицеры, взятые въ редутѣ Горнаго-Дубняка, разсказывали, что они заранѣе знали и о нашемъ намѣреніи атаковать укрѣпленныя позиціи у Софійскаго шоссе и о томъ, что для этого назначены войска гвардіи.

*

линіи стройныхъ батальоновъ и блестящихъ орудій, въ молчаніи ожидавшихъ приказа двинуться въ бой.

Наконецъ, приказъ этотъ былъ отданъ. Наша бригада тронулась съ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: 4-й батальонъ, за нимъ, составляя 2-ю линію, 3-й и 2-й батальоны; правѣе въ такомъ же порядкѣ двигались 4-й, 3-й и 2-й батальоны л.-гв. Московскаго полка; въ промежуткѣ между полками шла артиллерія, резервъ бригады составляли нашъ 1-й баталіонъ и л.-гв. Саперный батальонъ. Лѣвѣе нашей бригады было видно наступленіе 2-й бригады.

Сначала мы шли по кукурузнымъ полямъ; на землѣ между толстыми и крѣпкими стеблями кукурузы попадались тыквы самыхъ разнообразныхъ формъ, употребляемыя въ этой мѣстности на выдѣлку разной домашней посуды.

Далеко на правомъ флангѣ послышалась ружейная перестрѣлка; вмѣстѣ съ тѣмъ стали доноситься отдаленные и рѣдкіе орудійные выстрѣлы со стороны Плевны. Но вотъ гдѣ-то и впереди раздался сухой трескъ ружейнаго выстрѣла, другой, третій; можно было предположить, что наша цѣпь увидѣла непріятельскіе сторожевые посты и открыла по нимъ рѣдкій огонь. Впереди лежащая мѣстность все еще закрывалась холмистыми возвышенностями. Подымаясь изъ лощинки на гребень холма, мы могли видѣть всякій разъ батальоны, наступающіе черными квадратами вправо и влѣво отъ насъ: можно было подумать, что находишься на Красносельскомъ военномъ полѣ, до такой степени движеніе войскъ было стройно, красиво и поражало сходствомъ съ обычными лагерными маневрами. Солнце свѣтило также ярко, какъ у насъ въ іюнѣ, обѣщая прекрасный осенній день. Желтыя поля кукурузы, слегка красноватая листва дубовыхъ деревьевъ, разбросанныхъ группами въ разныхъ мѣстахъ,—все это подъ лучами солнца давало общей картинѣ мѣстности свѣтлый веселый колоритъ.

Мы стали подходить къ молодому дубовому лѣску. Вдругъ впереди насъ раздался гулъ отдаленнаго выстрѣла изъ орудія, вмѣстѣ съ тѣмъ стало приближаться что-то пронзительно шипящее, завывающее, и это что-то глухо шлепнулось въ мягкій черноземный грунтъ влѣво отъ нашего батальона. Вслѣдъ затѣмъ съ лѣвой же стороны отъ насъ грянулъ выстрѣлъ изъ нашей 9-ти фунтовки, и первая граната съ шипящимъ визгомъ полетѣла въ невидимую еще намъ непріятельскую позицію. Другая турецкая граната упала почти на то же мѣсто какъ и первая и подобно ей не разорвалась.

Сходство съ маневрами начинало исчезать; передніе батальоны скрылись за лѣсомъ, ружейная перестрѣлка впереди обратилась въ неумолкаемую трескотню, напоминая звукъ стрѣльбы множества картечницъ.

Эта неистовая пальба—огонь турокъ; наши солдаты, пріученные беречь патроны, стрѣляютъ рѣдко и прицѣливаясь.

Грозные раскаты артиллерійскихъ выстрѣловъ повторялись все чаще и чаще; доносился и звукъ разрыва нашихъ снарядовъ.

Нашъ батальонъ сдѣлалъ захожденіе правымъ плечомъ впередъ и, дойдя до опушки лѣска, получилъ приказаніе остановится и лечь; правѣе насъ расположился л.-гв. саперный батальонъ.

Черезъ нѣсколько секундъ послышалось захлебывающееся шипѣніе гранаты, ближе, ближе и шагахъ въ 100 за нами брызнули вверхъ камни черной земли, за первой послѣдовала вторая, но опять таки ни та, ни другая не разорвалась. Изрѣдка посвистывали пули; нѣкоторыя на излетѣ безсильно падали на землю; одна изъ такихъ ударила въ ногу фельдфебеля 2-й роты, но сдѣлала только легкій оттискъ на кожѣ сапога.

Офицеры, собравшись въ кружокъ, обмѣнивались отрывочными фразами; И. К. А—дъ, верхомъ, какъ всегда спокойный и невозмутимый, смотрѣлъ съ пригорка въ бинокль; фонъ П. былъ необыкновенно серьезенъ и задумчивъ: съ обоими я говорилъ тутъ въ послѣдній разъ *). Можно-ли было думать въ эту минуту, что изъ 13 человѣкъ, составлявшихъ товарищескій кружокъ офицеровъ нашего батальона, черезъ нѣсколько часовъ останется на лицо только семеро!

Изъ опушки лѣса вышелъ капитанъ л.-гв. Московскаго полка Р. раненый въ руку; онъ направлялся къ перевязочному пункту.

Въ гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ кто-то застоналъ; тамъ потребовали носилки...

Въ отдаленіи, сквозь раскаты выстрѣловъ, послышалось „ура". Какой-то штабный офицеръ подскакалъ къ нашему батальону, крикнулъ „лейбъ-гренадеры взяли лѣвый флангъ позиціи" и помчался дальше вдоль опушки: шапки полетѣли къ верху и громкое „ура" было отвѣтомъ на радостную вѣсть о подвигѣ товарищей.

Вскорѣ послѣ этого раздалась команда командира полковника А. „встать" и 2-я и 3-я роты прямо, по ротно въ 2 линіи стройся". По окончаніи перестроенія 4-я рота, въ которой я былъ субалтернъ-офицеромъ, въ полуротной колонѣ, вышла на небольшую полянку; пули засвистали чаще и сильнѣе. Капитанъ Е. **) шелъ впереди роты, вдругъ

*) Полковникъ Иванъ Карловичъ Аспелундъ, командиръ 1-го батальона, и поручикъ фонъ-Пирвицъ, командовавшій 2-й ротой, были въ этотъ день тяжело ранены; первый скончался черезъ двѣ недѣли въ военномъ госпиталѣ № 69 въ Боготѣ, а второй умеръ въ ночь съ 12-го на 13-е октября во взятомъ у турокъ редутѣ.

**) Капитанъ Иванъ Ивановичъ Ермолаевъ, командиръ 4-й роты, былъ одинъ изъ числа 4-хъ офицеровъ нашего полка, отправившихся лѣтомъ въ Кавказскую армію и прикомандированныхъ тамъ къ Бакинскому полку 39-й пѣхотной дивизіи, съ которымъ

онъ оборачивается и, крикнувъ ослабѣвшимъ голосомъ „дурно, не могу идти, носилки“ направляется, пошатываясь, назадъ; на мундирѣ его показалась струйка крови; подбѣжавшій къ нему фельдфебель взялъ его подъ руку и повелъ на перевязочный пунктъ. Командованіе ротой пришлось принять мнѣ.

Пройдя полянку, вступили опять въ лѣсъ и тамъ легли на одной линіи съ 1-й ротой. Турки, догадываясь, что въ лѣсу должны находиться резервы, посылали туда буквально градъ пуль, съ пронзительнымъ свистомъ, пробивавшихъ себѣ путь сквозь вѣтви. Кой-гдѣ черезъ лѣсъ двигались раненые, нѣкоторые ползкомъ, пробираясь къ перевязочному пункту. Здѣсь я имѣлъ случай убѣдиться, насколько полезно имѣть въ ротахъ людей, обученныхъ элементарнымъ правиламъ перевязки ранъ и снабженныхъ матеріалами для этого: унтеръ-офицеръ 4-й роты Колошинъ, имѣвшій при себѣ косынки и бинты,—сдѣлалъ нѣсколько перевязокъ видимо ослабѣвшимъ отъ потери крови раненымъ, что безъ сомнѣнія облегчило ихъ страданія и поддержало силы. Въ нашей ротѣ также было уже нѣсколько человѣкъ ранено еще во время движенія въ лѣсу.

Желая посмотрѣть гдѣ-же наконецъ непріятель, какова его позиція и откуда онъ сыплетъ на насъ этотъ градъ пуль, я пошелъ впередъ со старикомъ фельдфебелемъ Ткаченко; вскорѣ мы выбрались на опушку лѣска, за которымъ слѣдовала обширная поляна, повидимому служившая прежде мѣстомъ лагерной стоянки, ибо во многихъ мѣстахъ ея виднѣлись квадратные валики для палатокъ; видно было также, по оставшимся пнямъ, что прежде опушка лѣска выдвигалась гораздо болѣе впередъ, причемъ правильное направленіе порубки давало возможность предположить, что она произведена турками съ обдуманной цѣлью—доставить мѣстности лучшій обстрѣлъ. Впереди можно было различить большое укрѣпленіе, очертанія котораго скрывались въ пороховомъ дыму; нѣсколько ближе и правѣе видно было другое, меньшей величины, укрѣпленіе, за которымъ, какъ за траверсомъ, укрывалось много нашихъ и Павловскихъ. 2-я и 3-я роты залегли, не доходя малаго укрѣпленія. Между лѣсомъ и непріятельскими окопами, на полянѣ, лежало множество людей, главнымъ образомъ солдатъ нашего полка, ненатуральныя позы которыхъ и неподвижное положеніе тѣла указывали на то, что они не встанутъ уже болѣе никогда, закончивъ славной смертью свою вѣрную и преданную службу Государю и отечеству. Нѣсколько впереди

имъ и пришлось участвовать въ походныхъ передвиженіяхъ отряда генерала Тергукасова. Получивъ извѣстіе о мобилизаціи гвардіи, они пожелали присоединиться къ своему полку, который и догнали уже въ Плоештахъ. Капитанъ Ермолаевъ въ іюнѣ 1878 года скончался отъ полученной имъ раны.

опушки подъ градомъ пуль стоялъ командовавшій полкомъ *), уже раненый въ ногу, и отдавалъ какія-то приказанія полковнику А., державшему передъ нимъ руку подъ козырекъ; невдалекѣ отъ нихъ, вытянувшись какъ на парадѣ, стоялъ фельдфебель роты Его Величества Лисовской **).

Черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ я возвратился назадъ къ ротѣ, послышался голосъ поручика М., командовавшаго 3-й ротой „ружье вольно, шагомъ маршъ"; надо было двинуться и намъ. Показавшись изъ лѣсу, одновременно съ 1-й ротой, мы навлекли на себя ожесточенный огонь изъ большаго укрѣпленія: пули съ визгомъ пронизывали воздухъ, нѣкоторыя ударялись въ землю и потомъ рикошетировали далѣе съ какимъ-то жалобнымъ тономъ ***), другія шлепались въ скатанныя шинели, въ мѣшки съ сухарями, обыкновенно не пробивая ихъ; иногда ухо различало ударъ пули во что-то мягкое, и вслѣдъ затѣмъ не рѣдко раздавался стонъ раненаго...

Командовавшій полкомъ указалъ мнѣ саблей направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести роту.

Мы продолжали наступленіе такимъ образомъ, что, пробѣжавъ шаговъ 30, ложились на землю; въ это время люди нѣсколько подбирались, затѣмъ новая перебѣжка и опять на землю. Но вотъ весьма памятный для меня моментъ. Послѣ цѣлаго ряда перебѣжекъ, находясь уже шагахъ въ 100 отъ малаго редута, подымаюсь съ земли, чтобы подвинуть роту еще впередъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую сильнѣйшій ударъ въ правую сторону груди, который меня моментально опрокинулъ на землю; въ то же мгновеніе я ощутилъ, что мнѣ какъ будто нечѣмъ вбирать въ себя воздухъ и сталъ задыхаться; — сознаніе однако не терялось: я слышалъ, какъ раненый солдатикъ Павловскаго полка, лежавшій невдалекѣ, сказалъ: „Ахъ-ты Господи, вѣдь наскрозь пронизало"; людямъ моей роты, подбѣжавшимъ ко мнѣ съ цѣлью поднять, я махнулъ рукой, чтобы они меня оставили. Конвульсивно измѣняя положеніе тѣла, я нѣсколько приподнялся на лѣвомъ боку и сейчасъ-же почувствовалъ, что мнѣ какъ будто легче дышать. Собравъ всѣ силы, я передвинулся, лежа, къ маленькому земляному бугорку, оперся на него лѣвымъ бокомъ, растегнулъ мундиръ и портупею, и это меня не много облегчило, хотя дышать было очень трудно и мучительно. Все тотъ же Павловскій солдатикъ — какъ теперь его вижу — рыжеватый съ добро-

*) Флигель-адъютантъ полковникъ, нынѣ свиты Его Величества генералъ-маіоръ, Любовицкій.

**) По отзывамъ всѣхъ очевидцевъ фельдфебель Никаноръ Лисовской выказалъ во время боя замѣчательную храбрость и распорядительность. Онъ былъ убитъ въ этотъ день осколкомъ гранаты въ голову, находясь уже у большаго редута.

***) Между солдатами распространено повѣрье, что пуля, которая такъ стонетъ, непремѣнно кого нибудь ранѣе убила.

душной миной, раненый въ ступню ноги, непремѣнно хотѣлъ мнѣ чѣмъ нибудь помочь; замѣтивъ у меня фляжку и предполагая вѣроятно, что тамъ вода, онъ налилъ оттуда въ крышку сильнѣйшаго коньяку и хотѣлъ мнѣ влить въ ротъ; я едва успѣлъ отвести его руку. Затѣмъ онъ сталъ мнѣ предлагать ползти на перевязочный пунктъ, говоря, что онъ будетъ меня „тянуть за ноги"; такъ какъ я и отъ этого отказался, то онъ, промолвивъ „дай Богъ счастливо оставаться, ваше б-діе", поползъ одинъ; но недалеко удалось уйти бѣднягѣ: взглянувъ черезъ нѣсколько времени въ ту сторону, я увидѣлъ его въ десяти шагахъ безъ движенія: изъ головы шла кровь... шальная пуля догнала и убила сразу.

Чувствуя, что кровь изъ раны идетъ очень сильно, я досталъ изъ кармана перевязочныя принадлежности, но перевязать себя не могъ: не хватило силъ поднять руки приподняться.

По немногу осматриваясь кругомъ, я увидѣлъ, что большое укрѣпленіе по прежнему окутано дымомъ и что къ нему направляются кучки людей, перебѣгая поляну и отъ времяни до времени ложась на землю. Наша артиллерія поддерживала сильный огонь, посылая туркамъ шрапнели, которыя красиво разрывались надъ самымъ укрѣпленіемъ, оставляя въ воздухѣ бѣлыя облачка дыма; слышно было какъ послѣ разрыва осколки разлетались съ своеобразнымъ какимъ-то дребезжащимъ стономъ. Турецкія орудія не отвѣчали болѣе. Ружейный огонь изъ укрѣпленія усиливался, если гдѣ нибудь показывалась хотя небольшая кучка нашихъ; въ разныхъ мѣстахъ пули щелкали, ударяясь въ землю, и было вѣроятно не мало нашихъ раненыхъ, которыхъ эти пули добивали. Не вдалекѣ отъ меня лицомъ внизъ, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ, руки почти по швамъ, лежалъ молодчина изъ 1-го отдѣленія роты Его Величества, убитый пулей въ лобъ; спокойное положеніе тѣла показывало, что смерть была мгновенная. Сквозь грохотъ выстрѣловъ, раздавались стоны и крики: „воды" „санитары"; раненые, сохранившіе силы, ползли къ опушкѣ лѣса.

Я лежалъ, находясь въ какомъ то удивительномъ настроеніи духа, равнодушно оглядывая все происходящее вокругъ и изрѣдка съ усиліемъ поднимая голову, чтобы лучше разсмотрѣть ходъ атаки. Мысль работала быстро, но создавались все какія-то отрывочныя представленія безъ всякой связи съ предъидущими; иногда мнѣ казалось, что я засыпаю, и я закрывалъ глаза, но новый залпъ орудій или пронзительный свистъ пули, ударившій во что нибудь по близости, заставлялъ вновь посмотрѣть, что дѣлается тамъ передъ этимъ дымящимся валомъ, надъ которымъ иногда ясно выдѣлялась сплошная красная полоска фесокъ; потомъ опять мысль начинала перескакивать съ одной темы на другую...

Сознаніе серьезности полученной раны и мучительныя ощущенія при вдыханіи воздуха въ первые моменты послѣ удара пули, все это

заставило тогда подумать о близкой смерти; но затѣмъ, какъ я уже сказалъ, мнѣ удалось случайно принять такое положеніе для груди, которое облегчило процессъ дыханія, и тогда идея о возможности скорой разлуки съ этимъ свѣтомъ меня совершенно покинула, замѣнившись состояніемъ, похожимъ на апатію. Нервы, послѣ сильнѣйшаго напряженія, какъ будто перестали работать; прислушиваясь къ грозному концерту боя и наблюдая его картины, я близко интересовался только однимъ вопросомъ: „скоро-ли и чѣмъ это все кончится".

Гвардейскій саперъ, ефрейторъ, ползкомъ подносившій своимъ патроны, остановился около меня, подложилъ мнѣ подъ голову мое пальто и сдѣлалъ легкую перевязку. Такъ прошелъ часъ, другой, третій... нѣсколько разъ я слышалъ крики „ура", но они слабѣли и обрывались, заглушаемые неистовымъ ружейнымъ огнемъ изъ укрѣпленія, откуда вслѣдъ за тѣмъ раздавалось „алла". Солнце стало склоняться къ закату, а дѣло все еще не было рѣшено. Со стороны Плевны все время слышались глухіе раскаты артиллерійскихъ залповъ. Но вотъ опять поднялась усиленная ружейная трескотня изъ укрѣпленія; невольно пришло въ голову, не хотятъ-ли турки перейти въ наступленіе; не сомнѣваясь въ участи, которая могла меня ожидать въ подобномъ случаѣ, я кое-какъ досталъ свой револьверъ и положилъ его около себя... Оказалось однако, что подходило подкрѣпленіе—Измайловскій полкъ; вскорѣ я увидѣлъ вблизи себя флигель-адъютанта полковника К., къ которому собирались люди его батальона для участія въ новой атакѣ. Одинъ изъ Измайловцевъ, по моей просьбѣ, снялъ съ убитаго шинель и прикрылъ ею меня, такъ какъ становилось свѣжо.

Черезъ нѣсколько времени вновь послышался крикъ „ура", сначала слабый, а потомъ дѣлавшійся все громче и громче: въ разныхъ мѣстахъ горнисты и барабанщики ударили „атаку" и видно было какъ со всѣхъ сторонъ наши побѣжали къ редуту. Внезапно стрѣльба почти замолкла и грянуло радостное продолжительное „ура". Ясно было, что укрѣпленіе взято, и мы, слѣдовательно, одержали полную побѣду *).

---

*) Сообщаю въ краткихъ чертахъ со словъ товарищей-очевидцевъ эпизодъ взятія большаго редута.

Послѣ отбитія малаго редута, около него собрался весь нашъ полкъ и 2-й баталіонъ л.-гв. Павловскаго полка; сюда же примкнули лѣвымъ флангомъ л.-гв. Московскій полкъ и правымъ—л.-гв. Павловскій и Финляндскій полки. Затѣмъ начался рядъ перебѣжекъ отдѣльными кучками и въ одиночку по направленію къ большому редуту; это пространство въ 100—150 шаговъ между обоими укрѣпленіями долгое время служило ареной подвиговъ храбрости и самоотверженія офицеровъ и солдатъ, перебѣгавшихъ его подъ страшнымъ градомъ пуль закрытаго валомъ непріятеля, огонь котораго на такой близкой дистанціи былъ и частъ, и крайне мѣтокъ. Много, очень много храбрыхъ пало на этой небольшой площадкѣ! Наши стрѣлки, засѣвшіе въ маломъ редутѣ, ясно различали красныя фески турокъ, показывавшіяся за валомъ и били буквально на выборъ, стрѣляя рѣдко, но

Ко мнѣ прибѣжали люди моей роты и между прочимъ сообщили, что „его много забрали“. Все тотъ-же унтеръ-офицеръ Колошинъ, раненый въ руку, но не оставлявшій строя, перевязалъ мнѣ грудь косынкой.

Уже стемнѣло. Начали разсуждать нести-ли меня немедленно на шинели, или подождать пока гдѣ нибудь отыщутся носилки. Я предпочелъ первое и меня понесли на полотнищѣ отъ палатки, причемъ четверо взялись за углы, а нѣсколько человѣкъ шли по сторонамъ для смѣны и выбора удобнѣйшаго пути. Эта переноска, въ полусидячемъ положеніи, была для меня весьма утомительна; людямъ было неловко нести, они шли неровно, и черезъ каждые 10—15 шаговъ я просилъ остановиться и дать мнѣ отдохнуть. Куда нести—никто въ точности не зналъ; кто-то крикнулъ, наконецъ, чтобы несли въ д. Чириково. Не скоро еще нашли туда дорогу; гдѣ-то достали носилки и тогда транспортировка сдѣлалась для меня менѣе мучительной. Впереди также несли кого-то на носилкахъ: оказалось полковника А. тяжело раненаго. Длиненъ показался этотъ путь (отъ Горнаго-Дубняка до Чирикова верстъ 7). Уже ночью вошли мы, или правильнѣе сказать, внесли меня въ деревню; на улицахъ стояла суматоха—двигались солдаты, санитары, доктора... Подошли къ одной хатѣ, оказалось, что она уже вся наполнена ранеными офицерами; наконецъ подошедшіе студенты указали свободный домикъ, куда меня и внесли. Это была бѣдная болгарская мазанка въ одну комнату; въ очагѣ горѣлъ огонь, слабо освѣщая убогую обстановку; подъ потолкомъ висѣла разная посуда, выдѣланная изъ тыквъ. Явилась семья болгаръ-хозяевъ и, окруживъ носилки, стала выражать свои сожалѣнія...

При мнѣ добровольно остались двое рядовыхъ; стараясь всячески услужить, они условились между собою по очереди дежурить ночью *).

мѣтко: впослѣдствіи оказалось, что большинство убитыхъ турокъ, найденныхъ лежавшими за этимъ фасомъ, было поражено именно въ голову и въ шею. Этотъ мѣткій огонь стрѣлковъ много поддерживалъ дальнѣйшія перебѣжки. Такимъ путемъ во рву большаго редута постепенно собирались люди нашего и сосѣднихъ полковъ; здѣсь враги были отдѣлены одинъ отъ другаго только валомъ, и вѣрная смерть ждала всякаго неосторожно поднявшаго голову надъ этимъ закрытіемъ. Хватали непріятеля за ружья, бросали въ него пескомъ... Находясь уже во рву, былъ контуженъ офицеръ нашего полка капитанъ З. Подошли еще измайловцы. Наконецъ, дружное „ура“, и наполнявшая ровъ толпа людей разныхъ полковъ вскочила на брустверъ. Всѣ появившіеся на бруствера первыми, если только можетъ быть рѣчь о первыхъ тамъ, гдѣ вся масса, по подготовленному ходомъ дѣла и отдѣльными личностями согласію, бросилась на валъ,—всѣ эти первые, легли нашими послѣдними жертвами въ бою подъ Горнымъ-Дубнякомъ. Дальнѣйшее сопротивленіе турокъ внутри редута было незначительно: они поспѣшили выкинуть бѣлый флагъ.

*) Минувшая война доказала, что въ нашихъ войскахъ между офицерами и солдатами существуетъ прочная нравственная связь. Много было случаевъ, гдѣ нижніе чины оказывали подвиги самоотверженія, имѣвшіе цѣлью спасти своихъ офицеровъ. Приведу одинъ изъ нихъ въ тѣхъ словахъ, въ какихъ онъ описанъ въ приказѣ лейбъ-гвардіи

Пришелъ нашъ дивизіонный докторъ и, узнавъ что кровь остановилась, и я не жалуюсь на сильныя страданія, рѣшилъ не безпокоить меня и оставить подробный осмотръ раны и перевязку до утра.

Я чувствовалъ страшную жажду; солдатики сварили въ манеркѣ чаю и, за неимѣніемъ ложки, стали вливать мнѣ въ ротъ какимъ-то черепкомъ. При первой-же попыткѣ сдѣлать глотокъ, я долженъ былъ отказаться отъ повторенія ея, по причинѣ сильной боли въ груди. Ночью я спалъ и довольно порядочно; рано утромъ послышались ружейные выстрѣлы, оказалось, что кто-то охотился за турецкими гусями. Послѣ правильной перевязки, наложенной мнѣ докторомъ В., я почувствовалъ значительное облегченіе. Не смотря на сомнѣвающіяся мины посѣщавшихъ меня въ этотъ день врачей и студентовъ, во мнѣ укоренилась увѣренность, что полученная рана не отправитъ меня на тотъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Отъ докторовъ я узналъ о потеряхъ, понесенныхъ нашимъ полкомъ: онѣ были очень велики *). Черезъ открытую дверь домика я видѣлъ массу турецкихъ

Гренадерскому полку отъ 12-го октября 1878 года. „12-го октября 1877 года, въ дѣлѣ подъ Горнымъ-Дубнякомъ, во время штурма, направленнаго на большой редутъ, когда поручикъ Моисеевъ былъ раненъ въ правое плечо и упалъ, потерявъ сознаніе, рядовой 3-й роты Прокофій Чаплыгинъ, не растерявшійся ни на минуту, схватилъ его за руку и протащилъ шаговъ 50, вынеся изъ сферы самаго убійственнаго огня. Выбившись совершенно изъ силъ, Чаплыгинъ положилъ раненаго на землю, а самъ легъ рядомъ, спиной къ редуту, прикрывая указаннаго офицера своимъ тѣломъ. Въ такомъ положеніи, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, на совершенно открытой мѣстности, онъ сдѣлалъ поручику Моисееву первую перевязку и оставался, прикрывая его съ 11 часовъ утра до конца боя". За такой доблестный подвигъ рядовой Чаплыгинъ награждается знакомъ отличія военнаго ордена".

Не могу не вспомнить также съ благодарнымъ чувствомъ, отношенія нижнихъ чиновъ ко мнѣ, послѣ боя 12-го октября, когда они, по собственной инціативѣ, немедленно пошли меня отыскивать и затѣмъ заботливо и осторожно несли 7 верстъ ночью, будучи сами крайне измучены физической и нравственной усталостью и не успѣвъ еще ничего поѣсть съ 9 час. вечера предъидущаго дня. Двое изъ нихъ, Князевъ и Дубравинъ, оставшіеся при мнѣ на ночь, ухаживали за мной какъ няньки. Деньщики также не рѣдко подвергали свою жизнь опасности, пробираясь подъ выстрѣлами на поле сраженія къ своимъ раненымъ или убитымъ офицерамъ. Такъ поступилъ, между прочимъ, 12-го октября деньщикъ подпоручика С., раненаго въ обѣ руки и въ ногу.

*) Лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ выступилъ изъ Петербурга въ слѣдующемъ составѣ:

Штабъ и оберъ-офицеровъ	52
Строевыхъ нижнихъ чиновъ	3,150
Нестроевыхъ	251

Въ сраженіи подъ Горнымъ-Дубнякомъ убыло:

	Убито.	Ранено и контужено.
Штабъ и оберъ-офицеровъ	3	31
Нижнихъ чиновъ	310	592

плѣнныхъ, доставленныхъ сюда изъ подъ Горнаго-Дубняка и окруженныхъ цѣпью нашихъ часовыхъ.

14-го октября меня перенесли въ общую палатку такъ-называемаго летучаго отряда отъ лазарета Государыни Цесаревны. Изъ офицеровъ нашего полка тамъ лежалъ въ этотъ день только поручикъ Григорьевъ (командовавшій 8-й ротой), тяжело раненый и скончавшійся на другой день, все время не приходя въ сознаніе. Невдалекѣ отъ главнаго шатра виднѣлись шалаши, гдѣ тоже лежали раненые, а нѣсколько дальше—рядъ большихъ палатокъ, составлявшихъ лазареты 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій.

Съ этого момента началась для меня жизнь среди новой обстановки: среди перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей. Эта обстановка описана

Изъ числа раненыхъ офицеровъ пятеро черезъ нѣсколько дней скончались.

Итого Лейбъ-Гренадерскій полкъ потерялъ 12-го октября выбывшими изъ строя около трети нижнихъ чиновъ и болѣе половины офицеровъ.

Общія потери, понесенныя нашими войсками въ сраженіи подъ Горнымъ-Дубнякомъ, относительно велики, но въ результатѣ была побѣда болѣе важная, по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ мы даже сначала предполагали. Отнынѣ прекращался окончательно подвозъ въ Плевну всякаго рода жизненныхъ и военныхъ припасовъ, армія Османа-паши была блокирована, и сдача ея 28-го ноября была бы немыслима безъ предварительнаго взятія позиціи у Горнаго-Дубняка.

Приходится нерѣдко слышать, что потерь, понесенныхъ 12-го октября, можно было-бы избѣжать, дѣйствуя одной артиллеріей, причемъ указываютъ на взятіе Телиша 16-го октября, достигнутое такимъ путемъ. Но надобно замѣтить, что артиллерія, мѣтко дѣйствуя по хорошо устроеннымъ землянымъ веркамъ, наноситъ относительно весьма малый вредъ, укрытымъ въ нихъ войскамъ, что показалъ и примѣръ Плевны; затѣмъ, если Телишъ и сдался послѣ обстрѣливанія его въ теченіи нѣсколькихъ часовъ артиллеріей, то это не потому, чтобы тамъ нельзя было больше держаться вслѣдствіе потерь, а оттого, что защищавшій его Измаилъ-паша счелъ это излишнимъ „коль скоро его начальникъ Хивзи-паша сдался 12-го“. Дѣйствіе только одной артиллеріи по отлично устроенному и снабженному всѣмъ необходимымъ Горно-Дубнякскому редуту несомнѣнно затянуло-бы дѣло на долго (защитники его доказали, что у нихъ болѣе доблестей, чѣмъ впослѣдствіи оказалось у Измаила-паши) и возможно, что для ускоренія дѣла пришлось-бы прибѣгнуть къ тому-же дорого стоющему штурму. А кто знаетъ можетъ быть лишняя проволочка времени дала-бы возможность Осману-пашѣ приготовиться, чтобы, сознавая опасность быть отрѣзаннымъ, сдѣлать немедленно то, на что онъ рѣшился лишь 28-го ноября.

Въ заключеніе скажу, что изъ офицеровъ нашего полка, за отличіе въ бою 12-го октября, награждены орденомъ св. Георгія 4-й степени:

1) Капитанъ Засуличъ, который, командуя 2-мъ баталіономъ, взялъ малый редутъ, будучи при этомъ контуженъ; 2) поручикъ Мачеваріановъ и 3) подпоручикъ Шейдеманъ: оба, увлекая за собой нижнихъ чиновъ, первыми вскочили на валъ редута, получивъ при этомъ тяжкія раны, отъ которыхъ подпоручикъ Шейдеманъ черезъ мѣсяцъ скончался.

Золотую саблю, съ надписью „за храбрость“ получилъ капитанъ Павловскій, исправлявшій должность полковаго адъютанта; во время передачи подъ сильнѣйшимъ огнемъ приказаній командира полка, подъ нимъ была убита лошадь; самъ же онъ участвовалъ потомъ въ штурмѣ большаго редута, но остался цѣлъ и невредимъ.

уже многими и поэтому я не буду о ней говорить въ этомъ очеркѣ, хотя личный опытъ и наблюденія доставили мнѣ много данныхъ для описанія цѣлаго ряда нашихъ полевыхъ госпитальныхъ учрежденій на пути между Чириковымъ и Россіей.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить мою глубочайшую благодарность докторамъ Гаусману и Янковскому, завѣдывавшимъ летучимъ лазаретомъ въ Чириковѣ, и доктору Гену, старшему врачу въ этапѣ Государыни Цесаревны. Трудно себѣ представить всю заботливую внимательность къ раненымъ и серьезное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лишенное неумѣстнаго формализма, отношеніе къ дѣлу, которое выказывалось какъ самимъ докторомъ Геномъ, такъ и его подчиненными врачами, студентами и сестрами милосердія (Крылова и Эберштейнъ) *). Пробывъ въ лазаретѣ Государыни Цесаревны въ Боготѣ около двухъ недѣль, я оставилъ его съ убѣжденіемъ, что это идеалъ полеваго госпиталя **). Единогласные отзывы множества раненыхъ и больныхъ указываютъ, что молодое еще учрежденіе, Общество Краснаго Креста, оказалось на высотѣ своей задачи; были можетъ быть и промахи въ его дѣятельности, они даже должны были быть какъ результатъ отсутствія широкаго предварительнаго опыта, но можно смѣло сказать, что всякій офицеръ и солдатъ, которому пришлось пользоваться заботами учрежденій Общества Краснаго Креста, вынесъ оттуда самое отрадное воспоминаніе и не разъ сказалъ его дѣятелямъ русское сердечное спасибо.

П — овъ.

---

*) Прислугу въ этомъ образцовомъ лазаретѣ составляли ученые санитары, добровольно посвятившіе себя уходу за ранеными и больными, и прослушавшіе предварительно въ Петербургѣ особый курсъ. У меня остались въ памяти имена двухъ изъ нихъ, выдѣлявшихся своимъ усердіемъ: одинъ Карповъ, бывшій раньше парикмахеромъ гдѣ-то на Невскомъ, другого всѣ звали Иванъ Ивановичемъ; этотъ послѣдній служилъ прежде прикащикомъ въ мѣховомъ магазинѣ, кажется, гдѣ-то на Офицерской.

**) Мнѣ пришлось пробыть только два дня въ Евангелическомъ госпиталѣ въ Систовѣ, но этого короткаго срока было достаточно, чтобы вынести и оттуда самое пріятное впечатлѣніе: домашняя обстановка, рѣдкая чистота и порядокъ, заботливый и внимательный уходъ не оставляли желать ничего лучшаго.

ШАНДОРНИКЪ.

Лѣвый флангъ Арабконакской позиціи.

орный-Дубнякъ занятъ, Плевна, лишенная внѣшняго питанія, должна была жить на собственныя средства. Прервана питательная струя, въ видѣ неизмѣримаго обоза пищи, одежды и оружія, двигавшагося по Софійскому шоссе. Часть этой огромной струи, бывшая между Этропольскимъ Балканомъ и Плевной, получивъ обратное теченіе, слилась въ Орханійской долинѣ, образовавъ значительное питательное озеро (Врачешскіе склады).

Съ постановкой батарей гвардейскаго корпуса Плевна замкнута желѣзнымъ кольцомъ. Помню я день, когда турки, оставивъ свою послѣднюю укрѣпленную позицію со стороны Софіи (Дольній-Дубнякъ), ушли въ Плевну, а мы немедленно по ихъ стопамъ, передвигая наши передовыя линіи, заняли позиціи подъ Плевной.

Во время этого передвижнія я со своимъ взводомъ былъ въ передовой цѣпи. По снятіи орудій съ передковъ на указанной мнѣ позиціи (для батареи, въ которой я служу) мои люди, сгрупировавшись у орудій, долго осматривали окрестности Плевны. Въ это время одинъ изъ нихъ, наведя орудіе на мостъ, переброшенный черезъ р. Видъ, сказалъ:

— Ну, ребята, теперь Османкѣ шабашъ, — долго онъ, проклятый, шпарилъ насъ изъ сего котла, пусшай-же теперь самъ тамъ варится!

И дѣйствительно: тамъ, гдѣ проводила въ настоящую кампанію артиллерія линіи своихъ батарей, тамъ былъ конецъ дальнѣйшаго движенія непріятеля, тамъ онъ разшибалъ себѣ лобъ. Османъ прорвалъ всѣ линіи пѣхоты, дошелъ до батарей, но дальше не пошелъ.

Но не долго намъ пришлось быть звеньями этой великой цѣпи—насъ (т. е. гвардейскій корпусъ) смѣнили гренадеры.

Мы двинулись по Софійскому шоссе. По взятіи Правца и Этрополя, Этропольскій Балканъ преградилъ намъ путь.

До Балканъ мнѣ и моимъ товарищамъ не приходилось быть въ огнѣ. Мы были ужасно недовольны, что нашей части такъ долго не приходится принять участіе въ дѣлѣ. Но мы не знали, на кого быть недовольнымъ.

Каждое новое возможное движеніе въ нашемъ отрядѣ сильно возбуждало насъ, такъ какъ являлась возможность намъ, какъ небывшимъ еще въ дѣлѣ, принять въ немъ участіе. При этомъ, мы мысленно ставили себя въ различныя обстановки и обстоятельста, и мысленно рѣшали ихъ.

Такое продолжительное стремленіе войти въ дѣло, собирало внутри насъ большой запасъ работы—точно электризовало насъ, и дѣйствительно, каждый изъ насъ походилъ на электрическую машину, которая съ каждой ей сообщаемой искрой получаетъ все большій и большій запасъ электричества.

Точно умышленно сберегали нашъ запасъ работы, чтобы постепенно расходовать ее въ предстоящей продолжительной и тяжкой борьбѣ съ природой и непріятелемъ. Насъ не хотѣли разрядить въ видѣ большой эфектной искры, а употребили другой способъ, способъ разряженія посредствомъ малыхъ по величинѣ, но значительныхъ по количеству искръ.

Не знаю, было-ли это сдѣлано случайно или умышленно, но во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ дальше, это было сдѣлано разумно.

И такъ, почти весь отрядъ генерала Гурко въ окрестностяхъ г. Этрополя.

Готовятся къ переходу Этропольскаго балкана.

Съ этого времени (въ средн. числахъ ноября) точно силы природы соединились съ турками за одно противъ насъ.

Выпалъ снѣгъ, который вскорѣ растаявъ, обратилъ значительный слой поверхности въ слизистую грязь. Какъ ни старался солдатъ счищать грязь, чтобы добраться до сухого слоя—ему это не удавалось и волей не волей пришлось прійдти въ непосредственное соприкосновеніе съ мокрымъ слоемъ; о подстилкѣ и разговору не было—достать ее, имѣющимися средствами, не было возможности. Оставалось одно, смириться съ этимъ, и смирились; скоро мы перестали чувствовать неудобство грязи—она для насъ какъ будто не существовала.

Обозы наши еще не подошли, вторые сапоги съ ранцами, по приказанію, оставлены въ Боготѣ, сухари еще только подвозятся. Но Гурко ужъ мысленно овладѣлъ громаднымъ питательнымъ складомъ подъ Врачешами и его будто бы не безпокоило вышесказанное.

Генералу Дандевилю отдается приказаніе немедленно овладѣть Врачешскимъ переваломъ.

Кругомъ насъ одни лишь горы, покрытыя чуднымъ вѣковымъ букомъ. Этотъ чудный, еще почти никѣмъ не тронутый боръ съ какимъ-то недовѣріемъ глядѣлъ на насъ. По временамъ онъ тяжко ревелъ, но не гроза звучала въ этомъ ревѣ, а мольба пощадить и не вносить въ нѣдра его, его вѣковаго врага—сѣкиры.

Дорогъ не видно нигдѣ; всѣ тропы искустно скрылъ лѣсъ, точно предчувствуя, что человѣкъ воспользуется ими, и проникнувъ посредствомъ ихъ въ нѣдра его, погубитъ многихъ сыновъ его.

Трудно было себѣ представить куда и какъ пойдемъ мы, а тѣмъ болѣе повеземъ свои орудія.

Но въ томъ-то и дѣло, что не все такъ страшно, какъ покажется съ перваго раза.

15-го ноября Дандевиль выступилъ со своимъ отрядомъ (2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи, 2 орудія 9-ти фунт. л.-гв. 1-й арт. бригады, 2 орудія 16-й конной батареи Екатериненскаго драгунскаго полка) изъ города Этрополя. Мы ужь слышали, что 14 ноября преображенцы ходили къ редуту, но атаковать его не рѣшились (не находя возможнымъ на это рѣшиться безъ артиллеріи).

Каждый изъ насъ понималъ, какое важное значеніе имѣло для насъ занятіе перевала и каждый понималъ, съ какими трудностями это сопряжено.

Вотъ почему съ уходомъ Дандевиля мы съ величайшимъ вниманіемъ ловили малѣйшіе звуки, носившіеся въ воздухѣ.

15-го ноября полная тишина!

16-го чудный ясный денв—мертвая тишина.

— Что бы это значило?

— Передъ бурей затишье, говорили одни.

— Быть грому великому, отвѣчали другіе.

Около 3-хъ часовъ пополудни точно по сигналу адская трескотня прервала доселѣ мертвую тишину. Лѣсъ точно встрепенулся... заговорили горы...

Солдатики, точно ужаленные, вскочили и установились по направленію доходившихъ звуковъ... точно старались разсмотрѣть, что происходитъ въ нѣдрахъ бора.

— Робята, ей Богу, турка... точь, точь Дубнякъ!

И дѣйствительно, эта трескотня не хуже горно-дубнякской.

Трудно было себѣ представить, какъ это безъ всякой предварительной перестрѣлки явилась столь ужасная трескотня.

— Кто же на кого насѣлъ?

Но вотъ, точно отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы присоединяются къ этой

адской трескотнѣ—они становятся все чаще и чаще, наконецъ все сливается въ одно.

По временамъ стихаетъ эта звучащая волна съ тѣмъ, чтобы съ новой силой разразиться.

Такъ продолжалось до 4-хъ часовъ пополудни. Около этого времени стрѣльба усиливается. Наконецъ, раздается какой-то отчаянный гулъ— и на минуту все стихаетъ... еще нѣсколько выстрѣловъ и все стихаетъ.

— Что же это тамъ было?

— Скоро-ли узнаемъ?

Подъ сумерки раздался сильный отдѣльный взрывъ (рѣзко отличавшійся отъ пушечныхъ выстрѣловъ до сихъ поръ доносившихся). Секунда недоумѣнія, а за тѣмъ—Боже, какъ забилось сердце отъ радости—это вѣдь наше 9-ти фунт. орудіе.

Итакъ, 9-ти фунт. орудіе 16-го ноября 1877 года впервые восходитъ на Этропольскій Балканъ на 4 тысячи футъ высоты и оттуда громко привѣтствуетъ его.

Исторія запишетъ этотъ еще небывалый доселѣ фактъ!

Вплоть до самой ночи шла лѣнивая стрѣльба.

Ужь начало темнѣть, когда увидѣлъ я длинную вереницу людей, идущихъ по направленію къ намъ со стороны непріятеля.

— Неужели Дандевиль отступилъ? Нѣтъ, это были раненые въ этотъ день Великолужцы. Никакихъ фуръ и телѣгъ не было никакой физической возможности за ними послать, а потому кто могъ, тотъ шелъ самъ, какъ Богъ на душу положитъ.

Подойдя къ шедшему впереди, я спросилъ, куда онъ раненъ и какъ онъ себя чувствуетъ.

— Ничего ваше б—діе, вотъ руку прострѣлили, да въ ногу ошо.

Такой бодрый отвѣтъ!..

Сказавъ ему, чтобы онъ присѣлъ, я просилъ его разсказать мнѣ, что онъ видѣлъ и что слышалъ.

— Чуть засвѣтлѣло, мы пошли въ гору по махенькой стежкѣ. Морозило, сильно было скользко—часто падали... Идемъ, значитъ, гуськомъ— и не видно и не слышно никого. Вотъ начало теплѣть, да не къ стать и безъ того дюже жарко стало. Да оно бы ничего, да больно ужь ногамъ-то стало, камень острый при острый, какъ есть прорвалъ сапоги— шибко рѣзать сталъ...

Я невольно посмотрѣлъ на его сапоги—трудно было узнать въ нихъ сапоги.

— Ну, вотъ хорошо, идемъ—уже слѣдъ пропалъ, дерева гуще, гора круче. Дюже жарко стало—горло пересохло, а воды ни, ни...

Я сказалъ стоявшему около меня солдатику чтобы онъ принесъ воды.

— Ужь время, я думаю, зашло за полдень, стали ребята приставать.

Глянь впереди будто бугоръ какой и лѣсу нѣтъ и небо видно. Чуть мы, значитъ, до него, а оттуда какъ гряхнетъ... Ну, тутъ меня и ранило, жутко больно стало... Опомнился—лежу, а кругомъ такъ и сыпетъ... Сталъ я подъ гору перевертываться... Уже порядошно пролѣзъ—а пули все свистятъ... Сталъ на ноги—плохо, ну все жъ идти можно—до воды бы добраться!.. А тутъ и ребята 1-го батальона повстрѣчались—бѣгутъ сердешные; какъ завидѣлъ ихъ, гдѣ и силы взялись:—братцы выручайте, жестко проклятый насѣлъ—самъ повернулъ, хочу идти съ ними, да не...

Легкія судорги показались на его губахъ, онъ смолкъ—я далъ ему кружку съ водой и больше не распрашивалъ.

Перейдя къ слѣдующей кучкѣ, гдѣ мои солдаты распрашивали одного изъ раненыхъ, я сталъ прислушиваться.

— Сижу, значитъ, я и жду пока фельдшеръ пулю выйметъ. Много нашихъ кругомъ ждетъ... Глядь бѣжитъ драгунъ... только што онъ прибегъ... а на насъ какъ посыпятся пули... не подалече отъ меня конь стоялъ—захрапѣлъ несчастный и брякнулся... видимъ плохо... Ну, тутъ намъ говорятъ: ребята иди кто можетъ внизъ—ну кто смогъ, пошелъ.

Однако, досталось же нашимъ, если и перевязочный пунктъ былъ атакованъ, подумалъ я.

По разсказамъ раненыхъ Великолужцевъ, нужно было думать, что передовыя роты отряда Дандевиля были нѣсколько разъ атакованы турками съ большими потерями; одно время имъ грозила опасность быть отрѣзаннымъ, но въ эту критическую минуту, маіоръ Беатръ послѣдними силами атаковалъ правый флангъ непріятеля. Атака была поддержана подбѣжавшимъ 3-мъ батальономъ. Турки потѣснены съ громаднымъ урономъ въ редутъ.

Одно 9-ти фунт. орудіе ввезено на перевалъ и удачно поражало турокъ въ ихъ ложементахъ, куда они были прогнаны.

Наши убитые были безобразно изувѣчены турками.

И такъ было видно, что Дандевиль занялъ перевалъ; теперь является вопросъ, удержится-ли онъ со своими малыми силами на немъ, въ продолженіи ночи и слѣдующаго дня.

Изъ этого раздумья меня вывели чьи-то, раздававшіеся въ темнотѣ голоса: „кто здѣсь?“ „гдѣ-же проводникъ?“ „куда идти!“ Въ это время на меня наткнулся Измайловскій офицеръ. Отъ него я узналъ, что двумъ батальонамъ Измайловцевъ, велѣно немедленно идти въ горы, въ распоряженіе Дандевиля.

Тьма ужасная; въ разстояніи двухъ шаговъ ничего не видно; грязь по колѣна.

Какъ они пойдутъ, а тѣмъ болѣе въ лѣсу?

Съ утра 17-го числа, завязалась частая пушечная стрѣльба, сопровождаемая ружейной.

За полуднемъ адская трескотня закончена пушечной стрѣльбой. По звуку орудiйныхъ выстрѣловъ, можно было судить, что въ дѣлѣ принимаетъ участiе много орудiй, раскинутыхъ на значительномъ другъ отъ друга разстоянiи.

Вечеромъ получено извѣстiе, что Дандевиль занялъ перевалъ и укрѣпился на немъ. Турки очистили Врачешь. Этотъ громадный складъ остался нетронутымъ—онъ-то и былъ впослѣдствiи для насъ драгоцѣннѣйшимъ источникомъ жизни!

Наконецъ и намъ велѣно готовиться къ отходу въ горы—Дандевилю нужна артиллерiя.

Теперь возникъ вопросъ, какъ поднять 9-ти фунт. артиллерiю по такой плохой дорогѣ, на такую высоту (4000 фут.) и въ такомъ количествѣ.

Думали, думали и надумали, оставить заднiе ходы 4-хъ колесныхъ зарядныхъ ящиковъ, а на шворни ящечныхъ передковъ, поставить рамы съ поддономъ, которыя и наполнить снарядами, прикрывъ ихъ воловьями кожамм. За симъ, батареямъ велѣно было, на каждое орудiе сдѣлать салазки на случай спуска съ горъ.

18-го ноября наша импровизированная батарея была готова. Съ минуты на минуту ждали приказанiя двинуться.

Наконецъ и этого дождались.

Въ 5-ть часовъ батарея поднялась и двинулась въ сопровожденiи двухъ ротъ пѣхоты (Преображенцевъ) по горной, узкой, каменистой прорѣзанной частыми горными потоками дорогѣ.

Скоро настала полная темнота. Люди шли чуть что не ощупью. Склонившiеся надъ дорогой вѣтви деревъ часто кололи глаза. Ѣздовые предоставили полную свободу лошадямъ — эти симпатичныя животныя, точно стараясь оправдать довѣрiе къ нимъ человѣка, становятся въ высшей степени осторожны и чутки къ малѣйшимъ опасностямъ, встрѣчающимся по дорогѣ. У меня, между прочимъ, былъ Турченокъ (конь)—всегда, какъ только я не могъ вслѣдствiе темноты выбрать болѣе безопасный путь по извѣстному направленiю, я садился на него и предоставлялъ ему полную свободу (въ извѣстномъ направленiи). Какiе-бы ни были подъемы, какiя-бы ни были канавы, броды... онъ всюду благополучно провозилъ меня, какъ будто-бы темноты для него не существовало. Но несмотря на дурную дорогу и темноту, батарея безъ особенныхъ затрудненiй прибыла на такъ называемый Драгунскiй бивуакъ, гдѣ и расположилась для ночлега.

19-го ноября въ 9 часовъ утра, батарея двинулась далѣе, въ сопровожденiи Преображенскаго полка, который былъ распредѣленъ по-

ротно на всѣ орудія и зарядные ящики, чтобы помогать движенію батарей.

Чудное ясное утро. Дикость и величіе окружавшей природы наводили какую-то робость — горы будто саркастически относились къ нашей дерзости перешагнуть ихъ.... Лѣсъ таинственно молчалъ...

Говорятъ, что до насъ, по этимъ мѣстамъ ходили лишь одиночные люди, да вьючные ослы. Узкая, съ крутыми поворотами и подъемами лѣсная тропа, усѣянная острыми каменьями, переплетенными корнями могучихъ деревъ, прикрыта толстымъ слоемъ грязи. Лошадь, путаясь въ корняхъ, или накалываясь на острые каменья, теряетъ силы и спокойствіе. Крикъ понукающихъ людей еще болѣе одуряетъ ее; бѣдное, ни чѣмъ не виновное животное окончательно теряется. Становится невозможнымъ согласовать усиліе шести лошадей и помогающихъ людей. На дѣлѣ являются печальные результаты работы „лебедя, щуки и рака". Мы отпрягли оба выноса и оставили лишь корни; эта послѣдняя уступка, въ видѣ оставленія корней, была больше сдѣлана въ угоду пѣхоты, которая сначала трудно понимала, что въ подобныхъ случаяхъ лошади не только что не помогаютъ, а наоборотъ, тормозятъ движеніе, между тѣмъ, какъ сами лошади приходятъ въ полное изнеможеніе; и дѣйствительно, этотъ день стоилъ намъ многихъ лошадей. Какъ только отпрягли выноса, движеніе стало успѣшнѣй.

Мы проникли ужь въ самыя нѣдра этого вѣковаго лѣса, когда поднялся сильный вѣтеръ и полилъ дождь. Двѣ три „гіены" (болгары-мародеры) спускавшіяся съ горъ, предупредили насъ, что скоро могутъ политься съ горъ быстрые потоки. Батарея раскинулась по всей дорогѣ. Глубокій мракъ сошелъ на землю. Каждый долженъ былъ ночевать тамъ, гдѣ его застала ночь. Привязавъ орудіе къ деревамъ, (чтобъ не скатилось) солдатики собрались въ кучку.

Кругомъ грязь, тьма, дождь. Ощупали, ощупали и нашли посуше мѣсто, гдѣ и присѣли.

Полная усталость и изнеможеніе. Несмотря на то, что люди ужь два дня кромѣ сухарей ничего не ѣли (хотя говядина сырая была) никому и въ голову не пришло заниматься варкой. Всѣ какъ убитые свалились на земь. Но не прошло и часу, какъ дождь и сильный вѣтеръ подняли ихъ.

Кто могъ взялся за топоръ. Реветъ и стонетъ боръ — но ужь поздно.... ужъ сотнями повалилися сыны его подъ русскимъ топоромъ.... Точно кровь клокочатъ горные потоки, точно слезы льется дождь. Когда все снова улеглось предъ кострами, я пошелъ по направленію въ гору. чтобы посмотрѣть, какъ далеко ушло предшествующее орудіе. Но не сдѣлалъ я двухъ, трехъ шаговъ, какъ свалился на что-то мягкое — бѣдное животное не шолохнулось — рѣдко я видѣлъ лошадь столь

истомленную. А такими лошадьми была завалена вся дорога—это были лошади одного изъ пѣхотныхъ полковъ, который ужь два дня на горахъ не имѣлъ сухарей (т. е. ничего не имѣлъ). А потому велѣно было, во чтобы-то нестало и чтобы это не стоило—доставить сухари. Будучи сильно и неудобно нагружены, они неимовѣрно часто падали, сбивая себѣ ноги. Незначительное число людей, ихъ ведущихъ, не было въ силахъ каждый разъ помогать имъ вставать и разгруживать ихъ при каждомъ паденіи, а потому бѣдное животное долго выбивалось изъ силъ, чтобы встать, но вставши большинство изъ нихъ, сейчасъ-же и падало....

Пройдя еще два, три шага и я свалился, причемъ не остался на мѣстѣ, а сталъ довольно быстро скользить въ неопредѣленномъ направленіи; ужь нѣсколько разъ цѣплялся я за камни, но они выскальзывали изъ моихъ рукъ.... еще, еще, и я задержанъ деревомъ; осторожно приподнявшись, я на четверинкахъ сталъ пробираться къ огоньку; добрался и не повторялъ больше желаннаго путешествія; положивъ голову на сѣдло, я крѣпко заснулъ.

Сонъ короткій, но глубокій, подкрѣпилъ людей. Съ разсвѣтомъ, отправивъ всѣхъ лошадей на Драгунскій бивуакъ, мы приступили къ возкѣ орудій ислючительно на людяхъ.

Отворы, постромки и лямки подвязаны, люди разобрали ихъ и ждутъ въ полной готовности команды.

— Ну, съ Богомъ ребята!

— Пѣтуховъ, подсчитывай.

— Разъ, два—три бери!

Но орудіе, какъ вкопанное.

— Ну, ошо, робята: разъ, два—три бери!—орудіе все стоитъ.

Плохо дѣло,

Въ это время подходитъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ солдатиковъ (старичекъ).

— Ваше высокоблагородіе, дозвольте мнѣ робятамъ подсчитать.

— Валяй, братъ, валяй.

— Ну, ребята разбирайтесь—послушаемъ старичка:

Алексѣевъ затягиваетъ:

Что, вы братцы припотѣли?
А-ль п...ть вы захотѣли?
Эй, дубинушка, да ухнемъ,

Всѣ какъ въ одинъ голосъ:

Эй, зеленая сама пойдетъ!..
Идетъ!!!... Пошла!!!...

И дѣйствительно пошла, да какъ еще пошла!

Орудіе такъ быстро пошло, что трудно было за нимъ угнаться.

При возгласахъ „Сила", „Дружно"—оно получало какое-то особенное ускореніе.

Нужно было посмотрѣть на лица солдатъ: откуда эта веселость, откуда этотъ добродушный взглядъ, откуда это духовное согласованіе силъ??!!

Два, три слова умѣло сказанныхъ... О, русскій, русскій солдатъ, чего не способенъ ты сдѣлать при разумномъ обращеніи съ тобой?!

Думали-ли мы, что ты, наша родная, наша русская „Дубинушка" огласишь Балканы также, какъ оглашаешь ты нашу Волгу-Матушку!! О Русь, о Русь, далеко ты зашла!!

Послѣ этого момента всякое затрудненіе уничтожалось „Дубинушкой".

Кто нынѣ въ Болгаріи не знаетъ ее?

Дѣло пошло наладъ и подвозъ на позицію орудій окончился гораздо бы скорѣй, если бы близость турокъ не заставила насъ прекратить пѣніе Дубинушки.

Появленіе столь большаго числа орудій предъ носомъ у турокъ, должно было быть сюрпризомъ для послѣднихъ, а потому тишина была необходима для этой демонстраціи.

Какъ только затихла Дубинушка, къ намъ начали долетать въ высшей степени мелодичные звуки—то были сигналы турокъ.

Заслышавъ ихъ, одинъ изъ остряковъ замѣтилъ:

— Ну, ребята, теперь турка намъ будетъ пѣть!

Наконецъ добрались мы до площадки, гдѣ должны были остаться 4 нашихъ орудія, образовавъ такимъ образомъ съ находящимися здѣсь 2-мя орудіями 16-й конной батареи, шести орудейную батарею подъ командой полковника Ореуса.

Площадка, гдѣ должна была находиться батарея, была окружена со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Сначала, когда войдешь на нее кромѣ неба надъ головой ничего не увидишь. Приглядываясь же болѣе старательно, можно было между деревьями впереди ее разсмотрѣть громадную гору, съ почти отвѣстными склонами, коронованную грознымъ редутомъ, изъ амбразуръ котораго высовывались орудія направленныя на батарею.

Нужно было слишкомъ высоко поднимать голову, чтобы увидѣть этотъ редутъ. Онъ превышалъ насъ футовъ на 500. Это высшая точка Этропольскаго Балкана (4,500 футъ). Редутъ носилъ названіе Шандорникъ или Эльта-біа (Звѣздный редутъ). „Звѣздный редутъ?!.." Сначала думали мы, что это названіе дано ему потому, что онъ выше другихъ, но впослѣдствіи мы поняли настоящій смыслъ этого названія. Ночью остальныя 4 орудія мы поставили саженей на 50 выше лѣсной батареи на открытой площадкѣ (орудія стояли за валомъ). Въ эту ночь, русскія войска глубоко запустили свои корни на верхушкахъ Балканъ.

На слѣдующій день въ 8 часовъ утра, мы привѣтствовали турокъ залпомъ изъ сорока 9-ти фунтовыхъ орудій, раскинутыхъ на протяженіи десяти верстъ.

Дрогнули горы, посыпались листы!!

Въ дыму павшихъ и разорвавшихся около него гранатъ, Шандорникъ скрылся точно въ облакѣ. Въ ажитаціи ждемъ мы отвѣта.

— Идетъ!! Идетъ!!! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Все притихло и пригнулось...

Турецкія гранаты высоко пролетали надъ нами и разорвались далеко въ лѣсу.

Но только что выпрямились мы, какъ опять: „идетъ“ „идетъ“— опять пригнулись и опять гранаты улетѣли въ лѣсъ

„Гу, гу, ха, ха, ха...“ загудѣли мы всѣ въ одинъ голосъ—„ишь его въ лѣсъ по дрова несетъ“, и, дѣйствительно, отъ турецкихъ гранатъ сильно страдали деревья.

Стрѣльба турокъ, не смотря на ихъ очень выгодное положеніе была отвратительна — она сразу подорвала свой кредитъ. Мы же продолжали стрѣлять залпами въ опредѣленное время. Для насъ, артиллеристовъ, стрѣльба безъ всякой пристрѣлки залпами—аномалія; но дѣло было въ томъ, что генералъ Гурко имѣлъ особые виды на эти залпы. (Кажется, желательно было навести на турокъ панику). Въ полдень генералъ Раухъ просилъ генерала Гурко дозволить ему атаковать Шандорникъ,но кажется ужъ было рѣшено ограничиться лишь сильной обороной позиціи.

И дѣйствительно, въ скоромъ времени мы узнали, что наша цѣль— образовать линіи, за которыя не могъ бы непріятель перешагнуть, не смотря на его къ тому стремленія.

Послѣ пріѣзда генерала Гурко на позицію, стрѣльба залпами прекратилась (мы дали на яву полную возможность убѣдиться въ превосходствѣ орудейной стрѣльбы надъ стрѣльбой залпами).

Къ вечеру всѣ непріятельскія амбразуры были развалины и орудія непріятеля принужены молчать. Съ наступленіемъ сумерекъ Шандорникъ особенно величественно обрисовался на небосклонѣ. Ночью яркая чудная звѣзда (1-й величины) взошла надъ Шандорникомъ; освѣщая его какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, она придавала ему волшебный видъ. Долго любовались мы этой чудно таинственной картиной и сразу поняли смыслъ названія Эльта-біа или Звѣздный редутъ. Эта звѣзда, рѣзко отличавшаяся отъ прочихъ, была точно непремѣнной принадлежностью редута. Столь случайное сопоставленіе произвело извѣстное впечатлѣніе на солдатъ: „То-то, этотъ турка всюду звѣзду ставитъ!“

Ночью мы вели рѣдкую стрѣльбу.

На слѣдующій день густой туманъ скрылъ отъ взоровъ нашихъ Шандорникъ. Стрѣльба съ нашей стороны значительно уменьшилась—и мы,

такимъ образомъ, лишь на пятый день могли воспользоваться нѣкоторымъ отдыхомъ послѣ самыхъ усиленныхъ физическихъ трудовъ, при неблагопріятныхъ физическихъ условіяхъ, при невозможности варить себѣ пищу, и то отдыхъ на бивуакѣ, не гарантированномъ отъ непріятельскихъ пуль и гранатъ.

Люди были такъ изнурены, что не въ силахъ были приступить къ постановкѣ палатокъ. По всему бивуаку были разбросаны кучки мертвецки спящихъ солдатъ. Я лично настолько усталъ, что уснувши рядомъ съ орудіемъ, я не просыпался въ то время, когда изъ него производили выстрѣлъ, вслѣдствіе котораго меня всего засыпало землей (пороховые газы разрушали свѣжій брустверъ).

Разъ лежу я на батареѣ безъ сапогъ, въ большихъ валенкахъ (чужихъ), безъ сабли и револьвера, какъ подходитъ ко мнѣ саперный офицеръ и спрашиваетъ меня, я ли П. П. П.

— Я, отвѣчаю ему.

— Васъ просятъ пойти съ нами (начальникъ дивизіи) осмотрѣть впереди лежащую (и съ право) мѣстность, чтобы высказать мнѣніе, возможно-ли тамъ поставить батарею. Думая, что это не особенно далеко, я пошелъ какъ былъ, т. е. въ громадныхъ валенкахъ и безъ оружія.

Начали мы взбираться на горы; мѣстами ужъ лежалъ снѣгъ.

Валенки сильно измѣняли мнѣ.

По дорогѣ меня очень заинтересовалъ тотъ фактъ, что всѣ сопровождавшіе насъ солдаты (Гвард. Сапернаго баталіона) были Георгіевскіе кавалеры.

Когда я спросилъ, что этому причина, то мнѣ отвѣчали, что это охотники, такъ какъ можетъ выйти столкновеніе съ непріятелемъ при этой рекогносцировкѣ.

— Хорошо-же я буду защищаться въ валенкахъ и безъ оружія!

Однако возвращаться за сапогами и оружіемъ мнѣ не хотѣлось, такъ какъ мы ужъ довольно далеко ушли.

Былъ сильный туманъ.

Держаться правильнаго направленія было очень трудно. Мы ужъ прошли за нашу аванпостную цѣпь. Въ виду предосторожности мы послали двухъ солдатъ къ опушкѣ лѣса, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли тамъ турокъ.

Голоса и стукъ лопатъ ужъ начали доноситься къ намъ. Вотъ облако точно раскрылось и предъ нами на вершинѣ горы появился турецкій ложементъ.

Торчавшіе на брустверѣ дернины обрисовывались точно головы турокъ.

Минута сомнѣнія и мы взошли въ этотъ ложементъ—онъ былъ пустъ.

Шандорникъ долженъ былъ быть ужъ очень близко.

Мы занялись разсмотрѣніемъ площадки, на которой находился этотъ

ложементъ; вынувъ бумажку, я началъ наносить его расположеніе; о туркахъ мы совершенно забыли.

— Турки, турки бѣгутъ! крикнули окружавшіе насъ солдаты (у насъ ихъ было человѣкъ восемь).

Только что поднялъ я голову, какъ увидѣлъ впереди себя шагахъ въ десяти обрисовавшіеся въ туманѣ силуеты людей, бѣгущихъ на насъ.

Всѣ мы въ первую секунду повернули назадъ.

Вотъ ужъ два или три солдата обогнали меня.

Валенки мои не даютъ мнѣ возможности передвигать ногъ подъ гору, покрытую снѣгомъ.

„Вотъ тебѣ штука", подумалъ я. „Оружія нѣтъ, защищаться нечѣмъ, бѣжать не могу"...

Тутъ-то я и испыталъ то чувство, которое предшествуетъ моменту, когда насъ свяжутъ, обрѣжутъ носъ, вырѣжутъ языкъ, и...

„Стой, стой," кричитъ саперный офицеръ Георгіевскій кавалеръ (поручикъ Романовъ, лично переведенный Государемъ Императоромъ за храбрость въ гвардію), вынувъ саблю.

И я кричу „стой, стой"—а все-таки ретируюсь...

Еще секунда и я повернулъ къ сторонѣ непріятеля.

Но что-же видимъ мы: на насъ бѣгутъ наши же солдаты—это были тѣ, которыхъ послали мы осмотрѣть опушку; они, осмотрѣвъ ее, возвращались къ намъ, а наши солдаты приняли ихъ за турокъ.

И такъ я безъ опасности узналъ, что такое чувство опасности. Насмѣялись же мы въ волюшку. Послѣ этого откуда взялась и храбрость— хотимъ хоть на чорта идти. Хотя я былъ и безъ оружія и безъ сапогъ, а все-таки мнѣ было стыдно, что первые мои шаги были шаги назадъ. Но за то, послѣ этого траги-комичнаго случая, я пересталъ опасаться всякой опасности—наоборотъ она меня точно привлекала, точно тянула въ свои объятія. Мнѣ нравились, меня тянуло въ условія опасности... И дѣйствительно, насколько это чувство непонятно для людей, не бывшихъ въ кампаніи, настолько оно нормально для большинства людей, поставленныхъ на войнѣ въ боевыя условія. Вотъ почему большинство людей, разъ поставленныхъ въ условія опасности, (военной) значительно храбрѣе и отчаяннѣе людей, не бывшихъ въ подобныхъ-же условіяхъ. Послѣ предварительнаго осмотра мѣстности было приступлено къ постройкѣ редута, на высшей точкѣ этой части позиціи (она же высшая точка всей Арбаконакской позиціи) и мнѣ велѣно было занять его съ моимъ взводомъ.

И такъ наша позиція, т. е. лѣвый флангъ Арбаконакской позиціи противъ Шандорника, была укрѣплена четырьмя редутами, которые занимали л.-гв. 1-й арт. бригады 2-я генералъ-адъютанта Баранцева батарея (командовалъ полковникъ Герингъ) и два взвода 16-й конной батареи полковника Ореуса. Пѣхотную службу несъ Семеновскій полкъ,

который впрочемъ скоро былъ смѣненъ армейскимъ полкомъ и сведенъ съ горъ для отдыха. Самый лѣвофланговый редутъ занималъ штабсъ-капитанъ Ил.... (16-й конной батареи), второй (лѣсная батарея) капитанъ Ус..., третій—три взвода нашей батареи (2-й генералъ-адъютанта Баранцева л.-гв. 1-й артиллерійской бригады), четвертый—4-й взводъ подъ моей командой. Нами сначала командовалъ энергичный и неутомимый генералъ-маіоръ Раухъ.

26-го ноября въ день св. Георгія былъ нашъ батарейный праздникъ—въ этотъ же день генералъ-адъютантъ Гурко осмотрѣлъ позицію, а генералъ-маіоръ Раухъ сдалъ командованіе генералъ-маіору Дандевилю.

Л.-гв. Семеновскій полкъ смѣненъ Псковскимъ (3-й армейской дивизіи), тѣмъ самымъ, который забралъ Ловчу, бралъ Правцы, Этрополь, Врачешскій перевалъ и съ безпримѣрной храбростью атаковалъ этотъ же Шандорникъ.

Отслуживъ тутъ же на батареѣ молебень, мы просили генералъ-адъютанта Гурко (со штабомъ), генералъ-маіора Рауха и всѣхъ присутствующихъ офицеровъ раздѣлить съ нами завтракъ.

Каково было общее удивленіе, когда на столѣ о трехъ ногахъ, были выставлены: 2 бутылки Елисѣевскаго портвейну, 1 бут. Елисѣевскаго коньяку Альберты, затѣмъ былъ чай съ сахаромъ, кофе, сардины, котлеты, (консервы) сухари. Да, давно никому изъ присутствующихъ не приходилось, кромѣ говядины, сухарей, да спирта, ничего другаго пробовать. Никогда еще Елисѣевскій портвейнъ и коньякъ не были такъ прославляемы, какъ въ этотъ день. Но, это были наши послѣдніе запасы, которые хранилъ нашъ командиръ на торжественный случай (которымъ мы считали время послѣ нашего перваго сраженія)—сегодняшній день подошелъ какъ нельзя лучше.

Простившись съ генералъ-маіоромъ Раухомъ, котораго мы очень любили за его добрый и предпріимчивый духъ, мы начали готовиться къ зимовкѣ. Всѣ эти дни облака не оставляли насъ. И такъ пришла пора обратить вниманіе на наше внутреннее благоустройство. Мы приступили къ рытью землянокъ. Это стоило намъ громадныхъ усилій, вслѣдствіе каменистаго грунта и плохаго нашего шанцоваго инструмента. Снѣгъ ужъ начиналъ показываться. Сперва солдаты дружелюбно встрѣтили его и собирали его подобно тому, какъ собирали въ былое время израильтяне манну небесную. Причиной тому было отсутствіе воды. Наши лошади находились верстахъ въ восьми отъ насъ передки и зарядные ящики были туда же спущены. Сухари, говядина и снаряды подносились на людяхъ за нѣсколько верстъ. Но все это было ничего до тѣхъ поръ, пока снѣгъ не особенно свирѣпствовалъ.

Офицеры (мои товарищи) все еще оставались въ палаткахъ. Нужно замѣтить, что не было ни одного мѣстечка, куда бы не залетѣли не-

пріятельскія гранаты (за исключеніемъ двухъ-трехъ шаговъ заваломъ). Вотъ почему послѣ каждой перестрѣлки нашъ бивуакъ сильно страдалъ. Вслѣдствіе этого во время каждой перестрѣлки мы всѣ выходили (даже деньщики) къ валу, который только и гарантировалъ насъ отъ потерь.

Турки никогда сами не завязывали стрѣльбы—все зависѣло отъ насъ. Мы же ни одного яснаго дня не пропускали, чтобы не пощипать ихъ. Скоро мы достигли того, что турки ходили лишь въ одиночку передъ Шандорникомъ.—Чуть только покажется значительная толпа, какъ наша шрапнель съ урономъ разгоняла ее.

Близость разстоянія съ одной стороны, пристрѣлка орудій съ другой, давала намъ возможность бить въ любую точку на вѣрняка.

Стоя выше и ближе другихъ къ Шандорнику (560 саженей), я ясно могъ видѣть всѣ затѣи турокъ. Имѣя возможность видѣть результаты своей стрѣльбы, убѣждаясь въ томъ, что каждая выпущенная шрапнель беретъ свое, я и мои люди не пропускали ни одного удобнаго момента. И не любили же турки за это насъ. Они съ особенной яростью нападали на мой редутъ, разворачивали наши амбразуры, траверзы и землянки, но больше этого имъ ничего не удавалось — я не имѣлъ ни одного раненаго, не смотря на то, что имѣлъ 12 перестрѣлокъ и гранаты ихъ часто одна за другой влетали въ наши амбразуры, но дѣло въ томъ, что турки съ одной стороны не умѣли выбирать удобнаго случая, а съ другой, мы никогда не давали имъ довести дѣло до конца, заставляя замолчать ихъ орудія.

Но вотъ снѣгъ продолжаетъ все болѣе и болѣе падать. Сильные вѣтры присоединяются къ нему. Еще день или два и снѣгъ ужъ всюду по колѣна. Моментально настала лютая зима. Вотъ тутъ-то мы (офицеры, бывшіе въ палаткахъ) и призадумались—наши палатки перестали выдерживать вѣчно лежащій толстый слой снѣга. Часто вѣтромъ срывало ихъ и насъ съ ногъ до головы заносило снѣгомъ. Теплаго платья почти что нѣтъ (фуфайка, да быть можетъ теплые носки, да и то не приходилось ими пользоваться, такъ какъ холодные сапоги не приходили на ногу, одѣтую теплымъ чулкомъ). Начали мы строить себѣ землянки, (солдаты наши давно ужъ имѣли) не легко это намъ пришлось— только что докопаешься до земли, какъ новый снѣгъ занесетъ наши труды. Однако одолѣли и построили что-то въ родѣ землянки, хотя она не особенно препятствовала снѣгу посѣщать насъ.

Снѣгъ былъ ужъ выше колѣнъ, а все еще продолжалъ идти.

«Когда же будетъ конецъ?» думали мы.

Но не тутъ-то было. Появились ураганы.

Десять-пятнадцать минутъ на открытомъ воздухѣ — и вы съ ногъ до головы въ снѣгу. Насъ окончательно занесло снѣгомъ. Шаги наши были сочтены и рѣдкій смѣльчакъ рѣшался сдѣлать лишній шагъ.

Мой редутъ стоялъ на открытомъ мѣстѣ и ничѣмъ не былъ гарантированъ отъ глыба снѣга, увлекаемаго вѣтромъ съ Шандорника. Глыбы снѣга точно перекочевали съ болѣе высокихъ мѣстъ на болѣе низкія.

Мои орудія нужно было раза четыре въ день отрывать отъ снѣга.

Сильный вѣтеръ не давалъ возможности разводить огонь — и при этомъ у солдатъ ничего теплаго, а наоборотъ, то что было на нихъ было изрядно истрепано.

Разъ въ такой день, подойдя къ орудіямъ, я сталъ звать нѣкоторыхъ изъ моихъ людей—землянки ихъ были тутъ же у орудій.

Но на мой зовъ отвѣта не послышалось. Я подошелъ къ землянкѣ:

— Ребята, живы-ли вы?

— Занесло выходъ, ваше благородіе, вотъ ужъ долго бьемся, да никакъ не выберемся.

Землянка была окончательно занесена. Послѣ этого мнѣ пришлось оставить особыхъ часовыхъ, чтобъ они отрывали выходы изъ землянокъ.

Въ такую погоду, мы должны были быть всегда на готовѣ встрѣтить неиріятеля, подносить себѣ снаряды за нѣсколько верстъ, подносить сухари и говядину.—Жутко досталось моимъ людямъ, но въ тоже время эти условія ясно показали, какъ много неоцѣненно хорошаго заключаетъ въ себѣ нашъ солдатъ.

— Ваше благородіе, да у насъ еще рай, а вотъ Псковскимъ-то похуже!!... говорили въ одинъ голосъ мои солдаты при подобныхъ условіяхъ.

Да, Псковскимъ было хуже.

Прійдя тогда, когда снѣгъ ужъ выпалъ, они думая, что авось онъ подтаитъ, не рыли землянокъ.

Но снѣгъ шелъ все больше и больше, пошли ураганы—и возможность рыть землю исчезла.

Стали мерзнуть наши храбрые, наши львы—Псковичи.

Да какъ же имъ и приходилось: сегодня стоитъ онъ въ цѣпи, употребляя всевозможныя мѣры, чтобы не быть занесеннымъ, а на другой день идетъ въ дежурную часть, гдѣ имѣетъ возможность лишь лечь на снѣгу у костра, который лишь по временамъ горитъ, будучи разбрасываемъ бурей. Посмотрите вы на него — весь онъ синій стоитъ на часахъ... что за ледяной взглядъ,—но взглядъ въ сторону непріятеля. Но вотъ выраженіе его все болѣе и болѣе тупѣетъ и тупѣетъ, но съ своего мѣста онъ ни шагу. Ни ропота, ни стона — нѣтъ, точно это для него совершенно нормальныя условія. Наконецъ онъ падаетъ... Я имѣлъ возможность наглядѣться на это: мой редутъ находился очень близко къ цѣпи.

Въ каждый бурный день, мои люди, не ожидая моего приказанія, принимали къ себѣ въ землянки человѣкъ по десяти, окоченѣвшихъ до безпамятства Псковичей, которыхъ приводили изъ цѣпи (10 потому, что не было никакой возможности больше вмѣстить).

Я помню единственный ропотъ Псковича: идетъ рота въ цѣпь; одинъ изъ солдатъ на видъ совершенно больной идетъ, идетъ, упадетъ, поднимется и опять упадетъ—видно бѣдняга терялъ послѣднія силы— «а чортъ его побери, (это было обращено къ туркамъ) хотя бы на редутъ вели!»

И такъ, если и былъ какой либо ропотъ, то онъ выражался въ желаніи поскорѣй идти на турку.

Силы природы сильно подкашивали Псковичей: дошло до того, что въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось по 30 человѣкъ.

Но вотъ случай, показывающій, какъ русскій солдатъ при такомъ положеніи несетъ свою службу. Стоитъ Псковичъ въ цѣпи по колѣно въ снѣгу. Вотъ видитъ онъ турецкаго солдата, идущаго по направленію къ нашей цѣпи.

Псковичъ прилегъ и далъ ему полную возможность, не замѣчая его, какъ можно ближе подойти къ нему; за симъ ползкомъ въ снѣгу пробирается онъ къ турку.

Турокъ—громадный солдатъ, великанъ въ сравненіи съ Псковичемъ, замѣчаетъ Псковича, и они моментально схватываются; идетъ сильная борьба.

Въ это время другой Псковичъ—подчасокъ—лежитъ на снѣгу шагахъ въ десяти и зорко наблюдаетъ за ходомъ борьбы.

Наконецъ, когда онъ увидѣлъ, что они оба ужъ слишкомъ утомлены, но турокъ беретъ перевѣсъ, тогда набрасывается онъ на турка и вмѣстѣ съ товарищемъ связываютъ его.

Военный человѣкъ пойметъ геройство этихъ Псковичей.

Вотъ и другой случай.

Псковичъ въ цѣпи. Ѣдетъ близь цѣпи турецкій кавалеристъ, не замѣчая Псковича. Псковичъ прячется за дерево и когда турокъ вблизи проѣхалъ это дерево, онъ незамѣченно выскакиваетъ, схватываетъ турка за шею, стаскиваетъ съ лошади и обезоруживъ его, приводитъ, какъ турка такъ и лошадь, въ дежурную часть.

Ни съ одной частью мы никогда такъ не сходились, какъ съ Псковскими; они съ своей стороны высказывали намъ высокое радушіе.

Мои люди на столько цѣнили достоинство Псковичей, настолько понимали свое относительно лучшее положеніе (они имѣли землянки, и не несли аванпостной службы), что всѣмъ, чѣмъ они только могли, они старались помочь имъ. Въ моемъ редутѣ они нарочно сами дѣлали костры для Псковичей, приходящихъ изъ цѣпи обмороженными, грѣли имъ воду, усаживали ихъ въ свои землянки. Въ это же время они старались (мои солдаты) быть безукоризнены въ отношеніи своей службы... Псковичи это цѣнили такъ, какъ только можетъ оцѣнить высоко развитой человѣкъ.

Разъ спрашиваемъ мы Псковскихъ офицеровъ, отчего они далеко не такъ радушно относятся къ нѣкоторымъ гвардейскимъ пѣхотнымъ частямъ, какъ къ намъ (гвардейская артиллерія).

— То гвардія, а вы артиллерія, былъ на то отвѣтъ; — что нужно было подъ этимъ разумѣть, никто изъ насъ не спрашивалъ.

Прекрасные отзывы Псковичей, этихъ по истинѣ русскихъ героевъ о боевомъ образованіи нашихъ офицеровъ и солдатъ, было, признаться, очень лестно для насъ.

Мы въ этомъ видѣли, что армія далеко не относится съ недоброжелательствомъ къ гвардіи, а наоборотъ, если гвардейская часть дѣлаетъ достойные подвиги, то она еще больше это оцѣниваетъ, нежели сама гвардія.

Что касается до насъ офицеровъ, то мы съ начала декабря поселились въ землянкахъ (которыя были расположены тутъ же на батареѣ). Землянка—это яма съ деревянной крышей, покрытой дерномъ; въ этой ямѣ дѣлается еще небольшая яма, которая сообщается дырой съ внѣшнимъ воздухомъ—послѣднее сооруженіе носило названіе печки. Въ землянкѣ можно было лишь сидѣть (впрочемъ въ офицерскихъ и стоять согнувшись). Въ землянкѣ на человѣка приходилось два квадратныхъ аршина. Отъ дыму, наполняющаго землянку, у всѣхъ почти солдатъ переболѣли глаза. У насъ, офицеровъ, было двѣ землянки. Одна хорошая, даже теплая (все нужно понимать относительно, ибо тамъ, гдѣ замерзаютъ и заносятся люди, ужъ какая нибудь землянка, а все же она ужъ чудная) была тамъ и печка. Другая плохая, снѣгъ часто забирался ко мнѣ подъ одѣяло. Теплаго платья у насъ почти что не было. Одинъ былъ счастливецъ; онъ имѣлъ валенки, баранью шкуру и хорошій комсонъ, названный фаэтономъ — мои товарищи поочередно выползали въ немъ для выхода во время урановъ.

О, какъ счастливъ былъ тотъ, кто имѣлъ возможность хоть часъ побыть въ валенкахъ (это тѣ самыя валенки, въ которыхъ я дѣлалъ рекогносцировку) — они многимъ товарищамъ принесли неоцѣненную заслугу.

Я въ продолженіи 33-хъ дней ощущалъ чувство холода. Сорокъ дней спалъ, я не раздѣвавшись. Въ продолженіи 1½ мѣсяца зимнихъ не пришлось ни разу переодѣться—сосновая рубашка гарантировала меня отъ насѣкомыхъ, всегдашнихъ спутниковъ въ походѣ. Большая часть товарищей обмораживали ноги, другіе простудили голову. (Два было контужено). Вообще эта 33-хъ-дневная стоянка на вершинахъ Этропольскаго Балкана въ зимніе мѣсяцы не сразу отразилась на людяхъ *); но за то

*) Странно, въ это время люди наши очень мало болѣли.

по приходѣ въ Санъ-Стефано всѣ мои люди переболѣли тифоидальнымъ состояніемъ и извѣстный процентъ умеръ въ госпиталяхъ.

Ѣли мы хорошо—супъ, жареную баранину, сухари. Спиртъ пили не разбавленный. Пили чай съ сахаромъ. Былъ у насъ одинъ стеклянный стаканъ. Чай изъ него былъ несравненно вкуснѣе, вотъ почему часто мы поочередно пили изъ него; ну, и какъ же были мы рады, когда нашъ командиръ досталъ намъ еще одинъ стаканъ. (Дня два облизывались мы по этому поводу). Выходили изъ землянокъ лишь стрѣлять да еще... Играли въ карты. Переговорили все, что знали—у насъ давно была ужъ общая жизнь. (33 дня лежать другъ около друга и ни шагу больше). Кругомъ ни души—даже звѣри и птицы покинули насъ. Всѣ сообщенія съ другими частями войскъ прерваны. Рядомъ съ нами стоялъ капитанъ Ус... О, какой былъ радостный день, когда онъ посѣщалъ насъ—точно съ того неба являлся человѣкъ. Для того, чтобы узнать какія либо новости, нужно было посылать человѣка дня на три, чтобы онъ былъ въ состояніи добраться до Орханіи, гдѣ были наши отдыхающія войска. Всякій, кто хотѣлъ насъ посѣтить, не могъ въ дѣйствительности выполнить этого: или же онъ самъ утопалъ по дорогѣ въ снѣгу, или его лошадь.

Вотъ почему за все это время насъ лишь одинъ разъ могъ посѣтить начальникъ позиціи. Занимая самый отдаленный, самый дикій, высокій и въ то же время очень важный пунктъ Арабоконакской позиціи, мы употребляли всѣ усилія, чтобы перебороть всѣ тѣ трудности, которыя противупоставляли намъ природа и непріятель. И точно на подборъ былъ составленъ нашъ отрядъ. Два редута занимали взводы 16-й конной батареи полковника Ореуса, прославившейся своими боевыми дѣйствіями болѣе всѣхъ батарей—она дѣлала ужъ второй забалканскій походъ. Эта батарея была любимица генералъ-адъютанта Гурко. Ея взводами командовали штабсъ-капитанъ Ил... и капитанъ Ус...—оба типы прежнихъ въ высшей степени симпатичныхъ конныхъ артиллеристовъ.

Генералъ-маіоръ Красновъ назвалъ ихъ **львами**.

Упомяну кстати нѣсколько характерныхъ случаевъ о генералъ-маіорѣ Красновѣ.

Генералъ-маіоръ Красновъ, не смотря на свои почтенныя лѣта, постоянно служилъ всей молодежи примѣромъ спокойнаго мужества, неутомимости и предпріимчивости.

Во время самыхъ сильныхъ натисковъ въ дѣлахъ подъ Шандорникомъ, онъ въ высшей степени спокойно разъѣзжалъ по передовымъ линіямъ, успокоивая и одобряя какъ атакующихъ, такъ и отступающихъ. Вообще, онъ въ высшей степени саркастически относился къ военнымъ качествамъ турокъ. Когда генералъ-маіору Дандевиль при занятіи Врачешскаго перевала пришлось ужъ слишкомъ жутко, т. е. когда онъ былъ

почти-что окруженъ превосходнымъ числомъ турокъ, когда всѣ окружавшіе Дандевиля думали, что ужъ насталъ конецъ и вынувъ свои револьверы, приготовились къ защитѣ (ужъ были приняты мѣры для взрыва орудейнаго передка)—такъ въ эту самую критическую минуту генералъ-маіоръ Красновъ, обращаясь къ Дандевилю съ особенной презрительной гримасой, сказалъ:

— Ваше превосходительство, да не могутъ они этого сдѣлать!

Эта фраза до того ободрила всѣхъ, что даже вызвала смѣхъ.

Послѣ этого обо всѣхъ активныхъ предпріятіяхъ турокъ пошло въ ходъ это выраженіе:

— Да не могутъ они этого сдѣлать!

Послѣ страшныхъ атакъ турокъ во время занятія Врачешскаго перевала, когда всѣ въ изнеможеніи лежали на землѣ, генералъ-маіоръ Красновъ, обращаясь къ Дандевилю, сказалъ:

— Ваше превосходительство, а ваше превосходительство, дозвольте Землеѣду (это его старый деньщикъ, его вѣрный другъ, очень напоминающій собой Рюбе въ соч. Майнрида: „Охота за черепами") Жиндарникъ (Шандорникъ) взять!

Когда всѣ отъ души засмѣялись, онъ продолжалъ:

— А, что, ей Богу Землеѣдъ говорить, что могить взять Жиндарникъ".

— „Да, могить, могить!!"

Этотъ разговоръ и теперь каждый вспоминаетъ, какъ зайдетъ рѣчь о Красновѣ.

Генералъ-маіоръ Красновъ былъ всеобщій любимецъ и считался безспорно храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ.

Да, такъ я началъ характеризовать нашъ отрядъ.

Капитанъ Ус... особенно поражалъ насъ слѣдующимъ:

Помирившись съ той мыслей, что его пуля вездѣ его найдетъ, онъ во время самыхъ жаркихъ дѣлъ, когда турки засыпали командуемый имъ дивизіонъ свинцовымъ и чугуннымъ дождемъ, когда кругомъ его падали убитые и раненые, онъ никогда не перемѣнялъ своего мѣста изъ за того, что въ извѣстномъ мѣстѣ летятъ пули или гранаты больше; онъ никогда не нагибался и никогда не кивалъ головой отъ непріятельскихъ пуль, а напротивъ, стоя какъ вкопанный на мѣстѣ, болѣе удобномъ для командованія, отдавалъ приказанія.

Мы были свидѣтелями, когда разъ турки сильно сыпали свинцовымъ дождемъ на лѣсную батарею; всѣ подошли къ валу... Но капитанъ Ус... какъ вкопанный стоялъ за своимъ взводомъ—лишь судорги по временамъ подергивали его лицо. Да, у этого человѣка ужасная была сила воли; и на солдатъ это производило въ высшей степени важное, въ отношеніи ихъ стойкости, впечатлѣніе.

За симъ Псковской полкъ (3-й пѣхотной дивизіи), который бралъ Ловчу, Правцы, Этрополь, Врачешскій перевалъ и атаковалъ 18-го ноября этотъ же самый Шандорникъ. (Во время занятія Дандевилемъ Врачешскаго перевала).

Нѣсколько словъ объ этой безпримѣрной никѣмъ не приказанной атакѣ.

Двѣ роты, влекомыя невѣдомой силой, съ необычайной быстротой бросились на Шандорникъ. Турки, давъ имъ возможность подойти къ ложному ложементу (по которому ихъ орудія были отлично пристрѣлены), засыпали ихъ гранатами и пулями.

— Только что подбѣжали мы къ этому ложементу (разсказывалъ мнѣ Псковской офицеръ, принимавшій въ этомъ участіе) и я ужъ крикнулъ своимъ, чтобы они за ложементомъ передышали, какъ моментально нѣсколько гранатъ разворотили нѣсколько животовъ моихъ солдатъ! Но ни крутизна подъема, ни громадныя потери, ничто не удержало разъяренныхъ Псковичей... Они ворвались въ Шандорникъ, съ яростью набросились на турокъ—произошла сильная схватка.

Турки не выдержали и повернули къ выходу изъ Шандорника (редута).

— Вотъ тутъ-то, продолжалъ Псковской офицеръ - участникъ, какая-то личность, не турокъ (вѣроятно англичанинъ) останавливается у выхода и размахивая саблей, не позволяетъ туркамъ бѣжать изъ редута.

Снова свалка... снова штыки...

Въ эти минуты часть Псковичей набросилась на орудія, стоявшія въ редутѣ. Не зная, какъ ихъ испортить, они начали за дуло тащить ихъ черезъ валъ и трудно понять, какъ удалось имъ такимъ образомъ сбросить одно орудіе во внѣшній ровъ.

— Хватили значитъ мы эту самую орудію (разсказывалъ мнѣ солдатикъ, бывшій при этой операціи) и думаемъ его, значитъ, съ горы сбросить; давай его на валъ тащить; уже раза три мы его вотъ, вотъ что на гребень дотянемъ, да нѣтъ, глянь и оборвется.... Ну, а все-жъ перекинули черезъ валъ!...

Когда во время этой страшной свалки командующій офицеръ оглянулся назадъ, то за собой онъ почти никого не увидѣлъ, а между тѣмъ съ нимъ было не много, и турки замѣтивъ это, стали въ громадномъ числѣ подходить къ Шандорнику.

Со слезами на глазахъ оставили они этотъ имъ дорого доставшійся редутъ—Звѣздный редутъ, и львами отошли назадъ.

Наконецъ и мы грѣшные, т. е. лейбъ-гвардіи 1-я артиллерійская бригада, 2-я генералъ-адъютанта Баранцева батарея, разбиты на два

редута: въ одномъ шесть орудій, а другой занималъ я со своимъ взводомъ.

Этимъ отрядомъ командовалъ, командующій Псковскимъ полкомъ подполковникъ Коб...ъ.

Съ утра въ туманный день, онъ по колѣна, а мѣстами и по грудь въ снѣгу, обходилъ всю цѣпь; въ ясный-же день, онъ былъ все время на батареѣ (нашей). Онъ не удовлетворялся лишь сильной позиціей. Онъ принималъ самыя энергичныя дѣйствія, для осмотра лѣваго фланга, сдѣлалъ рекогносцировки проходамъ и подъемамъ, чѣмъ оказалъ несомнѣнную услугу всему гвардейскому корпусу. Но наконецъ, силы природы сильно подкосили Псковичей. Наши друзья, наши лучшіе боевые друзья, оставили насъ и сошли съ горъ въ г. Этрополь, для отдыха. Никогда не забудемъ мы той дружбы и той симпатіи, которую возбудили въ насъ Псковичи. Уходя вмѣстѣ съ ними, генералъ-маіоръ Дандевиль въ своемъ прощальномъ приказѣ благодарилъ 2, 5, 4 батареи гвард. артиллеріи, за ея превосходныя боевыя качества, и отъ лица своихъ армейскихъ полковъ передалъ намъ то теплое радушіе, которое возбудили мы въ нихъ.

Съ уходомъ Псковскихъ, наша энергія ослабѣла—чего-то не доставало и наши солдаты, говоря объ этомъ уходѣ, какъ-то жалобно покачивали головой.

Много зависѣло наше состояніе духа отъ погоды—ясный день, и у насъ на душѣ ясно (въ ясные дни мы имѣли возможность стрѣлять); туманъ или буранъ, и у насъ мрачное настроеніе.

Въ этой глуши, къ намъ доходили самые разнообразные слухи.

То будто Османъ прорвался, но на слѣдующій день узнали мы о сдачѣ Плевны.... то будто турки, на правомъ (нашемъ) флангѣ прорвали нашу линію.... то будто чрезъ двѣ недѣли, идемъ мы въ Румынію на зимовку, въ особые для насъ тамъ построенные укрѣпленные лагеря.... то будто немедленно идемъ домой....

Солдаты наши тоже получали свои „корреспунденціи", какъ выражался одинъ изъ моихъ старыхъ фейерверкеровъ.

— Ваше благородіе, правда-ли, что нашъ Государь приказалъ султану отдать намъ землю по Черную рѣчку (?).

— Ваше благородіе, правда-ли что нѣмецкій царь приказалъ турку больше не бунтовать?...

. . . .

Малѣйшій случай въ нашемъ отрядѣ очень интересовалъ ихъ, и много порождалъ между ними толковъ. Помню, какое сильное впечатлѣніе произвела на нихъ перебѣжка къ туркамъ двухъ саперныхъ солдатъ-магометанъ, бывшихъ не далеко отъ насъ.

Много также толковъ было по случаю полученнаго нами извѣстія, что, если къ нашей цѣпи подъѣдетъ всадникъ, у котораго на груди бу-

детъ большая звѣзда, то ни подъ какимъ видомъ не стрѣлять по немъ; когда-же онъ подъѣдетъ къ цѣпи и упадетъ съ лошади, то немедленно подобрать его. Но за все это время, я не помню ни одного недовольнаго или нахмуреннаго лица; наоборотъ, они были такъ исполнительны, такъ предупредительны другъ къ другу, въ высшей степени солидарны и логичны въ своихъ дѣйствіяхъ.... Разумѣется такое настроеніе солдатъ было великой отрадой въ подобное время.

Послѣ этой кампаніи я пришелъ къ заключенію, что нѣтъ абсолютно плохого положенія: съ ухудшеніемъ однихъ обстоятельствъ улучшаются другія.

Но вотъ разъ сидимъ мы, офицеры, угрюмые, скучные, въ конецъ истощенъ предметъ разговора, вотъ ужъ дня два прошло, а мы, лежа втроемъ рядушкомъ, глубоко молчимъ—изрѣдка кто отругнется въ пространство. Мои товарищи начали ужъ втягиваться въ подобное состояніе духа.... какъ вдругъ, точно съ того свѣта, входитъ къ намъ солдатъ и подаетъ пачку писемъ.

О, наши спартанки, если-бы вы знали, какую отраду доставляли вы намъ своими строками!.... Всѣ ваши письма были для насъ общія... Какъ читали мы ихъ!... сколько потомъ перечитывали! ..

Шаги наши сосчитаны и больше ни шагу. Тоска и печаль начали овладѣвать нами... Въ эти для насъ тяжкія минуты, мы лишь отъ васъ получали ваши теплыя строки. Они выводили насъ изъ этого апатическаго состоянія, они придавали намъ энергію—скорѣй, скорѣй—и доблестнѣй, доблестнѣй окончить кампанію и вернуться въ ваши теплыя объятія!

Въ такихъ мечтаніяхъ мы и заснули.

Но вотъ получена диспозиція перехода Балканъ. Войска, подъ общей командой генералъ-адъютанта Гурко, нѣсколькими колонами должны перейти Этропольскій Балканъ.

Лѣвѣе нашей позиціи лежитъ Баба-гора, она кажется выше Шандорника.

Баба-гора—это Лысая гора.

Болгары говорятъ, что всѣ нечистые духи собираются на ней и держатъ тамъ свой совѣтъ. Была-ли тамъ человѣческая нога, не знаю—но быть тамъ ей не зачѣмъ. Вотъ эту-то гору долженъ былъ перейти генералъ-маіоръ Дандевиль со своими Великолужцами и Псковцами—нашими лучшими боевыми товарищами.

Въ это время мы должны были, не обращая вниманія на бураны, вести усиленую стрѣльбу, чтобы отвлечь вниманіе турокъ у Шандорника отъ колоны Дандевиля.

Разъ сидя въ землянкѣ, поджавши ноги и вспоминая о томъ какъ хорошо тамъ гдѣ насъ нѣтъ, мы слышимъ слѣдующій разговоръ за на-

*

шей землянкой у такъ-называемой „кухни“, состоящей изъ расчищеннаго отъ снѣга мѣста и куска полотна, натянутаго со стороны вѣтра; нашъ поваръ-чухонецъ говоритъ: „Поглядите вонъ—на Бабѣ солдаты лазятъ!!!“

Мой деньщикъ флегматически отвѣчаетъ:

— Ей, ты чушка, гдѣ-жъ тамъ солдаты—собака на... во, а тебѣ люди!..

Этотъ разговоръ насмѣшилъ насъ и мы вышли посмотрѣть, что въ дѣйствительности на Бабѣ.

Чушка былъ правъ—въ бинокль мы ясно различали нашихъ солдатъ, идущихъ вереницей по Бабѣ—то былъ Дандевиль.

Но вотъ начался буранъ... достаточно простоять 1/4 часа на одномъ мѣстѣ, и вы съ ногъ до головы занесены снѣгомъ.

Зачѣмъ знали мы, что Дандевиль въ это время на Бабѣ, зачѣмъ видѣли его тамъ!.. Точно страданія, испытываемыя нами при этомъ, могли помочь ему!!!.. (право они заставили насъ позабыть окончательно свои собственныя невзгоды) и трудно сказать, что тяжелѣе: самому ли принимать участіе въ тяжелой военной операціи, или же видѣть все это со стороны и быть въ условіяхъ, не дозволяющихъ ничѣмъ помочь!..

Глаза моихъ солдатъ были день и ночь обращены на Бабу—ничто не могло сомкнуть ихъ!.. Выйдя изъ землянокъ, они точно считали себя не въ правѣ пользоваться какимъ либо удобствомъ при видѣ своихъ знакомыхъ Псковичей на Бабѣ!—Чего не могли бы они сдѣлать, чтобы только помочь имъ!..

Вотъ обстоятельства, при которыхъ Дандевиль ходилъ на Бабу:

13-го февраля колона выступила изъ г. Этрополя; къ вечеру авангардъ ея съ нѣсколькими сотнями болгаръ проложилъ себѣ путь черезъ глубокіе снѣга и вышелъ къ высочайшему изъ переваловъ Этропольскаго Балкана, гдѣ и расположился бивуакомъ.

14-го декабря прибыли къ перевалу главныя силы колоны съ четырьмя орудіями; орудія эти, разобранныя по частямъ, доставлены были пѣхотой и болгарами волокомъ по снѣгу.

15-го выдвинутъ былъ на перевалъ баталіонъ пѣхоты, подъ прикрытіемъ котораго болгары цѣлый день откапывали дорогу черезъ перевалъ. Къ пяти часамъ вечера болгары, прорывъ слой снѣга почти въ сажень толщины, расчистили дорогу до южнаго ската.

Мы ужъ услышали выстрѣлы (орудійные).

Появленіе нашихъ войскъ на правомъ флангѣ турокъ произвело въ лагерѣ близь Шандорника сильное смятеніе: послышались звуки рожковъ, турки массами потянулись къ редутамъ.

Мы, видя это, усилили свою стрѣльбу.

Скоро однако наступила темнота, подъ прикрытіемъ которой войска

были сведены съ перевала въ лѣсъ на сѣверный склонъ, гдѣ стужа и вѣтеръ были тише.

16-го числа, съ восходомъ солнца, снова пришлось раскапывать дорогу, занесенную въ ночь снѣгомъ.

11-й полкъ и два орудія развернулись къ сторонѣ Шандорника, а батальонъ 124-го полка тоже съ двумя орудіями—къ сторонѣ Мирково.

Орудія открыли огонь.

Турки открыли ружейный огонь съ ближайшихъ укрѣпленій и артиллерійскій—съ Шандорника.

Около шести часовъ вечера стала разыгрываться буря. Въ полчаса сообщенія между позиціей и бивуакомъ были совершенно прекращены, нѣсколько приказаній генералъ-маіора Дандевиля (объ отходѣ на бивуакъ) не дошли до войскъ, которыя вслѣдствіе этого остались на перевалѣ.

Между тѣмъ вьюга усиливалась и усиливалась: орудія занесло, пѣхота спустилась въ лощины къ лѣсу; тщетно старалась она поддержать костры—буранъ засыпалъ снѣгомъ и задувалъ огни; пѣхота вынуждена была при 15^0 мороза провести эту ужасную ночь безъ костровъ *).

17-го буранъ продолжался, люди стыли сотнями, но не покидали своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока не получили приказаніе отойти.

Приказаніе это, наконецъ, удалось доставить съ пѣшимъ казакомъ, посланнымъ генералъ-маіоромъ Дандевилемъ.

На встрѣчу отходившимъ войскамъ выслана была съ бивуака остальная часть раскапывать дорогу, которая, чтобы люди не сбивалися, была обозначена воткнутыми ружьями и лопатами.

Доблестный генералъ-маіоръ Красновъ съ болгарами и войсками направляли отходившія части и спасали сбивающихся съ дороги.

Къ вечеру части спустились къ бивуаку, но и здѣсь въ это время вьюга потушила костры и занесла снѣгомъ. Оставаться было невозможно, а потому генералъ-маіоръ Дандевиль приказалъ всѣмъ спускаться въ г. Этрополь. (Орудія были сброшены).

Нѣкоторые изъ насъ видѣли этихъ спускающихся: съ отмороженными руками, безъ ружей, съ мертвымъ выраженіемъ, безсознательно двигались они другъ за дружкой.

13 офицеровъ и 810 нижнихъ чиновъ выбыли изъ строя съ отмороженными членами, 53 изъ нихъ замерзли окончательно.

Составъ колонны Дандевиля:

Псковской и Великолужскій полки (3-й пѣх. дивизіи).

---

*) Говорятъ, что генералъ-маіоръ Дандевиль доносилъ въ это время генералу Гурко: „Влѣзъ на Бабу и сижу на ней, а сойти не могу“.

Второе донесеніе, какъ говорятъ, было:

„Посылайте меня хоть съ чортомъ бороться, а съ природой не могу“.

Воронежскій полкъ.

4-хъ фунтовая батарея 31-й артиллерійской бригады.

4 орудія 19-й Донской казачей батареи.

Екатеринославскій драгунскій полкъ.

На другой день этотъ же отрядъ снова двинулся за Балканы черезъ Златицкій перевалъ! Въ безпримѣрной храбрости русскаго солдата не сомнѣвается свѣтъ. Но быть храбрымъ, быть отчаяннымъ, быть твердымъ во время производства кратковременнаго подвига, еще не есть особенная заслуга—что значитъ отчаянно рваться на штыки, храбро идти въ атаку подъ градомъ свинцоваго и чугуннаго дождя... наконецъ, что значитъ идти на вѣрную смерть въ эфектномъ, но кратковременномъ подвигѣ—вы найдете массу людей способныхъ на это, былъ бы лишь случай; но не многіе способны выполнить далеко не столь эфектные, но продолжительные подвиги.

Врядъ-ли кто сравнится въ послѣднемъ съ русскимъ солдатомъ.

20-го декабря турки оставили Шандорникъ. Сигнальнай ракета, пущенная нами сейчасъ же по очищенію изъ Шандорника, извѣстила объ этомъ всѣхъ окружающихъ.

И такъ, окончилось наше 33-хъ дневное стояніе. Приступили къ спуску орудій.

П. П. П.

ВОСПОМИНАНІЯ О БАБѢ-ГОРѢ.

Герои Вратешки, вторая бригада 3-й пѣхотной дивизіи, отдежуривъ 24 дня на Вратешкѣ, которую взяла съ бою 16 ноября 1877 года, (да еще попыталась взять главный редутъ турецкой позиціи Гюльдизъ-Табію) начала сильно убывать, но не унывать. Семеновцы, измаиловцы, финляндцы, лейбъ-егеря, и другія гвардейскія части. побывали на меньшіе сроки, на позиціи по гребню Вратешки занятой; а псковцы и великолукцы армейской бригады, которая забралась туда въ авангардѣ отряда ген.-ад. Гурко, да три батареи гвардейской артиллеріи, полковниковъ Онопріенко, Мартюшова и Геринга, съ одной армейской конною—Ореуса, сидѣли на Вратешкѣ безсмѣнно, съ 16 ноября, и уходить не хотѣли.

Съ 25-го ноября стали болѣть даже артиллеристы, у которыхъ и землянки были получше, и служба полегче, и ночью авонпостовъ, на снѣгу, они не держали. Стало быть плохо дѣло! Но желаніе артиллеристовъ остаться на позиціи до конца, потому именно и можно было уважить, что „выдержутъ", а армейская крупа, хотя и хорохорилась, но

заболѣвала сильно. И огни позволено было разводить въ сторожевой цѣпи глядя на турокъ, и нарядъ значительно уменьшенъ; а все таки вышло что къ 9 декабря, въ одномъ полку осталось 1043, а въ другомъ 1245 штыковъ.

Скрѣпя сердце, попросилъ я смѣнить бригаду, дать ей отдохнуть обогрѣться, починиться, полечиться, и—опять за дѣло. Получилъ разрѣшеніе, а молодцамъ нашимъ даже жалко стало бросать землянки свои. Попривыкли они къ нимъ, въ слѣдствіе этой народной русской черты—привыкать скоро къ самымъ нестерпимымъ вещамъ. Много хотѣлось бы расказать о 24-хъ дневномъ пребываніи на Вратешкѣ; много такого подмѣчено у солдата, чего и не подозрѣвалось; много дорогихъ воспоминаній унесено изъ боеваго, зимняго сожительства съ артиллеристами и ихъ славными командирами, жестоко разносившими турецкія насыпи! Да ужъ до другаго раза. А тутъ рѣчь пойдетъ о Бабѣ-горѣ.

Однако, надо же сказать, что артиллеристы провожали насъ сочувственно; а армейскіе офицеры всегда помнили свое житье-бытье на Вратешкѣ, съ гвардейскими артиллеристами, съ которыми совсѣмъ сроднились, и о которыхъ говорили: „вотъ это товарищи! такіе же душа люди, какъ и армейскіе; ничего этого, особаго, гвардейскаго нѣтъ; а насчетъ того чтобъ туркамъ себя показать, такъ у нихъ есть чему поучиться; полагать надо, что тѣ ихъ долго не забудутъ“.

Отдавъ приказъ по отряду: спускаться бригадѣ 9 декабря къ Этрополю, гдѣ стать по квартирамъ,—наканунѣ ея выступленія, вечеромъ, я узналъ, что на смѣну ея идутъ опять изъ Орханіе Семеновцы. Ночью дѣйствительно стали они подходить; и офицеры, неимѣвшіе еще пріюта, собрались въ мою крошечную землянку. Памятна мнѣ эта холодная ночь, проведенная съ ними, за чаемъ, закуской и толками разнаго свойства. Сколько душевнаго и умственнаго богатства въ офицерской семьѣ, въ особенности такой, какъ въ Семеновскомъ полку!

Утромъ 9 декабря, отправился я, чрезъ ставку графа Шувалова, у Баба-конака, въ Орханіе — явиться къ ген. Гурко. Спускаясь съ крутой и обледенѣлой Вратешки, гдѣ верхомъ, гдѣ пѣшкомъ, я встрѣтился съ Принцемъ Ольденбургскимъ, влѣзавшимъ на Вратешку, и замѣнявшимъ меня въ командованіи позиціей. За чаркой водки и закуской, которыми тутъ же угостилъ меня Принцъ, подъ огромнымъ букомъ, на снѣгу, онъ сообщилъ мнѣ отрядныя новости, слухи и распоряженія, а я ему — разныя свѣденія о позиціи. Принца я узналъ еще съ Этрополя и всегда восхищался его радушіемъ, и безукоризненною, скромною и дѣльною (какъ бы это перевести по русски: tenue de guerre?) боевою выдержкой. Встрѣча была радостная, а разставанье,—до свиданія, неизвѣстно когда!

У графа Шувалова, въ гостепріимной землянкѣ его, близь шоссе, ведущаго ущельемъ къ сильному турецкому редуту впереди Арабъ-ко-

нака, я попалъ въ большое общество на отличный завтракъ или ранній обѣдъ, который, по словамъ графа, всегда бываетъ отличный, когда готовить не изъ чего, потому что тогда поваръ прибѣгаетъ къ консервамъ. Оставивъ насъ за какой-то жареной уткой съ шампиньонами,— произведеніемъ нашихъ британскихъ друзей, графъ завернулся въ шубу, и поѣхалъ съ сыномъ на перестрѣлку къ Павловцамъ. У него ужъ и сани завелись, для ѣзды по горамъ! И съ нимъ простился я, до неизвѣстнаго свиданья; но разставаясь, онъ мнѣ напророчилъ: „не засидитесь вы у Гурко въ Этрополѣ!“

А въ самомъ дѣлѣ, не ожидалъ я, чтобъ было такъ грустно и тяжело уходить съ позиціи, и разставаться съ тѣми, съ которыми хоть въ запискахъ обмѣнивался чуть не каждый день мнѣніями, свѣдѣніями и предположеніями; на которыхъ въ трубу иногда долго смотрѣлъ; наблюдалъ и догадывался, что на горахъ у сосѣдей дѣлается; съ которыми жилъ одной жизнью, одной цѣлью...

Крупной рысью доѣхалъ я, съ своими казаками, къ вечеру, въ Орханіе. Сравнительно съ жесткимъ воздухомъ на горахъ, мягкій воздухъ внизу казался какимъ-то медомъ. Жадно вдыхала грудь этотъ чудный, разнѣживающій воздухъ. Въ декабрѣ-то! скажутъ. Да; и всѣ чувствовали тоже самое позднѣе, перейдя Балканы, и также наслаждались мы декабрьскимъ воздухомъ забалканскихъ долинъ; въ первое время, даже кашель у всѣхъ прошелъ.

Все на свѣтѣ цѣнится по сравненію! И рыжій донецъ мой, раненый подъ Плевной и купленный потомъ у интендантскаго чиновника, очевидно чувствовалъ облегченіе, оставивши Вратешку. Этотъ звѣрь, почти не видавшій зерна на Балканахъ, и простоявшій тамъ 24 дня безъ попоны, привязанный къ дереву, — во время чтенія газетъ, на половину его обглодалъ, потому что имѣетъ способность ѣсть все: кору, листья, щепки, рогожу, мохъ; а когда и этого нѣтъ—можетъ просто глодать дерево. И даже тѣла почти не потерялъ! За то — что это за ребра, что за ширина кости, что за зубы въ особенности! Совсѣмъ звѣрь, но такой—въ котораго, на походѣ, влюбиться можно. Вотъ и онъ, ломавши долго ноги по горамъ, дышетъ теперь легко, фыркаетъ съ удовольствіемъ, и шибко наддаетъ на размашистой рыси, съ какимъ-то особеннымъ стараніемъ выбрасывая по гладкой дорогѣ свои толстыя, желѣзныя ноги. Должно быть о родной степи вспомнилъ, или вообразилъ, что спустился съ Вратешки прямо къ Дону!..

Къ ген. Гурко попалъ я предъ самымъ позднимъ обѣдомъ, и былъ къ нему приглашенъ. „Ну-съ, какъ же ваше п—во? отчего же это ваша бригада, какъ говорится, такъ сильно убываетъ?“—Она до выхода на Балканы поработала подъ Ловчей и здѣсь все шла впереди, да и тутъ безсмѣнно стояла. И теперь куда угодно, только чуточку отдохнуть да

починиться надо.—„Да! развѣ чуточку, какъ говорится, а дѣло вамъ ужъ есть. Начальникъ штаба вотъ вамъ разскажетъ. Пойдемте обѣдать“.

Іосифъ Владиміровичъ, какъ извѣстно всѣмъ кто служилъ подъ его начальствомъ, обладаетъ тѣмъ неоцѣненно—высокимъ качествомъ истинно-военнаго человѣка, которое сразу привязываетъ къ нему военныхъ же людей. Онъ видитъ вещи, происходящія на войнѣ, въ настоящемъ ихъ чисто-военномъ значеніи, кто бы ни былъ авторъ: Яковъ или Сидоръ, и называетъ эти вещи своимъ именемъ, безъ обиняковъ. Приказанія его и предположенія кратки, ясны и неизмѣнны. Надъ ними не приходится думать: „а что онъ этимъ хотѣлъ сказать“ или „не хотѣлъ же онъ то-то выразить?“ Прямъ какъ штыкъ! Стало быть: „дѣло ужъ вамъ есть,“—значило: „и разговаривать нечего“.

За простымъ офицерскимъ обѣдомъ всего отряднаго штаба, ординарецъ генерала Гурко, Карандѣевъ, съ грустью, но твердо объявилъ, что любимаго его кушанья въ походѣ, манной каши на молокѣ съ сахаромъ, въ заключеніе не будетъ, потому что корова пала и молока нѣтъ. Хотя мнѣнія раздѣлились и нѣкоторые не менѣе твердо замѣчали, что онъ долженъ былъ дать каши съ сахаромъ хоть на водѣ; однако каши такъ и не было. За то я получилъ приказаніе явиться вечеромъ на совѣщаніе, по предмету предстоящаго перехода черезъ Балканы и возлагаемаго на меня при этомъ порученія. Вѣрно напророчилъ графъ Шуваловъ!

На вечернемъ совѣщаніи, 9-го декабря, рѣшено было гдѣ и какъ переходить Балканы, а мнѣ приказано было выходить съ отрядомъ изъ Этрополя на Бабу-гору, въ тылъ право-фланговаго турецкаго редута Гюльдизъ-Табія, надѣлать тревоги для отвлеченія вниманія турокъ отъ обхода ихъ лѣваго фланга, и обрушиться на нихъ, когда, вслѣдствіе того обхода, турки будутъ отступать на Буново и Мирково.

Вотъ тебѣ и отдыхъ бригадѣ! Солдаты потомъ такъ выражались, хвастаясь: „отдыхъ былъ, значитъ, Гурковской!“. Однако, 10, 11 и 12-е числа декабря бригада провела въ Этрополѣ, обогрѣлась, отъѣлась и починилась кое-какъ. Тѣмъ временемъ я перебрался изъ Орханіе, откуда выѣхалъ послѣ полудня 10-го, черезъ Правецъ, въ Этрополь, куда прибылъ 11-го въ полдень.

Можно бы тоже разсказать это любопытное зимнее путешествіе по горамъ, гдѣ верхомъ, гдѣ въ коляскѣ, которую неизвѣстно почему называютъ удобнымъ экипажемъ, и въ которой, несмотря на это, приходилось чуть не тонуть въ надувшихся и запруженныхъ льдомъ горныхъ рѣчкахъ и вязнуть въ сугробахъ снѣгу, чтобы потомъ опять пересаживаться на донца,—экипажъ, который былъ бы безъ сравненія удобнѣйшимъ, если бы на немъ не было въ это время такъ холодно. Потомъ можно бы разсказать, какъ ночью, потерявъ за туманомъ дорогу, и насилу, съ помощью казаковъ, отыскавъ Правецъ и въ немъ квартиру коменданта, а

въ ней моего начальника штаба Протопопова, уѣхавшаго изъ Орханіе впередъ, мы, съ какимъ-то еще проѣзжимъ генераломъ, послѣ комендантскаго чаю, провели ночь въ комендантской квартирѣ, на комендантскомъ сѣнѣ, съ необыкновеннымъ наслажденіемъ и комфортомъ,—да всѣхъ удовольствій по части баловства не разскажешь, а впереди—Баба-гора.

Не исключительно о военныхъ дѣйствіяхъ, конечно, пойдетъ рѣчь, при описаніи подъема на эту гору, и спуска съ нея. Желающимъ познакомиться съ этимъ путешествіемъ спеціально, можно указать на № 6 „Военнаго Сборника" 1878 года, гдѣ эта „экскурсія" описана довольно подробно, въ рапортѣ ген. Гурко. Но пребываніе на Бабѣ-горѣ и постигшее насъ тамъ бѣдствіе, въ видѣ снѣжной мятели, на высотѣ пяти тысячъ футъ, оставило такія неизгладимыя во всѣхъ подробностяхъ воспоминанія, и отрадныя, и потрясающія, что хотѣлось подѣлиться съ читателями врѣзавшимися впечатлѣніями тѣхъ дней, которые проведены были нами въ совершенно новыхъ, неиспытанныхъ условіяхъ,—да разсказать о нѣкоторыхъ записанныхъ картинкахъ, происшествіяхъ и выдающихся личностяхъ, что́ не можетъ входить въ казенныя бумаги.

Для удобопонятности разсказа, прикладывается набросокъ окрестностей Бабы-горы, и нашихъ по ней движеній.

Работа закипѣла въ Этрополѣ, по полученіи въ бригадѣ извѣстія о предстоящемъ путешествіи на Бабу-гору. Дѣла много: сапоги чинить, новыя опанки дѣлать изъ сырой кожи съ убиваемаго скота, кому на дырявые сапоги, невыносящіе уже починки, а кому прямо на теплыя портянки, которыя надо доставать гдѣ хочешь; сухари и хлѣбъ печь и принимать; скотъ и сѣно закупать; водки раздобыть хоть малость.

Бригада усилена Воронежскимъ пѣхотнымъ полкомъ, Екатеринославскимъ драгунскимъ, двумя сотнями 21-го и 26-го Донскихъ казачьихъ полковъ; да для вящаго пуганія турокъ дали намъ батарею 31-й арт. бригады, дивизіонъ 19-й Донской батареи, и взводъ 16-й конной. Тысячъ пять, при 14-ти орудіяхъ, набиралось.

Однако болгары стали говорить съ ужасомъ, что мы не влѣземъ на Бабу-гору, что снѣгу въ эту зиму выпало множество, что на эту гору зимой никто неѣздитъ; и самъ генеральный штабъ, въ лицѣ шт.-кап. Протопопова, осматривавшаго подъемъ на Бабу-гору въ бытность на ней въ тылу у турокъ, еще въ ноябрѣ,—нахмурился. Только старикъ Данила Васильевичъ Красновъ и усомъ не ведетъ: „пустяки, говоритъ, брешутъ! Экая невидаль, снѣгъ!"

Надобно ознакомить читателей съ этими двумя скромными, но замѣчательными личностями, на долю которыхъ пришлось не мало труда на Бабѣ-горѣ.

Александръ Павловичъ Протопоповъ, еще молодой офицеръ гене-

ральнаго штаба, дѣльный, работящій, находилъ какое-то особенное удовольствіе въ трудностяхъ, и чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ онъ становился покойнѣе по наружности; а глядишь, молчитъ, молчитъ, да и выдумаетъ что нибудь подходящее. Занятый дѣломъ, или неотступною мыслью, онъ забываетъ все: ѣду, присутствующихъ, постороннія обстоятельства, и кажется разсѣяннымъ, потому что углубленъ въ одну мысль. Обыкновенно, въ эти минуты, чтобъ никто не мѣшалъ ему думать, онъ бралъ въ руки механическую работу, наприм. кроки чертить, и чтобъ гористыя мѣста выходили понятнѣе, усердно, какъ выражался самъ, „подъерефенивалъ" выраженіе покатостей. Только къ одному онъ чувствителенъ во всякое время—къ холоду. За то и костюмъ же носилъ онъ! Никогда не забуду его форменнаго, короткаго лѣтняго пальто, надѣтаго на длинный полушубокъ, который далъ мнѣ добрѣйшій г. Бокъ, въ Орханіе, изъ склада Краснаго креста, и который надѣвался на шведскую куртку, подаренную мнѣ тамъ же графомъ Соллогубомъ, и оказавшуюся для меня узкою. Никогда не утѣшусь въ томъ, что Александръ Павловичъ не исполнилъ даннаго мнѣ обѣщанія, снять свою фотографію въ этомъ облаченіи. Зимній „головной уборъ" его состоялъ изъ сѣрой, низкой, круглой, суконной шапочки, съ таковыми же наушниками, завязывающимися концами вокругъ шеи,—взятой изъ того же склада.

Прибавьте къ этому выставляющійся замѣтно изъ подъ этой шапочки, внушительныхъ размѣровъ прямой носъ, опоясанную поверхъ пальто изковерканную пѣхотную саблю, и вы получите очень своеобразную фигурку, въ особенности когда она влѣзетъ на своего долгоногаго коня.

Покуда трудное дѣло было въ работѣ—онъ былъ серьозенъ, не сообщителенъ, говорилъ мало, неохотно; но только что дѣло рѣшалось, въ предположеніи или въявь, онъ дѣлался веселъ какъ ребенокъ, хохоталъ надъ каждой бездѣлицей, и тогда надо было послушать его разсказовъ, анекдотовъ, полныхъ юмора и неподдѣльной веселости. При этомъ—прекрасный товарищъ, добрѣйшая душа, съ прямою, честною, русскою повадкой. Двадцать дней мы съ нимъ рядомъ прожили на Вратешкѣ, сначала въ палаткѣ, потомъ въ землянкѣ, и я привязался къ нему какъ къ брату. За нѣсколько дней, до спуска съ Вратешки, у меня его взяли, а на Бабу-гору опять дали, потому что дорога на нее была уже ему извѣстна. По ней, съ 6 казаками, онъ проѣхалъ еще 14-го ноября, когда погнавъ турокъ изъ Этрополя другой дорогой къ Арабъ-Конаку, мы взяли у нихъ обозъ изъ 300 повозокъ и 3 орудія, которые они не успѣли втащить на перевалъ.

Генералъ Красновъ, участвовавшій въ первомъ походѣ генерала Гурко за Балканы, и командовавшій тогда 26-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ, а теперь сводною драгунскою бригадой, — личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ.

Проведя большую часть моей службы между Оренбургскими и Уральскими казаками, я ознакомился съ нравственными типами казаковъ. Особыя условія ихъ быта, и слѣды ихъ своеобразной исторіи, выработали между ними много качествъ, въ другихъ мѣстахъ ненаходимыхъ и немыслимыхъ.

Съ радостнымъ чувствомъ познакомился я съ Даниломъ Васильевичемъ еще подъ Этрополемъ, именно потому, что нашолъ въ немъ типъ истаго казака, не того — что занимается хозяйствомъ на хуторѣ, или рыбу ловитъ на Уралѣ, а боеваго казака-воина; типъ, который и теперь еще на лицо между казаками, живущими въ самыхъ мирныхъ условіяхъ. Это какъ будто потомки богатырей временъ Тараса Бульбы, одѣтые въ форменные казацкіе чекмени. Куда хотите его запрячьте, чѣмъ хотите его займите, а онъ родился воиномъ, рыцаремъ, и воиномъ умретъ. Вырождаются по немногу эти типы между казаками; но — тѣмъ дороже оставшіеся.

Не имѣя книжныхъ свѣденій о тонкостяхъ военнаго искусства, или какъ говорятъ — науки, Данилъ Васильевичъ дороже и пригоднѣе на войнѣ инаго ученаго. Война для него — вовсе него рькая необходимость. Это его привычная, излюбленная среда. Его страсть къ военному дѣлу можно сравнить со страстью охотника. Этотъ также, путемъ собственнаго изученія, а иногда по какому-то вдохновенію, чутью, узнаетъ всѣ ходы, привычки, натуру, нравы, всю жизнь звѣря или дичи, — самъ доходитъ до лучшихъ способовъ ихъ поимки, или истребленія. Такъ Уральскіе казаки всегда вѣрно предсказываютъ, на какой ятови, сколько будетъ разбагрено рыбы, спящей во время этихъ предсказаній подъ ледяною крышкою. А знаютъ они это потому, что съ осени по цѣлымъ днямъ наблюдаютъ, какъ въ леденѣющей водѣ рыба играетъ... Въ опасности, охотникъ обставляетъ себя строгими мѣрами предосторожности; онъ самъ дѣлается хитеръ на охотѣ, и можетъ перехитрить лисицу. На долгое полеванье — запасается онъ всѣмъ обдуманно, основательно. Не та же ли это война?

Помогаютъ ему преданія старыхъ охотниковъ, и казакъ-воинъ по натурѣ, выросъ на казачьихъ боевыхъ разсказахъ и военныхъ упражненіяхъ. Это любимый предметъ его разговоровъ. Не зовите его на стратегическій совѣтъ, гдѣ принимаются въ соображеніе множество научныхъ данныхъ, гдѣ надо говорить научнымъ языкомъ, обдумыват дѣло съ политической, дипломатической, финансовой и другихъ сторонъ. Онъ тамъ будетъ молчать, хотя вы ошибетесь, полагая, что онъ васъ не понимаетъ. Но дайте вы ему готовыя данныя, и военную задачу поручите рѣшить на дѣлѣ. Тогда вы его увидите; онъ и разскажетъ вамъ все обстоятельно, только вмѣсто „атаковать“ онъ говоритъ: „долбануть“; вмѣсто „отрѣзать путь отступленія“ — „отхватить отъ норы“; вмѣсто: „обезпечить и устроить базу“ — „назадъ оглядывайся, не зѣвай“; вмѣсто: „освѣтить мѣстность“ —

„гляди въ оба“. Словомъ, тутъ и тамъ—основаніе одно: здравый смыслъ, который, конечно, лучше имѣть отъ природы, нежели, при неимѣніи таковаго, почерпать его изъ книжекъ.

Данилъ Васильевичъ опытенъ, поэтому ни одной необходимой подробности, ни одной предосторожности, не упуститъ. Найдется онъ во всякую трудную минуту, какъ никто. Карту онъ отлично понимаетъ, но онъ ее не любитъ, или лучше сказать, она ему лишняя. Стратегическими соображеніями онъ не занимается, а такъ называемыя тактическія, дѣлаются у него сами, безъ напряженій, прямо на мѣстности, лучше нежели мы дѣлаемъ это по планамъ, потому что зрѣніе у него, не смотря на 60 лѣтъ—рысье, а главное—потому, что у него прирожденная или высокоразвитая способность вѣрно оцѣнивать видимое, и кромѣ того угадывать и представлять себѣ также вѣрно—невидимое. Непріятеля, какъ охотникъ—звѣря, онъ знаетъ лучше всѣхъ. Онъ глазъ съ него не спускаетъ, и хотя возитъ съ собой бинокль, но употребляетъ его очень рѣдко. Предсказываетъ онъ, потому что видитъ, то что будутъ завтра дѣлать турки, поразительно.

Никогда, никто не видѣлъ его вспылившимъ, потерявшимъ самообладаніе. Когда ему слѣдовало, казалось, вспылить, онъ въ эту минуту какъ будто что-то обдумываетъ, глядя въ одну точку. Выходило всегда мѣткое и замѣчательное рѣшеніе. Всегда довольный, веселый, онъ послѣ перваго выстрѣла еще больше оживлялся; подъ пулями сыпалъ остротами, прибаутками, добродушными насмѣшками, въ которыхъ выражалось глубокое участіе къ ихъ предмету; подъ ядрами смотрѣлъ ухоремъ, молодился, находя какое-то удовольствіе подъ ихъ музыкой—двадцать лѣтъ съ плечъ долой! Совершенно опять также какъ охотникъ на травлѣ волка, или зайца. Разницы нѣтъ даже и въ степени опасности. Какъ глубоко религіозный человѣкъ, Данилъ Васильевичъ, раненый уже два раза, ее не признаетъ, и о ней не думаетъ, а знаетъ только Божью волю! И тутъ-то онъ, шутя и подбадривая окружающихъ, не упускаетъ изъ виду и вниманія ни малѣйшаго явленія у непріятеля, и какъ будто угадываетъ его распоряженія и намѣренія. Всѣ свои дѣйствія, въ эти минуты, онъ слѣпо подчиняетъ не своимъ планамъ и соображеніямъ, не тѣмъ, или другимъ правиламъ или условіямъ искусства, а прямо тому, что видитъ и угадываетъ у непріятеля, котораго, по его убѣжденію, такъ или иначе побить слѣдуетъ. Онъ ему ужъ ничего не проститъ, ни малѣйшей оплошности, ни колебанія, ни ошибки. Дѣло его подъ Карагачемъ 4 января, когда появившись на флангѣ движенія турокъ, онъ началъ драку въ сумерки, а ночью штыками отбилъ у турковъ 18 орудій, и съ ними отошелъ съ пути слѣдованія всей арміи Сулеймана, сдѣлало бы честь не только всякому искусному тактику, но и отличному стратегу.

Кончилось дѣло — Данилъ Васильевичъ поужинаетъ, стоя прочита-

етъ про себя молитву, перекрестится, уснетъ, и только на другой день, умывшись, причесавшись и помолившись, начнетъ: „А каково мы ихъ вчера долбанули!“ и пошли разсказы и воспоминанія...

Проще его въ образѣ жизни, добрѣе, мягче, безпритязательнѣе и деликатнѣе, не смотря на безъискуственность обращенія, — трудно себѣ представить человѣка.

Данилъ Васильевичъ не нѣженка. Всю зиму проходилъ въ шерстяной фуфайкѣ, подъ форменнымъ чистенькимъ чекменемъ съ георгіемъ, который получилъ еще въ Венгерской кампаніи, когда въ чинѣ хорунжаго, взялъ съ бою 2 орудія, — въ теплыхъ сапогахъ, и въ лѣтнемъ пальто съ башлыкомъ. Съ личностью почтеннаго Данилы Васильевича мы, впрочемъ, еще ближе ознакомимся изъ разсказа.

Надоѣли намъ ужасно нескончаемые ахи и вздохи болгаръ, толковавшихъ, что невозможно влѣзть на Бабу-гору. „Врутъ они всѣ; давайте сюда Цареградскаго!“ Это переводчикъ, называвшійся докторомъ, болгаринъ, находившійся въ турецкой службѣ, и отставшій отъ турокъ, бѣжавшихъ изъ Этрополя, гдѣ его наши чуть не прикололи. Но онъ объявилъ, что передается намъ и желаетъ служить противъ своихъ враговъ. Ген. Гурко прислалъ его ко мнѣ еще на Вратешку, гдѣ онъ былъ очень полезенъ. Безстрашный, кипящій дѣятельностью, неутомимый хотя щедушный, ненавидящій турокъ невозможною ненавистью, знающій 5 языковъ, изъ которыхъ — хуже всѣхъ русскій, онъ меня всегда удивлялъ своею нравственною живучестью, и умѣньемъ влiять на болгаръ.

Цареградскій предсталъ предо мною и Протопоповымъ, и прошепталъ свое: „Que désirez-vous, altesse?“

Онъ увѣрялъ, что турецкихъ пашей всегда называютъ altesse, извинялся въ своей привычкѣ, но никакъ не хотѣлъ ее бросить. Altesse приказало собрать въ 2 дня тысячу болгаръ съ лопатами и веревками, достать скота, водки, овчинъ, кожи, вьючныхъ лошадей и сѣделъ, воловьи сани — все въ почтенныхъ размѣрахъ, ожидая увидать вытянувшееся лицо; — не тутъ-то было!

„Je peux faire tout cela, altesse“ прошепталъ онъ, переминая въ рукахъ шапку „Краснаго Креста“, такую же какъ у Протопопова, съ которымъ мы переглянулись недовѣрчиво.

— Ну, слушайте. Нужно все это непремѣнно. Послѣднее усиліе! Дадимъ что можемъ; деньги есть. Но надобно, чтобъ болгары душу положили въ дѣло. Вѣдь для нихъ же! Понимаете?

— Имъ только хлѣба нужно будетъ, прошепталъ опять переводчикъ.

— Вотъ вамъ прокламація болгарамъ. Переведите ее, и отъ себя прибавьте что слѣдуетъ.

Прокламація гласила: „Болгары! Намъ предстоитъ сдѣлать послѣдній напоръ на турокъ, и перейдти Балканы, гдѣ они держаться не мо-

гутъ. Вы должны помочь намъ везти орудія, нести тяжести, заряды, сухари черезъ горы. Заплачено будетъ всѣмъ, но главная ваша награда будетъ избавленіе отъ турокъ навсегда. Вамъ теперь трудно, но русскимъ труднѣе; они терпятъ для вашей пользы, а вы — для своей. Пройдетъ тяжелое время, и будете благодарить Бога...„

Чрезъ пять минутъ по Этрополю разносился звонъ съ самой высокой колокольни города. Болгары повалили въ церковь и Цареградскій, въ присутствіи Протопопова, сказалъ имъ такую рѣчь, что зажегъ этихъ усталыхъ, измученныхъ бѣдняковъ, которые поклялись сдѣлать все возможное. Потомъ Цареградскій самъ поѣхалъ по окрестнымъ деревнямъ, которыя зналъ какъ свои пять пальцевъ. Къ 14 декабря онъ однако успѣлъ собрать только 720 болгаръ, большею частью съ лопатами, и кирками,—потому что во время форсированнаго марша изъ деревень въ Этрополь, многіе отстали. Многія изъ остальныхъ потребностей болгары отдавали даромъ; имъ объявлено разрѣшеніе г.-ад. Гурко выдать на каждую пару воловъ по золотому, за каждый конецъ подъема тяжестей. Рабочимъ купили хлѣба на 2 дня; но за то ихъ обѣщали смѣнять потомъ другими, по 300 человѣкъ въ день.

Между тѣмъ, заслышавъ въ этропольскихъ лазаретахъ, что опять лѣземъ на гору, многіе изъ великолукцевъ и псковцевъ повыписались въ строй. Ряды пополнились; смѣху значитъ прибавилось, но за то и сухарей и мяса больше потребовалось. Къ счастію измайловцы сдали въ Этрополѣ какіе-то 400 пуд. сухарей. Только и слышно было: „намъ ни почемъ" и „куда угодно"; и все это такъ просто, безъ малѣйшаго хвастовства и ходульства, съ добродушнѣйшею улыбкой, потому что „такъ слѣдуетъ".

Изъ какого это колодца почерпаетъ русскій человѣкъ эту пропасть нравственной силы, выносливости, веселости, и эту живучую способность забывать минувшія лишенія и страданія, когда новые труды впереди?..

Собранный къ выступленію 13 декабря авангардъ, подъ начальствомъ Данилы Васильевича, съ Протопоповымъ на придачу, такъ весело гаркнулъ на мой привѣтъ, такія веселыя рожи и такъ молодцовато-увѣренно на меня смотрѣли; такъ сильны казались эти сѣрые, изтрепанные но живописные ряды, не смотря на лохмотья, кое-гдѣ разъѣвавшіе рты,—что я разцѣловался съ Красновымъ въ полной увѣренности успѣха. Онъ выступилъ съ великолукцами и 4-мя орудіями донской батареи, 3-мя эскадронами драгунъ и 2-мя сотнями донцовъ, потому что всему отряду не для чего было выходить разомъ, въ виду трудныхъ работъ на начинавшемся въ 6 верстахъ отъ Этрополя подъемѣ, на который втаскивать орудія приходилось весьма медленно.

Протопоповъ уѣхалъ впередъ одинъ, на своемъ долговязомъ конѣ, молчаливый, разсѣянный, точно не въ духѣ. Лѣтнее пальто его на полушубкѣ, поднялось какъ-то къ ушамъ, вмѣстѣ съ плечами, какъ у

озябшаго человѣка. Съ Даниломъ Васильевичемъ онъ былъ очень друженъ, и въ угоду старику часто, съ нимъ вмѣстѣ, подшучивалъ надъ иными „учеными“, неумѣющими ѣздить верхомъ, надъ нѣкоторыми „начальникштабишками“ какъ ихъ называлъ Данилъ Васильевичъ, никакъ не допускающій мысли, что могутъ быть военные люди, которые, сѣвши на лошадь, какъ на свое настоящее мѣсто, не составляютъ съ ней одно цѣлое.

Въ ночь съ 13 на 14-е декабря получено донесеніе отъ командира донской батареи есаула Титова о томъ, что онъ поднялся къ ночи, на первый уступъ Бабы-горы, съ двумя орудіями; а другіе два ночевали еще внизу.

Драгуны и казаки 13-го вечеромъ были уже на перевалѣ, разсыпали по близости разъѣзды, нашли сѣна, забрали до сотни барановъ, гулявшихъ передъ Буновымъ, и пострѣлялись съ турецкими всадниками, выѣхавшими оттуда. Данилъ Васильевичъ сообщилъ, что пѣхота не могла добраться въ одинъ день до перевала, по причинѣ сильнаго утомленія людей за разчисткою снѣга.

Покончивъ на другой день, 14-го декабря, съ послѣдними распоряженіями по продовольствію и снабженію отряда, по смѣнѣ рабочихъ болгаръ на горѣ, и проч., тронулся я рано утромъ съ остальною частью отряда: съ псковцами и воронежцами, съ 720 болгарами, сотней казаковъ и конными орудіями. Пѣшая батарея 31 арт. бригады опоздала, и пришла въ Этрополь позднѣе.

Отдохнувшій въ Этрополѣ рыжій мой, очень рѣзво прошелъ, прося повода, по утоптанной дорогѣ, первыя 6 — 7 верстъ легкаго подъема вверхъ по Искеру, разсматривая окрестные пейзажи, и съ недоумѣніемъ видя опять вокругъ себя огромныя горы. Въ началѣ подъема на Бабу-гору, онъ началъ пресмѣшно стонать,—вѣроятно не ожидалъ встрѣтить непріятныхъ старыхъ знакомыхъ,—балканскія ноголомныя крутости. Но усмотрѣвши съ правой стороны своей морды, качающуюся мѣрно, какъ маятникъ, здоровую и вполнѣ ему соотвѣтствующую нагайку, которою я его подчивалъ впрочемъ только въ особенно трудныхъ случаяхъ—онъ очень правильно сообразилъ, что стономъ не поможетъ, а лѣзть надо. Тогда рыжій перестаɫъ стонать, и занялся соображеніями, куда бы это повѣрнѣе ставить свои толстыя ноги, чтобы по правой задней не досталось.

Подъемъ орудій на Бабу-гору, по зимнему пути, оказывался легчайшимъ противъ подъема по голымъ камнямъ и землѣ, на Вратешку. Однако великолукцамъ, въ авангардѣ, досталось много работы по очисткѣ дороги отъ снѣгу. Лѣсная дорога, врытая въ крутые скаты, карнизомъ, была совершенно набита снѣгомъ, котораго огромные сугробы теперь отвалены на нижній край дороги. Привычные къ ходьбѣ по горамъ, бол-

гары скоро нагнали орудія авангарда, схватились за нихъ, и начали разчищать дорогу далѣе, къ перевалу. Наши 4-хъ фунтовыя орудія снимали съ лафетовъ и безъ церемоніи клали на снѣгъ, принявъ предосторожности, чтобъ не ободрать ихъ; потомъ привязывали длинный канатъ, и поперегъ его толстыя палки; за каждую ухватывались по два болгарина, и такимъ образомъ человѣкъ 50 тащили каждое орудіе, какъ по маслу. Съ передками и ящиками—дѣло вышло гораздо труднѣе; въ узкихъ мѣстахъ, и на поворотахъ пришлось изъ нихъ заряды вынимать, и нести на рукахъ; а иногда катить ихъ только на одномъ колесѣ, потому что другое,—за неимѣніемъ мѣста на дорогѣ, надобно было держать на вѣсу. Волы помогали тутъ мало; а сани болгарскія, широкія и длинныя—бросили. Псковцы, съ видомъ знатоковъ, учили болгаръ и воронежцевъ, какъ браться за работу и что дѣлать. „Намъ-де ужъ не впервые, а вы еще ничего не знаете!“

Подбодривъ работавшихъ молодцовъ, въ чемъ особой надобности и не предстояло, я обогналъ влѣзавшую колонну, поспѣшая съ казаками къ Данилѣ Васильевичу, и нашелъ его устроивавшаго бивакъ въ густомъ лѣсу, подъ самою вершиной совсѣмъ лысой Бабы-горы, на западномъ ея скатѣ, не доходя обнаженнаго перевала. Выѣхавъ на перевалъ, мы могли вдоволь любоваться чуднымъ видомъ зимней величавой картины Балкановъ.

На одной вышинѣ съ нами, на перевалѣ, вправо отъ разсчищаемой поперекъ его дороги, виднѣлся старый знакомый, главный турецкій редутъ на Шиндарникѣ; но виднѣлся онъ уже съ другой стороны. Отдѣлялъ его отъ насъ огромный лѣсистый оврагъ, доверху заваленный снѣгомъ. За Шиндарникомъ виднѣлись высоты бывшей нашей позиціи на Вратешкѣ и позиціи графа Шувалова: Павловская гора, Московская, Финляндская, очертанія которыхъ мы наизусть знали. За ними, внизу и лѣвѣе, въ тонкомъ синемъ туманѣ, разстилалась Софійская долина, ближайшая цѣль нашихъ трудовъ и помысловъ; а на скатахъ къ ней—холмы, увѣнчанные высокими турецкими редутами, изъ которыхъ, по временамъ, вырывались клубы дыма. Въ ближайшемъ къ намъ — Гюльдизъ-Табіи, съ помощью бинокля, видна была суета и постоянное снованіе изъ редута въ лѣсъ, гдѣ виднѣлись землянки обширнаго лагеря,—и изъ люднаго лѣса въ молчаливый редутъ.

Прямо, впереди насъ, гораздо ниже перевала, на грядѣ красивыхъ холмовъ съ перелѣсками, отдѣленныхъ отъ насъ также оврагами, стояли турецкіе посты и копошились кучки людей, что-то работавшія. За этими холмами, внизу, должна была находиться невидимая намъ деревня Буново.

Влѣво отъ насъ, на концѣ спускающейся отлогой долины, виднѣлись дома и хаты большаго села—Миркова, подъ крутымъ уступомъ подножія Бабы-горы.

И радъ бы описать вамъ этотъ восхитительный видъ, эти вѣковые лѣса, живописно опушенные снѣгомъ; эти провалы и ущелья съ холодной, мрачной и невѣдомой глубиной, и рядомъ — эти сіяющія свѣтомъ, блистающія серебромъ открытыя вершины, гдѣ все было на чистоту, гдѣ каждая снѣжинка какъ будто радостно ликовала на яркомъ солнцѣ. Да гдѣ тутъ взять достаточно говорящія слова, когда такихъ красокъ, такой дали, такого сочетанія свѣта и тѣней никогда и не видѣлъ! А какъ вамъ передать свои ощущенія, когда кругомъ видится это отсутствіе жизни въ зимней природѣ, когда все существо охватываетъ ея торжественная ледяная тишь, святотатственно нарушаемая только людьми, избравшими эту снѣжную подъоблачную пустыню, для истребленія себѣ подобныхъ... Какъ будто не могли они выбрать на землѣ другаго мѣста, попроще и поудобнѣе!

— „Это они хотятъ, передъ Буновымъ-то, по горкамъ, шиндарниковъ настроить", заключилъ Данилъ Васильевичъ, раздѣлявшій общій, нѣмой восторгъ во время нашего долгаго молчанія, и махнулъ нагайкой на Буновскіе холмы.

Редутъ на Шиндарникѣ онъ, для краткости, называлъ „Шиндарникомъ", да кстати и всѣ турецкія укрѣпленія крестилъ тѣмъ же именемъ.

— „Мимо этихъ горокъ, влѣво вонъ, — дорога въ Мирково, а правѣе холмовъ—въ Буново. Туда трудный крутой спускъ, лѣсомъ, къ ручью и мельницѣ. Турки его загородили, а въ Буновѣ ихъ одинъ таборъ, болгаре драгунамъ сказывали. А вотъ, не угодно ли посмотрѣть какого отличнаго сѣна мои казаки раздобыли!" съ дѣтскою радостью говорилъ Д. В., останавливая одного изъ казаковъ 26-го полка, которымъ онъ прежде командовалъ, и потому всегда этихъ казаковъ называлъ „своими".

Фуражиры поднимались гуськомъ, по брюхо фыркавшихъ лошадей въ снѣгу, изъ Буновскаго оврага, съ такими копнами сѣна, что подъ ними человѣка не было видно. Сѣно дѣйствительно было отличное, мелкое, душистое, свѣжее. Совершенно раздѣляя восторгъ Д. В., потому что это сѣно было кладомъ на перевалѣ, я спросилъ: откуда его возятъ!

— „Изъ подъ самыхъ, вонъ энтихъ бекетовъ, изъ подъ лѣсу", отвѣчалъ казакъ, показывая рукой, „внизъ-то они не спущаются, — боятся!" —„А палятъ?"—„Палили съ ружей. Архипову лошадь ранили."—„Ну, а ты-же что?" спрашивалъ Данилъ Васильевичъ, съ такимъ любопытствомъ и участіемъ, какъ будто дѣло шло о близкихъ родныхъ казака.—Да яжъ ничего, ваше пр—во, навьючилъ да утекъ; чтожъ по нихъ стрѣлять-то!

Тихимъ, добродушнымъ смѣхомъ провожалъ старикъ копны душистаго сѣна, и пристально ихъ разсматривалъ, вырывая по горсти изъ каждаго вьюка, и наслаждаясь душистымъ запахомъ травы. Протопоповъ уже повеселѣлъ, смѣялся, подшучивалъ, и пальто его къ ушамъ уже не

поднималось, хотя носъ былъ красенъ отъ холоднаго вѣтра, который насъ изрядно пронизывалъ.

—„Надо ихъ пугнуть, Данилъ Васильевичъ, съ этихъ ложементовъ; вѣдь роютъ!“—„Навѣрное завтра шиндарникъ будетъ!“—„Поѣдемте-ка, поторопимъ работу и подъемъ орудій! Вонъ туда, поближе, завтра выѣдемъ. Прикажите-ка донцамъ приготовить два орудія“.—„Ну да! а тутъ поразсчистятъ болгары, дорожку-то. Вотъ комедія-то будетъ, когда орудіи перевеземъ сюда“, и по лицу Данилы Васильевича видно было восхищеніе, съ которымъ представлялъ онъ себѣ удивленіе и переполохъ у турокъ, при громѣ нашихъ орудій на Бабѣ-горѣ.

Дорожку-то эту, однако, приходилось вести уже цѣликомъ по открытой площади перевала, на которомъ постояннымъ вѣтромъ снѣгъ переметался съ одного мѣста на другое. Надобно было углубить эту дорогу до земли, потому что снѣгъ былъ рыхлый и глубиною отъ $1^1/_2$ до 2 футъ на малѣйшей покатости; а въ лощинахъ доходилъ до 4-хъ. — Только на самыхъ гребняхъ и вершинахъ, онъ былъ не глубокъ и потверже. Болгарамъ, которыми распоряжался Протопоповъ, съ утра дано направленіе. Построилъ онъ ихъ длинною колоною,—впереди съ лопатами и кирками, потомъ съ дубинами, для разбивки комьевъ, потомъ съ метлами изъ сучьевъ, для смѣтенія снѣга, а потомъ уже безъ всякихъ инструментовъ, для утаптыванія ногами, и кто чѣмъ гораздъ, полотна дороги, которая выходила на славу, почти на самомъ грунтѣ.

Подъѣзжая назадъ къ бивуаку, заслышали мы въ лѣсу, громко раздававшееся гиканье и крики болгаръ, тащившихъ орудія по снѣгу. Цареградскій вьюномъ вертѣлся около нихъ, то ухватываясь за тягу, то давая подзатыльники, поспѣвая всюду; вытащивъ одно орудіе, онъ садился на коня и спускался къ слѣдующему. Однако, въ этотъ день, далеко не всю еще артиллерію втащили. На полъ-подъемѣ, остался съ двумя орудіями ночевать Воронежскій полкъ. Все-же, на завтра можно было обстрѣлять Буновскіе ложементы, потому что два казачьихъ конныхъ орудія уже собирались и готовились, и вся донская батарея была уже на верху. Гильдюзъ-Табію стало быть можно будетъ обстрѣлять только послѣ завтра, а завтра разчистить къ нему дорогу, къ краю оврага отъ него насъ отдѣлявшаго.

Но еще успѣемъ! Получили мы записку изъ отряднаго штаба, что снѣга̀, и на правомъ флангѣ у Чуріака, замедлили подъемъ обходной колонны. Намъ-бы только хоть оттянуть что нибудь у турокъ, къ Бунову или Миркову. Въ послѣднюю деревню они насъ не ждали, потому что спускъ въ нее, въ концѣ долины, въ которую съ перевала шла туда дорога, или тропа, былъ очень крутъ; а Буново турки стали заслонять ложементами, и заградили дорогу, спускавшуюся къ нему лѣсистыми оврагами, набитыми снѣгомъ. Дорога

эта— ничто иное какъ лѣсная тропа, для вьюковъ, и зимой безъ болгаръ ее бы и не найдти. Спускъ не очень выгодный и удобный; такъ что собирая отъ болгаръ всѣ эти свѣдѣнія, и разсуждая о будущихъ нашихъ дѣйствіяхъ, Протопоповъ сдѣлался опять серьезенъ и чѣмъ-то недоволенъ. Чтобъ развлечь его, я сталъ ему, дорогой на бивуакъ, представлять соблазнительную картину вечерняго кейфа, когда кончивъ всѣ распоряженія, заберемся мы въ палатку, которую Иванъ теперь ужъ вѣрно поставилъ, насыплемъ въ ямку углей, и будемъ пить чай, изготовляя донесенія, и получая вечернія записки отъ разныхъ частей отряда. Но все это мало дѣйствовало. Алексѣй Павловичъ медленно, и какъ-то равнодушно, въ раздумьѣ отвѣчалъ: „Да, съ коньякомъ недурно!...“ а пальто его къ ушамъ поднималось.

Бивуакъ нашего лагеря, лежавшаго на крутомъ склонѣ Бабы-горы, находился недалеко отъ опушки лѣса. Правѣе дороги, при которой онъ расположился, тянулось глубокое лѣсистое ущелье, вершина котораго отдѣляла Бабу-гору отъ Шиндарника. Поэтому бивуакъ охранялся на ночь однимъ часовымъ, выставленнымъ у перевала на опушкѣ лѣса, отъ наблюдательнаго пикета, стоявшаго въ лѣсу. Да и то всѣ были увѣрены, что со стороны турокъ никто не подойдетъ—сами мы еще незнали, какъ до нихъ доберемся.

Послѣ яркаго и короткаго луча, которымъ блеснуло солнце изъ-подъ какой-то тучки, предъ самымъ закатомъ, послѣ мгновеннаго освѣщенія розовымъ пламенемъ вершины высокихъ дубовъ и буковъ, между которыми вела насъ лѣсная дорога на лагерный бивуакъ,—быстрыя сумерки спадали на Бабу-гору. Приказавъ вернуть всѣхъ съ работы, осмотрѣвъ бивуакъ, расположенный близь дороги, потолковавъ съ начальниками, и пошутивъ съ солдатами, поставившими свои палатки надъ снѣжными ямами, вырытыми до земли,—мы стали пробираться къ своей ставкѣ.

У драгунъ и артиллеристовъ было тихо; они заняты были конями и сборкою орудій. Тамъ еще и неварили; да и драгуны, больше изъ хохловъ, говорятъ мало и шутятъ съ невозмутимо серьозными лицами. Казаки, у костровъ, говорятъ тихо между собою, и за трапезой сидятъ чинно, по старинѣ. Но въ великороссійской пѣхотѣ оживленіе шло черезъ край. Веселый говоръ между тысячами огней, мгновенно разведенныхъ подъ котелками, въ которыхъ по двое по трое, варили солдаты чай, мясо, кашу; яркое освѣщеніе снизу, оживленныхъ или задумчивыхъ солдатскихъ фигуръ, на сѣромъ цвѣтѣ которыхъ ярко вырѣзывались пестрыя, зимнія одежды болгаръ; лѣсное эхо, сливавшее всѣ звуки въ како-то общій гулъ, какъ будто слышный издали, иногда прерываемый веселымъ раскатомъ хороваго смѣха, или во все горло по секрету сказаннымъ крѣпкимъ русскимъ словомъ, навѣрное еще не слыханнымъ на Бабѣ-горѣ; стукъ топоровъ по сучьямъ, ржанье коней,—все это обыденное и при-

вычное,—здѣсь получало особенный оттѣнокъ въ величавой обстановкѣ Балканской природы. Зрѣлище было, по истинѣ, волшебное и ощущеніе неизъяснимое.

И напрасно бы подумали, что это ощущеніе было недоступно кому нибудь изъ всѣхъ насъ, безъ исключенія. Неразъ въ походѣ случалось каждому видѣть солдатъ, отдохнувшихъ на какой нибудь дневкѣ, и выходящихъ съ бивака на горку,—посмотрѣть какой нибудь чудный видъ, или закатъ солнца. Долго, присѣвъ на землю, и подпершись локтями въ колѣна, или стоя неподвижно, молча оглядывали они даль,—и Богъ знаетъ куда уносились думы ихъ, какія они дѣлали сравненія, что вспоминали... Расходились они также молча, не сообщая одинъ другому своихъ впечатлѣній; но если всмотрѣться въ черты ихъ, легко было замѣтить что то необыкновенно покойное, мягкое, вдругъ осѣнившее эти иногда грубыя и до того—жесткія лица; иныхъ морщинъ совсѣмъ не стало, другіе мускулы сгладились. И долго потомъ они говорятъ между собою тихимъ, задумчивымъ голосомъ.—Нѣтъ! Доступенъ каждому русскому солдату мощный языкъ Творца; понятны, каждому по своему, торжественныя красоты Его дивныхъ твореній! И гдѣ тутъ мѣсто унынію, упадку духа, или сомнѣнію!...

Кстати здѣсь сказать—солдатскіе котелки, снятые съ брошенныхъ ранцевъ, оказались зимою сущимъ кладомъ; пища варилась быстро, топлива требовалось мало. Жалѣли только, что форма ихъ, по случаю пригонки къ ранцамъ, неудобна, и въ ущербъ ихъ вмѣстимости. Прихлебнувъ изъ одного такого котелка, въ который накрошено было свареное мясо съ перцемъ, я проглотилъ такой отличный, густой наваръ, и солдатъ, котораго я спросилъ: „да это, братъ, лучше, чѣмъ вамъ на кухнѣ варятъ?—съ такою увѣренностью отвѣчалъ: „не въ примѣръ, ваше и—во!“,—что я погналъ скорѣе рыжаго къ ставкѣ, узнать не сварилъ-ли Иванъ чего нибудь подобнаго.

Но за необузданное баловство нашего воображенія, судьба, въ дѣйствительности, жестоко подшутила и надъ моей похлебкой, и надъ чаемъ съ коньякомъ Протопопова. Ивана съ палаткой, кухней и моими вещами, выступившаго изъ Этрополя послѣ насъ, на вьюкахъ,—на лицо не оказалось! Потерявъ надежду дождаться его въ ночь, пошли мы съ Протопоповымъ въ палатку Данилы Васильевича, покуда конвойные казаки устроивали намъ одну изъ палатокъ ординарцевъ, клали въ нее пуховики изъ ароматнаго турецкаго сѣна, рыли ямку для углей, да разжигали огромный костеръ для ночной топки, т. е. для подсыпки горячихъ углей въ эту ямку.

Чистенькій конусъ турецкой палатки Данилы Васильевича ютился на узенькой площадкѣ, выбранной подъ нѣсколькими сросшимися буками. Кругомъ снѣгъ былъ разчищенъ до земли и подметенъ; внутри

привѣтливо свѣтился огонекъ. У входа, въ сторонѣ, горѣлъ яркій костеръ, и надъ нимъ кипѣлъ мѣдный чайникъ съ водой, а рядомъ урчалъ котелокъ съ казачьей похлебкой.

— «Напойте чаемъ, Данилъ Васильевичъ?»

— «Да милости-жъ просимъ! Ваши вьюки не пришли? ахъ, Боже мой, да какъ-же это? Эй, давай чаю, да мясца разжарь!»

Казакъ, остриженный въ скобку, заглянулъ въ палатку, захватилъ что-то, и выскочилъ.

Данилъ Васильевичъ, въ мѣховомъ тулупчикѣ и теплыхъ сапогахъ, возсѣдалъ на сѣнѣ, покрытомъ коврикомъ. Крѣпкіе сѣдые волосы на головѣ и въ усахъ, не ладились съ его свѣжимъ еще, молодымъ по выраженію, добрымъ лицомъ, и юркими, подъчасъ насмѣшливыми глазами. Бороду онъ брилъ постоянно въ походѣ, хотя окружала его во всемъ простота обстановки библейская.

Развалившись на сѣнѣ, стали мы съ Протопоповымъ „подводить итоги дня“ и разсылать приказанія на завтра, прихлебывая чай, и грызя турецкія галеты, еще изъ Вратешскаго запаса. Оказалось: въ Великолуцкомъ полку заболѣвшихъ 35 человѣкъ, на лицо 1312 штыковъ; въ Псковскомъ заболѣло 48, на лицо 1580; въ Воронежскомъ 1661 (три роты были еще внизу), заболѣло 10 человѣкъ. Сухарей на 4 дня, чаю и сахару на 3, водки на 3 дня, да не вездѣ есть. Лишь бы не долго они тамъ обходили, а то не бѣда. Сухарей и скота достанемъ изъ Этрополя, водку раздѣлимъ. Дорогу въ Буново, хоть съ дракой, разчистимъ; да къ тому же, спускаться вѣдь не то что, лѣзть въ гору.

Живо будемъ подъ Буновымъ, и сначала хоть съ одной пѣхотой упадемъ туркамъ, какъ снѣгъ на голову. За Балканами же будемъ жить на счетъ турковъ, которые про насъ вѣрно что нибудь припасли, по привычкѣ.

Стало быть завтра всѣхъ болгаръ — разчищать дорогу къ Бунову, и къ Шиндарнику; вывезти два орудія противъ Буновскихъ ложементовъ, и обстрѣлять ихъ; послать 2 эскадрона драгунъ, съ сотней казаковъ, къ с. Миркову,—узнать что тамъ дѣлается.

— А гдѣ начальникъ отряда? слышится звонкій молодой голосъ вмѣстѣ съ храпомъ запыхавшагося коня.

— Сюда, вотъ сюда, объѣзжайте сугробъ по тропиночкѣ, указывали казаки.

Вошелъ ординарецъ г.-ад. Гурко, Кавалергардскаго полка Казнаковъ, выпросившійся въ армію, въ числѣ другихъ невыдержавшихъ латниковъ, оставленныхъ въ Петербургѣ. Миловидный юноша въ бѣлой фуражкѣ, въ петербургскомъ пальто на полушубкѣ, въ лядункѣ, и опоясанный палашомъ, доложилъ, что присланъ г.-ад. Гурко на 3 дня.

въ которые предполагалось перевалить за Балканы; потомъ онъ долженъ былъ ѣхать доложить о спускѣ отряда внизъ.

Слѣдомъ за нимъ, по конной почтѣ, получена записка отъ генер.-лейт. барона Криденера, подъ начальство котораго поступилъ нашъ отрядъ,—что большія затрудненія, встрѣченныя обходными колоннами праваго фланга при подъемѣ на Балканы, заставили еще на день отложить перевалъ. Ну, а мы свое дѣло на завтра оставили безъ перемѣны.

Обогрѣвъ и напоивъ чаемъ юношу, съ отцомъ котораго я былъ товарищемъ по академіи, и который мнѣ напомнилъ моего поручика артиллеріи, уцѣлѣвшаго подъ Плевной, и громившаго своимъ взводомъ Османа-пашу, выкуреннаго изъ гнѣзда 28 ноября, — приступили мы къ разпросамъ и расказамъ. Протопоповъ, видя что не намъ однимъ трудно, пересталъ раздумывать, и пошла бесѣда на ладъ, а Данила Васильевичъ всегда до нея охотникъ.

— А вотъ, изволите видѣть этого казачишку, продолжая расказъ о своихъ казакахъ 26 Донскаго полка, говорилъ онъ, указывая на деньщика, ставившаго на коврѣ водку и котелокъ съ „разжаренымъ мясцомъ“— хвастаетъ что Шиндарникъ можетъ взять! „А? Можешь?“ Ну раскажи какъ бы его можно взять?

— Точно такъ, взять можно, ваше присхадительство.

— Ну, да какъ же можно—разскажи?

— Расказать доподлинно не могу, а докладывалъ я вамъ, ежели бы то есть нашимъ станичникамъ, изволили приказать: возьмите молъ, братцы, самый этотъ Шиндарникъ,—и точно бы взяли.

— Да какъ-же бы вы взяли то? приставалъ Данила Васильевичъ, „вотъ ты и раскажи; на конѣ, съ пикой чтоли?

— Зачѣмъ на конѣ съ пикой! Ужъ не могу знать, какъ бы взяли, а точно бы взяли. Собрались бы это, посудили бы, высмотрѣли бы, а потомъ подползли бы, да и влѣзли бы въ крѣпость-то.

— А какъ бы васъ тамъ рожномъ приняли?

— Зачѣмъ рожномъ! Мы бы не полѣзли, кабы на рожонъ; а стало быть полѣзли бы, кабы рожна неждали. Вонъ они ночью, говорять, сплошь спять! *) Всѣхъ бы и передушили, а не то бы связали, и къ начальству бы предоставили,—не хвастливо, а совершенно просто и покойно доказывалъ казакъ, какъ будто расказывалъ, какъ онъ завтра чѣмъ свѣтъ засѣдлаетъ маштака своего, сядетъ и поѣдетъ.

— Ну, а тамъ, насчетъ всякой шарабары, у турковъ то?

— А это, ваше присхадительство, чтобы все наше было, по уговору,—съ разплывшимся вдругъ лицомъ, отвѣчалъ казакъ, показывая бѣлые зубы.

---

*) Букву *г* Донцы, какъ извѣстно, выговариваютъ гортанно—ни *г*, ни *х*, и говорятъ не *могутъ*, а могу́ть, не *ночью*, а *ночью́*.

— Вотъ изволите вы видѣть! Совсѣмъ дикій народъ! У меня въ полку такихъ землеѣдовъ много. Все онъ можетъ, чортъ его знаетъ; отказу нѣтъ,—какъ будто нападая на „землеѣдовъ“ говорилъ Данила Васильевичъ, когда вышелъ казакъ. Но замѣтно было, что онъ высоко цѣнилъ эту казачью самоувѣренность, и предъ нами ею хвасталъ. На дѣлѣ, скоро мы увидѣли, что онъ въ землеѣдахъ не ошибается.

— А что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, Данила Васильевичъ, можетъ и впрямь взяли бы они редутъ. Если бы такую задачу, хоть бы вашего полка казакамъ, самимъ предоставить рѣшить, какъ знаютъ. Выискались бы молодцы, разнюхали бы все, да и забрали бы Шиндарникъ?

— Да гдѣ-жъ! Такъ, зря болтаютъ! Необразованные, землеѣды! какъ будто ужъ съ насмѣшкой, съ притворною за казаковъ скромностью, отвѣтилъ Д. В. „Не ихняго ума это дѣло! Вонъ псковцы же не взяли! вдругъ съ жаромъ началъ доказывать Данила Васильевичъ, намекая на 17 ноября, когда 3 роты псковцевъ въ туманѣ подползли къ редуту и ухнули на него, потому что имъ показалось, что турки отступаютъ.

— Да не во время же полѣзли, безъ спросу; вотъ ихъ и попятили!

— Ну, вотъ то-то же! съ какою то неопредѣленною усмѣшкою заключилъ старикъ. Онъ ужъ кажется надъ нами подтрунивалъ, по привычкѣ.

— А вотъ, на какую-нибудь казачью выдумку—они мастера̀! Совсѣмъ безшабашные, продолжалъ Данила Васильевичъ. Вотъ какъ мы это, подъ Эски-Загрой, да подъ Журавлями (Джуранли) были съ Гуркой... и сталъ онъ расказывать про первый походъ за Балканы, отрывочно, живописно и для привыкшаго къ его рѣчи, совершенно понятно. О землеѣдахъ уже забыли, разпрашивали о подробностяхъ похода, а межъ тѣмъ въ котелкѣ съ разжаренымъ мясцомъ ничего не осталось.

Кстати, рекомендую гастрономамъ это блюдо, которое на кулинарномъ языкѣ можно назвать: boeuf à la Krasnof. Въ котелокъ кладется рубленый лукъ и крошеное мясо; кипятится это въ говяжьемъ жирѣ, или еще лучше въ буйволовомъ маслѣ, (котораго на Вратешкѣ у насъ было въ изобиліи, изъ Вратешскаго магазина оставленнаго турками). Servez brulant; доставайте по кусочку вилкою и кушайте съ турецкими галетами (адресъ магазина тотъ-же), а если хотите вполнѣ проникнуться прелестью этого блюда, то прикажите подать его на морозѣ. Какъ pièce de résistance,—оно неподражаемо.

Но вотъ Д. В. достаетъ бутылку краснаго вина (водки онъ не пьетъ), и восхищаетъ насъ окончательно.

— А помните, Д. В., какъ на Вратешку то мы лѣзли?

— А какже! Ваши то великолукцы, какъ полѣзли въ гору, когда вы ихъ послали цѣпью! Да злые же какіе; ажъ сопять, и не говорять

ни гу-гу, только лѣзуть! Да; вѣдь чуть тогда отъ норы насъ не отхватили! Сохрани Богъ!

— А вы Д. В., такъ вѣдь и не слѣзали съ коня!

— Такъ чтожъ! Я пѣшкомъ такъ не могу ходить. Верхомъ—куда угодно. За то ужъ, какъ долѣзли великолукцы, какъ вдарили!,.. ажъ пыль поднялась съ камней-то! А раскажите, какъ это раненый то,—съ туркомъ то, „ажъ сюда вышло!“ Какъ это было? Вотъ послушайте, обратился Д. В. къ Казнакову.

Въ другой или третій разъ, сталъ я расказывать при Д. В., дѣйствительно характерный случай, въ дѣлѣ на Вратешкѣ.

Молодой солдатъ Великолуцкаго полка спускается изъ цѣпи подвигавшейся въ гору, раненый въ ногу, подпираясь ружьемъ, очень довольный, и хохочетъ, завидя товарищей поддержки. Очень понравилась мнѣ эта фигурка, съ „кепой“ на затылкѣ; молодое безусое лицо горитъ, и какъ то нервно не можетъ удержаться отъ смѣху.

— Что, братъ, зацѣпило?

— Ничего, ваше превосходительство, скрозь, ха-ха-ха!

— Что ты дуракъ хохочешь? остановилъ его Лебединскій, бригадный и отрядный адъютантъ, самъ заражаясь его смѣхомъ.

— Да что, братцы! прислонясь къ дереву, обратился раненый къ солдатамъ, улыбавшимся на него глядя. Я раненый, значитъ, иду, подпираюсь, а вонъ тутъ, изъ за дерева, или изъ ямы, на меня турокъ съ ружьемъ, да вотъ этакъ! „Тутъ солдатъ показалъ, какъ турокъ его ткнуть хотѣлъ штыкомъ. „Я какъ на него крикну: „Что ты подлецъ, вѣдь я видишь раненый!“ Онъ ружье то и опустилъ, спужался! А я какъ шаркну его,—ажъ вонъ куда вышло!“ заключилъ онъ, показывая на горло и затылокъ.

Тутъ уже грянулъ общій хохотъ,—и забыли слушать, какъ кругомъ, по сучьямъ чиркали турецкія пули. Смѣхъ дѣйствительно былъ заразителенъ; только такой же нервный, какъ у раненаго.

— Чтожъ у тебя въ ногѣ-то кости цѣлы, молодчина ты?

— Ничего, ваше пр—во, въ самую мякоть, скрозь, весело отвѣчалъ молодецъ, махнувъ рукой, и опять съ хохотомъ заковылялъ на перевязку.

— О! какой молодчина! Данила Васильевичъ даже руками хлопнулъ себя по колѣнкамъ. Каждый разъ слышалъ онъ этотъ разсказъ съ тѣмъ же восхищеніемъ и громкимъ смѣхомъ. Не удивляли его конечно подобные молодцы; видалъ онъ ихъ! Но онъ любилъ эти разсказы, и въ настоящемъ случаѣ, казалось, находилъ ихъ самыми приличными.

— А этотъ-то? Унтеръ-офицеръ то! Я ей-богу диву дался, какъ онъ вскочилъ! О, совсѣмъ сѣлъ на носилкахъ!

Этотъ случай былъ очень грустный и тяжелый; расказывать его я отказался потому, что Д. В. самъ былъ при немъ, на Вратешкѣ же. Но

здѣсь кстати сообщу его, какъ почтенную черту въ солдатѣ, привыкшемъ къ строгой исполнительности всѣхъ служебныхъ мелочей, и вѣрящемъ въ начальство.

Несли мимо насъ, изъ цѣпи, тяжело раненаго унтеръ-офицера, на носилкахъ. Просилъ онъ остановиться, ради-Христа, вздохнуть. Изъ стиснутыхъ зубовъ его вырывался тяжкій стонъ; опрокинутая голова съ закрытыми глазами, смертельная блѣдность лица, и скорченное положеніе тѣла, показывали сильное страданіе. Солдаты обступили любимаго унтеръ-офицера. „Петръ Никитичъ, голубчикъ! Да положите его ловчѣе. Больно тебѣ, родимый?“ спрашивали солдаты,—„Смерть моя, братцы, не шевелите, мочи нѣтъ!“ съ долгимъ стономъ отвѣчалъ бѣдняга.—Куда раненъ? спросилъ я шопотомъ носильщика. Тотъ поднялъ бортъ шинели; бокъ мундира былъ разодранъ, рубаха и тряпка, послужившая первою перевязкой,—въ крови; съ носилокъ тоже капала кровь; пуля попала въ нижнія лѣвыя ребра.

— Ахъ ты Боже мой! Да несите жъ скорѣе къ доктору, заторопились солдаты.—Стой братцы, дайте вздохнуть, не могу я идти, смерть моя, стоналъ раненый... „Дайте ему, ребята, глотнуть“ тихонько сказалъ я солдатамъ, подавая фляжку съ коньякомъ, вынутую изъ кобуры, и видя, что раненый очень слабѣетъ.—„Выпей, Никитичъ, водки; вотъ здѣсь.“—Не надо, смерть моя!—„Выпей, голубчикъ, легче будетъ; вотъ генералъ подаетъ“ жалобно упрашивалъ молодой, плачущій солдатикъ.

Въ одинъ мигъ, раненый схватился руками за носилки, рванулся и сѣлъ; всѣ даже отпрянули!

— Ваше пр—во! Покорнѣйше благодарю, началъ онъ громко, отыскавъ меня мутнымъ взглядомъ,—и кончилъ шопотомъ, тихо опускаясь на руки солдатъ. Затѣмъ взялъ горлышко фляги въ ротъ, и жадно глотнулъ. Чрезъ минуту, съ улыбкой закрывая глаза, страдалецъ прошепталъ: „ну вотъ, легче стало, братцы, несите.“

Не видали мы больше Петра Никитича! Пуля, надѣлавъ въ немъ бѣды, засѣла гдѣ то въ спинѣ, и на третій день похоронили его въ общей могилѣ на Вратешкѣ.

Затихло все вокругъ штабной ставки, когда мы выбрались изъ палатки Данилы Васильевича, пожелавъ ему покойной ночи. Слышался только легкій говоръ засидѣвшихся у костровъ, да жеванье и фырканье лошадей.

Подъ яснымъ звѣзднымъ небомъ, покрытый опушенными снѣгомъ вѣтвями, спалъ православный людъ богатырскимъ сномъ, кучками, прижавшись плотно другъ къ другу. Костры догорали и тухли.

По дорогѣ встрѣтили мы Цареградскаго, измученнаго, съ блестящими отъ жару глазами. „Altesse, позвольте ѣхать въ Этрополь. У меня лихорадка; я тамъ переночую и вылечусь, а завтра буду съ болгарами“.—

„Съ Богомъ! хина есть?"—Non, altesse, говорилъ онъ все шопотомъ и по французски скороговоркой.—„Вотъ вамъ порошки, примите сейчасъ и на ночь; болгаръ торопите".—Oui, altesse, merci.

Нашъ ночлегъ былъ не хитрый. Такъ какъ удобствъ, оставшихся въ Этрополѣ, не было, то дѣло становилось очень просто. Направо въ палаткѣ постель на сѣнѣ Протопопова; налѣво на сѣнѣ—моя; въ срединѣ на сѣнѣ—Казнакова. У обоихъ впрочемъ вьюки кое-какіе были, и они снявъ сюртуки, и завернувшись во что могли, разстянулись. Посмотрѣвъ на нихъ, и снявъ оружіе, послѣдовалъ и я ихъ примѣру, разстянувшись на буркѣ. Затѣмъ, начали мы передъ сномъ, по обыкновенію, „мечтать" съ Протопоповымъ, т. е. придумывать, какъ бы хорошо было то-то, и то-то.

— Представьте вы себѣ, Александръ Павловичъ, еслибы у нашего солдата, вмѣсто тяжелаго обоза, Богъ-вѣсть гдѣ застрявшаго, было при себѣ все нужное на вьюкахъ, и патроны, и сухари, и шанцовый инструментъ. Вѣдь легче было бы ему вдвое, что ни прикажи; всегда сытъ, бодръ и ни чѣмъ его не замучишь.

— „Да, если бы и ружье везли ему на вьюкѣ, и кухню, и вареный обѣдъ".

— Зачѣмъ ружье, какъ говорилъ землеѣдъ Д. В-ча, ружье ему въ рукахъ всегда нужно. Нѣтъ, безъ шутокъ; кухню тоже трудно провезти вездѣ, хотя есть такое изобрѣтенье Лишина; а вотъ легкіе котлы, на 5 на 6 человѣкъ, одинъ въ другой вкладывающіеся, было бы лучше возить на вьюкахъ, чѣмъ бывало въ одной повозкѣ съ патронами, за которыми теперь отсюда посылать далеко. Вѣдь у насъ, у каждаго солдата по 96 патроновъ, а у самаго дряннаго турки, по 200 въ карманахъ, за пазухой, вездѣ насовано, а въ укрѣпленіяхъ—въ волю.

— „Мало ли чего! У турковъ патроны чужіе, аглицкіе, а у насъ свои; вотъ и бережемъ. Да и во что все это обойдется?"

— Колеснаго обоза меньше будетъ. Вьючный обозъ, только въ военное время нуженъ; на смотрахъ одни бы сѣдла болгарскія показывали; лошадей на походъ, по конской повинности получали бы. А въ итогѣ была бы выгода. Вотъ теперь и дешевый обозъ, да что въ немъ, когда его везти нельзя, а солдатъ измученъ; на шарамыжку, второпяхъ сдѣланные вьюки и плохи, и мало ихъ; лошади сбиты всѣ. Теперешняя служба исключительно тяжела, но вѣдь солдатъ ко всякой долженъ быть готовъ; надо его хоть въ ношѣ облегчить.

— „Да и то ужъ облегчились, подшучивалъ Протопоповъ, ранцы бросили, запасные штаны и сапоги бросили, одни лохмотья остались"!

— „Самое лучшее доказательство, что запасныя вещи солдата должны быть въ обозѣ; тогда и цѣлы будутъ, и подвезутся всегда на вьюкахъ".

— „А посмотрите на воронежцевъ; какими женихами смотрятъ, точно изъ казармъ сейчасъ“.

— „Да вѣдь они 24 дня не стояли на Вратешкѣ; за то пришли сюда въ лѣсъ безъ шанцоваго инструмента, потому что надо было скоро идти изъ подъ Плевны—и бросили“!

— „Да, чай у нашихъ топоры-то занимали, началъ сдаваться Протопоповъ“.

— „А хорошо бы теперь, Александръ Павловичъ, передъ каминомъ въ теплой комнатѣ, поболтать, да поспорить съ родными и знакомыми, на сонъ грядущій“!

— Да вѣдь и здѣсь ногамъ тепло.

— Тепло, да все не то.

— А Казнаковъ ужъ давно храпитъ; задаетъ же генералъ Гурко работы своимъ ординарцамъ. Писемъ что то давно не было... Покойной ночи.

— „Не надолго, разбудятъ еще ночью“.

А ночью всегда пріѣзжали нарочные, или привозили конвертъ по конной почтѣ. Въ концѣ дня, начальники всѣхъ позицій разсылали донесенія, сообщенія, записки за минувшій день, и эти бумажки получались всегда ночью; такъ что послѣ, даже подъ Константинополемъ оставалась привычка ночью просыпаться, и часа на два—сна нѣтъ, покуда что нибудь не напишешь, или не прочитаешь.

И въ этотъ разъ получена была въ ночь записка генерала Криденера о томъ, что аттаку на главную позицію турокъ отложили на 16-е декабря, вслѣдствіе тѣхъ же затрудненій при подъемѣ на горы.

Тихо опять стало вокругъ. Протопоповъ съ наслажденіемъ завернулся, когда подложили красныхъ углей въ ямку,—и заснулъ. Юноша и не просыпался. Сна нѣтъ, а какая-то дремота, и жутко дѣлается, какъ подумаешь что-то завтра и послѣ завтра будетъ, что-то дѣлается въ этомъ красивомъ редутѣ на Шиндарникѣ; но вотъ, на мѣстѣ величественной снѣжной горы, съ редутомъ на вершинѣ, и лѣсомъ по скату—грезится цѣлая аллея садовъ, опушенныхъ также снѣгомъ, широкая между ними улица, извощики въ санкахъ,—да это большой проспектъ Васильевскаго острова! Вотъ и яркій, недавно вызолоченный куполъ церкви Андрея Первозваннаго, вотъ андревскій рынокъ съ цѣлымъ рядомъ публики, спиною къ улицѣ, торгующейся у мелочныхъ лавочекъ; вотъ и торговка съ яблоками, всегда сидящая на углу, при поворотѣ между садами во дворъ, и всегда выставляющая свою скамейку на дорогу, сколько ей ни говори, что её когда нибудь колесомъ задѣнутъ. А поворотъ этотъ—во дворъ коротко знакомаго дома. Никого однакоже не видно... что-то тамъ мои подѣлываютъ?—Вотъ я и подъ темнымъ сводомъ воротъ; вотъ дверь дворника Алексѣя—всегда подвыпившаго, но исправнаго. Ничего

больше не видно... ногамъ холодно; храпъ слышенъ и трескъ костра... да это опять наша палатка! Съ досады я перевернулся, завернулся еще чѣмъ-то, и до свѣту проспалъ сладкимъ подъутреннимъ сномъ.

Славно спится на зимнемъ бивакѣ, въ особенности послѣ усталости, и если что нибудь не тревожитъ сильно. Встанешь утромъ,—скорѣе торопишься надѣть то, что цѣлый день ужъ не снимешь. Покуда не одѣнешься и не напьешься чаю, все что нибудь раздражаетъ—тутъ отлежалъ, тамъ дуетъ, здѣсь холодно. Послѣ перваго стакана чаю,—все это какъ съ гуся вода, а если вторымъ успѣешь побаловаться, такъ ужъ и нѣга какая-то нападаетъ. На этотъ разъ, насъ напоили чаемъ ординарцы, ночевавшіе рядомъ.

День 15-го декабря начинался дурно. Докладываютъ, что дорогу, которую вчера расчистили по гребню, за ночь опять замело.

— Лебединскій, голубчикъ, сейчасъ болгаръ на работу

— Ужъ начали; разчищаютъ.—„Батальонъ въ подмогу—Великолукцевъ".—Слушаю.—

Поручикъ Лебединскій, выбранный мною въ бригадные адъютанты, еще въ Сельви, взятый и отряднымъ адъютантомъ,—лихой малый, отличный стрѣлокъ, типъ современнаго армейца, трудоваго, храбраго развитаго офицера.

— Сѣдлать!—Готово, медленно отвѣчаетъ, густымъ басомъ деньщикъ мой Сулеймановъ, изъ казанскихъ татаръ.

— Иванъ пришелъ съ вьюками?—„Никакъ нѣтъ; Ивана нѣтъ„—А! чортъ возьми! обругался я, выходя изъ палатки.

Бивакъ уже оживился. Котелки опять появились надъ дымящимися кострами; снизу слышались дружные крики Воронежцевъ, поднимавшихъ послѣднія орудія.

Захожу къ Краснову—„Не проѣдемъ, съ орудіями-то, Данила Васильевичъ, опять занесло!"

— Слышалъ. Проѣдемъ, преспокойно отвѣчалъ онъ, наливая чай. Болгаръ много; разчистятъ. Не угодно ли чайку?

— Да вѣдь надо торопить!

— Успѣемъ; вотъ разчистятъ покуда; а орудія готовы. Милости прошу.

Я всегда замѣчалъ, что спокойствіе, даже наружное равнодушіе къ окружающему, дѣйствовали на горячку, суету, и даже на общее волненіе въ трудныя минуты, лучше шутки, смѣху, или какой нибудь необыкновенной выходки. И теперь, принявъ прописанный мнѣ почтеннымъ Даниломъ Васильевичемъ стаканъ холодной воды,—сѣлъ я за чай. Протопоповъ уѣхалъ на работу.

— Ну, что получили новаго? разспрашивалъ Д. В.

— Да все откладывается перевалъ!

— Да! Это не то что у насъ—горы; да и шутъ ихъ знаетъ, дороги-то, на той сторонѣ,—когда спускаться будутъ,—каковы окажутся, разсуждалъ старикъ, покачивая головою.

— А чтожъ драгуновъ-то вашихъ? послать надобно ихъ на Мирково; пускай хоть дорогу утопчутъ. Какъ вы думаете, проѣдутъ они туда?—

— А ктожъ ихъ знаетъ—пошлемъ!

— Да вы какъ думаете?

— А ничего жъ я о нихъ не думаю, неохотно отвѣчалъ Данила Васильевичъ. Эй, урядника! Бѣги въ драгуны, чтобъ сѣдлать повчерашнему приказу; да и сотнѣ моихъ, знаешь?

Урядникъ вихремъ выскочилъ изъ палатки.—

Садясь на лошадь, Данила Васильевичъ оглядывалъ ее всегда съ любовью и заботливостью. Видя, что все въ порядкѣ, онъ медленно подошелъ, какъ то лѣниво взялъ поводья съ гривою и занесъ ногу, но только что она коснулась стремени, онъ быстро и легко, какъ юноша, вскочилъ въ сѣдло, потомъ по казацкой привычкѣ, на секунду привсталъ на стременахъ, подхвативъ подъ себя пальто, и весело повернулъ коня на мѣстѣ.

— А вы сегодня не на рыжемъ?

— Нѣтъ; тутъ ногъ ломать не будемъ; да и тотъ пальбы боится.

— Да! ну этотъ боевой конь! Грековъ самъ ѣздилъ.

Бурый донецъ, завода Иловайскаго, купленный у Митрофана Ильича Грекова въ Сельви, старый, но неоцѣненный конь по удивительнымъ алюрамъ, слушалъ этотъ комплиментъ съ особеннымъ удовольствіемъ, покуда я на него садился. Правда, что турецкаго сѣна онъ поѣлъ наканунѣ вдоволь, и по брюху было видно, что онъ имѣлъ достаточое основаніе быть въ хорошемъ расположеніи духа.

Драгуны рысцой уже оставляли бивакъ, когда я здоровался съ отдохнувшими й поѣвшими псковцами и казаками. Было 10 час. утра. Денекъ былъ сѣренькій, облачный, безвѣтряный. Рыхлый снѣгъ, занесшій вчерашнюю работу по расчисткѣ дороги, легко разгребался болгарами и Великолуцками. Два орудія запрягались. Доктора Краснаго Креста, всегда веселый Головачевъ и всегда серьозный Веймаръ, поставили свою палаточку на краю бивака, у дороги, и приготовивъ въ ней все что нужно, поглядывали съ любопытствомъ по сторонамъ, какъ будто спрашивая: а что? когда же это намъ работа будетъ?

— А сколько градусовъ, докторъ?—Сегодня тепло; градусовъ 8,9.

На перевалѣ было тихо; но работы предстояло много. Рабочіе раздѣлились. Одна часть разчищала дорогу на Буново, съ которой еще вправо надобно было вывести путь на г. Сухое Корыто, для постановки на нее орудій, изъ которыхъ мы хотѣли стрѣлять въ тылъ Гюльдизъ-

Табіи. Другая—продолжала разчищать дорогу на Мирково, къ ложементамъ, вчера начатымъ турками въ нашемъ виду; ее уже нѣсколько растоптали спустившіеся въ оврагъ драгуны, посланные въ Мирково.

Работа кипѣла. Увидѣвъ съ нашей стороны усиленное движѐніе, турки высыпали на Буновскіе холмы, и на редутъ Гюльдизъ-Табія; стоя неподвижною стѣной, они какъ будто любовались нашей работой, недоумѣвая, что изъ этого можетъ выйдти. Изъ лѣсу близь Гюльдизъ-Табіи, поднималась въ редутъ, длинной вереницей, въ одиночку, турецкая пѣхота съ ношей, видимо покидая свои землянки въ лѣсу. Отчетливо показывали бинокли ихъ черныя фигуры на бѣломъ снѣгу, и мы заключили, что турки куда нибудь высылаютъ изъ редута стоявшій близь него резервъ. Кромѣ этого, на турецкихъ позиціяхъ—ни движенія, ни выстрѣла.

— Ну ладно! кивая на редутъ, говорилъ Д. В.; погодите и вамъ ужо будетъ!

Спустившись съ гребня, слѣдомъ драгунъ, на холмикъ, лежащій вправо отъ дороги на Мирково, съ котораго хотѣли обстрѣлять Буновскіе ложементы, мы увидали, что на нихъ идетъ усиленная работа; народу было много; видно болгаръ согнали изъ деревни.

Спускъ съ гребня былъ довольно скоро расчищенъ болгарами, но въ лощинѣ, отдѣляющей его отъ холма, побились долго; сильно ее замело снѣгомъ. Наконецъ довели дорогу до гладкой вершины холма, гдѣ почти снѣгу не было. Тогда орудія спустили въ лощину, и подвезя къ холму, дали вздохнуть лошадямъ.

— Далеко, Д. В.; нехватятъ туда 4-хъ фунтовки.

— Зачѣмъ нехватятъ! Какъ нехватятъ! а все жъ надо попробовать. Титовъ, пожалуйте сюда; хватятъ?

Но есаулъ Титовъ, командиръ Донской батареи, серьозно осмотрѣвъ огромный лѣсистый оврагъ, отдѣлявшій насъ отъ ложементовъ, объявилъ: „Ущелье и снѣгъ обманываютъ. Увидимъ по выстрѣламъ.

— Прикажите вывести сюда орудія, и начните“.

Титовъ медленно поѣхалъ къ взводу, выстроенному на отлогомъ скатѣ, что-то обдумывая. Мы слѣзли съ коней и приготовились наблюдать выстрѣлы изъ биноклей.

— А вотъ гдѣ сѣно-то берутъ, показывалъ Д. В. съ наслажденіемъ на стога; вонъ энтотъ нашъ, и этотъ початой тоже нашъ, а вонъ и за лѣсомъ нашъ, растрепанный!

— Фейерверкеры на позицію! неожиданно раздалось позади насъ, и два урядника во весь духъ вынеслись на холмъ, повертѣлись вьюномъ, и стали какъ вкопанные на выбранныхъ мѣстахъ, которыхъ, правду сказать, выбирать было не изъ чего

— О! весело поглядывая на насъ, воскликнулъ Д. В. съ поднятымъ пальцемъ. Значитъ—хочетъ по формѣ! шепнулъ онъ.

— Ну пускай; я радъ посмотрѣть. Самъ служилъ въ казачьей артиллеріи.

— Взводъ, впередъ, на позицію! съ мѣста въ карьеръ, маршъ,— маршъ,—грянулъ командиръ взвода.

Изъ тучи поднявшагося снѣгу, почти беззвучно по мягкой дорогѣ, только при хлестѣ нагаекъ, вылетѣлъ ухарскій взводъ на вершину холма. Ѣздовые съ махающими руками, нумера нагнувшіеся на гривы разстилающихся коней, живо вспомнившихъ свое дѣло по уставу, орудія болтающіяся и прыгающія какъ мячики, за безшабашной шестеркой, несущейся сломя голову,—все это такъ напомнило давно-былое, такъ было радостно—неожиданно въ нашей суровой обстановкѣ, что я любовался съ восхищеніемъ! Конно-артиллеристы поймутъ это въ особенности. Но откуда взялась прыть у артиллерійскихъ лошадей? Правда, что они на Бабу гору не везли орудія, и турецкаго сѣна хорошо поѣли—да и степняки все.

— На лѣво кругомъ! Стой, съ передковъ отъѣзжай, распѣвалъ довольнымъ голосомъ взводный командиръ. Прислуга повалилась съ коней, на мгновенье все сбилось въ кучу, поднялась суета, какъ будто безпорядокъ.

— Первое! строго скомандовалъ офицеръ.

— Пли! визгнулъ фейерверкеръ, и когда медленно отнесенный дымъ перваго выстрѣла очистилъ вершину—два орудія стояли чинно, рядкомъ, съ неподвижною прислугой, какъ на ученьи, а передки равняясь, шагомъ отъѣзжали подъ горку.

— Вотъ те и по формѣ, брякнулъ Протопоповъ,024слѣдивъ разрывъ гранаты въ оврагѣ.—Не долетѣла!

— Ничего, поправимся; видите, Титовъ у втораго орудія хлопочетъ. А какъ лихо выѣхали! Очень я любилъ конно-артиллерійское ученье, командуя четвертымъ взводомъ. Ну развѣ есть болѣе красивое построеніе, какъ выѣздъ конной батареи на позицію? Прелесть! Скорымъ открытіемъ огня у насъ щеголяли...

— Да! Это все хорошо! Да что-жъ они тутъ-то показываютъ? упрекалъ А. П., недовольный первымъ выстрѣломъ.

— А привычка! Задоръ! Ну, не бранитесь, бѣды нѣтъ; впередъ не будутъ. Пойдемъ наводить... Спасибо молодцы! не вытерпѣлъ я однако, чтобъ не поблагодарить казаковъ, и на турецкихъ ложементахъ толпа молча и неподвижно слушала, какъ они весело гаркнули: рады стараться! раскатившееся въ оврагѣ.

Данила Васильевичъ, слушавшій нашъ разговоръ, тихо подсмѣиваясь, недоумѣвалъ—что-жъ это турки стоятъ?

— Ну-ка, ну-ка, Титовъ, торопилъ онъ:—теперь повыше; они думаютъ—до нихъ нехватитъ!

Но Титовъ, кончивъ смотровое дѣло, давно уже принялся за настоящее; разсчитывали, спорили, наводчиковъ спрашивали. Вторая граната разорвалась надъ противуположнымъ скатомъ оврага; третья, казалось,—надъ ложементомъ.

— Ага! вотъ когда догадались! Эге! вишь какъ попрятались. Вонъ, пѣхота уходитъ! кричалъ Данила Васильевичъ.

Но въ итогѣ выходило, что часть толпы отошла, а другая заработала усиленно и закрывалась землей быстро.

— А! смотрите, о! новый роютъ, вотъ еще одинъ! кричалъ Д. В.

— Да, все Шиндарники будутъ, передразнивалъ Протопоповъ, оглядывая растущіе, какъ грибы, завалы.

— Вѣдь это они болгаръ нагнали, доказывалъ Данила Васильевичъ, разсмотрѣвъ что-то своими рысьими глазами.

— Ну, конечно! Они баричи; станутъ они сами работать! Орудій у нихъ однако не видать...

Въ это время, изъ лѣсистаго оврага, стали подниматься на тропу, ведущую въ Мирково мимо ложементовъ, драгуны. Остановившись и построившись у опушки лѣса, выслали они казаковъ впередъ. Не долго думая, станичники „трусцой побѣгли“ по тропѣ, идущей мимо ложементовъ. Съ насыпей показались дымки; казаки разсыпались по горѣ и стали. Драгуны тоже не двигались.

— Тра, та, трра-та, трахъ! донеслось до насъ.

— Ну, этакъ они до Миркова не доѣдутъ, критиковалъ Протопоповъ, ко всему относившійся теперь придирчиво.

— Что-жъ это ваши драгуны-то, Данила Васильевичъ?

Старикъ только развелъ руками и посмотрѣлъ себѣ подъ ноги, въ снѣгъ.

Между тѣмъ вечерѣло. Поднялся вѣтеръ, сильно напоминавшій нашъ сѣверъ. Болгары, успѣвшіе разработать половину правой дороги, къ спуску въ Буново, и разчищавшіе дорогу для нашихъ двухъ орудій, были измучены и отпущены на бивуакъ. Батальонъ Великолукцевъ перетаптывался съ ноги на ногу, на голомъ перевалѣ. Голодные кони наши какъ-то уныло поглядывали въ сторону бивуака, гдѣ такое отличное сѣно было припасено, и по временамъ нетерпѣливо ржали, обернувшись къ лагерю, какъ будто спрашивая: „а что вы тамъ, ѣдите что ли сѣно-то? Смотрите, оставьте и намъ!“

Досада брала и отъ пальбы безъ послѣдствій, и отъ того, что драгуны постояли, постояли, да и вернулись въ оврагъ.

— Я завтра своихъ пошлю, объявилъ Данило Васильевичъ.—Тѣ пройдутъ!

Пальба между тѣмъ продолжалась, медленно, толково, обдуманно. Ударныя гранаты иногда не разрывались, попадая въ снѣгъ, и потому

паденія ихъ не было видно, но дистанціонныя трубки разрывали снарядъ, казалось, надъ самыми ложементами, съ которыхъ по временамъ показывались дымки, покуда драгуны раздумывали—впередъ или назадъ. При каждомъ удачномъ выстрѣлѣ нашемъ, Д. В. восклицалъ: „Эхъ, ловко! Вотъ такъ славно! Ого-го!“ А работа у турковъ все подвигалась!

— Однако драгунамъ-то вѣдь трудно было, въ самомъ дѣлѣ, пробраться мимо ложементовъ. Ихъ какъ тетеревовъ перестрѣляли бы; а къ туркамъ лѣзть вонъ какъ круто по снѣгу-то, медленно говорилъ смилостивившійся Протопоповъ, пристально разглядывая ложементы въ бинокль.

— А цѣликомъ, стороной, лощиной бы могли, внѣ выстрѣловъ, лѣвѣе идти. Вѣдь вонъ Мирково-то видно. А у турокъ кавалеріи-то не видать.

— Да, какже! А тутъ въ лощинѣ-то снѣгу сколько? Нѣтъ, надо ночью. Погодите, я завтра пошлю своихъ охотниковъ, успокоивалъ Данила Васильевичъ.

— Землеѣдовъ-то? подшутилъ Протопоповъ.

Солнце быстро опускалось на западѣ; вѣтеръ рѣзалъ какъ ножемъ.

— Отбой! Всѣхъ въ лагерь!

А чтобъ Титовъ не сталъ показывать взятіе орудій на передки, мы поѣхали впередъ. Выѣхавъ на гребень, мы посмотрѣли на Шиндарникъ. На бѣлоснѣжномъ скатѣ горы, въ нашу сторону, ниже редута, виднѣлась, какъ углемъ на бумагѣ, проведенная черточка. Бинокли показали, что насыпается брустверъ, только-что проэктированный.

— Ахъ, шельмецы! вскрикнулъ Д. В.—Посмотрите, что дѣлаютъ! О! и тутъ насыпаютъ!

— Подъ Шиндарникомъ Шиндарникъ, острилъ Протопоповъ.

— Такъ и есть! Догадались, что имъ тоже будутъ гостинцы! Это они на насъ готовятъ, не хотится видно уходить.

— Да вѣдь мы ихъ заставить не можемъ. Не добраться до нихъ! Если бъ еще Буново занять, да когда успѣемъ дорогу вывести? Ихъ оттуда, съ праваго фланга, будутъ обходить вѣрнѣе. Лишь бы къ тому времени поспѣть, толковали мы.

— А когда это время будетъ? запросилъ въ раздумьѣ Д. В.

Никто ему на это не отвѣтилъ.

— Привелъ ли еще Цареградскій смѣнныхъ болгаръ? У этихъ ужъ хлѣба нѣтъ и измучились.

Подъѣзжая къ лѣсу уже въ сумерки, встрѣтили мы Цареградскаго, еще похудѣвшаго, но бодраго.

— J'ai apporté 200 bulgares, altesse.—И то ладно!

— Demain j'aurai autant.—Прекрасно! А этихъ отпустите, спасибо скажите; отлично работали.

*

— Иванъ est arrivé, altesse.—Слышите, Александръ Павловичъ!

— О! вотъ отлично! Значитъ, наслаждаемся.—Данила Васильевичъ, милости просимъ къ намъ?—Нѣтъ, ужъ *я*, позвольте—къ себѣ.

Радушный Д. В., любившій угощать у себя чѣмъ Богъ послалъ, всегда церемонился, когда его приглашали.

На этотъ разъ мы не настаивали, зная, что старику больше насъ нуженъ отдыхъ, хотя онъ никогда на видъ не уставалъ.

Дорогой, на бивуакѣ, онъ пошептался съ своими казаками.

— Поповъ гдѣ? А Моргуновъ? А этотъ что, помнишь, ну—подъ Журавлями-то вызвался, какъ его? да кавалеръ же онъ, слышалось изъ собравшейся около него кучки. Это онъ подбиралъ молодцовъ на завтрашній разъѣздъ въ Мирково.

Воронежцы, съ послѣдними орудіями, уже всѣ были на бивуакѣ; лѣсная дорога заставлена была лафетами, ящиками и передками. Вновь прибывшіе болгары лежали кругомъ; работавшихъ днемъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Въ лѣсу, за гребнемъ Бабы-горы, было теплѣе и привольнѣе. Солдаты совершенствовали свои ямки, какъ-то вопросительно на насъ поглядывая. Вспомнилась тутъ замѣчательная поговорка, сложившаяся у солдатъ въ эту кампанію: „Приказано землянки рыть—стало быть скоро походъ!“ Перевести этотъ плодъ солдатской наблюдательности можно было такъ: „что тамъ ни приказывай, а дѣло идетъ какъ Богу угодно!“ Вспомнились и разные толки объ этой поговоркѣ. Землянокъ на Бабѣ-горѣ однако у солдатъ не было, а просто—ямы въ снѣгу до грунта вырытыя; по бокамъ грязный снѣгъ, а сверху или палатка на подпоркахъ, или покрышка изъ сучьевъ, или ничего, гдѣ не успѣли; а въ серединѣ, или у входа—костеръ.

Влѣзая въ свою палатку, мы нашли свѣжія постели изъ сѣна, новую ямку съ углями, всѣ мои вещи, сигары, письменный ящикъ, одѣяла; словомъ, баловство полнѣйшее. А рядомъ, у Ивана, близъ турецкой палатки деньщиковъ, въ большой кострюлѣ клокотало что-то хорошее, издающее запахъ весьма раздражающаго свойства.

Иванъ, служившій у меня деньщикомъ четыре года до увольненія въ запасъ, при мобилизаціи выпросился опять ко мнѣ въ деньщики. Поваръ онъ былъ очень искусный—съ самолюбіемъ артиста, такъ что всѣ, кто пробовалъ у меня его произведенія въ походѣ, восхищались; любилъ хорошо подать, соблюдалъ всевозможную въ походѣ опрятность и былъ очень разсчетливъ; заботы съ моей стороны не требовалось никакой.

Оказалось, что вчера какой-то болгаринъ, вызвавшійся его проводить, и вѣрно не понявшій куда идти, вывелъ его на Златицкій перевалъ, откуда онъ, измучивъ лошадей, вернулся къ ночи въ Этрополь.

Эта неудача забыта вполнѣ, въ виду запасовъ, хранившихся во вьюкахъ: коньяку, рису, консервовъ зелени, кофе и тому подобныхъ прелестей, купленныхъ еще на Вратешкѣ у гвардейскаго маркитанта. Стало быть, „подводить итоги“ и „мечтать“ могли мы съ Протопоповымъ съ полнымъ удобствомъ.

Супъ изъ баранины и филе изъ буйвола оказались, безъ шутокъ, образцами кулинарнаго искусства; филе, напримѣръ, которое Иванъ уснащивалъ два дня, имѣло еще заслугу retour de Zlatitza, и было нѣжнѣе и вкуснѣе черкасской говядины.

По поводу общаго восхищенія, Казнаковъ разсказалъ, что ординарцы Гурко, ѣздившіе ко мнѣ подъ Этрополь и на Вратешку, такъ очередовались: „нѣтъ, ужъ вы тамъ обѣдали, или тогда-то закусывали; теперь мнѣ очередь, извините, я давно ужъ не пробовалъ Ивановой кухни“.

— Да, господа, у меня и Гурко разъ, позавтракавши бараньими котлетами, послѣ осмотра подъ гранатами Вратешской позиціи, такъ выразился: „я у васъ позавтракалъ точно, какъ говорится, у Бореля!“

Ивана знаетъ и принцъ Баварскій, съ которымъ мы шесть дней, въ октябрѣ, осматривали четыре непроходимые Балканскіе прохода, отправившись изъ Сельви. Разъ, въ Успенскомъ монастырѣ, на Карловскомъ проходѣ, Иванъ накормилъ насъ такимъ обѣдомъ, съ живою форелью, наловленною монахами, и компотомъ изъ свѣжихъ яблоковъ изъ монастырскихъ подваловъ, что принцъ пожелалъ узнать автора этихъ чудесъ; авторъ же былъ просто въ отчаяніи, потому что деньщики забыли подать какую-то подливку, которую впрочемъ никто и не подозрѣвалъ!

Протопоповъ помиралъ со смѣху. „Каковъ Иванъ! Какая извѣстность! восклицалъ онъ, растягивая на удареніяхъ.

— Да, господа, чѣмъ труднѣе, тѣмъ лучше бы ѣсть надо. У солдата вотъ не всегда такъ выходитъ. На половину бы больныхъ меньше было...

— Да! кричалъ Протопоповъ,—если бы имъ форелей, да компотовъ каждый день!...

— Куда ужъ! хоть бы водки, вотъ теперь, довольно было.

— Да, безъ водки имъ теперь будетъ того—скучно!... Хоть бы „мясца разжарить» достало, какъ говоритъ Д. В.

Когда намъ дали чаю съ коньякомъ, веселье наше усилилось до того, что мы часа полтора прохохотали за разными анекдотами, забывши совершенно и турокъ, и снѣгъ, и кручи Балканскія.

Тѣмъ временемъ наступила ночь, и стужа усилилась. Кругомъ насъ, по бивуаку, костры увеличились числомъ и размѣрами. Передъ нашей палаткой—такой запалили, что въ палаткѣ даже жарко было.

Казакъ привезъ отъ Д. В. записку: „Летучка съ Бунова; казакъ привезъ генералу, а онъ вамъ“.

— Какую оттуда летучку! хохоча отъ непрошедшей веселости, спрашивалъ растягивая слова Протопоповъ.—Даже отъ турковъ летучки возятъ! Вотъ такъ землеѣды.

Записка была—на клочкѣ бумаги, по болгарски, подписана Георгій Пулевскій. Казаку, ѣздившему вечеромъ за сѣномъ, записку эту вынесъ къ стогу, житель вѣроятно какого нибудь хутора, въ который приходила изъ Бунова „жена Петровица Чувеско", и просила передать русскимъ записку, гдѣ говорили что въ Буновѣ до 1 тысячи турокъ пѣшихъ и конныхъ, пришедшихъ изъ Златицы, и умоляли не стрѣлять по укрѣпленіямъ, потому что они строились болгарами, которыхъ силою заставили турки.

— Бѣдные братушки! Пожалуй и досталось имъ сегодня. Ну, завтра можно будетъ оставить ихъ въ покоѣ. А вѣдь въ Буново можно будетъ грянуть, Александръ Павловичъ?

— Отчего не грянуть; вотъ дорогу разчистимъ завтра. А если на Буново пойдетъ вся турецкая рать при отступленіи, — такъ и наткнуться можно.

— Признаться сказать,—я не знаю, зачѣмъ туркамъ на Буново идти при отступленіи. Развѣ пошлютъ сюда боковой отрядъ. Вѣдь главная дорога идетъ отъ позиціи прямо на Петричевъ.

— И то правда. Только бы не лбомъ въ стѣну. А вотъ и итоги несутъ!

По вечернимъ запискамъ оказалось почти тоже что вчера; нѣсколько больныхъ прибавилось, и отправлены въ Этрополь; у Воронежцевъ водки нѣтъ. Плохо!—Потомъ пришелъ начальникъ драгунскаго разъѣзда, сконфуженный,—доложить почему онъ не могъ исполнить порученія.

— Знаю, знаю, я вѣдь видѣлъ съ батареи. Ничего; надобно другое время выбрать, да послать меньше людей. Сѣна хоть привезли ли? — „Привезли много, да тамъ ужъ почти не осталось". — „Завтра добывайте опять; не забудьте артиллеристовъ".—„Постараемся".

Какъ тутъ знать, чего можно было требовать, а чего—нельзя. До сихъ поръ по сугробамъ, не случалось посылать драгунскихъ разъѣздовъ; дѣло—совсѣмъ новое и условія необыкновенныя. Приходилось признавать совершившіеся факты, потому что въ общемъ желаніи успѣха никто не сомнѣвался.

На 16-е декабря приказано продолжать дорогу къ Бунову, вывести на перевалъ Псковскій полкъ съ 2-мя орудіями и эскадрономъ драгунъ, по этой дорогѣ, и выбрать позицію противъ редута Гюльдизъ-Табія. Баталіонъ Воронежцевъ съ 2-мя орудіями и эскадрономъ драгунъ вывести опять противъ Буновскихъ насыпей. Войска эти оставить ночевать на перевалѣ, чтобъ на слѣдующій день спускаться къ Бунову. Дѣло близилось къ развязкѣ, и какъ хотѣлось каждому знать, что дѣлается на правомъ флангѣ! Казнаковъ собирался послѣ завтра ѣхать, для доклада ген. Гурко—что у насъ дѣлается; а покуда послали туда донесеніе по конной почтѣ.

Послѣ этого, по порядку—слѣдовало „мечтать“, уложившись на сѣнныхъ пуховикахъ, съ углями въ ногахъ, что мы и сдѣлали. Но вмѣсто мечтанія, мы занялись слушаньемъ деньщиковъ и казаковъ, собравшихся ужинать вокругъ костра, у самой палатки. Разглагольствовалъ, по обыкновенію Сулеймановъ, сидя въ важной невозмутимой позѣ, и высоко держа голову. Въ деньщики онъ былъ взятъ въ Сельви, изъ обозныхъ. Честный, непьющій, охотникъ до лошадей и знатокъ, онъ къ тому же былъ грамотный. Мало того — на татарскомъ языкѣ велъ дневникъ, въ который записывалъ какіе города и деревни проходили, какой народъ въ нихъ живетъ, во что одѣвается, какимъ языкомъ говоритъ, что ѣстъ и пьетъ. Лебединскій, съ трудомъ уговорившій его сообщить въ переводѣ что нибудь изъ дневника, разсказывалъ, что очень интересно и наблюдательно, такъ-что мы имѣли въ виду, при свободномъ времени, устроить литературный вечеръ.

Говорилъ Сулеймановъ порусски внятно, отчетливо, какъ будто упирая на свои ошибки; имена существительныя онъ, или невѣрно, или вовсе не склонялъ, объявляя ихъ преимущественно въ именительномъ падежѣ. Расказывать онъ очень любилъ, но противорѣчій не терпѣлъ, и часто говорилъ серьозно такія вещи, отъ которыхъ слушатели помирали со смѣху.

— Это какой кормъ! Это рази кормъ? На такой работа, надо лошадей кормить—басилъ Сулеймановъ.

— Да вѣдь тебѣ привезли казаки сѣна, робко спросилъ Онуфрій, третій деньщикъ мой, не отличавшійся ничѣмъ, кромѣ желѣзнаго здоровья, честности и усердія; у него все ломалось въ медвѣжьихъ рукахъ, или изъ нихъ вываливалось.

— Ну ты, чего понимаешь! Тамъ на Балканахъ лошадей ничего не ѣли, и тутъ ничего.

Лошадь всегда у него называлась въ родительномъ падежѣ множественнаго числа.

— Надо лошадей поправить; а это что? Казаки сегодня привезли сѣна, а завтра, говорятъ, сѣна не будетъ.

— Это точно, что послѣднее подобрали сегодня, отчетливо докладывалъ урядникъ.

— Я вотъ, у генерала изъ постель завтра выну. Потому—лошадей хочетъ ѣсть; околѣвать ему что-ли?

Казнаковъ фыркнулъ въ подушку; деньщики разсмѣялись. Протопоповъ трясся подъ одѣяломъ, боясь захохотать вслухъ. Удивительно весело были мы настроены въ этотъ вечеръ!

— А что-жъ вы, Сулеймановъ, въ Этрополѣ лошадей-то не поправили? учтиво спросилъ Иванъ, снимая котелокъ съ огня.

— Да! Поправишь въ два дней! Бизъ отдыхъ гоняютъ! Чѣмъ бы

лошадей поѣсть, а тутъ кричатъ то и дѣло: сѣтлать! А лошадей не видали ячмень два недѣли.

— А какъ-же намъ турецкій то возили, на той позиціи? опрометчиво запросилъ Онуфрій, принимаясь за похлебку.

— Ну ты молчи; чего знаешь? Много-ли возили? Антелеристы все взяли. А лошадей у насъ хорошіе; витъ жалко. Пускай скотина, а лошадей ѣсть тоже хочетъ! Ты вотъ не похудѣешь; вонъ какой рожа толстый!

Публика заливалась смѣхомъ.

— А бурый похудѣлъ! Этотъ лошадей тонкій; уходъ требуетъ. Рыжій ничего; тѣла покуда доржитъ. Этотъ простой лошадей, не похудѣетъ. Онъ все лопаетъ—ровно вотъ ты!

Опять взрывъ хохота; Протопоповъ охаетъ, удерживаясь отъ смѣху; Казнаковъ уткнулся въ подушку.

— А вотъ кабы здѣсь лѣсу такого не было, и всякій бы похудѣлъ. Холодно бы безъ огня; варить начемъ бы стали? началъ очевидно сконфуженный Онуфрій, оставивъ похлебку и поправляя костеръ, съ явнымъ намѣреніемъ перемѣнить разговоръ. Но онъ ужъ видно разсердилъ Сулейманова противорѣчіемъ; тотъ былъ не въ духѣ.

— У тебя что-ли не было гдѣ огонь? Эхъ ты! У насъ вездѣ огонь былъ. Всякій дерево на костеръ зря валимъ. И домъ, и заборъ, и хлѣвъ, и всякій шарабра. Гдѣ наши солдатъ прошли—изъ турецкій города, деревня сдѣлали, а гдѣ деревня былъ—ничего ни астался. Чисто!

Послѣ этой живописной гиперболы, почерпнутой вѣроятно изъ дневника Сулейманова, Протопоповъ не выдержалъ и разразился такимъ неистовымъ хохотомъ, что по его примѣру и мы долго не могли остановиться; деньщики, услыхавъ, что мы не спимъ, стали говорить шопотомъ. А мы до слезъ дохохотались, и только что успокоивались,—какъ Протопоповъ начиналъ: „изъ турецкій города—деревня сдѣлали—и валился на спину,—а гдѣ деревня былъ“—и опять! Незнаю смѣялся-ли прежде кто нибудь на Бабѣ-горѣ столько, сколько мы въ этотъ вечеръ!

Странно бываетъ иногда, это безотчетное веселое расположеніе къ которому всегда подвертывается что нибудь забавное.

Смѣхъ такъ раздражилъ насъ, что долго не спалось. Думы понеслись опять на Васильевскій островъ, припоминая опять Большой Проспектъ, и торговку съ яблоками, и рыбныя лавки андреевскаго рынка,... вотъ грезится лампа съ абажуромъ, на большомъ столѣ съ чаемъ... надъ ней протягивается рука со спичкой, которая вспыхнувъ освѣтила чью-то блестящую большую лысину... такъ и есть! это лысина „голубчика“ Михаила Ивановича, добродушнѣйшаго изъ идеалистовъ, увѣреннаго въ чистотѣ души, что онъ просадилъ состояніе, спасая отечество; а его

просто обсчитали, настроившіе себѣ дома компаньоны, пользовавшіеся его фантазіями и воловьей работой...

А вотъ и другіе, милые, кругомъ.., вотъ Николай Карловичъ, всегда тихо говорящій, старый другъ съ сѣдою бородой, проповѣдывающій, что уважая себя, трогать всякой мерзости не слѣдуетъ, и возмущаться ею не сто́итъ; что если гнать всѣхъ плутовъ и воровъ, то изъ нихъ можетъ составиться сильное и опасное для сосѣдей государство. А самъ выходитъ изъ себя при встрѣчѣ, на практикѣ, малѣйшей гадости, которую переварить не можетъ, и на другой день ходитъ желтый, какъ шафранъ.

Тамъ, въ уголкѣ, пріютилась какъ кошечка, на большомъ, мягкомъ креслѣ, граціозное женственное созданіе—его дочка Нина, тихонько подсмѣивающаяся надъ нами. У нее трое дѣтей и при нихъ нянька и кормилица; она ужасно боится быстраго увеличенія этого персонала: потомъ понадобятся двѣ няньки, и кормилица, потомъ двѣ кормилицы и три няньки, и т. д. Мужъ трудится, да мало это цѣнится въ Петербургѣ! А они еще молоды... жить и любить хочется!

У стола, съ рукодѣльемъ, сидитъ Marie, испытанный 20-лѣтній другъ, молящаяся за всѣхъ Богу, глубоко вѣрующая, требующая, чтобъ и другіе также вѣровали, и достигали всего одною молитвою; а сама весь вѣкъ за другихъ хлопочетъ. Мы ей, шутя, предсказываемъ, что она прямо въ святыя попадетъ... Вотъ въ темномъ углу виднѣется Коля, племянникъ, классическій, прилежный и задумчивый гимназистъ. Онъ какъ будто слушаетъ, но я увѣренъ, что складываетъ стишонки... Не дурно они у него выходятъ, да что толку!... большая семья учащихся сиротъ... куда-то они выбьются!

А вотъ, совсѣмъ въ потьмахъ—стройная, молчаливая „мама Даша“ добрѣйшее изъ существъ, навѣрное думающая: не нужна ли она кому, нельзя-ли кому угодить, помочь; она прозвана „курицей“ за ее безотвѣтную возню съ житейскими дрязгами... У нея нѣтъ дѣтей, а двѣ маленькія племянницы-сироты на рукахъ; но ей этого мало, чтобъ истратить всю любовь, собравшуюся въ ея золотомъ сердечкѣ...

Всѣ слушаютъ какъ Михаилъ Иванычъ разсказываетъ, что онъ даже и въ военныхъ дѣйствіяхъ участвовалъ, потому что проѣзжая по Кавказу, однажды нашелъ въ своемъ тарантасѣ дыру, какъ будто пробитую пулей... и должно быть однимъ изъ выстрѣловъ множества черкесовъ, вѣроятно нападавшихъ на тарантасъ когда онъ спалъ... Его перебиваетъ слышный изъ пріемной комнаты громкій смѣхъ Никиты Федоровича, прозваннаго „кутилой мученикомъ“. Отставной, старый докторъ философъ, всегда веселый и всегда безъ денегъ; вѣрящій только въ пять лекарствъ, отвергающій латинскую кухню, и прописывающій своимъ безплатнымъ паціентамъ, разрѣшающія средства, гораздо чаще изъ Милю-

тиныхъ лавокъ нежели изъ аптеки... вслѣдствіе чего бѣдняки-паціенты слѣпо вѣрятъ въ него, и совершенно правы!..

— Такъ служить нельзя!.. кричитъ онъ свою любимую поговорку, хлопая по столу и разражаясь хохотомъ, потому что оставилъ мою „женщину“ безъ двухъ въ бубнахъ. А „женщина“ потому проиграла, что думаетъ чѣмъ бы набить карманы своего дылды — Мишурки, возвращающагося сегодня въ военную гимназію и—какъ бы сдѣлать такъ, чтобы его тамъ поменьше мучили... Ея укоризны Никитѣ Федоровичу въ подсиживаньи, и ея семидесятое обѣщаніе не играть съ нимъ больше въ карты, старается умѣрить, мягкимъ голосомъ Павлуша, мужъ Нины, доказывая, что она сама не такъ съиграла...

Какъ все это живо видѣлось!.. страшно было духъ перевести, чтобъ не пропало сладкое видѣнье...

Но вотъ изъ дѣтской, гдѣ давно уже шло вавилонское столпотвореніе, по поводу показыванія въ одномъ углу волшебнаго фонаря, а въ другомъ—одѣванія большой куклы, Кати, подъ вѣнецъ,—врывается шумная ватага, съ разшалившейся Нюточкой впереди... сосѣдъ—гимназистъ садится за рояль, гремитъ самоучная полька, дѣти хохочутъ, прыгаютъ обнявшись... вдругъ гимназистъ совралъ... фальшивый аккордъ деретъ ухо, сумбуръ какой-то... краски блѣднѣютъ... что такое?—„Записка начальника отряда!..“

— Какого начальника? гдѣ? а! зажигать свѣчу надо, очнувшись подумалъ я съ грустью. Какъ хорошо было!..

Протопоповъ уже читалъ записку начальника штаба 9-го корпуса, отъ 4-хъ часовъ пополудни, присланную черезъ принца Ольденбургскаго:

„Въ Чуріакъ собрались Преображенцы и Козловцы, Донская батарея и Кавказская казачья бригада“...

— Слава Богу! и тамъ влѣзли!

„...Предполагается сегодня же спустить въ долину Софіи Кавказскую бригаду съ 2-мя орудіями, и Козловцами атаковать Потопъ, гдѣ 2 роты турецкой пѣхоты. Для удержанія турокъ на позиціи, приказано 16-го декабря, съ разсвѣтомъ, начать артиллерійскую пальбу на всѣхъ позиціяхъ; стрѣлять рѣдко; по 20 выстрѣловъ въ день на орудіе....

— Важно!—Батюшки, не поспѣемъ мы къ этому концерту. Работы еще сколько, говорилъ Протопоповъ, завертываясь полушубкомъ; болгары наши чтобъ не ушли!—„Ничего, къ финалу поспѣемъ, съ своей стороны“.

— А вотъ не поспѣемъ ли еще соснуть; холодно какъ! Эй, дежурный землеѣдъ, дай-ка голубчикъ свѣженькихъ углей, продолжалъ онъ, изъ-подъ полушубка.—„Спите скорѣе, 4 часа утра!“

Напрасно хотѣлось еще что нибудь увидѣть на Васильевскомъ островѣ. Крѣпкій сонъ охватилъ всѣхъ—до разсвѣта.

— А что дороги? Занесло? прежде всего освѣдомились мы, проснувшись 16-го декабря.

Лебединскій, который ужъ вездѣ побывалъ, и пришелъ чаю напиться, докладываетъ:—„Ничего; малость занесло, да вотъ бѣда! болгары наполовину разбѣжались. Цареградскій опять заболѣлъ. Очень холодно было ночью; имъ не въ терпежъ. И теперь совсѣмъ ясный день будетъ; гораздо холоднѣе вчерашняго.

— Ахъ, братушки дрянные, ругался Протопоповъ, одѣваясь; боялся я за нихъ. Всякій разъ какъ считалъ—не досчитывался.

— Поѣдемте; дѣлать нечего—сами пѣхотой разчистимъ; теплѣе имъ будетъ. Сулеймановъ! осѣдлай-ка рыжаго, съ невольной улыбкой скомандовалъ я, вспомнивъ вчерашній разговоръ. Медленное—басомъ: „сейчасъ“ было сказано недовольнымъ голосомъ; видно „лошадей“ все сѣно съѣли.

— Стало быть сегодня „простой лошадей“ пойдетъ, а „тонкій лошадей“ отдыхать будетъ, за чаемъ ужъ шутилъ Протопоповъ. Какъ это онъ? Изъ большой городъ—деревня сдѣлали....

Разсказъ Сулейманова часто, послѣ, мы вспоминали съ Протопоповымъ. Я увѣренъ, что и теперь онъ не забылъ его.

Зашли мы къ Д. В. въ отличномъ расположеніи духа; а онъ ужъ совсѣмъ готовъ.

— Заспались вы, господа, сказалъ онъ чинно поздоровавшись. Слышалъ я, вы вечоръ долго сидѣли и смѣялись; ажъ мнѣ одному смѣшно стало.

— Что же не пришли?

— Да хину принималъ, кашель замучилъ.—Смотрите, одѣньтесь теплѣе.

— Э! что намъ сдѣлается! Ужъ прошло.

Дѣйствительно, мы почти всѣ кашляли въ теплѣ, когда грѣлись въ палаткахъ, а на воздухѣ дышалось легче, и кашель переставалъ. У солдатъ—другое; между ними было много постоянно кашляющихъ, такъ что „безусловной тишины“ во фронтѣ нельзя было соблюдать, а напротивъ, въ строю было очень шумно отъ кашля толпы, производящаго тяжелое впечатлѣніе. Съ этимъ шумомъ Псковцы и батальонъ Воронежцевъ становились въ ружье. Орудія готовились къ запряжкѣ, на дорогѣ; драгуны уже выѣхали на перевалъ.

— Что, молодцы, холодно что ли?

— Холодно! никакъ нѣтъ, точно такъ, маленько озябли, ничего! послышалось разомъ со всѣхъ сторонъ, и солдаты сами разсмѣялись своимъ разнымъ отвѣтамъ на вопросъ, о которомъ и не думали.

— Ну, кому холодно—выходи, ребята, грѣться на работу; а кому тепло — тоже выходи; не отставать же! Не долго ужъ намъ, братцы. Наши турокъ сегодня обходятъ. Слышите, палятъ какъ?

— Рады стараться, ...ввооо! грянули молодцы.

Рѣдкіе, какіе-то торжественные звуки пальбы доносились до насъ,— слабые, едва слышные, то короткіе, то съ глухими раскатами...

Рядомъ со ставшими въ ружье армейцами, Данила Васильевичъ собралъ назначенныхъ и вызвавшихся вчера въ разъѣздъ казаковъ. Сѣдлая лошадей, тутъ же они слушали его приказанія.

— Ты, Поповъ, взводъ-то оставь гдѣ вчера драгуны стояли, а самъ впередъ; значитъ, чтобъ тебя отъ норы не отхватили. Слышишь?—Слушаю, отвѣчалъ Поповъ, подтягивавшій подпругу и оглянувшійся на Д. В. какъ будто съ удивленіемъ.—Ну вотъ; пойдете вы восемь человѣкъ; да не доро́гой, смотри. А ступайте лощиной-то, лѣвой стороной, повыше, знаешь? не низомъ самымъ, а повыше. Ну, пойдете; а оттуда вотъ вѣдь какъ Мирково видно; вотъ тутъ сейчасъ и есть, толковалъ Данила Васильевичъ, показывая себѣ подъ ноги, какъ будто Мирково вотъ тутъ, на бивуакѣ, и было.

— А вы глядите, обратился онъ къ командиру взвода,—чтобы ихъ не бросать до ночи изъ виду, чтобы давали вамъ знать, что́ да какъ. Къ ночи вернетесь.

— Какъ же вы хотѣли, Данила Васильевичъ, ночью ихъ послать?

— Они только ночью и будутъ въ Мирково; покуда одѣнутся, покуда что. А проѣхать-то днемъ тутъ что же? и днемъ проѣдутъ. По надъ горой вѣдь; что́ имъ! Турки-то вонъ гдѣ будутъ, а они—прямо.

— Какъ птицы летаютъ, поддакнулъ Протопоповъ.—У! землеѣды!

— Да! и пройдутъ! Пройдешь, Поповъ? спрашивалъ Д. В.

— Надо пройтить, ваше пр—во.

— Ну, смотри-жъ! А въ Мирковѣ ужъ самъ знаешь, чтобы все какъ есть узнать. Приведи кого оттуда.

— Постараемся, ваше пр—во.

Они такъ покойно, заботливо и основательно готовились въ разъѣздъ, оглядывая коней, запахиваясь въ коротенькіе полушубки, Богъ вѣсть гдѣ раздобытые, и опоясываясь, такъ просто объ этомъ разговаривали, какъ будто собирались къ сосѣду на хуторъ. — Стало быть, дѣло въ шляпѣ!

Ярко блистала на солнцѣ ослѣпительно-снѣжная пелена перевала, когда мы на него выѣхали.

Позиціи, наша и турецкая, были видны отлично, съ дымками, красиво вырывавшимися по временамъ изъ знакомыхъ пунктовъ. Звуки выстрѣловъ доходили до насъ только съ Вратешки, и то не всегда. Съ дальнѣйшихъ батарей только дымъ выкатывался густымъ облакомъ впередъ, и потомъ разносился сильнымъ, порывистымъ вѣтромъ.

Живо взялись за работу оставшіеся болгары и Псковцы. Вчерашнія дороги были мало занесены; однако покуда дошли къ Буновскому оврагу—

побились довольно. Солдаты смѣнялись на работѣ, чтобы согрѣться. Драгуны и казаки разослали разъѣзды по сосѣднимъ гребнямъ, къ Бунову, въ оврагъ и къ Шиндарнику. Протопоповъ поѣхалъ съ послѣдними впередъ—выбрать позицію Псковскому полку и 2 орудіямъ. Воронежцы съ другими 2-мя орудіями пошли на мѣсто вчерашней пальбы, противъ Буновскихъ ложементовъ.

Доведя дорогу до Буновскаго оврага, къ 2-му часу пополудни, мы повернули ее, по краю оврага на право, на г. Сухое Корыто, гдѣ вертѣлся уже Протопоповъ, махая намъ издали. Дорога эта пошла вдоль по опушкѣ лѣса, поднимавшаго къ намъ свои вершины изъ оврага, въ который спустились наши разъѣзды, и этой опушкой вывела къ гребню, откуда Гюльдизъ-Табія былъ виденъ съ тылу, черезъ оврагъ же, на разстояніи, какъ казалось, дальняго выстрѣла изъ 4-хъ фунтовки. Снѣгу тутъ оказалось къ счастію немного. Черная полоса подъ редутомъ потолстѣла, и работа шла у турокъ сильная; кругомъ сновали разныя кучки людей, что-то таскали; изъ лѣсу въ редутъ опять потянулась пѣхота. Сколько же ихъ тамъ!

Вотъ изъ Гюльдизъ-Табіи отвѣтили на Вратешку, въ противуположную отъ насъ сторону, и громче другихъ раздался у насъ этотъ выстрѣлъ. За нимъ слѣдовалъ красивый разрывъ нашей шрапнели надъ самымъ гребнемъ редута. Знакомые выстрѣлы лѣвофланговой нашей батареи на Вратешкѣ—Геринга!

Подошелъ Псковскій полкъ и сталъ вдоль опушки. Прежде чѣмъ было приказано составить ружья, въ одномъ изъ баталіоновъ изъ строя вышелъ закутанный башлыкомъ молодой солдатъ, видимо больной, но крѣпившійся,—и сѣлъ на снѣгъ. Послѣ команды „составить ружья“, его окружили товарищи и на смѣхъ подняли.

— Что братъ, размякъ! Эхъ ты Тверская губернія!

Но странно—этотъ хотя грубый, но душевный, какой-то особенный смѣхъ, не звучалъ ничѣмъ насмѣшливымъ, обиднымъ. Говорили одно, а звучало точь въ точь: „Эхъ голубчикъ, какъ умаялся! что же у тебя болитъ-то, милый человѣкъ?“—И какъ разъ, именно на этотъ вопросъ, сидѣвшій тихо отвѣтилъ: „Ноги страсть можжатъ, братцы; ничего—вотъ отдохну.

— Хочешь водки, выпей, отрывисто и какъ-то свысока, не спуская съ него глазъ, сказалъ унтеръ-офицеръ, сунувъ ему въ руку, вынутый изъ за пазухи, пузырекъ заткнутый тряпкою. Солдатъ хлебнулъ, всталъ и молча поклонился въ поясъ...

— „Эхъ вы, сердечные“, невольно подумалось, при поворотѣ рыжаго отъ этой не хитрой картинки...

Орудія приказано вывозить правѣе полка, на открытый гребень. Съ этого мѣста, до лагеря, было примѣрно верстъ 6—7. Полковникъ Зубатовъ

получалъ приказаніе устроить къ ночи шалаши, развести больше огней, держать разъѣзды въ Буново, и къ Шиндарнику, и т. д; но Протопоповъ, давно слѣдившій въ бинокль за кучкой драгуновъ, пробиравшихся снѣгами къ вершинѣ оврага, отдѣлявшаго насъ отъ Шиндарника, перебиваетъ и кричитъ: „Вонъ разъѣзды-то! Вотъ и посылайте. Совсѣмъ увязъ!“

Передній драгунъ, на спускѣ по какой-то занесенной снѣгомъ, или воображаемой тропѣ, совсѣмъ ушелъ съ конемъ въ какую-то яму, подъ сугробомъ, такъ-что изъ подъ снѣга виднѣлись только голова лошади, да хвостъ, за который ее и потащили, когда драгунъ выползъ наверхъ — весь бѣлый. Лошадь билась, а Псковцы, вышедши на гребень, хохотали, высказывая разные проэкты и способы,—какъ-бы ее вытащить.

Послано вернуть разъѣздъ; мудрены они по такимъ мѣстамъ. Потомъ, въ ожиданіи орудій, стали опять толковать—какъ расположиться.

— Богъ дастъ, завтра, вонъ по той дорогѣ, въ Буново спускаться будемъ. Ждемъ извѣстій, какъ на правомъ флангѣ дѣла идутъ. Поэтому вамъ, полковникъ, здѣсь ночевать придется. Обѣ позиціи подчиняются вамъ. Спускъ длинный; можетъ быть съ дракой будетъ; надобно пораньше начать. Спустите людей на ночь въ оврагъ, по ниже, если будетъ вѣтрено; при орудіяхъ дежурную часть чаще смѣняйте. Присылайте чаще записки; у васъ восемь казаковъ и эскадронъ драгунъ. Васъ тутъ ночью никто не потревожитъ, а все таки держите ухо востро.

Солдаты ужъ рубили сучья, строили шалаши, разводили костры, сходились грѣться кучками; а межъ тѣмъ, на солнце налетали облачки; изъ согрѣтыхъ имъ овраговъ поднимался туманъ; чуть потеплѣе стало.

Когда вывезли два орудія на Сухое Корыто, и грянулъ первый тыльный выстрѣлъ по Гюльдизъ-Табіи,—паденія нашей гранаты нельзя было разсмотрѣть за этимъ туманомъ; должно быть въ оврагѣ въ лѣсу застряла. У турокъ была усиленная суматоха, которая со вторымъ, третьимъ нашимъ выстрѣломъ—все усиливалась. Но вотъ вырвалось давно ожидаемое дымное облако съ новой турецкой насыпи; узнаемъ разстояніе по ихъ гранатамъ. Но до насъ донесся звукъ выстрѣла—и только!

— Что за чудо! съ удивленіемъ воскликнулъ Д. В. А граната-то гдѣ? обратился онъ вдругъ съ вопросомъ, оглядывая всѣхъ съ недоумѣніемъ, какъ будто невѣсть какой драгоцѣнности ожидалъ, и недоумѣвалъ, неполучивши оной.

— Турецкія гранаты часто не разрываетъ!—Видно не хватаетъ! поднялись толки. Поднять еще прицѣлы!

А туманъ усиливался снизу, и еще послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ стало ясно, что пальба съ обѣихъ сторонъ производилась для пущей важности и красоты картины, на которую всѣ вышли смотрѣть.

— По крайней мѣрѣ, тамъ насъ слышали, и теперь знаютъ, что и мы не отстаемъ, философически заключилъ Протоповъ; да и потревожили

мы Турцію-то! Ишь снуютъ проклятые! съ разтяжкой говорилъ онъ, съ трудомъ разглядывая батарею въ бинокль.

Потомъ, отъ графа Шувалова мы узнали, что съ Преображенской горы, на правомъ флангѣ, въ этотъ день, съ утра на насъ смотрѣли въ большую трубу, и до подробностей видѣли всѣ наши движенія на открытомъ снѣгу перевала, покуда не поднялся туманъ.

— Шабашъ, господа, бросить надо; толку нѣтъ! Отбой!—До свиданья, до завтра! прощались мы съ офицерами, уѣзжая.

Былъ въ началѣ 5-й часъ вечера; отъ чего-то защемило на сердцѣ; нехотѣлось почему-то отдѣлять ихъ, и оставлять тутъ на ночь, въ невыгодномъ сравнительно съ нами положеніи. Вмѣстѣ, все какъ-то лучше. Но это чувство не новое. При всякомъ разставаньи, въ особенности съ отбывающими, въ дальную или опасную командировку,—та-же струнка звенитъ... Ну, и прижмешь ее...

Молча ѣхали мы домой, молча остановились посмотрѣть, какъ противъ Буновскихъ ложементовъ стояли два орудія, а правѣе ихъ, въ маленькомъ лѣскѣ, баталіонъ Воронежцевъ и эскадронъ драгунъ. И тутъ уже дымились костры. Казачьяго разъѣзда „землеѣдовъ“ не видно было. Оттуда, со стороны Миркова, дулъ сильный вѣтеръ, мёлъ предъ собою снѣгъ, и надвигалъ тучи. Однако намъ и въ голову не приходило, что можетъ разыграться сильная мятель. Только всѣ были не въ духѣ, вѣроятно по тому безотчетному дѣйствію, которое производитъ на человѣка, приближающаяся буря. Послѣ подозрѣвали мы, судя по тому спокойствію, съ которымъ встрѣтилъ Данила Васильевичъ извѣстіе о буранѣ, что онъ его ожидалъ, не придавая этому особаго значенія; но кто же его разберетъ!

Подъѣзжая къ лагерю, встрѣтили мы сотни двѣ болгаръ, съ Цареградскимъ, присланныхъ комендантомъ, узнавшимъ съ утра, что бо́льшая часть болгаръ у насъ разбѣжалась отъ холода. Но увы! они были почти съ голыми руками; лопатъ мало; хлѣба имѣли на одинъ день. Деньги у коменданта всѣ вышли, и онъ уже занималъ.

— Прикажите, чѣмъ можно, исправлять дорогу; снѣгъ снимать до земли; возьмите лопаты у Псковцевъ. Къ ночи вернитесь въ лагерь, и объявите болгарамъ, что велю ихъ оцѣпить; чтобъ не смѣли бѣжать—плохо будетъ! Завтра спускаемся въ Буново и рабочіе нужны. За лопатами еще пошлемъ въ Этрополь, говорилъ я, не въ духѣ, Цареградскому, который неподвижно слушалъ опустивъ глаза, и только подъ конецъ, услыхавъ что собираемся завтра въ Буново, взглянулъ на меня съ такою плотоядною улыбкой, и оскаленными бѣлыми зубами, что мнѣ стало какъ-то внутри холодно....

Когда мы въѣзжали въ лѣсъ, туча ужъ налетѣла, посыпался снѣгъ,

и вѣтеръ изрядно шумѣлъ въ деревьяхъ опушки, стряхая съ нихъ клочья снѣгу.

Въ палаткѣ—итоги 16-го декабря оказались сносны: въ Воронежскомъ полку 1919 штыковъ, заболѣло 12 чел.; въ Великолуцкомъ 1279—заболѣло 30; въ драгунскомъ 416 чел., заболѣло 2; водки у нихъ нѣтъ; артиллеристамъ драгуны привезли 10 вязанокъ сѣна. Псковцы еще не прислали вечернихъ свѣдѣній, хотя получена отъ Зубатова записка, что послѣ моего отъѣзда оба артиллерійскіе взвода опять открывали огонь, но отвѣта не получили; что пѣшій патруль, посланный къ Шиндарнику, до сумерекъ, слышалъ тамъ сигналы и видѣлъ движеніе кавалеріи въ редутъ; патруль, посланный къ Бунову, открывалъ огонь по туркамъ, которые стрѣляли по нашимъ фуражирамъ, подбиравшимъ остатки сѣна. Въ 8 часовъ вечера получена другая записка полк. Зубатова: штыковъ на лицо 1532, заболѣло въ этотъ день 48 чел. Спирту на день есть. Пальба была прекращена по случаю поднявшейся мятели.

Какъ-то больно рѣзнуло ухо, это слово: „мятель", которая въ лѣсу еще не была замѣтна. Разговоръ не клеился; даже отличная по обыкновенію, похлебка и потомъ чай, не могли развеселить насъ. Всѣ сидѣли насупившись. Подъ вліяніемъ этого настроенія коменданту Этрополя написана сердитая записка, что безполезно было присылать болгаръ къ вечеру; надо было выслать до разсвѣта, да не съ пустыми руками. Лопаты приказано собрать у жителей сколько можно, и выслать немедленно.

Отъ времени до времени, мы всѣ другъ на друга пристально поглядывали, но никто ничего особеннаго не замѣчалъ на лицахъ, сдѣлавшихся деревянными.

Вотъ вваливается въ палатку сугробъ снѣгу, и подъ нимъ человѣческая фигура. Изъ отверстія башлыка, раскопаннаго рукою вошедшаго, слышенъ голосъ казачьяго офицера, поставленнаго Д. В. противъ буновскихъ ложементовъ, чтобъ не дать „отхватить отъ норы" Попова съ товарищами, посланныхъ въ Мирково.

— Ну, что Поповъ? — „Ушелъ въ Мирково". — Какъ ушелъ? пѣшкомъ?—„Точно-такъ, и лошадей вернулъ".

— Зачѣмъ вернулъ? разскажите.—„Вотъ встали мы это", началъ офицеръ, постепенно оттаивая, и снимая съ себя понемногу все мокрое, „супротивъ турокъ; спѣшились; а Поповъ съ охотниками, и еще 7 казаковъ поѣхали впередъ, какъ приказывалъ генералъ, лѣвѣе-то, по скату, да и не долго проѣхали все по сугробамъ пришлось, чтобы дальше отъ турокъ".—Что-же, не стрѣляли они?

— Не стрѣляли, а смотрѣть вылѣзли —Ну, что-же потомъ?

— Потомъ охотники-то пѣшкй пошли, а 7 казаковъ съ своими и ихними лошадьми, у насъ на виду стали. Потомъ и они къ намъ-же вернулись, какъ мятель поднялась, еще съ однимъ казакомъ, отъ Попова

присланнымъ. Тотъ приказалъ вести лошадей домой, и все издали, говоритъ, рукой махалъ: мы значитъ, пѣшки дойдемъ, а вы ступайте домой.

— Да вѣдь они пропадутъ! Мятель сильная?—Дюжѐ поднялось, какъ мы назадъ ѣхали; очень довольно разыгралась, стряхивая башлыкъ, преспокойно говорилъ офицеръ.

— Когда жъ они вернутся? совершенно безполезно спросилъ я.

— Не могу знать,—все также покойно отвѣчалъ офицеръ,—должно быть завтра.

Меня сильно подергивало, но крѣпиться надо было.

— Благодарю васъ, говорилъ я, отпуская офицера, доложите Данилѣ Васильевичу; а самъ хватался ужъ за карандашъ.

— Дежурнаго драгуна!—Что вы хотите? медленно спросилъ Протоповъ, не поворачивая ко мнѣ головы.

— Хочу вернуть всѣхъ съ перевала. Нельзя тамъ оставлять ихъ на ночь. Лучше отсюда пойдемъ завтра.—„Отсюда? Да; а дорогу снова придется разчищать дня два, въ раздумьи говорилъ Протоповъ.— Что-же дѣлать; оставлять ихъ тамъ не возможно. Вези живо полковнику Зубатову; вдвоемъ поѣзжайте; найдешь дорогу?"—А найду-жъ, отвѣчалъ невозмутимымъ голосомъ хохолъ, и зъ вамы утресь тамъ быу.—Ну живо!

Драгунъ былъ самый неповоротливый, и вышелъ ни сколько не торопясь,—что меня взбѣсило совсѣмъ некстати.

— „Что это за увальни, эти драгуны; что за равнодушіе!" Но вотъ какая-то особенная, кривая улыбка появилась подъ длиннымъ носомъ Александра Павловича, сохранявшаго полное хладнокровіе. И это меня бѣсило; но вмѣстѣ съ тѣмъ — навело на мысль,—не нужно-ли мнѣ принять холодной воды. Чтобъ окончательно убѣдиться въ этомъ, пошелъ я къ Данилѣ Васильевичу, помня прописанный имъ мнѣ, третьяго дня, пріемъ.

Вѣтеръ шумно гудѣлъ въ высокихъ вершинахъ лѣса, въ который валилась сверху огромными хлопьями громада снѣгу; но внизу сильнаго вѣтру не было замѣтно. На бивакѣ все уже спало подъ толстымъ бѣлымъ одѣяломъ. Ярко освѣщенные часовые у костровъ, съ одной стороны бѣлые, а съ другой—къ огню, грязно сѣрые, закутанные въ палаточные холсты, да кое гдѣ тихо шептавшіяся у огня неподвижныя, заваливаемыя снѣгомъ, кучки, казались какими-то грубо отесанными неконченными статуями, разбросанными по кладбищу... Все это представлялось въ такомъ мрачномъ видѣ, въ эту минуту,—что даже досада взяла...

Старикъ уже улегся, но свѣча горѣла у его изголовья.

— А что? спросилъ онъ съ удивленіемъ, увидавъ меня, и садясь на сѣнѣ.

— Ничего, только дѣло плохо, Данила Васильевичъ; вьюга сильная; я послалъ вернуть войска съ позиціи.

— Да чтожъ вьюга? Ничего. Ну да и лучше; пущай здѣсь ночуютъ.

— Я очень боюсь за вашихъ то; вѣдь они ушли на Мирково.

— Такъ что-жъ? отвѣтилъ Д. В., съ какимъ то пренебреженіемъ.

— Да они вѣдь пропадутъ въ этакую мятель! Вѣдь они пѣшкомъ ушли!

— Знаю. Э! помилуйте, не пропадуть. Я же вамъ говорилъ и отвѣчаю; я вѣдь ихъ знаю. Это вѣдь какой народъ!

— Землеѣды, попробовалъ я шутить.

— Ну да! Какъ будто обрадовавшись моей улыбкѣ, съ жаромъ подхватилъ Д. В. Не безпокойтесь. Будуть завтра—вотъ увидите. Что имъ вьюга? Да что! уговаривалъ онъ меня.

— Ну а вотъ, какъ мы завтра справимся? Вѣдь снѣгъ валитъ сильный. Дороги опять надобно будетъ разчищать заново; когда мы поспѣемъ въ Буново-то?

— Да! Я ужъ вонъ, по палаткѣ, вижу. О! какъ навалило! похлопывая по обвисшему мокрому полотну, весело и покойно говорилъ Д. В. Такъ что-жъ съ вьюгой-то дѣлать? Противъ Бога не пойдешь, твердо и громко заключилъ онъ, послѣ короткаго молчанія.

Не холодной воды, а что-то въ родѣ лавро-вишневыхъ капель я принялъ съ этими простыми словами.

— Ну извините, что помѣшалъ. Покойной ночи!

— Ничего; я вѣдь не спалъ. Сна-то еще нѣтъ.

Посмотрѣлъ я пристально на лицо Д. В., и показалось мнѣ, что есть у него безпокойныя морщинки, не дававшія ему спать; но усиленно прятались онѣ, за другими—мягкими и добродушными. Пожавъ старику руку, я вышелъ отъ него готовый на все.

И не такою ужъ мрачною показалась картина покрытаго снѣгомъ бивака, когда я возвращался во своясы. Заваленныя пушистыми прихотливыми глыбами снѣгу, освѣщаемыя снизу кострами громко трещавшихъ сучьевъ, нижнія вѣтви громадныхъ деревьевъ имѣли какія-то необыкновенныя, затѣйливыя очертанія. Вверху, непроглядная тьма падающей массы снѣгу, а надъ нею—торжественное гудѣніе вѣтра разыгравшагося на дикомъ просторѣ. Покрывшись снѣгомъ, грязный, затоптанный бивакъ какъ будто омылся. Внизу въ ущельѣ—тьма и тишина; вездѣ снѣгъ и снѣгъ! Странно было слышать выходившій изъ подъ него мѣстами, здоровый, ровный, солдатскій храпъ, подъ какимъ нибудь уже невидимымъ шалашемъ, или подъ заваленною палаткою. Иные костры, разведенные въ ногахъ спящихъ, не давно потухли, и теплыя мѣста ихъ чернѣли на таявшемъ снѣгу. Дорогу надобно было знать наизусть, чтобъ не попасть непрошенной ногой въ чью нибудь яму, или въ крышу какого нибудь шалаша, и не потревожить богатырскаго сна.

— Ну что же Д. В? спросилъ Протопоповъ.

— Увѣренъ, что его землеѣды завтра вернутся, и въ Мирковѣ побываютъ, сообщилъ я, развертывая башлыкъ и отряхая бурку. А вы не спите?—„Нѣтъ; что-то не спится, а вотъ Казнаковъ давно завалился".

— И мнѣ что-то спать не хочется. Все думается о тѣхъ... да Богъ милостивъ, можетъ мятель и утихнетъ...

Сталъ я разсказывать Протопопову, какъ приходилось мнѣ отсиживаться, въ буранъ, на почтовыхъ трактахъ, по Уралу и Самарской губерніи, въ былое время. Какъ, возвращаясь изъ Ташкента въ 1870 году, между Семипалатинскомъ и Омскомъ, съ художникомъ В. В. Верещагинымъ, въ легкой кибиткѣ, безъ вещей отправленныхъ впередъ, мы были брошены въ ночную мятель, ямщикомъ поѣхавшимъ на пристяжной отыскивать дорогу,—просидѣли до разсвѣта, слушая волковъ, и чуть не замерзли; а потомъ вышли съ разсвѣтомъ на станцію пѣшкомъ, потому что занесенныя лошади не трогались съ мѣста. — Все это однако мало развлекало А. П., который былъ разсѣянъ, что-то обдумывалъ; наконецъ и онъ задремалъ.

Напрасно старался я послѣдовать его примѣру. Часы томительно тянулись, въ тяжелой полудремотѣ, а тѣмъ временемъ вьюга усиливалась. Вѣтеръ началъ порывами врываться и на бивакъ. Теперь уже подъ нами, внизу, въ ущельѣ раздавались зловѣщія гудѣнья и завыванія; вѣтеръ смѣшался, завертѣлъ, былъ повсюду; палатка уже чувствовала его силу.

— Держи на костеръ, разиня! Куда лѣзешь! Стой—тутъ. Держи лошадь. Генералъ здѣсь? послышалось у палатки.

— Кто тутъ? спросилъ я, и увидѣлъ, къ удивленію, молодаго знакомаго офицера Лейбъ-Гренадерскаго полка, Энгельне, котораго отецъ экзаменовалъ меня при поступленіи въ кадетскій корпусъ, и былъ потомъ моимъ ротнымъ командиромъ. Сынъ былъ весь въ отца; то же доброе, улыбающееся лицо глядѣло на меня, освободившись отъ башлыка. Поверхъ полушубка на немъ былъ надѣтъ кожанъ, съ котораго снѣгъ скатывался, не приставая къ платью; подпоясанъ онъ былъ туго, въ теплыхъ сапогахъ, и вообще отлично одѣтъ для подобнаго путешествія. „То ли дѣло подумалось мнѣ, какъ человѣкъ хорошо одѣтъ! Куда угодно!" Протопоповъ не двигался, но кажется не спалъ, а слушалъ насъ. Казнаковъ похрапывалъ.

— Откуда? Какъ это вы доѣхали? Вѣдь вы со Златицкаго перевала?

— Да, вотъ полк. Любовицкій прислалъ меня узнать, что у васъ дѣлается; какъ идетъ переправа черезъ Балканы.

Сообщивъ ему, что зналъ, и описавъ свое незавидное въ эту минуту положеніе на Бабѣ-горѣ, я сталъ разспрашивать Энгельке—какъ онъ доѣхалъ.

— А ужъ самъ не знаю. Казака мнѣ удивительнаго дали съ кон-

ной почты. Ужасная рохля; слово не добьешься, а дорогу точно ощупью отыскиваетъ. Я только знаю, что за нимъ ѣхалъ, ничего не видя, весело отвѣчалъ юноша.—„Однако вы устали вѣдь. Чѣмъ бы васъ угостить? Озябли вы?“—Нѣтъ, не безпокойтесь; я поужиналъ передъ выѣздомъ; а вотъ у меня и теплота съ собой, отвѣчалъ Энгельке, показывая на внушительную флягу, на ремнѣ черезъ плечо. „Только это и спасаетъ въ настоящемъ случаѣ; да и сейчасъ ѣхать надобно, къ утру приказано вернуться. Такъ вы еще не скоро съ нами соединитесь?

— Мнѣ приказано—послѣ спуска въ долину; да вотъ вся наша работа пропадетъ сегодня; когда еще отгребемся опять! Каково у васъ въ эту вьюгу?

— У насъ землянки хорошія. Отсидимся! Только турки надоѣли; съ трехъ сторонъ насъ они окружили, своими окопами. Перестрѣлка каждый день. А мы слабы, чтобъ спуститься въ долину: передъ нами внизу большой турецкій укрѣпленный лагерь. Когда вы спуститеть — и они съ горъ слѣзутъ; а намъ вмѣстѣ легко будетъ ихъ сбить.

— А вотъ что будетъ завтра—пришлю сказать.

Придержалъ я этого удивительнаго ординардца, думая не утихнетъ ли вьюга; но она все больше усиливалась, вмѣстѣ съ холодомъ. На бивакѣ многіе проснулись отъ стужи, и схватились за потухшіе костры; тамъ слышалось какое-то безпокойство, непривычный, въ ночное время, шумъ. Только что уѣхалъ Энгельне, котораго ужасно совѣстно было отпустить, какъ говорится, на сухую,—вваливается драгунъ и подаетъ записку.

— Конь сгибъ, ѣхаты нэ можно.—А чортъ возьми! Урядникъ! Пошли сейчасъ казаковъ изъ моего конвоя, хоть всѣхъ, чтобъ довезли эту записку полковнику Зубатову; и не смѣли бы ворочаться безъ отвѣта.

— Слушаюсь, довезутъ. Самъ поѣду.—Съ Богомъ!

Оказалось что драгуны, выѣхавъ на перевалъ, въ потьмахъ и вьюгѣ, скоро потеряли другъ друга. Вернувшійся драгунъ скоро попалъ въ какой-то оврагъ, изъ котораго вылѣзъ одинъ, оставивъ тамъ увязшую по уши лошадь, и едва добрелъ назадъ пѣшкомъ до палатки Краснаго Креста, гдѣ докторъ Головачевъ его уже отогрѣлъ, давъ водки; однако пальцы на ногѣ драгунъ ознобилъ. Отославъ его къ фельдшеру, я снова старался заснуть, но неотвязный вопросъ: что тамъ дѣлается на перевалѣ? не давалъ мнѣ покоя...

Какъ эти казаки доѣдутъ? Скоро ли свѣтать будетъ? днемъ все легче...

На бивуакѣ часто слышалось, между тихимъ говоромъ, продолжительное покряхтыванье, которымъ русскій человѣкъ выражаетъ ощущеніе холода, когда сильно прозябнетъ...

Опять мучительно потянулось время; вѣтеръ завывалъ страшными порывами; къ постоянному шуму въ лѣсу, ухо уже привыкло и точно

одеревенѣло. Усталость одолѣвала. Дежурный казакъ сталъ чаще вносить горящія уголья въ ямку... Ярко горѣли сначала эти угли, издавая пріятный смолистый запахъ, потомъ слегка подергивались золой... Глазъ не хотѣлось сводить съ этой кучки, чтобъ имѣть что нибудь передъ собой въ потьмахъ... но вотъ угли подернулись уже темною корой золы, хотя внутри ямки еше видѣлся въ щели яркій свѣтъ... точно абажуръ... въ самомъ дѣлѣ абажуръ на моей лампѣ, а вотъ—на моемъ письменномъ столѣ, давно привычныя, любимыя вещицы и книги... вотъ пресъпапье изъ Семирѣчинскаго мрамора, съ китайскимъ мѣднымъ божкомъ, купленнымъ въ Борохудзирѣ; чернильница собственнаго изобрѣтенія, весьма не удачная; начатый бюстикъ Павлуши изъ краснаго воска... развернутый планъ Гравелотскаго сраженія, фотографіи дѣтей и племянницъ... На стѣнѣ въ сумракѣ виднѣется чарующая Деверія, въ прелестномъ рисункѣ Зичи, со сценами изъ belle Helene; а рядомъ величественная Туснельда съ грозно нахмуреннымъ, гордымъ челомъ, въ картинѣ Пилоти... Кругомъ тихо... только подъ окнами въ саду шумятъ деревья... должно быть сильный вѣтеръ съ моря, вдоль по Большому Проспекту... Чрезъ сосѣднюю темную комнату слышатся легкіе, поспѣшные шаги... Нюточка, въ бѣлой кофточкѣ, идетъ прощаться. „Папочка, Марья все пристаетъ ко мнѣ,—что завтра готовить?—почемъ я знаю?—обнимая меня за шею, жалуется Нюточка... Въ дверяхъ, изъ тьмы показывается, съ книжкой, кухарка Марья, красивая, всегда смѣющаяся, здоровенная баба.—Такъ какъ же быть Нюточка, уговариваю я, вѣдь ты должна же заказывать; ты же хозяйничаешь! — Да я, папочка, блюдъ никакихъ не знаю, а когда заказываю ей чистый бульонъ и рубленыя котлеты—(я ихъ больше всего люблю, папочка, шепчетъ Нюточка, смѣясь и прижимаясь ко мнѣ) тогда она совсѣмъ другое дѣлаетъ—говоритъ, что не нашла на рынкѣ! Ну чтожъ это?

— За чѣмъ же вы барышня, все одно заказываете? Надо—разное, нараспѣвъ, показывая красивые бѣлые зубы, растягиваетъ Марья, подшучивая надъ своей любимицей.—Почемъ же я знаю, что ты найдешь завтра на рынкѣ!—А можно завтра, Марья,—чистый бульонъ и котлеты? спрашиваю я.—Можно-съ, отчего же?

— Ну вотъ и сдѣлай; книжку оставь.—А что! а что! дразнитъ смѣясь Нюточка, скрывающуюся во тьму и фыркающую отъ смѣха Марью; я говорила вѣдь котлеты; что?—что?—Ну, прощай папочка...

Отчего иной разъ, эта дѣвочка, разъигравшись и разтрепавшись прибѣжитъ прощаться... торопится... „ну, прощайже поскорѣе, папочка, спать хочется“, скорчитъ серьозную рожицу покуда ее крестишь, потомъ пресерьозно перекреститъ сама; смѣясь поцѣлуетъ на скоро, и вырывается: „ну пусти же, папочка, пора спать...“ А въ другой разъ, вотъ и теперь—долго ласкается она перекрестивши, крѣпко цѣлуетъ и об-

нимаетъ, точно ей уйдти не хочется... заговариваетъ опять, и опять прощается! Что чувствуетъ это дѣтское 7-ми лѣтнее сердечко; что думаетъ эта прелестная бѣлокурая головка?..

Проводивъ граціозную Нюточку глазами въ темную комнату и сказавши ей „dors bien, Нюточка“, на ее „bonne nuit papa“, изъ третьей комнаты, я поворачиваюсь къ работѣ... но лампа уже потухла... окно разпахивается настежъ... врывается вѣтеръ съ хлопьями снѣгу...

Вѣтеръ просто оторвалъ полу палатки, служившую дверью, и мятель пожаловала къ намъ самолично...

— Чортъ знаетъ, какъ холодно! кричитъ Протопоповъ. Да кладите же скорѣе угли, обращается онъ къ хлопотавшимъ у двери казакамъ. Нѣтъ! не стоитъ спать; давайте чаю! заключаетъ онъ, видя меня полусидящаго, съ дремлющими глазами. „Вы не спали“?

— Нѣтъ; кажется, уснулъ немного, отвѣчалъ я, неохотно отрываясь отъ впечатлѣній улетѣвшихъ грёзъ.

— Да! лучше встать.

— Вѣдь вы не спали? Александръ Павловичъ.

— Какъ не спалъ! Отлично выспался. Эй, юноша! вставайте, кричалъ осунувшійся Протопоповъ, разталкивая, не безъ зависти, Казнакова. Экъ гудитъ-то! Точно лѣшіе ломятся. И это такъ цѣлую вѣдь ночь! растягивалъ Протопоповъ.

— Почемъ-же вы знаете! Вѣдь вы спали?—придрался я къ нему.

— Да! уснешь тутъ! Это какой-то Содомъ проклятый!

— Былъ кто-нибудь съ перевала?

— Никакъ нѣтъ.

— Казаки наши вернулись?

— Никакъ нѣтъ, безучастно отвѣчалъ Онуфрій, неуклюже-торопливо подавая чай.

— Врешь ты все, вѣдь спалъ вѣрно—безъ просыпу; поди спроси, крикнулъ я на него.

Онуфрій вышелъ изъ палатки задомъ, взглянувъ на меня изъ подлобья съ какимъ-то недоумѣніемъ, и ужъ за опустившейся полой послышалось: „Какъ же не знать! знаю, что не пріѣхали“.

Было 8 часовъ утра 17-го декабря; но день еще не показывался. Въ палаткѣ, безъ свѣчей было бы темно какъ ночью. Снѣгъ валилъ по прежнему; вьюга свирѣпѣла. Пославъ полковнику Зубатову еще записку, съ казаками, въ которой предписывалось отводить всѣхъ въ лагерь, бросивъ орудія и взявъ съ собой замки, мы стали одѣвать верхнее платье; остальное, съ сапогами и теплыми чулками, (извините) не снимали съ Этрополя; да и привыкли ужъ къ этому мы всѣ, еще на Вратешкѣ. Чтобъ согрѣть

озябшія руки и ноги, принялись мы за чай съ коньякомъ. Это лекарство живо подѣйствовало. Завернувшись въ бурки, въ башлыки, во что попало, вышли мы изъ палатки, и при тускломъ свѣтѣ начинавшихся утреннихъ сумерекъ, могли вдоволь насладиться видомъ зимней балканской бури.

На бивуакъ, закрытый съ одной стороны крутою вершиною Бабы-горы, вѣтеръ врывался теперь со стороны ущелья страшными порывами, крутя тучи снѣгу, ломая что попало; потомъ на минуту становилось тише. Вершины деревьевъ, между громадными стволами которыхъ мы помѣщались, быстро метались во всѣ стороны и гнулись какъ тростникъ; прислонившись къ каждому дереву можно было чувствовать, какъ оно трепетало, будто отъ безсильной злобы, или страха, предъ ломившей его бурей. Огромныя вѣтви деревьевъ, вчера одѣтыя глыбами снѣгу, теперь обнаженныя, отчаянно хлестали сосѣдей во всѣ стороны, покрывая бивуакъ кучею обломаныхъ сучьевъ. Точно драка, съ засученными рукавами, поднялась между этими ожившими, поссорившимися и ошалѣвшими великанами....

Ущелье, подъ нашими ногами, представляло видъ совершеннаго хаоса. Все это море лѣсу волновалось и пригибалось какъ трава, подъ напоромъ проносившейся вдоль по ущелью бури; мѣстами, вѣтеръ кружился вихремъ, и поднималъ съ лѣсныхъ полянъ столбы и тучи крутящагося снѣгу, унося вверхъ сучья и обломки вѣтвей....

Нашъ бивуакъ, съ 4 тысячами человѣкъ казался ничтожнымъ пятнышкомъ въ этой громадной картинѣ. Костры, задуваемые вѣтромъ, заваливаемые снѣгомъ—дымили, не давая тепла, и потухали. Стали разводить маленькіе костры въ шалашахъ или палаткахъ, въ которые входили черезъ отверстіе, вырытое въ сугробѣ, завалившемъ мѣсто бывшаго ночлега. Солдаты, влѣзая туда навстрѣчу дыму, попеременно грѣлись и коптѣлись по очереди; выходили совсѣмъ черные. Веселость и тутъ ихъ не оставляла; при видѣ очереднаго трубочиста, вылѣзавшаго изъ шалаша, раздавались дружные взрывы хохоту. Дожидающіеся очереди грѣлись рубкой дровъ, собираніемъ сухихъ сучьевъ и прыгали, размахивая руками, и покряхтывая....

Когда же конецъ этой бурѣ!...

Гдѣ болгары? спрашиваю Цареградскаго, котораго узналъ по полушубку отъ Краснаго Креста, и по одному глазу глядѣвшему изъ башлыка. — Tous, ici, altesse; nous venons de recevoir des pelles... — Отлично пусть отгребаютъ скорѣе дорогу. Войска вернутся съ позиціи. Можно работать?

— Certainement, alltesse. Цареградскій никогда не говорилъ: нельзя, или трудно.

Дороги по бивуаку и слѣда не было. На ея мѣстѣ опять снѣжный косогоръ,—по счастію довольно рыхлый.

Жарко принялись за дѣло болгары и солдаты, раздѣленные на очереди; часа черезъ полтора разчистили дорогу до опушки лѣсу, и повели дальше.

Когда мы выѣхали изъ опушки на перевалъ, все-таки по колѣно лошадей въ снѣгу, потому что дорогу опять по немногу заметало, впереди себя мы увидѣли одну снѣжную крутящуюся стихію... ни одного очертанія!... въ 20-ти шагахъ нельзя было увидать предмета. Порывы вѣтра валили съ ногъ. Ужасъ охватывалъ при мысли о стоящихъ на перевалѣ, и сковывалъ слова... Что можетъ человѣкъ противъ такой силы! Да будетъ воля Твоя! было заключеньемъ всякаго размышленія...

Долго всѣ смотрѣли впередъ, прислушиваясь, приглядываясь...

Ничего!... Стали стрѣлять изъ револьверовъ... звукъ выстрѣла, встрѣчая снѣжный вихрь, походилъ на звукъ чихнувшаго слушателя Вагнеровской музыки... Но вотъ, однако, въ этомъ морѣ снѣгу, видна какая-то точка, по временамъ заметаемая тучами снѣгу... Казакъ, по брюхо лошади въ снѣгу, пробивается къ намъ...

— Ѣдетъ, ѣдетъ кто-то, закричали всѣ,—„Казаки! Сѣдлать! Маіоръ Греченовскій, вышлите охотниковъ; сообщеніе есть съ полковникомъ Зубатовымъ. Поможете пѣхотѣ...

Маіоръ Греченовскій, командовавшій двумя сотнями 26-го казачьяго полка, съ другими старшими офицерами, выѣхалъ со мною на перевалъ, томительно ожидая извѣстій съ позиціи. На всѣхъ лицахъ я читалъ такое живое участіе, такую готовность помочь кому нужно, такую жажду приказаній, что я еще болѣе убѣждался въ возможности перенести это испытаніе, если не безъ потерь, то съ твердостью.

Казакъ, весь бѣлый, подъѣхалъ къ намъ, подавая записку, сжатую въ кулакѣ. Лошадь его, опустивъ голову и растопыривъ ноги, тяжко дышала. Казакъ слѣзъ, и началъ молча топтаться на мѣстѣ.

„Во ввѣренномъ мнѣ полку, писалъ Зубатовъ, больныхъ 520 чел.; изъ нихъ 170—съ отмороженными пальцами на рукахъ и ногахъ. Число заболѣвающихъ возростаетъ. По случаю сильной бури, костровъ развести невозможно.

— Записка написана въ 1¹/₄ часа утра. Не можетъ быть! Гдѣ-же наши посланные?

— А я встрѣлъ тутъ — двое казаковъ пѣшки бились; къ нашимъ держались...

— Молодецъ ты, братъ, спасибо. Отъ чего раньше не дали знать, что у васъ дѣлается? спросилъ я.

— Да ночью-то совсѣмъ нельзи было; ужъ пытали, отвѣчалъ равнодушно казакъ, котораго товарищи, подъѣхавшіе съ бивуака на коняхъ,

окружили, но какъ будто не обрадовались ему, не распрашивали его... только оглядывали пристально... да и не до того было.

Потрясающее дѣйствіе записки, въ которой—ни слова объ оставленіи позиціи, о невозможности стоять на мѣстѣ,—оживило всѣхъ.

— Посылайте охотниковъ! Ну-ка, казаки, теперь ужъ свѣтлѣе, найдете позицію. Вотъ казакъ-же оттуда пріѣхалъ. Ступайте прямо до встрѣчи, если они тронулись. Вѣрно ужъ теперь получили записку, и идутъ. Найдете дорогу, братцы?

— Знаемъ, найдемъ!

— Съ Богомъ! Помогайте братцы болгарамъ искать старую дорогу и разгребать.

Двадцать казаковъ съ М. Греченовскимъ, крикнувшимъ мнѣ: Слушаю-съ! Будьте покойны!—какъ въ атаку ринулись въ снѣжную стихію и постепенно скрывались въ ней, вытягиваясь гуськомъ. За ними же поѣхалъ, съ нѣсколькими офицерами, командиръ Воронежскаго полка полк. фонъ-Клугенъ.

Цареградскій что-то такое крикнулъ болгарамъ, что они какъ шальные бросились на лопаты.

Между тѣмъ, совсѣмъ не похоже было на полдень; какъ будто только что свѣтать начинало. Снѣгъ, крутящійся надъ нашими головами, былъ такъ густъ, и толщина его была такъ велика, что лучи солнца не пробивали ее. Голосъ захватывало вѣтромъ, такъ что по временамъ нельзя было говорить, иначе какъ спиной къ нему.

— А землеѣды-то, право, молодцы, растягивалъ Протопоповъ, повеселѣвши.—Поѣдемте-ка къ Д. В.; его что-то не видно.

Бивакъ былъ весь на ногахъ. Всѣ знали, что сообщеніе съ позиціей открыто, и оживились. Здѣсь велась отчаянная борьба со снѣгомъ,—солдаты отгребались, разводили постоянно заваливаемые и задуваемые костры, дававшіе однако больше дыму нежели пламени; варить было не начемъ; раздавалась остальная водка. На краю бивака, близь опушки лѣса, Головачевъ и Веймаръ, въ своей палаткѣ, уже перевязали нѣсколькихъ ознобившихъ пальцы; растирали нѣкоторыхъ озябшихъ. Водка, составлявшая ихъ главное и лучшее лекарство, раздавалась согрѣтая всякому озябшему и за перевязкой не могшему двигаться. Доктора поставили нѣсколько палатокъ, въ ожиданіи большой и серьозной работы, готовясь къ ней какъ предъ сраженіемъ, собрали бѣлье и одѣяла, носилки и санитаровъ. Головачевъ былъ все также веселъ; Веймаръ также молчаливъ и серьозенъ.—„Сколько градусовъ, докторъ?—Здѣсь 12°, на открытыхъ мѣстахъ больше, на вѣтру.—Не нужно ли вамъ чего нибудь?“—Не безпокойтесь; все что можно, у насъ есть; все готово.

И тутъ успокоиваютъ,—и тутъ всякій на своемъ мѣстѣ, у своего дѣла...

Странное впечатлѣніе производили эти приготовленія въ снѣгу, когда

не слышно ни одного выстрѣла.—Крѣпко пожали мы руки докторамъ, и направились къ Данилѣ Васильевичу.

— Не спитъ ли онъ еще? Нездоровилось старику, и вѣрно ночь онъ тоже не спалъ.

Мы слѣзли съ коней, тихонько подошли, и заглянули въ щель палаточной двери. Данила Васильевичъ стоялъ въ тулупчикѣ, безъ шапки, умытый и причесанный, шепталъ молитву и крестился.—Мы отошли и ждали.

Черезъ минуту послышался веселый голосъ. — „Пожалуйте! я же слышу. Извините; только подъ утро малость заснулъ. Экая вьюга!“

— Дѣло дрянь Д. В. Въ Псковскомъ полку сильно пострадали отъ холоду; какъ-то еще вернутся. Ночью и думать нечего было.

— Ничего, Богъ милостивъ, уберутся; да и не все же вьюга будетъ! Чаю не прикажете ли?

— Спасибо казакамъ вашимъ. Отправились на встрѣчу; думаю, что довезли же мое приказаніе Зубатову. Ночью два раза посылалъ.

— Теперь довезутъ непремѣнно. Да, да; пошлите ихъ, всѣхъ. Теперь ужъ день; все же помогутъ.

— Это ужъ не землеѣды, а снѣгоѣды, шутилъ Протопоповъ.

Напившись еще чаю, вернулись мы въ свою палатку, гдѣ прочитали записку командира драгунскаго полка, который спрашивалъ гдѣ ему добыть фуража, ибо утромъ, за вьюгою, нельзя было добыть сѣна у турокъ; нѣсколько лошадей пали. Въ заключеніе, просилъ онъ вернуть полкъ въ Этрополь.

Сѣно ему указано брать изъ Этрополя, а насчетъ возвращенія въ Этрополь—ничего не сказано.

Затѣмъ, по заявленію Казнакова, что ему сегодня надобно возвратиться, написана записка г.-ад. Гурко, гдѣ доносилось, что мятель прервала сообщенія, что морозу болѣе 10°, и надобно ожидать потерь отъ холоду, если это продолжится; что Казнаковъ возвращается для передачи, на словахъ, труднаго положенія отряда на Бабѣ-горѣ. Юноша уѣхалъ, очень опечаленный нашимъ положеніемъ, и неохотно разставался съ нами.

Вотъ торопливо влѣзаетъ въ палатку маіоръ Гречановскій.

— Идутъ, встрѣтили ужъ ихъ; все больные; нѣкоторыхъ несутъ, вотъ записка отъ полковника Зубатова.

— Возьмите пожалуйста всѣхъ наличныхъ казаковъ, и пошлите на встрѣчу.—Они ужъ готовы, я приказалъ. Самъ поѣду съ ними.—Какъ васъ благодарить! Съ Богомъ. Болгаръ всѣхъ туда-же возьмите; разчистку бросить.

Маіоръ Гречановскій исчезъ вихремъ, какъ будто вьюгу хотѣлъ перещеголять; сказалъ только: будьте покойны.

Полковникъ Зубатовъ писалъ въ 11³/₄ ч. утра:

„Во ввѣренномъ мнѣ полку, въ каждой ротѣ остается не болѣе 20 человѣкъ. Всѣ обмороженные отправлены. Костры невозможны. Если до вечера полкъ не будетъ отведенъ съ позиціи, то не останется людей...“

Вотъ она и теперь у меня предъ глазами—эта записка, съ другими сохранившаяся. Тогда она была мокрая, смятая; писана карандашомъ, нѣкоторыя слова смыты; почеркъ неровный, крупный, но разборчивый... Бѣдный Зубатовъ! Только что оправился онъ отъ послѣ вывиха руки при паденіи лошади на Вратешкѣ, а теперь попалъ въ такую исторію!... Бѣдные мои веселые, лихіе, безотвѣтные псковцы!... Я не выдержалъ и схватился за голову.—Да гдѣ-же это наши посланные?... вырвалось невольно. Но Протопоповъ посмотрѣлъ на меня, какъ то съ-боку, поднявъ брови, такимъ равнодушнымъ взглядомъ, что я тотчасъ опустилъ руки и молча сталъ ждать, чѣмъ онъ разрѣшится.

— Такъ вѣдь они же идутъ, больные-то; а теперь вѣрно и всѣ ужъ тронулись, серьозно растягивалъ онъ.

— Пойдемте туда; дѣла много. Хоть бы костровъ можно было побольше развести. А снѣгъ все идетъ!

— Вотъ это дѣло, ворчалъ Александръ Павловичъ будто про себя, а то за волосы!...

— Да, душа моя, вамъ не такъ тяжело; я отвѣчаю...

— Конечно, да не нужно-же такъ...

Какъ по командѣ, мы разомъ протянули другъ другу руки, и крѣпко, молча обнялись.

Въ это время послышался приближающійся къ палаткѣ стонъ съ кряхтѣньемъ. Полковника фонъ-Клугена, съ трудомъ спускавшагося къ палаткѣ, вели подъ руки два офицера. Почтенный старикъ, попытавшійся проѣхать къ своему батальону, стоявшему противъ Буновскихъ ложементовъ, не одолѣлъ вьюги, и долженъ былъ вернуться.

— Нѣтъ ваше пр-во, это невозможно! Это адъ какой-то. Отроду не видывалъ, со стономъ говорилъ онъ, съ трудомъ садясь на постель. Ступать не могу, вѣрно пальцы отморозилъ, говорилъ онъ, трясясь отъ холоду. Мы отпоили старика чаемъ съ коньякомъ, успокоивали его, хотѣли осмотрѣть ногу, но онъ утѣшаясь только извѣстіемъ о движеніи больныхъ воронежцевъ въ лагерь, ушелъ въ свою палатку, повторяя: Нѣтъ! Это невозможно! Это ужасъ что такое! Адъ какой-то! Гдѣ это видано! Расказать этого нельзя!

Когда мы вышли въ лагерь,—больные, обмороженные съ обѣихъ позицій, стали уже прибывать на бивуакъ, и поступали къ докторамъ Краснаго Креста, и нашимъ. Казаки везли нѣкоторыхъ на крупахъ лошадей, иныхъ вели за руки, другіе держались за хвосты и гривы лошадей. По колѣно, и по поясъ въ снѣгу, не имѣя силъ нести ружья, больные

ставили ихъ по дорогѣ въ снѣгъ, для указанія пути, вмѣсто вѣхъ. Эта дорога, сновавшими по ней казаками, понемногу протаптывалась.

Въ палаткахъ Краснаго Креста шла неустанная работа; остававшіеся въ лагерѣ офицеры и солдаты, наперерывъ старались помогать приходящимъ, чѣмъ могли.

Наконецъ пріѣхалъ отъ полковника Зубатова казакъ съ запискою, что приказаніе оставить позицію онъ получилъ въ 1 часъ 40 минутъ, и что прежде того—записки не получалъ. Онъ приказалъ всѣмъ отходить въ лагерь; орудія оставить, замки вынуть. Это былъ очевидно отвѣтъ на мою записку, въ 8 часовъ утра посланную! Гдѣ-же мой урядникъ съ товарищемъ, ночью посланный?

Послѣ, на перекличкѣ въ Этрополѣ казака не оказалось, а урядникъ былъ найденъ на дорогѣ полуживой, съ обмороженными ногами.

На сердцѣ однако все легче стало, хотя стоны обмороженныхъ, между которыми стали приходить къ докторамъ и казаки и болгары, раздирали душу.

Никогда не забуду одного сѣдаго высокаго старика болгарина, который работалъ всѣмъ въ примѣръ, и давно ознобивши руки, не обращалъ вниманія, пока, наконецъ, долженъ былъ придти къ доктору. Онъ молча показывалъ свои ободранныя по локоть, безъ кожи, окровавленныя сильныя, атлетическія руки,—показывалъ какъ будто легкую занозу, въ то время, какъ лихорадка трясла его, и онъ трепеталъ какъ листъ....

Оттертыхъ и перевязанныхъ, не могшихъ ходить, доктора завертывали въ шинели, одѣяла, и отправляли на носилкахъ внизъ, въ Этрополь. Съ позиціи привозили и приносили нѣкоторыхъ безъ чувствъ, между прочими трехъ офицеровъ и полковаго священника, но никто еще не выходилъ изъ рукъ докторовъ, не ожившимъ, и не спасеннымъ отъ холодной смерти. Многіе солдаты, менѣе пострадавшіе, не шли къ докторамъ, видя ихъ огромную работу; они перевязывались и оттирали ознобленные члены на бивуакѣ у товарищей, у офицеровъ, которые поили озябшихъ чаемъ съ водкой, съ коньякомъ. Тутъ не было различій; общее бѣдствіе развивало только два чувства, двѣ мысли, два желанія. У прибывающихъ въ лагерь—гдѣ бы обогрѣться, выпить горячаго, поѣсть; а у остававшихся и встрѣчающихъ,—чѣмъ-бы помочь кому, какъбы согрѣть приходящихъ.

Но вотъ стали подходить, какимъ-то чудомъ оставшіеся здоровыми Псковцы и Воронежцы; первые изъ пришедшихъ принесли 10 человѣкъ замерзшихъ, безъ признаковъ жизни, поднятыхъ на дорогѣ... Здоровые спѣшили на бивуакъ, гдѣ съ большимъ трудомъ, кое гдѣ, въ закрытыхъ ямахъ у солдатъ, въ палаткахъ у офицеровъ, нагрѣвалась вода для чаю, варилась горячая пища... а снѣгъ все валилъ, хотя по видимому мятель стала утихать, и стало посвѣтлѣе.

Не находя костровъ съ высокимъ пламенемъ, съ горячими угольями, солдаты съ набитыми снѣгомъ сапогами и одеждою, нагибались кучками надъ дымящимися, тощими огнями. Снѣгъ таялъ на нихъ съ одной стороны и снизу, и покрывалъ въ тоже время, съ другой стороны и съ верху; а когда надобно было отойдти и уступить мѣсто товарищу, — все сырое опять застывало, и оставаться безъ движенія было невозможно. Тогда, пробовавшіе отогрѣться солдаты топтались, и прыгали на мѣстѣ.

— Что братъ холоднò? спрашивалъ Д. В. одного изъ солдатъ.

— Холоднò, ваше превосходительство, отвѣчалъ солдатъ улыбаясь, тряся головой, и продолжая передъ нимъ свою пляску.

— Ничего, братъ, топчись, топчись,—вотъ такъ! и Д. В. самъ показывалъ примѣръ.—Это хорошо! Терпѣть, братецъ ты мой, надо; и ты терпи. Богъ терпѣливыхъ любитъ!

— Точно такъ, ваше превосходительство, отвѣчала собравшаяся кругомъ толпа прыгающихъ Псковцевъ. Странный видъ представляла эта пляшущая толпа, дѣлавшая, предъ начальникомъ, движенія, неуказанныя ни въ одномъ строевомъ уставѣ...

Долго и пристально всматриваясь въ эти явленія, становилось очевиднымъ, что эти измученные люди, оставшіеся цѣлыми, ночью свалятся съ ногъ, заболѣютъ, замерзнутъ, когда придется засыпàть, въ сыромъ до нитки, и потомъ замерзшемъ платьѣ.

Идти! мелькнула мысль имъ... Одно спасеніе въ движеніи. Но куда? Неужели назадъ!

Маіоръ Гречановскій, во второй разъ уже съѣздившій на перевалъ, съ маіоромъ Евстратовымъ и есауломъ Сысоевымъ, доложилъ, что вѣтеръ стихъ, но снѣгъ все еще силенъ, что остальные скоро подойдутъ, что орудія занесены такъ что ихъ невидно, что казачью прислугу откопали изъ подъ орудій, гдѣ они остались укрывшись чѣмъ могли, не желая покидать орудій, и что при этомъ нѣкоторые ознобили руки или ноги; принесли еще 8 труповъ. — „Нѣкоторыхъ еще недосчитываются; еще поищемъ. Будьте покойны", заключилъ добрѣйшій маіоръ...

Неотвязная, мучительная мысль предстоящей опасности для пришедшихъ съ позиціи, и неимѣющихъ возможности ни обогрѣться, ни высушиться, ни поѣсть горячей пищи,—не давала покоя... Я зазвалъ Д. В. и Протопопова въ палатку, гдѣ прочиталъ записку маіора Беатера, командовавшаго Великолуцкимъ полкомъ, остававшимся во время бури въ лагерѣ. Это тотъ самый маіоръ Беатеръ, который 16-го ноября съ 2-мя ротами атаковалъ во флангъ, и выбилъ штыками турокъ съ каменнаго гребня на Вратешкѣ, съ котораго они хотѣли отхватить насъ отъ норы, по выраженію Д. В.

Теперь онъ доносилъ, что по докладу полковаго доктора, къ его осмотру, въ этотъ день, явилось до 400 больныхъ; что 109 изъ нихъ

отправлены въ Этрополь; что остальные не пробудутъ въ строю и сутокъ, а въ 2—3 дня можетъ остаться, при настоящихъ условіяхъ, не болѣе 100 человѣкъ здоровыхъ въ полку.

— Какъ вы думаете, господа, можно тутъ оставаться въ такомъ положеніи, безъ огня, въ снѣгу?—Оба пристально на меня посмотрѣли. и глядя въ сторону отвѣчали: мы хотѣли вамъ сказать, что нельзя. Теперь вы сами видите.

— Стало быть — терять времени нечего. Каждая минута дорога. Пишите приказаніе.

Стиснувъ зубы, Протопоповъ взялся за карандашъ, а Д. В. утѣшалъ: „Что-же дѣлать! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ-жъ пропадутъ ни за грошъ! Жалко вѣдь! Что можно сдѣлали... Воля Божья!

Протопоповъ писалъ подъ диктовку:

„Вернувшимся съ позиціи въ лагерь, выходить немедленно вслѣдъ за драгунами, въ Этрополь; за ними идти Великолукцамъ; а въ аріергардѣ Воронежцамъ".

— „Они свѣжѣе другихъ!"

— „Послѣднимъ забрать всѣхъ до одного больныхъ, и донести ихъ на рукахъ. При докторахъ Краснаго Креста оставить 2 сотни казаковъ, съ маіоромъ Греченовскимъ, маіоромъ Евстратовымъ и Титовымъ. Завтра будутъ присланы болгары для откапыванія орудій. Господа ординарцы, объявите живо, и возьмите на этомъ росписки начальниковъ частей".

Черезъ пять минутъ всѣмъ было извѣстно, что мы оставляемъ Бабугору. Чтобъ не показать своего удовольствія при этомъ извѣстіи, здоровые солдаты стали еще усерднѣе хлопотать и ухаживать за больными. Между тѣмъ трудно было не замѣтить этого удовольствія, хотя не шумно оно выражалось. Напротивъ—всѣ притихли; но каждое лицо, которое можно было разсмотрѣть, какъ будто отдыхало, покинувъ хотя сдержанное, но мучительное, тяжелое выраженіе.

Это были тѣ же Псковцы и Великолукцы, которые съ сожалѣніемъ оставляли Вратешку, послѣ 24 дней зимней стоянки. Но тамъ не было вьюги; и если они рады были уйдти съ Бабы-горы—стало быть, нельзя было оставаться.

Подтверждали это и разныя отрывочныя солдатскія рѣчи, прослушанныя мимоходомъ въ толпѣ, гдѣ нельзя было различить, подъ снѣжнымъ домино, ни рядоваго, ни начальника:

— Такъ что-же? И сидѣлъ бы тутъ, еслибъ приказано было.

— Все равно одинъ конецъ!—„Да какже! Съ Богомъ не поспоришь; стужа то не свой братъ!"—А ты ужъ помирать думалъ! Эхъ ты, дуракъ! Берись за носилки покуда. Помереть то успѣешь!—Вотъ, землякъ, кабы намъ—да на старую квартиру, въ Ентрополѣ-то!—„Да, печка тамъ здоровая".—А ты начальству спасибо скажи; стало быть и его морозомъ

пробрало, говорилъ какой то ротный острякъ, обязательно смѣющимся кругомъ него слушателямъ.

Длинная вереница носилокъ, сопровождаемыхъ хромающими и подвязанными, потянулась вслѣдъ за драгунами, посланными впередъ для протаптыванія дороги. Съ ними же поплелись болгары, на половину обвязанные. Потомъ тронулись великолукцы, неся также больныхъ, и обмороженныхъ, позднѣе прибывшихъ. Но дѣло докторовъ далеко еще не кончилось. Отставшіе солдаты, и находимые подъ сугробами маіоромъ Гречановскимъ, прибывали до самыхъ сумерекъ; иныхъ нашли на позиціи отсиживавшимися въ лѣсу, подъ сучьями и сугробами снѣгу. Полк. Зубатовъ, съ немногими оставшимися цѣлыми офицерами, едва двигались и говорили отъ усталости, согрѣваемые товарищами; до 15 офицеровъ сильно ознобили ноги.

Ни одно кровопролитное дѣло, своими послѣдствіями, не можетъ произвести тягостнаго впечатлѣнія въ такомъ родѣ, какое испытывалось при видѣ этихъ жертвъ неумолимой природы. Между ранеными, часто видятся и бодрые, даже веселые; ихъ возбуждаетъ увѣренность въ пользѣ жертвованія своей кровью; ихъ поддерживаютъ простыя, но высокія чувства,—увѣренность, что не даромъ они пострадали. Послѣ перевязки, они долго еще бываютъ раздражены и поднимающей духъ обстановкой боя, и видомъ непріятеля вблизи, и не прошедшимъ еще задоромъ...

Конечно и здѣсь, на Бабѣ-горѣ, исполненіе долга было тоже.

Такое же беззотвѣтное самоотверженіе, такая-же прикованность къ мѣсту до приказа. А все таки невольно думалось каждому: ужъ лучше же быть окалѣченнымъ турецкой пулей или гранатой, чѣмъ отъ мороза! Тутъ даже и кровь-то не проливается. А послѣ, на родинѣ,—раненаго спросятъ: гдѣ, это ты, братъ, ногу-то забылъ?—„Подъ Плевной, на Шипкѣ, важно отвѣтитъ онъ“.—А ты, голубчикъ? спросятъ рядомъ хромаго, или безрукаго. „Отморозилъ на Бабѣ-горѣ!“—Ну, совсѣмъ не то ужъ выходитъ. О сложившихъ свои головы подъ Балканскими сугробами—говорить не будемъ. Вѣчная имъ память, вмѣстѣ съ павшими въ бояхъ!

Подъ вліяніемъ этихъ и другихъ грустныхъ мыслей, и подъ хлопьями валившаго снѣгу, ходили мы по бивуаку, оставшемуся безъ палатокъ, съ заваленными и потухшими кострами, торопя однихъ, помогая другимъ, поддерживая порядокъ. Торопить впрочемъ приходилось мало. Надежда что внизу—теплѣе, а можетъ быть и снѣгу меньше, гнала всѣхъ. Только у палатокъ Краснаго Креста, ярко освѣщенныхъ внутри, стояла плотная кучка около закрытаго съ трехъ сторонъ костра,—казаки, фельдшера, санитары. Еще неушедшіе воронежцы, назначенные въ арріергардъ—

становились въ ружье, покашливая въ башлыки. Полковой командиръ, больной, уѣхалъ въ Этрополь. Начинало темнѣть.

— Надо и намъ ѣхать, господа. Въ Этрополѣ дѣла будетъ много. Маіоръ Гречановскій, вы съ казаками останетесь при докторахъ. Сколько у васъ казаковъ въ 2 сотняхъ?

— Человѣкъ 50 осталось.—Доктора хотятъ вернуться завтра; на всю ночь имъ еще работы будетъ. Завтра утромъ вышлю болгаръ откапывать орудія, если вьюга кончится, и артиллеристовъ съ лошадьми.

— Теперь кажется всѣ здѣсь; по крайней мѣрѣ... торопливо началъ Гречановскій, и вдругъ остановился; видно хотѣлъ сказать: *живые*. Впрочемъ до ночи успѣемъ еще разъ съѣздить на позицію; вѣтру меньше. Будьте покойны.

Этими словами, маіоръ Гречановскій оканчивалъ всегда разговоръ со мной. Этотъ отличный офицеръ, и добрѣйшій человѣкъ, съ университетскимъ образованіемъ, въ послѣдствіи поступилъ въ администрацію Болгаріи, по приглашенію князя Черкасскаго, въ Адріанополѣ.

Пожавъ крѣпко руку этого скромнаго спасителя сотенъ замерзавшихъ солдатъ,—сѣли мы на коней. Сулеймановъ уже не смѣлъ говорить, что „лошадей не ѣмши". Молча убирался онъ, отдирая съ деньщиками примерзшія палатки, которыя рвались, трещали, а оставлять Бабу-гору не хотѣли.

— Бросьте это все. Вьючить! Лебединскій, останьтесь здѣсь, и по уходѣ всѣхъ войскъ, пріѣзжайте къ ночи, доложить въ какомъ положеніи дѣла у докторовъ, и что имъ на завтра нужно...

Чтожъ это такое?—Неужели и съ Бабой-горой тяжело раставаться? думалось, ощущая какое-то дѣйствительно тяжелое, грустное чувство, и глядя на задумчивыя кругомъ лица—точно при разтаваньи.

Нѣтъ, однако, не совсѣмъ то! Приходится отходить внизъ, не сдѣлавши всего, что приказано. Приходится въ тотъ же Этрополь привезти извѣстіе о неудачѣ, и сознаться предъ болгарами, что они были правы, говоря, что не влѣземъ на Бабу-гору; приходится имъ еще отложить надежду на избавленіе отъ турокъ...

Такъ врутъ-же они все таки, думалось навѣрное всѣмъ. Все таки мы влѣзли на эту Бабу-гору: все таки начало того, что слѣдовало сдѣлать—сдѣлали; и если бы не эта буря... Да что намъ болгары? А начальство! А послѣдствія отъ нашего отступленія въ Этрополь? А можетъ быть теперь турки преспокойно удираютъ чрезъ Буново и Мирково, а отъ Златицкаго перевала ихъ перехватить нечѣмъ. А можетъ быть мы еще успѣемъ; другой день—извѣстій съ праваго фланга нѣтъ; можетъ быть не перевалили еще; вѣрно бы дали знать...

— Въ Златицу надо! подумалось невольно вслухъ.

— Да! и я тоже думаю, отчетливо и громко отозвался Протопоповъ,

ѣхавшій позади меня гуськомъ. Мы радостно переглянулись. — „Потолкуемъ въ Этрополѣ!“

Наѣхавъ, по узкой, круто спускавшейся дорогѣ, на пѣхоту съ носилками и больными, остановленными какими-то вьюками, поднимавшимися на встрѣчу, и не хотѣвшими вернуться безъ приказанія, хотя имъ всѣ кричали, что бросаютъ Бабу-гору,—мы съ Д. В. взяли въ сторону по узкой тропинкѣ, спускавшейся обходомъ, мимо главной дороги, а Протоповъ остался съ пѣхотою, чтобъ очистить ей дорогу.

Слѣдуя за Д. В., я замѣтилъ, на извилистыхъ спускахъ тропинки, что она очень скользка, и что мой рыжій „лошадей“—плохо подкованъ. По этому, на краю длиннаго прямаго, и очень крутаго спуска на тропѣ, я слѣзъ, думая что пѣшкомъ будетъ лучше, и отдалъ лошадь казаку, слѣдя за спускомъ Д. В—ча.

Старикъ съѣхалъ осторожно, мѣстами скользя на всѣхъ четырехъ ногахъ своего коня, садившагося на хвостъ, и на поворотѣ тропы, внизу спуска, остановился потому, что изъ за угла, на встрѣчу, поднимались, разъѣхавшіеся съ полкомъ, тощіе драгунскіе вьюки съ сѣномъ, и загородили тропу, на которой, между скалами и деревьями, поворотить вьюки было трудно. Покуда они разрѣшали эту задачу, Д. В. повернулъ коня поперекъ тропы, и посмотрѣлъ, какъ я ѣду. А я дѣйствительно ѣхалъ къ нему съ вершины спуска, и даже очень быстро, — только сидя на землѣ, потому что на первомъ же шагу по спуску, поскользнулся на льду, находившемся подъ снѣгомъ. Данила Васильевичъ не могъ удержаться отъ смѣху, который неудержимо сообщился и мнѣ, при ощущеніи давно забытаго удовольствія катанія съ горъ—безъ салазокъ.

Въ одно мгновеніе, проскользнувъ подъ брюхомъ лошади Д. В., стоявшей поперекъ тропы, я осѣдлалъ заднюю ногу драгунскаго коня подъ вьюкомъ, и схватившись за нее, остановился. Д. В. провожавшій меня глазами подъ свою лошадь, преспокойно нагнулся на другую сторону, подалъ мнѣ руку, и поставилъ на ноги, говоря· „Зачѣмъ же было слѣзать? Хорошо, что лошади смирныя. Да я жъ вотъ верхомъ съѣхалъ.— У васъ хорошо кована лошадь, а мой рыжій скользитъ, отвѣчалъ я потираясь; да все равно. За то скоро! Вонъ видите рыжій-то,—по моему; берегитесь!

Рыжій, сначала съ казакомъ висѣвшемъ на поводѣ, а потомъ одинъ, когда казакъ ухватился за какой-то кустъ—дѣйствительно спускался тѣмъ же порядкомъ какъ и я, тщетно стараясь упереть во что нибудь свои неуклюжія ноги,—и когда мы посторонились за уголъ, онъ изрядно треснулся бокомъ о какіе-то камни или корни на поворотѣ; такъ что потомъ, вставши на ноги, долго трясъ головой, о чемъ-то неудомѣвая. Оно впрочемъ не удивительно—рыжій донецъ едва ли когда нибудь катался съ горъ.

Спустившись, въ сумракѣ, по этой головоломной тропѣ по низу, мы стали обгонять на широкой дорогѣ пѣхоту, носилки съ больными и обмороженными. Внизу было гораздо теплѣе, хотя густой снѣгъ не переставалъ. Насъ тяжело поразило то, что больныхъ совсѣмъ не слышно было,—ни одного стона, ни слова,—какъ будто они всѣ умерли.

Поровнявшись съ молодцоватомъ офицеромъ Псковскаго полка, идущимъ рядомъ съ носилками, на которыя онъ часто поглядывалъ, закрывая больнаго, и стряхивая снѣгъ съ большимъ участіемъ,—я спросилъ его, кого тутъ несутъ?

— Фельдфебеля моей роты, ваше пр-во...

— Что онъ, развѣ спитъ? И ни одного больнаго не слышно.

— Они дѣйствительно такъ... спятъ, ваше пр-во. Спасибо доктору: какъ оттеръ, перевязалъ, такъ на дорогу каждому далъ по изрядному стакану водки, да вотъ какъ тепло одѣлъ. Пускай, говоритъ спятъ,—лучше донесете. А этотъ у меня фельдфебель отличный, охотно разсказывалъ молодой ротный командиръ, самъ нѣсколько человѣкъ откопалъ, и меня все расталкивалъ да разминалъ; а вотъ потомъ, ноги и руки поморозилъ себѣ, и засыпать отъ холоду началъ...

Что бы мы стали дѣлать безъ тѣхъ средствъ, которыя были у докторовъ Краснаго Креста, и безъ попеченій Головачева и Веймара!

Пріученные идти на переходѣ совершенно свободно, какъ кто хочетъ, съ однимъ условіемъ не отставать, армейцы шли торопливо, безъ привычнаго шумливаго разговора, изрѣдка перекидываясь веселыми словами, шутками. Но при нашемъ приближеніи — все смолкало; имъ какъ будто казалось неумѣстнымъ, въ эту минуту, выражать при начальствѣ свое удовольствіе. Повѣрьте, что у русскаго солдата увидите подъчасъ такія деликатныя черты, какихъ не снилось инымъ господамъ съ самыми утонченными вѣжливыми манерами.

Совсѣмъ стемнѣло, когда въ головѣ колоны пѣхоты, вслѣдъ за драгунами, мы въѣхали въ Этрополь, догнавъ на пути Протопопова, задумчиво ѣхавшаго въ одиночку. Д. В. поѣхалъ на свою прежнюю квартиру.

Вѣсть о нашемъ возвращеніи не успѣла еще проникнуть во всѣ закоулки Этрополя, такъ что, когда мы въѣхали во дворъ нашей бывшей квартиры, и вошли въ свою комнату, обвязанные башлыками, въ снѣгу съ ногъ до головы,—старуха хозяйка, чистившая комнату и встрѣтившая насъ, съ кувшиномъ воды и тряпкою въ рукахъ, не могла узнать насъ, и долго, пристально слѣдила за нашимъ разкутываньемъ.

Когда же все лишнее было снято, вмѣстѣ со снѣгомъ и сосульками съ усовъ и бороды,—она, въ недоумѣніи, узнавши насъ, сказала только: э, ге, ге!!... и разставила руки, какъ будто желая выразить: вотъ-те и перешли Балканы, а еще хвастались!..

Какъ оно ни было комично, но намъ съ Протопоповымъ что-то не

очень хотѣлось смѣяться,—и мы поторопили хозяйку нагрѣть воды для чаю, и дать намъ пообѣдать.

Составивъ подробное донесеніе ген.-ад. Гурко о причинахъ отступленія съ Бабы-горы, мы отправили его по конной почтѣ, съ тяжелымъ чувствомъ неизвѣстности,—какъ будетъ принято это непріятное извѣстіе.

За тѣмъ послано увѣдомленіе ген.-м. Броку на Златицкій перевалъ о нашемъ возвращеніи въ Этрополь, и приказано Цареградскому приготовить въ ночь 200 или 300 болгаръ, чтобъ до разсвѣта выслать ихъ на Бабу-гору, для отрытія орудій изъ-подъ снѣгу. Объ этомъ сообщено и Гречановскому.

Потомъ, пославъ ординарцевъ освѣдомиться, пришли ли всѣ больные, и какъ размѣстились, мы принялись толковать о незавидномъ положеніи отряда, и о томъ, что намъ теперь дѣлать. Потребовалъ я коменданта.

Медицинскія средства въ Этрополѣ состояли изъ отдѣленія лазарета 3-й пѣхотной дивизіи на 12 кроватей, отпущенныхъ изъ Ловчи при моей бригадѣ, да полковыхъ скудныхъ средствъ; а больныхъ въ Этрополѣ, изъ разныхъ частей стоявшихъ на Балканахъ, набиралось больше 1000 человѣкъ...

Комендантъ Этрополя разрывался на части; денегъ у него уже небыло, и безъ участія жителей было бы плохо.

Городской совѣтъ распоряжался подъ его руководствомъ отводомъ квартиръ, и назначеніемъ болгаръ для ухода за больными. Они же давали и бѣлье, и одѣяла. Съ этой стороны мы были покойнѣе; кое-какъ мы могли размѣстить и успокоить больныхъ.

Но оставаться отряду въ Этрополѣ было невозможно и несносно, а извѣстій съ праваго фланга до ночи не было получено. Въ этотъ вечеръ, мы еще не могли узнать чѣмъ можемъ располагать для движенія Надобно было дать время частямъ собраться, отдохнуть, и потомъ пересчитаться. Батарея 31-й артиллерійской бригады стояла на готовѣ въ Этрополѣ.

— Пойдемте на Златицкій перевалъ. Была не была!

— Никакихъ извѣстій нѣтъ, точно о насъ забыли!—Что же намъ тутъ сидѣть!—Этакъ мы послѣ всѣхъ Балканы перейдемъ; какой срамъ будетъ! И не поспѣемъ къ дракѣ, когда турки отступать будутъ.

Такъ убѣждали мы другъ друга, распивая болгарскій чай въ ожиданіи Ивана, хотя съ нами ни кто и не спорилъ.

А снѣгъ все валилъ хлопьями и буря, какъ будто преслѣдуя насъ и въ Этрополѣ, по временамъ проносилась по городу, съ гудѣньемъ въ трубахъ, и свистомъ между деревьями.

Поздно вечеромъ, какъ разъ къ ужину, приготовленному Иваномъ, вернулся съ Бабы-горы Лебединскій и доложилъ, что произошло недо-

разумѣніе, что Воронежскій полкъ весь ушелъ въ Этрополь, а у докторовъ еще десятка три больныхъ, которыхъ завтра утромъ надобно снести.

За это недоразумѣніе одному батальону Воронежцевъ приказано завтра до разсвѣта, вмѣстѣ съ болгарами, идти на перевалъ за больными. Лебединскій долго расказывалъ намъ про работу Головачева и Веймара. Эти доктора 24 часа безъ отдыха оттирали и перевязывали больныхъ; ѣли и пили они, въ это время, налету. Гречановскій не слѣзалъ съ коня до поздней ночи. Съ десятокъ изъ его 2-хъ сотенъ, въ каждой по 25 человѣкъ, — тоже обморозились. Бивуакъ нашъ заваленъ снѣгомъ такъ, что и слѣдовъ нѣтъ...

Но всего не перескажешь, что слышалъ. Надобно ограничиться личными впечатлѣніями отъ того, что самъ видѣлъ...

Мечтать лежа въ постели — нѣкогда было. Сонъ клонилъ сильно, отъ физической и нравственной усталости. Обмѣнявшись только мнѣніями, по поводу завтрашнихъ распоряженій по приготовленіямъ къ движенію на Златицкій перевалъ, и по поводу предстоящаго донесенія о томъ ген.-ад. Гурко,—мы заснули какъ убитые.

Грустнымъ и тяжелымъ занятіемъ началось утро 18-го декабря.

Батальонъ Воронежцевъ, и болгары съ Цареградскимъ, уже ушли на перевалъ, когда мы проснулись. Полковой священникъ отправился съ ними для погребенія замерзшихъ.

Утро было ясное. Вьюга, опять было разыгравшаяся ночью, стихла окончательно. Яркое солнце, поднявшись изъ-за горъ, ударило въ окна и весело освѣтило нашу комнату, въ которую собрались скорбныя записки о потеряхъ во время бури, согнавшей насъ съ Бабы-горы. Вотъ цифры, которыя тотчасъ-же были сообщены въ запискѣ ген.-ад. Гурко.

	Псковцевъ.		Великолукцевъ.	Воронежцевъ.	
	Офиц.	Ряд.	Ряд.	Офиц.	Ряд.
Замерзшихъ (привезенныхъ въ лагерь безъ признаковъ жизни)	—	12	1	—	10
Пропало безъ вѣсти (ненайдены подъ снѣгомъ) . .	—	30	—	—	—
Ознобившихся	8	519	30	2	109
(Изъ нихъ сильно обмороженныхъ 31).					
Заболѣвшихъ простудою. .	—	—	10	—	79
Всего . .	8	561	41	2	198

Къ этому пришлось послѣ прибавить 18 человѣкъ, изъ драгунъ, казаковъ и артиллеристовъ, и 3-хъ офицеровъ изъ нихъ же, обморозившихся легко.

Мятель 16-го и 17-го чиселъ вырвала у насъ изъ строя 841 человѣка.

Съ тѣмъ томительно тяжелымъ чувствомъ, съ которымъ приходится присутствовать при погребеніи дорогихъ людей,—считали мы этихъ занесенныхъ снѣгомъ, пропавшихъ и обмороженныхъ молодцовъ,—выводили цифры тяжело обмороженныхъ, которые уже не вернутся въ строй, также какъ ихъ неотысканные товарищи; — допытывались сколько изъ легко обмороженныхъ и когда могутъ вернуться въ ряды...

Весело, молодцовато, вошелъ вдругъ Данило Васильевичъ; точно на Бабѣ-горѣ и небылъ.

Чтобъ не портить его настроенія, мы сразу объявляли ему, что идемъ на Златицу!

— Отлично, вскрикнулъ старикъ, махнувъ къ верху фуражкой, вотъ это дѣло! Эхъ, хорошо! — Ну сегодня вѣрно еще не выйдемъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще; но приготовимся, распорядимся, и ужъ навѣрное — завтра.

— Такъ вотъ что! Ужъ мнѣ позвольте съ драгунами съѣздить на Бабью-гору. Д. В. называлъ ее по своему.—Ужъ очень она мнѣ понравилась. Что тамъ съ орудіями? Надо казакамъ помочь, а драгуны самые свѣжіе у насъ.

— Прекрасно! съ Богомъ. Когда вы ѣдете?

— Да ужъ готовы, драгуны-то. За городомъ ждутъ.

— А что же ваши землеѣды, что на Мирково пошли, спросилъ Протопоповъ?

— Да! Совсѣмъ забылъ. Вотъ записка Гречановскаго; пишетъ, что Поповъ въ Этрополѣ; видѣли его казаки ночью, и дали ему знать. Приказалъ я ужъ отыскать его; да и самъ явится; онъ акуратный.

— Неужто, въ самомъ дѣлѣ, и были они въ Мирковѣ?...

— Да яжъ говорилъ, что сдѣлаютъ все,—и не пропадутъ. Вотъ разпросите. А вы прочитайте, что Гречановскій пишетъ про Буново и Мирково. Теперь туда и думать нельзя пролѣзть.—Да; дѣйствительно пишетъ. Ну, и Богъ съ ними, и Бабой-горой. Пойдемъ на Златицу!

— Самое это лучшее! Что тутъ съ Бабьей-горой вожжаться! Такъ я къ вечеру буду. До свиданья!

Мы разцѣловались съ Д. В. отъ души. — Протопоповъ вышелъ его проводить, и черезъ десять минутъ, впродолженіи которыхъ я готовилъ письмо къ своимъ, на Васильевскій островъ, явился съ извѣстіемъ, что съ Златицкаго перевала пріѣхалъ флигель-адъютантъ полк. Любовицкій (командовавшій л.-гренадерами), и желаетъ видѣться.

— Вотъ кстати! Скорѣе пошлите его просить. Сейчасъ все узнаемъ: о подъемѣ, о позиціи ихъ, о туркахъ!...

Полк. Любовицкій, знакомый еще со времени взятія Этрополя, привезъ намъ даже приглашеніе ген.-м. Брока, идти на перевалъ, гдѣ его отрядъ не могъ одинъ обрушиться на турокъ окружившихъ его съ 3-хъ сторонъ. Тутъ, на совѣщаніи, было все рѣшено до подробностей. Подъемъ на Златицкій перевалъ, по разсказу полк. Любовицкаго, оказался при зимнемъ пути удобнѣйшимъ и легчайшимъ, сравнительно съ подъемомъ на Бабу-гору; въ работѣ по разчисткѣ его отъ снѣга, почти не представлялось надобности. Движеніе на Златицкій перевалъ было расчитано, войска назначены, и лучшаго совѣтника и помощника на это дѣло, какъ полк. Любовицкій, намъ и не съискать бы.

Онъ чертилъ намъ наброски, и разсказывалъ все, видите-ли, тѣмъ же никогда не измѣняющимся, мягкимъ и ровнымъ голосомъ; объяснялось все, видите ли, до тонкостей, иногда даже, знаете ли, до педантизма, съ такимъ вѣрнымъ взглядомъ на вполнѣ, видите-ли, обдуманное дѣло,— что я узналъ опять того же милаго человѣка, неоцѣненнаго сотрудника и товарища, которымъ очень дорожилъ подъ Этрополемъ, гдѣ онъ камандовалъ главною обходною колонною, хотя еще дѣлалъ перевязку своей раны, полученной подъ Горнимъ Дубнякомъ.

Послѣ его отъѣзда „до скораго свиданія“ я пригласилъ начальниковъ частей; командиръ 4-й батареи 31 арт. бригады, капитанъ Терещенко, скучая бездѣльемъ, рвался на всякое дѣло наравнѣ съ другими, и обѣщалъ, что онъ шутя подниметъ свою батарею. Молодой саперный офицеръ князь Кильдышевъ предложилъ свои услуги. Приказано готовить салазки для орудій, вьюки, болгаръ съ лопатами. Кстати подошелъ какой-то интендантскій транспортъ съ сухарями и крупой; послали за скотомъ по деревнямъ. Бѣда наша была съ обувью; больнымъ приказано обмѣняться здоровыми сапогами съ тѣми здоровыми солдатами, у которыхъ сапоги были неизлѣчимы,—принялись опять за опанки. Работа закипѣла; всѣ снова оживились, отдохнувши...

Между этими хлопотами, мы съ Протопоповымъ, въ фуфайкахъ, быстро расхаживали по комнатѣ, каждый изъ своего угла въ уголъ, засунувъ рукава въ карманы, безпрестанно сталкиваясь посреди комнаты, припоминая, что̀ забыли приказать, строя планы впередъ, и по временамъ смѣясь надъ всякими пустяками,—точно на свадьбу собирались ѣхать...

Наконецъ докладываютъ, что пришелъ вахмистръ Поповъ.

— Это интерэ-эсно! началъ опять растягивать Александръ Павловичъ.—Послушаемъ оберъ-землеѣда!...

Молодцоватый, небольшаго роста, вахмистръ Поповъ 6-й сотни 26-го Донскаго казачьяго полка, георгіевскій кавалеръ, въ новенькой шинели, смазанныхъ сапогахъ, напомаженный деревяннымъ масломъ, и

щегольски причесанный, шагнулъ въ дверь, потомъ влѣво, и всталъ у притолоки.

— Здорово, Поповъ. Разсказывай, какъ ты съѣздилъ въ Мирково?

— Здравія желаю. Точно такъ, ваше пр-во! Какъ мы это, съ товарищами, лошадей вернули, а сами пошли пѣшкѝ...

— Да зачѣмъ вы пѣшкомъ то пошли?

— Лошадей жалко стало, ваше пр-во, и съ ними совсѣмъ тягота одна была. какъ вьюга́ началась. Мы ко̀ней и вернули, и ужъ недалече такъ отъ Миркова, встрѣли, еще за-свѣтло, балгарина съ баранами; до 500 головъ было; гналъ это онъ отъ турковъ; говоритъ, отбираютъ. „Ты молъ, къ намъ гони, я ему говорю—у насъ за деньги."—И то, говоритъ, погоню.

— А ты по болгарски знаешь?

— Могу понимать, ваше пр-во. Какъ мы это съ балгариномъ поговорили,—веди, говорю, насъ въ Мирково,—чтобы намъ безпремѣнно все тамъ узнать. Онъ насъ ночью и вывелъ къ самой деревнѣ, да на лбище такое: близко вотъ какъ, да страсть круто; и дороги тутъ, куда мы зашли, совсѣмъ нѣтъ.

— Какъ же вы спустились?

Александръ Павловичъ фыркнулъ отъ смѣху, когда урядникъ объявилъ коротко и ясно,—на чемъ они спустились; а Поповъ серьозно посмотрѣлъ на Протопопова, недоумѣвая, что тутъ смѣшнаго?

— Ну, а въ деревнѣ что же вы дѣлали? продолжалъ я распрашивать, едва удерживаясь отъ смѣху, вспоминая о своемъ спускѣ съ Бабы-горы.

— Въ деревнѣ всѣ ужъ спятъ. Этотъ нашъ балгаринъ бросилъ насъ подъ заборомъ, да и пошелъ искать своего земляка, и съ нимъ опять прибегъ. Докладывалъ намъ, тотъ балгаринъ, что изъ деревни, что молъ турки вчера привезли двѣ орудіи, горныя значитъ, не важныя; въ Буново, слышь, посылать хотятъ; а что пѣхоты тамъ до тысячи есть, и тоже черкесовъ ста два.

— Что же вы еще отъ него слышали?

— Все онъ намъ разсказывалъ;—гоняютъ на работу, говоритъ; всѣмъ обижаютъ; хлѣбъ берутъ, бабъ берутъ, — и водки онъ намъ принесъ; только мы ваше пр-во какъ непьющіе, однако помалости такъ, для холоду выпили. И ежели вы, говоритъ, господа, желаете—то всѣхъ турковъ здѣсь живьемъ передушить можно, потому спятъ они очень крѣпко, и чтобы карауламъ быть—ничего этого нѣтъ. Ну, мы имъ говоримъ: „вы бы сами, братушки, въ такомъ случа́ѣ, ихъ бы перебили, — а намъ недосугъ."

— А назадъ-то какъ-же вы?

— Назадъ ужъ по дорогѣ, ваше пр-во; такъ на тропочку малую, изъ деревни вывели. Только этотъ нашъ пастухъ, какъ вышли опять на гору,

погналъ барановъ вѐрхомъ, потому что дюжо́ снѣгу было по логамъ-то; искали мы гдѣ неглубоко. И заплутался онъ, потому—вьюга̀ сильная была; чѣмъ бы намъ по гребню влѣво—къ Бабѣ выйдти, а онъ вправо взялъ, и къ утру все же привелъ къ нашимъ, въ казарму, что на Златицкой дорогѣ *). Тамъ отдохнули, погрѣлись, а вчера съ баранами сюда пришли, потому сказывали, ваше пр-во приказали энту позицію бросить. Только, виноваты мы ваше пр-во барановъ дюжо̀ растеряли—больше 300 не будетъ.

— Молодчина ты, Поповъ, спасибо тебѣ. Поблагодари отъ меня товарищей; списокъ имъ есть у меня. Всѣ они цѣлы?

— Ради стараться, ваше пр-во! Двое вонъ, себѣ, по глупости, пальцы ознобили, да и рожу;—да такъ, пустяки!

— Отчего-же—по глупости?

— Потому, у насъ одежка хорошая была, ваше пр-во, и теплая. Зачѣмъ они ознобились?

— Ну, чтожъ дѣлать! Вотъ тебѣ записка командиру Псковскаго полка; барановъ туда гони; болгарину заплатятъ хорошо. Не забуду васъ, братцы; съ Богомъ!

— Счастливо оставаться, ваше пр-во.

Поповъ опять шагнулъ вправо, и потомъ ужъ повернулся немного къ двери, отыскивая рукой скобу, и стараясь выйдти не оборачиваясь спиной.

— Каково это вамъ покажется!—Это они по гребню, ночью, пѣшкомъ, плутали въ этакую вьюгу, выбирая ощупью гдѣ снѣгъ покрѣпче.— И двое *по глупости* рожи обморозили!—Да еще барановъ пригнали! — И гдѣ онъ новенькую шинель досталъ? Какимъ франтомъ явился! — Вотъ такъ землеѣды. Да это чортъ знаетъ что такое! А онъ разсказываетъ точно къ кумѣ на имянины съѣздилъ!—долго восклицали мы съ Протопоповымъ.

Вотъ имена товарищей Попова, всѣ той же 26-й сотни 6-го полка: урядники: Софронъ Копцовъ, Ермилъ Муруговъ, Ефимъ Павловъ (всѣ трое были георгіевскіе кавалеры), Евлампій Карташовъ, и казаки: Емельянъ Ерковъ и Артёмъ Исаевъ. Данило Васильевичъ имѣлъ право на нихъ надѣяться, говоря, что они на всякую казачью выдумку мастера̀. И у насъ такихъ богатырей—непочатой уголъ! Только одѣть, кормить ихъ какъ слѣдуетъ, да „поддарживать", какъ выражаются казаки, вмѣсто: подбодрять, возбуждать, погонять...

Кажется, не очень большую цѣну вообще давали, въ эту войну, тѣмъ серьознымъ, незамѣнимымъ услугамъ, которыя оказывали казаки. А что они переносили, на постахъ конной почты, напримѣръ: безъ фуража, безъ денегъ, вдали отъ жилья, зимой, — какъ знаешь... И везетъ казакъ ле-

*) Бывшій турецкій блокгаузъ, на полдорогѣ, при подъемѣ на Златицкій перевалъ; см. набросокъ.

тучку, клочекъ бумаги, какъ святыню; случая не было, чтобъ у нихъ не дошла записка или пропала. А пробовали ставить на конную почту и драгунъ, и уланъ—ну, и не то выходитъ. Отчего это?..

Прохлопотавъ цѣлый день, осмотрѣвъ больныхъ, поторопивъ приготовленія, послалъ я донесеніе ген.-ад. Гурко о томъ, что не имѣя свѣденій съ праваго фланга, пошли мы на Златицкій перевалъ, для соединенія съ отрядомъ ген.-м. Брока, и 19-го декабря, въ день боя подъ Ташкисеномъ, тотъ-же отрядъ который влѣзалъ на Бабу-гору, но сильно порѣдѣвшій, бодро двинулся на Златицкій перевалъ, а на другой день вечеромъ почти весь былъ на верху. Поджидая послѣднихъ орудій къ 21-му числу, мы хотѣли 22-го декабря атаковать турокъ; но они смекнувъ дѣло, 21-го же, передъ разсвѣтомъ, бѣжали. Мы заняли Златицу, гнали ихъ до Лажени, и наконецъ, узнавъ что дѣлается въ долинѣ, бросились къ Петричеву, гдѣ могли прижать только хвосты уходившихъ турокъ.

21-го же декабря привезены были маіоромъ Гречановскимъ на Златицкій перевалъ 4 орудія, выкопанныя изъ погъ снѣгу, на Бабѣ-горѣ.

Вотъ я и кончилъ, господа. Не взыщите.

Не знаю, что вы будете чувствовать, читая эти воспоминанія; а я съ наслажденіемъ перечитывая эти дорогіе клочки бумаги, эти боевыя записки и замѣтки, пересматривая скородѣльные чертежи, какъ будто опять все снова видѣлъ, и прочувствовалъ. Можетъ быть длинно это все и вы найдете, что много лишняго, даже посторонняго? Извините великодушно. Изъ пѣсни слова не выкинешь....

Перечитывая однако этотъ разсказъ, я и самъ увидалъ что, могутъ найтись читатели, въ особенности страдающіе печенью, которые замѣтятъ: „Гдѣ-же тутъ правдивость? Тутъ всѣ разхваливаются, и все изображается въ какомъ-то благодушномъ, розовомъ свѣтѣ. Вездѣ добродѣтель торжествуетъ, а порока даже и не видно, и люди какіе-то все праведные... Развѣ, на самомъ дѣлѣ, это можетъ быть?“

Знаете ли, что я вамъ скажу, господа? Праведныхъ тутъ совсѣмъ нѣтъ; какъ видите, дѣло свое всѣ дѣлали по простотѣ, по силамъ,—и разными вычурными именами, такихъ людей чествуютъ послѣ, когда ихъ дѣйствія, сравнительно и относительно, получаютъ цѣну, иногда ту, иногда другую. А во время этихъ бѣдствій—на лицо есть только русскій задоръ, русское добродушіе и терпѣніе, и русская исполнительность. Къ тому-же, въ военное время всѣ люди, въ особенности близко стоящіе къ дѣлу, становятся въ дѣйствительности лучшими. Случалось видѣть и знать иныхъ, прежде и послѣ войны; они совершенно разнились отъ тѣхъ, которыми они-же были, во время кампаніи. Наблюдались даже такія неожиданныя перемѣны, какія только въ балаганѣ на масляницѣ видалъ,—и сначала находило недоумѣніе: Что за притча! Тамъ былъ

душа-человѣкъ, весь на распашку, привѣтливъ, сообщителенъ; а тутъ— къ нему на козѣ не подъѣдешь! Тамъ скромно свое дѣло тянулъ, даже иногда стушевывался,—а теперь, вдругъ, совсѣмъ иначе даже заговорилъ!

Но по нѣкоторомъ размышленіи оказывается, что оно вѣдь совершенно натурально. Покинувъ мелкія, обыденныя житейскія дрязги, отдавшись военному дѣлу съ увлеченіемъ, положивъ душу въ это захватывающее дѣло, человѣкъ силою вещей втягивается въ совершенно иной міръ, являются иныя понятія о вещахъ, иной образъ мыслей. Есть-ли возможность человѣку, возвышаемому сознаніемъ, что и онъ составляетъ хотя милліонную частицу той силы, которая поднята для совершенія великаго дѣла— помышлять о своихъ мелкихъ страстишкахъ и интересишкахъ? Тогда, каждый по своему, носитъ на себѣ отпечатокъ той мысли, которая движетъ массы на высокій подвигъ. Тогда каждый становится прямо на мѣсто ему подобающее, потому что всякій дѣлается *стекляннымъ*; всѣмъ онъ видѣнъ на чистоту, и оцѣненъ на звонкую монету дѣйствительной стоимости. Это нѣчто въ родѣ экзамена жизни, который не всякому придется держать. Тамъ обморочить никого нельзя, хотя встрѣчаются показывающіе видъ, что обморочены. Тамъ, на всякомъ мѣстѣ, каждый дѣлаетъ свое посильное дѣло, и приноситъ, по своему, пользу. Все искуственное, тамъ на мѣстѣ, сейчасъ видно. Посмотрите только *на свѣтъ*, сквозь эти пестрыя краски, наведенныя на человѣческія стекла,—и вы увидите, что *на свѣтъ* эти краски совсѣмъ не тѣ; намалеванное свѣту не пропускаетъ,—развѣ краски очень тонкія,—финифтовыя; да и то выходитъ только грубо-похоже...

Вотъ почему, и тотъ кто въ обыденной жизни готовъ шутя подставить ногу ближнему, и потомъ смѣяться, когда онъ перевернется кубаремъ; и тотъ кто хлопочетъ, не разбирая средствъ, только о томъ, чтобъ обогнать чѣмъ нибудь другихъ, словомъ, кто считаетъ себя центромъ своей маленькой вселенной, всего окружающаго, которое, по его мнѣнію, только о немъ и радѣть должно,—въ боевой обстановкѣ, на глазахъ у смерти, при видѣ святыхъ жертвъ войны,—конечно всегда подастъ руку товарищу, сниметъ для каждаго послѣднюю рубаху, съ радостью пожертвуетъ собой для успѣха дѣла, для выручки своихъ,—окажетъ силу неслыханную...

И знаете-ли почему? Какое чувство развивается въ человѣкѣ выше другихъ, и очищаетъ его, въ тѣ самыя минуты, когда онъ сознательно сокрушаетъ себѣ подобныхъ, стоящихъ напротивъ?... Смиреніе! — Ну, вотъ и подите! А оно такъ!

Потомъ, вернувшись домой, человѣкъ опять попадаетъ въ свою прежнюю, иногда пошленькую колею, и если измѣнялся на войнѣ, иной разъ перемѣняется опять не въ свою выгоду, и для своей выгоды принимается за старое. Да чтожь дѣлать?—Виноватъ-ли каждый въ частности, что жизнь человѣческая складывается такъ, что люди становятся

смиренными только тогда, когда собираются въ кучу, чтобъ истреблять себѣ подобныхъ, съ опасностью жизни,—и дѣлаются свирѣпыми тогда, когда живутъ мирно, врознь, со всѣми удобствами, чтобъ содѣйствовать общему благоденствію!...

Тутъ, какъ и во всемъ, есть конечно исключенія. Есть люди, которые и въ мирное время — тѣ же честные труженники, и бойцы—что на войнѣ. Есть такіе, что и на войнѣ остаются такою же дрянью, какою были въ мирное время, и какими навсегда останутся...

Ну такъ чтожь? Вѣдь о нихъ разсказывать вамъ я не брался.

О первыхъ вы узнаете и безъ меня. За нихъ говоритъ дѣло. А вторыхъ—я незналъ, да и знать не хочу!

Полагать надо, что весь этотъ осадокъ людей, наживавшихся на счетъ войны и пользовавшихся пролитою кровью, образовывался позади, да около войны. Осадокъ этотъ тоже въ природѣ вещей, и толщина осадка—зависитъ отъ степени порядка въ этихъ вещахъ.

У лѣсной пчелы, сколько она ни трудись за своими сотами, а медвѣдь какъ разъ ихъ разломаетъ и полакомится; покусаютъ не много пчёлы! Не бѣда! Тѣмъ же медомъ волдыри помазать можно...

А вотъ, на пасеку строгаго, бдительнаго и степеннаго хозяина, Мишенька за медомъ не заберется. Онъ знаетъ, что тамъ ему рогатиной ребра переломаютъ, а то—и ухлопаютъ. Онъ и смекаетъ, что изъ-за этой сласти не стоитъ носить дыру въ боку, или рисковать попасть хозяину на шубу...

А все-таки, то, что здѣсь разсказано о людяхъ, — не только *тогда казалось* такимъ розовымъ, свѣтлымъ или приторно-чистымъ, какъ назоветъ это читатель, страдающій печенью,—а въ самомъ дѣлѣ и *было такъ*, какъ разсказано.

Чѣмъ же объяснить ту высокую цѣну боевыхъ воспоминаній, которую даютъ имъ участники войны, то сожалѣнье о минувшихъ, даже тяжелыхъ дняхъ? А тѣмъ, что при этомъ они невольно сожалѣютъ о минувшихъ отношеніяхъ и чувствахъ къ людямъ, въ которыхъ имъ хочется вѣрить, которыхъ они всею душою желаютъ знать всегда такими же, какими тогда ихъ всѣ знали...

И невольно, всякое воспоминаніе, или разсказъ о боевомъ времени, кончишь такимъ же, подходящимъ словомъ, какъ кончилъ Гоголь свой разсказъ, о мирной распрѣ между Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ:

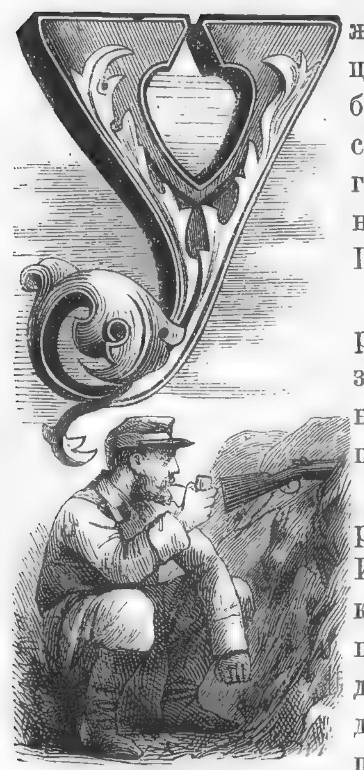
Славное было время, господа!

Д.

16 января 1879 г.
Варшава.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭТРОПОЛѢ.

Изъ походныхъ записокъ армейца.



Ужасною горною дорогою изъ Ловчи въ Яблоницу вторая бригада 3-й пѣхотной дивизіи добралась, наконецъ, и соединилась съ гвардейскимъ отрядомъ, который, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко, долженъ былъ идти на встрѣчу ожидаемымъ къ Осману-пашѣ подъ Плевну подкрѣпленіямъ.

Ходили слухи, что ген.-ад. Гурко даже перевалитъ чрезъ Балканы, за которыми, по близости, собралась, какъ говорили, цѣлая армія, назначенная для выручки Османа, окруженнаго подъ Плевной.

Авангардъ гвардейскаго отряда стоялъ впереди Яблоницы, на высотахъ лѣваго берега Искера, при спускѣ съ нихъ шоссе, на Осиковскій мостъ (Лит. А на картѣ). Бригада наша вошла въ составъ этого авангарда, командовать которымъ поручено генералъ-маіору Дандевилю, нашему бригадному командиру. Позицію авангарда приказано было укрѣпить, хотя предъ нами турокъ не видно было. Но, во-первыхъ, мы такъ много перенимали дурнаго отъ разныхъ пріятелей, что не грѣхъ было перенять и хорошее дѣло отъ непріятелей, всегда и всюду окапывавшихся; а во-вторыхъ, въ Этрополѣ и Правецѣ у турокъ были, по слухамъ, сильныя позиціи и укрѣпленія, и мы дѣлали имъ честь ожидать, что, защищая энергически подступы къ Балканамъ, они могутъ рѣшиться на отчаянное дѣло, чтобъ освободить Плевну. Иначе трудно было объяснить себѣ — зачѣмъ бы Османъ остался въ этой ловушкѣ, и во́-время не убрался изъ нея на Балканскіе перевалы.

Нѣсколько дней окапывались мы на осиковской позиціи. Хотя тутъ и были готовыя турецкія укрѣпленія, но они конечно намъ не пригодились, потому что оберегали доступы на тѣ же высоты со стороны Яблоницы. Не знаю, какъ бы намъ пришлось брать эти высоты; а наша позиція противъ турокъ, укрѣпленная фронтомъ къ Искеру, выходила очень сильная. Наконецъ мы начали строить батареи и ровики для стрѣлковъ, во второй линіи, даже противъ ожидаемыхъ турецкихъ обходовъ нашей позиціи, и неизвѣстно до чего бы мы докопались, еслибы 5-го ноября не пришелъ въ Яблоницу ген.-ад. Гурко, и вслѣдъ за нимъ графъ Шуваловъ со 2-ю гвардейскою дивизіей. Съ трудомъ размѣстились всѣ начальники и штабы, въ полуразрушенной и пустой Яблоницѣ; но старый нашъ знакомый В. В. Верещагинъ, съ ординарцами ген.-ад. Гурко, открыли все-таки, свой „англійскій клубъ", и эта надпись, сдѣланная углемъ на двери развалившейся хаты, прямо показывала проходящимъ, гдѣ можно было найти всегда хорошихъ товарищей, самый радушный пріемъ, но ни аршина свободнаго мѣста.

Австрійскій военный агентъ капитанъ Бола̀, просто поставилъ палатку въ хатѣ съ разбитыми дверями и окнами, рядомъ съ генераломъ Дандевилемъ. Ночью онъ разбудилъ генѐрала, чтобъ доложить, что подъ землей слышитъ какой-то ревъ. Оказалось—корова, загнанная болгарами въ подвалъ, гдѣ она покончила все свое продовольствіе, и соскучилась... На другой день мы пообѣдали этой коровой у начальника авангарда, и благодарили Бола́ за его полезное открытіе.

6-го числа Гурко осматривалъ позицію, съ большою свитою и остался очень доволенъ; только на лѣвомъ флангѣ одна батарея какъ-то не вышла... Она строилась на вершинѣ холма фронтомъ на востокъ, на опушкѣ лѣска занимавшаго эту вершину, и имѣла назначеніе обстрѣливать образуемое рѣчкой Изворкой ущелье, въ которое упирался лѣвый флангъ нашей позиціи, — и обстрѣливала бы это ущелье отлично, въ случаѣ обхода турокъ съ этой стороны. Со строны Искера эта батарея была закрыта нѣсколькими деревьями, но такъ какъ съ этого пункта можно было съ выгодою обстрѣливать и долину Искера, и подступы къ центру позиціи, то начальникъ авангарда наканунѣ приказалъ деревья срубить и загнуть батарею угломъ, фронтомъ къ Искеру. Лѣсъ-то вырубили, а батареи-то еще не вывели. Гурко сейчасъ же замѣтилъ, и вышелъ нѣкоторый конфузъ... На другой день, впрочемъ, батарея была готова, и орудія поставлены.

Укрѣпляясь такимъ образомъ, мы всѣ, правду сказать, полагали, что генералъ Гурко устраиваетъ эти страшные окопы только для очищенія совѣсти, а засиживаться въ нихъ не будетъ. Если рѣшено было дѣйствовать противъ подходящихъ къ Осману подкрѣпленій, такъ надобно было не придерживать генерала Гурко, какъ ходили слухи, а

дать ему возможность дѣйствовать быстро, чтобъ не дать времени этимъ подкрѣпленіямъ собраться въ большіе отряды и армію... Такъ и вышло. Впередъ! не заставило себя ждать.

6-го же ноября былъ сформированъ передовой этропольскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала-маіора Дандевиля, изъ гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго и лейбъ-гренадерскаго; армейскихъ: Великолуцкаго полка и 1-й бат. Псковскаго — нашей бригады; этой пѣхотѣ приданы: Екатеринославскій драгунскій полкъ, Кавказская казачья бригада и двѣ сотни Донцовъ: дивизіонъ 1-й батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады; 2-я батарея 2-й гвардейской артиллерійской бригады, 4-я батарея 4-й артиллерійской бригады, 16-я конная батарея, 19-я Донская и взводъ конно-горной батареи; всего 12 батальоновъ, 22 эскадрона и сотни и 38 орудій *).

Съ большею частью этого отряда генералъ-маіоръ Дандевиль перешелъ 7-го ноября, въ ясный, теплый день, въ Болгарскій Изворъ, откуда ему приказано было, избравъ оборонительную позицію, выслать къ Этрополю черезъ Бруссенъ и Липенъ, горною дорогой, обходную колону. Другая часть этропольскаго отряда, состоявшая изъ Преображенскаго полка, 1-го баталіона Псковскаго, 8-й сотни Кавказской бригады, дивизіона 1-й батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады и взвода горной артилеріи должна была отъ Осикова дѣйствовать по направленію къ Этрополю, по высотамъ праваго берега Искерскаго ущелья. Эта часть, порученная командиру 1-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, принцу Ольденбургскому, оставалась покуда на осиковской позиціи.

Прочія войска гвардейскаго отряда назначались дѣйствовать противъ Ханъ-Правеца, подъ начальствомъ графа Шувалова.

Предстоящія намъ дѣйствія подъ Этрополемъ очень занимали все офицерство. Мы знали, что вверхъ по Искерскому ущелью была уже сдѣлана, 31-го октября, усиленная рекогносцировка полковникомъ Кобордо съ Псковцами, что турки дали ему сильный отпоръ, что ущелье въ одномъ мѣстѣ такъ съуживается, и позиція турецкая такъ сильна отъ природы, что фронтальная атака невозможна. Мы слышали также и то, что рѣшено дѣйствовать хотя безостановочно и быстро, но осторожно и обдумано, съ наименьшею потерею людей; что, наученные свѣжимъ опытомъ гибельныхъ фронтальныхъ атакъ на окопы Плевны и Горнаго Дубняка, мы будемъ дѣйствовать обходами. Недаромъ часто слышали мы повторяемыя нашимъ генераломъ слова: „Мы здѣсь, господа дл того, чтобы турокъ бить, а не для того, чтобы испытывать крѣпость лба и прочность русской солдатской груди. Первымъ все-таки

*) Въ этотъ отрядъ были назначены и другія войска: Астраханскій драгунскій полкъ, 5-я батарея 3-й артиллерійской бригады; но полкъ не прибылъ вовсе, а батарея 9-тифунтовая прибыла послѣ взятія Этрополя.

стѣны не прошибешь, а о второй давно всѣ знаютъ, что она выдержитъ что угодно. Стало быть—никого не удивишь; а надо искать, чѣмъ турки хромаютъ — да тогда!..." Все это заставляло насъ съ нетерпѣніемъ ожидать послѣдствій маневрированія, да еще въ горной странѣ, для которой обозы наши не строились...

Подъ Болгарскимъ Изворомъ однакоже никакой позиціи не оказывалось, а просто вся масса войскъ стояла въ тѣсномъ ущельѣ, кое-гдѣ на уступахъ, окруженная огромными лѣсистыми горами. Впрочемъ, сюда обозовъ покуда не брали, оставивъ ихъ до времени на осиковской позиціи.

8-го ноября мы выѣхали съ начальникомъ отряда, полковникомъ Тимротомъ начальникомъ отряднаго штаба, и подполковникомъ Штакельбергомъ, съ сотнею Донцовъ, для рекогносцировки дороги на Бруссенъ и Липенъ и для отысканія этой оборонительной позиціи. Другая сотня Кубанцевъ разсыпана была впереди въ разъѣздахъ. Дорога на Бруссенъ и Липенъ, когда-то очень удобная, выложенная мѣстами изъ камня — одна изъ тѣхъ брошенныхъ давно дорогъ, которая здѣсь безъ разбора называютъ „старыми римскими дорогами"; она оказалась совсѣмъ негодною для провоза артиллеріи. Каменная кладка ея мѣстами была до такой степени размыта водою и представляла такіе провалы, что надобно было отказаться отъ поправки ея нашею саперною командою со скудными средствами—и искать другую. До самаго Липена мы не встрѣтили непріятеля: деревня была почти пуста. Осмотрѣвъ ближайшія высоты, удостовѣрились мы, что и тутъ оборонительной позиціи нельзя было выбрать. Намъ приходилось просто стоять внизу въ узкомъ ущельѣ, на рѣчкѣ Липенкѣ, имѣя аванпосты по высотамъ, на огромномъ разстояніи, или же стать на высотахъ безъ воды, таская ее снизу, безъ дороги, версты за двѣ; а обозовъ съ нами еще не было.

Изъ Липена мы направились къ Малому Искеру горами, безъ дорогъ, по обширнымъ высотамъ, покрытымъ красивыми перелѣсками, и такъ какъ выходили почти во флангъ турецкой позиціи (Г.) въ ущельѣ, то наши разъѣзды вскорѣ наѣхали на турецкіе аванпосты, съ которыми завели перестрѣлку. Въ то же время по долинѣ Искера поднялся дымъ нѣсколькихъ пожаровъ: это турки жгли сѣно и отдѣльныя хаты по рѣчкѣ, что означало, что они уже ожидали нашего наступленія. Посланные къ ближайшимъ пылающимъ стогамъ, разъѣзды видѣли только убѣгающихъ вверхъ по долинѣ всадниковъ, да кое-гдѣ зарѣзанныхъ болгаръ. Тяжелое чувство производили на насъ эти явленія. Невольно думалось, что каждый шагъ нашъ впередъ стоитъ жизни нѣсколькимъ христіанамъ; свѣжіе трупы ихъ на каждомъ брошенномъ турками мѣстѣ—становилось обыкновеннымъ зрѣлищемъ. Понятны чувства, одушевлявшія подчасъ нашихъ солдатъ противъ турокъ.

Осмотрѣвъ въ бинокли видимую часть турецкой позиціи, занятой поперегъ ущелья (Г.), мы замѣтили, по свѣжей землѣ, что нѣкоторые окопы на лѣвомъ турецкомъ флангѣ вырыты недавно, и болгары утверждали, что въ октябрѣ, во время рекогносцировки подполковника Кобордо, у нихъ было укрѣплено только самое ущелье, гдѣ и теперь на высокомъ гребнѣ виднѣлась батарея съ ложементами, анфилировавшая русло рѣчки. Не въ первый разъ уже замѣчали мы, что наши усиленныя рекогносцировки служили туркамъ какъ бы указаніемъ, гдѣ насъ ожидать слѣдуетъ, что они принимали тотчасъ же къ свѣдѣнію и исполненію. Невольно изъ этого выводилось заключеніе, что рекогносцировки могли быть полезны передъ самымъ боемъ, а не заблаговременно; и что шумныя рекогносцировки, пожалуй, надобно дѣлать тамъ, куда мы не пойдемъ, а къ пунктамъ нашего направленія лучше посылать небольшіе разъѣзды, или отдѣльныхъ соглядатаевъ. Къ сожалѣнію, болгары плохо служили намъ по этой части; ужъ очень великъ былъ ихъ страхъ передъ турками; да и видѣли они все не въ томъ видѣ...

Спустившись съ горъ при впаденіи Липенки въ Малый Искеръ, начальникъ отряда сообщилъ намъ свое заключеніе, что нѣтъ надобности дѣлать отъ Болгарскаго Извора огромный и трудный обходъ черезъ Бруссенъ, такъ какъ долиною Искера, а потомъ вверхъ по ущелью Липенки, не наблюдаемой турками, можно будетъ выслать къ Этрополю обходный отрядъ совершенно незамѣтно для турокъ, въ особенности если занять соединеніе обѣихъ рѣчекъ. Затѣмъ еще трудная часть обходнаго пути оставалась отъ Липена вверхъ по горамъ до Этрополя. Эта дорога была намъ неизвѣстна и, по слухамъ, очень трудна; но болгары увѣряли, что на ней только одинъ трудный подъемъ для артиллеріи, по которому они брались втащить орудія изъ Липенскаго ущелья на высоты, командующія Этрополемъ.

Начальникъ штаба получилъ тутъ же приказаніе выбрать оборонительную позицію для этропольскаго отряда при устьѣ Липенки, и выбралъ ее съ очень выгодными условіями, въ самомъ углу соединенія двухъ рѣчекъ (лит. Б. на картѣ) на двухъ холмахъ. Вода Липенки была близехонько, долина Искера обстрѣливалась на огромное разстояніе. Передъ лѣвымъ флангомъ были, правда, значительныя лѣсистыя высоты, но далеко; да и нашъ лѣвый флангъ находился на высокомъ холмѣ, прикрывавшемъ всю позицію. Все это значительно облегчало нашу задачу.

9-го ноября отрядъ перешелъ изъ Болгарскаго Извора на эту позицію. Часть артиллеріи отряда даже и не ходила въ Болгарскій Изворъ, потому что, за трудною дорогою изъ Осикова, опоздала туда вчера и была поворочена прямо на устье Липенки, долиною Искера. Нѣсколько орудій съ лейбъ-гренадерами были все-таки подняты на высоты между

Изворомъ и Бруссеномъ, но, убѣдившись на дѣлѣ въ невозможности дальнѣйшаго слѣдованія, они опустились прямо, безъ дороги, въ долину Искера. Къ вечеру собрался весь отрядъ, и принялся за работы по укрѣпленію позиціи, на которую назначены войска и орудія. Резервъ располагался внизу, при самомъ устьѣ Липенки, между мостомъ черезъ нее и деревушкою Ханъ-Бруссенъ. Туда же на другой день вытребованъ былъ обозъ съ осиковской позиціи. Ставка генерала Дандевиля съ его штабомъ расположилась между позиціею и резервомъ, на легкомъ косогорѣ, скатывавшемся къ Липенкѣ и покрытомъ отдѣльными кучками громадныхъ деревьевъ. Невдалекѣ отъ насъ, въ разрушенной хатѣ, расположился со штабомъ лейбъ-гренадерскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, еще перевязывавшій свою рану, полученную подъ Горнымъ-Дубнякомъ. Здѣсь же мы познакомились съ генераломъ Красновымъ, пріѣхавшимъ къ намъ изъ резерва, гдѣ стояли Екатеринославскіе драгуны. Генералъ Красновъ въ эту кампанію, командуя 26-мъ Донскимъ полкомъ, успѣлъ уже побывать и въ первомъ походѣ Гурко за Балканы, и въ отрядѣ генерала Крылова за Видомъ; теперь же онъ командовалъ сводной драгунской бригадой, изъ которой одинъ только полкъ былъ на лицо. Видъ этого веселаго бодраго старика, постоянно на конѣ разъѣзжающаго всюду въ одиночку, его боевые разсказы, до которыхъ онъ большой охотникъ, дѣйствовали магически на нашу молодежь, которая большею частью была еще мало обстрѣлена. Другой замѣчательный старикъ восхищалъ насъ всѣхъ—это командиръ 4-й батареи 3-й артиллерійской бригады полковникъ Тизенгаузенъ, въ которомъ тоже сохранились вся свѣжесть и весь пылъ юности. Онъ всѣмъ восхищался—и позиціей, которую занимала его батарея на самомъ видномъ мѣстѣ, и чудными видами, разстилавшимися кругомъ, и живописностью нашего бивуака, и своею батареею, и лошадьми; разсказывалъ всѣмъ, какъ онъ будетъ обстрѣливать турокъ, на опредѣленныя уже дистанціи, въ то время, какъ они будутъ атаковывать насъ изъ Этрополя... Такіе люди не имѣютъ цѣны въ военное время.

А виды вокругъ насъ, въ дѣйствительности, были восхитительны. Перспектива долины Искера впереди насъ, огромныя обнаженныя горы въ концѣ ея и на противуположномъ берегу долины; слѣва лѣсистое, узкое Липенское ущелье, а сзади огромный бивуакъ на Искерѣ; все это поочереди приковывало зрѣніе, и мы не знали, на что дольше заглядываться... Погода была теплая, ясная; снѣгъ почти весь стаялъ. Только къ вечеру поднялись въ ущельяхъ и долинахъ легкіе сизые туманы; но они не закрыли луны, которая позднѣе завершила своимъ появленіемъ чудную вечернюю панораму.

Въ тотъ же день вечеромъ, два ординарца привезли отъ генералъ-адъютанта Гурко, пріѣзжающаго утромъ въ Болгарскій Изворъ, но уже

насъ не заставшаго, диспозицію, по которой на-завтра назначалась усиленная рекогносцировка Этрополя, но съ тѣмъ, чтобы занимать тотчасъ тѣ мѣста, которыя турки будутъ оставлять, что тутъ же, къ общей радости, и было объявлено по отряду.

Мы догадывались, что эта рекогносцировка назначалась нашему отряду съ цѣлью занять защитниковъ Этрополя и заставить ихъ высказать свои силы, покуда другая часть отряда Гурко будетъ расправляться съ Правецомъ, гдѣ были у турокъ, повидимому, главныя силы. Отъ болгаръ же ничего путнаго нельзя было добиться. Одни говорили, что въ Этрополѣ турокъ видимо-невидимо, тысячъ до 30; другіе божились, что тутъ ихъ очень мало; третьи—скромно отговаривались тѣмъ, что давно въ Этрополѣ не были, и не знаютъ ничего о настоящей силѣ турокъ.

Болгаръ вообще было множество вокругъ нашего отряда. Вооруженные, они повсюду бродили по горамъ, составляя отдѣльныя четы и признавая своимъ общимъ начальникомъ Георгія Антонова, явившагося къ начальнику отряда. Ему однако приказано было немедленно собрать свою команду къ отряду, во избѣжаніе недоразумѣній (изъ коихъ одно чуть было и не случилось, когда Кубанцы едва не порубили нѣсколькихъ болгаръ, принятыхъ за турокъ) и отдѣляться отъ войскъ неиначе, какъ съ вѣдома или по приказанію начальниковъ. Болгары исполнили это съ видимымъ удовольствіемъ; оно все же вѣрнѣе.

Представитель этой добровольной рати, Георгій Антоновъ, совершенно походилъ съ виду на русскаго солдата. Небольшаго роста, широкоплечій, онъ носилъ густые и длинные свѣтло-русые усы, коротко-остриженные бакенбарды и бритый подбородокъ. Расторопность, неутомимость, воинственная энергическая манера, бойкость въ рѣчахъ, исполнительность и привычка командовать—все у него было, чтобъ сдѣлаться отличнымъ унтеръ-офицеромъ или фельдфебелемъ въ любой ротѣ. Онъ носилъ за поясомъ короткій широкій ножъ, а въ рукахъ длиннѣйшую старую винтовку, которою помахивалъ какъ перышкомъ. Каждое слово его дышало ненавистью къ туркамъ; но ему не нравилось, когда его спрашивали, за что онъ ихъ такъ не жалуетъ... Георгій Антоновъ не считалъ повидимому, турокъ за людей, и имѣлъ глубокое убѣжденіе, что, для блага человѣчества, ихъ слѣдуетъ истреблять какъ волковъ, сусликовъ, саранчу и тому подобныхъ вредныхъ для поселянъ животныхъ. Насъ онъ старался всѣми силами убѣдить, что турки совершенная дрянь—вотъ эти, что въ Этрополѣ; что они непремѣнно бѣгутъ отъ перваго нашего выстрѣла, что не стоитъ и вниманія обращать на ихъ позицію, съ такими бравыми солдатами какъ наши, съ которыми онъ очень любилъ калякать, развивая въ нихъ тѣ же понятія о туркахъ. Георгія Антонова удивляло, что нашихъ солдатъ мало интересовало—сильна ли позиція, много ли турокъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ ихъ

всѣхъ до единаго перерѣзать, стараться, чтобъ ни одинъ не ушелъ; что русскій солдатъ зналъ только—идти куда прикажутъ, вздуть кого велятъ и умѣлъ исполнить это съ удивительною добросовѣстностью. (Послѣднее ему было извѣстно въ подробностяхъ, потому что обо всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, съ начала войны въ Болгаріи, онъ зналъ лучше, нежели подписчики на военный листокъ Г. Крестовскаго). Георгію Антонову хотѣлось вдохнуть въ нашихъ солдатъ ту же страстность, которая одушевляла всѣхъ болгаръ, ту же безпощадную ненависть къ туркамъ—но онъ взялся за трудъ совсѣмъ неблагодарный. Когда онъ ужъ совсѣмъ выходилъ изъ себя, говоря ломанымъ, но понятнымъ русскимъ языкомъ, и страшно размахивая руками,—наши добродушные ребята только подсмѣивались надъ нимъ и еще подстрекали для пущей потѣхи, приговаривая: экъ его разбираетъ!..

Памятенъ намъ этотъ веселый вечеръ 9-го ноября.

Начальникъ отряда совѣщался съ полковникомъ Любовицкимъ, начальникомъ штаба и другими старшими офицерами, у костра, за чаемъ, предъ своей палаткой; а намъ одинъ изъ ординарцевъ Гурки, въ новенькой лядункѣ, вообще очень франтоватый, разсказывалъ всякія страсти о своемъ пребываніи въ Сербіи и подъ Плевной. Мы слушали сначала съ большимъ вниманіемъ, но потомъ иногда недоумѣвали. Изъ громкаго, самоувѣреннаго начала разсказа, обѣщавшаго что-то необыкновенное, или ничего не выходило, или выходило что нибудь такое невѣроятное, что даже самъ разскащикъ понижалъ голосъ... Тутъ же провожали мы великолукцевъ, которымъ на-утро объявленъ былъ походъ. Всѣ были довольны—только старикъ Тизенгаузенъ былъ не въ духѣ: его не посылали завтра впередъ, а у него были четырехфунтовыя орудія, такія лёгонькія какъ перышки, такія удобныя для тасканія по горамъ, и лошади такія отличныя! да не везетъ! Лейбъ-гренадерскіе офицеры, которыхъ мы называли „слабостью“ начальника отряда, очень ихъ любившаго, пришлись и намъ совсѣмъ по душѣ. Такіе они всѣ были тихіе, думающіе, скромные и мягкіе: такъ хорошо и толково брались за всякое дѣло, такъ удачно подражали во всемъ этомъ своему командиру (даже двое раненыхъ, на него глядя, не хотѣли лечиться въ госпиталяхъ, а шли и перевязывались въ строю), что любо было смотрѣть. Вотъ даже варящій кофе, завѣдывающій офицерскою артелью, молодой еще офицеръ, генераломъ прозванный „хозяюшкой“, доставъ воду, спички, лампочку, кофейникъ, сервизъ чуть не на 12 человѣкъ и даже ширмы отъ вѣтру, изъ какой-то маленькой кобуры, дѣлаетъ все это такъ скоро, не торопясь, и такъ все у него обдумано и въ порядкѣ, и такой у него отличный кофе выходитъ, что невольно приходитъ въ голову: вѣдь это онъ у полковаго командира учился кофе варить! На всемъ-то отражается хорошая закваска въ полку, какъ говорится у насъ въ арміи.

По диспозиціи на 10-е ноября въ составѣ этропольскаго отряда опять сдѣлана какая-то перемѣна, отъ Яблоницы уже третья. Правда, что разъ взятую съ начала кампаніи привычку перемѣшивать части и командованья, трудно было измѣнить: да и намъ было все равно, лишь бы, наконецъ—впередъ!

Съ утра начались слѣдующія движенія:

Принцъ Ольденбургскій съ Преображенцами, однимъ батальономъ Псковцевъ, дивизіономъ 1-й батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады, двумя горными орудіями и тремя сотнями Кубанцевъ, двинулся съ осиковской позиціи черезъ Искерскій мостъ у Осикова, горами на Этрополь (В) и къ дорогѣ изъ этого города въ Правецъ, чтобъ разъединить обѣ турецкія позиціи. Въ долинѣ Искера, онъ отдѣлилъ вверхъ по рѣчкѣ 3-й батальонъ Преображенцевъ полковника Авинова, съ двумя орудіями 1-й батареи, для связи съ главнымъ отрядомъ.

Кромѣ того ген.-маіоръ Дандевиль высылалъ изъ нашего резерва при устьѣ р. Липенки, вверхъ по ущелью этой рѣчки, въ обходъ Этрополя съ лѣвой стороны, четыре сотни Кубанцевъ и Великолуцкій полкъ, подъ начальствомъ командира его, полковника Рыдзевскаго.

Сколько ни просили начальника отряда дать въ эту колонну артиллеріи, но онъ не согласился послать ее по совершенно неизвѣстной дорогѣ. Рыдзевскому дана была только саперная команда, для разработки и улучшенія дороги, и обѣщаніе выслать орудія на другой день, если подъемъ орудій изъ Липена окажется возможнымъ.

Еще чуть брезжилось туманное утро 10-го ноября, когда начальникъ отряда обходилъ ряды Великолукцевъ, бодро отвѣчавшихъ на его привѣтствія. Въ головѣ обходной колонны должны были идти, сохраняя возможную тишину, Кубанцы, часть которыхъ была уже выслана впередъ. Ихъ маленькія лошадки, привыкшія къ горамъ, были незамѣнимы въ настоящемъ случаѣ, какъ и вездѣ, и начальникъ отряда, по справедливости, называлъ Кавказскую бригаду идеальною и образцовою кавалеріей. Георгій Антоновъ, съ своими болгарами, выступалъ тоже съ Великолукцами, и непремѣнно хотѣлъ втискаться въ ихъ ряды. Генералъ отдавалъ послѣднія приказанія полковнику Рыдзевскому, которому предстояло выйти на видъ Троицкаго монастыря, укрѣпленнаго турками, выбрать на высотахъ удобную позицію, окопаться на ней и ожидать приказаній; въ случаѣ же отступленія турокъ, занимать немедленно ихъ позиціи.

Наконецъ, раздалось: съ Богомъ! Кубанцы, въ своихъ буркахъ, бойкой рысцой беззвучно протрусили впередъ, нагнувшись на коняхъ; за ними потянулась армейская крупа, закуривъ болгарскій табачекъ и держа языкъ за зубами; затѣмъ все это скрылось въ густомъ туманѣ Липенскаго ущелья, и долго еще потомъ, неуклюжей рысью, догоняли ихъ

въ-разбродъ офицерскіе вьюки на тощихъ лошадкахъ, ведомыхъ на длинномъ поводѣ бѣгущими деньщиками, — и одинъ за другимъ эти вьюки ныряли въ тотъ же туманъ...

Все снова затихло въ лагерѣ. Ярко взошедшее солнце разогнало утреннюю сырость, и день заблисталъ надъ этропольскими высотами. Около полудня показался въ долинѣ Искера, на дорогѣ отъ Осикова, батальонъ Преображенцевъ, посланный въ ущелье Искера принцемъ Ольденбургскимъ. Мы выѣхали съ начальникомъ отряда, на встрѣчу полковнику Авинову. Стройно и бодро шли Преображенцы, подтянувшіеся для встрѣчи начальника; рослые, красивые, чистенькіе сравнительно съ нами, они имѣли очень внушительный видъ. Поздоровавшись съ ними и принявъ докладъ полковника Авинова, генералъ усилилъ его батальономъ Лейбъ-гренадеровъ капитана Феттера, и послѣ привала приказалъ продолжать движеніе вверхъ по ущелью до встрѣчи съ непріятелемъ, или до того времени, какъ онъ откроетъ огонь; затѣмъ, остановиться и открыть также пальбу, такъ какъ съ фронта не предполагалось очень напирать на турокъ и только занять ихъ, для удобнѣйшаго обхода.

Съ принцемъ, двигавшимся правѣе Авинова, по горамъ, ему приказано было держать постоянную связь посредствомъ кубанцевъ, державшихъ наблюдательные посты въ ущельѣ и по бокамъ его; а для связи съ полковникомъ Рыдзевскимъ, по возвращеніи нашемъ въ лагерь, высланъ былъ подполковникъ Штакельбергъ съ двумя сотнями донцовъ, на высоты между Липеномъ и Искеромъ (Л). По долинѣ Искера снова вспыхнули пожары. Вскорѣ отъ Штакельберга получена была записка, что онъ остановился и выставилъ сторожевую цѣпь въ виду непріятельскихъ кавалерійскихъ аванпостовъ, и въ то же время раздался въ ущельѣ первый турецкій выстрѣлъ по преображенцамъ, двигавшимся съ двумя орудіями вверхъ по Искеру. Вотъ раскатились по ущелью и наши 9-тифунтовые выстрѣлы, и, обмѣнявшись нѣсколькими привѣтствіями по случаю пріятнаго свиданія, обѣ стороны передъ сумерками замолчали.

Между тѣмъ правая колона принца Ольденбургскаго, разсыпавъ предъ собою кавказскихъ казаковъ, двигалась горами, и съ большимъ трудомъ тащила артиллерію. Къ вечеру она подошла къ горѣ Остромѣ, самой значительной высотѣ, съ той стороны Этрополя; на ней виднѣлся также окопъ и кучка турокъ. Въ виду ихъ правая колона остановилась на ночлегъ, войдя въ связь съ полковникомъ Авиновымъ.

Лѣвая обходная колона Рыдзевскаго, послѣ полудня, вышла изъ Липенскаго ущелья, взобралась на высоты въ виду Этрополя и укрѣпленнаго Троицкаго монастыря, выбрала позицію (Ж) и начала окапываться подъ выстрѣлами изъ монастыря, причемъ потеряла одного кубанца и одного стрѣлка. Между этою колоною и Этрополемъ вертѣлись только

всадники на турецкихъ аванпостахъ. Привезшій записку отъ полковника Рыдзевскаго, болгаринъ упрашивалъ генерала дать ему приказаніе выйти въ тылъ позиціи турокъ у Троицкаго монастыря, увѣряя, что ихъ тамъ всѣхъ можно захватить, обойдя по какой-то тропинкѣ, ночью. Онъ старался какъ можно подробнѣе описать обходную тропу и жаловался, что Рыдзевскій не слушаетъ увѣщаній болгаръ, уговаривавшихъ его на это предпріятіе. Конечно, генералъ отказалъ ему и предоставилъ Рыдзевскому дѣйствовать по усмотрѣнію.

Все шло покуда хорошо и совершенно спокойно.

Когда мы собрались къ вечернему чаю, одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, не бывавшій въ дѣлѣ, ординарецъ начальника отряда, посылаемый и въ ущелье, и въ колону принца, даже недоумѣвалъ, гдѣ же это военныя дѣйствія. „Ѣздилъ, ѣздилъ я, господа, по всей позиціи, а никакого сраженія и войны не видалъ; на маневрахъ гораздо занятнѣе“.

— Погоди же, уговаривали мы его, это даже и не сраженіе, а только рекогносцировка.

— Такъ вѣдь, говорятъ, усиленная; стало-быть ихъ гдѣ нибудь и потѣснить можно; ну, хоть бы что нибудь....

— Да ты что же, какъ представляешь себѣ „страженіе?“ Какъ на картинкахъ? На горкѣ нашъ генералъ съ поднятой саблей; лошадь его на дыбы поднимается, а внизу сходятся ряды турокъ и солдатъ, и стрѣляютъ красными языками и зеленымъ дымомъ другъ другу въ ротъ гранаты, какъ мячики, перелѣтаютъ по указанной дугѣ, турки валятся, а у насъ всѣ цѣлы.... и тому подобное? подшучивали мы надъ нимъ.

— Да совсѣмъ нѣтъ, можно и безъ этого что нибудь интересное увидѣть.

— Можно бы попросить генерала, устроить для твоего назиданія битву „русскихъ съ кабардинцами“, серьозно говорилъ кто-то юношѣ, да вотъ, говорятъ, намъ не велѣно и атаковать-то, покуда тамъ у Правца не отличатся.—„Ну, вотъ вздоръ какой! А тутъ все стоять будемъ?“—И будешь, коли велятъ; а потомъ всѣ вмѣстѣ будемъ Этрополь брать.—„Да тамъ и теперь брать-то нечего. Ни одного турка я не видалъ и одно орудіе стрѣляетъ-то“, жаловался огорченный юноша.

Щеголь-ординарецъ, въ новенькой лядункѣ, получившій свои вьюки, разбилъ чистенькую, крошечную палаточку, очень похожую на бомбоньерку, разложилъ всѣ свои вещицы, поставилъ у входа складной маленькій стулъ, и, завернувшись въ бѣлый, расшитый золотомъ, бурнусъ, очень живописно усѣлся со стаканомъ чая, чтобы наслаждаться закатомъ солнца.... Въ этотъ вечеръ онъ почему-то отстранился отъ нашей компаніи и былъ задумчивъ.

Въ ночь пришло извѣстіе о неудачномъ покушеніи полковника Рыдзевскаго, вѣроятно поддавшагося увѣщаніямъ болгаръ и пошедшаго съ

большею частью отряда, въ обходъ турецкой позиціи подъ Троицкимъ монастыремъ, чрезъ г. Падышь (Е). Открыли ли во-время его движеніе турки, или болгары не такъ вывели Великолукцевъ, но они наткнулись въ потьмахъ неожиданно на сильнѣйшаго противника, и были встрѣчены жестокимъ огнемъ, почти въ упоръ. Потерявъ 42 убитыхъ и 94 раненыхъ, полковникъ Рыдзевскій долженъ былъ отступить на прежнюю позицію (Ж) и продолжалъ окапываться, подъ выстрѣлами изъ монастыря. Хорошо еще, что турки, не имѣющіе привычки преслѣдовать отступающихъ, позволили Великолукцамъ благополучно отойти.

Непріятно подѣйствовала на насъ всѣхъ эта неудача перваго столкновенія подъ Этрополемъ. Но долго размышлять объ этомъ некогда было. Посыпались приказанія о докторахъ, перевязочныхъ матеріалахъ. о высылкѣ Рыдзевскому батальона лейбъ-гренадеровъ капитана Засулича, давно уже просившагося въ дѣло и отличавшагося подъ Горнымъ Дубнякомъ своею отвагою; о высылкѣ патроновъ, вьючныхъ лошадей въ Липенъ и проч. Батальонъ тотчасъ же выступилъ.

Не успѣли мы послѣ этой тревоги задремать подъ-утро, забравшись въ палатку, какъ, на разсвѣтѣ 11-го ноября, послышалась перестрѣлка въ колонѣ принца Ольденбургскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ: сѣдлать! изъ ставки начальника отряда. Ординарецъ, въ новенькой лядункѣ, былъ имъ посланъ въ колону полковника Рыдзевскаго узнать подробно, что тамъ дѣлается и доложить. Покуда мы готовились, ружейная перестрѣлка продолжалась, заговорили наши орудія въ ущельѣ и замолкли. Желая лично удостовѣриться съ происходящемъ въ ущельи и увидѣться съ принцемъ Ольденбургскимъ, для совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, начальникъ отряда выѣхалъ со всею свитою въ долину Искера.

Ясное, теплое солнце освѣщало долину, когда мы переѣхали мостъ на Липенкѣ, съ кучкой казаковъ. Широкое въ этомъ мѣстѣ Искерское ущелье, по мѣрѣ движенія впередъ, постепенно съуживалось, и горы, его стѣснившія, становились выше и круче. Катившійся намъ на встрѣчу Искеръ шумѣлъ по камнямъ, какъ будто разсказывая намъ что-то не понятное о туркахъ, которыхъ не было ни видно, ни слышно. Высокій гребень поперегъ ущелья, съ вершины котораго вчера гремѣли турецкія орудія, стоялъ нѣмъ и пустъ. Въ одной изъ впадинъ высотъ лѣвой стороны, показался бивуакъ лейбъ-гренадерскаго батальона, съ своими часовыми по горамъ. Преображенскій батальонъ, съ двумя орудіями, окопавшимися на берегу Искера, располагался въ кустахъ съ правой стороны. Эти войска были едва замѣтны въ громадныхъ очертаніяхъ высотъ. Но вотъ, за Искеромъ, на высотахъ, показались кубанцы, на

рѣзвыхъ лошадкахъ; принцъ Ольденбургскій спускался въ ущелье, съ небольшою свитою.

Увидавъ Его Высочество, не доѣзжая преображенцевъ, начальникъ отряда повернулъ къ Искеру, съѣхался съ принцемъ на бродѣ, выслушалъ его разсказъ о происшедшемъ дѣлѣ и развернувъ карту, усѣлся съ нимъ подъ тѣнью куста. Покуда они занимались своими соображеніями и планами, мы распросили сопровождавшихъ принца офицеровъ о причинѣ утренней перестрѣлки.

Гора Острома, гдѣ съ вечера 10-го ноября виднѣлись турки, была занята очень слабо. Ночью принцъ вызвалъ охотниковъ занять ее, подъ начальствомъ командира роты Его Высочества капитана Рейтерна. Набралось до сотни преображенцевъ. На разсвѣтѣ, подбираясь къ вершинѣ Остромы, охотники замѣтили, что турокъ на ней не было; они поспѣшили занять ее и, взобравшись на самую вершину, увидѣли, что съ другой стороны на нее тоже лѣзутъ турки, уходившіе, вѣроятно, на ночь съ этого холоднаго поста ночевать въ лагерь. Замѣтивъ свою оплошность, нѣженки попробовали быстро полѣзть на Острому, но были встрѣчены такимъ выговоромъ за свою безпечность изъ нашихъ берданокъ, что поспѣшно убрались, провожаемые огнемъ, оставивъ на мѣстѣ пять убитыхъ и унеся нѣсколькихъ раненыхъ. Острома была немедленно занята двумя ротами, и принцъ приказалъ втащить на нее два горныя орудія. Затѣмъ до отъѣзда оттуда принца, на вчерашней позиціи (Г) турки не показывались, и орудія съ гребня не стрѣляли по ущелью, несмотря на наше приглашеніе.

Осмотрѣвъ еще разъ въ бинокль этотъ гребень, начальникъ отряда согласился на предложеніе принца занять эту позицію, вѣроятно брошенную турками изъ опасенія огня съ Остромы, которая ею командовала. Преображенцы разсыпали цѣпь, орудія взяли на передки. На правый флангъ послано приказаніе наступать до встрѣчи съ непріятелемъ, и мы тронулись вверхъ по Искеру. Батальонъ лейбъ-гренадеровъ, глядя на насъ, тоже сталъ подвигаться впередъ по скатамъ высотъ, влѣво отъ насъ лежащихъ и покрытыхъ перелѣсками. (К 1. 2). Неужели господа турки бросили такую сильную позицію? — думалось намъ, не безъ удовольствія однако.

Но вотъ ущелье, обогнувъ гребень брошенный турками, на который взобрались уже преображенцы, представляетъ новую картину, показавшую намъ, что турки не желаютъ еще отказаться отъ обороны этого пункта. Ущелье здѣсь еще болѣе съуживалось, его извилины пропадали предъ небольшимъ, сравнительно съ окружающими высотами, круглымъ холмомъ, выглядывавшимъ изъ-за сосѣднихъ скатовъ. Съ вершины холма, изъ амбразуры довольно внушительной батареи, показался дымокъ... другой... гранаты не долетали, шлепаясь о камни далеко впереди насъ.

Подъ турецкою батареей на новой позиціи (3), виднѣлись ряды ложементовъ для пѣхоты. Для удобнѣйшаго обстрѣливанія этой батареи, начальникъ отряда приказалъ поднять два орудія со дна ущелья, на одинъ изъ уступовъ правыхъ высотъ, виднѣвшихся впереди, на разстояніи хорошаго выстрѣла отъ турокъ, и поближе къ преображенцамъ, занимавшимъ гребень; артиллерійскіе офицеры отправились осматривать удобный путь для орудій. 3-й батальонъ преображенцевъ передвинутъ былъ влѣво, на мѣсто лейбъ-гренадеровъ, падавшихся еще вверхъ; а на мѣсто двухъ орудій, стоявшихъ у самаго Искера, послано за дивизіономъ 2-й батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады, полковника Скворцова.

Затѣмъ всѣ снова тронулись впередъ, привѣтствуемые турецкими выстрѣлами, до тѣхъ поръ покуда эти привѣтствія стали походить на желаніе остановить насъ и гранаты ихъ не начали разрываться по близости, совершенно впрочемъ непроизводтиельно.

Взводъ артиллеріи взобрался на указанный уступъ и открылъ огонь; такъ какъ у насъ были 9-ти-фунтовыя орудія, то ихъ выстрѣлы оказались сразу удачными, и гранаты наши смѣло заглядывали въ турецкіе ложементы. Преображенцы справа спустились еще впередъ съ гребня, заняли еще высоту, командовавшую турецкой батареей, и даже начали оттуда пробовать свои берданки. Артиллерія не могла еще за ними поспѣть туда. Принцъ Ольденбургскій поѣхалъ торопить ее.

Вотъ и шрапнель нашихъ двухъ орудій пошла въ ходъ, и отлично разрывалась надъ турецкой батареей; но турки были хорошо закрыты; ни одного человѣка не видно было; только по временамъ холмикъ разомъ опоясывался дымомъ, и градъ пуль проносился по ущелью, шумя какъ стая скворцовъ. Наша пѣхота была также отлично укрыта, хотя и безъ ложементовъ; на открытомъ днѣ ущелья никого не было; только къ двумъ орудіямъ и ихъ прикрытію залетали турецкія пули. Наконецъ, торопливая съ начала стрѣльба начала стихать, дистанціи опредѣлились выстрѣлами, и орудія наши начали настоящую артиллерійскую пальбу—медленную, обдуманную и точную; раскаты горнаго эхо перестали сталкиваться, и каждый слышался отчетливо.

Указавъ мѣсто для ожидаемыхъ 4-хъ орудій, начальникъ отряда, получивши какую-то записку, приказалъ оставаться на мѣстахъ и производить рѣдкую пальбу, покуда правый флангъ Преображенцевъ будетъ еще заходить,—и поѣхалъ въ лагерь.

Мы точно оторвались отъ интереснаго романа, на самомъ драматическомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ юноша, желавшій „страженія", просили позволенія остаться и получили его. Генералъ обѣщалъ вскорѣ вернуться, сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія.

Подъѣзжая опустѣвшимъ ущельемъ къ лагерю резерва, мы встрѣ-

тили дивизіонъ батареи полковника Скворцова, поспѣшавшій на позицію. Артиллеристы шли особенно оживленно, какъ обыкновенно бываетъ послѣ хорошаго, хотя самаго короткаго, отдыха, въ ожиданіи дѣла и при звукѣ выстрѣловъ. Бодрые кони усердно натягивали постромки, и даже самыя орудія какъ то весело прыгали и звонко гремѣли по камнямъ Искерскаго ущелья. Отдавъ полковнику Скворцову, подъѣхавшему на отличномъ гнѣдомъ конѣ, нѣкоторыя приказанія, начальникъ отряда поспѣшилъ въ лагерь и, зайдя въ палатку, потребовалъ послѣднія свѣденія и записки. Съ лѣваго фланга, извѣстія были неблагопріятны. Хотя полковникъ Рыдзевскій окопался, но его турки сильно обстрѣливали гранатами изъ-подъ Троицкаго Монастыря; кубанцы свозили раненыхъ въ прошлую ночь въ Липенъ, гдѣ устроился перевязочный пунктъ. Полковникъ Рыдзевскій просилъ артиллеріи. Не получивъ еще отъ сапернаго офицера донесеній о его работахъ по исправленію дороги, начальникъ отряда не могъ послать орудій черезъ Липенъ. Полковникъ Любовицкій принесъ записку капитана Засулича, въ которой онъ благодарилъ, что его послали на позицію съ батальономъ, и доносилъ, что атаковать турокъ можно, пожалуй, и безъ артиллеріи, только разомъ съ трехъ сторонъ; а все не мѣшало бы и къ нимъ орудій прислать. Начальникъ отряда начиналъ сдаваться, но, не имѣя приказанія атаковать Этрополь, ожидалъ только возвращенія ординарца генерала Гурки отъ полковника Рыдзевскаго и донесенія о подъемѣ на горы изъ Липена.

Старикъ Тизенгаузенъ, остававшійся до сихъ поръ на оборонительной позиціи, которою такъ восхищался, очень жалобно, вопросительно поглядывалъ на генерала, ожидая, что вотъ-вотъ ему прикажутъ... Генералъ Красновъ пріѣхалъ верхомъ, слушалъ наши разсказы, не слѣзая съ коня, и все помахивалъ нагайкой и покачивалъ головой, какъ будто желая сказать: Эхъ-ма?! совсѣмъ не то!—И этотъ старикъ скучалъ бездѣйствіемъ....

А тутъ, начальникъ штаба гвардейскаго отряда сообщалъ, что атака Правецкой позиціи назначена на 11-е ноября, и что Гурко приказалъ оставаться на тѣхъ же позиціяхъ, занимать турокъ подъ Этрополемъ и стараться только разобщить ихъ съ Правецомъ. Объ этомъ уже хлопоталъ съ успѣхомъ принцъ Ольденбургскій.

Здѣсь мы убѣдились, какъ полезны были сообщенія намъ, и всѣмъ начальникамъ въ отрядѣ, всѣхъ свѣденій о положеніи дѣлъ кругомъ насъ. Благодаря принятому начальникомъ отряда правилу, не дѣлать секретовъ изъ боевыхъ записокъ и показать ихъ желающимъ, намъ было подробно извѣстно, гдѣ что дѣлается, и конечно тогда всякое распоряшеніе намъ было понятнѣе, всякое приказаніе мы могли исполнить толковѣе и скорѣе, безъ долгихъ объясненій намъ предстоявшихъ обязанностей—когда разговаривать некогда.

Отправивъ донесеніе генералъ-адъютанту Гуркѣ о положеніи дѣла по рекогносцировкѣ Этрополя и позавтракавъ, начальникъ отряда съ начальникомъ штаба и ординарцемъ вновь отправился на интересную позицію въ ущельѣ Искера, откуда слышалась рѣдкая, но постоянная пальба, поддерживавшая оживленіе во всемъ резервѣ.

Шибкой рысью ѣхали мы по ущелью, уже послѣ полудня; все громче и громче слышались намъ выстрѣлы орудій, а вотъ стало раскатываться и ружейное грохотанье. Обогнувъ послѣдній поворотъ ущелья, мы увидѣли дивизіонъ батареи полковника Скворцова, ставшій на 950 или 900 саженъ отъ непріятельскаго холма, анфилировавшаго ущелье, и работавшій шрапнелью. Нѣсколько ямъ извѣстнаго вида, около батареи, показывали, что и ее не забывали турки.

— Есть у васъ потери? спросилъ генералъ.

— Богъ миловалъ, никто не раненъ, отвѣчалъ Скворцовъ. Вотъ все этакъ стрѣляютъ, да и то рѣдко, показалъ онъ на гранату, влѣпившуюся предъ батареей въ землю, съ прервавшимся вдругъ свистомъ, не разорвавшуюся... и какъ будто что-то недосказавшую.

Проѣзжая по батареѣ, поперегъ ущелья, мы замѣтили, что на нее изрѣдка какъ будто что-то падаетъ, точно камешки съ горъ, или точно кто нибудь ронялъ изъ кармана ключи, или какую нибудь тяжесть. На пыльной и выбитой землѣ ничего не было видно.

— Это пули! сказалъ въ восхищеніи юноша, жаждущій сильныхъ ощущеній.—Полноте, господа, какія могутъ быть пули на такомъ разстояніи! отвѣтилъ начальникъ отряда.

Однако, любуясь пальбой и похваливая наводчиковъ, генералъ обратилъ вниманіе на что-то, шлепнувшее подъ ногами коня начальника штаба, и показалъ нагайкой. Казакъ слѣзъ и, пошаривъ въ рыхлой землѣ, подалъ ему пулю; генералъ посмотрѣлъ ее и пожалъ плечами.

— Это удивительно, заговорили всѣ. Съ какой же это высоты падаютъ эти пули? И безъ всякаго звука!—Славныя ружья у турокъ! а юноша принялъ серьезный и довольный видъ опытнаго человѣка, котораго не хотѣли сразу послушать.

Между тѣмъ два орудія, находившіяся вправо отъ насъ, на уступѣ, подвинулись еще впередъ, при усиленной пальбѣ турокъ. Преображенцы спустились за высоту, которую заняли правѣе и выше этого взвода, и съ которой утромъ пробовали берданки; залпы ихъ уже слышались за горой. Полковникъ Скворцовъ поочередно выдвигалъ орудія на ближайшую дистанцію.

Чтобы лучше видѣть расположеніе турокъ, начальникъ отряда направился къ высотамъ лѣвѣе насъ, и мы поднялись на дорожку, тянувшуюся карнизомъ вверхъ къ какой-то лачужкѣ, занятой преображенцами полковника Авинова, впереди батареи Скворцова. Крутизна дорожки за-

ставила насъ остановить лошадей, и мы пѣшкомъ долѣзли до полковника Авинова, которому досталось отличное мѣсто въ этомъ зрѣлищѣ. Расположеніе нашихъ частей въ ущельѣ, позади насъ, видно было какъ на ладони и живописно обставлялось горными видами... Батальонъ Авинова, лѣпившійся на дорожкѣ, закрывался выступомъ ската, за который желающіе полюбоваться выходили въ лачужку, какъ въ оперную ложу.

Отправившись туда съ полковникомъ Авиновымъ и выслушивая его докладъ, начальникъ отряда оглядывалъ турокъ, не отдавая приказаній и ожидая обхода справа. Турецкій холмъ отлично былъ видѣнъ оттуда въ бинокли. Казалось, турки безпокоились больше за свой лѣвый флангъ, постепенно обходимый принцемъ; залпы ихъ посылались больше въ ту сторону. По ущелью они сыпали своимъ горохомъ, когда замѣчали движеніе впередъ, а по насъ—только изрѣдка, и то вѣроятно для того, чтобъ показать:—и васъ, молъ, видимъ господа!

Все это походило, въ дѣйствительности, на великолѣпный спектакль, и нашъ юноша нѣсколько удовлетворился. Преображенцы стали даже ходить внизъ за водой. Спускающееся къ западу теплое солнышно такъ весело освѣщало насъ, такъ красивы были эти облака дыма въ горахъ, эти пятна не растаящаго снѣга между огромными деревьями эти хлопочущія маленькія кучки пѣхоты и стрѣлковыя цѣпи, этотъ постоянно курившійся отъ выстрѣловъ турецкій холмъ, выглядывавшій между громадными высотами,—что оторваться не хотѣлось отъ этой картины... И ухо такъ ласкалось этими разнообразными повтореніями горнаго эха, послѣ каждаго залпа и орудійнаго выстрѣла...

Но вотъ что-то замолчала вершина турецкаго холма, перестали стрѣлять турецкія орудія; видно, крѣпко имъ досталось отъ нашей шрапнели... Наши 9-ти-фунтовки участили огонь—молчатъ! За то густо опоясался вновь дымомъ непріятельскій холмъ, и пошла усиленная трескотня ружей—видно, преображенцы праваго фланга сильно надоѣдаютъ. Начальникъ отряда прощается съ полковникомъ Авиновымъ, давая ему надежды скораго разрѣшенія этропольской задачи; мы спускаемся съ горы, садимся на коней и съѣзжаемъ въ прохладное ущелье...

Подъѣзжая къ батареѣ полковника Скворцова, мы услыхали совсѣмъ неожиданно ружейные выстрѣлы справа, т. е. между нами и резервомъ. Поздравленный генераломъ съ отличнымъ дѣйствіемъ орудій, заставившихъ замолчать турецкую батарею, полковникъ Скворцовъ объяснилъ, что эти выстрѣлы производятся турецкими аванпостами оставшимися въ горахъ, по фуражирамъ, поѣхавшимъ съ батареи посмотрѣть, не забыли ли тамъ турки ненужнаго имъ сѣна. Въ это время скачетъ сзади къ батареѣ казакъ, въ совершенно „партикулярномъ“ видѣ, на неосѣдланной лошади, безъ шапки, въ какомъ-то зипунишкѣ. Запыхавшись, болтая руками и ногами, и таща на длинной веревкѣ тощую

вязанку сѣна, подъѣхалъ онъ къ намъ совсѣмъ растерянный и объявилъ: „ваше благородіе! вонъ изъ энтой лощины турки пули льютъ!“ Мы расхохотались. Оказался кашеваръ донской сотни, пожелавшій покормить сотенную артельную лошадку.

— Однако Штакельбергъ видно не попятилъ турецкихъ аванпостовъ, замѣтилъ генералъ; но тутъ же долженъ былъ обратиться къ молодому артиллерійскому офицеру, командиру взвода, находившемуся въ совершенномъ восторгѣ отъ успѣшной пальбы, и приглашавшему его посмотрѣть на дѣйствіе выстрѣловъ.

— Вы только взгляните, ваше превосходительство, какъ мы стрѣляемъ; мы шрапнель рвемъ теперь въ самыхъ ложементахъ, а вѣдь тутъ 900 саженъ“, говорилъ взводный командиръ въ совершенномъ упоеніи.

Начальникъ отряда охотно взялъ бинокль, всовываемый ему въ руку восхищеннымъ артиллеристомъ, который сейчасъ же обратился къ орудію: готово?—четвертое!

Звенящій звукъ выстрѣла какъ будто окаменилъ насъ. Отойдя изъ подъ вѣтра, всѣ неподвижно глядѣли, кто въ бинокль, кто просто на турецкій холмъ, боясь перевести духъ. Въ срединѣ нѣсколькихъ рядовъ ложементовъ показалось густое облачко дыма и пыли... „Эхъ какъ!—Славно!—Молодцы, четвертое орудіе!—Какъ угодили!—Рады стараться!—Вотъ мы какъ!“ послышалось кругомъ. Командиръ взвода, держа подъ козырекъ, уже совсѣмъ молчалъ отъ удовольствія, и только кланялся на похвалы генерала...

Пальба въ ущельѣ смолкла, когда мы подъѣзжали къ лагерю. Штакельбергу послано приказаніе наступать съ Донцами, и къ ночи онъ прислалъ записку, донося, что аванпосты турецкіе передъ нимъ отступили, и онъ вошелъ въ связь съ Рыдзевскимъ и Феттеромъ ($Л^2$). Отъ полковника Рыдзевскаго возвратился щеголеватый ординарецъ; громко и отчетливо докладывалъ онъ начальнику отряда расположившемуся пить чай предъ ставкой, о дѣйствіи гранатъ изъ Троицкаго монастыря, о томъ, какъ нѣкоторые отъ нихъ прятались, объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, о сильно укрѣпленномъ турецкомъ лагерѣ передъ Этрополемъ, о 10,000 турокъ, которыхъ онъ тамъ насчиталъ, и проч. Генералъ послалъ его доложить обо всемъ этомъ Гуркѣ, и о чемъ то задумался съ едва замѣтною улыбкой.

Но вотъ самъ Рыдзевскій прислалъ утѣшительную записку о томъ, что онъ будетъ вынужденъ завтра отступить, если не будетъ прислано артиллеріи; что турки подходили къ нему изъ Троицкаго монастыря, но были отбиты огнемъ, что онъ долженъ былъ перемѣнить невыгодную позицію. Саперный офицеръ пріѣхалъ доложить, что онъ не могъ многаго сдѣлать своими кирками и лопатами въ камнѣ; но что орудія поднять можно. Съ нимъ вмѣстѣ явился и Георгій Антоновъ, какъ говорится, въ

совершенномъ азартѣ. Онъ объявилъ начальнику отряда, что не уйдетъ отъ него, покуда не дадутъ орудій, и что онъ головой ручается за ихъ доставку къ Рыдзевскому. Въ доказательство возможности подъема орудій изъ Липенскаго ущелья, болгары привезли показать двухколесную арбу, очень поворотливую, съ большою платформою. Георгій Антоновъ разсказывалъ, что на этихъ арбахъ, запряженныхъ буйволами, они и не такія тяжести возятъ по горамъ; показывалъ, какъ орудіе, снятое съ лафета, будетъ уложено; какъ болгары понесутъ заряды. Болгары, стоявшіе кругомъ, тоже о чемъ то галдѣли, махая руками. Въ заключеніе Георгій сказалъ генералу: „если завтра утромъ пушки не будутъ тамъ", онъ показалъ въ сторону Рыдзевскаго, „то Георгій Антоновъ буде тука!" и энергическимъ жестомъ показалъ онъ на шею, и потомъ вверхъ на висѣвшую надъ нами огромную дубовую вѣтвь Всѣ расхохотались, и начальникъ отряда, смѣясь, послалъ просить полковника Любовицкаго и Тизенгаузена. Послѣдній тутъ уже стоялъ за болгарами и ждалъ. Надобно было видѣть его восхищеніе, когда генералъ объявилъ ему, что онъ въ ночь выступаетъ.

— А у меня ужь все готово! говорилъ онъ, убѣгая на свою батарею. Съ нимъ же сталъ собираться ординарецъ Гурко, князь Цертелевъ.

Полковникъ Любовицкій отправился въ палатку съ начальникомъ отряда, и получилъ приказаніе его принять команду отъ полковника Рыдзевскаго и выѣхать къ нему завтра чѣмъ свѣтъ. Двѣ роты лейбъ-гренадеровъ назначались въ прикрытіе орудій.

Въ этотъ же вечеръ принцъ Ольденбургскій доносилъ, что крайній правый флангъ его, замѣтивъ утромъ еще, что турки очищаютъ позицію на гребнѣ и увозятъ съ него орудія, двинулся поспѣшно впередъ и занялъ дорогу изъ Этрополя въ Правецъ, порвавши на ней телеграфную проволоку. По приказанію генерала Гурко, эта часть отряда, состоявшая изъ трехъ или четырехъ ротъ преображенцевъ, цѣлый день производила страшный шумъ, чтобъ обмануть турокъ своей числительностью, а на ночь разложила многочисленные костры, по горамъ, даже и тамъ гдѣ никого не было, Лѣвымъ своимъ флангомъ принцъ стоялъ у подножья горы съ турецкой батареей, дѣйствовавшей по ущелью, съ которой орудія, вслѣдствіе нашей пальбы, перестали дѣйствовать и были увезены. Горныя орудія на Острому втащили, но такъ какъ турки отъ нея отодвинулись, то эти орудія не могли дѣйствовать; а поднять полевыя орудія на высоту, командовавшую послѣднею позиціею турокъ, какъ желалъ начальникъ отряда, не оказалось возможнымъ, по причинѣ значительныхъ крутостей и неимѣнію дорогъ. Изъ нѣсколькихъ записокъ принца оказывалось, что къ ночи онъ значительно подвинулся правымъ флангомъ, и позиція турокъ въ ущельѣ была далеко обойдена.

На завтра мы ждали, или рѣшительной атаки Этрополя, съ двухъ сторонъ, или отступленія турокъ въ горы.

А между тѣмъ сборы артиллеристовъ съ полковникомъ Тизенгаузеномъ, полковника Любовицкаго со штабомъ полка и „хозяюшкой“, и неистощимыя разглагольствонанія Георгія Антонова, котораго даже и генералъ Красновъ пріѣхалъ послушать, — все это оживляло нашу вечернюю бесѣду и настроивало на хорошее расположеніе духа. Туманный, тихій вечеръ догоралъ, постепенно погружая въ мракъ картину бивуачнаго чая на коврахъ и буркахъ, подъ кучками деревьевъ. Когда стемнѣло, эта картина освѣтилась яркими красками.

— „Вотъ, когда побѣгутъ турки изъ Этрополя, такъ и вамъ будетъ дѣло, Данила Васильевичъ; готовьтесь“, — говорилъ начальникъ отряда Краснову.— „А и теперь было бы дѣло, еслибъ на нихъ только не смотрѣть. Какія тутъ рекогносцировки! Прямо бы ихъ долбануть—и праху бы не осталось.“—„Да вотъ не знаемъ еще ихъ силы, и людей, видите ли, бережемъ; куда же торопиться?“ говорилъ мягкимъ голосомъ полковникъ Любовицкій.—„Какая тамъ сила, помилуйте! Это дрянь одна. Перевозятъ орудія съ мѣста на мѣсто“.—„А вы видѣли ихъ позицію?“— „Э! я ужь вездѣ побывалъ! Вонъ оттуда, гдѣ правый флангъ, можно бы всѣмъ вмѣстѣ вдарить! У Рыдзевскаго только не былъ“.—А вонъ ординарецъ говоритъ, что турковъ-то 10 тысячъ оттуда насчиталъ“.—„И! гдѣ-жь тамъ! Видать вѣдь! Да что же; развѣ болгары не знаютъ? Я бы ихъ послалъ; что они тутъ только болтаютъ?“

— „Нейдутъ, Данила Васильевичъ; вонъ тамъ зарѣзанные-то лежатъ. Погодите, можетъ быть завтра атаковать будемъ“. Но старикъ все недовольно качалъ головой, да стучалъ нагайкой по ковру.

— „А вотъ мнѣ, господа, посчастливилось сегодня, говорилъ генералъ, перемѣняя разговоръ, для дня моихъ имянинъ, въ первый разъ послѣ венгерской кампаніи и сыръ-дарьинскихъ походовъ, привелось подъ огнемъ быть“.—„Ну, и слава Богу! А вы-жь развѣ были въ Венгріи? Я еще молодымъ тогда былъ, въ Трансильваніи“, — и Данила Васильевичъ началъ намъ разсказывать про свои венгерскіе походы...

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда 4 орудія полковника Тизенгаузена, съ двумя ротами Гренадеровъ, тронулись въ Липенское ущелье, провожаемые общими желаніями успѣха. Впереди ихъ, взмахнувъ на плечо свою винтовку, бодро зашагалъ Георгій Антоновъ съ своей четой, двухколесной арбой, запряженной парою воловъ и саперами. Тутъ даже и тишину перестали соблюдать; всѣ были увѣрены, что теперь ужь туркамъ не сдобровать. Когда взошла луна, въ лагерѣ уже было тихо.

Утромъ 12-го ноября, послѣ короткой, чуть слышной перестрѣлки въ ущельѣ Искера, на всѣхъ передовыхъ позиціяхъ было совершенно тихо. Изъ Липена прибывали раненые, перевязанные посланными туда докторами. Мы ждали съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Рыдзевскаго, и изъ-подъ Правеца. Еще не было извѣстно, удалась ли вчерашняя атака на Правецъ; а отъ нея, какъ видно, были въ зависимости и наши дѣйствія. Полковникъ Любовицкій, отправляясь въ лѣвую обходную колону, пріѣхалъ къ начальнику отряда за послѣдними приказаніями. Они дружески разстались. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, получена была отъ него встрѣченная имъ записка капитана Засулича съ извѣстіемъ, что орудія благополучно подняты изъ Липенскаго ущелья на высоты. Давно ожидая этой записки, мы всѣ собрались около начальника отряда, который прочелъ намъ ее вслухъ:

„Въ 8 часовъ утра,—писалъ Засуличъ,—всѣ 4 орудія въ разобранномъ видѣ, передки и снаряды, были наверху. Полковникъ Тизенгаузенъ немедленно принялся за ихъ сборку, и двинулся на позицію. Въ 10 часовъ утра открываемъ огонь“.

Во время чтенія этой записки, въ сторонѣ Липена, откуда прежде до насъ доносились иногда только слабые, уже знакомые намъ, звуки дальней турецкой пальбы изъ Троицкаго монастыря, послышался совершено новый, громкій пушечный выстрѣлъ, потомъ другой... Всѣ обернулись на незнакомый звукъ. Кончивъ чтеніе записки, генералъ вынулъ часы и показалъ намъ. Было ровно 10 часовъ.

— „Вотъ это точность“, сказалъ намъ начальникъ отряда.

Эффектъ былъ поразительный. Съ каждымъ выстрѣломъ позиціи Рыдзевскаго, у насъ повторяли: „Молодецъ Тизенгаузенъ! Молодецъ Засуличъ, молодецъ Георгій Антоновъ!“ Вотъ послышались и отвѣтные глухіе выстрѣлы изъ Троицкаго монастыря.

Впослѣдствіи, въ Этрополѣ, узнали мы отъ передавшагося намъ болгарина Цареградскаго, служившаго врачемъ въ турецкой арміи, что услыхавъ выстрѣлы наши передъ Троицкимъ монастыремъ, турки не хотѣли вѣрить ушамъ своимъ. Тизенгаузенъ былъ даже причиною того, что двое пашей, неладившіе между собою, окончательно поссорились въ Этрополѣ. Младшій паша, увидя, что дѣло плохо, что старшій не хочетъ вѣрить появленію русскихъ орудій съ восточной стороны Этрополя, и даже при всѣхъ сказалъ ему, что онъ вретъ и, струсивши, другихъ пугаетъ,—собралъ свою часть и началъ отступать изъ города, говоря, что если старшій паша не вѣритъ тому, что всѣ видятъ, то пусть же его увѣрятъ въ этомъ сами русскіе, когда придутъ въ городъ.

Затѣмъ принцъ Ольденбургскій, отъ $9^1/_2$ часовъ утра сообщалъ, что команда Преображенскихъ охотниковъ съ капитаномъ Пишчевичемъ, на разсвѣтѣ атаковала ложементы турокъ на холмѣ, запиравшемъ ущелье,

гдѣ осталась одна пѣхота, и хотя заняла рядъ ложементовъ, но далѣе не могла подвинуться, найдя холмъ сильно занятымъ. При этомъ Преображенцы потеряли 2 убитыхъ и 3 раненыхъ.

Перестрѣлка Тизенгаузена съ Троицкимъ монастыремъ продолжалась медленно, ровно, спокойно. Генералъ, видимо, былъ въ затрудненіи и ходилъ взадъ и впередъ передъ палаткою, приказавъ двинуть въ ущелье Искера батальонъ Псковскаго полка и остальной дивизіонъ батареи полковника Скворцова.

— Эта усиленная рекогносцировка что-то очень слаба. Слѣдовало бы атаковать, а по диспозиціи надобно только занимать то, что турки бросятъ, говорилъ онъ въ раздумьѣ.

Данило Васильевичъ Красновъ, объѣхавшій уже позиціи Преображенцевъ, явился какъ разъ на эти слова.

— „А я тоже думаю; они вѣдь уйдутъ!" — „Тѣмъ лучше, Данило Васильевичъ; вы ихъ тутъ и долбанете". — „Да теперь мы ихъ лучше доѣдемъ. Вѣдь ихъ немного. Вотъ увидите, что если еще не сегодня, то завтра уйдутъ!" — „Что-жь дѣлать! Все зависитъ отъ того, какъ дѣла идутъ подъ Правецомъ. А вотъ везутъ что-то. Не отъ Гурко-ли?"

Два Кубанца на взмыленныхъ лошадкахъ, подъѣхали и подали генералу знакомой формы конвертикъ, и другой большой пакетъ.—„Правецъ взятъ, господа,—объявилъ намъ начальникъ отряда,—турки отступили къ Орханіе; завтра атакуемъ Этрополь; вотъ диспозиція атаки, въ которой примутъ участіе и войска графа Шувалова".

— „Да! какъ же. Таки они и будутъ дожидаться въ Этрополѣ! Теперь еще скорѣе уйдутъ! Они знаютъ, что ихъ отъ норы отхватить можно".—„Во всякомъ случаѣ, Данило Васильевичъ, готовьтесь. Скоро работа будетъ вашимъ драгунамъ. Какъ только турки попятятся — вы съ ними впередъ. Вонъ въ ущельѣ наши орудія открыли огонь! А намъ, господа, собираться. Я назначенъ начальникомъ лѣвой колоны".

Красновъ отъѣхалъ все еще недовольный; начальникъ отряда занялся отдачею приказаній съ начальникомъ штаба, а мы стали готовить свои вьюки, для перехода черезъ Липенъ, въ колону полковника Любовицкаго. Начальникомъ оборонительной позиціи оставался полковникъ Тимротъ.

Объявивъ по отряду диспозицію на 13-е ноября, и пославъ донесеніе генералу Гурко, начальникъ отряда приказалъ выступать, и мы выѣхали въ Липенъ передъ вечеромъ, съ конвоемъ изъ Кубанскихъ казаковъ. Остановившись въ Липенѣ для привала и обойдя раненыхъ, еще не перевезенныхъ къ резерву, генералъ за чаемъ у докторовъ, нашедшихъ даже и закуску, получилъ отъ полковника Любовицкаго записку о томъ, что турки отступаютъ изъ Этрополя, и что всѣ двинулись впередъ. Пославъ приказаніе полковнику Тимроту немедленно идти съ ре-

зервомъ на Этрополь искерскимъ ущельемъ, и вернувъ къ нему артиллерію, назначенную въ нашу колону и уже втянувшуюся въ Липенское ущелье, начальникъ отряда поспѣшилъ къ полковнику Любовицкому.

Въ темный уже вечеръ мы стали подниматься вверхъ по узкому Липенскому ущелью, обросшему густымъ лѣсомъ, почти по самому руслу рѣчки. Проводниками нашими были Кубанскіе казаки, взятые изъ Липена. Болгаръ уже и духу не было.

Въ ущельѣ было такъ темно, и скаты его были такъ круты, что казаки не могли сразу отыскать крутой поворотъ вправо, изъ русла рѣчки на гору. Покуда они отыскивали дорогу, по которой поднимались 4 орудія Тизенгаузена, мы просто недоумѣвали, какая можетъ быть дорога по этой стѣнѣ, поросшей лѣсомъ. Когда наконецъ, съ помощью всходившей луны, казаки чуть не ощупью нашли начало этой дороги, въ видѣ узкой просѣки въ лѣсу, и когда мы едва могли карабкаться верхомъ по карнизу, лѣпившемуся по отвѣсному почти скату и поднимавшемуся колѣнами все выше и выше, то мы подивились и строителю этой дороги, и болгарамъ, съумѣвшимъ втащить здѣсь орудія. Миновавъ самый крутой скатъ въ ущелье, дорога становилась по крайней мѣрѣ понятною. Это была скверная, заброшенная горная дорога, хотя и трудная, но возможная. Наконецъ мы выбрались изъ лѣсу, и уже рысцой поднялись на перевалъ, освѣщаемый поднявшейся луной. Отыскивать позицію Любовицкаго было уже некогда; черезъ овраги и лѣсистыя ущелья влѣво виднѣлись яркіе огни костровъ въ Троицкомъ монастырѣ; впереди и внизу такое же освѣщеніе Этрополя, а правѣе его освѣщался пожаромъ брошенный турками лагерь на отдѣльномъ холмѣ. Мы направились прямо на этотъ пожаръ, какъ ближайшій отъ насъ пунктъ. Но спуститься было не такъ легко. Скаты къ Этрополю перерѣзаны оврагами и чрезвычайно круты. По этимъ скатамъ мѣстами тоже виднѣлись костры. Это были бивуаки Великолукцевъ, заночевавшихъ тутъ при орудіяхъ Тизенгаузена, которыхъ спустить безъ дороги, не зная мѣстности, оказалось вечеромъ невозможно. Прибывъ наконецъ въ турецкій лагерь, къ концу пожара, затушеннаго лейбъ-гренадерами, мы узнали, что принцъ Ольденбургскій зашелъ такъ далеко въ тылъ турецкой позиціи, запиравшей Искерское ущелье, и полковникъ Любовицкій, спустившій орудія сколько могъ (лит. I.) къ долинѣ Этрополя, такъ удачно дѣйствовалъ по лагерю, что турки начали быстро отступать сначала изъ ущелья, а потомъ изъ города, въ который по пятамъ ихъ ворвались съ перестрѣлкою Преображенцы. Правый ихъ флангъ чуть не перехватилъ послѣднихъ турокъ при выходѣ ихъ изъ Этрополя въ ущелья, и успѣлъ проводить ихъ здоровыми залпами съ ближайшихъ высотъ. Мы воображали себѣ, какъ былъ доволенъ Данило Васильевичъ,

которому генералъ еще послалъ отсюда приказаніе спѣшить съ драгунами въ Этрополь, для преслѣдованія турокъ.

Сильный по природной обстановкѣ и важный по своему стратегическому значенію, Этрополь достался намъ почти шутя, если не считать ночнаго дѣла у полковника Рыдзевскаго. Мы полагали, что доступы къ Балканамъ, столь удобные для обороны, будутъ отчаянно защищаться турками. Подъ Правецомъ, гдѣ были собраны большія силы и гдѣ ихъ также обошли — они тоже отступили. Вмѣсто ожидаемыхъ 10 тысячъ, жители Этрополя насчитывали всего на все отъ 6 до 7 тысячъ турокъ и 5 орудій. Зачѣмъ же это мы такъ церемонились съ ними, будучи гораздо сильнѣе? Можно было въ самомъ дѣлѣ ихъ живьемъ забрать, какъ говорили болгары. Жаль, что братушки изъ вѣры вышли. Изъ сильнаго желанія, чтобы мы скорѣе побили турокъ, они не разъ умышленно убавляли цифры ихъ числительной силы и вводили насъ въ заблужденіе; въ другой разъ, со страха, число турокъ у нихъ двоилось. На болѣе открытой мѣстности, мы бы и сами могли заставить турокъ раскрыть свои силы, но въ горной странѣ это трудно. А боевой глазъ Данилы Васильевича оцѣнивалъ вѣрно нашихъ противниковъ, когда совѣтовалъ атаковать ихъ рѣшительно. Теперь на его улицѣ праздникъ: и правъ остался, и преслѣдовать будетъ.

Во всякомъ случаѣ, теперь доступы на Балканы для насъ были открыты, и самый перевалъ, по словамъ болгаръ, не былъ занятъ турками. Тотчасъ за переваломъ находилась сильная арабъ-конакская позиція, на которой насчитывалось до 5 или 6 редутовъ. Самый большой изъ нихъ, Гюльдизъ-табія, находился на правомъ флангѣ и на высшей точкѣ перевала, на горѣ Шандарникѣ, которую можно было видѣть, выѣхавъ изъ Этрополя и повернувъ въ первое юго-западное ущелье.

Какъ извѣстно, на слѣдующій день, 14-го ноября, генералъ Красновъ отвелъ душу. Екатеринославскіе драгуны, съ которыми ему поручено было преслѣдовать турокъ къ Гюльдизъ-табіи, нагнали въ ущельѣ ихъ обозъ съ 4-мя таборами, отбили 3 орудія и до 300 повозокъ съ разными запасами.

В.

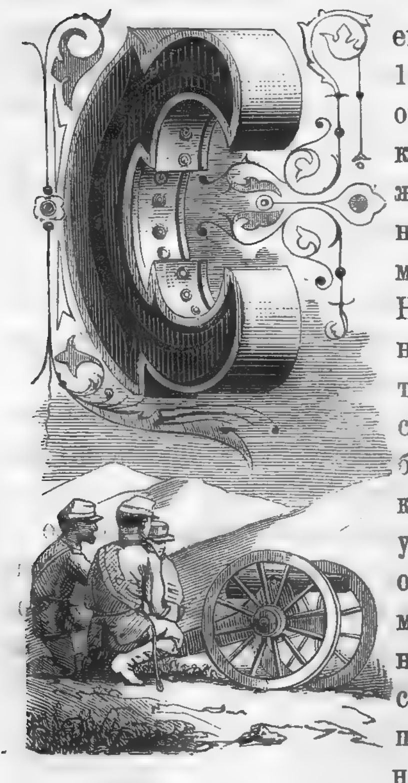
Варшава, 28-го января 1879 года.

---

*

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭТРОПОЛЬСКИХЪ БАЛКАНАХЪ.

(Изъ походныхъ записокъ армейца).



ентябрская книжка „Военнаго Сборника“ за 1878 годъ, заключаетъ въ себѣ „Разсказъ очевидца объ оборонѣ Этропольскихъ Балканъ“, переведенный изъ одного берлинскаго журнала, и составленный вѣроятно какимъ нибудь иностранцемъ, служившимъ при Мехметѣ-Али (говорятъ даже, — имъ самимъ). Не смотря на нѣкоторыя ошибочныя свѣденія относительно нашихъ войскъ, и на неточность описанія нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій, — что весьма понятно при тѣхъ слабыхъ, штабныхъ и развѣдочныхъ средствахъ, которыя, какъ видно изъ разсказа, имѣлись у Мехмета-Али,—разсказъ этотъ, въ общемъ, отличается своею безпристрастностью и во многомъ сходенъ съ реляціями о дѣйствіяхъ нашего авангарда, входившаго на Этропольскіе Балканы 16 и 17 ноября 1877 года, помѣщенными въ февральской книжкѣ Сборника 1878 года.

Во время подъема на Балканы, и боя на Вратешскомъ перевалѣ,— мы имѣли самыя сбывчивыя понятія о силахъ и средствахъ непріятеля; когда мы заняли перевалъ, многимъ казалось въ первые дни, что турки отступаютъ съ сильной Араба-конакской позиціи; о распредѣленіи турецкихъ войскъ по пунктамъ искусно закрытой позиціи, мы могли имѣть только гадательныя свѣденія. Появленіе въ нашей печати „разсказа очевидца“ о распоряженіяхъ и средствахъ съ турецкой стороны, при оборонѣ Балкановъ, даетъ возможность вполнѣ оцѣнить стратегическое значеніе нашихъ дѣйствій 16 и 17 ноября, разъяснить причины нѣкоторыхъ

тактическихъ результатовъ, и вообще пополнить общую картину дѣйствій, всегда недостаточно обрисовываемыхъ реляціями одной стороны.

Поэтому при изложеніи предлагаемаго разсказа, приводятся факты, описанные турецкимъ очевидцемъ, съ цѣлью сравнить ихъ съ нашими свѣдѣніями, разъяснить сдѣланныя имъ ошибки и неточности, пополнить пропуски, и вообще обрисовать дѣйствія 16 и 17 ноября въ истинномъ видѣ, освѣщенномъ свѣдѣніями двухъ противуположныхъ сторонъ.

Для краткости и цѣльности разсказа—турецкія свѣдѣнія будутъ помѣщены въ выноскахъ.

Послѣ взятія Этрополя и занятія его этропольскимъ отрядомъ, какъ извѣстно, турки были преслѣдованы по одному изъ ущельевъ верхняго Искера. 13 числа, вверхъ по руслу Сухой рѣки, были посланы Екатеринославскіе драгуны съ двумя орудіями, подъ начальствомъ ген.-маіора Краснова, направившагося вслѣдъ за отступавшими турками, по дорогѣ къ редуту Гюльдизъ-Табія, составлявшему правый флангъ горной турецкой позиціи *).

13-го ноября, было отслужено торжественное молебствіе въ главномъ христіанскомъ храмѣ Этрополя. Ген.-адъютантъ Гурко и графъ

---

*) По разсказу очевидца „Мехметъ-Али, прибывшій къ войскамъ стоявшимъ въ Балканахъ, 10 ноября, нашелъ позицію занятою 7 таборами, и вооруженною 19 орудіями; 4 табора были въ Этрополѣ у Ибрагима паши; 9 таборовъ съ 3 орудіями и горною батареею на Правецкой позиціи; 5 таборовъ съ горною батареею у Скривены, (гдѣ у нихъ было 10 ноября неудачное для насъ дѣло съ лейбъ-драгунами); у Врачеша 6 таборовъ съ 2 батар. и 500 черкесовъ. Кромѣ того 5 таб. занимали Златицу, и 2 стояли у Миркова; всего 37 батальоновъ (если сложить выходитъ 38), 40 орудій, (въ Этрополѣ орудія не показаны, вѣроятно потому, что турки ихъ потеряли), 5 эскадроновъ кавалеріи, и 500 черкесовъ.

Эти войска были растянуты отъ Скривены до Златицы, на протяженіи до 70 верстъ, (См. карту окрестностей Араба-конакской позиціи). О дѣлахъ подъ Этрополемъ, въ „разсказѣ очевидца" повѣствуется нѣчто странное: „10 ноября, колонна изъ 10 бат. 2 батарей. и полка казаковъ, двинулась по долинѣ малаго Искера (гдѣ двигались 2 бат. при 2-хъ орудіяхъ, а правѣе ихъ по высотамъ еще 3 батальона и 2 батареи принца Ольденбургскаго) и открыла сильный огонь противъ Троицкаго монастыря (который нашимъ войскамъ изъ долины Искера — никакъ нельзя видѣть), обстрѣливавшаго малоискерское дефиле (этого никакъ нельзя было сдѣлать изъ монастыря, а ущелье обстрѣливалось съ особыхъ батарей). Другой русскій отрядъ наступалъ долиною р. Липенки (Великолуцкій полкъ безъ орудій, которыя даны были ему 12 числа утромъ); и потому престарѣлый Этропольскій комендантъ Ибрагимъ-паша, полагалъ невозможнымъ удержать Троицкій монастырь, атакованный съ двухъ сторонъ". (Троицкій монастырь могъ быть атакованъ нами только съ одной стороны, а Этрополь—съ двухъ. См. карту при рапортѣ ген. Дандевиля № 2 „Военнаго Сборника" 1878 года). Очевидно,—или Ибрагимъ-паша совсѣмъ не то доносилъ, или же онъ не имѣлъ понятія о топографіи ближайшихъ окрестностей Этрополя, гдѣ и самъ очевидецъ—никогда не былъ.

Шуваловъ, командовавшій тогда 2 гвардейской дивизіей, присутствовали на немъ, со своими штабами, ординарцами, и иностранными агентами, послѣдовавшими за нашими войсками изъ подъ Плевны. Въ первый разъ, въ продолженіе кампаніи, намъ случилось присутствовать при богослуженіи, въ обществѣ множества тѣхъ же лицъ, съ которыми приходилось встрѣчаться на выходахъ и торжественныхъ молебствіяхъ въ Петербургѣ. Разница была рѣзкая, не только въ обстановкѣ, но и въ самыхъ лицахъ. Церковь была темненькая; всѣ были одѣты въ простой, боевой формѣ, самой пригодной и удобной для военнаго человѣка. Вмѣсто эполетъ, золотаго шитья и звѣздъ, цвѣтныхъ лацкановъ и лампасовъ, виднѣлись въ полумракѣ, поношенные, полинявшіе отъ солнца и дождя сюртуки и погоны, бурки, высокіе смазные сапоги... Отпущенныя бороды давали всѣмъ знакомымъ, хотя и сильно загорѣвшимъ лицамъ, настоящій свой собственный видъ, у котораго ничто не было похищено, или подделано, ни бритвой, ни парикмахеромъ, — и физіономію, не лишенную новизны и глубокаго интереса... Иные перемѣнились къ лучшему; другіе— къ худшему... Но на всѣхъ лежала печать тѣхъ ощущеній, которыя были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ начала успѣховъ отряда генералъ-адъютанта Гурко, и вызывались предстоящими событіями...

Салонныхъ разговоровъ въ церкви не было слышно. Всѣ были сосредоточены, крестились усердно; на иныхъ лицахъ было замѣтно, что думы ихъ уносились куда-то вдаль..., на иныхъ глазахъ безотчетно навертывались слезы...

Французскаго языка, который въ двухъ случаяхъ странно слышать въ Петербургѣ—въ церкви и передъ фронтомъ (послѣднее до сихъ поръ еще не вывелось),—о ужасъ! совсѣмъ не было слышно. Попытки нѣкоторыхъ записныхъ подражателей парижскихъ вивёровъ и petits-crevés,—пощеголять картавымъ выговоромъ дешевенькихъ остротъ, и развязными французскими манерами,—вдругъ обрывались въ самомъ началѣ, и ничего не выходило... Послѣ краткой молитвы, за павшихъ въ бою,—всѣ вышли молча. Русское чувство сказалось въ каждомъ,—даже и въ тѣхъ, которые въ обыденное время стараются заглушить его въ себѣ, или исказить... Солдаты молились какъ всегда и вездѣ—кладя свои мѣдные гроши на свѣчи...

Однако я уже слышу: „позвольте, гдѣ-же тутъ—занятіе перевала, приготовленія къ переходу через Балканы?“

Вотъ въ чемъ дѣло, господа. Изъ всѣхъ приготовленій, плановъ, соображеній, предначертаній, расчетовъ,—словомъ „комбинацій“ говоря штабнымъ языкомъ,—это приготовительное дѣйствіе, на которомъ я остановился, было главнымъ, и основою прочихъ. Не исполнились многія распоряженія, не удались многія комбинаціи, ошибочными оказались нѣкоторые разсчеты, планы и соображенія, какъ этому и надлежало быть,

въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ намъ предстоявшемъ. Но осталась та душевная сила, которой набирается русскій человѣкъ въ тихія минуты молитвы,—и она то дала, а не „комбинаціи“, ту рѣшимость, съ которою войска полѣзли на перевалъ, ту настойчивость, съ которою долѣзли до него, и то терпѣніе, съ которымъ простояли на немъ цѣлый мѣсяцъ...

„Да хорошо!“ слышу опять „это все разумѣется“...

— Сейчасъ, господа, успокойтесь; продолжаю. Только я не могу вамъ подробно доложить о всѣхъ „комбинаціяхъ“, кои составляютъ достояніе штабовъ, ученыхъ стратеговъ, высшихъ начальниковъ и проч.; а долженъ буду, по неволѣ, говорить больше о томъ, что видѣлъ и слышалъ, какъ простой смертный, въ нашемъ Этропольскомъ отрядѣ.

Потерпѣвъ 13-го ноября четвертую перемѣну состава со времени своего существованія, этотъ отрядъ образовался теперь изъ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, т. е. Великолуцкаго *) и Псковскаго пѣхотныхъ полковъ, Екатеринославскаго драгунскаго полка, 16-й конной батареи подполковника Ореуса, и 2-хъ орудій 5-й батареи 2-й гвард. арт. бригады, подпоручика Ермакова, да 10 гвардейскихъ саперъ съ подпоручикомъ Николенко. Этотъ отрядъ изъ 6-ти батальоновъ, 6-ти эскадроновъ и 8-ми орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля, и былъ назначенъ въ авангардъ, которому предстояло первому влѣзть на Балканы, и попытать каково на нихъ карабкаться.

Патроновъ мы брали по 96 на пѣхотинца; снаряды—что были въ передкахъ и въ одномъ ящикѣ на орудіе; продовольствія на три дня; а потомъ должны были подвозить все нужное изъ Этрополя, гдѣ оставались наши обозы,—на вьючныхъ лошадяхъ, преобразованныхъ въ таковыя изъ подъемныхъ, съ помощью превосходныхъ болгарскихъ сѣделъ. Подъ орудія намъ дали мѣстныхъ буйволовъ, такое же неоцѣненное здѣсь, и безотвѣтное животное, какъ верблюдъ въ киргизскихъ степяхъ. Болгары, во множествѣ, вызвались также нести тяжести и тащить орудія; съ ними опять явился Георгій Антоновъ, уже украшенный солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ, за успѣшный подъемъ орудій на горы, въ обходной колоннѣ подъ Этрополемъ. Только на этотъ разъ Георгій Антоновъ былъ неузнаваемъ; измученный лихорадкою, онъ былъ совсѣмъ не въ духѣ, и лишился своей обычной энергіи.

Полушубковъ у насъ не было, да въ нихъ еще и надобности не предстояло. Время стояло по нашему теплое; подъ шинели солдаты надѣвали мундиры, да у кого сохранились—фуфайки, а на шею—башлыки. Сапоговъ крѣпкихъ тоже не было; но объ этомъ, покуда менѣе всего тужили. Мы уже опытомъ дознали, что лучшая обувь для похода—опанки. Не во всякіе сапоги влѣзутъ теплыя портянки, а чуть узко—

*) Одна рота Великолуцкаго полка была послана на Златицкій перевалъ.

и ноги, самое необходимое орудіе пѣхотнаго солдата, глядишь и потерты. Послѣ мокрой погоды, сапоги долго сушатся, а потомъ ссохнутся, и ихъ не надѣнешь. Лѣтомъ, въ жару, въ высокихъ сапогахъ солдату несносно; ноги тоскуютъ и горятъ. Ничего подобнаго не приходится переносить въ опанкахъ. Теплыя, большія портянки хоть до колѣна, завертываются туго ремнемъ, которымъ привязываются къ ступнѣ и самыя опанки, образующія родъ башмака. Обувь выходитъ мягкая, недорогая, легкая, скоро высушиваемая и вовсе ногъ не натирающая, ни по камнямъ, ни по грязи, хотя у насъ она дѣлалась наскоро, изъ сырыхъ кожъ убитаго въ пищу скота. Словомъ, это не обувь для солдата, а просто наслажденіе. Оно пожалуй не совсѣмъ красиво выходило; да солдаты, между которыми всегда есть и щеголи и остряки, поговаривали: „намъ вѣдь не на смотръ, а мы сами у турокъ пятки-то хотимъ посмотрѣть".

Главное-же удобство солдатъ заключалось въ томъ, что жесткихъ ранцевъ, стало быть натиранія спины, тоскованія плечъ и груди, они давно избавились, и носили свои сухари, бѣлье и мелочи въ мягкихъ холщевыхъ мѣшкахъ черезъ плечо, какъ кому удобнѣе. Отъ ранцевъ остались только жестяные котелки, затѣмъ что наши ротные котлы, очень хорошіе для казарменныхъ кухонь, остались въ обозѣ, и вьючить ихъ нельзя было, да и не нужно. Въ этихъ котелкахъ скоро и хорошо варилась у солдатъ похлебка, а которые были посмышленѣе—запаслись болгарскими котелками по одному на 4—5 человѣкъ, желѣзными, въ родѣ ведерка съ широкимъ и плоскимъ дномъ, устойчиваго при постановкѣ на угли, и къ верху узкаго, съ круглой сгибающейся ручкой, чтобы подвѣшивать въ случаѣ нужды.

Авангарду приказано было подниматься отъ дер. Равны двумя дорогами. Одна изъ нихъ, по которой драгуны пошли преслѣдовать турокъ отступавшихъ изъ Этрополя, была очень крута мѣстами, но содержана въ порядкѣ; она выводила на Шиндарникъ, къ правому флангу турокъ. Другая же дорога, правѣе этой, выходила мимо гребня Греата, на перевалъ Вратешку, находившійся подъ выстрѣлами расположенной частью ниже перевала турецкой позиціи, на которой болгары насчитывали до 6 или 7 редутовъ. Это была старая дорога, брошенная 50—60 лѣтъ тому назадъ, гораздо длиннѣе первой, и гораздо хуже, говорили болгары— но по ней пройти съ орудіями можно было.

Эти дороги пролегали по обѣ стороны Сухой рѣки; она теперь совсѣмъ не оправдывала своего названія, и даже изрядно шумѣла въ своемъ глубокомъ лѣсистомъ ущельи, которое должно было раздѣлять наши колонны, до самаго перевала.

Мимоходомъ сказать,—это обстоятельство было не совсѣмъ благопріятно, хотя двумя колоннами лѣзть на перевалъ,—было заманчиво.

Турки, чего добраго, могли бы задержавъ одну, напасть большими силами на другую колонну. Но, по правдѣ сказать, они такъ плохо защищали Этрополь, что мы отъ нихъ подобной прыти не ожидали.

Подъемъ въ двухъ колоннахъ, по послѣдствіямъ вышелъ не дуренъ, не смотря на неудобство разобщенія, а это доказываетъ, что не слѣдуетъ дѣлать непреложныхъ заповѣдей изъ правилъ военнаго дѣла, которое труднѣе другихъ подводится подъ мѣрку.

Къ тому же о силѣ турокъ у насъ были сбивчивыя свѣдѣнія. Одни говорили, что у Шакира-паши было до 40 таборовъ; другіе говорили—20. Во Врачешѣ одни считали 14 таборовъ, другіе говорили, что тамъ только орудія, а пѣхоты очень мало; и мы конечно не воображали, что на перевалѣ насъ готовились встрѣтить наши этропольскіе друзья, и что за ними на позиціи было 20 таборовъ съ 19 орудіями; что противъ насъ уже начальствовалъ назначенный и прибывшій въ Балканы по секрету паша Мехметъ-Али, извѣстный своими дѣйствіями въ Черногоріи и потомъ преемникъ турецкаго главнокомандующаго Абдулъ-Керима; и что Шакиръ-паша, завѣдывавшій доставкою въ Плевну продовольствія и подкрѣпленій, стоялъ теперь подъ его начальствомъ во Врачешѣ, на флангѣ предстоявшаго намъ движенія, (наблюдаемый отрядомъ генерала Эллиса)—съ 14 батальонами, 2 батареями и 500 черкесами. Признаться сказать и охоты большой не было—считать турокъ: все равно—изъ каждой деревни, свои вѣсти; все равно—идти впередъ надо, и все равно—турковъ побить надо. Вотъ и все, господа, на счетъ „комбинацій". Примемся за разсказъ *).

*) 14-го ноября, какъ видно изъ описанныхъ „очевидцемъ" передвиженій войскъ послѣ дѣлъ подъ Правцомъ и Этрополемъ, турки стояли противъ насъ въ трехъ группахъ:

1) **На Баба-конакской позиціи:**

прежніе	7 таб.
Притянутые 11-го ноября изъ Сливены	5 —
Пришедшіе изъ Златицы 12-го ноября	5 —
Прибывшіе изъ Босніи 12-го ноября съ 1-й батареей и поставленные по редутамъ I, II и III редифы	3 —
Итого	20 таб.

2) **Между Врачеша и Орханіе**

у Шакира-паши прежніе, съ 2-мя батареями и 500 черкесами	6 таб.
Отступившіе съ Правецкой позиціи за перевалъ, и потомъ высланные опять Шакиру, вслѣдствіе телеграммы изъ Константинополя, съ 1-мъ эскадрономъ	8 —
Итого	14 таб.

3) **На гребнѣ Греата и Вратешкѣ** у Ибрагима-паши:

Отступившіе изъ Этрополя	4 таб.
Особо у Гюльдизъ-Табіи, въ видѣ ихъ резервовъ	3 „
Итого	7 таб.

Всего: 41 таб. (съ 3-мя прибывшими къ прежнимъ изъ Босніи), 48 орудій (съ батареей прибывшею изъ Босніи), 5 эскадроновъ и 500 черкесовъ. По турецкому счету 16,650 чел. пѣхоты и 400 кавалеріи.

Сила достаточная, чтобъ сопротивляться съ успѣхомъ нашему подъему на Балканы, имѣя въ тылу укрѣпленную позицію.

Послѣ молебна 13-го же ноября, начальникъ авангарда получилъ въ штабѣ отряда приказанія, касающіяся предстоящаго дѣла, и указанія на средства его исполненія. Онъ вышелъ оттуда съ командиромъ полубатареи штабсъ-капитаномъ Адасовскимъ, котораго познакомилъ съ нами, какъ участника въ предстоящемъ дѣлѣ, назначеннаго по рекомендаціи начальника штаба отряда генералъ-маіора Нагловскаго. Взводъ подпоручика Ермакова принадлежалъ къ полубатареѣ Адасовскаго, и ему поручалось главное завѣдываніе подъемомъ этихъ 2-хъ орудій, стало быть онъ былъ въ родѣ начальника 9-ти-фунтовой артиллеріи въ нашемъ отрядѣ. Мы поняли, что подъему этихъ двухъ орудій придавалась особенная важность. Хотя 4-хъ-фунтовыхъ орудій въ гвардейской артиллеріи не было,—они еще нашлись бы въ отрядѣ генерала Гурко, но, выходя противъ турецкой позиціи, не мѣшало имѣть возможность серьозно поговорить съ ней, да и сдѣлать опытъ поднятія этихъ чудищъ на Балканскія крутизны, по которымъ предстояло поднимать потомъ и всю 9-ти-фунтовую артиллерію. Въ подъемѣ 9-ти-фунтовыхъ орудій по лѣвой дорогѣ, не было сомнѣнія; это была дорога, хотя трудная, но исправная; къ тому же она, какъ говорили, выходила изъ лѣсу саженяхъ въ 600 отъ Гюльбизъ-Табіи. Стало быть, надобно было везти ихъ по правой, труднѣйшей, потому что разстояніе перевала отъ редутовъ было большее, и въ точности не извѣстное. И мы всѣ, и армейцы, узнавшіе что приходится тащить эти здоровенныя и внушительныя орудія, возлагали на нихъ большія упованія, что доставляло не мало удовольствія Адасовскому, когда мы его распрашивали—какъ это онъ будетъ поднимать ихъ?

— Да, помилуйте-жъ, господа, ей Богу не случалось; ничего-жъ не знаю. Такъ, съ мѣста, и повеземъ, отговаривался онъ, съ легкимъ малороссійскимъ акцентомъ и мягкимъ произношеніемъ глаголя, смѣясь и лѣниво бѣгая за собираніемъ разныхъ средствъ къ подъему орудій,—канатовъ, лямокъ, буйволовъ, болгаръ.

Черномазый, съ южнымъ типомъ лица, и походкою съ развальцемъ, всегда веселый и остроумный Адасовскій, понравился намъ сразу. Всякое дѣло, какъ-то юрко и легко, безъ напряженій спорилось въ его рукахъ. Одѣвался онъ въ неизысканное, но теплое, широкое пальто и теплые сапоги, съ шапкою часто сваливавшейся на затылокъ. Онъ сразу объявилъ намъ, что идетъ въ дѣло „въ первый разъ, и ежели съ мѣста струшу, господа, не взыщите; совсѣмъ не знаю, что будетъ“.

Другой артиллерійскій офицеръ, молодой подпоручикъ Ермаковъ, командиръ взвода, былъ серьозный, сосредоточенный и симпатичный бѣлокурый юноша, выглядѣвшій истымъ артиллеристомъ. Словомъ—ихъ была пара.

Командира 16-й конной батареи, мы уже знали съ Этрополя, за

лихаго и смѣлаго конно-артиллериста. Онъ уже участвовалъ въ первомъ переходѣ Балкановъ, въ отрядѣ генералъ-адъютанта Гурко, и относительно подъема его батареи всѣ были покойны.

Армейскимъ пѣхотинцамъ всегда интересно познакомиться съ артиллеристами, и жаль что часто приходится дѣлать это случайно и въ торопяхъ. Близко къ сердцу мы принимаемъ это знакомство съ людьми, съ которыми въ бою мы должны составлять одно цѣлое, другъ другу помогать, одинъ другаго выручать, и безъ которыхъ, мы одни, мало что можемъ подѣлать, а они безъ насъ—и подавно. Жаль, что эта близость бываетъ временная, а иногда и вовсе не выходитъ ее; и что артиллеристы съ пѣхотными офицерами не такіе-же постоянные товарищи, какъ офицеры одной роты, одного полка...

Старый знакомый нашъ, Данила Васильевичъ Красновъ, вымещавшій теперь на туркахъ свою досаду на долгое стояніе подъ Этрополемъ, въ ночь на 14-е число прислалъ донесеніе, что драгуны отбили у турокъ на лѣвой дорогѣ, не доходя перевала, 3 орудія и до 300 повозокъ; ему было послано 3 батальона Преображенцевъ, чтобы прикрыть спускъ обоза въ Этрополь и постараться занять перевалъ, пользуясь паникой турокъ *).

Авангардъ получилъ приказаніе выступить 15-го числа.

Утромъ 14-го ноября мы отправились съ начальникомъ авангарда къ мѣсту отбитаго у турокъ обоза и орудій, чтобъ поторопить очистку отъ нихъ дороги на перевалъ, да узнать что тамъ дѣлалось по прибытіи Преображенцевъ. Отличная погода, стоявшая до тѣхъ поръ, перемѣнилась, когда мы выѣхали изъ Этрополя; повалилъ сильный мокрый снѣгъ; дорога, къ досадѣ нашей, совсѣмъ испортилась.

За городомъ, между разбросанными хатами, мы съ трудомъ отыскали квартиру принца Ольденбургскаго, пожелавшаго также осмотрѣть обозъ и навѣстить Преображенцевъ на перевалѣ. Принцъ помѣщался въ маленькой комнаткѣ одной изъ хатъ, занятыхъ кругомъ Преображенскимъ штабомъ; онъ встрѣтилъ насъ очень любезно и ласково, и пред-

*) О потерѣ подъ Этрополемъ этихъ 3-хъ орудій и обоза, въ разсказѣ очевидца ничего не сказано, и они даже не были на общемъ счету. Но за то говорится, что 11-го ноября, въ день боя подъ Правцомъ, Мехмедъ-Али напрасно старался остановить передъ Лаженомъ бѣжавшихъ турокъ, бросившихъ 3 орудія, о которыхъ въ нашихъ реляціяхъ ничего не говорится (см. рапорты графа Шувалова и генерала Рауха въ 2 кн. Военнаго Сборника, 1878 года). Очевидно, тутъ что-то спутано. Число защитниковъ Этрополя уменьшается повидимому противъ той цифры, которую намъ показывали болгары, до 4-хъ таборовъ; но, однако-же, при нихъ была артиллерія, на что мы имѣемъ вещественное доказательство и хотя небольшое число кавалеріи, которую мы видѣли на аванпостахъ.

ложилъ позавтракать передъ отъѣздомъ. Походная обстановка принца была самая простая—офицерская. Познакомивъ насъ съ своими офицерами, принцъ приказалъ подать завтракъ; принесли горячую похлебку въ котелкѣ, прямо съ огня, и мы усѣвшись на чемъ попало, доставали оттуда щи длинными, болгарскими, деревянными ложками, и ими же клали мясо, на болгарскій хлѣбъ, совсѣмъ не напоминавшій ни Вебера, ни Филипова, ни Иванова, знаменитыхъ петербургскихъ булочниковъ. За то мы запили сытные щи отличнымъ краснымъ виномъ; но лучшею приправою этой обычной походной трапезы, служили радушіе и безцеремонное вниманіе принца, который несъ походную службу наравнѣ со всѣми офицерами, не желая ничѣмъ отличаться отъ нихъ въ своей обстановкѣ.

Не смотря на отвратительную погоду, мы выѣхали въ отличномъ расположеніи духа, шлепая по грязи и огромнымъ лужамъ, и завернувшись въ башлыки, бурки, кожаны и гутаперчевые плащи.

На мѣстѣ отбитаго обоза, за дер. Равной, гдѣ расположился бивуакомъ драгунскій полкъ, на полпути отъ нея до перевала, мы застали генерала Краснова, уже вернувшагося оттуда съ 2-мя баталіонами Преображенцевъ. Они доходили до опушки лѣса, который совершенно очистили отъ турокъ,—и тамъ очутились въ 650 саженяхъ, отъ огромнаго редута Гюльдизъ-Табіи. Внушительные размѣры этого форта, показывавшаго имъ свои очертанія сквозь легкій утренній туманъ, говорили, что безъ подготовки атаки мудрено овладѣть редутомъ, вокругъ котораго сновали и толпились отступившіе изъ лѣсу турки. Поэтому, рѣшено было вернуться.

Захваченные сильнымъ снѣгомъ на перевалѣ, и спустившіеся оттуда по грязной дорогѣ, Преображенцы не имѣли уже конечно того щеголеватаго вида, которымъ мы восхищались въ Этрополѣ; но бодрость и веселость ихъ—остались тѣ же. Въ особенности отличаются этимъ Преображенскіе офицеры; веселое настроеніе не оставляетъ ихъ ни въ какихъ случаяхъ, и остроты всегда сыплются градомъ. Даже заболѣвшій лихорадкой, молодой офицеръ, сѣвшій на отбитаго въ обозѣ, турецкаго осленка ведомаго деньщикомъ,—трясясь отъ пароксизма, и съ головой закутавшись въ кожанъ, держалъ ему такую рѣчь:

— Вѣдь ты, дуракъ Васька, вотъ ведешь осла, и преспокойно шлепаешь по грязи, не подозрѣвая, что я вѣдь ни за грошъ, не нюхая пороху, отъ дрянной болѣзни могу умереть, и что стало быть отечество можетъ лишиться даромъ защитника, хоть прапорщика, да все же защитника. Понимаешь ли ты это, Васька? Чувствуешь ли?... Защитника!

— Понимаю, ваше благородіе; какъ же не понять!

— Ничего ты, Васька, не понимаешь; тебѣ все равно.

— Да ей Богу же, ваше благородіе, понимаю,—совершенно равно-

душно отвѣчалъ Васька, поглядывая на камни и лужи, и выбирая гдѣбы ему лучше провести осла.

Турецкія повозки, частью уже спустившіяся въ Этрополь, оказывались набитыми, кромѣ военныхъ и продовольственныхъ припасовъ, патроновъ, галетъ, рису, всякихъ инструментовъ,—еще и разнымъ другимъ добромъ. Мы замѣтили, что въ нашемъ обозѣ совсѣмъ не полагается по штату такихъ вещей, которыя находились въ турецкомъ, напримѣръ: ворохи женскаго платья, обуви, бѣлья; кувшины, умывальные тазы, зеркальцы, даже косметики, и другіе мало знакомые намъ предметы женскаго туалета. Можетъ быть, уходившіе изъ Этрополя турки захватили все это, по ошибкѣ, въ торопяхъ, вмѣстѣ со многими болгарскими женщинами, которыхъ пригласили слѣдовать съ собою, какъ говорили злые языки; а можетъ быть это было имущество гурій, украшающихъ офицерскіе гаремы, съ которыми турки не любятъ разставаться даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ....

Видъ непріятельскихъ орудій, намъ доставшихся, всегда какъ-то особенно пріятно дѣйствуетъ, и мы долго ихъ разсматривали, хотя это были обыкновенныя стальныя орудія, хорошаго боя и калибра.

Оставивъ одинъ батальонъ Преображенцевъ при обозѣ, для окончательнаго спуска его въ Этрополь, приказавъ держать драгунскіе разъѣзды по лѣсу, и посты на опушкѣ передъ редутомъ, генералъ вернулся въ Этрополь, и поѣхалъ съ докладомъ къ г. Гуркѣ.

Приготовленія наши къ подъему на Балканы между тѣмъ быстро подвинулись; почти все было готово, кромѣ нѣкоторыхъ близкихъ, большею частью, лично каждому изъ насъ мелочей, которыхъ всегда спохватываются отъѣзжающіе въ дорогу,—когда уже сядутъ въ экипажъ; что подаетъ сигналъ бѣготни за узелками, коробками и проч. Такъ и мы, занятые предстоящимъ дѣломъ, вспомнили объ этихъ мелочахъ уже выступая, на другой день, да и то—многое забыли.

Нельзя сказать, чтобъ мы готовились къ подъему совершенно покойно, хотя были веселы и оживлены. Понятно было, что настала серьозная минута, и невольно думалось—ну что, какъ турки, на горахъ-то, захотятъ отличиться, и окажутъ отчаянное сопротивленіе, да насядутъ на которую нибудь колону?—А тутъ и орудія везти надо, и дорога стала адская!—Впрочемъ, не долго эти мысли безпокоили. Сейчасъ-же приходили другія: а Великолукцы-то и Псковцы, на что? Это ребята обстрѣленные, и подъ Плевной, и подъ Ловчей; а артиллеристы-то наши?—Ложась спать, мы окончательно порѣшили, что мы еще туркамъ покажемъ... какъ говорилъ Данила Васильевичъ.

Авангарду приказано выступить изъ Этрополя, 15-го ноября, сначала на сборный пунктъ у дер. Равны, по двумъ дорогамъ. Правая, по которой отступали турки, была короче, но очень трудная, хотя и не

крутая; а лѣвая—кружная, другимъ ущельемъ, выходящая также къ дер. Равнѣ, была нѣсколько удобнѣе.

До разсвѣта еще, Великолукцы и Псковцы начали движеніе, раздѣливъ поровну всю артиллерію по этимъ двумъ дорогамъ. Хотя снѣгъ прекратился, но грязь была невылазная.

Въ 8 часовъ утра, собравшись на дворѣ начальника авангарда, мы присутствовали при трогательной сценѣ прощанія его съ „мамзелью", хорошенькой сѣрой кобылкой, которая не бралась на Балканы. Это была такая нѣжная, щекотливая, всего пугавшаяся лошадка; такъ кокетливо она выбрасывала свои тонкія ножки, когда горячилась, и такъ легко ступала, прыгая и не зная шагу, даже на походѣ; такъ была красива своими кровными статьями, которыми какъ будто хвасталась, и такъ даже глазки дѣлала, поводя черными зрачками, и показывая большіе бѣлки—что другаго названія ей было бы трудно придумать.

Мы часто недоумѣвали—зачѣмъ генералъ взялъ въ походъ эту „Мамзель", еще не выѣзженную, и совсѣмъ не покойную. Но онъ намъ отвѣчалъ, что „нельзя же въѣзжать въ Константинополь на неуклюжихъ и мужиковатыхъ донцахъ" и что „Мамзель бережется именно для этого случая".

Она поручалась въ Этрополѣ конюху, оставленному при нашихъ повозкахъ, изъ которыхъ мы кое-что выбрали во вьюки, уложенные на болгарскія сѣдла. Все что оставалось въ Этрополѣ, на колесахъ, должно было догнать насъ, когда перевалимъ Балканы!...

По правой дорогѣ на драгунскій бивуакъ у дер. Равны, по которой мы выѣхали изъ Этрополя, — колонна великолукцевъ съ артиллеріей ужасно разтянулась. Хотя общій подъемъ дороги, пролегавшей по скату значительныхъ высотъ, былъ еще не великъ, но она шла такою трущобой, такіе овраги съ крутыми скатами приходилось переходить, что снаряды уже тутъ часто вытаскивали нарукахъ, и лошадей (по 8 на орудіе) замѣнили буйволами, которые тоже стали бы, еслибъ не помогали солдаты и болгары. Грязь по дорогѣ была невообразимая. Оставаясь по нѣсколько времени при каждомъ ящикѣ и орудіи, понукая болгаръ и любуясь выходившимъ изъ себя Адасовскимъ, — мы уже къ полудню, обогнавъ колону, добрались до дер. Равны, гдѣ нашли генерала Гурко, проѣхавшаго туда лѣвою дорогою. Въ одномъ мѣховомъ сюртукѣ, на своемъ Буромъ, онъ стоялъ на пригоркѣ, близь дороги, и нахмурясь поджидалъ начальника авангарда.

— Ваше пр—во! Вѣдь это мы не на Балканы идемъ! Это движеніе, какъ говорится, по Тамбовской губерніи! Не приказано брать повозокъ, а тутъ и патронные ящики, и коляски, мѣшающія орудіямъ.

— Патронные и зарядные ящики я приказалъ везти позади орудій, и они орудіямъ не мѣшаютъ,—отвѣчалъ покойно начальникъ авангарда.—

Пойдутъ они только до этого бивака, гдѣ я оставляю резервъ, и устраиваю складочный пунктъ.

— А чья же это повозка впереди колонны стоитъ? Завязла, и изъ за нея орудія остановились!

— Не видалъ по правой дорогѣ; развѣ на лѣвой...

— Чья это, господа, коляска, на Балканы ѣдетъ? спрашивалъ Гурко, поводя кругомъ глазами.

Явился виновникъ—полковникъ N.

Ну, этому полковнику ужъ и попало отъ Гурки!

Данила Васильевичъ, стоя позади его, только головой помatывалъ и посмѣивался.

Чуждый всякихъ мелочныхъ требованій и формальностей въ боевое время, видѣвшій постоянно впереди только заданную цѣль, и требуя съ желѣзною волею ея непремѣннаго исполненія, Іосифъ Владиміровичъ, при всякомъ обстоятельствѣ мѣшающемъ исполненію дѣла, вспыхивалъ какъ порохъ, хотя по наружности былъ покоенъ. Только голосъ его измѣнялся, и спадалъ на низкія ноты, какъ при командованіи, да въ стиснутые зубы онъ сильно втягивалъ воздухъ. Слова его въ это время рубили какъ палашомъ, того кто ихъ заслужилъ,—и кто бы онъ ни былъ. Гнѣвъ его, однакоже, не имѣлъ ничего обиднаго; лучшее тому доказательство—его ординарцы, которымъ тоже попадало, и которые были привязаны къ нему безгранично, потому что близко его знали. Для тѣхъ кто заслужилъ его выговоръ — подѣломъ; за то всѣ знали, что когда дѣло поправлено,—они могли придти какъ домой, въ его пріемную комнату, гдѣ онъ обыкновенно расхаживалъ въ шведской курткѣ между своими ординарцами и адъютантами, занимавшимися каждый своимъ дѣломъ, и ни мало имъ не стѣснявшимися. Здѣсь, каждый могъ говорить ему прямо свое мнѣніе о чемъ угодно, и чѣмъ рѣзче, тѣмъ лучше, и спорить съ нимъ, хоть до зарѣзу. Незаслуженнаго выговора, за пустяки, за формальности не идущія къ самой сути,—никто отъ него не слыхалъ. Онъ преслѣдовалъ только неисполнительность, небрежность и равнодушіе къ дѣлу. Затѣмъ—обижались его выговорами, и высказанною имъ правдой, только тѣ недотроги, которые считаютъ себя застрахованными отъ всякой вины и отвѣтственности...

— Вѣдь вы сегодня не дойдете до перевала? — спрашивалъ Гурко начальника авангарда, кончивъ свою краткую, но рѣзкую рѣчь къ полковнику N, и успокоившись.

— Я не предполагалъ — по такой дорогѣ и погодѣ. Дай Богъ, къ ночи только стянуть сюда весь отрядъ. Завтра выступимъ засвѣтло, и будемъ на перевалѣ.

— Мнѣ хочется проѣхать по той дорогѣ, гдѣ былъ отбитъ турецкій обозъ; поѣдемте.

— Пожалуйте, ваше пр—во, я проведу, — вызвался Данила Васильевичъ, бывшій, какъ дома, и какъ хозяинъ—желавшій показать свое помѣщеніе.

— Очень благодаренъ, да вотъ тутъ у меня два болгарина обѣщали показать одно мѣсто. Впередъ! крикнулъ Гурко двумъ проводникамъ, стоявшимъ при кубанцѣ внушительнаго вида.

Начальникъ авангарда послалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ ординарцевъ съ приказаніемъ торопить сборъ отряда на бивуакъ, поручивъ начальнику штаба, полковнику Тимроту, размѣстить подходящія части на ночлегъ, и поѣхалъ съ нами за генераломъ Гурко, по лѣвой дорогѣ на перевалъ.

Нѣсколько развалившихся и опорожненныхъ телѣгъ, да свалившійся въ кручу зарядный ящикъ—вотъ все, что осталось на томъ мѣстѣ гдѣ драгуны отбили обозъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ дорога становилась круче, дѣлая частыя колѣна.

— Мнѣ все кажется, что турки не будутъ держаться на перевалѣ; какъ вы думаете? спросилъ Гурко генерала Дандевиля.

— Трудно теперь отгадать. Судя по Этрополю, они плохи; но тутъ они сильнѣе, и говорятъ хорошая позиція.

— Ну, по крайней мѣрѣ, этотъ обозъ служитъ доказательствомъ, что можно, какъ говорится, жить на счетъ турокъ, если не давать имъ опомниться и наступать безъ отдыху. Проѣдемте дальше; гдѣ ваши аванпосты? спросилъ Гурко генерала Краснова.

— На опушкѣ лѣса, подъ редутомъ,—отвѣчалъ Д. В.—Пожалуйте, я проведу.

— Постойте; тутъ есть дорожка влѣво; должны показать болгары. Э! да ужъ одинъ только остался. Смотри-же ты, какъ дойдешь до дороги—укажи.

Болгаринъ замахалъ руками и головой.

Не доходя опушки лѣса, болгаринъ остановился, и указывалъ на дорожку отдѣлявшуюся влѣво, по лѣсной полянкѣ, на гору.

— Ну, веди, что-жъ ты сталъ? спросилъ его генералъ Гурко.

Проводникъ переминался на мѣстѣ, дѣлая умоляющіе жесты.

— Соболевъ! крикнулъ Гурко.

Кубанскій казакъ вылетѣлъ изъ конвоя; но проводникъ, вѣроятно зналъ уже, что значитъ „Соболевъ", какъ заяцъ прыгнулъ на тропу, и побѣжалъ по ней. Всѣ засмѣялись и послѣдовали за болгариномъ. Дорога вывела насъ на спускавшійся обрывомъ въ ущелье каменистый холмъ, (лит. 3 на картѣ) съ котораго виденъ былъ редутъ Гюльдизъ-Табія, верстахъ въ двухъ. Надъ моремъ густаго лѣса, растущаго во впадинѣ, подъ нашими ногами,—онъ гордо высился на снѣжной вершинѣ Шиндарника, окруженной легкимъ туманомъ.

— Ну вотъ это и есть, сказалъ Гурко, слѣзая съ коня и принимая

бинокль отъ адъютанта. Отсюда кажется можно будетъ стрѣлять по редуту?

— И открыть огонь можно будетъ раньше приближенія пѣхоты къ опушкѣ лѣса, отвѣтилъ начальникъ авангарда, разсматривая редутъ.

— Вотъ по этому я и хотѣлъ видѣть это мѣсто. Прикажите здѣсь Ореусу поставить два орудія. Славное мѣстечко!

Близь редута не видно было ни души; только головы турокъ мелькали въ амбразурахъ и поверхъ гребня. Гурко долго разсматривалъ Гюльдизъ-Табію. Полюбовавшись дикимъ и величественнымъ видомъ, мы сѣли на коней, и поѣхали назадъ при спадавшихъ сумеркахъ. Выѣзжая на главную дорогу, Гурко встрѣтилъ драгунскій разъѣздъ, возвращавшійся отъ опушки.

— Ну что? Турокъ видно,—спросилъ онъ.

— Нэ видать, отвѣчалъ старшій.

— Да есть ли турки тамъ, въ редутѣ,—или нѣтъ?

— Нэ видать.

— А около редута, правѣе, есть турки?

— Нэ видать.

— И совсѣмъ, турокъ ты, какъ говорится, не видѣлъ?

— Нэ видать.

Гурко засмѣялся и махнулъ рукой.

— Видно и въ самомъ дѣлѣ не видать, коли такъ упёрся, сказалъ онъ, отъѣзжая отъ драгуна.

— Опушка то лѣса внизу, и съ нее кромѣ горы и редута ничего не видно, объяснялъ ген. Красновъ, а у редута и въ самомъ дѣлѣ никого нѣтъ *).

Къ нашему пріѣзду на драгунскій бивуакъ, послѣдніе ящики, съ гикомъ и шлепаньемъ по грязи подтягивались къ лагерю, освѣтившемуся въ сумеркахъ множествомъ костровъ. Пожелавъ намъ успѣха на завтрашній день, генералъ Гурко уѣхалъ въ Этрополь.

Съ вечера, начальникъ авангарда сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи на перевалъ до разсвѣта, въ $4^1/_2$ часа утра, въ слѣдующемъ порядкѣ.

По правой дорогѣ посылались 2 бат. великолукцевъ, съ командиромъ полка полковникомъ Рыдзевскимъ, съ эскадрономъ драгунъ и саперною командою Николенко впереди, и съ 2 орудіями Адасовскаго. Начальство надъ этой колоной начальникъ авангарда принималъ на себя.

*) Этою рекогносцировкой мы убѣдились, что противъ лѣвой колонны, 15 ноября не было выставлено турками никакихъ передовыхъ войскъ. Полагать надобно, что всѣ они находились противъ правой колоны, и что батарейка (і) подъ редутомъ, (съ точки дебушированія лѣвой колоны, изъ лѣсу, впрочемъ невидимая) была занята турками уже 16-го ноября.

По лѣвой дорогѣ должны были подниматься, за эскадрономъ драгунъ, 2 бат. псковцевъ съ командиромъ полка полковникомъ Зубатовымъ, и 4-мя орудіями Ореуса.

На драгунскомъ бивуакѣ у дер. Равной, должны были оставаться для поданія помощи въ ту колону, въ которую она понадобиться: третьи и батальоны Великолуцкаго и Псковскаго полковъ, 2 эскадрона драгунъ, и 2 орудія батареи Ореуса, при зарядныхъ и патронныхъ ящикахъ, складахъ фуража и сухарей, которые свозились на вьюкахъ изъ Этрополя.

Пробывши цѣлый день на коняхъ, мы сильно устали, но побесѣдовать за чаемъ хотѣлось. Адасовскій все хлопоталъ, спрашивая: „какже-жъ это будетъ? И какъ это мы влѣземъ?“ —Данила Васильевичъ былъ доволенъ; „ну теперь, по крайней мѣрѣ знаемъ“ говорилъ онъ намъ; „лѣзть, такъ лѣзть! А то все щупаемъ!“ Онъ все еще сердился на турокъ за долгое стояніе подъ Этрополемъ, недостаточно выместивъ на нихъ свою досаду. Къ тому же теперь онъ имѣлъ на нихъ новую претензію: зачѣмъ они такой сильный редутъ выстроили на Шиндарникѣ? „И все вѣдь это они копаютъ, роются, — ровно кроты какіе! А выходи-ка въ поле на чистоту? Такъ нѣтъ! Не хотится имъ!“ объяснялъ онъ намъ турецкую тактику. Начальникъ авангарда отдавалъ послѣднія приказанія другимъ начальникамъ.

Мало спали въ авангардѣ въ ночь съ 15 на 16 ноября. Приготовленія къ движенію, собраніе и распредѣленіе по орудіямъ канатовъ, лямокъ, постромокъ, воловъ, болгаръ—непрерывались; цѣлую ночь подходили отставшіе вьюки, и другіе — съ фуражемъ и провіантомъ для склада. Патронные ящики, громоздкіе и неуклюжіе — всѣхъ замучили; ихъ и по ровному мѣсту едва тащили, вынимая жестянки съ патронами на половину. Выступать надобно было очень рано, и готовиться къ выступленію стали съ 3 часовъ утра, когда генералъ Красновъ, съ драгунами, не вытерпѣвши уѣхалъ впередъ, хотя было совсѣмъ темно. Занимъ вскорѣ выступили саперы; артиллеристы начали запрягать воловъ, по 4 и по 6 паръ подъ каждое оружіе.

Лошади оставались при зарядныхъ и патронныхъ ящикахъ на бивуакѣ. Всѣ эти сборы дѣлались при свѣтѣ костровъ, въ присутствіи начальника авангарда, придиравшагося къ каждой мелочи по части подъемныхъ средствъ. Адасовскій, съ фуражкой совсѣмъ съѣхавшей на затылокъ, бѣгалъ даже не лѣниво. Вокругъ 9-ти фунтовыхъ орудій, постоянно перемѣнялась толпа Великолукцевъ, внимательно ихъ оглядывавшихъ,—какъ дѣлаютъ носильщики тяжестей, прежде чѣмъ ихъ поднять. Окончивъ осмотръ орудій, одного и совершенно такого же дру-

таго, со всѣхъ сторонъ, они потомъ молча посматривали другъ на друга, или тряхнувъ головой отходили, не подѣлившись тутъ ни съ кѣмъ своими заключеніями. Тѣмъ, которые долго засматривались на орудія, или подходили очень близко, несообщительный и серьозный фейерверкеръ, съ важностью стоявшій у хобота, говорилъ сквозь зубы:

— Ну вы! чего не видали? Экое диво. Пошелъ прочь.

— Да мы такъ—ничево, отвѣчали Великолукцы, медленно поворачиваясь отъ орудій.

Въ $4^1/_2$ часа наконецъ тронулись орудія. Заднимъ приказано неотставать, и переднимъ—поджидать ихъ; пѣхотѣ — идти при орудіяхъ; снаряды нести въ рукахъ, для чего назначены особыя команды,—и чаще смѣнять людей назначаемыхъ, для помощи буйволамъ, къ подъему орудій. Въ отличномъ порядкѣ тронулись 4-хъ фунтовыя орудія Ореуса, который носился лансадами на лихомъ конѣ; какъ истый кавалеристъ, онъ не снималъ съ него мундштука, хотя всѣ уже давно ѣздили безъ нихъ. Но его орудія были гораздо легче, хлопотъ за ними было меньше, и подъемъ предстоялъ имъ лучшій. На бѣду, обледѣневшая отъ мороза дорога сдѣлалась скользкою. Буйволы падали на первыхъ шагахъ, такъ что солдаты и болгары сейчасъ же должны были взяться за канаты и лямки. Все же это было лучше вчерашней грязи. Простившись съ Ореусомъ и полковникомъ Зубатовымъ, и давши имъ въ проводники болгарина, вчера показывавшаго Гуркѣ дорогу, начальникъ авангарда отправилъ полковника Рыдзевскаго, совсѣмъ больнаго, но нехотѣвшаго ни за что оставить полка, и взволнованнаго Адасовскаго, надѣвшаго шапку на брови,—и лѣниво прикладывавшаго руку къ козырьку.

Когда генералъ спросилъ его: „Трудненько будетъ! А влѣземъ?“ онъ отвѣчалъ только своей поговоркой: „съ мѣста! ваше п—во.“

Затѣмъ генералъ вошелъ въ свою палатку, а мы легли уснуть до разсвѣта.

Въ $7^1/_2$ часовъ мы были уже на ногахъ, и вышли къ начальнику авангарда, отдававшему приказанія резерву—быть въ постоянной готовности къ движенію, и выставить посты конной почты, когда мы поднимемся на перевалъ. Наконецъ мы выѣхали молча, вслѣдъ за колоною Великолукцевъ.

Вскорѣ послышались крики и понуканья тащившихъ орудія, по открытой части подъема, на концѣ которой дорога входила въ лѣсъ, поднимаясь все выше и выше. Затѣмъ представилась намъ полная картина мудреной работы, которою занята была почти треть всѣхъ людей отряда, попеременно. Взошедшее солнце растопило ледяную кору на отвердѣвшей грязи, и дѣло шло успѣшнѣе; волы крѣпко упирались ногами; оживленіе вокругъ орудій было необыкновенное. Слѣдъ бывшей дороги существовалъ, но съ перваго взгляда этотъ слѣдъ производилъ

тоже впечатлѣніе, какъ зимняя, избитая, вся въ ухабахъ дорога, по которой именно, казалось-бы, и не слѣдовало ѣхать сберегая бока; а больше ѣхать нигдѣ нельзя—увязнешь. Обнаженные изъ подъ почвы, огромные каменья вымытые дождями, какъ будто нарочно были крѣпко вдѣланы на дорогѣ, чтобы по ней не было проѣзда; и вотъ по этой-то, крутыми колѣнами поднимающейся въ гору природной мостовой, тянули Великолукцы, болгары и волы наши 9-ти фунтовыя орудія. Съ завистью глаза останавливались на окружающихъ, мѣстами еще зеленѣющихъ, или покрытыхъ лѣсомъ, гладкихъ крутизнахъ и покатостяхъ.

По мѣрѣ того, какъ пригрѣвало солнцемъ, между этими дорожными камнями, образовывались все бóльшія лужи, покрывавшія топкую грязь; изъ нея буйволы вытаскивали съ трудомъ свои короткія ноги, которыя потомъ съ большимъ неудовольствіемъ должны были поднимать на камни. Къ счастью, Великолукцы, недаромъ осматривавшіе орудія, запаслись такими здоровыми лѣсинами, что подкладывая ихъ подъ оси, въ случаѣ остановки орудій въ ямахъ, живо вывертывали ихъ на камни, да и саперы, шедшіе впереди съ ротою Великолукцевъ, наполняли нѣсколько эти ямы мелкими камнями.

Однако, вообще подъемъ орудій дѣлался очень медленно, и еще болѣе затянулся, когда дорога по камнямъ оказалась въ одномъ мѣстѣ, недоходя лѣсу, до такой степени размытою водою, что ее привелось бросить, и когда по указанію проводниковъ мы повезли орудія по другому слѣду, болѣе гладкому, но и болѣе грязному. По словамъ болгаръ, самыя большія затрудненія ожидались въ лѣсу, куда уже давно вступили драгуны, и на опушкѣ котораго 2-я стрѣлковая рота Великолуцкаго полка дѣлала привалъ.

Орудія—привала не дѣлали, потому что остановки были безпрестанныя. Во время этихъ остановокъ, происходившихъ тогда, когда орудіе попадало или въ глубокую грязь, или въ глубокую яму между камнями,—Великолукцы и болгары отдыхали, съ минуту оглядывая колеса, совѣтуясь и споря, какъ бы выручить орудія изъ бѣды. Наконецъ кого нибудь осѣняла счастливая мысль, онъ смѣло выступалъ впередъ, самоувѣренно командовалъ, всѣ бросались къ дѣлу, подкладывали лѣсины, прицѣпляли лямки, разгребали кое гдѣ лопатами, вооружались хворостинами на буйволовъ, поправляли ихъ упряжь, и потомъ сразу, все это кричало, налегало, тащило, хлестало, махало, — и орудіе выносилось какъ перышко, и катилось, сопровождаемое крикомъ, ободряющимъ буйволовъ,—до слѣдующей калдобины, когда крики разомъ прекращались, и всѣ принимались опять за оглядываніе, и проч. Издали вся эта толпа при орудіяхъ походила на муравьевъ, которые тащатъ что нибудь тяжелое на горку своего муравейника; а вблизи, подъемъ орудій представлялъ ни дать ни взять, картину застигнутаго распутицей, на одной

изъ нашихъ дорогъ ремонтируемыхъ природой, какого нибудь тяжелаго обоза съ рыбой, гдѣ каждый возъ, при всякомъ подъемѣ, и на каждой ямѣ, требуетъ впряганія чуть не всѣхъ воловъ, и усилій чуть не всѣхъ извощиковъ обоза.

Мы ѣздили за начальникомъ авангарда, отъ одного орудія къ другому, понукая, совѣтуя, шутя съ солдатами, которыхъ какъ будто забавляла эта непривычная, хитрая работа. Фейерверкеры уже не гнали отъ орудій, на перерывъ смѣнявшихся Великолукцевъ; тѣ изъ нихъ, которые не работали—несли ружья и вещи товарищей, или снаряды, вынутые изъ передковъ.

Только къ 10-ти часамъ утра, добрались орудія до опушки лѣса, гдѣ начальникъ авангарда слѣзъ съ коня для отдыха. Судя по скорости движенія по пройденой, легчайшей части подъема, мы были на его серединѣ, и могли дойти до перевала къ сумеркамъ. Драгунскіе разъѣзды, давно находившіеся въ лѣсу, не доносили о непріятелѣ. Данила Васильевичъ докладывалъ, что „попрятались вѣрно шельмецы — не любятъ они изъ норы выходить!"

Въ лѣвой колоннѣ, выстрѣловъ также не было слышно. Стало быть если и встрѣтятъ насъ турки—то на самомъ верху, въ сумерки, и тогда поздно будетъ посылать за подкрѣпленіемъ. Начальникъ авангарда послалъ приказаніе: третьимъ батальонамъ, оставленнымъ на драгунскомъ бивуакѣ, идти каждому на присоединеніе къ своему полку, чтобъ каждая колона имѣла равныя силы, при равной для обѣихъ неизвѣстности о намѣреніяхъ турокъ. 2-я стрѣлковая рота съ саперами послана впередъ, для безсостановочнаго слѣдованія до перевала и его занятія; она поручалась командиру 2-го батальона маіору Беатеру, извѣстному уже своимъ отличіемъ при взятіи Тетевена.

По совѣту Георгія Антонова, хорошо знавшаго дорогу, оба орудія, уже отдѣленныя отъ передковъ, послали впередъ, потому что „на самомъ перевалѣ, говорилъ онъ, прежде всего потребуются орудія, которыхъ передки задерживать не должны, а объѣзжать ихъ до перевала— и думать нечего; дорога узкая".—Адасовскій охотно послушался Георгія Антонова, вѣроятно уже упражнявшагося въ подобныхъ операціяхъ, подъ наблюденіемъ турокъ,—и находилъ даже, что совѣтъ очень остроуменъ.

Лѣсомъ—потребовалась работа совсѣмъ другая. Дорога пошла постепенно выше и выше поднимающимся карнизомъ, съ одной стороны котораго стояли крутые скаты гигантскаго гребня Греата, а съ другой— они же обрывались въ глубокое ущелье. Справа и слѣва обставляли дорогу дубы и буки Балканскіе, громадныхъ размѣровъ; между ними дорога дѣлала частые и короткіе повороты. Поэтому, буйволы оказались вскорѣ безполезными; первыя уносныя пары этой неуставной упряжки поворачивали направо и потомъ налѣво, въ то время какъ дышловые

или коренные буйволы, еще не дотягивали орудіе до перваго поворота. Пришлось буйволовъ изъ уносовъ выпрячь, оставивъ по одной парѣ подъ каждымъ орудіемъ и передкомъ; затѣмъ пришлось везти ихъ почти исключительно на рукахъ, поддерживая хоботы постоянно на вѣсу. Дорога совершенно потеряла всякое право называться этимъ именемъ. Это была просто, вырубленная по крутому скату между деревьями и ихъ корнями, просѣка,—шириною не вездѣ достаточная, чтобъ протащить орудіе, и мѣстами—съ такимъ же наклономъ въ ущелье, какъ и вся крутизна. По этой просѣкѣ, лишенной выбитой когда-то, и вымытой дождями земли, виднѣлись только скалы, разной величины, не образующія даже подобія ступеней. Это былъ повидимому природный грунтъ дороги, на которомъ было во время оно складено полотно изъ мелкаго камня, унесеннаго теперь въ русло Сухой рѣки. Грязи здѣсь было правда меньше. Солнце слабо проникало въ чащу лѣса, въ которомъ было холоднѣе, и потому между деревьями лежалъ довольно толстый слой снѣгу.

Саперная команда, которая ничего не могла подѣлать съ этой дорогой, оказала однако огромную услугу тѣмъ, что очистила ее отъ заваловъ изъ деревьевъ, срубленныхъ у дороги, и поперегъ ея сваленныхъ. Болгары говорили, что эти барикады устроены были ими противъ турокъ; однако-жъ солдаты имъ не вѣрили, спрашивая: „а коли вы дѣлали—такъ зачѣмъ басурманъ къ себѣ пущали?“

Однако чѣмъ невозможнѣе становился подъемъ, тѣмъ оживленнѣе и веселѣе становились Великолукцы, не отходившіе отъ орудій, и начавшіе относиться къ своему труду съ какою-то яростью.

— Должно быть недалече, братцы, говорилъ одинъ солдатъ на передышкѣ.

— А что?

— Да больно ужъ круто стало! заключалъ онъ не совсѣмъ логично.

— А ты не видалъ, поди, горъ-то! Еще круче будетъ; этакія-то и у насъ есть!—спорилъ съ нимъ другой—очевидно скептикъ.

— Да! какже! Ты таскалъ что-ли по нимъ? Нѣтъ, братецъ мой; это басурманскія, чтобъ имъ провалиться!

— Ну-у, болтай тамъ! Берись ребята! Ну-ка разомъ, у-у-ухъ!—Эге-ге! Пошла, пошла матушка, кати ее, не пущай, ого-го-го! Дуй воловъ-то, не жалѣй!—Эхъ-ма! Стой братцы. . страсть завязили!!!... Ахъ! чтобъ тебя... Тутъ, братецъ ты мой, и матушку и батюшку припомнишь!—Только быками-бы и тащить этакую матушку; она себя покажетъ! Вишь братцы, ногу какъ ободрала!

— Ну-ка берись за матушку! Еще! разъ! Улю-лю! Идетъ, идетъ матушка!

У другаго орудія, хохочущіе Великолукцы кричали:

— Ну-ка, батюшка, поспѣвай!—отъ матушки не отставай! — Вали его, вали!...

Такъ до самаго перевала и называли всѣ—головное орудіе „матушкой“, — а второе — „батюшкой“. Адасовскій тоже посылалъ людей на смѣну:

— Вы ребята—къ матушкѣ; а вы—къ батюшкѣ. Что тамъ съ матушкой стали опять! Бери, съ мѣста!...

Такъ подвигались мы — медленно; а все-таки лѣзли не останавливаясь, ближе и ближе къ цѣли.

Начальникъ авангарда уѣхалъ впередъ съ Данилою Васильевичемъ къ маіору Беатеру.

Было около 2 часовъ пополудни. Жевавшіе по временамъ сухари, моченые въ снѣжной водѣ, Великолукцы и болгары сильно проголодались, но объ отдыхѣ и не думали,—только чаще перемѣнялись при орудіяхъ и при носкѣ снарядовъ. На солнце стали наволакиваться облака... Мы находились на самомъ трудномъ и неудобномъ мѣстѣ подъема... Вдругъ совершенно неожиданно, впереди и правѣе насъ—выстрѣлъ, другой,—потомъ залпъ,—и загрохотала въ лѣсу перестрѣлка... Великолукцы, а съ ними и всѣ офицеры, съ крикомъ ура, бросились къ головному орудію, разомъ схватили его за что попало, съ безотчетнымъ побужденіемъ помочь передовымъ... на буйволовъ посыпались удары, и „матушка“ довольно скоро двинулась впередъ, при общемъ понуканіи. Вотъ впереди послышалась, раскатившаяся по лѣсу, громкая команда начальника авангарда... словъ не разобрали... орудіе засѣло однимъ колесомъ между какими-то корнями и остановилось, крики смолкли—перестрѣлка разгоралась и слышалась уже совсѣмъ вправо отъ насъ... по деревьямъ вверху, что-то чиркало и шлепалось все чаще и чаще,—вверхъ по скату котораго вершина терялась въ лѣсу, ничего не было видно... прошло нѣсколько томительныхъ минутъ ожиданія... Мы сѣли верхомъ и бросились вверхъ по дорогѣ, отыскивать генерала.

Вскорѣ мы встрѣтили его, на поворотѣ, спускавшагося къ намъ отъ Беатера и остановившагося предъ двумя солдатами, сидѣвшими подъ деревомъ.

— Вы что тутъ дѣлаете? спросилъ онъ ихъ строго.

— Сейчасъ, ваше пр—во, вотъ только портянки—ноги стерли.

— Живо догоняй роту—и въ цѣпь...

Обувшись, Великолукцы побѣжали въ кручу.

— Ну вотъ, господа, вы хотѣли дѣла—и дождались. Беатера встрѣтили уже на перевалѣ—залпомъ. Онъ теперь на опушкѣ и сидитъ крѣпко.

— Орудія остановить! Снаряды сложить въ одно мѣсто! Гг. ротные командиры, соберите роты—и направо разсыпайте цѣпь. Проѣзжайте,

господа, кто-нибудь, назадъ по дорогѣ,—соберите отсталыхъ, торопите всю пѣхоту сюда, и роту арріергарда. Турки—вотъ по всему этому гребню. Которая рота? обратился генералъ къ строившейся у орудія кучкѣ, фронтомъ къ выстрѣламъ.

— Вторая.

— Разсыпьте цѣпь и подвиньтесь вверхъ!

— Одна за другой выстраивались при дорогѣ роты Великолукцевъ, сложивъ снаряды въ передки, и у головнаго орудія, и посылались—2-го батальона впередъ, къ маіору Беатеру, а прочія вправо,—одна возлѣ другой—въ цѣпь и поддержки.

Великолукцы какъ будто не уставали, исполняли всѣ команды чуть не бѣгомъ, и живо разсыпали и сомкнули цѣпь по кручѣ, потомъ тронулись вверхъ—не стрѣляя, потому что никого и не видно было;—только все ниже спускалось по сучьямъ щелканье пуль сыпавшихся какъ горохъ. Шедшій черезъ силу пѣшкомъ полковникъ Рыдзевскій посланъ былъ начальникомъ авангарда устроить перевязочный пунктъ, тамъ гдѣ встрѣтитъ докторовъ съ ихъ вьюками. Маленькій эскадронъ драгунъ спускался отъ маіора Беатера.

— Хороши развѣдчики! крикнулъ на нихъ генералъ. Я васъ! Слѣзай! Коноводы внизъ! Возьмите ихъ въ прикрытіе, полковникъ Рыдзевскій, на перевязочный пунктъ; больше нечего дать; роты посылайте всѣ сюда.

— Драгуны впередъ! въ цѣпь—маршъ!

Сплошавшіе драгуны, чувствуя свою вину, живо разсыпались въ лѣсу, примкнувши къ лѣвому флангу 1-го батальона.

— Имъ ужъ досталось отъ Данила Васильевича, говорилъ смѣясь генералъ. Они на перевалѣ очутились за пѣхотой.

— А вотъ кто-то оттуда!

По дорогѣ, гдѣ рысцой, гдѣ спотыкаясь, спускался верхомъ, съ перевала офицеръ, посланный маіоромъ Беатеромъ доложить, что хотя у него есть потеря, но онъ на опушкѣ держится хорошо, отстрѣливается и турки его не атакуютъ.

— Ну, тутъ ладно; тутъ и Данила Васильевичъ. Поручикъ Минглетъ, узнайте мнѣ, далеко-ли 3-й батальонъ и торопите его...

Ординарецъ драгунскаго полка, чуть не буквально—сломя голову исчезъ внизъ по дорогѣ.

— Ваше пр—во какъ же это будетъ? спрашивалъ озадаченный Адасовскій. Когда же влѣземъ? Чтожъ тутъ стоять! И никого, съ мѣста, не видно!

— А вотъ если отобъемъ, такъ влѣземъ. Теперь везти орудія—нельзя. Вонъ что они дѣлаютъ,—отвѣчалъ ему генералъ съ озабоченнымъ видомъ, прислушиваясь къ выстрѣламъ турокъ подвигавшимся все ближе

и ближе къ нашему тылу. Наша цѣпь еще молчала, не видя противника, къ которому медленно подвигалась по кручѣ. Странною казалась намъ эта неумолкаемая пальба сверху по лѣсу, въ которомъ турки насъ только слышали, но видѣть не могли. Такъ и хотѣлось вонъ изъ лѣсу, какъ говорилъ Данила Васильевичъ—на чистоту, и такъ надоѣло это стучаніе по вѣткамъ пуль, Богъ вѣсть откуда сыплющихся...

Подошла послѣдняя рота 1-го батальона, бывшая въ хвостѣ колонны, и выстраивалась у дороги.

— А эта-жъ рота, съ мѣста, куда пойдетъ! спрашивалъ недоумѣвающій Адасовскій.

— Вправо на верхъ! Въ поддержку праваго фланга цѣпи! Оставить полроты при орудіяхъ! приказалъ начальникъ авангарда.

Другая странность. Непріятеля, и даже дыма выстрѣловъ его, никто не видалъ, но каждый ясно себѣ представлялъ его на гребнѣ, откуда сыпались пули; поэтому ни разу не ошибся въ направленіи ни одинъ взводъ, ни одна кучка, которые прямо шли на выстрѣлы, за своими офицерами, куда слѣдуетъ, безъ всякихъ разъясненій; и когда цѣпь скрылась изъ виду между деревьями, каждый изъ насъ зналъ, въ какомъ направленіи, какую онъ долженъ найдти роту; такъ — движеніе ихъ отъ насъ впередъ, и самыя простыя, при этомъ сказанныя слова,— врѣзывались невольно въ воображеніи...

— Прикажете окопаться? спросилъ генерала молодой исправный офицеръ, оставленный съ полу-ротой при орудіяхъ.

Генералъ улыбнулся; но потомъ очень серьезно разрѣшилъ, и указалъ мѣсто на крутомъ скатѣ правѣе дороги.

Полурота живо начала строить завалъ изъ снѣгу, земли, вѣтвей и камней; хотя онъ почти никого не закрывалъ, но люди занялись. Впрочемъ и всѣ оставшіеся при орудіяхъ артиллеристы, спокойно похаживавшіе около нихъ, собирали канаты, упряжь, укладывали снаряды, пожевывали сухари, перебирали вещи въ мѣшкахъ, курили трубки; каждый искалъ себѣ какое нибудь занятіе. Только болгары, спустившіеся съ волами влѣво отъ дороги въ оврагъ, улеглись плашмя и совсѣмъ скрылись между деревьями.

Хладнокровный Ермаковъ собралъ около себя кучку артиллеристовъ и что-то имъ серьезно объяснялъ; оказалось, что онъ имъ совѣтовалъ, въ случаѣ натиска турокъ, и если намъ будетъ плохо — не сдаваться живьемъ, и приказывалъ взорвать передки, когда они насъ задавятъ числомъ...

Нетерпѣливый Адасовскій ходилъ отъ одного орудія къ другому.

— Однако-жъ, какое глупое положеніе,—говорилъ онъ, размахивая руками. Такъ, съ мѣста, и вляпались! Стрѣлять нельзя, а по насъ стрѣляютъ! И хоть бы одного чорта видно!

— Ваше пр-во! позвольте мнѣ вонъ туда повернуть орудіе и зарядить картечью. Если они сюда полѣзутъ, я вѣдь ихъ, съ мѣста, такъ и хвачу!

— Поворачивайте и заряжайте,—отвѣчалъ генералъ. Какая тутъ пальба!

— Да все-жъ какъ-то лучше...

Орудіе повернули, и подняли дуло къ верху. Черезъ окопъ, между деревьями, оно могло прыснуть картечью шаговъ на 60.

Скачетъ съ низу Минглетъ на прыгающемъ огромными скачками конѣ, ободравшемъ ноги о камни, и докладываетъ, что 3-й батальонъ великолукцевъ видѣнъ съ опушки, идетъ быстро, и еще поспѣшилъ, на его знаки, но еще версты 3 или 4 до него будетъ; что перевязочный пунктъ помѣстился въ овражкѣ, у ключа внизу, въ полуверстѣ, что тамъ двухъ лошадей драгунскихъ ранили пули, сыплящіяся сверху, гдѣ, однако, за лѣсомъ никого не видно...

Но вотъ отчетливо забухали наши крынковскія винтовки въ цѣпи, добравшейся, должно быть, на видъ турокъ. Великолукцы стрѣляли не торопясь, ровнымъ, обычнымъ и нечастымъ огнемъ. Концертъ пальбы сдѣлался полнѣе; но стучаніе турецкихъ пуль стало еще ниже спускаться по вѣткамъ.

— Ага! наконецъ! проговорилъ генералъ, услыхавъ огонь нашей цѣпи.—Однако, господа, покуда не подойдетъ 3-й батальонъ—намъ дѣлать нечего. Все въ порядкѣ, и можемъ ждать покойно. Не знаю, какъ вы, а я голоденъ какъ собака. Карташевъ! гдѣ наши вьюки?

— Не могу знать, не видно было.

— Нѣтъ ли, господа, у кого рюмки водки, да чего нибудь поѣсть?

— А какже-жъ! обрадовался запасливый Адасовскій. — Да вѣдь у насъ же все есть. Эй! давай закуску! Не угодно ли, съ мѣста, водки!

Всѣ обрадовались этому неожиданному развлеченію, и бутылка Адасовскаго рисковала сильно пострадать, судя по числу охотниковъ утолить апетитъ. Къ счастью, это оказалась бутылка спирту, и чарочка Адасовскаго была соразмѣрна съ его крѣпостью. За бутылкой появилась откуда-то жареная баранья нога успокоительныхъ размѣровъ, ножи, хлѣбъ,—и мы разсѣлись за трапезу, у повороченнаго къ туркамъ орудія; только порой, кто-нибудь изъ принявшихся съ жадностью за ѣду, быстро поворачивалъ голову, на звукъ щелкнувшей о дерево пули, или съ досадой смотрѣлъ на верхъ.

— Такъ вотъ это дѣло! говорилъ развеселившійся Адасовскій, вооружась бараньей костью, и сваливъ шапку на затылокъ.—Такъ, просто, съ мѣста, по тебѣ стрѣляютъ; а ты не моги! Не зналъ!

— А чтожъ? Интересно? спрашивалъ генералъ, прислушиваясь къ пальбѣ.—Хорунжій Мишеровъ, ступайте на правый флангъ цѣпи, или вотъ

на поддержку; передайте, чтобы всѣ подались вправо. Турки все намъ въ тылъ наровятъ. А! вотъ тамъ и наши винтовки! — Ступайте, объявите, что 3-й батальонъ подходитъ. А вотъ и раненые; выгоните, господа, нѣсколько болгаръ.

— Замочниковъ, обратился генералъ къ геодезисту, снимавшему маршрутъ нашего подъема; съѣздите пожалуйста въ 3-й батальонъ; поторопите еще.

Пальба однако не умолкала; крынковскія винтовки начали чаще работать въ нашемъ тылу; пули стали чаще падать около насъ; очевидно—турки спустились съ гребня; чья-то лошадь визгнула и запрыгала; подъ Ермаковымъ бухнулъ пробитый барабанъ. Онъ вскочилъ, но сейчасъ-же сѣлъ на него, и посмотрѣлъ кругомъ; всѣ разсмѣялись. Адасовскій, разсказывавшій что-то генералу у огромнаго дуба, вдругъ отъ него отскочилъ, такъ что фуражка, державшаяся на его затылкѣ какимъ-то чудомъ равновѣсія,—свалилась съ головы. Потомъ онъ медленно сталъ разсматривать дерево, нашелъ пулю и трогая ее пальцемъ, пресерьезно произнесъ: О! съ мѣста могла уложить, проклятая! и разразился хохотомъ.

— Да что вы тамъ разыскиваете, смѣялся надъ нимъ генералъ. Вы непривыкли; не нужно на это вниманія обращать, а то вѣдь и позавтракать не успѣете.

— Ваше пр—во, у насъ и красное-жъ вино есть, вспомнилъ Адасовскій.

— Очень радъ! а ту бутылку, господа, поберегите.

Покуда генералъ писалъ какую-то записку, мы подошли къ раненымъ, собравшимся кучкой у орудія на дорогѣ.

— Видно вамъ турокъ? много-ли ихъ? спрашивали мы.

— Ничего не видать, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ легко-раненый, только кругомъ трещитъ.

— Что же, вы на нихъ наступали, или они на васъ?

— И мы на нихъ, ваше благородіе, и они на насъ—ничего не разберешь; про то, офицеры знаютъ!

— Да ты скажи, далеко они отъ васъ, въ цѣпи-то, или близко? разспрашивалъ Лебединскій, отрядный адъютантъ.

— Какое близко! ваше благородіе, съострилъ маленькій бойкій солдатикъ, съ окровавленной ногой,— другъ дружку пыряютъ.

— Эхъ Савельичъ! какъ тебя! говорили солдаты и офицеры, обступивши носилки съ унтеръ-офицеромъ, остановившіяся у окопа. Куда это? Эхъ братъ, жалко.

— Въ животъ, ваше благородіе, вотъ съ боку; ничего, скрозь! говорилъ морщась Савельичъ, показывая на рану.

— Надо скорѣе перевязать!

— Ничего, ваше благородіе; а если и помру, такъ вѣдь всѣхъ неперебьютъ; въ Россіи мужиковъ много,—другихъ пришлютъ, а ужъ, по крайней мѣрѣ, имъ прóклятымъ не уйдти.... бодро и съ твердымъ убѣжденіемъ говорилъ Савельичъ.

— Ваше благородіе! говорили нѣкоторые раненые, плетясь мимо и подпираясь,—пошлите прибрать—тутъ вонъ есть... сами идти не могутъ...

Послѣднюю черту мы подмѣчали у раненыхъ, въ каждомъ дѣлѣ; всегда кто нибудь изъ нихъ вызщется на заботу о товарищахъ.

Начальникъ авангарда послалъ свою записку съ конвойнымъ казакомъ, къ генералу Гурко, въ Этрополь. Послѣ мы узнали, что опасаясь занятія турками дороги въ нашемъ тылу, онъ послалъ начальнику отряда тревожную записку, сообщая о положеніи и, прося поддержки.

Болѣе часу уже тянулась безпрерывная пальба; силы турокъ ничѣмъ не выяснились. Мы, какъ говорится, въ усъ недули, и только часто поглядывали на генерала, посматривавшаго на часы. Однако что-то ужъ прискучать стало; позади насъ по временамъ пальба усиливалась, сливаясь на минуту въ сплошное грохотанье.

— Ничего, пусть ихъ! отвѣчалъ генералъ, когда ему на это указывали.

Вотъ, сильно нахлестывая своего спотыкающагося маштака, спѣшитъ съ низу Замочниковъ, и издали кричитъ начальнику авангарда:

— Батальонъ въ лѣсу! Передовые ужъ близко, вотъ тутъ!

— Ну-ка, Лебединскій, везите Беатеру приказаніе—со 2-мъ батальономъ ударить въ штыки; да крикнуть такъ, чтобъ чертямъ было тошно... Здѣсь подхватятъ! А вы, Замочниковъ, пожалуйста, еще въ 3-й батальонъ,—чтобъ подобрались, и прямо въ гору; да чтобъ!.. кричалъ ему въ слѣдъ генералъ, показывая кулакъ; но Замочниковъ уже повернулъ маштака и исчезъ внизу.

— Съ Богомъ! Что будетъ!

Долго тянулись нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, вдругъ— у всѣхъ конечно, сердце дрогнуло—далеко впереди послышалось турецкое „алла! ла! ла!..“ Но это было мгновеніе.—Русское ура! вслѣдъ затѣмъ же загремѣло по лѣсу, заглушая турецкій кличь, и быстро несясь вправо по гребню; потомъ позади насъ оно закончилось громовымъ хоромъ 3-го батальона, по дружному крику котораго замѣтно было, что онъ полѣзъ въ гору всей громадой. Прикрытіе наше похватало ружья, вмигъ собралось въ кучу, и бросилось было въ гору...

— Стоять! крикнулъ офицеръ.—Куда?!

Сразу прекратилось надоѣвшее чирканье по сучьямъ,—ура покатилось за гребень, удаляясь, и смѣшалось съ живой перестрѣлкой...

— Впередъ, штабсъ-капитанъ Адасовскій! скомандовалъ генералъ.— Берись ребята. Гоните болгаръ.—Лошадь! *)

Артиллеристы, ординарцы, полурота прикрытія, офицеры, какъ изъ земли выросшіе болгары, даже раненые — съ громкимъ ура! схватились за „матушку", и потащили ее за генераломъ, безъ воловъ, безъ постромокъ, за что попало,—съ невиданною силой; другіе взялись за снаряды. Протащивъ, безъ отдыха, головное орудіе съ полверсты, по лучшей уже дорогѣ, при звукахъ удаляющейся и стихавшей перестрѣлки, мы услыхали впереди изъ-за ущелья слабый пушечный выстрѣлъ.

---

*) Въ моментъ атаки, расположеніе нашей колонны, снятое послѣ дѣла Замочниковымъ было приблизительно—какъ указано на планѣ (б. в. в. д.).

Изъ разсказа очевидца видно, что когда Мехмедъ-Али, узнавъ о нашемъ наступленіи въ 1 часъ пополудни (по нашимъ часамъ—позднѣе), поспѣшилъ въ редутъ Гюльдизъ-Табію, онъ услыхалъ въ сѣв.-в. направленіи, оживленную перестрѣлку, только изрѣдка сопровождавшую пушечными выстрѣлами (въ это время, наши орудія еще не стрѣляли). Перестрѣлка замѣтнымъ образомъ приближалась, свидѣтельствуя объ успѣшномъ наступленіи русскихъ (мы стояли почти два часа на мѣстѣ), которымъ батальоны мустафиза, предводительствуемые Ибрагимомъ-пашой, уже два часа оказывали упорное сопротивленіе (до прихода 3-го батальона, не зная числа турокъ, мы стояли, ожидая атаки съ ихъ стороны). Одинъ изъ батальоновъ редифа, бывшихъ въ Гюльдизъ-Табіи, посланъ былъ для подкрѣпленія лѣваго фланга передовыхъ войскъ (стало быть къ гребню Греата), съ цѣлью, воспрепятствовать русскимъ утвердиться на плоской возвышенности, лежащей къ сѣв.-в. отъ Гюльдизъ-Табіи, (недурно, но—невышло). Затѣмъ „очевидецъ" говоритъ объ артиллерійской перестрѣлкѣ,—о чемъ слѣдуетъ ниже, потому что она происходила позднѣе. Далѣе „очевидецъ" продолжаетъ: „Около 3-хъ часовъ пополудни къ Гюльдизъ-Табіи подошли еще 2 батальона редифовъ изъ Босніи; ихъ немедленно выдвинули впередъ, въ сѣверномъ направленіи, на подкрѣпленіе батальоновъ мустафиза, чтобъ по возможности отдѣлить русскія войска, наступающія съ сѣвера, отъ тѣхъ, которыя появились съ восточной стороны (лѣвая колона Псковскаго полка еще недошедшая до опушки лѣса. Соображено хорошо, но не исполнено). Мехмедъ-али самъ проводилъ эти два батальона редифовъ до стрѣлковыхъ ровиковъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Гюльдизъ-Табія (вѣроятно лит. і. гдѣ потомъ были турецкія орудія), и безуспѣшно выгонялъ оттуда фухтелями попрятавшійся $^1/_2$ батальонъ мустафиза. За тѣмъ „оба батальона редифовъ, съ крикомъ „аллахъ!" двинулись по указанному направленію и завязали перестрѣлку съ непріятелемъ. Вскорѣ однакожъ они должны были прекратить огонь, вслѣдствіе того, что людямъ, вооруженнымъ снайдерокскими ружьями, были розданы патроны для ружей Генри Мартини. (Счастливое для насъ обстоятельство). Тогда ихъ отважные начальники приказали атаковать русскихъ штыками. Атака эта кончилась неудачею." (Очевидно, она совпала съ нашею атакой; крикъ турокъ послышался даже раньше нашего). — Такимъ образомъ противъ насъ, въ моментъ атаки было на гребнѣ Греата: $3^1/_2$ бат. мустафиза изъ Этрополя ($^1/_2$ бат. въ насыпи і,) и 3 бат. редифа: $6^1/_2$ батальоновъ. Считая въ мустафизѣ по 450 чел., а въ редифахъ по 600 чел. въ батальонѣ, по словамъ очевидца, — выходитъ, что въ началѣ боя противъ 2-хъ батальоновъ Великолукцевъ было 1625 чел., а потомъ, во время перестрѣлки, это число увеличилось однимъ бат. редифа—и дошло до 2225 чел., въ минуту же атаки, когда у насъ всѣ 3 батальона вошли въ дѣло — турокъ было, еще съ 2-мя бат. редифа, до 3425 челов. Они были сильнѣе насъ, и занимали выгодную позицію. Въ Великолуцкомъ полку было не болѣе 1800 штыковъ, и одна изъ его ротъ была послана на Златицкій перевалъ.

— Слышите господа, Ореусъ открылъ огонь! Навались ребята, опоздаете! весело скомандовалъ, обернувшись къ намъ генералъ. Опять ура, и опять чуть не бѣгомъ покатилось въ гору орудіе. Адасовскій и Ермаковъ схватились тоже за веревки и тащили „матушку", спотыкаясь и падая при общемъ хохотѣ.

Наконецъ мы вышли на открытый край лѣсистаго ущелья, отдѣлявшаго насъ отъ лѣвой колоны, и увидали чистое небо; за поворотомъ на право, сквозь порѣдѣвшій лѣсъ, виднѣлась мѣстами обнаженная вершина перевала.

Передъ нами, за ущельемъ, виднѣлся крутой скатъ Шиндарника и на немъ маленькая насыпь, съ которой показался дымокъ и—недолетѣвшая граната разорвалась въ ущельи, подъ нашими ногами. Потомъ—выстрѣлъ Ореуса, отвѣтъ ему съ Гюльдизъ-Табіи, невиднаго еще намъ за лѣсомъ; потомъ еще граната съ батарейки, обстрѣливавшей нашъ подъемъ, и опять неудачная.

Между тѣмъ Адасовскій пришелъ въ неописанную ярость...

— Чтожь это такое! Теперь они намъ дорогу обстрѣливаютъ! воскликнулъ онъ, опять недовольный турками.—Позвольте мнѣ остановить тутъ „матушку". Я ихъ, съ мѣста!

— Попробуйте, разрѣшилъ генералъ.

Въ одинъ мигъ головное орудіе было поворочено, на краю ущелья (ж.) налѣво, заряжено, наведено на 1-т. саженъ, и грянулъ нашъ первый 9-ти фунтовый выстрѣлъ, оказавшійся удачнымъ, хотя и высоко надъ насыпью разорвалась наша граната.

— Ого! опустить на двѣ линіи! Я вамъ! кричалъ Адасовскій, смѣшившій всѣхъ своею расходившеюся фигурой.—Куда имъ! кричалъ онъ, смѣясь надъ турецкими гранатами, которыя все недолетали.

Второй выстрѣлъ нашъ былъ еще лучше.

— Шрапнель! на 1-т. саж., командовалъ Адасовскій. Съ мѣста, отлично! Продолжать такъ! — Орудія Ореуса прилежно вторили намъ. Между тѣмъ послали за „батюшкой" *):

*) Вотъ что говоритъ „очевидецъ" объ артиллерійской перестрѣлкѣ, которую онъ помѣстилъ во время дѣла, тогда какъ она происходила послѣ. „Около 2-хъ часовъ пополудни (по нашимъ часамъ, около $3^1/_2$ часовъ) на небольшой полянкѣ, къ востоку отъ Гюльдизъ-Табіи, появились два русскихъ орудія (Ореуса), къ которымъ вскорѣ присоединилось третье. Орудія эти, на разстояніи 3 тысячъ метровъ, завязали бой съ обѣими круповскими пушками, поставленными на восточномъ фасѣ турецкаго укрѣпленія. Русская артиллерія, огонь которой былъ усиленъ еще двумя горными орудіями, выставленными къ сѣв. отъ Гюльдизъ-Табіи (это были наши 9-ти фунтовыя орудія), съ самаго начала опредѣлили дистанцію довольно вѣрно; снаряды разрывались передъ самымъ брустверомъ, или надъ его гребнемъ (это вѣроятно были выстрѣлы 4-хъ фунтовыхъ орудій Ореуса), однако внутрь укрѣпленія — недостигали." Трудно было это сдѣлать, стрѣляя снизу, и имѣя при нашихъ полевыхъ орудіяхъ, вмѣсто всего, что необходимо, въ нынѣшней войнѣ

На эту сцену, уже передъ сумерками, подъѣхалъ Данила Васильевичъ.

— Прогнали, ваше п—во! радостно говорилъ онъ начальнику авангарда; они вѣдь сейчасъ на утекъ—и въ нору! Какіе-жъ молодцы ваши-то великолукцы. Такъ и лѣзуть!

Они поѣхали вмѣстѣ, на встрѣчу великолукцамъ, возвращавшимся съ шумнымъ говоромъ, и громкими разсказами другъ другу о видѣнномъ и сдѣланномъ; солдаты были такъ оживлены, что говорили почти всѣ, а не слушалъ никто. Встрѣтивъ ихъ недоѣзжая перевала, начальникъ авангарда горячо благодарилъ и похваливалъ великолукцевъ.

Между тѣмъ, сумерки быстро спадали на Вратешку. Турки видя безполезность своего огня,—перестали стрѣлять. Оставивъ 2-й батальонъ великолукцевъ съ м. Беатеромъ ночевать на перевалѣ вмѣстѣ съ драгунами, не получившими своихъ коноводовъ, начальникъ авангарда приказалъ прекратить пальбу и расположиться на ночлегъ. Второе орудіе не успѣли довезти до поворота дороги, и оно заночевало ниже, вмѣстѣ съ передками.

Тутъ только мы почувствовали свою усталость. Всѣ повалились на снѣгъ и принялись разводить огромные костры. Вьюковъ нашихъ не было; на всѣхъ насъ, вмѣстѣ съ артиллерійскими офицерами, нашлась одна большая палатка, опять таки у Адасовскаго. Когда мы въ ней расположились какъ попало, онъ снимая съ затылка шапку, комически серьозно благодарилъ начальника авангарда за доставленіе ему случая быть въ дѣлѣ:

— Теперь я, ваше п—во, съ мѣста узналъ, что такое дѣло?— объявилъ онъ,—ничего, не страшно! Покорнѣйше благодарю.

— Хорошо что такъ,—отвѣтилъ ему смѣясь Дандевиль,—могло бы быть и хуже.

Собравшись въ палаткѣ, мы принялись за чай, у кого-то оказавшійся, причемъ даже закусили продолженіемъ той же бараньей ноги и бутылки спирту, тщательно сохранявшейся.

Потерю великолукцевъ еще не успѣли опредѣлить въ этотъ день; только изъ разсказовъ солдатъ и офицеровъ мы узнали о томъ, что при аттакѣ турокъ убитъ прапорщикъ Щелканъ, который пошелъ впереди солдатъ съ нагайкою въ рукѣ, чтобъ показать имъ свое презрѣніе къ туркамъ; да раненъ подпоручикъ Леонтьевъ. Какъ на болѣе другихъ

съ окопами—для навѣсной стрѣльбы, однѣ только таблицы этой стрѣльбы, въ которой наши полевыя орудія не практикуются); „Турецкіе же снаряды постоянно не долетали, хотя при господствующемъ расположеніи, легко было наблюдать за паденіемъ снарядовъ, и повѣрить пристрѣлку“.

Объ орудіяхъ на насыпи (i.) очевидецъ почему-то ничего не говоритъ. А между тѣмъ эти орудія, плохо дѣйствовавшія съ вечера 16-го ноября, отлично стрѣляли и утромъ 17-го ноября; такъ что мы полагали, что онѣ были замѣнены другими въ ночь.

отличившагося изъ офицеровъ, всѣ указывали на командира 2-й стрѣлковой роты капитана Янушевскаго, котораго постоянно видѣли впереди роты. Солдаты и офицеры говорили, что нашихъ убитыхъ, оставленныхъ на перевалѣ, когда великолукцы должны были отступить съ него послѣ турецкаго залпа, въ опушку лѣса,—турки изуродовали... „За то, вотъ тутъ на гребнѣ, говорили со злобою солдаты, указывая на каменистый Греата, мы ихъ прòклятыхъ кучи навалили *)...

Численность задержавшихъ насъ турокъ, солдаты опредѣляли до 7 или 8 таборовъ; мы не имѣли никакихъ данныхъ, чтобъ провѣрить ихъ показанія; плѣнныхъ не было. Намъ, конечно, и въ голову не приходило, что мы могли подвергнуться большой опасности, еслибъ Мехметъ-Али не отмѣнилъ даннаго имъ Ибрагиму-пашѣ приказанія, еще въ 1 часъ пополудни, т. е. въ началѣ нашего движенія лѣсомъ „взять изъ лагеря 10 батальоновъ и 2 батареи, и ударить во флангъ и тылъ русскихъ войскъ, наступавшихъ долиною Сухой рѣки“. Онъ отмѣнилъ это приказаніе потому, что посылая его съ ординарцами, вслѣдствіе порчи телеграфа вдоль огромной позиціи, Мехмедъ-Али могъ дождаться исполненія только съ наступленіемъ темноты **).

Не зная этихъ, и другихъ весьма дѣльныхъ, но плохо исполняемыхъ турками, соображеній Мехмета-Али, и никакъ не ожидая, что нашей удачей мы обязаны были можетъ быть и порванію турецкой проволоки, и путаницѣ при раздачѣ редифамъ патроновъ,—мы видѣли только, что турки все еще также плохи, какъ были въ Этрополѣ.

— Да и гдѣ-жъ имъ!—говорилъ смѣясь Данила Васильевичъ.

— Куды-жъ имъ съ великолукцами! Ажъ озлились тѣ; такъ и лѣзуть! А какъ вдарили—турки сейчасъ и стрекача! — Поди вонъ, ищи ихъ теперь, заключилъ онъ, завертываясь въ бурку.

Стало быть день прошелъ, въ итогѣ—съ успѣхомъ. На завтра предстояло окончить подъемъ на Вратешку, и можетъ быть драться опять. Но, по правдѣ сказать, все это только мелькнуло въ головѣ, и мы уже съ какою-то увѣренностью, спокойно завалились спать какъ убитые, кто въ чемъ былъ, и гдѣ кто сидѣлъ, въ палаткѣ предъ яркимъ костромъ...

Ночью, мы были разбужены сильнымъ шумомъ вокругъ палатки, и толчками дежурныхъ; въ палатку, гдѣ мы были набиты, какъ сельди въ бочкѣ, влѣзъ офицеръ генеральнаго штаба Сухотинъ съ другими,

---

*) Очевидецъ говоритъ: «Аттака турокъ кончилась неудачею. Одинъ изъ предводителей, полковникъ, убитъ на повалъ; другой Османъ-бей, черкесъ, смертельно раненъ. При всемъ томъ редифы не упали духомъ, и шагъ за шагомъ стали отступать вслѣдъ за батальонами мустафиза, къ Гюльдизъ-Табіи (однако, судя по огромному количеству патроновъ, шанцеваго инструмента, и даже оружія, брошенныхъ по дорогѣ къ редуту, это отступленіе скорѣе походило на бѣгство).

**) «Разсказъ очевидца» конецъ стр. 117 и начало 118.

приведшій намъ 2 батальона Измайловцевъ. Съ трудомъ разбудивши начальника авангарда и другихъ спавшихъ въ палаткѣ, потому что всѣмъ приходилось просыпаться для пріема гостей,—мы опять стали имъ готовить чай. Сухотинъ разсказывалъ, что генералъ Гурко сильно безпокоился, услыхавъ пальбу на Вратешкѣ, и получивъ записку начальника авангарда, тотчасъ же послалъ два батальона. По радости съ которой Сухотинъ слушалъ разсказъ начальника авангарда о происшедшемъ дѣлѣ, видно было, что въ Этрополѣ дѣйствительно безпокоились. Данила Васильевичъ тоже разсказывалъ Сухотину, какъ Великолукцы „долбанули". Охрипшій Адасовскій, съ просонковъ, уговаривалъ Сухотина выслушать, какъ ему наконецъ стало извѣстно, что значитъ быть въ дѣлѣ, какъ ему турки хотѣли носъ отстрѣлить, и какъ онъ, съ мѣста отлично опредѣлилъ дистанцію; но Сухотинъ, запасшись хорошими вѣстями, уже торопился назадъ, и уѣхалъ, обѣщавъ присылку завтра остальныхъ Измайловцевъ, и пожелавъ намъ успѣха.

Послѣ этого, мы опять заснули такъ крѣпко, что на другой день утромъ, нѣкоторые совсѣмъ не помнили, ни о прибытіи Измайловцевъ, ни о разговорѣ съ Сухотинымъ; а другіе принимали все это за сонъ *).

Едва лишь стало свѣтать 17-го ноября, какъ мы были разбужены разрывомъ гранаты, въ самомъ лѣсу, гдѣ на крутомъ скатѣ правѣе дороги, расположился бивуакъ Измайловцевъ.

— Эге! вскрикнулъ Адасовскій; этого еще не было! и побѣжалъ къ орудію.

Въ одинъ мигъ, весь бивуакъ былъ на ногахъ. Турецкая батарейка (i) покрывалась дымками выстрѣловъ; лѣсное эхо повторяло въ ущельи громкіе, но невредные разрывы турецкихъ гранатъ. Внизу послышалось

*) Въ эту же ночь, у турокъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: а) Мехмедъ-Али, находя невозможнымъ оставаться въ Орханіе, послалъ въ 11 часовъ ночи Кіазимъ-пашу съ 20 черкесами во Врачешъ, для передачи Шакиру-пашѣ приказанія сжечь хлѣбные склады, и оставивъ боевые запасы, назначенные для Плевны, отступить на позицію у Баба-Конака. Рано утромъ, 17-го ноября, Шакиръ-паша отступилъ на указанное мѣсто, не сжигая ничего, оставивъ противъ ген. Эллисса 3 бат. и партію черкесовъ. Другое дѣло—если бы онъ вмѣсто отступленія направился намъ во флангъ. б) Въ Гюльдизъ-Табіи, сдѣланы были приготовленія для встрѣчи ожидаемаго штурма, выставлены были длинныя цѣпи стрѣлковъ, для того чтобы принимать на себя разсѣявшихся людей (выше было сказано объ отступленіи турокъ къ редуту въ порядкѣ), и подъ прикрытіемъ форпостовъ (?) устроить стрѣлковые ровики, предназначавшіеся для связи между собою редутовъ I и II, и для обстрѣливанія спусковъ въ долину. Восемь батальоновъ изъ резерва выдвинуты были на мѣсто войскъ, участвовавшихъ въ бою, которыя отведены въ резервъ, усиленный въ ночь 4-мя батальонами прибывшими изъ Босніи. Стало быть, съ двумя батальонами остававшимися въ Гюльдизъ-Табіи, къ разсвѣту 17-го ноября, тамъ было всего 10 батальоновъ.

гиканье и крикъ, тащившихъ „батюшку". Оканчивая свой чай, генералъ приказалъ открыть огонь, а Измайловцамъ двигаться изъ подъ гранатъ, по немногу, лѣсомъ на перевалъ. Не совсѣмъ проснувшійся Адасовскій, лѣниво командовалъ пальбу; но первыя же наши гранаты привели его въ восхищеніе, и когда генералъ вышелъ на батарею, и она усилилась привезеннымъ Ермаковымъ вторымъ орудіемъ,—онъ снова пришелъ въ ярость, открывъ такой огонь, что турецкія гранаты, выписавшія изъ строя нѣсколько Измайловцевъ, стали рѣже ложиться въ лѣсъ. Видя, что пальба турокъ значительно улучшилась противъ вчеряшняго, хотя разрывомъ своимъ турецкія гранаты сравнительно мало наносили вреда, мы заключили, что за ночь турки перемѣнили свои орудія. Вскорѣ Ореусъ также подалъ голосъ, и палилъ по редуту Гюльдизъ-Табіи, тоже ему отвѣчавшему.

Вдругъ турецкіе выстрѣлы на батарейкѣ (і) прекратились, и успокоившійся Адасовскій подошелъ къ генералу, смотрѣвшему на пальбу, съ Красновымъ и Протопоповымъ, офицеромъ генеральнаго штаба, пришедшимъ также въ ночь съ Измайловцами.

— Хорошо вѣдь, ваше пр—во? Турки убираются, докладывалъ онъ, очень довольный.

— Отлично, спасибо вамъ. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь уходятъ? говорилъ начальникъ авангарда, глядя въ бинокль.

— Да какъ же! вонъ они, вонъ подъ горой потянулись, да въ лощинку, показывалъ Данила Васильевичъ, и безъ бинокля лучше всѣхъ видѣвшій.

— Наши, наши, закричали всѣ, вонъ Псковцы потянулись изъ лѣсу къ турецкой батареѣ!

— Ну такъ, съ Богомъ, впередъ! Измайловцы, помогать!

Мы пошли за генераломъ пѣшкомъ на перевалъ; Данила Васильевичъ поѣхалъ впередъ, по просьбѣ генерала, послать драгунъ, получившихъ въ ночь своихъ коноводовъ, вправо по перевалу, чтобъ узнать есть ли турки на Орханійскомъ шоссе. Лѣсъ рѣдѣлъ; дорога становилась отложе и ровнѣе; теперь колеса орудій катились уже часто по твердой землѣ; воловъ бросили, и везли головное орудіе на рукахъ. Вотъ мы дошли до полянки, гдѣ вчера Великолукцы были встрѣчены турецкимъ залпомъ. Справа высились скалы Греата, покрытыя густымъ лѣсомъ; съ десятокъ убитыхъ лежали на полянкѣ и подъ самымъ гребнемъ, на опушкѣ. Не многимъ хватило духу удостовѣриться въ справедливости солдатскихъ показаній объ уродованіи тѣлъ... Генералъ приказалъ собрать ихъ, и похоронить, и мы молча продолжали подниматься. Вотъ вышли мы совсѣмъ изъ лѣсу, угадывая направленіе Гюльдизъ-Табіи, по звуку выстрѣловъ его къ Ореусу; вотъ выглянулъ на насъ редутъ изъ за открытой вершины перевала; наконецъ вся наша кучка на перевалѣ,

и вся турецкая позиція разстилалась предъ нами въ легкомъ утреннемъ туманѣ. Всѣ молчали, приложивъ бинокли къ глазамъ....

Отъ громаднаго Шиндарника, командовавшаго нами и увѣнчаннаго старымъ нашимъ знакомымъ, большимъ редутомъ, виденнымъ еще снизу, при входѣ въ ущелье Сухой рѣки, — тянулся къ западу, къ орханійскому шоссе, длинный, уступами спускающійся гребень, съ редутомъ на каждомъ уступѣ. У самаго шоссе, на отдѣльномъ холмѣ, стоялъ большой и повидимому сильный и хорошей постройки фортъ Араба-Конакъ *); правѣе его, и ниже, чернѣлся, повидимому свѣжей работы, высокій и большой редутъ (VII ?) и за нимъ большой турецкій лагерь, съ бѣлѣвшимися коническими палатками. Отъ этой позиціи насъ отдѣлялъ огромный лѣсистый оврагъ, съ отлогими скатами къ ручью, спускавшемуся къ шоссе. За этимъ шоссе правѣе насъ, за концомъ открытаго гребня Вратешки, куда были посланы драгуны, отдѣлялись отъ него ущельемъ значительныя лѣсистыя высоты. Кѣмъ они заняты, и заняты ли, намъ было еще неизвѣстно. Дорога къ Гюльдизъ-Табіи, въ началѣ, была усѣяна патронами въ разбитыхъ жестянкахъ, лопатами, кирками; кой-гдѣ далѣе виднѣлись убитые турки и лошади, одежда и оружіе...

За нами, прикрытый гребнемъ бивуакировалъ въ лѣскѣ 2-й батальонъ Великолукцевъ, и варилъ пищу въ манеркахъ; у костровъ шелъ веселый говоръ..

Не успѣли мы насмотрѣться на эту картину, до которой такъ долго лѣзли, какъ перевалъ огласился веселыми криками. Измайловцы и Великолукцы бѣгомъ выкатывали изъ опушки первое 9-ти фунтовое орудіе. Стой ребята! запыхавшись кричалъ Адасовскій.

Съ Гюльдизъ-Табіи вырвалось облачко, и высоко перелетѣвшая черезъ насъ граната разорвалась далеко за гребнемъ, въ пустомъ лѣсу.

Прослѣдивъ ее Адасовскій подбѣжалъ къ генералу.

— Ваше пр—во, они стрѣлять не умѣютъ! Позвольте мнѣ осмотрѣть, куда бы поставить это орудіе. Можно стрѣлять по редуту?

— Отдаю вамъ его на жертву. Вы его своимъ орудіемъ совсѣмъ разнести хотите?

— А чтожъ! не молчать же.

Вмѣстѣ съ Ермаковымъ, послѣ бѣготни по гребню, исканія и споровъ, они выбрали мѣстечко (и) у пригорка, заслонявшаго ихъ справа отъ выстрѣловъ съ позиціи турокъ, въ лощинкѣ, которая обстрѣливалась только съ Гюльдизъ-Табіи, да немного съ сосѣдняго редута. Назначили людей для постройки батареи на два орудія, и работа закипѣла.

*) Мы назвали его такъ потому, что за нимъ по картѣ значилась деревня Араба-Конакъ. Этимъ же именемъ называли мы и всю позицію. Турки же называли её Баба-Конакскою, какъ видно изъ «разсказа очевидца», по деревушкѣ лежащей впереди позиціи.

Между тѣмъ Измайловцы выстраивались вправо отъ дороги, за гребнемъ, составляли ружья, и располагаясь какъ дома, принимались тоже за варку пищи, и установку палатокъ.

Начальникъ авангарда вошелъ въ палатку показавшагося и спрятавшагося маіора Беатера, разпрашивалъ, благодарилъ его. Скромный, бѣлокурый маіоръ конфузился, и съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ, какъ будто извинялся, говоря: „Я кажется все такъ сдѣлалъ... турки плохо дерутся вѣдь... офицера жаль!... я старался, чтобъ всѣ были покойны“.—„И совершенно этого достигли“, съ чувствомъ говорилъ ему генералъ, пожимая руку; „за вами мы были покойны, какъ дома“. — „Я боялся, чтобъ тамъ васъ, съ тылу они какъ нибудь... хотѣлъ раньше атаковать. — Ну, слава Богу, все кончилось удачно; съ вами — всегда такъ будетъ! Если полковникъ Рыдзевскій разболѣется — вы примете командованіе полкомъ; до свиданья.

Между тѣмъ, Псковцы, въ нашемъ виду карабкаясь по снѣгу крутаго и обнаженнаго ската Шиндарника, около 10-и часовъ утра, заняли небольшою частью брошенную турками батарейку (i). Выстрѣлы Ореуса послышались влѣво, уже на опушкѣ лѣса (о, о); и шрапнель его дымными букетами разрывалась надъ самымъ гребнемъ Гюльдизъ-табіи; посланы казаки изъ конвоя начальника авангарда, влѣво, вдоль опушки лѣса, для открытія сообщенія съ лѣвою колоною, съ требованіемъ извѣстій отъ полковника Зубатова. Приказано сосчитать наличную потерю турокъ на гребнѣ Греата, куда уже направилось много любопытныхъ. Постройка батарейки нашей подвигалась медленно; подъ тонкимъ слоемъ земли вездѣ былъ камень; приходилось класть дерномъ *).

Но вотъ что-то новое. Почтовый драгунъ привезъ начальнику авангарда какую то записку, должно быть непріятную, судя по выраженію его лица. Однако онъ сообщилъ намъ, что идутъ остальные Измайловцы и кромѣ того Семеновцы и артиллерія, съ ген. Раухомъ. Затѣмъ, генералъ спряталъ записку въ карманъ, черкнулъ что-то и послалъ Рауху **).

---

*) Изъ разсказа очевидца видно, что утромъ 29 (17) ноября, патрули турецкіе донесли, что, за ночь, русскіе вошли въ связь между собою (ночью мы еще не успѣли это сдѣлать), и возводятъ батареи. Въ это утро у Мехметъ-Али было на позиціи подъ рукою 39 батальоновъ; а всего, съ расположенными у Златицы, 44 бат., т. е. до 20-ти тыс. чел. пѣхоты, 46 орудій и 1 тыс. всадниковъ. Въ Гюльдизъ-Табіи, и правымъ флангомъ позиціи, командовалъ Ибрагимъ-паша, а Шакиру-пашѣ былъ порученъ резервъ всей Баба-конакской позиціи.

**) Турецкій очевидецъ говоритъ, что около полудня замѣчено было сильное движеніе въ нашей правой колоннѣ; что наши казачьи разъѣзды (драгунскіе) расположились за отдѣльными группами деревьевъ; другіе значительные кавалерійскіе отряды силою до одного эскадрона, спускались въ Орханійское дефиле, и выдвигали аванпосты, въ черту оборонительнаго турецкаго раіона, (отъ насъ былъ посланъ въ дефиле, всего одинъ дра-

Наконецъ наша двухъ-орудiйная батарейка была почти готова; брустверъ былъ сложенъ до вышины осей. Не дождавшись ея окончанiя, Адасовскiй съ торжествомъ вкатилъ оба орудiя, и началъ съ Ермаковымъ палить по Гюльдизъ-Табiи, съ дистанцiи 1400 саженъ, покуда рабочiе доканчивали закрытiе для прислуги. Редутъ покрывался сверху туманомъ, хотя легкимъ, но мѣшавшимъ видѣть ясно разрывъ гранатъ. Адасовскiй негодовалъ за то, что ему нельзя посылать шрапнели, и забывалъ поблагодарить туманъ, съ появленiемъ котораго турки перестали стрѣлять по рабочимъ, передъ тѣмъ уже осторожно копавшимся, подъ низко перелетавшими гранатами. Когда туманъ сгустился надъ Шиндарникомъ, и осталась на виду только подошва редута, онъ даже плюнулъ и отошелъ отъ орудiй, завидуя Ореусу, который продолжалъ обстрѣливать редутъ, съ ближайшей дистанцiи.

Изъ лѣвой колоны привезли записку подполковника Штемпеля, который принялъ командованiе Псковскимъ полкомъ отъ Зубатова, вывихнувшаго плечо при паденiи лошади, влѣзая на перевалъ. Штемпель сообщалъ, что два орудiя кап. Усова стали на опушкѣ и открыли огонь, что опушка занята батальономъ; другой — при орудiяхъ Ореуса, третiй занялъ батарейку (i). Драгунскiй офицеръ прiѣхалъ отъ ген. Краснова доложить, что на шоссе не видно ни одного турка, ни войскъ, ни обозовъ; Данила Васильевичъ разъѣзжалъ одинъ по Вратешкѣ, разглядывая турецкую позицiю... Начальникъ авангарда зашелъ въ нашу общую палатку и писалъ донесенiе о занятiи перевала, какъ вдругъ послышалась подъ редутомъ живая перестрѣлка и далекое, чуть слышное ура!... Всѣ выскочили изъ палатки и взбѣжали на вершину. Подошва редута была вся въ дыму, въ которомъ виднѣлась какая-то свалка... ружейная пальба разгоралась... отъ батарейки (i) по редуту, тянулась по снѣгу черная нитка взбиравшихся Псковцевъ, — точно муравьи лѣзли они по одной тропѣ,—пропадая потомъ въ дыму...

— Что тамъ за вздоръ! Узнать кто это распорядился, крикнулъ начальникъ авангарда. Хорунжiй Мишеровъ уже мчался по опушкѣ, въ лѣвую колону. Вѣтерокъ, сдувавшiй по временамъ туманъ съ редута, открывалъ намъ лѣзущихъ на него Псковцевъ; правѣе редута пальба и драка продолжались...

— Измайловцы въ ружье! послышалась команда.

Адасовскiй хотѣлъ обстрѣливать другiе редуты позицiи, не покрытые туманомъ, но не могъ, потому что самъ же закрылся отъ ихъ огня, и только ближайшему отъ Гюльдизъ-Табiи могло отъ него доставаться.

гунскiй эскадронъ съ ген. Красновымъ; но это могла быть кавалерiя отряда ген. Эллиса, двигавшаяся гораздо позднѣе изъ Врачеша). Значительные отряды двигались по долинѣ Сухой рѣки (вѣроятно: Измайловцы, Семеновцы и артиллерiя).

Поручивъ это дѣло Ермакову, онъ кликнулъ Великолукцевъ, выкатилъ орудіе и повезъ его вправо по гребню, чтобъ поставить повыше.

Въ это время прибылъ на позицію ген. Раухъ, съ 5-ю ротами Измайловскаго полка, выходившими на перевалъ. Начальникъ авангарда встрѣтилъ его; послѣ короткаго разговора ихъ въ сторонѣ, послѣдовало приказаніе выдвинуть два батальона Измайловцевъ, и оба генерала вышли съ биноклями на гребень, у батареи Ермакова.

— Надобно поддержать вашихъ Псковцевъ, говорилъ ген. Раухъ, разсматривая все усиливавшуюся свалку подъ редутомъ.

— Надобно, нечего дѣлать; но редута не возьмутъ,— ихъ надобно бы вернуть... Отсюда вѣдь версты три будетъ,—отвѣчалъ Дандевиль.— Съ чего они тамъ полѣзли!

Первому батальону Измайловцевъ, подошедшему къ намъ живымъ шагомъ, какимъ не ходятъ на маневрахъ, приказано идти подъ редутъ и поддержать Псковцевъ (л. л.), другой посланъ былъ правѣе (м. м.), чтобъ вести ложную атаку на прочіе редуты, привлечь ихъ вниманіе и задержать подкрѣпленія; намъ видно было мѣстами, какъ по гребню турецкой позиціи бѣжали турки къ Шиндарнику *).

Живо выбрались Измайловцы чрезъ лѣсистый оврагъ, на противуположный скатъ, разсыпали цѣпь и открыли пальбу; но Псковцы были уже отбиты, и отходили отъ редута; раненые ихъ приходили и на нашу батарейку. Измайловцы только прикрыли это отступленіе своею пальбой и цѣпью, и помогли Псковцамъ подобрать раненыхъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ **). Изъ другихъ редутовъ также встрѣтили сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ Измайловцевъ, выходящихъ изъ лѣсу противъ нихъ.

Адасовскій, изъ одного своего орудія, поставленнаго на гребнѣ (н) правѣе нашей батареи, безъ всякаго закрытія, задорно отвѣчалъ безъ умолку на этотъ огонь, покуда могъ, чрезъ головы Измайловцевъ пробиравшихся оврагомъ, хотя мы и равняли его съ комаромъ, нападающимъ на льва. Вскорѣ вся турецкая позиція покрылась дымомъ и наши орудія замолчали. Но вотъ пальба стихаетъ съ наступающими сумер-

*) Турецкій очевидецъ говоритъ, что около $2^3/_4$ часа, густыя непріятельскія цѣпи двинулись изъ лѣсу къ редуту Гюльдизъ-Табія; за ними слѣдовали резервы, которыхъ насчитывали до 5 батальоновъ (атаковали редутъ 3 роты Псковскаго полка, который не успѣлъ поддержать ихъ). Перестрѣлка между русскою цѣпью наступавшею перебѣжками, и турецкими войсками, началось съ $1^1/_2$ тыс. метровъ; потомъ турки прекратили стрѣльбу, и встрѣтили русскихъ въ 400—500 метрахъ убійственнымъ огнемъ.

**) Очевидецъ, описывая нападеніе Псковцевъ, говоритъ: „Натискъ русскихъ совершенно неудался. Нѣсколько стрѣлковъ взобравшихся на брустверъ, (въ 4 метра вышиною) $5^1/_2$ аршинъ, и открывшіе огонь внутрь укрѣпленія, были заколоты штыками. Три турецкихъ батальона бросились преслѣдовать русскихъ, но, вскорѣ будучи остановлены (вѣроятно Измайловцами), сопровождали отступающихъ ружейными выстрѣлами.“

ками; Измайловцы, по отступленіи Псковцевъ отъ редута, вошли опять въ лѣсистый оврагъ, покрывшійся дымками турецкихъ гранатъ. Ермаковъ и Адасовскій опять начали палить, и на послѣдняго, совершенно открытаго всѣмъ орудіямъ позиціи, хотя и спустившагося нѣсколько за вершину гребня, посыпались гранаты одна за другой; наконецъ разомъ 6 гранатъ впились въ гребень—одною изъ разорвавшихся ранило артиллериста, и за тѣмъ вдругъ турецкая пальба смолкла. Мы уже думали, что нашего комара и слѣдовъ не останется въ дыму и клочьяхъ земли, которыми сразу была окружена „матушка", но Адасовскій, не смотря на то, что турки не отвѣчали, упорно обстрѣливалъ ихъ и только, по приказанію начальника авангарда, спустилъ орудіе и направился къ палаткѣ „трубить свою побѣду по лѣсамъ". Долго онъ не могъ разсказать всего что хотѣлъ, и только говорилъ, разводя руками: „вотъ такъ баня! Да вѣдь какъ же они стрѣляютъ! А я думалъ, что они вовсе не умѣютъ. Благодарю, не ожидалъ!" *).

Наступили сумерки. Начальникъ авангарда послалъ въ лѣвую колонну приказаніе прислать офицера для доклада объ атакѣ. На встрѣчу Измайловцамъ посланы еще люди съ носилками. Перевязочный пунктъ, устроенный за батареей, при 2-мъ батальонѣ Великолукцевъ, наполнился ранеными, вокругъ которыхъ собрались доктора и любопытные.

Опять драгунъ съ конвертомъ. Начальникъ авангарда, прочитавъ его, показалъ генералу Рауху, и объявилъ намъ, что Врачешъ очищенъ турками, какъ сообщалъ ген. Нагловскій. За тѣмъ Раухъ, простившись съ начальникомъ авангарда, сѣлъ на коня, и уѣхалъ въ Этрополь, гдѣ его ожидало назначеніе командовать позиціей Псковскаго полка, на которую направлены были и Семеновцы.

Мы собрались опять въ палатку; подъѣхалъ и Данила Васильевичъ, разъѣзжавшій по гребню и высматривавшій турокъ.

— А должно быть убрались изъ Врачеша-то! По добру, по здорову,

---

*) Про движеніе Измайловцевъ, называемое очевидцемъ „второю атакою, которую бы слѣдовало вести одновременно съ первою" онъ говоритъ, что она была „предпринята съ восточной стороны, противъ южнаго фронта, горжи редута, и расположеннаго противъ него лагеря (движеніе Измайловцевъ происходило скорѣе-же съ западной стороны редута, и никакъ не могло имѣть цѣлью горжу). „Пять русскихъ батальоновъ, двинувшихся впередъ, съ крикомъ ура (всего было 2 бат. Измайловцевъ, и только одинъ направлялся къ редуту) вскорѣ поспѣшно отступили къ лѣсу въ совершенномъ разстройствѣ".

Затѣмъ онъ говоритъ, что проходя лѣсъ, батальоны построились въ ротныя колоны, но для послѣдняго натиска, роты опять соединились въ батальонныя колоны, подъ сильнымъ огнемъ, на открытой мѣстности. Ничего подобнаго не было, потому что Измайловцы даже не имѣли приказанія атаковать, и просто выйдя изъ лѣсу въ ротныхъ колонахъ, разсыпали цѣпь; отступленіе ихъ послѣ отхода Псковцевъ принято было турками за разстройство. Про нашу артиллерійскую пальбу, послѣ атаки, сказано что она продолжалась и ночью; чего не было. Ночная пальба производилась въ послѣдующіе дни.

говорилъ онъ смѣясь, и слѣзая съ коня. Догадались, шутъ ихъ возьми!

— А вы какъ знаете, Д. В.? спросилъ его генералъ.

— Да сегодня-жъ ихъ больше, чѣмъ вчера было; а прибавилось палатокъ не тамъ вонъ, у крайняго-то редута, а вотъ у большаго-то, что на шоссе—ну стало быть изъ Врачеша. Вчера тутъ столько не было; перечесть можно; должно быть изъ Врачеша.

— Вы совершенно правы Д. В.; вотъ и я получилъ отъ штаба извѣстіе.

— Да, видать-же, съ убѣжденіемъ говорилъ Красновъ, который привыкъ давать больше вѣры своимъ глазамъ, нежели бумагамъ.

— Завтра намъ пришлютъ 2 батареи, и 5 ротъ Измайловцевъ пришло; теперь займемъ перевалъ крѣпко, и турки насъ не выживутъ. Позиція здѣсь отличная.

— А какъ вы думаете, Д. В., не уйдутъ изъ редутовъ турки? — спросилъ начальникъ авангарда.

— Не полагаю, раздумывая говорилъ Д. В. Вонъ тамъ у нихъ огромныхъ два лагерища; да тутъ цѣлую ночь копались. Вонъ этихъ окоповъ, что подъ Шиндарникомъ—вчера не было. Только все это они бродятъ, словно чего-то ищутъ, взадъ — да впередъ; не разберешь путемъ, что у нихъ дѣлается. Чтобъ не заняли вонъ энти горы, что за ущельемъ, на нашемъ правомъ флангѣ.—Вотъ туда бы намъ!

— А вѣдь если наши заняли Врачешъ, то тамъ не будутъ же сидѣть; сюда же придвинутся.

— Ну, ладно, вотъ увидимъ.

Опять на нашу трапезу появились остатки вчерашней очень похудѣвшей бараньей ноги; къ этому присоединился котелокъ съ похлебкой отъ артиллеристовъ. Бутылка со спиртомъ была пуста и представлялась Адосовскимъ только какъ доказательство этой катастрофы; приходилось утолять жажду чаемъ. Штабные вьюки рѣшительно не хотѣли показываться на перевалѣ, и пропадали гдѣ-то безъ вѣсти; такъ что мы, почти съ пустыми желудками, принялись разбирать полученныя свѣденія о потеряхъ въ полкахъ. Оказалось, что великолуцкій полкъ потерялъ 16-го ноября при аттакѣ Греата: одного убитаго, одного раненаго офицера, 107 раненыхъ, 33 убитыхъ и 12 безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ; Псковскій полкъ, при атакѣ редута потерялъ 17-го числа: 2-хъ раненыхъ офицеровъ (Ш. К. Тальковскаго и поручика Некрасова, оставшагося въ строю), 90 раненыхъ, 19 убитыхъ и 30 безъ вѣсти пропавшихъ солдатъ. Измайловцы потеряли въ двухъ батальонахъ 17-го числа: контуженнаго поручика Мейбаумъ и солдатъ: 4 убитыхъ, 28 раненыхъ и 1 безъ вѣсти пропавшаго. У драгунъ былъ 1 раненый 16-го ноября, и 1—17-го числа. Артиллеристы потеряли одного раненаго 17-го числа.

Стало быть въ оба дня мы потеряли, считая въ числѣ убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, всего раненыхъ 232, и убитыхъ 100 человѣкъ. Турецкихъ тѣлъ на гребнѣ Греата, и видимыхъ на дорогѣ къ Гюльдизъ-Табіи, насчитано 200, въ томъ числѣ одинъ начальникъ, нѣсколько человѣкъ въ формѣ редифовъ, нѣсколько арабовъ и 8 лошадей *).

Свѣдѣнія о потеряхъ Псковскаго полка доставлены были пріѣхавшимъ отъ подп. Штемпеля офицеромъ, который, между прочимъ, разсказывалъ, что три роты Псковцовъ атаковали безъ спросу. 2-й стрѣлковой ротѣ, разсыпанной въ цѣпь передъ турецкой батарейкой (і.), показалось, что турки отступаютъ и она бросилась къ редуту, а за ней и другія двѣ, стоявшія у насыпи. Изъ резерва полка, стоявшаго въ лѣсу, хотѣли поддержать атаку, но двѣ роты едва успѣли подойдти къ батарейкѣ, какъ Псковцы были уже отбиты. Солдаты разсказывали, что они забрались уже въ самый редутъ, сбросили одно орудіе съ бруствера, и что турки уже бѣжали къ выходу, но тамъ остановилъ ихъ какой-то паша съ пистолетами въ рукахъ; за нимъ явилось подкрѣпленіе, и Псковцы были выбиты изъ редута. Однако орудіе въ догонку имъ не стрѣляло. Орудія батареи Ореуса окапывались на опушкѣ лѣса (о, о.), передки были при орудіяхъ, снарядовъ достаточно и проч.

И жаль было удальцовъ, полѣзшихъ на редутъ, и досадно было на эту самовольную неосторожную атаку; а все таки пришлось подивиться этой безшабашной удали Псковцевъ, не мѣрящей высоты насыпей, не считающей непріятеля, а прямо, безъ разсужденій, добирающейся до ручной расправы. Вся она тутъ высказалась, эта русская, безрасчетная, но высокая отвага—съ которой можно дѣлать чудеса!

Не въ первый разъ, въ минувшую войну, здѣсь приходилось намъ дивиться этой отвагѣ, дивиться въ особенности потому, что это были не прежніе, закаленные 30-ти-лѣтнею службою, ломаные, испытанные, тертые солдаты, — это была все молодежь, сравнительно съ прежними сѣдыми усачами; это были все больше безусые ребята, а посѣдѣвшихъ служакъ вовсе между ними не было. Крѣпка, стало быть, русская сила, гдѣ ее ни возьми.. И мы припоминали тѣ толки, ходившіе предъ войной, тѣ разсужденія и вопросы: какъ будутъ драться наши молодые сол-

---

*) Потери наши очевидецъ опредѣляетъ только при атакѣ редута, и говоритъ: «общій уронъ турокъ, по турецкому исчисленію, доходилъ до 250 или 300 человѣкъ; русскіе тщательно убирали своихъ раненыхъ. Только 30 тѣлъ оставлены были по близости турецкаго редута. Потери турокъ, вслѣдствіе закрытаго расположенія, достигали едва 50 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 убитыхъ».

О потери турокъ на Греата, очевидецъ говоритъ: Потери 16-го (28-го) ноября, неопредѣленны были въ точности, но можно предполагать, что доходили до 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Если взять въ соображеніе, что кромѣ 200 убитыхъ турокъ, на Греата, вѣроятно были хоть сто человѣкъ раненыхъ, то наши потери за два дня были одинаковы съ турецкими.

даты, какъ будутъ они переносить лишенія, боевые труды и тяжелыя испытанія. Многое оказалось несовершеннымъ въ нашей арміи, въ минувшую войну, надобно правду сказать;—одно, нигдѣ и никогда не измѣнило: русскій народный духъ, и прирожденныя свойства русскаго солдата... и многое они замѣнили и пополнили, многое поправили, и многое вывезли...

Долго мы толковали объ этомъ предметѣ; каждый сообщалъ свои замѣчанія и выводы. Настала холодная ночь; но такъ хорошо было въ палаткѣ, гдѣ мы тѣсно усѣлись передъ костромъ, что всѣ стали уже забывать время; объ отдыхѣ никто еще не думалъ.

Вотъ лѣзетъ въ палатку мохнатая шапка, за ней большой мѣшокъ, и наконецъ носитель ихъ, осетинъ Владикавказскаго полка, спрашиваетъ генерала Рауха, съ которымъ, вѣроятно, въ темнотѣ разъѣхался. „Зачѣмъ тебѣ? спросилъ генералъ.

— Вотъ ему графъ Шуваловъ прислалъ мѣшокъ,—поужинать.

Мы переглянулись, желая, вѣроятно, провѣдать нѣтъ ли между нами кого нибудь изъ приглашенныхъ на этотъ ужинъ.

— Покажи-ка?—Оказалось 2 бутылки краснаго вина, 2 огромные хлѣба, десятокъ яицъ и большой кусокъ жаренаго мяса. Одинъ видъ этихъ лакомыхъ „продуктовъ“ почему то очень радовалъ насъ; мысль о потребленіи этихъ прелестей овладѣла всѣми, и мы ихъ умильно оглядывали...

— Какъ это кстати! Нечего дѣлать, господа, надобно дѣйствовать по турецки,—объявилъ, смѣясь, генералъ...—Ступай, братъ, порожнемъ. Доложи графу, что ген. Раухъ уѣхалъ въ Этрополь, и тамъ будетъ ужинать; а мы, вотъ этимъ поужинаемъ здѣсь. Скажи, что очень были голодны и очень благодарны: вотъ тебѣ записка графу.

Осетинъ, оскаливъ бѣлые зубы, съ доброю улыбкою, говорилъ только: „точно такъ-съ: слушаю-съ; точно такъ; будемъ далажитъ“.

— Господа, приступимъ къ этой неожиданной благодати. Весело и горячо принялись мы за ужинъ ген. Рауха; въ $^1/_2$ часа его и слѣдовъ не было. Осталась только благодарность графу за счастливую мысль.

На другой день, 18-го ноября, неугомонный Адасовскій перевезъ свое орудіе еще правѣе (п.), и рано утромъ открылъ пальбу. Ермаковъ и Ореусъ продолжали громить Гюльдизъ Табію съ прежнихъ мѣстъ. Около 10 часовъ утра пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Гурко, со всѣмъ штабомъ и большою свитой, въ которой былъ и прусскій маіоръ Лигницъ, и румынскій и американскій военные агенты,—поздравилъ насъ съ успѣхомъ и благодарилъ всѣхъ. Начальникъ авангарда пригласилъ его въ общую палатку, гдѣ представилъ ему маіора Беатера, капитана Янушевскаго, штабсъ-капитана Адасовскаго и подробно разказывалъ о на-

шемъ подъемѣ. Выслушавъ всѣхъ со вниманіемъ, Гурко еще разъ благодарилъ каждаго.—Да! господа, я вамъ что-то привезъ отъ Нагловскаго, къ которому вы писали о вашемъ бѣдствіи. Соболевъ!

Оказалась бутылка хинной водки, которая тутъ же и была нами испробована.

— Это у васъ только, господа, покуда нечего ѣсть; а во Врачешѣ, благодаря васъ, у насъ запасовъ на мѣсяцъ хватитъ. Я говорилъ вашему п—ву, что стоитъ только гнать турокъ, — сыты будемъ. Теперь, можемъ, какъ говорится, не ждать интендатскихъ транспортовъ...

Сѣвъ на коня, генералъ Гурко поѣхалъ съ начальникомъ авангарда, и со всею свитою вдоль по Вратешкѣ, провожаемый турецкими гранатами, которыя вѣжливо насъ миновали. Доѣхавъ до крайней высоты оканчивающейся каменистымъ обрывомъ, онъ указалъ тутъ мѣсто для ожидаемой батареи, и сойдя съ лошади долго осматривалъ турецкую позицію, стараясь угадать, и спрашивая мнѣній: отступятъ турки, или нѣтъ? Въ виду постоянныхъ передвиженій у турокъ, были высказаны разныя предположенія; но рѣшено было только, по устройствѣ сильныхъ батарей, попробовать выжить турокъ артиллеріей. Высоты, за ущельемъ, на нашемъ правомъ флангѣ уже приказано было занять отрядомъ генерала Эллиса. Многіе выражали мнѣніе о возможности атаковать турокъ безъ большихъ потерь, но генералъ Гурко дѣйствовалъ осторожно, и въ послѣдствіи мы убѣдились, что онъ былъ правъ *). Отдавъ нужныя приказанія, генералъ Гурко, снова провожаемый гранатами, уѣхалъ въ Этрополь, еще разъ поблагодаривши всѣхъ, и обѣщая поторопить артиллерію и войска, назначенныя на нашу позицію.

Мы отдыхали въ этотъ день совершенно покойно.—Балканскій превалъ былъ занятъ прочно.

В.

11-го февраля 1879 года.
Варшава.

---

*) Очевидецъ говоритъ, что въ этотъ день штабные офицеры и начальники войскъ совѣтовали Мехметъ-Али сдѣлать изъ своихъ 39 батальоновъ, слѣдующее употребленіе: двинуть 15 батальоновъ отъ Гюльдизъ-Табіи, противъ русской позиціи къ сѣверу отъ редута (т. е. на Вратешку), а 20 батальоновъ, подъ начальствомъ Шакира-паши, изъ резерва которымъ онъ командовалъ у шоссе,—въ долину Сухой рѣки, съ тѣмъ, чтобы этимъ концентрическимъ наступленіемъ отрѣзать позицію нашу, съ восточной стороны отъ Гюльдизъ-Табіи (т. е. Псковскій полкъ и Семеновцевъ) и проч. Но Мехметъ-Али рѣшился остаться въ выжидательномъ положеніи, а диверсію къ Этрополю „имѣть въ виду, и подвергнуть ее болѣе тщательному обсужденію“.—Мехметъ-Али, конечно понялъ, что удобная минута для перехода въ наступленіе была пропущена, въ чемъ и совѣтники его, вѣроятно, вскорѣ убѣдились.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ И ВЗЯТІЕ
ТРАЯНСКАГО ПЕРЕВАЛА НА БАЛКАНАХЪ.

Переходъ черезъ Балканскія горы считался до кампаніи 1829 года, до того труднымъ и даже невозможнымъ, что всякая попытка перейти ихъ казалась несбыточною. Ранѣе этого года, во всѣ войны Россіи съ Турціею, самыя дальнія наши вторженія въ предѣлы послѣдней, ограничивались или Дунаемъ, или обложеніемъ крѣпостей, или оперированіемъ на Софію. Въ 1829 году войска графа Дибича были пододвинуты къ Балканамъ береговою дорогою и перешли ихъ двумя колонами: правая, генерала Ридигера, шла черезъ Камчикъ на Кюпрекіой, лѣвая, генерала Рота, — черезъ Дульгеры къ Бургасу; на Софію, отъ Рихова и Врацы, шелъ отрядъ Гейслера. Во всѣхъ этихъ пунктахъ Балканы не представляютъ и сотой доли тѣхъ преградъ, которыя встрѣчаются на пространствѣ главнаго хребта, лежащаго къ сѣверу отъ долинъ Тунджи и Гіопса. Вся цѣпь отъ Сливенъ до Софіи считалась непроходимымъ оплотомъ Турціи противъ Россіи и это убѣжденіе было до того общимъ, что первая не заботилась особенно укрѣплять это пространство, а вторая даже не пробовала перейти его.

Опытъ кампаніи 1877—1878 годовъ показалъ, что не все кажущееся дѣйствительно и что центральный хребетъ сѣверныхъ Балканъ, хотя и съ громадными трудностями, но проходимъ въ слѣдующихъ 12-ти мѣстахъ:

1) Отъ Елены на Твардицу. (Наибольшая высота этого перевала 3000 фут.).

2) Отъ Габрова на Ханкіой, ущельемъ рѣки Калиферъ-дере—4000 фут.

3) Отъ Габрова, черезъ Шипку, къ Казанлыку—4900 фут.

4) Отъ Сельви или Габрова, черезъ Зелено-древо, къ Эметли — 4500 фут.

5) Отъ Новосела и Острецa, черезъ Розелитъ (Мара-Гайдукъ), къ Калоферу—6900 фут.

6) Отъ монастыря Успенія къ Карлову—6400 фут.

7) Отъ Траяна, черезъ Княжевицкія кулибы, на Орлиное гнѣздо, съ спусками къ Корнаре и Теке—6600 фут.

8) Отъ деревни Шипково, черезъ Камарцы, къ Рахманлы—5600 фут.

9) Отъ Тетевени къ Златицѣ—4200 фут.

10) Отъ Яблоницы къ Этрополю и Златицѣ—4200 фут.

11) Отъ Этрополя на Стрыглъ (Арабъ-конакъ) къ Ташкисену — 4130 фут.

12) Отъ Орханіе къ Ташкисену, съ обходными проходами отъ Врачета, черезъ Чирьякъ, на Яшеницу (3400 фут.) и изъ Лютикова на Жиляву—3300 фут.

Въ нынѣшнюю войну перевалы эти были пройдены:

а) Елено-Твардицкій и Ханкіойскій—въ іюлѣ мѣсяцѣ, передовымъ отрядомъ генералъ-лейтенанта Гурко и 25—26-го декабря колоною генералъ-адъютанта Святополка-Мирскаго.

б) Шипкинскій—28-го декабря, отрядомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго.

в) Зелено-древенскій,—26—27-го декабря, колоною генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го.

г) Розелитскій—въ началѣ ноября занятъ ротою и сотнею изъ Ловче-Сельвинскаго отряда.

д) Карловскій пройденъ, съ сѣверной стороны до вершины, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1877 года, рекогносцировочною партіею генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова; но южный спускъ не изслѣдованъ.

е) Траянскій пройденъ 23, 24, 25 и 26-го декабря отрядомъ генералъ-лейтенанта Карцова.

ж) Рахманлійскій изслѣдованъ 23-го декабря, съ сѣвера до д. Комарцы, двумя сотнями 30-го казачьяго полка, подъ начальствомъ подполковника Сухомлинова.

з) Тетевино-Златицкій пройденъ 16-го ноября шестиротнымъ отрядомъ полковника графа Комаровскаго.

і) Арабконакскій, Ташкисенскій, Этропольскій, Врачетскій и Лютиковскій пройдены, въ декабрѣ мѣсяцѣ, войсками гвардіи и 9-го корпуса.

Вышеприведенный перечень проходовъ указываетъ, что высочайшіе изъ переваловъ суть: Розелитскій, Карловскій, Траянскій и Рахманлійскій.

Такъ какъ изслѣдованіе этихъ переваловъ, а затѣмъ и взятіе ихъ было исполнено войсками сначала Ловче-Сельвинскаго, а потомъ Траян-

скаго отрядовъ, къ составу которыхъ принадлежалъ пишущій эту статью, то предметомъ ея будетъ подробное описаніе только этихъ проходовъ и взятіе Траянскаго перевала.

Въ началѣ сентября былъ сформированъ Ловче-Сельвинскій отрядъ. Онъ состоялъ въ началѣ изъ трехъ полковъ и четырехъ батарей 3-й пѣхотной дивизіи и казачьяго № 9-го полка. По прибытіи начальника отряда, генералъ-лейтенанта Карцова, 9-го сентября въ Ловчу, собранныя черезъ лазутчиковъ свѣдѣнія указывали, что перевалы, ведущіе изъ долины Гіопса къ Сельви, Ловчѣ и къ рѣкѣ Виду, заняты небольшими турецкими отрядами, изъ нѣсколькихъ сотъ баши-бузуковъ и черкесовъ, или изъ одной, много двухъ ротъ низама, расположенными на вершинахъ. Сѣверные же, обращенные къ намъ склоны оставались свободными. Только проходъ отъ Златицы къ Тетевени находился во власти турокъ. Впослѣдствіи оказалось, что въ Тетевени у нихъ былъ устроенъ этапный пунктъ, съ значительнымъ регулярнымъ гарнизономъ. По временамъ турки пробовали спускаться преимущественно по Траянову перевалу, но, дойдя до половины сѣвернаго склона, всякій разъ были прогоняемы казаками и болгарскими четниками. Впрочемъ, въ половинѣ ноября, небольшой ихъ партіи удалось пройти изъ Рахманлы и сжечь деревню Шипково; а 4-го ноября сдѣлана была изъ Златицы попытка взять обратно Тетевень *).

Съ нашей стороны, до сентября мѣсяца, не было никакого охраненія названныхъ проходовъ; дѣло ограничивалось однимъ наблюденіемъ за ними. Послѣднее состояло въ томъ, что къ сторонѣ Розелита, въ деревнѣ Новосело, стояла сотня 30-го казачьяго полка, двѣ сотни того же полка занимали монастырь Успенія и Траянъ **). Пути же отъ Рахманлы къ Шипкову и отъ Златицы къ Тетевени не наблюдались. По этимъ-то путямъ совершалось прямое и постоянное сообщеніе турокъ изъ-за Балканъ съ Плевною. Артиллерійскія тяжести и запасы продовольствія, конечно, не могли идти этими перевалами; но всѣ команды новобранцевъ и выздоровѣвшихъ, равно какъ и вьючные транспорты, проходили безнаказанно. Лишить непріятеля этого пути было главною нашею заботою. Съ этою цѣлью, во второй половинѣ сентября и въ первой октября мѣсяцевъ, былъ предпринятъ рядъ поисковъ и набѣговъ, постепенно освѣщавшихъ мѣстность къ западу отъ Ловчи до рѣки Вида. Сначала войсковой старшина 24-го казачьяго полка Тарасовъ занялъ съ боя турецкій Изворъ и Торосъ, а потомъ, 19-го октября, флигель-адъютантъ

---

*) Сожженіе до тла г. Траяна и нападеніе на Успенскій монастырь были сдѣланы въ августѣ, т. е. до образованія Ловче-Сельвинскаго отряда, когда Ловча была еще въ рукахъ турокъ.

**) Съ 1-го октября 30-й казачій полкъ вошелъ въ составъ Ловче-Сельвинскаго отряда, а 9-й былъ замѣненъ 24-мъ.

полковникъ Орловъ, командовавшій казачьею бригадою Ловче-Сельвинскаго отряда, взялъ Тетевень. Съ этихъ поръ всякое сообщеніе турокъ съ Плевною, по правому берегу р. Вида, прекратилось и положеніе Ловчи сдѣлалось вполнѣ обезпеченнымъ. Это дало возможность не только усилить наблюденіе за сѣверными спусками съ Балканъ, но и приступить къ тщательному изслѣдованію проходовъ отъ Новосела и Острецa черезъ Марагайдукъ къ Калоферу, отъ Траяна и монастыря къ Карлову, Корнари и Теке и отъ Тетевени къ Златицѣ. Прежде всего, наблюдавшія за перевалами сотни были подкрѣплены пѣхотою: 4-я рота 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка (поручика Александровскаго) передвинута изъ Сельви въ Острецъ, а 1-я стрѣлковая и 3-я линейная—въ монастырь и Траянъ. Занять эти пункты большимъ числомъ ротъ было нельзя, потому что всю 2-ю бригаду 3-й пѣхотной дивизіи приказано было отправить къ генералу Гурко, за р. Видъ, и батальонъ 1-й бригады—въ Тетевень, на смѣну находившагося тамъ батальона 2-й бригады. Независимо отъ этого, болѣе значительное усиленіе наблюдательныхъ постовъ, могло только обнаружить наши намѣренія, не принося никакой особенной пользы. Ожидать, чтобы турки сами предприняли что-либо серьезное съ сѣверныхъ склоновъ, не было основанія. Если они не рѣшались на это въ августѣ и сентябрѣ, то съ приходомъ къ намъ подкрѣпленій, нечего было и думать о подобной съ ихъ стороны предпріимчивости.

Узнать навѣрное, что находится у непріятеля на перевалахъ и особенно за ними, въ долинахъ, было весьма трудно. Всѣ свѣдѣнія, доставляемыя лазутчиками и преданными намъ болгарами, сводились къ тому, что въ долинѣ Гіопса и на перевалахъ находятся только незначительныя партіи баши-бузуковъ и лишь по временамъ появляются регулярные батальоны, передвигающіеся къ западу. Посланные къ югу, въ Карлово и Корнари и къ западу—въ Златицу и Орханіе агенты доносили, что съ конца сентября турки стягиваютъ все, что возможно, къ Софіи, и что Балканскіе перевалы охраняются незначительными командами. Болгарамъ видимо хотѣлось, чтобы мы возможно скорѣе предприняли переходъ черезъ горы, но серьезнаго содѣйствія, какъ оказалось впослѣдствіи, они намъ въ этомъ не оказали.

Первая попытка осмотрѣть подъемы изъ Острецa на Мара-Гайдукъ и изъ Траяна къ Корнари, была предпринята 30-го и 31-го октября и поручена временно-командовавшему 1-ю бригадою 3-й пѣхотной дивизіи, ея начальникомъ, генералъ-маіору Дандевилю. Въ этой рекогносцировкѣ принималъ личное участіе его высочество принцъ баварскій, бывшій передъ тѣмъ въ Ловчѣ и подробно осматривавшій въ ней всѣ наши укрѣпленія и позиціи. Взявъ съ собою двѣ роты 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, генералъ Дандевиль выступилъ изъ Острецa, гдѣ

присоединивъ къ себѣ казаковъ, прошелъ до половины сѣвернаго подъема. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами турецкихъ передовыхъ постовъ. Такъ какъ форсированіе переваловъ не имѣлось въ виду и напротивъ было приказано не обнаруживать настойчиваго изслѣдованія подъемовъ, то ограничившись осмотромъ первой половины пути, генералъ Дандевиль возвратился въ Острецъ, откуда направился къ Траяну и 31-го октября прошелъ половину траяновскаго подъема, отъ Княжевицкихъ кулибъ до овчарни. Обѣ эти рекогносцировки глазомѣрно сняты, прикомандированнымъ къ отряду, корпуса топографовъ поручикомъ Карловичемъ.

Вскорѣ послѣ этой первой попытки, сдѣлана была вторая, съ большими результатами.

2-го ноября, находившійся въ Острецѣ за старшаго, войсковой старшина Афанасьевъ, получилъ отъ болгаръ свѣдѣніе, будто на Розелитскій перевалъ пришло 2000 турокъ, которые строятъ на Мара-Гайдукѣ укрѣпленіе, и намѣрены предпринять нападеніе, на селенія сѣвернаго склона. Желая удостовѣриться въ справедливотти этихъ показаній, Афанасьевъ рѣшился подняться на Мара-Гайдукъ. Для этого онъ присоединилъ къ своей сотнѣ роту поручика Александровскаго, и съ этимъ отрядомъ предпринялъ движеніе въ горы. Онъ выступилъ въ 4 часа утра, 3-го ноября; къ 10-ти часамъ едва дошелъ до половины подъема, и не смотря однако на сильную усталость людей, послѣ непродолжительнаго привала, двинулся далѣе. Чѣмъ выше отрядъ поднимался, тѣмъ подъемъ становился круче и труднѣе. Недоходя верстъ двухъ до вершины, при выходѣ изъ послѣдней опушки лѣса, гдѣ начинается самый крутой подъемъ, по голой, въ то время уже на аршинъ покрытой снѣгомъ скалѣ, Афанасьевъ былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ укрѣпленія. По дальности-ли разстоянія, или по безпорядочности стрѣльбы, эта послѣдняя непричинила никакого вреда. Ободренные этимъ, Александровскій и Афанасьевъ пошли дальше, причемъ рота была направлена въ обходъ праваго, а спѣшившаяся сотня—лѣваго фланга укрѣпленія. При самомъ началѣ этого маневра, турки прекратили стрѣльбу и бѣжали. Вмѣсто двухъ тысячъ, ихъ оказалось всего 300. Поднявшись на вершину, наши нашли тамъ укрѣпленіе, имѣвшее видъ флѣши съ флангами, и позади его шалаши, изъ которыхъ турки неуспѣли захватить галеты и другіе припасы. Шалаши были немедленно сожжены, и Афанасьевъ, поздно ночью, возвратился въ Острецъ. Такимъ образомъ невозможность подняться на высочайшую вершину сѣверныхъ Балканъ была фактически опровергнута.

Получивъ донесеніе объ отважномъ восхожденіи Афанасьева и Александровскаго, и опасаясь, чтобы турки вновь не утвердились на перевалѣ Розелита, начальникъ отряда отправилъ въ Острецъ командирован-

наго въ его распоряженіе, генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова. Ему было приказано срыть турецкое укрѣпленіе и вмѣсто него построить новое, обращенное противъ южнаго склона. При исполненіи этого порученія выяснилось слѣдующее: 1) восхожденіе съ ротою и сотнею, возможное недѣлю назадъ, съ наступленіемъ непогоды и мороза, представляло неимовѣрныя трудности. Мѣстами приходилось карабкаться на четвереолькахъ по тропинкамъ косогоровъ, черезъ которые лилась вода, и, замерзая, образовала наклонныя къ пропасти плоскости. Чтобы пройти подобныя мѣста, казаки шашками надрубали ледъ, и только тогда ноги могли имѣть упоръ; 2) о переходѣ черезъ Мара Гайдукъ, не только съ кое-какимъ колеснымъ обозомъ, но и съ вьюками, нечего и думать. Все это подтвердило слова мѣстныхъ жителей, что перевалъ этотъ, зимою положительно не проходимъ, и что самые отважные горцы, съ октября и до апрѣля, не рѣшаются перебираться черезъ Балканы въ этомъ направленіи; 3) постоянно держать на перевалѣ какую-либо часть войскъ—нѣтъ никакой возможности, потому что уже въ началѣ ноября тамъ была невыносимая стужа и безпрерывныя мятели. Этою невозможностію оставаться на перевалѣ объясняется та поспѣшность, съ которою турки оставили свои укрѣпленія. Видимо, что они только ждали предлога, чтобы избавиться невыносимой стоянки и спуститься на южную сторону.

Въ виду невозможности оставаться на перевалѣ, рѣшено было занять построенное на немъ укрѣпленіе, возможно чаще смѣняемымъ карауломъ изъ болгарскихъ охотниковъ, съ поддержкою ихъ казачьимъ постомъ.

При восхожденіи на Мара-Гайдукъ, подполковникъ Сухомлиновъ снялъ подробно подъемъ до самой вершины. Этотъ артистически исполненный чертежъ перевала, черезъ который никогда еще не переступало никакое войско, былъ тогда-же, вмѣстѣ съ маршрутною картою поручика Карловича, представленъ въ штабъ арміи. Туда-же было послано подробное донесеніе о недоступности въ зимнее время Розалитскаго прохода. Несмотря на это, въ Боготѣ, еще за двѣ недѣли до паденія Плевно, говорили о предполагаемомъ движеніи за Балканы черезъ Мара-Гайдукъ. Въ пользу этого направленія высказывали такую мысль: „переходя западнѣе, придется идти къ Шипкѣ черезъ Калоферское ущелье и штурмовать сильно укрѣпленную позицію, между тѣмъ какъ переваливая черезъ Розелитъ, это избѣгается“.

Это мнѣніе опровергается слѣдующимъ: 1) Если и предположить, что Калоферское ущелье сильно укрѣплено и занято турками, то все-таки лучше было имѣть непріятеля съ фронта, нежели съ тылу. 2) Спускаясь у Калофера, отрядъ, состоящій всего изъ $5^1/_2$ батальоновъ, становился такъ близко отъ Шипки, занятой 40 таборами, что уничтоже-

ніе этого отряда дѣлалось не только вѣроятнымъ, но неизбѣжнымъ. 3) Поставленный между двухъ огней, съ фронта отъ Шипки, и съ тыла отъ Калофера, отрядъ не имѣлъ-бы пути отступленія, и, наконецъ, 4) мнѣніе, будто Калоферское ущелье непремѣнно нужно брать съ фронта и что нельзя обойти его, совершенно не вѣрно. Всякому отряду, занимающему Карлово, вполнѣ возможно пройти въ долину Тунджи, минуя Калоферъ; слѣдуетъ только взять вправо на Чаталкіой и затѣмъ, по незначительнымъ склонамъ малыхъ Балканъ, выйти у Доймушляра. Этимъ путемъ, единственно для сокращенія дороги, проходили потомъ разъѣзды, возвращаясь съ Казанлыкскаго шоссе въ Чукурлу. Впрочемъ, не было надобности и въ этихъ доказательствахъ не идти Розелитскимъ переваломъ; достаточно одной причины—это того, что въ зимнее время онъ положительно непроходимъ.

До паденія Плевны, предполагаемое движеніе за Балканы имѣло цѣлью только освобожденіе войскъ генерала Радецкаго отъ невыносимой стоянки на Шипкинскомъ перевалѣ. Тогда думали, что генералъ Гурко, пройдя Балканы, пойдетъ долиной Гіопса и Тунджи. Въ виду этого предполагалась такая комбинація: когда Гурко двинется къ Златицѣ, въ голову его колонъ выйдутъ роты 10-го Новоингерманландскаго полка, находящіяся въ Тетевени. Затѣмъ, когда онѣ пройдутъ клиссурское ущелье, къ нимъ, перейдя Трояновскій перевалъ, выйдутъ батальоны, расположенные въ Ловчѣ. Наконецъ роты и сотни, занимающія Сельви, перейдутъ Балканы черезъ Розелитъ, и такимъ образомъ вся 3-я пѣхотная дивизія соединится у Калофера, и образуетъ авангардъ наступающей съ запада гвардіи. Такія заранѣе разсчитанныя движенія, черезъ препятствія подобныя Балканскимъ переваламъ, едва-ли могли-бы удастся даже и въ томъ случаѣ, если-бы перевалы и не были заняты непріятелемъ. Достаточно было-бы одного или двухъ дней мятели, чтобы всѣ разсчеты измѣнились. Наконецъ, не слишкомъ-ли было-бы рисковано, предпринимать переходы въ трехъ мѣстахъ, столь незначительными частями *). Предположивъ даже, что всѣ части 3-й пѣхотной дивизіи, стоявшія въ Тетевени, Ловчи и Сельви, соединились-бы у одного изъ сѣверныхъ подъемовъ, и тогда отдѣльный переходъ незначительнаго отряда не могъ-бы имѣть успѣха, потому что въ то время еще не разъяснилось, ни положеніе на Шипкѣ, ни движеніе генерала Гурко **). Лично доложивъ это мнѣніе въ главной квартирѣ, начальникъ отряда полу-

*) Если-бы пришлось приводить это предположеніе въ исполненіе, то изъ Тетевени въ Златицу спустилось бы всего 6 ротъ; изъ Траяна къ Корнари 2½ батальона, и изъ Сельви, черезъ Острецъ къ Калоферу, 2 батальона.

**) Во второй половинѣ ноября, во всемъ Ловче-Сельвинскомъ отрядѣ было на лицо всего 4½ батальона и 10 сотенъ.

чилъ приказаніе—не предпринимая ничего рѣшительнаго, продолжать изслѣдованіе переваловъ.

Для этой новой, уже третьей, рекогносцировки Траянскаго перевала, сформирована была партія изъ 30-ти охотниковъ 3-й роты 9-го Староингерманландскаго полка, при капитанѣ Шелеповѣ, и 20-ти казаковъ, при войсковомъ старшинѣ Антоновѣ, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Сухомлинова. Изъ подробнаго донесенія его видно, что переходъ Балканъ отъ Траяна, со спусками къ Корнари и Теке, можно совершить по двумъ отдѣльнымъ отрогамъ главнаго хребта. Одинъ начинается въ 5-ти верстахъ отъ Траяна, у Княжевицкихъ кулибъ; другой—непосредственно отъ монастыря Успенія Богородицы. Оба подъема сходятся на вершинѣ перевала, у конусообразной скалы, называемой „Орлиное гнѣздо". По первому пути подполковникъ Сухомлиновъ направился лично, съ охотниками и обоими офицерами партіи; по второму, отъ монастыря, пошли казаки. Обѣ эти команды должны были соединиться на перевалѣ и спуститься къ монастырю. Изслѣдованіе южнаго спуска не имѣлось въ виду, дабы не обнаруживать нашего намѣренія перейти въ этомъ пунктѣ и кромѣ того было свѣдѣніе отъ лазутчиковъ, что въ это время въ Карловѣ и Корнари было нѣсколько таборовъ.

Путь отъ Траяна до Княжевицкихъ кулибъ идетъ долиною рѣки Бѣлой Осмы, мѣстами по карнизамъ крутыхъ скалистыхъ береговъ. Онъ чрезвычайно живописенъ и представляетъ на каждомъ шагу, даже зимою, прелестные ландшафты. На пространствѣ 5-ти верстъ приходится два раза переходить рѣчку въ бродъ, что, по словамъ болгаръ, при разливахъ, не всегда возможно. До кулибъ могутъ проходить пароконныя повозки, лишь съ незначительными, вполнѣ преодолимыми, затрудненіями.

У Княжевицкихъ кулибъ, сряду по переходѣ Осмы, начинается и тянется съ версту, весьма крутой подъемъ, по каменистому грунту. Съ перваго взгляда онъ кажется непреодолимымъ; но онъ ничто въ сравненіи съ послѣднимъ передъ перевалом подъемомъ. Затѣмъ постепенно поднимаясь, тропа идетъ то лѣсомъ, то голымъ хребтомъ, съ отвѣсными къ ущельямъ боками, то еще болѣе узкимъ корнизомъ, висящимъ надъ пропастью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первой половины подъема, остались еще слѣды мостовой, построенной римлянами, временъ императора Траяна, имя котораго дано городу, у сѣвернаго склона и самому перевалу. Мостовая эта то въ сажень ширины, то совсѣмъ исчезаетъ, то превращается въ тропу, не шире шага. При туманѣ, или въ гололедицу, слѣдованіе такими мѣстами крайне опасно и требуетъ большихъ снаровокъ. Версты за 4 до вершины, передъ небольшею лощиною, покрытою густымъ дубовымъ лѣсомъ, находится каменное, полуразрушенное зданіе, въ видѣ небольшаго сарая. Это овчарня, служащая во время мятели убѣжищемъ пастухамъ и странникамъ. Отсюда замѣченъ былъ на самомъ

перевалѣ турецкій караулъ, все время слѣдившій за движеніемъ нашей партіи. Появленіе непріятеля не съразу остановило Сухомлинова и его товарищей. Они шли выше и выше, покуда неувидѣли укрѣпленія, построеннаго на выдающейся скалѣ; это-то мѣсто и носитъ у горцевъ названіе „Орлиное гнѣздо". Изъ укрѣпленія поспѣшно вышли на перевалъ двѣ роты, съ явнымъ намѣреніемъ недопускать нашихъ подниматься выше. Разстояніе отъ укрѣпленія до того мѣста, гдѣ долженъ былъ остановиться Сухомлиновъ, не превышало 600 шаговъ и непонятно, почему турки не открыли по нашимъ огонь. Если-бы они сдѣлали это, то едва-ли кому-либо удалось вернуться, потому что пришлось-бы спускаться подъ выстрѣлами, по одиночкѣ. Не прошло 5-ти минутъ, какъ турки поспѣшно ушли за укрѣпленіе. Это странное обстоятельство объяснилось тѣмъ, что въ такое время, по подъему отъ монастыря, показались казаки, которыхъ они вѣроятно приняли за разъѣздъ отъ значительной колоны. Такъ какъ оба подъема сходились подъ укрѣпленіемъ, а малочисленность партіи непозволяла предпринять атаку, то Сухомлиновъ возвратился прежнимъ путемъ, при чемъ успѣлъ снять и здѣсь подробное кроки подъема.

Подъемъ, по которому шли казаки отъ монастыря къ Орлиному гнѣзду, оказался еще труднѣе. По немъ могутъ пройти только самые легкіе вьюки, на горныхъ лошадяхъ; наши же казачьи едва взбирались пустыми, безъ сѣдоковъ.

На другой-же день, 17-го ноября, предпринята была развѣдка перевала отъ монастыря къ Карлову. Путь этотъ соединяетъ въ себѣ характеръ розелитскаго прохода съ траяновскимъ. Первая половина подъема идетъ ущельемъ рѣки Черной Осмы и за тѣмъ по рѣкѣ Крайвѣ. Нѣсколько разъ пересѣкая эти рѣчки, эта часть пути, во время дождей и таянія снѣговъ, положительно не проходима. Вторая половина подъема вьется весьма узкою тропою, по гребню хребта, вершина котораго состоитъ изъ сходящихся подъ острымъ угломъ плоскостей. Здѣсь подъемы еще круче траянскихъ.

Чтобы докончить разслѣдованіе переваловъ на всемъ занимаемомъ ловче-сельвинскимъ отрядомъ пространствѣ, было предписано, находящемуся съ 6-ю ротами 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка въ Тетевени, командиру этого полка полковнику графу Комаровскому, исподволь рекогносцировать перевалъ отъ Тетевени на Златицу, сначала посылая въ горы болгарскихъ охотниковъ съ казаками, а потомъ попробовать пройти и съ небольшою пѣхотною частію. Первая попытка, сдѣланная 16-го ноября, указала, что Златицкій перевалъ занятъ турецкими караулами. Для раскрытія ихъ силы, достаточно было бы послать одну или двѣ роты; но къ сожалѣнію одновременно съ предписаніемъ изъ Ловчи, графъ Комаровскій получилъ записку отъ начальника штаба за-

паднаго отряда, генерала Нагловскаго, съ просьбою, появленіемъ на перевалѣ, облегчить движеніе генерала Курнакова изъ Этрополя на Златицу. И для этого достаточно было бы двухъ ротъ, такъ какъ требовалось одно лишь появленіе на перевалѣ. Вмѣсто того графъ Комаровскій взялъ въ горы 6 ротъ. Поднявшись безъ особенныхъ затрудненій, роты были встрѣчены на перевалѣ выстрѣлами изъ турецкихъ ложементовъ. Послѣ ничтожной перестрѣлки, турки ушли къ Златицѣ. Не ограничась однимъ появленіемъ и не имѣя никакого свѣдѣнія о Курнаковѣ, графъ Комаровскій три дня простоялъ на перевалѣ, среди голыхъ скалъ, гдѣ не было ни воды, ни лѣса для костровъ. Отрядъ совершенно безъ надобности перенесъ большія лишенія: трое сутокъ люди не имѣли горячей пищи и одинъ день сухарей. Это видно было изъ рапорта графа Комаровскаго, доносившаго: „что люди сильно заболѣваютъ, обувь уничтожается и въ отрядѣ нѣтъ ни одного вполнѣ здороваго человѣка". По полученіи этого донесенія, графу Комаровскому было приказано немедленно возвратиться въ Тетевень. Это движеніе въ горы выяснило, что перевалъ изъ Тетевени на Златицу несравненно проходимѣе траянскаго и розелитскаго.

Въ то время, когда подполковникъ Сухомлиновъ находился еще въ горахъ, прибылъ изъ главной квартиры въ Ловчу, назначенный въ распоряженіе начальника отряда, инженеръ-капитанъ Александровскій. Цѣль его командировки состояла въ томъ, чтобы немедленно приступить къ разработкѣ траяновскаго перевала, до проходимости его съ артиллеріею, но съ тѣмъ, чтобы работа производилась скрытно. Такая разработка невозможна была безъ взрыва камней, чего скрыть отъ турокъ нельзя. За тѣмъ для подобнаго предпріятія потребовалось-бы, въ теченіи трехъ или четырехъ недѣль, по меньшей мѣрѣ батальонъ саперъ и бригада рабочихъ *). Обо всемъ этомъ было написано начальнику штаба арміи, съ просьбою разъясненія какъ поступить. Покуда ожидалось разъясненіе, внезапная неудача у Елены заставила спѣшно отправить изъ ловче-сельвинскаго отряда 8 ротъ къ Тырнову и отложить приготовленія къ переходу черезъ Балканы. За тѣмъ пала Плевна и всѣ предположенія измѣнились.

Чтобы и въ будущемъ отклонить намѣреніе о движеніи черезъ Мара-Гайдукъ, было предложено еще разъ рекогносцировать траянскій перевалъ, въ то время уже совершенно покрытый снѣгомъ, дабы убѣдиться не произошло-ли на немъ какихъ-либо перемѣнъ, какъ отъ климати-

*) Ознакомившись съ траянскимъ переваломъ до мельчайшихъ подробностей, оказывается, что дѣйствительно онъ можетъ быть разработанъ и для артиллеріи. На сѣверномъ склонѣ труднѣе всего будетъ справиться съ первою горою у Княжевицкихъ кулибъ и съ послѣднимъ подъемомъ, что за овчарнею; но спускъ на югъ потребуетъ ужасныхъ усилій.

ческихъ условій, такъ и относительно укрѣпленій. Для условій объ этой окончательной развѣдкѣ были вызваны въ Ловчу старшіе офицеры съ постовъ: изъ Траяна—войсковой старшина Антоновъ, изъ монастыря — сотникъ Грузиновъ и изъ Остреца — поручикъ Александровскій. Имъ было приказано немедленно отправить въ горы надежныхъ развѣдчиковъ изъ болгаръ, съ тѣмъ, чтобы кромѣ осмотра подъема, они употребили всѣ усилія пробраться въ долину и узнать силы турокъ, какъ на перевалѣ, такъ и у южныхъ спусковъ. Вслѣдъ за развѣдчиками были вновь посланы къ трояновскому проходу генеральнаго штаба подполковники Сосновскій и Сухомлиновъ. Имъ было указано: а) собрать свѣдѣнія сколько можно набрать вьюковъ въ окрестностяхъ Траяна; б) какія имѣются мѣстныя средства, для обезпеченія отряда продовольствіемъ; в) избрать пункты для его склада и для устройства лазарета; г) распорядиться заготовкою фуража; д) назначить сборные пункты для болгарскихъ охотниковъ (четниковъ) и передать начальникамъ четъ составленную для нихъ инструкцію.

Трое сутокъ, проведенные командированными офицерами на Траянѣ, выяснили слѣдующее:

1) Вслѣдствіе выпавшихъ въ послѣднее время снѣговъ, подъемъ принялъ совершенно иной характеръ. Хотя на открытыхъ мѣстахъ онъ сдѣлался отъ глубины снѣга труднѣе, за то въ общемъ значительно облегчился: узкія тропы стали шире, неровности между камнями заровнялась снѣгомъ и явилась надежда перетащить на полозьяхъ и артиллерію.

2) Мѣстные горцы обѣщаютъ для отряда ежедневно 200 вьюковъ, и для подъема орудій сколько понадобится буйволовъ.

3) На продовольствіе отряда мѣстными средствами разсчитывать нельзя, по неимѣнію у горцевъ никакихъ запасовъ, но фуража достаточно.

4) Для склада продовольственныхъ припасовъ и для лазарета имѣется достаточно помѣщеній въ кулибахъ.

5) Для разработки пути и для расчистки сугробовъ и заносовъ, можно расчитывать на 400 рабочихъ изъ горцевъ.

6) Насколько можно было видѣть съ сѣвера, укрѣпленіе на Орлиномъ гнѣздѣ, то же, но по показаніямъ лазутчиковъ, число турокъ какъ на перевалѣ, такъ и у южныхъ спусковъ увеличилось.

Общее же впечатлѣніе, вынесенное двумя названными офицерами генеральнаго штаба, было то, что если отрядъ усилятъ и если удастся пройти безъ мятелей, то гораздо легче совершить переходъ зимою, чѣмъ осенью.

Объ этихъ свѣдѣніяхъ начальникомъ отряда, 19-го декабря, было лично доложено главнокомандующему, причемъ заявлено, что переходъ

у Траяна, если не застигнетъ мятель, возможенъ, что атака съ фронта потребуетъ большихъ жертвъ; наконецъ, что отрядъ изъ $4^1/_2$ батальоновъ, при малой надеждѣ взвести орудія, слишкомъ слабъ. Столь ничтожный отрядъ, при громадности затрудненій на подъемѣ, можетъ быть задержанъ самою незначительною частью, и тогда вся цѣль перехода исчезаетъ. Указанная же цѣль состояла въ томъ, чтобы отвлечь на себя непріятеля отъ Шипки и тѣмъ облегчить общее наступленіе генерала Радецкаго и фланговыхъ его отрядовъ—генераловъ Святополкъ-Мирскаго и Скобелева 2-го.

Недѣлю назадъ было основаніе надѣяться, что отрядъ будетъ усиленъ всей 3-й стрѣлковой бригадой, но оказалось возможнымъ дать только 10-й стрѣлковый батальонъ и саперную роту, потому что всѣ прочія свободныя части вошли въ отрядъ генерала Скобелева 2-го.

На дальнѣйшія настоянія объ увеличеніи состава отряда послѣдовалъ такой отвѣтъ помощника начальника штаба: „Если 5 батальоновъ и погибнутъ, то это не будетъ имѣть вліянія на ходъ кампаніи". Изъ этого слѣдовало заключить, что всѣ дальнѣйшія просьбы и доводы о необходимости усилить отрядъ будутъ напрасны и если требуется жертва, то надо принести ее. Не личная опасность смущала, а отвѣтственность за отрядъ. Тогда начальникъ отряда обѣщалъ сдѣлать все, что зависитъ отъ человѣческихъ усилій, но за вѣрный успѣхъ не ручался, потому что ни Этропольскій хребетъ, ни знаменитый Шипкинскій перевалъ, не смотря на всѣ ихъ трудности, не могутъ идти въ сравненіи съ Траянскимъ балканомъ, составляющимъ, послѣ Мара-Гайдука, высшую точку всѣхъ Балканскихъ горъ. Мѣстные горцы называютъ его „Дери-магаре" или „смерть магарска", т. е. гибель ословъ. Всѣ военные писатели, въ томъ числѣ Каницъ и Мольтке, считаютъ траянскій проходъ не возможнымъ для военныхъ движеній. Здѣсь безслѣдно гибли римскіе легіоны, а турки, покорители Византіи и болгарскаго царства, искали другихъ путей, считая траянскій недоступнымъ.

Главнокомандующій былъ видимо доволенъ рѣшимостію исполнить его волю и приказалъ начать переходъ одновременно съ наступленіемъ генерала Радецкаго, предположеннымъ на 24-е декабря: „Удастся перейдти—честь и слава, а нѣтъ такъ демонстрируй, но работай усердно", сказалъ Великій Князь, отпуская начальника отряда изъ своей юрты.

Появленіе русскаго отряда на Траянѣ должно было произвести потрясающее дѣйствіе на непріятеля, что и подтвердилось послѣдующими фактами и разсказами парламентера и плѣнныхъ. Если-бы даже и пришлось ограничиться однимъ демонстрированіемъ, то и оно удержало бы противъ Траяна и въ долинѣ нѣсколько таборовъ, которые оставаясь свободными, усилили бы турокъ у Шипки.

Имѣя въ виду, что разстояніе между Шипкою и Корнари, гдѣ намъ

предстояло спуститься, болѣе 70 верстъ, что при одновременномъ началѣ движенія въ горы, съ наступленіемъ генерала Радецкаго, турки, въ моментъ боя, когда имъ дорогъ каждый человѣкъ, не стали бы отдѣлять за 70 верстъ ни одного табора, начало подъема назначено на 23-е декабря, т. е. за три дня до начала общаго наступленія на Шипкѣ, отложеннаго потомъ до 27-го числа, о чемъ получена была телеграмма отъ генерала Радецкаго.

Въ три дня, остававшіеся до 23-го числа, предстояло сдѣлать многое.

По возвращеніи начальника отряда отъ Богота въ Ловчу, 19-го поздно вечеромъ, въ теченіи ночи исполнено слѣдующее:

1) Составлено распредѣленіе войскъ на эшелоны, для постепеннаго ихъ подъема на перевалъ. Двинуть весь отрядъ разомъ, или въ меньшемъ числѣ эшелоновъ, нельзя было по невозможности собрать такое число вьючныхъ животныхъ, которое было бы достаточно для подъема разомъ, необходимаго для всего отряда продовольствія и снарядовъ.

2) Составлены разбросаннымъ частямъ отряда маршруты, для сосредоточенія каждаго эшелона у Княжевицкихъ кулибъ.

3) Разосланы предписанія командирамъ отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ и командиру 3-й роты 6-го сапернаго батальона, которая только наканунѣ пришла изъ Плевно и поступила въ составъ отряда.

Дальнѣйшія распоряженія о переформированіи Ловчи-Сельвинскаго отряда въ траянскій и составъ послѣдняго, видны изъ слѣдующаго приказа, отъ 20-го декабря.

„По волѣ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, изъ Ловче-Сельвинскаго отряда формируется, подъ моимъ начальствомъ, для перехода черезъ Балканы у Траяна, Траянскій отрядъ изъ слѣдующихъ частей:

Пѣхота.	9-й пѣхотный староингерманландскій полкъ, въ полномъ составѣ.	15	ротъ.
	10 пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка: 5, 7, 2-я стрѣлковая рота и весь 3-й батальонъ	8	„
	10 стрѣлковый батальонъ.	4	„
	6 сапернаго батальона.	1	„
	Итого	28	ротъ.
Кавалерія.	Донскаго казачьяго № 24 полка . .	$4^1/_2$	сотни.
	Казачьяго № 30 полка	5	„
	Итого . . .	$9^1/_2$	„
Артиллерія.	3 батарея 3-й артиллерійской бригады.	8	орудій.

Начальникомъ штаба отряда назначается исправляющій должность начальника штаба 3-й пѣхотной дивизіи подполковникъ Сосновскій.

Всѣмъ чинамъ штаба этой дивизіи войти въ составъ штаба отряда.

Начальникомъ артиллеріи быть командиру 3-й артиллерійской бригады полковнику Золотухину.

Отряднымъ комендантомъ назначаю 9-го полка маіора Лебединскаго, а помощникомъ его 12-го полка поручика Альбединга.

Генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову состоять при мнѣ для порученій.

Ординарцами ко мнѣ назначаются: лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка штабъ-ротмистръ Крестовскій, 9-го полка поручикъ Эрнротъ, 11-го полка поручикъ Яковлевъ и 24-го казачьяго полка хорунжій Марковъ.

Отряднымъ интендантомъ быть интенданту 3-й дивизіи подполковнику Исакову.

Всѣ обозы и тяжести, 1-ю и 5-ю батареи и подвижной дивизіонный лазаретъ оставить въ Ловчѣ.

Общее начальство всѣми остающимися чинами и складами возлагается на подполковника 10-го полка Чигирина, которому руководствоваться особо даннымъ мною предписаніемъ.

Интенданту Исакову временно остаться въ Ловчѣ, со всѣми находящимися въ его распоряженіи нижними чинами, для заготовки сухарей. Письмоводителю же его Романовичу слѣдовать до кулибъ, гдѣ устроить складъ продовольствія и руководить транспортировкою его, на вьюкахъ, черезъ перевалъ.

Врачамъ всѣхъ частей, исключая старшаго врача 10-го полка, слѣдовать съ отрядомъ и состоять въ распоряженіи главнаго врача подвижнаго лазарета Кунаховича, которому, по взятіи перевала, возвратиться въ Ловчу, а при отрядномъ штабѣ состоять хирургу Стельмаховичу и младшему врачу Федорову.

Изъ роты носильщиковъ назначить съ отрядомъ 100 человѣкъ, при командирѣ капитанѣ Доброхотовѣ.

Подписалъ генералъ-лейтенантъ Карцовъ.

Во время этихъ распоряженій, т. е. въ ночь на 20-е декабря, войска Ловче-Сельвинскаго отряда, изъ которыхъ формировался траянскій, находились въ слѣдующихъ пунктахъ:

Въ Ловчѣ: 2-й батальонъ 9-го полка, 2-я стрѣлковая рота и 3-й батальонъ 10 полка, саперная рота, 3-я батарея и 3 сотни 24-го казачьяго полка.

Въ Сельви: 1 и 2 линейныя роты и 3-й батальонъ 9-го полка и 2 сотни казачьяго № 30 полка.

Въ Траянѣ: 1-я стрѣлковая рота 9-го полка и двѣ сотни 30-го казачьяго.

Въ монастырѣ Успенія: 3-я рота 9-го полка и сотня 30-го казачьяго.

Въ Острецѣ: 4-я рота 9-го полка и сотня 30-го казачьяго полка.

Въ Тетевени: 5-я и 7-я роты 10-го полка, и полторы сотни казачьяго № 24 полка.

Такимъ образомъ, передъ выступленіемъ, отрядъ былъ разбросанъ въ 6 пунктахъ. Вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ приказомъ, во всѣ эти пункты отправлены маршруты и распредѣленіе отряда по-эшелонно.

Распредѣленіе это было слѣдующее:

Въ 1-й эшелонъ, подъ начальство командира 10-го стрѣлковаго батальона полковника Бородина, назначены: 10-й стрѣлковый батальонъ, саперная рота, 3-я батарея—изъ Ловчи, и 2 сотни 30-го полка—изъ Траяна. Части, расположенныя въ Ловчѣ, выступили 21-го декабря, 22-го ночевали въ деревнѣ Лупецъ, 22-го въ Княжевицкихъ кулибахъ, откуда 23-го тронулись въ горы.

Второй эшелонъ, подъ начальствомъ командира 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка флигель-адъютанта, полковника графа Татищева, былъ составленъ изъ 1 и 2 ротъ и 3-го батальона 9-го полка, и 2-хъ сотенъ казачьяго № 30 полка, находившихся въ Сельви, откуда 21-го онъ парешелъ въ Демьяново, 22-го въ Добродамъ, 23-го въ Кулибы и 24-го началъ подъемъ.

Третій эшелонъ образовали находившіеся въ Ловчѣ: 2 батальонъ 9-го полка, 2 стрѣл. и 3 бат. 10-го полка и 2 сотни № 24 казачьяго. Начальникомъ эшелона назначенъ маіоръ 9-го полка Духновскій, которому было предписано: 23-го перейти въ Лупецъ, 24-го въ Кулибы и 25-го слѣдовать на перевалъ, гдѣ и присоединиться къ своему полку.

Четвертый эшелонъ составляли три роты 10-го полка, находившіяся въ Тетевени, и полторы сотни казачьяго № 24 полка. Они должны были прибыть 22-го въ Шипково и 23-го, подъ начальствомъ подполковника Сухомлинова, совершить перевалъ на Рахманлы.

Послѣ этихъ, такъ сказать строевыхъ распоряженій, наступили самыя трудныя и наиболѣе озабочивающія—это обезпеченіе продовольствіемъ и устройство черезъ перевалъ сообщенія съ главною квартирою и съ оставленными въ тылу обозами и командами.

Въ отрядѣ состояло 6500 человѣкъ, для которыхъ требовалось до 350 пуд. сухарей ежедневно. Это количество и приказано было ежедневно отправлять изъ Ловчи въ Кулибы, на полковыхъ телѣгахъ 10-го полка и 10-го стрѣлковаго батальона *). Интенданту Исакову велѣно было усилить закупку зерна, и по обращеніи его въ муку, въ устроенныхъ въ Ловчѣ полевыхъ печахъ, обращать въ сухари, которые отпра-

*) Обозъ 9-го Староингерманландскаго полка оставался въ Сельви.

влять въ Кулибы. Туда-же приказано было отправить и ожидаемый изъ Систова интендантскій транспортъ, вытребованный еще въ ноябрѣ. Транспортъ этотъ долженъ былъ доставить крупу, соль, преимущественно-же людскіе и конскіе консервы, но онъ пришелъ въ Траянъ уже въ то время, когда отрядъ былъ за Балканами. Въ 5-ть дней, съ 19-го по 25-е декабря, складъ сухарей въ Кулибахъ былъ уже настолько полонъ, что обезпечивалъ продовольствіе отряда на 6 дней, и кромѣ того, люди имѣли его на себѣ на 4 дня.

Оба офицера генеральнаго штаба выѣхали въ Траянъ впередъ, 21-го числа, и съ ними дивизіонный врачъ Кунаховичъ и отрядный полиціймейстеръ, съ своею командою. На первыхъ было возложено озаботиться, возможно большимъ сборомъ вьюковъ и валовыхъ подводъ, для подъема разобранныхъ орудій, и о вызовѣ изъ деревень болгаръ, для проложенія пути и разчистки заносовъ. Они-же расквартировывали пребывающіе эшелоны и собирали свѣдѣнія о происходящемъ за Балканами. Главный докторъ былъ посланъ впередъ, для устройства въ Кулибахъ помѣщеній больнымъ и раненымъ, распорядиться транспортировкою ихъ съ горъ, и эвакуаціею изъ Кулибъ въ Ловчу. Все это требовало значительныхъ перевозочныхъ средствъ, а между тѣмъ средства эти оказались далеко не такими, какъ были обѣщаны мѣстнымъ населеніемъ недѣлю назадъ. Для передачи черезъ перевалъ одной суточной дачи сухарей (350 пуд.) требовалось 60-ть вьюковъ, да для подвоза патроновъ и снарядовъ 15-ть; а такъ какъ для доставки въ Корнари и возвращенія вьюковъ обратно, при самой благопріятной погодѣ, требовалось не менѣе двухъ сутокъ, то отряду необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи не менѣе 150 вьюковъ ежедневно. Вмѣсто этого болгары только въ первый день выставили 50, а затѣмъ, несмотря на щедрую плату, по 8 франковъ въ сутки, невозможно было добиться и 30. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о рабочихъ для расчистки дороги. Собранныя подводы приходилось караулить, а рабочихъ окружать часовыми, безъ чего они разбѣгались. Вообще готовность болгаръ помогать намъ выражалась больше обѣщаніями, чѣмъ дѣломъ. При слѣдованіи эшелоновъ на подъемъ, за ними шла масса, кое-какъ вооруженнаго народа. Было нѣсколько партій, болѣе или менѣе организованныхъ, съ знаменами и предводителями, но во время боя никто не видѣлъ этихъ ополченцевъ, и если было человѣкъ 10—15 въ цѣпи, то они составляли исключеніе. Слѣдующій примѣръ лучше всего характеризуетъ фактическое участіе болгаръ въ дѣлѣ ихъ освобожденія. Во время боя 26-го декабря (который будетъ описанъ ниже), было устроено два перевязочныхъ пункта, ближайшій къ позиціи—за склономъ нашей батареи, а другой, верстахъ въ двухъ позади перваго, въ овчарнѣ. Для того, чтобы санитарамъ не приходилось носить раненыхъ между пунктами, и

чтобы они могли быстрѣе возвращаться къ цѣпи, начальникъ отряда приказалъ: для переноски къ дальнему пункту употребить болгаръ, которые собрались тутъ-же за склономъ выжидать конца боя. По первому обращенію къ толпѣ—желающихъ неоказалось; по второму,—толпа начала было расходиться. Оставалось одно средство, обратиться къ помощи силы, и оно подѣйствовало. Послѣ взятія перевала и спуска въ долину, оказалось, что всѣ эти толпы, слѣдовавшія за войсками въ видѣ добровольцевъ, всѣ эти организованныя партіи стремились за Балканы для того, чтобы первыми войти въ брошенныя турецкія селенія и захватить все, что осталось. Въ слѣдующіе послѣ перехода дни, эти патріоты возвращались обратно, нагруженные узлами и коробами съ имуществомъ турокъ. Всѣ тѣ вьюки, которые были обѣщаны войскамъ, пошли для той-же цѣли и чтобы получить ихъ за усиленную плату, пришлось поставить у сѣвернаго спуска, въ Кулибахъ, караулы. Здѣсь всѣ возвращавшіеся изъ-за Балканъ, съ забраннымъ имуществомъ, вьюки разгружались; къ имуществу ставились часовые; затѣмъ, опорожненные вьюки наполнялись сухарями или патронами, и уже подъ конвоемъ проводились къ отряду, въ Корнари. Тамъ хозяинъ вьюка получалъ слѣдуемые 8 франковъ и возвратясь въ Кулибы, забиралъ сданное имъ имущество турокъ.

Какъ на пріятное между болгарами исключеніе, слѣдуетъ указать на два лица, оказавшія отряду неоцѣнимыя услуги. Это настоятель траянскаго успенскаго монастыря, архимандритъ Макарій, и старшина траянскаго окружія Георгій, отличившіеся въ болгарскомъ ополченіи еще лѣтомъ. Первый всю осень распоряжался охраною сѣверныхъ спусковъ горцами, сопровождалъ подполковника Сухомлинова во всѣхъ рекогносцировкахъ и теперь не оставлялъ отряда ни на минуту. Утромъ онъ провожалъ эшелоны въ горы, руководилъ тамъ расчисткою пути, вечеромъ являлся къ начальнику отряда за приказаніемъ, ночью хлопоталъ въ монастырѣ по заготовкѣ хлѣба и водки и отправлялъ все это на вьюкахъ къ отряду, а къ разсвѣту, верхомъ на горной лошадкѣ, отецъ Макарій уже былъ опять на перевалѣ. Георгій, принявшій на себя устройство мѣстной полиціи въ Траянѣ, гдѣ не было никакой гражданской власти, много содѣйствовалъ по сбору вьюковъ, фуража и подводъ подъ орудія.

22-го декабря подполковникъ Сухомлиновъ отправился въ Шипково, чтобы съ ротами, которыя должны были придти изъ Тетевини, на слѣдующее утро предпринять переходъ черезъ перевалъ къ Рахманли и тѣмъ оказать содѣйствіе 1-му эшелону, который въ этотъ же день къ полудню прибылъ въ Кулибы. Артиллерія подошла только къ вечеру, къ первому броду черезъ Осму, между Траяномъ и Кулибами. Чтобы перевезти орудія на бивуачное мѣсто, каждый передокъ, каждое орудіе, каждый ящикъ пришлось перетаскивать особо, на людяхъ, по узкой дорожкѣ, поддерживая одно колесо на воздухѣ. Спускъ въ рѣчку и

подъемъ на лужайку, гдѣ устроивался паркъ, представляли отвѣсные обрывы. Въ помощь утомленнымъ артиллеристамъ назначили роту пѣхоты. Работая при фонаряхъ и свѣтѣ костровъ, отъ сумерекъ до полуночи, едва переправили 4 орудія. Два изъ нихъ, назначенныя съ первымъ эшелономъ, тотчасъ же начали разбирать по частямъ и увязывать на заранѣе заготовленныя салазки.

23-го декабря саперная рота, стрѣлковый батальонъ и полсотни, тронулись на подъемъ еще до разсвѣта, а вслѣдъ за ними двѣ роты 9-го полка и человѣкъ 300 болгаръ начали подымать первое орудіе, подъ которое, вмѣстѣ съ двумя зарядными ящиками, было запряжено 48 буйволовъ. Намъ необходимо было какъ можно скорѣе занять хоть первые терасы и уступы подъема, иначе турки могли предупредить насъ и тогда пришлось бы все время подыматься подъ выстрѣлами. Спусти они хоть роту къ овчарнѣ и другую къ первому подъему и мы не могли бы сдѣлать шага, безъ громадной потери. Ведущая на перевалъ тропа оказалась нѣсколько расчищенною болгарами только на протяженіи 4-хъ верстъ, но и то на столько, что саперы должны были безпрестанно останавливаться, то для срубки свалившагося дерева, то для разбивки или спуска въ кручу торчащаго на пути камня. Начальникъ отряднаго штаба и при немъ ординарцы генерала, Крестовскій и Эрнротъ, шли впереди эшелона. Они не только были свидѣтелями неимовѣрныхъ усилій ротъ и саперъ, подымавшихъ орудія, но для ободренія людей принимали сами участіе въ ихъ работѣ. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, къ полудню, стрѣлковый батальонъ добрался до овчарни, т. е. въ 8 часовъ времени прошелъ не болѣе 9 верстъ. Не мало затрудненій представляло и то, что въ этотъ день, при сильномъ туманѣ, морозъ на подъемѣ дошелъ до 22°. Туманъ этотъ, по мѣрѣ подъема въ горы, обращался въ какую-то леденящую, прохватывающую насквозь изморозь.

Въ этотъ-же день начальникъ отряда, съ остальными чинами штаба, къ полудню пріѣхалъ въ Траянъ, еще въ августѣ до тла сожженный турками. На первыхъ 10 верстахъ отъ Ловчи уже можно было судить, съ какими страшными затрудненіями придется бороться въ горахъ. На каждомъ шагу мы обгоняли засѣвшія въ снѣгу, или въ каменистыхъ рытвинахъ повозки, которыя роты попробовали взять съ собою только до Траяна. На нихъ везли шанцовый инструментъ и часть продуктовъ для устраиваемаго въ Кулибахъ запаса. При каждомъ спускѣ къ Осмѣ и при подъемѣ на противоположный берегъ, гдѣ въ 6 верстахъ отъ Ловчи начинается шоссе, весь 3-й эшелонъ долженъ былъ разойтись по повозкамъ и на рукахъ и лямкахъ спускать и подымать ихъ *).

*) Замѣчательно, что во всей Болгаріи, турки нигдѣ не доводили устраиваемыхъ ими дорогъ до города и не начинали ихъ ближе версты отъ него. Такъ въ Ловчѣ, въ Кар-

Въ Траянѣ кипѣла уже усиленная дѣятельность. У единственно уцѣлѣвшаго домика, занятаго импровизованнымъ полицейскимъ управленіемъ, собрано было до 50-ти вьюковъ и столько же подводъ; казаки хлопотали у коновязей; части втораго эшелона съ пѣснями проходили въ Кулибы. Вскорѣ, по прибытіи генерала, получено было отъ подполковника Сосновскаго съ половины подъема донесеніе, что судя по первой половинѣ пути, которая гораздо легче второй, нѣтъ возможности разсчитывать на одновременный съ пѣхотою подъемъ орудій, такъ какъ и первое орудіе далеко отстало отъ эшелона. Около вечера возвратился въ Траянъ съ подъема отрядный врачъ Кунаховичъ, поднявшійся съ 1-мъ эшелономъ до овчарни, гдѣ онъ осматривалъ перевязочный пунктъ. Онъ сообщилъ, что саперы и стрѣлковый батальонъ при немъ дошли до овчарни, что подъемъ разобраннаго орудія сопряженъ съ страшными затрудненіями, что второе орудіе разбираютъ, а остальные 4 только что переправили черезъ второй бродъ у Кулибъ и что начальникъ штаба, съ командиромъ стрѣлковаго батальона, при немъ отправились дальше.

При отправленіи подполковника Сосновскаго съ первымъ эшелономъ, ему было указано занять перевалъ, если онъ окажется слабо защищаемымъ; если же укрѣпленіе занято сильно, то имѣть въ виду главную цѣль отряда—демонстрированіе, и потому занять только ближайшія возвышенности передъ укрѣпленіемъ и ожидать прибытія прочихъ эшелоновъ.

Сознавая всю важность предстоящихъ дѣйствій у Шипки и необходимость возможно скорѣе привлечь отъ нея къ Траянскому перевалу какую-либо часть непріятельскихъ силъ,—съ другой стороны тревожась участью подполковника Сухомлинова, который по предположенію долженъ былъ находиться на той сторонѣ, у Рахманлы, и могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи,—наконецъ, пользуясь туманомъ, обѣщавшимъ возможность скрытно подойти къ укрѣпленію и въ расплохъ овладѣть имъ,—подполковникъ Сосновскій предложилъ командиру 10-го стрѣлковаго батальона, полковнику Бородину, сдѣлать попытку внезапнаго, ночнаго нападенія.

Въ сумерки молодецкій батальонъ полковника Бородина подошелъ къ голому, занесенному снѣгомъ черепу Траянскаго перевала. Съ нѣсколькими проводниками изъ болгаръ, среди ночной туманной мглы, начали стрѣлки взбираться, безъ слѣда, на двухверстную высоту, 60-тиградусной крутизны. На послѣдней терассѣ батальонъ переведя духъ, перестроился по-ротно въ двѣ линіи. Въ первую линію назначены 2 я и 3-я роты. Позади стрѣлковъ пошли двѣ роты 9-го полка, составляя

ловѣ, въ Германли, въ Чирпанѣ,—вездѣ шоссе вдругъ прекращается, недоходя города и снова начинается на болѣе или менѣе значительномъ отъ него разстояніи.

резервъ. Саперы остались у поднимаемаго орудія. Не доходя версты до укрѣпленія, по два взвода были разсыпаны въ цѣпь, которая и продолжала пробираться впередъ, то скользя по намерзшей скалѣ, то вязнувъ до пояса въ сугробѣ. Людямъ приказано было соблюдать полную тишину и ни подъ какимъ видомъ не только не открывать огня, но и не отвѣчать на выстрѣлы противника. Стрѣлки подобрались уже шаговъ на 800 къ укрѣпленію, какъ вдругъ, на ближайшей влѣво высотѣ, запылалъ костеръ и вслѣдъ за этимъ сигналомъ, моментально, по всей линіи укрѣпленія былъ открытъ ружейный огонь. Всѣ шансы внезапнаго нападенія исчезли. Оставаться подъ огнемъ было безцѣльно, отступать не хотѣли и вотъ вся цѣпь, а за нею и резервы, безъ выстрѣла бросились впередъ; но не доходя шаговъ 300 до подошвы скалы Орлинаго гнѣзда, очутились въ мертвомъ пространствѣ, образуемомъ незначительною складкою мѣстности. Офицеры, воспользовавшись этою случайностію, остановили свои части. Не смотря на стужу, достигшую къ полуночи 27°, батальонъ оставался здѣсь до тѣхъ поръ, покуда турки не прекратили огня и отступилъ уже передъ самымъ разсвѣтомъ. Оставивъ на гребнѣ наблюдательные посты, онъ былъ отведенъ на бивуакъ, въ лѣсъ, у овчарни.

Эта ночная рекогносцировка раскрыла:

1) Что кромѣ люнета на выдающейся скалѣ, у непріятеля устроены по восточному склону хребта траншеи, въ нѣсколько ярусовъ и что есть укрѣпленіе и противъ подъема ведущаго отъ монастыря.

2) Что укрѣпленія заняты нѣсколькими таборами низама, что доказывалось выдержкою залповъ и отчетливостью команды.

3) Что атака съ фронта, безъ предварительной подготовки сильною артиллеріею, по крутизнѣ подступа, безъ громадныхъ потерь, невозможна.

24-го числа, на разсвѣтѣ, получена была начальникомъ отряда слѣдующая записка Сосновскаго:

У перевала, 24-го декабря, 3 часа утра.

„Сейчасъ возвратился изъ подъ укрѣпленій, которыя неузнаваемы. Орудіе довезено только до овчарни. Снѣгъ на перевалѣ до полутора аршинъ. Болгары дороги не расчистили. Тревожусь участью Сухомлинова. Пользуясь туманомъ и расчитывая на слабость укрѣпленія, казавшагося мнѣ такимъ 17-го числа, я предложилъ полковнику Бородину сдѣлать попытку овладѣть укрѣпленіемъ внезапно. Лишь только стрѣлки приблизились на дальній ружейный выстрѣлъ, какъ турки открыли огонь, который не прекращался всю ночь, почти ни на минуту. Укрѣпленія въ эти нѣсколько дней рѣшительно преобразились и представляютъ теперь три яруса ложементовъ; но что самое важное—построены новыя, которыхъ прежде не было.

Днемъ сообщу вашему превосходительству подробности; теперь послѣ двухъ безсонныхъ ночей, отъ безсилія не въ состояніи. Всѣ усилія употреблю, чтобы къ полудню втащить орудіе".

Ночная рекогносцировка стоила намъ: убито 8 стрѣлковъ; ранены 10-го стрѣлковаго батальона поручикъ Копайтуло—въ ногу, 10 стрѣлковъ, 1 рядовой 9-го полка и 1 казакъ; контужены—стрѣлковаго батальона прапорщикъ Бойно-Родзевичъ—въ голову и 6 стрѣлковъ. Кромѣ того, у командира 3-й роты, штабсъ-капитана Зайцева, отморожены ноги; 9-го полка штабсъ-капитанъ Папковъ сильно ознобленъ и 48 стрѣлковъ отморозили ноги; итого выбыло изъ строя 4 оберъ-офицера и 68 нижнихъ чиновъ.

Вслѣдъ за запискою Сосновскаго получено было съ нетерпѣніемъ и тревогою ожидаемое донесеніе и отъ Сухомлинова. Онъ писалъ, что прибывъ 22-го вечеромъ въ Шипково, не нашелъ тамъ ни ротъ, ни казаковъ, долженствовавшихъ придти изъ Тетевени. Сознавая всю важность удачнаго обхода черезъ Рахманлы, онъ рѣшился отправиться туда съ двумя взятыми имъ изъ Траяна сотнями. Проводники увѣряли, что лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ можно перейдти Балканы въ теченіи 9 часовъ. Разсчитывая, что при снѣгахъ придется идти гораздо долѣе, сотни выступили въ 4 часа утра. Въ горахъ не только дороги, о которой толковали болгары, но и признака человѣческаго слѣда не оказалось. Не смотря на это, предпріимчивый Сухомлиновъ шелъ впередъ 6 часовъ, пробираясь по сугробамъ. Въ теченіи этихъ 6-ти часовъ прошли только первый, меньшій хребетъ и спустились въ деревню Рыбарцы, откуда начинается второй подъемъ на главный перевалъ. Пролагая путь по глубокой цѣлинѣ собственною грудью, не только люди, но и лошади, которыхъ вели въ поводу, выбивались изъ силъ и отставали. Съ полудня пошелъ снѣгъ, но и онъ не сразу остановилъ казаковъ; они карабкались, хватаясь за камни, за вѣтви деревьевъ, покуда вьюга не залѣпила глаза. Проводники отказывались взбираться выше. Идти далѣе, до открытаго черепа, значило подвергнуть сотни явной гибели. Все это вмѣстѣ заставило Сухомлинова, послѣ непродолжительнаго отдыха, вернуться въ Шипково, куда едва-едва добрались ночью. Тамъ онъ нашелъ только что прибывшія изъ Тетевени, съ маіоромъ Кобордо 2-мъ, роты 10 полка и полторы сотни. Они не могли прибыть въ Шипково, какъ было назначено однимъ переходомъ, тоже вслѣдствіе заносовъ въ горахъ.

По полученіи вышеприведенныхъ донесеній, посланы были приказанія: подполковнику Сосновскому оставить стрѣлковый батальонъ на общемъ бивуакѣ, ускорить подъемъ орудій; принять мѣры къ отысканію обхода противъ фронтальной турецкой позиціи. Подполковнику Сухомлинову: по прибытіи въ Кулибы, оставить тамъ части 4-го эшелона, какъ общій резервъ отряда, самому же съ двумя сотнями 30 полка присоеди-

ниться на перевалѣ ко 2-му эшелону и явясь къ начальнику его, флигель-адъютанту графу Татищеву, состоять при немъ.

Саперная рота, еще до разсвѣта, 23-го декабря, направлена была на подъемъ, разработывать проложенную наканунѣ грудью стрѣлковъ дорогу. Вслѣдъ за нею двѣ роты 9-го полка, принадлежащія къ 1-му эшелону, поволокли на лямкахъ разобранное орудіе. Страшно было воображать, что имъ предстояло. Путь, наканунѣ пройденный стрѣлками, обозначался только глубоко взрытымъ, по прямой цѣлинѣ, снѣгомъ. Громадный, совершенно голый черепъ крутой горы, стоялъ снѣжною стѣною, изъ которой тамъ и сямъ торчали черныя глыбы каменныхъ, обледѣнелыхъ скалъ. Втаскивать орудіе на эту стѣну, прямо, по слѣду стрѣлковъ, нечего было и думать, даже и воротами, если бы и было возможно устроить ихъ. Нужно было расчистить дорогу зигзагами. Чтобы намѣтить ихъ, подполковникъ Сосновскій, сотникъ 30-го казачьяго полка Поцѣлуевъ, ординарцы начальника отряда Крестовскій и Эрнротъ, стали впереди саперъ и по грудь въ снѣгу, проваливаясь въ занесенныя ямины, или скользя и цѣпляясь за камни, пошли въ гору. Обозначивъ одинъ зигзагъ, они раздѣлялись по партіямъ рабочихъ и лично руководили расчисткою. Отъ разсвѣта до самаго полудня шла эта тяжкая работа, безъ перерыва и отдыха: лопаты, топоры, кирки, ломы, все пошло въ дѣло. Не смотря на 15-ти градусный морозъ, саперы обливались потомъ и едва они успѣвали кончать одинъ зигзагъ, какъ на него староингерманландцы уже тащили на лубкахъ колесо, или станину лафета, а за ними паръ 10 буйволовъ, при помощи цѣлаго взвода, волокли тѣло 9-ти фунтовой пушки. Особенно затрудняли передки и корпуса ящиковъ, съ которыхъ нельзя было снять осей, потому что сборка и свинчиваніе ихъ требовали бы тщательности, недостижимой въ полѣ, безъ станковъ и инструментовъ.

Къ полудню подошелъ къ овчарнѣ 2-й эшелонъ. Графъ Татищевъ съ присоединившимся къ нему Сухомлиновымъ и большею частію ротныхъ командировъ, отправились на перевалъ, чтобы лично ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ турецкихъ укрѣпленій. При нихъ, около 5-ти часовъ пополудни, первое орудіе было собрано и поставлено на той самой горѣ, на которой вчера горѣлъ сигнальный костеръ турокъ. Къ тому времени саперы успѣли набросать для орудія брустверъ и вырыть въ снѣгу прикрытіе для прислуги.

Ровно въ половинѣ 6-го, въ канунѣ праздника Рождества Христова, грянулъ первый русскій выстрѣлъ съ Траянскаго балкана и горное эхо долго разносило его по ущельямъ. Снарядъ далъ перелетъ. Вторая граната разорвалась, не долетя до укрѣпленія, а третья разсыпалась надъ самимъ брустверомъ. Вслѣдъ за попавшею шрапнелью, надъ непріятельскимъ люнетомъ, лѣвѣе (отъ нашего орудія), показалось бѣлое облако и

граната горнаго орудія зарылась въ снѣгъ, въ ста шагахъ передъ нашею позиціею. Другой ихъ выстрѣлъ далъ громадный перелетъ и снарядъ не разорвался. Затѣмъ все замолкло и этими пробными выстрѣлами закончился день 24-го декабря. Рота саперъ возвратилась къ подымаемому другому орудію; двѣ сотни, съ ротою 9-го полка и двумя болгарскими четами, оставлены при батареѣ. Къ нимъ вечеромъ подвезены были на вьюкахъ мясо, водка и дрова. Костры наши всю ночь ярко горѣли на траянской вершинѣ. Они и огни, пылавшіе въ рощѣ на общемъ бивуакѣ, были русскими рождественскими елками, вдали отъ родины.

Поздно, вечеромъ, начальникъ отряда возвратился съ подъема въ Кулибы, гдѣ засталъ слѣдующую шифрованную депешу отъ генерала Радецкаго: „Колоны генераловъ Скобелева и Мирскаго начинаютъ движеніе 25-го декабря, причемъ надо полагать, что Скобелевъ сосредоточится у Иметли 26-го декабря. Было бы желательно, чтобы отрядъ вашего превосходительства подошелъ къ Иметли утромъ 26-го. Во всякомъ случаѣ, (далѣе, вѣроятно по ошибкѣ противъ ключа, 10 слоговъ разобрать нельзя, а затѣмъ депеша кончилась словами): прошу войти возможно скорѣе въ связь съ генераломъ Скобелевымъ."

Вѣроятно генералу Радецкому не было извѣстно, что траянскій отрядъ могъ начать движеніе къ перевалу только 24-го декабря. Надо полагать, что едва ли онъ зналъ, что нашъ отрядъ состоялъ всего изъ 5½ батальоновъ. Если бы они даже не встрѣтили ни страшныхъ преградъ природы, ни сопротивленія непріятеля, то и тогда, ни въ какомъ случаѣ, не могли бы 26-го утромъ быть у Иметли, до которой отъ Траяна болѣе 67 верстъ *).

По полученіи вышеупомянутыхъ донесеній, съ перевала отъ Сосновскаго и изъ Шипки отъ Сухомлинова, еще утромъ 24-го, отправлена была начальникамъ отряда, въ Боготъ, слѣдующая телеграмма Его Высочеству Главнокомандующему:

„Послѣ страшныхъ усилій, одно орудіе дошло до перевала. Вчерашняя демонстрація и ночная рекогносцировка указали, что южный склонъ сильно укрѣпленъ и обороняется низамомъ. Во второй линіи два укрѣпленія, связанныя траншеями. Оборона двухъ-ярусная. По полученнымъ свѣдѣніямъ, къ Корнари подходятъ подкрѣпленія. Морозъ ночью доходитъ до 27 градусовъ; отморозившихся въ стрѣлковомъ батальонѣ 48. Атака съ фронта повлечетъ огромныя потери. Обходная колона Сухомлинова отъ Шипкова на Рахманли, едва не погибла въ снѣгахъ и онъ возвратился".

*) Сколько извѣстно, отрядъ генерала Скобелева 26-го декабря въ Иметли не поспѣлъ и пришелъ туда только 27-го, что и было причиною того затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился генералъ Мирскій.

Утромъ, 25-го декабря, началъ подыматся 3-й эшелонъ маіора Духновскаго и съ нимъ всѣ принадлежавшіе офицерамъ отряда вьюки. Утро было совершенно тихое, ясное, но морозное. Дорога до овчарни была уже до того утоптана и расширена, что подъемъ этого эшелона казался обыкновеннымъ маршемъ и нѣкоторымъ ротамъ удалось даже провезти, до бивуака, запасъ своихъ сухарей и патроновъ на саняхъ, запряженныхъ парою буйволовъ. Въ 10 часовъ эшелонъ былъ уже на мѣстѣ. Съ его приходомъ расположеніе отряда было слѣдующее:

На перевалѣ, противъ непріятельскихъ укрѣпленій, въ прикрытіи при орудіяхъ: 2 роты 9-го полка, саперная рота и 2 сотни 30-го казачьяго полка, изъ коихъ одна на постахъ и въ развѣдкахъ.

На общемъ бивуакѣ, въ рощѣ у послѣдняго подъема: 10-й стрѣлковой батальонъ, 13 ротъ 9-го полка, 1 и 3 стрѣлковыя роты 10-го полка, 3 сотни 30-го казачьяго полка и 2 сотни 24-го.

У Кулибъ, въ общемъ резервѣ: 6 ротъ 10 полка, 6 орудій и 2 сотни 24-го казачьяго полка *).

День 25-го декабря былъ употребленъ на подготовительныя распоряженія къ общему движенію всего отряда на перевалъ; на окончательный подъемъ втораго орудія и 4 зарядныхъ ящиковъ, а главное на отысканіе обходнаго пути непріятельской позиціи. Начальникъ штаба подполковникъ Сосновскій, еще наканунѣ собралъ объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія и прибылъ съ ними въ Кулибы, гдѣ начальникъ отряда осматривалъ раненыхъ и ознобившихся и дѣлалъ послѣднія распоряженія для предстоящаго общаго наступленія. Графу Татищеву и подполковнику Сухомлинову, принимавшимъ съ своей стороны всѣ мѣры найти обходъ, предписано было 25-го числа ограничиться артиллерійскимъ огнемъ и демонстрированіемъ. Въ какой мѣрѣ это распоряженіе согласовалось съ желаніями главнокомандующаго, видно изъ полученной около полудня слѣдующей, отъ начальника штаба, депеши: „Главнокомандующій одобрилъ всѣ ваши распоряженія и приказалъ, чтобы вы обо всемъ доносили Его Высочеству возможно чаще. Великій князь приказалъ продолжать сильныя демонстраціи, чтобы облегчить дѣйствія Радецкаго, который 27-го атакуетъ Шипку, а Скобелевъ 2-й, 26-го числа спустится съ горъ и займетъ Иметли. Атакъ съ фронта и напрасныхъ потерь избѣгайте" **).

Чѣмъ ближе подходило время рѣшительнаго дѣйствія, тѣмъ болѣе озабочивала мысль о будущемъ.

Если и удастся сбить турокъ и спуститься къ Корнари, невольно рождался вопросъ: что-же дальше? Не зная ничего, что встрѣтимъ въ

*) Остальная сотня 24-го полка занимала летучую почту отъ перевала до телеграфа въ Ловчѣ и одна сотня 30-го полка находилась на службѣ при штабѣ отряда.

**) Депеша изъ Богота въ Ловчу № 2142.

долинѣ Гіопса? найдется-ли тамъ продовольствіе? въ какихъ силахъ турки занимаютъ укрѣпленныя ими ущелья Клиссуры и Колофера? что дѣлается на западѣ у генерала Гурко? Чѣмъ кончится наступленіе у Шипки?—все это, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что послѣ спуска, у отряда уже не будетъ пути отступленія,—сильно тревожило. Хотя въ послѣднюю бытность въ главной квартирѣ и было условлено, что 2-я бригада 3-й дивизіи, спустившись у Златицы, направится на соединеніе съ траянскимъ отрядомъ, черезъ Клиссуру, но удастся-ли ей взять эту сильную позицію, былъ еще вопросъ. „Спустившись въ долину, вамъ придется смотрѣть въ оба и быть готовымъ къ различнымъ случайностямъ“ было сказано въ письмѣ, полученномъ начальникомъ отряда, утромъ 25-го декабря, изъ главной квартиры.

Между тѣмъ на перевалѣ не малую тревогу произвело опасеніе другаго рода. Передъ восходомъ солнца небо покрылось облаками, подулъ вѣтеръ и перевалъ „закурился“, какъ выражались болгары. Къ счастію это продолжалось не болѣе получаса и снова стихло. Начнись вьюга и не только всѣ трехдневныя усилія пропали-бы, но отрядъ былъ-бы на долго отдѣленъ отъ своихъ запасовъ въ Кулибахъ, и испыталъ-бы, если не полную погибель, то большія потери замерзшими.

Старанія офицеровъ генеральнаго штаба отыскать обходный путь на Корнари, не остались безъ результатовъ. Призванные на совѣщаніе болгары изъ мѣстныхъ горцевъ заявили, что надо пробовать спуститься въ ущелье, восточнѣе нашей батареи, и если это удастся, то они ручаются провести войска къ Корнари, въ тылъ турецкихъ позицій. Подполковникъ Сухомлиновъ вызвался произвести лично изслѣдованіе этого пути. Въ 10 часовъ утра, онъ съ нѣсколькими офицерами Староингерманландскаго и 30-го казачьяго полковъ, съ охотниками изъ унтеръ-офицеровъ, сопровождаемый проводниками, началъ спускаться по скату, не имѣвшему признака человѣческаго слѣда. Гусемъ, большею частью держась другъ за друга и увязая въ снѣгу, гдѣ ползкомъ, гдѣ прыжкомъ, смѣльчаки добрались до извѣстной горцамъ тропы, прошли по ней съ версту къ югу и убѣдясь, что они должны уже быть на линіи турецкой позиціи, возвратились часамъ къ тремъ къ бивуаку.

Во время этой экскурсіи, дѣятельно продолжался подъемъ втораго орудія и зарядныхъ ящиковъ; но такъ какъ путь проложенный для перваго орудія еще не успѣло занести, то работа шла гораздо быстрѣе и къ двумъ часамъ дня второе орудіе было уже поставлено на слѣдующей возвышенности того-же хребта, сажень на 300 лѣвѣе перваго. Оба орудія не были поставлены вмѣстѣ оттого, что съ новой позиціи удобнѣе было дѣйствовать по тому укрѣпленію, которое могло препятствовать нашему обходу.

Получивъ свѣдѣніе объ отысканіи обходнаго пути, начальникъ от-

ряда рѣшилъ: предпринять на слѣдующій день общее наступленіе и атаку непріятельскихъ позицій. Для этого отдана была имъ на 26-е декабря слѣдующая диспозиція:

„Завтрашняго числа, всѣмъ тремъ находящимся на перевалѣ эшелонамъ, подъ командою флигель-адъютанта, полковника графа Татищева, подойти до разсвѣта къ вершинѣ перевала и произвести наступленіе на непріятельскую позицію двумя колонами".

„Въ лѣвую колону, подъ начальствомъ командира казачьяго № 30-го полка полковника Грекова, назначаю: 10-й стрѣлковый батальонъ, 1 батальонъ 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, 1-ю и 3-ю стрѣлковыя роты 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка и 5 сотенъ Донскаго 30-го казачьяго полка".

„Колонѣ этой, собравшись позади артиллерійской позиціи, спуститься въ оврагъ лѣвѣе лѣса и обойдя правый флангъ противника, занять въ тылу его деревню Корнари".

„Правой колонѣ: 2-му и 3-му батальонамъ 9-го полка, 6-й сотнѣ казачьяго № 30-го, съ 1-й, 4-й и 5-й сотнями казачьяго № 24-го полковъ, подъ ближайшимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Татищева, давъ время лѣвой колонѣ совершить обходъ, атаковать укрѣпленіе съ фронта; послѣ-же выбытія непріятеля изъ редутовъ, спуститься къ Теке и Корнари, и принявъ мѣры къ обезпеченію отъ нечаяннаго нападенія, направить сильныя партіи, не менѣе какъ изъ двухъ сотень, къ Клиссурѣ и Калоферу и послать разъѣзды къ югу".

„Всѣмъ прочимъ частямъ отряда оставаться въ общемъ резервѣ на бивуакѣ, впредь до приказанія".

„Перевязочные пункты имѣть: ближайшій—за горою правѣе орудій, а второй—у овчарни, куда назначить медиковъ и санитаровъ, по распоряженію дивизіоннаго врача Кунаховича".

„Я буду находиться сначала на позиціи у орудій, а во время атаки съ фронта впереди резерва".

Въ то время какъ эта диспозиція переписывалась, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Татищевъ прислалъ съ нарочнымъ офицеромъ записку, которою испрашивалъ разрѣшеніе, произвести утромъ 26-го декабря, со ввѣренными ему эшелонами, наступленіе на турецкую позицію. Къ запискѣ была приложена и копія съ отданнаго по этимъ эшелонамъ приказанія. Видя, что всѣ сдѣланныя графомъ Татищевымъ распоряженія вполнѣ согласуются съ составленною диспозиціею, начальникъ отряда утвердилъ ихъ, о чемъ и было ему написано съ присланнымъ офицеромъ.

Только что диспозиція была отправлена въ части отряда, какъ получена была отъ Великаго Князя слѣдующая телеграмма:

„Генералъ Гурко занялъ 22-го декабря Софію, откуда турки отсту-

пили къ западу, по дорогѣ на Кюстендиль. Сербы подходятъ къ Софіи. Войска наши, преслѣдовавшія турокъ отъ Арабъ-Конака, заняли Петричево, кавалерія выслана на Калоферъ, на Олтукіой, Ихтиманъ и Самаковъ".

„Когда спустишься съ горъ, немедленно пошли сильные разъѣзды къ сторонѣ Златицы, чтобы войти въ связь съ кавалеріею, которая, какъ указано выше, послана къ сторонѣ твоего отряда" *).

Это было первое полученное нами свѣдѣніе о томъ, что происходитъ на западномъ театрѣ войны; но и теперь оставалось неизвѣстнымъ, что предпринято генераломъ Дандевилемъ, для соединенія съ нами и гдѣ наша 2-я бригада. Что-же касается указанія о необходимости освѣтить мѣстность къ Златицѣ, то изъ приведенной выше диспозиціи видно, что это уже было предписано. Вслѣдъ за депешею главнокомандующаго получена была другая, отъ начальника штаба арміи. Въ ней было сказано:

„Радецкій началъ движеніе и утромъ 24-го занялъ лѣвою колоною Крестецъ безъ боя, а вечеромъ 24-го, начала движеніе и правая колона Скобелева 2-го. 27-го декабря предполагается общая атака. Гурко писано, чтобы части 3-й дивизіи направились безъ замедленія на Клиссуру и Карлово. 20-го Златица занята нами, а казаки и драгуны заняли Лежаны" **).

Сдѣлавъ окончательныя распоряженія для пріема раненыхъ на этапномъ лазаретѣ въ Кулибахъ и для дальнѣйшей транспортировки ихъ, равно для немедленной отправки вьюковъ съ патронами и снарядами на перевалъ,—26-го декабря, начальникъ отряда, еще до разсвѣта, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, поѣхалъ на позицію. Обгоняя на пути разобранныя, подымаемыя съ неимовѣрными усиліями части 3-го орудія, онъ убѣдился въ невозможности присоединить ихъ къ отряду, если послѣдній, какъ и надо было ожидать, не долго останется на мѣстѣ. Обращенные мѣстами къ югу покатости подъема, оголились, отъ растаявшаго въ ясные дни снѣга, такъ что все, что тащили на лубкахъ и салазкахъ, остановилось и никакія усилія людей и подпрягаемыхъ лошадей и буйволовъ не могли сдвинуть поднимаемыхъ частей орудія съ мѣста. Выбившіеся изъ силъ артиллеристы и команды отъ 4-го эшелона приходили въ отчаяніе; всѣ, предвидя дѣло, рвались скорѣе на перевалъ къ товарищамъ и готовы были плакать съ горя. Видя, что усилія втащить орудія будутъ напрасны и могутъ задержать отрядъ,

---

*) Телеграмма № 1900, послана изъ Богота 24-го декабря въ 12 час. дня за № 1047.

**) Числа, обозначенныя въ этой депеши, не сходятся съ выставленными въ выше приведенной депешѣ генерала Радецкаго. Онъ увѣдомилъ, что начало его движеній 25-го, а штабъ арміи пишетъ 24-го.

генералъ приказалъ не подымать остальныхъ орудій 3-й батареи на перевалъ, а возвратить ихъ въ Ловчу, къ оставленнымъ тамъ батареямъ *).

У овчарни все уже было готово для принятія раненыхъ съ перваго перевязочнаго пункта. На бавуакѣ никого не было, кромѣ вьюковъ и офицерскихъ вѣстовыхъ. Колона полковника Грекова тронулась въ 4 часа и еще до разсвѣта сосредоточилась въ сѣдловинѣ, позади артиллерійской позиціи. Правая колона поднялась за нею; а прочія части, составлявшія резервъ, подходили еще къ овчарнѣ. Около 6 часовъ, когда горы были еще покрыты бѣловатымъ туманомъ и на небѣ кое-гдѣ еще мелькали звѣзды, лѣвая колона начала спускаться въ оврагъ. Въ головѣ шла 1-я стрѣлковая рота староингерманландцевъ; за нею 1-я и 3-я стрѣлковыя роты 10-го полка, 10-й стрѣлковый батальонъ; за тѣмъ 1-й батальонъ 9-го полка и наконецъ 4 сотни 30-го полка. За болѣзнію командира стрѣлковаго батальона полковника Бородина, полковникъ Грековъ поручилъ всю пѣхоту своей колоны общему начальству 9-го полка маіору Иванову **). Въ половинѣ восьмаго, вся обходная колона была уже въ ущелье, а части правой колоны расположились за скатомъ, позади орудій. Въ 7 часовъ утра, наши орудія открыли огонь. Турки отвѣчали уже изъ двухъ горныхъ орудій дальняго боя и отвѣчали весьма живо. Хотя гранаты ихъ и ложились возлѣ нашего перваго орудія, гдѣ находились графъ Татищевъ и Сухомлиновъ, но ни одинъ снарядъ не нанесъ намъ ни малѣйшаго вреда во все время боя. Невозмутимое спокойствіе обоихъ этихъ штабъ-офицеровъ, служило примѣромъ для всей колонны.

Болѣе получаса казалось, что турки не замѣчаютъ обхода, какъ вдругъ, около 9-ти часовъ, страшный, только и возможный у турокъ, трескъ ружейной пальбы, огласилъ горы. Съ позиціи у орудій было видно, что выстрѣлы изъ траншей направлены вправо, именно въ ту сторону, гдѣ шла обходная колона. Въ это же время получена первая записка Грекова, что онъ дошелъ до праваго фланга турецкихъ укрѣпленій и атакуетъ ихъ. Для отвлеченія непріятеля отъ этой атаки, графъ Татищевъ приказалъ 2-му батальону, подъ командою маіора Духновскаго, двинуться противъ Орлинаго гнѣзда, съ фронта. До сихъ поръ батальонъ этотъ былъ совершенно прикрытъ изгибомъ горы. Самое трудное

*) Передъ движеніемъ за Балканы, во всѣхъ отрядахъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы батареи выступили въ 4-хъ-орудійномъ составѣ. Такъ какъ 3-я артиллерійская бригада имѣла лошадей въ отличныхъ тѣлахъ, то нашимъ батареямъ приказано было имѣть по 6 орудій и то только потому, что не всѣ еще лошади были пополнены изъ конскаго запаса. Этимъ дивизія была обязана батарейнымъ командирамъ, отлично содержавшимъ лошадей и особенной заботливости и распорядительности бригаднаго командира, полковника Золотухина.

**) Полковникъ Бородинъ, наканунѣ ознобившій ногу, во время выступленія колоны былъ на перевязкѣ, но потомъ догналъ ее и принималъ участіе въ бою.

было выйти изъ за этого изгиба, прямо подъ выстрѣлы укрѣпленія и подъ ними, на открытой полянѣ, въ снѣгу выше колѣна, строить боевой порядокъ. Но опытный Духновскій началъ выводить роты по частямъ. 2-я стрѣлковая рота, съ своимъ, уже испытаннымъ въ Тетевенскомъ дѣлѣ, ротнымъ командиромъ Яковлевымъ во главѣ, тронулась первою. Нѣсколько унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ вызвались выбѣжать изъ-за скалы *). Когда они, пригнувшись къ землѣ, выходили другъ за другомъ и принимая влѣво образовывали рѣдкую цѣпь, весь передній фасъ Орлинаго гнѣзда и его траншей открыли сильный огонь. Пренебрегая имъ, 2-я стрѣлковая рота, по примѣру своихъ охотниковъ, постепенно усиливала ихъ и черезъ нѣсколько минутъ, образовавъ густую цѣпь, залегла и закопалась въ снѣгу, отвѣчая на выстрѣлы уже изъ за валиковъ. За нею пошла 5 рота. Остальныя три роты, оставшись въ резервѣ, вышли впередъ уже тогда, когда цѣпь доползла до той складки мѣстности, гдѣ турецкія пули перелетали черезъ стрѣлковъ. Съ занятой стрѣлковою ротою мѣстности, были видны два другія укрѣпленія, которыхъ нельзя было видѣть съ расположенія резерва. Укрѣпленія эти уже дѣйствовали противъ колоны Грекова. Для ослабленія этого дѣйствія и отвлеченія его на себя, маіоръ Духновскій приказалъ 5-й ротѣ разсыпаться лѣвѣе стрѣлковой, а 7-й ротѣ стать за лѣвымъ флангомъ. За бугромъ, на которомъ остановилась цѣпь, на протяженіи 500 шаговъ шло ровное пространство, въ концѣ котораго, не далѣе какъ въ двухстахъ шагахъ отъ подошвы скалы Орлинаго гнѣзда и находилось то мертвое пространство, о которомъ упоминалось, при описаніи ночной рекогносцировки стрѣлковаго батальона. Въ это-то пространство, звѣно за звѣномъ, отдѣленіе за отдѣленіемъ, перебрался часамъ къ 12-ти, весь 2-й батальонъ и залегъ разомкнувши ряды.

Между тѣмъ полковникъ Грековъ велъ свою колону подъ фланговымъ огнемъ турецкихъ укрѣпленій, не приносившихъ ему вреда потому, что турки открыли его болѣе чѣмъ за полторы версты, не обращая вниманія на то, что выпуклость склона мѣстами прикрывала наше движеніе. Когда голова колоны нѣсколько миновала правый флангъ турецкой позиціи, маіоръ Ивановъ завелъ ее лѣвымъ плечомъ, параллельно ложементамъ, и построилъ роты въ слѣдующемъ порядкѣ; на правомъ флангѣ стрѣлковый батальонъ, по-ротно въ двѣ линіи. Центръ заняли 1-я и 3-я стрѣлковыя роты 10-го полка, а на лѣвомъ флангѣ поставлена 1-я стрѣлковая 9-го полка, имѣя за собою 3-ю и 4-ю линейныя. Первый полубатальонъ и четыре сотни сначала были назначены въ общій резервъ, но затѣмъ безостановочно были направлены далѣе по ущелью,

*) Первыми вызвались унтеръ-офицеры Иванъ Гадаевъ, Назаръ Лескинъ, Сидоръ Кусакинъ и стрѣлки: Шалавинъ, Улитинъ и Григорій Ивановъ.

прямо на Корнари. По окончаніи перестроенія, маіоръ Ивановъ далъ сигналъ атаки. Турки встрѣтили ее залпами изъ верхнихъ ложементовъ, и бѣглымъ огнемъ изъ первой линіи. Вся масса выпускаемаго свинца пронеслась черезъ головы, далеко назадъ. Видя, что стрѣльба не останавливаетъ наступленіе стрѣлковыхъ ротъ, турки попытались встрѣтить ихъ штыками и густою массою бросились изъ траншей впередъ. Въ этотъ моментъ 1-я стрѣлковая рота 9-го полка, съ крикомъ ура! ринулась обхватить ихъ правый флангъ. Прочія роты подхватили это движеніе и вся линія бросилась на штурмъ непріятельской позиціи. Турки моментально были выбиты изъ укрѣпленій и, неся громадныя потери, бросились бѣжать по южному спуску къ Корнари. Тогда полковникъ Грековъ понесся съ своими четырьмя сотнями, частію за бѣгущими, частію лѣвѣе, чтобы ранѣе спуститься въ долину и отрѣзать имъ путь отступленія. За казаками побѣжали 3-я и 4-я роты 9-го полка; всѣ же прочія части обходной колоны продолжали преслѣдовать бѣгущихъ. Казаки рвались захватить орудіе, но оно свернулось со скалы въ пропасть, откуда потомъ не было возможности его вытащить.

О результатѣ описанной атаки начальникъ отряда получилъ записку въ исходѣ перваго часа. Въ это время число раненыхъ на перевязочномъ пунктѣ было на столько значительно, что большую часть ихъ пришлось отправить внизъ, къ овчарнѣ. Для этого велѣно было назначить болгаръ. Тогда-то и произошелъ описанный выше эпизодъ, доказавшій, что болгары гораздо болѣе обѣщаютъ, чѣмъ дѣлаютъ. Раненые 2-го батальона 9-го полка, ясно обозначались на снѣгу черными точками. Видя, что число ихъ увеличивается, послана была въ распоряженіе Духновскаго часть санитарной команды. Состоя преимущественно изъ старыхъ сѣдобородыхъ служивыхъ, санитары отлично исполняли свое святое дѣло. Первая помощь раненымъ подавалась подъ свистомъ перелѣтавшихъ пуль. Младшій врачъ 9-го полка, Кимбаръ, только передъ походомъ выпущенный изъ академіи, и дивизіонный врачъ Кунаховичъ, работали безъ устали. Одно время свистъ пуль надъ перевязочнымъ пунктомъ былъ до того частъ, что пришлось спустить его нѣсколько ниже. Вмѣстѣ съ врачами, съ тѣмъ же безстрашіемъ, подавалъ духовное утѣшеніе страдальцамъ, полковой священникъ 9-го полка, Доброхотовъ, все время раздѣлявшій труды и лишенія солдатъ и служившій имъ примѣромъ безропотной покорности присягѣ и долгу.

Донося объ успѣхѣ атаки, полковникъ Грековъ сообщалъ, что въ долинѣ видна свѣжая турецкая колона, спѣшащая на помощь. Вслѣдствіе этого 3-му батальону 9-го полка было приказано идти на поддержку лѣвой колоны, за исключеніемъ 9-й роты, оставленной съ саперною, въ прикрытіе орудій. О томъ, что обходъ шелъ успѣшно, чувствовалось ранѣе полученія донесенія. Съ артиллерійской позиціи простымъ гла-

зомъ было видно, что турки какъ-то особенно суетились. Огонь ихъ то сосредоточивался на флангѣ, то закипалъ гдѣ-то въ тылу ихъ укрѣпленій, то они выбѣгали вправо и открывали пальбу противъ нашихъ орудій и затѣмъ снова скрывались въ укрѣпленіе. Ихъ пули долѣтали и до спѣшившагося конвоя генерала, стоявшаго на ближайшемъ къ орудіямъ гребнѣ. По временамъ свистъ пуль надъ группой ординарцевъ и вѣстовыхъ замѣтно учащался, особенно когда начальнику отряда приходилось отдавать нѣсколько приказаній разомъ, или когда нѣсколько верховыхъ съ донесеніями подъѣзжали одновременно.

Рѣшительность успѣха лѣвой колоны дала возможность, послѣ полудня, приступить къ серьезному демонстрированію, а при удачѣ и къ атакѣ съ фронта. Около часа послано было маіору Духновскому приказаніе такого содержанія: „Колона Грекова обошла и выбила турокъ изъ правофланговыхъ укрѣпленій; постарайтесь съ возможно меньшими потерями овладѣть фронтальнымъ, какъ только замѣтите въ немъ замѣшательство; но не зарывайтесь ранѣе". Послѣднее, зная рѣшимость этого достойнаго штабъ-офицера, было добавлено его полковымъ командиромъ, съ тою цѣлью, чтобы батальонъ не увлекся штурмомъ ранѣе чѣмъ слѣдуетъ.

Вскорѣ по полученіи этого приказанія, съ позиціи впереди резерва, замѣчено, какъ 2-я стрѣлковая и 5-я роты постепенно, звѣно за звѣномъ, подавались впередъ,—какъ за ними подвигались длинныя линіи другихъ разомкнувшихся ротъ. Цѣпь дошла до подножія скалы Орлинаго гнѣзда и остановилась. Турки стрѣляли уже гораздо рѣже чѣмъ прежде, но неотступали, хотя шрапнель нашихъ орудій и громила укрѣпленіе. Командиръ батареи, полковникъ Потапчинъ, самъ наводилъ орудіе и каждая граната разрывалась или надъ брустверомъ, или надъ серединою люнета. Въ половинѣ 2-го было приказано участить артиллерійскій огонь. Командиръ бригады, полковникъ Золотухинъ, поѣхалъ на батарею лично передать это приказаніе генерала и слѣдить за его исполненіемъ. У перваго орудія уже неоставалось снарядовъ. Золотухинъ велѣлъ всѣ снаряды 2-го орудія передать 1-му, такъ какъ со времени взятія правофланговыхъ укрѣпленій, для 2-го орудія не было предмета для дѣйствій. Несмотря на убійственное дѣйствіе нашего учащеннаго артиллерійскаго огня, турки продолжали держаться. Тогда приказано было: посланный на подкрѣпленіе лѣвой колоны, 3-й батальонъ, направить въ тылъ фронтальнаго укрѣпленія на Орлиномъ гнѣздѣ.

Въ виду депеши начальника штаба арміи о томъ, чтобы не увлекаться фронтальною атакою и не нести напрасныхъ потерь и видя теперь-же, вблизи, всю невозможность штурма, такъ сказать въ лобъ, начальникъ отряда уже совѣщался съ графомъ Татищевымъ и начальникомъ штаба, что предпринять, если турки будутъ продолжать держаться?

Въ тоже время войсковому старшинѣ Тарасову съ его сотнею, велѣлъ направиться по хребту вправо, искать пути, по которому можно-бы было обойти укрѣпленіе и съ этой стороны.

Вдругъ окружающіе генерала замѣтили, что разомкнутые резервы 2-го батальона приближаются къ цѣпи. Всѣ взоры обратились въ эту сторону. Пальба турокъ снова усилилась и отдаленный крикъ ура! долетѣлъ до насъ.

— Неужели Духновскій штурмуетъ? спросилъ генералъ, обращаясь къ графу Татищеву.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ онъ, — вѣроятно турки обойдены и дрогнули; иначе онъ не нарушилъ-бы моего приказанія не зарываться.

Съ замираніемъ сердца смотрѣли мы, какъ лихой батальонъ постепенно облѣпилъ скалу, какъ цѣпь стрѣлковъ и резервы, безъ дистанцій и интерваловъ, цѣплясь за камни, подсаживая другъ друга, лѣзли на стѣну. Турки моментально прекратили огонь и крики ура, все громче и громче долетали до насъ. Еще минута и передовые батальона, а съ ними большая часть офицеровъ, съ храбрымъ Духновскимъ во главѣ, уже были на брустверѣ и знамя 2-го батальона появилось на высочайшей вершинѣ, неприступнаго Траянскаго перевала. Это была торжественная минута! Офицеры бросились поздравлять начальника отряда съ побѣдою, обнимали, цѣловали другъ друга; солдаты и казаки, перемѣшавшись съ болгарами, дѣлали тоже и тысячи шапокъ, при крикахъ: „ура, царь Александръ!“ летѣли на воздухъ.

Такъ палъ непроходимый Траянъ и палъ не передъ сильнымъ полчищемъ, а передъ небольшимъ русскимъ отрядомъ, едва двумя сотнями превосходившимъ тѣхъ, кто защищалъ эту твердыню природы. Пророческія предсказанія военныхъ авторитетовъ несбылись и казавшееся непреодолимымъ, побѣждено комбинаціею движеній, энергіею и настойчивостію начальниковъ частей отряда и неимѣющими предѣла выносливостію, отвагою и храбростію русскаго солдата.

Но взятіемъ перевала и его укрѣпленій незакончился, достопамятный для Траянскаго отряда, день 26-го декабря.

Въ то время какъ отдавались графу Татищеву и подполковнику Сухомлинову приказанія о дальнѣйшемъ преслѣдованіи турокъ, санитары принесли вѣсть, что передъ послѣднимъ движеніемъ къ укрѣпленію, убитъ командиръ 5-й роты 9-го полка, штабсъ-капитанъ Швейбуцкій. Въ тотъ моментъ, когда онъ выбѣжавъ передъ лежавшую цѣпь, крикнулъ своей ротѣ: „вставай ребята, впередъ,“ — двѣ пули разомъ поразили его: одна въ ладонь лѣвой руки, а другая въ грудь, повыше сердца. Солдаты его роты, потомъ со слезами разсказывали, какъ онъ завертѣлся на мѣстѣ

и затѣмъ упалъ, указывая правою рукою на турецкій редутъ *). Надо было видѣть турецкія укрѣпленія съ южной стороны, чтобы судить о ихъ силѣ и о той рѣшимости и храбрости, которая одушевляла атаковавшихъ, въ минуты боя. Неудайся обходное движеніе лѣвой колонны и никакія усилія цѣлаго корпуса, не могли-бы одолѣть позиціи съ фронта. Наконецъ, если-бы, по какому-либо счастливому случаю, Орлиное гнѣздо и было взято, то пришлось-бы брать на серединѣ южнаго спуска, редутъ построенный тоже на отвѣсной скалѣ, мимо которой вилась единственная тропинка. Какая-нибудь ничтожная кучка стрѣлковъ была-бы достаточна, чтобы снова остановить отрядъ, потому что спускаться по этой тропѣ можно только по одиночкѣ.

Подъѣзжая къ мѣсту, гдѣ 23-го числа происходила ночная рекогносцировка стрѣлковаго батальона, намъ довелось лично убѣдиться въ тѣхъ звѣрствахъ, которыя совершили турки надъ нашими убитыми. Восемь стрѣлковъ лежали на снѣгу, обезображенными до невѣроятія. Одинъ былъ безъ головы, у другого въ нѣсколькихъ мѣстахъ проткнуты грудь и горло, у третьяго отрѣзаны носъ и уши, у четвертаго отрублены ступни и т. д. Невольное содроганіе овладѣвало при видѣ подобнаго поруганія и теперь уже никто не могъ сказать, что это издѣваніе сдѣлано башибузуками, или черкесами, потому что на Траянѣ была исключительно регулярная пѣхота **).

Изъ укрѣпленія Орлинаго гнѣзда отправлено было начальникомъ отряда, въ главную квартиру, слѣдующее донесеніе:

„Считаю себя счастливымъ донести Вашему Императорскому Высочеству, что непроходимый трояновъ перевалъ не только пройденъ, но и взятъ съ боя. Знамя Староингерманладцевъ водружено въ главномъ непріятельскомъ редутѣ, на высочайшей вершинѣ Балканъ. Я рѣшился атаковать неприступную позицію, потому что найдена была возможность провести 3½ батальона и 4 сотни въ обходъ и занять ложементы въ тылу у Корнари. Казаки посланы преслѣдовать бѣгущихъ. Два батальона направлены на Теке. Потери еще не приведены въ извѣстность, но во всякомъ случаѣ не велики. Какъ особенно отличившихся назову: командира 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, флигель-адъютанта полковника графа Татищева, командира казачьяго № 30-го полка полковника Грекова, генеральнаго штаба подполковниковъ Сосновскаго и Сухомлинова и маіора 9-го полка Духновскаго“.

При отправленіи этой депеши, еще не было извѣстно, ни о резуль-

*) На другой день всѣ убитые погребены возлѣ главнаго укрѣпленія Орлинаго гнѣзда; тѣло-же Швейбуцкаго было отнесено на южный склонъ, къ деревнѣ Теке и тамъ, въ присутствіи товарищей, предано землѣ, подъ сѣнью громаднаго дуба.

**) Черкесская сотня, прикрывавшая обозъ, по словамъ плѣнныхъ, къ Орлиному гнѣзду не подымалась.

татѣ встрѣчи Грекова съ шедшимъ по долинѣ турецкимъ подкрѣпленіемъ, ни о происходившемъ въ правой колонѣ, при преслѣдованіи непріятеля, послѣ взятія Орлинаго гнѣзда.

Съ черепа Траяновскаго перевала открывался поразительный видъ южнаго склона. Онъ представлялся въ видѣ терассо-образнаго амфитеатра, на днѣ котораго виднѣлась деревня Теке, съ ея черепичными крышами и бѣлымъ минаретомъ. Не замерзшая рѣчка Гіопса сверкала извилистыми изгибами по долинѣ, покрытой множествомъ деревень, дубовыми и орѣховыми рощами. Эта картина обрамлялась на югѣ хребтомъ малыхъ Балканъ, розово-лиловое очертаніе которыхъ, съ гигантской вершины Траяна, казалось пригорками. Едва роты Духновскаго успѣвали спускаться съ одной терассы на другую, какъ массы болгаръ, мужчинъ и женщинъ, обшаривъ землянки укрѣпленій, стремились внизъ, а внизу еще кипѣла горячая перестрѣлка.

Выше сказано, что 3-му батальону послано было приказаніе свернуть въ тылъ главнаго редута. Узнавъ объ этомъ, маіоръ Ивановъ направилъ свой первый полу-батальонъ вслѣдъ за казаками въ долину, по дорогѣ, ведущей между подножіемъ южнаго склона и Корнари. Непріятель, выбитый изъ укрѣпленій, успѣлъ занять селеніе и соединиться въ немъ съ свѣжимъ таборомъ, пришедшимъ изъ Карлова на помощь защитникамъ Траянскаго перевала. Турки засѣли за окружающіе селеніе сады и плетни и заняли дома. Находившіяся при лѣвой колонѣ сотни бросились кто въ улицы, кто въ обхватъ деревни. За ними бѣгомъ шли роты и штыками выбивали непріятеля изъ засадъ. Во время этой схватки было взято знамя свѣжаго табора, его командиръ и 40 человѣкъ анатолійскаго низама. Остальные или легли подъ ударами штыка и пики, или бѣжали къ малымъ Балканамъ и, не смотря на наступавшіе сумерки, были преслѣдуемы казаками и нѣкоторыми увлекшимися партіями пѣхоты. Пріобрѣтенный успѣхъ до того одушевилъ всѣхъ чиновъ отряда, что никто не вспомнилъ, что уже 16 часовъ былъ или въ бою, или въ движеніи и сутки никто не имѣлъ пищи.

Нельзя умолчать о слѣдующемъ замѣчательномъ эпизодѣ преслѣдованія: нѣсколько человѣкъ 9-го полка, уже въ сумерки, наткнулись въ полѣ на повозки турокъ, нагруженныя имуществомъ убѣгавшихъ жителей. При разборкѣ разнаго домашняго хлама, солдаты нашли въ одной изъ повозокъ священническую бѣлую, парчевую ризу болгарскаго покроя и оторванный кусокъ плащаницы, на которомъ, по пунцовому бархатному бордюру, сохранилась часть надписи. Обѣ эти находки немедленно были переданы полковому священнику Доброхотову, который потомъ уже постоянно служилъ въ этой ризѣ.

Передъ взятіемъ деревни Корнари, 2-я и 3-я роты 9-го полка, съ нѣсколькими казаками, взяли направленіе на Теке, на перерѣзъ бѣжав-

шимъ туда туркамъ. На половинѣ дороги эти роты и двѣ сотни, обскакивавшія Корнари, набѣжали на непріятельскіи военный обозъ, уходившій подъ прикрытіемъ партіи черкесъ и человѣкъ двухъ-сотъ пѣхоты. Черкесы хотѣли было встрѣтить роты атакою, но, покуда они собирались, казаки налетѣли и моментально смяли ихъ. Командиръ 3-й роты, капитанъ Шелеповъ, штыками выбивалъ изъ-за повозокъ прикрытіе. Черезъ 10 минутъ транспортъ изъ 80-ти повозокъ, наполненныхъ рисомъ, галетами и фасолью, патронами и палатками, сдѣлался добычею отряда. Уцѣлѣвшіе въ схваткѣ бѣжали къ горамъ. Казалось, все было кончено, какъ вдругъ по лѣвому флангу роты открылся бѣглый огонь. Тамъ, шагахъ въ двухъ-стахъ, оказался высокій курганъ, поросшій густыми кустарниками и нѣсколькими деревьямм. На немъ засѣла партія черкесовъ и десятка два фанатиковъ. Фельдфебель 3-й роты, Александровъ, быстро сомкнулъ лѣво-фланговыя звѣнья и залпами отвѣчалъ на дерзость толпы, оборонявшейся въ то время, когда все бѣжало. Капитанъ Шелеповъ собравъ остальные взводы, съ трехъ сторонъ окружилъ курганъ. На его крикъ: „Сдавайся, проси Аманъ", турки отвѣтили новымъ залпомъ, отъ котораго палъ Александровъ. Смерть любимаго фельдфебеля была какъ бы сигналомъ для мести: рота, не отвѣчая на выстрѣлы, гаркнула ура, взлетѣла на курганъ и... все было кончено, все замерло.

3-й батальонъ, исполняя приказаніе направиться въ тылъ Орлинаго гнѣзда, пройдя ложементы, подымался изъ ущелья на гребень. Достаточно было его появленія въ тылу, чтобы турки, уже понесшіе громадныя потери отъ артиллерійскаго огня, начали отступленіе.

По взятіи Орлинаго гнѣзда, 2-й батальонъ, оставивъ въ укрѣпленіи сухарные мѣшки, палатки, шанцовый инструментъ, ни минуты не медля, бросился преслѣдовать турокъ. При первомъ спускѣ, 2-я стрѣлковая рота нагнала горное орудіе и захватила его.

Южный спускъ, ведущій въ Теке, оказался несравненно труднѣе и круче сѣвернаго подъема *). На немъ, уже на 2-й верстѣ отъ вершины, не было снѣга. Черезъ торчащія глыбы камней и глубокія ихъ разсѣлины не было и слѣда какой-либо тропинки. Большею частью приходилось не идти, а или прыгать съ камня на камень, или, держась за вѣтви и сучья кустовъ, скользить по круто-наклоненнымъ плитамъ. На всемъ спускѣ, на протяженіи пяти верстъ, не было площадки, на которой можно бы было, не задерживая другихъ, остановиться, перевести духъ. Многіе изъ бѣгущихъ, боясь быть настигнутыми, бросались въ пропасти; которыхъ же настигали, тѣхъ сталкивали туда, кого штыкомъ, кого прикладомъ. Большею частью пришлось спускаться по карнизамъ ущелій,

*) Для сравненія крутизны сѣвернаго подъема съ южнымъ спускомъ, достаточно сказать, что первый имѣетъ отъ кулибъ до перевала 12 верстъ, а спускъ отъ перевала до Теке—5 верстъ.

изъ глубины которыхъ раздавались выстрѣлы, пускаемые вверхъ, на удачу, и потому не наносившіе никакого вреда, но пули безпрестанно щелкали по стволамъ деревьевъ. Особеннаго труда стоило казакамъ спустить коней, и надо удивляться осторожности и смышленности нашихъ степныхъ донцовъ. Мѣстами уступы или ступени были болѣе аршина. Чтобы пройти пяти-верстное разстояніе отъ Орлинаго гнѣзда до долины, при всей поспѣшности преслѣдованія, потребовалось не менѣе пяти часовъ времени. Когда роты правой колоны собирались у Теке, было уже совершенно темно. Спускъ на Корнари былъ несравненно легче.

Только къ 8-ми часамъ роты и батальоны собрали своихъ людей и выставили въ селеніяхъ караулы и охранительные посты; но долго еще по долинѣ и на маломъ Балканѣ мелькали огоньки и раздавались отдаленные выстрѣлы. Это болгары перестрѣливались съ бѣжавшими въ горы турками.

Въ штабѣ отряда, вся ночь на 27-е декабря, было проведена въ собраніи свѣдѣній о потеряхъ, о взятыхъ плѣнныхъ и о трофеяхъ; въ составленіи подробнаго донесенія Главнокомандующему; въ распоряженіи о принятіи мѣръ къ скорѣйшему освѣщенію мѣстности и для продовольствія отряда.

Потери наши, сверхъ ожиданій, оказались, сравнительно, весьма не велики, а именно: убиты 1 оберъ-офицеръ (штабсъ-капитанъ Швейбудскій) и 25 нижнихъ чиновъ; ранено: 2 офицера и 61 нижній чинъ; безъ вѣсти пропало 8, обморозилось 48; всего же выбыло изъ строя 145 человѣкъ. У непріятеля взято въ плѣнъ 64, въ томъ числѣ 1 штабъ и 2 оберъ-офицера. Кромѣ того, взято знамя, кавалерійскій значекъ, горное орудіе со всѣми принадлежностями и военный обозъ изъ 80-ти повозокъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха, около полуночи, посланы были 2 сотни 24-го казачьяго полка, при войсковомъ старшинѣ Тарасовѣ, на западъ къ Клиссурѣ. Ему было приказано, освѣщая мѣстность сѣтью разъѣздовъ, рекогносцировать Клиссурское ущелье и употребить всѣ средства войти въ связь съ колонною полковника графа Комаровскаго, который долженъ былъ вести 2-ю бригаду 3-й дивизіи, отъ Златицы, на соединеніе съ траянскимъ отрядомъ *). Другія двѣ сотни 30-го казачьяго полка, подъ начальствомъ войсковаго старшины Антонова, посланы на востокъ къ Карлову, чтобы войти въ связь, черезъ Колоферъ, съ колонною Скобелева 2-го, спускавшеюся отъ Зелена-древа на Иметли. Ночью же отправлено приказаніе 4-му эшелону перейти перевалъ и прибыть въ Корнари, а двумъ ротамъ изъ правой колонны, по назначенію флигель-адъютанта графа Татищева, занять Рахманлы.

*) Генералъ Дандевиль, по случаю смерти генерала Каталея, вступилъ въ командованіе 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, а потому 2-ю бригаду 3-й пѣхотной дивизіи временно принялъ полковникъ графъ Комаровскій.

Полученныя къ разсвѣту донесенія разъѣздовъ, съ которыми были посланы надежные казачьи офицеры: Грузиновъ, Галдинъ, Кудинцевъ и Поцѣлуевъ указывали, что всѣ деревни долины Гіопса, обитаемыя исключительно турками, брошены ими и что въ этихъ деревняхъ, оставлена бѣжавшими жителями масса скота, сѣна, всякаго рода зерна, сушенныхъ фруктовъ, фасоли и другихъ продуктовъ. Это извѣстіе во многомъ развязало намъ руки и избавило отъ тѣхъ хлопотъ и заботъ, которыя предстояли по передачи сухарей изъ склада въ кулибахъ, черезъ перевалъ.

Но все-таки положеніе отряда въ эту ночь и въ два послѣдующіе дня было не изъ завидныхъ.

Показанія плѣнныхъ свидѣтельствовали, что вправо и влѣво отъ Корнари находятся значительные турецкіе отряды, что клиссурское и калоферское ущелья сильно укрѣплены, что по филипопольскому шоссе въ Чукурлу и Каротопрагѣ стоятъ по нѣсколько таборовъ, наконецъ, что при началѣ нашего наступленія на Траянъ, во всѣ эти мѣста посланы гонцы съ просьбою о помощи *). Перейдя Траянъ, мы очутильсь безъ артиллеріи, безъ запаса патроновъ. Все это вмѣстѣ съ полною безъизвѣстностью о томъ, что происходитъ подъ Шипкою и далеко-ли 2-я бригада, не могло не тревожить. Если не эту ночь, то черезъ день, черезъ два, могло быть сдѣлано нападеніе на отрядъ въ значительныхъ силахъ, а между тѣмъ у насъ даже не было пути отступленія. Если нужно было 6-ть часовъ времени, чтобы спуститься, то подняться съ боемъ было немыслимо.

Утромъ, 27-го декабря, начальникъ штаба подполковникъ Сосновскій былъ отправленъ въ Ловчу, куда перешла главная квартира, къ Главнокомандующему, съ подробною реляціею объ одержанной побѣдѣ. Донесеніе это составляло описаніе всего вышеизложеннаго и потому здѣсь, во избѣжаніе повторенія, не приводится. Оно заключено было слѣдующимъ: „Не нахожу выраженій для достаточной обрисовки самоотверженія, трудовъ и усилій, которые выказали всѣ чины отряда, при исполненіи возложеннаго на меня порученія. Непроходимѣйшій изъ Балканскихъ переваловъ не остановилъ части Вашей арміи, считающей себя счастливою, если ей удалось заслужить одобреніе Августѣйшаго своего Главнокомандующаго“.

„Флигель-адъютантъ полковникъ графъ Татищевъ, бывъ ближайшимъ исполнителемъ моихъ указаній, выказалъ примѣрную распорядительность и не только полное спокойствіе, но и совершенное презрѣніе къ опасности въ бою“.

*) Впослѣдствіи узнано, что эти гонцы изъ черкесовъ, проносясь черезъ Сапотъ и Карлово, кричали жителямъ, чтобы всѣ турки скорѣе спасались, потому, что огромныя русскія силы подступили къ Траянову перевалу и берутъ его.

„Командиръ 30-го казачьяго полка, полковникъ Грековъ, исполнилъ съ лихостію трудную задачу обхода лѣвой колонны. Онъ былъ одинаковымъ молодцемъ, какъ въ борьбѣ съ природою, такъ и съ непріятелемъ, ясно доказавъ это результатомъ обхода“.

„Начальникъ отряднаго штаба, подполковникъ Сосновскій, понесшій особые труды, какъ при рекогносцировкѣ, такъ и по подготовкѣ предпріятія, оказалъ особую услугу по разработкѣ пути для перваго эшелона, а во время ночной демонстраціи, 23-го декабря, всю ночь находился подъ пулями“.

„Генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, лично изучившій траянскіе перевалы, понесшій неимовѣрныя лишенія при обходѣ на Рахманлы и едва не погибшій тамъ, передъ дѣломъ 26-го декабря, рекогносцировалъ путь для обходной колонны, что и рѣшило участь боя“.

„Командиръ 2-го баталіона 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка маіоръ Духновскій, на долю котораго выпала опаснѣйшая фронтальная атака Орлиннаго гнѣзда, своими благоразумными распоряженіями по размѣщенію резервовъ цѣпи, былъ виновникомъ той умѣренной потери, которая понесена его баталіономъ; при штурмѣ-же укрѣпленія, въ числѣ первыхъ былъ на брустверѣ, гдѣ баталіонъ его взялъ орудіе“.

„Состоявшіе при мнѣ: старшій адъютантъ штаба дивизіи капитанъ Федоровъ, исправляющій должность старшаго адъютанта, 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка штабсъ-капитанъ Байковъ; ординарцы мои: лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка штабъ-ротмистръ Крестовскій, 9-го пѣхотнаго поручикъ Эрнротъ, 11-го пѣхотнаго поручикъ Яковлевъ и 24-го казачьяго хорунжій Марковъ, все время подъ непріятельскимъ огнемъ, передавали мои приказанія“.

Для большаго обезпеченія отряда отъ нечаяннаго нападенія, утромъ 27-го декабря, части его заняли слѣдующіе пункты: 2 роты оставлены въ Рахманлы; Теке занято баталіономъ 10-го полка маіора Кобордо 2-го, которому предписано, отъ данной въ его распоряженіе сотни, посылать возможно чаще разъѣзды къ югу на Слатину; 10-й стрѣлковый баталіонъ поставленъ въ Ашикларъ; три сотни 30-го казачьяго полка заняли Карассарлы и Гайново; всѣ остальныя части, т. е. 18-ть ротъ, сосредоточены въ Корнари, гдѣ остался и штабъ отряда. За тѣмъ приступлено къ спуску оставленныхъ на перевалѣ орудій и къ устройству черезъ перевалъ сообщенія съ главною квартирою. Саперная рота была послана обратно къ Орлинному гнѣзду, для разработки южнаго спуска и съ нею полсотни 24-го казачьяго, для выставки постовъ летучей почты, по линіи Траянъ-Ловча. Какъ-бы дорогъ былъ въ настоящую минуту походный телеграфъ, если-бы онъ былъ при отрядѣ!

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ приходили донесенія, что болгары

повсюду разбираютъ турецкое имущество, увозятъ зерновой хлѣбъ, угоняютъ скотъ. Все это было для насъ дорого, и потому немедленно были отправлены по деревнямъ казаки, для сгона скота въ Корнари, куда приказано свозить и всякаго рода зерно. Для завѣдыванія образуемымъ складомъ, назначенъ 9-го полка маіоръ Пальковскій и нѣсколько унтеръ-офицеровъ отъ каждой части. Главное затрудненіе къ скорѣйшему образованію склада составлялъ недостатокъ перевязочныхъ средствъ. Воловъ и буйволовъ было сколько угодно, но ни одной повозки, исключая поломанныхъ при захватѣ, и затѣмъ наскоро исправленныхъ каруцъ турецкаго транспорта; всѣ другія жители взяли подъ свое имущество. Не смотря на это, въ одни сутки, было уже въ Корнари 1000 головъ рогатаго, 2000 мелкаго скота, и до 150 четвертей пшеницы, ячменя, гороха и проч. Чтобы сберечь сухари на черный день, запрещено было ихъ расходовать, а приказано раздавать въ роты муку, изъ которой солдаты, вмѣсто хлѣба, пекли себѣ лепешки, въ первые дни очень имъ нравившіяся. Впрочемъ, въ каждомъ домѣ оказалось такое во всемъ изобиліе, что постояльцу не надо было выходить за ворота своего двора, чтобы быть вполнѣ сыту. Въ кладовыхъ находили цѣлые закромы, или бочки: рису, фасоли, грецкихъ орѣховъ, масла, меду; на дворахъ стояли скирды сѣна и соломы, и по нимъ разгуливала всякаго рода домашняя птица. Видя, что все это, съ уходомъ отряда, подвергнется расхищенію болгаръ, чрезъ что армія, идущая безъ обозовъ и отрѣзанная Балканами отъ своихъ транспортовъ, лишится возможности продовольствоваться мѣстными средствами, начальникъ отряда тогда-же писалъ начальнику штаба арміи: „Въ занимаемой ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ мѣстности, отъ Рахманлы до Карлова, во всѣхъ покинутыхъ турками деревняхъ, особенно по сѣверному склону малыхъ Балканъ, находится масса брошеннаго скота, сѣна и всякаго рода зерна и продуктовъ. Необходимо безъотлагательно принять мѣры къ спасенію этого отъ расхищенія болгаръ“.

Къ вечеру 27-го числа, пришли съ перевала вьюки перваго транспорта, посланнаго изъ кулибинскаго склада, съ сухарями и патронами. Съ ними же командиръ поднявшейся къ орудіямъ саперной роты доносилъ, что начинающаяся на подъемѣ мятель заноситъ орудія, что спустить ихъ одной ротѣ невозможно, и потому проситъ наряда въ гору рабочихъ. Находясь въ Корнари, трудно было вѣрить о появленіи вьюги, потому что въ это время внизу была полная тишина и ярко свѣтило заходящее солнце. Посланный на перевалъ ординарецъ, возвратившійся уже ночью, доложилъ, что положеніе артиллеристовъ и роты прикрытія становится критическимъ, такъ какъ мятель прекращаетъ всякое сообщеніе и съ отрядомъ, и съ его тыломъ.

28-е декабря прошло не радостнѣе своего кануна. Ни о томъ, что

произошло или происходитъ подъ Шипкою, ни гдѣ находится 2-я бригада съ графомъ Комаровскимъ,—отъ посланныхъ въ дальныя развѣдки Тарасова и Антонова свѣдѣній еще не было. Послѣдній доносилъ только, что Сопотъ и Карлово незаняты непріятелемъ, и что онъ одну сотню оставилъ въ Карловѣ, для наблюденія филипопольскаго шоссе, а съ другою пошелъ къ Калоферу.

Подходя съ полусотнею къ Карлову, есаулъ Шаровъ замѣтилъ, что послѣ поспѣшнаго передъ нимъ отступленія турецкаго разъѣзда, во дворъ одного дома внеслись назадъ 6 кавалеристовъ. Шаровъ приказалъ окружить домъ. Турки начали защищаться и были перебиты, а въ домѣ найдено большое, бѣлое съ красною луною и звѣздою кавалерійское знамя, вѣроятно въ страхѣ и суетѣ, забытое въ квартирѣ начальника. Доставившій его въ Корнари офицеръ могъ только передать, что къ сторонѣ Шипки слышна сильная канонада.

По полученіи извѣстія о занятіи Карлова, туда немедленно были направлены остальныя 3 сотни 30-го казачьяго полка. Въ тоже время, для поддержанія посланнаго на западъ, съ двумя сотнями, старшины Тарасова, и для большаго обезпеченія отряда съ этой стороны, маіору 10-го полка Кобордо приказано: оставивъ въ Теке и Рахманлы по ротѣ, съ остальными 5 ротами выступить къ Клиссурскому дефиле, и не входя въ него, занять передъ нимъ позицію, которая задержала-бы дебушированіе непріятеля въ долину.

Между тѣмъ работа по спуску орудій, къ которымъ послано было 300 рабочихъ, шла невыносимо медленно. На каждомъ шагу, или уступы и зубцы скалы, или громадныя деревья не пропускали осей. То приходилось класть слеги и спускать части по наложеннымъ доскамъ, то срубать вѣковой дубъ, то разбивать камень. Все это, вмѣстѣ съ продолжившеюся и 28-го числа мятелью, дозволило, и то при неимовѣрныхъ усиліяхъ, спустить орудія только за линію турецкихъ укрѣпленій. Во весь день не было никакого сообщенія черезъ перевалъ, не пришло ни одного вьюка, и даже самые отважные горцы не рѣшались пуститься въ горы, съ захваченною добычею.

Въ ночь на 29-е декабря, получено было первое извѣстіе отъ войсковаго старшины Тарасова. Онъ доносилъ, что открылъ близь Клиссуры непріятельскую пѣхоту, за которою наблюдаетъ и что, насколько можно судить издали, ущелье сильно укрѣплено, наконецъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, оно занято четырьмя таборами.

Наступившее 30-е декабря, послѣ двухъ тревожныхъ дней, показалось праздникомъ, такъ благопріятны были полученныя въ продолженіи этого дня свѣдѣнія. Во первыхъ, мятель на перевалѣ прекратилась и къ полудню прибылъ второй транспортъ изъ Кулибинскаго склада, а изъ монастыря присланы, отцемъ архимандритомъ Макаріемъ, 50 вьюковъ

*

съ печенымъ хлѣбомъ. Во вторыхъ, съ обоихъ фланговъ доносили: Антоновъ,—что Калоферское ущелье очищено и что онъ, пройдя его, послалъ сильный разъѣздъ къ Иметли, дабы скорѣе войти въ связь съ колонною Скобелева 2-го, но что о Шипкѣ ничего неизвѣстно, хотя все утро 28-го слышали сильную пальбу *). Тарасовъ,—что въ ночь на 29-е, турки совершенно неожиданно очистили Клиссурское дефиле и отступили къ югу, на Каправшицу, послѣ чего онъ двинулся впередъ и его разъѣзды вскорѣ встрѣтились съ казаками колонны графа Комаровскаго. Оба эти донесенія вполнѣ обезпечивали положеніе отряда, и такъ сказать развязали намъ руки.

Благопріятная погода на Траянѣ дала возможность отправить въ главную квартиру взятые знамена, орудіе и плѣнныхъ. Передъ отправленіемъ послѣднихъ, съ нихъ сняты были болѣе подробные допросы, изъ которыхъ узнано: что мы имѣли противъ себя на перевалѣ четыре табора анатолійскаго низама и около ста человѣкъ султанской гвардіи, и что на подмогу этому отряду пришло отъ Карлова два табора мустафизовъ, между которыми большая часть была аравійцы; что до 22-го декабря на Траянѣ было всего двѣ роты, а всѣ остальные таборы были присланы форсированнымъ маршемъ отъ Шипки и проходили на перевалъ,—два табора 23-го и другіе два 25-го декабря; наконецъ, что всѣми ими командовалъ полковникъ Раффикъ-бей.

Къ полудню солнце въ долинѣ грѣло до того сильно, что всѣ ходили въ однихъ мундирахъ, а спускавшіе орудія работали въ рубашкахъ и такъ успѣшно, что можно было надѣяться на окончательный спускъ и присоединеніе ихъ къ завтрашнему утру. Около полудня горное эхо донесло до Корнари три равномѣрные пушечные выстрѣла, со стороны Клиссуры. Это были сигнальные выстрѣлы колоны Комаровскаго, что немедленно подтвердилось полученнымъ донесеніемъ, а вслѣдъ затѣмъ и личнымъ прибытіемъ графа. Онъ доложилъ, что отрядъ его, послѣ форсированнаго четырехдневнаго марша, остановился въ Клиссурѣ и что съ нимъ идутъ только 3 батальона, 2-й бригады и 6 ротъ его 10-го полка, а остальные 3 батальона съ двумя сотнями казачьяго № 20-го полка, подъ начальствомъ командующаго 11-мъ пѣхотнымъ Псковскимъ полкомъ полковника Кобордо 1-го, направлены имъ къ Капривищцѣ для преслѣдованія отступившихъ отъ Клиссуры турокъ. Отступленіе это было совершенною неожиданностью и, по словамъ графа Комаровскаго,—явленіемъ совершенно необъяснимымъ, потому что взять клиссурское ущелье было бы невозможно. На протяженіи семи верстъ оно идетъ корридоромъ между отвѣсными скалами. Оказалось, что отступленіе это было

*) Донесеніе это послано изъ Калофера 29-го декабря въ 6 час. утра; получено въ Корнари 30-го декабря въ 8 час. утра.

послѣдствіемъ взятія Трояновскаго перевала и направленія пяти ротъ изъ Теке, въ тылъ клиссурскому дефиле. Наступленіе 2-й бригады съ фронта и появленіе маіора Кобордо въ тылу, только и могли заставить непріятеля очистить укрѣпленное ущелье.

Когда еще въ бытность въ Ловчѣ были извѣстны потери и лишенія, понесенныя полками 2-й бригады въ теченіи двухъ-мѣсячнаго стоянія у Арабъ-Конака и Шандорника, но нельзя было ожидать, чтобы убыль въ 11-мъ Псковскомъ и 12-мъ Великолуцкомъ полкахъ могла дойти до той, которая оказалась. Въ сущности, вмѣсто бригады, графъ Комаровскій привелъ 2 батальона, потому въ Псковскомъ полку было всего 900, а въ Великолуцкомъ 1200 штыковъ. Все остальное, т. е. около 4-хъ тысячъ изъ шести, потеряно частію въ бояхъ, преимущественно же отъ обмороженій и болѣзней *). Принадлежащей бригадѣ артиллеріи съ нею не пришло. Всѣ три ея батареи (2-я, 4-я и 6-я) оставлены въ общемъ артиллерійскомъ резервѣ у Орханіи. Вмѣсто своей артиллеріи, къ отряду прибыли: два орудія конной № 16-й батареи, два орудія казачьей № 19-й батареи и батарея 31-й артиллерійской бригады. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемыхъ 24-хъ, пришло всего 8 легкихъ орудій. Всѣ они, кромѣ собственнаго взвода 3-й бригады, не имѣли съ собою ящиковъ, такъ что снаряды несла пѣхота, а у батареи 31-й бригады они везлись на воловьихъ каруцахъ. Впослѣдствіи начальникъ артиллеріи сильно негодовалъ на подобный сборный составъ артиллеріи и на то, что соединившаяся за Балканами 3-я дивизія очутилась безъ принадлежащихъ ей батарей; но въ этомъ нисколько не виноватъ командиръ 3-й артиллерійской бригады, не имѣвшій права касаться распоряженій, дѣланныхъ въ западномъ отрядѣ **).

Наконецъ, возвратившійся 30-го декабря, около полудня, изъ главной квартиры, подполковникъ Сосновскій, привезъ извѣстіе о пораженіи и плѣненіи шипкинской арміи. Узнавъ объ этомъ событіи, не ожидая ни присоединенія 2-й бригады, ни окончательнаго спуска орудій, 9-й пѣхотный Староингерманландскій полкъ немедленно былъ отправленъ въ Карлово; 10-му стрѣлковому батальону приказано перейти въ Ашикляръ, а весь 10-й пѣхотный Новоингерманландскій полкъ сосредоточенъ въ Карасарлы. Послѣ полудня спустились, наконецъ, съ перевала два орудія, участники траянскаго боя, и тотчасъ-же были направлены за 9-мъ полкомъ въ Карлово. Затѣмъ, вновь прибывшія чужія орудія были распредѣлены по частямъ отряда такимъ образомъ: взводъ конной

*) Впослѣдствіи, когда дивизія остановилась на берегахъ Мраморнаго моря, сначала у Шаркіоя, а потомъ въ Малгарѣ и Родосто, многіе изъ больныхъ и отсталыхъ присоединились къ полкамъ въ столь значительномъ числѣ, что 2-я бригада почти укомплектовалась.

**) Три батареи отдѣлились отъ дивизіи еще въ октябрѣ, по распоряженію штаба арміи и находились въ отрядѣ генерала Гурко.

№ 16-й батареи приданъ 10-му стрѣлковому батальону; батарея 31-й артиллерійской бригады къ 10-му Новоингерманландскому и взводъ казачьей № 19-го батареи—къ казачьему № 30-го полкамъ. Послѣднему приказано перейти изъ Карлова въ Чукурлу, пустивъ сильные разъѣзды къ Филиппополю.

Подполковникъ Сосновскій не получилъ въ главной квартирѣ никакихъ положительныхъ указаній о дальнѣйшемъ направленіи отряда. Ему было только сказано, что, по всей вѣроятности, намъ дано будетъ приказаніе идти на Чирпанъ и что къ отряду придается Казанскій драгунскій полкъ. На просьбу-же Сосновскаго дать отряду одинъ изъ Гренадерскихъ полковъ, проходившихъ въ то время Ловчу, или хоть 1 изъ стрѣлковыхъ батальоновъ, перешедшихъ Балканы у Зеленадрева,—было отказано.

Когда части 2-й бригады шли на соединеніе съ траянскимъ отрядомъ, батальоны, направленные графомъ Комаровскимъ на Капривщицу, имѣли тамъ перестрѣлку съ арріергардомъ, отступавшихъ на югъ турокъ, при чемъ послѣдніе потеряли много убитыхъ и 26 взятыхъ въ плѣнъ. Какъ этимъ батальонамъ, такъ и остановившимся въ Клиссурѣ, въ виду усиленныхъ переходовъ и понесенныхъ двухмѣсячныхъ трудовъ и лишеній, по усиленной просьбѣ графа Комаровскаго, дана была 30-го числа дневка.

Между тѣмъ свозъ въ Корнари зерноваго хлѣба и пригонъ турецкаго скота достигъ такихъ размѣровъ, что на долгое время могъ-бы обезпечить довольствіе не одной, а нѣсколькихъ дивизій. Двѣ тысячи крупнаго и до 3,000 мелкаго скота стояло въ загонахъ. Нужно было распорядиться его кормомъ и уходомъ за нимъ. Хотя сѣна и всего было въ волю, но сколько нужно было отдѣлить изъ строя народа, чтобы раздать кормъ такой массѣ, напоить ее, разсортировать по загонамъ и проч. Чтобы упростить все это, сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

1) Въ каждый батальонъ приказано было выдѣлить по 100 воловъ, въ счетъ порціоннаго скота и сдать на попеченіе батальонныхъ командировъ.

2) Каждому полку дать по 25-ти паръ лучшихъ воловъ, для запряжки въ каруцы, подъ свозъ больныхъ и сухарей.

3) Мелкій скотъ раздать пришедшимъ изъ за Балканъ нуждающимся болгарамъ, а излишній крупный продать имъ по самой умѣренной цѣнѣ и вырученныя деньги передать генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову, на котораго, штабомъ арміи, было возложено удовлетвореніе жалованьемъ правильно сформированныхъ болгарскихъ четъ.

4) Сто штукъ воловъ отправить обратно за Балканы въ Ловчу, для раздачи въ подвижной дивизіонный лазаретъ и въ оставшіяся при обозахъ команды полковъ 1-й бригады.

5) Принимая во вниманіе изобиліе предметовъ продовольствія и обезпеченія ими отряда, немедленно приказано прекратить подвозъ сухарей черезъ перевалъ изъ склада въ Кулибахъ и изъ Ловчи къ Траяну, о чемъ сообщено завѣдывающему складомъ, а также интенданту и подполковнику Чигирину.

Независимо отъ этого, зная что въ обоихъ этихъ пунктахъ остается значительное количество заготовленнаго продовольствія, что въ Ловчѣ, въ распоряженіи интенданта, находится еще много закупленнаго и не израсходованнаго зерна и что къ Траяну прибылъ казенный транспортъ съ людскими и конскими консервами, одновременно съ вышеизложенными распоряженіями, было предписано: все оставшееся въ Кулибахъ и Траянѣ, возвратить въ Ловчу, а при недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, передать на храненіе въ Успенскій монастырь и сдать его настоятелю. Интенданту подполковнику Исакову, — всѣ имѣющіеся въ его веденіи припасы и принадлежности ихъ храненія, вѣсы, мѣры и хлѣбопекарни— сдать въ Ловчинскій интендантскій складъ, а самому немедленно прибыть къ отряду. Въ отвѣтъ на это, черезъ нѣсколько дней, полученъ рапортъ подполковника Исакова о болѣзни и съ тѣхъ поръ ни Траянскій отрядъ, ни 3-я пѣхотная дивизія уже не имѣли интенданта.

31-го декабря прибылъ въ Корнари 1-й эшелонъ 2-й бригады, состоявшій изъ двухъ батальоновъ 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка. Они были осмотрѣны начальникомъ отряда при вступленіи. Это были достойные, по непреодолимому мужеству и выносливости, остатки славнаго полка. Въ нѣкоторыхъ ротахъ было на лицо 50—60 человѣкъ. Всѣ они были одѣты въ болгарскихъ опанкахъ, или въ лаптяхъ, въ прожженныхъ и изорвавшихся по лѣснымъ дебрямъ и скалистымъ ущельямъ шинеляхъ. Закоптѣлые, обросшіе бородами, это были испытанные и закаленные, между огнями костровъ и 20-ти градуснымъ морозомъ, воины. Не видавъ бригады 2½ мѣсяца, генералъ именемъ Главнокомандующаго поблагодарилъ Великолукцевъ за славную ихъ службу и какъ ему не хотѣлось увидѣть и другіе эшелоны, вступленіе которыхъ должно было произойти на слѣдующее утро, но исполнить это желаніе было невозможно. Въ виду распространившейся между турками паники, заставившей ихъ очищать безъ боя такія позиціи какъ Калоферъ и Клиссура, необходимо было воспользоваться ею. Поэтому рѣшено было на слѣдующее утро выступить всѣмъ, оставшимся еще въ Корнари, частямъ отряда въ Карлово, не дожидаясь прибытія прочихъ батальоновъ 2-й бригады.

Необходимо замѣтить, что со дня назначенія генерала Дандевиля командующимъ 3 гвардейскою пѣхотною дивизіею, 2-я бригада оставалась не только безъ бригаднаго, но и безъ обоихъ полковыхъ командировъ. Командиръ 11-го Псковскаго полка, полковникъ Зубатовъ, вслѣдствіе паденія съ лошади, остался съ вывихнутымъ плечомъ въ Этрополѣ;

командиръ 12-го Великолуцкаго полка, полковникъ Рыдзевскій, уже два мѣсяца рапортовался больнымъ, затѣмъ былъ отчисленъ и вмѣсто его никто еще не былъ назначенъ. Приведшій бригаду полковникъ графъ Комаровскій долженъ былъ принять свой соединившійся 10-й Новоингерманландскій полкъ и поэтому старшимъ во 2-й бригадѣ оставался командовавшій Псковскимъ полкомъ подполковникъ Кобордо 1-й, которому и поручена бригада, временно оставленная для устройства въ Корнари.

Въ тотъ же день, часу въ третьемъ, начальнику отряда доложили о прибытіи турецкаго парламентера. Онъ явился на наши аванпосты у Чукурлу, откуда доставленъ къ графу Татищеву въ Карлово, который прислалъ его съ сотникомъ Поздѣевымъ, донося, что парламентеръ посланъ филипопольскимъ комендантомъ къ Главнокомандующему. На вопросъ начальника отряда о цѣли его прибытія, парламентеръ, одѣтый въ мундиръ турецкаго штабъ-офицера, отвѣчалъ, что онъ военный врачъ, посланный, какъ знающій языки, филипопольскимъ комендантомъ, съ открытымъ письмомъ къ Великому Князю, и подалъ незапечатанный конвертъ. Письмо это, написанное по французски, тутъ-же прочтенное генераломъ, содержало въ себѣ извѣщеніе о заключенномъ будто-бы, 27-го декабря, между Россійскою Имперіею и Портою перемиріи и просьбу, чтобы было пріостановлено дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ. Не видя изъ письма, чтобы комендантъ Филипополя былъ уполномоченъ входить въ прямыя сношенія съ Главнокомандующимъ, и зная, что извѣщенія о перемиріи могутъ быть принимаемы только отъ своего начальства, а никакъ отъ непріятеля, начальникъ отряда выразилъ Г. Моизу (такъ назвалъ себя парламентеръ) сомнѣніе о томъ, чтобы онъ получилъ какой-либо отвѣтъ и что едва-ли даже онъ будетъ принятъ Великимъ Княземъ. На выраженное удивленіе, почему такъ думаютъ, пришлось указать, что комендантъ упустилъ изъ виду, что братъ Русскаго Императора, не будетъ входить въ сношеніе, съ кѣмъ-бы то ни было, кто не уполномоченъ на это Султаномъ; что если-бы перемиріе было дѣйствительно заключено, то не въ Константинополѣ, а въ главной квартирѣ русской арміи, откуда мы имѣли бы свѣдѣніе раньше его прибытія; наконецъ, что въ случаѣ если-бы перемиріе дѣйствительно состоялось, то нечего было-бы и просить о пріостановкѣ нашихъ движеній, потому что самый фактъ указалъ-бы на это. Эти доводы заставили парламентера высказаться, что онъ и самъ не вполнѣ сознаетъ истину привезеннаго имъ извѣстія, потому что передъ его отправленіемъ, комендантъ безпрестанно получалъ изъ Константинополя противорѣчащія извѣстія. Сначала ему сообщали, что перемиріе заключено, потомъ что нѣтъ, и черезъ часъ опять, что перемиріе дѣйствительно состоялось.

Не считая себя вправѣ задержать посланнаго съ письмомъ къ Великому Князю, начальникъ отряда приказалъ приготовить свѣжій кон-

вой, въ ожиданіи котораго предложилъ Г. Моизу подкрѣпить себя скромнымъ обѣдомъ и велѣлъ накормить его спутниковъ. Такъ какъ въ то время не было извѣстно, гдѣ именно находится Главнокомандующій, перешелъ-ли онъ Шипку вслѣдъ за арміей, или остановился въ Тырновѣ, то парламентеру было предложено ѣхать черезъ Траянскій перевалъ, въ Сельви, гдѣ навѣрное можно было узнать о мѣстопребываніи Его Высочества. Это предложеніе до того испугало Г. Моиза, что онъ какъ милости просилъ отправить его черезъ Карлово въ Казанлыкъ. Вотъ доказательство какимъ непреодолимымъ препятствіемъ считали турки Траяновъ перевалъ, даже для нѣсколькихъ всадниковъ. Во время обѣда Моизъ разсказывалъ, какой переполохъ произвело въ Филипополѣ извѣстіе о переходѣ нашемъ черезъ Траянъ. Долго никто не хотѣлъ этому вѣрить; но когда Раффикъ-бей, 27-го декабря, прискакалъ прямо къ губернатору и разсказалъ о своемъ пораженіи, то немедленно было приказано укладывать архивы, всѣмъ служащимъ готовиться къ выѣзду, а отрядамъ, расположеннымъ по филипопольскому шоссе, отступать скорѣе за Марьицу. Турки считали нашъ отрядъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, чѣмъ и оправдывалъ Раффикъ-бей свое пораженіе.

Оставляя Корнари, надо было многимъ распорядиться и потому пришлось проработать всю ночь. Назначенному временно командующимъ 2-ю бригадою было предписано:

1) По прибытіи обоихъ полковъ, сформировать изъ каждаго по сводному батальону, составивъ ихъ изъ людей наиболѣе сохранившихъ силы.

2) Немедленно, на сколько только возможно, исправить обувь и одежду этихъ людей.

3) Ротныхъ командировъ и батальонныхъ адъютантовъ назначить изъ первыхъ батальоновъ и батальоны ввѣрить: Псковскаго полка — маіору Федотову, а Великолуцкаго—маіору Молчанскому и первому завѣдывать обоими батальонами на правахъ полковаго командира.

4) По неимѣнію при бригадѣ обоза, сформировать для сводныхъ баталіоновъ, изъ исправленныхъ турецкихъ каруцъ, воловій обозъ, примѣрно по 4 подводы на роту.

5) Всѣхъ чиновъ, назначенныхъ въ свободные баталіоны, изъ прежнихъ ротъ не исключать, а считать во временной командировкѣ.

6) Такъ какъ состояніе силъ и снаряженія людей обоихъ полковъ требуетъ значительнаго улучшенія, то пользуясь собранными запасами, отпускать каждому по 2 фунта мяса и 3 фунта свѣжаго хлѣба и приложить все стараніе обуть всѣхъ людей, хотя въ опанки, изъ шкуръ порціоннаго скота.

Сводные баталіоны должны были составить резервъ отряда и быть готовыми къ выступленію по первому приказанію.

На подполковника Кобордо было возложено и устройство тыла отряда

съ подчиненіемъ ему всѣхъ чиновъ дивизіи, оставленныхъ въ Кулибахъ и Ловчѣ. Ему же поручено образованіе продовольственныхъ складовъ и ихъ охрана. Въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ руководствоваться слѣдующимъ: а) собираемое зерно обращать, на оказавшихся въ долинѣ мельницахъ, въ муку и устроивъ пекарни, заготовлять сухарный запасъ. б) По полученіи увѣдомленія о выступленіи отряда къ югу, перейти съ остатками бригады въ Карлово, гдѣ и устроить главный складъ запасовъ, въ который перевезти все доставленное въ Корнари съ перевала и собранное изъ турецкихъ деревень. в) По выступленіи изъ Ловчи, оставленныхъ тамъ командъ и обозовъ, снять почтовые казачьи посты съ линіи Ловча-Траянъ-Корнари и взамѣнъ этого, 6-ю сотню 24-го полка перевести для той-же цѣли, на линію Карлово-Калоферъ-Казанлыкъ. г) Принять мѣры къ скорѣйшему присоединенію къ полкамъ, оставленныхъ въ Этрополѣ обозовъ и съ ихъ прибытіемъ открыть въ частяхъ полковые лазареты.

Въ ту же ночь, на новый годъ, начальникъ отряда послалъ приказанія въ Ловчу: подполковнику Чигирину, съ обозами и оставшимися командами, выступить 6-го января въ Сельви и слѣдовать на присоединеніе къ отряду, черезъ Шипку. Главному врачу подвижнаго лазарета, направиться 7-го января по тому-же пути, сдавъ больныхъ въ Плевно, или по дорогѣ въ Тырновѣ; командирамъ 1-й, 3-й и 5-й батарей, выступить, по недостатку лошадей, въ 6-ти орудійномъ составѣ, 3-го января къ Габрову и перейдя Балканы у Шипки, присоединиться къ отряду *).

Рано утромъ 1-го января собрались къ генералу командиры частей для полученія приказаній: выступающіе — о дальнѣйшемъ движеніи и цѣляхъ отряда, остающіеся — о приведеніи въ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій. Вмѣстѣ съ восходомъ солнца, поздравивъ другъ друга съ новымъ годомъ, мы сѣли на коней и тронулись по долинѣ къ востоку. День былъ вполнѣ благопріятный. Легкій 3-хъ градусный морозъ уничтожилъ слѣды денной оттепели; войска шли бодро, весело, припѣваючи. Со штабомъ отряда шла только конвойная сотня и саперная рота, такъ какъ 9-й полкъ былъ уже въ Карловѣ, а другія части направлены съ мѣстъ ночлеговъ прямо: 10-й стрѣлковый баталіонъ въ Ладжикіой, а 10-й Новоингерманландскій полкъ въ Войнягово.

Пройдя совершенно выжженный, полгода назадъ, когда-то цвѣтущій городокъ Сопотъ, около полудня мы вступили въ Карлово. Насъ встрѣтила депутація, съ духовенствомъ во главѣ. Благодаря энергіи и распо-

*) Въ предполагаемой къ напечатанію статьѣ о дѣйствіяхъ 3-й пѣхотной дивизіи, будетъ сказано о томъ, что выдержали и испытали ея обозы, подвижной лазаретъ и батареи, ожидая очереди, чтобы пройти Балканы черезъ шипкинскій перевалъ.

дительности графа Татищева, въ Карловѣ найденъ полный порядокъ. Военная полиція была уже на мѣстахъ, ко всѣмъ складамъ и оставленнымъ турками запасамъ приставлены часовые; городской совѣтъ, изъ выбранныхъ жителями членовъ, открылъ дѣйствія. Не смотря на это, предстояло сдѣлать и устроить еще многое. Надо было всѣ найденные запасы сосчитать или вымѣрить, распредѣлить между частями, назначить офицеровъ завѣдывать складами, организовать подвозъ брошеннаго по деревнямъ. Послѣднее было труднѣе всего. Бѣжавшее турецкое населеніе, побросавъ свой скотъ, захватило съ собою всѣхъ, не только своихъ, но и болгарскихъ лошадей, такъ что достать подъ вьюки не только лошадь, но и осленка, стоило большихъ хлопотъ.

Среди распоряженій о всемъ этомъ, составлена была диспозиція о дальнѣйшемъ движеніи на 2-е января. По ней было назначено: 2-му баталіону 9-го полка, съ двумя орудіями, занять Чукурлу, а двумъ другимъ его баталіонамъ перейти изъ Карлова въ Ладжикіой, на мѣсто 10-го стрѣлковаго баталіона, который долженъ былъ занять Дальну-Махалу, а 10-й Новоингерманландскій полкъ—перейти изъ Войнякова въ Еметли (на юго-западъ отъ Чукурлу). Кавалерійскія части отряда, именно 30-й казачій полкъ съ двумя орудіями 19-й казачьей батареи, направленъ по Филипопольскому шоссе до Каротопрага, а три сотни 24 го полка,— на Карамустафаляре, съ приказаніемъ послать сильные разъѣзды,—первому по направленію на Чирпанъ, а второму на Дурутлу и Черногорово. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы до полученія какихъ-либо указаній изъ главной квартиры. Приказанія начали приходить, какъ будетъ сказано ниже, только съ 2-го анваря.

Проводивъ 9-й полкъ до Ладжикіоя, утромъ 2-го января начальникъ отряда возвратился въ Карлово, дабы дождаться прихода драгунъ и съ нетерпѣніемъ ожидаемаго возвращенія изъ главной квартиры подполковника Сухомлинова, посланнаго туда съ парламентеромъ. Гдѣ находилась въ этотъ день главная квартира, намъ положительно извѣстно еще не было и только по болгарскимъ слухамъ ее предполагали въ Казанлыкѣ.

Драгуны вступили въ Карлово около полудня и имъ тутъ-же объявлено, что на слѣдующій день, они должны опередить пѣхоту и занять Чуперликіой, т. е. сдѣлать переходъ въ 50 верстъ. Понятно, что это было весьма нелегко для полка, болѣе недѣли шедшаго безъ дневокъ и только наканунѣ перевалившаго черезъ Трояновъ проходъ, но въ виду важности скорѣйшаго занятія Филипополя и желанія войти въ связь съ войсками генерала Гурко,—это было необходимо.

Какъ окажется ниже, все это измѣнилось.

Вскорѣ послѣ полудня, 2-го января, прибылъ въ Карлово генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й, съ предписаніемъ Главнокомандующаго о

томъ, что онъ назначается начальникомъ кавалеріи траянскаго отряда и что по соединеніи съ генералъ-адъютантомъ Гурко, ему же подчинится вся кавалерія послѣдняго. Изъ этого слѣдовало, что съ момента этого соединенія, всѣ кавалерійскія части траянскаго отряда должны были отойти отъ него.

Вечеромъ же 2-го января, для генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го былъ сформированъ летучій отрядъ, въ составъ котораго назначены: Казанскій драгунскій и 30-й казачій полки съ обоими конно-артиллерійскими взводами, о чемъ немедленно сообщено начальникамъ колонъ полковникамъ графу Комаровскому и Бородину. Затѣмъ при пѣхотѣ остались всего три сотни 24-го полка: одна конвойною при штабѣ отряда, другая при стрѣлковомъ батальонѣ и третья при 10 новоингерманландскомъ полку *).

Предписаніе, о которомъ упомянуто выше, по своимъ послѣдствіямъ имѣло особое значеніе и потому приводится въ подлинникѣ.

Генералъ-лейтенанту Карцову.

„Великій Князь Главнокомандующій приказать изволилъ: принять общее начальство надъ кавалеріею ввѣреннаго вамъ отряда, состоящему при Его Высочествѣ генералъ-лейтенанту Скобелеву 1-му“.

„Для сего ваше превосходительство изволите назначить въ распоряженіе Скобелева: Казанскій драгунскій, 30-й и 24-й казачьи полки, оставивъ изъ послѣднихъ столько, сколько необходимо для службы при дивизіи“.

„Если съ отрядомъ графа Комаровскаго слѣдуетъ донская бригада Курнакова, то ваше превосходительство имѣете направить ее черезъ Калоферъ на Казанлыкъ, для присоединенія къ 8-му армейскому корпусу, при которомъ уже имѣются, почти съ самаго начала кампаніи, 5 сотенъ этой бригады.

„Генералъ-лейтенанту Скобелеву приказано двинуться по долинѣ Гіопса къ сторонѣ Филиппополя, держа постоянно связь какъ съ отрядомъ Гурко, такъ и съ 1-ю кавалерійскою дивизіею, которая предшествуетъ наступленію отряда генерала Радецкаго.

„Когда генералъ Гурко пройдетъ горный кряжъ Ихтиманскій, то вышлетъ всю свою кавалерію впередъ и тогда вся она поступитъ подъ начальство генералъ-лейтенанта Скобелева.

„Ваше превосходительство, предшествуемые кавалеріею Скобелева, должны также взять направленіе на Филиппополь, чтобы угрожать пути отступленія турокъ, дѣйствующихъ противъ генерала Гурко. Въ

*) Остальныя три сотни 24 полка находились: одна задержанною въ западномъ отрядѣ съ ноября мѣсяца, другая на почтовыхъ постахъ по линіи Корнари-Траянъ-Ловча и третья оставлена при 2-й бригадѣ.

этомъ отношеніи вы должны соображать свои движенія и дѣйствія съ отрядомъ генерала Гурко.

„Если бы подходя къ Филиппополю вы узнали, что турки уже прошли этотъ городъ и отрѣзать имъ отступленія не можете, то вы должны двинуться на Чирпанъ и вообще составлять промежуточный отрядъ, между отрядомъ Гурко и главными силами арміи, которая направляется отъ Эски-Загры на Трново и Германлы".

Начальникъ штаба арміи Непокойчицкій.

№ 10,110.
1-го января 1878 г.
Казанлыкъ.

Въ отвѣтъ на это предписаніе, того же 2-го января отправлено было въ Главную квартиру слѣдующее донесеніе:

„Указанія Вашего Императорскаго Высочества предупреждены. Стрѣлковый батальонъ и 10-й полкъ уже прошли Чукурлу, а завтра вся 1-я бригада будетъ у Каротопрака. Драгуны только что прибыли въ Карлово. 2-й моей бригадѣ необходимо дать 6 дней оправиться. Формирую изъ двухъ ея полковъ два батальона и буду вести ихъ въ резервѣ".

Подъ вечеръ, 2-го января, возвратился изъ главной квартиры подполковникъ Сухомлиновъ. Извѣстіе о перемиріи, какъ и надо было ожидать, оказалось фальшивымъ. Въ Казанлыкѣ было нѣсколько парламентеровъ изъ разныхъ отрядовъ и всѣ они, подобно Моизу, не бывъ приняты, отправлены обратно. Вмѣстѣ съ этимъ Сухомлиновъ словесно передалъ, что Великій Князь недоволенъ медленностію движеній отряда и тѣмъ, что не получаетъ изъ него донесеній. Надо полагать, что это произошло единственно отъ того, что донесенія не были еще получены въ главной квартирѣ, потому что о занятіи Сопота и Карлова, объ очищеніи Клиссурскаго ущелья, о перестрѣлкѣ у Капривщицы и о движеніи на Филиппополь—о всемъ этомъ было донесено своевременно. Если бы депеши начальника отряда могли своевременно быть полученными, то въ главной квартирѣ было бы извѣстно, что части отряда двинуты къ Филиппополю гораздо раньше, чѣмъ это потомъ предписано. Въ то время, когда начальникъ штаба арміи 1-го января писалъ, чтобы отрядъ взялъ направленіе на Филиппополь, всѣ части отряда уже были на филиппопольскомъ шоссе. То, что было извѣсто въ главной квартирѣ, доходить до насъ не могло, потому что телеграфа при отрядѣ не было, а посылаемое по казачьей почтѣ, при значительности разстоянія, приходило на второй день. Покуда штабъ отряда оставался въ Корнари, всѣ донесенія отправлялись черезъ перевалъ, за 60 верстъ, въ Ловчу. Между тѣмъ главная квартира, какъ потомъ оказалось, 29-го декабря перешла въ Сельви, 30-го была въ Габровѣ, а 31-го уже въ Казанлыкѣ, тогда какъ мы считали ее еще въ Ловчѣ. О прибытіи полеваго штаба въ Ка-

заплыкъ, мы узнали только 2-го января и тогда же приступлено къ устройству летучей почты, но покуда разставлялись посты, донесенія отправлялись черезъ нарочныхъ. Выше было сказано, что только 30-го, мы узнали объ очищеніи Калоферскаго и Клиссурскаго ущелій и въ тотъ же день 9-й полкъ былъ уже въ Карловѣ, а казаки Грекова заняли Чукурлу, не смотря даже на то, что ничего не было извѣстно о Шипкѣ.

3-го января, рано утромъ, генералъ Скобелевъ 1-й выступилъ съ драгунами изъ Карлова; прочія части его отряда и артиллерія, бывшіе уже далеко впереди, должны были присоединиться къ нему на дорогѣ. Начальникомъ штаба летучаго отряда назначенъ подполковникъ Сухомлиновъ. Пѣхотныя части въ этотъ день перешли: 10-й стрѣлковый батальонъ и 10-й новоингерманландскій полкъ — изъ Иметли и Дольной Махалы въ Чурлукъ; 9-й полкъ въ Каратопракъ, а штабъ отряда, съ саперною ротою, въ Чукурлу. Подполковнику Кобордо 1-му послано приказаніе, 4-го января, отправить сводные батальоны въ Ладжикіой.

Подходя къ Каратопраку нашъ казачій разъѣздъ встрѣтился съ непріятельскимъ, присланнымъ изъ Филиппополя, единственно для того, чтобы сжечь складъ ячменя и галетъ, сложенный въ православной церкви, которую турки не успѣли уничтожить при поспѣшномъ отступленіи. Она еще догорала, когда проходила пѣхота. На окраинѣ селенія, у шоссе, мы нашли огромныя, вновь построенныя, деревянныя казармы. По словамъ жителей, они были заняты тремя таборами, бѣжавшими 27-го декабря, т. е. на другой день по переходѣ нами Траяна.

По прибытіи въ Чукурлу, 3-го января, начальникъ отряда уже поздно вечеромъ получилъ такого рода записку отъ начальника штаба западнаго отряда генералъ-маіора Нагловскаго:

„Вчера ночью, я имѣлъ честь послать вашему превосходительству приказаніе—наступать вамъ со всею 3-ю пѣхотною дивизіею на Чукурлу въ Филиппополь. Сегодня вновь получилъ приказаніе вновь подтвердить приказаніе, чтобы ваше превосходительство шли форсированнымъ маршемъ на Филиппополь, дѣлая въ день не менѣе 25-ти верстъ. При этомъ идти безъ обозовъ, выдавать людямъ по фунту хлѣба (если его мало). Въ такіе дни, какъ мы переживаемъ теперь, нужно дѣлать сверхъестественныя усилія. Одна бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи 2-го января должна идти на Филиппополь. Атака Базарджика предполагается завтра."

Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Нагловскій.

Записка эта, за № 172, послана 1-го января въ 4 часа 5 минутъ дня, но откуда не извѣстно.

Начиная съ того, что посланнаго 31-го декабря ночью приказанія, какъ выражается генералъ Нагловскій, никто не получалъ; затѣмъ

являлся вопросъ: чье приказаніе онъ сообщалъ? До сей минуты мы не имѣли никакого распоряженія о томъ, чтобы нашъ отрядъ былъ подчиненъ кому либо, кромѣ главнокомандующаго, между тѣмъ, тонъ и смыслъ записки г. Нагловскаго, указывалъ на какое-то подчиненіе. Въ ней говорится, какъ довольствовать людей 1 фунтомъ хлѣба, какіе дѣлать переходы и даже давался совѣтъ о сверхъестественныхъ усиліяхъ.

Диспозиціею, отданною по отряду на 4-е января, предписывалось: „летучему отряду генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го, идти безостановочно на Филиппополь и буде возможно занять его; 10-му стрѣлковому батальону и 10-му Новоингерманландскому полку, дойдя до Чуперликіоя, остановиться и ожидать приказанія; 9-му Староингерманландскому полку и штабу отряда перейти въ Чурлукъ, гдѣ и ожидать, сообразно съ свѣдѣніями изъ Филиппополя, дальнѣйшаго распоряженія. Сводныmъ батальонамъ выступить изъ Корнари въ Ладжикіой".

На пути къ Чукурлу, 4-го января около полудня, встрѣчный казакъ подалъ начальнику отряда записку генерала Скобелева 1-го къ графу Комаровскому, слѣдующаго содержанія: „4-го генваря 12 ч. 30 мин. дня, противъ Филиппополя. Графу Комаровскому. Войска генерала Гурко тоже занимаютъ Филиппополь. Вступаю туда съ драгунами и казаками. Донесеніе это прошу отправить генералу Карцову съ вашимъ казакомъ."

Хотя въ вышеприведенномъ приказаніи Главнокомандующаго ясно указанъ случай, когда отрядъ долженъ свернуть на Черпанъ, но прежде чѣмъ измѣнять направленіе колонъ, генералъ хотѣлъ вполнѣ удостовѣриться въ томъ, что происходитъ въ Филиппополѣ. Для этого былъ посланъ туда начальникъ отряднаго штаба подполковникъ Сосновскій; самъ же генералъ остановился въ Каротопрагѣ, какъ въ пунктѣ ближайшаго поворота съ шоссе на Чирпанъ. Подполковникъ Сосновскій, возвратясь, передалъ, что онъ нашелъ Филиппополь уже вполнѣ занятымъ нашею кавалеріею, видѣлъ въ городѣ гвардейскую артиллерію и подходящую пѣхоту. Вслѣдствіе этого, немедленно были посланы во всѣ части, на 5-е января, слѣдующія приказанія:

1) 10-му стрѣлковому батальону и 10-му Новоингерманландскому полку, переночевавъ въ Чуперликіоѣ, идти къ Чирпану черезъ Акчіой, Акто, Ассакари и Карнормакъ.

2) 9-му Староингерманландскому полку направиться на Чирпанъ черезъ Шатоляръ, Бейкіой и Челтши.

3) Саперной ротѣ, съ штабомъ отряда, слѣдовать туда-же черезъ Кушарляръ, Чокъ-Оба и Кіосси.

4) Сводныmъ батальонамъ, подъ начальствомъ маіора Федотова, свернуть съ шоссе у Чукурлу и идти на Чирпанъ двумя переходами, черезъ Муслучалау, Ибрашляръ, Арабаслы и Умуръ.

5) Командующему 2-ю бригадою перейти съ нею въ Карлово и немедленно учредить летучую почту до Чирпана, по пути, назначенному для свободныхъ батальоновъ.

Такъ какъ отъ шоссе до Чирпана было болѣе 50-ти верстъ, то всѣмъ частямъ приказано выступить не позже 4 часовъ утра.

Передъ самымъ выступленіемъ, получена была записка изъ главной квартиры, отъ 2-го января, за № 10111. Въ ней сказано: „Великій князь приказалъ, чтобы вы, съ полученія сего, безотлагательно направились по долинѣ Гіопса на Филиппополь, а если получите свѣдѣніе, что противникъ оставилъ этотъ городъ, или что онъ уже занятъ нашими, то возьмите направленіе на Чирпанъ. Это направленіе должна принять и кавалерія Скобелева“.

„Для свѣдѣнія вашего сообщается, что генералъ Гурко своими колонами занялъ Станимакъ, Траяновы ворота и 31-го декабря подходилъ къ Базарджику, который, въ настоящее время, по всей вѣроятности, занятъ уже войсками нашими.

„Вчера, 1-го января, Ески-Загра была занята 4-ю стрѣлковою бригадою, Орловскимъ полкомъ и 1-ю кавалерійскою дивизіею. 2-го января туда-же направлены 16-я пѣхотная дивизія, а равно и 1-я кавалерійская, которые съ обоими стрѣлковыми бригадами подчиняются генералъ-лейтенанту Скобелеву 2-му, и составивъ авангардъ арміи, направляются на Херманлы. О вашихъ распоряженіяхъ увѣдомлять для доклада Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему“.

И такъ вторично получено приказаніе сдѣлать то, что уже было исполнено. Видимо, что въ главной квартирѣ, 2-го января, считали отрядъ еще не выступившимъ изъ Корнари, тогда какъ авангардъ его былъ уже на полпути отъ Карлова къ Филиппополю.

Свернувъ съ шоссе, 5-го января, всѣ три колоны отряда, шли параллельно одна за другой, мѣстами сближаясь версты на 4, такъ что полки видѣли другъ друга. Этотъ фланговый маршъ, прикрытый рѣкою Марицей, шелъ по мѣстности гораздо болѣе покрытой снѣгомъ, чѣмъ у Карлова и бывшая три дня оттепель, заставила во многихъ мѣстахъ переходить въ бродъ ручьи и притоки Марицы. Вообще мѣстность имѣла совершенно иной характеръ. Она представляла плоскую равнину, съ весьма рѣдкимъ населеніемъ.

Часу въ 9-мъ утра, когда войска прошли уже верстъ 20 отъ шоссе и дѣлали привалъ, услышаны были пушечные выстрѣлы къ сторонѣ Филиппополя. Мало по малу они слились въ общую канонаду, то приближавшуюся, то какъ-бы удаляющуюся. Часовъ въ 11 пальба казалась утихающею и затѣмъ вдругъ разразилась съ новою силою. Даже перекаты ружейныхъ залповъ были совершенно явственны. Многіе были того мнѣнія, что бой перешелъ на нашъ (лѣвый) берегъ Марицы. Остано-

вивъ войска, генералъ послалъ маіора 24-го казачьяго полка Грошева, съ конвойною сотнею, рекогносцировать мѣстность вплоть до рѣки и въ то же время отправилъ въ Филиппополь къ генералъ-адъютанту Гурко записку: „Хотя я и имѣю положительное приказаніе Главнокомандующаго, въ случаѣ занятія нашими Филиппополя, идти на Чирпанъ, но слыша канонаду, прошу увѣдомить, не нужно-ли мое содѣйствіе. Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января“.

Въ теченіи часа съ четвертью Грошевъ, по цѣлинѣ, облетѣлъ до 20-ти верстъ. Онъ былъ у колоны графа Комаровскаго и узналъ, что бой идетъ на той сторонѣ, что рѣка въ полномъ разливѣ и покрыта густымъ ледоходомъ.

Болѣе трехъ часовъ отрядъ, въ ожиданіи отвѣта, оставался на привалѣ. Посланные по направленію звука выстрѣловъ разъѣзды доносили, что сраженіе происходитъ гораздо далѣе чѣмъ кажется. Бѣжавшіе изъ города болгары показывали, какъ потомъ и подтвердилось, что сражаются верстахъ въ 12-ти за Филиппополемъ, слѣдовательно не ближе 30-ти верстъ отъ нашего привала. Убѣдясь въ невозможности поспѣть на помощь, если-бы она и была нужна, и въ виду того, что послѣ трехъ часовъ пальба совершенно стихла, начальникъ отряда приказалъ продолжать движеніе на Чирпанъ. Потеря 4-хъ часовъ времени на привалѣ и наступившая передъ вечеромъ мятель были причиною, что ни одна изъ колонъ въ этотъ день не могла дойти до него. Всѣ становились на ночлегъ въ окрестныхъ деревняхъ. Посланные въ городъ и далѣе разъѣзды къ разсвѣту донесли, что они вошли въ связь съ разъѣздами 1-й кавалерійской дивизіи и что въ Чирпанѣ уже находится эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка. Рано утромъ, 6-го января, мы вступили въ Чирпанъ, жители котораго встрѣтили насъ съ разительнымъ изъявленіемъ восторга. Усиленный переходъ, а главное обезпеченіе отряда продовольствіемъ на дальнѣйшее движеніе, заставили дать войскамъ дневку. Обоимъ полкамъ и стрѣлковому батальону, у которыхъ оставалось сухарей только на 2 дня, приказано было оставаться по деревнямъ. Сдѣлать дневку было необходимо и для того, чтобы выждать прибытія сводныхъ батальоновъ Федотова, собрать свѣдѣнія гдѣ возможнѣе переправиться черезъ Марицу и получить указанія о дальнѣйшемъ направленіи отряда.

Въ Чирпанѣ оказались большіе турецкіе склады всякаго рода запасовъ. Всѣ они уже были не только разысканы, но и охранены, благодаря распорядительности лейбъ-гвардіи уланскаго полка ротмистра Бибикова и сотеннаго командира казачьяго № 1 полка. Не говоря о громадномъ количествѣ всякаго зерна, въ складахъ найдены нѣсколько ты-

сячъ галетъ и 395 ящиковъ съ патронами *). Городское управленіе Чирпана, несмотря на то, что было сформировано всего два дня назадъ, оказало отряду большія услуги и обнаружило, въ отношеніи содѣйствія военнымъ властямъ, необыкновенную энергію. Черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи, предсѣдатель городскаго совѣта заявилъ, что у него уже готово до 5000 окъ (375 пудъ) печенаго хлѣба. Полки довольствовались имъ 6-го и 7-го января и кромѣ того получили на три дня галеты. Такимъ образомъ, съ оставшимся двухъ-дневнымъ запасомъ, отрядъ былъ снова обезпеченъ на 5 дней. Больше взять съ собою, не отягощая людей, было невозможно. Чтобы остающіеся затѣмъ запасы не пропали, оставленъ былъ въ Чирпанѣ офицеръ съ командою и написано было начальнику штаба арміи.

„Въ дополненіе донесенія моего о найденныхъ турецкихъ запасахъ въ долинѣ Гіопса, имѣю честь донести, что все, пройденное мною пространство, отъ Карлова до Чирпана, представляетъ неизчислимое богатство подобныхъ-же запасовъ. Въ Карловскомъ складѣ оставлено 2000 мѣшковъ галетъ, 200 мѣшковъ рису, 1500 мѣшковъ ячменя, 70 мѣшковъ фасоли. Затѣмъ есть ружья, патроны, гранаты. Я сдѣлалъ все, что могъ, но при малочисленности отряда, не могу оставлять въ городахъ людей, а въ деревни, гдѣ все расхищается, посылать команды невозможно. Считаю долгомъ заявить, что было-бы крайне полезно прислать въ пройденный мною край нѣсколько интендантскихъ чиновниковъ, съ особыми командами, или разрѣшить мнѣ оставить въ долинѣ остатки 11 и 12 полковъ. Ихъ можно было-бы размѣстить по деревнямъ и поручить каждому батальонному командиру заняться сборомъ зерна и его храненіемъ, въ раіонѣ его батальона. Безъ энергическихъ мѣръ, черезъ недѣлю не останется и половины“.

Какъ въ день вступленія въ Чирпанъ, такъ и во время дневки 7-го января, въ штабѣ отряда шла кипучая дѣятельность. Начальникъ отряднаго штаба, на котораго было возложено избраніе пункта и устройство переправы черезъ Марицу, тотчасъ по приходѣ въ Чирпанъ началъ собирать о ней свѣдѣнія и къ вечеру уѣхалъ въ деревню Іогурчу, что противъ желѣзнодорожной станціи Іени-Михалесы, на которую указывали, какъ на ближайшій и лучшій пунктъ для переправы. Ординарцу своему, штабъ-ротмистру Крестовскому, начальникъ отряда поручилъ разобрать захваченную телеграфную станцію и сдѣлать переводъ на русскій языкъ телеграфныхъ журналовъ турецкаго правительства. Другой ординарецъ его, поручикъ Эрнротъ, отправленъ въ главную квартиру съ экстренными донесеніями и съ найденными планами всѣхъ же-

*) Въ каждомъ ящикѣ было по 10,000 патроновъ и того 3,950,000 патроновъ. Объ этомъ было немедленно написано начальнику артиллеріи арміи и при складѣ оставленъ караулъ съ фейерверкеромъ.

лѣзнодорожныхъ мостовъ до самаго Константинополя, а равно и за полученіемъ дальнѣйшихъ инструкцій.

Въ теченіи послѣднихъ дней, было уже нѣсколько такихъ заболѣвшихъ, которыхъ нельзя было везти далѣе; надо было распорядиться устройствомъ лазарета, назначить въ него медика, прислугу. Между тѣмъ разъѣзды, не только свои, но и 1-й кавалерійской дивизіи, то и дѣло приводили, то перехваченныхъ бѣглыхъ турецкихъ солдатъ, то служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ иностранцевъ, являвшихся или съ предложеніемъ услугъ, или съ разными доносами. Главную же заботу все-таки представляла предстоящая переправа.

Изъ перевода телеграфнаго журнала узнано:

1) Что комендантъ Шипки, еще 25-го декабря, просилъ прислать къ нему, какъ можно скорѣе, всѣ войска, какія только есть въ Чирпанѣ. Ему отвѣчено, что они уже отправлены въ Филиппополь, по требованію тамошняго вали. 2) Что наплывъ бѣглецовъ въ Чирпанъ начался со дня перехода русскихъ черезъ Траянъ, что бѣжавшіе умираютъ съ голода, а на желѣзную дорогу ихъ не принимаютъ. Адріанопольскій вали велѣлъ взять для отправки бѣгущаго населенія всѣ болгарскія подводы. 3) Чирпанскій каймакамъ доносилъ, что ни жители, ни мустафизы не слушаются и не хотятъ оставлять своихъ семей и жилищъ и проситъ прислать ему хотя немного низама, чтобы заставить ихъ уходить силою.

Не безъинтересна и слѣдующая телеграмма Казанлыкскаго каймакама къ Филиппопольскому мутесарифу, отъ 28-го декабря: „Громадныя силы русскихъ разбили нашихъ въ большомъ сраженіи. Казанлыкское населеніе бѣжитъ поголовно. Женщины и дѣти отправлены въ Ески-Загру и Чирпанъ. Учрежденія красной луны остаются на мѣстѣ. Приходится такъ плохо, что администраціи надо выбираться. Состоящіе при мнѣ офицеры, чиновники и телеграфисты сейчасъ ушли въ Чирпанъ. Сельскіе жители бѣгутъ на Карабунаръ. Узналъ сейчасъ, что заключено перемиріе. Прикажете-ли чиновникамъ и жителямъ возвращаться“.

Еще до отъѣзда начальника отряднаго штаба на мѣсто избранное для переправы, туда была послана саперная рота, а во время дневки 7-го января и 10-й стрѣлковый батальонъ. Состояніе Марицы, разлившейся на 110-ть саженъ и покрытой почти сплошь плывшими льдинами, съ перваго взгляда, указывало на всю трудность устройства переправы. Пустить пѣхоту въ бродъ было невозможно, потому что дно разлива имѣло мѣстами глубокія рытвины. Подполковникъ Сосновскій, послѣ тщательныхъ поисковъ отыскать бродъ, рѣшилъ устроить пѣшеходные мостки на затопленныхъ телѣгахъ и на козлахъ. Для связи ихъ лежнями и досками, немедленно были разобраны два турецкіе дома, въ находившейся въ верстѣ отъ берега деревнѣ, откуда матеріалъ былъ перенесенъ къ

рѣкѣ людьми стрѣлковаго батальона. Неимовѣрныхъ усилій стоило саперамъ втаскивать въ воду каруцы и телѣги и образовывать изъ нихъ устои. Быстрота теченія и напоръ льда, то опрокидывали, то совсѣмъ сносили ихъ. Только благодаря безпримѣрному усердію и распорядительности командира роты поручика Попкова и его офицеровъ: подпоручиковъ Цурикова и Сахарова и ихъ личному примѣру, удалось побороть непреодолимыя препятствія. Саперы, съ полнымъ самоотверженіемъ, шли по грудь въ воду, устанавливали телѣги и вбивали колья для козелъ тамъ, гдѣ глубина превышала высоту повозки. Все это дѣлалось охотно, безропотно, при морозѣ въ 9-ть градусовъ и продолжалось всю ночь съ 6 на 7, весь день 7-го января и всю слѣдующую ночь. Къ утру 8-го января переправа для пѣхоты была готова и стрѣлковый батальонъ, на разсвѣтѣ, началъ переходить на ту сторону. Окончивъ необходимыя распоряженія по устройству лазарета и по охраненію складовъ, мы выступили 8-го января изъ Чирпана, въ 8 часовъ утра, вмѣстѣ съ прибывшими туда, во время дневки, двумя сводными батальонами 2-й бригады. Всѣ прочія части отряда направлены были къ переправѣ съ мѣстъ ихъ дневки. Къ 10-ти часамъ весь отрядъ собрался у рѣки и въ ожиданіи очереди сталъ варить обѣдъ на снѣгу, при морозѣ, достигшемъ въ этотъ день 11 градусовъ. Съ полудня начался порывистый сѣверный вѣтеръ, причинившій потомъ много затрудненій.

Когда переправа пѣхоты была уже обезпечена, саперы были посланы на полверсты ниже переправлять артиллерію. Тамъ, по указанію болгаръ, найденъ былъ старый паромъ. Онъ былъ такъ малъ, что едва могъ подымать одно орудіе, безъ лошадей и безъ передка. Приведя паромъ въ порядокъ, поставили орудіе и онъ погрузился на столько, что края остались надъ водою не болѣе какъ на три вершка. Самое незначительное волненіе захлестывало борты. Чтобы преодолѣть быстроту теченія и не дать ему уносить паромъ ниже противуположнаго подъема, нужно было, на шестахъ, сначала подыматься саженъ на 200 выше. Переправа перваго орудія потребовала 40 минутъ и столько же времени нужно было чтобы паромъ возвратился. Такимъ образомъ для переправы бывшихъ при отрядѣ 10-ти орудій съ передками, требовалось, при безостановочной работѣ, 20 часовъ. Но усилившійся послѣ заката солнца вѣтеръ заставилъ прекратить перевозъ, а ночью паромъ сорвало съ причаловъ и отнесло на 2 версты. Мѣстные болгары оказали при этомъ и вообще при переправѣ большую помощь. На разсвѣтѣ, они вмѣстѣ съ саперами привели паромъ обратно, и все время усердно работали, за весьма умѣренное вознагражденіе.

Послѣ стрѣлковаго батальона переправлялись сводные батальоны маіора Федотова. Роты подходили къ мосткамъ по очереди и люди шли другъ за другомъ по одному, на пять шаговъ дистанціи. Около двухъ

часовъ, напоромъ льда обрушило часть мостковъ, подъ правымъ берегомъ, но къ счастію на мелкомъ мѣстѣ, такъ что человѣкъ 10-ть только выкупались. Потребовалось полтора часа на исправленіе. Въ это время пріискивали бродъ для казаковъ и артиллерійскихъ лошадей. Вызванные впередъ охотниками, 24 человѣка, пустили впередъ одного развѣдчикомъ. До половины рѣки лошадь его не всплывала, потомъ разомъ юркнула вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Изъ-за брызгъ и льдинъ видно было одно барахтанье коня, а казакъ ушелъ подъ льдину, но черезъ нѣсколько секундъ конь выбрался изъ рытвины, за нимъ всплылъ всадникъ, въ одно мгновеніе вскочилъ въ сѣдло и благополучно достигъ того берега. Другіе охотники, взявъ лѣвѣе, были счастливѣе. По ихъ слѣду пошли гусемъ, сотня за сотней, а за казаками, безъ всякихъ приключеній перешли и артеллерійскія лошади. Штабъ отряда переправился уже въ сумерки. Въ это-же время подошелъ къ мосткамъ 10-й Новоингерманландскій полкъ. Ясно было, что Староингерманландскій полкъ и вьюки не успѣютъ переправиться ранѣе завтрашняго дня, поэтому имъ послано было приказаніе расположиться на ночь въ ближайшей деревнѣ. Сборный пунктъ отряда, на правомъ берегу, заранѣе былъ назначенъ на шоссе, въ 5-ти верстахъ отъ станціи Іени-Михалеса, въ деревнѣ того-же имени, но начальникъ отряда остался въ станціонномъ домѣ, выждать окончанія переправы 10-го полка. Всѣ служащіе на станціи были въ большой тревогѣ. Это были иностранцы, боявшіеся не прихода русскихъ, а башибузуковъ и черкесовъ. Они еще не могли оправиться отъ набѣга на желѣзно-дорожныя зданія спасавшагося народонаселенія. Эти массы эмигрировавшихъ, силою захватывали поѣзда и требовали, чтобы ихъ везли въ Константинополь.

Между тѣмъ порывы вѣтра усиливались. Въ 10 часовъ мостки снова обломились. Посылаемые къ рѣкѣ по очереди ординарцы, привозили все менѣе и менѣе утѣшительныя извѣстія. И въ этомъ случаѣ саперы выручили отрядъ. Къ полудню слѣдующаго дня все было исправлено и къ вечеру 9-го января, весь Траянскій отрядъ былъ за Марицей.

Переправа эта была послѣднимъ самостоятельнымъ его дѣйствіемъ, потому что еще 7-го числа получено было приказаніе Главнокомандующаго о томъ, что Траянскій отрядъ поступаетъ въ составъ западнаго, подъ начальство генерала отъ кавалеріи Гурко.

Отвѣтъ на записку, съ предложеніемъ содѣйствія подъ Филипополемъ, посланную начальникомъ отряда 5-го числа съ привала, полученъ былъ только 7-го, написанный тѣмъ-же генераломъ Нагловскимъ; онъ заключался въ слѣдующемъ: „Его Высокопревосходительство начальникъ отряда послалъ Вашему Превосходительству сегодня рано утромъ ординарца, съ предложеніемъ перейти рѣку Марицу и стать у деревни Ахланъ, гдѣ и оставить общій резервъ войскъ, оперирующихъ противъ

арміи Фуадъ-паши, при которой, какъ кажется, находится самъ Сулейманъ-паша. Въ настоящее время бой идетъ на станимакской дорогѣ. У непріятеля болѣе 40 таборовъ. Вчера было дѣло, въ которомъ 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи отбила 23 орудія. Турки пробиваютъ себѣ дорогу, такъ какъ путь отступленія имъ отрѣзанъ".

Хотя на этомъ отвѣтѣ и не было означено числа его отправленія, но судя по содержанію, онъ писанъ 5-го, а полученъ черезъ два дня. Разслѣдовать причину подобнаго промедленія, равно и того, почему ординарецъ генерала Гурко 5-го числа не нашелъ начальника Траянскаго отряда, вслѣдствіе безостановочности движенія, было невозможно. Впрочемъ, сопоставляя факты, оказывается, что кавалерія Траянскаго отряда была въ Филиппополѣ 4-го января въ полдень, что конечно было извѣстно въ штабѣ западнаго отряда, а отъ нея всегда можно было узнать, что наша пѣхота всего въ 15-ти верстахъ, на шоссе. Если же, вмѣсто того, чтобы послать за нею ординарца 4-го, отправили его только на другой день 5-го, то конечно онъ не могъ найдти нашего отряда, потому что, согласно повелѣнію Главнокомандующаго, онъ уже не былъ на шоссе, а шелъ еще до разсвѣта къ Чирпану.

Вслѣдствіе приказанія о подчиненіи отряда генералу Гурко, ему немедленно былъ отправленъ рапортъ о наличномъ составѣ и испрошено приказаніе о дальнѣйшемъ назначеніи 3-й пѣхотной дивизіи.

Изложивъ дѣйствія траянскаго отряда, остается сказать о послѣдствіяхъ и значеніи перехода его черезъ Балканы.

Собранныя на мѣстахъ дѣйствій свѣдѣнія, ходъ послѣдующихъ событій, показанія плѣнныхъ и захваченные у непріятеля документы, указываютъ, что взятіе Траянскаго перевала имѣло слѣдующія послѣдствія:

1) Привлеченіе къ перевалу, отъ Шипки и Филиппополя, 6-ти непріятельскихъ таборовъ и ихъ полное разбитіе, съ взятіемъ укрѣпленій, двухъ знаменъ, орудія, транспорта съ продовольствіемъ и плѣнныхъ.

2) Распространеніе общей паники по всей долинѣ Гіопса и въ Филиппополѣ и поголовное бѣгство турецкаго населенія, вмѣстѣ съ отрядами, занимавшими Клиссуру, Карлово, Калоферъ, Чукурлу и Каратопракъ.

3) Захватъ въ пользу войскъ громаднаго количества скота и запасовъ, что дало возможность продовольствовать ихъ до половины января, безъ интендантства и безъ расходовъ казны.

4) Немедленное оставленіе непріятелемъ двухъ сильно укрѣпленныхъ позицій въ Калоферскомъ и Клиссурскомъ ущельяхъ, откуда турки бѣжали, когда имъ еще не было извѣстно о пораженіи подъ Шипкою.

5) Соединеніе 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю, что не могло бы случиться, если бы изъ траянскаго отряда не были посланы войска въ тылъ Клиссурскаго дефиле.

6) Полное обезпеченіе съ запада, праваго фланга спустившихся въ долину Тунджи войскъ.

7) Такое же обезпеченіе тыла западнаго отряда, чего бы не было, если бы турки не были вынуждены, переходомъ Траянскаго перевала, очистить Клиссуру и долину Гіопса.

Полагаемъ, что этихъ результатовъ достаточно, чтобы доказать, что составлявшія траянскій отрядъ войска, вполнѣ исполнили свой долгъ и вполнѣ достигли указанной имъ волею Главнокомандующаго цѣли.

Участникъ.

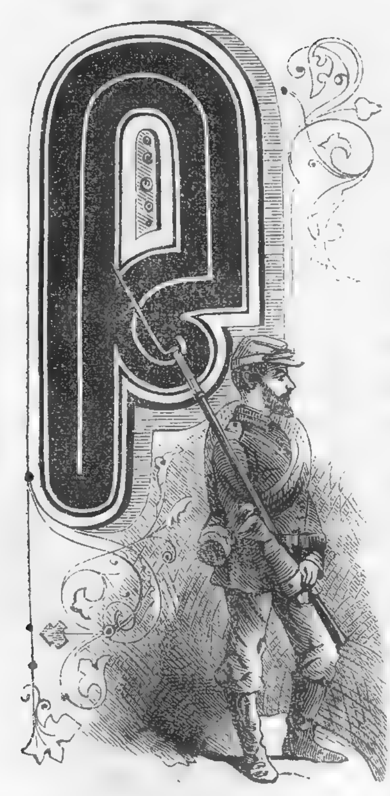
22-го іюля 1878 года.

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ.

(Дневникъ офицера-артиллериста).

*(Продолженіе) *).*

9-го Декабря, пятница.



ѣшительно не знаемъ, за что взяться, куда сунуться, чѣмъ убить время? Страшно надоѣло стоять въ неуютномъ Орханіэ. Тоска и сильная тоска по родинѣ! Съ нею пропадаетъ энергія, интересъ къ ходу войны, даже здравый смыслъ и становишься форменнымъ идіотомъ. Вино и карты, вотъ довольно вѣрный способъ убивать эту тоску. Многіе стали прибѣгать къ этому, но къ счастью поздно, такъ какъ скоро выступаемъ въ походъ за Балканы. Остановка въ 9-мъ корпусѣ, который идетъ изъ Плевны къ намъ. Чѣмъ скорѣе мы выступимъ, — тѣмъ лучше, ибо погода становится холоднѣе и свирѣпѣе. Сегодня такъ холодно, что по россійскому должно быть болѣе 15° при сильномъ вѣтрѣ съ вьюгою. Войска, стоящія на горахъ, на позиціяхъ, несутъ нечеловѣческія усилія и лишенія. Результаты этихъ лишеній мы видимъ ежедневно. Возвращаясь поздно вечеромъ изъ штаба домой, на главной улицѣ города, я встрѣчаю человѣкъ пятнадцать солдатъ, еле идущихъ, съ точно перебитыми ногами.

— Куда вы идете? спрашиваю я ихъ.

— Да въ городъ едва добрелись съ позиціи... отмороженные .. Не знаемъ куда приткнуться... просто изъ силъ выбились...

И дѣйствительно, куда имъ было приткнуться, когда городъ безъ того биткомъ набитъ. Я посовѣтывалъ имъ обратиться къ коменданту и

---

*) См. выше, стр. 139.

указалъ имъ его квартиру. Но солдаты не согласны были идти безпокоить такъ поздно „его высокоблагородіе“.

— Лучше до завтра на дворѣ перетерпимъ, а тамъ днемъ насъ скорѣе куда-нибудь прикомандируютъ.

Меня интересовало узнать причину такой быстрой порчи сапогъ и вслѣдствіе этого—отмораживаніе ногъ.

— На позиціи, отвѣчали они, до того люто холодно, что едва одинъ часъ возможно на часахъ простоять. Цѣльный день-то по колѣно въ снѣгу, сапоги и намокнутъ, да примерзнутъ. Когда прійдешь въ роту, первымъ долгомъ къ костру, а то средствъ никакихъ нѣтъ, такъ какъ до кости продрогнулъ. Вѣстимо мокрый да мерзлый сапогъ близъ огня и лопнетъ. Какъ лопнулъ, тутъ ужъ совсѣмъ бѣда: сапоги снимай, да за плечи, а на ноги турецкаго сукна навернешь, да въ болгарскіе лапти и обуешься...

Что-же должны терпѣть турки на горахъ, если нашъ русскій, сѣверный человѣкъ, службу на Балканахъ съ трудомъ выноситъ?

Такихъ отмороженныхъ людей среднимъ числомъ спускается съ горъ до ста человѣкъ.

Скорѣе-бы за Балканы.

10-го Декабря, суббота.

Сегодня вернулся изъ подъ Плевны румынскій офицеръ, состоящій при отрядѣ генерала Гурко и разсказывалъ интересныхъ подробностей о взятіи Плевны. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, что генералъ Скобелевъ посѣтилъ плѣннаго Османа-пашу и желая польстить ему, сказалъ:

— Мнѣ, генералъ, какъ въ душѣ военному человѣку, присуща зависть. Я не могу не завидовать вамъ, храбрость и дарованіе котораго признана всѣмъ свѣтомъ.

— Генералъ, отвѣтилъ ему паша, ваши способности даютъ мнѣ право быть убѣжденнымъ, что ваша славная будущность еще впереди, вы еще молоды, но вы будете непремѣнно русскимъ фельдмаршаломъ. И когда это сбудется я желаю, чтобъ мои потомки доставили-бы вамъ то же положеніе, въ которомъ я теперь нахожусь и которому вы такъ завидуете.

Мило и умно.

Не менѣе интересенъ разсказъ (изъ письма товарища) о командирѣ гренадерскаго корпуса генералѣ Ганецкомъ.

Когда турки съ необычайной быстротою, презирая смерть, атаковали гренадеръ и безъ остановки шли на наши батареи, какой-то адъютантъ прискакалъ къ генералу Ганецкому за приказаніями:

— Ваше превосходительство, турки лѣзутъ изъ Плевны на насъ и на батареи какъ съумасшедшіе. Что прикажете дѣлать?

— Какъ, что? спросилъ почтенный генералъ,—умирать!

Тотъ-же генералъ послѣ взятія Плевны выѣхалъ на встрѣчу своимъ батальонамъ, снялъ передъ ними шапку и вмѣсто обычнаго „спасибо ребята“, пропуская ихъ мимо себя, приговаривалъ:

— Голубчики мои, гренадерчики, какіе вы у меня молодчики! Славные вы, хорошіе, родимые, порадовали вы сегодня Отца-Государя и Матушку-Россію.

Понятно впечатлѣніе, которое это производило на русскаго солдата.

У насъ готовятся къ походу. Еще вчера, неутомимый генералъ Гурко осматривалъ дорогу на чурьякскій перевалъ, которая разработывается саперами и преображенцами. Работа, какъ говорятъ, идетъ успѣшно, но до перевала дорога не будетъ доведена, такъ какъ время на это не хватитъ. Во всякомъ случаѣ, эта дорога принесетъ громадную пользу при движеніи впередъ.

11-го Декабря, воскресенье.

Сегодня вышла диспозиція для перехода Балканъ, и все стало ясно для насъ. Турки занимаютъ позиціи на Шандорникѣ, Арабъ-Конакѣ, близъ дер. Лютиково и частью своихъ силъ занимаютъ г. Златицу. Наши позиціи расположены лицемъ къ лицу противъ непріятеля. Взять турецкія позиціи съ фронта почти невозможно, сопряжено съ большими потерями, и по трудности подъема на эти высоты зимою, успѣхъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Остается одно и самое вѣрное въ горахъ, обойти непріятельскія позиціи, спуститься въ долину Софіи, выйти въ тылъ туркамъ и этимъ заставить ихъ бросить свои позиціи или сдаться. Но гдѣ обойти и какъ обойти?

Вотъ вопросы, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ. Найти эти пути чрезвычайно трудно, ибо всѣ проходимыя мѣста защищаются турками. Еще одно обстоятельство чрезвычайно важно. Это съ цѣлою арміею съ артиллеріею пройти скрытно отъ непріятеля.

Послѣ ряда рекогносцировокъ и изысканій офицерами генеральнаго штаба, генералъ Гурко остановился на трехъ слѣдующихъ направленіяхъ для движенія въ обходъ: между Шандорникомъ и Златицкимъ переваломъ чрезъ гору Баба на селеніе Буново и Мирково, по другому пути, подъемъ котораго разрабатывается съ софійскаго шоссе на селенія Чурьякъ, Потопъ и Елешница, и по третьему, вовсе не прорекогносцированному, взобраться на перевалъ, обозначенный на австрійской картѣ подъ названіемъ Umurgas и сойти съ него въ дер. Жиляву. По средней дорогѣ назначается движеніе авангарда и главныхъ силъ. Чрезъ Умургачъ правой, чрезъ гору Баба лѣвой колонамъ.

Суть диспозиціи для перехода Балканскихъ горъ слѣдующая:

Авангарду подъ начальствомъ генерала Рауха (л.-гв. Преображен-

скій полкъ, л.-гв. Измайловскій полкъ, 1-й и 4-й л.-гв. стрѣлковые батальоны, Козловскій пѣхотный полкъ, всего 13 батальоновъ при 16-ти пѣшихъ орудій; Кавказская казачья бригада—11 сотенъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ) выступить изъ Врачешты 13-го декабря, въ 5 часовъ утра, и слѣдовать на перевалъ Балканъ, откуда спуститься въ селеніе Чуріякъ и Потопъ и выйти въ долину Софіи, на селеніе Елесницу. Главнымъ силамъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Каталея (двѣ колоны: генералъ-маіора Курлова въ составѣ л.-гв. Волынскаго и Прусскаго полковъ при 16-ти орудіяхъ, Астраханскаго Драгунскаго полка и сотни Кавказской казачьей бригады и генералъ-маіора Философова въ составѣ л.-гв. Литовскаго и Австрійскаго полковъ, 2-й и 3-й л.-гв. стрѣлковые батальоны при 8-ми орудіяхъ) слѣдовать за авангардомъ. Правой колонѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, выступить изъ Врачешты, идти на гору Умургачъ и оттуда спуститься въ селеніе Жиляву.

Лѣвой колонѣ генералъ-маіора Дандевиля выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Баба.

Отрядамъ гр. Шувалова противъ Араба-Конака, Его Высочества Принца Ольденбургскаго, противъ горы Шандорникъ, генералъ-маіора Брока на Златицкомъ перевалѣ, оставаться на своихъ позиціяхъ, зорко слѣдить за непріятелемъ, демонстрировать противъ него и заставить его предположить, что мы собираемся перейти Балканы всѣми силами черезъ гору Баба на Буново и Мирково. Отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера оставаться на позиціяхъ у Врачешты и Скривно, наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ лютиковскую позицію, составляя заслонъ противъ этой позиціи. Командованіе надъ войсками, оставшимися на позиціяхъ, возложено на командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта барона Крюденера. Генералъ Гурко со штабомъ будетъ слѣдовать въ головѣ главныхъ силъ. Планъ этотъ принадлежитъ генераламъ Гурко и Нагловскому.

12-го Декабря, понедѣльникъ.

9-й корпусъ прибываетъ сегодня въ Орханіэ. Наша батарея поступаетъ въ составъ колонны генерала Вельяминова. Полки этого корпуса, послѣ взятія ими Никополя, съ перваго до послѣдняго дня существованія Плевны, не покидали своихъ плевненскихъ позицій и участвовали во всѣхъ трехъ атакахъ. Нѣкоторые изъ нихъ дважды перемѣнили свой составъ.

Мы выступаемъ завтра въ 4½ часа утра. Назначеніе колонны генерала Вельяминова по выходѣ за Балканы,—стать заслономъ на софійскомъ шоссе, фронтомъ къ Софіи, отъ всякихъ покушеній непріятеля, желающаго помѣшать движенію главныхъ силъ въ тылъ Арабъ-Конака.

Сухарей приказано взять съ собой на восемь дней. Обозы, кромѣ вьюковъ, оставляются. Батареи пѣшей артиллеріи приказано взять въ половинномъ составѣ, т. е. не по восьми, а по четыре орудія,—конной артиллеріи не по шести, а по четыре. Запречь эти орудія приказано отборными лошадьми, которыхъ подковать на острые шипы.

Въ городѣ замѣтна лихорадочная дѣятельность. Всякій старается если не схлопотать, то, по крайней мѣрѣ, смастерить себѣ что̀-нибудь тепленькое. Не мало оказываетъ услугъ офицерамъ г. Петлинъ, завѣдующій отдѣленіемъ „Краснаго Креста“ въ отрядѣ генерала Гурко. Онъ надѣляетъ каждаго, приходящаго къ нему, по мѣрѣ силъ и возможности и рѣдкій уходитъ отъ него, не получивъ хоть пару теплыхъ носковъ.

Какъ и всякій, я направился къ Петлину схлопотать себѣ пару теплыхъ рукавицъ. Объ чемъ нибудь другомъ, болѣе существенномъ, напр. полушубкѣ и думать было нечего,—ихъ давно всѣ роздали. Онъ мнѣ далъ послѣднія, какія у него были. Такая услуга не забудется. Въ ожиданіи рукавицъ, я познакомился и разговорился съ американскимъ офицеромъ, прибывшимъ въ отрядъ генерала Гурко въ качествѣ военнаго агента. Американецъ для русскаго всегда симпатиченъ и нравится своею простотою и оригинальностью. Разговоръ очевидно вертѣлся на предстоящемъ переходѣ Балканъ.

Я спросилъ его мнѣніе объ успѣхѣ завтрашняго похода.

— Сильно сомнѣваюсь въ удачѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ съ американскою откровенностью.

— Отчего? спросилъ я удивленно.

— Причинъ очень много. Во-первыхъ, погода и здѣсь свирѣпа, въ долинѣ, а о томъ, что на горахъ будетъ, вы и понятія не имѣете; во-вторыхъ, вы тамъ не пройдете, куда вы направляетесь; въ третьихъ, у войскъ нѣтъ теплой одежды; въ четвертыхъ, вы останетесь безъ хлѣба и патроновъ.

Отрапортовалъ, подумалъ я, и поспѣшилъ ему замѣтить:

— Намъ, русскимъ, къ снѣгу и холоду не привыкать, сухарей же мы беремъ на восемь сутокъ, что совершенно достаточно.

— Вы глубоко ошибаетесь, возразилъ американецъ, что въ восемь дней вы перейдете Балканы, выбьете турокъ и откроете путь транспортамъ. На это надо, минимумъ, двѣ недѣли. А еще одно важное обстоятельство вы совершенно упускаете изъ виду,—это топливо. Кромѣ сырыхъ, замерзшихъ прутьевъ, вы тамъ ничего не найдете и ничѣмъ ихъ не заставите горѣть. Нѣтъ, заключилъ онъ, вы идете на рискованную, безпримѣрную въ исторіи вещь. Вы можете сильно за это поплатиться.

Переспорить его не было возможности, онъ твердо стоялъ на своемъ. Объ топливѣ же онъ разсуждаетъ совершенно правильно. Полезно бы было дать каждому солдату по связкѣ сухихъ лучинъ для растопки

костровъ. Что походъ этотъ рискованъ, что половина отряда можетъ замерзнуть, остальные вернуться ничего не сдѣлавши,—это правда. Но рискъ—дѣло благородное, и русскому человѣку особенно пріятное.

Заполучивъ теплыя рукавицы, оставалось подумать еще о многомъ. Полушубка у меня не было и пришлось удовольствоваться поношеннымъ теплымъ пальто. Но ноги? Какъ ихъ обезпечить отъ отмороженія? Практика научаетъ всему. Мой деньщикъ досталъ кусокъ какого-то болгарскаго сукна и сшилъ мнѣ наколѣнники. Остатокъ сукна предназначался для обертыванія сапогъ. Въ такомъ видѣ, казалось, можно выдти на какой угодно холодъ. Морозъ между тѣмъ усиливался и ночь наступила безпощадно холодная.

13-го Декабря, вторникъ.

Въ 3 часа утра мы встали и въ 4 часа батарея была готова въ паркѣ. Холодъ стоялъ нестерпимый. Вслѣдствіе морознаго тумана, ночь была темна, какъ мгла Перекрестившись, тронулись, вытянулись, и скоро были за городомъ.

До деревни Врачешты, мимо которой приходилось идти всѣмъ войскамъ, шла изъ Орханіэ только одна дорога—софійское шоссе. Поэтому произошла задержка въ движеніи. Колонны полковъ и батарей поминутно сталкивались и останавливались, люди же топтались на мѣстѣ и хлопали руками: нельзя было устоять отъ холода.

Войска двигались такъ тихо, что двухверстное разстояніе отъ Орханіэ до деревни Врачешты, мы шли 3½ часа. Адъютанты и ординарцы сновали и отыскивали хвосты полковъ, за которыми ихъ части должны были идти.

— Эй, братцы,—обращался пробиравшійся впередъ адъютантъ,—что Пермскіе пришли?

— Не могимъ знать,—отвѣчали солдаты,—должно что нѣтъ.

— А тамъ какая пѣхота пробирается между орудіями?

— То должно быть гвардейскіе, финляндскіе,—заключилъ солдатъ.—Да кто ихъ разберетъ, тьма такая кромѣшная, да всѣ этакъ закутавшись, что формы не разберешь.

— Полковникъ, вѣдь это бѣда, что мы впередъ пройти не можемъ, вѣдь мы сильно опоздаемъ,—замѣчалъ артиллерійскій офицеръ.

— Что же прикажете дѣлать?—отвѣчалъ командиръ, — артиллерія всю дорогу загородила, пѣхота и казаки обходятъ стороною дороги, просто изъ рукъ вонъ...

— Скоро шабашъ морозамъ,—говоритъ подпрыгивая молодой солдатъ,—за Балканами югъ, говорятъ господа, теплынь стоитъ...

— И что за лютая нынѣшній годъ зима, просто бѣда. Какъ война, такъ завсегда холоднѣе бываетъ. Въ двѣнадцатомъ году, слыхать,

птица на лѣту мерзла. Вотъ и ныньче, слава Богу, здорово. Ужъ коли тутъ такой морозъ, у насъ въ Рассеи таперь у-у-ухъ какъ здорово. Это видно намъ Господь Богъ русскимъ помогаетъ за то, что басурмановъ истребляемъ, за вѣру стражаемся: тогда-сь французамъ горько пришлось, а ныньче туркамъ не ладно.

— А горы теперь здѣсь какія,—свернулъ солдатъ съ разговора,—самыя балканскія, настоящія.

— Это еще что! Что дальше, то пуще будутъ... однимъ словомъ выше облаковъ. Вообще мѣсто не удобное, особенно теперь пахать. Зато очenно смотрѣть красиво...

Дойдя до поворота шоссе въ горы, главныя силы продолжали идти далѣе по софійскому шоссе; отрядъ же генерала Вельяминова входилъ въ деревню Врачешты. Передъ тѣмъ, чтобъ войти въ нее, нужно было перейти хотя не широкій, но глубокій ручей. Мостикъ же черезъ ручей былъ одинъ, и когда мы подошли къ нему, то намъ на встрѣчу попалась 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, которая составляла часть главныхъ силъ и выходила изъ деревни Врачешты, мѣста ея стоянки. Нужно было выждать, пока дивизія пройдетъ, что отняло еще добрые два часа времени. Наконецъ, когда вся колонна, кромѣ кавалеріи, которая должна была выйти съ мѣста только вечеромъ и, конечно, нагнала бы очень быстро пѣхоту, собралась въ деревнѣ Врачешты, омываемой ручейкомъ, вверхъ по которому и лежалъ путь на Умургачъ, отрядъ генерала Вельяминова тронулся въ горы. Колонна пошла въ слѣдующемъ порядкѣ: Тамбовскій полкъ съ пѣшею и 2-ю гвардейскою конною батареями, а за нимъ Пензенскій полкъ съ нашею 5-ю гвардейскою конною батареею. Съ батареями ѣхали также нанятыя болгарскія сани, на волахъ, числомъ до 24-хъ.

На каждое орудіе и артиллерійскій ящикъ, въ помощь лошадямъ, была назначена рота, причемъ одинъ взводъ шелъ непосредственно при орудіи, а другой взводъ несъ ружья перваго взвода...

По разсказамъ болгаръ, ни лѣтомъ ни зимой, дороги чрезъ Умургачъ не существуетъ. Лѣтомъ же пастухами козъ протаптывается какая-то тропинка, извѣстная только однимъ мѣстнымъ жителямъ. Относительно расположенія непріятеля, Умургачъ лежитъ какъ разъ на серединѣ, между арабконакскою и лютиковскою позиціями.

Такимъ образомъ отрядъ генерала Вельяминова идетъ параллельно главнымъ силамъ, имѣя ихъ съ лѣвой стороны; съ правой же были турки. Для прикрытія нашего движенія отъ нападенія съ правой стороны и приданъ генералу Вельяминову одинъ батальонъ Архангелогородскаго полка, который составлялъ боковой авангардъ колонны.

Первыя двѣ версты мы шли хотя медленно, но почти не останавливались. Мало-по-малу, долинка нашего ручья замѣтно стала съуживаться

и вся колонна остановилась. Стоимъ часъ, два; наконецъ, узнаемъ, что остановились потому, что дошли до горы, настолько крутой, что только пѣшій человѣкъ можетъ съ трудомъ вскарабкаться на нее и что отъ движенія впередъ артиллеріи при помощи лошадей нужно окончательно отказаться; втащить орудія на колесахъ людьми также невозможно.

Генералъ Вельяминовъ послалъ тогда ординарца генерала Гурко, штабсъ-ротмистра Суханова, къ нему же съ изложеніемъ положенія дѣлъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ къ генералу Вельяминову потребовали всѣхъ начальниковъ частей для рѣшенія: что дѣлать? Главную роль играли артиллерійскіе начальники, такъ какъ они одни могли обстоятельно обсудить способъ дальнѣйшаго движенія своихъ батарей. Къ начальнику отряда взяли и меня, какъ переходившаго Балканы. Полковникъ Безакъ и я, мы съ трудомъ пробрались къ генералу Вельяминову, находившемуся въ головѣ колонны.

Генералъ встрѣтилъ насъ словами:

— Мы пробовали взбираться на эту гору. Сами съ трудомъ поднялись до первой площадки и пришли къ убѣжденію, что никакія лошади не въ состояніи ввести туда орудія. Голый обледенѣлый камень не даетъ возможность лошадямъ цѣпляться подковами. Нужно обдумать, что предпринять? Полковникъ Безакъ, вы старшій артиллеристъ въ отрядѣ, дайте совѣтъ.

Полковнику Безаку и мнѣ какъ-то не хотѣлось вѣрить, чтобъ наши сытыя гвардейскія лошади при помощи людей не могли бы втащить орудія даже на самую крутую гору. Обидно было даже это слышать. Русская конная-артиллерія, самая подвижная артиллерія въ мірѣ, всегда гордится тѣмъ, что она отъ своей кавалеріи не отстанетъ, а тутъ мы задерживаемъ и пѣхоту. Намъ настолько не вѣрилось, что мы сговорились поѣхать осмотрѣть сами верхомъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что если мы верхомъ подымемся, то и орудія наши пройдутъ. Генералъ Вельяминовъ согласился на наше рѣшеніе и мы рысью поѣхали на гору. Рысь наша скоро перешла въ шагъ... Лошади начали ужъ не идти, а карабкаться... Добрались мы и до обледенѣлаго камня,—лошади обрываются... Наконецъ, едва переводя дыханіе лошади скользятъ на мѣстѣ, перебираютъ ногами, но впередъ не подаются.

Ну, дальше ѣхать нельзя, а то очутишься тамъ внизу, указалъ я на пропасть съ лѣвой стороны.

Мы съ трудомъ слѣзли съ лошадей, отдали ихъ ѣхавшему съ нами солдату и пошли пѣшкомъ, цѣпляясь за камни и сучья. Приходилось разсчитывать каждый шагъ: куда поставить ногу, чтобъ имѣть хоть какую нибудь опору. Смеркало. Мы уже сильно устали, когда добрались до какого-то костра.

— Вы кто такіе? спросилъ полковникъ у сидящихъ у костра людей.

— Саперы, ваше высокоблагородіе.

— Что-же вы такую скверную дорогу сдѣлали?

— Да нѣтъ никакой возможности,—просто одинъ голый камень. Бились, бились, вотъ только до сюда кое-что пообчистили.

— А далеко до первой площадки?

— Да еще столько-же будетъ.

— Скверно, полковникъ! замѣтилъ я.

— Да, не хорошо. На лошадяхъ нечего и думать идти.

— А вѣдь идти впередъ нужно?

— Непремѣнно.

Съ этимъ мы стали спускаться внизъ, причемъ раза два оборвались и противъ воли садились. Уже темнѣло, когда мы подъѣхали къ костру генерала Вельяминова.

— Ну, что? былъ его первый вопросъ.

— Мое мнѣніе, ваше превосходительство, что эта гора проходима съ трудомъ только пѣхотою. Поэтому всей артиллеріи тутъ перейти невозможно, нужно часть ея оставить на мѣстѣ. А идти все-таки нужно. Поэтому намъ остается немедленно же придумать способъ дальнѣйшаго движенія и продолжать путь, какихъ бы трудовъ это ни стоило и какъ бы дорого это намъ ни обошлось, отвѣчалъ полковникъ Безакъ.

— Я съ вами совершенно согласенъ, заключилъ генералъ,—нужно придумать способъ идти впередъ.

Всѣ поняли, что отъ отряда посланнаго на Умургачъ потребованы неестественныя усилія.

Способъ движенія былъ придуманъ. Рѣшено было разобрать орудія на части и разложить всю артиллерію на сани, задніе-же ходы ящиковъ, как очень тяжелые, оставить на мѣстѣ.

Такъ какъ саней было мало для 12-ти орудій, то пѣшую батарею вернули назадъ, а восемь гвардейскихъ конныхъ орудій взяли съ собою.

Между тѣмъ, пока принято было рѣшеніе, настала ночь, первая ночь на Балканахъ. Всѣ части ночевали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остановились еще въ часъ пополудни; всякій старался лечь на самой дорогѣ, на умятый снѣгъ, потому что по сторонамъ проваливались по поясъ.

Вскорѣ запылали костры и начался скромный солдатскій ужинъ, состоящій преимущественно изъ моченыхъ сухарей. Люди, утомленные раннимъ началомъ движенія, тотчасъ-же послѣ ужина тутъ-же и засыпали. Счастливцемъ въ эту ночь считалъ себя тотъ, кто спалъ около костра. Было холодно, но еще сносно. Въ первый разъ въ жизни подстилкою мнѣ служилъ умятый снѣгъ.

14-го Декабря, среда.

Чуть свѣтъ, всѣ уже проснулись отъ пробравшаго насквозь мороза, и все оживилось. Вскорѣ пріѣхалъ ординарецъ отъ генерала Гурко, лейбъ-казакъ кн. Голицынъ, съ приказаніемъ во что бы ни стало двигаться, и все заработало. Работа эта состояла въ томъ, что тѣло орудія снимали съ лафета и клали на одни сани, лафетъ съ боевыми колесами на другія, подъ передокъ орудія подводились третьи и подъ передокъ ящика четвертыя. Задніе ходы ящиковъ, какъ черезчуръ тяжелые, были оставлены на мѣстѣ. Къ каждымъ санямъ спереди привязывались постромки такой длины, что болѣе 30-ти человѣкъ могли впречься въ каждую изъ нихъ; сзади привязывались двѣ лямки, которыя служили для предупрежденія раскатовъ саней. При разсчетѣ людей на каждое орудіе съ ящичнымъ передкомъ, приходилось около двухъ ротъ; ружья некому было нести, и они надѣвались на спину. Каждый солдатъ, въ помощь себѣ, вырубилъ палку, которая служила ему опорою при подъемѣ на гору. Какъ только орудіе было такимъ образомъ разложено, люди тащили его въ гору. 2-я гвардейская конная батарея шла съ тамбовцами впереди. Съ нея и начали. И только поздно вечеромъ послѣднія сани съ запаснымъ лафетомъ тронулись въ гору. Наша же батарея была вся разложена на сани, но за темнотою движеніе было отложено на завтра, такъ что 5-я батарея продвинулась сегодня впередъ только на длину колоны и за два дня мы сдѣлали всего 6 верстъ.

15-го Декабря, четвергъ.

Наступилъ и третій день перехода Балканъ. Съ разсвѣтомъ пермскій полкъ потянулъ и нашу батарею.

Съ прибаутками и шутками люди брались за постромки: „эй, вы, коренные, смотри тамъ, подмогай, а то даромъ, что̀-ли, вамъ четыре харца отпущаютъ!“ или „что лягаетесь пристяжки. Вотъ я васъ, шаловливыхъ, кнутомъ то уйму“, говорилъ, шутя, одинъ молодой фельдфебель пензенскаго полка, получившій георгія за Плевну, веселый характеръ котораго отзывался на всю роту, и эта рота тащила лучше всѣхъ. Какъ только подъемъ былъ черезчуръ крутъ и уставшіе люди, едва двигаясь, просили отдыха, этотъ молодецъ фельдфебель подбѣгалъ къ орудію и, стараясь за троихъ, помогая тащить, покрикивалъ:

„Ну, еще маленько, покряхтите родименькіе; вотъ, вотъ хорошо, пошло, еще, еще маленько“.

Разъ сани вытянули на кручу, тотъ же фельдфебель кричалъ:

„Стой, рысаки! Попоить, накормить ихъ, сѣнцомъ и овсецомъ побаловать“.

Солдаты видимо любили его за бойкость и остроуміе.

Первый подъемъ былъ очень труденъ. Казалось, что ему нѣтъ конца. Снѣжный, обледенѣвшій камень не давалъ возможности тащившимъ людямъ находить точку опоры, и люди безпрестанно падали. Первые разы каждое паденіе вызывало смѣхъ, но потомъ недовольныя лица упавшихъ отняли всякую охоту подсмѣиваться. Не успѣли мы подняться до полугоры, какъ увидѣли замерзшій трупъ нашего солдатика, съ блѣднымъ лицомъ и откинутою назадъ головою распростертаго въ снѣгу. Эта была первая жертва нашего движенія: онъ замерзъ ночью и принадлежалъ къ авангарду колонны.

Тащившіе, мимо него, сами солдаты, молча поглядывали на трупъ, какъ будто боялись увидѣть замерзшаго товарища и крестились.

Тотъ же фельдфебель, замѣтивъ уныніе на лицахъ свой роты, не замедлилъ сказать:

— Ну, чего осовѣли, глупые? аль завидно, что человѣкъ попалъ въ царствіе небесное?

Генералъ Вельяминовъ обогналъ насъ на этой горѣ.

Уже совсѣмъ сѣдовласый генералъ, съ красивымъ лицемъ и глазами полными жизни, съ открытымъ, располагающимъ къ себѣ выраженіемъ, съ палочкой въ рукѣ, производилъ какое-то отрадное на всѣхъ впечатлѣніе. Увидавъ такого почтеннаго человѣка, переносящаго наравнѣ со всѣми трудности этого гигантскаго похода, какъ-то совѣстно было и думать о претерпѣваемыхъ лишеніяхъ. Подходя къ солдатамъ, лице у него прояснялось, онъ былъ доволенъ ими, онъ улыбался.

— Здорово молодцы. Ну что, не очень еще устали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, смѣло отвѣчали ему солдаты, гдѣ же намъ еще устать.

— Какіе молодцы у меня солдаты! обратился онъ ко мнѣ, обгоняя меня.

Онъ видимо любитъ солдатъ и его любятъ не менѣе.

И дѣйствительно, нельзя не поражаться энергіею этихъ людей, и именно ихъ, которымъ пришлось столько потерять за эту войну.

Эта дивизія принадлежитъ къ составу 9-го корпуса, взявшаго Никополь и участвовавшаго съ перваго до послѣдняго дня подъ Плевной. Достаточно сказать, что они участвовали въ трехъ атакахъ подъ Плевной, а теперь переходятъ Балканы въ самомъ трудномъ, недоступномъ мѣстѣ. Такова ужъ ихъ судьба!

Только къ часу пополудни могли втащить послѣднія сани на первую площадку, гдѣ давался большой привалъ. Съ этой площадки была отлично видна турецкая, лютиковская позиція; турки оттуда не выбирались: вѣрно еще не замѣтили нашего движенія, хотя ужъ они были сзади насъ. Между тѣмъ, холодъ, сопровождаемый сильнымъ вѣтромъ, становился съ каждымъ шагомъ подъема сильнѣе и сильнѣе. Еще

прошлую ночь замерзло нѣсколько человѣкъ въ авангардѣ. До вершины же Умургача было еще далеко: болгаринъ, сопровождавшій насъ, увѣрялъ, что еще осталось болѣе 15-ти верстъ. Въ довершеніе всего, поднялась мятель и протоптанная авангардомъ дорога иногда совсѣмъ исчезала. Несмотря на то, что люди второй день тащили орудія, они шли еще очень бодро. Послѣ каждаго крутаго подъема, имъ давалось нѣсколько минутъ роздыха; они ложились.

Отдохнувъ, вновь брались за лямки и тащили. Подошли къ почти отвѣсной горѣ, попробовали тащить—стали; не по силамъ пришлась имъ эта круча. И дѣйствительно, градусовъ въ 60 гора была покрыта слоемъ снѣга болѣе аршина. Сани врѣзывались въ снѣгъ и застрявали. Пришлось позвать еще людей, и только тогда, двигаясь со скоростью черепахи, съ неимовѣрными усиліями, успѣвали везти сани и дотащить ихъ до вершины. Много времени отняла эта гора!

Начинало смеркаться, вѣтеръ все усиливался.

Первое орудіе за темнотою остановилось, и люди начали устраиваться на ночь. Лѣсъ былъ тутъ же, и всѣ разбрелись, проваливаясь выше колѣнъ, рубить дрова. Наши пальто и шинели окончательно промерзли, сидѣли на насъ коломъ, и оттого не грѣли насъ. Усталые, голодные, мы продрогли до костей: руки, ноги коченѣли отъ холода, зубъ не попадалъ на зубъ. Все несчастіе состояло въ томъ, что склонъ горы былъ обращенъ къ вѣтру; сильные порывы вѣтра, со снѣгомъ, обдавали холодомъ всю гору, и человѣкъ чувствовалъ, что если не предприметъ чего нибудь, чтобъ согрѣть свои обмерзшіе члены, онъ можетъ легко замерзнуть. Въ эту-то минуту костеръ былъ спасительная вещь. Но какъ его развести на такомъ ветрѣ и какъ заставить горѣть эти мокрые сучья? Наступала минута близкая къ отчаянію темно, холодно, и нѣтъ средствъ согрѣться, а усталость послѣ сильныхъ физическихъ трудовъ клонетъ ко сну, къ опасному сну. Но кто-то догадался перейти на другую сторону склона и успѣлъ зажечь костеръ. Спаситель! Хотя не легко было перебраться туда, такъ какъ пришлось идти съ полверсты по поясъ въ снѣгу, но видъ пылающаго огонька соблазнилъ всѣхъ, и почти всѣ начали туда перебираться. Развели костры, но костры малые, не смотря на всѣ старанія и ухищренія.

Сегодняшняя ночь никогда не забудется.

Какъ ни хотѣлось спать,— чувство самосохраненія этого недозволяло. Понималось, что съ дремотою, все болѣе и болѣе озябаемъ. Тогда приходитъ въ голову мысль—замерзну, дѣлаемъ усиліе надъ собою, чтобъ не заснуть и ближе надвигаемся на плохенькій костеръ.

— Братцы, вы не давайте заснуть, а то, какъ разъ, уснемъ навсегда.

— Да, да, не давайте, другъ за другомъ наблюдай.

А вѣтеръ, съ густою снѣжною пылью, ураганомъ проносится надъ

головами, костры на нѣсколько минутъ потухаютъ и холодъ пробираетъ до костей. Ужасна была эта ночь!

Каково же было русскому солдату, проработавшему цѣлый день буквально какъ волу, ночью напрягать свои надорванныя силы, чтобъ не заснуть и не замерзнуть, а завтра съ утра опять впречь себя въ орудіе! Для этого нужно быть не только машиной, какъ многіе полагаютъ, но и сознавать вполнѣ чувство своего долга, вѣровать въ правоту предпринятой во имя религіи войны, которая одна въ состояніи вызвать человѣка безропотно на подвигъ сверхъестественный. Покуда у насъ есть вѣра, армія наша непобѣдима, солдатъ нашъ единственный въ мірѣ. Не дай Богъ,—вѣра поколеблется, мы впадемъ въ грѣхи гнилаго Запада, тогда нельзя будетъ поручиться, что мы не будемъ сдаваться цѣлыми арміями. Это доказала намъ исторія.

16-го Декабря, пятница.

Еще было темно, когда все двинулось прежнимъ порядкомъ далѣе. Утомленные безсонною ночью, борьбою съ природою и трехдневною, тяжелою работою, люди тащили орудія ужъ не съ тою энергіею. Уменьшенная дача сухарей не могла достаточно подкрѣпить силы трудящихся, да у нѣкоторыхъ ихъ больше не оказывалось.

— Ну, братецъ, если теперь еще недѣлю намъ такимъ манеромъ идти,—бѣда!—говорилъ тащившій орудіе солдатъ.

— Чѣмъ бѣда? спрашивалъ другой.

— Какъ чѣмъ? Теперь намъ на восемь дней сухарей отпустили,—сегодня ужъ четвертый, а до Мургача еще сколько? Ну?

— А кто его знаетъ? Должно не близко.

— То-то не близко. А когда мы теперь снова сухарей получимъ? Одинъ Господь Богъ знаетъ.

Я слышу этотъ разговоръ и вспоминаю опять американца. Неужели онъ будетъ правъ, что намъ не хватитъ сухарей?

— И куда насъ эти болгары ведутъ? Экая дичь здѣсь какая, продолжали солдаты.

— Кабы не православные были эти болгары, ей-ей, можно полагать, что къ чорту на кулички насъ заводятъ.

— Тутъ братъ лютый звѣрь и тотъ себѣ ничего не найдетъ, да и жить-то тутъ не станетъ.

— Эко проклятое мѣсто какое!

Гора за горой, конца нѣту и т. д.

И дѣйствительно, можно было усумниться: идемъ-ли мы по должному направленію? Это никто не могъ утверждать, пришлось вполнѣ довѣриться братушкамъ.

Обмороженные солдаты стали попадаться намъ на встрѣчу все чаще и чаще, а вскорѣ начали попадаться и офицеры.

Идетъ, волокущій ноги солдатъ въ кепи съ краснымъ околышкомъ, архангелогородскаго полка.

— Ты откуда и куда? спрашиваю я его.

— Изъ авангарда, ваше благородіе, ноги заморозилъ, покрякивая отвѣчаетъ, дрожа какъ листъ, солдатъ. Въ такую вьюгу забрались, чють весь батальонъ тамъ не занесло. Кабы не всѣ въ одну кучку сбились, навѣрно бы занесло.

— Куда же ты теперь идешь?

— Въ Охранію, если Богъ дастъ дойти.

— Къ низу скорѣй пойдешь, ободрялъ его тащившій орудіе солдатъ.

— Скорѣе-то можно на ногахъ, братъ, ходить. А у меня, братъ, не ноги, а ходули, точно въ колѣньяхъ отрѣзало.

Жаль было бѣднягу; помочь-же не чѣмъ.

Послѣ всякаго подъема открывалась новая вершина. Всѣмъ казалось, что вотъ эта вершина и есть Умургачъ. Но не тутъ-то было; только подымешься на нее—смотришь: тамъ стоитъ другая, еще выше. Было около четырехъ часовъ пополудни, когда мы увидали куполообразную вершину, всю черную отъ нависшихъ облаковъ и снѣжной бури, разразившейся на ней. Проходилъ обмороженный солдатъ.

— Далеко-ли до Умургача? спрашивали его.

— Вотъ онъ самый и есть, отвѣчалъ онъ, указывая на черную вершину. Тамъ самъ енералъ сидитъ, заключилъ онъ.

— Ну, братцы, дотягивай; вотъ онъ Умургачъ! А тамъ ужъ книзу пойдемъ, говорилъ офицеръ, и люди чуть не бѣгомъ, съ возгласами радости, потянули орудіе.

Къ пяти часамъ сани за санями начали подтягиваться на Умургачъ. Съ боку отъ дороги, въ шатрѣ изъ вѣтокъ, сидѣлъ генералъ Вельяминовъ со своимъ штабомъ. По приходѣ туда, мы узнали много новостей: деревни Чурьякъ, Потокъ и Елешница заняты нашими войсками главныхъ силъ, и путь за Балканы свободенъ. Извѣстіе это съ восторгомъ разнеслось по всему отряду. Авангардъ нашей колоны пытался пройти съ Умургача на деревню Жилява, но вернулся назадъ, чуть не погибнувъ, за метелью, въ снѣгахъ. Донесеніе объ этомъ было послано генералу Гурко, и онъ приказалъ колонѣ идти на деревню Чурьякъ. Гвардейской кавалеріи, выступившей сегодня изъ Врачешты, приказано было тотчасъ же двигаться чрезъ Умургачъ, также на Чурьякъ. Тамбовцамъ со 2-й гвардейскою конною батареей приказано было, собравъ орудія, запречь лошадей и тотчасъ же опускаться внизъ въ деревню Чурьякъ. 5-й же гвардейской конной батареи и пензенцамъ, прибывшимъ на Умургачъ поздно вечеромъ, пришлось ночевать тутъ же. Пос-

лѣдняя ночь на Балканахъ была также ужасна, какъ и предъидущая. Стоило только присѣсть гдѣ нибудь, и васъ буквально заметало. Утомленные до нельзя люди засыпали, какъ мертвые, прямо въ снѣгу. Много спасало сознаніе, что сегодня послѣдній день страшныхъ трудовъ, а что завтра будетъ, во всякомъ случаѣ, лучше и легче.

17-го Декабря, суббота.

Утромъ дали людямъ водки, что было по истинѣ большимъ счастьемъ: всѣ ожили, подбодрились и веселый фельдфебель, собравъ пѣсенниковъ, затянулъ лихую солдатскую пѣсню. Нельзя было не восхищаться этой солдатской удали! Волонтеръ, врачъ Гаусманъ, состоявшій при нашемъ отрядѣ отъ „Краснаго Креста", сопровождавшій всегда всѣ колоны, получавшія самыя трудныя назначенія, пришелъ въ умиленіе, видя этихъ обледенѣвшихъ молодцовъ, на Умургачѣ, послѣ четырехдневныхъ тяжкихъ трудовъ, поющихъ веселыя пѣсни. И дѣйствительно, было чему умилиться! Фельдфебель закончилъ пѣсню: „Полковой нашъ командиръ, яснымъ соколомъ летѣлъ" и пустился, по колѣно въ снѣгу, въ присядку. Тутъ подошелъ командиръ полка и поблагодарилъ пѣсенниковъ, за „славный молодецкій духъ". И было за что поблагодарить пензенцовъ!

Кавалеріи пришло приказаніе сдѣлать этотъ переходъ наканунѣ вечеромъ. Она шла всю ночь и нагнала насъ на Умургачѣ. Ведя, по одной, лошадей въ поводу, безпрестанно скользившихъ и падавшихъ, такъ какъ острыхъ шиповъ на подковахъ не было, да и не откуда было ихъ и взять. Гвардейская кавалерійская дивизія растянулась верстъ на восемь и только къ 11-ти часамъ утра очистила намъ путь. Тогда ужъ и мы двинулись внизъ съ запряженными орудіями.

Вотъ и пятый день движенія въ Балканахъ. Холодъ и вьюга сегодня достигли своихъ предѣловъ, что еще чувствительнѣе намъ, такъ какъ вѣтеръ бьетъ прямо въ лице. Пальто и бурки обратились въ ледяную кору. За то мы не идемъ, а бѣжимъ съ Умургача. Болѣе слабые люди падаютъ отъ безсилія. Вотъ свалился пѣхотинецъ. Къ нему подходятъ двое, наклоняются, толкаютъ...

— Ей, товарищъ, вставай, полно валяться-то, говоритъ одинъ.

Упавшій лежитъ безъ движенія. Ему раскрываютъ башлыкъ, смотрятъ въ лицо, лицо—блѣдное, глаза закатились, помутились. Я пробѣгалъ мимо этой картины съ орудіемъ и вижу, что упавшаго солдата оставляютъ и хотятъ уходить.

— Что-же, братцы, вы товарища-то бросаете.

— Кончается, ваше благородіе, замерзъ.

И все тронулось дальше, какъ будто ничего не случилось. Человѣкъ ко всему привыкаетъ, даже къ смерти близкаго. Всякій понималъ,

что на этомъ страшномъ холоду останавливаться нельзя, оттереть человѣка нечѣмъ и спасти его невозможно. Скоро начался крутой спускъ. Вѣтеръ какъ будто утихалъ понемногу. Но тутъ случилась опять бѣда: раскаты были такъ велики, что хотя всѣ колеса орудія были заторможены и, по крайней мѣрѣ, по 20-ти человѣкъ сдерживали раскатившееся орудіе, держась за веревку, привязанную къ лафету, все-таки орудіе грозило ежеминутно скатиться въ пропасть. Подходимъ къ одному спуску; остановились, чтобъ придумать, что̀ дѣлать, чтобъ благополучно спустить орудіе. Рѣшаешься уносы отпречь, оставить однихъ коренныхъ лошадей, затормозить всѣ колеса, и цѣлому взводу даются двѣ веревки, привязанныя къ станинамъ лафета, чтобъ сдерживать орудіе. Орудіе тронулось, раскатилось. Видя это, молодецъ коренной ѣздовой посадилъ лошадей совсѣмъ на зады; люди, цѣпляясь за сучки и кочки, увлеченные стремительностью ската орудія, падаютъ, но не бросаютъ веревку. Вдругъ орудіе завернуло, и оно кувыркомъ, съ ѣздовымъ и лошадьми, вверхъ колесами, летитъ къ подошвѣ горы, таща за собою сбившуюся кучу людей, все еще держащуюся за веревку. Вся эта масса остановилась у конца спуска: люди, кто покрякивая, кто подсмѣиваясь, встаютъ, разбившихся лошадей извлекаютъ изъ-подъ орудія, выпрягаютъ. Какимъ-то чудомъ искалѣченныхъ людей не оказывается. Орудіе перевертываютъ, вновь запрягаютъ и продолжаютъ дальнѣйшій путь.

Но всѣ эти труды начали щедро вознаграждаться: стало значительно теплѣе, вьюги уже болѣе не было, впереди же насъ манила освѣщенная солнцемъ мѣстность. Стоитъ только обернуться назадъ, и мы увидѣли черный отъ бури Умургачъ; невольно насъ пробирала дрожь при воспоминаніи о проведенныхъ тамъ ночахъ. Къ четыремъ часамъ мы спустились въ освѣщенную солнцемъ мѣстность, и стало даже тепло. Намъ казалось, что мы входили въ обѣтованную землю. И дѣйствительно, лучшей награды для насъ не могло и быть. Всѣмъ было весело на душѣ, какъ будто мы никакихъ трудовъ не испытывали. Вотъ что значитъ побѣда и побѣда славная. Мы побѣдили лютаго врага—суровую природу.

Ужъ было темно, когда мы дошли и начали входить въ деревню Чурьякъ, и только къ часу ночи вся колона собралась туда. Крѣпко засыпали утомленные, холодные и проголодавшіеся воины, сознавая только, что они честно исполнили свой долгъ, и не помышляя даже о совершенныхъ подвигахъ, которыми навѣрно будутъ гордиться ихъ потомки, и о томъ, что они увѣковѣчили свое имя навсегда въ исторіи.

Такимъ образомъ, нашей колонѣ пришлось сдѣлать страшный, кружный путь чрезъ Умургачъ и выдти къ тому же Чурьяку, къ которому вышли и всѣ главныя силы, но по кратчайшей и болѣе доступной дорогѣ.

18-го Декабря, воскресенье.

Утромъ получено приказаніе отряду генерала Вельяминова идти на деревню Жиляву и стать заслономъ, фронтомъ къ Софіи. Артиллерія дивизіи генерала Вельяминова осталась по ту сторону Балканъ. Гвардейская кавалерія также нуждалась въ артиллеріи, такъ что восемь орудій гвардейской конной артиллеріи пришлось раздѣлить. 4 орудія 2-й гвардейской конной батареи и два 5-й батареи были отдѣлены къ генералу Вельяминову. Гвардейской кавалеріи рѣшено было дать остальныя два орудія. Жребій палъ на мой взводъ, и я былъ отдѣленъ съ кавалеріею. Обгоняя по дорогѣ 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, мы пошли чрезъ деревню Потокъ на Елешницу, гдѣ сдѣлали привалъ. Какіе-то вооруженные конные охотники болгары привели двухъ плѣнныхъ турокъ: одного кавалериста, другаго пѣхотинца. Кавалеристъ былъ раненъ этими болгарами пулею въ ногу, но держалъ себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ. Пѣхотинецъ, очень веселый малый, дотрагивающійся, въ знакъ почтенія, съ подобострастіемъ до края офицерскаго пальто, отлично говорилъ по болгарски. Его вопросы и разсказы поражали насъ смѣлостью.

Я, разсказывалъ онъ, принадлежу къ батальонамъ, взятымъ вами подъ Телишемъ въ плѣнъ. Я во время бѣжалъ и избѣгнулъ плѣна, а теперь все-таки попался, вотъ этимъ болгарамъ. Я очень радъ увидѣть въ Россіи своихъ товарищей. Они вѣрно въ Москвѣ. А Москва прекрасный городъ. У васъ навѣрно хорошо кормятъ плѣнныхъ. У насъ же и солдатамъ-то порядочно ѣсть не даютъ. Вообще у насъ въ войнѣ очень скверно. Но теперь, кажется, война скоро кончится. Послѣ Османа у насъ нѣтъ хорошихъ пашей. Мехметъ-али ничего не стоитъ.

На вопросъ: кто у нихъ командуетъ войсками на Арабъ-Конакѣ, онъ отвѣчалъ, что хорошо не знаетъ, такъ какъ только на дняхъ самъ Мехметъ-али уѣхалъ оттуда.

И турокъ болталъ безъ умолку, восхваляя насъ и порицая свою армію. Кавалеристъ же держалъ себя серьезно, съ достоинствомъ.

Къ вечеру мы пришли въ Жиляву.

19-го Декабря, понедѣльникъ.

Глубоко обманулись тѣ, которые думали отдохнуть ночью въ деревнѣ Жилява, послѣ пятидневнаго похода чрезъ Умургачъ. Въ три часа ночи гвардейская кавалерія выступила изъ Жилявы подъ Тамкиссенъ, который атакуется сегодня генераломъ Гурко сорока двумя батальонами. Вслѣдъ за нами генералъ Вельяминовъ долженъ выдти на софійское шоссе. Гвардейская кавалерія шла перемѣнными аллюрами. Пришлось ночью переходить въ бродъ полузамерзшія рѣченки, причемъ мы

порядочно подмочили ноги. Уже разсвѣтало, когда мы вышли на софійское шоссе, съ котораго свернули на деревню Малина и вышли къ деревнѣ Чеканцово, гдѣ и остановились. Наши пѣхотныя колонны длинными лентами потянулись къ Ташкиссену и вскорѣ мы услыхали пушечные выстрѣлы, а затѣмъ и ружейную трескотню.

Мы стояли въ какомъ-то выжидательномъ положеніи на горѣ, подъ которой лежала деревня Чеканцово, откуда было отлично видно все поле сраженія. Мы видѣли и взрывъ въ турецкомъ редутѣ отъ нашей гранаты и движеніе нашей пѣхоты впередъ по всей линіи. Потомъ мы явственно слышали молодецкое „ура“ Волынцевъ, шедшихъ въ атаку на гору, гдѣ еще упорствовали турки. Непосредственнаго же участія въ сраженіи мы не принимали. Большая часть кавалеріи ушла на Комарцы и мы простояли въ резервѣ до вечера. Какая-то турецкая батарея, замѣтивъ наше присутствіе на горѣ, открыла по насъ и по деревнѣ Чеканцово огонь.

Чеканцово было назначено перевязочнымъ пунктомъ для отряда и въ немъ ужъ накопилось достаточное количество раненыхъ. Непріятельскія гранаты рвались на улицѣ и дворахъ деревни, пожара же не произвели. Къ четыремъ часамъ пополудни сраженіе было окончено, турки были оттѣснены отовсюду на самыя горы. Дивизію поставили въ Чеканцово и моему взводу отвели одинъ дворъ въ деревнѣ съ болгарскимъ покинутымъ домикомъ, оказавшимся не совсѣмъ пустымъ: въ немъ лежалъ съ раздробленной головой турокъ-низамъ. Трупъ вытащили изъ дому и не брезгая этимъ, мы расположились на квартиру, что очень цѣнимо въ походѣ.

20-го Декабря, вторникъ.

Генералъ Гурко, занявъ ташкиссенскую позицію, намѣренъ атаковать арабъ-конакскую. Запереть же окончательно турокъ нѣтъ возможности по малочисленности отряда и туркамъ остался свободный путь на Петричево. Поэтому гвардейская кавалерія посылается на этотъ путь, дабы преслѣдовать ихъ, если они отступаютъ.

Мы выступили утромъ на деревни Малина, Бѣлопоповцы, Байлово и Черкесское село.

„Турки отступаютъ на Петричево“, было первое донесеніе разъѣздовъ. Отступающіе турки безпощадно разоряютъ все встрѣчавшееся имъ на дорогѣ; отсталые и мародеры широко разбрелись въ стороны отъ пути отступленія. Объятые страхомъ болгары повсюду встрѣчаютъ наши войска съ восторгомъ, какъ спасителей отъ турецкихъ и черкескихъ звѣрствъ. Черкесы оказались народомъ весьма практичнымъ: видя, что война для нихъ проиграна, они сочли за благо не проливать даромъ крови, а потому и успѣваютъ такъ ловко увертываться отъ нашей ка-

валеріи, что мы ихъ нигдѣ не встрѣчаемъ. Зато эти разбойники не теряютъ времени и свободно предаются грабежу, съ оружіемъ въ рукахъ вымогая у болгаръ деньги.

Черкесское село, окончательно брошенное жителями, стоитъ въ мѣстности чрезвычайно живописной; всевозможныхъ видовъ ущелья и овраги, поросшіе богатою растительностью, окаймляютъ его со всѣхъ сторонъ и придаютъ ему дикій видъ. Найденные въ селѣ запасы сѣна, ячменя и картофеля, какъ нельзя болѣе пригодились намъ, и нельзя было не порадоваться за недогадливость непріятеля, оставившаго все это намъ въ цѣлости. По разспросамъ у болгаръ, оказалось, что мѣсяца два тому назадъ черкесы распорядились отправить „на Стамбулъ“ всѣ свои семейства, обогативъ ихъ на дорогу болгарскимъ скотомъ; сѣно же и запасы они не сожгли по той простой причинѣ, что они своего никогда не жгутъ, разсчитывая когда нибудь да вернуться назадъ. Можно себѣ представить то спокойствіе и увѣренность въ неприкосновенности имущества и чести, съ которымъ жили окрестные болгары въ постоянномъ сосѣдствѣ съ ними. Для предупрежденія всякой попытки къ проявленію своего существованія, по всей Болгаріи были свиты турецкимъ правительствомъ эти гнѣзда черкесовъ между ничѣмъ неповинными и давно заброшенными судьбою болгарскими селами.

Конно-гренадеры собрали сегодня довольно важныя извѣстія. Турки отступили чрезъ Комарцы на Петричево. Въ Петричево пріѣхалъ какой-то англичанинъ укрѣплять позицію.

Ночуемъ въ Черкесскомъ Селѣ.

21-го Декабря, среда.

Мы выступили изъ Черкесскаго Села только въ 11 часовъ, такъ какъ предстоящая дорога не была вполнѣ исправлена за ночь.

Несмотря на то, что перешли Балканы, мы еще изъ горъ не выходили. Все тѣ-же подъемы, кручи, спуски, раскаты попадались намъ на каждомъ шагу. Уставшіе возиться съ горными невзгодами и составившіе себѣ мнѣніе о Забалканѣ, какъ мѣстности совершенно ровной, солдаты безпрестанно спрашивали: „да скоро-ли мы войдемъ въ поле? Нѣтъ, видно, никогда намъ изъ этихъ горъ не выбраться!“ И дѣйствительно, несмотря на то, что до ста человѣкъ болгаръ, подъ руководствомъ дѣятельнаго лейбъ-уланскаго вольноопредѣляющагося Колиньи, всю ночь съ замѣчательнымъ рвеніемъ и трудолюбіемъ, которое особенно присуще имъ, исправляли и уширяли тропинку въ ущельи, ведущемъ изъ Черкесскаго Села къ турецкой „караулкѣ“, лежащей всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пути отступленія турокъ,—дорога была почти непроходима для артиллеріи. Съ неимовѣрными трудностями, постоянно

снимая орудія съ передковъ и таща ихъ на рукахъ, двигались мы, подчасъ немало удивляясь силѣ русской лошади. Главная опасность состояла въ томъ, что дорога была замѣчательно узка и висѣла надъ страшнымъ обрывомъ. Всякій небольшой толчекъ могъ ввергнуть орудіе въ пропасть. Когда мы вышли къ караулкѣ получено было отъ разъѣздовъ донесеніе, что деревня Петричево занята уже 15-ю батальонами отступающихъ турокъ.

Преслѣдованіе по пятамъ, хотя и деморализованныхъ турокъ, оставлено сильно занятою, крѣпкою по природѣ, позиціею. Нужно было ждать прибытія пѣхоты. Могла-же сюда прибыть одна только 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, потому что остальная пѣхота, съ генераломъ Гурко, ушла на Софію. Къ сожалѣнію, связи съ пѣхотою не имѣемъ и мѣсто ея нахожденія мы не знаемъ. Да связь и держать-то вообще трудно, такъ какъ вся мѣстность пересѣчена отдѣльными недоступными кряжами, идущими между путемъ гвардейской кавалеріи и путемъ отступающихъ турокъ. Мы тронулись впередъ на деревню Смольсково, не доходя которой мы услыхали сильную ружейную перестрѣлку влѣво, т. е. на пути отступленія турокъ. Первая пришедшая въ голову мысль была та, что эту перестрѣлку затѣяли наши-же конно-гренадеры или драгуны.

Впереди-же деревни Смольсково, на горахъ, засѣла также турецкая пѣхота, открывшая огонь по нашимъ разъѣздамъ. Казалось-бы, слѣдовало попробовать выбить ее оттуда огнемъ артиллеріи, что при полной деморализаціи разбитыхъ и почти бѣгущихъ турокъ навѣрно-бы удалось. Командующій дивизіею уже было на это рѣшился, и я со взводомъ получилъ приказаніе идти, но приказаніе это было тотчасъ-же отмѣнено. Мы расположились въ деревнѣ, выставили аванпосты, подкрѣпленные пѣшею цѣпью, такъ какъ предполагалось, что турки сами будутъ наступать. Вечеромъ-же мы узнали, что 3-я гвардейская пѣхотная дивизія была послана преслѣдовать непріятеля, и авангардъ ея, настигнувъ турокъ, открылъ эту перестрѣлку. При этомъ убитъ генералъ Каталей, начальникъ дивизіи, и смертельно раненъ бригадный командиръ, генералъ Философовъ. Гибель двухъ старшихъ начальниковъ произошла оттого, что они выѣхали впередъ авангарда, наткнулись на турецкую засаду и отъ перваго-же залпа пали жертвами своей неосторожности.

22-го Декабря, четвергъ.

Первое, что узнаемъ сегодня,—Петричево брошено турками и занято нашею пѣхотою. Это можно было ожидать. Преслѣдованіе вѣрно будетъ теперь энергичнѣе....

Кромѣ этого получено извѣстіе о блистательномъ дѣлѣ отряда генерала Вельяминова подъ Горнымъ Бугоровомъ. 20-го декабря отрядъ

этотъ изъ 6-ти батальоновъ и шести орудій былъ атакованъ двадцатью таборами турокъ, вышедшими изъ Софіи. Боясь выстрѣлить патроны, подвозъ которыхъ не предвидился, наши храбрые пензенцы и тамбовцы лежали и не отвѣчали туркамъ на ихъ страшный огонь. Только когда турки подходили уже совсѣмъ близко, наша закаленная подъ Плевною пѣхота вставала, и послѣ нѣсколькихъ залповъ бросалась въ штыки. Точно также наши гвардейскія конныя орудія, имѣвшія всего по 64 снаряда за Балканами, открывали огонь только на самую дѣйствительную дистанцію. Отбито безчисленное множество атакъ, не смотря на то, что турки обошли горсть нашихъ храбрецовъ съ обоихъ фланговъ. Были минуты на столько критическія, что отрядъ могъ быть ежеминутно окруженъ со всѣхъ сторонъ. Потери непріятеля большія. У насъ же, благодаря тому, что дрались только въ крайнихъ случаяхъ, сравнительно очень малыя. Генераломъ Вельяминовымъ не нахвалятся.

Да, отрядъ дѣйствительно былъ заслономъ для турокъ, желавшимъ помѣшать изъ Софіи атакѣ генерала Гурко.

На мѣсто убитаго генерала Каталея, командующимъ дивизіею остался генералъ Курловъ, который просилъ прислать ему хоть полъ кавалеріи. Ему посланы лейбъ-драгуны и лейбъ-гусары.

Златица занята генераломъ Дандевилемъ.

24-го Декабря, суббота.

Мои предположенія относительно энергичнаго преслѣдованія не оправдались. Нельзя идти впередъ, не снабдивъ себя сухарями и не притянувъ обозы за Балканы. Пѣхота терпитъ серьезную нужду въ хлѣбѣ. Дня три она безъ сухарей. Счастливѣе ея кавалерія, которая будучи подвижнѣе, успѣваетъ снабжаться въ нераззоренныхъ деревняхъ даже хлѣбомъ. Въ виду Рождества Христова и необходимаго отдыха, получено приказаніе расположиться на квартиры. Намъ выбрана деревня Раковица, куда мы и выступили сегодня, вторично пройдя трудное ущелье и Черкесское село.

26-го Декабря, понедѣльникъ.

Въ Раковицахъ намъ было суждено провести Рождество. Кусокъ свинины и скверное, мѣстное красное вино обогатили нашъ обѣдъ; въ этомъ выразился весь нашъ рождественскій праздникъ. Извѣстіе о занятіи Софіи и переходѣ генераловъ Радецкаго и Скобелева за Балканы оживили тоскливый праздникъ. Пошли всякіе толки и предположенія о предстоящихъ дѣлахъ, о безвыходномъ положеніи турокъ, о лаврахъ, которыя намъ осталось пожинать, а главное, о концѣ тяжелой кампаніи, который казался недалекъ. Нѣкоторые увлекаются до того, что ужъ мечтаютъ о славномъ возвращеніи на родину и о томъ моментѣ, когда

сядутъ въ вагонъ и поѣздъ повезетъ ихъ на родину, которая манитъ своими родными, привлекательными интересами и комфортабельною жизнью.

Сегодня 1-я бригада и мой взводъ получили приказаніе выдти на ихтиманское шоссе у деревни Вакарель, пройти по шоссе и раскрыть непріятеля. Лейбъ-уланы пошли какою-то кратчайшею дорогою, а конно-гренадеры съ моимъ взводомъ весьма кружною на деревню Гюреджи. У меня во взводѣ случился пренепріятный случай. Недоходя деревни Гюреджи, дорога чрезвычайно круто и раскатисто спускается въ долину какого-то ручейка. Раскатъ имѣлъ направленіе влѣво и кончался обрывомъ, что было очень опасно. Въ виду этого, я приказалъ прислугѣ слѣзть, взяться всѣмъ за лямки съ правой стороны и этимъ удерживать орудіе отъ раската. Спускаясь шагъ за шагомъ, въ самомъ критическомъ мѣстѣ, орудіе раскатилось съ страшной быстротой, оборвалось и вмѣстѣ съ лошадьми и ѣздовыми, два раза перекувырнувшись по обрыву, очутилось у самаго ручья. Сердце екнуло и замерло, глядя на эту катастрофу. Все лежало въ кучѣ: лошади были подъ лафетомъ, ѣздовые же, какимъ-то необыкновеннымъ чудомъ очутились сбоку. Не скоро распутали мы всю эту кашу. Я полагалъ, что коренныя лошади сильно пострадали, такъ какъ морды у нихъ были въ крови. Но видимо Богъ за насъ. Вторично одно и то же орудіе падаетъ съ кручи и это обходится безъ несчастія. Снѣгъ быстро помогъ остановить кровотеченіе изъ носа у лошадей и добрые и лучшіе кони въ батареѣ рысью догнали кавалерію. Сдѣлавъ верстъ 20, мы вышли на ихтиманское шоссе и пошли по немъ. Пройдя съ версту, колона наша остановилась: Что такое случилось? подумали мы и въ отвѣтъ на это увидѣли голову конно-гренадерскаго полка, повернувшаго назадъ.

— У Вакареля мы встрѣтили обозъ давно прошедшей къ Ихтимину нашей кавалеріи, сказалъ командиръ полка, мы тутъ лишніе.

Дѣлать нечего, тою же дорогою мы пошли назадъ, сдѣлавъ совершенно безполезно сорокъ верстъ трудной дороги.

28-го Декабря, среда.

Мы стоимъ все въ Раковицахъ, въ весьма непривлекательномъ болгарскомъ домикѣ. Семейство очень бѣдно, грязно и состоитъ изъ старика болгарина, его жены и сына, больнаго оспою. Только на другой день нашего прибытія въ этотъ домъ, мы замѣтили, что лежащій съ нами въ избѣ больной, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ оспѣ. Квартиръ въ деревнѣ другихъ не было и пришлось уговорить, съ большимъ трудомъ, болгарина перенести больнаго въ сосѣднюю избу къ его брату. Но это еще не все. Хозяйка дома, очень некрасивая и пожилая жен-

щина, цѣлый день не выходила изъ избы, просиживая праздники, сложа руки у огня, и ночевала тутъ-же. На второй день нашего прибыванія, повидимому смирный хозяинъ входитъ въ избу, и не говоря дурнаго слова, подходитъ къ женѣ и начинаетъ бить ее. Женщина отъ неожиданныхъ ударовъ закричала благимъ матомъ. Болгаринъ, продолжая начатое дѣло, выталкалъ ее изъ избы на улицу. Товарищъ мой и я, мы такъ были поражены неожиданностью этой сцены, что не успѣли сократить буйнаго мужа. Побои на улицѣ продолжались. Крики эти такъ дѣйствовали на нервы, что я послалъ деньщика усмирить расходившагося мужа. Деньщикъ пришелъ назадъ и улыбается:

— Ваше благородіе, болгаринъ это изъ-за васъ жену-то бьетъ.

— Какъ изъ-за насъ?

— Точно такъ-съ. Зачѣмъ это она спала съ вами въ одной избѣ и изъ избы не выходитъ....

Ревность къ старухѣ женѣ! И мы отъ души хохотали надъ оригинальною ревностью къ старой, морщинистой женщинѣ. Послѣ этого мы болгарку не видали. Болгаринъ-же насъ сильно притѣснялъ. Пришлось воевать съ нимъ изъ-за каждаго полѣнца.

Сегодня къ счастію мы покидаемъ эту скверную деревушку и ревниваго хозяина. Получена диспозиція для перехода малыхъ Балканъ. Наступаютъ три колонны: правая изъ Софіи по филиппопольскому шоссе, чрезъ Ихтиманъ; средняя на Піобренъ, Баню и Бутово; лѣвая-же на Мечку. Такимъ образомъ, всѣ три колонны выходили въ долину рѣки Марицы, въ столь ожидаемую нашею кавалеріею мѣстность. Впереди каждой колонны должна идти одна бригада гвардейской кавалеріи. Наша 2-я бригада пойдетъ въ средней колоннѣ.

Въ 9 часовъ утра мы въ третій разъ двинулись чрезъ Черкесское Село и трудное ущелье съ караулкой на Смольсково. Въ Черкесскомъ Селѣ намъ дали привалъ, и мы съ удивленіемъ смотрѣли на болгаръ, боявшихся, при первомъ нашемъ прохожденіи, войти въ селеніе, а теперь пріѣзжавшихъ съ каруцами и нагружавшихъ ихъ всякимъ турецкимъ добромъ, оконными рамами и даже дверьми они также не пренебрегали.

Намъ слѣдовало ночевать въ Петричевѣ, но 1-я бригада и штабъ пришли въ Смольсково только вечеромъ, и мы расположились тамъ на ночлегъ. Получено извѣстіе, что Казанлыкъ занятъ войсками генерала Радецкаго, и что Великій Князь предполагаетъ перевести туда свою главную квартиру.

30-го Декабря, пятница.

Съ разсвѣтомъ, вчера, 29-го декабря, мы двинулись на Петричево, обобранную до послѣдней соломенки болгарскую деревню. Повсюду намъ

попадались остатки быстраго и безпорядочнаго отступленія турокъ: слѣды кое-какъ расположенныхъ бивуаковъ, масса раскиданныхъ патроновъ. Въ Петричевѣ намъ сообщили, что къ генералу Дандевилю, заступившему на мѣсто убитаго генерала Каталея, пріѣзжалъ турецкій парламентеръ, выразившій удивленіе о нашемъ движеніи впередъ, когда перемиріе уже заключено на девять дней. Генералъ Дандевиль отвѣтилъ ему, что онъ не получалъ никакихъ извѣстій и приказаній насчетъ перемирія и потому будетъ идти впередъ и предложилъ туркамъ отступать.

Извѣстіе о мнимомъ перемиріи въ связи съ нашими побѣдами, нисколько никого изъ насъ не удивило; всѣ легко поддавались ему, полагая, что до нашего отряда оно еще не успѣло дойти. Никто не могъ повѣрить, чтобъ у паши хватило наглости прислать парламентера съ требованіемъ остановиться по случаю перемирія, когда его вовсе и не существуетъ.

Неужели это наивная и наглая военная хитрость паши? Плѣнный турокъ, у котораго спросили, слышалъ-ли онъ что-нибудь о перемиріи, отвѣчалъ:

— Намъ вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ говорятъ, что завтра миръ, да завтра миръ; какъ доведутъ насъ до того, что нечего ѣсть, такъ паша и утѣшаетъ насъ миромъ. Мы уже болѣе ему не вѣримъ, когда онъ намъ это говоритъ. Чистосердечный разсказъ плѣннаго имѣлъ много правдоподобія.

До Петричево мой взводъ шелъ съ 1-ю бригадою. Отсюда эта бригада должна была идти на с. Мечку, а мой взводъ долженъ былъ присоединиться къ лейбъ-гусарскому полку, стоявшему уже въ Піобренѣ. Отъ Петричева до Піобрена, перейдя одну и ту-же рѣчку по крайней мѣрѣ двадцать разъ, противно всѣмъ правиламъ военнаго искусства, я шелъ совершенно одинъ безъ прикрытія. Справившись съ кручами и раскатами съ одною своею прислугою, я прибылъ благополучно въ раззоренный до тла турками Піобренъ.

Сегодня мы почему-то стоимъ на мѣстѣ. Ежечасно получаются свѣдѣнія о быстрыхъ успѣхахъ нашей арміи. Генералы Радецкій и Скобелевъ полонили всю армію Весселя-паши. Турки передъ нами бросаютъ всѣ пригодныя для обороны позиціи, какъ-то: Панагеришты, Баню, Бутово и Царево. Дѣла идутъ впередъ такими быстрыми шагами, что можно надѣяться побывать не только въ Адріанополѣ, но и въ Константинополѣ, если только турки не согласятся на всѣ наши условія, что впрочемъ мало вѣроятно.

1-го Января, воскресенье.

Вчера еще мы выступили изъ Піобрена на Баню и Бутово. Кавалерія пошла одна впередъ; мой же взводъ шелъ съ литовцами. Дорога

была относительно сносна. Литовцы дивились легкости, съ которою ходитъ конная артиллерія. Имъ ни разу не пришлось намъ помочь.

— Вотъ ужъ пѣшей антиллеріи здѣсь безъ насъ не пройти, говорилъ литовецъ, указывая на крутой подъемъ.

— Тутъ для нея цѣлой ротой пришлось бы навалить, острилъ другой.

На каждомъ шагу мы встрѣчали убитыхъ, или умершихъ турокъ, по большей части съ отмороженными ногами. То были слѣды быстраго отступленія.

— Вишь братъ, какъ турко-то здорово ноги отморозилъ, по самыя колѣна, даже кожа спала, говорилъ, остановившійся надъ турецкимъ трупомъ солдатъ.

— Да, здорово. Точно ноги кто ему ножомъ обстругалъ. Небось, не привычно было на морозахъ-то стражаться! А народъ какой красивый, статный, здоровый, просто любо смотрѣть-то.

И правда, турки, пока молоды, замѣчательно хороши собою.

Въ деревнѣ Банѣ жители-болгары встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями и выносили вино, табамъ и хлѣбъ солдатамъ. Свѣжее воспоминаніе о только-что вчера ушедшихъ отсюда турокъ, смѣнилось неподдѣльною радостью при видѣ русскихъ братушекъ. Уже вечерѣло, когда мы пришли въ деревню Бутово, гдѣ мой взводъ ожидалъ 3-й эскадронъ лейбъ-драгунскаго полка, для сопровожденія его далѣе на Попенцы, гдѣ стояла вся наша бригада. Но за темнотою и усталостью лошадей нечего было и думать о ночномъ движеніи. Такимъ образомъ новый годъ пришлось встрѣтить въ деревнѣ Бутово. Какъ ни устали мы въ этотъ день, но до 12-ти часовъ ночи досидѣли и встрѣтили новый годъ по русскому обычаю. Хорошенькая хозяйка, болгарка, хотя 14-ти-лѣтняя, но уже замужняя, всѣми силами старалась угодить намъ и угощала всѣмъ, чѣмъ только могла. Она жаловалась на скудное угощеніе, благодаря туркамъ, рота которыхъ, два дня назадъ, ночевала у нея на дворѣ и поѣла все, что только махомеданскій законъ дозволяетъ.

Сегодня, чуть свѣтъ, мы выступили на Попенцы. Дорога была довольно ровная, хотя гололедистая. По вчерашнему трупы турокъ пестрили дорогу. Подходя къ Попенцамъ, мы увидали нашу бригаду, которая вытягивалась ужъ изъ деревни. Мы пошли съ нею на Кепекли. Въ Попенцы привели двухъ плѣнныхъ артиллерійскихъ офицеровъ, удивлявшихся, что ихъ правительство не заключаетъ мира, когда у нихъ нѣтъ средствъ остановить наше быстрое наступленіе.

Пройдя до деревни Кепекли и взобравшись на безконечно длинную, крутую, но за то послѣднюю гору, мы увидѣли огромную долину рѣки Марицы, безъ единаго холмика, распростертую передъ нами.

— Слава Богу, говорили всѣ:—наконецъ-то, выбрались изъ проклятыхъ горъ!

Намъ казалось, что чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ гостепріимнѣе становятся болгары: хлѣбъ, вино, куски сала, яйца и т. д., все выносилось намъ безвозмездно на встрѣчу. Перепуганные турками болгары, съ которыми разбитый непріятель менѣе церемонился чѣмъ когда-либо, увидѣвъ силу, пришедшую ихъ защищать, не знали, какъ намъ выразить свою благодарность. Даже женщины и дѣти, впервые въ жизни видѣвшія русское войско, безбоязненно подбѣгали къ намъ, крестясь, и приговаривая: „да живетъ царь Александръ! да живетъ нашъ и царь руссъ!“.

Назначеніе нашей бригады (лейбъ-гвардіи Драгунскій, лейбъ-гвардіи Гусарскій полки и два орудія 5-й гвардейской конной батареи), по выходѣ въ долину Марицы, состояло въ очищеніи отъ непріятеля мѣстности сѣвернѣе Татаръ-Базарджика и Филиппополя. Потомъ, намъ приказано было выйти на шоссе, идущее отъ Карлова на Филиппополь, и войти въ связь съ отрядомъ генерала Карцова.

Придя въ слѣдующую деревню Куруквей, нашъ авангардъ былъ встрѣченъ выстрѣлами. Выбѣжавшіе на встрѣчу болгары сообщили, что въ деревнѣ есть турецкіе „аскеры“. Спѣшили нѣсколько гусаръ и драгунъ, которые и побѣжали въ сторону выстрѣловъ. Конные-же люди были посланы оцѣпить деревню, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не могъбы уйти.

Нѣсколько фанатиковъ турокъ засѣли въ одинъ домъ и не сдавались, стрѣляя изъ оконъ. Домъ окружили солдаты и болгары. Попытка войти въ домъ стоила смерти одного гусара, убитаго наповалъ, и одного раненаго.

Болгаринъ, хозяинъ дома, желавшій помочь нашимъ солдатамъ и сунувшійся въ свой домъ, также былъ убитъ наповалъ. Тогда рѣшили поджечь домъ, что и заставило турокъ выйти оттуда. Ихъ всего было тамъ четверо. Двоихъ изъ нихъ убили, двоихъ взяли въ плѣнъ. Одинъ изъ плѣнныхъ былъ исколотъ молодымъ болгариномъ, сыномъ убитаго хозяина дома, нанесшимъ ему, въ пылу мести, его же ружейнымъ штыкомъ, до 20-ти ранъ; одинъ солдатъ, изъ жалости, видя мученія турка, положилъ его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ револьвера въ упоръ, въ високъ.

Другой плѣнный оказался турецкимъ цыганомъ. Это племя знаменито въ Турціи своимъ вѣроломствомъ, звѣрствомъ и продажностью. Всѣ палачи въ Турціи изъ цыганъ. Плѣнный цыганъ началъ креститься лѣвою рукою и, предполагая, что его сейчасъ же убьютъ, показывалъ знаками, что желаетъ принять христіанскую вѣру.

Переловивъ остальныхъ турокъ, бригада расположилась въ этой деревнѣ на ночлегъ. Какъ ни было досадно терять людей на такихъ, какъ эти пустякахъ, но дѣлать нечего—на то война.

2-го Января, понедѣльникъ.

Сегодня-же, къ несчастью, въ слѣдующей-же деревнѣ, лейбъ-гусарамъ потерять болѣе, чѣмъ вчера. Когда подходили къ деревнѣ Строево, лежащей всего въ полуверстѣ отъ карловскаго шоссе и въ трехъ верстахъ отъ Филиппополя, такъ что весь городъ былъ уже ясно видѣнъ, къ намъ прибѣжали болгары, извѣщая, что турецкій обозъ, подъ прикрытіемъ пѣхотной части, выходитъ изъ деревни. Тотчасъ-же эскадронъ гусаръ и эскадронъ драгунъ, на рысяхъ, посланы въ деревню; бригада-же, чтобъ не подвергнуться въ деревнѣ нечаянному нападенію, стала обходить ее съ сѣвера. Одинъ турокъ желалъ незамѣтно пробраться изъ деревни, но былъ во-время замѣченъ гусарами. Тотчасъ же одинъ гусаръ поскакалъ въ карьеръ къ нему и уже замахнулся на него саблею; турокъ, одновременно съ ударомъ, наносимымъ ему гусаромъ, выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ револьвера. Турокъ палъ мертвымъ съ разможженною головою, у гусара же оказалась только обожженная и прорванная пулею венгерка. Этотъ интересный случай еще разъ доказалъ, что судьба въ жизни человѣка на войнѣ играетъ первую роль.

Пока происходилъ этотъ случай, за которымъ вся бригада слѣдила съ напряженнымъ любопытствомъ, по ту сторону деревни шла оживленная перестрѣлка.

Оказалось, что 2-й эскадронъ гусаръ флигель-адъютанта Норда, настигъ выходящій изъ деревни обозъ и остановился, махая платкомъ, замѣнившимъ парламентерскій знакъ, чтобъ вступить съ ними въ переговоры и предложить имъ сдаться. Турки же не желали обратить вниманіе на платокъ и открыли огонь по эскадрону. Тогда ротмистръ Нордъ, чтобъ даромъ не терять людей, стоя на мѣстѣ, на близкомъ разстояніи отъ непріятеля, повелъ свой эскадронъ въ атаку. Это было настоящее лихое, кавалерійское дѣльце. Гусары, не смотря на огонь изъ подъ каруцъ въ упоръ, причемъ стрѣляли и женщины, съ саблями на голо, не вынимая револьверовъ, въ нѣсколько секундъ проскакали весь обозъ, оставляя за собою однихъ смертельно раненыхъ и убитыхъ. Эта молодецкая и внезапная для турокъ атака стоила намъ троихъ убитыхъ, въ томъ числѣ вахмистра, и восьми человѣкъ раненыхъ. Ни одинъ турокъ не избѣжалъ смерти. Турецкихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ болѣе ста.

Обошедшая кругомъ деревни бригада прошла мимо этого обоза, видъ котораго послѣ атаки былъ очень непривлекателенъ; конвульсивная смерть нѣкоторыхъ, еще жившихъ, плачъ женщинъ и крикъ дѣтей въ каруцахъ производили тяжелое впечатлѣніе.

Но это дурное впечатлѣніе быстро проходило, когда мы проѣзжали мимо трупа своего солдата, наповалъ въ грудь убитаго пулею: еще свѣ-

жая кровь сочилась изъ благородной груди и улыбка осталась на лицѣ храбраго. Не звѣремъ отошелъ на тотъ свѣтъ этотъ герой, а съ сознаніемъ, что онъ честно исполнилъ свой долгъ: правъ онъ передъ людьми и передъ Богомъ!

— Отдайте мой егорьевскій крестъ женѣ..., говорилъ умирающій вахмистръ врачу, отъ раны въ упоръ, въ грудь, и это были его предсмертныя слова: онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Не хотѣлось ему разстаться съ жизнью, не завѣщавъ семьѣ знакъ своей храбрости, заслуженной еще подъ Телишемъ, не хотѣлось ему, чтобъ его поминали иначе, какъ храбрымъ!

Тѣ же самые люди, которые только что мечомъ прошли весь этотъ обозъ, теперь, съ чисто женскою предусмотрительностью, отъискивали оставшихся дѣтей сиротъ, брали ихъ себѣ на руки и отвозили въ деревню, строго наказывая болгарамъ хорошо съ ними обращаться. Пусть судитъ безпристрастный человѣкъ: кто заслуживаетъ болѣе сочувствія—побѣжденный или побѣдитель?

— Куда же ты везешъ турченка? спрашивалъ я лейбъ-гусара, ѣдущаго въ деревню съ ребенкомъ на рукахъ.

— Болгарамъ отдамъ, ваше благородіе. Накажу имъ, чтобы сиротку не забижали, да въ русскую вѣру бы его окрестили.

— Молодчина, проговорилъ я ему вслѣдъ.

Малая война, которую приходится вести нашей кавалеріи за Балканами, незамѣтно вырывала, ежедневно, нѣсколько человѣкъ изъ строя. Если сосчитать всѣ жертвы этой малой войны, то окажется, что полки потеряли менѣе за всю кампанію въ серьезныхъ дѣлахъ, чѣмъ во время забалканскихъ налетовъ.

Только что мы прошли кровавое мѣсто погибшаго обоза, какъ по карловскому шоссе сталъ вытягиваться длинный рядъ повозокъ, выходящій изъ деревни Чуперликьей и направляющійся къ Филиппополю. Вскорѣ оказалось, что это мирные турки; на встрѣчу нашему разъѣзду, посланному предложить имъ выдать оружіе, выѣхалъ на маленькой лошадкѣ толстобрюхій турокъ въ бѣлой чалмѣ, мулла переселяющагося селенія.

Имъ предложено было вернуться назадъ и продолжать мирно заниматься своими дѣлами. Постоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, турки повернули назадъ свои каруцы, мы же вышли на шоссе и пошли прямо къ Филиппополю. Нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ показались со стороны города, что заставило вызвать нашихъ наѣздниковъ впередъ, съ появленіемъ которыхъ, турецкая кавалерія открыла по нашимъ огонь, все болѣе напирая на нихъ. Тогда, командиръ лейбъ-драгунскаго полка, полковникъ Ковалевскій, для поддержки наѣздниковъ, велѣлъ мнѣ открыть огонь по кучькѣ людей, стоявшихъ на шоссе и составляющихъ какъ бы поддержку непріятельской цѣпи.

*

Турки, повидимому, не ожидали присутствія нашей артиллеріи; первая же граната, разорвавшаяся у нихъ передъ носомъ, такъ ошеломила ихъ, что они бросились во всю прыть назадъ. Цѣпь стала также подаваться назадъ; наши наѣздники стали, въ свою очередь, напирать на турокъ. Вторая граната, пущенная по отступающимъ, заставила окончательно ихъ скрыться, и мы стали безпрепятственно подходить къ Филиппополю.

Видъ этого болгарскаго города производилъ на насъ отрадное впечатлѣніе. Съ самаго начала войны, это былъ первый хорошій и большой городъ, который намъ представился. Посреди него поднималась отдѣльная гора, имѣющая видъ цитадели; на ней были видны какія-то укрѣпленія. Городъ раскинулся очень широко, и видно было, что въ немъ есть много большихъ и хорошихъ зданій. Мы разсчитывали въ немъ хотя немного отдохнуть и запастись всѣмъ необходимымъ, особенно сахаромъ и свѣчами. Не имѣя сахара, мы лишились послѣдней отрады нашей походной жизни, единственной нашей горячей пищи—чая.

Но, главное, намъ необходимо было подковать лошадей. Запасы подковъ, взятые изъ Россіи, въ полкахъ, вслѣдствіе огромнаго ихъ расхода, совсѣмъ истощились. Неподкованныя лошади, дѣлая безустанно большіе переходы, то по камнямъ и гололедицѣ, то по грязной почвѣ, стирали копыта, подбивались, и ихъ приходилось, за невозможностью вести за собою, бросать. Такое безвыходное положеніе лошадей уменьшило нѣкоторые полки на половину. Филиппополь и представлялъ намъ возможность поддержать ежедневно тающій составъ лошадей, хотя не надолго, такъ какъ и во всей Турціи, въ немъ можно было найти однѣ только турецкія подковы и турецкіе гвозди, которые долго не держали ковку и очень быстро отрывались и обламывали, вмѣстѣ съ тѣмъ, копыто. Слѣдовательно, для полной поправки бѣды, нужно было время, чтобъ наши кузнецы могли сами приготовить русскіе гвозди и подковы. Продолжительной же стоянки нигдѣ не предвидѣлось, да, сверхъ того, нужно было идти далѣе, такъ какъ „турецкая комисія", какъ ее звали солдаты, поѣхала заключать въ главную квартиру перемиріе. Мы же понимали, что чѣмъ дальше мы пройдемъ, тѣмъ почетнѣе будетъ заключенъ миръ.

Все подвигаясь ближе и ближе къ городу, мы увидѣли нѣсколько турецкихъ батальоновъ выходящихъ изъ Филиппополя и выстраивающихся противъ нашего лѣваго фланга. Вскорѣ врылось въ землю нѣсколько турецкихъ гранатъ, пущенныхъ съ батареи цитадели города. Не будучи въ состояніи нанести имъ какой нибудь вредъ, такъ какъ глубокій снѣгъ, на полъ аршина лежащій на поляхъ, мѣшалъ подвижности кавалеріи и угрожаемые обходомъ непріятеля, мы сошли съ шоссе и двинулись полемъ, вправо отъ него. Турецкія гранаты продолжали насъ провожать;

мы же стали фронтомъ къ турецкой пѣхотѣ, которая завязала живую перестрѣлку съ присоединившимся къ намъ дивизіономъ донскихъ казаковъ и наступала. Видя, что мы даромъ, безъ всякой пользы, можемъ потерять людей, не нанося вреда непріятелю, бригада стала отходить назадъ къ ближайшей деревнѣ Мрзянъ, безъ дороги, полемъ, глубокимъ снѣгомъ.

Тутъ къ намъ подъѣхалъ гродненскій гусарскій разъѣздъ, сообщившій, что Татарбазарджикъ взятъ, три табора турокъ сдались въ плѣнъ и что генералъ Гурко идетъ на Филиппополь.

Ночевали мы въ Мрзянѣ, всего въ трехъ верстахъ отъ города. Ночь мы провели не совершенно спокойно. Посты приняли, неожиданно откуда-то прибывшихъ, казаковъ за черкесъ и подняли тревогу. Вскорѣ ошибка разъяснилась.

3-го Января, вторникъ.

Наши драгунскіе разъѣзды съ ротмистромъ кирасирскаго полка Лосевымъ, ночью, проникли въ Филиппополь. Они заняли болгарскую часть города, въ турецкой же еще держался непріятель.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о томъ, что турки бросаютъ городъ, гвардейской кавалеріи было предписано идти на Филиппополь. Въ восемь часовъ утра наша бригада двинулась изъ Мрзяка. Подходя къ городу, первое что мы увидѣли—пожаръ. То горѣлъ мостъ на рѣкѣ Марицѣ, зажженный турками. Это значительно усложняло занятіе турецкой части города, лежащей по ту сторону рѣки. Другаго моста нигдѣ не было. Тогда драгунскимъ разъѣздомъ, находившимся въ городѣ и перестрѣливавшимся съ турками чрезъ Марицу на очень близкую дистанцію, были посланы охотники изъ гусаръ. Когда же наша бригада подошла къ городу, насъ снова осыпали гранатами съ занятой еще турками цитадели. Одновременно съ этимъ, вправо, слышна была сильная артиллерійская канонада по дорогѣ изъ Базарджика и Филиппополя—то наступалъ генералъ Гурко съ главными силами. Вскорѣ показалась по тому же шоссе колонна нашей пѣхоты, которая стала подходить къ городу и входить въ него. Оберегая лѣвый флангъ нашего отряда, простояли мы весь день подъ Филиппополемъ. Только въ 12 часовъ ночи мы получили приказаніе войти въ городъ и переночевать въ немъ.

Съ восторгомъ вошли мы въ него, разсчитывая хоть день, да отдохнуть и привести себя въ порядокъ. Долго стучались мы въ крѣпко запертыя ворота какого-то дома и никто не отворялъ ихъ намъ. Наконецъ, какая-то старуха отворила ихъ и умоляла не становиться у нея, такъ какъ у нея безъ того домъ полонъ народомъ. Меня это начало сердить. Уже былъ часъ ночи, а мы не могли никакъ успокоиться, благодаря нелюбезности болгаръ. Я не повѣрилъ старухѣ и пошелъ самъ въ ея домъ

убѣдиться въ справедливости ея словъ. И дѣйствительно, всѣ комнаты были набиты спящими болгарами, вѣроятно сбѣжавшимися изъ окрестностей. Перепуганные, они притворились всѣ спящими и никто изъ нихъ даже голову не поднялъ при нашемъ появленіи. Старуха указала намъ сосѣдній пустой домъ, гдѣ мы и переночевали.

Такимъ образомъ мы ночевали съ непріятелемъ въ одномъ и томъ же городѣ: турки въ турецкой, а мы въ болгарской части. Насъ раздѣляла только р. Марица.

4-го Января, среда.

Еще было темно, когда насъ подняли и двинули на переправу ниже по рѣкѣ, верстъ за пять, гдѣ кавалерія стала перевозить въ бродъ черезъ Марицу 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію. Къ переправѣ прибыла и сводная драгунская бригада.

Подшучивая надъ пѣхотинцомъ, сажалъ его себѣ на лошадь кавалеристъ, и эта парочка переѣзжала на другую сторону рѣки.

— Ну, крупа, садись братецъ! говорилъ гусаръ.

— Что же братецъ, вы всю войну верхомъ катаетесь, а сегодня и намъ пришлось немного побаловаться.

Къ часу дня пѣхота была перевезена, и мы вышли на адріанопольское шоссе, по которому и пошли далѣе. Съ грустью оглядывались мы назадъ и смотрѣли на скрывающійся Филиппополь, припоминая поговорку: по устамъ текло, а въ ротъ не попало. Сзади же насъ, тамъ гдѣ-то, далеко, шло сраженіе. Грохотъ десятковъ орудій доносился до насъ и раскатывался въ Родопскихъ горахъ. Кавалерія тѣмъ и хороша, что для нея даже находящійся въ тылу непріятель—неопасенъ.

Гвардейская кавалерія получила приказаніе идти къ Адріанополю, чтобъ развѣдать о непріятелѣ, преслѣдовать его, если онъ отступаетъ, и стать завѣсою передъ нимъ на случай его наступленія.

Хотя шоссе изъ Филиппополя въ Адріанополь принадлежитъ къ лучшимъ, по исправному содержанію, дорогамъ въ Турціи, но наступившая гололедица сильно затрудняла движеніе кавалеріи. Жаль было смотрѣть на бѣдныхъ, скользящихъ лошадей, болѣзненно ступавшихъ и съ усиліемъ удерживавшихся на скользкой дорогѣ: копыта все болѣе обрывались и стирались. Помочь горю не было возможности: приходилось бросать по дорогѣ бѣдныхъ животныхъ. Прошедши нѣсколько верстъ, мы напали на страшные слѣды бѣгства мусульманскаго населенія. Всѣ мирные турки, жители Болгаріи, столпились со своими семьями и скарбомъ по этому шоссе. Съ нашимъ внезапнымъ переходомъ черезъ Балканы и съ быстрымъ наступленіемъ, всѣ эти тысячи несчастныхъ, ничѣмъ неповинныхъ людей, получивъ приказаніе отъ Сулеймана-паши спасаться, такъ какъ русскіе ихъ не пощадятъ, бросились бѣжать въ Адріанополь

и Константинополь. Слѣды ихъ быстраго бѣгства были, въ самомъ дѣлѣ, ужасны: трупы стариковъ и брошенныхъ грудныхъ младенцевъ, массы павшаго скота, поломанныя каруцы, разбросанная домашняя утварь и разсыпанное зерно, свидѣтельствовали о томъ ужасѣ, который охватилъ ихъ при нашемъ приближеніи. Но поразительнѣе всего было количество павшаго и издыхающаго отъ голода и холода скота. Мѣстами поля были усѣяны ими, а шоссе дѣлалось окончательно непроѣзднымъ и приходилось объѣзжать кругомъ эти груды падали. Такая масса скота объясняется тѣмъ, что турки и сами по себѣ богаты скотомъ, да, сверхъ того, они забирали и угоняли съ собою попадавшіяся имъ на пути болгарскія стада. Несчастный, обезсилѣвшій быкъ поскользнулся, упалъ и, какъ ни выбивался изъ силъ, не могъ встать. Тогда, отъ его же животной теплоты, ледъ подъ нимъ начиналъ подтаивать, и онъ издыхалъ, трясясь всѣмъ тѣломъ въ лихорадкѣ, отъ голодной смерти. Понятное дѣло, что эта масса павшаго скота, который убрать и зарыть не было физической возможности, съ наступленіемъ теплоты заразитъ весь воздухъ и послужитъ источникомъ многихъ эпидемій.

Намъ также часто попадались больные, а можетъ быть притворяющіеся, турецкіе солдаты, еле плетущіеся съ ружьемъ и ранцемъ. На нихъ необращали вниманія и ихъ даже не обезоруживали. Это ихъ не мало удивляло. Они никакъ не могли ожидать, что при встрѣчѣ съ русскими ихъ не только что не убьютъ, но даже ружья не отымутъ.

Кто знаетъ, мы можемъ за такую безпечность со временемъ сильно раскаяться.

Уже темно, ночью, перешли мы полотно желѣзной дороги и остановились, казалось, въ совершенно брошенной деревушкѣ, названіе которой осталось для насъ тайною. Занявъ, по указанію, моимъ взводомъ два двора, я съ деньщикомъ отправился въ первый попавшійся домъ, чтобъ выбрать себѣ ночлегъ. Мой деньщикъ Коваленко, хохолъ Екатеринославской губерніи, шелъ впереди меня, отворилъ двери дома и вдругъ остановился, пораженный чѣмъ-то. Я шелъ недалеко за нимъ и слышу:

— Вы, что такіе за человѣки? спрашиваетъ кого-то Коваленко.

Въ отвѣтъ на это четыре турка, сидѣвшіе у огня, вскакиваютъ и бросаются къ углу избы, гдѣ стояли ихъ ружья. Коваленко въ одинъ мигъ сообразилъ все и, какъ съумасшедшій бросился также къ этимъ ружьямъ, успѣлъ схватить ихъ раньше турокъ въ охапку и началъ отбиваться отъ нихъ. Въ этотъ моментъ я входилъ въ дверь и увидавъ эту борьбу, обнажилъ саблю и замахнулся на одного, но другой ударилъ меня такъ сильно въ грудь, что я отлетѣлъ въ уголъ избы. Мои солдаты, бывшіе на дворѣ, прибѣжали на шумъ и турки закричали „аманъ“. Турокъ связали. Кромѣ 48-ми патроновъ въ патронташахъ, подъ курткой

у нихъ мы нашли кожанные футляры, огибающіе спину и грудь и надѣтые черезъ плечо, сплошь набитые патронами же. Такимъ образомъ, на каждомъ изъ нихъ было до 200 патроновъ. Они оказались дезертирами изъ Сулеймановской арміи и никакъ не ожидали, что русскіе такъ скоро настигнутъ ихъ. Мы свалились на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Не найдись Коваленко, мы оба-бы были неминуемо убиты. Несмотря на это происшествіе сильно утомленные, мы заснули, какъ убитые, иногда будимые какими-то выстрѣлами въ деревнѣ.

5-го Января, четвергъ.

Утромъ оказалось, что деревня не была совершенно пуста и что въ ней ночевали десятка два бѣглыхъ турецкихъ солдатъ, спрятавшіеся отъ насъ. Они, конечно, были всѣ переловлены. Примѣромъ непонятной дерзости этихъ дезертировъ, служитъ слѣдуюшій фактъ:

Трехъ изъ пойманныхъ турокъ, утромъ, когда вся уже бригада была готова къ выступленію, приводятъ къ бригадному командиру. Хата его стояла на краю деревни, и кучки офицеровъ и солдатъ толпились, ожидая приказаній. Я былъ тутъ же. Три драгуна выводятъ допрошенныхъ турокъ отъ бригаднаго командира и ведутъ въ сосѣдній домъ, отведенный для ихъ заключенія. Не успѣли они сдѣлать и 20-ти шаговъ, какъ плѣнные турки, со всѣхъ ногъ, на глазахъ насъ всѣхъ, пускаются бѣжать. Понятно, они тотчасъ же были настигнуты и изрублены.

Чѣмъ объяснить себѣ это пренебреженіе къ жизни, тѣмъ болѣе, что это были дезертиры и, слѣдовательно, не большіе охотники жертвовать своею жизнью на пользу отечества? Здѣсь же они погибли совершенно даромъ. Такіе необъяснимые факты, характеризующіе мусульманъ, случались сплошь и рядомъ. Двѣнадцать человѣкъ турокъ были переловлены за эту ночь въ этой деревнѣ и сданы болгарамъ для препровожденія ихъ въ Филиппополь.

Получено официальное извѣстіе о взятіи Филиппополя. У турокъ захвачено много орудій. Но позади насъ, какъ будто въ горахъ, слышна еще сегодня страшная канонада. Мы шли на Папазлы и Дербентъ, откуда приходилось выбивать турокъ, стрѣлявшихъ по насъ. Многіе изъ нихъ переловлены, что не помѣшало однако же имъ ночью стрѣлять.

6-го Января, пятница.

Изъ Дербента мы выступили въ 9 часовъ утра. Мы шли по шоссе до деревни Каялы, гдѣ дѣлали привалъ. Дорога все также усѣяна брошенными каруцами и павшимъ скотомъ. Деревни всѣ раззорены и сожжены.

Чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ чаще стали встрѣчать бивуаки бѣгу-

щихъ турокъ-жителей съ приставшими къ нимъ „аскерами“. Не доходя деревни Куручешмы, мы шли версты три непрерывною площадью повозокъ, вплотную стоявшихъ вмѣстѣ, по большей части пустыхъ, съ разбросаннымъ скарбомъ. Только изъ нѣкоторыхъ выглядывали испуганныя лица женщинъ и стариковъ. Вошедши въ деревню Куручешмы, гдѣ бѣжавшихъ турокъ было особенно много и между ними нахально разгуливали приставшіе къ нимъ солдаты, вооруженные ружьями Пибоди, мы въ ней остановились, такъ какъ было бы неблагоразумно оставлять у себя въ тылу такую массу вооруженныхъ людей. Приказано было вызвать старѣйшинъ и объявить имъ, чтобъ турки сейчасъ же снесли все оружіе, въ противномъ случаѣ съ ними будетъ строго поступлено. Нехотя, лѣниво стали сносить они ружья; у солдатъ приходилось отбирать ихъ почти силою. Несмотря на угрозы, турки снесли самое ничтожное число ружей. Ничего болѣе не оставалось, какъ обыскать всѣ каруцы. Почти изъ каждой каруцы вытягивали мы ружья, пистолеты и ятаганы. Такимъ образомъ, наши угрозы ни къ чему не привели, да турки вообще и не боятся нашихъ угрозъ, несмотря на присутствіе въ деревнѣ цѣлой дивизіи съ артиллеріей.

Разстрѣляй мы двухъ или трехъ за дерзкое неповиновеніе, и оружіе было бы моментально сложено; но этого не было сдѣлано, и мы тотчасъ же увидѣли плоды нашей гуманности, потому что раздалось нѣсколько выстрѣловъ въ деревнѣ и прибѣжалъ раненый деньщикъ, сообщившій, что въ него изъ одного дома стрѣляли.

— Неужели же придется опять этихъ негодяевъ выбивать изъ дома и опять терять непроизводительно изъ за нихъ людей? задавалъ я себѣ этотъ вопросъ.

Но опытъ научаетъ всему. Правда, спѣшенные гусары окружили домъ, но имъ не велѣно было приближаться къ окошкамъ, чтобъ не подвергать даромъ свою жизнь опасности, а человѣкъ 20 турокъ, изъ самыхъ почтенныхъ, были посланы уговорить этихъ фанатиковъ выйти изъ дома. Въ случаѣ неудачи вызвать ихъ оттуда, старшинамъ опять пригрозили разстрѣляніемъ. Въ пестрыхъ костюмахъ, въ бѣлыхъ чалмахъ, двинулась, боязливо подходя къ дому, эта депутація, подгоняемая сзади гусарами, дошла до дверей, остановилась и начала въ одинъ голосъ что-то галдѣть по турецки. Отвѣта изъ дома не послѣдовало. Тогда двое турокъ рѣшились войти въ домъ, и оба, еще въ дверяхъ, были ранены своими же. Съ отчаяніемъ отхлынули турки отъ дома, проклиная своихъ же собратій, которые могли быть виновниками смерти безвинныхъ людей. Обозленные мусульмане быстро нанесли хвороста и сѣна и зажгли домъ, чтобъ выкурить ихъ оттуда. По правдѣ сказать, странно было видѣть турокъ, поджигающихъ домъ, въ которомъ сидятъ ихъ же собратья!

Но сырой глиняный домъ долго не загорался; къ тому же, получено было донесеніе изъ авангарда, что его тѣснитъ наступающая турецкая пѣхота, и явственно слышалась ружейная перестрѣлка. Времени терять было нечего, и приказано было одному орудію выѣхать противъ дома и открыть по немъ огонь. Гранаты дѣлали въ тонкой стѣнкѣ дома пробоины и разрывались внутри его, выбрасывая изъ трубы огонь съ сильнымъ дымомъ. Я ужъ выпустилъ три гранаты, стоя съ орудіемъ всего въ 50-ти саженяхъ отъ дома, но выстрѣлы изъ дому не прекращались, а напротивъ усиливались. Пули такъ и щелкали по желѣзному лафету орудія, но прислуга продолжала молодцами дѣлать свое дѣло. Тогда я догадался навести орудіе въ точку ниже оконъ, куда они, вѣроятно, выжидая нашу гранату, присядаютъ. Моя догадка оказалась справедливою: трое тотчасъ же послѣ этого выстрѣла, выбѣжали изъ дому и тутъ же были убиты гусарами. Внутри же дома лежалъ распростертый на полу, вооруженный съ ногъ до головы, въ сажень роста, весь въ брызгахъ крови, турокъ. Ихъ, слѣдовательно, было всего четверо, а кутерьмы вышло на цѣлый часъ! Но все таки несравненно выгоднѣе было пожертвовать пятью гранатами для такого дѣла, чѣмъ жизнью даже одного человѣка.

Покончивъ съ фанатиками, насъ двинули далѣе къ авангарду, гдѣ ужъ слышались орудійные выстрѣлы. Когда мы подошли, дѣло было уже кончено. Оказалось, что лейбъ-драгуны шли мирно по шоссе мимо обоза, поровнявшись съ которымъ они были осыпаны градомъ пуль. Тотчасъ же съ горы показалась пѣхотная непріятельская цѣпь, которая стала наступать. Прибытіе лейбъ-гвардіи Донской батареи съ 1-ю бригадою и нѣсколько удачно пущенныхъ гранатъ заставили пѣхоту отступить. Потери сегодня заключаются у насъ въ одномъ убитомъ казакѣ, раненомъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка капитанѣ Аквердовѣ и десяти раненыхъ нижнихъ чиновъ. Отрядъ нашъ было пошелъ далѣе на деревню Семиджу, но оттуда вернулся, такъ какъ эта деревня была вся сожжена и раззорена, а потому неудобна для ночлега. Свернувъ съ шоссе, мы расположились въ деревнѣ Каснакъ, знаменитой отличнымъ сортомъ табачныхъ плантацій. Вмѣсто денежныхъ податей эта деревня доставляла ко двору султана ежегодную партію табаку.

7-го Января, суббота.

Изъ Каснака мы выступили на Хаскіой въ 11 часовъ утра. Всѣ тѣ же брошенные каруцы, болгарскіе и турецкіе трупы свидѣтельствовали объ ужасахъ, происходившихъ здѣсь. Турки-бѣглецы въ ужасномъ положеніи, они не знаютъ: что имъ дѣлать? Вернутся домой они не рѣшаются, боясь мести болгаръ.

Подходитъ группа турокъ, спрашиваютъ:

— Куда намъ дѣться съ семействами? У насъ ужъ хлѣба нѣтъ; конца же нашимъ страданіямъ не предвидится.

— Хайда на Филиппэ на свои коста, стараешься имъ пояснить.

— Іокъ, отвѣчаютъ они, болгаре рѣжутъ насъ...

Было три часа дня, когда мы подходили къ городу Хаскіою. Передъ входомъ въ городъ колона наша остановилась и послѣдовала команда „шапки долой"; болгарское духовенство съ хоругвями и иконами вышло намъ на встрѣчу. За духовенствомъ шло все населеніе города. Болгары подходили, безразлично, ко всѣмъ, протягивая руки и ловя наши, чтобъ запечатлѣть ихъ своими поцѣлуями. Всюду слышалось: „добре́ до́шелъ, ка̀ко живе́те, да живетъ нашъ царь Александръ! Вступленіе въ городъ было самое отрадное: чувствовалось, что не даромъ мы пришли за нѣсколько верстъ и что мы этимъ сдѣлали доброе, хорошее дѣло! Городъ Хаскіой, по преимуществу, населенъ болгарами; турокъ тамъ не оказалось—они всѣ бѣжали. Болгары здѣсь какіе-то особенные. Они чрезвычайно живы, дѣятельны, болѣе развиты, чѣмъ гдѣ либо.

Драгуны съ моимъ взводомъ расположили на краю города, по дорогѣ на Херманлы, Конно-Гренадеръ и Донскую батарею по дорогѣ на Станимакъ, гусаръ и уланъ въ самомъ городѣ. О генералѣ Скобелевѣ, идущемъ изъ Казанлыка на Хаскіой, еще ничего не было слышно. Но только что мы расположились на квартиры и, благодаря услугамъ болгаръ, разжились кое-чѣмъ, какъ приходитъ командиръ полка полковникъ Ковалевскій и приказываетъ сѣдлать, такъ какъ получено донесеніе, что турецкая пѣхота изъ Хорманлы идетъ на городъ. Мы живо осѣдлали и изготовились встрѣтить непріятеля, какъ приходитъ другое донесеніе, что идетъ на Хаскіой не турецкая, а русская пѣхота и именно отрядъ генерала Скобелева 2-го. Бригада 16-й дивизіи (Углицкій и Казанскій полки) и 4-я стрѣлковая бригада и самъ Скобелевъ прибыли въ Хаскіой. Тутъ же вскорѣ пришло извѣстіе, что подъ Станимакомъ генералъ Гурко разбилъ турокъ на голову, причемъ взялъ болѣе 40 орудій. Такимъ образомъ, до самаго Константинополя мы не встрѣтимъ ни одну непріятельскую армію.

9-го Января, понедѣльникъ.

Вчерашняя дневка намъ была болѣе чѣмъ необходима. Одиннадцать дней шли мы непрерывно, дѣлая среднимъ числомъ до 30-ти верстъ въ сутки, несмотря на гололедицу и задержки, встрѣчаемыя въ каждомъ селеніи обманутыми Сулейманомъ-пашою турками. Мирные турки, видя, что мы воюемъ не съ народомъ, а съ войскомъ и покорныхъ уговариваемъ возвратиться домой и продолжать заниматься своими дѣлами, сыпали проклятія на обманувшаго ихъ Сулеймана-пашу. Мы немного отдохнули и запаслись всѣмъ необходимымъ въ городѣ,

кромѣ подковъ и гвоздей. Въ Хаскіоѣ пронесся слухъ, что уже вторая турецкая депутація проѣхала изъ Константинополя къ Великому Князю и что она вполнѣ уполномочена заключить миръ.

До Адріанополя, въ которомъ, по словамъ болгаръ, „има много табія (укрѣпленій) и топъ (пушекъ)", гдѣ мы ждемъ встрѣтить серьезное сопротивленіе, намъ осталось всего три перехода.

Сегодня мы тронулись далѣе, обгоняя скобелевскую пѣхоту. Генералъ Скобелевъ, какъ старшій, и начальникъ авангарда всей арміи здоровался съ полками и поздравилъ насъ съ занятіемъ генераломъ Струковымъ Адріанополя. Признаться, это былъ для насъ не маленькій сюрпризъ.

Ночевали мы въ Херманлы.

Такого огромнаго количества брошенныхъ каруцъ, которыя мы видѣли сегодня, нельзя себѣ представить даже и во снѣ. Можно сказать безошибочно, что ихъ было до десяти тысячъ. Генералъ Скобелевъ имѣлъ дѣло съ этимъ обозомъ, что доказывали трупы турокъ, валявшіеся массами вокругъ каруцъ.

11-го Января, среда.

Въ Херманлы желѣзнодорожное сообщеніе одного поѣзда, на которомъ пріѣхали турецкіе уполномоченные, уже открылось до Адріанополя. Генералъ Скобелевъ со штабомъ на тендерѣ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь. Съ музыкой и пѣснями садилась пѣхота въ поѣздъ, не пренебрегая даже крышами вагоновъ. Мы же прошли вчера Мустафа-пашу, гдѣ ночевали и сегодня подошли къ Адріанополю. Передъ въѣздомъ въ городъ нашу колонну остановили: нужно было приготовиться, оправиться и прихорошиться для торжественнаго вступленія во вторую столицу турецкой имперіи. Сегодня вообще офицеры одѣлись, кто имѣлъ, въ свѣжее платье, а теперь пересаживались съ маленькихъ, мѣстныхъ, заведенныхъ для похода лошадей, которыя имѣлись у всякаго и для похода чрезвычайно спокойны, на русскихъ, рослыхъ, красивыхъ.

Наружный видъ Адріанополя, дѣйствительно, великолѣпенъ: громадныя мечети съ куполообразными крышами и высокими минаретами, пестрота восточныхъ построекъ много украшаютъ городъ, раскинувшійся очень широко. Отлично построенныя укрѣпленія окаймляютъ городъ съ нашей стороны, и становилось страннымъ, когда думалось, что турки даже не сдѣлали попытки задержать насъ и отдали городъ даромъ. Навстрѣчу намъ изъ города высыпали массы грековъ, армянъ и евреевъ съ различными товарами и предложеніями. Это ужъ не была радушная встрѣча освобожденнаго народа или любопытство посмотрѣть на побѣдоносныя чужеземныя войска, пришедшія за нѣсколько тысячъ

верстъ и совершившія столько подвиговъ:—одинъ холодный, мелочной, торговый разсчетъ руководилъ ихъ выйти къ намъ навстрѣчу за черту города.

— Братушка, папиросъ! пять галагановъ,—кричалъ уже заучившій эти слова практичный, длинноносый грекъ.

— Какой ты намъ братушка? много васъ братушекъ въ фескахъ-то ходитъ, а отъ турокъ нечѣмъ и отличить-то,—замѣтилъ одинъ солдатъ.

— Тутъ, видно, народъ совсѣмъ другой, ваше благородіе, ужь не болгары? спрашивалъ меня солдатъ.

— Какіе тутъ болгары? Развѣ не видишь: греки да жиды. Болгарію ужъ мы прошли, а тутъ пошла ужъ чисто турецкая провинція.

— Точно такъ-съ; эвона жидъ стоитъ, совсѣмъ нашъ еврей: форма только у нихъ другая!

За этими словами послѣдовала команда „шагомъ маршъ", и мы вошли въ предмѣстье города—рядъ деревянныхъ построекъ съ узкимъ и грязными улицами, ничѣмъ неотличающихся отъ всѣхъ пройденныхъ нами турецкихъ городковъ. Быстрая и шумная Марица раздѣляетъ предмѣстье отъ города; длинный-же, каменный мощеный мостъ, переброшенный чрезъ рѣку, соединяетъ ихъ. Войдя въ улицы самого города, мы были поражены массою турокъ, бродившихъ по нимъ. Съ тупымъ и подавленнымъ выраженіемъ, молча, смотрѣли они на насъ, видимо удивленные внѣшностью русской гвардейской кавалеріи.

Европейская часть города, равно какъ и турецкая, не посылала намъ ни одного привѣтствія. Однѣ женщины толпились у оконъ; улыбка русскаго офицера, увидѣвшаго въ окнѣ хорошенькую головку, заставляла ихъ быстро прятаться. Одинъ старикъ, въ гражданскомъ платьѣ и феской, идя рядомъ съ нами, по болгарски разсказывалъ намъ, что онъ помнитъ, когда русскія войска были, въ 1828 году, въ Адріанополѣ, и закончилъ свою рѣчь, приподнявъ феску, возгласомъ: „да живетъ русскій Царь и его юнаки!" Это было единственное, слышанное нами привѣтствіе. Генералъ Скобелевъ 2-й стоялъ въ воротахъ конака, гдѣ онъ остановился, пропускалъ войска и поздравлялъ ихъ съ занятіемъ второй столицы турецкой имперіи. Лавки, кромѣ кузницъ, были почти всѣ заперты и наши вахмистры, еще проходя городъ, успѣвали воспользоваться ими, законтрактовывая на ходу кузницу для своего эскадрона, причемъ въ ней оставлялся солдатъ, чтобъ ужъ никто не перебивалъ ее. Гвардейскую кавалерію расположили на плацу около кавалерійскихъ казармъ, бивуакомъ, такъ какъ въ казармахъ, которыя были обращены турками въ лазаретъ, воздухъ зараженъ. Съ приходомъ на мѣсто, офицеры тотчасъ-же побрели въ городъ дѣлать закупки и посѣтить гостинницы. Такимъ образомъ еще 13-го декабря мы были въ Орханіи; менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, 11-го января, мы вступили въ Адріанополь.

14-го Января, суббота.

Намъ удалось простоять въ Адріанополѣ всего два дня, которые были употреблены на поправку частей, особенно на ковку. Офицеры, считая скорое окончаніе войны неминуемымъ, дѣлали всевозможныя закупки вещей восточнаго издѣлія, чтобъ привезти нѣкоторыя воспоминанія этой войны на родину. Достопримѣчательности города также посѣщалась ими съ усердіемъ и всякій навѣрно побывалъ въ знаменитой мечети „султана Селима". Но особенно всѣ рвались въ баню, что было крайне необходимо для здоровья.

Городъ ежечасно все болѣе и болѣе оживлялся: магазины всѣ открылись, и толпы всякаго восточнаго народа бродили по главной улицѣ въ перемежку съ нашими офицерами и солдатами. Лишь только офицеръ останавливался у лавки, его сейчасъ-же окружала толпа любопытныхъ: одни саркастически улыбались, удивляясь, какъ съ офицера брались двойныя цѣны, другіе-же съ удивленіемъ смотрѣли на него, покупающаго иногда самыя, по ихъ понятіямъ, непрактичныя вещи. Во время завтраковъ и обѣдовъ всѣ гостинницы были переполнены офицерами, и запоздавшимъ было трудно получить что-нибудь.

Главнымъ мотивомъ разговоровъ были слухи о мирѣ, которые становились все настойчивѣе, и вскорѣ всѣ узнали „изъ достовѣрныхъ источниковъ" условія мира и передавали ихъ другъ другу.

Рядомъ съ этимъ ходилъ слухъ, что для болѣе вящшаго исполненія турками этихъ условій, мы пойдемъ далѣе, къ Константинополю. Объ англійскомъ флотѣ я впервые услыхалъ, наканунѣ выступленія изъ Адріанополя отъ извѣстнаго кореспондента, американца Макъ-Гахана, съ которымъ мнѣ удалось обѣдать. Макъ-Гаханъ прямо утверждалъ, что какъ скоро мы пойдемъ въ Константинополь, Англія тотчасъ же объявитъ намъ войну, и что весь вопросъ заключается въ томъ, кто раньше займетъ его: мы или англичане.

— Торопитесь, говорилъ онъ,—идти въ Константинополь и занять его возможно быстрѣе. Если вы не будете медлить, вы раньше будете тамъ, чѣмъ англичане. А тогда дѣло сдѣлано, пусть-ка Англія возьметъ его у васъ обратно.

Прійдя домой послѣ этого разговора, я уже получилъ диспозицію, по которой весь авангардъ генерала Скобелева, на другой день, утромъ, долженъ былъ выйти изъ Адріанополя и продолжать движеніе на Константинополь. Люлибургасъ ужъ занятъ генераломъ Струковымъ. Нашей 2-й бригадѣ выпало идти на берегъ Мраморнаго моря, въ Родосто. Первая бригада идетъ на Люлибургасъ, 3-я только что прибыла въ Адріанополь. Генералъ Гурко прибылъ сюда вчера.

Сегодня въ 8 часовъ утра мы выступили по Константинопольскому

шоссе изъ Адріанополя. Лишь только мы свернули съ шоссе на проселочную дорогу, ведущую на югъ, къ Мраморному морю, пошелъ сильный, безпрерывный дождь. Глинистая почва дороги размокла на аршинъ, колеса все глубже и глубже всасывались въ почву, лошади едва тянули, съ трудомъ вытаскивая свои ноги изъ глины, наконецъ, стали. Жители помогали бѣднымъ лошадямъ дотянуть орудія до ночлега въ христіанской арнаутской деревушкѣ Залудкьей. Проливной дождь шелъ всю ночь и нечего и мечтать о дальнѣйшемъ движеніи артиллеріи на лошадяхъ.

15-го Января, воскресенье.

За полною невозможностью двинуться на лошадяхъ, рѣшено было взводъ мой запречь волами. Пока пріисканы были волы и сдѣланы были приспособленія для упряжки прошло добрыхъ четыре часа, такъ что мы выступили изъ Залудкьея только въ 12 часовъ дня. Скверно было, еще въ сыромъ отъ вчерашняго ливня платьѣ, выходить снова подъ дождь, но дѣлать нечего. Видно такова наша судьба въ эту кампанію; пришлось испытать всѣ невзгоды природы; неимовѣрную жару, сильные морозы, а теперь пронизывающую до костей сырость.

Дорога была настолько трудна, что три пары громадныхъ черныхъ буйволовъ едва—едва тащили орудіе. Прислуга орудій, вооружившись палками, замѣняла погонщиковъ. Солдатъ сначала очень забавлялъ такой способъ движенія. Но скоро стало не до смѣха, когда имъ пришлось переправляться черезъ ручей, разлившійся на полверсты. Въ одномъ орудіи буйволы, посреди ручья, стали и, несмотря на побои палками, не хотѣли приняться везти его. Положеніе стало еще хуже, когда одинъ изъ уставшихъ буйволовъ легъ въ воду и сломалъ ярмо. Пришлось людямъ лѣзть въ воду и перепрягать буйволовъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ люди, по поясъ въ водѣ, должны были болѣе получаса возиться съ буйволами, пока они не тронулись.

Ужъ становилось темно, когда мы увидѣли желѣзнодорожную станцію Узункепри, до которой намъ возможно было добраться въ бродъ не иначе, какъ перейдя огромную площадь воды, похожую на большое озеро. Дождь продолжалъ безбожно мочить насъ. Признаться, было крайне непріятно вступать въ эту воду, зная, что можно каждую минуту провалиться, вмѣстѣ съ лошадью, въ какую нибудь яму. Оставалось только положиться на коня и ѣхать, выбирая и указывая путь орудію. Нетолько люди, но и лошади ужъ прозябли отъ продолжительнаго движенія водою и дрожали. Бѣдное животное безпрестанно спотыкалось и уходило то выше брюха, то опять поднималось изъ воды до колѣнъ. Держась прямаго и кратчайшаго направленія къ станціи, мы дошли водою до какой-то верхушки — высунувшагося изъ воды моста, на которомъ стояло нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ, отправляющихся на сухомъ мѣстѣ и го-

товящихся опять спуститься въ воду и продолжать дальнѣйшій непріятный путь.

— Вы какъ сюда попали, братцы?

— Да мы съ своей бригадой идемъ при вьюкахъ вотъ въ этотъ городъ,—отвѣчалъ пѣхотинецъ, указывая куда-то въ темноту.

— А зачѣмъ же вы раздѣваетесь совсѣмъ? развѣ дальше такъ глубоко?

— Очинно глыбко, ваше благородіе, до подмышекъ хватаетъ. Не могимъ знать, какъ-то вы съ орудіей-то пройдете.

— Да, скверно.

Дѣлать было нечего: обойти это мѣсто нельзя, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ было еще хуже. Приходилось переходить такой бродъ, который тактически считается для артиллеріи непроходимымъ. Пѣхотные солдаты пошли въ воду, ведя за собою навьюченныхъ ослятъ. Дойдя до середины брода, вода закрыла имъ плечи и одни ихъ головы стали видны, ослята же со вьюками плыли; пройдя сажени полторы въ такомъ положеніи, они сразу выходили изъ воды по поясъ, и чѣмъ далѣе шли, тѣмъ становилось мельче. Нужно было опасаться одного, чтобъ буйволы не стали въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, за что поручиться было нельзя. Вотъ первое орудіе вошло на мостъ и стало спускаться въ глубь. Передняя пара буйволовъ совсѣмъ скрылась въ водѣ: они споткнулись. Орудіе же къ счастію продолжало двигаться, везомое другими парами. Когда передняя пара снова показалась, вторая пара въ свою очередь, хлебнула водицы. Такимъ образомъ, каждая пара, поочередно скрывалась и выходила изъ воды. Наконецъ, очередь дошла и до орудія, которое скрылось въ водѣ совсѣмъ съ передкомъ, но добрыя животныя вытянули, и оно было вытащено на берегъ. Такую участь испытало и другое орудіе и передки зарядныхъ ящиковъ. Лишь только мы вышли къ станціи, на шоссе, мы выпрягли буйволовъ и дошли до города Узунгкепри на лошадяхъ, мокрые, какъ курицы. Неудивительно послѣ этого, что нѣкоторые заболѣли лихорадкою.

17-го Января, вторникъ.

Вчера, 16-го Января, нашъ переходъ былъ не великъ,—всего двѣнадцать верстъ. Несмотря на это, мы шли на буйволахъ семь часовъ сряду. Ночевали въ деревнѣ Чепово. Сегодня-же, при проливномъ дождѣ и страшно трудной дорогѣ, мы сдѣлали верстъ 25-ть и шли съ 8-ми часовъ утра до 10-ти вечера. На половинѣ дороги измученные буйволы стали. Мы уже были въ отчаяніи, потерявъ надежду дойти до мѣста ночлега, когда насъ выручило турецкое стадо, изъ которыхъ мы выдѣлили съѣзженныхъ воловъ и подмѣнили усталыхъ—свѣжими. Тогда мы пошли быстрѣе.

— Смотри братъ, тише бей, а то новая пристяжка лягается, подсмѣивались солдаты надъ такого рода движеніемъ.

— Подручный такъ горячится, что даже фырчитъ, продолжалъ другой.

Мы пришли на ночлегъ въ городъ Айроболъ, когда уже было такъ темно, что человѣка въ двухъ шагахъ не было видно. Съ трудомъ, кое-какъ, размѣстились мы на квартиры, измученные и усталые.

23-го Января, понедѣльникъ.

Городъ Айроболъ, гдѣ мы простояли пять дней, одинъ изъ самыхъ непривлекательныхъ мѣстечекъ Турціи. Городъ малъ, грязенъ, въ немъ нельзя найти даже самаго необходимаго и населенъ исключительно турками и греками. Населеніе изъ боязни и недружелюбія къ намъ не выходило изъ домовъ. Скука была смертельная. Гродненскій Гусарскій, а вскорѣ за нимъ и Уланскій Его Величества полки ушли въ Родосто.

По собраннымъ о непріятелѣ свѣдѣніямъ, мы узнали, что всѣ турецкія регулярныя войска отошли къ Константинополю, черкесы же бѣжали въ приморскіе города, садятся на пароходы и переправляются въ Малую Азію. Слѣдовательно, намъ нельзя было ожидать столкновенія съ турками.

Извѣстіе о появленіи англійской броненосной эскадры въ Дарданеллахъ и Мраморномъ морѣ произвело на насъ очень сильное впечатлѣніе. Ихъ тайное пособіе туркамъ озлобляло насъ впродолженіи всей кампаніи; открытое же ихъ вмѣшательство въ еще не вполнѣ оконченную нашу войну, возбудило въ насъ самую сильную ненависть къ нимъ; мы всѣ желали столкнуться съ нашимъ уже не новымъ врагомъ.

Ежедневно распространялись новые слухи о перемиріи. Наконецъ пріѣхали два пріѣзжіе казака, которые завѣряли, что перемиріе ужъ заключено, и что они слыхали это отъ „самаго коменданта“ какой-то станціи. Какъ не было вѣроятно и радостно это извѣстіе, но до оффиціальнаго извѣщенія этому нельзя было вполнѣ повѣрить. Извѣщеніе это не замедлило прибыть въ тотъ-же день и было принято восторженнымъ „ура“: всѣ другъ друга поздравляли съ блестяще законченнымъ дѣломъ. Въ Айроболѣ даже жители—турки повеселѣли и, встрѣчая русскихъ офицеровъ, подходили къ нимъ, улыбаясь и протягивая руку, говорили: „барычъ“ (миръ).

Гвардейской кавалеріи было приказано перейти въ Родосто, занятомъ уже 3-ю гвардейскою кавалерійскою бригадою.

Сегодня мы покинули Айроболъ и выступили опять на волахъ. Волы съ погонщиками были заранѣе заготовлены. Погонщики же разбѣжались. Городъ другихъ не выставлялъ. Тогда ничего болѣе не оста-

лось, какъ силою заставить идти погонщиками, первыхъ попавшихся намъ на глаза турокъ. Мы такъ и сдѣлали, взявъ 12 человѣкъ изъ зѣвакъ, пришедшихъ посмотрѣть на наше выступленіе. Нельзя сказать, чтобъ это имъ очень понравилось. Ночевали мы въ деревнѣ Каракали.

24-го Января, вторникъ.

Сегодня мы уже выступили на лошадяхъ. Дорога стала значительно лучше. Подмерзло и дуетъ сильный вѣтеръ. Взобравшись на какую-то гору, передъ нами открылась чудная картина прелестнаго Мраморнаго моря съ его островами.

— Мраморное море! Вотъ прелесть-то! И кто думалъ здѣсь когда нибудь побывать! невольно вырывалось у многихъ.

Мы вошли въ городъ Родосто, гдѣ насъ встрѣтила масса народа: грековъ и армянъ. Овацій они намъ никакихъ не дѣлали, но видно было, что мы имъ не противны. Размѣстивъ взводъ по квартирамъ, я тотчасъ же пошелъ въ городъ. Меня поразила масса народа на улицахъ и порядокъ, введенный комендантомъ города его высочествомъ принцемъ Алтенбургскимъ. Торговля шла очень оживленная. Бѣженцамъ-туркамъ выдается ежедневно, безвозмездно, хлѣбъ. На пристани имѣется отдѣльный комендантъ. На самомъ берегу моря стоитъ казино съ хорошенькой терассой, гдѣ засѣдаетъ наше офицерство. Прелестное Мраморное море, теплый, пріятный климатъ, полуевропейская жизнь въ городѣ, не могутъ не дѣйствовать благодѣтельно на уставшія войска. Такой великолѣпной стоянки нельзя было ожидать и во снѣ! Есть гдѣ окрѣпнуть для могущей разгорѣться новой кампаніи съ новымъ непріятелемъ.

М. Ч.

———

ВОСПОМИНАНІЕ
О ПЕРЕХОДѢ СКОБЕЛЕВА ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

атальная Плевна еще держалась. Но уже за мѣсяцъ до ея паденія, Скобелевъ заказалъ въ Тырновѣ, Габровѣ, Дреновѣ, Сельвіи и во многихъ деревняхъ вьючныя сѣдла для всей 16-й дивизіи. Изъ этого можно видѣть, что мысль о переходѣ черезъ Балканы занимала его. Однако послѣ паденія Плевны, мы недѣли двѣ не двигались съ мѣста.

Эта Плевна надоѣла намъ хуже горькой рѣдьки и во время осады; теперь же наступила положительная праздность, а потому Плевна сдѣлалась еще тошнѣе. Жажда дѣятельности увеличивалась, а о походѣ ни слуху, ни духу. Мы и надежду потеряли.

— Умаялся Скобелевъ, — говорили офицеры. Вѣроятно тутъ и застрянетъ.

Но скоро онъ началъ довольно неопредѣленно говорить намъ:

— Берегите, господа, лошадей. Приготовляйтесь къ большому и трудному походу.

Предлагалъ намъ денегъ на покупку лошадей у плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ, пока они дешевы; „а потомъ понадобятся, захотите купить, да ужъ будетъ поздно, и взять-то не гдѣ“. Наконецъ, онъ объявилъ прямо, что мы идемъ на Шипку.

И дѣйствительно, 10-го декабря 1877 года мы выступили.

Походъ отъ Плевны до Сельвіи былъ не легокъ, такъ какъ выпалъ снѣгъ, санная дорога еще неустановилась, а замерзшія на дорогѣ кочки дѣлали ее ужасною, особенно для обозовъ и артиллеріи.

Сначала шли малыми переходами, чтобы, такъ сказать, втянуться

въ походъ. До Ловчи 30 верстъ было 2 перехода; 3-й переходъ до Сельви уже въ 25 верстъ. Артиллерія шла не въ полномъ составѣ: вмѣсто 8-ми орудій въ батареѣ шло 6; а по 2 орудія остались въ Плевнѣ. Орудія запрягались вмѣсто шести лошадей восемью, даже четырехъ-фунтовыя. Фуражъ везли на саняхъ, запряженныхъ буйволами и быками. Обозъ пѣхотный запрягался тоже съ лишнимъ уносомъ впереди, а повозки, остававшіяся такимъ образомъ безъ лошадей, везли буйволы.

Буйволовый обозъ и вообще повозки, запрягавшіяся быками, часто отставали. Это происходило отъ нашего неумѣнья обращаться съ этими выносливыми животными. Болгары въ морозы своихъ голыхъ буйволовъ прикрываютъ кошмами и мѣстными толстыми шерстяными тканями. Наши солдатики объ этомъ и не помышляли. Къ особенностямъ Болгаріи надо отнести то, что тамъ всѣхъ упряжныхъ животныхъ куютъ: куютъ лошадей и ословъ, куютъ буйволовъ и быковъ, даже коровъ, которыя употребляются здѣсь не для молока, а для перевозки тяжестей. Животныхъ двукопытныхъ куютъ овальными сомкнутыми подковами по формѣ каждаго пальца, прибивая эти подковы гвоздями съ острыми шляпками, замѣняющими наши шипы. Но теперь эти приспособленія пооборвались, все было запущено, ноги у быковъ въ крови, они падаютъ, а наши возницы, не умѣя ни подковать, ни пособить инымъ образомъ, знай себѣ нахлестываютъ изо всей мочи.

Запасныя вещи и часть артиллерійскаго обоза, безъ котораго, хоть какъ нибудь, можно было обойтись, оставлены въ Плевнѣ и только черезъ полгода попали къ своимъ частямъ. Отрядъ былъ раздѣленъ на два эшелона. Погода все время была морозная, ровная, благопріятная, безъ вѣтра, безъ оттепели. На ночлегахъ отрядъ всегда располагался квартирно, никогда бивуакомъ. Заботливо высылались ротные котлы впередъ на ночлегъ, и къ приходу людей пища уже должна была быть готова. Скобелевъ постоянно пробовалъ пищу и тщательно замѣчалъ, приказывалъ записывать у какой части пища хороша, у какой плоха. На другой день въ приказѣ воздавалось каждому по заслугамъ: хвалилъ заботливыхъ начальниковъ частей и разносилъ нерачительныхъ.

Выѣзжалъ Скобелевъ всегда послѣ выступленія отряда и, обгоняя его, требовалъ полнаго порядка движенія, а отстававшихъ строго преслѣдовалъ.

— Никогда не слѣдуетъ допускать, чтобы солдатъ отставалъ. Тутъ онъ и мародерничать начнетъ, и замерзнуть можетъ; однимъ словомъ, останется безъ присмотра и пропадетъ безъ вѣсти.

Весело и съ пѣснями проходили солдаты мимо любимаго генерала. По дорогѣ онъ ласково обращался къ людямъ и вступалъ въ разговоръ: вспоминалъ о дѣлахъ, въ которыхъ участвовалъ полкъ, о настоящемъ положеніи солдата, иногда распространялся о совершенно постороннихъ вещахъ,

бесѣдовалъ попросту. Понятно, что подобное отношеніе производило свое дѣйствіе: не старался солдатъ изо всей мочи тянуться въ струнку, не овладѣвало имъ чувство неопредѣленнаго страха и неловкости, которое въ большинствѣ случаевъ ощущаетъ подчиненный въ присутствіи начальства. Нѣтъ! въ солдатѣ возникало чувство удовольствія отъ ласковаго, радушнаго слова, которое онъ умѣетъ цѣнить. Не стоитъ прибавлять, что къ офицерамъ Скобелевъ относился самымъ гуманнымъ образомъ, просто и по-товарищески. Да что говорить! Спросите любаго офицера, который имѣлъ прямыя отношенія къ Скобелеву, конечно, онъ восторженно будетъ отзываться объ этомъ въ высшей степени симпатичномъ человѣкѣ. Своимъ обращеніемъ онъ очаровывалъ окружающихъ. Въ запискахъ къ своему начальнику штаба, подполковнику Куропаткину, генералъ придерживался самаго дружескаго пріятельскаго тона. Въ концѣ вмѣсто обыденнаго какого нибудь: Примите увѣреніе... или покорнаго слуги, онъ просто писалъ: Цѣлую. М. Скобелевъ.

Замѣчательна популярность Скобелева между болгарами. Массами высыпали они на встрѣчу и безъ офиціальныхъ овацій, но тепло выказывали свое расположеніе ему и его войскамъ.

Помня выраженіе маршала Морица саксонскаго, что сила арміи въ ногахъ, Скобелевъ на этотъ предметъ обращаетъ строгое вниманіе. Рваныхъ сапогъ въ дивизіи не было. Всѣ усилія употреблялъ онъ, чтобы доставать новые сапоги и доставалъ. За несмазанные сапоги доставалась гонка и солдату, и ротному командиру. Всѣмъ были выданы теплыя портянки; приказывалось смазывать ноги саломъ или масломъ, что предохраняетъ отъ замораживанія и отъ натиранія. Совѣтывалъ Скобелевъ обращать вниманіе на чистоту ногъ, какъ на вещь весьма важную. Въ подтвержденіе этого онъ приводилъ разсказъ о французахъ подъ Севастополемъ. Тогда былъ сильный недостатокъ въ дровахъ, такъ что для варки пищи вырывали корни винограда; однако изъ этого скуднаго запаса французскіе ротные командиры отдѣляли часть на разогрѣваніе воды для мытья ногъ.

Забавный эпизодъ случился по дорогѣ около Ловчи. Съ нами шелъ N саперный батальонъ. Командиръ этого батальона, почтенный подполковникъ, объявилъ Скобелеву, что у саперъ нѣтъ шанцеваго инструмента.

— Какъ такъ?

— Да такъ! Нѣтъ никакого инструмента.

Тутъ Скобелевъ порядочно посердился за такую оплошность.

— Вѣдь бываютъ же такіе люди! говорилъ онъ. Ну, объяви объ этомъ съ мѣста, а то шелъ, шелъ сколько верстъ и вдругъ надумался, что у него инструмента нѣтъ.

Въ Сельвію прибыли 12-го числа и простояли недѣлю. Въ это время

Скобелевъ ѣздилъ къ командиру 8-го корпуса въ его Шипкинскую землянку, чтобы получить распоряженія о дальнѣйшемъ слѣдованіи.

Радецкій сообщилъ, что къ отряду Скобелева присоединится нѣсколько дружинъ болгарскаго ополченія и мы должны будемъ перевалить Балканы черезъ Иметлійскій проходъ. Отъ Радецкаго Скобелевъ проѣхалъ въ Зеленое древо къ Столѣтову, начальнику болгарскаго ополченія, чтобы, во-первыхъ, переговорить съ нимъ о тѣхъ дружинахъ, которыя назначены на присоединеніе, а во-вторыхъ, узнать что нибудь объ Иметлійскомъ проходѣ, такъ какъ Зеленое древо находится близко отъ него. Столѣтовъ рекомендовалъ распросить начальника штаба болгарскаго ополченія, графа Келлера, который, какъ офицеръ генеральнаго штаба, дѣлавшій рекогносцировку въ этомъ направленіи, могъ дать указаніе. Хотя Келлеръ и представилъ докладную записку о рекогносцированныхъ имъ путяхъ, но свѣдѣній этихъ было недостаточно. Отсюда Скобелевъ возвратился въ Сельвію. Существенно военно-важнымъ являлся вопросъ объ артиллеріи: перевалить Балканы черезъ проходъ, едва доступный пѣхотѣ, занесенный снѣгомъ и къ тому же такъ мало изслѣдованный, было дѣломъ не легкимъ. Задумались батарейные командиры, когда Скобелевъ предложилъ имъ этотъ вопросъ. Тысячи препятствій тотчасъ родились въ ихъ хозяйственныхъ головахъ. 4-й батареей 16-й артиллерійской бригады командовалъ подполковникъ Куропаткинъ, имя столь извѣстное въ Россіи и дѣйствительно достойно заслужившее свою славу. Это братъ знаменитаго Куропаткина, начальника штаба 16-й дивизіи. Молодой человѣкъ (ему нѣтъ еще 30 лѣтъ), доказавшій свою энергію службой въ Туркестанѣ, любящій свое дѣло, онъ откликнулся на призывъ начальника и изъявилъ готовность употребить всѣ силы и средства, чтобы тащить свои четырехъ-фунтовыя пушки за отрядомъ.

19-го двинулись въ Габрово. Изъ артиллеріи пошла одна 4-я батарея 16-й артиллерійской, прочія батареи этой бригады остались въ Сельвіи. Заботливый генералъ послалъ пакетъ къ генералу Столѣтову, а кромѣ того и словесную просьбу сдѣлать распоряженіе о высылкѣ квартирьеровъ въ двѣ деревни, расположенныя за Габровымъ, чтобы приготовить тамъ для насъ квартиры. Наконецъ мы достигли Габрова. Это городъ, величиной своей превосходящій всѣ, которые до сихъ поръ мы проходили; онъ больше Плевны, Ловчи, Сельвіи; весьма живописно расположенъ между горами, но улицы узки и до прихода войскъ были очень грязны. Посреди города протекаетъ бурливая, маленькая рѣчка. Русскія войска уже давно стояли въ городѣ, и вслѣдствіе этого появилось множество всякихъ торговыхъ заведеній, приняты были мѣры для очистки улицъ, турецкое городское управленіе замѣнено болгарскимъ. Среди населенія встрѣчается много интеллигентныхъ лицъ, которые по-

лучили образованіе въ Тырновѣ. Часто встрѣчаются граждане, одѣтые по европейски, тогда какъ въ другихъ городахъ мы встрѣчали болгаръ, одѣтыхъ, за весьма рѣдкими исключеніями, въ національный костюмъ. Городъ до сихъ поръ игралъ значительную роль въ торговлѣ, такъ какъ находится на торговой дорогѣ, идущей черезъ Балканы. Конечно, онъ во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ Тырнову, хотя все таки городъ значительный.

Въ Габровѣ мы увидѣли бѣдственныя послѣдствія войны: массы нищихъ болгаръ, ограбленныхъ турками за Балканами, наполняли улицы.

Ключемъ закипѣла жизнь въ нашемъ отрядѣ. Съ лихорадочной дѣятельностью занялись приготовленіями къ предстоящему переходу. Вьючныхъ сѣделъ, заказанныхъ прежде и за которые даже были даны задатки, не оказалось: ихъ позабирали войска, стоявшія на Шипкѣ. Нечего дѣлать, пришлось снова начать это трудное дѣло. За цѣной не стояли, лишь-бы получить хорошія сѣдла, да поскорѣе. Заказывали ихъ болгарамъ всюду, гдѣ только была возможность заказать. Обозныхъ лошадей взяли подъ вьюкъ, повозки оставили; такимъ образомъ, обозъ превратился во вьючный.

Нѣкоторое количество лошадей было пополнено покупкой. Изъ Тырнова было приведено слишкомъ 200 вьючныхъ лошадей съ зерномъ.

Часть лошадей пошла черезъ Балканы безъ вьючныхъ сѣделъ, причемъ вьюки лежали прямо на спинѣ лошади и набивали спины. Брали съ собой только необходимое: патроны, продовольствія на 8 дней, спирту, консервовъ, чаю, сахару. Всѣ эти хлопоты принялъ на себя Куропаткинъ. Съ удивительнымъ умѣньемъ, онъ быстро и энергично подвигалъ дѣло впередъ.

Его братъ, командиръ 4-й батареи, дѣятельно принялся за изготовленіе саней подъ артиллерію. Скупали сани у болгаръ, заказывали имъ, а частью дѣлали собственными средствами.

Изъ Габрова Скобелевъ поѣхалъ опять на Шипку къ Радецкому, захвативъ меня съ собою. Тутъ я принялъ 300 паръ сапогъ отъ интенданта 8-го корпуса. Сапоги эти, собственно, предназначались для 9-го батальона 3-й стрѣлковой бригады, но Скобелевъ большую часть выпросилъ у командира этого батальона Меллеръ-Закомельскаго для своей дивизіи. О трудностяхъ похода говорили всѣ. Скобелевъ полагалъ, что можетъ быть придется пробиваться сквозь непріятеля; одна часть будетъ проходить въ то время, какъ другая будетъ вести перестрѣлку. Путь нашъ огибалъ съ западной стороны Лысую гору, занятую турками, и пролегалъ всего въ $1^1/_2$ верстахъ отъ непріятельскихъ позицій. Теперь понятно, какъ велика была бы опасность, если-бы турки вышли намъ на перерѣзъ. Это обстоятельство сильно безпокоило Скобелева. До какой степени внимательно былъ придуманъ имъ весь переходъ, видно изъ

письма его къ Куропаткину отъ 21-го декабря *). Тутъ и заботы о фураже, патронахъ, распредѣленіе войскъ, цѣлая хорошо выработанная инструкція. Даже замѣчаніе спеціально-артиллерійское: картечныя гранаты боятся сырости.

Наконецъ были посланы въ горы саперы, чтобы вмѣстѣ съ уральцами разработывать дорогу въ необыкновенно глубокомъ снѣгу. Вся операція перехода черезъ Балканы заключалась въ сущности въ слѣдующемъ.

Хотя Радецкій и занималъ позицію на Шипкѣ, но не владѣлъ совершенно проходомъ, ибо турецкая армія занимала проходъ съ южной стороны и препятствовала дебушированію. По этому былъ составленъ планъ, по которому Святополкъ-Мирскій съ значительнымъ отрядомъ долженъ былъ перейти Балканы лѣвѣе, восточнѣе шипкинскаго прохода по тропинкамъ, идущимъ черезъ Крестецъ, Сельцы, Гузово, Янину, и ударить на правый флангъ турецкаго расположенія у д. Шипки; Скобелевъ съ правой колонной долженъ перейти западнѣе черезъ Топлище, гору Караджу, выйти къ Иметли и атаковать лѣвый флангъ; Радецкій же могъ наступать съ фронта. Такъ какъ онъ имѣлъ возможность атаковать только узкимъ фронтомъ и при томъ сильную турецкую позицію, то его атака, собственно говоря, имѣла демонстративный характеръ съ цѣлью отвлечь на себя войска и тѣмъ облегчить дѣло фланговыхъ колоннъ. Весь маневръ — чрезвычайно сложенъ и требовалъ одновременности дѣйствія. Но именно это время и трудно было согласовать, потому что фланговыя колонны были совершенно лишены связи, а сообщенія ихъ съ Радецкимъ были крайне затруднительны. Теперь-то и слѣдовало бы примѣнить военно-походный телеграфъ.

Необходимо было обѣ колонны соединить съ Радецкимъ проволокой, и тогда сообщенія сдѣлались бы необыкновенно просты. Этого къ крайнему сожалѣнію сдѣлано не было. „Такъ какъ колоннѣ князя Святополкъ-Мирскаго приходилось пройти разстояніе въ два раза болѣе, чѣмъ правой колоннѣ, то ему предписывалось наступать самымъ энергическимъ образомъ; колоннѣ же генералъ-лейтенанта Скобелева—двигаться съ такимъ разсчетомъ, чтобы быть по ту сторону Балканъ не ранѣе вечера 26-го“ **). Изъ этого видимъ, что Скобелева задерживали и разсчитывали что онъ долженъ придти очень скоро, т. е. не были приняты въ разсчетъ капризы горныхъ дорогъ, которые часто ставятъ въ невозможность выполнить предпріятіе къ извѣстному сроку, ибо тутъ не такъ важно разстояніе, сколько характеръ пути.

---

*) Письмо это помѣщено, какъ факсимиле, въ приложеніяхъ ко 2-му тому Военныхъ Разсказовъ.

**) Донесеніе Радецкаго Главнокомандующему.

Составъ отряда былъ слѣдующій: 16-я пѣхотная дивизія, 9-й, 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны, двѣ роты 4-го саперного батальона, семь дружинъ Болгарскаго ополченія генерала Столѣтова, 4-я батарея 16-й артиллерійской бригады (6 орудій), 2-я горная батарея (8 орудій), 9-й казачій полкъ Нагибина и Уральская казачья сотня Кирилова. Потомъ, при концѣ перехода, были присланы три полка 1-й кавалерійской дивизіи: казачій, драгунскій и уланскій.

Однако батальоны и эскадроны были далеко не въ полномъ составѣ; особенно казачій полкъ Нагибина: въ сотнѣ было около 40 рядовъ на худыхъ, истомленныхъ лошадяхъ.

Первый эшелонъ главныхъ силъ выступилъ утромъ 24-го декабря по дорогѣ на Шипку. Пройдя около 12 верстъ у Чертова моста, повернули вправо по ручью на д. Топлишъ. Дорога шла изгибающейся лощиной, по которой протекалъ ручей. Нѣсколько разъ приходилось его пересѣкать. Впрочемъ часто можно было по камнямъ переходить, не замочивши ногъ. Погода благопріятствовала: небольшой морозъ, тихо, безвѣтренно. Пройдя отъ поворота верстъ 7—8, войска расположились въ трехъ деревняхъ, расположенныхъ по теченію ручья. Самая дальная называлась Топлищъ. Здѣсь кончалось ущелье и путь поворачивалъ налѣво. Пришли ротные котлы, затрещалъ огонекъ, начали варить горячую пищу. Это была послѣдняя варка во время перехода, потому что далѣе невозможно было везти котлы. Ночью прибылъ транспортъ съ медикаментами, теплою одеждою и съ виномъ, посланный отряду Скобелева изъ Россіи черезъ графиню Адлербергъ. Тутъ былъ хересъ, мадера, коньякъ и цѣлый ящикъ хинной водки. Все это раздѣлили поровну между полками и послали офицерамъ. Досталось по 12 бутылочекъ хинной водки и по 9 бутылочекъ прочихъ винъ на полкъ.

Скобелевъ со штабомъ располагался въ Топлищѣ, за которою сразу начинается крутой подъемъ Иметлійскаго прохода. Такъ вотъ этотъ мрачный и грозный проходъ, черезъ который даже лѣтомъ только изрѣдка и въ случаѣ крайней нужды отваживается переходить болгаринъ пѣшій или съ небольшимъ вьючнымъ осломъ. Ночь была темная. Въ деревнѣ постепенно собиралось болгарское ополченіе.

Тунджи долина
Окровавлена.
Плаче вдовица
Люта ранена.
Маршъ, маршъ!
Генерале нашъ!
Разъ, два, три!

Маршъ, войницы! раздавалось въ ночномъ, морозномъ воздухѣ. Болгарское ополченіе было одѣто опрятно, чисто и хорошо. Въ своихъ

свободныхъ, но ловко сидящихъ кафтанахъ, мѣховыхъ съ зеленымъ верхомъ и мѣднымъ крестомъ шапочкахъ, эти молодые, рослые и свѣжіе люди имѣли мужественный и прекрасный видъ. Ополченіе находилось подъ начальствомъ боевыхъ офицеровъ, храбрость которыхъ была испытана въ Туркестанѣ. Эти офицеры подъ часъ довольно круто обращались съ болгарами, непривыкшими къ дисциплинѣ и строгостямъ военной службы. Случалось, болгары бѣгали изъ войска, ихъ часто и не ловили. Офицеры держались того мнѣнія, что тѣ, которые бѣжали, недостойны служить въ войскѣ и, все равно, эта дрянь для дѣла ничего не стоитъ. Несмотря на нѣкоторыя темныя стороны, это войско все-таки было надежно и при случаѣ болгары дрались, какъ львы.

Передъ разсвѣтомъ болгарскія пѣсни смѣнились шумомъ двигающихся войскъ: это передовыя части начинали трудный подъемъ на Балканы. Такимъ образомъ 25-го декабря, въ самый день Рождества Христова начался переходъ. Дорога круто поднималась въ гору. Она извивалась зигзагами иногда просто по скату горы, иногда прячась за какую нибуд › вершинку, или обходя слишкомъ выдавшуюся скалу. Путь лежалъ то довольно значительнымъ лѣсомъ, то мелкимъ кустарникомъ. Глубокій и сыпучій снѣгъ скользилъ изъ подъ ногъ. Приходилось двигаться гуськомъ, одинъ за другимъ.

Многіе изъ офицеровъ практиковали такой способъ путешествія: слѣзетъ съ лошади, ухватится за хвостъ и посылаетъ ее впередъ, похлопывая по заду; пройдя такимъ образомъ нѣкоторое разстояніе и облегчивъ лошадь, опять садится и ѣдетъ и т. д. Если не легко было подниматься конному; то, сообразите, каково было пѣшему солдату, нагруженному тяжелымъ мѣшкомъ, ружьемъ и шанцевымъ инструментомъ. Надобно сказать, что ранцы мы давно уже бросили. Ранцы неудобны, давятъ грудь, и потому позволялось каждому солдату приспособлять свое имущество, какъ ему удобнѣе. Впослѣдствіи патронныя сумы тоже были брошены, потому что они обременяли поясницу; замѣнили же ихъ патронташами изъ сукна, надѣваемыми черезъ плечо. Съ горной батареей была чистая бѣда. Орудіе легкое, всего 6 пудовъ, а хлопотъ много. Она шла не на вьюкахъ, а въ запряжкѣ. Тощія лошади, въ поту, понукаемыя голосомъ и ударами, выбивались изъ силъ и все-таки мало подвигались впередъ. Разумѣется, пришлось значительно помогать людьми. Шествіе горной батареи указывало на тѣ трудности, которыя придется перенести Куропаткину съ своими четырехъ-фунтовыми пушками, вѣсящими 20 пудовъ. Онъ шелъ въ другомъ эшелонѣ. Мнѣ необходимо было обогнать отрядъ и найти Скобелева. Обгонять было очень неудобно: чуть въ сторону того и гляди, что попадешь въ яму или увязнешь съ лошадью по брюхо. По дорогѣ видѣлъ я, какъ несчастныя лошади, измученныя подъ тяжестью вьюка, скользили и падали.

Обогналъ я нашего знаменитаго художника В. В. Верещагина, который ѣхалъ съ своими вьюками. Онъ во время кампаніи собиралъ множество различныхъ мѣстныхъ, характерныхъ вещей: оружіе, костюмы, книги... Вотъ эти-то драгоцѣнности и составляли его вьюки.

Часа въ два пополудни 25-го декабря я догналъ Скобелева на обширной полянѣ среди большаго лѣса. Это мѣсто почему-то носитъ названіе Марковыхъ Столбовъ. Скобелевъ рѣшилъ тутъ остановиться. Переходъ былъ верстъ въ 10, но войска растянулись, дорога была такъ трудна, что къ 6 часамъ вечера собрались только Углицкій полкъ, Казанскій, горная батарея, саперы и подходили стрѣлки. Велѣно было откопать снѣгъ до земли, чтобы развести огни. Принялись за работу, рубили лѣсъ, и къ 5—6 часамъ, когда уже стало темно, тамъ и сямъ показались огоньки. Солдаты, которые всѣ имѣли котелки, начали варить себѣ, что у кого было. Воду добывали, растапливая снѣгъ. Долженъ сказать, что вода эта, не смотря на чистоту снѣга, получается препротивнаго вкуса. Къ 7 часамъ поляна уже была вся въ огняхъ. На темномъ фонѣ величественно шумѣвшаго лѣса ярко вырѣзывались разгорѣвшіеся костры. Освѣщенныя фигуры солдатъ составляли живописныя группы. Истомленные люди, казалось, забыли о своей усталости и весело разговаривали. Крикъ и шумъ отъ множества человѣческихъ голосовъ и дымъ отъ трещавшихъ костровъ разносились по мрачному лѣсу, разостлавшемуся на скатахъ Балканъ. На коврѣ около костра сидѣлъ Скобелевъ, Куропаткинъ, Верещагинъ, еще кое-кто и закусывали. Вокругъ все высматривало бодро и весело; только лошади представляли унылый видъ и обгладывали вѣтви деревьевъ. Лошади горной батареи получили немного сѣна.

Теперь я долженъ для поясненія разсказать маленькую подробность. Насъ, ординарцевъ, было у Скобелева 7 человѣкъ и обѣдали мы всегда вмѣстѣ съ нимъ. Но въ Габровѣ онъ объявилъ, чтобы во время перехода мы сами заботились о себѣ; поэтому каждый изъ насъ приготовилъ свой особый вьюкъ. Во время остановки у Марковыхъ Столбовъ наши вьюки еще не пришли и мы пока не имѣли возможности подкрѣпить силы.

Вдругъ подходитъ ко мнѣ Куропаткинъ и объявляетъ, что сейчасъ выступитъ авангардъ подъ начальствомъ полковника Ласковскаго, къ которому я назначаюсь ординарцемъ. Я не замедлилъ явиться къ Ласковскому. Адъютантъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Николая Николаевича Старшаго полковникъ Ласковскій видный мужчина, высокаго роста, былъ одѣтъ въ валенки, желтый, простой полушубокъ безъ погонъ; на головѣ военная фуражка. Авангардъ состоялъ изъ батальона Казанскаго полка подъ начальствомъ подполковника Завадскаго, двухъ ротъ саперъ и около 20-ти казаковъ-уральцевъ съ войсковымъ старшиной Кириловымъ. Дорогу показывали два проводника. Снѣгъ

былъ глубокъ и вязокъ. Расчищали такъ, чтобы можно было пройти двумъ человѣкамъ въ рядъ. Пока шли по полянѣ, то все еще было хорошо; но когда вступили въ лѣсъ, и начали попадаться повалившіяся деревья, то разчистка дороги оказалась весьма трудною и медленною, а намъ надо было побыстрѣй подвинуться впередъ. Оставя саперъ и казанцевъ расчищать дорогу, полковникъ Ласковскій взялъ роту Казанскаго полка и пошелъ впередъ прямо цѣлиной. Съ нимъ отправился Завадскій съ своимъ адъютантомъ и Кириловъ съ нѣсколькими казаками. Казаки лошадей своихъ оставили; оставилъ свою лошадь и я, потому что при такомъ путешествіи она ни къ чему служить не могла. Привязалъ ее къ дереву, думалъ,—пойдутъ задніе и захватятъ; оказалось, что такъ я ее больше и не видалъ.

Порядокъ слѣдованія былъ такой: впереди два болгарина-проводника, за ними казакъ, Кириловъ, Ласковскій, Завадскій и т. д. Идти было трудно. Ночь. темно, постоянно вязнешь по колѣно въ снѣгу, а подъ часъ и выше. Огибая Лысую гору, которая осталась отъ насъ влѣво, мы увидѣли на ней турецкій редутъ и огни. Кто-то сказалъ Ласковскому, что и на нашемъ пути въ этихъ мѣстахъ могутъ быть турки; поэтому было отдано приказаніе совершать маршъ въ возможной тишинѣ. Разговоры велись шепотомъ. Тихо подвигалась наша колонка впередъ. На этомъ мѣстѣ около горы Караджи, которая вправо возвышалась совершенно правильнымъ конусомъ, должна была быть высшая точка нашего подъема. Однако опредѣлить ее довольно трудно, ибо подъемъ иногда смѣнялся спускомъ, а тамъ опять подъемъ. Турокъ мы тутъ не встрѣтили. Дорога пошла по карнизу, огибавшему какую-то гору и погнувшемуся версты на $2^1/_2$. Карнизъ былъ шириною не менѣе 10 сажень. Справа отъ карниза скала, слѣва—пропасть, да такая, что и размѣры-то ее трудно себѣ представить. Карнизъ имѣлъ наклонъ къ пропасти градусовъ 20. Вчера днемъ было тепло и снѣгъ на солнцѣ подталъ, а ночью его сковало морозомъ въ плотную корочку, которая не продавливалась подъ ногою и представляла скользкую поверхность. Двигаться по ней было очень трудно. Кириловъ, напр., ползъ на карачкахъ. Кто-то выронилъ ружье; оно скатилось по карнизу въ пропасть, и мы слышали глухое, отдаленное его паденіе. Раздался крикъ: это солдатъ покатился къ краю карниза, и бездна уже готова была его поглотить, но онъ успѣлъ удержаться за камень. Наконецъ этотъ карнизъ благополучно миновали, и начался замѣтный спускъ, хотя еще весьма небольшой. Долго и безостановочно шли мы впередъ. Спускъ началъ становиться круче и къ разсвѣту, часовъ въ 7, мы подошли къ обрыву, правда не очень длинному, саженъ сто, но ужасно крутому. Право, я не ошибусь, если скажу, что крутизна была больше 45 градусовъ. Идти ка-

кимъ нибудь обыкновеннымъ способомъ не было ни малѣйшей возможности. Надобно съѣзжать на природныхъ салазкахъ.

Мы думали, что при концѣ этого крутаго спуска находится д. Иметли. Вызвали охотниковъ, чтобы они спустились по обрыву и развѣдали у деревни.

Охотники пошли, а отрядецъ остановился и ждалъ. Ждали мы часа полтора. Уже разсвѣло, а никакой Иметли впереди не было видно. Рѣшили идти впередъ. Цѣпляясь за кусты, удерживаясь чѣмъ только возможно, ползли мы по этому спуску.

Небольшой просвѣтъ между горъ и скалъ далъ намъ возможность увидѣть часть долины р. Тунджи. Въ это время ничего еще нельзя было разглядѣть; но довольно уже и того, что мы увидѣли конецъ нашего труднаго перехода; въ насъ родилась надежда скоро достигнуть цѣли. Но что значатъ подобныя надежды въ горахъ. Дорога повернула немного въ сторону и опять все скрылось за громадой горъ.

Многое въ горахъ представляется такъ близко, что вотъ-вотъ сейчасъ и дойдешь. Къ удивленію вашему дорога поворачиваетъ, иногда совсѣмъ въ противоположную сторону, и вы идете, идете и видите, что дорога кружится и раздвигается на многія версты. Отчего же не пойти прямикомъ? И не пробуйте. Самое опасное въ горахъ — это отойти отъ дороги. Тогда не выберешься во вѣки и прямикъ окажется несравненно длиннѣе обхода.

Мы прошли еще немного; открылся обширный горизонтъ. Горы не препятствовали, и верстъ на пятнадцать вокругъ можно было захватить глазомъ. Огромная снѣжная равнина разстилалась у нашихъ ногъ. Всѣ предметы еще застланы сѣрымъ утреннимъ туманомъ. Однако въ разныхъ мѣстахъ на снѣгу выдѣлялись черными пятнами сады, расположенные около деревень. Самыя деревни не были видны. Жизнь еще не пробуждалась. Долина спала. Но скоро ее разбудятъ ружейные выстрѣлы. По садамъ можно было довольно хорошо оріентироваться. Между Шейновымъ и Шипкой мы разсмотрѣли турецкій укрѣпленный лагерь.

Однако и насъ замѣтили. Невообразимая суматоха поднялась въ передовыхъ турецкихъ постахъ. Всадники, которые отъ насъ казались не больше насѣкомыхъ, какъ угорѣлые, метались въ разныя стороны. Два орудія маршъ-маршемъ понеслись на насъ; подскакали, повернули кругомъ и тѣмъ же маршъ-маршемъ понеслись обратно. Все это ужасно насъ забавляло. Мы хохотали, не смотря на усталость. Говорятъ, всегда смѣхъ бываетъ передъ слезами.

Дорога пошла по косогору. Справа возвышались обрывистые скаты Балканъ, слѣва тоже кручь, которая вела въ оврагъ, наполненный большими камнями, а оврагъ впадалъ въ долину Тунджи. У подошвы горъ лежитъ Иметли. Это мы знали, хотя ее еще не было видно.

Въ долинѣ показалась небольшая пѣхотная часть, направлявшаяся къ деревнѣ. Мы думали, что Иметли отъ насъ недалеко. Желая занять ее раньше турокъ, Ласковскій скомандовалъ бѣгомъ. Побѣжали. Однако турки заняли деревню раньше. Пронесся своеобразный сигналъ унылаго турецкаго рожка, разсыпалась стрѣлковая цѣпь и начала насъ охватывать. Раздались первые ружейные выстрѣлы, которые становились все чаще и чаще. Турки слѣва по оврагу заходили намъ во флангъ, а справа взбирались на утесы и, хотя не могли по крутизнѣ этихъ скалъ спуститься на дорогу, однако ни что имъ не препятствовало поражать насъ въ тылъ, особенно людей, выдвинувшихся впередъ.

Засвистали пули по дорогѣ. Начиналось серьезное дѣло. Отъ турокъ, зашедшихъ справа, у насъ еще были кое-какія закрытія изъ камней; спереди, шедшіе на насъ по дорогѣ, тоже безпокоили не особенно сильно: отъ нихъ можно было заслониться камнями, лежавшими по дорогѣ; но слѣва была уже настоящая жарня. Турки влѣзли на скалы и камни, какъ бы рукою гиганта брошенные на дно оврага, и стрѣляли оттуда безпрепятственно. Дорожка наша была видна имъ, какъ на ладони. Закрытій никакихъ; а они прятались за камни, выставляли только ружье и могли стрѣлять весьма мѣтко, потому что дистанція была сажень 100—150. Трещали ружейные выстрѣлы, пули шлепались въ камни, отбивали осколки, и нѣкоторые солдаты были ранены даже этими осколками. Раненыхъ все больше и больше. Стонъ и крикъ кругомъ. Кто раненъ въ руку, кто въ ногу; у иного выбитъ глазъ; на снѣгу кровь. Мы отвѣчали рѣдко. Патроны берегли больше жизни. Кто знаетъ сколько времени продолжится бой? Стрѣляли только на вѣрняка или тогда, когда турки, наступавшіе по дорогѣ, подходили слишкомъ близко и необходимо было дать имъ отпоръ. Бой продолжался такимъ образомъ уже довольно долго. Спрятаться отъ пуль положительно некуда, ибо они отскакивали рикошетомъ отъ камней и нападали въ такомъ направленіи, въ какомъ мы вовсе ихъ не ожидали. Убыль увеличивалась, составъ роты уменьшался, а турокъ все прибывало. Становилось страшно за эту ничтожную роту, которая казалась обреченною на смерть. Солдаты падали духомъ, видя свою слабость сравнительно съ превосходнымъ непріятелемъ. Я лежалъ за камнемъ рядомъ съ поручикомъ Казанскаго полка Барчевскимъ.

— Вѣдь вонъ, дьяволы, лазаютъ по камнямъ! говорилъ онъ. И какъ близко! Отлично бы ссадить можно!

Въ это время что-то шлепнулось. Поручикъ сразу вытянулся, захрипѣлъ гортанью, перевернулся. Кровь пошла изъ носу и изо рту. Наконецъ судороги и все. Пуля попала ему около виска.

— Умеръ! подумалъ я. Какъ скоро! Вотъ и нѣтъ его.

Въ первый еще разъ видѣлъ я смерть такъ близко около себя. Человѣкъ, только что со мной говорившій, полный жизни, теперь уже без-

душный трупъ. Переходъ быстръ и поразителенъ! Какъ исказилось его лицо! Смутно стало у меня на душѣ. Я приподнялся, чтобы перекреститься. Нѣсколько пуль прожужжало мимо.

Теряя жертву за жертвой, мы держались съ разсвѣта до часу дня, а помощи нѣтъ, какъ нѣтъ. Меня позвалъ Ласковскій и приказалъ идти назадъ, чтобы дать знать о положеніи дѣлъ и поторопить остальныя роты нашего батальона, которыя мы оставили для расчистки дороги. Надобно сказать, что за тѣмъ оврагомъ, изъ котораго насъ обстрѣливали турки, лежалъ еще оврагъ, тоже впадавшій въ долину Тунджи; верховье его выходило на дорожку версты на двѣ сзади насъ. Когда я отправился, чтобы исполнить приказаніе Ласковскаго, то замѣтилъ (замѣтили это и другіе), что къ устью втораго оврага подъѣхали черкесы, спѣшились и стали подниматься. Очевидно, они хотѣли выйти намъ въ тылъ. Мы тогда оказались бы окруженными со всѣхъ сторонъ и неминуемо погибли. Я тотчасъ доложилъ объ этомъ Ласковскому. Онъ написалъ записку, далъ мнѣ въ конвой двухъ казаковъ и приказалъ передать записку Скобелеву; первое же приказаніе исполнить само собою. Тяжелое впечатлѣніе производитъ путь, по которому мнѣ пришлось пройти. Раненые съ блѣдными лицами и съ безнадежнымъ выраженіемъ лица отползали въ сторону. Стоны ихъ смѣшивались съ свистомъ и ударами пуль. Состояніе духа скверное. Что-то будетъ? Если меня убьютъ, казакъ отнесетъ записку. Но что толку въ запискѣ? Вотъ уже 2 часа по полудни, а на помощь нѣтъ и намека. Конечно, черкесы успѣютъ выйти на дорогу, уничтожатъ нашу роту, настроятъ ложементовъ, не пустятъ Скобелева и пропадетъ наше дѣло, для котораго понесено столько трудовъ. Да, положеніе! Я не въ состояніи передать ту кучу мыслей, которая толпилась у меня въ головѣ. Одинъ рой смѣнялся другимъ. Но каково благополучіе! Помощь уже шла. Казанцы, расчищавшіе дорогу, подходили; части Углицкаго полка тоже. Ударили на черкесовъ, которые уже готовы были выйти на дорогу. Разумѣется, врагъ былъ тотчасъ прогнанъ. Ну! отлегло отъ сердца. Конечно, отъ этого обстоятельства улучшились не много: рота все таки оставалась окруженною съ трехъ сторонъ, но ясно, что уже дѣло проиграно быть не можетъ. Въ это время, какъ я узналъ впослѣдствіе, былъ раненъ въ правую руку полковникъ Ласковскій. Завязавши свою рану носовымъ платкомъ, онъ сѣлъ на камень и, такимъ образомъ, дождался Скобелева. Только сдавши команду, онъ отправился на перевязочный пунктъ, устроенный потомъ на небольшомъ ровномъ пространствѣ, черезъ которое проходила дорога.

Однако я забѣжалъ впередъ; возвращусь къ разсказу. У того крутаго обрыва, съ котораго, какъ помнитъ читатель, мы спускались первобытнымъ способомъ, я нашелъ командира Углицкаго полка, полковника Панютина, которому и началъ передавать положеніе дѣлъ. Подъѣхалъ

Скобелевъ; я передалъ ему записку Ласковскаго. Онъ немедленно поѣхалъ на мѣсто дѣйствія. Всѣ шли пѣшкомъ, онъ одинъ ѣхалъ верхомъ. Пѣшіе падали, поражаемые пулями; счастливаго всадника хранитъ Провидѣніе.

Куропаткинъ поѣхалъ на высоты обрекогносцировать правый флангъ. Скобелевъ распорядился во чтобы то ни стало выбить турокъ изъ оврага. Съ большими потерями удалось выполнить эту не легкую задачу. Атака производилась при совершенно необыкновенныхъ условіяхъ. Ее приходилось вести отдѣльно на каждаго турка, засѣвшаго за камнемъ. Но такъ какъ это было нужно, то и было исполнено. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ былъ очищенъ.

Что же дѣлалось на правомъ? Подполковникъ Куропаткинъ, поѣхавшій туда, вскорѣ былъ пробитъ пулею, которая ударилась въ лѣвое плечо и вышла въ спинѣ ниже угла лопатки.

Превосходный воинъ, еще лучшій человѣкъ, онъ дорого заплатилъ за свою отвагу.

Внимательный къ своему дѣлу, постоянно заботившійся о солдатахъ, быстро соображавшій свои вѣрныя рѣшенія, онъ былъ правою рукою Скобелева. Лицо Куропаткина было блѣдно, черты исказились, но онъ сохранилъ полное присутствіе духа. Онъ передавалъ адъютанту свои распоряженія, а силы его упадали отъ потери крови.

Вѣсть, что Куропаткинъ раненъ, поразила всѣхъ; но, понятное дѣло, особенно сильно самого Скобелева. Офицеры съ почтеніемъ окружили своего начальника штаба и вызывались нести на рукахъ. Онъ мягко отстранялъ ихъ услуги.

— Хотѣлось бы, господа, говорилъ онъ, провести съ вами сегодняшній прекрасный день; да и завтрашній. Покончить бы вмѣстѣ это славное дѣло. Да, видно, не судьба! Ну, ничего! Оно вамъ за то хорошо удастся. Увидимся еще. Рана не опасна.

Подошелъ Скобелевъ. Онъ попрощался съ своимъ помощникомъ, поцѣловалъ его, прослезился и отошелъ. Потомъ опять подошелъ, опять поцѣловалъ. Видимо, этотъ человѣкъ боролся съ своимъ волненіемъ.

Не разъ и не два потомъ вспоминали мы Куропаткина.

На высоты праваго фланга Скобелевъ послалъ съ отрядомъ взвода въ полтора своего ординарца, лихаго козака хорунжаго Дукмасова. Этотъ безъ выстрѣла двинулся на турокъ. Подъ страшнымъ огнемъ подошелъ онъ на близкое разстояніе и открылъ огонь залпами. Дрогнули турки и побѣжали. Погналъ ихъ Дукмасовъ и гналъ до дорожки. Находившіеся на дорогѣ турки, увидя на флангѣ Дукмасова, очистили фронтъ и отступили къ Иметли. Какъ это часто бываетъ при удачныхъ дѣлахъ и энергическихъ наступленіяхъ, у Дукмасова потерь почти не было. Дѣло было кончено часа въ четыре.

Устроенъ перевязочный пунктъ, крайне скудный средствами, потому что было употреблено въ дѣло только то, что захватилъ докторъ съ собой, ибо остальное было на вьюкахъ, а вьюки еще не пришли. Скобелевъ за-свѣтло самъ распорядился разстановкой аванпостовъ, приказалъ на окружающихъ высотахъ во множествѣ развести костры, чтобы привести турокъ въ заблужденіе относительно силы нашего отряда. Когда вполнѣ собрались Углицкій и Казанскій полкъ, то Скобелевъ приказалъ имъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Панютина, двинуться къ Иметли и занять ее. Впереди шелъ Казанскій, сзади Углицкій полкъ; не вдалекѣ слѣдовалъ самъ Скобелевъ. Наступила темнота. Въ грозномъ молчаніи, среди мрака, двигались полки. Что тамъ? Какъ встрѣтятъ ихъ турки? Спустя нѣсколько времени, Панютинъ донесъ, что окраина деревни нами уже занята, крайніе дома осмотрѣны, турокъ не оказалось, вѣроятно вся деревня очищена; около каменныхъ заборовъ солдаты устраиваютъ ложементы, особенно къ сторонѣ Шейнова.

Скобелевъ подтвердилъ, чтобы колонны шли въ порядкѣ, не разбредаясь по сторонамъ и были внимательны, какъ бы не нарваться на засаду. Осмотрѣли деревню. Она была очищена турками и теперь находилась въ нашихъ рукахъ. Успѣхъ увѣнчалъ труды нынѣшняго дня. Поздно Скобелевъ вернулся изъ Иметли. Онъ расположился около костра, гдѣ деньщикъ началъ кое-что приготовлять. Пошелъ и я поискать, не прибылъ ли мой вьюкъ. Отрядъ стягивался и располагался бивуакомъ у того мѣста, гдѣ былъ перевязочный пунктъ. У костровъ сидѣли солдатики. Кто разувался и сушилъ онучи и сапоги, кто растаявалъ снѣгъ и варилъ себѣ какую нибудь крупку, сухари или чаекъ. Мирный говоръ и шумъ раздавался кругомъ. Кое-гдѣ, позевывая и творя молитву, отходилъ солдатъ ко сну.

Прбродилъ я много, а вьюка своего не нашелъ. Болѣе полутора сутокъ я ровно ничего не ѣлъ. Началъ покупать у солдатиковъ сухари и набралъ ихъ фунта полтора. Сухари были изъ солдатскаго кармана, въ пескѣ, въ какомъ-то пуху, свалявшіеся, но тѣмъ не менѣе показались мнѣ необыкновенно вкусными. Увидѣлъ я костеръ, а у костра священника Углицкаго полка. Подсѣлъ къ батюшкѣ. Подошелъ еще одинъ ординарецъ.

Батюшка горевалъ и разсказывалъ, что кто то ему сообщилъ, будто въ битвѣ подъ Шипкой ему придется съ крестомъ идти впереди солдатъ.

— Ну, убьютъ! Ну чтожъ! А вѣдь священникъ нуженъ. Кто будетъ всякія требы справлять. Мы подшучивали надъ опасеніями батюшки и совѣтывали лучше всего спросить объ этомъ у самого Скобелева.

— Что вы! что вы! замахалъ онъ руками. Только скажи ему,—онъ сейчасъ и пошлетъ.

Ноги мои промокли совершенно. На ночномъ морозцѣ сапоги начи-

нали замерзать. Тогда я подкладывался поближе къ костру; ноги совалъ чуть не въ самый огонь; отъ нихъ валилъ паръ и я немного отогрѣвался. Всѣ неудобства были побѣждены той страшной усталостью, которую, находясь въ движеніи, я не замѣчалъ въ теченіе дня. Я крѣпко заснулъ.

Къ разсвѣту успѣли спуститься горная батарея, стрѣлки и болгарское ополченіе.

Проснулся и увидалъ, что батюшка приготовляетъ чай. Онъ любезно предложилъ мнѣ напиться чайку. Я съ восторгомъ выпилъ 3 стакана чаю, который былъ принесенъ, вѣроятно, какъ нибудь за солдатской пазухой.

27-го декабря, когда разсвѣло, Углицкій и Казанскій полки двинулись занимать долину. На долю храбраго Дукмасова опять выпало очистить подошву горъ къ югу, отъ засѣвшихъ тамъ турокъ. Онъ быстро и отлично исполнилъ это дѣло.

Незначительныя турецкія цѣпи, занимавшія въ разныхъ мѣстахъ канавы, были опрокинуты. Наша горная батарея расположилась на скатѣ и дала нѣсколько выстрѣловъ, какъ я думаю, съ той цѣлью, чтобы показать туркамъ, что и у насъ есть артиллерія.

Скобелевъ чрезвычайно хлопоталъ о кавалеріи. Онъ послалъ меня за № 9 донскимъ казачьимъ полкомъ Нагибина. Часамъ къ 10-ти полкъ спустился; а къ 11-ти колона нашихъ казаковъ стояла противъ турецкой кавалеріи.

Противники выслали отъ себя цѣпи наѣздниковъ, которыя то надвигались другъ на друга, то отходили назадъ. Началась джигитовка. Съ горы все это было отлично видно. Выскочатъ двое задорныхъ, постреляютъ и назадъ. Ни одна цѣпь не тѣснила другой, хотя турецкая болѣе чѣмъ въ два раза превосходила нашу. Ограничивались огнемъ съ коня. Хотя столкновенія не произошло, но и отъ огня казаки понесли значительный уронъ. На перевязочномъ пунктѣ ихъ было достаточно. Турки тоже не обошлись безъ потерь. Далеко съ востока мы слышали выстрѣлы и крики.

— Это Святополкъ-Мирскій, говорилъ Скобелевъ. Какая досада, что мы ничего не можемъ предпринять!

Съ самаго утра войска, стоявшія на бивуакѣ, спускались въ долину и овладѣвали ею.

Горная батарея тоже спустилась. Къ вечеру большая часть отряда была въ долинѣ, только батарея Куропаткина, Суздальскій полкъ, уланы, да еще кое-что изъ пѣхоты, занимавшее позицію противъ Лысой горы, остались въ горахъ.

Атаковать сегодня, 27-го декабря, несмотря на все желаніе, не было возможности. Наступила темнота, а ночная атака вещь чрезвычайно ри-

скованная; позиція, занятая нами въ теченіе дня, не была еще укрѣплена, а потому мы не имѣли никакой точки опоры; наконецъ Радецкій самъ разрѣшилъ Скобелеву атаковать, когда соберется весь отрядъ. Вотъ вслѣдствіе этихъ причинъ, атака и была отложена до завтра; а тѣмъ временемъ приступили къ укрѣпленію позиціи у дер. Иметли.

Опять въ громадномъ количествѣ разложили костры. Грянули два хора полковой музыки. Турки озлились и начали пускать гранаты. За вечерней зарей и мы отвѣтили имъ залпомъ, пущеннымъ въ Шейново. Картина была великолѣпная.

Темная ночь. Изъ костровъ поднимаются языки пламени; въ ущельяхъ Балканъ и по долинѣ Тунджи торжественно разносится: „Боже царя храни"; гремятъ орудійные выстрѣлы.

Желая дать людямъ отдохнуть, Скобелевъ приказалъ нѣкоторымъ частямъ отойти къ Иметли и стать по квартирамъ. Костры цѣлую ночь поддерживали казачьи разъѣзды. У деревни генералъ встрѣчалъ солдатъ воодушевляющимъ словомъ, наставлялъ ихъ, какъ дѣйствовать, если-бы турки атаковали ночью.

Въ деревнѣ было изобиліе. Огромное количество фуража дало возможность подкрѣпить силы нашимъ лошадямъ, которыя сильно отощали за время перехода. Люди нашли запасы разнаго варенья и сушенья изъ фруктовъ. Они ѣли эти мѣстныя произведенія до пресыщенья. Тутъ только я увидалъ, какое невообразимое количество варенья можетъ съѣсть солдатъ.

Какъ въ природѣ все затихаетъ передъ бурей, такъ теперь все успокоилось въ Иметли передъ завтрашней грозой. Войска, утомленныя дневными трудами, заснули глубокимъ сномъ. Только въ одномъ турецкомъ домѣ, среди поздней ночи, не спали два человѣка. Съ серьезными лицами они обдумывали важное дѣло завтрашняго дня и писали диспозицію. Это былъ Скобелевъ, и его новый начальникъ штаба графъ Келлеръ. Диспозиція писалась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Еле достали чернилъ, писарей не добиться. Вообще какъ-то забывалось объ этихъ маленькихъ хозяйственныхъ вещахъ, когда впереди было столь великое дѣло.

Вотъ отрывочная диспозиція для боя, отданная въ 6½ час. утра 28-го декабря.

„Для подготовки атаки стрѣлковымъ огнемъ назначаются: 9-й и 11-й стрѣлковые батальоны, сводный батальонъ Углицкаго полка (Пибоди) *).

Въ частномъ резервѣ: 3-я бригада болгарскаго ополченія и горная батарея. Командованіе надъ всѣмъ этимъ отрядомъ поручается флигель-адъютанту, полковнику графу Толстому.

*) Часть Углицкаго полка еще въ Плевнѣ бросила ружья Крынка и вооружилась ружьями Пибоди-Мартини, взятыми у турокъ.

Во второй линіи: 3-я и 4-я дружина болгарскаго ополченія (за исключеніемъ 2-хъ ротъ) и Углицкій пѣхотный полкъ, рота саперовъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Столѣтова.

Въ общемъ резервѣ полки: Владимірскій, Суздальскій, Казанскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Томиловскаго, а до прибытія его— генералъ-маіора Гренквиста.

Вся кавалерія: 1-й драгунскій, 1-й уланскій, 1-й и 9-й казачьи полки, уральская сотня и конники болгарскаго ополченія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дохтурова, занявъ легкими частями деревни на правомъ флангѣ, развертываются на правомъ флангѣ боеваго расположенія,

Во время боя назначеніе кавалеріи охранять правый флангъ общаго боеваго порядка, зорко слѣдя за всѣми движеніями противника и, маневрируя на Казанлыкскую дорогу, искать связи съ отрядомъ генералъ-лейтенанта князя Мирскаго; въ случаѣ отступленія непріятеля, преслѣдовать самымъ энергическимъ образомъ.

Общая цѣль боя—шейновскій укрѣпленный лагерь.

Наступленіе уступами съ праваго фланга.

Я буду находиться въ началѣ боя при передовомъ отрядѣ, впослѣдствіи при общемъ резервѣ. Перевязочный пунктъ назначается въ дер. Иметли.

Пункты расположенія частей пѣхоты будутъ указаны начальникомъ штаба отряда, графомъ Келлеромъ, на мѣстѣ.

Дружина болгарскаго ополченія и рота саперовъ обороняетъ дер. Иметли со стороны Калофера. Подписалъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ".

Атаковать Шейново онъ взялъ на свой страхъ; а приказано было Радецкимъ атаковать Шипку, куда направился и Мирскій. Это приказаніе имѣло за себя только то обстоятельство, что атакуя Шейново, мы подставляли свой лѣвый флангъ подъ ударъ гарнизона Шипки. Скобелевъ, когда спустился съ горъ и сталъ лицомъ къ лицу съ Шейновскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, могъ гораздо вѣрнѣе оцѣнить положеніе дѣлъ, чѣмъ то можно было сдѣлать съ горъ. Если идти на Шипку, то армія стала бы между двухъ огней: между войсками, находившимися на горахъ, и гарнизономъ Шейнова; атакуя шейновскій укрѣпленный лагерь, Скобелевъ билъ въ стратегическій ключъ непріятеля, а потому и достигъ такого полнаго пораженія; а главное обстоятельство—обходя лѣвый флангъ непріятеля, онъ могъ подать руку Святополкъ-Мирскому. Да и кромѣ того, приказаніе Радецкаго, атаковать Шипку надо понимать широко. Это приказаніе не исключаетъ атаку Шейнова, какъ начало атаки всей позиціи, ибо Шейново лежитъ ближе къ Иметли.

28-го Декабря, около 9 ч. утра, начался бой, славный своими результатами. Въ окончательной формѣ наступленіе производилось первой ли-

ніей, расположенной такъ: слѣва Казанскій полкъ и стрѣлки, центръ—Углицкій полкъ, справа—Болгарское ополченіе. Въ первой же линіи шла и горная батарея. Командованіе первой линіей, за выбытіемъ графа Толстаго, раненаго осколкомъ, поручено полковнику Панютину. Для резерва оставались Владимірскій полкъ и Суздальскій, который еще спускался. Отличные землекопы турки, за ночь хорошо укрѣпили свою позицію около дер. Шейново. Профили были усилены, укрѣпленія снабжены дальнобойной артиллеріей.

Началась перестрѣлка. Со стороны турокъ выѣхала небольшая кавалерійская часть.

Достаточно было нѣсколькихъ гранатъ, мѣтко пущенныхъ изъ горныхъ пушекъ опытнымъ артиллеристомъ штабсъ-капитаномъ Гофмейстеромъ, чтобы разметать кавалерію. Болѣе она не появлялась. Огонь усиливался.

Первой заботой Скобелева было войти въ связь съ колоной Святополкъ-Мирскаго, наступавшей съ востока. Для этого, а также, чтобы отрѣзать туркамъ путь отступленія на малыя Балканы, была двинута въ обходъ лѣваго турецкаго фланга вся кавалерія, успѣвшая спуститься съ горъ. Несмотря на это, большая партія черкесовъ прорвалась и ушла. При Скобелевѣ осталось нѣсколько сотень 1-го и 9-го казачьихъ полковъ. Онъ выбралъ мѣсто, откуда очень удобно могъ распоряжаться боемъ. Еще первый разъ за всю кампанію, онъ во время битвы находился внѣ линіи самаго жаркаго огня. Однако турецкія гранаты, привлеченныя кучкой всадниковъ, столпившихся около генерала, ложились весьма близко. Вдругъ что-то тяжелое грохнулось передъ самой его лошадью. Скобелевъ скрылся въ дыму и поднявшейся землѣ. „Погибъ“ пронеслось въ головѣ каждаго. Жжж.... и осколки полетѣли черезъ головы, не задѣвъ никого. Все обошлось благополучно; но всетаки пришлось разъѣхаться въ стороны, чтобы не изображать мишени.

Вообще турецкая артиллерія въ этомъ дѣлѣ стрѣляла плохо: выстрѣлы были не сосредоточены, производились по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, безъ всякой системы и пристрѣлки.

Бой разгорался. Героемъ и душой всего дѣла былъ полковникъ Панютинъ съ своимъ славнымъ Углицкимъ полкомъ. Построивъ его по-ротно, роты развернутымъ фронтомъ, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и съ музыкой двинулся онъ въ атаку. Турецкая граната, попавшая въ музыку, на время было остановила ее; но музыканты оправились и продолжали. Музыка удивительно поддерживаетъ духъ, какъ въ походѣ, такъ особенно при атакѣ. Огонь со стороны турокъ былъ по истинѣ адскій. Это былъ огонь отчаянія. Но Панютинъ со знаніемъ дѣла велъ бой въ порядкѣ и съ замѣчательнымъ умѣньемъ примѣнялъ правила, предписываемыя тактикой. Роты Угличанъ и Казанцевъ залегали въ канавы, потомъ подымались, быстро и безъ выстрѣла перебѣгали до слѣдующаго

закрытія, отдыхали и опять двигались въ атаку бѣгомъ. Болгары бросались въ атаку, конечно, въ меньшемъ порядкѣ, но за то съ неменьшей отвагой; они нисколько не уступали нашимъ. Я скажу, что они бѣжали даже съ большимъ ожесточеніемъ. Раненые собирали всѣ силы, чтобы добѣжать до ложемента и передъ смертью заколоть, хотя бы одного, ненавистнаго турка.

Никакой турецкій огонь не можетъ устоять противъ русской груди и русскаго штыка. Солдаты ворвались въ ложементы и распространяли въ нихъ смерть. Болгары не давали никому пощады и, быстро окончивъ въ укрѣпленіяхъ, бросились на Шейново. Они заходили съ правой стороны, Казанцы съ лѣвой, Угличане двигались прямо.

Шейново было ужасно трудно брать. Турки сидѣли въ каждомъ домѣ, въ каждомъ саду. Штыками мы выбивали ихъ оттуда. Сознавъ невозможность отстоять деревню, они бросились бѣгомъ, кучей, къ своему главному, центральному редуту. Казанцы провожали ихъ послѣдовательными залпами почти въ упоръ. Послѣ каждаго изъ залповъ, какъ будто что-то обрывалось въ толпѣ, и задніе люди массой падали, пораженные на смерть. Оставалось довершить дѣло, взять центральный редутъ.

Онъ помѣщался на высокомъ холмѣ.

Собственно говоря, это не былъ редутъ. Траншея спиралью обвивала холмъ и поднималась такимъ образомъ до самаго верху. На верху были выставлены пушки. Турокъ набралось на этотъ холмъ видимо-невидимо. Они своими особами совершенно плотно прикрывали землю. Разноцвѣтныя чалмы и одежды дѣлали холмъ необыкновенно пестрымъ. Онъ имѣлъ видъ какого-то фантастическаго букета. Представьте же себѣ какой адскій пламень долженъ изрыгать этотъ букетъ если каждая чалма дѣлала не менѣе десятка выстрѣловъ въ минуту.

— Ура! ура! и Углицкій полкъ двинулся на чудовище. Но произошло что-то необыкновенное, неожиданное. По всей турецкой линіи огонь сталъ замолкать.

— Бѣлый флагъ! Бѣлый флагъ! Сдаются! раздалось въ рядахъ.

Дѣйствительно, на холмѣ развѣвался бѣлый флагъ. Такимъ образомъ во второмъ часу пополудни дѣло было покончено.

Скобелевъ поѣхалъ принять сдавшуюся армію. Оказалось, что мы взяли только половину шипкинской арміи, а еще около 15 т. находилось на высотахъ Балканъ, на позиціи противъ Радецкаго.

Скобелевъ началъ убѣждать Весселя-пашу послать пашѣ, командовавшему вверху, приказаніе сдаться. Вессель сначала не соглашался. Скобелевъ объявилъ, что тотчасъ-же двинетъ свои войска въ тылъ туркамъ, а съ фронта будетъ атаковать Радецкій; армію все равно заберутъ и только произойдетъ напрасное кровопролитіе. Паша согласился написать нужное приказаніе, съ которымъ и былъ отправленъ генералъ

Столѣтовъ въ сопровожденіи турецкихъ штабъ-офицеровъ. Турки, стоявшіе вверху, приняли его съ распростертыми объятіями, угостили на славу, немедленно сдались, и Столѣтовъ отправился къ Радецкому объявить радостную вѣсть.

Какъ мнѣ разсказывали, атака Радецкаго была отбита турками. Мѣстность была такова, что не было возможности развернуться, и побитые люди лежали на дорогѣ, какъ дрова, наваленные въ два ряда. Настроеніе духа было унылое; всѣ думали, что дѣла находятся въ отчаянномъ положеніи. Вдругъ русскіе увидѣли, что изъ турецкихъ ложементовъ выходитъ русскій генералъ, поддерживаемый турками (вѣроятно генералъ Столѣтовъ при подъемѣ на шипкинскую позицію очень усталъ и потому нуждался въ помощи) и махаетъ платкомъ, чтобы прекратили выстрѣлы. Стрѣльба остановилась. Громогласное и искренне-радостное ура раздалось на высотахъ. Пошли поздравленія и вообще радостямъ не было конца.

Посмотримъ, что дѣлается внизу.

Несмотря на то, что солдаты во время дѣла вели себя героями, но, видно, и въ герояхъ не умираютъ хищническіе инстинкты. Были прискорбные случаи мародерства; преимуществено между братушками.

Въ одной палаткѣ солдаты нашли турецкое казначейство. Офицеръ приставилъ часоваго. Къ вечеру много каиме и звонкой монеты нагрузили на каруцу (мѣстная повозка, запрягаемая буйволами). Сколько именно—не знаю, но только порядочно.

Деньги отвезли въ Углицкій полкъ и оставили подъ наблюденіемъ Панютина. Войска расположились въ укрѣпленномъ турецкомъ лагерѣ; Скобелевъ со штабомъ въ турецкой землянкѣ недалеко отъ Шейнова. Печальный видъ представляла долина Тунджи послѣ боя. Убитые и раненые положительно покрывали поле сраженія. За день солнце пригрѣло и небольшой снѣгъ, покрывавшій землю, кое-гдѣ растаялъ, и раненые метались въ грязи. Въ судорогахъ, съ запекшимися губами и съ выраженіемъ муки на лицѣ они барахтались въ крови, смѣшанной съ грязью. Тысячи несчастныхъ взываютъ о помощи.

Очевидно, турки надѣялись отступить. Множество повозокъ, запряженныхъ быками и наполненныхъ офицерскимъ имуществомъ, стояло по дорогѣ. Возлѣ нихъ валялись убитые возницы. Раненыя лошади и вьючныя животныя хрипятъ и глубоко вздыхаютъ въ предсмертныхъ мукахъ. Какая масса смертей!

А побѣдитель ликовалъ! Въ самомъ дѣлѣ совершено громадное дѣло. Трудное предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, превзошедшимъ ожиданія. Добыча громадная! Сдались 41 таборъ (около 32 т.), 93 орудія разныхъ калибровъ и системъ, 6 знаменъ. Лошадей вьючныхъ и верховыхъ были цѣлые загоны. Ружей валялось такое множество, что, про-

ѣзжая по полю, можно опасаться, какъ-бы лошадь не поколѣчила себѣ ногъ. Ящиками съ патронами превосходной англійской выдѣлки былъ наполненъ цѣлый ровъ и, кромѣ того, еще громадныя кучи этихъ ящиковъ возвышались въ разныхъ мѣстахъ. Патроны всюду валялись въ грязи. Галетъ роздано было всѣмъ людямъ на нѣсколько дней; просто, кто сколько могъ унести. Лошади наѣлись турецкимъ овсомъ и ячменемъ вволю. Большое количество фуража и всякаго добра навалено на каруцы, запряженныя турецкими-же быками и буйволами. Изъ такихъ каруцъ при каждой отдѣльной части составился цѣлый обозъ. Рогатаго скота захвачено столько, что потомъ каждая часть гнала передъ собой свое особое стадо.

Захватили въ Шейновѣ госпиталь краснаго полумѣсяца. Онъ помѣщался въ хорошемъ домикѣ и состоялъ изъ семи врачей: англичанинъ, пруссакъ, два швейцарца изъ Женевы и греки. Они разсказывали, что турки никакъ не ожидали атаки съ западной стоыоны и считали невозможнымъ, чтобы значительная армія могла пройти черезъ Иметлійскій проходъ. Поэтому все ихъ вниманіе было обращено на востокъ къ Святополкъ-Мирскому и на сѣверъ къ Радецкому. Что касается отряда Скобелева, то они приняли его за демонстрацію и только въ ночь передъ боемъ, увидя такое количество костровъ, начали укрѣплять свою позицію съ этой стороны.

На основаніи международнаго права доктора должны были быть отпущены съ имуществомъ, лично имъ принадлежащимъ. Имъ не могли причинить никакой обиды, но пока они находились при госпиталѣ, то обязаны были нести службу. Въ этихъ видахъ Скобелевымъ былъ командированъ особый офицеръ для охраненія госпиталя. Докторамъ предоставлялось воспользоваться свободой, когда только пожелаютъ. Такимъ образомъ относительно ихъ были исполнены всѣ постановленія Женевской конвенціи. Но за то требовали, чтобы, пока остаются при госпиталѣ, помогали турецкимъ раненымъ, что они исполняли крайне неохотно и приходилось прибѣгать къ принужденіямъ. А между тѣмъ понемногу раненые подходили, да подходили. Ихъ набиралось порядочно. Необходима была энергическая дѣятельность. Скоро увидали, что въ этихъ докторахъ мало проку, и принялись наши врачи и санитары оказывать посильную помощь храброму врагу.

Потери въ отрядѣ Скобелева, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, слѣдующія: убито офицеровъ—6, нижнихъ чиновъ 294; ранено офицеровъ—38, нижнихъ чиновъ 1,190. Всего 1,528 чел.

Если теперь читатель припомнитъ и прослѣдитъ всѣ обстоятельства нашего перехода, то увидитъ, что было сдѣлано все возможное, понесены невѣроятныя трудности, такъ сказать, струны были напряжены до

послѣдняго. Кажется, если ко всему перенесенному прибавилось еще хоть что нибудь, то эти струны должны были лопнуть.

Пусть теперь кто-нибудь скажетъ:

— Отчего вы не сдѣлали того-то, отчего вы не пришли тогда-то?

На подобный горькій и странный упрекъ можно только снова повторить:

— Сдѣлано все, что возможно.

В. Имшенецкій.

7-го Апрѣля 1879 года.

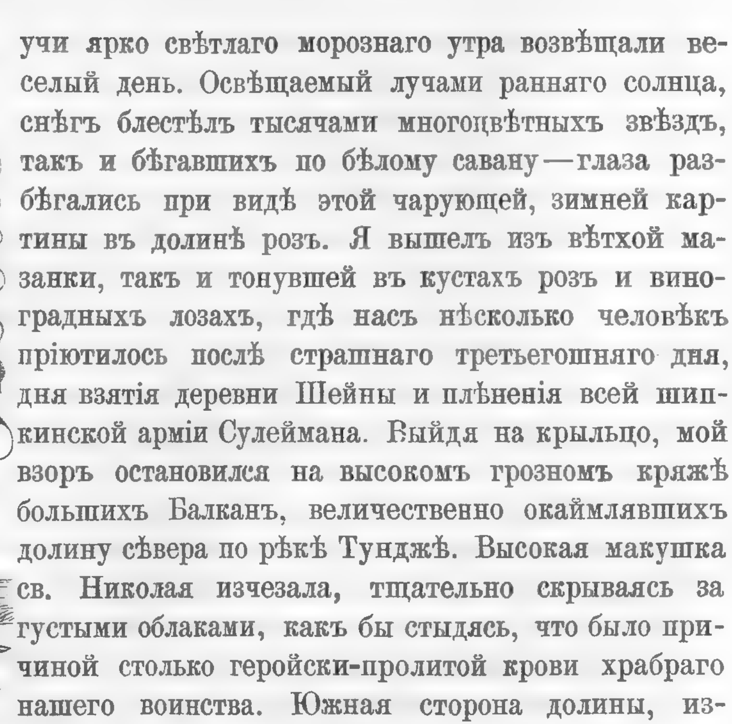
ФОРСИРОВАННЫЙ МАРШЪ
ОТЪ БАЛКАНЪ (ШЕЙНЫ) ДО АДРІАНОПОЛЯ

авангарда дѣйствующей арміи

и

дѣло 7 января 1878 года

У ДЕРЕВНИ ДЕВРАГИ ПРИ ХАСКІОѢ.



Лучи ярко свѣтлаго морознаго утра возвѣщали веселый день. Освѣщаемый лучами ранняго солнца, снѣгъ блестѣлъ тысячами многоцвѣтныхъ звѣздъ, такъ и бѣгавшихъ по бѣлому савану — глаза разбѣгались при видѣ этой чарующей, зимней картины въ долинѣ розъ. Я вышелъ изъ вѣтхой мазанки, такъ и тонувшей въ кустахъ розъ и виноградныхъ лозахъ, гдѣ насъ нѣсколько человѣкъ пріютилось послѣ страшнаго третьегошняго дня, дня взятія деревни Шейны и плѣненія всей шипкинской арміи Сулеймана. Выйдя на крыльцо, мой взоръ остановился на высокомъ грозномъ кряжѣ большихъ Балканъ, величественно окаймлявшихъ долину сѣвера по рѣкѣ Тунджѣ. Высокая макушка св. Николая изчезала, тщательно скрываясь за густыми облаками, какъ бы стыдясь, что было причиной столько геройски-пролитой крови храбраго нашего воинства. Южная сторона долины, изрѣдка покрытая холмиками, поросшими виноградомъ и розами, приковывала взоръ къ своей меньшей окранѣ малыхъ Балканъ, по которымъ змѣей вилась дорожка и пропадала въ туманѣ сѣдыхъ и недовольныхъ своей ролью укрывателей — тучь. Дорога эта перебрасывала за послѣднюю границу Болгаріи — въ Румелію, въ Эски-Загру,

Семенли и т. д. У самаго подножія по сю сторону расположенъ былъ Казанлыкъ — до тла разрушенный еще съ перваго перехода генерала Гурко. Но масса деревьевъ и кустовъ прикрывала его рубище, маскировала его пепелище. Это и есть тотъ Казанлыкъ, куда теперь тянется длинная вереница воловьихъ подводъ съ ранеными воинами нашей 16-й дивизіи, куда за два дня перебралась и главная Его Высочества Главнокомандующаго квартира, куда скоро перетянутъ и насъ! Какъ бы котловина, долина розъ представлялась чѣмъ-то волшебнымъ, дивнымъ. Высокіе курганы тянулись отъ до-тла разрушенной лежащей у подошвы Балканъ деревни Шипки, вплоть до обросшей высокими Чинарами Шейны. За этими-то курганами и защищался Весель-паша, окруженный десятками редутовъ, редюитовъ и заваловъ, но пообложилось все, и широкія русскія груди прошибли искуссно воздвигнутый англичанами лагерь. Сотни турецкихъ труповъ, посинѣвшихъ отъ мороза, и кучи павшихъ лошадей нарушали общую гармонію мира, тишины и спокойствія. Санитары убираютъ, доселѣ недосмотрѣнныя трупы нашихъ, густой дымъ подымается столбомъ отъ сотней костровъ, и много веселыхъ голосовъ перекрикиваютъ другъ друга: тутъ слышна и гармоника и русская пѣсня, да нерѣдко и крупное словцо—это варятъ утреннюю варку. Пробудившись этимъ отъ наблюденій, я направился къ кострамъ. У на-скоро построенныхъ изъ хворосту и сучьевъ шалашей, группами передъ кострами сидѣли солдаты разныхъ ротъ нашего Углицкаго полка. „Ну братъ, таперича шабашъ, повели гостей, послѣдокъ самый въ Россію, такъ таперича шосса открыта до самаго ихняго Константинполя, такъ и заснащивай“, ораторствовалъ стоя передъ сидѣвшей толпой, пожилой унтеръ-капральный. Грубое, закаленное въ бояхъ выраженіе его лица, мнѣ глубоко врѣзалось въ память, и къ сожалѣнію, пришлось его увидать при другихъ, болѣе тяжелыхъ обстоятельствахъ, да про это впереди. Смирно, смирно, послышалось; я оглянулся. Осанистая фигура всѣми обожаемаго и храбраго командира нашего, полковника Панютина, героя Шеинскаго штурма и Хаскіойскаго погрома, рѣшительно шла изгибая шалаши.

Я направился на встрѣчу командиру, мы поздоровались и подошли къ одной изъ этихъ группъ, усердно хлебавшей гороховую похлебку.

— Что это братцы вы сварили, дайко попробовать, — сказалъ онъ своимъ пріятнымъ добрымъ голосомъ.

— Чего прикажете-съ ваше высокоблагородіе,—есть супъ, котлеты и компотъ, не безъ улыбки продекламировалъ молодой солдатикъ, чуть-ли не еврейскаго закона; улыбка его сообщилась и намъ, повторяя меню предлагаемаго обѣда и вспоминая третьеводнишнюю діэту, и всю предыдущую пищу. Въ погребахъ у Веселя нашли много всякаго добра, что на голодный желудокъ изнуреннаго народа пришлось какъ нельзя быть

лучше. Нашлись повара, появились аладьи съ розовымъ медомъ. блины и тому подобныя явства. Неуспѣли еще какъ слѣдуетъ убрать могилу, какъ пришелъ приказъ о выступленіи на Казанлыкъ; встрѣча съ врагомъ близка и неизбѣжна,—вотъ преобладающая мысль этого приказа. На утро все засуетилось, при первыхъ звукахъ барабана и сигнала, поднялись и мы и подоспѣли къ полку, который уже выстроенный стоялъ, ждавши приказанія тронуться въ дорогу, подъѣхалъ и командиръ нашъ, тронулись, потянулись по широкой дорогѣ, поросшей по бокамъ деревьями, и усѣянной трупами турецкихъ аскеровъ (солдатъ). Это отступающая часть турецкой колонны, преслѣдуемая отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго. Входя въ городъ, представляющій крайне грустную картину, насъ встрѣтилъ генералъ Скобелевъ со штабомъ, и проходя мимо главной квартиры, удостоились высочайшаго Его Высочества Главнокомандующаго смотра. Прошли церемоніаломъ во взводныхъ колонахъ, а сзади шествуя въ ногу, несли гробы двухъ нашихъ офицеровъ: капитана Гика-Моценига и прапорщика Купчинскаго, которые и были преданы землѣ въ монастырѣ близъ Казанлыка; такъ какъ умерли они въ утро выступленія, то немогли быть похоронены съ остальными, геройски павшими офицерами въ долинѣ. Провели ночь плохо, холодно было, да и жалко долины, въ которой провели и Рождество и Новый годъ и въ которой зарыты товарищи.

Чуть свѣтало, а мы уже двигались по шоссе, прорѣзая туманъ, по тому самому шоссе, на которое я еще такъ недавно заглядѣлся, стоя на крыльцѣ. Шоссе это возвело насъ на высшую точку малыхъ Балканъ, гдѣ громкое ура побѣдоносно разгласилось по горамъ, и полковой музыкантскій хоръ проигралъ нашъ народный гимнъ „Боже Царя храни", такъ ознаменовали мы, первые русскіе, этотъ шагъ, смѣло минуя границу Болгаріи и рѣшительно занося ногу на путь къ Царьграду. Плавно лились гармоничные звуки народнаго гимна, какъ-бы желая придать болѣе ясности чудной, намъ открывшейся съ высоты горъ, картинѣ, такимъ порядкомъ передовой отрядъ дѣйствующей арміи спускаясь подходилъ къ живописному ущелью съ высокой скалой, какъ-бы стѣной съ одной стороны и глубокимъ обрывомъ съ другой. Очаровательно пролегала эта узенькая дорожка, заставленная артиллеріею и обозами, высланными впередъ. Ведя лошадей въ поводу, и рискуя оборваться и упасть въ бездну, искуссно минуя повозки, мы, т. е. командиръ, адъютантъ поручикъ Гернгросъ и я, пройдя впередъ, подходили къ разлившемуся ручью, чрезъ который было перекинуто бревно. Пройдя благополучно его и проведя лошадь, я былъ внѣ опасности, прошелъ и Гернгросъ, командиръ-же былъ менѣе счастливъ: боясь воды, лошадь его вскочила на бревно оно перевернулось, и всей тяжестью своего тѣла она упала въ ручей. Мы возились около часу, чтобы высвободить ее

изъ ужаснаго положенія и поставить на ноги; недожидаясь развязки, командиръ нашъ усѣлся на патронный ящикъ и покатился къ городу, такъ какъ тотчасъ за горой стоитъ Ески-Загра. Вытащивъ наконецъ коня, направились туда и мы. Какая ужасная и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательная картина представилась нашему глазу!

Разрушенный при входѣ и весь въ огнѣ въ концѣ пылалъ городъ. Былъ часъ девятый вечера—уже темнѣло; освѣщенное пожаромъ ущелье кишѣло людьми, это спускался нашъ полкъ. Богровое зарево далеко обхватило небо и мутно освящало блестѣвшіе штыки уходящаго непріятеля. Отыскавъ себѣ пристанище, мы на этотъ разъ уже въ большой компаніи расположились на ночлегъ. Командиръ Гернгросъ, жолнерный офицеръ Китаевскій, отставной инженерный прапорщикъ и кавалеръ Георгія и Даніила черногорскаго Узатисъ, охотникъ Постельниковъ и я составляли персоналъ компаніи. Раздобывъ ячменя и кукурузы для лошадей и прикативъ огромную бочку съ виномъ для себя, мы разсѣлись въ ожиданіи обѣда. Скоро большой котелъ щей съ краснымъ перцемъ появился, но не на столѣ, а на полу; какъ это всегда водилось, начали трапезу, по окончаніи которой сильный храпъ въ комнатѣ свидѣтельствовалъ о томъ, что всѣ крѣпко спали, измученные переходомъ черезъ горы, что впрочемъ больше непредвидѣлось и что винце болгарское совсѣмъ ужъ не такъ плохо, какъ оно казалось съ перваго раза было еще темно, когда засуетились деньщики укладывая вещи и навьючивая ихъ на сѣдла. Громкіе звуки уже всѣмъ надоѣвшаго подъема сдѣлали свое дѣйствіе, поставили насъ на ноги недовольными, сердитыми за нарушенный покой. Предстоящій переходъ былъ чрезвычайно великъ и идти его предполагалось форсированнымъ маршемъ, дабы успѣть перерѣзать остатки арміи Сулеймана двигающейся на Адріанополь. Отъ Ески-Загры до Малаго Тырнова (Семенли) считаютъ 52 версты и вотъ эти-то 52 версты составляли нашъ сегодняшній переходъ.

Морозное утро встрѣтило насъ тянувшимися по узенькимъ улицамъ погорѣлаго города. Голова растянувшейся колоны выходила уже на шоссе, какъ показался генералъ Скобелевъ съ своей свитой и казакомъ на пѣгой лошади съ его еще туркестанскимъ значкомъ. Сильный рѣзкій вѣтеръ сбивалъ съ ногъ и засыпалъ мелкимъ дождемъ рыхлаго снѣга, гололедица сильно затрудняла движеніе верхомъ; скоро всѣми почувствовавшійся морозъ сдѣлалъ это движеніе невозможнымъ. Окоченѣлыя ноги липли къ стременамъ и скользкій путь безпрестанно заставлялъ падать лошадей, и безъ того плохо подкованныхъ турецкими подковами (турецкая подкова это сплошная съ сердце-образнымъ вырѣзомъ внутри досчечка). Всѣ мы слѣзли и пошли пѣшкомъ, тщательно наблюдая, чтобъ не было отставшихъ, такъ какъ послѣднія легко могутъ замерз-

нуть отъ усталости заснувши на снѣгу. Длинной ниткой растянулась наша колонна еще до перваго привала. Двигаясь такимъ порядкомъ, дошли до какой-то горящей деревни, гдѣ и привалили на $^1/_2$ часа и воспользовавшись этимъ срокомъ, позакусили равно какъ и люди, но, конечно, безъ горячей варки; согрѣвшись у костровъ двинулись вновь. Былъ уже часъ 5-й, восьми-часовой переходъ высказывался на лицахъ всѣхъ вообще и на отсталыхъ въ особенности. Вечерѣло, нѣсколько сумеркомъ подернуло воздухъ, шли мы въ головѣ полка; вдругъ на яркой бѣлизнѣ снѣга показалась тѣнь, не то что волка, но близко къ нему подходящая; мы пустились въ качествѣ развлеченія догонять ее, но тщетно; оказавшаяся въ послѣдствіи собака приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры спасенія и скрылась. Преслѣдуя мнимаго волка, мы отъѣхали съ полверсты отъ полка, къ которому возвращаясь наткнулись на полуразрушенный шалашъ незамедлили слѣзть, увидавъ дымъ, есть гдѣ погрѣться. Полуразрушенный изъ соломы воздвигнутый шалашъ былъ заваленъ сухой кукурузой. Посреди разведеннаго костра сидѣли четыре отсталыхъ солдатика, одного изъ стрѣлковыхъ батальоновъ нашего отряда, часомъ раньше выступившаго изъ Ески-Загры. Тутъ же отмщая за причиненный страхъ и нанесенное безпокойство за свою шкуру, злобно ворча смотрѣла на насъ собака, та самая, которая благодаря своей шкуры не могла доказать намъ свое чисто собачье происхожденіе. Погрѣвшись, мы догнали полкъ. Потерявъ свои рукавицы, я лишенъ былъ возможности управлять конемъ, да и при томъ рѣзкій вѣтеръ и мелкій снѣгъ всѣхъ насъ снялъ съ лошадей. Была уже поздняя ночь, когда по колѣно въ снѣгу обходной дорогой подходилъ нашъ отрядъ къ деревнѣ, т. е. къ мѣсту нашего путешествія на этотъ разъ. Выйдя опять на дорогу, съ одной стороны которой тянулась изгородь, огораживая какой-то виноградный садъ, по серединѣ котораго были раскинуты три-четыре хижины. Жажда отогрѣться, мечтая отдохнуть и поѣсть, мы обогнавъ полкъ взошли въ одну изъ этихъ мазанокъ: спящее царство представлялось намъ, когда распахнулась дверь и дохнуло на насъ испорченнымъ воздухомъ, тутъ спалъ командиръ Владимірскаго полка полковникъ Аргамаковъ со своими офицерами, только что пришедшими и уже отдыхавшими, измученные 52-хъ верстнымъ переходомъ. Не добившись толку отъ спящихъ, отправились далѣе и минуя кучи брошенныхъ непріятелемъ каруцъ, зарядныхъ ящиковъ и передковъ, вступали съ головою колонны въ деревню Тырново (малый). У станціи желѣзной дороги расположился Скобелевъ со штабомъ,—онъ тутъ же насъ и встрѣтилъ.

Отогрѣвшись у наканунѣ раненыхъ офицеровъ 2-го Лейбъ-Московскаго драгунскаго полка, мы ждали возвращенія нашего принципаля, ушедшаго къ своему, т. е. Скобелеву. Когда онъ вернулся, отправились догонять полкъ, который тѣмъ временемъ былъ направленъ чрезъ узкій

желѣзно-дорожный въ одинъ путь мостъ, ведущій въ деревню Семенли чрезъ рѣку Марицу. Пройдя на мѣсто, мы остановились ночевать у болгарина въ хатѣ. Довольно чистый и большой каменный домъ съ дворомъ изображалъ изъ себя, полагать надо, монастырь: на его дворѣ стояла чистенькая и тоже въ свою очередь свѣтлая хатка, въ которой намъ и суждено было перевести духъ до слѣдующаго разсвѣта. Когда устроившись легли на тюфяки и всякую подобную роскошь, нашедшуюся подъ руками, наѣвшись тѣхъ же щей съ стручками краснаго перца, придававшаго необыкновенно пріятный вкусъ, какъ по крайней мѣрѣ тогда казалось, да еще завершивши обѣдъ пойманной кокошкой (курица по-болгарски), мы заснули до невозможности усталые. Было свѣтло на дворѣ, первый блескъ взошедшаго солнца игралъ по снѣгу, перебѣгая съ одного мѣста на другое и измѣняясь въ тысячу разныхъ цвѣтовъ; такъ и бѣгали изумрудныя звѣздочки по замерзшимъ стекламъ оконъ, въ слипавшихся отъ усталости глазахъ.

Тихій мертвый сонъ и громкое храпѣніе въ носъ обуяло всѣхъ, весь лагерь, всю спящую деревню. Спали мы до вечера и на этотъ разъ проснулись, пробужденные не звуками подъемнаго марша, а вечерней зари протрубленной горнистомъ, какъ разъ подъ окномъ мазанки. Деньщики храпѣли, да и деревня спала, когда вошелъ нашъ сосѣдъ по хатѣ, командиръ 1-й бригады и командующій дивизіей покойный генералъ Томиловскій съ радостной вѣстью, что выступленіе назначено на завтрешнее утро. Ой да праздникъ, двѣ ночи сна, отмѣнно хорошо, да и переходъ остается небольшой—до Германлы всего-то на всего 13 верстъ. Сдѣлавши такой большой переходъ въ одни сутки, намъ малымъ казался переходъ въ 13-ть верстъ. Все тѣмъ же порядкомъ мы ѣли, легли, спали и выступили только въ 12 часовъ пополудни въ Германлы. Дорога эта была убійственна, тысяча труповъ скота валялось по обѣимъ сторонамъ шоссе, невыносимъ былъ запахъ, весь зараженный разложившимися лошадьми-буйволами (биволя по-болгарски), овцами, ослами, магарами, и всякаго рода животными. Разрушенный, какъ большинство, даже скажу больше, какъ всѣ города, Германлы носилъ общій характеръ всѣхъ нами видѣнныхъ до селѣ, селъ, деревень н городовъ. Полуразрушенное полупогорѣлое Германлы, было буквально наполнено грудами труповъ животныхъ, валявшихся на улицахъ города и свѣжіе трупы свидѣтельствовали о еще недавнемъ господствованіи тутъ турокъ.

Шоссе, ведущее къ городу въ верстѣ отъ него, круто спускается и кончается мостомъ перекинутымъ чрезъ мелкую рѣченку. Отъ моста шоссе развѣтвлялось въ узенькія и грязныя улицы Германлы. Около моста шпалерами по шоссе тянулись трупы и многіе еще живые волы, буйволы, грустно свѣсивши головы стоя ждали, когда имъ придется лечь. Спустившись съ горы, пройдя мостъ и двѣ три улицы, мы остановились, какъ

полагали надолго совершивши повторяю столь знаменательный для пѣхоты переходъ. Не безъ труда отыскали себѣ подходящую хату или на этотъ разъ уже домикъ; только что расположились, какъ насъ потребовали на бивуакъ. Такъ какъ полкъ не занялъ города, а сталъ бивуакомъ разбитымъ при городѣ. Таяло, легкій, но холодный дождь моросилъ прямо въ лице, мы сѣли на коней и поѣхали, холодные, голодные и усталые. Минуя тѣ же улицы, тотъ же мостъ и ту же падаль, мы подъѣхали къ бивуаку. Люди развели костры, варили варку; командиръ нашъ сидѣлъ съ генераломъ Дохтуровымъ (начальникъ кавалеріи отряда). Оказалось, что была возможность насъ тронуть на показавшійся отрядъ турокъ завязавшихъ перестрѣлку съ нашей кавалеріей (с.-петербургскаго уланскаго и московскаго драгунскаго). Въ ожиданіи осуществленія такой въ данномъ случаѣ непріятной возможности, мы сѣли за шашлыкъ, который тутъ же жарился на вертелѣ.

По случаю непредставившейся надобности движенія впередъ, мы отправились домой. Длинныя колонны войскъ спускались съ горы, подходя къ Германлы, какъ и мы, 2 часа тому назадъ. Проѣзжая мостъ, я обратилъ вниманіе на лежащую зарѣзанную, какъ видно, ножемъ арабскую лошадь. Войско все подтягивалось къ бивуаку, столь маленькому часъ тому назадъ и все росшему по приходу новыхъ частей, такъ какъ нельзя сказать свѣжихъ, ибо стоявшія были много свѣжее приходившихъ. Спокойно провели ночь, не подозрѣвая, что въ 10-ти верстахъ стоитъ турецкій отрядъ, съ которымъ, вѣроятно, намъ придется покончить. Утромъ генералъ Скобелевъ со штабомъ, генералъ Струковъ и полковникъ Панютинъ, ѣхавши за которыми мы изображали штабъ, объѣхали выкопанные наканунѣ ровики для стрѣлковъ и осмотрѣвъ линію аванпостовъ отъѣхали верстъ 15 отъ города. Скобелевъ останавливался, показывалъ вдаль, махалъ руками и что-то горячо объяснялъ Панютину. Стоявши на хвостѣ свиты и не будучи посвящены въ эти тайны бѣлой стратегіи (у турокъ Скобелевъ—Аакъ-паша, что значитъ бѣлый генералъ), мы не могли понять смысла этихъ жестикуляцій. Всякій истолковывалъ ихъ самостоятельно, я отъ усталости ими мало былъ занятъ. Тѣмъ болѣе, что я лично какъ въ черную магію, такъ равно въ бѣлую стратегію мало вѣрю. Какъ бы сдѣлавши дѣло, всѣ кромѣ насъ, мелкаго полета птицъ, казались довольны, возвращались домой. Снѣгъ такъ хлопьями и валилъ въ лице и билъ насъ справа, вотъ почему у всѣхъ правыя ноги насквозь промокли. 4-го января, будучи разбитъ у Филиппополя отрядомъ генерала Гурко, Сулейманъ долженъ былъ отступить на Адріанополь, но отступить съ такимъ разсчетомъ, чтобъ избѣжать преслѣдованія.

Съ этой цѣлью Сулейманъ собралъ изъ окрестностей 20 тысячъ повозокъ (каруцъ), далъ имъ прикрытіе изъ 7-ми таборовъ регулярной пѣ-

хоты, до 10-ти тысячъ конныхъ черкесовъ и баши-бузуковъ и вооруживъ жителей, которыхъ такъ саркастически иностранныя газеты называютъ „мирными", вывелъ на шоссе, имѣя цѣлью ими запрудить шоссе на Эдрине и этимъ затруднить перевозку артиллеріи и, вообще, переходъ отряда. Полагая, что данное имъ прикрытіе задержитъ корпусъ Гурко и когда послѣдній разобьетъ прикрытіе, а главное разчиститъ дорогу, Сулейманъ давно безнаказанно пройдетъ въ Адріанополь, гдѣ и засядѣтъ, стараясь сдѣлать вторую Плевну. Тутъ и высказываются его планы и нашъ форсированный маршъ. Сулейманъ никогда не думалъ, что нашъ отрядъ подоспѣетъ разчистить дорогу корпусу Гурко и послѣдній по ровной дорогѣ пройдетъ въ Эдрине. Благодаря чему, онъ взятъ безъ выстрѣла и окончена кампанія. Слухи о выступленіи, принимая все болѣе и болѣе грозный характеръ, окончились приказомъ о выступленіи съ разсвѣтомъ на Хаскіой. Въ приказѣ предписывалось полковнику Панютину съ ввѣреннымъ ему отрядомъ выступить на Хаскіой, въ составъ котораго входили слѣдующія части: Углицкій полкъ безъ двухъ ротъ, 11-й стрѣлковый батальонъ подъ командою полковника Карпова, 2 сотни казаковъ № 9 полка, при двухъ орудіяхъ подъ начальствомъ храбраго штабсъ-капитана Турчанинова. Эти-то части и должны были сосредоточиться къ 6-ти часамъ утра, 7-го января 1878 года, при выходѣ изъ города на шоссе. Многіе были рады, а многіе—нѣтъ; очевидно, предвидѣлось дѣло, на которое больше не разсчитывали. Да и не было чему радоваться, не одной души оно стоило.

Тревожнѣе прошедшихъ былъ сонъ въ эту ночь, не скоро онъ овладѣлъ всѣми, Богъ знаетъ, думалось что будетъ завтра, неужели возможная смерть. Какъ-то не могу представить міра безъ себя, это невозможно, чудится. Всѣ спали уже, я все еще не могъ, менѣе другихъ привыкшій къ этимъ ощущеніямъ—я бодрствовалъ. На дворѣ было свѣтло, луна проливала свой дивный свѣтъ на спящій городъ, волшебное освѣщеніе бѣлаго савана, такъ густо покрывавшаго землю, было крайне поэтично, синее небо усѣяно звѣздами и вотъ одна маленькая, второй величины звѣзда, ярко мерцая, заглядываетъ къ намъ въ комнату. Мертвая тишина царствуетъ вокругъ, только изрѣдка глухой выстрѣлъ или крикнетъ кто-то, Богъ вѣсть откуда, нарушитъ тишь и приводитъ ближе къ дѣйствительности, къ прозѣ, изъ области обаятельнаго міра поэзіи. Но нѣсколько отбитыхъ приступовъ не заставили Морфея отступить, съ помощью усталости онъ овладѣлъ мною, я заснулъ. Летитъ время, уноситъ годы, мѣсяцы, недѣли, унесло и эту ночь. Въ ярко красный цвѣтъ окрасилось небо, солнце всходило, его первыми лучами освѣтилась наша хата. Всѣ вставали, мнѣ одному только до смерти хотѣлось спать. О! какъ пріятно спать на грязномъ сѣнѣ, накрытый еще болѣе грязнымъ полушубкомъ и положивъ подъ голову, на тѣхъ-же свой-

ствахъ, попону въ качествѣ подушки. Спать-то подлинно хочется, да нельзя, тянутъ раба Божьяго на заклятіе. Скоро въ путь. Напились чаю, поѣли и поскакали къ мосту. Отдѣлавшись отъ своего краснаго цвѣта, солнце встрѣтило нашъ отрядъ на шоссе, готоваго къ выступленію.

Собрались всѣ кромѣ нашей артиллеріи и кавалеріи, т. е. 2-хъ орудій и казацкой сотни. Недождавшись послѣднихъ, мы тронулись. Нашъ полкъ изображалъ голову колонны, стрѣлки-же хвостъ. Впрочемъ, сотня насъ скоро догнала, орудія-же наши подоспѣли немного позже. Солнце уже высоко надъ головами, а мы все идемъ и идемъ, только снѣгъ хруститъ подъ ногами. Вотъ при дорогѣ стоитъ шалашъ, это кавалерійскій пикетъ. Подходя къ шалашу, мы остановились, оттуда вышелъ маіоръ въ уланской формѣ, начальникъ линіи аванпостовъ. Объяснивъ Панютину, какъ начальнику отряда, что турокъ близко нѣтъ, что послѣднее полученное имъ свѣдѣніе гласитъ, что турки въ 12-ти верстахъ и много другихъ крайне утѣшительныхъ подробностей. Послѣ $^1/_2$ часа барабанъ раздался, полкъ заколыхался, мы двинулись. Та часть шоссе, по которой мы шли, была волниста, прорѣзая много горъ и овраговъ; верстахъ въ 5-ти отъ шалаша усатаго маіора намъ стали попадаться каруцы. Сначала одиночные, а потомъ и группами, стоявшими на дорогѣ при самыхъ верстовыхъ столбахъ. Между прочими каруцами, мы обратили взоръ на одну, около нея валялось три трупа черкесовъ, по которымъ преважно разгуливалъ пѣтухъ, за повозкой лежали одинъ мертвый, а другой умирающій волы. Въ самой же каруцѣ лежала полузамерзшая старуха турчанка, но не до нее было—никто ни помогъ, да и врядъ-ли была возможность возвратить ее къ жизни. Грустная картина, война! Наканунѣ, когда насъ потребовали на бивуакъ, полагая возможнымъ выслать въ поддержку драгунамъ, завязавшимъ перестрѣлку, слѣды которой и есть эти трупы и каруцы. Долго еще мы двигались, прошли верстъ 7 отъ маіора, какъ вдругъ съ горы, на которую поднималось шоссе, раздался залпъ, другой, третій—три, прежде чѣмъ мы могли даже сообразить о качествахъ нашей кавалеріи, три залпа, вынесшіе изъ строя не одну христіанскую душу и между первыми пожилаго капральнаго, доказывающаго еще такъ недавно о невозможности „битвъ", „непремѣнномъ замиреніи" и о послѣдкѣ турецкихъ силъ, отправленныхъ въ качествѣ военно-плѣнныхъ въ Россію. Убитъ на повалъ, не стало храбреца, сдѣлавшаго всю кампанію, уже мечтавшаго о дѣтяхъ, женѣ и возвращеніи на родину; бѣдный, царство небесное! Да не онъ одинъ такой. Поражая насъ фронтальнымъ огнемъ, непріятель заставилъ прикрыться за гору, что мы съ быстротою и исполнили.

Во всякомъ дѣлѣ первая пуля—новое впечатлѣніе. Сначала какъ-то несознаемъ, что этотъ „бззы" несетъ смерть, когда же услышится вопль,

стоны раненыхъ, видящихъ смерть въ лице, когда увидятся убитые, умирающіе, тогда настанетъ минута ужаснаго, подавляющаго впечатлѣнія, минута отчаянія и безвыходности, вотъ недостатокъ силы воли обуздать это впечатлѣніе и есть трусость, вотъ кого я называю трусомъ. Высокая гора слѣва ограничивала шоссе, подымавшееся тоже на менѣе высокую, но крутую гору. Справа мѣстность представляла равнину до самаго горизонта. Подъ прикрытіе высокой горы, или иначе говоря, налѣво всталъ нашъ полкъ, на шоссе остановилась нашего отряда артиллерія, на долинѣ же почти внѣ выстрѣла выстроились стрѣлки, казаки поднялись на гору со стороны стрѣлковъ, или направо отъ шоссе дабы слѣдить за движеніемъ непріятеля. Началось дѣло, но никто не зналъ съ кѣмъ оно ведется, какая числительность врага, какая сила? Такъ или иначе, полагать надо было, что онъ насъ много превосходитъ числомъ, но безъ орудій. Влѣзая на гору, первый батальонъ залѣзъ, открылъ огонь между двухъ горъ, въ обходъ слѣва пошелъ 2-й, справа на гору велѣно было тронутся стрѣлковому, но онъ что-то стоитъ. Панютинъ стоялъ на шоссе подъ страшнымъ огнемъ у орудій и наблюдалъ. Замѣтивъ колеблющихся стрѣлковъ, онъ вскочилъ на коня и полетѣлъ къ нимъ. Тронулись стрѣлки. Турки поддерживали сильный ружейный огонь и буквально не давали подойти. Еслибы кто полюбопытствовалъ преждевременно посмотрѣть адъ, впрочемъ охотниковъ вѣроятно нашлось бы мало, тому попасть въ дѣло—чистѣйшій адъ: шумъ, крики, стоны, залпы, суета, дымъ, опять крики и стоны, опять залпы и шумъ и все хаосъ, хаосъ. „Пресвятая Богородица, Мать святая, помоги мнѣ грешному", стонетъ солдатикъ, подшибленный пулею Снайдера, а съ ней шутки плохи. Грозно смотрѣли наши два орудія на непріятеля, съ книжечкою въ рукахъ, математически вѣрно направляя полетъ снарядовъ, стоялъ Турчаниновъ. Ба-бахъ-бззы, прошипитъ и откатится орудіе. Дымокъ надъ головами турокъ и „ала, ала" доказывали дѣйствительность выстрѣловъ; только щепки летятъ отъ ихняго обоза, такъ и засвистываетъ орудія, велерѣчиво замѣчаетъ самодовольный наводчикъ. Тамъ, за артиллеріею снаряжаютъ санитары каруцы съ ранеными и цѣлыми транспортами отправляютъ въ Германлы. Долго насѣдали турки, желая перейти въ наступленіе, чувствуя свой численный перевѣсъ,—ихъ все удерживалъ нашъ огонь. Наконецъ они ударили на стрѣлковъ. „Рота пли", разъ, другой и они опрокинуты, мы сами ударили въ штыки. Ура стрѣлковое раздается на горѣ, а одно время было очень плохо; очевидное превосходство силъ и назойливое наступленіе заставляло думать объ отступленіи, о безполезной тратѣ людей и патроновъ. Единовременно справа, стремясь обойти, вступали 1-й и 2-й батальоны; смекнувъ опасность своего положенія, турки отступили не переставая огонь. Общее ура загремѣло, два фланга сошлись на горѣ, подвезли артиллерію, еще залпы по отступающимъ.

Все это длилось три часа безъ малаго, но пролетѣло время скорѣе чѣмъ описано. Гора, которую намъ принуждены были уступить турки, послѣ трехъ часовой обороны, спускалась вновь 2-мя уступами и затѣмъ пролегала уже ровной линіею. Солнце стояло на зенитѣ, бросая прямо свои лучи на штыки отступающихъ таборовъ. У перваго изъ этихъ уступовъ былъ вырытъ большой курганъ, на которомъ еще шла перестрѣлка, въ этотъ моментъ подъѣзжалъ Скобелевъ со штабомъ. Съ высоты не трудно было опредѣлить численность врага, его насчитывали до 8 таборовъ регулярной пѣхоты (низамъ) и до 15-ти тысячъ всадниковъ, къ числу черкесовъ и башибузуковъ причисленныхъ. Преслѣдовать, преслѣдовать непремѣнно,—кричалъ Скобелевъ.

Но преслѣдованіе было трудно, во-первыхъ трудно было сразу собрать полкъ, во вторыхъ потому, что непріятель былъ въ три раза сильнѣйшій и не бѣжалъ, а отступалъ въ порядкѣ. Широкая дорога, какъ заборомъ съ двухъ сторонъ была уставлена каруцами, наваленными всякимъ имуществомъ. Орудія, орудія,—кричатъ—солдаты, орудія на курганъ. Артиллерія дѣйствительно подъѣхала и силою своего огня прекратила перестрѣлку и на курганѣ. При всякой каруцѣ лежали 2—3 быка или буйвола; многіе старики, жены и дѣти, неимѣющіе возможности уйти съ таборами, были вооружены ружьями. Грустное зрѣлище представляло собою шоссе, сотни изувѣченныхъ животныхъ, разбитыхъ повозокъ, убитыхъ дѣтей и женщинъ валялись на снѣгу. Все это сила шрапнели. Залпы прекратились, одиночные выстрѣлы стали рѣдки; когда исполнивъ возложенное на меня порученіе я возвращался къ Панютину, проходя эту стѣну телѣгъ, со мною шелъ командующій 5-ю ротой, подпоручикъ Ригельманъ 6-й пѣхотной дивизіи. Протяжное „бззы“ прошипѣло подъ ушами, мы переглянулись—и чтоже, въ трехъ шагахъ отъ насъ по турецки сидя въ каруцѣ прицѣливался въ насъ старикъ-турка, какъ лунь сѣдой; мы остановились какъ вкопанные; очевидно, что или мои или его часы, даже минуты сосчитаны почти въ упоръ. Какъ ждутъ результата подсудимые, чувствуя приговоръ казни, ждали мы эту ужасную минуту. Дззы, оглушительно пролетали и вторая пуля вслѣдъ за первой на волосокъ отъ меня. Какъ гора съ плечъ свалилась, озлобленные мы подскочили къ каруцѣ фанатика, но не поднялись руки на сѣдины старца, мы отошли, машинально оглянулись, боясь быть можетъ третьяго выстрѣла. И что же за зрѣлище представилось намъ. Высокій болгаринъ еще молодой. косякомъ отъ колеса бьетъ по головѣ старца, ужасно скорчившись и брыкая ногами, доживая послѣднія минуты лежалъ старикъ, скоро вмѣсто головы у него сдѣлался бѣловато-красный студень. Трудно себѣ представить большую ненависть, чѣмъ та, которая существуетъ между двумя этими народностями. Если два турка дорогою встрѣтятъ болгарина—онъ останется безъ носа, рукъ, словомъ изуродованный; если

же два болгарина наткнутся на одного турка, то врядъ-ли его ожидаетъ лучшая участь. Охотникъ Постельниковъ и капельмейстеръ Гоффъ дѣятельно распоряжались по части санитарной, отправляя раненыхъ, перевязывая ихъ и укладывая въ каруцы на турецкія одѣяла.

Странно, что наши раненые, при полученіи ранъ, очень нетерпѣливы; на другой, третій день, когда всего больше болитъ рана, терпѣніе ихъ доходитъ до самоотверженія. Между многими отправляемыми въ Германлы ранеными были два еврея. И оба представляли своими личностями большой курьезъ. Одинъ изъ нихъ, взбѣгая съ ротою на гору, имѣлъ висящую на животѣ манерку; пуля пробила манерку и осталась въ ней; отъ сильнаго удара въ животъ еврей упалъ, естественно чувствуя боль въ животѣ. Проходя мимо неподвижно лежащаго еврея, другой спрашиваетъ его, поднимая, что съ нимъ. Обрадованный еврей стремглавъ летитъ къ санитару, закрываетъ глаза и говоритъ: „помогите, пуля на вылетъ пробила животъ". Онъ такъ убѣдительно жаловался на нестерпимую боль въ животѣ, что былъ посаженъ вмѣстѣ съ другими ранеными и отвезенъ въ Германлы, гдѣ обнаруживали обманъ или, вѣрнѣе, наивность (у страха глаза велики). Его препроводили обратно въ полкъ. Другой еврей, наполнивши лотокъ всякими явствами, еще подъ пулями открылъ хандель; причемъ, продавши апельсинъ Панютину, получилъ золотой. Вообще трудно было запретить людямъ запускать руки въ каруцы,—они это дѣлали подъ огнемъ непріятеля. Да и не удивительно, такъ какъ походъ изнурилъ ихъ; надо же найти солдату хоть одну свѣтлую сторону въ бою, надо же хоть чѣмъ нибудь отвести душу Желая преслѣдовать врага, Скобелевъ приказалъ Панютину скорѣе, сосредоточивъ отрядъ подъ горой на шоссе, пойдти по пятамъ, погоняя людей подъ гору, спеціально занятыхъ барантой. Меня поразила слѣдующая сцена: турецкій солдатъ, еще живой, лежа на снѣгу, горѣлъ; густой дымъ клубами подымался отъ его обугленныхъ ногъ; крупными каплями сочилась кровь изъ раненой груди, до которой уже доходилъ огонь. Какое страшное выраженіе лица, сколько муки, какая печать страданій на челѣ! Бѣдный мученикъ, самъ по себѣ ничѣмъ не виноватый,—живой горитъ. Что могло его зажечь—не знаю. Но не нашлась ни одна душа, которая бы помогла ему умереть болѣе легкою смертью. Я, мягкій по-натурѣ, спокойно проѣхалъ мимо. На минуту ни чья мысль не была занята имъ. Настолько очерствѣетъ сердце, привыкшее къ такого рода зрѣлищамъ. Вотъ они, ужасы войны, вотъ закулисная и самая ужасная сторона войны. Собравъ отрядъ, готовый къ дальнѣйшему движенію, Скобелевъ сказалъ два-три слова людямъ, полагая еще дѣло, штурмъ Хаскіоя. Зашагали, и, проходя мимо каруцъ, раненыхъ, убитыхъ и замерзшихъ, шли какъ ни въ чемъ ни бывало; ни разговоровъ о прошедшемъ дѣлѣ, ни слова,—языкъ былъ скованъ штурмомъ Хаскіоя.

Всякій шелъ, думая, еще не конецъ, могутъ двадцать разъ убить. Это только начало. Медленно мы двигались, шагъ за шагомъ. Много времени поглощала разчистка дороги, запруженной обозомъ и волами. Смеркалось. Какъ волчьи глаза во мглѣ ночи свѣтились огоньки уходящаго непріятеля. Онъ свернулъ съ шоссе налѣво и направился въ горы; мы же двигались впередъ, полагая найти турокъ въ Хаскіоѣ. Скобелевъ, начальникъ штаба, графъ Келлеръ, Панютинъ и весь штабъ медленно, безпрестанно останавливаясь, шли во главѣ колонны. Кто-то мчится по шоссе съ казакомъ; подскакиваетъ, прикладываетъ руку къ козырьку своей бѣлой фуражки и доноситъ, что кавалерія отряда Гурко заняла безъ выстрѣла Хаскіой. Это поручикъ кирасирскаго Его Величества полка Толстой. Дохнули свободнѣе, да и людямъ главное сдѣлалось легче. „Жалко,—сказалъ Скобелевъ,—жалко". — „Расчесали бы ихъ, прохвостовъ", замѣтилъ Панютинъ. Какъ корабль въ морѣ, нашъ полкъ въ пустой кругомъ мѣстности двигался веселѣе и уже подходилъ къ городу. Давно знакомая картина—городъ въ огнѣ; багровое зарево широкой лентой вьется подъ нимъ. При входѣ въ первую улицу города, лежали три трупа, двухлѣтній ребенокъ и старикъ, зарѣзанные, и удавленный, обезображенный трупъ, по одеждѣ признаваемый за болгарина. Взойдя въ городъ, около минарета, на главной улицѣ стояло стадо овецъ; причемъ обратилъ на себя вниманіе сѣрый баранъ, съ огромными, въ свирѣль согнутыми рогами. Мы сейчасъ же загнали стадо въ первый тутъ же попавшійся сарай. Баранину очень охотно ѣдятъ люди; она въ Турціи чрезвычайно вкусна. Квартиру отыскали себѣ въ домѣ табачной фабрики, гдѣ, увы, кромѣ бандеролей и турецкихъ бумагъ ничего не нашли. Фабрика эта помѣщалась противъ конака (полиція, дума) на городской площади. Не поврежденная пожаромъ, квартира наша была лучшая. Противоположная сторона на площади была вся въ огнѣ. Отлично освѣщенные свѣтомъ пожара, мы легли спать. Даже во снѣ стали созрѣвать недоконченныя впечатлѣнія прошедшаго дѣла. День стоялъ морозный. Выступленіе назначено на слѣдующее утро. Значитъ, можно, если побѣдишь холодъ, еще ночь спать. Оно-то такъ, да въ этой противной Турціи дома ужъ больно плохи, чисто избушки на курьиныхъ ножкахъ; холодные, какъ погреба, воздушные, изъ тонкихъ досочекъ сколоченные; а главное, безъ стеколъ и печей. Надо замѣтить, что въ турецкой имперіи на производство стекла монополія въ рукахъ англичанъ; вотъ почему часто въ роли стекла фигурируетъ жировая бумага. Что же касается до печей, то ихъ вовсе нѣтъ; есть такъ называемыя монгалы. Это родъ нашихъ жаровень, на трехъ ножкахъ; наполняются они горящими угольями, которые распространяютъ жаръ, далеко, впрочемъ, не пропорціональный холоду. Къ вечеру у Панютина собрались гости, былъ обѣдъ съ генераломъ; пришелъ Скобелевъ, начальникъ штаба и всѣ орди-

нарцы. Наша маленькая фабрика пріютила подъ своею кровлей—Панютина самъ 12-ть. Передъ обѣдомъ мы любовались выступленіемъ гвардейской кавалеріи на Германлы. Во время обѣда мы наслаждались ѣдой и виномъ, а послѣ—музыкою. Скоро, по окончаніи фистиваля, всѣ улеглись,—гости уѣхали. Уже всѣ спали, когда я заснулъ, и то благодаря обѣду, а то отъ холоду глазъ бы не закрылъ. Барабанъ раздался; весь нашъ полкъ собрался. Вспомнился мнѣ припѣвъ одной изъ оперетокъ Оффенбаха, когда на утро, при первыхъ ударахъ по барабану, полкъ собирался выстроиться къ выступленію. Утро было морозное и чрезвычайно рѣзкій вѣтеръ дулъ въ лицо. Когда мы подходили къ мѣсту, гдѣ было дѣло, мнѣ представилась картина еще ужаснѣе, чѣмъ прежде. Все, что было оставлено еще живымъ въ каруцахъ, было заморожено. Массы брошенныхъ матерями дѣтей, старухъ и стариковъ было мертво. Но мало этого: еще нѣсколько свѣжихъ труповъ турокъ и болгаръ валялось на шоссе. Очевидно, что, замѣтивши наше отсутствіе, отцы и матери подходили собирать свои семейства и наткнулись на болгаръ, пришедшихъ для расхищенія брошеннаго имущества. Ясно, что между защищавшими и нападавшими произошла драка. Пройдя обозъ, спустившись съ горы, тамъ, гдѣ стояли наши два орудія при началѣ дѣла, лежалъ тамъ же и убитый капральный унтеръ-офицеръ, ни кѣмъ не подобранный и не преданный землѣ, хотя, двигаясь мирнымъ порядкомъ, какъ я сказалъ раньше, прошла гвардейская кавалерія.

Почти рядомъ, выше колѣна въ снѣгу, стояла рыжая лошадь изъ-подъ орудія, грустно свѣсивши голову. Она ранена была въ ногу, почти одновременно съ этимъ унтеръ-офицеромъ. „Вѣрно мы сослужили свою службу, никто не воздалъ намъ достойной чести—мы забыты, мы больше не нужны, еще-бы про насъ думали“, прочелъ я въ глазахъ ея. Бѣдная, не ѣвши двое сутокъ, при нашемъ приближеніи она заржала, какъ полны выраженія показались мнѣ эти глаза. Въ Германлы, уже наполненное войсками, мы съ трудомъ отвоевали себѣ квартиру. Утромъ поѣздъ желѣзной дороги долженъ былъ свезти насъ въ Адріанополь; какъ извѣстно, незанятый турками. Дѣйствительно, посадивши весь полкъ на одинъ поѣздъ, мы тронулись. Люди наполнили всѣ мѣста внутри, всѣ на крышахъ, на ступеняхъ, на тендеру и повсюду; инженеръ капитанъ Ивановъ управлялъ машиной и, минуя станцію Мустафа-паши, мы остановились у Каргача-Сиричь, предмѣстья Эдрине. Скоро бѣжалъ поѣздъ по тряскимъ рельсамъ австро-французской компаніи, дорогой обогнали мы всю кавалерію, движущую туда-же, а верстахъ въ 10 отъ Карагача по горамъ шли турецкія колоны, полагая еще возможнымъ раньше насъ придти въ свою вторую столицу. Музыка, помѣщенная въ первомъ вагонѣ заиграла намъ, такъ называемый Шеинскій маршъ, когда локомотивъ остановился у деревяннаго домика, изображающаго собою

станцію. Вокругъ города было нарыто много редутовъ, орудія изъ которыхъ небыли вывезены, чистота въ отдѣлкѣ поражала всѣхъ, въ искустной ихъ работѣ замѣчалась рука англичанина. Самъ по себѣ Карагачъ былъ такой-же отвратительный по постройкѣ, какъ и всѣ турецкіе города, съ той только разницею, что неносилъ клейма разрушенія и войны, которое такъ рѣзко проявляется въ остальныхъ. Воздушные мечты увидѣть хотя въ первый разъ дѣйствительно городъ не по одному только названію, а и по наружному виду и извѣстной роскоши, свойственной до нѣкоторой степени всѣмъ городамъ вообще, восточнымъ-же въ особенности, не оправдались; мы отложили ихъ до самаго Адріанополя, или по мѣстному нарѣчью до Эдрине. Выстроились мы на дорогѣ, ведущей въ городъ. Пріѣхалъ Скобелевъ, музыка впередъ; и торжественно отправились въ турецкую Москву, воображая встрѣтить нѣчто европейское, нѣчто ближе подходящій къ нашему воображенію, рисующему городъ, хоть немного на нашихъ похожій. Духовенство съ хоругвями въ бѣломъ облаченіи, женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ встрѣтили насъ, крича „живіо" и цѣлуя руки начальству. Тутъ были и всѣ иностранцы города, всѣ представители христіанскихъ религій, греки, армяне, болгары, сербы и т. д. Только гарнизонъ города, конечно несопротивлявшійся, смотрѣлъ злобно, ненавистно, да оно и естественно. Немедленно къ намъ подлетѣлъ эмигрантъ-полякъ съ услугами, быть гидомъ (переводчикомъ) и чѣмъ хотите. Входя дорогой въ свою роль, онъ объяснялъ все, на чемъ могъ остановиться глазъ иностранца. Между прочимъ, онъ показалъ намъ домъ, гдѣ заключенъ былъ міръ 28-го года. Узенькія улицы, высокіе дома, выкрашенные въ невозможные цвѣта, носили совершенно средне-вѣковой характеръ. Надо сказать, что отъ Мустафа-паши, снѣгъ сталъ исчезать и климатъ какъ-бы перемѣнился, сдѣлалось значительно теплѣе, запахло весной. Вечеръ былъ теплый и свѣтлый, когда мы, выходя изъ города, направлялись въ редуты, расположенные сзади. Нѣсколько конныхъ черкесовъ промчались мимо насъ, произвели два-три выстрѣла совершенно безвредные и исчезли.

Оставивши полкъ въ редутахъ, мы возвратились въ городъ. Квартиру отыскали удивительную, надо отдать справедливость нашему Панугиду; изъ разсчета въ мутной водѣ рыбу ловить, онъ рекомендовалъ намъ дворецъ паши NN, намѣстника Болгаріи. Будучи крайне золъ и боясь возмездія отъ болгаръ, при неожиданномъ появленіи русскихъ, паша этотъ бѣжалъ въ Константинополь, успѣвши съ трудомъ захватить только женъ и самое цѣнное. Мы попали туда какъ въ рай, все было подъ руками, огромные погреба варенья, вина и т. д., мы жуировали. Дни стояли восхитительные, совсѣмъ весна, три дня только простояли мы тутъ, повели насъ на Хавсу, Баба-Ески и Люли-Бургасъ, гдѣ 19-го января мы узнали о заключеніи перемирія, изъ депеши Великаго Кня-

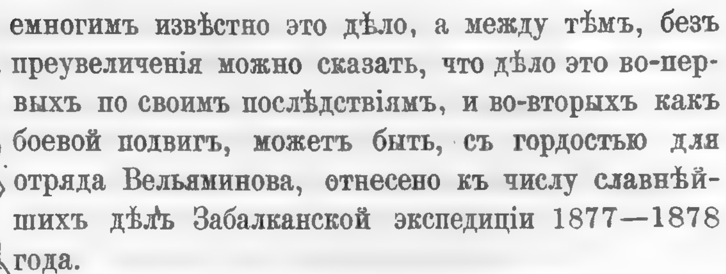
зя Главнокомандующаго къ Скобелеву, какъ начальнику демакраціонной линіи. За дѣло 7-го января Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ велѣлъ представить къ наградѣ всѣхъ офицеровъ полка, а за быстрый переходъ 153 версты въ двое сутокъ ³/₄ болѣе достойныхъ офицеровъ. Дѣло это стоило до 200 нижнихъ чиновъ и 5 офицеровъ, выбывшихъ изъ строя.

Этимъ я и кончу, дѣло идетъ къ миру...

Прапорщикъ Углицкаго полка князь Урусовъ.

ДѢЛО ПОДЪ ГОРНЫМЪ БУГОРОВЫМЪ

отряда генерала Вельяминова.



Немногимъ извѣстно это дѣло, а между тѣмъ, безъ преувеличенія можно сказать, что дѣло это во-первыхъ по своимъ послѣдствіямъ, и во-вторыхъ какъ боевой подвигъ, можетъ быть, съ гордостью для отряда Вельяминова, отнесено къ числу славнѣйшихъ дѣлъ Забалканской экспедиціи 1877—1878 года.

Цѣль отряда генерала Вельяминова, начальника 31-й пѣхотной дивизіи, была проста, но далеко не легка, какъ всякое приказаніе несокрушимаго въ волѣ и энергіи генерала Гурко: перейти Балканы, и заслонить дѣйствія отряда генерала Гурко со стороны Софіи, или, другими словами, помѣшать туркамъ со стороны Софіи разстроить весь планъ кампаніи генерала Гурко на Балканахъ, столь блистательно осуществившійся.

Такова была цѣль предстоявшаго генералу Вельяминову перехода черезъ Балканы.

18-го декабря вечеромъ, его отрядъ переваливъ Балканы у Умургачъ, прибылъ въ деревню Яны.

Отрядъ состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

2 батальона 121-го Пензенскаго полка, въ составѣ 10-ти ротъ.

3 батальона 122-го Тамбовскаго полка, безъ 10-й роты, оставленной въ деревнѣ Луковицахъ.

4 орудія 2-й и 2 орудія 3-й батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады.

Кромѣ того, въ этотъ же день, 18-го декабря, вошла въ составъ отряда Кавказская казачья бригада, подъ начальствомъ генерала Чиревина.

Какъ видно, отрядъ былъ немногочисленъ, но за то, не солжемъ, если скажемъ, что войска были отборныя: полки 31-й дивизіи со взятія Никополя штурмомъ не переставали быть въ огнѣ; гвардейская конная артиллерія, можно сказать, горѣла лихостью, отвагою и доблестью, и подъ Телишемъ уже себя показала, а про Кавказскую бригаду и говорить нечего: она съ перваго дня кампаніи не переставала быть въ дѣлѣ.

Въ тотъ же вечеръ, 18-го декабря, на всякій случай двѣ роты были отправлены для предосторожности впередъ на сѣверо-западъ, для аванпостовъ, а весь отрядъ расположенъ для отдыха и ночевки въ деревнѣ Яны. Кавказская же бригада расположена была впереди, въ деревняхъ Дольномъ Бугоровѣ и Бутонцѣ, и охраняли своими аванпостами всѣ подступы отъ Софіи на деревню Яна, а главное охраняли большой американскій мостъ черезъ Искеръ, на софійскомъ шоссе.

Расположивъ войска по квартирамъ, генералъ Вельяминовъ, 18-го декабря, вечеромъ, прибылъ въ отведенный ему домъ.

Здѣсь произошла сцена весьма характерная.

Войдя въ комнату, освѣщенную огнемъ очага, генералъ былъ встрѣченъ почтеннымъ старцемъ болгариномъ, съ лучиною въ рукахъ. За нимъ стояла его дочь съ хлѣбомъ и солью.

— Благословенъ грядый отъ Русскаго царя на наше спасеніе передъ Рождествомъ Христовымъ,—сказалъ хозяинъ громкимъ голосомъ.

Генералъ привѣтствовалъ братски хозяина, преломилъ хлѣбъ, посолилъ его, и затѣмъ со своимъ штабомъ принялъ приготовленную ему трапезу.

Затѣмъ прибылъ генералъ Чиревинъ. Оба генерала долго совѣщались, и на завтрашнее утро, 19-го декабря, рѣшили предпринять вмѣстѣ рекогносцировку.

Утро 19-го было морозное и туманное. Около 10-ти часовъ генералы выѣхали на софійское шоссе: вездѣ были турецкіе трупы, убитые волы, свѣжіе слѣды захваченнаго удалыми казаками турецкаго обоза.

Осмотрѣвъ мѣстность, генералъ Вельяминовъ нашелъ, что съ лѣвой стороны шоссе мѣстность была низменная и болотистая, а съ правой стороны тянулась возвышенность, все болѣе и болѣе опускаясь.

Доѣхали они до моста черезъ маленькую рѣченку, по обѣимъ сторонамъ густо заросшую кустарникомъ. Рѣчка была въ $1^1/_2$ сажени ширины, и не глубокая. Свернувъ направо, они увидѣли деревню Горно-Бугорово; между этою деревнею и шоссе былъ большой холмъ, командовавшій всею мѣстностью.

На этомъ холмѣ позиція оказалась очень хорошею, а правѣе деревня Горное Бугорово окруженная валомъ оказалась удобною для обороны.

Съ холма же артиллерія могла бы обстрѣливать мѣстность на весьма далекое пространство.

Такимъ образомъ, найдя эту позицію у Горнаго Бугорова сильною и удобною, рѣшено было ее немедленно занять.

Возвратясь около 4-хъ часовъ вечера въ деревню Яны, гдѣ немедленно начались распоряженія къ выступленію, генералъ приступилъ было къ обѣду. Вдругъ со стороны Софіи послышалась страшная пальба. Боясь упустить время, и того въ особенности, чтобы турки не оттѣснили казачью бригаду и не завладѣли Горнымъ Бугоровымъ ранѣе насъ, генералъ сейчасъ же велѣлъ бить тревогу, поднялъ быстро отрядъ, и чуть-ли не бѣгомъ направился на Горное Бугорово.

Дорогою мы встрѣтили бѣжавшихъ въ ужасѣ, изъ Дольняго и Горнаго Бугорова болгаръ, и оглашавшихъ воздухъ плачемъ и криками: „турѐкъ, турѐкъ".

На наши попытки ихъ успокоить сотни голосовъ взрослыхъ и дѣтскихъ кричали одно только: „Турѐкъ рѣзать будетъ!"

Тутъ вскорѣ прибылъ къ начальнику отряда ординарецъ отъ генерала Чиревина съ извѣстіемъ, что турки большими массами пѣхоты и кавалеріи съ артиллеріею, переходятъ мѣсто черезъ Искеръ, и тѣснятъ его казаковъ.

Начальникъ отряда велѣлъ войскамъ еще прибавить шагу, и вскорѣ затѣмъ мы уже встрѣтили обозъ Кавказской бригады, отступавшій на Яны, изъ Горнаго Бугорова.

Еще за свѣтло страшно форсированнымъ маршемъ отрядъ генерала Вельяминова прибылъ въ Горное Бугорово.

Стрѣльба въ это время казачьей бригады съ турецкими цѣпями была очень сильна. Немедленно же заняты были начальникомъ отряда высоты лѣвѣе деревни; на нихъ поставлена была артиллерія, съ двумя ротами 2-го батальона Тамбовскаго полка по обѣимъ ея флангамъ: первый батальонъ Тамбовскаго полка поставленъ былъ впереди деревни правѣе, третій батальонъ лѣвѣе баттареи къ шоссе. Оба батальона поставлены были въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи, и стрѣлковыя роты разсыпались въ цѣпи. Въ резервѣ стали два батальона Пензенскаго полка, за холмомъ, гдѣ расположена была артиллерія.

Казачья бригада, тѣснимая турецкою пѣхотою, отстрѣливаясь, отступала. Турки занимали уже Дольнее Бугорово. Мы ожидали атаки турецкихъ массъ на нашу позицію съ минуты на минуту.

Но пришла ночь, и турки не аттаковали.

20-го декабря, рано утромъ, начальникъ отряда объѣхалъ позицію. Все было готово для встрѣчи турокъ. Роты и цѣпь за ночь успѣли окопаться прочно. Сильный былъ туманъ, но сквозь его тучи виднѣлись грозныя массы выстраивавшихся турокъ—пѣхоты и кавалеріи. Съ ка-

зачьихъ аванпостовъ дали знать начальнику отряда, что турецкія массы двигаются; съ лѣваго же фланга за 3 версты вѣрнѣе отъ шоссе казаки тоже видѣли колоны турецкой пѣхоты съ артиллеріею двигающіяся, но генералъ съ этой стороны не предвидѣлъ аттаки, такъ какъ мѣстность была болото, и не только артиллеріи, но и пѣхотнымъ колоннамъ будетъ невозможно пройти. Около 10-ти часовъ утра, турки начали наступленіе. Цѣпь ихъ пѣхоты стала тѣснить на тѣхъ казаковъ, которые отстрѣливаясь и отступая, отступили сквозь нашу пѣхотную цѣпь, и стали собираться за правымъ нашимъ флангомъ, сѣвернѣе деревни Горное Бугорово, а сотня ихъ отправлена была на деревню Бутанецъ, наблюдать за непріятелемъ и съ той стороны.

Турецкая цѣпь наступала довольно робко, но за нею, и сквозь нея, виднѣлись густыя сомкнутыя части. Начальникомъ отряда отдано было по всей цѣпи приказаніе не стрѣлять, а ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Очевидно, цѣль такого запрещенія стрѣлять, заключалась въ томъ, чтобы заманить турокъ какъ можно ближе, и разомъ ихъ огорошить какъ артиллерійскимъ, такъ и ружейнымъ огнемъ.

Повидимому, турки стали на ловушку поддаваться. Цѣпь ихъ стала усиливаться, и все ближе и смѣлѣе наступать; въ то же время они открыли сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь. Артиллерійскій огонь они сосредоточивали на холмѣ, гдѣ стояла наша артиллерія, стрѣляя въ нее съ трехъ сторонъ, сперва изъ горныхъ орудій, а потомъ и изъ дальнобойныхъ, но безъ вреда для нашей артиллеріи; пули же ихъ давали перелетъ и наносили вредъ нашему резерву.

Видя съ холма, что турецкія массы сильно налегаютъ на нашъ правый флангъ, генералъ Вельяминовъ взялъ изъ резерва батальонъ Пензенскаго полка, и послалъ его на правый флангъ, правѣе 1-го батальона Тамбовцевъ. Онъ выстроился также въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи, впереди разсыпалась стрѣлковая рота, которая немедленно успѣла окопаться.

Осыпая насъ градомъ пуль буквально, турки, мы это замѣтили, смутились тѣмъ, что на ихъ огонь не отвѣчаютъ ни единымъ выстрѣломъ. Разомъ мы замѣтили, какъ цѣпь ихъ стала снова наступать робко; и затѣмъ видимъ, какъ стали они усиливать свою цѣпь, и какъ за нею стали подходить и строиться резервы.

При обходѣ начальникомъ отряда баттареи полковника Таля, послѣдній указалъ генералу Вельяминову въ какія мѣста онъ будетъ направлять свои орудія. Три раза онъ просилъ генерала открыть огонь, но три раза генералъ ему отказывалъ, имѣя въ виду какъ можно ближе подпустить турокъ и даромъ не пустить ни одного выстрѣла; ибо надо было принять въ расчетъ, что парки были за Балканами, а всего было на лицо два передка и 72 снаряда на орудіе; а у пѣхоты было всего

на каждомъ солдатѣ 6 пачекъ патроновъ, то-есть 72 патрона и больше ничего.

Видя, наконецъ, турецкую цѣпь отъ нашей цѣпи не далѣе ста шаговъ приблизительно, слыша явственно по всей наступающей турецкой линіи крики: Аллахъ, Аллахъ, сливающіяся съ игравшими повсюду трубами, генералъ призналъ рѣшительную минуту наступившею и крикнулъ полковнику Талю: съ Богомъ, начинайте!

Полетѣлъ первый выстрѣлъ нашей артиллеріи, за нимъ второй, третій... Дѣйствіе этихъ первыхъ выстрѣловъ на столь близкой дистанціи было по истиннѣ изумительное: каждая граната буквально разрывалась надъ густою турецкою цѣпью и тамъ, гдѣ она лопалась, тамъ ложился цѣлый рядъ убитыхъ и раненыхъ.

Турки забравшись уже слишкомъ далеко и имѣя близко резервы, не могли отступать отъ одного артиллерійскаго огня; резервы ихъ приблизились и все у нихъ бросилось въ аттаку.

Но въ эту-то ожидаемую нами давно минуту ихъ встрѣтили первые пѣхотные наши залпы. За сильнымъ дымомъ и туманомъ ничего нельзя было разглядѣть съ холма, но слышны были только ровные и стройные наши залпы. Атака эта длилась долго: цѣпи турецкія то отступали, то снова подвигаемыя офицерами и резервами наступали; гранаты ихъ и пули изъ резервовъ сыпались безостановочно, въ особенности на нашъ холмъ, гдѣ стояла артиллерія.

Безпокоясь на счетъ лѣваго нашего фланга и опасаясь обхода непріятеля съ лѣвой стороны, генералъ Вельяминовъ, несмотря на донесеніе, что турецкая колонна направленная въ обходъ слѣва остановилась, поручилъ генералу Чиревину лично убѣдиться, на сколько съ этой стороны мы въ безопасности.

Около двухъ часовъ дня сильныя турецкія массы перешли черезъ мостъ, развертываясь противъ нашего лѣваго фланга и стали стойко на него наступать. Генералъ Радзишевскій, начальника 1-й бригады присылаетъ просить подкрѣпленія, такъ какъ турецкая цѣпь была очень густа и тѣснила нашу. Начальникъ отряда приказываетъ генералу Радзишевскому подкрѣпить его цѣпь двумя ротами первой линіи, а второй линіи двинуться на мѣсто первой линіи.

Когда роты первой линіи разсыпались и побѣжали въ цѣпь, они на ней не остановились, а съ крикомъ ура, ринулись впередъ, и въ штыки. Турки не выдержали, показали тылъ; въ тоже время у самаго моста нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи положило турокъ въ громадномъ количествѣ, а одновременно началась сильнѣйшая атака на нашъ правый флангъ, гдѣ палъ убитымъ подполковникъ Тамбовскаго полка Богаевскій. Всѣ ротные командиры (штабсъ-капитанъ Шлегель, поручикъ Левковецъ, прапорщикъ Тальковскій) были ранены:

фельдфебелямъ пришлось командовать ротами. Уже въ 50-ти шагахъ турки подходили къ нашимъ ложементамъ, но вотъ наши даютъ послѣдній залпъ, и затѣмъ съ крикомъ „ура", бросаются въ штыки и тутъ...

Турки были опрокинуты.

По всей линіи вдругъ наступило затишье.

Видя съ холма грозныя стройныя турецкія массы въ дали еще не тронутыя, генералъ Вельяминовъ основательно могъ опасаться, чтобы наши молодцы слишкомъ увлекшись преслѣдованіемъ, не наткнулись на свѣжіе турецкіе войска, а потому разослалъ во всѣ направленія ординарцевъ, остановить преслѣдованіе, и вернуться на прежнія позиціи.

Возобновилась было перестрѣлка, но въ исходѣ третьяго часа опять все стихло.

Турецкіе же массы все продолжали стоять впереди.

Изъ цѣпи даютъ знать генералу, что турки по одиночкѣ выходятъ, какъ видно выносятъ своихъ раненыхъ, и спрашиваютъ: стрѣлять-ли по нимъ? Генералъ приказываетъ не стрѣлять, пока видно, что они уносятъ раненыхъ.

Своихъ же раненыхъ мы перевезли въ Горное Бугорово, гдѣ въ одномъ изъ домовъ устроенъ былъ перевязочный пунктъ, который во все время, пока длилось дѣло, находился подъ сильнымъ огнемъ.

Въ три часа генералъ Вельяминовъ послалъ штабсъ-капитана Левентама къ генералъ-адъютанту Гурко, съ донесеніемъ объ отбитіи турецкаго нападенія. То былъ второй посланецъ въ этотъ день. Первый былъ посланъ въ 10-ть часовъ утра, съ просьбою о подкрѣпленіи, которое прибыло на другое утро.

Потери наши были: Убиты: 1 штабъ-офицеръ, 1 оберъ-офицеръ, Тамбовскаго полка прапорщикъ Лабодовскій, нижнихъ чиновъ 40 человѣкъ. Ранено и контужено: офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ—221 человѣкъ. У турокъ однихъ убитыхъ тѣлъ было найдено болѣе 800. Затѣмъ, такъ какъ турки продолжали стоять передъ нами, и было основаніе опасаться новыхъ атакъ, то генералъ Вельяминовъ послалъ ординарца въ Яны, за подводами, чтобы увозить немедленно своихъ раненыхъ назадъ. Подводы прибыли къ вечеру. Раненыхъ уложили, и отправили въ деревню за Яны.

Цѣлый день прошелъ въ ожиданіи турецкой аттаки. Но аттаки не было. Турки ограничились только поджогомъ деревни Дольнее-Бугорово. Страшное зарево долго стояло на небѣ. Съ нашей же стороны послѣдовало приказаніе на всѣхъ позиціяхъ зажечь какъ можно болѣе костровъ, чтобы непріятелю показать себя гораздо сильнѣе, чѣмъ мы были.

На самомъ же дѣлѣ у насъ было 22 роты въ началѣ, и 24 роты къ концу дѣла; считать роту въ 80 человѣкъ—выходитъ приблизительно

2000 человѣкъ, съ 6-ти орудіями, противъ 20-ти таборовъ, какъ оказалось послѣ по показаніямъ турокъ, то-есть противъ 12000 человѣкъ и 20-ти орудій.

На перевязочномъ пунктѣ начальникъ отряда увидалъ раненаго, съ отбитымъ пальцемъ, рядоваго 2-й роты Тамбовскаго полка Рослякова, который отдалъ ему турецкое знамя имъ геройски взятое. Нѣсколько молодцовъ кинулись въ пылу штыковой работы на турецкаго знаменьщика, окруженнаго кучкою своихъ рядовыхъ, знаменьщикъ защищался доблестно и отчаянно. Турки окружавшіе знаменьщика были перебиты. Изъ нашихъ тоже всѣ были убиты и ранены, кромѣ Рослякова, у котораго оторванъ былъ только палецъ. Онъ бросился на знаменьщика, заколол̆ъ его, и схватилъ знамя.

Знамя это было отправлено къ генералу Гурко, а Рослякова поздравилъ генералъ унтеръ-офицеромъ и георгіевскимъ кавалеромъ, и на память подарилъ ему золотой.

Участникъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Траянскій отрядъ генерала Карцова.—Походъ.—Балканскіе проходы.—Монастырь Успенія Пресвятой Богородицы.—Къ перевалу.—Подъемъ.—Ночная демонстрація.—Отступленіе.—Три дня въ горахъ на снѣгу.—Взятіе перевала.—На долинѣ рѣки Тунджи.—Турецкій парламентеръ.—Генералъ Скобелевъ 1-й.—Къ Филиппополю.—Бой у Карагача.—Въ погоню за Сулейманомъ.—Ужасы.—Дѣло у Караджилары.—Одинъ полкъ захватываетъ непріятельскую артиллерію.—Похороны казака.

Зима. Разрыхленныя и только полузамерзшія поля Болгаріи уже покрыты мѣстами грязнымъ снѣгомъ, свинцовыя облака нависли надъ низменными долинами, закрыли вершины побѣлѣвшихъ горъ и повсюду царствуетъ мертвая тишина, прерываемая изрѣдка доходящимъ свистомъ урагана, свирѣпствующаго среди величественныхъ вершинъ грознаго Балкана. Декабрь мѣсяцъ вступилъ въ свои права, загналъ рабочій людъ роскошнаго полуострова въ темныя хижины, а въ воздухѣ чуется что-то недоброе. Временно затихшіе грозные пушечные громы готовились ударить со страшною силою и все русское воинство съ нетерпѣніемъ ожидало сигнала, чтобы ринуться на многократно побѣжденнаго врага и завоевать себѣ окончательную побѣду. Оставалось преодолѣть послѣднюю и самую страшную преграду — Балканы. Въ нѣкоторыхъ отрядахъ уже началось передвиженіе.

Не смотря на суровую зиму, послѣ взятія Плевны всѣ ожидали рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій и готовились со дня на день къ движенію впередъ, которое всѣмъ казалось необходимымъ въ виду того, что никто еще не помышлялъ о мирѣ, а быстрота нашихъ дѣйствій должна была привесть къ скорѣйшимъ и весьма желательнымъ резуль-

татамъ. Всѣ догадывались, но никто не зналъ ничего достовѣрнаго. Всѣ приготовленія къ переходу черезъ Балканы были покрыты глубочайшею и весьма необходимою тайною, которая и въ настоящую войну оказывала такъ часто громадныя услуги. Не оставалось только ни малѣйшаго сомнѣнія, что на долю передоваго ловче-сельвинскаго отряда генерала Карцова достанется самая трудная задача. Части этого отряда уже давно занимали посты и зорко слѣдили за всѣми Балканскими проходами на западѣ отъ Шипкинскаго, вступали иногда въ небольшія перестрѣлки съ передовыми турецкими аванпостами и поэтому ожидалось, что на нихъ будетъ возложена обязанность проложить военный путь по неприступной почти мѣстности. Такъ и случилось.

Генералу Карцову поручено перешагнуть черезъ Траянскій перевалъ, идущій отъ города Траянъ до деревни Корнари.

Цѣль этого перехода заключалась въ отвлеченіи вниманія и силъ непріятеля отъ главныхъ операціонныхъ пунктовъ на Шипкѣ, Златицѣ и Арабъ-Конакѣ и слѣдовательно чисто демонстративная. На болѣе серьезную помощь этого отряда нельзя было расчитывать при столь трудно выполнимой задачѣ перехода по неприступной и укрѣпленной мѣстности, какъ увидимъ ниже.

20-го декабря генералъ Карцовъ разослалъ всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей въ Сельви и занимавшимъ посты на Балканахъ телеграммы съ увѣдомленіемъ о выступленіи частей ввѣреннаго ему отряда по сообщенному маршруту. Въ Сельви подобныя телеграммы получили командиры полковъ: флигель-адъютантъ полковникъ графъ Татищевъ Староингерманландскаго и полковникъ Грековъ Донскаго казачьяго № 30, съ которымъ мнѣ пришлось совершить весь походъ. Для ясности сообщаю весь приказъ генерала Карцова и росписаніе передвиженія.

„Приказъ по Траянскому отряду. Г. Ловча. Декабря 20-го дня 1877 года“.

№ 1. По повелѣнію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго изъ сельви-ловчинскаго отряда образуется назначенный къ перевалу черезъ Балканы траянскій отрядъ подъ личнымъ моимъ начальствомъ изъ слѣдующихъ частей:

П ѣ х о т ы:

9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка въ полномъ составѣ	15 ротъ.
10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка 5, 7 и 2 стрѣлковыхъ ротъ и 3-й батальонъ	8 „
10-й стрѣлковый батальонъ.	4 роты.
1 рота 6-го сапернаго баталіона	1 рота.
Итого . .	28 ротъ.

Кавалеріи:

Казачьяго № 24 полка	$4^1/_2$	сотни.
„ № 30 „	6	сотен.
Итого .	$10^1/_2$	сотен.

Артиллеріи:

1-я, 3-я и 5-я батареи 3-й артиллерійской бригады 24 орудія.

Начальникомъ штаба отряда назначается начальникъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи подполковникъ Сосновскій. Генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову состоять при мнѣ для порученій. Чинамъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи войти въ составъ штаба отряда. Отряднымъ комендантомъ быть 9-го пѣхотнаго полка маіору Лебединскому и помощникомъ его 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка поручику Альмедингену.

Ординарцами ко мнѣ назначаются: Лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка штабъ-ротмистръ Крестовскій, 9-го пѣхотнаго полка поручикъ Эрнротъ, 11-го пѣхотнаго полка поручикъ Яковлевъ и Казанскаго № 24 полка хорунжій Марковъ.

Отряднымъ интендантомъ быть подполковнику Исакову.

Затѣмъ предписываю:

1) Всѣ обозы и тяжести частей оставить въ мѣстахъ ихъ штабовъ, подъ наблюденіемъ завѣдывающихъ хозяйствомъ и командировъ нестроевыхъ ротъ или особо назначенныхъ офицеровъ. Общее же завѣдываніе всѣми чинами и вагенбургами, оставляемыми въ г. Ловчѣ, имѣть подполковнику 10-го полка Чигирину, которому всѣ части обязаны доставить имянные списки всѣхъ оставляемыхъ чиновъ. Подполковнику же Чигирину руководствоваться особо даннымъ мною предписаніемъ.

2) Интенданту подполковнику Исакову впредь до распоряженія оставаться въ г. Ловчѣ съ состоящими въ его вѣдѣніи чинами для заготовки продуктовъ и руководствоваться данною мною инструкціею. Секретарю интенданта губернскому секретарю Рашановичу слѣдовать съ отрядомъ до Княжевацкихъ Кулибъ, гдѣ и образуется складочный пунктъ продовольствія.

3) Врачамъ всѣхъ частей слѣдовать при своихъ частяхъ, причемъ наблюденіе за больными 10-го полка возлагается на старшаго врача 3-й артиллерійской бригады. Сверхъ того при отрядномъ штабѣ состоять хирургу Стельмаховичу и младшему ординатору подвижнаго дивизіоннаго лазарета Федорову.

4) Изъ состава санитаровъ дивизіоннаго лазарета главному врачу назначить 100 человѣкъ при командирѣ роты носильщиковъ капитанѣ Доброхотовѣ. Подписалъ начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Карцовъ".

Росписаніе передвиженія траянскаго отряда черезъ Балканы.

Названіе частей.	Переходы.	Числа.	Начальники эшелоновъ.
1-й эшелонъ:			
		декабря	
10-й стрѣлковый батальонъ . .	Лужецъ	21	Командиръ 10-го стрѣлковаго батальона полковникъ Бородинъ.
Саперная рота.	Княжевацкія Кулибы . .	22	
3 и 4-я роты 9-го пѣх. полка .	Перевалъ	23	
Батарея (при ней саперы) . . .	Княжевацкія Кулибы . .	22	
1 и 2 сотни № 30-го казачьяго	Перевалъ	23	
полка.	Княжевацкія Кулибы . .	22	
	Перевалъ	23	
6-я сотня № 30-го полка . . .	Троянскій монастырь . .	22	
Болгарская чета	Перевалъ	23	
2-й эшелонъ:			
1 и 2 лин. и 1 стр. роты 9-го полка.	Демьяново	21	Командиръ 9-го пѣхотнаго полка полковникъ графъ Татищевъ.
	Добруданъ	22	
	Княж. Кулибы	23	
3-й батальонъ 9-го полка. . .	Перевалъ	24	
5-я сотня № 30-го полка . .	Княж. Кулибы	23	
3 и 4-я сотня № 30-го полка .	Перевалъ	24	
3-й эшелонъ:			
2-й батальонъ 9-го пѣх. полка	Лужецъ	23	Командиръ 2-го батальона маіоръ Духновскій.
6 ротъ 10-го пѣх. полка . . .	Княж. Кулибы	24	
1, 3 и 6 сотни № 24-го полка.	Перевалъ	25	

Итакъ наступилъ конецъ неизвѣстности. Всѣ ожили. Остававшееся время до выступленія мы употребили на сборы и приготовленія всего необходимаго, такъ какъ всѣ обозы оставались на своихъ мѣстахъ; наши вьюки наполнились скудною провизіею и теплою одеждою, такъ какъ морозовъ и ураганов мы страшились болѣе всего. Въ Сельви при штабѣ № 30 полка находилась только одна сотня казаковъ; остальныя были расположены на постахъ у подножья горъ и всѣмъ имъ предписано стянуться въ Траянъ къ 22-му декабря.

По росписанію и мы выступили изъ Сельви 21-го декабря со снѣгомъ, который обильно выпалъ въ этотъ день. Мѣстность, по которой мы проѣзжали, по истинѣ восхитительная и мы не переставали любоваться картинами природы: величественныя горы, покрытыя снѣгомъ, ущелья и овраги, ручьи и водопады, лѣса и голыя скалы—все это живописно групировалось въ различныхъ сочетаніяхъ и разнообразнѣйшіе пейзажи смѣняли другъ друга, доставляя неутомимымъ глазамъ все новую и новую пищу. Почти все время приходилось ѣхать по разнымъ ущельямъ, балкамъ и по берегу рѣки Видимы, впадающей въ Бѣлую

Осму. Ничего не можетъ быть прекраснѣе, какъ эти горные потоки, прокладывающіе себѣ въ горахъ глубокія русла; по обѣимъ сторонамъ рѣки возвышаются терасы горъ и подчасъ отвѣсныя скалистыя стѣны въ нѣсколько саженъ вышиною, а дно ея то гладко скалистыми уступами, то покрыто грудью камней, по которымъ пробѣгая съ шумомъ и пѣной, какъ бы сердясь на встрѣчаемыя препятствія, образуя то тамъ, то здѣсь болѣе или менѣе значительные водопады, быстро стремится на западъ широкій ручей. Мы ѣхали по проселочной дорожкѣ, по узенькимъ тропинкамъ и часто даже по руслу рѣки. За селомъ Дебново начинается громадное ущелье того же имени; между двумя рядами высокихъ горъ, покрытыми большею частью густыми рощицами и кустарниками, раскидывается прекраснѣйшая поляна, усѣянная отдѣльными дубовыми и буковыми деревьями, на вѣтвяхъ которыхъ бѣлѣется пушистый снѣгъ. У входа въ ущелье раскидывается большое турецкое село Дебново, отъ котораго въ настоящее время остались только груды развалинъ, кое-гдѣ торчащія голыя стѣны и полуразвалившаяся мечеть.

Вотъ мы подъѣхали къ подошвѣ горы Мора-Гайдукъ, высочайшей вершины Балканскихъ горъ, достигающей 7,000 футовъ высоты, по которой ведетъ такъ называемый Розелитскій проходъ изъ села Новосело въ Калоферъ, одинъ изъ самыхъ неудобнѣйшихъ. Проходъ этотъ есть ничто иное какъ узенькая тропинка, проложенная по весьма крутой и скалистой горѣ, такъ что восхожденіе на вершину связано съ неимовѣрными препятствіями и усиліями. Не смотря на все это, казачьи разъѣзды почти ежедневно достигали вершины горы. Нѣсколько западнѣе горы Мора-Гайдукъ поднимается вершина Острецъ, у подошвы которой расположена деревня того же имени и нѣсколько далѣе Колыбы: Саварна и Табачекъ. Возлѣ Табачка существуетъ отдѣльный проходъ изъ Гуляма-Села по Бѣлой горѣ, который тоже оберегался казаками. Кромѣ этихъ проходовъ есть еще нѣкоторые другіе, хорошо извѣстные болгарамъ, но въ зимнее время безусловно непроходимые. Глубокіе снѣга на верхушкахъ горъ въ значительной степени разнообразятъ пейзажъ, придавая болѣе живости и красокъ мрачнымъ уступамъ и голымъ вершинамъ. Остроконечный Мора-Гайдукъ, гордо возвышаясь и господствуя надъ группою окружающихъ его гребней и высотъ и какъ бы угрожая своею неприступностью, вызываетъ на бой.

Мы должны были также проѣзжать мимо знаменитаго монастыря Успенія Пресвятой Богородицы, котораго судьба заслуживаетъ нѣсколько словъ. Въ этомъ монастырѣ были расположены двѣ сотни казаковъ, которыхъ мы должны были захватить по дорогѣ.

Среди самыхъ неприступныхъ и мрачныхъ горъ, на высотѣ около 1,500 ф., на берегу рѣки Черной Осмы, окаймленной вершинами: Чукарка, Черномышъ и Ивандялъ, расположенъ мужской монастырь Успенія

Пресвятой Богородицы, или по просту Траянскій, какъ его обыкновенно называютъ болгары. Вблизи отъ него лежатъ скиты: св. Николая и св. Іоанна Предтечи. Начало основанія мирной обители и скитовъ покрыто мракомъ неизвѣстности и только въ 1835 году игуменъ Парѳеній, преодолѣвъ всѣ труды и препатствія со стороны турецкаго правительства, основалъ при обители церковь и этимъ положилъ прочное начало монастырю, которому въ послѣдствіи приходилось претерпѣвать многія невзгоды и гоненія. Главною заботою монаховъ послѣдняго времени составляло воспитаніе дѣтей. Назадъ тому 35 лѣтъ, первый монахъ Герасимъ показалъ примѣръ своей братьи; онъ бралъ изъ окрестныхъ селъ и кулибъ дѣтей и обучалъ ихъ грамотѣ. Его примѣру послѣдовали всѣ монахи и уже въ послѣдніе года у каждаго было по нѣсколько дѣтей, къ образованію которыхъ они прилагали старанія. Эта полезная дѣятельность монаховъ возбудила сильное подозрѣніе въ турецкомъ правительствѣ, которое и начало преслѣдовать мирныхъ обитателей монастыря. Но благодаря подкупности всѣхъ турецкихъ властей, монахи пріобрѣли при помощи денегъ дорого стоющихъ патроновъ, которые оберегали интересы монаховъ и защищали ихъ отъ преслѣдованія. Такимъ образомъ ежегодно платя дань признательности турецкимъ властямъ, монахи продолжали свою дѣятельность; въ 1876 году по какому-то обвиненію схватили настоящаго игумена о. Макарія и посадили въ тюрьму въ Ловчѣ; но деньги и здѣсь помогли и игумена освободили. Сильно скомпрометированный монастырь въ событіяхъ послѣдняго времени, цѣной десяти тысячъ сер. рублей опять отвлекъ вниманіе правительства и продолжалъ быть душою мѣстнаго возстанія.

Началась настоящая война и глаза многихъ баши-бузуковъ и черкесовъ обратились па монастырь, какъ на лакомую добычу и вотъ толпа этихъ дикихъ разбойниковъ, превративъ городъ Траянъ въ груду развалинъ, направилась далѣе. 8-го августа въ виду монастыря показалось 14 черкесовъ; бывшіе на лицо монахи и болгары, всего не болѣе 20 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, вышли на склоны прилегающихъ возвышеній и когда замѣтили враждебныя намѣренія черкесовъ, направлявшихся къ воротамъ монастыря, открыли по нимъ огонь. Здѣсь особенно отличился болгаринъ Иванча, положившій на мѣстѣ четырехъ черкесовъ и своею мѣткою стрѣльбою много способствовавшій отступленію остальныхъ противниковъ, но не на долго. Вскорѣ показалась цѣлая толпа непріятелей, съ гикомъ и крикомъ несшаяся на монастырь, который и былъ запруженъ хищниками, выломавшими прежде всего двери церковныя. Все что только имѣло какую нибудь цѣнность, серебро и даже бронза, было ими захвачено; мало того, образа и иконы изрублены, простреѣлены, изломаны и даже теперь послѣ приведенія въ порядокъ на всемъ виднѣются слѣды варварскихъ рукъ. Въ монашескихъ кельяхъ

не забыли тоже побывать эти искатели легкой наживы, но не большая была ихъ здѣсь добыча. День этотъ останется на долго въ памяти обитателей монастыря тѣмъ болѣе, что на всемъ имѣются слѣды этого хищнаго набѣга; большинство монаховъ въ этотъ день и даже самъ игуменъ были въ отсутствіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, именно 14-го августа, турки опять пробовали сдѣлать набѣгъ на монастырь, но уже въ то время въ с. Добруданъ стоялъ съ полусотнею казаковъ есаулъ Шаровъ, который, получивъ извѣстіе о приближеніи непріятелей къ монастырю, во время къ нему подоспѣлъ и тѣмъ заставилъ ихъ отступить и отказаться отъ вторичнаго разграбленія ненавистнаго пріюта.

Въ разсказываемое время въ монастырѣ находилось 35 монаховъ и кромѣ того, въ обширныхъ своихъ помѣщеніяхъ онъ давалъ пріютъ весьма многимъ забалканскимъ бѣглецамъ, преимущественно изъ Карлова и Сопота. Къ монастырю принадлежитъ довольно значительное количество земли, которая обработывается и кормитъ всю братью; возлѣ же скита св. Іоанна находится монастырскій хуторъ.

Мѣстность, въ которой расположены монастырь и скиты, принадлежитъ къ самымъ живописнымъ и вполнѣ достойна кисти Верещагина и пера Толстаго. Первый монахъ, избравшій себѣ въ этихъ горахъ убѣжище, обладалъ по истинѣ весьма поэтической натурой. Войдя въ одну изъ калитокъ монастыря и поднявшись не много на вершину, передъ вашими глазами раскидывается прекраснѣйшій пейзажъ; по склону горы монастырскія строенія и церковь, внизу — ущелье, по которому пробѣгаетъ быстрый ручей, а кругомъ возвышаются отдѣльныя вершины разнообразнѣшихъ очертаній съ уступами и обрывами, ущельями и оврагами; а чинары и раскидыстые буки составляютъ украшенія подчасъ неприступныхъ уступовъ.

Дорога изъ монастыря въ Траянъ ведетъ по прекраснѣйшей долинѣ рѣки Черной Осмы, по обѣимъ сторонамъ которой возвышаются довольно крутыя горы, по склонамъ которыхъ живописно раскиданы небольшія рощицы и отдѣльныя деревья. Почти у самаго города въ Бѣлую Осму впадаетъ Черная, надъ которой и расположенъ Траянскій монастырь. Пятиверстное разстояніе отъ Траянъ до монастыря значительно сокращается прекраснѣйшимъ и разнообразнымъ мѣстоположеніемъ.

Пріѣхавъ въ Траянъ, я былъ пораженъ представившимся зрѣлищемъ: отъ хорошо обстроеннаго, довольно чистаго и красиваго города не осталось и слѣда; вездѣ груды развалинъ и только мѣстами торчатъ голыя, обгорѣлыя стѣны. Я слышалъ прежде, что городъ сожженъ башибузуками, но никогда не предполагалъ, чтобы ими не было оставлено, въ буквальномъ значеніи слова, камня на камнѣ и тѣмъ болѣе ужасался картиною, что въ концѣ іюля того же года, я видѣлъ въ этомъ городѣ красивые, большіе дома, многочисленныя лавки и во всемъ зажиточность

и довольства обитателей. Теперь же находящіяся въ городѣ двѣ сотни казаковъ и наблюдающія за Траянскимъ переваломъ, съ трудомъ могли размѣститься въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ домахъ въ турецкой части города. Въ первыхъ числахъ августа толпа баши-бузуковъ и черкесовъ, численностью около 300 человѣкъ, напала на несчастный городъ и предала его огню и мечу; почти всѣ жители разбѣжались еще до этого, прослышавъ о готовившемся набѣгѣ, а бывшіе въ городѣ подверглись печальной участи. Таже самая толпа хищниковъ и грабителей, совершивъ свое дѣло въ Траянѣ, направилась далѣе въ вышесказанный монастырь и, какъ мы видѣли, разграбила также и эту уединенную обитель мирныхъ монаховъ.

Прибывъ въ Траянъ уже вечеромъ и имѣя въ виду съ разсвѣтомъ выступить къ перевалу, мы сочли самымъ благоразумнымъ подкрѣпиться, на сколько это удастся, сномъ; въ распоряженіи нашемъ была одна горница на 12—15 человѣкъ; но и это казалось намъ блаженствомъ въ виду сотенъ казаковъ и солдатъ, бивуакирующихъ подъ голымъ небомъ, возлѣ своихъ лошадей при десятиградусномъ морозѣ. Тотчасъ началась для нихъ варка каши, не смотря на позднее время.

Первый эшелонъ нашего отряда уже выступилъ этого дня, т. е. 22-го декабря, по направленію къ перевалу; съ нимъ былъ начальникъ штаба подполковникъ Сосновскій, главною заботою котораго было возможно быстрѣе передвиженіе хотя части отряда, хотя одного орудія для овладѣнія переваломъ на слѣдующій день.

Намъ однако не суждено было вкусить сладкаго сна; командиры ротъ и сотенъ безпрестанно суетились; отъ Сосновскаго къ Грекову то и дѣло рыскали курьеры; какъ-то прискакалъ сотникъ Поцѣлуевъ, назначенный ординарцемъ, съ требованіемъ казачьихъ фуражирокъ; оказалось, что у артиллеристовъ нѣтъ веревокъ для связки и устройства лямокъ; пришлось казакамъ выручать артиллерію.

— Ну, что тамъ, всѣ спрашивали.

— Горячку порятъ, просто страсть,—разсказывалъ этотъ офицеръ, простой малый, но весьма исполнительный и пользующійся репутаціей отличнаго офицера.—Сосновскій бѣсится, солдаты точно въ лаптяхъ; только наши и выручаютъ. Ей Богу правда.

— А еще есть кто тамъ?

— Есть еще какой-то военный кореспондентъ; все пишетъ и пишетъ на большомъ листѣ бумаги. Сосновскій злится, а онъ все записываетъ. Ей Богу правда.

Вскорѣ мы услыхали рожокъ и сборъ. Въ ночной темнотѣ слышится шорохъ, бѣготня и стукъ амуниціи. Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ были на ногахъ и готовы къ походу, а казаки выводили уже на дорогу лошадей. Свѣтало.

Раздается команда: „къ конямъ“ и всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ. Затѣмъ „садись“ и глухо зашумѣла казачья амуниція и въ одинъ мигъ выросъ частоколъ казачьихъ пикъ.

Полковникъ Грековъ поздоровался съ своими молодцами и поздравилъ ихъ съ походомъ. Это среднихъ лѣтъ, коренастый мужчина, настоящій типъ донскаго казака. Онъ соединялъ въ себѣ удаль, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ; въ то время когда другіе лихорадочно суетились, въ особенности въ минуты столкновенія съ непріятелемъ, онъ не переставалъ весьма хладнокровно взвѣшивать обстоятельства и отдавать приказанія. Съ офицерами онъ обращался весьма просто и пользовался ихъ уваженіемъ и любовью.

Мы тронулись. Дорога отъ города ведетъ сначала по ущелью, проложенному Бѣлой Осмой, которую въ нѣсколькихъ мѣстахъ приходилось пресѣкать и часто даже ѣхать по ея руслу; тогда надъ нами живописно висѣли скалистые уступы и круто подымались террасы горъ, покрытыя роскошной растительностью. Когда мы взбирались на откосы и карнизы скалъ быстрый ручей гудѣлъ у нашихъ ногъ и извилистой лентой убѣгалъ прочь. Вскорѣ мы доѣхали до Княжевацкихъ Кулибъ, откуда уже начинается крутой подъемъ на горы и гдѣ мы застали еще части орудій, которыя начали подымать со вчерашняго дня.

Поднятіе тяжелыхъ 9-ти фунтовыхъ орудій на высоты Траянскаго перевала—была дерзкая мысль. Невозможно было допустить, чтобы на эти страшныя крутизны, по голымъ и часто почти отвѣснымъ скаламъ, по ущельямъ, занесеннымъ снѣгомъ, по разсѣлинамъ можно было втащить хотя одно орудіе. Однако вы видите сотни людей и десятки буйволовъ за этой работой; орудія хотя черепашьимъ шагомъ, но поднимаются все выше и выше, а все-таки у васъ является сомнѣніе, не наступитъ ли предѣлъ этой гигантской работѣ. Вонъ на горизонтѣ ярко обрисовывается отвѣсный скатъ вершины, съ выступающими голыми ступенями; на право круча, на лѣво стѣна. За ними еще подъемъ и еще, и еще; а тамъ голый черепъ верхушки съ крутѣйшимъ подъемомъ безъ малѣйшей тропинки. Вездѣ глубокіе снѣга.

Подполковникъ Сосновскій приказалъ разобрать и втаскивать только два орудія, каждая часть которыхъ, какъ-то: лафеты, колеса, передки, тѣла, зарядные ящики, укладывалась на отдѣльныхъ салазкахъ и прикрѣплялась къ нимъ веревками; въ салазки впрягалась по 6—8 паръ буйволовъ и кромѣ того къ каждымъ изъ нихъ было приставлено по 60 человѣкъ, которые то понукали буйволовъ, то сами тащили за лямки, то удерживали, то подпирали салазки сзади и сбоковъ. Тяжело было даже смотрѣть на эти нечеловѣческія усилія горсти людей; черезъ каждые 5—6 шаговъ приходилось отдыхать и собираться съ силами; часто даже буйволы отказывались повиноваться и тогда раздавались крики и

понуканія болгаръ, которые играли дѣятельную роль при этомъ переходѣ, о чемъ скажу ниже.

Полковникъ Грековъ рѣшился опередить эту длинную вереницу и дойти съ своими казаками до того мѣста, гдѣ находился подполковникъ Сосновскій, распоряжавшійся въ этотъ день всѣмъ отрядомъ; но это оказалось не очень легко, такъ какъ узенькая тропинка была занята артиллеріею, а свернуть въ сторону мѣстами не было возможности; мы видѣли или поросшія кустарникомъ стѣны, или пропасти. Но для казака все возможно; полковникъ Грековъ пришпорилъ коня и за нимъ потянулся длинный хвостъ казаковъ, кто какъ умѣлъ. Мы обогнали наконецъ артиллерію и выѣхали на узенькую тропинку, проложенную болгарами и стрѣлками 10-го батальона, которые уже прошли первымъ эшелономъ. Чѣмъ дольше мы ѣхали, тѣмъ круче и неудобнѣе становился подъемъ; мѣстами мы встрѣчали такіе громадные снѣжные завалы, что не было почти возможности двигаться и тогда мы должны были идти пѣшкомъ и вести своихъ лошадей въ поводу. Около двухъ часовъ пополудни мы увидали подъ бугромъ чернѣющую массу людей и какую то хижину, изъ которой вылетали клубы чернаго дыма. Это была простая болгарская овчарня, даже безъ крыши; здѣсь Сосновскій ожидалъ у костра, пока не подтянется артиллерія и другія части; съ нимъ были: штабсъ-ротмистръ Крестовскій, котораго наканунѣ сотникъ Поцѣлуевъ наивно принялъ за какого-то корреспондента, поручикъ Чуриковъ, саперъ, капитанъ Шелеповъ, командиръ 3-й роты 9-го полка, о. Макарій, настоятель Траянскаго монастыря, который сопровождалъ нашъ отрядъ, воевода Уско Петковичъ, какъ начальникъ болгарской четы и др. Разговоръ только и вертѣлся вокругъ ожидаемаго штурма и впечатлѣнія, которое произведетъ въ Европѣ этотъ замѣчательный переходъ въ случаѣ его удачи.

Подполковникъ Сосновскій хотѣлъ непремѣнно сегодня же ночью сдѣлать демонстрацію или даже атаку противъ непріятельскихъ укрѣпленій на перевалѣ; но очевидно было, что орудія не поспѣютъ во время, имѣя еще около 8 верстъ самой страшной дороги. Сосновскій рѣшился не дожидаться ни орудій, ни остальныхъ частей и 3-го эшелона, а съ имѣющимися у него силами начать наступленіе; тѣмъ временемъ поручилъ Цурикову заняться возможно энергичнѣе операціей по подъему орудій. Непріятельская позиція находилась отъ овчарни приблизительно на разстояніи около 5-ти верстъ, самой страшной и не расчищенной дороги. Стрѣлки прошли уже здѣсь раньше и расположились на самой вершинѣ горы въ виду непріятельской позиціи, отдѣлявшейся только глубокою лощиною.

Въ овчарнѣ устроенъ перевязочный пунктъ, на которомъ находился только одинъ врачъ Заблудовскій, № 30-го полка, на весь отрядъ.

Мы тронулись только съ тремя сотнями казаковъ и одной ротой 9-го полка. Сначала попробовали ѣхать верхомъ, но это оказалось положительно невозможнымъ, такъ какъ лошади безпрестанно падали въ глубокомъ снѣгу, по которому виднѣлась длинная глубокая черта; это прошли гуськомъ стрѣлки 10-го батальона. Подъемъ былъ до того крутой, что нельзя было сдѣлать болѣе 10-ти шаговъ безъ отдыха; всѣ люди сильно запыхались, лошади усиленно работали боками, паръ густыми клубами валилъ вокругъ уставшихъ животныхъ. Длинная вереница лошадей и казаковъ ярко обрисовывалась на бѣломъ снѣгу и извилистою лентой изрѣзывала крутые склоны горъ. Къ величайшему нашему счастью погода намъ благопріятствовала; хотя было не менѣе 10° мороза, но не было вовсе того страшнаго урагана, который часто свирѣпствуетъ въ этихъ горахъ, опрокидываетъ въ кручи лошадей и всадниковъ и въ состояніи занести снѣгомъ даже цѣлые отряды. Не смотря однако на морозъ, мы обливались пòтомъ, а рубахи и мундиры совершенно были мокрые; мы съ жадностью глотали комки снѣга, мало заботясь о послѣдствіяхъ. Около 6-ти часовъ вечера мы подошли къ послѣдней возвышенности съ самыми крутыми откосами; снѣгу вездѣ выше колѣнъ, по сторонамъ сугробы, въ которыхъ могла бы застрясть любая лошадь. Страшно даже было и смотрѣть на этотъ голый черепъ, на который намъ еще предстояло взобраться; и тропинки здѣсь уже не было, потому что мы приняли другое направленіе чѣмъ стрѣлки, по слѣдамъ которыхъ конницѣ немыслимо было двигаться. Тутъ пришлось самимъ расчищать дорогу, утопая по грудь въ снѣгу и прощупывая подъ нимъ почву, чтобы не провалиться въ пропасть или разсѣлину.

Начинало уже смеркаться, когда мы, послѣ неимовѣрныхъ усилій, вскарабкались наконецъ на самую вершину, которая въ этомъ мѣстѣ представляетъ гладкую обледенѣвшую поверхность и на которой застали ожидающихъ стрѣлковъ и болгарскихъ четниковъ. Кругомъ царила мертвая тишина. Голые хребты, покрытые глубокими снѣгами, ущелья и сѣдловины, между которыми разбросаны разнообразнѣйшіе холмы съ густой растительностью, въ воздухѣ носятся миріады иглъ замороженнаго инея и не слышно, не видно ни одного живущаго существа, лишь на высокомъ бугрѣ кишитъ чернѣющая масса чужеземныхъ пришлецовъ. Вся картина мало по малу затемняется, ночная темнота уже смѣняетъ дневной свѣтъ. Слѣдовало немного отдохнуть и дать время отставшимъ подтянуться.

Отдохнувъ съ четверть часа, подполковникъ Сосновскій направилъ стрѣлковый батальонъ, подъ начальствомъ полковника Бородина, къ непріятельскимъ редутамъ, расположеннымъ далѣе къ востоку на неприступной скалѣ съ почти отвѣсными стѣнами.

— Что мнѣ дѣлать въ этой темнотѣ? спросилъ полковникъ Бородинъ.

— Идите на укрѣпленіе и берите его прямо „въ лобъ“, сказалъ съ воодушевленіемъ Сосновскій.

— Да я не знаю позиціи, возразилъ недоумѣвая Бородинъ.

— Идите прямо и только въ лобъ, въ самый лобъ.

За стрѣлками двинулись и мы, и всѣ казаки. Мы должны были прослѣдовать черезъ огромные снѣжные завалы, хотя уже по болѣе или менѣе ровной мѣстности; о ѣздѣ верхомъ не могло быть и рѣчи; всѣ то и дѣло спотыкались, падали, скатывались, а на лошадей нашихъ и на ихъ борьбу со снѣжными сугробами нельзя было смотрѣть безъ жалости. Пѣхота прошла впередъ, а мы со всею кавалеріею остановились на разстояніи не болѣе 500 саженъ отъ непріятельской позиціи. Вдругъ впереди насъ на горизонтѣ мелькнулъ огонекъ и за нимъ раздался выстрѣлъ, за которымъ послѣдовала довольно частая перестрѣлка. Подполковникъ Сосновскій спѣшилъ тотчасъ-же одну сотню казаковъ и направилъ ее на правый непріятельскій флангъ; другой сотнѣ, не спѣшенной, приказалъ обойти непріятеля въ тылъ. Въ резервѣ оставалась еще одна сотня казаковъ, и прибывала рота пѣхоты; здѣсь-же находились коноводы, вьючныя лошади, и кромѣ того постоянно подходили отставшіе и едва уже двигавшіеся солдаты и казаки съ изнеможенными лошадьми. Затѣмъ послѣдовало еще много самыхъ разнорѣчивыхъ и непонятныхъ распоряженій. Между офицерами слышался ропотъ; никто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлается, никто не зналъ непріятельской позиціи. Между тѣмъ перестрѣлка, или, вѣрнѣе, ружейная пальба съ непріятельской стороны все продолжалась, то ослабѣвая, то усиливаясь. Никто еще изъ насъ не зналъ, что дѣлается впереди; мы только видѣли огонь въ двухъ мѣстахъ и притомъ двух-ярусный; очевидно было, чего до этого никто и не догадывался, что непріятельская позиція состояла изъ двухъ укрѣпленій. Сотни казаковъ, посланныя въ обходъ непріятеля, не могли исполнить порученія, не найдя этого обхода и не зная что обходить; притомъ онѣ наткнулись на непроходимые снѣга и были встрѣчены непріятельскимъ огнемъ. Подполковникъ Сосновскій, не получая никакого извѣстія отъ Бородина, сначала послалъ къ нему сотника Поцѣлуева, затѣмъ прапорщика Эрнрота и наконецъ, когда никто не возвращался, рѣшился самъ идти впередъ.

Передача приказаній и передвиженіе были почто невозможны; всѣ части двигались гуськомъ, и вся эта узкая и глубокая тропа была занята коноводами и резервной ротой, которые всѣ очутились тоже подъ огнемъ. Кто-то изъ нихъ закурилъ папироску, а непріятель воспользовался открытіемъ, чтобы направить и въ эту сторону свои выстрѣлы. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, группа офицеровъ расположилась въ одномъ крайне неудобномъ мѣстѣ. Морозъ крѣпчалъ, а согрѣться движеніемъ не было возможности; я попробовалъ было сдѣлать нѣсколько

шаговъ, но оставилъ это и легъ вмѣстѣ съ другими въ снѣгу. На право отъ насъ была пропасть, на лѣво-же бугоръ и мы лежали на его откосѣ. Надъ нашими головами взвизгивали пули, несмотря на что нѣкоторые изъ насъ, послѣ безсонной ночи и стольких трудовъ, не преодолѣли сна. Между тѣмъ проходили минуты томительнаго ожиданія и неизвѣстности.

Вскорѣ оказалось, что когда уже наши стрѣлки прошли открытое пространство, турки первые открыли огонь. Благодаря тихой погодѣ, шумъ и говоръ въ нашемъ отрядѣ долетали до непріятельскихъ ушей и заставили наблюдательный отрядъ, помѣщавшійся въ редутахъ, быть на сторожѣ; затѣмъ они открыли огонь на шумъ, стрѣлки-же залегли въ весьма близкомъ разстояніи отъ непріятеля подъ бугромъ, но не отвѣчали, чтобы себя не обнаружить. Ночная темнота не дозволяла что нибудь разглядѣть, и поэтому полковникъ Бородинъ, не будучи совершенно знакомъ съ мѣстностью, не могъ исполннть порученія Сосновскаго и ударить прямо „въ лобъ". Малѣйшее движеніе, одинъ шагъ, приходилось дѣлать ощупью и крайне осторожно, чтобы не провалиться въ пропасть. Не было ни малѣйшей возможности найти этотъ „лобъ", это больное мѣсто непріятельской позиціи.

Часы проходили. Было уже около 3 часовъ по полуночи, а въ нашемъ положеніи ничего не измѣнилось; ружейная пальба все еще поддерживалась съ небольшими промежутками; изрѣдка выносили раненыхъ, морозъ донималъ. Очевидно было, что сегодня не удастся ничего сдѣлать, а необходимо было до разсвѣта вывести отрядъ изъ огня. Тогда Сосновскій, по совѣту Бородина и настоянію Грекова, согласился отступить и дождаться, пока не соберутся остальныя части отряда и не довезутъ орудій. Мѣстомъ для бивуака былъ избранъ буковый лѣсъ въ лощинѣ, находящейся у подошвы послѣдней возвышенности. Немедленно разослано приказаніе всѣмъ вытягиваться, стрѣлкамъ подниматься; но изъ нихъ не всѣ встали; нѣсколько человѣкъ на зовъ товарищей не отвѣчали и не поднимались. Морозъ сковалъ всѣ ихъ члены, высушилъ кровь и они заснули на вѣки мертвымъ сномъ. Всѣ наши потери въ эту ночь составляютъ убитыми и замерзшими 8 человѣкъ, ранеными 14 человѣкъ, причемъ оказалось громадное число обмороженныхъ. Мы еще сравнительно дешево отдѣлались; оказалось, что весь отрядъ, резервы, коноводы и даже офицерскія вьючныя лошади были въ области огня, на весьма незначительномъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій и притомъ въ страшныхъ снѣгахъ, въ которыхъ неимовѣрно трудно было вращаться; только благодаря ночной темнотѣ, намъ удалось избѣгнуть печальной участи. Морозъ достигалъ въ эту ночь—20° R, но было совершенно тихо; бѣлье на насъ и сапоги совершенно обледенѣли, волосы, усы и бороды покрылись крупной ледяной дробью. Что должны

были испытывать несчастные солдаты и казаки, которые даже не были снабжены полушубками!

Въ 4 часа ночи части были собраны и капитану Шелепову поручено прикрывать отступленіе, если можно такъ выразиться; это указывало бы на нѣкоторый порядокъ, котораго вовсе не существовало. Въ ночной темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть, ни разузнать; даже приказанія уже передавались отъ одного къ другому, не разбирая къ кому оно относилось. Вся масса въ безпорядкѣ начала двигаться въ обратный путь; но что это было за нисхожденіе! По скалистымъ крутизнамъ, покрытымъ обильно уже разрыхленнымъ снѣгомъ, мы ежеминутно падали и скатывались внизъ, скользили и увлекали другихъ, не имѣя за что удержаться; здѣсь люди и лошади смѣшивались въ одну общую массу, катившуюся внизъ подобно лавинѣ. Усталые члены отказывались повиноваться и мы часто съѣзжали на собственныхъ спинахъ, а на лошадей, которыхъ вели въ поводу, нельзя было смотрѣть безъ состраданія. У меня, да и у многихъ другихъ. бросилась носомъ кровь, которой только и оставалось дать полную волю, не обращая на нее вниманія; мой полушубокъ вскорѣ покрылся красными пятнами, застывшими отъ холода и придававшими мнѣ видъ раненаго, при окровавленномъ лицѣ. Я не въ состояніи описать всего того, что мы испытывали, ни нарисовать картину этого ночнаго отступленія и я увѣренъ, что никто изъ цѣлаго отряда не забудетъ во всю свою жизнь памятной ночи съ 23-го на 24-е декабря.

— Это одна изъ картинъ Дантова Ада,—воскликнулъ штабсъ-ротмистръ Крестовскій.

— Сегодня я искупилъ всѣ свои грѣхи,—возразилъ задыхаясь полковникъ Грековъ.

— Мой Селимъ пропалъ,—замѣтилъ молодой есаулъ Поздѣевъ, веселый, беззаботный, но страстно любившій лошадей и съ грустью наблюдавшій, какъ его любимый Селимъ спотыкался и падалъ всею тяжестью на голые камни.

— А мой теперь отдыхаетъ, — сказалъ задумчиво сотникъ Поцѣлуевъ, у котораго лошадь была убита въ то время, когда его посылалъ Сосновскій къ полковнику Бородину.

И среди самыхъ тяжелыхъ трудовъ и опасностей, эти люди думали объ лошадяхъ. Таковы ужъ казаки!

Когда мы прибыли на мѣсто бивуака въ 5 ч. утра, уже топоры были въ работѣ, раскладывались костры, варилась каша въ отдѣльныхъ котелкахъ. Работа возлѣ подъема орудій все еще продолжалась, но головныя салазки едва достигли овчарни. Мы испытывали страшныя мученія, не имѣя возможности послѣ столькихъ трудовъ растянуться на мягкой кровати, въ теплой комнатѣ и дать отдыхъ усталымъ членамъ. Пой-

мите, читатели, наше положеніе подъ открытымъ небомъ, на снѣгу, не имѣя съ собой ничего, чтобы могло хотя сколько нибудь улучшить положеніе и уменьшить неудобства.

Весь день 24-го декабря мы провели на томъ же бивуакѣ, среди дыма отъ безчисленныхъ костровъ, которые насъ спасали отъ сильнаго холода. Въ этотъ день пріѣхалъ графъ Татищевъ, который съ начальникомъ штаба и командирами частей отправился на вершину горы, для обозрѣнія мѣстности и непріятельскихъ позицій, которыя оказались почти неприступными и расположенными на двухъ остроконечныхъ скалистыхъ вершинахъ, находящихся одна отъ другой на разстояніи около двухъ верстъ. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно было заключить, что проходъ защищался отрядомъ численностью приблизительно въ 500 человѣкъ. Окончательное рѣшеніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій еще не было принято и дожидались приказанія отъ генерала Карцова, бывшаго въ Траянахъ, хотя графъ Татищевъ энергически настаивалъ на немедленномъ атакованіи и занятіи перевала, пока непріятель, разъ потревоженный, не соберется съ силами.

25-го декабря, день Рождества Христова, проводимъ по прежнему на снѣгу и въ дыму; вчера мы получили маленькое подкрѣпленіе въ провизіи и раки (водка) отъ дьякона Давида, изъ монастыря Успенія и, благодаря ему, имѣли нѣкоторые запасы и теплый напитокъ. Уже третій день живемъ въ горахъ, въ полномъ значеніи слова, вмѣстѣ съ природой; хотя очень поэтично, но крайне незавидно. Подполковникъ Сосновскій отправился самъ къ генералу Карцову, при которомъ остался и не принималъ никакого участія въ послѣдующихъ событіяхъ. Къ вечеру же пришло распоряженіе отъ генерала Карцова атаковать во чтобы-то ни стало перевалъ, и пріѣхалъ генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ, котораго 23-го декабря Сосновскій направилъ съ двумя ротами пѣхоты и четырьмя сотнями казаковъ черезъ Шибково на переходъ въ Рахманлы, съ цѣлью зайти въ тылъ непріятелю, занимавшему позицію на Траянскомъ перевалѣ. Но проходъ этотъ оказался совершенно непроходимымъ и поэтому подполковникъ Сухомлиновъ вернулся назадъ, и былъ посланъ генераломъ Карцовымъ для приведенія въ исполненіе приказанія Его Высочества. Начальникомъ, находящагося уже въ горахъ на позиціи отряда, назначенъ графъ Татищевъ. Тотчасъ закипѣла работа возлѣ перевозки орудій; одно уже было на вершинѣ и оставалось доставить туда еще хотя одно. Въ теченіе всей ночи раздавались понуканія буйволовъ и безпрестанно смѣнялись люди для болѣе успѣшной работы. Всѣ солдаты и казаки ожили и обрадовались концу томительнаго ожиданія и неизвѣстности. Немедленно было приступлено и къ составленію диспозиціи; весь отрядъ раздѣлился на двѣ части: первая, въ составъ которой вошли: 10-й стрѣлковый батальонъ, 1-й батальонъ 9-го пѣхот-

наго полка, двѣ роты 10-го полка, четыре сотни донскаго № 30 полка и взводъ 3-й батареи, образовала нашъ лѣвый флангъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Грекова и должна была атаковать непріятельскій правый флангъ; вторая часть отряда, состоящая изъ 2-го и 3-го батальоновъ 9-го полка, саперной роты и 1-й сотни № 30 полка, подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Татищева, назначалась для атаки непріятельскихъ укрѣпленій, находящихся на его лѣвомъ флангѣ. Общее наступленіе назначено на разсвѣтѣ. Здѣсь я хочу отмѣтить замѣчательную особенность. На сколько недовѣрчиво относились почти всѣ офицеры въ предъидущіе дни къ наступленію и неохотно исполняли приказанія подполковника Сосновскаго, на столько теперь дѣятельное участіе принимали они во всемъ и почти не сомнѣвались въ успѣхѣ предстоящаго штурма. Во всѣхъ распоряженіяхъ графа Татищева и подполковника Сухомлинова замѣчалась обдуманность, сознательность и знаніе дѣла, что гарантировало успѣшный ходъ предпріятія.

26-го декабря, въ 4 часа утра, части начали двигаться къ назначеннымъ мѣстамъ; пѣхота нашего лѣво-флангового отряда, подъ начальствомъ маіора Иванова, выступила первымъ эшелономъ, чтобы подъ прикрытіемъ ночи пройти незамѣченною по ущелью, подъ самую укрѣпленную возвышенность и не подвергаться убійственному огню; за нею выступили казаки. Въ ночной темнотѣ движутся эти суровыя, воинственныя фигуры съ своими страшными пиками, идя на величайшій подвигъ, неся страхъ и смятеніе въ непріятельскіе ряды. Уже разсвѣтало, когда мы взошли на вершину горы, на которой стояло орудіе, направленное на непріятельскую лѣвую позицію; мы прошли еще дальше и поднялись на другую возвышенность, на которой стояло второе орудіе, направленное на непріятельскій правый флангъ; пѣхота уже выходила изъ ущелья. Совсѣмъ разсвѣло. Мракъ уступилъ мѣсто свѣту и первые лучи восходящаго солнца согнали послѣдніе остатки тѣней. Изъ турецкаго редута посыпались градомъ пули на нашихъ стрѣлковъ и въ тоже самое время у насъ раздался орудійный выстрѣлъ, огласилъ собою горныя вершины и отразился въ нѣсколькихъ мѣстахъ, отъ скалистыхъ откосовъ; граната, съ шипѣніемъ разрѣзая воздухъ, полетѣла въ непріятельскій редутъ. Совершился фактъ необыкновенный и до сихъ поръ небывалый: въ неудобнѣйшемъ горномъ проходѣ, на неприступнѣйшей скалѣ, покрытой обильно снѣгомъ, загремѣло русское девятифунтовое орудіе. А внизу, по откосамъ глубокой балки, ползутъ въ гробовомъ молчаніи наши беззавѣтные богатыри, поднимаясь все выше и выше, подъ свистомъ пуль къ страшной скалѣ; вдали же уже спускаются въ ущелье ненавистные и страшные для турокъ шайтаны. Грозная и потрясающая картина, которой не выдержитъ турецкій солдатъ. На наши орудійные выстрѣлы непріятель слабо отвѣчалъ изъ горнаго орудія. Вотъ уже наши застрѣль-

щики выкарабкались на небольшую площадку, находившуюся въ мертвомъ пространствѣ; остальные медленно ползутъ. Огонь непріятельскій начинаетъ рѣдѣть. Здѣсь полковникъ Грековъ замѣчаетъ, что многіе турки бросаютъ свои позиціи и убѣгаютъ; онъ посылаетъ ординарца къ маіору Иванову, съ приказаніемъ ускорить атаку, но не успѣваетъ этотъ послѣдній передать порученіе, какъ раздается грозное ура! и наши солдаты бросаются на редуты. Турки не выдержали и поспѣшно отступили, оставивъ въ землянкахъ много съѣстныхъ припасовъ, патроновъ, снарядовъ, но горное орудіе успѣли или увезти, или, скорѣе, сбросить въ кручу; его слѣдовъ не найдено. Итакъ, уже къ 10-ти часамъ утра позиція на правомъ флангѣ была въ нашихъ рукахъ.

Оставалось теперь преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, что уже составляло прямую задачу казаковъ, которымъ по столь неудобной и въ высшей степени пересѣченной мѣстности весьма трудно было двигаться, такъ что первые солдаты, занявшіе редуты, первыми же и спускались съ горъ по тропинкѣ, ведущей въ деревню Карнари. Четыре сотни казаковъ, которыя вели: войсковой старшина Грузиновъ, есаулъ Галдинъ, есаулъ Поздѣевъ и есаулъ Апостоловъ, должны были спускаться спѣшенными по крутой и обрывистой тропинкѣ и еще болѣе неудобной чѣмъ подъемъ. Долина Розъ предстала нашимъ глазамъ во всей своей красѣ, много теряющей въ зимнее время. Вдали за Карнари показалась турецкая кавалерія, изъ деревни потянулись длинные обозы, а убѣгающіе солдаты засѣли въ деревнѣ за прикрытіями и открыли по спустившейся горсти солдатъ огонь, на который тѣ отвѣчали, разсыпавшись въ цѣпь, но не могли выбить прятавшагося непріятеля. Но вотъ уже и удалые донцы сѣли на коней и подъ начальствомъ своихъ храбрыхъ командировъ бросаются безстрашно на деревню и въ сторону появившихся черкесовъ, которые не дожидаются казачьей атаки и уходятъ съ возможною скоростью. Изъ деревни раздаются выстрѣлы, но казаки врываются въ нее, очищаютъ и затѣмъ бросаются за убѣгающими и скрывающимися въ кустахъ и въ снѣгу, догоняютъ обозы, отбиваютъ скотъ и все это происходитъ среди оживленной перестрѣлки. Въ очищенную казаками деревню вошла пѣхота; въ одной мечети, которая была превращена въ магазинъ, было множество патроновъ, снарядовъ, ружей и съѣстныхъ припасовъ; мало того, повсюду на улицѣ и за деревней разбросаны патроны и ружья, свидѣтельствующіе съ какой поспѣшностью убѣгалъ непріятель. Въ числѣ трофеевъ достались еще турецкое знамя и два значка. Кромѣ того, тутъ же, въ деревнѣ, нѣсколько солдатъ сдались въ плѣнъ.

Между тѣмъ на непріятельскомъ лѣвомъ флангѣ все еще продолжалась перестрѣлка и орудійная пальба. Въ то время, когда колонна полковника Грекова наступала слѣва, справа дѣйствовалъ графъ Татищевъ; именно въ 8 часовъ утра онъ направилъ второй батальонъ староингерман-

ландскаго полка, подъ начальствомъ маіора Духновскаго, на редуты, которые обстрѣливало тоже одно девяти-фунтовое орудіе, расположенное на противоположной возвышенности. Остальныя части отряда двигались медленно за авангардомъ по узкой тропѣ между снѣжными завалами. На непріятельскомъ гребнѣ замѣчено было вскорѣ сильное движеніе и, послѣ первыхъ нашихъ орудійныхъ выстрѣловъ, турки начали обстрѣливать изъ горнаго орудія нашу батарею, но не причиняли ни малѣйшаго вреда. Между тѣмъ наши передовые застрѣльщики грозно приближались къ неприступнымъ твердынямъ въ виду непріятелей, которые и открыли по нимъ ружейный огонь, какъ только первые подошли на извѣстную дистанцію. Непріятельскій густой огонь не остановилъ солдатъ, которые мало по малу выходили на ровное мѣсто подъ горою, гдѣ могли уже развернутымъ фронтомъ готовиться къ атакѣ и гдѣ уже огонь не причинялъ большаго вреда. Наши солдаты, лежа, съ замираніемъ сердца ждали сигнала, который не замедлилъ послѣдовать, какъ только подтянулись остальныя части и вся эта грозная масса, съ потрясающимъ крикомъ ура! бросилась на неприступную, почти отвѣсную скалу, защитники которой, пораженные дерзостью и отчаянною храбростью нашихъ воиновъ, въ страшнѣйшемъ паническомъ испугѣ бросились бѣжать по направленію къ дер. Тике; но во второмъ ряду редутовъ закипѣла штыковая работа и остатки непріятельскаго отряда были окончательно выбиты изъ природныхъ укрѣпленій; здѣсь же захвачено горное орудіе. Къ 1-му часу пополудни перевалъ былъ уже въ нашихъ рукахъ.

На самой вершинѣ горъ, вдоль проложенной узенькой тропинки, ведущей отъ Траянъ черезъ горы до Карнари и Теке, на господствующемъ гребнѣ выдаются громадные скалистые уступы, образующіе на южной своей сторонѣ совершенно закрытые и защищенные съ сѣвера природные ложементы. Турки какъ нельзя лучше воспользовались природой и устроили вдоль гребней въ двухъ мѣстахъ на дорогѣ къ Карнари и Тике укрѣпленные лагери, откуда могли съ весьма незначительными силами защищать проходъ противъ вдесятеро большей арміи. Позиція безусловно неприступна и за таковую ее считаютъ всѣ извѣстнѣйшіе авторитеты, напр., Мольтке, Каницъ и др. Что же касается самого прохода, то онъ до такой степени неудобенъ и въ зимнее время заносится снѣгами, что не безъ основанія его считаютъ непроходимымъ. Вспомнимъ наконецъ отдаленныя древнія времена, когда въ этомъ проходѣ погибали цѣлые легіоны; именно здѣсь былъ проложенъ древній римскій путь и даже еще до сихъ поръ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки римскихъ сооруженій и мостовой, которыя хорошо видны лѣтомъ. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, несмотря на довольно значительный турецкій отрядъ, защищавшій проходъ и доходившій, по свидѣтельству плѣнныхъ и болгаръ, до 1500 человѣкъ регулярнаго войска,

переходъ нашихъ войскъ совершился блистательно 26-го декабря и неприступныя доселѣ позиціи были взяты штурмомъ. Сколько трудовъ стоило передвиженіе войска, лошадей и артиллеріи, сколько нужно было перенести мученій, объ этомъ только тотъ можетъ имѣть понятіе, кто самъ испыталъ. Одновременная же и грозная, безмолвная атака обѣихъ позицій, сильные резервы и казачьи обходы навели паническій ужасъ на непріятеля, который дрогнулъ въ рѣшительную минуту. Задача наша исполнена блистательно.

Было уже около 4-хъ часовъ по-полудни, когда фронтальной колоннѣ удалось вытѣснить турокъ изъ укрѣпленій; безъ сомнѣнія, они держались долго потому, что имъ былъ отрѣзанъ уже путь отступленія колонной полковника Грекова. Около этого времени, полковникъ Грековъ, находившійся въ дер. Карнари, получаетъ извѣстіе, что турки съ лѣваго фланга спускаются въ незначительномъ числѣ на деревню Тике, другіе же убѣгаютъ еще далѣе прямо по снѣгу. Онъ немедленно посылаетъ для загражденія отступленія непріятелю войсковаго старшину Грузинова съ сотнею казаковъ и капитана Шелепова съ ротою пѣхоты. На склонѣ горъ то тамъ, то здѣсь появились группы бѣглецовъ, которые, видя свое безвыходное положеніе, засѣли за камни и кусты и открыли огонь. Кромѣ того, и на долинѣ безпрестанно раздавались выстрѣлы убѣгающихъ изъ деревни баши-бузуковъ и даже мирныхъ жителей. Наши солдаты и казаки очутились среди перекрестныхъ огней, но вскорѣ, благодаря своей удали и молодечеству, они окончательно побороли врага и очистили мѣстность.

И такъ, 26-го декабря, на второй день Рождества Христова, совершился одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвиговъ военнаго искусства; Траянскій перевалъ, который считался всѣми авторитетами неприступнымъ, оказался и доступнымъ, и проходимымъ даже для артиллеріи и притомъ въ зимнее время. Его мы заняли съ боя и недорогой цѣной, но подвигъ этотъ останется на память грядущимъ поколѣніямъ, какъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ военной исторіи. Успѣхомъ дѣла мы много обязаны распорядительности, энергіи и такту какъ начальнику отряда, графу Татищеву, такъ и начальнику штаба, подполковнику Сухомлинову, и всѣмъ командирамъ частей. Въ высшей степени мѣтко и справедливо охарактеризовалъ этотъ подвигъ генералъ Карцовъ, обращаясь въ нѣсколько дней послѣ событія къ частямъ своего отряда съ приказомъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Войска Траяновскаго отряда! Безпримѣрный въ военныхъ лѣтописяхъ переходъ черезъ Траянскій перевалъ Балканскихъ горъ совершился. Ни преграды природы, ни стужи и вьюги, ни противодѣйствія непріятелей, засѣвшихъ въ укрѣпленіяхъ на неприступныхъ скалахъ, не остановили васъ.

„О геройскомъ этомъ подвигѣ я имѣлъ счастье донести августѣйшему нашему Главнокомандующему и онъ приказалъ мнѣ сердечно благодарить молодецкій отрядъ.

„Взятые вами съ боя знамя, орудіе и плѣнные—все это свидѣтельствуетъ о вашей храбрости.

„Какъ свидѣтель понесенныхъ вами трудовъ и лишеній, когда вы прокладывали себѣ путь по сугробамъ своею грудью, когда вы при 22-хъ градусахъ мороза ввозили на крутизны орудія и несли снаряды, когда вы, совершая обходное движеніе, спускались въ пропасти; наконецъ, когда вы штурмовали Орлиное гнѣздо Траянскаго перевала, я тогда дивился вамъ, а теперь горжусь вами.

„Приношу сердечную благодарность всѣмъ чинамъ отряда отъ старшаго до младшаго. Въ особенности же благодарю командира 3-й артиллерійской бригады полковника Золотухина, командировъ полковъ: 9-го пѣхотнаго староингерманландскаго флигель-адъютанта полковника графа Татищева и донскаго казачьяго № 30-го полковника Грекова, начальника штаба подполковника Сосновскаго и состоящаго при мнѣ полковника Сухомлинова, а равно и команду саперной роты, которая понесла особые труды при разработкѣ дороги."

Вернемся къ нашему разсказу. Завладѣвъ окончательно перевадомъ, части колонны графа Татищева спустились въ дер. Тике; части же лѣвофлангового отряда, освѣтивъ и очистивъ мѣстность отъ непріятеля, собрались въ дер. Карнари. Полковникъ Грековъ приказомъ по отряду, писаннымъ карандашемъ на клочкѣ грязной бумаги, немедленно предписалъ линейнымъ и стрѣлковымъ ротамъ расположиться на всѣхъ выходахъ деревни и тотчасъ же выставить заставы въ ста шагахъ отъ выхода изъ улицъ, а казачьимъ сотнямъ разсыпаться вокругъ деревни и быть въ резервѣ. Кромѣ того, онъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ сотеннымъ и ротнымъ командирамъ строго воспретить всѣмъ нижнимъ чинамъ шататься по деревнѣ. Всѣ подобныя предосторожности были необходимы въ виду того, что мы ничего не знали еще о расположеніи непріятельскихъ силъ и не были увѣрены въ своей безопасности. Что дѣлалось на флангахъ? Со стороны Шипки не было слышно ни малѣйшаго гула и положеніе наше могло быть критическимъ.

Потери наши въ этомъ славномъ дѣлѣ, сравнительно съ достигнутыми результатами, незначительны; мы потеряли убитыми и ранеными 57 человѣкъ нижнихъ чиновъ и двухъ офицеровъ: убитъ штабсъ-капитанъ Швейбуцкій и раненъ подпоручикъ Бенедиктовскій. Потери непріятелей гораздо значительнѣе, но приблизительнаго числа нельзя опредѣлить, такъ какъ большею частью они погибли при преслѣдованіи по мѣстности, въ высшей степени пересѣченной; въ плѣнъ взято 40 человѣкъ и въ томъ числѣ два офицера. Всѣ они принадлежали къ регу-

лярнымъ войскамъ; въ числѣ ихъ находились и помаки, т. е. болгары, принявшіе мусульманскую вѣру. Свободные помаки присвоили себѣ изъ турецкаго костюма чалму и феску, во всемъ же остальномъ не отличаются отъ болгаръ; всѣ они, сколько мнѣ ихъ приходилось видѣть, носятъ какой-то особый отпечатокъ звѣрства и хищничества; глаза такъ и сверкаютъ безсильною злобою и всѣ болгары питаютъ къ нимъ полнѣйшее отвращеніе. Съ однимъ изъ попавшихся офицеровъ случилось маленькое недоразумѣніе; при взятіи въ плѣнъ, онъ какимъ-то образомъ лишился своего мундира и поэтому не могъ быть признанъ за офицера и помѣщенъ вмѣстѣ съ плѣнными солдатами, что оскорбило его самолюбіе до такой степени, что онъ и самъ началъ выдавать себя за фельдфебеля, Но впослѣдствіи ошибка выяснилась и, къ величайшей его радости, онъ былъ переведенъ къ своему товарищу по службѣ и по несчастью.

Изъ распросовъ плѣнныхъ и болгаръ, оказалось, что Траянскій перевалъ защищался тремя таборами лучшихъ регулярныхъ войскъ, которыя помѣщались частью на вершинѣ перевала въ землянкахъ, частью же въ дер. Карнари, гдѣ нами были найдены въ мечети огромные запасы галетовъ, рису и ячменя. Всѣ турецкіе солдаты были довольно хорошо одѣты, въ теплыхъ бараньихъ курткахъ подъ форменнымъ платьемъ, въ цируляхъ и башмакахъ.

Во всѣхъ нашихъ операціяхъ на перевалѣ не малую роль играли и болгары изъ находящейся здѣсь четы знаменитаго партизана воеводы Цеко Петковича, который недавно образовалъ отдѣльную чету изъ 400 человѣкъ и вооружилъ ихъ ружьями, полученными отъ нашего правительства. Сначала этимъ болгарскимъ баши-бузукамъ (такъ они сами себя называли) было поручено разработать по мѣрѣ возможности дорогу въ горахъ и главнымъ образомъ очистить ее отъ снѣга, что было ими исполнено крайне небрежно, такъ что при передвиженіи частей и артиллеріи мы испытывали такія неудобства, которыя могли быть устранимы и принуждены были одновременно двигаться впередъ и прокладывать дорогу. Далѣе болгары помогали втаскивать орудія на крутыя вершины и доставляли для этой цѣли буйволовъ. Затѣмъ они даже пробовали идти съ нашими стрѣлками въ цѣпь, но при первомъ выстрѣлѣ разбѣгались. Чета воеводы Петковича не составлялъ почти ничего цѣлаго; онъ мнѣ говорилъ, что его болгары не въ состояніи въ полномъ значеніи слова подчиниться какой бы то ни было власти, такъ какъ во всѣхъ подобныхъ четахъ нѣтъ внутренней организаціи, да и притомъ мирный характеръ болгаръ не совпадаетъ съ требованіями военной дисциплины. Напримѣръ, онъ посылаетъ одного изъ своихъ четниковъ съ какимъ-нибудь порученіемъ, а тотъ ему отвѣчаетъ, что прежде долженъ пріобрѣсть себѣ хлѣбъ и цирули (лапти). „Они, бѣдные, говорилъ Петковичъ, хотятъ и стараются быть полезными, но не могутъ“.

27-го декабря были посланы казачьи разъѣзды на Сопотъ, Калоферъ и Карлово съ одной стороны, съ цѣлью узнать что-нибудь о положеніи дѣлъ на Шипкѣ, и на Рахманлы и Клиссуру съ другой, съ цѣлью войти въ связь съ ожидаемыми разъѣздами генерала Дандевиля, который, по слухамъ, уже взялъ Златицу. Послѣдній разъѣздъ сотника Кудинцева дѣйствительно вошелъ въ связь съ разъѣздами графа Комаровскаго, принявшаго начальство отъ генерала Дандевиля и направлявшагося съ своимъ отрядомъ, послѣ взятія Златицы, въ нашу сторону. Въ Клиссурѣ же оставлена сотня казаковъ, для связи двухъ отрядовъ. Разъѣздъ войсковаго старшины Грузинова прослѣдовалъ благополучно до Калофера, но не могъ получить никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; изъ Карлова всѣ бывшія тамъ турецкія войска поспѣшно бѣжали, послѣ взятія нами прохода.

Весь этотъ день артиллеристы съ помощью казаковъ были заняты спускомъ двухъ орудій, находившихся на вершинѣ перевала, что потребовало не мало усилій, такъ какъ южный склонъ Балканскихъ горъ, весьма крутой и обрывистый, представляется гораздо болѣе неудобнымъ, чѣмъ сѣверный. Во многихъ мѣстахъ, приходилось даже отдѣльныя части орудій спускать на бревнахъ по обрывамъ; какъ бы то ни было, къ концу дня орудія были доставлены въ Карнари, къ немалому удивленію плѣнныхъ турокъ.

. . . . . Съ 27-го по 30-е декабря были посылаемы въ разныя стороны отъ Карнари развѣдки и вездѣ, гдѣ только были какія-нибудь войска, они бѣжали поспѣшно, оставляя въ нашихъ рукахъ оружіе и громадные запасы провіанта и фуража. Жители изъ всѣхъ деревень тоже выселились, страшась, безъ сомнѣнія, мести болгаръ, которые дѣйствительно явились неумолимыми мстителями. Изъ посылаемыхъ разъѣздовъ заслуживаетъ вниманія разъѣздъ есаула Шарова, который явился неожиданно въ Карловѣ, откуда поспѣшно бѣжали остатки турецкихъ войскъ и оставили даже знамя, принадлежащее отряду Туссумъ-бея. Другой разъѣздъ сотника Поцѣлуева наткнулся возлѣ д. Ладжикіой на непріятельскій отрядецъ, прикрывавшій пустой обозъ, возращавшійся изъ Шипки, и затѣялъ перестрѣлку, въ которой взялъ въ плѣнъ двухъ солдатъ. Вскорѣ мы узнали о взятіи Шипки и радости не было границъ. Ожидали дальнѣйшихъ распоряженій изъ главной квартиры. Отовсюду доходили до насъ свѣдѣнія, что турки бѣгутъ все дальше и дальше, очищаютъ страну и жгутъ болгарскія селенія. Всѣмъ въ высшей степени хотѣлось сдѣлать лихой набѣгъ на Филиппополь и занять этотъ городъ, въ которомъ, по разсказамъ всѣхъ болгаръ, не могло быть большаго отряда и даже почти не было непріятельскаго войска.

30-го декабря. Вечеромъ этого дня случилось одно обстоятельство, которое дало новую пищу разговорамъ и предположеніямъ. Въ Карлово,

въ которомъ теперь помѣщались главныя силы отряда, прибылъ изъ Филиппополя нѣкто Моисъ-эффенди съ парламентерскимъ флагомъ и съ письмомъ отъ турецкаго главнокомандующаго къ нашему, извѣщая его о состоявшемся будто-бы заключеніи перемирія. Пріѣздъ этого турка, который оказался докторомъ, озадачилъ всѣхъ и породилъ у многихъ подозрѣніе насчетъ искренности его порученія, которое не могло не казаться весьма страннымъ и подозрительнымъ, такъ какъ мы получали извѣщеніе о заключеніи перемирія отъ турецкихъ властей, а не отъ нашихъ. Кромѣ того, парламентеръ, считая свою миссію оконченной, хотѣлъ возвратиться обратно въ Филиппополь, но нашими начальниками было рѣшено отправить его въ Карнари къ генералу Карцову, а оттуда въ главную квартиру, на что Моисъ-эффенди долженъ былъ согласиться. Это былъ еще молодой человѣкъ, получившій образованіе въ Берлинѣ, съ утонченными манерами, отлично говорившій на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и, повидимому, еврейскаго происхожденія. Странную обстановку своей миссіи онъ объяснялъ тѣмъ, что Порта, желая прекратить по возможности скорѣе напрасное кровопролитіе, поручила филиппопольскому генералъ-губернатору извѣстить объ этомъ наши передовые отряды. Какъ бы то ни было никто не придавалъ большаго значенія появленію у насъ турецкаго парламентера, который внушалъ сильнѣйшее подозрѣніе къ своей особѣ и который, какъ человѣкъ не военный и не привычный къ верховой ѣздѣ, усталъ до такой степени, что просилъ позволенія переночевать въ Карловѣ, на что послѣдовало согласіе.

На другой день онъ былъ отправленъ со взводомъ казаковъ къ генералу Карцову, находившемуся все еще въ Карнари; и тамъ отнеслись не менѣе подозрительно къ странному парламентеру и уже сдѣланы были распоряженія для отправки его чрезъ Трояновъ перевалъ въ Ловчу, гдѣ предполагалась главная квартира. Подполковникъ Сухомлиновъ ѣхалъ тоже туда съ порученіями и поэтому его попеченію отданъ былъ и парламентеръ, который, узнавъ, что его повезутъ черезъ Трояновъ проходъ, сильно испугался и выразилъ желаніе вернуться обратно въ Филиппополь, передавъ письмо Сухомлинову. Ему было объяснено, что подобная передача порученія весьма неудобоисполнима.

— Какъ же я поѣду на Трояновъ перевалъ, когда онъ непроходимъ, говорилъ докторъ; я не проѣду, не вернусь.

— А какъ же мы прошли его, сказалъ Сухомлиновъ, да еще съ кавалеріею и тяжелою артиллеріею.

— Для васъ все возможно, у васъ есть казаки, которые совершаютъ нечеловѣческія дѣла. Да, наконецъ, я и самъ не знаю, какъ вы прошли. У насъ всѣ поражены, удивлены и приписываютъ вашъ переходъ сверхъестественному вмѣшательству.

Къ счастью испуганнаго парламентера, генералъ Карцовъ получилъ отъ Главнокомандующаго телеграмму, извѣщающую о взятіи Шипкинскаго прохода и поэтому онъ могъ быть отправленъ только въ Казанлыкъ, гдѣ уже въ то время находился Великій Князь. Въ дорогѣ Моисъ-эффенди былъ крайне удивленъ сообщенною ему Сухомлиновымъ новостью, что его миссія не будетъ имѣть никакого значенія, ни вліянія на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій, что войска наши будутъ двигаться далѣе и займутъ Филиппополь, если онъ уже не занятъ.

— Какъ, воскликнулъ пораженный турокъ, тамъ моя жена!

— Что же дѣлать, возразилъ Сухомлиновъ, ваша жена не можетъ имѣть вліянія на ходъ военныхъ операцій.

— Такъ позвольте же мнѣ вернуться теперь въ Филиппополь, тамъ у меня госпиталь.

— Хорошъ вы парламентеръ послѣ этого, сказалъ Сухомлиновъ.

Но дѣлать было нечего; пришлось озадаченному турку ѣхать дальше и исполнить возложенное на него порученіе, которое не могло имѣть для турокъ желательныхъ послѣдствій, т. е. пріостановленія военныхъ операцій.

2-го января уже 1878 года, пріѣхалъ изъ главной квартиры генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й, которому поручено принять начальство надъ всею кавалеріею, соединиться съ отрядомъ генерала Гурко, образовать кавалерійскій летучій отрядъ и идти прямо на Филиппополь и дальше.

На слѣдующій день, т. е. 3-го января, въ 7 час. утра, всѣ части двинулись изъ города по филиппопольскому шоссе и построились въ походныя колоны въ ожиданіи прибытья начальника отряда, который не замедлилъ вскорѣ явиться на своемъ буланомъ конѣ, окруженный небольшою, но молодецкою свитою кубанскихъ и донскихъ казаковъ. Почтенная фигура заслуженнаго боеваго генерала, его длинная, окладистая и густая борода, пріятныя черты лица, георгіевскій крестъ на груди— все это производило весьма отрадное впечатлѣніе и внушало полнѣйшее довѣріе къ особѣ генерала, ведущаго въ бой лучшія и храбрѣйшія войска. Одно имя генерала не могло не производить нѣкотораго обаянія на ратниковъ, готовыхъ подъ его знаменемъ совершать самыя трудныя и молодецкія дѣла.

Генералъ поздоровался отдѣльно съ каждою частью и нѣсколькими словами поощренія приготовилъ ко всѣмъ случайностямъ войны. Дружное и восторженное „здравія желаемъ ваше пр—ство!“ раздалось въ рядахъ казаковъ № 30-го полка, когда генералъ подъѣхалъ къ этому лихому полку. Они встрѣчали своего стараго начальника, встрѣчали генерала, подъ начальствомъ котораго получили первое крещеніе огнемъ, встрѣчали наконецъ отца славнаго сына, подъ знаменемъ котораго выучились совершать доблестныя дѣла.

Колонны тронулись. Казаки, драгуны и затѣмъ пѣхота выдвинулись по шоссе и длинною лентою испещрили дорогу. Погода стояла морозная, но сухая; солнце еще не выглянуло изъ за сѣрыхъ облаковъ, но вотъ, вотъ готовилось озарить собою всю мѣстность и теплыми лучами согрѣть природу послѣ ночнаго холода. Снѣгъ толстымъ слоемъ покрывалъ прекрасную долину, усѣянную деревьями, рощицами и садами и во всей природѣ царила мертвая тишина, прерываемая лишь стукомъ подковъ о замерзшую почву. Вслѣдъ за нами потянулись безчисленныя каруцы, запряженныя валами, со всѣмъ достояніемъ бездомныхъ скитальцевъ, болгаръ, бѣжавшихъ изъ здѣшнихъ окрестностей отъ звѣрствъ турокъ. Это были большею частью обитатели селъ и деревень, находящихся въ филиппопольскомъ округѣ, которые возвращались подъ прикрытьемъ нашихъ войскъ въ мѣста своего прежняго мѣстопребыванія. Мы встрѣчали по всей дорогѣ навьюченныхъ ословъ и лошадей, вокругъ которыхъ плелись старцы въ рубищахъ, босыя женщины и оборванныя, почти въ однѣхъ рубашкахъ, дѣти; въ другомъ мѣстѣ вокругъ одной общей каруцы группировалось до 20 человѣкъ, но большею частью всѣ эти путники несли все свое имущество на собственныхъ плечахъ. Генералъ Скобелевъ пробовалъ остановить ихъ, уговаривая подождать еще нѣсколько дней, пока нами не будетъ совершенно очищена мѣстность отъ непріятелей, но „бѣженцы“ стремились въ свои „кешты“, уповая вполнѣ на благопріятный исходъ похода; сильна была ихъ вѣра въ успѣхъ нашего оружья.

Мы проѣхали довольно большое село Баджикіой, называемое болгарами Баня, отъ находящихся тамъ горячихъ минеральныхъ источниковъ; село это еще лѣтомъ сожжено совершенно, подобно весьма многимъ, находившимся въ долинѣ рѣки Тунджи. Возлѣ большаго села Чукурлу мы перешагнули черезъ малые Балканы, представляющіе въ этомъ мѣстѣ лишь рядъ небольшихъ холмообразныхъ возвышеній и взошли въ неменѣе прекрасную долину рѣки Марицы. Въ Чукурлу былъ сдѣланъ короткій привалъ; мы слегка закусили, подкрѣпились изъ привѣтливой фляги полковника Грекова и отправились дальше.

Въ четыре часа пополудни мы пріѣхали въ Каратопракъ; это небольшое болгарское село, находящееся на разстояніи 20-ти верстъ отъ Филиппополя. Радость жителей была неописанная; они находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершенныхъ наканунѣ убійствъ убѣгающими башибузуками, жертвами которыхъ было шестеро юношей, окончившихъ свою жизнь подъ ножами убійцъ. Но за то и болгары не остались въ долгу. Вотъ на площади лежатъ почти теплые трупы семи аскеръ, которые убѣгали черезъ деревню; болгары, узнавъ о приближеніи нашей колоны, умертвили всѣхъ этихъ отставшихъ солдатъ.

Турки, отступая, не забывали уже уничтожать всѣ заготовленные

ими запасы, что помѣшало имъ сдѣлать въ Карловѣ поспѣшное отступленіе. Мы пріѣхали въ Каратопракъ на свѣжіе слѣды всепожирающаго пламени, передъ нами открылись дымящіяся пепелища мѣстной церкви, которую турки превратили въ магазинъ и наполнили ее продовольственными припасами и фуражемъ и, очищая мѣстность передъ наступающими нашими войсками, зажгли церковь и уничтожили всѣ запасы. О положеніи дѣлъ въ Филиппополѣ мы еще ничего достовѣрнаго не знали, но все таки генералъ Скобелевъ рѣшился на слѣдующій день выступать впередъ. Къ вечеру этого же дня насъ догналъ подполковникъ Сухомлиновъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ злополучнымъ докторомъ-парламентеромъ, котораго, какъ и слѣдовало ожидать, Великій Князь не принялъ, а на письмо послѣдовалъ соотвѣтствующій отвѣтъ начальника штаба. Въ высшей степени оригинальна была фигура турецкаго доктора, исправлявшаго обязанности парламентера, когда на слѣдующій день онъ ѣхалъ во главѣ нашего отряда въ Филиппополь, гдѣ и былъ отпущенъ на свободу, такъ какъ этотъ городъ былъ уже занятъ наканунѣ передовыми колонами отряда генерала Гурко.

Филиппополь, весьма красивый и большой городъ, расположенъ въ лощинѣ между четырьмя громадными курганами на правомъ берегу рѣки Марицы, на которой былъ большой каменный мостъ. Турки, желая удержать нашу армію и затруднить дальнѣйшее движеніе, сожгли этотъ мостъ, но наша кавалерія и артиллерія переправилась въ бродъ ниже города, а для пѣхоты былъ быстро устроенъ плавучій мостъ; впрочемъ, еще до этого солдаты перебирались на казачьихъ лошадяхъ. Когда мы прибыли, генералъ Гурко былъ уже въ городѣ; мы надѣялись здѣсь пробыть хотя одинъ день, но этому не суждено было сбыться. Въ видахъ быстраго преслѣдованія непріятеля, который по слухамъ отступалъ по направленію къ Адріанополю, генералъ Гурко направилъ въ эту сторону генерала Скобелева 1-го съ двумя бригадами кавалеріи.

5-го января, въ 7 часовъ утра, генералъ Скобелевъ выступилъ изъ Филиппополя по шоссе, идущему вдоль желѣзной дороги къ городку Станимака. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, нами были услышаны въ правой сторонѣ у подошвы горъ орудійные выстрѣлы. Тутъ-же мы узнали, что въ эту ночь генералъ Красновъ, командиръ драгунской бригады, напалъ врасплохъ за Филиппополемъ на непріятельскій отрядъ и отбилъ 23 орудія; что довольно большія непріятельскія силы скопились у подошвы горъ и съ ними уже вступилъ въ бой со стороны деревни Палатча графъ Шуваловъ, слѣдовавшій въ Филиппополь за генераломъ Гурко, и что со стороны шоссе собирается оперировать генералъ Дандевиль. Мы подъѣхали еще дальше и съ небольшаго кургана, находившагося возлѣ шоссе, между дер. Паша-Махала, гдѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, и Карагачемъ открылась непріятельская позиція

какъ на ладони. Направо отъ шоссе, у самой подошвы горъ, передъ которыми разстилалась совершенно открытая поляна, лишь кое-гдѣ усѣянная деревьями, на склонѣ помѣщались непріятельскія батареи, занимая весьма длинную линію, передъ которою находились двѣ деревни, Карагачъ и Палатча, обѣ занятыя турками. Непріятель занималъ отличнѣйшую позицію, совершенно закрытую и господствующую надъ всею равниною, тогда какъ наши части должны были наступать по совершенно открытой мѣстности. Во время прибытія на позицію генерала Скобелева, на нашемъ правомъ флангѣ уже дѣйствовалъ графъ Шуваловъ, а на лѣвомъ, начальство надъ которымъ и принялъ Скобелевъ, оперировалъ 3-я гвардейская дивизія генерала Дандевиля. Тотчасъ-же въ подкрѣпленіе Дандевилю и въ обходъ лѣваго фланга была послана драгунская бригада; а въ центръ для связи двухъ нашихъ фланговъ и для отнятія у противника возможности прорваться въ тылъ, нашимъ фланговымъ колонамъ посланъ № 30 казачій полкъ, который и былъ поэтому подверженъ сильному артиллерійскому огню. Немедленно полковникъ Грековъ выдвинулъ въ цѣпь и разсыпалъ двѣ сотни казаковъ, которымъ и приказалъ войти въ связь съ отрядомъ графа Шувалова. Отдѣльныя деревья и небольшіе пригорки составляли прикрытіе для нашихъ храбрецовъ, выставленныхъ на сильнѣйшій непріятельскій огонь, но тѣмъ не менѣе тѣснившихъ и противника съ своей стороны.

Какъ съ одной, такъ и съ другой стороны поддерживался адскій огонь; орудія наполняютъ неумолкаемымъ гуломъ воздухъ и надъ всею линіею клубятся облака сѣраго дыма; ружейная пальба по временамъ ослабѣваетъ, то опять вспыхиваетъ и смѣшивается съ орудійными выстрѣлами въ одинъ общій, продолжительный и протяжный грохотъ. Часовъ около двухъ пополудни раздается въ нѣсколькихъ мѣстахъ ура! и смѣшивается съ непріятельскими залпами въ одинъ общій гулъ; нѣсколько секундъ спустя, пальба стихаетъ—то работаютъ штыки; еще нѣсколько минутъ и наши линіи подвигаются. Непріятель выбитъ изъ деревень и оттѣсненъ къ самому подножью горъ, гдѣ находитъ мѣстныя закрытія, природные валы, за которыми засѣвши начинаетъ опять поражать подвигающіяся наши цѣпи. По всей линіи опять возгорается сильнѣйшій огонь; непріятельская кавалерія начинаетъ тѣснить нашъ центръ, но казаки съ замѣчательною стойкостью выдерживаютъ напоръ и даже въ скоромъ времени принуждаютъ врага къ отступленію. На второй линіи недолго удерживается противникъ, вскорѣ опять раздается „ура!“ По всей линіи начинается общее наступленіе и на склонахъ горъ уже чернѣются многочисленныя быстро двигающіяся точки; это бѣгутъ турецкіе солдаты, не выдержавшіе дружнаго напора. Пальба умолкаетъ, наши цѣпи быстро наступаютъ; передовыя линіи нашего лѣваго фланга дружно занимаютъ непріятельскую позицію и овладѣваютъ

семью орудіями. Въ это-же самое время двѣ сотни казаковъ, подъ начальствомъ есаула Галдина, быстро бросаются за отступающимъ непріятелемъ, преслѣдуютъ его и въ самомъ ущельи еще отбиваютъ четыре орудія. Побѣда полная, непріятельская позиція занята, артиллерія отбита, а остатки разбитой арміи бѣгутъ по горамъ и скрываются въ ущельяхъ и снѣгу. Гористая мѣстность и глубокіе снѣга не дозволили дальше преслѣдовать непріятеля, который устлалъ своими тѣлами всю громадную линію боя, а частью попался въ плѣнъ. Это была армія отступавшаго Сулеймана-паши. Съ разсвѣта до поздняго вечера продолжался этотъ славный бой, въ которомъ всѣ части дѣйствовали дружно и стойко. Самый слабый нашъ центръ вполнѣ уравновѣшивался удалью, стойкостью и боевою опытностью казаковъ, которые въ продолженіи всего дня выдерживали напоръ вчетверо сильнѣйшаго противника, и на своихъ плечахъ вынесли трудную, выпавшую на ихъ долю задачу.

Генералъ Скобелевъ, собравъ свою колонну, остановился на ночлегъ въ д. Паша-Махала, куда начали свозить всѣхъ раненыхъ въ этотъ день.

6-го января съ разсвѣтомъ мы тронулись дальше, задержанные боемъ на одинъ день. Погода стояла морозная и сильнѣйшій вѣтеръ дулъ въ теченіе всего дня. Наша колонна двигалась большею частью вдоль подножья горъ; слѣва разстилалась на громадномъ пространствѣ долина рѣки Марицы и только вдали виднѣлась на горизонтѣ линія Малыхъ Балканъ; справа возвышались террасы довольно высокихъ Среднихъ Балканскихъ горъ, покрытыхъ обильно снѣгомъ, изрѣзанныхъ и пересѣченныхъ оврагами, ущельями и лѣсами. По всей нашей дорогѣ, мы видѣли слѣды поспѣшнаго отступленія непріятельской арміи, уничтожавшей многіе продовольственные припасы, но далеко не всѣ; мы шли по пятамъ непріятеля, который не успѣвалъ передъ нашимъ быстрымъ наступленіемъ превратить страну въ пустыню и затруднить наше движеніе. Всѣ болгарскія деревни опустѣли; жители скрывались въ близь лежащихъ лѣсахъ, въ ущельяхъ, зарывались въ снѣгу и не раньше выходили изъ своихъ убѣжищъ, пока не убѣдились, что ни одного турецкаго солдата не осталось въ селѣ, въ которомъ находили лишь пылающія пепелища.

Въ д. Азисъ-бейли, мы были восторженно встрѣчены мѣстными жителями, которые случайно счастливо отдѣлались отъ посѣтившихъ ихъ турецкихъ солдатъ. Всѣ мужчины и женщины вышли намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ, табакомъ, виномъ и ракіей, которою согрѣлись отъ холода и подкрѣпили свои силы уставшіе казаки.

Здѣсь мы узнали, что въ сосѣднихъ деревняхъ турки буйствуютъ ужасно и что въ ближнемъ селѣ Тахталы находится будто бы въ настоящее время Сулейманъ-паша съ незначительнымъ отрядомъ, но при 40 орудіяхъ. Не придавая особеннаго значенія этому извѣстію, гене-

ралъ Скобелевъ все таки послалъ какъ въ этотъ пунктъ, такъ и въ другіе, сильные разъѣзды, приказавъ имъ разузнать осторожно и обстоятельно о силѣ и движеніяхъ непріятеля и затѣмъ вернуться въ деревню Кетенлыкъ, гдѣ предполагался ночлегъ колонны. Но мы въ этотъ день не дошли до предполагаемяго пункта по нижеслѣдующей причинѣ.

Приближаясь къ дер. Агриляръ, нашими боковыми разъѣздами прислано было извѣстіе, что въ сторонѣ отъ насъ, по направленію къ дер. Гючулеръ, движутся небольшія колонны непріятельской пѣхоты, прикрывающей какой-то обозъ. Полковникъ Грековъ послалъ немедленно къ означенному пункту сотню казаковъ, подъ начальствомъ есаула Галдина, а полку приказалъ дойти до деревни, въ которой виднѣлись пылающіе дома въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Только что голова нашей колонны вступила въ деревню, какъ оттуда послышались ружейные выстрѣлы; мы напали на свѣжіе слѣды опустошителей, которые не успѣли еще скрыться передъ нашимъ наступленіемъ и, видя себя пойманными, спрятались въ домахъ и открыли огонь по казакамъ, которые безстрашно кинулись въ разныя стороны и въ скоромъ времени очистили совершенно деревню отъ непріятелей.

Тѣмъ временемъ полковникъ Грековъ, видя, что непріятель, въ числѣ около полутабора, выходитъ уже изъ деревни Гючулеръ и направляется вправо по горамъ, посылаетъ ему на перерѣзъ есаула Поздѣева со взводомъ казаковъ для отвода вниманія. Поздѣевъ лихо и со свойственной казакамъ ловкостью и быстротою бросается съ праваго фланга непріятельской колонны и заграждаетъ ей путь отступленія. Ему какъ нельзя болѣе во время подоспѣваетъ въ помощь есаулъ Шаровъ, который, будучи посланъ въ разъѣздъ и замѣчая движеніе непріятельской пѣхоты, съ горстью лихихъ донцовъ прискакалъ почти въ упоръ къ непріятелю, который очутился межъ двухъ огней не многочисленной, но храброй горсти казаковъ. Въ это самое время подоспѣваетъ съ своею сотнею и храбрый есаулъ Галдинъ; онъ спѣшилъ тотчасъ же своихъ казаковъ и завязалъ оживленную перестрѣлку, послѣ которой они бросились на „ура!“ и изрубили весь непріятельскій отрядъ, такъ что ни одинъ солдатъ изъ него не успѣлъ бѣжать.

Это неожиданное столкновеніе задержало нашъ отрядъ; начинало смеркаться и поэтому рѣшено было остановиться для ночлега въ Агрилярѣ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день не позже 5-ти часовъ утра выступить дальше. Быстрота нашего движенія казалась необходимою въ виду разсказовъ болгаръ и донесеній нашихъ разъѣздовъ о близости отступающей непріятельской арміи, которой генералъ Скобелевъ хотѣлъ непремѣнно отрѣзать отступленія.

Сулейманъ-паша, появлявшійся, какъ метеоръ, въ разныхъ мѣстахъ, не доказалъ своихъ стратегическихъ способностей, почти уничтоживъ

свою армію и доведя ее до крайней степени деморализаціи. Уведя передъ нашимъ наступленіемъ часть своего отряда, онъ оставилъ позади себя длинный хвостъ отсталыхъ, больныхъ и измученныхъ солдатъ, умирающихъ, замерзающихъ по дорогѣ и предававшихся грабежу. Чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ печальнѣе становится картина турецкой арміи; она есть ничто иное, какъ дикая орда грабителей и убійцъ, которые предаютъ страну въ полномъ значеніи слова огню и мечу. Самъ Сулейманъ-паша—это гіена въ человѣческомъ тѣлѣ; такъ выражаются не только болгары, но даже и турки. Въ Филиппополѣ я слышалъ объ немъ самые не лестные отзывы всѣхъ европейцевъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить. Онъ приказалъ отступавшей арміи разорять и опустошать страну, мало того, вырѣзывать все болгарское населеніе отъ стара до млада, не щадя никого и ничего. И полилась ручьемъ кровь человѣческая...

Тотъ, кто не былъ въ описываемое время на дорогахъ, ведущихъ болѣе или менѣе по подножью горъ, къ Хасъ-Кіой и къ Адріанополю, тотъ не можетъ имѣть понятія о раздирающей душу картинѣ, представлявшейся глазамъ путника. На разстояніи громадныхъ пространствъ лежатъ страшные слѣды поголовнаго избіенія людей и животныхъ. Изуродованные трупы, какъ болгаръ такъ и турокъ, женщинъ и дѣтей, всевозможныхъ животныхъ все смѣшивалось въ одну общую массу, напоминавшую собою одну изъ сценъ Дантова ада. Вотъ на покраснѣвшемъ снѣгу лежитъ трупъ несчастнаго старца съ полуотрѣзанною головою, а возлѣ него распластанный юноша, обобранный до послѣдней рубахи. Вотъ въ сторонѣ окостенѣвшее отъ холода тѣло молодой еше женщины съ ребенкомъ на груди и, о ужасъ! еще живымъ. Эти послѣдніе случаи попадались весьма часто и притомъ въ большинствѣ случаевъ я видѣлъ въ подобномъ состояніи турчанокъ, которыя замерзали въ дорогѣ, выселяясь въ болѣе безопасныя мѣста. Трупы коровъ, быковъ, овецъ и лошадей перемѣшивались на каждомъ шагу съ человѣческими тѣлами и вокругъ всего этого шныряли и обгрызали падаль многочисленныя собаки.

Первое теченіе по этому направленію состояло изъ убѣгавшихъ и скрывавшихся въ разныхъ мѣстахъ болгарскихъ семействъ; затѣмъ начало выселяться и все мусульманское населеніе. Турки сталкивались съ болгарами, происходили ожесточенныя схватки, страшныя сцены и на окровавленныхъ мѣстахъ оставались безмолвные слѣды, жертвы фанатической ярости и безпримѣрнаго озлобленія; очень многіе отъ истощенія силъ падали и замерзали тутъ же на мѣстѣ. Вслѣдъ за этими двумя теченіями, подобно всесокрушающей лавинѣ, послѣдовало безпорядочное отступленіе разбитой турецкой арміи, которая на своемъ пути жгла, опустошала, избивала всѣхъ и все. Все, что только могло служить въ пользу побѣдителей, все, напоминавшее ненавистное болгарское племя,

этихъ несчастныхъ райевъ и гяуровъ, все это подвергалось опустошительному дѣйствію меча и огня, и ни полъ, ни возрастъ не находили пощады. Прошла саранча и превратила страну въ пустыню; прошелъ кровавый мечъ и устлалъ дороги тѣлами убитыхъ, искупившихъ собою великую идею. Передъ нашествіемъ этой дикой орды, этого страшнаго урагана опустѣли всѣ болгарскія деревни, жители которыхъ спасали драгоцѣнную жизнь въ лѣса и горы; когда же въ очищенныя нами деревни они начали возвращаться изъ своихъ убѣжищъ, васъ поражалъ ихъ страдальческій видъ и во всѣхъ движеніяхъ и взглядѣ признаки угнетенія и не только душевныхъ, но и физическихъ страданій. Тѣ страшныя минуты неизвѣстности среди страданій и лишеній, которыя они провели въ горахъ, не остались безъ послѣдствій на ихъ здоровье; вездѣ слышались безконечные крики и вопли малютокъ, пораженныхъ болѣзнью, видѣлъ многихъ женщинъ, лежащихъ на смертномъ одрѣ и почти у всѣхъ жителей злополучныхъ селъ замѣчался мутный, неестественный взглядъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго. Видя всѣ эти ужасы, я не удивлялся болѣе той дикой ярости, съ которою болгары преслѣдовали и уничтожали все турецкое; отъ народа, стоящаго на весьма низкой ступени цивилизаціи, нельзя и требовать великодушія.

7-го января. Рано утромъ колонна генерала Скобелева выступила изъ деревни Агриляръ и вытянулась по направленію къ с. Кетенлыку, расположенному уже въ горахъ; въ авангардѣ всего отряда шелъ по обыкновенію донской № 30 полкъ, вошедшій временно въ составъ бригады, которой командовалъ генералъ Чернозубовъ. Лихому полку удалось ознаменовать этотъ день блестящимъ подвигомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, о которомъ я скажу нѣсколько словъ.

Немедленно послѣ выступленія полковникъ Грековъ разослалъ въ разныя стороны сильные разъѣзды и вотъ пройдя уже деревню Кетенлыкъ онъ получаетъ донесеніе, что изъ деревни Караджилари и по подошвѣ горъ движутся большія массы непріятельской пѣхоты и кавалеріи. Желая лично убѣдиться въ справедливости донесенія и принять надлежащія мѣры, Грековъ ускорилъ движеніе своего полка и вскорѣ вышелъ на совершенно открытое и возвышенное мѣсто, откуда можно было обозрѣвать всю мѣстность на значительномъ протяженіи. Передъ нимъ открылась большая поляна, усѣянная рощицами и садами, за которыми начинались горы; слѣва раскинулась д. Караджилари, въ которой вспыхнули въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожары, а справа оставалась деревня Кетенлыкъ. Тутъ оказалось слѣдующее: изъ деревни, по направленію къ горамъ, двигались колонны непріятельской пѣхоты; гораздо правѣе, почти у самой подошвы горъ и по близости къ ущелью, по которому проходила дорога, слѣдовала другая колонна, сопровождаемая кавалеріею; въ разныхъ другихъ направленіяхъ двигались многочислен-

ные обозы, сопровождаемые болѣе или менѣе значительными отрядами, которые, повидимому, отступали передъ появившимся нашимъ авангардомъ. Замѣтя это, полковникъ Грековъ тотчасъ же приказалъ войсковому старшинѣ Антонову съ сотнею казаковъ пройти до д. Караджилари и, если она не занята турками, зайти въ тылъ первой непріятельской колоннѣ; противъ второй колонны онъ послалъ сотню казаковъ подъ начальствомъ сотника Кудинцева, а въ разрѣзъ этихъ двухъ колоннъ направилъ сотню есаула Апостолова. Такимъ образомъ непріятель оказался разъединеннымъ и окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. Въ случаѣ сильнаго сопротивленія сотеннымъ командирамъ приказано не слишкомъ увлекаться, но ограничиться лишь ловкимъ маневрированіемъ въ ожиданіи поддержки. Тѣмъ временемъ полковникъ Грековъ вытребовалъ на позицію взводъ № 19 донской батареи, слѣдовавшей позади, и послалъ къ генералу Скобелеву увѣдомленіе о случившемся, прося подкрѣпленія, которое впослѣдствіи оказалось совершенно лишнимъ, такъ какъ лихіе донцы раздѣлались сами съ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ и болѣе серьезнымъ, чѣмъ это можно было предполагать.

Войсковой старшина Антоновъ съ своими казаками быстро и рѣшительно слѣдуетъ въ тылъ непріятельской колоннѣ; онъ безстрашно входитъ въ деревню, но она занята турками, которые его встрѣчаютъ залпомъ, отъ котораго падаетъ ѣхавшій впереди и любимый всѣми вахтмистръ Палатовскій. Казаки приходятъ въ ярость и остервенѣніе, бросаются съ крикомъ и гикомъ въ пики, устилаютъ улицы тѣлами убитыхъ турокъ и преслѣдуютъ бѣжавшихъ. Но тутъ передъ ними открывается новое зрѣлище, остановившее на минуту быстрое преслѣдованіе: почти за деревней, на площадкѣ, они наткнулись на новый непріятельскій отрядъ и увидѣли огромное число орудій; очевидно было, что тамъ застряла вся отступавшая непріятельская артиллерія, прикрываемая незначительнымъ отрядомъ, но все таки на столько сильнымъ, что одной сотнѣ казаковъ опасно было вступать въ бой. Поэтому маіоръ Антоновъ рѣшился не раньше атаковать непріятеля, находившагося въ концѣ деревни, пока къ нему не прибылъ въ помощь есаулъ Галдинъ съ другою сотнею, которую полковникъ Грековъ послалъ въ подкрѣпленіе тотчасъ-же послѣ первыхъ ружейныхъ выстрѣловъ. Тѣмъ временемъ турки, находясь подъ вліяніемъ какого-то паническаго испуга и и къ тому еще видя себя отрѣзанными отъ пѣхотной колонны, слѣдовавшей по подножью горъ, бросились бѣжать, оставляя въ нашихъ рукахъ всѣ орудія и зарядные ящики со множествомъ зарядовъ и патроновъ. Кто успѣлъ, ускакалъ на выпряженныхъ артиллерійскихъ лошадяхъ, другіе направились по снѣгу прямо въ горы, третьи же сдались тутъ же въ плѣнъ. Глубокіе снѣга и усталость лошадей не дозволили

долго преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, тѣмъ болѣе, что не все еще было кончено.

Двѣ другія сотни исполняютъ блистательно и свое назначеніе: есаулъ Апостоловъ во время отрѣзалъ возможность соединенія двухъ двигавшихся къ ущелью таборовъ и, подкрѣпленный еще подоспѣвшею и сюда сотнею есаула Галдина, разсѣялъ совершенно лѣвую колонну. Сотникъ-же Кутинцевъ, воспользовавшись въ высшей степени пресѣченною мѣстностью, подкрался, почти въ упоръ, къ быстро отступавшему непріятелю, спѣшилъ своихъ людей и открылъ густой огонь, который привелъ противниковъ въ сильнѣйшее замѣшательство. Черкесы, прикрывавшіе пѣхоту, по своему обыкновенію, не видя никакихъ шансовъ на успѣхъ, ускакали въ горы, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько убитыхъ и вмѣстѣ съ ними магазинныя скорострѣльныя ружья, за которыми такъ гонялись наша офицеры. Остальные солдаты непріятельскаго отряда частью легли на мѣстѣ, частью же сдались въ плѣнъ и въ руки побѣдителей достались многочисленные обозы какъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, такъ разныхъ другихъ товаровъ и предметовъ домашняго быта.

Разбитью этихъ двухъ таборовъ много содѣйствовали подоспѣвшія на позицію два орудія донской батареи; послѣ первыхъ выстрѣловъ, направленныхъ въ обѣ колонны, непріятель смѣшался и разстроился; но на долю нашихъ орудій выпало не много выстрѣловъ, такъ какъ вскорѣ наши цѣпи подошли на довольно близкое разстояніе отъ противника и нельзя было подвергать ихъ опасности.

Въ то время, когда происходили вышеописанныя событія, на позицію пріѣхалъ и генералъ Чернозубовъ съ полкомъ Казанскихъ драгунъ. Тотчасъ же онъ послалъ одинъ эскадронъ въ подкрѣпленіе маіора Антонова и другой въ помощь двумъ другимъ сотнямъ казаковъ, дѣйствовавшимъ противъ лѣваго непріятельскаго фланга. Но первый эскадронъ прибылъ уже къ концу дѣла и занялся лишь счетомъ отбитыхъ орудій, а второй могъ уже сортировать добычу.

Бой продолжался около 4 часовъ и въ нашихъ рукахъ осталось 43 крупповскихъ дальнобойныхъ орудій со множествомъ зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ, громадный обозъ и до 300 плѣнныхъ; между убитыми турками было много офицеровъ, украшенныхъ разными орденами и звѣздами; на одномъ же убитомъ была найдена англійская медаль за севастопольскую кампанію *). О дальнѣйшемъ преслѣдованіи непріятеля

*) На слѣдующій день съ разсвѣтомъ, есаулъ Галдинъ отправился въ разъѣздъ, съ сотнею казаковъ въ горы, по направленію отступавшей арміи и уже у выхода изъ ущелья наткнулся на остатки непріятелей, прикрывавшихъ артиллерію. Нечего и говорить, что казаки, какъ и всегда, лихо бросились на противника, смяли его и отбили еще девять орудій.

нечего было думать; при столь пересѣченной и покрытой толстымъ слоемъ разрыхленнаго снѣга мѣстности и на сильно уставшихъ лошадяхъ, работавшихъ усиленно 12 дней, изъ которыхъ три послѣднихъ находились въ бою. По этому рѣшено было сосредоточиться въ деревнѣ и привести въ извѣстность трофеи, подобными которымъ рѣдко оканчивались и такъ называемыя большія дѣла. Причину такого блистательнаго исхода дѣла, стоившаго намъ лишь одного убитаго и трехъ раненыхъ, не считая лошадей, составляла крайняя деморализація арміи, съ которою мы имѣли дѣло. Это была армія Сулеймана-паши, которая вмѣстѣ съ своимъ вождемъ предавалась лишь хищничеству и грабежу. Столь замѣчательную побѣду невозможно приписывать единственно лишь храбрости и удали немногочисленной горсти казаковъ; подобная попытка вызвала бы улыбку недовѣрія; но заслуга генерала Скобелева состоитъ въ стремительномъ и внезапномъ нападеніи на остатки разбитой турецкой арміи; казаки же явились молодецкими исполнителями задуманнаго плана.

Вскорѣ послѣ окончанія дѣла начали стягиваться въ деревню сотни и эскадроны. Въ концѣ деревни, окруженной мелкой, но довольно широкой рѣченкой, на небольшой площадкѣ, загроможденной орудіями, зарядными и патронными ящиками, нѣмыми свидѣтелями блистательной побѣды, собираются герои этого счастливаго дня. Всеобщая радость и ликованіе. Офицеры, казаки и солдаты смѣшиваются среди грозныхъ дулъ, но грозныхъ уже бывшимъ ихъ хозяевамъ, которые стоятъ тутъ же съ понуренными головами, разбитые горемъ. Вездѣ слышатся веселые разговоры и разсказы объ отдѣльныхъ случаяхъ и эпизодахъ дня.

Въ сторонѣ генералъ Чернозубовъ, полковникъ Грековъ и другіе офицеры разсуждаютъ о небываломъ успѣхѣ, о паникѣ непріятеля, о трусости Сулеймана-паши. Побѣда полная, стоившая лишь одного убитаго и трехъ раненыхъ, побѣда тѣмъ болѣе радостная, что не сопровождалась громаднымъ разливомъ крови, безъ котораго уже побѣды не считались „большими дѣлами“; до того мы избаловались дешевизною человѣческихъ жизней.

Пріѣзжаетъ генералъ Скобелевъ; обнимаетъ Чернозубова, обнимаетъ Грекова, благодаритъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

— Исполать вамъ добрые, храбрые молодцы! и слеза радости блеститъ въ глазахъ почтеннаго генерала.

Восторженное ура! вырвавшееся какъ бы изъ одной мощной груди, было отвѣтомъ на теплыя слова военачальника. Безконечный протяжный крикъ восторга и радости несется по воздуху волною, несется и не слабѣетъ, достигаетъ снѣжныхъ склоновъ горъ, вливается въ ущелья и разсѣлины, отражается отъ ихъ уступовъ и, быть можетъ, догоняетъ злосчастныхъ бѣглецовъ, окостенѣвшихъ отъ холода, объятыхъ ужасомъ. Мы празднуемъ и ликуемъ, а они... ужъ не увидятъ болѣе лучей восходя-

щаго солнца и въ глубокихъ снѣгахъ, пустынныхъ и мрачныхъ горъ найдутъ холодную могилу. Такъ часто и въ жизни бываетъ: наше счастье и радость строимъ на несчастьи другихъ.

Оставалось еще отдать послѣднюю услугу убитому товарищу. У въѣзда въ деревню, на небольшой площадкѣ лежитъ безжизненное тѣло вахтмистра Палатовскаго; пуля сразила сильную натуру, войдя сбоку въ одну руку и выйдя въ другую, пронизавъ такимъ образомъ всю грудь и обѣ руки. Ѣхавшіе возлѣ него казаки разсказывали, что онъ свалился съ лошади, не издавъ ни малѣйшаго звука; жизнь моментально оставила его. И теперь на его блѣдномъ лицѣ не осталось никакихъ слѣдовъ страданія; вотъ онъ лежитъ со скрещенными руками, съ спокойно закрытыми глазами, какъ бы покоясь въ сладкомъ снѣ. Какой разительный контрастъ, съ лежащимъ тутъ же убитымъ турецкимъ солдатомъ съ искозерканнымъ лицомъ, обезображеннымъ запекшейся кровью; одна пуля пронизала ему черепъ, другая засѣла въ брюшной полости и предсмертныя судороги отражаются теперь весьма ясно на его мертвомъ лицѣ. Съ одной стороны картина ужасной смерти, которую можно встрѣтить очень часто на каждомъ полѣ сраженія, съ другой тихій, безмятежный вѣчный сонъ, попадающійся весьма рѣдко на той сценѣ, на которой разыгрывается кровавыя драмы.

Тѣло Палатовскаго положено въ наскоро сколоченный гробъ, вокругъ котораго образовалась значительная толпа воинства, всѣхъ чиновъ, желавшихъ почтить память на вѣки почившаго. Полковникъ Грековъ снялъ съ его груди недавно имъ полученный георгіевскій крестъ, который будетъ пересланъ матери и женѣ покойнаго; и будутъ бѣдныя казачки обливаться горькими слезами надъ этимъ знакомъ отличія, украшавшимъ нѣкогда грудь доблестнаго воина, погибшаго на чужбинѣ во цвѣтѣ лѣтъ. Мать не встрѣтитъ сына, жена мужа, возвращающагося съ ратнаго поля и только нѣмой свидѣтель храбрости удалаго казака будетъ долго выжимать слезы изъ глазъ несчастныхъ женщинъ.

На юго-восточной сторонѣ деревни есть небольшая возвышенность; на ней виднѣется плоскій курганъ, осѣненный нѣсколькими деревьями.

Туда направляется печальная процессія, тамъ будетъ почивать ратникъ донской.

Картина смерти сковала уста всѣхъ. Офицеры и нижніе чины въ гробовомъ молчаніи слѣдуютъ къ назначенному мѣсту и на всѣхъ лицахъ можно было прочесть: „и меня могло тоже самое встрѣтить.“

День былъ прекрасный, но морозный; солнце ярко свѣтило. Замерзшая земля не охотно уступала натискамъ лопатъ, но яма все болѣе и болѣе углублялась, а глаза всѣхъ слѣдили и провожали каждый выбрасываемый кусокъ земли. Мертвая тишина царила надъ этой ратной дру-

*

жиной и придавала болѣе торжественности и набожности печальной сценѣ, чѣмъ десятки пѣвчихъ, спичи и завыванія.

Еще нѣсколько лопатъ и могила готова, еще нѣсколько минутъ и мать сыра-земля приметъ въ свои нѣдра возвращающагося сына.

Казаки-станичники опускаютъ гробъ въ могилу, всѣ преклоняютъ колѣна и даже солнце прячется за облака.

Минута ожиданія... всѣ какъ бы прощаются съ останками боеваго товарища, исчезнувшими въ глубокой могилѣ. Наконецъ послышались и глухіе отрывистые звуки отъ падающихъ комковъ земли на крышку гроба. Тяжело отзываются эти послѣдніе въ нашихъ сердцахъ и напоминаютъ собою объ окончательной разлукѣ. Не было здѣсь близкихъ родныхъ покойнаго, не было наслѣдниковъ; не было отчаянной скорби, ни замаскированной радости. Казачья семья хоронила одного изъ своихъ боевыхъ товарищей, искупившаго своею кровью блистательную побѣду и скорбь непритворная соединяла офицеровъ и нижнихъ чиновъ надъ свѣжей могилой.

Въ молчаніи начали расходиться; разговоръ не вязался. Полковникъ Грековъ первый прервалъ молчаніе:

— Что вы, господа, такъ сильно пріуныли, будто бы и въ самомъ дѣлѣ мы не видали смерти и въ первый разъ хоронимъ товарища. Патовскій теперь, вѣроятно, бесѣдуетъ съ своими станичниками, а намъ давно пора подкрѣпиться. Можаевъ! тащи сумку, водку и все, что у тебя есть съѣдобнаго и питейнаго!...

Г. Котлубей.

ОТЪ ЛОВЧИ ДО КОРНАРЕ.

Вскорѣ послѣ паденія Плевны, получено было приказаніе выступить нашей бригадѣ въ г. Ловчу. Пришли. Что же будетъ дальше? Куда насъ повезутъ? Часто эти вопросы мелькали въ головѣ каждаго изъ насъ. На Шипку, категорически получался отвѣтъ. Да, на Шапку, по всей вѣроятности туда, думалъ я сидя въ квартирѣ, отведенной мнѣ въ домѣ одного болгарина.

Дверь отворилась. Въ комнату вошелъ нашъ адъютантъ З., съ какими-то бумагами.

— Слыхалъ, братъ, новость?

— Нѣтъ, какую?

— Завтрашняго числа наша бригада выступаетъ на Шипку.

— Неужели? Какъ бы не допуская подобной возможности, невольно произнесъ я.

— Серьозно, но только не вся. Нашъ батальонъ поступаетъ въ составъ отряда генерала Карцева, который долженъ слѣдовать на Траянскій перевалъ; читай.

Я взялъ приказъ по батальону, ясно подтвердившій слова З.

— Ну что повѣрилъ? спросилъ онъ, закуривая папиросу и, не дожидаясь моего отвѣта, поспѣшно вышелъ вонъ.

По уходѣ З., картины предстоящаго боя на Траянскомъ перевалѣ, походъ туда, рисовались въ моемъ воображеніи очень скоро и также скоро смѣнялись одна за другою; явилось какое-то неудовольствіе по поводу такого раздѣла бригады; почему-то хотѣлось идти на Шипку. а не на Траянскій перевалъ—быть съ другими батальонами бригады вмѣстѣ

состояніе неудовольствія уступало мѣсто какому-то другому чувству, почему-то сдѣлалось скучно, я надѣлъ шапку и пошелъ въ городъ.

Настало 21-го декабря—день выступленія нашего.

— Ваше благородіе, извольте вставать, сборъ уже играютъ, нѣжно толкалъ меня въ бокъ деньщикъ. Я вскочилъ и черезъ нѣсколько времени, прощаясь съ хозяиномъ и его семействомъ, гостепріимно принявшихъ меня, выходилъ изъ дома.

Въ короткій промежутокъ времени нахожденія моего въ домѣ этого болгарина, онъ меня почему-то полюбилъ, почти всѣ свободные часы свои просиживалъ у меня въ комнатѣ, разспрашивалъ обо всемъ и разсказывалъ самъ много, хотя съ трудомъ мнѣ приходилось объясняться съ нимъ и по большей части мы много другъ друга не понимали, но тѣмъ не менѣе разговаривали и подобныя бесѣды наши продолжались по нѣсколько часовъ каждый день. Марко (такъ звали его), прощаясь со мною, часто повторялъ: „прощай, братушка, капитанъ", съ примѣсью какихъ-то другихъ словъ, непонятныхъ для меня, жалъ крѣпко мою руку, прикладывалъ свою ладонь къ своему же лбу и даже (можетъ быть отъ холода) проронилъ нѣсколько слезъ.

— Прощай, Марко, прощай говорилъ я,—благодарю тебя за твое доброе расположеніе ко мнѣ, можетъ быть...

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! загремѣлъ давно выстроившійся батальонъ, привѣтствуя командира и черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ уже во фронтѣ.

„Пѣсенники впередъ", „по отдѣленіямъ направо", „шагомъ маршъ", слышалась команда одна за другою и скоро длинной живой лентой, изгибаясь по кривымъ и грязнымъ улицамъ города Ловчи, потянулся батальонъ.

„Османъ въ Плевнѣ окопался,
Сидѣлъ долго, не сдавался,
А какъ началъ голодать,
Надо было вылѣзать".

лихо заливался запѣвало, поддерживаемый дружнымъ хоромъ пѣсенниковъ. Погода стояла отвратительная; мокрый и холодный туманъ пронизывалъ до костей; грязь и вонь торопили поскорѣе выбраться изъ города. Выйдя за городъ, стали подниматься на гору и громкія дружныя пѣсни смѣнились тяжелымъ сопѣньемъ, прерываемымъ часто общимъ хохотомъ и громкими солдатскими остротами, по поводу кого нибудь неудержавшагося и съѣхавшаго на своихъ собственныхъ внизъ.

Дорога то поднималась, то опускалась, изгибаясь по окраинамъ горъ, на верхушкахъ которыхъ прилѣпились неподвижно, громадныя, будто сдѣланныя изъ чистой и бѣлой ваты, пушистыя облака; громкое эхо сол-

датской пѣсни далеко разносилось по ущельямъ и какъ бы силилось перекричать рѣзкіе голоса пѣсенниковъ.

Черезъ нѣсколько времени пѣсни смолкли, усталость виднѣлась на лицѣ каждаго, разговоры прекратились, лишь изрѣдка „подтянись“, выкрикиваемое „по службѣ“ дежурными и дневальными, нарушало общую гармонію батальона.

— Ну, вотъ и деревню видно, донесся чей-то голосъ съ головы колонны.

— Да, во, деревня, деревня! отовсюду слышались веселые голоса, и выбѣгая на сторону, каждый заранѣе стремился видѣть то, о чемъ частенько подумывалъ уже съ половины дароги.

Скоро дѣйствительно показалась въ долинѣ деревушка Лупецъ, или, какъ ее называютъ болгары, Лѣшница, въ которой предназначался нашъ ночлегъ.

При видѣ деревни невольно какъ-то торопишься идти, будто боишься, что она отъ тебя уйдетъ, забывается усталость и мысль, какъ бы отыскать, хоть какую нибудь хатенку для ночлега, является первою.

Спустившись съ горы, батальонъ былъ встрѣченъ квартирьерами и черезъ нѣсколько времени съ пѣснями входилъ въ деревушку. Маленькая, бѣдная и почти разоренная деревушка Лупецъ, представляла изъ себя какой-то закоптѣлый и жалкій видъ. По улицамъ всюду валялись разбитые сундуки, глинянная посуда, всевозможныхъ сортовъ и видовъ тряпье, мука, крупа, смѣшанная съ грязью и навозомъ и мн. др.; все это болгарское добро явно свидѣтельствовало, что раньше насъ проходилъ черезъ Лупецъ кто-то. Отнесши знамя въ квартиру, отведенную командиру, я шелъ отыскивать свою.

— Добре дошле, добре дошле, капитанъ *), подходя ко мнѣ, съ какою-то боязнею, привѣтствовалъ, протягивая свою морщинистую и грязную руку старикъ-болгаринъ, возлѣ котораго, держась за отца испуганно, съ заплаканными глазами, стоялъ мальчуганъ.

— Имашь-ли, братушка, кешта-те? *) обратился я по болгарски къ старику, имѣя въ виду переночевать въ жилой хатѣ.

— Няма, няма, качая утвердительно головою, жалобно проговорилъ старикъ.

Сколько мнѣ не приходилось сталкиваться съ болгарами, я замѣтилъ въ нихъ какую-то своеобразно-жалкую интонацію голоса и на вопросъ има-ли? всегда получался отвѣтъ няма. Няма говорилось какъ-то безсознательно, съ боязнею, даже и тогда, когда фактически доказывалось има, тогда болгаринъ только улыбнется и иногда скажетъ има. Еще

*) Болгары всѣхъ офицеровъ называютъ капитанъ.

**) Имѣешь-ли квартиру?

замѣчательно то, что они говоря утвердительно качаютъ головою отрицательно и наоборотъ; у турокъ же знакъ отриданія выражается поднятіемъ головы кверху, съ закатываніемъ глазъ и прищелкиваніемъ языка; при чемъ иногда говорится „іокъ“ (нѣтъ).

Вскорѣ явившійся квартирьеръ привелъ на выбранную имъ для меня квартиру въ концѣ деревни, гдѣ я уже засталъ капитана Ф. и штабсъ-капитана Зайцева. Вслѣдствіе отсутствія возможности достать другого ночлега, мы въ троемъ помѣстились вмѣстѣ въ комнатѣ, имѣющей квадратную сажень, тѣмъ не менѣе довольно теплой, потому что дерево, изъ разоренныхъ домовъ деревни, жглось въ очагѣ безъ пощады нашими деньщиками.

Смеркалось. Долго еще не умолкалъ шумъ и крики солдатъ, по какимъ либо причинамъ, позже другихъ, явившихся въ деревню и искавшихъ свои хаты. Наконецъ мало по малу все начинало стихать и скоро мертвая тишина, изрѣдко нарушаемая трескомъ костровъ, разводимыхъ аванностною цѣпью, да журчаньемъ ручейка, бѣгущаго гдѣ-то между скалъ, охватила Лупецъ и далекія ея окрестности. Скоро и я присоединился къ общей гармоніи батальона.

23-го декабря батальонъ выступилъ изъ Лупецъ, черезъ городъ Траянъ въ деревню Княжевицкія Кулибы. Погода была тихая и морозная. Отсюда уже дорога круто поднимается и до невозможности опустить на лошадяхъ орудіе опускается, проходя по гребню скалистыхъ горъ. Пройдя до-тла сгорѣвшій громадный городъ Траянъ, въ которомъ мы встрѣтили кое-какъ вооруженныхъ четниковъ болгаръ, занимавшихся охраною южныхъ спусковъ, впослѣдствіи оказавшихъ намъ нѣкоторую помощь, и скоро, перейдя мостъ, шириною въ $1^1/_2$ аршина, построенный на высокихъ козлахъ черезъ Осму, не знаю кѣмъ, взамѣнъ разрушеннаго турками каменнаго, вступили въ разбросанную деревню Княжевицкія Кулибы, отъ которой начинается подъемъ на Траянскій перевалъ и на который до разсвѣта мы должны были выступить. Переправивъ кое-какъ артиллерію въ бродъ, чрезъ Осму, разобравъ два орудія и увязавъ на заготовленныя салазки, мы 23-го декабря ночью, имѣя во главѣ саперную роту, а сзади полсотни казаковъ и двѣ роты 9 го Староингерманландскаго полка, тронулись на подъемъ. При нашемъ отрядѣ состояли два офицера генеральнаго штаба—подполковникъ Сосновскій и подполковникъ Сухомлиновъ. Первый изъ нихъ былъ начальникоъ штаба нашего отряда, а послѣдній, состоя при начальникѣ отряда для порученій, 22-го декабря былъ посланъ въ деревню Шибково, для отысканія пути къ деревнѣ Рахманлы, откуда содѣйствовать нашему отряду, зайдя въ тылъ деревни Теке. На долю подполковника Сухомлинова выпала незавидная роль: онъ едва не погибъ съ своими казаками отъ сильнаго урагана, мятелей и холода, достигшихъ его на пути, вслѣдствіе чего, не достиг-

нувъ желаемой цѣли, вернулся въ Княжевицкія Кулибы и отсюда присоединился къ нашему отряду.

Подполковнику Сосновскому, шедшему во главѣ нашего отряда, приказано было, буде возможно, занять перевалъ, въ противномъ случаѣ — расположиться на ближайшихъ непріятелю высотахъ и дожидаться прибытія остальныхъ эшелоновъ. Нашъ первый эшелонъ, подъ начальствомъ командира 10-го стрѣлковаго батальона полковника Бородина, состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 10-й стрѣлковый батальонъ, саперная рота, 3-я батарея 3-й артиллерійской бригады и двѣ сотни 30-го казачьяго полка; второй эшелонъ, подъ начальствомъ флигеля-адъютанта полковника графа Татищева (командиръ 9-го пѣхотнаго Староингерманландполка)—6 ротъ этого полка и 2 сотни казачьяго № 30-го полка; третій,—подъ начальствомъ маіора 9-го полка Духновскаго — 2-й батальонъ 9-го и 3-й 10-го полка, стрѣлковая рота и 2 сотни 24-го казачьяго полка; четвертый,—подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Сухомлинова — сотня казачьяго № 24-го полка и двѣ или три роты 10-го полка. Составъ этого отряда простирался до 6000 человѣкъ, которымъ и предполагались совершить переходъ черезъ Траянскій перевалъ.

Со всѣми предосторожностями и полнѣйшею тишиною двинулись мы, еще далеко до разсвѣта, въ горы. Саперная рота сначала высказала свою дѣятельность и мы черепашьими шагами подвигались по проложенному ею пути, но не все же можно сдѣлать человѣческими руками... Глубокій снѣгъ, доходившій намъ почти до пояса, довольно значительная крутизна подъема, сильное изнуреніе силъ, все это требовало хоть небольшаго отдыха, на который разсчитывать было весьма трудно. Намъ необходимо было, какъ можно поскорѣе добраться до извѣстной площадки, займи которую турки и сооруди на ней хоть какое нибудь укрѣпленіе, пришлось бы потерять много усилій и людей, для овладѣнія ею и можетъ быть и этого хуже. Благополучно кое-какъ къ полудню, достигнувъ овчарни, у которой застали сидящихъ вокругъ костра болгарскихъ четниковъ, съ ружьями допотопной системы, батальонъ расположился на привалѣ.

Здѣсь уже морозъ, доходившій до 20-ти градусовъ, сильно давалъ себя чувствовать; въ особенности мнѣ приходилось жутко. Облегчая себя на сколько возможно къ предстоящему путешествію, я снялъ мундиръ и ограничился однимъ пальто, надѣтымъ на теплую фуфайку, предполагая одѣться потеплѣе на продолжительномъ привалѣ или ночлегѣ. Но планъ мой не осуществился. Деньщикъ со всѣми вещами, нагруженными на ослѣ, не могъ слѣдовать за батальономъ; тонкія ноги осла всѣ входили въ глубокій снѣгъ и на болѣе крутомъ подъемѣ онъ остановился и далѣе ни гу-гу. Не даромъ же подъемъ этотъ называется болгарами „Дери-могаре“ или „смерть магарско“. Сознавая вполнѣ грубую свою

ошибку, я присѣлъ къ костру и всѣми силами старался, хоть не много отогрѣть свои окоченѣлые члены.

Не долго простояли мы у овчарни. Отсюда подъемъ доходитъ отъ 50 до 60°, снѣгъ становился какъ-то рыхлѣе, отъ этого ноги проваливались глубже. Что ожидало насъ впереди—не извѣстно; предполагать же худшее было весьма возможно. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о расположеніи непріятельскихъ укрѣпленій, о силѣ гарнизона въ нихъ находящихся; вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая полнѣйшую необходимость какъ можно скорѣе выполнить возложенную на нашъ отрядъ задачу — привлечь къ Траянскому перевалу непріятеля отъ Шипки, въ виду предстоящей общей атаки; кромѣ того, подполковникъ Сухомлиновъ могъ остаться въ совершенно изолированномъ положеніи и наконецъ, пользуясь густымъ туманомъ, подполковникъ Сосновскій предложилъ полковнику Бородину не терять дорогаго времени и слѣдовать дальше. Что стало съ нашей артиллеріей, гдѣ она и будетъ ли участвовать съ нами? было не извѣстно. Два орудія, разобранныя на части и привязанныя, какъ было сказано выше, на салазкахъ, не смотря, что до 25-ти паръ буйволовъ были запряжены въ каждое; кромѣ того, около трехъ ротъ рабочихъ вмѣстѣ съ болгарами расчищали дорогу, помагая буйволамъ сколько возможно, для чего впрегались вмѣстѣ съ ними,—глубина снѣга совершенно зарывала тѣла орудія съ салазками; снѣгъ накопившійся впереди, прессуясь, заставлялъ на каждомъ шагу останавливаться; и опять начиналась расчистка. Само собою разумѣется, что участіе въ предстоящемъ бою нашей артиллеріи, при такомъ движеніи, было немыслимо. Имѣя въ виду непріятеля, обороняющагося почти на недоступныхъ позиціяхъ, за прочными укрѣпленіями, въ которыхъ по всей вѣроятности есть хоть два орудія и можетъ быть гарнизонъ по силѣ равенъ намъ, если не больше, мы сильно соболѣзновали о горькой участи, постигшей нашу артиллерію. Но что же дѣлать, время было дорого; холодный туманъ съ морозомъ все болѣе и болѣе пронизывалъ рѣшетообразную, истертую, по выраженію солдатъ „молитвою подбитою", солдатскую шинель и команда „шагомъ маршъ" снова послѣдовало.

Опять передъ тобою тотъ же бѣлый скатъ, съ выдающимися „сахарными головами", тотъ же снѣгъ, который кажется одинъ не измѣнился до самой вершины, остальное же съ каждою верстою все прогрессивно увеличивалось: подъемъ становился круче и круче, стужа доходила до 25°, туманъ на 5 шаговъ совершенно скрывалъ человѣка. Поднимаясь все далѣе и зарываясь выше колѣнъ въ снѣгъ, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу, мы кое-какъ достигли средней площадки.

Здѣсь уже характеръ мѣстности значительно измѣнился: по временамъ рѣдѣющій отъ сильнаго вѣтра туманъ давалъ возможность видѣть по обѣимъ сторонамъ нашего пути густые буковые лѣса, проходя мимо

которыхъ на снѣгу замѣтны были слѣды медвѣдя, зайцевъ и другихъ животныхъ, обитателей этихъ почти дѣвственныхъ лѣсовъ; громадныя пропасти, наполненныя снѣгомъ, расширались въ разныхъ направленіяхъ, круто спуская свои берега; на нѣкоторыхъ изъ вѣковыхъ деревьяхъ руками туристовъ были вырѣзаны ихъ имена, фамиліи, годъ, мѣсяцъ и число путешествія черезъ этотъ перевалъ, далѣе густой туманъ все скрывалъ отъ глазъ.

Въ сумерки батальонъ выбрался на послѣднюю площадку и остановился. Пока подтянулись заднія части нашего эшолона, прошло довольно значительное время. Тишина царила всюду полнѣйшая; костровъ разводить строго запрещалось, дабы не обнаружить своего присутствія, вслѣдствіе чего члены всего тѣла все болѣе и болѣе леденѣли. Прижавшись другъ къ другу спинами, солдаты прилегли на снѣгъ, чтобы хоть не много укрыться отъ свободно бушевавшаго рѣзкаго вѣтра; кромѣ того, усталое тѣло съ трудомъ держалось на ногахъ. Прилегъ и я. Рядомъ со мною помѣстился мой ротный командиръ штабсъ-капитанъ Зайцевъ и, прижавшись плотно спинами, мы закурили папиросы.

— Нѣтъ-ли у васъ что нибудь закусить? спросилъ я его, чувствуя уже эту потребность.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, давно ничего. Я въ Княжевицкихъ Кулибахъ сдѣлалъ маленькій запасецъ на дорогу, да и отдалъ деньщику, котораго до сихъ поръ не вижу.

— И я эту глупость сдѣлалъ, подумалъ я.

— Колташъ, дайка сухаря, обратился онъ къ фельдфебелю.

— Сейчасъ, ваше благородіе, и, доставъ изъ мѣшка нѣсколько кусковъ, поднесъ на ладони къ намъ.

— Ваше благородіе, у людей на завтрашній день сухарей не станетъ, если не подвезутъ-то...

— А гдѣ же тѣ, которые были розданы сегодня?

— Многіе не захотѣли брать, ваше благородіе, а кто взялъ, тотъ половину выбросилъ на подъемъ, для облегченія, добавилъ онъ послѣ.

— По всей вѣроятности не нуждаются въ большемъ количествѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, всѣ думали, что можно будетъ подвести, а вышло вонъ какъ.

— Что-жъ дѣлать, такъ и будетъ, а вотъ у насъ такъ и этого нѣтъ.

Не смотря на достаточное количество сухарей и печенаго хлѣба, заготовленнаго распоряженіемъ начальника отряда и дѣятельностью интенданта Исакова, взять съ собою много не представляло никакой возможности. Ранцевъ у людей не было, а были кое-какіе мѣшки, въ которыхъ помѣщались сухари едва на четыре дня.

Чувствуя на своихъ мощныхъ, но тѣмъ не менѣе человѣческихъ

плечахъ, тяжесть, ни чуть не легче полной ранцевой укладки *), но только болѣе удобно размѣщеной по всему солдатскому тѣлу, лишній сухарь тогда для солдата становился цѣлымъ бременемъ и наше родное „авось“, ставъ судьею солдата и сухаря, рѣшало дѣло мгновенно, и черезъ минуту или всѣ, расчитывая, конечно, въ этомъ случаѣ на товарища, или нѣкоторая часть сухарей вылетала изъ мѣшка въ разныхъ направленіяхъ.

Въ виду предстоящей необходимости привлечь хоть нѣкоторую часть изъ арміи Сулеймана паши къ Траянскому перевалу, кромѣ того, исполняя въ точности волю Его Высочества Главнокомандующаго: „демонстрировать, или буде возможно, то занять перевалъ“ и наконецъ, пользуясь густымъ туманомъ, подполковникъ Сосновскій рѣшилъ съ командиромъ нашего баталіона полковникомъ Бородинымъ овладѣть внезапно укрѣпленіемъ, расчитывая на слабость его.

Вскорѣ команда „стройся“ разнеслась шопотомъ по баталіону и не далѣе какъ черезъ 5 минутъ баталіонъ былъ готовъ. Въ цѣпь назначена была 1-я рота, подъ командою горячаго, но тѣмъ не менѣе храбраго капитана Грейфенфельса, уже отличившагося при взятіи города Ловчи 22 августа, завладѣвъ главнымъ редутомъ, вмѣстѣ съ своимъ субалтернъ-офицеромъ поручиковъ Вазилевичемъ, всегда больнымъ, стонущимъ и жалующимся на среду свою, но... война родитъ героевъ.

Въ поддержку 1-й роты 3-я, въ которой состоялъ я, подъ командою штабсъ-капитана Зайцева; остальныя двѣ роты служили резервомъ. Мѣстность, по которой намъ слѣдовало наступать, имѣла слѣдующій характеръ: къ укрѣпленію, расположенному на самой высшей точки, называемой „Орлиное гнѣздо“ тянется широкая, сравнительно полагая, выпуклая возвышенность, имѣющая по бокамъ крутые, широкіе и глубокіе овраги, запаленные лѣсомъ; не доходя до укрѣпленія шаговъ на 500, эта покатость опоясывается не узкимъ съ пологимъ берегомъ къ южной сторонѣ и крутымъ къ сѣверной ровикомъ, образующимъ мертвое пространство и отсюда уже круто поднимается къ укрѣпленію, постепенно съуживаясь. Войдя въ сферу ружейнаго огня, 1-я рота стала разсыпаться, охвативъ собою всю выпуклость горы; вслѣдъ за нею разсыпалась 3-я рота и обѣ тихо подвигались впередъ, зарываясь въ снѣжныхъ сугробахъ. Полковникъ Бородинъ, ѣхавшій верхомъ въ первой

*) У солдата, кромѣ казенной аммуниціи была еще такъ называемая „своя“, какъ напримѣръ у сапожника—нѣсколько деревянныхъ колодокъ, молотки, клещи и остальная принадлежность, да кромѣ того, разная турецкая рухлядь, собранная послѣ болгаръ въ разоренныхъ городахъ и деревняхъ, имѣющая значеніе для солдата, была также въ этихъ мѣшкахъ, подвергаясь часто такой же участи, какъ и сухари и снова пополняющаяся при первой возможности, но тѣмъ не менѣе по вѣсу ровная почти полной укладки ранца.

линіи, вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія, такъ какъ свалившаяся вмѣстѣ съ нимъ въ какую-то яму лошадь не могла далѣе двигаться; пѣшкомъ-же, вслѣдствіе своей дородности, идти ему было немыслимо. Съ первою линіею цѣпи шли нѣсколько вооруженныхъ добровольцевъ болгаръ-братушекъ, указывавшіе намъ направленіе.

Черныя точки солдатъ 1-й роты, подвигаясь съ полнѣйшею тишиною, безъ выстрѣла впередъ, исчезали по немногу съ глазъ. Вотъ уже силуетъ укрѣпленія чернѣетъ въ туманной мглѣ и голоса даже слышны; мы уже на шаговъ 300 отъ него.

Съ замираніемъ сердца и напряженномъ вниманіемъ ожидали всѣ дружнаго „ура", который такъ и просился въ наружу изъ трепетной груди каждаго изъ насъ и... о ужасъ! На одной изъ восточныхъ высотъ запылалъ костеръ, послышался громкій голосъ изъ укрѣпленія и вслѣдъ за этимъ по всей непріятельской линіи затрещалъ ружейный огонь. Мы были открыты. Разведенный костеръ былъ ничто иное какъ сигналъ наблюдательнаго турецкаго поста, поставленнаго на ближайшей высотѣ.

Не получая никакихъ приказаній, мы все жъ таки подъ огнемъ продолжали подвигаться впередъ. Крики раненыхъ усиливали ружейный огонь, который, перебѣгая по всѣму укрѣпленію, давалъ возможность составить понятіе о протяженіи его, которое было на столько значительно, что занять его однимъ батальономъ, имѣя въ виду впереди лежащую мѣстность, гдѣ кое какъ могла дѣйствовать одна только рота, потому что справа и слѣва были глубокіе овраги, было положительно невозможно.

Дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страшной стужи, достигшей до 27°, я глубже и глубже зарывался въ снѣгъ. Ноги мои совершенно окостенѣли, руки также снѣгъ, забравшійся въ сапоги и рукава пальто, таялъ; не смотря на ажитированное состояніе, мнѣ хотѣлось спать. Возможность замерзнуть была близка. Я, чтобы разогнать хоть немного сонъ, отправился отыскивать вдоль линіи цѣпи шт.-к. Зайцева. Вскорѣ отыскалъ я его и расположился вмѣстѣ съ нимъ впереди цѣпи.

Чего же мы лежимъ подъ огнемъ? сразу мы задали другъ другу эти вопросы и замолкли.

Въ перспективѣ одно: или погибнуть ужасной смертію постепеннаго замерзанія, или быть убитымъ или раненымъ, непринеся во всѣхъ случаяхъ ни на грошъ никакой пользы.

Вотъ уже болѣе года прошло съ этого времени, а я до сихъ поръ безъ содроганія не могу вспомнить объ этой ужасной ночи. Положеніе всѣхъ было хуже, чемъ ужасное. Зарывъ ноги въ снѣгъ и пролежавъ еще нѣкоторое время, я предложилъ Зайцеву встать—погрѣться, онъ подалъ мнѣ руку, поднялся и сейчасъ же опустился обратно.

— Что съ вами? Вы ранены? Поднимайтесь-же.

— Нѣтъ, я встать немогу, у меня совершенно замерзли ноги, прикажите поднять меня. Я позвалъ сзади лежащихъ двухъ стрѣлковъ, которые, поднявъ его подъ руки, исчезли въ туманѣ.

Счастливецъ, подумалъ я ему въ слѣдъ, хорошо хоть такъ отдѣлался.

Шт.-кап. Зайцевъ, отморозивъ ноги, отнесенъ былъ на перевязочный пунктъ, къ овчарнѣ; къ утру онѣ сильно распухли и онъ долженъ былъ уѣхать въ лазаретъ, гдѣ открывшіяся раны заставили пролежать его болѣе мѣсяца.

Принявъ командованіе ротою, я остался на мѣстѣ, нагрѣтомъ на снѣгу шт.-к. Зайцевымъ. Огонь прекращался понемногу и стихъ на столько, что далъ возможность намъ, вслѣдствіе полученаго приказанія, отступить, забравъ раненыхъ, убитыхъ и замерзшихъ.

Отступили мы къ овчарнѣ, въ лѣсъ, въ которомъ и расположились бивуакомъ.

Попытка овладѣть „Орлинымъ гнѣздомъ" не увѣнчалась успѣхомъ, тѣмъ не менѣе дало возможность составить себѣ вѣрное понятіе о расположеніи непріятельскихъ укрѣпленій и о силѣ находящагося въ нихъ гарнизона; соображаясь съ этимъ, явилось требованіе на увеличеніе нашего передоваго отряда и на необходимость въ артиллеріи, безъ которой фронтальная атака требовала громадныхъ потерь. Въ лѣсу работа кипѣла быстро; звукъ топоровъ и лопатъ не умолкалъ ни на минуту; валились цѣлые буки, чтобы добыть только тонкаго хвароста для растопки, отыскать котораго подъ сугробами снѣга было немыслимо. Не прошло и получаса, какъ весь лѣсъ ярко пылалъ сотнями костровъ.

Расположившись въ небольшой котловинѣ между лѣсами, мы были немного скрыты отъ вѣтра, вслѣдствіе чего дымъ костровъ, стелясь по землѣ, совершенно выѣдалъ глаза. На другой день всѣ безъ исключенія были съ красными спухшими и заплаканными глазами; многіе же дня два совсѣмъ не могли смотрѣть на свѣтъ. Вотъ тутъ-то я искренно скорбѣлъ объ участи, постигшей моего деньщика и осла, на которомъ можно отыскать то, что такъ необходимо и такъ дорого было въ настоящую минуту. Испытывая на себѣ состояніе солдатской души и тѣла, на которомъ какъ говорится, своя рубашка была ближе, гдѣ эгоистическая цѣль является первою, мнѣ жаль было даже сѣсть на мѣсто, предлагавшее мнѣ у огня однимъ изъ солдатъ, когда я подошелъ къ костру или заставить сдѣлать хоть какое либо удобство для себя. Всѣ офицеры расположились гдѣ кто могъ. Нѣкоторые принялись устраивать кое какіе шалаши, а иные, вырывъ квадратную яму въ сугробѣ снѣга, глубиною въ аршинъ, спали уже крѣпкимъ сномъ, разведя у ногъ своихъ костры.

Помѣстившись въ одну изъ такихъ ямъ съ прапорщикомъ Гурскимъ и прижавшись другъ къ другу по плотнѣй, мы скоро уснули.

Чуть только забрезжилъ свѣтъ, какъ мы уже были на ногахъ, протирая свои опухшія глаза и... о счастье! передъ нами стояли наши деньщики. Кажется второму пришествію Мессіи, былъ бы я меньше удивленъ, чѣмъ явленію Маляренки. Все, что требовалось для наружнаго и внутренняго спокойствія моего тѣла явилось мгновенно. Быстро закипѣлъ на огнѣ котелокъ, наполненный до верху снѣгомъ, вмѣсто воды для чая, явилась жареная курица, или, какъ называютъ болгары, „кокошка съ сухарями“ и все началось уничтожаться съ волчьимъ аппетитомъ.

Внизу работа кипѣла день и ночь безъ устали, артиллерія подвигалась прогресивно и вскорѣ длинною вереницею потянулись мимо нашего бивуака черные буйволы, таща за собою мѣдное тѣло 9-ти фунтоваго орудія. Не имѣй въ рукахъ этихъ животныхъ, намъ пришлось бы совершенно отказаться отъ мысли втащить когда нибудь хоть одно орудіе. Буйволы сдѣлали намъ громадную услугу. Скоро ихъ служба болѣе не понадобиться: до вершины осталось не далеко. Отсюда, отъ бивуака, дорога была уже расчищена шире и глубже, будто корридоръ шла она зигзагами въ гору. Смѣло можно было предположить, что одно орудіе сегодня втащутъ, а можетъ быть и оба.

Высоко поднялось солнце, золотя снѣжныя вершины горъ, туманъ дымкой потянулся въ гору, вѣтеръ не много стихъ и погода сдѣлалась прекрасною. Ясный солнечный день, чистота и прозрачность воздуха, а главное желаніе, соединенное съ необходимостью разсмотрѣть расположеніе непріятельскихъ укрѣпленій, заставили насъ, офицеровъ, взобраться на самую высшую точку, откуда налюбоваться вволю красотою и могуществомъ природы. Взойдя на самый верхъ, совершенно простымъ глазомъ можно было видѣть, судя по формѣ горы, люнетъ, отъ котораго влѣво и вправо тянутся длинныя высокія траншеи въ нѣсколько ярусовъ, маскирующія громадными скалистыми выступами; далѣе, на правомъ флангѣ, черезъ лощину—другой люнетъ съ такими же траншеями, который охранялъ спускъ, идущій отъ монастыря къ деревнѣ Корнаре. Конные и пѣшіе турки показывались въ укрѣпленіяхъ ежеминутно; подъ укрѣпленіемъ виднѣлись черныя фигуры—наши убитые и замерзшіе, а можетъ быть и раненые, не подобранные 23-го числа, при ночной рекогносцировкѣ, за темнотою ночи, которые при вторичной атакѣ найдены нами были звѣрски изуродованными, съ отрубленными головами и ногами, и исколотые штыками. И все это было дѣломъ рукъ „низама“, регулярнаго войска. Взойдя еще выше на гору, на которой вспыхнулъ, выдавшій нашу ночную рекогносцировку турецкій костеръ, я былъ пораженъ великолѣпіемъ картины, для изображенія которой требуется

только одна природа. Густыя, бѣлыя, точно мраморныя облака, стояли неподвижно надо мною и, пробившіяся сквозь нихъ конусообразныя верхушки горъ, какъ острова разбросанныя по безбрежному морю ярко сверкали алмазными переливами, облитыя лучами солнца; внизу копошится какъ муравейникъ, нашъ бивуакъ изъ котораго тысячи костровъ посылаютъ вверхъ свои синія и ровныя струи дыма; налѣво темный, безлиственный густой лѣсъ далеко тянется по скату горъ и пропадаетъ въ лощинѣ; направо такія же облака, такія же горы, такой же лѣсъ, а сзади... сзади созданіе человѣческихъ рукъ нарушаетъ всю прелесть дивной природы. Нѣтъ, впереди какъ-то отраднѣе, какъ-то легче, смотришь и до сыта не насмотришься туда; въ этой сторонѣ гдѣ-то далеко, далеко твоя милая, дорогая родина, въ которой каждый уголокъ ея теперь, такъ близокъ, такъ дорогъ твоему сердцу... но не увидишь ты ее скоро, а можетъ быть и... никогда.

Благодаря энергіи полковника Сосновскаго и благопріятной погодѣ. первая пара буйволовъ скоро показалась на послѣдней террассѣ, за нею потянулись, изгибаясь въ дугу остальныя пары, далѣе показались салазки съ блестящимъ на солнцѣ тѣломъ орудія и остановились; по слѣду потянулись части его: колеса, станины лафета, передки, тащившіеся людьми перваго полка 3-й дивизіи и къ 5—6 часамъ вечера уже одно орудіе, собранное совершенно, было втащено и поставлено на сосѣднюю съ площадкою гору; другое орудіе было поставлено на другой день на слѣдующей возвышенности. Когда устроили саперы кое-какое закрытіе для перваго орудія и прислуги, мы спустились на бивуакъ. Отдано было приказаніе отправить одну изъ ротъ нашего батальона къ орудію и скоро 4-я рота, тяжело вздыхая, потянулась на гору.

Такъ какъ фронтальная атака требовала громадныхъ жертвъ и усилій и въ силу депеши, полученной отъ начальника штаба дѣйствующей арміи, въ которой было сказано: „атакъ съ фронта и напрасныхъ потерь избѣгайте“, оба офицера генеральнаго штаба, по иниціативѣ начальника отряда, употребили всѣ усилія, для отысканія обходнаго пути, которыя не остались тщетны.

Съ помощью мѣстныхъ горцевъ, кое-какія тропинки были отысканы къ деревнѣ Корнаре и обо всемъ донесено начальнику отряда, который и отдалъ на 26-е декабря диспозицію, въ которой было сказано, что 10-й стрѣлковый батальонъ, вмѣстѣ съ батальономъ 9-го Староингерманландскаго полка, 1-ю и 3-ю стрѣлковыми ротами 10-го Новоингерманландскаго полка и 5-ю сотнями Донскаго казачьяго № 30-го полка, составляютъ лѣвую колонну, подъ начальствомъ командира казачьяго № 30-го полка полковника Грекова, который долженъ былъ спуститься въ оврагъ и, обойдя правый флангъ противника занять деревню Кернаре. И такъ, завчерашній день бой. Ничтожный кусочекъ свинца мно-

гихъ вырветъ завтра изъ среды этихъ несчастныхъ тружениковъ—солдатъ; многихъ отниметъ сыновей отъ престарѣлыхъ родителей, оставитъ вдовъ, сиротъ, калѣкъ... и невольно подумаешь: которая же рота пойдетъ въ первую линію? Жребій палъ на долю 2-й роты, въ поддержку которой была 3-я рота, 4-я же съ 1-ю должны были слѣдовать въ резервѣ. На другой день Рождества Христова наша колонна должна была начать обходъ первою, для чего мы снялись съ бивуака еще далеко до разсвѣта и потянулись въ гору къ орудіямъ, гдѣ должны были сосредоточиться и съ первымъ лучемъ утренней зари начинать движеніе. Съ полнѣйшею тишиною стянулись мы на площадку и построились. Ясное звѣздное небо обѣщало хорошую погоду. Начальство надъ пѣхотными частями нашего отряда поручено было маіору Староингерманландскаго полка Иванову, такъ какъ полковникъ Бородинъ по болѣзни не могъ участвовать въ бою. Маіоръ Ивановъ разсказалъ намъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ порядокъ нашего наступленія, перекрестилъ всѣхъ и [illegible].

„Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки“,

какъ мы уже спукались въ оврагъ, пройдя который надо было построиться въ боевой порядокъ и дождаться сигнала атаки. Не успѣла еще разсыпаться 2-я рота, какъ съ турецкаго укрѣпленія показался бѣлый клубъ дыма, запрыгалъ, раскатываясь рѣзкимъ эхомъ по ущельямъ и лѣсамъ, звукъ выстрѣла изъ орудія и прошипѣвшая надъ оврагомъ граната зарылась гдѣ-то сзади, выбросивъ свои осколки и комья снѣга вверхъ; вслѣдъ за этимъ грянула наша 9-ти фунтовая, потомъ опять турецкое, пронеслась со свистомъ одна пуля, другая, еще, еще и... цѣлымъ роемъ они уже носились по оврагу, то стонущія, то шипящія, то свистящія на разные лады, ища жертвъ.

Идя съ ротою и имѣя за собою четырехъ человѣкъ, вызвавшихся быть моимъ прикрытіемъ, я съ трудомъ вытаскивалъ ногу за ногою изъ сугробовъ снѣга. Ой, ай, ай, а... а... а... раздалось надъ моимъ ухомъ и за тѣмъ что-то съ шумомъ покатилось кубаремъ внизъ. Я вздохнулъ и оглянулся. Кого это? спросилъ я. Петрова, ваше благородіе, убило, отвѣтили всѣ трое разомъ. Унтеръ-офицеръ Петровъ самъ вызвался быть въ числѣ моего прикрытія и за это, бѣдняжка, поплатился.

Давно уже глухіе стоны и отчаянные крики разносились по оврагу, смѣшиваясь съ трескотнею ружей и жалобнымъ воемъ пуль, давно уже по всѣмъ направленіямъ ползали раненые и съ стиснутыми зубами или кулаками и съ оловянными глазами лежали въ различныхъ позахъ убитые, но не такое они на меня производили впечатлѣніе, какъ крикъ несчастнаго Петрова. Я зналъ его какъ честнаго и отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ унтеръ-офицера, зналъ что онъ имѣетъ семью и считалъ

себя отчасти виновникомъ его горькой доли: не будь онъ въ числѣ моего прикрытія въ настоящую минуту, можетъ быть этого не случилось. Еще разъ хотѣлъ я взглянуть на это мѣсто и обернувшись назадъ искалъ глазами Петрова. Прошипѣвшая близко лѣваго уха пуля заставила, по чувству самосохраненія, отклониться въ противуположную сторону, вслѣдствіе чего я потерялъ равновѣсіе и стремглавъ полетѣлъ внизъ.

Исцарапавъ совершенно лицо, я наконецъ остановился на днѣ оврага, очутившись рядомъ съ прапорщикомъ Гурскимъ, который за нѣсколько минутъ, какъ бы сговорившись, передо мною совершилъ подобное путешествіе.

Стрѣльба не умолкала ни на минуту. Вотъ уже резервы сзади спускаются, предоставивъ полнѣйшую свободу въ положеніе своему тѣлу, перегоняя другъ друга, кто сидя, кто кувыркомъ, кто на животъ и все не останавливаясь спѣшитъ впередъ. Многіе изъ нихъ спустившись, остались неподвижными на днѣ оврага, другіе уже возвращаются назадъ, не успѣвъ сдѣлать и двухъ шаговъ отъ подошвы, но возвращаются уже прихрамывая или поддерживая одною рукою другую руку. Стянувшись въ мертвое пространство, образуемое крутымъ подъемомъ горы, стоящей впереди непріятельскаго укрѣпленія, мы остановились перевести духъ и тѣмъ дать возможность подтянуться отставшимъ. Стрѣльба какъ будто сдѣлалась рѣже. Отдохнувъ сколько возможно, мы понемногу поползли на гору и забрались къ самой вершинѣ, изъ за которой въ шагахъ 300 по прямой линіи ясно были видны укрѣпленія и даже лица многихъ турокъ. Вдругъ непріятельское орудіе умолкло и вскорѣ показалось на скатѣ горы, за укрѣпленіемъ, везомое буйволами. Ясно было видно, что турки увозятъ орудіе—обстоятельство, заставившее насъ не терять дорогого времени и дабы не упустить возможности овладѣть ихъ артиллеріею, мы бросились впередъ. Неистовое ура, слившееся съ ружейною пальбою, моментально потрясло воздухъ и громко раскатывалось по горамъ, подхватываемое во всѣхъ концахъ. Густою массою облѣпили стрѣлки гору и отчаянно полѣзли вверхъ, цѣпляясь за выступы скалъ и черезъ 10 минутъ мы стояли уже въ непріятельскомъ укрѣпленіи. Трупы турецкихъ солдатъ валялись въ разныхъ мѣстахъ его и въ различныхъ позахъ; массы гильзъ, патроновъ въ пачкахъ и ящикахъ, гранатъ, картечи, галетъ, муки, фасоли и всякаго тряпья разбросано было въ безпорядкѣ и все это устилало южный спускъ горъ, до самой деревни Карноре. Пальба на нашемъ правомъ флангѣ еще не умолкала ни на минуту, но не прошло много времени, какъ и тамъ загремѣло ура, переданное какъ бы электричествомъ и нашему отряду, который стремглавъ бросился внизъ и опять безконечное ура. Турки, насколько хватило силъ, мчались въ долину, сбросивъ орудіе въ пропасть,

оставляя на спускѣ раненыхъ и убитыхъ и, добѣжавъ къ деревни, разсыпались въ разныхъ направленіяхъ.

Долго еще приходилось выбивать ихъ изъ домовъ, садовъ изъ за плетней и заборовъ и наконецъ, мало по малу, все смолкло. Деревня Карноре, оставленая жителями, бѣжавшими вмѣстѣ съ турецкими солдатами, была биткомъ набита галетами, консервами, мукою, крупою, масломъ фасолью и другими продовольственными для войскъ припасами, въ особенности большая мечеть, которая какъ видно изображала собою главное депо для траянскаго гарнизона, ежели не всего, то по крайней мѣрѣ находящагося на правофланговыхъ укрѣпленіяхъ.

Всѣ дома, со всѣми находящимися въ нихъ имуществомъ, были оставлены жителями въ совершенной неприкосновенности; въ каждомъ изъ нихъ можно было отыскать кладовыя, погреба и сараи, полные рисомъ, медомъ въ какихъ-то особенныхъ глиняныхъ кубишкахъ, масломъ въ боченкахъ и горшкахъ, мукою, орѣхами, сушеными и свѣжими фруктами; мѣдные кубы съ сотнями разныхъ формъ стеклянныхъ и мѣдныхъ трубочекъ и банокъ для выдѣлки розоваго масла, попадавшаго иногда на смазку сапогъ солдату, стояли въ порядкѣ въ отдѣльно устроенномъ флигелѣ-фабрикѣ; нѣсколько тысячъ головъ рогатаго и мелкаго скота мычали и блеяли по всей деревнѣ; домашняя птица преспокойно разгуливала по двору. Вотъ въ какомъ видѣ захватили мы богатую деревню Карноре. Ея богатству не уступали также и остальныя всѣ, расположенныя въ прелестной благоуханной Долинѣ Розъ. Мнѣ кажется здѣсь лучшее изъ всей Европейской Турціи, пе богатству природы.

Скоро взошелъ молодй мѣсяцъ и запылали опять костры, но не такъ они уже были жалки и пусты, какъ вчерашній день, въ лѣсу, а въ каждомъ виднѣлись шипящія сковороды съ бараниной или курицею, пеклись блины, коржи съ медомъ, варились въ котлахъ, ведрахъ и горшкахъ супы и борщи разныхъ видовъ и вкусовъ, даже съ яблоками; вообще каждый высказывалъ свое кулинарное искусство на столько, на сколько оно было необходимо тогда для удовлетворенія желудка, который, между прочимъ, требовалъ много.

Сомкнувъ тѣсный офицерскій кружекъ вокругъ большаго костра, подъ толстымъ деревомъ и взявъ подъ свое покровительство нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, завернувшись въ теплыя, ватныя турецкія одѣяла, взятыя изъ рядомъ стоящаго обоза, отбитаго казаками, скоро каждый изъ насъ спалъ сладкимъ сномъ.

10-го Стрѣлковаго батальона

Подпоручикъ П. П. Л.

---

*

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ БОБИНЪ И РЯДОВОЙ КОЗЛОВЪ.

„Антонъ Матвѣичъ! одолжите бруска топоръ выточить, одолжите бритвы, одолжите веревочки!“ постоянно обращались къ нему солдаты. Бобинъ никогда не отказывалъ, но прежде чѣмъ дать дѣлалъ просившему внушеніе: „отчего, молъ, самъ не носишь“... а затѣмъ приказывалъ приносить топоръ къ себѣ и точилъ самъ, а просившаго заставлялъ смотрѣть и учиться.

Кто побывалъ нѣсколько разъ въ бою, тотъ не могъ не замѣтить, что во всякой кучкѣ солдатъ, твердо держащейся подъ огнемъ, есть непремѣнно свой нравственный центръ, если такъ можно выразиться,—есть одинъ или нѣсколько людей, не ищущихъ нравственной опоры, а твердо надѣющихся на самихъ себя. Такіе люди первыми выбѣгаютъ въ критическую минуту впередъ и группируютъ около себя остальныхъ; глаза ихъ блещутъ отвагой, а отрывистыя экспромтныя рѣчи, остроты и насмѣшки исполнены естественности и вдохновенія. Слова, произносимыя въ критическую минуту такими людьми, бываютъ въ большинствѣ случаевъ знаменательны: въ нихъ звучитъ скрытая въ обыкновенное время и никогда почти не замѣчаемая нами въ простолюдинѣ сила народнаго духа.

Не всѣ солдаты герои, но однако-же всѣ идутъ умирать: одни рвутся впередъ и кричатъ „разступись!“, другіе держатся за полы ихъ мундировъ; но есть что-то среднее между первыми и вторыми, есть люди съ твердымъ характеромъ, не поддающіеся вліянію и мало имѣющіе вліянія на другихъ,—это сухіе, холодные, но тѣмъ не менѣе хорошіе исполнители своего долга, или такъ сказать, чернорабочіе въ дѣлѣ войны. Къ такимъ именно натурамъ принадлежалъ унтеръ-офицеръ Бобинъ.

Въ тонѣ его голоса и въ манерахъ было что-то дѣловое; онъ никогда не стоялъ сложа руки и задумавшись, а непремѣнно что нибудь мастерилъ либо у себя въ палаткѣ, либо около. Онъ умудрялся носить съ собой много вещей, вовсѣ не полагающихся солдатамъ.

Больше всего занимался Бобинъ починкой сапогъ и аммуниціи; иногда онъ починялъ вещи, которыя вовсѣ не требовали починки, но ему казалось, что еще нужно пристегнуть раза два, чтобы крѣпче держалось. Починялъ Бобинъ и другимъ солдатамъ вещи и ничего за это не бралъ, а только ругалъ обратившагося съ просьбой, называя его сорванцомъ и разгильдяемъ, и если послѣдній молчалъ, то Бобинъ постепенно переходилъ въ мягкій тонъ и наконецъ, отдавая починенную вещь, говорилъ уже совершенно ласково: „возьми, молодецъ, да смотри— носи хорошенько".

Казалось, Бобинъ былъ радъ всякой работѣ, которая подвертывалась подъ руку. Во время метели, когда палатки заносило большими сугробами, всѣ солдаты прятались поглубже и жались другъ къ другу, выжидая погоды; даже Иванъ Павловъ *) только изрѣдка выглядывалъ съ трубкою изъ своей норы и, кивая головой, сплевывалъ на сторону; а Бобинъ и тутъ находилъ себѣ работу: онъ черезъ каждыя полъ часа вылѣзалъ изъ палатки и разчищалъ снѣжные наметы.

— Тоже вѣдь солдаты,—прости Господи! ворчалъ Бобинъ:—ихъ хоть заживо похорони, только не замай, такъ они все тебѣ будутъ лежать".

— Экъ его носитъ, стараго непосѣду! слышалось изъ другихъ палатокъ, куда доносилась хриплая руготня Бобина, заглушаемая визгливымъ вѣтромъ.

Починка обуви, расчистка снѣгу, тщательная отдѣлка стоекъ къ палаткамъ, растирка остатковъ табаку съ добытыми изъ подъ снѣга и высушенными листьями и другія мелкія занятія наполняли досугъ Бобина въ промежуткахъ между нарядами на службу. Это было ничто въ сравненіи съ занятіями служебными; послѣднія начинались съ самаго выхода роты въ строй. Солдаты выстроятся, обопрутся на ружья и ждутъ выхода начальника. Одинъ стоитъ, меланхолически повѣсивъ голову и о чемъ-то глубоко задумавшись; другой, повидимому лихой, подталкиваетъ локтемъ товарища и о чемъ-то, смѣясь, ему разсказываетъ; третій указываетъ пальцемъ на турку, дѣлая разныя соображенія насчетъ военныхъ операцій, вродѣ того, что „евойное орудіе сюда не хватаетъ; а наше и хватило-бы, да не велятъ стрѣлять,—все ждутъ какого-то генерала, который зайдетъ ему (непріятелю) въ тылъ, а мы напремъ отсюда" и т. д.

*) См. II томъ „Сборника".

Вообще-же всѣ скучаютъ и начинаютъ кашлять. Бобинъ и здѣсь находитъ дѣло: онъ подойдетъ то къ одному, то къ другому солдату, осмотритъ у него ружье, покачаетъ укоризненно головой, замѣтивъ ржавчину; пожуритъ за шинель, прожженную у костра; научитъ какъ оборачивать овчинкой ноги, у кого износились сапоги, да посовѣтуетъ, какъ стоять на посту, чтобъ не обморозиться.

Но вотъ вышелъ начальникъ и роту повели. Заставятъ-ли рыть укрѣпленія или вязать фашины—это для Бобина чистая радость. „А ну-ка, молодцы, заходи!“ командуетъ онъ весело солдатамъ; а самъ засучиваетъ рукава и плюетъ на руки. „Тамъ Бобинъ за старшаго? спрашиваетъ начальникъ.—Ну тамъ не нужно и приглядывать: у Бобина все будетъ сдѣлано“.

Работа горитъ; кто выкинетъ одну лопату земли, а Бобинъ пять. Онъ только изрѣдка останавливается да и то затѣмъ, чтобы кого нибудь подбодрить или выругать. „Ишь, косоглазый! ну скажи ты мнѣ на милость: куда ты кидаешь? замѣчаетъ онъ солдату, небрежно кидающему землю,—небось ложки мимо рта не пронесешь... Эхъ! солдаты,—прости Господи! колодцы вамъ рыть, а не батареи!“...

Вообще Бобинъ былъ человѣкъ нетерпѣвшій безпорядка, и начальство его цѣнило за это; но иногда его акуратность доходила до мелочности: послѣ боя, напримѣръ, онъ очень любилъ считать убитыхъ турокъ и складывать ихъ рядами; любилъ также хоронить ихъ и наблюдалъ, чтобы все это дѣлалось акуратно,—чтобы поровну было въ каждой могилѣ и чтобы могилы были ровныя. Если изъ сосчитанныхъ труповъ который нибудь обнаруживалъ признаки жизни, Бобинъ ворчалъ на него: „и что за человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ,—либо живи, либо умирай,—только со счету сбиваешь... Подыми его, молодцы,—можетъ отойдетъ“...

На аванпостахъ никогда Бобинъ не спалъ и былъ большой охотникъ провѣрять посты, что было наруку другимъ унтеръ-офицерамъ, которые уступали ему свою очередь.

— Что молодцы,—ничего не видать, спрашивалъ онъ, подходя къ посту.

— Ничего, Антонъ Матвѣичъ,—все, какъ есть, тихо...

— А вы не зѣвайте, стойте хорошенько... говорилъ обыкновенно Бобинъ и переходилъ къ слѣдующему посту.

Если-же на посту сообщали ему что нибудь вродѣ того, что „по лѣсу ровно что-й-то ходитъ“... онъ останавливался и прислушивался.

— Вралъ-бы поменьше... говорилъ Бобинъ часовому, не замѣчая шума, и отправлялся дальше.

Бобинъ былъ храбръ, но такъ-то странно: въ немъ не было того огня, что дѣлаетъ изъ человѣка героя, подобнаго Ивану Павлову. Вѣр-

нѣе сказать,—Бобинъ былъ храбръ для порядка. Никогда, напримѣръ, не вызывался онъ въ охотники, но и не отказывался идти. Разъ какъ-то случилось надобность отправить въ ночное время небольшую партію охотниковъ для осмотра турецкой позиціи. „Хорошо было бы, кабы Бобинъ пошелъ за старшаго“, сказалъ ротный командиръ фельдфебелю. „Что-жъ,—коли нужно, такъ и пойду“... сказалъ Бобинъ совершенно хладнокровно и повелъ партію. Вернувшись назадъ, онъ цѣлый день плевалъ и ругался, говоря, что охотники не войско, а ватага глупыхъ бабъ, для которыхъ какой строй ни придумай, все равно разлѣзутся въ разныя стороны, куда кто гораздъ, и что этакъ только турокъ насмѣшить можно, а воевать такъ—никто не воюетъ, и что это только одно баловство—ходить въ охотники

Для Бобина въ бою играла роль не только суть, но и форма: солдатъ, вылезшій изъ своей части впередъ, былъ въ его глазахъ почти настолько же виноватъ, какъ и отставшій; и тому и другому отъ Бобина всегда доставалось. „Ты куда прешь? останавливалъ Бобинъ вылезшаго впередъ.—Ишь одурѣлый какой! такъ вотъ самъ редутъ и возьмешь!... Подожди, братъ, вмѣстѣ полеземъ“. А на отставшаго Бобинъ кромѣ того замахивался прикладомъ.

Но интереснѣе всего былъ взглядъ Бобина на непріятеля; въ этомъ Бобинъ высказывался весь: непріятель въ его глазахъ былъ чѣмъ-то такимъ, во что приказываетъ стрѣлять начальство; самъ-же онъ ровно ничего не имѣлъ противъ турокъ и никогда надъ тѣмъ не задумывался, за что ихъ бьютъ. Слыхалъ онъ, правда, еще дома, что турокъ нехристь и что онъ обижаетъ болгаръ; но къ болгарамъ особенныхъ чувствъ Бобинъ не питалъ, а къ турецкой религіи относился индиферентно; надъ политикой же онъ не задумывался никогда, считая ее дѣломъ начальства, и если бы ему сказали, что уже довольно бить турокъ, а пора приниматься за болгаръ, его бы нисколько не удивилъ такой пассажъ. Потомъ уже, послѣ боя, онъ бы на досугѣ разсудилъ такъ, что начальство лучше насъ знаетъ—кого и когда бить и за что бить.

Бобинъ былъ человѣкъ суевѣрный и вѣрилъ по своему въ предопредѣленіе: онъ нисколько не сердился, подобно другимъ, на турокъ за смерть своихъ товарищей. „Ему такъ на роду было написано“, говорилъ онъ про убитаго; а про того, надъ которымъ турки совершили звѣрство, Бобинъ говорилъ, что ему, вѣрно, за тяжкіе грѣхи вышли такія муки.

Разъ какъ то нашли въ нашемъ убитомъ осколки разрывной турецкой пули, отъ которой рана приняла видъ воронки. Всѣ пришли въ ужасъ отъ такого звѣрства, а Бобинъ совершенно хладнокровно посмотрѣлъ и сказалъ: „гмм! ишь какъ ловко придумано“...

Бобина въ ротѣ уважали, какъ службиста, но не любили за его сухость, хотя, впрочемъ, безусловной сухости въ немъ не было. Какъ-то

странно проявлялось чувство въ этомъ человѣкѣ: то онъ былъ черствъ и скупъ до нельзя, то вдругъ отдавалъ товарищу въ критическую минуту послѣдній сухарь; а къ одному очень смирному солдатику своего взвода онъ даже питалъ нѣчто вродѣ отеческой нѣжности.

Случилось какъ-то, что этотъ самый солдатикъ вдругъ вышелъ во время большаго перехода изъ фронта и съ словами: „ой не могу!" разсѣлся на краю дороги.

— Эй, малый, подымайся! закричалъ Бобинъ сердито и подошелъ къ отставшему.

Солдатъ ничего не отвѣчалъ и не шевелился.

— Слышь, Козловъ,—тебѣ, что-ли, говорю!

Солдатъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи и молчалъ.

— Эй не дури! ей Богу ремнемъ вытяну!

— Ноженьки мои, ноженьки... простоналъ Козловъ и взглянулъ изъ подлобья на Бобина. Тяжелое страданіе было въ этомъ взглядѣ.

— Э-ге-ге, малышъ,—да вѣдь у тебя того... сказалъ Бобинъ, увидавъ окровавленныя ноги Козлова.

— Еще третева дни стеръ, дяденька... моченьки моей нѣтъ...

Бобинъ покачалъ головой и, вынувъ изъ за пазухи двѣ овчинки, началъ оборачивать ими ноги Козлову.

— Ты можетъ быть того... сердишься... ты не сердись... я вѣдь только такъ, для порядку, обругалъ тебя... Ну, что легче теперь? говорилъ Бобинъ Козлову, догоняя роту.

— Ничего... теперь не рѣжетъ...

Съ того самаго случая Бобинъ почувствовалъ симпатію къ Козлову. Жаль-ли ему сдѣлалось Козлова или просто это была естественная потребность приложить къ кому нибудь свои заботы—потребность часто являющаяся у одинокихъ пожилыхъ людей и нерѣдко переходящая въ чувство—только многіе стали замѣчать, что Бобинъ не на шутку привязался къ этому солдатику и взялъ его къ себѣ въ палатку.

Очень нравилось Бобину, что Козловъ подражалъ ему въ образѣ жизни и былъ трудолюбивъ. Начнетъ, бывало, Бобинъ что-нибудь дѣлать, сейчасъ же и Козловъ прійдетъ помогать; приходилось даже его останавливать.

— И чего суешься? занеможешь, — тогда что я буду съ тобой дѣлать? Ишь вѣдь худой какой, а тоже лѣзешъ работать... Отдыхалъ бы себѣ... останавливалъ Бобинъ Козлова и въ словахъ этихъ звучала нѣжность, которая совсѣмъ не шла къ суровой наружности Бобина. Козловъ былъ слабый духомъ солдатикъ, меланхоликъ, и принадлежалъ именно къ тѣмъ натурамъ, которыя на себя не надѣются, а всегда стараются опереться на другихъ. Онъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ и былъ слабонервенъ и впечатлителенъ. Все окружающее производило на него

тяжелое впечатлѣніе; особенно тосковалъ онъ съ рекрутства, когда пришлось попасть изъ семейства въ среду грубыхъ и часто необузданныхъ товарищей. Для Козлова казарменная жизнь была жизнью переходной и пахнула военщиной, какъ для человѣка не военнаго въ душѣ. Онъ не наслаждался этой жизнью подобно другимъ своимъ товарищамъ, умѣвшимъ устроить въ казенныхъ помѣщеніяхъ свои уютные уголки; онъ сидѣлъ въ казармахъ на своей холодной койкѣ, какъ проѣзжающій сидитъ на пыльномъ клеенчатомъ диванѣ почтовой станціи, и думалъ о своей родинѣ, о томъ блаженномъ днѣ, когда ему позволятъ туда вернуться.

Походъ нѣсколько поднялъ Козлова, но характеръ его остался такимъ же; постоянно ходилъ онъ задумчивымъ и разсѣяннымъ и всегда вздрагивалъ, когда кто-нибудь произносилъ его фамилію. Козлову всегда казалось, что его презираютъ, что надъ нимъ смѣются; иногда его фантазія доходила до того, что онъ думалъ, что съ нимъ непремѣнно случится великое несчастіе, что его, напримѣръ, товарищи когда нибудь подведутъ, выставятъ за себя отвѣтчикомъ, впутаютъ въ какое-нибудь преступленіе и тѣмъ отымутъ возможность вернуться на милую родину. „Господи! спаси меня отъ этого"... произносилъ онъ во время молитвы, и иногда ночью, когда казарменныя лампы пригашивались и какой-то фантастическій полусвѣтъ ложился полосами на стройные ряды кроватей, Козловъ плакалъ, завернувшись въ казенное одѣяло...

Между десятками рекрутовъ, назначаемыхъ каждый годъ въ роту, всегда найдется человѣка два—три подобныхъ Козлову. Они страдаютъ безмолвно, часто отказываются отъ пищи и иногда серьозно заболѣваютъ, кончая жизнь въ госпиталѣ. Эти люди нуждаются въ нравственной поддержкѣ со стороны своихъ ближайшихъ начальниковъ.

Никогда Козловъ не отличался личной храбростью, никогда не вызывался въ охотники; но однако онъ всегда былъ на своемъ мѣстѣ или, другими словами, входилъ въ составъ той массы, которая одерживала рядъ побѣдъ надъ турками.

— Страшно тебѣ было, Козловъ? спрашивали его иногда послѣ боя.

— И.. и... бѣда какъ страшно!.. Да вѣдь всѣ идутъ... куда мнѣ дѣваться?

И тутъ же Козловъ начиналъ разсказывать, сколько тамъ нашихъ убили, какъ граната пролетѣла надъ его головой, какъ пули свистали мимо его ушей и какъ онъ самъ не чаялъ выйти живымъ изъ боя.

Много было солдатъ подобныхъ Козлову, которые шли впередъ, потому что идутъ всѣ; отстать отъ другихъ для нихъ было дѣломъ немыслимымъ, и если это случалось, то большею частію вслѣдствіе ошибокъ, недоразумѣній или общей путаницы, происходившей отъ неопытности начальства. Отставшій, не видя около себя товарищей, чувствовалъ себя

крайне безпомощнымъ, хотя бы даже находился внѣ сферы выстрѣловъ: ему казалось, что его тутъ именно и убьютъ.

Козловъ, какъ впечатлительный меланхоликъ, былъ очень недовѣрчивъ; онъ вообще ни съ кѣмъ не сходился и питалъ какую-то брезгливость ко всѣмъ окружающимъ: однихъ онъ не любилъ за ихъ цинизмъ и вообще за то, что они не такъ чувствовали, какъ онъ; другихъ, подобныхъ себѣ, онъ находилъ скучными, нагонящими тоску.

Ничто Козлова въ солдатскихъ забавахъ не интересовало; только однѣ пѣсни слушалъ онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, да и то потому, что въ этихъ пѣсняхъ воспѣвались подвиги всѣхъ солдатъ вообще, не исключая и его. Подъ звуки нѣкоторыхъ пѣсенъ онъ даже воодушевлялся и подтягивалъ тоненькимъ голоскомъ. Въ слѣдующей, напримѣръ, пѣснѣ его манилъ симпатичный образъ „убитаго гусарика“. Пѣсня эта передѣлана солдатами со старинной русской.

Ой во полѣ-полѣ стояла ракита (bis);
А подъ этой подъ ракитой гусарикъ убитый.
Онъ убитъ, принакрытъ черною китайкой...
Приходила къ нему пава-жена молодая,
Китаечку открывала, въ лицо признавала...
Ты встань-возстань, мой милый, гусарикъ убитый!
Твой конь вороной по лужкамъ гуляетъ;
Тебя молода жена домой ожидаетъ (bis).

Не смотря на то, что Козловъ ни къ кому не привязывался, имѣть на него вліяніе было дѣломъ болѣе чѣмъ легкимъ: не надѣясь на себя, онъ всегда готовъ былъ послушаться товарища, если при этомъ довѣріе брало верхъ надъ подозрѣніемъ. Бобина Козловъ тоже не любилъ, но питалъ къ нему нѣчто въ родѣ уваженія и страха; ему казалось, что этотъ человѣкъ посланъ ему судьбою, чтобы вывести его здравымъ и невредимымъ изъ всѣхъ бѣдъ, а потому онъ вполнѣ довѣрился Бобину.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бобинъ сошелся съ Козловымъ, всѣ стали замѣчать въ немъ перемѣну: онъ сдѣлался нѣсколько мягче и веселѣе, и иногда даже шутилъ, чего прежде никогда съ нимъ не бывало; но не долго продолжалась эта дружба: скоро непредвидѣнный случай совершенно измѣнилъ обстоятельства.

Разъ какъ-то случилось, что рота ушла на аванпосты, а Козловъ остался дневальнымъ при палаткахъ. Одѣвъ аммуницію, онъ сталъ гулять по бивуаку; онъ какъ-то свободнѣе себя чувствовалъ, когда оставался одинъ: никто не кричалъ его фамилію, никто не заглядывалъ иронически ему въ глаза, никто не дразнилъ его любимцемъ „взводнаго“. Въ такія минуты онъ свободно предавался мечтамъ о родинѣ, о концѣ войны, объ отпускѣ. „Кто кабы отсюда по болѣзни, да прямо домой“...

думалъ Козловъ.—„Нѣтъ не хорошо,—надо дотянуть до конца... за это и дома никто не похвалитъ“.

Проходя мимо своей палатки, Козловъ замѣтилъ висѣвшую тамъ сухарную сумку Бобина. „Вотъ тебѣ и разъ! какъ же это Антонъ Матвѣевичъ сухари забылъ? вотъ вѣдь грѣхъ какой“, подумалъ Козловъ Онъ хорошо зналъ, что Бобинъ будетъ голодать цѣлыя сутки, а ни за что не попроситъ у товарища сухарей; ему захотѣлось во что бы то ни стало сослужить Бобину службу и онъ рѣшился, смѣнившись съ дневальства, снести сумку на аванпосты.

Отъ бивуака до аванпостовъ было болѣе версты и мѣстность была пересѣчена оврагами и лѣсомъ. Ночь стояла темная и туманная. Страшновато было Козлову идти одному, да еще въ ночное время, — того и гляди, попадешься къ туркамъ; но онъ все-таки рѣшился и пошелъ. Сначала шелъ онъ по протоптанной дорожкѣ, а потомъ, самъ не помнитъ, какъ свернулъ въ сторону.

Снѣгъ по самое колѣно глубокій, да большія деревья съ нависшими вѣтвями, съ которыхъ обламывалась и падала гололедица—вотъ все, что Козловъ видѣлъ вокругъ себя. Сначала было страшно и онъ нѣсколько разъ ворочался назадъ, но тропинки не было и слѣда; наконецъ физическая усталость превозмогла страхъ, и Козловъ сѣлъ отдохнуть подъ большимъ деревомъ, опершись на него спиной. Сидѣлъ онъ въ глубокомъ снѣгу, продавивъ подъ собой яму, и его спотѣвшее тѣло чувствовало прохладу. „Не пора-ли идти?“ думаетъ Козловъ; но какая-то сладкая нѣга его удерживаетъ, и ему все кажется, что и здѣсь, какъ на привалѣ, непремѣнно кто нибудь прикажетъ встать и идти; а его собственная воля, постоянно подчиняемая волѣ другихъ, давно уже потеряла способность ворочать усталымъ тѣломъ.

Сначала Козловъ чувствовалъ пріятную прохладу, а затѣмъ лихорадочный ознобъ, перешедшій черезъ нѣсколько времени въ жаръ. Онъ все ближе подвигался къ дереву, сжимая колѣни и оборачивая ихъ полами шинели. Наконецъ все это перешло въ сладкую дремоту, клонившую внизъ его голову... И чувствуетъ Козловъ, что по его жиламъ ровно огонекъ проходитъ и такъ любо щекочетъ все тѣло; а на сердцѣ такая радость словно съ родными повидался или, не ѣвши нѣсколько дней, выпилъ вина... Грубый шумъ ледянистыхъ вѣтвей обращается для его ушей въ дивную мелодію, а полузакрытые глаза видятъ что-то чудесное... А вотъ и мать стоитъ... такъ и есть! да это его родина, деревня, изба; а напротивъ—изба сосѣда, и оттуда бѣжитъ къ нему на встрѣчу та самая дѣвушка, по которой онъ тосковалъ, будучи рекрутомъ... „Господи! думаетъ Козловъ, — за что такое счастіе! Тамъ вши заѣдали, холодно было да холодно; смерть носилась надъ головою; а здѣсь мать съ протянутыми къ сыну руками; невѣста, бѣгущая на встрѣчу къ своему вер-

нувшемуся герою; сады зеленые, нивы родныя... Но гдѣ же товарищи? что это я одинъ вернулся на родину? Э! да это не законъ! Надо было тянуть до конца и вернуться со всѣми вмѣстѣ, чтобъ не совѣстно было людямъ въ глаза смотрѣть"... И кажется Козлову, что мать и невѣста, узнавъ, что онъ вернулся одинъ, уже не такъ на него смотрятъ, какъ при встрѣчѣ, и вдругъ все передъ нимъ смѣшалось,—онъ не разберетъ гдѣ мать, а гдѣ невѣста,—и все это исчезаетъ, а вмѣсто этого висятъ надъ нимъ вѣтви какого-то большого дерева, и оттуда потянулись щетки, которыя начали растирать его тѣло; тѣлу-то сладко. а душа болитъ и сердце замираетъ, и Козловъ чувствуетъ, что у него никогда не бывало такъ тяжело на душѣ. Наконецъ сердце стукнуло разъ, остановилось, еще стукнуло и замерло...

Послѣднее, что представилось сонному мозгу Козлова, было чѣмъ-то темнымъ и пустымъ. „Господи помилуй!" прошепталъ Козловъ и погрузился въ другой сонъ, безъ грезъ и сновидѣній...

На другой день, возвращаясь съ аванпостовъ, рота наткнулась на свернутый калачикомъ трупъ Козлова. Сидѣлъ онъ, горемычный, прислонясь къ дереву, весь облѣпленный снѣгомъ; голова была опущена на поджатыя къ самой груди колѣни; фуражка спустилась на лобъ, и давно нестриженные русые волосы разметались красивыми прядями по его блѣдному мертвому лицу.

Бобинъ растолкалъ любопытныхъ солдатъ и молча, съ выраженіемъ какой-то особенной суровости, взялъ мертваго товарища на руки и понесъ на бивуакъ. Только густыя морщины на лбу да влажность въ глазахъ показывали, что этотъ человѣкъ переживалъ въ это время горькую минуту, и эта горечь казалась такъ странной, такъ не идущей къ Бобину.

Всю дорогу Бобинъ молчалъ; и прійдя на бивуакъ, онъ положилъ мертваго товарища въ палатку, на то самое мѣсто, гдѣ онъ всегда спалъ и сталъ суетиться около костра.

Любопытные снова собрались у палатки.

— И какъ это, братцы, его угодило?.... разсуждали они между собою.

— Негожій былъ... все только хныкалъ...

— Ну, ты радъ и мертваго вылаять!... Что теперь съ него взыщешь?..

— Я не лаюсь, я только говорю, что не военный онъ былъ, не военную и смерть принялъ.

— А все-жь, братцы, жалко: тоже вѣдь человѣкъ... Опять-же дома родные у него есть...

Другіе стояли молча, съ любопытствомъ заглядывая въ палатку и только задумчиво вздыхали.

— Нехристе! хоть бы за дровами кто-нибудь сходилъ... Бога вы не боитесь!.. сказалъ укоризненно Бобинъ собравшимся товарищамъ.

И здѣсь Бобинъ остался вѣренъ своему характеру. Ему хотѣлось, чтобы все было сдѣлано въ порядкѣ: отогрѣвъ мертваго товарища у костра, онъ старался на сколько возможно расправить ему руки и ноги; а затѣмъ, когда начальство разрѣшило похоронить Козлова, Бобинъ срубилъ большое сухое дерево, накололь изъ него досокъ и сколотилъ гробъ. Уложивъ въ гробъ товарища, онъ положилъ туда всѣ его вещи, не исключая сухарей, кисета и трубки, даже своего подсыпалъ табачку, потому что въ кисетѣ ничего не оставалось. На могилѣ поставилъ Бобинъ крестъ и самъ сдѣлалъ надпись: „Рядовой Осипъ Козловъ. Замерзъ 5-го декабря“. Затѣмъ, когда уже все было кончено, Бобинъ сложилъ инструменты и пользуясь свободнымъ временемъ, заплакалъ.

Нѣсколько дней послѣ описаннаго происшествія, Бобина нельзя было узнать. Онъ сидѣлъ со сложенными руками у своей палатки на импровизированной двумѣстной скамеечкѣ, на которой прежде сиживалъ, бывало, съ Козловымъ, и его всегда суровые глаза были отуманены слезами. Прорвалось скрытое чувство у этого человѣка, заиграло и вылилось въ наружу, и жаль было смотрѣть на рябоватое морщинистое лицо Бобина, по которому катились слезинки.

Что судьба была Козлову замерзнуть въ горахъ, въ этомъ Бобинъ нисколько не сомнѣвался; но онъ былъ золъ на эту судьбу за то, что она его выбрала какъ бы невольной причиной смерти Козлова. „Это ужъ сама судьба меня наказала, думалъ Бобинъ:—и какъ это я сухари забылъ? Никогда со мной такого непорядка не случалось“...

Остался Бобинъ въ палаткѣ одинъ. Просыпаясь по утрамъ, онъ звалъ иногда по привычкѣ товарища и хватался рукой за стоявшую около манерку. „Что, малышъ, чайку согрѣемъ?“ говорилъ онъ, подымая голову; но увидавъ пустое мѣсто, на которомъ прежде лежалъ Козловъ и замѣтивъ, что хворостинки, служившія постелью Козлову, покрылись утреннимъ инеемъ, Бобинъ снова опускалъ голову, закрывалъ глаза и погружался въ тяжелыя размышленія.

Товарищи удивлялись Бобину: прежде, бывало, онъ всѣхъ будилъ по утрамъ; а теперь его самаго приходилось будить.

— Нашъ Антонъ Матвѣичъ что-то плохъ сталъ, разсуждали солдаты,—и что ему Козловъ? Мало-ли нашего брата перевелось за эту войну,—ни по комъ Бобинъ не тосковалъ.

— Ничего въ емъ не было, братцы,—такой же былъ солдатъ, какъ и всѣ; а только-бъ я душу свою отдалъ, чтобъ сейчасъ повидать его живымъ, говорилъ Бобинъ, подслушавъ разговоръ товарищей.

Но вотъ загремѣли выстрѣлы; войска снялись съ бивуака и пошли впередъ. Опять Бобинъ является тѣмъ же суровымъ и дѣловымъ на-

чальникомъ: ему некогда тосковать, у него занята каждая минута. Взводъ поразстроился за послѣднее время; нужно было каждаго обчинить, привести въ порядокъ; позаботиться, чтобы люди въ походѣ не отставали и чтобы не было никогда за 2-мъ взводомъ такого страма, какъ водится за другими. Когда тутъ думать о погибшемъ товарищѣ? Тоска — одно баловство въ такія минуты; она и сама знаетъ, что ей тутъ не мѣсто и даже на умъ не идетъ. Бобинъ даже понять не могъ, какъ это онъ въ послѣднее время такъ обабился, что запустилъ свой взводъ.

Однако послѣ мира замѣтили опять въ Бобинѣ перемѣну. Долго онъ крѣпился и наконецъ не выдержалъ. Это было на одной изъ станцій желѣзной дороги при возвращеніи войскъ на родину.

Собралась толпа народа на станцію; принесли водки и стали угощать пѣсенниковъ. Зазвучали въ родномъ краю тѣ самыя пѣсни, что раздавались въ занесенныхъ снѣгомъ горахъ, откликаясь эхомъ на турецкихъ позиціяхъ. На пѣсенникахъ лихо одѣты шапки; всѣ они держатся за бока; въ серединѣ хо́ра два ротныхъ плясуна танцуютъ и подсвистываютъ.

„Эхъ! молодцы солдаты!—вотъ весело живутъ!“... слышится въ народѣ; а пѣсенники подымаютъ по выше головы, чтобъ казаться еще молодцоватѣе, да лихо поглядываютъ на застѣнчиво-улыбающихся русскихъ дѣвушекъ которыхъ уже цѣлый годъ не видали.

— Голубчики! уважьте! кланяется въ поясъ вышедшій изъ толпы старикъ:—спойте соколики, еще эту самую пѣсню про бусурмана...

— Изволь, дѣдушка, изволь! отвѣчаютъ пѣсенники и снова затягиваютъ:

Полночь наступаетъ,
Луна горитъ свѣтло;
Отрядъ нашъ выступаетъ
Съ бивака своего...
Идемъ мы тихо—стройно,—
Все горы — впереди
Давайте торопиться
Балканы перейти
Ужь горы не высоки,
Скорѣй ихъ перейдемъ,
И турокъ тамъ не много,—
Послѣдки ихъ добьемъ и т. д.

Припѣвъ къ этой пѣснѣ начинается такъ:

Выхвалялись злые турки,
Будто въ дѣлѣ молодцы;
А теперь мы ихъ узнали—
Они первы бѣглецы!..

Растроганный старикъ вытряхиваетъ карманъ, и послѣднія мѣдныя деньги разсыпаются по платформѣ въ пользу пѣсенниковъ.

Бобинъ слушаетъ пѣсни совершенно равнодушно: онъ никогда не любилъ ихъ; но когда запѣли про „убитаго гусарика“, Бобинъ не выдержалъ,—онъ отвернулся въ сторону, опустилъ голову и грустно задумался.

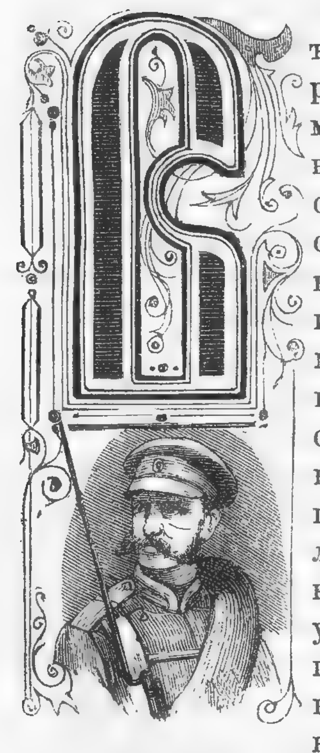
— Что вы, Антонъ Матвѣичъ, пріуныли? спрашиваютъ товарищи.

— Ничего, отвѣчаетъ Бобинъ, едва сдерживая слезы, — вспомнилъ про старое... очень покойничекъ любилъ эту пѣсню: бывало, на мѣстѣ не усидитъ, какъ запоютъ... Вотъ бы радъ былъ, еслибъ былъ живъ.

Никол. Бутовскій.

БОЙ ПОДЪ ШИПКОЮ 27 и 28 ДЕКАБРЯ 1877 ГОДА.

(Со стороны колонны князя Мирскаго).



Въ корреспонденціяхъ изъ дѣйствующей арміи въ разныхъ нашихъ газетахъ и журналахъ, во время минувшей кампаніи, невольно обращаетъ на себя вниманіе, что гг. корреспонденты по большей части посвящали свои сообщенія дѣйствіямъ извѣстныхъ лицъ и отрядовъ, при которыхъ или сами находились, или же имѣли знакомыхъ офицеровъ, подѣлившихся съ ними своими впечатлѣніями; между тѣмъ, какъ о множествѣ подвиговъ и славныхъ дѣйствіяхъ другихъ отрядовъ ничего не сообщалось, и потому многіе интересные эпизоды войны прошли не замѣченными для интересовавшейся военными дѣйствіями публики, или же были извѣстны ей лишь изъ офиціальныхъ донесеній или такъ называемыхъ „реляцій". Таковая участь постигла напримѣръ отрядъ князя Святополка Мирскаго во время блестящаго нашего зимняго перехода черезъ Балканы, въ обходъ Шипкинскаго перевала, а также во время знаменитаго боя 27-го и 28-го декабря, имѣвшаго результатомъ плѣненіе всей турецкой шипкинской арміи и освобожденіе отряда генерала Радецкаго послѣ пяти мѣсячной осады.

Изъ газетныхъ сообщеній видно только одно, что отрядъ князя Мирскаго, до прихода съ другой стороны колонны Скобелева, вынесъ на себя „всю тяжесть боя" и потерялъ болѣе 2-хъ тысячъ человѣкъ, но что сдѣлали въ это время войска, какія военныя драмы происходили на Шипко-Шейновской равнинѣ въ продолженіи этого двухдневнаго ожесточеннаго боя, въ подробности мало кому извѣстно. Опубликованное донесеніе о дѣлѣ достаточно ознакомило публику съ главными распоря-

женіями и съ общимъ ходомъ боя; но подробности самаго сраженія, всѣ мелкія распоряженія и измѣненія, происходившія въ первой линіи, или какъ въ войскахъ говорятъ „Какъ было дѣло"—не могутъ быть достаточно подробно выяснены одними официальными донесеніями.

Подробное и точное описаніе сраженія 27-го и 28-го декабря представляетъ тѣмъ большій интересъ, что однимъ изъ главныхъ участниковъ боя является 4-я стрѣлковая бригада, стяжавшая столь громкую извѣстность въ арміи и о которой такъ много говорилось, а между тѣмъ такъ мало въ подробностяхъ извѣстно на родинѣ.

Операціонный планъ, общій ходъ всей операціи, а также, сопряженный съ неимовѣрными трудностями, переходъ черезъ высокій перевалъ, по глубокимъ снѣгамъ, отъ г. Травны, чрезъ Сельцы, на Гузово, достаточно извѣстны изъ официальныхъ донесеній, а потому ограничимся описаніемъ дѣйствій отряда князя Мирскаго съ того времени, когда мы начали спускаться съ Балканъ въ долину Тунджи, и вступили въ дѣло съ непріятелемъ.

Для большей наглядности нижеслѣдующаго, считаю однако долгомъ, напомнить о порядкѣ движенія во время перехода Балканъ, Впереди всѣхъ въ авангардѣ шла 4-я стрѣлковая бригада съ дивизіономъ 1-й горной батареи, подъ начальствомъ командира бригады полковника Крока; далѣе три полка 9-й пѣхотной дивизіи; Елецкій, Орловскій и Сѣвскій, и наконецъ четыре полка 30-й пѣхотной дивизіи. Изъ нихъ: одна бригада подъ начальствомъ генерала Шнитникова была направлена изъ Сельцовъ на Манглышъ, а послѣ занятія съ боя этого мѣста—на Казанлыкъ, между тѣмъ какъ 4-я стрѣлковая бригада и полки 9-й дивизіи двинулись на Гузово, направляясь прямо къ Шипкѣ черезъ с. Янину.

Вслѣдствіе очевидной невозможности двигать полевыя орудія черезъ крутые, покрытые снѣгомъ, горные перевалы, князь Святополкъ-Мирскій, предвидя, что артиллерія могла связывать и задерживать его отрядъ, и не дать возможность войскамъ подойти своевременно къ мѣсту, рѣшился отказаться сначала отъ своей 9-ти фунтовой, а потомъ и 4-хъ фунтовой батареи, справедливо полагаясь на доблесть уже испытанной имъ и прежде сражавшейся подъ его доблестнымъ начальствомъ пѣхоты. Такимъ образомъ отряду князя Святополка-Мирскаго предстояло вступать въ сраженіе съ непріятелемъ безъ полевой артиллеріи съ одними горными орудіями.

Беремъ на себя смѣлость утверждать, что эта столь дорогая на войнѣ боевая рѣшимость начальника отряда, была одной изъ главныхъ причинъ нашего успѣха, такъ какъ благодаря этой мѣрѣ, отряду удалось первому прибыть на выручку осажденныхъ съ августа мѣсяца Шипкинскихъ храбрецовъ. Для невоенныхъ читателей, считаемъ долгомъ

замѣтить, что рѣшиться отказаться отъ своихъ орудій—не легко, особенно наканунѣ генеральнаго сраженія, противъ непріятеля, обладавшаго многочисленною артиллеріею.

Съ 25-го на 26-го декабря, авангардъ полковника Крока, въ составъ котораго былъ включенъ и Елецкій полкъ, ночевалъ на послѣднемъ перевалѣ Балканъ, въ 3-хъ верстахъ отъ с. Гузово, расположеннаго въ долинѣ у подножія этихъ горъ; остальные же два полка 9-й дивизіи ночевали въ окрестностяхъ с. Сельцы, въ горахъ.

На 26-е декабря была получена слѣдующая диспозиція отъ начальника отряда:

1) Авангарду, въ составѣ стрѣлковой бригады, двухъ сотень казаковъ, саперной роты и горной батареи, подъ общимъ начальствомъ командира бригады полковника Крока въ $7^1/_2$ часовъ утра выступить съ бивуака и слѣдовать на д. Дольнее Гузово, гдѣ и занять позицію.

2) 33-му пѣхотному Елецкому полку выступить съ бивуака въ 8-мъ часовъ утра, вслѣдъ за стрѣлковой бригадой.

3) Казачьимъ сотнямъ, подъ начальствомъ полковника Бакланова, выступить изъ д. Сельцы въ 4 часа утра и слѣдовать въ томъ же направленіи.

4) 34-му пѣхотному Сѣвскому полку и 36 му Орловскому, выступить съ бивуака—первому въ $4^1/_2$ утра, а второму въ $5^1/_2$ и слѣдовать по той же дорогѣ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Домбровскаго.

Бригадѣ 30-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Полторацкаго, выступить въ 6 часовъ утра и слѣдовать черезъ д. Сельцы

6) Болгарской дружинѣ оставаться въ д. Сельцы.

7) Вьючному обозу выступить въ 10 часовъ утра. Никакихъ вьюковъ, кромѣ вьюковъ съ патронами и перевязочными средствами, при частяхъ не имѣть.

8) Я буду находиться при 33-мъ пѣхотномъ Елецкомъ полку, куда и присылать донесенія.

Вслѣдствіе этой диспозиціи, авангардъ, согласно приказанію князя Мирскаго, въ составѣ 4-й стрѣлковой бригады, 33-го Елецкаго полка, 3-хъ сотень казаковъ № 23-го донскаго полка, 1-й горной батареи и роты 5-го сапернаго батальона (всего 7 батальоновъ, 3 сотни и 8 орудій), спустился съ Балканъ въ долину Тунджу, направляясь къ сел. Горный Гузовъ, при чемъ части полковникомъ Крокомъ были направлены въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шелъ головной отрядъ изъ 16-го стрѣлковаго батальона, 2-хъ горныхъ орудій и 3-хъ сотень казаковъ, подъ общимъ начальствомъ полковника барона Аминова, затѣмъ слѣдовалъ 15-й стрѣлковый батальонъ полковника Беклемишева, далѣе, 6-ть горныхъ орудій полковника Гладкова и 14-й стрѣлковый батальонъ полко-

вника Кабата, 13-й подполковника Кутневича и Елецкій полкъ полковника Грацмана.

При выходѣ изъ ущелія, головной отрядъ барона Аминова немедленно занялъ позицію на возвышенности впереди с. Гузово, для обезпеченія изъ горъ дебушированія остальныхъ частей авангарда.

Селеніе было занято небольшимъ числомъ баши-бузуковъ и турецкой кавалеріи, которые, видя приближеніе отряда, поспѣшно удалились, преслѣдуемые казаками Ралгина.

Такъ какъ отступившіе турки тотчасъ же получили подкрѣпленія изъ частей, расположенныхъ въ сосѣднихъ селеніяхъ, вслѣдствіе чего казакамъ угрожала явная опасность, то изъ главнаго отряда немедленно же была направлена къ нимъ въ подкрѣпленіе рота 16-го стрѣлковаго батальона капитана Сулковскаго, которая мѣткими выстрѣлами разогнала налегавшую на казаковъ турецкую кавалерію. По прибытіи къ мѣсту 15-го стрѣлковаго батальона, рота эта была отозвана назадъ. При спускѣ къ ущелью 15-го батальона, по узкой, горной тропинкѣ, часть удалившихся изъ деревни Гузово турокъ, открыла изъ горъ пальбу по батальону, при чемъ были ранены: унтеръ-офицеръ и 2 стрѣлка; при этомъ 15-й батальонъ встрѣтилъ не мало затрудненій, такъ какъ вслѣдствіе отказа рабочихъ болгаръ слѣдовать далѣе, батальону приказано было очистить трудную горную дорогу отъ снѣга для себя, и для всего слѣдовавшаго сзади отряда.

У передовой позиціи у сел. Горнаго-Гузова поручено было полковнику Беклемишеву, съ ввѣреннымъ ему батальономъ выбить изъ села Дольній-Гузово оставшихся тамъ турокъ, послѣ предварительнаго обстрѣливанія деревни артиллеріею, а 14-й стрѣлковый батальонъ, полковникъ Крокъ отправилъ впередъ для занятія горнаго гребня, командовавшаго с. Яниной. Командиру Елецкаго полка поручено было охраненіе лѣваго фланга, позиціи авангарда.

Такъ какъ при личномъ проѣздѣ начальника авангарда черезъ сел. Горное-Гузово были сдѣланы изъ домовъ выстрѣлы, изъ чего полковникъ Крокъ заключилъ, что въ деревнѣ еще скрывались баши-бузуки, то онъ приказалъ командиру саперной роты окончательно очистить и занять это селеніе, въ виду назначенія тамъ мѣста для перевязочнаго пункта. По исполненіи всѣхъ вышеизложенныхъ порученій, авангардъ былъ расположенъ бивуакомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Елецкій полкъ и 14-й стрѣлковый батальонъ бивуакировали на занятыхъ ими позиціяхъ, 15-й батальонъ въ селеніи Дольный-Гузово, а 16-й батальонъ съ горною батареей на возвышенности, между 14-мъ и 15-мъ батальонами, 13-й батальонъ въ резервѣ за 14-мъ батальономъ. Казакамъ поручено было охраненіе бивуачнаго расположенія усиленными разъѣздами. Въ продолженіи дня спустились съ горъ и остальныя части отряда князя Мир-

*

скаго, которые заняли обширную позицію впереди с. Горнаго-Гузово. Самъ начальникъ отряда прибылъ на позицію вмѣстѣ съ Елецкимъ полкомъ и поставилъ свою ставку въ авангардѣ у 15-го батальона. Елецкій полкъ, состоявшій до спуска съ горы главныхъ силъ на лѣвомъ флангѣ позиціи, составилъ послѣ прохода послѣднихъ центръ боеваго расположенія, а лѣвѣе этого полка былъ расположенъ Сѣвскій полкъ. Орловскій полкъ и бригада 30-й дивизіи стали въ резервѣ *).

Дѣло 27-го. Получивъ приказаніе князя Мирскаго произвести съ авангардомъ наступленіе на занятое турками с. Янину и далѣе, слѣдуя черезъ Хаскіой атаковать Шипку, полковникъ Крокъ 27-го декабря, въ 9 часовъ утра двинулся впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 4-я стрѣлковая бригада,—на правомъ флангѣ 15-й, а на лѣвомъ 14-й батальонъ, поддержанные непосредственно 15-мъ и 16-мъ батальонами, а въ резервѣ горная батарея съ Елецкимъ полкомъ. Остальная часть отряда, за исключеніемъ Серпуховскаго полка оставленнаго у Гузова, для прикрытія спуска обозовъ, составляя общій резервъ, слѣдовала сзади. Головные батальоны до самаго мѣста выступленія шли въ боевомъ порядкѣ, поротно въ двѣ линіи и имѣя впереди цѣпь; казакамъ же было приказано охранить лѣвый флангъ передоваго боеваго порядка отъ нечаяннаго появленія непріятельской кавалеріи. При прохожденіи черезъ с. Янина и Хаскіой, отрядъ встрѣтилъ лишь слабое сопротивленіе, при чемъ однако передовая цѣпь все время поддерживала перестрѣлку, съ отступающею непріятельскою кавалеріею. Въ такомъ порядкѣ отрядъ слѣдовалъ по вышесказанному пути, придерживаясь шипко-казанлыкскаго шоссе.

При выходѣ авангарда на прилегающую къ селу Шипка равнину, обнаружилась позиція турокъ, при чемъ стало яснымъ, что намъ предстоитъ бой съ многочисленнымъ противникомъ, занимающимъ не только укрѣпленное село Шипко, но и сильно укрѣпленную позицію впереди этого селенія.

Обращенный къ намъ фронтъ позиціи турокъ, состоящій изъ двойной линіи насыпныхъ кургановъ и сомкнутыхъ земляныхъ укрѣпленій

---

*) Еще утромъ того же дня начальникъ авангарда полковникъ Крокъ, осмотрѣвъ позицію, нашелъ необходимымъ выслать налѣво въ довольно значительномъ удаленіи отъ авангарда усиленный ростъ для обезпеченія лѣваго фланга отряда и для наблюденія за доступами къ отряду изъ г. Казанлыка, Манглыша и Хайкіоя, гдѣ по свѣдѣніямъ находились значительныя турецкія силы. Въ виду важности и опаснаго порученія этого поста были вызваны для этой цѣли 40 человѣкъ охотниковъ 14-го стрѣлковаго батальона, подъ начальствомъ подпоручика Чаплина, которые въ продолженіи дня были усилены казаками.

Около 9 час. вечера значительныя партіи турокъ открыли усиленную пальбу и атаковали этотъ постъ, но были отбиты храбрыми охотниками; вскорѣ пальба на этомъ мѣстѣ прекратилась и на бивуакѣ водворилась общая тишина; лишь передовая цѣпь 14-го стрѣлковаго батальона вела по временамъ одиночную, рѣдкую перестрѣлку съ отдѣльными турецкими кавалеристами, пробирающимися къ нашей цѣпи.

сильнаго временнаго профиля, тянулся по протяженію 2½ верстъ съ С. на Ю., упираясь лѣвымъ флангомъ на Балканы, а правымъ на Шейновскую рощу.

Первую линію составлялъ рядъ искусственныхъ возвышеній (№№ 1, 2, 3, 4 и 5-го), на скатахъ которыхъ были устроены прочные ложементы, поднимающіеся спиралью къ вершинамъ кургановъ. Изъ нихъ главный курганъ № 1-й и лѣво-фланговый № 4-й, кромѣ того были заняты артиллеріей. 2-я линія укрѣпленій состояла изъ 5-ти редутовъ, обстрѣливающихъ впереди лежащую мѣстность перекрестнымъ огнемъ и доставляющихъ другъ другу, а также и первой линіи, превосходную фланговую оборону. Кромѣ того всѣ промежутки между курганами были усѣяны непріятельскими ложементами, сильно занятыми турецкими стрѣлками, также какъ и между 1-й и 2-й линіями турецкихъ верковъ. Въ видѣ главнаго редута позади 2-й линіи у самаго с. Шипка былъ высокій холмъ, сильно укрѣпленный и занятый артиллеріею. Впереди лежащая мѣстность, гдѣ приходилось наступать отряду представляло ровное совершенно открытое поле. Когда авангардъ вышелъ на эту равнину и видна была непріятельская позиція, то 15-й и 16-й батальоны немедленно перестроились изъ батальонныхъ колоннъ по ротно, а при первомъ же открытіи непріятелемъ артиллерійскаго огня батальоны эти, догнавъ впереди шедшія части вступили въ 1-ю линію атакующихъ.

На разстояніи 2½ верстъ, по совершенно открытому мѣсту стрѣлковая бригада буквально осыпаемая непріятельскими пулями и артиллерійскими снарядами двигалась впередъ въ блистательно стройномъ порядкѣ. Главный ударъ былъ полковникомъ Крокомъ направленъ на курганъ № 1-й, занятый непріятельскою артиллеріею, а также на курганы № 2-й и 3-й, занятые непріятельскими стрѣлками и на вблизи лежащіе ложементы. Подойдя безъ выстрѣла къ первой линіи непріятельскихъ укрѣпленій, шаговъ на 150, бригада съ крикомъ „ура“ бросилась въ штыки.

Совокупными усиліями всѣхъ батальоновъ 4-й стрѣлковой бригады, главный курганъ послѣ краткой рукопашной схватки былъ нами занятъ и непріятельскія орудія въ нашихъ рукахъ.

Правофланговыя роты 13-го стрѣлковаго батальона заняли курганы № 2-й и 3-й, выбивъ изъ нихъ непріятеля штыками, а лѣвофланговыя роты 16-го стрѣлковаго батальона Сульковскаго и Шевырева заняли ложементы къ югу отъ главнаго кургана; ложементы въ промежуткахъ между курганами были заняты преимущественно ротами 14-го и 15-го стрѣлковыхъ батальоновъ.

Турки защищались отчаянно, такъ напримѣръ, главный курганъ уже окруженный нами со всѣхъ сторонъ не былъ оставленъ непріяте-

лемъ, и окончательно занятъ нами только тогда, когда почти всѣ его защитники были переколоты, лишь 65 человѣкъ и то почти всѣ раненые сдались въ плѣнъ *).

Послѣ занятій передовыхъ непріятельскихъ укрѣпленій, батальоны 4-й стрѣлковой бригады, уже сильно разстроенные непріятельскимъ огнемъ, во время только что произведенной атаки бросились впередъ на 2-ю линію укрѣпленій непріятельской позиціи, но встрѣченные убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленій должны были остановиться, ограничиваясь занятіями съ боя ложементовъ между линіями турецкихъ укрѣпленій. Находящійся на крайнемъ правомъ флангѣ 13-й стрѣлковый батальонъ подполковника Кутневича, занялъ при этомъ курганъ № 4-й и достигъ ложементовъ уже не въ далекомъ разстояніи отъ опушки садовъ сел. Шипки. 15-му стрѣлковому батальону удалось занять расположенные впереди центра непріятельскія бараки, а 14-й и 16-й батальоны (рота храбраго капитана Грекова) заняли ложементы, изъ которыхъ нѣкоторые находились непосредственно впереди 2-й линіи непріятельскихъ укрѣпленій.

Въ это время въ стройномъ порядкѣ, осыпанный пулями и гранатами, подошелъ къ мѣсту Елецкій полкъ, при чемъ тотчасъ же были ранены начальникъ 1-й бригады 9-й дивизіи генералъ Домбровскій и командиръ полка полковникъ Грацманъ. Замѣтивъ сильный напоръ непріятеля на нашъ правый флангъ, начальникъ авангарда тотчасъ же отправилъ на подкрѣпленіе 13-му батальону—2 батальона этого полка, третій же батальонъ направленъ былъ къ центру и лѣвому флангу.

Такъ какъ для дальнѣйшаго наступленія потребовалось усиленіе боевой линіи, то князь Мирскій выдвинулъ изъ общаго резерва Сѣвскій и Орловскій полки, которые стали непосредственно за боевой линіей.

Встрѣтивъ сильный напоръ непріятеля, который перешелъ въ наступленіе, батальоны Елецкаго полка начали подаваться назадъ; вслѣдствіе чего полковникъ Крокъ, лично подъѣхалъ къ Сѣвскому полку, приказалъ командиру полка ввести полкъ въ боевую линію, направляя его на деревню Шипку и снова занять всѣ позиціи, оставленныя Ельцами. Между тѣмъ, увлекаемые колебаніемъ на правомъ флангѣ, а также вслѣдствіе сильнаго напора непріятеля, батальонъ, посланный къ центру, также началъ подаваться назадъ; замѣтивъ это полковникъ Крокъ тотчасъ отправилъ туда Орловскій полкъ и подалъ общій сигналъ „къ атакѣ". Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, турки вскорѣ были отброшены назадъ въ свои укрѣпленія и порядокъ снова возстановился,

*) У подошвы главнаго кургана былъ раненъ командиръ 14-го батальона полковникъ Кабатъ; послѣ него принялъ начальство надъ батальономъ капитанъ Тукаловъ, одинъ изъ офицеровъ 4-й бригады заслужившихъ громкую боевую репутацію во время всей кампаніи.

чему не мало способствовали личная энергія стрѣлковыхъ офицеровъ и невозмутимая храбрость стрѣлковъ, которые все время оставались на занятыхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, на правомъ флангѣ командиръ 13-го батальона подполковникъ Кутневичъ и командиръ роты того-же батальона Заводовскій, собравъ около себя часть своихъ храбрыхъ стрѣлковъ, все время, не подаваясь ни шагу назадъ дали непріятелю сильный отпоръ, не смотря на то, что наши массами отступали мимо его рядовъ и этимъ не мало способствовалъ къ возстановленію спокойствія; 16-го стрѣлковаго батальона подполковникъ Лазаревъ лично съ замѣчательною находчивостью и энергіею остановилъ часть отступающихъ нижнихъ чиновъ. При этомъ-же былъ изрубленъ черкесами 15-го батальона штабсъ-капитанъ Володкевичъ. Въ центрѣ со своимъ храбрымъ батальономъ удерживалъ отступающихъ полковникъ Беклемешевъ. Между тѣмъ, смѣло подвинувшіяся впередъ солдаты храбраго Орловскаго полка, подъ начальствомъ полковника Хоменко, попавши подъ убійственный перекрестный огонь непріятеля, также не могли достигнуть 2-й линіи укрѣпленій и смѣшавшись съ стрѣлками заняли его ложементы. Тутъ-же былъ раненъ полковникъ Хоменко. Тогда командиръ 16-го стрѣлковаго батальона полковникъ баронъ Аминовъ, собравъ подъ страшнымъ огнемъ колонну изъ 2-й роты ввѣреннаго ему батальона (Тыминскаго) и нижнихъ чиновъ разныхъ полковъ повелъ ее впередъ, причемъ тотчасъ же были выбиты изъ строя всѣ помогавшіе ему офицеры; потерявъ на разстояніи 100 шаговъ почти половину людей и эта колонна должна была остановиться, причемъ заняла новый ложементъ, непосредственно у второй линіи турецкихъ фортовъ.

Около 5-ти часовъ пополудни, начальникъ боевой линіи полковникъ Крокъ получилъ отъ начальника отряда слѣдующее письменное приказаніе:

„Полковнику Кроку"

Предлагаю вамъ принять общее командованіе боевой линіей. Продолжать держаться до вечера, и, если обстоятельства сегодня не измѣнятся, я рѣшаю оставить войска на тѣхъ же позиціяхъ, которыя теперь занимаютъ. Съ наступленіемъ вечера окопаться на позиціяхъ. Въ ночь сильно пострадавшія части постараюсь замѣнить свѣжими. Резервы будутъ расположены впереди д. Хаскіой и Янины, прикрывая себя съ лѣва къ сторонѣ Казанлыка. Прошу принять самыя бдительныя мѣры охраненія въ теченіи ночи. Усилю себя всѣмъ, что можно будетъ притянуть сзади.

Подписалъ князь Святополкъ-Мирскій.

27-го декабря.

Одновременно съ этимъ прискакалъ въ боевую линію, по порученію князя Мирскаго, генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ для словес-

наго подтвержденія вышеизложеннаго. Ему же полковникъ Крокъ подробно указалъ и объяснилъ, для доклада князю положеніе дѣлъ въ передовой линіи. Полковникъ Соболевъ состоялъ тогда въ должности правителя канцеляріи у князя Черкасскаго, но на время шипкинской операціи былъ назначенъ въ распоряженіе князя Мирскаго, такъ какъ путь движенія этой колонны былъ предложенъ имъ и ему было поручено по званію офицера генеральнаго штаба проведенія отряда черезъ Балканы, что, какъ мы видимъ, имъ блестящимъ образомъ было исполнено. Всѣ тѣ распоряженія, которыя во время жаркаго боя 27-го и 28-го декабря не было лично отдаваемыя начальникомъ отряда княземъ Мирскимъ, передавались въ боевую линію полковникомъ Соболевымъ, который такимъ образомъ исполнялъ не только должность колонновожатаго, но и опасную должность боеваго начальника штаба.

Въ сумерки, когда непріятельскій огонь нѣсколько ослабѣлъ, полковникъ Крокъ приказалъ собрать части и поручивъ начальство надъ правымъ флангомъ полковнику Жиржинскому, лѣвымъ полковнику барону Аминову и центромъ полковнику Беклемешеву приказалъ частямъ окопаться на занятыхъ ими мѣстахъ, согласно приказанію князя Мирскаго. Работа эта всѣми частями была окончена въ продолженіи ночи, подъ руководствомъ командира 5-го сапернаго батальона полковника Свищевскаго, при чемъ непріятель неоднократно открывалъ огонь по рабочимъ, направляя выстрѣлы на стукъ, производимый рабочими инструментами; имъ же были возведены прикрытія для горной батареи у подошвы главнаго кургана.

Такимъ образомъ, войска въ ночь съ 27 — 28 заняли слѣдующую позицію: на правомъ флангѣ: 13-й стрѣлковый батальонъ, батальонъ Сѣвскаго и одинъ батальонъ Елецкаго занимали ложементы и часть непріятельскихъ шалашей непосредственно впереди восточной оконечности с. Шипки у подошвы Балканъ. Въ центрѣ: 14-й и 15-й стрѣлковые батальоны и два батальона Орловскаго полка занимали ложементы впереди и между курганами; на лѣвомъ флангѣ отъ главнаго кургана до опушки лѣса были расположены: 16-й стрѣлковый батальонъ, батальонъ Орловскаго полка, батальонъ Елецкаго полка и казаки; кромѣ того, получивъ въ продолженіи ночи извѣстіе, что непріятельскія колонны двигаются по направленію къ нашему лѣвому флангу, и находя эту часть нашей боевой линіи слабо занятой, полковникъ Крокъ, получивъ изъ общаго резерва въ подкрѣпленіе батальонъ Ярославскаго полка, назначилъ его на усиленіе этого фланга. Изъ этого батальона полковникомъ барономъ Аминовымъ 2 роты тотчасъ же были выдвинуты въ подкрѣпленіе къ крайней лѣвой части у лѣса, 2 же роты были оставлены въ частномъ резервѣ позади главнаго кургана.

Въ общемъ резервѣ, подъ рукою у князя Мирскаго оставалось всего

два батальона. Въ продолженіи 27-го числа генералъ-маіоръ Шнитниковъ, направленный какъ выше изъ с. Сельцы на Манглышъ, одержалъ надъ непріятелемъ побѣду у этого селенія и затѣмъ занялъ г. Казанлыкъ, изъ его отряда одинъ полкъ въ ночь на 28-е, направленъ былъ къ полю сраженія подъ Шипкою, гдѣ стали въ общемъ резервѣ.

Бой 28-го. Въ $6^1/_2$ часовъ утра, 28 числа, непріятель открылъ усиленный ружейный бѣглый огонь, а затѣмъ и артиллерійскій трапнелью изъ всѣхъ укрѣпленій и ложементовъ, осыпая все впереди лежащее поле градомъ пуль и снарядовъ. Наши до разсвѣта не отвѣчали на огонь непріятеля. На разсвѣтѣ непріятель сдѣлалъ отчаянную попытку отбросить наши право-фланговыя части нѣсколькими послѣдовательными атаками, но встрѣтивъ каждый разъ сильный отпоръ со стороны нашихъ войскъ, и былъ наконецъ самъ оттѣсненъ за линіи своихъ укрѣпленій.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало нѣкоторое время общаго затишья, послѣ чего непріятель сдѣлалъ попытку прорваться черезъ нашъ центръ, но встрѣченный сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ окоповъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. При этомъ особенно удачно, по непріятельскимъ колоннамъ дѣйствовала наша горная батарея, а также поставленная на вершинѣ кургана, отбитое наканунѣ у непріятеля орудіе, дѣйствіемъ котораго руководилъ капитанъ Константиновъ.

На лѣвомъ флангѣ, куда, при открытіи огня непріятелемъ, утромъ были передвинуты оставшіяся въ резервѣ за курганомъ двѣ роты Ярославскаго полка, дѣйствія покуда ограничивались перестрѣлкою, но когда послѣ неудавшихся атакъ на нашъ правый флангъ и центръ, непріятель сталъ стягиваться къ лѣвому нашему флангу, то полковникъ Крокъ тотчасъ же направилъ изъ общаго резерва батальонъ Ярославскаго полка въ лѣсъ, прилегающій къ лѣвому флангу. Одновременно съ этимъ начальникомъ лѣваго фланга были пододвинуты впередъ, расположенные на флангѣ батальоны Орловскаго и Елецкаго полковъ; 16-й стрѣлковый батальонъ, въ совокупности былъ расположенъ въ окопахъ за лѣвымъ флангомъ съ приказаніемъ быть готовымъ отпарировать ударъ непріятеля въ случаѣ перехода его въ наступленіе.

Вскорѣ въ лѣсу, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ завязался усиленный бой, окончившійся занятіемъ лѣса ротами Ярославскаго и Орловскаго полковъ, вслѣдствіе чего непріятель принужденъ былъ очистить фланговый редутъ, который въ продолженіи всего боя своимъ огнемъ, направленнымъ въ флангъ занятыхъ нами ложементовъ, наносилъ намъ особенный вредъ.

Замѣтивъ, что турки передвиженіемъ частей къ нашему лѣвому флангу, ослабили свой лѣвый флангъ, полковникъ Крокъ приказалъ начальнику праваго фланга Жиржинскому, занять и очистить отъ непрія-

теля д. Шипку, но получивъ отвѣтъ, что силы праваго фланга слишкомъ разстроены для вполнѣ успѣшнаго исполненія этого порученія, полковникъ Крокъ сейчасъ послалъ полковнику Жиржинскому въ подкрѣпленіе двѣ роты Ярославскаго полка. По прибытии къ мѣсту этихъ двухъ ротъ, д. Шипка была занята, непріятель отброшенъ назадъ и войска нашего праваго крыла заняли позицію, позволяющую имъ обстрѣливать непріятеля съ фланга. Первая ворвалась въ селеніе рота 13-го стрѣлковаго батальона капитана Завадовскаго, отъ котораго полковникъ Крокъ получилъ слѣдующее лаконическое донесеніе: „Деревня Шипка взята". Завадовскій.

Около 11-ти часовъ непріятель снова открылъ усиленный огонь изъ всѣхъ не занятыхъ нами укрѣпленій и ложементовъ, но вскорѣ при этомъ ослабѣлъ, а взамѣнъ того была слышна сильная перестрѣлка въ сторонѣ, откуда ожидалось прибытіе отряда генерала Скобелева. Получивъ извѣстіе о дѣйствительномъ приближеніи генерала Скобелева, полковникъ Крокъ подалъ общій сигналъ къ атакѣ и войска всей линіи двинулись впередъ, но въ эту же минуту, противъ праваго фланга показалась масса турецкой кавалеріи, стремящейся прорваться. Кавалерія, потерпѣвъ неудачу на правомъ флангѣ, стала выстраиваться противъ центра и праваго фланга лѣваго нашего крыла, для отраженія непріятельской кавалеріи, двигающіяся впередъ части были остановлены и поставлены на курганахъ за окопами и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было общему резерву 6-ю ротамъ Ярославскаго полка и Серпуховскому полку, приблизиться къ боевой линіи.

Убѣдившись въ невозможности прорваться черезъ нашъ центръ и лѣвый флангъ, турецкая кавалерія бросилась къ промежутку, отдѣляющему крайній нашъ лѣвый фланъ отъ наступающихъ войскъ генерала Скобелева, но наткнувшись въ лѣсу на находящіеся тамъ войска лѣваго фланга, потерпѣла сильный уронъ. Лишь незначительной части этой кавалеріи удалось въ этомъ мѣстѣ прорваться. Войска, между тѣмъ, освободившіяся отъ непріятельской кавалеріи, продолжали начатую атаку; но въ ту минуту, когда храбрыя войска князя Мирскаго, дошедши съ большимъ урономъ до линіи редутовъ, готовились броситься на укрѣпленія, для нанесенія послѣдняго рѣшительнаго удара, внезапно, на главномъ редутѣ у Шипки, показался бѣлый флагъ, и, послѣдовавшая за симъ капитуляція турецкаго отряда, положила конецъ славному бою.

Во время двухдневнаго боя подъ Шипкою—отрядъ князя Мирскаго понесъ громадныя потери. Общая потеря отряда 70 офицеровъ и 2,030 нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа стрѣлковая бригада потеряла убитыми и ранеными 26 офицеровъ и 676 нижнихъ чиновъ, что составляетъ въ отношеніи офицеровъ $^1/_3$ общей офицерской потери и болѣе $^1/_4$ части общей потери въ нижнихъ чинахъ.

Трудно перечислить всѣ случаи дѣйствительнаго героизма во время этихъ двухъ кровавыхъ дней—назвать одного и забывать другого, было бы несправедливо. Генералы и прапорщики одинаково дѣлили опасность и выказывали чудеса мужества—Генералъ Домбровскій раненый около 12-ти часовъ дня, оставался до вечера въ боевой линіи, хотя начальство надъ его войсками уже было имъ передано полковнику Кроку. Подполковникъ Кутневичъ раненый утромъ 27-го, продолжалъ командовать своими батальономъ до вечера, т. е. до окончательнаго изнеможенія силъ. Сѣвскаго полка подпоручикъ Душевскій, раненый въ обѣ ноги, продолжалъ на рукахъ тащиться въ атаку. 15-го батальона, Олишковскій, потерявъ глаза, продолжалъ держаться въ строю. 16-го батальона, капитаны Грековъ, Петровъ и Бауфалъ, дрались съ не вполнѣ изцѣлившимися ранами, полученными въ августѣ на Шипкѣ; изъ нихъ, Петровъ, 27-го числа вторично былъ раненъ одною, а Бауфалъ, четырьмя пулями. Орловскій полкъ, потерявъ храбраго своего командира Хоменко и большую часть своихъ немногочисленныхъ офицеровъ, не смутясь продолжали двигаться впередъ, что доказываетъ высокую боевую выдержку этой части.

Что же касается 4-й стрѣлковой бригады, то цифра потерь краснорѣчивѣе всего доказываютъ степень ея участія въ славномъ бою. Великая честь выпала на долю 4-й бригады: Главнокомандующій, вызвавъ оставшихся офицеровъ бригады, изволилъ снять передъ ними фуражку въ знакъ своего уваженія. Генералъ Радецкій, подъѣзжая къ бригадѣ, сказалъ: „Спасибо братцы—проклятую Шипку освободили“. Скобелевъ послѣ шипкинскаго боя не называлъ бригаду иначе, какъ „желѣзною бригадою“.

Начальникъ отряда, князь Мирскій, вызвавъ офицеровъ бригады, пожелалъ лично познакомиться съ каждымъ изъ нихъ, при чемъ обратился къ офицерамъ съ слѣдующими лестными словами: „Я, господа, старый вояка—видѣлъ и знаменитыхъ Кабардинцевъ и Куринцевъ, но ничего подобнаго вашей бригадѣ, не видалъ. Слова эти глубоко тронули стрѣлковъ и навсегда привязали ихъ къ доблестному ихъ начальнику въ Шипкинскомъ бою.

Кн.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАНЯТІЕ ТУРКАМИ ЛОВЧИ и ВТОРАЯ ПЛЕВНА.

I.

Кавказская бригада въ составѣ 11-го корпуса. — Докладъ на военномъ совѣщаніи 14 іюля.

13-го Іюля.

Утромъ 13-го числа явился я къ командиру 11-го корпуса въ Чаушъ-Махалѣ и получилъ отъ него приказаніе привести въ исполненіе распоряженія штаба 9-го корпуса, которыя касались Костромскаго полка *). Кавказской же бригадѣ приказано было поступить въ вѣдѣніе 11-го корпуса и выступить въ Карагачъ по прибытіи въ Булгарени пѣхоты изъ Чаушъ-Махалы; войска же 11-го корпуса, въ свою очередь, поступали подъ главное начальство старшаго изъ корпусныхъ командировъ, генералъ-лейтенанта барона Криденера. По приказанію командира 11-го корпуса, 13-го Іюля была произведена новая рекогносцировка юго-восточной стороны Плевны причисленнымъ къ генеральному штабу штабсъ-капитаномъ Сокольскимъ. Начавъ ее раннимъ утромъ съ $^1/_2$ сотнею Владикавказскаго полка, онъ только къ позднему вечеру 13-го числа возвратился съ набросками этой части окрестностей Плевны. До прибытія Сокольскаго, никто изъ офицеровъ посторонниxъ отрядовъ,

---

*) Можетъ быть, не лишнимъ будетъ напомнить, что тутъ дѣло касалось согласованія случайно совпавшихъ двухъ розныхъ приказаній. Костромской полкъ, на основаніи распоряженія 9-го корпуса, долженъ былъ слѣдовать въ Вубе; изъ подходившаго же къ намъ 11-го корпуса — было приказаніе оставить его въ Булгарени. Произошло это на томъ основаніи, что 11-й корпусъ, имѣя приказаніе свыше принять подъ свое начальство Кавказскую бригаду и узнавъ, какія войска стоятъ въ Булгарени, приказалъ двинуться намъ въ Карагачъ, а Костромской полкъ оставить въ Булгарени. Приказаніе это имѣло тотъ смыслъ, что такъ какъ Костромской полкъ не былъ подчиненъ 11-му корпусу, то и не получаетъ отъ него приказаній. Но въ присланной по сему поводу запискѣ это не было оговорено и требовало разъясненія.

а равно и разъѣздовъ, кромѣ полусотни 30-го донскаго полка, не посѣщалъ ближайшихъ окрестностей Плевны. Кавказская же бригада 13-го числа перешла въ Карагачъ-Болгарскій и расположилась на бивакѣ съ 1-й бригадой 11-й кавалерійской дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Татищева, выславъ разъѣзды между Плевною и Ловчей. Изъ Карагача я имѣлъ уже возможность явиться къ командиру 9-го корпуса, и потому получилъ разрѣшеніе отправиться въ расположеніе его штаба—у 4-хъ колодцевъ, подъ Бресляницей. Потребовавъ отчетъ о дѣйствіяхъ Гривицкаго отряда съ 6-го іюля *), корпусный командиръ приказалъ мнѣ присутствовать на слѣдующій день, 14-го іюля, на военномъ совѣтѣ, для доклада о всѣхъ собранныхъ нами свѣдѣніяхъ о Плевнѣ. Этотъ совѣтъ происходилъ въ расположеніи 5-й пѣхотной дивизіи, подъ Бресляницей.

14-го Іюля.

На предложенные мнѣ на военномъ совѣтѣ вопросы о количествѣ турецкихъ силъ, я доложилъ, что можно ручаться за достовѣрность числа въ 60 т. турокъ, занимающихъ Плевну, при 65 орудіяхъ, хотя слухами, менѣе вѣроятными, силы непріятеля возводятся и до 80 т. Показанное мною количество турокъ совпадало со свѣдѣніями, собранными о нихъ въ 9-мъ корпусѣ, и на совѣтѣ было выражено сомнѣніе въ успѣхѣ атаки Плевны наличными нашими силами, которыя, за убылью отъ предшествовавшихъ дѣлъ, не превышали 27 т. штыковъ, а съ артиллеріею и конницею доходили до 32 т. Это мнѣніе было высказано единогласно и въ его духѣ была составлена докладная записка въ главную квартиру. Но какъ бы въ дополненіе къ рѣшенію военнаго совѣта въ запискѣ, кажется, было сказано, что на случай неизбѣжной атаки Плевны юговосточная ея сторона считается болѣе доступною, чѣмъ сѣверная. Быть можетъ это-то добавленіе и подало поводъ думать, что Плевну нетрудно взять съ юговосточной стороны даже съ нашими силами. А потому войскамъ, собраннымъ за Осмой, и было объявлено, что приказано взять у непріятеля Плевну **).

*) Который и былъ мною представленъ въ копіяхъ со всѣхъ вышеприведенныхъ приказаній и донесеній.

**) По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ мною въ январѣ 1879 года, отъ лица, состоявшаго въ штабѣ 11-го корпуса и, по роду своей службы, нѣсколько отвѣтственнаго за дѣйствія лѣваго крыла нашихъ главныхъ силъ, я могу сообщить, что начальникъ штаба 11-го корпуса, участвуя на вторичномъ совѣщаніи главныхъ начальниковъ, передъ окончательнымъ рѣшеніемъ атаковать Плевну 18-го іюля, предлагалъ: сосредоточить главныя силы для единовременнаго удара ими по тому направленію, по которому наступали войска князя Шаховскаго. Предложеніе свое онъ основывалъ, какъ мнѣ говорили, на томъ, что изъ главной квартиры была получена телеграмма, по которой одобрялась атака на южную сторону Плевны.

Вотъ тѣ общія соображенія, о которыхъ каждый изъ насъ имѣетъ право упомянуть въ своихъ запискахъ; все же остальное не касалось Кавказской бригады, получившей приказаніе немедленно двинуться на Ловчу, куда, по доставленнымъ свѣдѣніямъ, подступали турки изъ-подъ Плевны. Извѣстіе это было получено отъ разъѣздовъ Кубанскаго полка, сообщившихъ о движеніи длинной колонны, состоявшей изъ пѣхоты и, какъ нужно было полагать, башибузуковъ, а также сообщено было и депешею изъ главной квартиры *).

Изъ Бресляницы я выѣхалъ въ третьемъ часу пополудни и на пути встрѣтилъ казака, посланнаго ко мнѣ изъ Карагача съ запискою отъ полковника Паренсова. Онъ пріѣхалъ изъ Ловчи и, вступивъ въ отправленіе должности начальника штаба вновь образованнаго отряда генерала Скобелева 2-го, извѣщалъ, отъ:

„14-го іюля 2 часа ппд. изъ Болгарскаго Карагача", что „пріѣхалъ для соглашенія дѣйствій Ловчинскаго отряда съ вами. Генерала Скобелева еще нѣтъ. Условившись съ Баклановымъ, жду васъ и дальнѣйшихъ приказаній начальства на бивакѣ".

Паренсовъ.

Отъ Бресляницы до Карагача болѣе 20 верстъ, и потому, какъ я ни торопился, прибылъ къ себѣ на бивакъ только въ 5-ть час. пополудни.

Одновременно со мною пріѣхалъ къ намъ генералъ Скобелевъ 2-й. Узнавъ о полученномъ мною приказаніи двинуться на Ловчу, онъ отправилъ насъ туда черезъ Волчетронъ и Дреновъ, а самъ съ полковникомъ Паренсовымъ поѣхалъ въ Бресляницу, гдѣ оставались оба корпусные командиры **).

Цѣль нашего движенія заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить силы турокъ, такъ какъ не было сомнѣнія въ томъ, что Ловча будетъ ими занята. Въ это время въ ней стояли 4 сотни Бакланова съ 2-мя четырехъ-фунтовыми орудіями; слѣдовательно, ни ему обороняться, ни намъ задержать наступленіе турокъ не предвидѣлось возможности. Было ясно, что, отдѣливъ для занятія Ловчи часть войскъ изъ Плевны, соединясь съ черкесами и башибузуками, надвинутыми изъ-подъ Телиша и

*) Если я не ошибаюсь, то главная квартира была увѣдомлена полковникомъ Паренсовымъ изъ Ловчи 12-го или 13-го числа. Я не смѣю утверждать, что оттуда было послано увѣдомленіе барону Криденеру на основаніи донесеній Паренсова, но имѣю доказательство, что онъ докладывалъ о невозможности оборонять Ловчу слабымъ отрядомъ казаковъ, въ виду сильнаго движенія на нее турокъ.

**) Генералъ Скобелевъ прибылъ къ намъ изъ Ловчи съ небольшимъ конвоемъ Донцевъ своднаго полка Бакланова. Этотъ конвой, подъ начальствомъ поручика Красовскаго, оставался съ нами до присоединенія къ намъ подполковника Бакланова, подошедшаго 19-го числа утромъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ Бакланова присоединилась къ намъ и наша 3-я сотня Владикавказскаго полка, оставленная въ Сельви.

*

Ловчи, они намѣревались прочно занять ее всѣми родами оружія. Обо всѣхъ подробностяхъ этого движенія мы должны были увѣдомить на слѣдующій день штабъ 9-го корпуса, посылая донесенія черезъ ближайшаго теперь нашего начальника, по старшинству въ чинѣ, командира 11-й кавалерійской дивизіи.

Тѣмъ временемъ мы получили еще одно приказаніе изъ штаба дѣйствующей арміи, отъ 13-го іюля, 7 час. вечера, за подписью помощника начальника штаба. Въ приказаніи этомъ было сказано, что Кавказская казачья бригада должна „выдвинуться впередъ и очистить отъ непріятельскихъ партій все пространство впереди р. Осмы, южнѣе шоссе до Плевны, и держаться болѣе впереди", причемъ присовокуплялось, что „это направленіе указывается вообще" и что этимъ „не отмѣняются тѣ приказанія, которыя можетъ быть уже получены отъ прямаго начальства".

Очевидно, что насъ считали бездѣйствующими, если сочли нужнымъ приказать очистить мѣстность отъ непріятельскихъ партій, отъ которыхъ, по крайней мѣрѣ отъ болѣе крупныхъ, она была уже очищена нами въ первые дни нашего появленія на Осмѣ *). Теперь же передъ нами стояли не партіи, а непріятельскія силы, съ сторожевыми постами которыхъ мы были въ ежедневномъ столкновеніи.

II.

Первая рекогносцировка Ловчи.

15-го Іюля.

Съ разсвѣтомъ 15-го чис. Кавказская бригада выступила на Дреновъ, гдѣ узнала за достовѣрное, что 5 тыс. турецкой пѣхоты, съ нѣсколькими сотнями черкесовъ, заняли Ловчу; что находившіяся въ ней 4 сотни подполковника Бакланова **), поддержанныя огнемъ 2 орудій, успѣли во-время отступить по Сельвинскому шоссе; что башибузуки, ободренные прибытіемъ своихъ войскъ, нахлынули на окрестности Ловчи, жгли деревни и рѣзали болгаръ. Вслѣдствіе такихъ извѣстій, Кавказская бригада раскинула во всѣ стороны полусотенные разъѣзды и башибузуки принуждены были скрыться въ Ловчу.

Но долго еще приходили къ намъ сироты и вдовы, поплатившіяся за пріемъ русскихъ въ окрестностяхъ Ловчи.

---

*) Отъ 23-го іюня по 1-е іюля.

**) Полковникъ Паренсовъ и подполковникъ Баклановъ заблаговременно приняли мѣры предосторожности, безъ которыхъ, вѣроятно, отрядъ былъ бы истребленъ, не отстоявъ Ловчи, если бы и вздумалъ отстаивать ее.

Обо всѣхъ полученныхъ извѣстіяхъ этого дня отъ Кавказской бригады были посланы донесенія: командирамъ 11-й кавалерійской дивизіи и 9-го корпуса изъ Дренова въ 9 час. 10 минутъ, въ 2 часа и въ 5 час. пополудни. Въ этотъ же день мы имѣли на нихъ отвѣты, отправленные изъ:

1) Парадима, 15-го Іюля, 4 ч. 30 минутъ. Сообщеніе ваше сейчасъ отправлено командиру 11-го корпуса, находящемуся отъ насъ въ 4-хъ верстахъ, откуда и будетъ препровождено командиру 9-го корпуса. Генералъ-лейтенантъ Татищевъ.

2) Изъ Парадима, 15-го Іюля, въ $6^3/_4$ часа. Два конверта о взятіи Ловчи получены и отправлены по назначенію. Капитанъ Андреевъ.

Съ прибытіемъ 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи облегчилась возможность передачи извѣстій въ корпусные штабы, и мы могли учредить правильную, безпрерывную связь между собою. Пока вновь не разъединили насъ обстоятельства, мы имѣли «глубину» своего расположенія и могли, не обременяя себя, выставить отдѣльные промежуточные посты въ Слатинѣ и въ Пелишатѣ. 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи, двинувшись за нами въ Парадимъ, заняла все пространство, оставляемое у насъ въ тылу, и смѣнила нашъ постъ въ Пелишатѣ, въ 12 часовъ дня, увѣдомивъ стоявшаго тамъ корнета Каталея, что:

«По приказанію начальника штаба 11-й кавалерійской дивизіи, извѣщаю васъ, что въ Пелишатѣ будетъ стоять авангардъ отряда, расположеннаго въ Парадимѣ; почему прошу оставить въ Пелишатѣ лишь нѣсколько человѣкъ на случай посылки къ вамъ. Генеральнаго штаба капитанъ Андреевъ.»

Корнетъ Каталей оставилъ пересылочный постъ въ Пелишатѣ и присоединился къ бригадѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 6 часовъ пополудни, была получена записка изъ штаба 9-го корпуса за № 1781:

«Въ видахъ успѣшнѣйшаго преслѣдованія турокъ въ случаѣ овладѣнія нами Плевною, командиръ корпуса поручаетъ вамъ изслѣдовать посредствомъ разъѣздовъ мѣстность отъ дороги изъ Плевны въ Софію, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить возможность и пути дѣйствія кавалеріи въ этомъ направленіи. О результатѣ изслѣдованія сообщите безъ замедленія. Начальникъ штаба 9-го армейскаго корпуса генералъ-маіоръ Шнитниковъ. Бивакъ у 4-хъ колодцевъ близь Бресляницы.»

Почти одновременно съ этимъ приказаніемъ было получено предписаніе изъ штаба 11-го корпуса за № 2001, сущность котораго заключалась въ сообщеніи о новомъ передвиженіи нашемъ и о разбояхъ башибузуковъ. Такъ какъ башибузуки были уже оттѣснены Кавказскою бригадою подъ Ловчу, то намъ оставалось только выполнить указанное

передвиженіе, которое было обусловлено тѣмъ, что: «Сейчасъ прибыли жители изъ деревни Павлижанъ (сѣвернѣе Ловчи) съ извѣстіемъ, что всѣ окрестности Ловчи наводнены башибузуками, которые рѣжутъ жителей. Подъ прикрытіемъ же этой орды къ Ловчѣ подходятъ регулярныя войска. Командиръ корпуса приказалъ вашему высокоблагородію во всякомъ случаѣ провѣрить этотъ слухъ и объ оказавшемся донести; а еслибы вамъ пришлось ввязаться въ бой,—доносить возможно чаще въ Карагачъ-Болгарскій. Вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю, что если бы слухи оказались невѣрными, и вы съ вашимъ отрядомъ остались бы въ настоящемъ пунктѣ своего расположенія (въ Дреновѣ), то завтра, 16-го Іюля, раннимъ утромъ, имѣете перевести вашу бригаду въ Слатину, ближе къ дорогѣ изъ Плевны въ Ловчу, и занять разъѣздами и постами пространство отъ Караула Ганъ (ловчинская дорога) на Боготъ къ Тученицѣ, гдѣ ваши посты должны связаться съ постами 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи, которая переводится завтра же изъ Парадима на позицію между деревнями Сгалевице и Пелишатъ. Штабъ корпуса завтра, 16 Іюля, переводится въ Парадимъ. Начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ Бискубскій. Генеральнаго штаба подполковникъ графъ Келлеръ.

Записки ваши только что получены въ 8 часовъ по полудни. Подполковникъ графъ Келлеръ».

Въ силу этихъ приказаній было назначено *) ½ сотнѣ Владикавскаго полка отправиться собственно для осмотра мѣстности между софійскимъ и ловчинскимъ шоссе, а остальнымъ перейти въ Слатину, оставя въ Дреновѣ двѣ сотни для прикрытія лѣваго фланга нашихъ главныхъ силъ, дабы не оставить ихъ совершенно открытыми послѣ нашего перехода въ Слатину. Для облегченія дѣйствій бригады, при ней были оставлены только вьюки, а обозъ, подъ прикрытіемъ худоконныхъ, слабосильныхъ и пѣшихъ казаковъ **), отправленъ въ Булгарени, на присоединеніе къ корпусному обозу.

Но въ ночь съ 15-го на 16-е число прибылъ генералъ Скобелевъ 2-ой съ приказаніемъ рано поутру выступить на усиленную рекогносцировку Ловчи.

16-е Іюля.

Рано поутру мы выступили подъ Ловчу, усиливъ свою связь съ 1-ю бригадою 11-й кавалерійской дивизіи, которая, имѣя постъ вмѣстѣ съ

*) Приказомъ по Кавказской казачьей бригадѣ на 16-е іюля.

**) Потерявшихъ лошадей въ дѣлахъ съ непріятелемъ.

нашимъ въ Волчитронѣ, передвинулась сѣвернѣе Пелишата, о чемъ извѣщалъ командиръ Чугуевскаго уланскаго полка, говоря:

„Я снимаюсь для присоединенія къ главнымъ силамъ, которыя расположатся между Сгалевицей и Пелишатомъ. По свѣдѣніямъ, до трехъ тысячъ башибузуковъ потянулись на Ловчу. Наша пѣхота въ Парадимѣ, гдѣ и корпусный штабъ. Кубанцевъ отправляю".

Полковникъ Рейсигъ.

Дружное содѣйствіе Чугуевскаго и Рижскаго полковъ способствовало одновременному осмотру мѣстности отъ Ловчи до Плевны. Когда Кавказская бригада дѣйствовала въ югозападномъ направленіи, тогда 1-я бригада 11-й дивизіи наблюдала съ востока за Плевной. Съ этого времени начинаются ея смѣлые разъѣзды вплоть до турецкихъ аванпостовъ. Съ позволенія, лично мнѣ даннаго командиромъ Чугуевскаго полка, я укажу на разъѣзды двухъ братьевъ Демиденко, какъ на образцы кавалерійской предпріимчивости. Одинъ изъ нихъ, поручикъ Демиденко, былъ отправленъ со взводомъ на Радишевъ. Замѣтивъ черкесскій разъѣздъ человѣкъ въ 18-ть, онъ раздѣлилъ свой взводъ на двѣ части, скрытно подошелъ къ нимъ на заранѣе условленное разстояніе и съ 2-хъ сторонъ бросился на черкесовъ. Всѣ 18 человѣкъ пали подъ саблями уланъ. На слѣдующій день, младшій братъ, юнкеръ Демиденко, былъ отправленъ съ разъѣздомъ въ Гривицу. Онъ не только благополучно подошелъ къ ней, но и успѣлъ сдѣлать наброски всей турецкой позиціи со стороны Гривицы.

Одновременно съ рекогносцировками Плевны съ восточной стороны, производились осмотры южной ея стороны, отъ Кавказской казачьей бригады, состоявшими въ штабѣ 11-го корпуса подполковниками генеральнаго штаба графомъ Келлеромъ и Виригинымъ.

На смѣну Чугуевскаго уланскаго полка вступилъ Рижскій драгунскій. Для связи съ нимъ, Кавказская бригада оставила посты отъ Дренова на Парадимъ и отъ плевно-ловчинскаго шоссе на Пелишатъ, о чемъ въ 5 час. 30 мин. утра и увѣдомила командира Рижскаго драгунскаго полка. Выступивъ изъ Дренова на Дойранъ *), мы, для бо́льшей скрытности своего движенія, свернули отъ послѣдняго вправо и, направляясь глубокою лощиною, вдоль болотистаго ручья, подошли къ с. Павликаны. Отсюда можно было видѣть всю сѣверозападную котловину Ловчи. Въ авангардѣ находились три сотни Кубанскаго полка, съ двумя конногорными орудіями, подъ начальствомъ войсковаго старшины князя

*) На картѣ Каница и отчасти и на русской 10 верстн. селенія: Дойранъ, Муслимъ-Павликаны и Йогловъ показаны неправильно. Въ дѣйствительности, первое стоитъ у ручья, на самой дорогѣ изъ Дренова въ Ловчу; второе—гораздо западнѣе, образуя почти прямую линію: Слатина-Павликаны-Ловча; третье—у ручья, на самомъ берегу р. Осмы; четвертое Омаревцы (Омаркіой) тоже должно быть на самомъ берегу р. Осмы.

Кирканова. Вблизи поворота на дорогу Слатино-Павликаны, генералъ Скобелевъ выѣхалъ къ авангарду, и въ $7^1/_2$ час. утра начальникъ штаба нашего отряда увѣдомилъ меня запиской: „Въ виду впечатлѣнія, производимаго вашей пылью, и необходимости разъяснить обстановку, генералъ приказываетъ вамъ сдѣлать привалъ въ $^1/_4$ часа и стараться скрывать составъ отряда".

Полковникъ Паренсовъ.

Обогнувъ Павликаны, генералъ Скобелевъ 2-й выдвинулъ свои два орудія на холмъ въ разстояніе предѣльнаго орудійнаго выстрѣла отъ непріятеля; для прикрытія же ихъ, онъ развернулъ двѣ кубанскія сотни и тѣмъ вызвалъ огонь непріятельскихъ орудій. Турки открыли частую орудійную стрѣльбу и, подъ впечатлѣніемъ безвредности нашихъ весьма рѣдкихъ и далеко не долетавшихъ снарядовъ, запальчиво обнаружили свои силы. Мы стояли въ ожиданіи окончанія съемки, выполненной подъ огнемъ непріятеля капитаномъ генеральнаго штаба Стромиловымъ, а турки, прикрываясь густою цѣпью стрѣлковъ и черкесскою конницею на флангахъ, развернули противъ насъ до пяти тысячъ пѣхоты. Вслѣдъ затѣмъ, постепенно подаваясь впередъ нѣсколькими таборами, они перешли противъ насъ въ наступленіе и довели его до хорошаго ружейнаго выстрѣла. Тогда намъ приказано было начать отступленіе уступами и, смотря по условіямъ мѣстности, дѣйствовать гдѣ коннымъ, гдѣ пѣшимъ боемъ. Лѣвое крыло нашей первой линіи болѣе праваго было угрожаемо обходомъ, а пересѣченная мѣстность давала возможность задерживать турокъ огнемъ пѣшаго строя; поэтому, лѣвому крылу приказано спѣшиться и отстаиваться до тѣхъ поръ, пока орудія вытянутся черезъ два узкихъ мостика, перекинутыхъ черезъ неширокіе, но топкіе ручьи. Это пустячное препятствіе чуть было не задержало насъ на-долго. Сотни легко перебрались черезъ него, а батарея должна была вытягиваться въ одно орудіе; одно изъ нихъ оборвалось и чуть было не завязло подъ непріятельскими выстрѣлами. Здѣсь въ первый разъ казакамъ пришлось примѣнить строевой уставъ во всей его строгости, такъ какъ отступленіе наше долженствовало быть медленнымъ и притомъ на мѣстности, пересѣченной канавами, покрытой кукурузой и виноградниками. Пользуясь выгодами своего положенія, турецкіе стрѣлки залегали за прикрытіями и сыпали пули безъ разбору, а черкесы, какъ шмели, жужжали на крыльяхъ нашего отряда.

Строгій порядокъ движенія, надлежащія разстоянія между уступами дѣйствовали на черкесовъ сильнѣе, чѣмъ наши выстрѣлы. Довольно было простаго, но стройнаго заѣзда по-взводно въ сторону черкесовъ, для того чтобы держать ихъ внѣ ружейнаго выстрѣла.

Не скрою, что обученіе уставу подъ турецкими выстрѣлами доставило не мало хлопотъ и непріятностей. Быть можетъ, не слѣдовало посылать казаковъ туда, гдѣ требовалось стойкое тактическое умѣнье; но

разъ они были поставлены въ такое положеніе, слѣдовало, во что бы то ни стало, унимать ихъ пылъ и охранять непривычное для нихъ томленіе уставнымъ порядкомъ.

Генералъ Скобелевъ 2-й, не имѣя цѣли ввязываться въ рукопашный бой, мало обѣщавшій успѣха на пересѣченной мѣстности, вынужденъ былъ дѣлать мнѣ выговоры, за поползновеніе сотенъ вырваться изъ этихъ клещей и схватиться съ черкесами. Поэтому, сколько для отпора непріятеля, столько же для водворенія стройнаго самообладанія, онъ нѣсколько разъ останавливалъ бригаду подъ выстрѣлами и выдерживалъ ее за каждымъ мало-мальски значительнымъ прикрытіемъ.

Будучи 4 мѣсяца подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Скобелева, я не избѣгнулъ нѣсколькихъ выговоровъ отъ него какъ за строевыя, такъ и за хозяйственныя распоряженія. Послѣднія прохожу молчаніемъ, такъ какъ они касались больше званія бригаднаго командира, а не дѣйствительной его власти; но къ выговорамъ, такъ сказать, строевымъ отношусь съ глубокою признательностью. Его неудовольствіе было для меня необходимо и даже пріятно, потому что исходило отъ боеваго генерала и упрочивало не личную *), но строевую, хладнокровную стойкость бригады. Не мало помогало водворенію строевой строгости и счастье генерала Скобелева 2-го, такъ какъ въ дѣлахъ подобнаго рода мы почти не имѣли потерь.

Такъ, напримѣръ, въ только-что описанной двухчасовой продѣлкѣ съ турками наши потери заключались въ двухъ легко раненыхъ казакахъ, одной убитой и одной раненой лошади; причемъ убитая лошадь была поражена подъ казакомъ 1-й сотни Владикавказскаго полка неразорвавшеюся гранатою, которая пробила крестецъ и внутренности лошади, но казакъ остался невредимъ.

Какъ только мы вышли изъ поражаемости орудійнаго огня, турки прекратили его и бригада отступила на Слатину. Это движеніе приводило насъ на лѣвый флангъ 11-й кавалерійской дивизіи, которая была расположена отъ Пелишата до Сгалевицъ впереди главныхъ своихъ силъ, бывшихъ у Парадима.

Генералъ Скобелевъ 2-й, обогнавъ нашъ отрядъ, поѣхалъ съ докладомъ въ Парадимъ, а мы, въ ожиданіи приказаній, остались у Пелишата и вскорѣ получили приказаніе отъ генерала Скобелева 2-го:

«По всей вѣроятности князь Шаховской выступаетъ въ ночь съ дивизіею штурмовать Ловчу. Кавказцы впереди. Прикажите отдохнуть людямъ и накормить лошадей. Жду при-

*) Въ которой не было недостатка.

казаній. Атака на ихъ лѣвый флангъ лощинами одновременно съ атакою изъ Сельви. Жду приказаній».

16 іюля, $6^1/_4$ ч. вечера.

Это предположеніе, какъ увидимъ ниже, не осуществилось; но заношу его, какъ выраженіе тѣхъ взглядовъ, которые были въ нашемъ отрядѣ до втораго сраженія подъ Плевной.

Въ это время, такъ же какъ и послѣ, генералъ Скобелевъ 2-й проводилъ мысль о необходимости занять Ловчу ранѣе Плевны.

Расположенная между Сельви и Плевной, она стояла на нашихъ флангахъ и растягивала нашу линію наблюденія. Будучи обязаны сторожить Ловчу, мы одиноко стояли передъ турками и не имѣли достаточныхъ силъ для того, чтобы оказать дѣлу существенную пользу, проникнувъ въ настоящій тылъ турецкихъ сообщеній, на плевно-софійское шоссе. Сильный отрядъ конницы могъ бы движеніемъ на западъ отъ Ловчи, куда нибудь на Радомірцы или Луковицы, расположиться въ тылу Телиша или Горняго-Дубняка, и тогда явилась бы дѣйствительная возможность мѣшать сообщеніямъ Плевны на далекомъ отъ нея разстояніи, т. е. тамъ, гдѣ только и можно было требовать успѣха отъ конныхъ набѣговъ. Но для этого нужны были свободныя отъ охранительной службы значительныя силы конницы *) и хорошій отрядъ пѣхоты, обезпечивающій Ловчу. У насъ же не хватало того и другого; поэтому чѣмъ слабѣе были наши силы, тѣмъ становилась настоятельнѣе необходимость отдѣлаться отъ турецкой Ловчи, превративъ ее въ русскую. Къ счастью, турки уцѣпились за нее сами, окопались въ ней и не предприняли никакихъ наступательныхъ движеній противъ крыльевъ нашего расположенія. Съ своей точки зрѣнія они были правы, потому что чувствовали свою силу за окопами и не раскидывались по мелочамъ на отдаленныя предпріятія; но этою осторожностью они, сверхъ ожиданія, помогли отряду Скобелева 2-го, какъ то увидимъ въ день втораго сраженія подъ Плевной. Въ то время мы еще не знали, что оно разыграется послѣ завтра. Итакъ, на завтра мы готовились взять приступомъ Ловчу, но вышло иначе.

III.

Рекогносцировка Зеленыхъ горъ.

17-го Іюля.

Въ ночь съ 16-го на 17-е число мы получили записку, отправленную къ намъ въ 1 ч. 10 м. ночи, что «предположенное въ 4 ч. утра

*) Приблизительно дивизія.

движеніе отмѣняется; никакое приказаніе не будетъ отдано ранѣе 6-ти ч. утра».

Полковникъ Паренсовъ.

Поздно ночью пріѣхалъ генералъ Скобелевъ и извѣстилъ, что вмѣсто Ловчи мы идемъ на Боготъ, для рекогносцировки Плевны отъ ловчинскаго шоссе.

Въ это время отрядъ генерала Скобелева состоялъ всего на все изъ 10-ти сотенъ Кавказской бригады и 6-ти горныхъ орудій. Сотня Владикавказскаго полка, находившаяся въ Сельви, и сводный полкъ Бакланова еще не подошли послѣ отступленія ихъ изъ Ловчи и Сельви; остальная 12-я часть нашей бригады, состоявшая изъ пѣшихъ *), больныхъ и легко раненыхъ, оставалась въ Булгарени, въ общемъ составѣ обоза 9-го и 11-го корпусовъ. Подойдя къ Боготу, генералъ оставилъ въ немъ большую часть бригады, а съ 4-мя сотнями Владикавказско-Осетинскаго полка, при 2-хъ конногорныхъ орудіяхъ, двинулся боготскимъ ручьемъ къ плевно-ловчинскому шоссе.

Долина боготскаго ручья (впослѣдствіи широкій, плотно утоптанный путь сообщенія изъ Богота на плевно-ловчинское шоссе) въ описываемое время была не болѣе, какъ глухая бездорожная балка. Узенькая пѣшеходная тропинка вилась по берегу и скрывалась въ свѣжей, высокой травѣ. Копны сѣна стояли вплоть до шоссе и соблазнительно манили къ себѣ коней, давно не видавшихъ хорошаго сѣна. Сочная, свѣжая трава часто бывала къ ихъ услугамъ, но обиліе этого корма имѣло ослабляющее вліяніе на лошадей. Онѣ были раздуты травой, которую некогда было сушить въ сѣно, а ячмень не всегда находился въ нашемъ распоряженіи. Это особенность корма, вполнѣ выражающая собою льготное время, извѣстное подъ именемъ травянаго довольствія, имѣло гибельное вліяніе на выносливость конницы. Наши лошади были сыты, но не выдержаны въ сухомъ, зерновомъ тѣлѣ, потребномъ для продолжительныхъ и быстрыхъ переходовъ.

Итакъ, мы шли долиною боготскаго ручья, прямо на плевно-ловчинское шоссе. Передовыя Осетинскія сотни свернули къ Брестовцу, а остальныя двѣ сотни Владикавказскаго полка остановились въ нѣкоторомъ разстояніи за ними. Лучшіе чертежники изъ офицеровъ бригады приступили къ наброскамъ прилежащей мѣстности. И вотъ съ плевно-ловчинскаго шоссе мы увидѣли знакомые намъ окопы Плевны, и именно съ той стороны, до которой въ сраженіи 8 іюля доходили кавказскіе разъѣзды.

Передъ нами лежали Зеленыя горы, которыя скрывали находящуюся за ними Плевну. Вправо, на сѣверовостокъ отъ насъ, раскрывалось широкое, гористое пространство Радишевскихъ и Гривицкихъ высотъ,

---

*) Послѣ убитыхъ лошадей.

которыя передъ самой Плевной соединялись съ подножьемъ Зеленыхъ горъ, а затѣмъ снова вздымались высокимъ кряжемъ, идущимъ отъ Плевны на Гривицу. Влѣво, на западъ отъ насъ, шла глубокая балка Брестовца и упиралась въ большое Картужабенское ущелье, вдающееся въ р. Видъ, у Трнина. Къ сѣверу отъ брестовацкой балки поднимались пологія Кришинскія высоты, замыкаясь вдали крутымъ, высокимъ Опанцемъ *).

Осетины разсыпались по безъименнымъ еще въ то время высотамъ отъ Кришина до Тученицкаго оврага и, поддержанные сомкнутыми частями, подошли къ первому, т. е., южному кряжу Зеленыхъ горъ. Черкесы выскочили на-встрѣчу изъ виноградниковъ, но тотчасъ подались назадъ и завязали въ кустахъ перестрѣлку. Осетины бросились за ними и ихъ едва удалось удержать на мѣстѣ, чтобы толково осмотрѣть то, что можно было видѣть и безъ боя. Казаки схватили нѣсколькихъ скрывавшихся въ кустахъ башибузуковъ, которые показали, что, будучи на сторожевыхъ постахъ, не успѣли отступить на Плевну, куда удалось ускакать только верховымъ. Они то и подняли тревогу, вызвавшую появленіе черкесовъ. Все западное пространство отъ Зеленыхъ горъ еще не было занято непріятельскими укрѣпленіями, даже можно было предположить, что ихъ нѣтъ и передъ самою Плевной, на ловчинскомъ шоссе. Но это послѣднее предположеніе было болѣе чѣмъ гадательно, хотя его подтверждали и плѣнные башибузуки; но съ высотъ между ловчинскимъ шоссе и тученицкимъ оврагомъ можно было разсмотрѣть большой непріятельскій лагерь и значительно увеличившіеся окопы со времени «первой Плевны». На Опанцѣ не замѣчалось укрѣпленій, но можно было допустить присутствіе на немъ войска. Ознакомясь съ мѣстностью и высмотрѣвъ, что̀ было можно, генералъ Скобелевъ приказалъ отступать мимо Брестовца по ловчинскому шоссе. Но отступить было не совсѣмъ легко, потому что у осетинъ все болѣе и болѣе разгоралась перестрѣлка съ усиливающимся количествомъ черкесовъ. Осетины, завидѣвъ непріятеля, уперлись въ виноградники, маячили передъ Кришиномъ и не отступали, не смотря на то, что трубачъ давно уже трубилъ имъ сборъ.

Въ это время я подъѣхалъ къ генералу Скобелеву, только что исполнивъ его порученіе.

— Однако ваши осетины не знаютъ сигналовъ—замѣтилъ онъ мнѣ съ тою сдерживаемою усмѣшкою, которая всегда у него обозначала, что покамѣстъ онъ шутитъ, но недалеко и до настоящаго гнѣва. Съ точки зрѣнія начальника отряда, который дорожитъ возможностью достигнуть успѣха съ наименьшею потерею людей, конечно, нельзя было допустить, чтобы часть вырывалась изъ его рукъ. Но хотя и немного еще времени я былъ съ осетинами, а много разъ уже видѣлъ ихъ въ огнѣ и зналъ,

*) Онъ возвышается на шестьдесятъ три сажени надъ пологою за-видскою стороною.

что какъ только закипитъ ихъ горячая кровь, то никакая труба не отзоветъ ихъ назадъ. Къ тому же насъ не разъ предупреждали, что турки, желая ввести насъ въ обманъ, умышленно иногда подавали русскіе сигналы.

Поэтому я позволилъ себѣ отвѣтить начальнику отряда: «Большинство изъ нихъ дѣйствительно сигналовъ не знаетъ; но они завидѣли непріятеля и по трубѣ не отступятъ».

Для того, чтобы отрезвить ихъ, я просилъ позволенія передать приказанія въ два-три мѣста ихъ цѣпи съ человѣкомъ, котораго они знаютъ въ лицо.

Это увлекающееся упорство, выказывающее душу боевого наѣздника, не могло не понравиться начальнику нашего отряда. Гнѣвъ преложился на милость, а боевой глазъ его долго еще любовался, какъ отдѣльныя кучки осетинъ нехотя оставляли свои мѣста. Медленно они отступали, но порывисто бросались въ сторону Плевны, готовые при первомъ поводѣ завязать общую драку.

Велико значеніе въ военномъ дѣлѣ предпріимчивой и смышленной конницы, какую представляли собой эти охотники-горцы и представители кавказскихъ станицъ; но оно обусловливается или ея численностью, или правильнымъ соотношеніемъ къ кавалеріи регулярной. Сила, которую называютъ «иррегулярною кавалеріею», имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда ее много: тогда она, появляясь въ тылу непріятеля, бываетъ страшна, какъ быстро надвигающаяся грозная туча, или же когда уставный строй, восполняя недостатокъ ея численности, соединяетъ оба вида конницы въ такое цѣлое, при которомъ драгуны образуютъ главную силу — тѣло, а казаки щупальцы этого тѣла *). Въ нашемъ же безсмѣнно сторожевомъ напряженіи каждая отдѣльная горсть смѣльчаковъ таяла безъ пользы для дѣла.

Наконецъ, осетины приблизились къ намъ на столько, что можно было не опасаться за ихъ запальчивость, и мы снова свернули по ручью до Богота, гдѣ должны были ждать приказаній на завтра. По возвращеніи на бивакъ, Скобелевъ отправилъ начальника своего штаба къ корпусному командиру для доклада выводовъ, сдѣланныхъ изъ рекогносцировки, и поручилъ ему выяснить необходимость имѣть въ своемъ распоряженіи два или три батальона пѣхоты **).

---

*) Въ западной Европѣ ихъ замѣняютъ гусары. Къ нимъ же должны быть отнесены и уланы, если бы они не получили примѣненія, совершенно противуположнаго первоначальному ихъ назначенію.

**) Приготовляя къ печати свой дневникъ, я старался собрать, по возможности, всѣ данныя, относящіяся къ описываемому времени. Благодаря содѣйствію полковника Паренсова, я могу приложить дословный списокъ съ черноваго наброска генерала Скобелева 2-го, тѣмъ болѣе цѣнный, что онъ писанъ за нѣсколько часовъ до сраженія и подъ впечатлѣніемъ двухъ его рекогносцировокъ съ Кавказскою бригадой.

„Атака“, говорилъ онъ отряду въ своемъ приказѣ, „есть тотъ священный моментъ

IV.

Второе сраженіе подъ Плевной.

18-е Іюля.

Въ 6 ч. 5 м. утра 18-го іюля въ Кавказской бригадѣ была получена диспозиція наступленія на Плевну, отданная въ Турскомъ-Тростяникѣ по войскамъ 9-го, 4-го и 11-го армейскихъ корпусовъ. Атакующія войска, силою до 27 т. штыковъ, а съ артиллеріею и конницею до 32 т. человѣкъ, должны были выступить со своихъ мѣстъ между 5 и 6 ч. утра *) тремя главными частями, раздѣленными на правый флангъ, лѣвый флангъ и общій резервъ.

Правый флангъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, состоялъ изъ двухъ частей:

а) отряда генералъ-маіора Бѣлокопытова изъ 3-хъ полковъ 31-й пѣ-

---

для кавалеріи и долгъ службы, который требуетъ полнаго самоотверженія и пренебреженія опасности. Потери присущи атакѣ; но онѣ уменьшаются при быстромъ и сильномъ напорѣ лошадей. Атака должна опрокидывать все. Рубить крѣпко и имѣть непріятеля подъ правою рукою, а въ особенности нѣсколькимъ людямъ не задерживаться рубить одного. Вообще, совѣтую рубнуть разъ и дальше. Крайне необходимо, чтобы сотенные командиры держали сотни въ рукахъ, и потому послѣ каждой атаки непремѣнно собрать сотни и только послѣ этого снова атаковать. Всѣмъ чинамъ, въ томъ числѣ вахмистрамъ и урядникамъ, быть внимательнымъ къ сигналу „аппель“ и собираться къ значку, который при сотенномъ командирѣ. Турки окапываются; батареи не возьмемъ, не преодолѣвъ мѣстныхъ препятствій. Казаки должны быть готовы на это. Сегодня же осмотрѣть внимательно матеріальную часть, особенно подпруги. Вступая въ бой, ихъ надо подтянуть. При атакѣ, казаки идутъ молча, съ нагайками въ рукахъ. Выхватывать шашки (чѣмъ ближе къ непріятелю, тѣмъ лучше) по командѣ или за офицерами: но разъ шашки вонъ—гикнули и рубка. Атакующіе должны помнить, что за ними поддержка, и что съ такими молодцами итти легко (выручка). Раненыхъ и убитыхъ не подбирать, такъ какъ высшимъ начальствомъ назначены особые санитары, которые должны идти за боевыми частями. Переходить изъ походнаго въ боевой порядокъ шагомъ, безъ суеты и безъ приказаній ничего не дѣлать. Помнить: 1) ударъ, 2) глаза и поддержка, 3) не увлекаться ничѣмъ и только тогда бросаться, когда видишь, что все истрачено; иначе ждать приказанія. Дистанціи между линіями непремѣнно; 2-я отъ 1-й не болѣе ста саженъ; 3-я отъ 2-й не болѣе полутораста саженъ, но вообще чѣмъ ближе, тѣмъ лучше. 4) Если бы случилось, что 1-я линія перемѣнитъ фронтъ, то и 2-я перемѣняетъ. 5) Необходимо, чтобы при всякой атакѣ переднихъ были на флангахъ, или на одномъ, подкрѣпленія, которыя не останавливались бы, а шли впередъ, въ виду поддержки; но чтобы не увлекались атаковать того непріятеля, который уже атакованъ съ успѣхомъ. 6) Ежели 1-я линія отходитъ назадъ, то казаки 2-й линіи и резерва должны помнить, что мы заманиваемъ непріятеля, ибо иначе не приходится. 2-я линія и резервъ поддерживаютъ, дѣйствуя на фланги. Сигнала отступленія не будетъ; если услышатъ, то это вражій“.

*) Въ зависимости отъ удаленія отъ мѣста дѣйствій.

хотной дивизіи (Пензенскаго, Тамбовскаго, Козловскаго), съ 31-ю артиллерійскою бригадою *) и сборною командою для саперныхъ работъ;

б) отряда генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера изъ 3-хъ полковъ 5-й пѣхотной дивизіи (Архангелогородскаго, Вологодскаго, Галицкаго съ 5-ю артиллерійскою бригадою **);

в) къ войскамъ праваго фланга были причислены два эскадрона 11-го Рижскаго драгунскаго полка и сотня казаковъ Донскаго № 34-го полка;

г) бригада 9-й кавалерійской дивизіи (Бугскій уланскій и 9-й Донской полки) генералъ-маіора Лошкарева была на оконечности праваго фланга.

Лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго, изъ 4-хъ полковъ: 1-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи (Ярославскій и Шуйскій) и 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи (Курскій и Рыльскій), съ 6-ю батареями соотвѣтствующихъ бригадъ ***).

Крайнюю оконечность лѣваго фланга составлялъ отрядъ генералъ-маіора Скобелева изъ 10-ти сотенъ Кавказской казачьей бригады, съ 8-ю Донскою и конно-горною Донскою батареями.

Общій резервъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Криденера, состоялъ изъ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи (Коломенскаго и Серпуховскаго полковъ), съ тремя батареями 30-й артиллерійской бригады ****), и 4-хъ эскадроновъ (два эскадрона Рижскаго драгунскаго и два эскадрона Чугуевскаго уланскаго полковъ), съ 18-ю конною батареею.

Цѣль дѣйствій была указана:

I. Правому флангу:

а) Отряду генералъ-маіора Бѣлокопытова выступить въ 5 ч. утра изъ Коюловцы на Гривицу, дорогою, что идетъ сѣвернѣе плевно-рущукскаго шоссе. Въ виду д. Гривицы отрядъ долженъ былъ развернуться въ боевой порядокъ, выставя столько батарей, сколько можно будетъ поставить ихъ въ зависимости отъ мѣстности. Батареи открываютъ огонь съ разстоянія вѣрнаго прицѣльнаго выстрѣла. Для дальнѣйшаго наступленія отряду приказано ожидать особаго приказанія.

б) Отряду генералъ-лейтенанта Шильдера выступить въ $5^1/_2$ ч. утра изъ Турскаго Тростяника, по прямой дорогѣ на Плевну, и расположиться въ резервѣ за отрядомъ генералъ-маіора Бѣлокопытова.

в) Два эскадрона Рижскаго драгунскаго и сотня Донскаго № 34-го

---

*) За исключеніемъ 5-й батареи.

**) За исключеніемъ 3-й батареи.

***) 1-я, 3-я и 5-я 30-й артиллерійской бригады и 1-я 3-я и 4-я 32-й артиллерійской бригады.

****) 2-я, 4-я и 6-я.

полка заблаговременно выступаютъ на крайнюю оконечность праваго фланга, высылая разъѣзды до р. Вида и Плевны.

г) Кавалерійской бригадѣ генералъ-маіора Лошкарева выступить, въ 6 ч. утра, изъ Бресляницы на Плевну и выставить цѣпь до соприкосновенія съ непріятелемъ. Въ случаѣ приказанія перейти на лѣвый берегъ р. Вида, бригада должна слѣдовать черезъ д. Рыбну на софійскую дорогу, для самостоятельныхъ дѣйствій въ тылу непріятеля.

II. Лѣвому флангу:

а) Всѣ 4 полка, бывшіе подъ начальствомъ князя Шаховскаго *), съ ротой 5-го сапернаго батальона, должны были выступить, въ 5 ч. утра, изъ Парадима на Сгалевицы и Пелишатъ, и атаковать непріятеля, расположеннаго на позиціи къ сѣверу отъ Радишева. По овладѣніи этой позиціей, продолжать подаваться на Плевну, стараясь занять на высотахъ лѣваго (южнаго) берега гривицкаго ручья позиціи, съ которыхъ можно было бы обстрѣливать флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны.

Дальнѣйшія дѣйствія сообразовать съ ходомъ боя на правомъ флангѣ и сохранять съ нимъ самую тѣсную связь. (Два эскадрона Чугуевскаго уланскаго полка назначены съ этою цѣлью изъ общаго резерва въ непосредственное распоряженіе князя Шаховскаго).

б) Отряду генералъ-маіора Скобелева 2-го выступить изъ Богота въ 5 ч. утра и, ставъ за лѣвымъ флангомъ боевой линіи, стараться пресѣчь сообщеніе между Плевною и Ловчей, постоянно наблюдая за обоими городами. Въ случаѣ отступленія непріятеля изъ Плевны, идти къ западу на Софійскую дорогу у пресѣчь ему отступленіе въ этомъ направленіи.

III. Общему резерву:

а) выступить изъ Болгарскаго Карагача въ 4 ч. утра и стать на пересѣченіи плевно-рущукскаго шоссе съ дорогою изъ Тростяника въ Парадимъ, гдѣ и ожидать дальнѣйшаго приказанія.

б) Двумъ эскадронамъ Рижскаго драгунскаго и двумъ эскадронамъ Чугуевскаго уланскаго, съ 18-ю конною батареею, стать у д. Пелишата въ ожиданіи приказаній.

По смыслу этой диспозиціи, правый флангъ долженъ былъ вести артиллерійскій бой у Гривицы впредь до приказанія. Одновременно съ этимъ, лѣвый флангъ беретъ приступомъ турецкіе окопы за Радише-

*) Я говорю четыре полка князя Шаховскаго, а не дивизія, потому что отъ войскъ 11-го корпуса была только 1-я бригада 32-й дивизіи. 30-я дивизія (т. е. войска 4-го корпуса) была раздѣлена пополамъ, и въ день сраженія 1-я ея бригада вошла въ составъ лѣваго фланга, а 2-я бригада оставлена въ резервѣ. Поэтому, для удобства выраженія въ описаніи сраженія хода боя, полки князя Шаховскаго я буду называть: „сводная дивизія князя Шаховскаго.“

вымъ, укрѣпляется на нихъ и затѣмъ огнемъ орудій обстрѣливаетъ тылъ и правое крыло турокъ, расположенныхъ предъ Гривицей. Конницѣ обоихъ фланговъ приказано сторожить непріятеля передъ собою, а отряду генералъ-маіора Скобелева 2-го, сверхъ того, пресѣчь сообщеніе турокъ по дорогѣ отъ Ловчи.

Слѣдовательно, назначеніе конницы было только наблюдательное, если обстоятельства не вынудятъ ее, или не представятъ ей случая схватиться съ непріятелемъ. Но для пресѣченія сообщеній между Ловчею и Плевной отрядъ генералъ-маіора Скобелева 2-го долженъ былъ стать на плевно-ловчинскомъ шоссе, которое отдѣлялось отъ лѣваго крыла князя Шаховскаго глубокимъ, не вездѣ проходимымъ, тученицкимъ оврагомъ. Высокія, скалистыя его стѣны опускаются на каменное дно, по которому бѣжитъ тученицкій ручей. Именованіе «оврагъ» было присвоено этой преградѣ лишь во время сраженій подъ Плевной, но наше обыкновенное представленіе объ оврагѣ не отвѣчаетъ виду этой каменистой разсѣлины.

Начинаясь обыкновеннымъ землянымъ оврагомъ гораздо выше Тученицы, по-немногу оба берега оврага становятся все круче и круче, и изъ скатовъ доступныхъ превращаются въ отвѣсныя каменистыя стѣны, которыя свѣшиваются надъ ручьемъ, не вездѣ доступнымъ даже пѣшеходу. Весь оврагъ принимаетъ видъ суроваго, узкаго ущелья. Черезъ эту-то преграду мы должны были поддерживать сообщеніе съ княземъ Шаховскимъ.

Кратчайшее направленіе нашего сообщенія шло по радишевскому оврагу, упирающемуся въ тученицкую разсѣлину. Для удобства сношеній приходилось дѣлать большую дугу и ѣхать съ тыльной стороны Радишева. Эти свойства тученицкаго оврага, затрудняя отрядамъ лѣваго фланга сообщеніе между собою, обезпечивали лѣвый флангъ князя Шаховскаго отъ о б х о д а; но за то уединяли отъ него отрядъ генерала Скобелева.

Между тѣмъ положеніе отряда генерала Скобелева на плевно-ловчинскомъ шоссе могло получить особое значеніе въ сраженіи 18-го іюля. Съ одной стороны, турки могли подойти изъ Ловчи и если не ударить въ тылъ на Радишево, то занять Брестовацкія высоты и съ разстоянія вѣрнаго орудійнаго выстрѣла бить по лѣвому крылу князя Шаховскаго: съ этихъ высотъ вся сводная его дивизія была какъ на ладони.

Съ другой стороны, между Скобелевымъ и Плевной находились густопоросшія кустами и виноградомъ Зеленыя горы *), предполагать которыя незанятыми непріятелемъ не было никакихъ причинъ. Онѣ преграждали доступъ въ самую Плевну и обезпечивали правое крыло

*) Ихъ свѣжая густая листва и послужила поводомъ къ наименованію ихъ Зелеными.

турокъ передъ Радишевымъ. Владѣя ими, турки могли свободно обстрѣливать наше наступленіе отъ Брестовца и обходъ на Кришинъ, а главное, могли бить лѣвое крыло князя Шаховскаго. Выбить ихъ изъ Зеленыхъ горъ генералу Скобелеву было бы трудно съ его казачьимъ отрядомъ.

Слѣдовательно, на случай болѣе упорнаго противодѣйствія туркамъ, надо было придать нашему отряду что-нибудь устойчивое. По докладу объ этомъ полковника Паренсова и при содѣйствіи князя Шаховскаго, генералъ Криденеръ назначилъ 8-ю Донскую конную батарею и 3-й батальонъ Курскаго полка съ 4-мя орудіями *) въ распоряженіе генералъ-маіора Скобелева 2-го. Отряду нашему было приказано выступить по полученіи диспозиціи. Долгое ожиданіе диспозиціи подало поводъ думать, что наступленіе на Плевну не состоится. Но вотъ диспозиція получена и генералъ Скобелевъ, въ безпокойствѣ, что она запоздала цѣлымъ часомъ противъ назначеннаго для выступленія, свѣрилъ свои часы по нашимъ и оказалось, что у всѣхъ у насъ былъ седьмой часъ въ началѣ. Намъ приказано было выступить въ пять часовъ, а въ минуту полученія диспозиціи мои часы показывали шесть часовъ и пять минутъ утра.

Бригада и конныя батареи скоро поднялись, а батальонъ Курскаго полка былъ на маршѣ къ намъ отъ главныхъ силъ князя Шаховскаго.

Итакъ, намъ предстояло второе сраженіе подъ Плевной, и Скобелевъ первый разъ насъ велъ въ упорный бой.

Наканунѣ еще онъ отдалъ приказаніе отслужить передъ нашимъ выступленіемъ молебенъ, что, однако, не удалось, потому что священникъ находился при корпусномъ обозѣ. Хотя за нимъ послано было еще съ вечера, но онъ могъ прибыть не ранѣе того времени, какъ мы вступили въ дѣло **). За отсутствіемъ священника, ограничились тѣмъ, что казаки составили хоръ пѣвчихъ, стали по серединѣ бригады, построенной покоемъ, и пропѣли „Отче нашъ.“ Скобелевъ объѣхалъ сотни, поздравилъ съ предстоящимъ боемъ, сказалъ, что надѣется на молодцовъ, и мы пошли на Плевну, выступивъ въ 7½ ч. утра. Въ авангардѣ шли 2 сотни Кубанскаго полка князя Кирканова, съ 4-мя орудіями 8-й Донской батареи, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора Скобелева 2-го. Главнымъ силамъ приказано слѣдовать въ двухъ верстахъ за авангардомъ, а батальонъ Курскаго полка подходилъ къ намъ отъ Парадима. Онъ дол-

*) 6-й батареи 31-й артиллерійской бригады.

**) За неимѣніемъ собственнаго священника въ Кавказской бригадѣ, преосвященнымъ Павломъ, епископомъ кишиневскимъ, назначенъ былъ въ бригаду мѣстный священникъ. Вызванный къ сраженію 18-го іюля, онъ попалъ прямо подъ выстрѣлы. Едва онъ показался среди войскъ, какъ граната зарылась передъ его лошадью и она упала. Но священникъ продолжалъ присутствовать на мѣстѣ боя.

женъ былъ дойти до плевно-ловчинскаго шоссе и оставаться въ ожиданіи приказаній.

Густой туманъ не только скрывалъ наше движеніе, но застилалъ сплошною пеленою ближайшія окрестности: на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ положительно ничего не было видно. Поэтому, слѣдовало принять крайнія предосторожности и, оградивъ себя, воспользоваться туманомъ для разслѣдованія силъ противника. Поэтому, сверхъ обычныхъ дозоровъ, генералъ Скобелевъ поручилъ надежнѣйшему и опытному есаулу Астахову взять казаковъ изъ авангарда Кубанскаго полка и головнымъ дозоромъ слѣдовать впереди отряда, вплоть до непріятеля.

Итакъ, почти ощупью тронулись мы вчерашнимъ путемъ вдоль боготскаго ручья; батальонъ Курскаго полка находился уже не вдалекѣ отъ насъ, и мы подходили къ плевно-ловчинскому шоссе. На сколько была тяжела гористая дорога до Богота отъ Пелишата можно судить по тому, что лошади подъ патронною повозкою, слѣдовавшею за Курскимъ батальономъ, начали приставать. Пѣхота подавалась впередъ, патроны не поспѣвали за нею. По донесеніи объ этомъ генералу Скобелеву, находившійся съ нимъ въ авангардѣ начальникъ штаба нашего отряда увѣдомилъ запискою полковника Тутолмина:

„Къ деревнѣ, гдѣ мы ночевали, подходятъ патроны, лошади начали приставать. Генералъ приказалъ послать донцевъ съ поручикомъ Красовскимъ помочь довезти эти патроны до батальона, идущаго сзади, и при немъ держать какъ патроны, такъ и донцевъ.

Полковникъ Паренсовъ, 18-го іюля *)“.

Подъ покровомъ тумана мы подошли къ плевно-ловчинскому шоссе и двинулись къ Зеленымъ горамъ по направленію на Плевну. Астаховъ взобрался на нихъ съ двумя казаками и сообщилъ генералу Скобелеву радостную вѣсть, что доступъ къ Зеленымъ горамъ свободенъ отъ турокъ. Большое облегченіе почувствовалось въ авангардѣ: если турки не раздавятъ насъ съ двухъ сторонъ, то можно будетъ держаться на этихъ

---

*) Во II части своего дневника я нѣсколько разъ упоминалъ, что у насъ не хватало патроновъ. Главная причина этого заключалась въ томъ, что парковое отдѣленіе, сформированное передъ войною для Кавказской дивизіи, было причислено къ передовому отряду, а Кавказская бригада, отданная въ распоряженіе сначала 9-го корпуса, а потомъ 11-го, должна была получать патроны отъ тѣхъ войскъ, при которыхъ она состояла. Между тѣмъ вся армія наша была вооружена ружьями Крынка, за исключеніемъ части легкой конницы, казаковъ и стрѣлковыхъ частей, имѣвшихъ берданки. Слѣдовательно, въ каждомъ отдѣленіи корпуснаго парка имѣлось только опредѣленное число патроновъ по разсчету своихъ собственныхъ частей, и Кавказская бригада пользовалась, такъ сказать, избыткомъ ихъ и всегда, по особому разрѣшенію корпусныхъ командировъ, намъ выдѣляли патроны изъ парка, и мы перевозили ихъ собственными средствами. Упомянутая выше повозка была болгарская телѣга, на которую выдѣлили намъ патроны.

горахъ. Передъ ними же и за ними голыя вершины и турецкія орудія сметутъ все, что вздумаетъ сопротивляться имъ слабыми силами.

Въ 8 ч. утра авангардъ двинулся на Зеленыя горы, чтобы занять ихъ и осмотрѣть противника, а остальныя сотни Кавказской бригады остановились въ верстѣ за авангардомъ, на плоской вершинѣ, восточнѣе плевно-ловчинскаго шоссе; подошедшая же къ намъ пѣхота расположилась за ними уступомъ. Для наблюденія за Ловчей посланы сильные разъѣзды, а для связи съ княземъ Шаховскимъ и къ сторонѣ Вида назначено по сотнѣ *). Сотня, посланная для связи съ княземъ Шаховскимъ, должна была соединиться съ нимъ цѣпью, какъ единственнымъ средствомъ ускорить сообщеніе черезъ трудно проходимое пространство. Кромѣ того, есаулу Астахову, только что окончившему первое порученіе, лично генераломъ Скобелевымъ было приказано осмотрѣть переправу на Видѣ, у Тырнина и Десевицы. Астаховъ выбралъ изъ своей сотни 25 казаковъ и блистательно выполнилъ свою задачу, пробившись на обратномъ пути сквозь значительную партію башибузуковъ, пытавшуюся отрѣзать ему путь отступленія.

Авангардъ поднялся на первый кряжъ Зеленыхъ горъ **), благополучно миновалъ послѣдующія два и сталъ на артиллерійской позиціи, на скатѣ послѣдняго кряжа, въ 300-хъ саженяхъ отъ турокъ. Туманъ сталъ рѣдѣть, и вскорѣ противники увидѣли другъ друга. Густыя колонны турокъ, приблизительно тысячъ въ 20, стояли передъ Плевною фронтомъ на Гривицу, и значительныя силы конницы виднѣлись за городомъ на софійской дорогѣ. Въ это время раздались орудійные выстрѣлы у князя Шаховскаго съ высотъ у дер. Радишево, а затѣмъ и правѣе отъ Гривицы, въ войскахъ 9-го корпуса. Генералъ Скобелевъ не замедлилъ открытіемъ огня изъ своихъ орудій и направилъ его сначала на правый флангъ турецкихъ линій, расположенныхъ противъ князя Шаховскаго, а потомъ и нѣсколько влѣво отъ себя, противъ войскъ, которыя обозначались передъ нашимъ отрядомъ. Въ первыя минуты появленія нашего авангарда передъ Плевной турки были скрыты туманомъ; но по мѣрѣ того, какъ туманъ поднимался, турки все яснѣе обнаруживались въ окопахъ юго-западныхъ предмѣстій Плевны. Они, въ свою очередь, отвѣчали Скобелеву огнемъ 6-ти орудій и завязался бой

*) Къ сторонѣ Вида, противъ праваго фланга турокъ, были посланы осетины, а для связи съ княземъ Шаховскимъ—сотня Кубанскаго полка.

**) Названія первый, второй и третій кряжъ Зеленыхъ горъ опредѣлились уже послѣ сраженія 18-го іюля. Сначала они были домашнимъ, такъ-сказать, опредѣленіемъ перерывовъ боя зеленогорскаго отряда, но со времени третьей Плевны обратились въ собственныя имена тѣхъ мѣстъ, на которыхъ совершилась наша кровавая былина. Перечисленіе кряжей идетъ отъ Брестовца къ Плевнѣ, слѣдовательно 1-й кряжъ есть южный, т. е. ближайшій къ Брестовцу, 2-й есть средній, а 3-й сѣверный, т. е. ближайшій къ Плевнѣ.

между Плевной и Зелеными горами. Цѣль генерала Скобелева заключалась въ томъ, чтобы оттянуть на себя часть турокъ отъ князя Шаховскаго, и она была достигнута первыми же выстрѣлами нашихъ орудій. Огонь турокъ былъ поразительно мѣтокъ, такъ что въ первыя же минуты у насъ выбыло изъ строя нѣсколько человѣкъ *). Наши орудія боролись съ турецкими около часу и вызвали наступленіе противъ нашего отряда 4-хъ батальоновъ турецкой пѣхоты. Покровительствуемые огнемъ своихъ орудій, подъ прикрытіемъ густой цѣпи стрѣлковъ, окрыленной черкесскою конницею, они двинулись на третій кряжъ Зеленыхъ горъ. Часть казаковъ спѣшилась въ кустахъ и открыла ружейный огонь по турецкой пѣхотѣ, осетинская сотня сцѣпилась съ черкесами на сѣверѣ отъ Кришина; но турки наступали рѣшительно. Тогда нашему авангарду приказано было отступить, и онъ съ боемъ отошелъ на ту часть перваго кряжа Зеленыхъ горъ, что̀ западнѣе ловчинскаго шоссе. По другую же сторону шоссе, т. е. передъ восточною частью Зеленыхъ горъ, развернулись въ боевомъ порядкѣ остальныя сотни Кавказской бригады. Обѣ наши батареи **) были выдвинуты на позицію; спѣшенные кубанцы расположились въ прикрытіе орудій, владикавказцы въ конномъ строѣ стояли уступами во 2-й линіи, готовые, въ случаѣ надобности, броситься на обходящія части, или поддержать кубанцевъ.

---

*) Не прошло нѣсколько минутъ со времени открытія огня, какъ у насъ были убиты два казака и тяжело раненъ въ ногу Кубанскаго полка есаулъ Григорьевъ, извѣстный въ бригадѣ подъ именемъ „араба“. Родомъ негръ, онъ попалъ въ плѣнъ во время Крымской войны и остался въ Россіи на службѣ. Почти не получившій образованія, онъ какимъ-то способомъ попалъ въ Сибирь и занималъ тамъ полицейское мѣсто. Ему было лѣтъ 50. Не знаю, какъ и когда онъ выѣхалъ изъ Сибири, но передъ походомъ захотѣлъ принять участіе въ войнѣ и поступилъ въ Кубанскій казачій полкъ. Чинъ есаула давалъ ему право на начальствованіе сотнею; но, по совѣсти говоря, онъ не могъ быть начальникомъ строевой части. Плохо говоря по-русски, онъ положительно не былъ знакомъ съ основаніями строевой службы и, очень неглупый отъ природы, крайне былъ ограниченъ во всѣхъ свѣдѣніяхъ, касавшихся обязанности офицера. Поэтому онъ почти не назначался на самостоятельную службу, но могъ быть, въ случаѣ нужды, переводчикомъ, хотя и въ этомъ родѣ службы перепутывалъ слова и тѣмъ подавалъ поводъ къ самымъ добродушнымъ на его счетъ шуткамъ. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что онъ говорилъ вмѣсто шпіоны — шампиньоны и т. п., и все это иногда сердило старика. Самолюбіе у него было большое и подъ огнемъ онъ обладалъ хладнокровіемъ. Скобелевъ обратилъ на это вниманіе при рекогносцировкѣ Ловчи и, зная существующія на его счетъ шутки, ободрилъ его ласковымъ разговоромъ. Эта ласка подѣйствовала на человѣка, проведшаго всю жизнь въ нуждѣ и горѣ, и вплоть до окончанія рекогносцировки онъ не отходилъ отъ генерала. Въ сраженіи 18-го іюля онъ находился въ авангардныхъ сотняхъ и стоялъ близко отъ Скобелева, бодрый и веселый. Увидѣвъ его, генералъ обратился къ нему съ привѣтствіемъ и едва Григорьевъ успѣлъ отвѣтить, какъ осколокъ гранаты раздробилъ ему колѣно. Григорьевъ мужественно доѣхалъ до мѣста перевязки, не проронивъ ни единаго звука. Но онъ не вынесъ тяжелой раны, долго ходилъ на костыляхъ и умеръ. Многіе вспоминаютъ его съ теплымъ чувствомъ состраданія.

**) 2 оставшіяся орудія 8-й Донской и 6-й орудій конно-горной.

Это построеніе, указывающее на наше намѣреніе состязаться съ пѣхотою, было обусловлено тѣмъ, что, въ виду только что разгоравшагося сраженія, нельзя было даромъ уступить важныхъ для насъ высотъ и слѣдовало попытаться удержать ихъ за собою.

Турецкая цѣпь заняла 3-й и 2-й кряжи Зеленыхъ горъ. По западную сторону отъ шоссе она дальше втораго кряжа и не подалась, удержанная здѣсь спѣшенными казаками авангарда; но на восточной половинѣ горъ дошла до наружной опушки ближайшаго къ намъ кряжа. Встрѣченная огнемъ нашихъ орудій и винтовокъ, здѣсь она остановилась и завязала изъ кустовъ перестрѣлку.

Со стороны Ловчи было покойно, а отъ Радишева, въ 12 часовъ, была доставлена записка полковнику Тутолмину о томъ, «что бригада Горшкова *) занимаетъ Радишевъ, протягивая фронтъ на западъ, къ ручью, на соединеніе съ вами. Связь открыта, общій фронтъ на сѣверъ. Радишевъ крайній лѣвый флангъ. 18-го іюля, $11^1/_2$ ч. дня. Капитанъ Андреевъ".

Въ отвѣтъ на это генералъ Скобелевъ послалъ донесеніе о дѣйствіяхъ его отряда и вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли, что князь Шаховской подался впередъ. Въ это время Курскій батальонъ успѣлъ уже отдохнуть, и генералъ Скобелевъ счелъ возможнымъ частью его силъ ударить на турокъ, чтобы оттянуть ихъ отъ сводной дивизіи князя Шаховскаго. Онъ взялъ съ собою 3-ю стрѣлковую и взводъ 9-й роты Курскаго батальона, съ 4-мя орудіями пѣшей батареи, и, обезпечивъ ихъ фланги сотнями Владикавказскаго полка, двинулъ въ кусты Зеленыхъ горъ.

3-я стрѣлковая рота съ пѣснями взошла на высоты и оттѣснила турецкихъ стрѣлковъ, живо очистившихъ 2-й и 1-й кряжи; а осетины, находившіеся впереди Кришина, усиленные второю сотнею своего дивизіона, опрокинули черкесовъ, угрожавшихъ нашему лѣвому флангу, и отбросили ихъ за пѣхоту, не упустивъ случая захватить нѣсколько лошадей съ полною черкесскою сѣдловкою **). Но на послѣднемъ кряжѣ горъ турки засѣли упорно, и здѣсь закипѣлъ штыковой бой.

Куряне очистили третій кряжъ отъ передовыхъ частей непріятеля, который сосредоточилъ у Плевны, противъ Зеленыхъ горъ, не менѣе восьми таборовъ низама. Свѣжія турецкія силы густыми цѣпями взбирались на послѣдній кряжъ, но наши отбивали ихъ штыками и огнемъ, и не уступали. Казаки безпрестанно охватывали ихъ фланги, насѣдая на нихъ въ кустахъ и виноградникахъ, и турки побѣжали. 4 орудія пѣшей батареи заняли сильную позицію, и вся наша 1-я линія утвердилась на высотахъ, командующихъ собственно городомъ Плевной; турки же

*) 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи.

**) Рапортъ полковника Левиса за № 1547, отъ 22-го іюля, о дѣйствіяхъ Владикавказскаго полка.

залегли въ предмѣстьяхъ города, на не высокихъ холмахъ (будущіе редуты Скобелева въ „третьей Плевнѣ“). Отдѣленные другъ отъ друга просторною низиной, противники продолжали орудійный огонь и ружейную перестрѣлку. Въ это время отъ Ловчи показался сильный разъѣздъ черкесовъ, а отъ Опанца вытянулась длинная, тоже черкеская, вереница противъ нашего лѣваго фланга. Итакъ, передъ нами были сильныя колонны непріятеля; черкесы угрожали нашему лѣвому крылу, а можетъ быть и тылу. Наше правое крыло почти было обезпечено отъ нечаянныхъ нападеній тученицкимъ оврагомъ; но гроза видимо висѣла надъ нами слѣва. Сообразно этому, въ Кавказской бригадѣ были сдѣланы распоряженія, чтобы Кубанскій полкъ занялъ восточную сторону Зеленыхъ горъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ резервѣ оставалось у него не менѣе трехъ сотенъ. Владикавказскому полку назначена вся западная часть горъ, и отъ него же выслана полусотня на подкрѣпленіе аріергарда противъ черкесскаго разъѣзда отъ Ловчи *).

Увидѣвъ высланное противъ нихъ подкрѣпленіе, разъѣздъ быстро повернулъ и скрылся въ разсыпную по направленію къ Ловчѣ. 3-я сотня Владикавказскаго полка преслѣдовала его довольно долго, но болѣе крупнаго непріятеля она не обнаружила.

Конница, показавшаяся отъ Опанца, остановилась на линіи своей пѣхоты, осыпала своими пулями наше лѣвое крыло, но при всякомъ нашемъ движеніи впередъ она скрывалась на противоположномъ скатѣ горы. Было очевидно, что она манила осетинъ подъ фланговый огонь своей пѣхоты, и поэтому имъ не приказано было переходить нашу первую линію, которая стояла въ это время на горахъ.

Между тѣмъ огонь турокъ по третьему кряжу наносилъ нашимъ рядамъ немалую убыль. Артиллерія сильно терпѣла, и потому на позиціи были оставлены только два пѣшія орудія поручика Прохоровича, а остальныя отправлены къ резерву. Патроны расходовались быстро, а артиллерійскія лошади устали тянуть зарядные ящики по гористой мѣстности. Казаки въ торбахъ подвозили патроны сначала только въ наши сотни, а потомъ и пѣхотѣ, такъ какъ командиръ батальона маіоръ Домбровскій увѣдомилъ запиской, что „генералъ Скобелевъ проситъ полковника Тутолмина распорядиться подвозомъ патроновъ для 3-й стрѣлковой и 9-й ротъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ“. Мало того, стрѣлковъ томила жажда, а воды не было, и они, сильно утомленные, жадно сосали незрѣлыя ягоды винограда. Давно уже помогалъ въ этомъ дѣлѣ войсковой старшина Костинъ, по личному почину котораго казаки его сколько могли подвозили воду и поили ею подъ огнемъ непріятеля; но такъ какъ она

*) 1-я сотня Владикавказскаго полка нѣкоторое время оставалась еще на восточной части горъ.

набиралась въ котелки изъ колодца, что у перевязочнаго пункта на полпути отъ Брестовца, то все-таки ея было недостаточно. Хотя для скорости и подвозили ее рысью, но она расплескивалась; къ тому же раненые нуждались въ ней еще больше, а черпать для нихъ приходилось все изъ того же колодца.

Упорный огнестрѣльный бой въ серединѣ нашего расположенія, рукопашныя схватки на оконечностяхъ его и страшное утомленіе людей передъ усиливающимся непріятелемъ,—вотъ положеніе нашего отряда, засѣвшаго подъ густою листвою Зеленыхъ горъ. Присутствіе генерала Скобелева на самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя, всюду появляющіеся подъ огнемъ съ настойчивыми приказаніями его ординарцы, не исключая начальника штаба полковника Паренсова *) и поручика Рыдзевскаго **), связывали отдѣльныя части въ одну плотную силу, хотя сосѣди почти не видѣли другъ друга въ густой поросли обороняемой мѣстности, и это дружное напряженіе силъ зелено-горскаго отряда составляло главное свойство кипѣвшей здѣсь битвы 18-го іюля ***).

„Сейчасъ опрокинулъ пѣхоту штыками, бѣгутъ!“ писалъ Скобелевъ въ отвѣтъ на донесеніе съ нашего лѣваго крыла: „На правомъ флангѣ наши идутъ впередъ. Стоять вамъ на мѣстѣ. Что Астаховъ? Что со стороны атакованной Липинскимъ Ловчи? Я слѣжу за массами“.

Записка эта была получена мною въ 3 часа на западной окраинѣ Зеленыхъ горъ.

Не смотря на чрезвычайное неравенство силъ въ боевыхъ линіяхъ, генералъ Скобелевъ не вводилъ еще въ дѣло 3½ ротъ Курскаго батальона. Онѣ были ему нужны на случай появленія турецкихъ силъ подъ Ловчей и на какой нибудь рѣшающій ударъ. Былъ уже въ исходѣ третій часъ пополудни, и отъ князя Шаховскаго, какъ видно изъ записки генерала Скобелева, было доставлено извѣстіе, что онъ перешелъ въ

*) Контуженнаго въ этомъ дѣлѣ.

**) Поручикъ Рыдзевскій прибылъ къ намъ въ день нашего возвращенія изъ-подъ Ловчи по приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго.

***) Коснувшись ординарцевъ, я позволю себѣ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Мнѣ кажется, что у насъ, болѣе чѣмъ у другихъ, развито взаимное недоброжелательство. У насъ бранятъ всѣхъ и все, кромѣ самого себя. Нерѣдко, между прочимъ, можно услышать самыя непріязненныя сужденія объ ординарцахъ и даже объ этой должности. Конечно, большею частью такъ говорятъ люди, никогда не бывшіе въ должности ординарца. Мнѣ тоже не случалось исправлять этой обязанности, но я испыталъ значеніе ординарца, толково передающаго приказаніе въ бою, и думаю, что, по нравственному значенію ординарца, обязанность его есть одинъ изъ труднѣйшихъ видовъ военной службы. Но, разумѣется, вся сила этого значенія присуща только человѣку развитому и обладающему высокимъ сознаніемъ долга. Безъ способнаго ординарца начальникъ остается словно безъ рукъ; дорожатъ и войска толковымъ ординарцемъ.

наступленіе. Съ восточной окраины Зеленыхъ горъ было видно, какъ черная линія его войскъ ринулась по склонамъ горъ, что спускаются отъ Радишевскихъ высотъ къ устью тученицкаго оврага. Правѣе его, въ расположеніи войскъ 9-го корпуса, слышалась сильная орудійная стрѣльба и настала минута чрезвычайной важности. Турки уступали напору полковъ князя Шаховскаго, и все, находившееся передъ Скобелевымъ, могло быть обращено на то, чтобы опрокинуть лѣвое крыло нашихъ главныхъ силъ. Но и отрядъ Скобелева былъ между двухъ огней: передъ лицомъ его стоялъ противникъ, который могъ появиться и въ тылу отъ Ловчи. Слабымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ служило предположеніе, что Брянскій полкъ полковника Липинскаго, расположенный между Ловчею и Сельви, привлечетъ на себя вниманіе турокъ и удержитъ ихъ въ Ловчѣ. Но отъ Ловчи до сихъ поръ ничего значительнаго не появлялось. Изъ Тырнина и Медевена возвратился Астаховъ съ докладомъ о возможности переправы черезъ Видъ, на пути отъ котораго онъ отбросилъ насѣвшихъ на него башибузуковъ *), и Скобелевъ, нѣсколько успокоенный за тылъ и лѣвое крыло, рѣшился ввести въ дѣло весь Курскій батальонъ; въ резервѣ же, для прикрытія знамени, оставилъ только одинъ взводъ.

И вотъ пѣхота скрылась въ виноградникахъ и пошла выручать измученную 3-ю стрѣлковую и взводъ 9-й роты, не видя еще, что происходитъ въ цѣпи этихъ молодцовъ, вступившихъ въ дѣло съ 12 час. утра.

А тамъ готовы были обрушиться на нихъ всѣ 8 таборовъ, наступавшихъ въ двѣ линіи одновременно съ высланными подкрѣпленіями противъ князя Шаховскаго. Почти два табора составляли передовые ряды турокъ и находились уже въ 20-ти саженяхъ отъ нашихъ орудій; нужно было собрать хоть горсть людей для спасенія пушекъ. И Скобелевъ поднялъ ближайшее звено, къ нему примкнули сосѣди, образовалось что-то въ родѣ полуроты, которая и открыла неумолкающій огонь.

Орудія поручика Прохоровича ни на шагъ не подались назадъ, но судьба ихъ висѣла на волоскѣ. Въ это мгновеніе подоспѣли $3^1/_2$ роты Курскаго полка и ударили въ штыки на турокъ.

Двѣ сотни Владикавказскаго полка (2-я и 4-я), подъ начальствомъ есаула Пржеленскаго, поддержали пѣхоту; онѣ стремительно ударили въ шашки по правому флангу турокъ, и тѣ, ошеломленные этою неожиданностью, бѣжали подъ окопы Плевны. Казаки и куряне преслѣдовали бѣгущихъ, но подъ самой Плевной были вновь осыпаны пулями окопаннаго непріятеля и отступили подъ покровительствомъ спасенныхъ ими двухъ орудій. Послѣ этого турки не выходили уже изъ окоповъ, и нашъ отрядъ снова утвердился на послѣднемъ кряжѣ Зеленыхъ горъ.

---

*) Положивъ трехъ человѣкъ на мѣстѣ, онъ умудрился при этомъ отбить у нихъ пять осѣдланныхъ лошадей.

День клонился къ вечеру. Между тѣмъ князь Шаховской довелъ свое наступленіе до подошвы Плевнинскихъ высотъ и бралъ ихъ первые окопы.

Къ западу отъ устья тученицкаго оврага тянется, по направленію на Кришинскія высоты, низина. Она касается предмѣстій Плевны и узкою балкою отдѣляетъ плевнинскіе склоны отъ радишевскихъ. Та часть радишевскихъ крутостей, что примыкаетъ къ тученицкому оврагу, довольно отлого спускается къ его устью, и вся обстрѣливается съ Плевнинскихъ высотъ. За гребнемъ ихъ, вблизи отъ города, стоялъ большой турецкій лагерь, обороняемый трехъ-ярусными окопами и сильными земляными батареями. Мы видѣли, что часть палатокъ была въ немъ снята въ то время, когда войска князя Шаховскаго неудержимо подавались впередъ. Нѣсколько разъ намъ казалось, что турки готовятся къ общему отступленію; но, можетъ быть, все это казалось въ дыму, при общемъ лихорадочномъ ожиданіи, чѣмъ разыграется второе сраженіе подъ Плевной.

Я не возьмусь за сколько нибудь опредѣленный разсказъ о томъ, что́ происходило правѣе тученицкаго оврага. Нужно знать основныя соображенія, руководившія сраженіемъ, и частныя подробности, происшедшія на всемъ протяженіи отъ Гривицы до Зеленыхъ горъ, чтобы позволить себѣ судить о дѣлѣ 18-го іюля. Но чтобы связать разсказъ о дѣйствіяхъ отряда Скобелева съ наступленіемъ главныхъ силъ, я ограничусь лишь общими разсказами, за достовѣрность которыхъ не ручаюсь.

Я слышалъ, что ходъ сраженія разыгрался не совсѣмъ согласно съ предположеніемъ. По приказу, войска лѣваго фланга должны были овладѣть позиціями къ сѣверу отъ Радишева и, продолжая подаваться на Плевну, занять позиціи, съ цѣлью обстрѣливать правый флангъ и тылъ турокъ передъ Гривицей; затѣмъ должно было послѣдовать новое приказаніе и, на сколько я могу понять диспозицію, можно предположить, что успѣхомъ радишевскаго отряда обусловливались дальнѣйшія дѣйствія гривицкаго отряда. Общій резервъ стоялъ за промежуткомъ этихъ отрядовъ. Слѣдовательно, чѣмъ промежутокъ былъ меньше, тѣмъ успѣшнѣе было бы содѣйствіе резерва. Но это были предположенія, а случайности боя распорядились иначе и оттянули лѣвое крыло князя Шаховскаго къ предмѣстьямъ Плевны *).

Главная сила турокъ собралась на Плевнинскомъ хребтѣ, который высоко поднимался отъ предмѣстій города и одною изъ своихъ крупныхъ вершинъ упирался въ промежутокъ между Гривицей и Радише-

*) Не разъ случалось намъ слышать частныя сужденія о сраженіяхъ подъ Плевною, въ которыхъ занятіе города ставилось какъ бы цѣлью нашихъ дѣйствій. Карта лучше всего покажетъ, что дѣло заключалось не въ Плевнѣ, которая лежитъ въ ямѣ, а въ горахъ, господствующихъ надъ Плевной. Отрядъ, ворвавшійся въ Плевну, могъ быть разстрѣлянъ въ ней, пока нагорные окопы оставались въ рукахъ турокъ.

вымъ. Съ этого хребта турки страшно били войска князя Шаховскаго, и поэтому они естественно и направились туда, откуда ихъ били. Вѣроятно, лѣвый флангъ сознавалъ, что только по овладѣніи этими позиціями онъ въ состояніи будетъ обстрѣливать тылъ турокъ передъ Гривицей. Въ силу такого принуждающаго обстоятельства, два главные наши отряда растянулись на столько, что содѣйствіе небольшаго резерва, своевременно высланнаго на поддержку радишевскаго отряда, могло быть только помощью спасающею, а не рѣшающею бой. При этомъ, нельзя забывать, что войска 9-го корпуса, остановленныя упорнымъ сопротивленіемъ турокъ, не могли подаваться впередъ вмѣстѣ съ войсками князя Шаховскаго. Поэтому радишевскій отрядъ далеко опередилъ гривицкій и очутился безъ резервовъ въ ту минуту, когда на него обрушились турки.

Это было въ тотъ своеобразный часъ второй половины дня, когда становится ни темно, ни ясно, но видѣть можно далеко. Въ это время 1-я линія отряда Скобелева отстаивалась на третьемъ кряжѣ своихъ горъ, и съ нашего расположенія можно было различить, какъ глубокія и длинныя линіи турокъ схватывались съ войсками князя Шаховскаго.

Ни прежде, ни послѣ мнѣ не приходилось наблюдать столь рѣзко обозначенныхъ, какъ бы стоящихъ лицомъ къ лицу и сплошныхъ развернутыхъ линій противниковъ. Рѣзкіе, частые залпы сливались съ дробною пальбой рядами и казалось, что сошедшіеся люди стрѣляли въ упоръ другъ другу. Отъ насъ было видно, какъ колыхались эти двѣ черныя гряды живыхъ людей. То русскіе погонятъ турокъ, то свѣжій ихъ приливъ отъ Плевны охватитъ валомъ и затопитъ подавшійся впередъ участокъ нашихъ войскъ. Но вотъ почти прямыя линіи стали замѣтно изгибаться, и наша загнулась на правомъ флангѣ дугою назадъ, а на лѣвомъ у ней обозначились остроугольные зигзаги.

Быстро наступили глубокія сумерки; въ рѣзкой трескотнѣ сверкали ружейные огни и торопливо подавались впередъ отъ Плевны, въ промежутокъ между Гривицей и Радишевымъ. Наконецъ, зеленогорскій отрядъ увидѣлъ ихъ позади своего праваго крыла, и намъ казалось, что они остановились на одномъ мѣстѣ, но стрѣльба продолжалась.

Ни слова мы не проронили другъ другу при этомъ явленіи; но всякій, кто смотрѣлъ въ лице другого, читалъ въ его глазахъ сознаніе, что мы отбиты.

Тогда генералъ Скобелевъ приказалъ своему отряду отступить на широкую вершину, что̀ восточнѣе шоссе, на высотѣ Кришина. Здѣсь заранѣе былъ назначенъ тотъ предѣлъ, на которомъ имѣвшіяся подъ рукою сотни Кавказской бригады, съ 6-ю конными *) и 6-ю горными

*) № 8-й Донская 4-хъ фунтовая батарея полковника Власова.

орудіями, должны были принять на себя отступленіе нашей первой линіи.

Но едва было отдано ей приказаніе отходить назадъ, какъ турецкая цѣпь двинулась на Зеленыя горы. Еще разъ роты Курскаго батальона открыли по нимъ живой огонь, а на лѣвомъ крылѣ сотни Кавказской бригады снова бросились въ шашки. Турки не довели наступленія до конца и вернулись въ окопы подъ Плевну.

Чтобы не обнаружить передъ ними нашего отступленія *), генералъ Скобелевъ приказалъ казакамъ занять цѣпь въ перемежку со стрѣлками Курскаго полка и поддерживать огонь по всему гребню; затѣмъ, пѣхота должна была отступать, а казаки розыскивать и подбирать раненныхъ, оставшихся въ кустахъ и виноградникахъ.

Двѣ сотни Кавказской бригады остались въ цѣпи для поддержки перестрѣлки, третья сотня назначена для уборки раненыхъ **), а для ближайшей ихъ поддержки 1-я сотня Кубанскаго полка поставлена въ развернутомъ строю на ближайшемъ къ намъ кряжѣ Зеленыхъ горъ.

Уборка раненыхъ происходила медленно. Овраги, кусты, ползучіе виноградники затрудняли переноску людей во мракѣ вечера. Приходилось отыскивать ихъ на голосъ, прислушиваясь къ стонамъ въ кустахъ и въ оврагѣ.

Итакъ, вторая Плевна проиграна. Скобелевъ послалъ одного изъ офицеровъ Кубанскаго полка за приказаніями къ князю Шаховскому, а самъ тихо проѣхалъ по дорогѣ Зеленыхъ горъ, на-встрѣчу отступающимъ съ послѣдняго кряжа, ободряя и благодаря людей. Не торопясь, собиралась пѣхота изъ виноградниковъ, устраивалась на дорогѣ и отходила далѣе по окончаніи провѣрки рядовъ.

Какое-то странное, тупо-холодное чувство проникло во все живое, находившееся на Зеленыхъ горахъ. Мы отступали, потому что отступили другіе; а прикажи намъ наступать, — некому было двинуться впередъ. Чего же турки думаютъ, почему они до сей поры не бросились на насъ, чтобы прогнать и завладѣть тѣми высотами, съ которыхъ орудія ихъ могли бы доконать войска князя Шаховскаго.

На этихъ высотахъ стояли уже готовыя къ бою 5 сотенъ Кавказской бригады и 12 конныхъ орудій. „Хорошо ли занята гора?“ спросилъ Скобелевъ того, кому поручено было заняться ею, и, успокоенный докладомъ, поѣхалъ дальше, къ третьему кряжу Зеленыхъ горъ. Помню, что въ это время подлѣ него были: генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ, капитанъ Стромиловъ, исправляющій должность бригаднаго

*) Чему не мало помогла наступившая темнота.

**) Я затрудняюсь назвать №№ сотенъ, оставшихся въ цѣпи, такъ какъ онѣ цѣлый день смѣнялись и усиливались въ боевой линіи, поэтому и не помню, которыя именно остались на горахъ.

адъютанта Кавказской бригады, Владикавказскаго полка сотникъ Шанаевъ, пріѣхавшій съ докладомъ съ праваго фланга Зеленыхъ горъ, Кубанскаго полка сотникъ Фокъ, охотникъ Сергѣй Верещагинъ и я *).

Первые двое тотчасъ же были направлены съ распоряженіями въ части отряда; Шанаеву, всегда хладнокровному въ огнѣ, разумно-настойчивому при исполненіи самыхъ сложныхъ и опасныхъ порученій, приказано генераломъ Скобелевымъ руководить огнемъ казачьей цѣпи и отступить только тогда, когда онъ лично убѣдится, что ни единаго раненаго не останется въ кустахъ. На помощь ему назначенъ неустрашимый Сергѣй Верещагинъ. Генералъ Скобелевъ, Фокъ, 4 казака и я остались на дорогѣ.—„Спасибо, молодцы, славно работали сегодня“, говорилъ Скобелевъ собиравшимся на Зеленыхъ горахъ ротамъ Курскаго батальона.—„Рады стараться“, отвѣчали молодцы, продолжая выразительные разсказы другъ другу о десятичасовомъ кровопролитномъ боѣ.—„Кто здѣсь офицеръ“, спросилъ Скобелевъ у крайняго звена, стоявшаго по лѣвую сторону шоссе и не отступавшаго, какъ то было приказано. — „Офицера нѣтъ“, отвѣчалъ стрѣлокъ, „долженъ быть на лѣвомъ флангѣ, а тутъ фельдфебель“, и въ это время какъ бы изъ земли выросъ стоявшій по поясъ во рву молодчина, отвѣтившій: „я, ваше превосходительство!“—„Отчего же ты не отступаешь?“ продолжалъ Скобелевъ.—„Не получили приказанія: офицеръ не приходилъ“.

Но онъ, этотъ труженикъ пѣхотный офицеръ **), давнымъ давно пробирался по звеньямъ своей роты и каждому звену передавалъ: „отходи назадъ, казаки будутъ въ цѣпи, а вы собирайтесь на дорогѣ“. Не трудно произнести эти нѣсколько словъ, но не легко было ему, проведшему весь день въ огнѣ, пройти отъ одного конца разсыпанной роты до другого и передать каждому звену то, что̀ нужно было исполнить. Офицеръ подошелъ къ генералу Скобелеву. Оказалось, что онъ участвовалъ въ той непозволительно дерзкой атакѣ, въ которой горсть людей ударила на два табора турокъ, находившихся въ 20-ти саженяхъ отъ орудій Прохоровича.

Какъ они смѣли ударить на два табора турокъ, почему они опрокинули турокъ, какъ все это случилось—никому неизвѣстно; но вѣрно только то, что это было на яву, а не во снѣ.

---

*) Сергѣй Верещагинъ, второй братъ В. В. Верещагина, цѣлый день состоялъ при генералѣ Скобелевѣ. Замученный, какъ и всѣ остальные ординарцы, онъ всюду былъ посылаемъ, какъ и военные чины. Боевые ряды ознакомились съ толковою и пылкою личностью „нашего статскаго“ охотника, всегда добраго, милаго, но до безразсудства запальчиваго въ огнѣ, Сергѣя Васильевича Верещагина. Для болѣе опредѣленнаго очертанія его личности я приведу въ своемъ мѣстѣ рапортъ полковника Бакланова, въ отрядъ котораго онъ отправился изъ-подъ Ловчи. За 18-е Іюля Верещагинъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена.

**) Одинъ или два на всю роту.

— „Спасибо казакамъ", прибавилъ офицеръ Курскаго полка, „выручили, а то пришлось-бы плохо".

Это была первая, чистосердечная похвала, высказанная конницѣ пѣхотинцемъ. Не всегда конницѣ удается это слышать. Много работала и выручала Кавказская бригада со дня перехода Дуная до 18-го Іюля, не меньше она дѣлала для другихъ и потомъ до Октября мѣсяца, но такого братскаго спасибо не слыхала. Рѣдко мы работали общими силами, какъ это было сегодня: бо́льшею частью насъ ставили особнякомъ *), но не въ достаточныхъ силахъ для успѣшнаго дѣйствія конницы. Не смотря, однако, на искреннее „спасибо" начальника отряда, онъ былъ въ грустномъ настроеніи духа. Вмѣсто обыкновенно-оживленнаго разговора, обмѣнивался отрывочными словами и, задумчиво опустивъ голову, ѣхалъ къ Плевнѣ на-встрѣчу отступающимъ.

Миновали мы нашу цѣпь и уже спускались углубленной въ горахъ дорогой на низину передъ Плевной.—„Куда же мы ѣдемъ?" рѣшился я спросить генерала, и онъ остановился, какъ бы очнувшись отъ вопроса. Черезъ секунду мелькнули передъ нами въ ста шагахъ четыре турецкихъ пѣхотинца; они прокрадывались въ гору и мгновенно пріостановились передъ кучкой всадниковъ на дорогѣ; но два Владикавказскихъ казака уже стояли передъ генераломъ съ винтовками въ рукахъ. Турки скрылись за горою, и ихъ невозможно было различить, хотя казаки и подались впередъ еще шаговъ на 50.

Вправо, за тученицкимъ оврагомъ, но далеко позади насъ, загорались и потухали зигзаги ружейныхъ огней у князя Шаховскаго.

— „Что же это такое?" спросилъ самого себя Скобелевъ: „отступаетъ Шаховской, или удерживаетъ турокъ?" „Фокъ! узнайте въ чемъ дѣло, поѣзжайте туда и не возвращайтесь безъ опредѣленнаго донесенія", обратился онъ къ сотнику Фоку.

Сотникъ Фокъ съ двумя казаками Владикавказскаго полка немедленно поѣхалъ на огни; переправился черезъ тученицкій оврагъ выше Зеленыхъ горъ и попалъ въ самый разгаръ ружейной перестрѣлки. Турки стрѣляли по казаку, русскіе принимали его за черкеса, пока не удалось ему подъѣхать къ тыльной сторонѣ Радишева. Передъ этимъ селеніемъ генералъ Горшковъ устраивалъ перемѣшанныхъ боемъ людей разныхъ полковъ и велъ упорную перестрѣлку съ турками, которые остановились передъ нимъ. Узнавъ здѣсь объ отступленіи бо́льшей части лѣваго фланга, Фокъ направился на правый флангъ нашихъ войскъ, пробираясь между двумя линіями огней, и только отъ 6½ часовъ утра 19-го

*) Въ Сентябрѣ былъ составленъ кавалерійскій корпусъ для самостоятельныхъ дѣйствій за Видомъ. Объ условіяхъ его обстановки будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Іюля онъ могъ прислать отъ генерала Вельяминова записку, въ которой говорилось:

„Генералъ Вельяминовъ сказалъ, что ему поручено собрать войска и отступить въ Турскій Тростяникъ. Я ѣду въ Тростяникъ получить приказанія для Кавказской бригады".

Записка Фока была доставлена къ намъ утромъ 19-го числа, когда мы отступили уже по приказанію князя Шаховскаго, полученному во время отсутствія Фока; но она важна, какъ доказательство, что нѣкоторыя части русскихъ войскъ до утра оставались на мѣстахъ сраженія. По принятому мною правилу не распространяться о боѣ, котораго я не видалъ, умалчиваю о слышанныхъ мною разсказахъ про эту ночь; но знаю за достовѣрное, что, кромѣ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ частей, и часть Чугуевскаго уланскаго полка до утра оставалась въ окрестностяхъ Радишева. Она сторожила пространство отъ тученицкаго оврага до лѣваго крыла князя Шаховскаго и, собравъ не малое число разбредшихся строевыхъ людей и санитаровъ, утромъ 19-го числа отошла къ Парадиму, оставя сторожевые посты на Плевну.

Но пока сотникъ Фокъ пробирался къ главнымъ нашимъ силамъ, отрядъ генералъ-маіора Скобелева сосредоточивался на высотѣ Кришина, восточнѣе ловчинскаго шоссе. Когда генералъ Скобелевъ получилъ положительныя донесенія отъ сотника Шанаева и Сергѣя Верещагина о томъ, что всѣ, кто подавалъ признаки жизни, подобраны, тогда передовая наша цѣпь отошла къ отряду, а 1-я сотня Кубанскаго полка выдвинула сторожевые посты на Зеленыя горы, отъ Кришина до тученицкаго оврага. Батальонъ Курскаго полка сталъ у шоссе; Кавказская бригада расположилась правѣе его, ближе къ тученицкому оврагу; батареи заняли свои позиціи, ожидая вѣроятнаго наступленія турокъ, а часть Кавказской бригады была приготовлена къ пѣшему бою, но турки насъ не потревожили.

Въ 10 час. вечера генералъ Скобелевъ получилъ приказаніе *) отъ князя Шаховскаго отступить на Боготъ и Пелишатъ. Въ это время всѣ мы сидѣли подъ большою грушей, что одиноко стоитъ правѣе шоссе, между Кришиномъ и Брестовцомъ. Оказавшіеся у кого-то въ торокахъ болгарскій сыръ и немного вина, не разъ выручавшіе насъ прежде, и теперь были вкусною пищею на случайномъ досугѣ темной ночи **).

— Отступить на Пелишатъ — прочелъ Скобелевъ. — Окончена-ли перевязка раненыхъ? спросилъ онъ.

Отвѣты были въ такомъ смыслѣ, что принять ихъ было можно за

*) Съ однимъ изъ трехъ офицеровъ Кубанскаго полка, весь день сообщавшихся съ княземъ Шаховскимъ. Это были хорунжіе Мѣняевъ, Милашевичъ и Цамай.

**) Нижнимъ чинамъ, какъ и всегда наканунѣ перехода или сраженія, приказано было имѣть по куску вареного мяса.

да и нѣтъ, т. е. кого успѣли перевязать, тѣ готовы, остальныхъ перевяжемъ въ Пелишатѣ.

— Не отступлю, сердито отвѣчалъ Скобелевъ, пока перевязка не будетъ окончена, и снова усѣлся подъ грушей доканчивать свой кусокъ сыра. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ начальника своего штаба, полковника Паренсова, для подробнаго донесенія князю Шаховскому и за полученіемъ дальнѣйшихъ уясненій нашего положенія. Часа два прошло въ ожиданіи окончанія перевязки раненыхъ.

Много безпокойныхъ, гнетущихъ, а пожалуй, и злобныхъ мыслей промелькнуло въ головѣ въ это время. По крайней мѣрѣ я каюсь въ томъ, что припомнилъ „разсказы“ якобы „на основаніи неопровержимыхъ данныхъ“, по которымъ были отысканы виновники нашего пораженія подъ „первой Плевной“. Кого-то отыщутъ во вторую Плевну? А для молвы, хватающей все на-слово и на-скоро, не трудно указать виноватаго, и нѣсколько мѣсяцевъ обвиненіе тяготѣетъ надъ человѣкомъ. А тамъ горячее время пройдетъ, все позабудется, и никому нѣтъ дѣла до того, какъ и что произошло на самомъ дѣлѣ.

Но изъ всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній, испытанныхъ въ разговорѣ подъ этой грушей, я твердо помню одно предсказаніе генерала Скобелева 2-го, выведенное имъ изъ оцѣнки мѣстности 18-го Іюля. Я сказалъ уже, что всѣхъ насъ смущала широкая вершина, которую мы теперь занимали. Если бы мы утвердились на ней, то могли бы обстрѣливать площадь Кришина, т. е. препятствовать туркамъ, которые должны были возвести батареи у Кришина, чтобы затруднить намъ доступы къ ихъ правому крылу. Отъ Кришина приступъ къ Плевнѣ былъ бы выгоднѣе, чѣмъ отъ Зеленыхъ горъ, которыя должны были служить только обезпеченіемъ отряда, наступающаго по плевно-ловчинскому шоссе. Въ предчувствіи будущихъ потерь, Скобелевъ не только раздѣлялъ мнѣніе о важности занятой нами мѣстности, но развивалъ его до широкихъ размѣровъ. „Намъ слѣдуетъ“, говорилъ онъ, „создать здѣсь свою недоступную Плевну, окопаться вокругъ нея съ превосходными силами, отобрать Ловчу и окрылить себя отъ Никополя на Сельви многочисленною конницею, тогда и конница принесетъ пользу, а Плевна погубитъ турокъ. Если мы не укрѣпимъ теперь же эти горы, турки воспользуются ими“. На новой рекогносцировкѣ Зеленыхъ горъ, 24 Августа, турецкія гранаты осыпали насъ вблизи этой груши. Наконецъ, раненые были перевязаны, уложены на подводы, и мы около часу ночи вытянулись къ боготскому ручью по направленію на Пелишатъ.

19-е Іюля.

Часть раненыхъ заблаговременно была отправлена въ теченіи дня до Богота, остальные слѣдовали между сотнями Кавказской бригады; за-

затѣмъ шелъ Курскій батальонъ, а въ арьергардѣ сотня Кубанскаго полка.

Уныло спускались наши сотни отъ плевно-ловчинскаго шоссе въ прохладную балку боготскаго ручья. Ушли мы отъ турокъ съ надеждой вздохнуть и окрѣпнуть на мѣстѣ, а тутъ, какъ нарочно, буйволы, запряженные въ повозки съ ранеными, стали упираться на косогорѣ, колесо повозки засѣло въ глубокой рытвинѣ, и раненые чуть не повалились на землю.

„Стой, стой!" раздается по всей колоннѣ. „Что̀ такое? узнайте, что̀ случилось", и дробный топотъ горскаго коня намъ говоритъ, что побѣжалъ казакъ узнать въ чемъ дѣло, а колонна остановилась. Непріятны подобныя остановки въ ночномъ переходѣ. Мало ли что́ можетъ означать это перекатное „стой! стой"! Нельзя не обратить на него вниманія, нельзя бросить повозокъ, нельзя не остановить голову колонны: въ противномъ случаѣ вся она растянется, перемѣшается и бѣда, если въ такомъ случаѣ вдругъ потребуется настоятельное „стой", для неожиданнаго боя съ непріятелемъ. Не въ выгодномъ положеніи будетъ отрядъ, въ которомъ части его не отбиты другъ отъ друга, такъ чтобы каждая изъ нихъ „шла въ своемъ ящикѣ".

Пока справлялись съ повозкой, отъ Плевны по-временамъ долетали звуки какъ будто ружейныхъ залповъ, но изъ арьергардной сотни не было никакого тревожнаго донесенія. Въ сторону Плевны были раскинуты разъѣзды; мы находились на полпути до Богота и намъ надо было торопиться, чтобы хоть куда-нибудь поспѣть отсюда. Двинувшись изъ Богота на Пелишатъ, мы могли подойти къ отступающему отряду князя Шаховскаго и, быть можетъ, поддержать его противъ турокъ. Наконецъ, справились съ повозкой, спустили раненыхъ съ горы и успокоились на томъ, что новая задержка можетъ встрѣтиться только на узкомъ мостикѣ передъ Боготомъ. Хотѣли уже тронуться съ мѣста, но казачьи лошади не пили цѣлый день, работая съ утра до ночи подъ сѣдломъ. Поэтому онѣ, какъ бы вытребовавъ себѣ водопоя, потянулись къ холодному ручью, не запруженному еще падалью, какъ это было въ тяжелые дни „третьей Плевны". Тяжело навьюченные кони казаковъ торопливо пробивались по высокой росистой травѣ, плотно уперлись въ ручей и, не отрываясь, всасывали въ себя воду послѣ пятнадцати-часовой работы.

Кони освѣжились, но и люди требовали отдыха. Пѣхота положительно изнемогла, и потому генералъ Скобелевъ 2-ой далъ въ Боготѣ часовой отдыхъ своему отряду.

Никогда слово привалъ не имѣло для меня такой наглядности, какъ въ Боготѣ! Кавказская бригада стянула свои полки на высоту конныхъ батарей, сомкнувшихся во взводную колонну, собрался Курскій батальонъ, и все, что́ стояло на ногахъ, въ буквальномъ смыслѣ при-

валилось къ землѣ и крѣпко заснуло. Не смыкали глазъ лишь часовые да казачьи дозоры. Черезъ часъ бивакъ поднялся и двинулся на Пелишатъ. Свѣтало. Генералъ Скобелевъ пропустилъ мимо себя весь отрядъ, требуя совершенно сплоченнаго движенія отдѣльныхъ частей на походѣ. Этимъ способомъ онъ во всякую минуту владѣлъ своимъ отрядомъ, вполнѣ оправдывая донесеніе, что отступилъ въ полномъ порядкѣ. Отдохнувъ, люди шли весело, бодро, какъ бы не чувствуя усталости. Къ тому-же нѣкоторымъ удовлетвореніемъ самолюбія за 18-е іюля служило и то обстоятельство, что въ послѣднія минуты боя не турки принудили отойти зеленогорскій отрядъ, а общее отступленіе нашихъ главныхъ силъ. Конечно, это чувство далеко не было самообольщеніемъ, такъ какъ всякій сознавалъ, что туркамъ стоило двинуть три-четыре батальона на Зеленыя горы, и отрядъ не имѣлъ бы этого утѣшенія.

Желая, по-возможности, больше придать бодрости людямъ, генералъ Скобелевъ еще разъ благодарилъ ихъ и, обратясь къ нимъ съ веселымъ привѣтомъ, приказалъ развернуть батальонное знамя. Его широкое полотно красиво развѣвалось за большими распущенными значками кавказскихъ сотенъ и движеніе наше скорѣе походило на торжественное шествіе побѣдителей, чѣмъ на грустное отступленіе послѣ пораженія. Сколько помнится, были вызваны и пѣсенники. Вообще говоря, рѣдко обходилось безъ нихъ при возвращеніи изъ дѣла, но не рѣдко при этомъ слышалось: „запѣвало раненъ, зурнистъ убитъ подъ Градешти“. Какъ теперь помню эти послѣднія слова командира 4-й сотни Владикавказскаго полка, у котораго была лучшая зурна въ цѣломъ полку. Грусть давила истомленную душу; но начиналась боевая пѣсня казака и казалось, что вся окрестность проникалась впечатлѣніемъ ея заунывнаго напѣва, и глубоко закрадывались въ сердцѣ давно завѣтныя слова:

„Братья, всѣ въ одно моленье
Ду́ши русскія сольемъ;
Нынѣ день поминовенья
Падшихъ въ полѣ боевомъ.
Но не вздохами печали
Память храбрыхъ мы почтимъ,—
На безсмертныя скрижали
Имена ихъ начертимъ“.

Становилось веселѣе, разсѣявалось мрачное настроеніе духа, отдѣльныя части шли кучнѣе и легче было имѣть ихъ въ рукахъ, дабы вновь направить на трудное дѣло, безъ боязни за неблагопріятную обстановку или неожиданнаго впечатлѣнія *).

*) Въ поясненіе значенія въ дѣлѣ впечатлѣнія, уже хорошо оцѣненнаго военной исторіей, разскажу случаи изъ прошлыхъ нашихъ дней. Въ одномъ изъ послѣдующихъ

Мы подходили къ Пелишату, черезъ который уже прослѣдовали главныя силы 11-го корпуса. Это извѣстіе мы получили отъ нашихъ разъѣздовъ, сообщившихъ также, что передъ Радишевымъ держится отрядъ нашихъ войскъ, и что между Пелишатомъ и Парадимомъ тянутся подводы, назначенныя для подбора раненыхъ, которые съ отсталыми тянулись за главными силами. Часть Чугуевскаго полка оставалась еще въ треугольникѣ между Сгалевицами, Пелишатомъ и Радишевымъ; поэтому съ нашей стороны нужно было только нѣкоторое содѣйствіе и генералъ Скобелевъ приказалъ запиской отъ 19-го Іюля, 4 ч. утра: „Отрядить взводъ для прикрытія подводъ, назначенныхъ для подбора раненыхъ между Парадимомъ и Пелишатомъ" *).

Сколько помнится, мы въ это время находились между Боготомъ и Пелишатомъ, почти на высотѣ Тученицы. Продолжая подаваться на Пелишатъ и подойдя на высоту Тученицы, мы услышали влѣво отъ насъ одиночные орудійные выстрѣлы, какъ казалось, между Радишевымъ и Гривицей. Тутъ нашъ отрядъ былъ остановленъ, и бо́льшей части Кавказской бригады, съ 4-мя орудіями 8-й Донской батареи, было приказано идти на выстрѣлы къ Радишеву. Для этого слѣдовало свернуть съ углубленной дороги, по которой мы двигались, и пропустить повозки съ ранеными. Эта пріостановка потребовала нѣкотораго времени и измѣнила наше направленіе.

Полковникъ Паренсовъ, посланный съ Зеленыхъ горъ къ князю Шаховскому, проѣздивъ всю ночь по полю сраженія, въ свою очередь, побывалъ подъ огнемъ у Радишева и засталъ войска 11-го корпуса у Пелишата. Главныя силы собирались у Парадима и въ Тростяникѣ.

сраженій послѣ 18-го Іюля многимъ изъ Кавказской бригады пришлось быть свидѣтелями, какъ одинъ изъ батальоновъ, бывшихъ подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го, шарахнулся въ разныя стороны отъ упавшей въ него гранаты. Батальонъ былъ въ ружьѣ, хотя и не въ надлежащемъ еще строѣ. Разсерженный такою неожиданностью, генералъ Скобелевъ собралъ батальонъ и тутъ же подъ выстрѣлами сдѣлалъ ему ученье; но не далѣе какъ вчера, этотъ же батальонъ безстрашно лѣзъ на турецкіе валы и взялъ ихъ штыками.—Въ сраженіи 18-го Іюля подъ Плевной случилось то же самое на Зеленыхъ горахъ. Такъ какъ я не былъ свидѣтелемъ случившагося, то лишь къ слову разскажу что́ слышалъ, увѣренный, что разсказомъ своимъ не задѣну самолюбія людей, самоотверженно дравшихся съ утра до ночи. Въ ту минуту, когда $3^1/_2$ роты Курскаго батальона подходили къ нашей 1-й боевой линіи, турки валомъ пошли на нее и были уже не въ далекомъ разстояніи. Была минута полнаго отчаянія, когда Скобелевъ почувствовалъ, что ослабленные боемъ стрѣлки какъ-то неохотно поднимались и собирались для отпора. Онъ бросился къ сосѣднему звену, лично поднялъ его на ноги и, неувѣренный еще въ самообладаніи людей, гнѣвно укорилъ ихъ въ вялости подъема, въ наказаніе заставивъ ихъ продѣлать ружейные пріемы. Тѣмъ временемъ къ звену примкнули сосѣди, настроеніе духа измѣнилось и прибывшія роты, поддержанныя казаками, опрокинули турокъ.

*) Привожу дословныя копіи со всѣхъ приказаній, такъ какъ только этимъ способомъ можно дать вѣрный отчетъ о дѣйствіяхъ отряда и о скорости его движенія.

Часть изъ нихъ была направлена въ Булгарени, а отряду генерала Скобелева приказано идти на Пелишатъ и ожидать въ немъ дальнѣйшихъ приказаній. Полковникъ Паренсовъ увѣдомилъ и о томъ, что сводный полкъ Бакланова пришелъ изъ Ловчи и поджидаетъ насъ у Пелишата *). Пелишатъ, гдѣ находился корпусный командиръ, былъ у насъ передъ глазами; отрядъ генерала Горшкова получилъ приказаніе отступить, но былъ еще у Радишева, и Скобелевъ 2-й поспѣшилъ въ Пелишатъ, чтобы лично переговорить съ княземъ Шаховскимъ. Тамъ онъ получилъ приказаніе выступить на поддержку генерала Горшкова съ 4-мя сотнями Бакланова, при 4-хъ 9-ти-фунтовыхъ орудіяхъ одной изъ пѣшихъ батарей, находившихся уже за Пелишатомъ.

Но можно полагать, что князь Шаховской имѣлъ въ виду отправить въ Радишево какой либо иной отрядъ подъ начальствомъ Скобелева 2-го, такъ какъ въ 7 часовъ утра 19-го іюля я получилъ отъ генерала слѣдующее приказаніе изъ Пелишата:

„Полковникъ Тутолминъ сосредоточитъ весь отрядъ въ Пелишатѣ (10 сотенъ линейцевъ, 4 сотни донцевъ, 8 кон. 4 ф. оруд., 6 горн. оруд., 1 батальонъ пѣхоты, 4 пѣш. 4 ф. ор.) и ждетъ тамъ приказаній. Если бы полковникъ Тутолминъ получилъ приказанія отъ корпуснаго командира, то онъ немедленно исполняетъ, стараясь войти въ связь со мною около Радишева и на пути оттуда къ Пелишату".

Но, вѣроятно, какъ я сказалъ, послѣдовала перемѣна, и Скобелевъ пошелъ на Радишевъ съ Баклановымъ и 4-мя пѣшими орудіями и скоро соединился съ Горшковымъ, отступившимъ на Пелишатъ.

Вслѣдъ за симъ и мы получили приказаніе отойти въ Парадимъ, гдѣ стояли уже войска князя Шаховскаго. Разъѣзды были высланы далеко на Ловчу и на Плевну, а на высокой площади по сѣверную сторону Парадима войска на-скоро окопались. Нашъ отрядъ расположился на южной, низменной сторонѣ деревни. И здѣсь мы также недоумѣвали, отчего турки насъ не преслѣдуютъ; турки же оставались въ Плевнѣ, а болгаре, позднѣе, выдавали за достовѣрное, что во время сраженія турки готовились къ отступленію. „Если бы вы еще часа два продержались, то Плевна была бы ваша". Впрочемъ, это говорили они намъ послѣ каждаго сраженія подъ Плевной. Но какъ бы то ни было, вѣроятно, и туркамъ было тяжело, если они не выслали вслѣдъ за нами нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ, которые вернулись бы съ хорошею добычей.

*) 2 сотни Донскаго 23-го и 2 сотни Донскаго 30-го полка съ 2-мя орудіями Донской 6-й батареи, назначенныя въ составъ отряда генерала Скобелева распоряженіемъ отъ 10-го Іюля 1877 г. за № 783-мъ. Сотня Владикавказскаго полка, бывшая въ Сельви, присоединилась къ намъ черезъ нѣсколько дней.

Итакъ, подъ Парадимомъ собрались войска князя Шаховскаго и образовали нѣчто въ родѣ встрѣчнаго отряда.

Трудно передать все, что́ слышалось въ этотъ день; но лично для меня памятны отдѣльныя впечатлѣнія, испытанныя утромъ 19-го Іюля, въ Парадимѣ. Знаю, что старшій начальникъ въ Парадимѣ былъ подавленъ горемъ. Храбрость и распорядительность отличали его въ бою, но несчастье и силы противника томили его и онъ какъ бы вобралъ въ себя открытыя, свѣтлыя стороны хорошаго человѣка. Ближайшій помощникъ его хотѣлъ казаться веселымъ, но судорожно вздергивалось его лице, обличая скрываемую скорбь, готовую вылиться слезою. Глядя на него, нельзя было не замѣтить, что душа его потрясена впечатлѣніями и воспоминаніями вчерашняго дня.

Въ это утро я не встрѣтилъ уже многихъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ разговаривалъ два дня тому назадъ. Тѣмъ отраднѣе были встрѣчи съ уцѣлѣвшими въ бою. Одна изъ этихъ встрѣчъ имѣетъ даже отношеніе къ вчерашнему сраженію. Случайно мнѣ попался адъютантъ Великаго Князя Главнокомандующаго, Дерфельденъ, прибывшій 15-го Іюля къ командиру 9-го корпуса съ приказаніями, въ числѣ которыхъ долженъ былъ передать на словахъ и рѣшительно выраженное желаніе Главнокомандующаго:

„Вести дѣло съ Плевной не иначе, какъ навѣрняка, въ виду важности послѣдствій, сопряженныхъ съ приступомъ на Плевну“.

— Почему же мы пошли на Плевну?

— Послѣ меня былъ полученъ письменный отвѣтъ на докладъ, составленный въ военномъ совѣтѣ у генерала Криденера; содержанія его я не знаю, а во время сраженія находился въ распоряженіи князя Шаховскаго.

Такъ какъ ни онъ, ни я этого письменнаго отвѣта не читали, то не считаю себя вправѣ и распространяться о немъ; но, вѣроятно, въ смыслѣ полученнаго отвѣта было что нибудь такое, что дало право рѣшиться на приступъ къ турецкимъ окопамъ, а можетъ быть къ этому вынудили и другія, неизвѣстныя намъ, обстоятельства.

Вотъ и все, что можетъ знать нашъ братъ, не находящійся у источника приказаній. Какое же можно вывести заключеніе изъ разсказовъ, другъ другу прямо противоположныхъ? Видѣвшій одного гонца убѣждается, что приступъ желали отклонить, предостерегая на-счетъ неудачи; невидавшій его будетъ вправѣ утверждать о безусловномъ приказаніи атаковать Плевну. Но на войнѣ нѣтъ безусловнаго, точно такъ же, какъ не должно быть и гадательнаго.

Безусловное должно проявляться лишь въ нравственномъ закалѣ войска, которое потому и совершаетъ великіе подвиги, что просто „несетъ службу“. „Такъ быть должно“, подсказываетъ рядовому его доля,

и онъ идетъ умирать на турецкіе окопы. „Такъ быть должно", внушаетъ сознаніе долга офицеру, и онъ увлекаетъ роту на турецкіе штыки. Онъ палъ, проколотый штыками на глазахъ своей роты: „на то Господня воля", промолвитъ рядовой, и самъ идетъ за нимъ на штыкъ или навстрѣчу пулѣ, потому что такъ быть должно.

Какія угодно испытанія вынесетъ войско, воспитанное въ такомъ духѣ; но нельзя забывать, что въ трудахъ и бѣдствіяхъ ему нужна передышка. Благотворную силу этой передышки я наблюдалъ утромъ 19-го Іюля.

Наканунѣ войска дрались съ утра до ночи и отступили въ изнеможеніи. Сверхсильное напряженіе, большая убыль въ начальникахъ и собственно въ боевой силѣ,—вотъ естественныя и единственныя причины того, что нѣкоторыя части, какъ говорятъ, отступали не строемъ, а уходили, какъ попало. Иначе и быть не можетъ, когда напоръ противника, ободреннаго своею численностью, силенъ, и слабая не духомъ, а количествомъ сторона гнется подъ его ударомъ. И вотъ, сила ломитъ и стойкій падаетъ подъ ея ударомъ; менѣе упорный отбѣжитъ самъ, не зная почему и забывая, что пуля нагонитъ его и въ отступленіи; ему послѣдуетъ другой, крѣпкій только въ сосѣдствѣ съ товарищемъ; ихъ примѣромъ увлекутся двадцать, но за ними уже не отступятъ, а отхлынутъ сто, триста; на мѣстѣ же останется лишь малая горсть, увлеченная боемъ, которую не всегда и замѣтятъ во мракѣ. Все кругомъ безсознательно идетъ назадъ. Куда?—„Просто назадъ"; туда, куда глаза глядятъ. Но дайте передышку за заслономъ свѣжей силы: ослабѣвшіе вздохнутъ, обернутся тыломъ къ тылу, и снова будутъ готовы въ бой, потому что собрались, и подавятъ противника, отъ котораго катились, какъ отливъ.

Легко выговорить: „приказано отступать". Кому не приходилось отступать изъ-подъ огня, тому трудно представить себѣ, что́ значитъ отвести людей въ безопасное мѣсто во мракѣ и притомъ съ того широкаго пространства, на которомъ происходитъ бой. Въ битвѣ, напримѣръ, 18-го Іюля наша пѣхота, не включая въ то число зеленогорскаго отряда, занимала семь верстъ протяженія. Мнѣ кажется, что самъ отходящій назадъ даже не можетъ прочувствовать всей тягости общаго нестройнаго отступленія: ему есть возможность перекинуться словомъ съ сосѣдомъ и найти оправданіе въ своей совѣсти. Вся тяжесть положенія въ такомъ случаѣ всецѣло чувствуется лишь начальникомъ. Львиная доля достается ему въ дѣлежѣ успѣха и славы, но онъ одинъ выноситъ на себѣ всю отвѣтственность и за пораженіе.

Онъ пробуетъ собрать свои полки, но какъ песокъ изъ-подъ ладони они ускользаютъ изъ его воли. Въ отчаяніи онъ братается со смертью, но не берутъ его пули. Ужасная минута! Вѣроятно, были такія минуты

на протяженіи отъ Гривицы до тученицкаго оврага; но въ темнотѣ ночи турки не замѣтили переживавшихъ эти минуты.

Утромъ же 19-го Іюля солнце взошло не надъ разбитымъ войскомъ, а уже надъ бодрымъ русскимъ станомъ, и казалось, что каждый рядовой выражалъ собою: „теперь мы здѣсь стоимъ, иди сюда". Но „онъ" не пришелъ къ намъ въ Парадимъ.

Мысли эти пришли мнѣ въ голову въ то время, когда я встрѣтился съ Дерфельденомъ и дорогимъ для моихъ воспоминаній его собесѣдникомъ, В. С. Россоловскимъ, корреспондентомъ газеты „Новое Время". Они вмѣстѣ пріѣхали изъ главной квартиры подъ Плевну, вмѣстѣ провели вчерашній день въ войскахъ князя Шаховскаго, и я случайно нашелъ ихъ обоихъ, возвращаясь изъ Парадима послѣ доклада о нашемъ прибытіи изъ Пелишата. Для меня они были оба свободными, непричастными къ отвѣтственности людьми, и встрѣча съ ними какъ бы перенесла меня отъ дѣла къ досугу. Радушіе сосѣда-артиллериста, напоившаго ихъ чаемъ, возвратило уже имъ веселость, а вниманіе Россоловскаго къ усталому, хотя доселѣ и незнакомому ему человѣку, доставило и мнѣ возможность хлебнуть этого освѣжающаго, теплаго чаю. Но не въ чаѣ дѣло, а въ задушевной добротѣ и помощи, въ какой бы мелочи она ни проявилась. Радушіе на столько возбуждаетъ утомленныя силы, что хоть на минуту позабудешь свою грустную долю, а тѣмъ временемъ успѣетъ пріютиться въ сердцѣ благодарное воспоминанье и почувствуешь себя бодрѣе: горечь исчезаетъ, на совершающееся вокругъ глядишь веселѣе. Такъ и я въ бесѣдѣ съ Дерфельденомъ и Россоловскимъ не думалъ уже о вчерашнемъ грустномъ отступленіи и отдыхалъ, глядя на своеобразную жизнь бивака. Я любовался на оживлявшую его, не поддающуюся испытаніямъ, могучую русскую душу.

Пусти вчера турки, думалось мнѣ, въ догонку 700—800 всадниковъ, вѣдь половины не было бы того, что бодро и весело стоитъ теперь въ Парадимѣ!

Пѣхотинцы, болѣе другихъ родовъ войскъ подвижные, весело бѣжали съ котелками, и, столпившись подъ горою у ручья, шутили, какъ ни въ чемъ не бывало; артиллеристы, словно послѣ ученья, не торопясь, промывали свои пушки, и каждый былъ занятъ своимъ обиходомъ. Не знай я о томъ, что́ происходило вчера, и въ голову не пришло бы подумать о туркахъ. Словомъ, люди „вздохнули" и снова были готовы на какую угодно работу.

Тѣмъ временемъ вырабатывались въ штабѣ новыя рѣшенія, послѣдствіемъ которыхъ, между прочимъ, было приказаніе одному полку Кавказской бригады быть готовымъ выступить въ Булгарени.

Не могу припомнить, по какому именно поводу одинъ изъ полковъ нашей бригады былъ отправленъ въ Булгарени; но знаю, что, по пути

слѣдованія, онъ долженъ былъ принять транспортъ раненыхъ и отъ Булгарени освѣтить площадь на Сельви-Ловчу. Знаю также и то, что въ Булгарени было приступлено къ укрѣпленію оборонительной позиціи. Если не ошибаюсь, то тамъ находилась часть девятаго корпуса, но безъ конницы, и потому въ первые дни послѣ Плевны казачій полкъ былъ бы тамъ нелишнимъ. Окончательное приказаніе объ отправленіи полка мы должны были получить по возвращеніи Скобелева и Паренсова изъ штаба 11-го корпуса, куда они отправились съ заключеніями, выведенными изъ вчерашняго сраженія. У меня въ рукахъ находится собственноручная записка Скобелева, которую онъ набросалъ для памяти, отправляясь къ корпусному командиру. Считаю себя вправѣ привести ее здѣсь, предполагая, что она должна быть достояніемъ будущей оцѣнки событій подъ Плевной. Записка начинается замѣтками относительно Ловчи. Такъ какъ дѣйствія наши будутъ связаны съ этой послѣдней, то привожу дословный списокъ набросанныхъ отдѣльныхъ мыслей и предположеній, выведенныхъ изъ опыта прошедшихъ дней.

Вотъ эта записка:

1) „Характеръ мѣстности между шоссе Ловча-Сельви и Осмой. Положеніе отряда, посланнаго для сохраненія связи, пользы не принесетъ. Почему?“

2) „Жалкое положеніе казачьей бригады“.

3) „Какъ турки будутъ наступать изъ Ловчи“.

4) „Свѣдѣніе о Хафизѣ-пашѣ съ 40 т. Лучшіе генералы: Эюбъ, Сулейманъ и Хафизъ“.

5) „Рижскій полкъ“ *).

6) „Какъ глядимъ на Плевну;—самоважнѣйшій пунктъ и съ этимъ надо помириться. 70 т. соберутъ; у насъ 32 т. Ринуться на Плевну нельзя, а приступить можно, но усилиться 9-ти-фунтовыми орудіями — самое благонадежное покончить съ Плевной“.

7) „Настаивать на нѣкоторой обстановкѣ; пойдемъ на Плевну безповоротно; настоятельно просить осадныхъ орудій и побольше мортиръ 6-ти-дюймовыхъ.

8) „На румынъ разсчитывать трудно; демонстрація румынъ съ сѣвера чрезвычайно важна, хотя бы канонада; не разрѣшать-ли одну, двѣ батареи взять къ русскимъ войскамъ. Опредѣлить точно отношенія, на сколько можно на нихъ разсчитывать“.

---

*) Зная, что Кавказской бригадѣ не миновать отдѣльнаго труднаго назначенія подъ Ловчу, Скобелевъ хлопоталъ объ усиленіи нашего отряда драгунами, которые первое время и находились въ нашемъ отрядѣ подъ Ловчей. Въ своемъ мѣстѣ будетъ помѣщено описаніе мѣстности подъ Ловчей.

9) „а) Демонстрація румынъ съ сѣвера, б) занятія съ боя высотъ съ лѣваго фланга, в) утвержденіе батарей въ центрѣ, г) дѣйствія по обстоятельствамъ„.

„Важность софійскаго шоссе. Дѣйствовать не отказываемся, но съ румынскими войсками".

Наконецъ, въ 4 часа пополудни, мнѣ была прислана записка:

„Кубанцамъ и 4-мъ коннымъ орудіямъ идти согласно предписанію, которое сейчасъ будетъ; владикавказцамъ и прочимъ орудіямъ остаться здѣсь ночевать; вѣроятно и завтра здѣсь пробудемъ. Останьтесь съ нами непремѣнно, а капитану генеральнаго штаба Стромилову предложите идти съ подполковникомъ Кухаренкой. Скоро пріѣду къ вамъ".

Полковникъ Паренсовъ.

Выступленіемъ Кубанскаго полка въ Булгарени закончился для насъ день 19-го Іюля.

20-го Іюля.

Разъѣзды на Плевну и Ловчу были работою всей конницы за 20-е Іюля. Владикавказскому полку съ Сводно-Донскимъ полкомъ Бакланова назначено было охраненіе нашего лѣваго крыла. Поэтому сторожевые посты ихъ были выставлены отъ Владины, черезъ Боготъ, до плевно-ловчинскаго шоссе.

По особо отданному приказанію, мы должны были быть готовы къ выступленію, но куда именно—навѣрное не знали. Скобелевъ 2-й отправился къ князю Шаховскому за разъясненіями разныхъ вопросовъ, касавшихся нашего отряда. Живой и предпріимчивый, онъ не могъ выжидать внезапно отданныхъ приказаній и выступить куда-либо безъ ясно очерченной ему обстановки. Къ тому же необходимость основательно покончить съ Ловчей не выходила у него изъ ума. Поэтому, могъ ли онъ утѣшаться возможностью очутиться передъ ней только на сторожевой службѣ, хотя бы и съ тремя казачьими полками?

Будучи у князя Шаховского, онъ прислалъ слѣдующее приказаніе полковнику Тутолмину:

„Дайте немедленно интендантскому парку свѣдѣнія, сколько намъ необходимо на весь отрядъ сухарей и крупъ на 4-хъ-дневную пропорцію. Дайте мнѣ конвой 5 казаковъ, знающихъ дорогу въ Карагачъ-Булгарскій. Ѣду къ Криденеру.

20-го Іюля, 9 час. утра.

Генералъ Скобелевъ".

Затѣмъ и 20-го Іюля прошло спокойно. Кубанскій полкъ, вчера долго задержанный въ Парадимѣ пріемкою раненыхъ, только ночью прибылъ въ Булгарени, о чемъ подполковникъ Кухаренко доносилъ командиру

Кавказской казачьей бригады: „Съ Кубанскимъ полкомъ и горною батареею *) прибылъ въ Булгарени въ часъ ночи. Транспортъ съ ранеными доставленъ благополучно. Нашъ бивакъ расположенъ впереди моста. Сторожевая цѣпь поставлена далеко впереди бивака. Сегодня посланы разъѣзды: 1-й по направленію на Ловчу къ селу Калугарево; 2-й внизъ по теченію Осмы до Санадинска-Махала. Для связи съ вами и прикрытія дороги поставленъ одинъ взводъ между Сулейманъ-Дере и Радоницею. Сегодня утромъ я являлся къ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, съ нимъ вмѣстѣ объѣхалъ возвышенности передъ мостомъ и передалъ ему приказаніе начальника штаба 11-го корпуса, которое передано было вами мнѣ **). Укрѣпленіемъ моста распоряжается генералъ ***). Подполковникъ Кухаренко".

21-е Іюля.

Нѣсколько предположеній долетало до насъ въ отдѣльныхъ разсказахъ, но еще не было извѣстно положительно, куда направятъ нашъ отрядъ. Скобелевъ и Паренсовъ возвратились наканунѣ поздно вечеромъ, не совсѣмъ удовлетворенные своей поѣздкой. Чувствовалось, что надо что-нибудь дѣлать, но лишь была бы работа посильная.

По слухамъ и разговорамъ, дѣла наши повернулись будто бы къ тому, что называется „пришлось плохо". Было ясно, что во всемъ хотятъ-де сохранить тайну, забывая, что озабоченныя лица и разговоры вполголоса возбуждаютъ любопытство, и оно ведетъ къ подозрѣніямъ, которыя порождаютъ сплетни, затмѣвающія какъ горькую, такъ и отрадную истину. Къ этому то времени созрѣла пора и обойденныхъ совѣтниковъ. Чего только мы не наслушались! На всѣхъ-то концахъ войны мы разбиты; зачѣмъ это мы полѣзли въ эту войну; въ видѣ же прозорливаго предостереженія, объявлялось даже и то, что „пора бы и за Дунай обратно". Но давно ли тѣ же люди кричали: „впередъ! впередъ!" и повсюду готовы были видѣть нерѣшительность и даже трусость, и все это до перваго лишь добраго отпора со стороны непріятеля. Да развѣ война заключается только въ удачахъ? Слава Богу, что въ рядахъ войска не обращаютъ на это вниманія: пусть себѣ толкуютъ, а наше дѣло работать.

И въ это утро набѣжала работа — тревога на аванпостахъ: показа-

---

*) Вмѣсто назначенныхъ первоначально 4-хъ орудій конно-горной батареи, разрѣшено было отправить въ Булгарени всѣ 6 орудій, чтобы не разбивать батарею.

**) Теперь уже я позабылъ, въ чемъ заключалось это приказаніе.

***) Т. е. Шильдеръ-Шульднеръ.

лись турки, и казачьему отряду Скобелева *) приказано вынестись навстрѣчу. Поднялись и не дошли, а очутились подъ Тученицей. Сторожевыя части чугуевскихъ уланъ ранѣе нашего прибытія отбросили небольшой отрядъ турецкой конницы, показавшійся отъ Плевны, и все обошлось благополучно. Почти вслѣдъ за нами выступили по направленію на Плевну Рижскіе драгуны и Чугуевскіе уланы. Можетъ быть въ этотъ день была назначена рекогносцировка Плевны четырьмя нашими полками, или всѣ мы вышли по тревогѣ,—я не помню; но какъ теперь вижу, что далеко правѣе насъ шла 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи и одновременно съ нами имѣла артиллерійское дѣло. Двинувшись по тревогѣ, надо было узнать, не скрывается ли что-нибудь за показавшимся турецкимъ отрядомъ, и мы, двигаясь горами, между Радишевымъ и плевно-ловчинскимъ шоссе, подошли подъ орудійный огонь турокъ. Дорога отъ Тученицы на Радишева осталась къ востоку отъ насъ, а сѣвернѣе ея возвышался гребень плевно-гривицкихъ батарей. Сводный полкъ Бакланова шелъ впереди и при немъ, сколько помнится, находился начальникъ отряда и начальникъ штаба 11-го корпуса. Владикавказскому полку съ батареею приказано пріостановиться. Но какъ только донцы подошли къ предѣлу досягаемости турецкихъ выстрѣловъ, по нимъ былъ открытъ огонь. Въ часъ съ половиною пополудни Владикавказскій полкъ получилъ записку:

„Продолжайте наступать за полкомъ Бакланова съ артиллеріею. Генералъ Скобелевъ".

Мы подошли къ скатамъ радишевскаго оврага, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ стояли въ первую Плевну. Два орудія 8-й батареи были вызваны на позицію. Обмѣнъ выстрѣловъ продолжался болѣе часу. Турки стрѣляли мѣтко, попадая въ наше расположеніе, но, сколько помнится, раненыхъ не было. Пока шла перестрѣлка, производилась съемка турецкихъ укрѣпленій. Они снова имѣли видъ только что оконченныхъ и тщательно отдѣланныхъ; большой лагерь занималъ прежнее положеніе, и турки стояли по прежнему. Убѣдившись, что не они къ намъ идутъ, а насъ къ себѣ ожидаютъ, отрядъ отошелъ обратно къ Парадиму. Одновременно съ нашимъ возвращеніемъ на бивакъ вступилъ на него и пришедшій изъ Булгарени Кубанскій полкъ съ горною батареею. Командиръ 9-го корпуса не нашелъ нужнымъ держать его тамъ и велѣлъ присоединиться къ отряду.

---

*) Оставшіеся въ Парадимѣ: Владикавказскій полкъ, Сводно-Донской Бакланова и 8-я Донская батарея.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ЛОВЧА.

I.

Движеніе на Ловчу.

22-го Іюля.

Весь день 22-го Іюля мы простояли въ Парадимѣ въ ожиданіи окончанія совѣщаній, вызванныхъ вторымъ сраженіемъ подъ Плевной и угрожающею Ловчей. Главнокомандующій объѣзжалъ войска въ Булгарени и Парадимѣ, благодарилъ ихъ за храбрость, но изъ Кавказской бригады видѣлъ только Кубанскій полкъ вчера, въ Булгарени.

Наконецъ, наша участь рѣшилась: идемъ подъ Ловчу. Изъ штаба дѣйствующей арміи было прислано приказаніе *):

„Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву.

„Великій Князь Главнокомандующій приказалъ, чтобы ввѣренный вамъ отрядъ составлялъ охрану отряда Святополка-Мирскаго и служилъ бы постоянно связью между означеннымъ отрядомъ и войсками, собранными противъ Плевны. Имѣя въ виду, что главное вниманіе ваше должно быть обращено на охраненіе праваго фланга 8-го корпуса отъ всѣхъ случайностей, Великій Князь признаетъ наиболѣе полезнымъ подчинить вашъ отрядъ генералъ-адъютанту Святополку-Мирскому.

„Сообщая объ этомъ, прошу ваше превосходительство сообщить объ этомъ какъ князю Святополку-Мирскому, такъ и князю Шаховскому. Тому и другому сообщается вмѣстѣ съ симъ и изъ полеваго штаба. Постоянное наблюденіе за Ловчею и путемъ изъ Плевны въ Ловчу, а равно

---

*) Полевой штабъ д. а., отд. стр., 22 іюля 1877., № 1. Главная квартира, бив. у Чаушъ-Махала.

тѣсная связь съ кавалеріею, расположенною противъ Плевны, — обязательно.

„Кромѣ донесеній на имя князя Мирскаго, посылайте, до 26-го іюля, донесенія и въ главную квартиру, и сообщайте князю Шаховскому и командиру 4-го корпуса въ Дреновъ“.

Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Непокойчицкій.

Итакъ, мы должны выступить подъ Ловчу, для связи между Плевною и Сельви. По опыту, мы уже знаемъ, что не будетъ трудно наблюдать за непріятелемъ и держать связь съ нашими войсками между Плевной и Ловчей; но, по собраннымъ заблаговременно свѣдѣніямъ, извѣстно, что ближайшій къ непріятелю путь отъ Ловчи на Сельви, проходя черезъ селенія Омаркіой и Смочинъ, съ одной стороны находится подъ выстрѣлами непріятельскихъ сторожевыхъ постовъ, съ другой—къ нему примыкаютъ трудно-доступные горные проходы. Въ послѣднемъ мы убѣдимся на мѣстѣ; пока же останавливаемся на томъ, что намъ выгодно занять Смочинъ. Онъ въ 6—7-ми верстахъ отъ Ловчи, отъ него верстъ 30 до Сельви и столько же до Парадима, и такъ какъ сторожевыя части отъ расположенныхъ тамъ войскъ выдвинуты впередъ, то, вѣроятно, на нашу долю придется не болѣе 40 верстъ. Это не то, что было отъ Никополя на Тырновъ. Наконецъ, у насъ три полка и говорятъ, что прибавятъ драгунъ. Если это такъ, то и совсѣмъ хорошо. Дѣйствительно, намъ дано знать, что не только Рижскіе драгуны, но и два батальона пѣхоты войдутъ въ отрядъ Скобелева. Кавказской бригадѣ и казакамъ Бакланова приказано быть готовыми къ выступленію въ 6 час. утра и взять съ собою самое ограниченное число повозокъ; все же остальное количество ихъ присоединить къ общему обозу 11-го корпуса.

Мы выступили знакомою намъ дорогою на Дреновъ и Дойранъ, но отсюда не свернули уже къ западу на Павликаны, какъ ходили въ первый разъ подъ Ловчу, а пошли прямо на югъ, по направленію черезъ Иглаву. Такъ какъ Дойранъ лежитъ подъ высокою горою, у впадины глубокаго ручья, то отрядъ, подходящій къ нему съ сѣверной стороны, долженъ долго тянуться по узкой дорогѣ, и наблюдающему за нимъ отъ Ловчи кажется безконечно длиннымъ. Вѣроятно и мы произвели такое же впечатлѣніе на турецкіе дозоры, выставленные изъ-подъ Ловчи, когда внезапно появились надъ Дойраномъ. Кавказская бригада шла въ головѣ отряда.

Касательно движенія Кавказской бригады здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ это время дозоры ея ходили замѣчательно хорошо. Сами казаки поняли пользу этого, повидимому, уставнаго, но въ сущности боеваго требованія; они охотно уходили вдаль отъ отряда, не спуская съ него глазъ, и ловко выслѣживали непріятеля. Въ началѣ похода не обходилось безъ непріятностей по этому поводу; но теперь намъ было извѣстно

все, что дѣлается на разстояніи трехъ-четырехъ верстъ отъ выдвинутыхъ разъѣздовъ передовой сотни. И вотъ, находясь далеко еще отъ Дойрана, мы узнали отъ нихъ, что на ловчинскихъ кряжахъ замѣтны черкесскіе посты.

Поднявшись на Дойранскую гору, мы увидѣли передъ собою довольно широкую котловину, которая съ трехъ сторонъ замыкалась горными хребтами. Сама Дойранская гора служила узломъ, отъ котораго шли небольшіе отроги: одинъ изъ нихъ, направляясь къ востоку, упирался въ Осму, другой шелъ на западъ, къ Павликанамъ. Этотъ послѣдній былъ покрытъ лѣсомъ и у Павликанъ соприкасался съ новою поперечною грядою горъ, идущею отъ плевно-ловчинскаго шоссе до Омаркіоя на Осмѣ. Здѣсь, у Омаркіоя, Осма прорываетъ этотъ горный кряжъ, а по ту сторону рѣки снова тянется высокая обрывистая грань по всему правому берегу Осмы. Находясь на горѣ у Дойрана, мы должны были казаться издали сильнымъ отрядомъ, наступающимъ на Ловчу. Сама же Ловча лежитъ за тѣмъ поперечнымъ кряжемъ, чтó идетъ отъ шоссе къ лѣвому берегу Осмы, и потому мы не могли ее видѣть; но турки, вѣроятно, замѣтили наше приближеніе, такъ какъ казачьи дозоры обнаружили тревожное движеніе ихъ конныхъ разъѣздовъ по вершинамъ кряжа, Путь на Смочинъ проходитъ черезъ Омаркіой, у подножія этого кряжа; слѣдовательно намъ нáдо было его занять. И вотъ Кавказской бригадѣ велѣно сбить съ него черкесовъ и дожидаться дальнѣйшихъ приказаній.

Между тѣмъ, не доходя еще до Дойрана, начальнику отряда было прислано вторичное приказаніе *), которое поясняло задачу:

„Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву.

„Его Императорское Высочество Главнокомандующій приказать изволилъ вашему превосходительству произвести усиленную рекогносцировку непріятельскаго расположенія у Ловчи.

Для этой цѣли временно подчиняются вамъ:

1) Кавказская казачья бригада съ Донскою № 8-й батареею.

2) Отрядъ подполковника Бакланова (4 сотни и 2 орудія).

3) 11-й драгунскій Рижскій полкъ.

4) Авангардъ отряда генералъ-адъютанта князя Святополка-Мирскаго, стоящій на позиціи впереди Сельви (Брянскій пѣхотный полкъ съ батареею).

„Цѣль рекогносцировки—убѣдиться въ томъ, продолжаетъ ли непріятель укрѣплять Ловчу; на сколько онъ усилился съ 16-го Іюля и выяснить число расположенныхъ въ Ловчѣ войскъ.

---

*) Полевой штабъ дѣйствующей арміи, отд. строевое, 22-го Іюня 1877 г., № 2-й. Главная квартира, бивакъ у Чаушъ-Махала.

„Затѣмъ, по окончаніи рекогносцировки, отрядъ Бакланова направить на шоссе изъ Сельви въ Ловчу, въ распоряженіе генералъ-адъютанта князя Святополка-Мирскаго; а съ остальною кавалеріею и конною артиллеріею держаться, до прибытія 4-й кавалерійской дивизіи, у Павликанъ и содержать связь между войсками князя Святополка-Мирскаго и войсками, находящимися у Плевны".

Въ силу этого приказанія, въ отрядъ генерала Скобелева поступалъ Брянскій полкъ, расположенный на сельвинскомъ шоссе; слѣдовательно, рекогносцировка могла быть произведена нашимъ отрядомъ съ сѣвера, а Брянскимъ полкомъ съ востока, или главными нашими силами отъ Сельви и только частью отряда съ сѣверной стороны.

Для дальнѣйшихъ соображеній по этимъ вопросамъ генералъ Скобелевъ поручилъ полковнику Паренсову отправиться въ Сельви, дорогою отъ Иглавы на Типаву, а самъ предполагалъ дѣйствовать въ зависимости отъ обстоятельствъ сегодняшняго дня. Можетъ быть ему пришлось бы тотчасъ же двинуться на сельвинское шоссе съ бо̀льшею или меньшею частью своего отряда, а можетъ быть обстоятельства принудятъ его остаться по сю сторону Ловчи. Поэтому полковникъ Паренсовъ долженъ былъ прислать и необходимыя свѣдѣнія о дорогѣ на Типаву.

Мы же тѣмъ временемъ спустились въ долину Иглава и авангардная сотня насѣла на кряжъ Омаркіой-Павликаны, занявъ отдѣльнымъ разъѣздомъ Смочинъ. Бригада остановилась у Омаркіоя *). Черкесы, вѣрные основному правилу боеваго наѣздничества—тревожить противника до-нельзя, но сберегать каждаго человѣка, гдѣ потеря его не принесетъ пользы,—безъ сопротивленія очистили горы, и мы увидѣли передъ собою Ловчу съ сѣверной ея стороны.

Подъ нашими ногами лежала большая площадь, со всѣхъ сторонъ замкнутая кольцомъ высокихъ горъ, и на ней, какъ бы изъ раструба раздвинутаго ущелья, можно было видѣть ближайшую къ намъ сторону Ловчи.

Между нею и нами были разбросаны отдѣльныя рощи, раскинутыя на невысокихъ холмахъ и пригоркахъ. Широкою полосою струилась по ней мелкая и тихая въ эту пору Осма; въ нее красиво вливались поперечные ручьи, а съ сѣверо-запада, наискосокъ всей площади, пролегало плевно-ловчинское шоссе. На красивое сочетаніе этой природы мы любовались, какъ бы съ высоты птичьяго полета, но очарованіе наше было только для перваго взгляда: война давала другое впечатлѣніе. Возможность упорной, взаимной обороны всѣхъ этихъ красиво разбросанныхъ естественныхъ прикрытій, обѣщала кровопролитный приступъ на Ловчу.

---

*) Для краткости, кряжъ Омаркіой-Павликаны буду называть нашимъ кряжемъ и наблюдательнымъ кряжемъ.

Правда, что съ кряжа Омаркїой-Павликаны можно забросать гранатами эти рощи и холмы, но отъ него, до главнаго кургана подъ Ловчей, на которомъ теперь работаютъ турки, а внизу у его подошвы стоитъ въ ружьѣ пѣхота,—почти пять верстъ разстоянія; стало быть, при малѣйшемъ поводѣ съ нашей стороны, турки откроютъ огонь и разбросаютъ свои снаряды по хребту этихъ горъ *). Вся мѣстность передъ Ловчей превосходно обстрѣливается огнемъ ихъ орудій. Въ настоящее время въ передовыхъ рощахъ притаились черкесы, а пѣхота залегла ближе къ большому кургану. Если мы займемъ ближайшія къ намъ рощи, то безцѣльно будемъ стоять подъ ихъ ружейнымъ огнемъ; поэтому намъ выгоднѣе остаться на горахъ, съ которыхъ все видно, какъ на ладони. Словомъ сказать, для успѣха наблюденія намъ не слѣдуетъ дразнить турокъ, которые могутъ не позволить намъ остаться на этомъ кряжѣ, и тогда наблюденіе за Ловчей невозможно.

Къ востоку отъ Дойрана тянется торная полевая дорога черезъ Иглаву и Омаркіой на Ловчу, которая пройдя въ какихъ нибудь ста саженяхъ отъ Осмы, поднимается на кряжъ и дѣлитъ его на двѣ неравныя, разновидныя части. Вся западная сторона его представляетъ широкій, лапчатый узелъ, отдѣльные концы котораго окружаютъ с. Павликаны; восточная же сторона его имѣетъ видъ отдѣльной высокой и остроконечной горы, вершина которой господствуетъ надъ всею окрестностью Ловчи.

На эту гору взобрался Скобелевъ 2-й для осмотра турецкаго расположенія, и офицеры Кавказской бригады принялись за полевую съемку **). На всемъ видимомъ нами пространствѣ можно было насчитать табора три турецкой пѣхоты, которые рылись въ окопахъ; можно было предположить два орудія на курганной батареѣ, но для болѣе опредѣленныхъ данныхъ слѣдовало заглянуть въ Ловчу со стороны Сельви. Поэтому на сегодня предположено было ограничиться поверхностнымъ осмотромъ; Кавказской же бригадѣ приказано выбрать такое мѣсто стоянки, чтобы можно было наблюдать за Ловчей съ нашей, т. е. съ сѣверной, стороны. Эта задача оказалась на столько трудною, что пришлось разрѣшить ее съ большою натяжкою нашихъ силъ для наряда на службу и отступить отъ основныхъ правилъ расположенія передовыхъ постовъ.

Три-четверти успѣха наблюдательнаго отряда зависитъ отъ мѣстности, на которой онъ стоитъ, и я, въ виду сложности задачъ, выпадающихъ

*) Впослѣдствіи такъ оно и было.

**) Главными работниками по части съемокъ, изъ числа офицеровъ Кавказской бригады, были хорунжіе Кубанскаго полка: Карагичевъ, Мѣняевъ, Милашевичъ, Лагуновъ и Владикавказскаго полка: Тимофѣевъ и Кузьминъ. Работы отличались точностью и даже изяществомъ отдѣлки, хотя бо́льшею частью производились подъ выстрѣлами непріятеля.

на долю конницы, считаю обязательною для себя необходимостью дать возможно полный отчетъ о мѣстѣ, на которомъ мы должны были стоять.

Для полноты представленія этой мѣстности, будетъ выгоднѣе начать ее описаніе по направленію отъ Дойрана. Поэтому я и обращусь къ Дойрану. На русской десяти-верстной картѣ, с. Дойранъ показано стоящимъ на скатѣ отдѣльной горы; въ дѣйствительности же часть с. Дойрана находится на днѣ глубокаго оврага, необозначеннаго на картѣ. Въ этомъ оврагѣ бѣжитъ ручей, который, направляясь на западъ, къ Павликанамъ, сливается тамъ съ другимъ (безъименнымъ) ручьемъ, впадающимъ въ Осму. Въ югозападную сторону отъ дойранскаго ручья лежитъ покрытый лѣсомъ отрогъ Дойранской горы; онъ составляетъ естественную межу, облегчающую описаніе мѣстности; поэтому я имъ воспользуюсь и буду называть дойранскимъ лѣснымъ кряжемъ. Итакъ, если наблюдатель, находящійся на вершинѣ Дойрана, повернется лицомъ къ Ловчѣ, то онъ увидитъ прямо передъ собою двѣ долины: западную и восточную, отдѣленныя другъ отъ друга дойранскимъ лѣснымъ кряжемъ. Западную долину ограничиваютъ съ восточной стороны скаты дойранскаго лѣснаго кряжа, а съ западной—крутые спуски плевно-ловчинскаго шоссе. Обрывы ихъ составляютъ высокую стѣну вплоть до Слатины. Самая Слатина находится уже на другой высокой горѣ, вблизи плевнинскаго шоссе, и эта гора преграждаетъ, такъ сказать, доступъ съ юга на лежащую за ней плоскую сѣверную возвышенность — Богота и Владины.

Слѣдовательно, Слатина можетъ быть названа ключемъ, который замыкаетъ путь изъ Ловчи на Плевну, такъ какъ находится весьма близко отъ плевно-ловчинскаго шоссе.

Отрядамъ—двигающемуся по плевно-ловчинскому шоссе и находящемуся на дойранскомъ лѣсномъ кряжѣ—представляется полная возможность обстрѣливать долину съ занятыхъ ими высотъ; но среднее разстояніе между ними простирается верстъ на шесть, на семь. Слѣдовательно, огонь орудій, направленный съ дойранскаго лѣснаго кряжа, не можетъ поражать противника, идущаго по плевно-ловчинскому шоссе, и наоборотъ. Поэтому, для стороны, стремящейся къ удержанію противника, есть два способа: первый изъ нихъ заключается въ наступательномъ движеніи отъ Дойрана на ребра плевно-ловчинскаго шоссе, но трудные доступы на нихъ обѣщаютъ безцѣльную бойню; второй—возможный и болѣе выгодный способъ заключается въ занятіи Слатины. Тутъ дѣйствительно бригада можетъ выдержать довольно долгое сопротивленіе до прибытія подкрѣпленій. Но съ исключительнымъ занятіемъ Слатины оголяется прямое восточное направленіе изъ Ловчи въ Парадимъ, т. е. на лѣвое крыло нашихъ войскъ, стоящихъ передъ Плевной. Слѣдовательно, нельзя оставить безъ надежнаго наблюденія и восточной долины Дой-

рана. Она же, въ свою очередь, обладаетъ исключительными, свойственными ей, особенностями. Все направленіе ея площади въ сторону Ловчи идетъ между двумя грядами естественныхъ преградъ. Начинаясь пологими скатами, она переходитъ въ равнину у селенія Иглавы, и западной своей стороною примыкаетъ къ дойранскому лѣсному кряжу, а съ восточной омывается Осмой, по правому берегу которой идутъ высокія, отвѣсныя горы. Среднее разстояніе между ними не болѣе двухъ верстъ, то есть разстояніе хорошаго орудійнаго выстрѣла; отсюда мы должны имѣть сообщеніе съ сельвинскимъ отрядомъ. Слѣдовательно, по одному этому условію, занятіе ея для насъ должно быть обязательно. Путь на сельвинское шоссе идетъ отсюда по двумъ направленіямъ: первое изъ нихъ, ближайшее къ Ловчѣ, проходитъ черезъ Омаркіой, на Смочинъ или Присяку, и затѣмъ крутыми, лѣсистыми обрывами поднимается къ сельвинскому шоссе, западнѣе села Какрина. Свойство этого пути гористое и не вездѣ удобное для движенія артиллеріи. Въ тылу его проходятъ глубокіе скалистые овраги, которые мѣстами скорѣе могутъ быть названы пропастью, чѣмъ оврагомъ. Движеніе черезъ нихъ возможно только для одиночныхъ людей, или для разсыпнаго строя. Второе направленіе, болѣе отдаленное отъ Ловчи, идетъ отъ Иглавы на Типаву, черезъ Брестово на Какрино. Оно немногимъ лучше перваго; но, обходя сказанные мною овраги, оно болѣе обезпечено отъ засадъ, весьма возможныхъ въ этой лѣсистой окрестности Ловчи.

Этотъ путь, выходя на Типаву, смыкается здѣсь съ дорогою изъ Смочина. Слѣдовательно, тутъ мы должны были поставить сильный наблюдательный постъ, который во-время могъ бы предупредить насъ о движеніи непріятеля, направляющагося въ обходъ нашего лѣваго крыла. Но для возможнаго обезпеченія этого прохода, мы не должны были оставлять у себя въ тылу устья Иглаво-Типавскаго ущелья, и поэтому намъ было выгодно расположиться на одномъ изъ пригорковъ дойранскихъ откосовъ. Занимая ихъ, мы могли владѣть устьемъ ущелья и въ то же время не упускали изъ виду западной долины. Располагаясь у Иглавы, мы должны были поставить сторожевую цѣпь не иначе, какъ между Павликанами и Омаркіоемъ. Спустившись съ южнаго кряжа на нѣсколько-сотъ саженъ впередъ, сторожевая цѣпь ежечасно находилась бы подъ вѣрными орудійными выстрѣлами турокъ, а если-бы осадила десятка три саженъ назадъ, то не видѣла бы происходящаго въ Ловчѣ. Но мы принуждены были занимать и Смочинъ, соединивъ его съ нашею сторожевою цѣпью, дабы не передать этого селенія въ руки противника, который, утвердясь въ немъ, будетъ владѣть выходомъ на ту долину, о которой я не сказалъ еще ни слова. Именно: долина эта находится у сѣвернаго подножія наблюдательнаго кряжа и отъ Омаркіоя протягивается на западъ до С. Павликаны, представляя только удобный и прикрытый путь

сообщенія, между крыльями сторожевой цѣпи, которая должна была протянуться отъ Омаркіоя, черезъ Павликаны, до плевно-ловчинскаго шоссе *).

Если бы мы рѣшились пренебречь выгодами расположенія у Иглавы и стали-бы по-близости Омаркіоя, то вся бригада представляла-бы собою главный караулъ сторожевой цѣпи и, въ буквальномъ смыслѣ слова, не имѣла бы часу покоя. Какова бы ни была чуткость сторожеваго наблюденія, неизбѣжно выходило бы, что малѣйшая тревога въ цѣпи поднимала бы на ноги наши главныя силы.

Намъ, имѣвшимъ у себя двѣ батареи **), слѣдовало извлечь выгоды отъ настильности ихъ орудійнаго огня, и эти условія осуществлялись на дойранскихъ откосахъ, гдѣ очертаніе мѣстности было по силамъ нашему отряду; а обиліе тыльныхъ кряжей давало возможность пользоваться ими и задерживать противника, при его наступленіи.

Но кромѣ этихъ боевыхъ невыгодъ, стоянка на низинѣ Омаркіоя была бы разсадникомъ сильнѣйшей лихорадки. При всякомъ небольшомъ дождѣ, мягкая пахоть кукурузы превращалась въ грязь по-колѣно, а испаренія и сырость приносили болѣзни. Доказательствомъ тому можетъ служить памятное мнѣ количество заболѣвшихъ въ ночь съ 20-го на 21-е августа. Въ ожиданіи приступа на Ловчу, мы, только что возвратившіеся съ сельвинскаго шоссе, имѣли приказаніе стать у Омаркіоя, и рано утромъ 21-го августа я былъ свидѣтелемъ, какъ изъ одного только полка человѣкъ 20 казаковъ пришли за врачебною помощью отъ сильнѣйшихъ припадковъ лихорадки. Вчера еще они были здоровы, а сегодня уже бродили, какъ тѣни. Я не помню въ точности, сколько было больныхъ въ это же утро во второмъ полку и въ батареѣ, но знаю, что ихъ было не мало. Вечерніе и утренніе туманы въ долинѣ Омаркіой-Иглава были на столько густы, что долго послѣ восхода солнца они не поднимались выше роста человѣка. Послѣ этого, не трудно себѣ представить, во сколько человѣкъ обратилась бы Кавказская бригада, если бы она здѣсь простояла въ теченіи почти трехъ недѣль, проведенныхъ нами на сѣверной сторонѣ Ловчи.

Въ виду этихъ свойствъ описанной мѣстности, рѣшено было расположить бивакъ на дойранскихъ откосахъ у Иглавы и выставить двѣ сторожевыя сотни на южномъ и дойранскомъ кряжахъ, а для ближайшей ихъ поддержки ***), держать еще одну сотню въ луговинѣ Омаркіоя.

Тутъ умѣстно будетъ припомнить, что въ предписаніи, данномъ

---

*) Павликаны, какъ было уже сказано, стоятъ вдвое ближе къ шоссе, чѣмъ показано на картѣ. Омаркіой и Иглава находятся на лѣвомъ берегу Осмы.

**) Конно-горную и 8-ю Донскую. Двѣ батареи ослабляютъ силу коннаго отряда, уменьшая его подвижность.

***) Т. е. какъ резервъ аванпостовъ.

начальнику отряда *) было приказано: Донской полкъ Бакланова отправить въ распоряженіе князя Святополка-Мирскаго, а съ остальною конницею и батареею держаться до прибытія 4-й кавалерійской дивизіи у Павликанъ и имѣть связь съ войсками, находящимися въ Сельви и подъ Плевной.

Но такъ какъ время прибытія 4-й кавалерійской дивизіи не было обозначено, то вся площадь Ловчи, между плевнинскимъ и сельвинскимъ шоссе, была отведена подъ наблюденіе Кавказской бригады.

Если мнѣ удалось воспроизвести хотя слабое представленіе этого пространства, то не трудно будетъ опредѣлить и способъ предстоящихъ намъ дѣйствій. Оба эти участка, раздѣленные Осмой, обусловливали намъ только наблюденіе за непріятелемъ, такъ какъ лѣса и горные проходы уничтожали всякую возможность свободнаго дѣйствія конницы. Осуществленіе упорнаго и рѣшительнаго боя съ непріятелемъ на занятой нами мѣстности могло быть только въ случаѣ особаго приказанія: держаться, во что бы то не стало, до прибытія подкрѣпленій. Впослѣдствіи намъ дѣйствительно и было отдано такое приказаніе, и Иглавская горка, на которой мы стояли, была приведена въ оборонительное положеніе, какъ увидимъ ниже.

Затѣмъ возможность препятствовать движенію противника по плевно-ловчинскому шоссе зависѣла, болѣе чѣмъ когда либо, отъ того строя, въ которомъ будетъ двигаться непріятель, и отъ рода его оружія, такъ какъ мѣстность была слишкомъ неблагопріятна для наступательныхъ дѣйствій. Поэтому смѣю предположить, что Кавказская бригада вполнѣ выполнитъ свое назначеніе, если она не уступитъ противнику наблюдательнаго кряжа, господствующаго надъ долиной Ловчи, и, имѣя возможность двигаться на той сторонѣ Осмы только по поперечнымъ дорогамъ, отстоитъ безопасное сообщеніе между Сельви и Парадимомъ. Слѣдовательно, выраженное намъ приказаніе: охранять отрядъ князя Святополка-Мирскаго—являлось въ данномъ случаѣ весьма условнымъ требованіемъ.

Въ виду столь неблагопріятной мѣстности для конницы, въ памятной запискѣ генерала Скобелева и была проведена мысль, что многаго нельзя потребовать отъ наблюдательнаго отряда, расположеннаго между Осмой и сельви-ловчинскимъ шоссе. Если бы турки занимали Типаву, до прибытія русскихъ подъ Ловчу, то 300—400 человѣкъ, засѣвшихъ въ ней, надолго бы прервали наше сообщеніе, затрудняя его еще тѣмъ, что баши-бузуки бродили въ лѣсахъ по всему этому пространству.

Во избѣжаніе столь тревожныхъ сосѣдей, намъ выгодно было имѣть значительный отрядъ въ Типавѣ, но мы, занятые на лѣвомъ берегу Осмы, не могли этого сдѣлать какъ то слѣдовало-бы, для полной без-

*) Изъ главной квартиры, отъ 22-го Іюля за № 2-мъ.

опасности сообщенія. Итакъ, схвативъ, на сколько было возможно, общее очертаніе непріятельскаго расположенія, генералъ Скобелевъ рѣшилъ остановить свой отрядъ на ночлегъ у Иглавы.

Всѣ впечатлѣнія, полученныя отъ осмотра мѣстности, заставляли его предпочесть передвинуть главныя силы нашего отряда на сельвинское шоссе. Но совершить этотъ переходъ сегодня не было уже времени, такъ какъ осмотръ ближайшихъ окрестностей показалъ затруднительность движенія на Сельви, а записка, полученная отъ полковника Паренсова изъ Типавы, убѣдила въ томъ еще болѣе.

Имѣя порученіе выѣхать на сельвинское шоссе и сообщить о степени проходимости дороги, онъ прислалъ генералу Скобелеву 2-му два донесенія. Первое изъ нихъ было изъ Иглавы, въ которомъ онъ писалъ, что, „по свѣдѣніямъ жителей Иглавы, въ Типавѣ стоянка хорошая; дорога туда хороша. Тамъ наши казаки. Ѣду дальше“.

Привожу эту записку, какъ доказательство, на сколько понятія мѣстныхъ жителей о качествахъ дороги согласовались съ военными требованіями. Въ своемъ мѣстѣ я распространюсь объ этой дорогѣ подробнѣе; теперь же ограничусь тѣмъ донесеніемъ, которое послѣ личнаго осмотра Паренсова было прислано имъ изъ Типавы.—Онъ писалъ:

„Прошу ваше превосходительство увѣдомить меня—прибудете ли вы съ отрядомъ къ дер. Типавѣ, или нѣтъ. Я жду на дорогѣ изъ Типавы на Какринъ. Прямо изъ Типавы на Какринъ орудія провезти невозможно: надо взять чрезъ Брестовъ на Какрино и затѣмъ на шоссе. Орловъ (Давыдъ) и Липинскій стоятъ около Акинджиляра“.

На основаніи этого донесенія, переходъ нашъ на сельвинское шоссе увеличивался, по крайнѣй мѣрѣ, верстъ на девять, сравнительно съ разсчетами, сдѣланными по картѣ. Слѣдовательно, нашему отряду было выгоднѣе выступить туда съ ранняго утра, чѣмъ подъ вечеръ; поэтому всѣ мы и ночевали у Иглавы.

Этотъ ночлегъ памятенъ для меня тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ вызвалъ чрезвычайную дѣятельность начальника отряда, сознававшаго дурныя условія нашего расположенія. Если бы турки пожелали воспользоваться всею выгодою, которую они могли пріобрѣсти отъ занятія окружающихъ насъ горъ, то они имѣли бы возможность, почти безнаказанно, нанести намъ страшный уронъ въ людяхъ. Всякія возраженія, въ родѣ разсужденій объ извѣстной нерѣшительности турокъ, не могли имѣть мѣста, въ виду дѣйствительной возможности лишиться бóльшей части отряда, безъ пользы общему дѣлу.

Исходя изъ основнаго правила военнаго искуства — никогда не пренебрегать противникомъ, генералъ Скобелевъ 2-й лично поѣхалъ передъ сумерками повѣрять посты и остался крайне недоволенъ расположеніемъ ихъ по дойранскому кряжу. Поэтому здѣсь вторично мнѣ

сильно досталось за то, что казачьи посты не стояли согласно цѣли, преслѣдуемой начальникомъ отряда. И дѣйствительно, въ расположеніи этой стороны скорѣе преобладала мысль о ближнемъ обезпеченіи отряда, и упускалась возможность болѣе отдаленнаго наблюденія, на сколько то было необходимо, чтобы главныя силы отряда вполнѣ могли приготовиться къ бою въ случаѣ тревоги. Словомъ сказать, на сколько была развита въ нашихъ рядахъ отвага и личная предпріимчивость, на столько же мы не свыклись еще съ умѣньемъ тактически выполнять военныя задачи. Поэтому, не ограничиваясь строжайше отданнымъ мнѣ выговоромъ, начальникъ штаба приказалъ мнѣ лично разставить посты по одной части дойранскаго кряжа, а себѣ назначилъ для той же цѣли другую его часть. Кустарники, раскинутые по всей западной сторонѣ дойранскаго кряжа, чрезвычайно замедляли размѣщеніе постовъ, и поэтому поздно вечеромъ вернулся, уже недовольный и усталый, начальникъ отряда и тотчасъ же отдалъ приказъ по войскамъ, расположеннымъ на бивакѣ. Въ этомъ приказѣ было сказано: „Въ случаѣ тревоги, всѣмъ частямъ слѣдуетъ оставаться на своихъ мѣстахъ. При очевидномъ наступленіи непріятельскихъ силъ,—говорилось далѣе,—только дежурная часть, а именно головная рота и сотня, а также артиллерія могутъ открыть огонь по усмотрѣнію своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Предупреждаю войска,—пояснялось въ приказѣ,—что, въ случаѣ боя, позицію для онаго предполагается занять на правомъ флангѣ“ *). Касательно сторожевой охраны было сказано, что „для усиленія мѣръ охраненія вдоль дойранской высоты, что́ на правомъ флангѣ, назначить одну сотню, которой войти въ связь съ постами Владикавказскаго полка **). Сверхъ сего, одну сотню выставить въ с. Омаркіой, съ цѣлью наблюдать за лѣвымъ флангомъ и возвышенностями впереди этого селенія. Отъ Донского полка выставить сильный пикетъ въ с. Смочинъ, и охранять тылъ нашихъ войскъ на высотахъ по ту сторону рѣки Осмы. Въ случаѣ нападенія непріятеля, передовымъ постамъ не закрывать, при отступленіи, дѣйствія артиллеріи. Для наблюденія же за выполненіемъ приказа,—начальникомъ всѣхъ передовыхъ постовъ назначается командиръ Кубанскаго полка подполковникъ Кухаренко. Приказъ этотъ,—сказано было,—прочесть во всѣхъ сотняхъ и прочихъ частяхъ отряда“. Во избѣжаніе лишней тревоги, добавлялось: „предупреждаю людей, что́ одиночные выстрѣлы въ цѣпи весьма вѣроятны такъ какъ впереди нашихъ постовъ находятся баши-бузуки“.

Подлинный подписалъ: свиты Его Величества
генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й.

---

*) Т. е. на правомъ флангѣ бивуака, что будетъ на дойранскихъ откосахъ.

**) Что̀ на южномъ кряжѣ.

Этотъ приказъ служитъ весьма знаменательнымъ подтвержденіемъ той чернорабочей, не бросающейся въ глаза, конной службы, которая выпадала на долю Кавказской бригады подъ Ловчей. Если генералъ Скобелевъ 2-й нашелъ нужнымъ поставить въ сторожевое наблюденіе 3½ сотни *), то нѣтъ сомнѣнія, что такъ нужно было сдѣлать, и сегодня это было для насъ не трудно, по присутствію трехъ конныхъ полковъ въ нашемъ отрядѣ; но скоро мы должны были остаться одни на той же площади наблюденія, и вотъ тогда-то вся тягость работы цѣликомъ наляжетъ на Кавказскую бригаду.

Въ ожиданіи событій грядущей ночи, мы закончили 23-е Іюля и подъ вечеръ уже узнали о томъ, что разстаемся съ Чугуевскими уланами, которые отходили въ Горный-Студень, на присоединеніе къ полкамъ своего одиннадцатаго корпуса. Надо питать глубокую непріязнь къ товарищу, чтобы не пожалѣть о разлукѣ съ нимъ въ боевое время, и сожалѣніе это тѣмъ будетъ сильнѣе, чѣмъ туже была связь въ трудное время общей работы. А у насъ общая работа съ 1-й бригадой 11-й кавалерійской дивизіи шла скоро и пріятно; не было ни недоразумѣній, ни недомолвокъ, такъ часто встрѣчающихся въ нашемъ дѣлѣ. Словомъ, обоюдное содѣйствіе было искреннее и быстрое, а при такихъ условіяхъ веселѣе нести тягости легко-конной службы. Поэтому-то и не порадовало насъ увѣдомленіе командира Чугуевскаго уланскаго полка полковника Рейсига изъ Сгалевицъ, въ которомъ онъ писалъ: „Къ намъ пришли три полка пѣхоты 4-го корпуса, а съ ними Маріупольскій гусарскій, Екатеринославскій драгунскій и Харьковскій уланскій“. Меня смѣняютъ гусары, иду въ Булгарени. Въ 6 часовъ утра была стычка съ баши-бузуками: десять человѣкъ положили на мѣстѣ, все холоднымъ оружіемъ. У меня убито двое и двѣ лошади пулями. За удержаніе уланъ не претендую **). Обнимаю крѣпко васъ и товарищей кубанцевъ“.

Разставшись съ Чугуевскимъ полкомъ, мы предчувствовали, что отъ насъ возьмутъ и Рижскій драгунскій. Такъ дѣйствительно и случилось, какъ увидимъ ниже. И снова налетѣли безпокойныя мысли. Подойдутъ ли къ намъ, т. е. къ Павликанамъ, прибывшіе три полка 4-й дивизіи, или опять мы останемся одни, какъ всегда и вездѣ одни? А задачи выпадаютъ на нашу долю не легкія, требующія большаго расхода людей, лишающія ихъ необходимаго отдыха, и видишь, какъ таетъ наша конница.

---

*) Отдѣльный постъ въ Смочинѣ отъ Донскаго полка.

**) Для поясненія этого выраженія нелишнимъ будетъ упомянуть, что гонцы бывали обязаны срочнымъ возвращеніемъ. Но если крайняя необходимость не требовала спѣшнаго ихъ возвращенія, то въ обычаѣ Кавказской бригады было—накормить коня и всадника и отпустить ихъ въ благопріятный часъ. Это требовало нѣкотораго времени, но сберегало силы, т. е. служило тому же дѣлу конницы. Для оправданія промедленія разъѣзда, обозначалось время его выѣзда, или причина промедленія.

II.

Кавказская бригада подъ Ловчей. — Составъ Западнаго отряда арміи.—Царское спасибо.

24-го Іюля.

Рѣшившись идти на сельвинское шоссе, генералъ Скобелевъ 2-й взялъ съ собою *) оба батальона Ярославскаго полка съ пѣшею батареею, дивизіонъ Рижскихъ драгунъ, Сводный полкъ Бакланова съ 4-мя конными орудіями **), и выступилъ съ ними, черезъ Типаву и Брестовъ, на Какрино, на высоту которой былъ подвинутъ и Брянскій полкъ полковника Липинскаго.

Кавказская же бригада съ дивизіономъ драгунъ, четырьмя конными орудіями (8-й батареи) и 6-ю горными, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, оставлены у с. Иглавы, съ цѣлью, какъ сказано въ приказѣ по отряду свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева:

1) „Демонстрировать противъ Ловчи, стараясь отвлечь вниманіе и силы противника отъ сельви-ловчинскаго отряда".

2) „Охранять правый флангъ сельви-ловчинскаго отряда и наблюдать за плевно-ловчинскимъ шоссе".

3) „Поддерживать связь съ главными силами у Парадима, донося туда обо всемъ важномъ, происходящемъ у Ловчи".

4) „Наблюдать за вооруженнымъ населеніемъ, сосредоточившимся въ гористой мѣстности между отрядами".

5) „Въ случаѣ вынужденнаго отступленія, направиться внизъ по рѣкѣ Осмѣ на Карахасанъ, оставаясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ непріятелемъ, увлекая его отъ Ловчи и непремѣнно поддерживая связь съ главными силами, дѣйствующими по сельви-ловчинскому шоссе".

Главныя силы отряда выступили рано по-утру, а мы остались на лѣвомъ берегу Осмы и, сохранивъ вчерашнее расположеніе постовъ, прибавили къ нимъ еще три новыхъ до Типавы и установили связь съ полками 4-й кавалерійской дивизіи, смѣнившими Чугуевскихъ уланъ.

Командующій 4-й кавалерійской дивизіей, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, съ своей стороны, сообщилъ въ Кавказскую бригаду, что:

„Конная почта, для передачи корреспонденціи и донесеній отъ 4-й кавалерійской дивизіи, имѣетъ посты во Владинѣ, между Владиной и Пелишатомъ, въ Сгалевицѣ, Парадимѣ и Карагачѣ Булгарскомъ".

Затѣмъ онъ сообщилъ распоряженіе командующаго 4-мъ корпусомъ,

---

*) Приказъ по отряду на 24-е Іюля.

**) 2 кон. орудія (6-й батареи есаула Луизова, находившейся при полкѣ Бакланова) и 2 конныхъ орудія 8-й Донской конной батареи.

на основанiи котораго, писалъ онъ: „чтобы возможно было войти въ правильную связь съ вашею бригадою, его превосходительству было-бы желательно, чтобы конная почта отъ ввѣренной вамъ бригады была бы учреждена на промежуткѣ отъ Иглавы до Владины". И къ сему присовокуплялъ: „что для содержанiя связи съ вашею бригадою разъѣздамъ моей бригады приказано доходить до Iоглина (на русской картѣ Иглавъ)."

Итакъ, эта записка свидѣтельствовала, что три полка 4-й кавалерiйской дивизiи имѣли цѣлью непосредственное прикрытiе лѣваго крыла нашихъ войскъ, расположенныхъ передъ Плевной. Поэтому, на ихъ долю приходилась двадцатипятиверстная дуга отъ Владины, на Пелишатъ, Сгалевицы, до Карагача Булгарскаго.

Нельзя сказать, чтобы и на этомъ пространствѣ была густо размѣщена наша конница. Безспорно, что сторожевое наблюденiе въ треугольникѣ Парадимъ-Владина-Плевно были не обременительны; но плевно-ловчинское шоссе и ключъ его Слатина оставались свободными для турокъ, т. е. и 4-й дивизiи пришлось выбрать одно изъ двухъ, чтобы не гнаться за двумя цѣлями. Если-бы она предпочла наблюдать за плевно-ловчинскимъ шоссе, то открыла бы свою пѣхоту передъ Плевной; слѣдовательно, наблюдательная осторожность, а не предпрiимчивые набѣги, должны были быть удѣломъ нашей конницы на западномъ крылѣ русскаго войска.

Можетъ быть, высшее начальство и само чувствовало эту вынужденную необходимость и поэтому сообщало *):

„Свиты Его Величества генералъ-маiору Скобелеву.

По приказанiю Его Императорскаго Высочества, командиръ 11-го армейскаго корпуса приказалъ сообщить вашему превосходительству непремѣнную волю Главнокомандующаго, чтобы вы, исполняя данное нынѣ порученiе, ни подъ какимъ видомъ не доводили-бы дѣла до серьезнаго боя съ непрiятелемъ, ограничиваясь задачею рекогносцировки.

Начальникъ штаба 11-го армейскаго корпуса

полковникъ Бискупскiй".

Слѣдовательно, содержанiе этого предостереженiя было довольно вѣское.

Между тѣмъ, отрядъ генерала Скобелева двигался на Типаву. Благополучно и скоро переправился онъ въ бродъ черезъ Осму у Иглавы и на нашихъ глазахъ втянулся въ гористое, узкое ущелье.

Жаркiй день не обѣщалъ ему легкаго перехода и мы разсчитывали, что не ранѣе 2-хъ часовъ пополудни отрядъ его доберется до Какрина. Скоро, однако, мы получили извѣстiе, что медленность движенiя превзошла

*) Штабъ 11-го армейскаго корпуса, Iюля 23-го 1877 г., № 2.001. Бивакъ при Карагачѣ Булгарскомъ. Получено въ отрядѣ генералъ-маiора Скобелева 24-го Iюля, въ 9 ч. утра.

наши ожиданія, такъ какъ отрядъ дошелъ до Типавы только около двухъ часовъ пополудни *).

Въ особенности трудно было артиллеріи. Каменистые подъемы утомляли лошадей; онѣ останавливались, и, въ довершеніе всего, на одномъ изъ трудныхъ косогоровъ сломался патронный ящикъ Ярославскаго полка. Разумѣется, его оставили на мѣстѣ, но свезти въ сторону не было возможности, по отсутствію сторонъ на дорогѣ; поэтому ящикъ загораживалъ ее, и начальникъ отряда писалъ Тутолмину:

„На горѣ оставленъ патронный ящикъ; пошлите казаковъ взять его и съ болгарскими подводами отправьте въ Парадимъ. Прошу настоятельно, зорко наблюдать за непріятелемъ въ Ловчѣ. Особенно важно знать—посланы-ли къ нему подкрѣпленія. Пошлите лазутчиковъ, если можете; обо всемъ доносите.

Іюля 24-го дня, 1877 г., $1^1/_2$ ч. пополудни, у Типавы".

Конечно, не ради патроннаго ящика я выписалъ это приказаніе; но привожу его въ доказательство того, на сколько безпокоился начальникъ отряда, двинутый въ ущелье, въ которомъ ни боя принять, ни освѣтить себя къ сторонѣ Ловчи нѣтъ возможности.

Самое же знаменательное для насъ выраженіе заключалось въ словахъ записки: „Пошлите лазутчиковъ, если можете". Это есть первое, полученное мною, приказаніе отъ начала войны, предписывавшее доставку свѣдѣній черезъ лазутчиковъ. Заношу его въ дневникъ, какъ свидѣтельство, взятое изъ опыта, что трудно воевать безъ лазутчиковъ. Разумѣется, мы могли слѣдить за движеніемъ турокъ изъ Плевны въ Ловчу и безъ ихъ помощи, но какимъ способомъ мы узнали-бы о приближеніи подкрѣпленій изъ-подъ Софіи. Слѣдовательно, не имѣя лазутчиковъ, мы могли доносить только о томъ, что уже случилось, а не предупреждать заблаговременно о томъ, что намъ угрожаетъ. Думаю, что существованіе лазутчиковъ въ полевомъ штабѣ или въ штабѣ корпуса не исключаетъ необходимости держать ихъ и въ легко-конныхъ передовыхъ отрядахъ **). Выраженіе-же: „если можете" указываетъ на отсутствіе ихъ и на трудность достать лазутчиковъ по приказанію и въ данный часъ, потому что лазутчика надо подготовить, пріучить его къ себѣ, а главное хорошо оплатить его. Послѣдняго же условія у насъ и не хватало ***).

*) Отъ Иглавы до Типавы по картѣ 6 верстъ; отъ Типавы до Брестова 6 верстъ, отъ Брестова до Какрина 3 версты и оттуда до шоссе 3 версты. Итого переходъ въ 18 верстъ казалось возможнымъ выполнить въ 7—8 часовъ, накидывая излишекъ на трудности пути. Но на это движеніе было употреблено гораздо больше времени.

**) Намъ нерѣдко приходилось слышать разсужденія по этому поводу, выраженныя словами: «послать $^1/_2$ сотни и разузнать». Но это легко говорится, да трудно дѣлается, и при этомъ упускается изъ виду, что турки не всегда согласятся выказать намъ свои силы.

***) Нѣсколько позднѣе описываемаго мною времени, начальникъ Западнаго отряда, на основаніи доклада генерала Скобелева о трудности обходиться безъ лазутчиковъ,

Не могу не припомнить при этомъ отвѣтовъ болгаръ, нерѣдко укоряемыхъ нами въ томъ, что турки находятъ среди ихъ много лазутчиковъ тогда какъ мы съ трудомъ добываемъ отъ нихъ самыя поверхностныя свѣдѣнія: „за вѣрныя вѣсти турки платятъ хорошо, а за подозрѣніе въ шпіонствѣ вѣшаютъ или голову снимаютъ; вы же денегъ не платите и турецкихъ лазутчиковъ не задерживаете.“ Я далекъ отъ мысли приводить эти слова, какъ неопровержимое доказательство справедливости болгаръ; но не могу не сказать, чтобы намъ не приходилось горевать о томъ, что схваченные, по указанію болгаръ, подозрительные люди были отпускаемы по недостатку уликъ, обличающихъ ихъ въ шпіонствѣ. Вслѣдствіе этого и выходило, что доступъ въ расположеніе нашихъ войскъ, вообще говоря, былъ легче, чѣмъ это допускается уставомъ военнаго времени.

Между тѣмъ, генералъ Скобелевъ 2-й, прибывъ на сельвинское шоссе, успѣлъ взглянуть съ него на Ловчу, но только въ $9^1/_4$ часовъ вечера могъ отправить донесеніе къ князю Шаховскому, теперь пополненное, но еще по утру заготовленное имъ. Хотя я, вслѣдствіе поздняго отправленія, и получилъ его для передачи *) въ 5 часовъ утра слѣдующаго дня, но помѣщаю его въ 24-е число, такъ какъ оно касается этого дня.

Генералъ Скобелевъ доносилъ командиру 11-го корпуса о томъ, что: „Вчера, 23-го числа, была произведена мною рекогносцировка Ловчи со стороны плевно-ловчинскаго и слатино-ловчинскаго пути.

„Оказалось: Позиція турокъ, не измѣнившаяся въ характерѣ обороны, съ 16-го Іюля усилена рядомъ окоповъ и небольшихъ батарей, построенныхъ на встрѣчномъ холмѣ.

„Заключеніе: Вообще говоря, атака съ этой стороны затруднительна, какъ по огнестрѣльной оборонѣ, такъ и по относительному командованію непріятельскихъ высотъ.“

„По сему, имѣя предписаніе соединиться съ отрядомъ полковника Липинскаго, я, отойдя по направленію къ нему, рѣшилъ:

1) „Стянуться къ сельви-ловчинской дорогѣ.“

2) „Завтра произвести усиленную рекогносцировку и по возможности захватить командующую высоту (ключъ позиціи); на ней сильно окопаться и ждать дальнѣйшихъ приказаній, обстрѣливая городъ и укрѣпленія непріятеля со стороны тыла“.

охотно предлагалъ имѣвшіеся въ его распоряженіи триста рублей отпустить начальнику Кавказской бригады; но въ то время подъискать надежнаго человѣка было уже довольно трудно и почти въ это же время подоспѣвшее взятіе Ловча и событія третьей Плевны не представляли въ нихъ настоятельной надобности. Поэтому, во избѣжаніе нареканій при отчетности въ деньгахъ, которыя, при случайныхъ лазутчикахъ, могли быть истрачены безъ пользы, выгоднѣе было отказаться отъ нихъ, что̀ я и сдѣлалъ.

*) За темнотою, невозможно было ѣхать скоро.

Далѣе онъ говорилъ, что причины, вызвавшія его переходъ на сельви-ловчинскую дорогу, суть слѣдующія:

а) „Возможность опереться на 8-й корпусъ и воспользоваться благопріятными случайностями."

б) „Характеръ мѣстности со стороны Сельви благопріятенъ для дѣйствія пѣхоты и развертыванія артиллеріи на командующихъ высотахъ".

в) Въ случаѣ наступленія непріятеля въ значительныхъ силахъ изъ Плевны на Парадимъ и изъ Ловчи противъ меня, при направленіи его боковаго авангарда къ Слатинѣ и при усиленіи народнаго возстанія въ горахъ между Типавой, Брестовомъ и Деветакомъ, гдѣ собрались шайки, положеніе отряда могло бы быть критическимъ".

4) „Для охраненія лѣваго фланга войскъ вашего сіятельства и поддержанія связи съ 8-мъ корпусомъ, оставленъ мною въ Иглавѣ отрядъ полковника Тутолмина, въ составѣ: Кавказской бригады, съ 1-й конно-горной батареей, и дивизіона драгунъ, съ 4-мя орудіями 8-й конной Донской батареи".

Ему поручено:

1) „Охраненіе отряда, дѣйствующаго на сельви-ловчинскомъ шоссе."

2) „Наблюденіе за войсками въ Ловчѣ и за дорогою изъ Плевны въ Ловчу."

3) „Наблюденіе за возставшимъ населеніемъ у Типавы."

4) „Ему предписано доносить вашему сіятельству о положеніи дѣлъ".

5) „При отступленіи, онъ направляется внизъ по Осмѣ на Карахасанъ, оставаясь въ связи съ войсками вашего сіятельства и со мною."

„Въ виду затруднительности задачи Тутолмина, не благоволите-ли выставить какой нибудь полкъ на дорогѣ и на горѣ у Дренова, хотя бы для облегченія доставки донесеній."

„Полковникъ графъ Келлеръ, знакомый съ непріятелемъ, былъ бы крайне полезенъ при производствѣ рекогносцировки 25-го числа. Не благоволите-ли командировать его въ мое распоряженіе".

„Отрядъ ночуетъ на сельвинскомъ шоссе, впереди Какрина; при этомъ сообщаю: Какрино, Брестово и Типава заняты казаками".

„При семъ прилагаю кроки вчерашней рекогносцировки".

„Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ".

„По затруднительности непосредственныхъ сношеній, прошу ваше сіятельство не отказать сообщить это мое донесеніе въ главную квартиру для доклада начальнику „штаба арміи".

Свѣдѣнія о непріятелѣ:

„Всѣ захваченные языки свидѣтельствуютъ объ отсутствіи большихъ подкрѣпленій со стороны Микре. Ловча занята десятью таборами изъ Плевны??? при 2-хъ орудіяхъ??? подъ начальствомъ Ахмеда-паши.

„Очевидно, что непріятель укрѣпился сильно, но, повидимому, растя-

нуто для существующаго гарнизона. Но за все вышесказанное не ручаюсь. Донесу завтра подробно."

Одновременно съ присланнымъ донесеніемъ генерала Скобелева, начальникъ штаба нашего отряда пояснялъ полковнику Тутолмину, что упомянутое подробное „донесеніе князю Шаховскому будетъ прислано завтра, 25-го, по осмотрѣ Ловчи, а усиленная рекогносцировка будетъ произведена непремѣнно 26-го".

Поэтому, Кавказской бригадѣ предписывалось вновь произвести рекогносцировку безъ боя, выславъ офицеровъ съ конвоемъ для съемки и съ цѣлью:

1) „Схватить характеръ мѣстности, командующія высоты и ведущія къ нимъ лощины".

2) „Приблизительный размѣръ и начертаніе тѣхъ укрѣпленій, которыя будутъ видны".

3) „Относительное расположеніе непріятельскихъ лагерей и ихъ размѣры".

4) На высотѣ передъ Омаркіоемъ имѣть постоянный постъ при толковомъ офицерѣ, который цѣлый день слѣдилъ-бы за передвиженіемъ непріятеля на позиціяхъ, отмѣчая:

а) „смѣну карауловъ и численный составъ ихъ";

б) „ѣздитъ-ли и куда начальство";

в) „мѣста и передвиженія орудій";

г) „куда скачутъ посыльные, часто-ли и т. п.".

„Все это записать въ журналъ за цѣлый день и доставить завтра, 25-го, къ 7-ми или 8-ми часамъ вечера".

„Наблюденія же продолжать и доставить вторыя донесенія (т. е. послѣ отправленія первыхъ) къ 5 ч. утра 26 числа.".

„Для наблюденія за плевно-ловчинскимъ шоссе, что́ чрезвычайно важно, послать усиленные разъѣзды съ ранняго утра къ д. Сотеву и ближе къ Ловчѣ. Разъѣзды должны быть на столько сильны, чтобы могли отразить случайныя шайки. Назначеніе этихъ разъѣздовъ состоитъ въ томъ, чтобы извѣщать о всякомъ движеніи войскъ какъ отъ Плевны, такъ и обратно, причемъ обратить вниманіе на опредѣленность донесеній. Казачья сотня (2-я № 30-й) къ разсвѣту займетъ Присяку. Сотня, занимающая Брестовъ, придвинется къ главнымъ силамъ."

„Начальникъ отряда приказалъ вамъ съ разсвѣтомъ 25-го ч. связаться съ донскими казаками въ Присякѣ и посылать черезъ нихъ донесенія, такъ какъ главныя силы ночуютъ въ 4-хъ верстахъ отъ Ловчи, на сельви-ловчинскомъ шоссе".

„О способѣ производства усиленной рекогносцировки 26-го Іюля, получите своевременныя указанія".

„Въ случаѣ недостатка провіанта, посылайте въ Парадимъ, но не затрудняйте себя запасомъ".

9¼ час. вечера 24-го Іюля.

Начальникъ Штаба полковникъ Паренсовъ.

„P. S. 1) Завтра, 25-го Іюля, въ 10 часовъ дня, одному эскадрону драгунъ и взводу кубанцевъ выступить изъ Омаркіой, черезъ Присяку, къ главнымъ силамъ на шоссе; при этомъ обращается вниманіе на то, чтобы у нихъ былъ хорошій проводникъ".

2) Для свѣдѣнія:

„Отрядъ Бакланова—2 сотни и 1 эскадронъ драгунъ—займетъ 25-го числа поле Татарлы, для освѣщенія путей къ Микре и къ Радевине.

„Сообщить объ этомъ князю Шаховскому тотчасъ по полученіи сего".

Полковникъ Паренсовъ.

25-го Іюля.

Приказаніе это, какъ сказано, получено было у насъ въ 5 часовъ утра 25-го Іюля, а въ 7 часовъ утра (съ 2-мя донцами 2-й сотни № 30-го и однимъ кубанцемъ) генералу Скобелеву было отправлено донесеніе о томъ, что предписанныя имъ распоряженія для связи и для осмотра Ловчи приведены уже въ исполненіе.

Вслѣдъ за симъ, въ 7½ ч. утра, начальникъ сторожевой сотни Владикавказскаго полка доносилъ, что:

„Съ юга замѣтно наступленіе, надо полагать, нашихъ войскъ. Идетъ ружейная перестрѣлка, но точныхъ свѣдѣній не имѣется.

„Показавшіяся войска съ обѣихъ сторонъ конныя.

Есаулъ Пржеленскій".

Но, по соображеніи относительнаго расположенія нашихъ отрядовъ, можно предположить, что наблюденіе есаула Пржеленскаго было направлено не на южную, а на юго-восточную сторону Ловчи, на которой стояли наши главныя силы. У меня нѣтъ данныхъ для подробнаго описанія ихъ дѣйствій за 25-е Іюля; но, благодаря содѣйствію нашего начальника штаба, я могу представить донесеніе подполковника Бакланова *), бывшаго въ это время на южной сторонѣ Ловчи, у Татарлы.

Хотя донесеніе это было получено въ штабѣ отряда только въ 5-ть часовъ пополудни; но помѣщаю его здѣсь, такъ какъ оно пополняетъ отчетъ о дѣйствіяхъ за утро 25-го числа.

Баклановъ доносилъ:

---

*) Часть донесеній, посланныхъ начальнику отряда, доставлена мнѣ полковникомъ (нынѣ генералъ-маіоромъ) Паренсовымъ; остальныя, приводимыя мною въ дневникѣ, были переданы мнѣ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, по причинѣ частыхъ отлучекъ по дѣламъ службы начальника штаба отряда.

„Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву.

Выступивъ сего числа въ 9 ч. утра, я, съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, подошелъ къ 11-ти часамъ къ деревнѣ Павликанамъ *), гдѣ сдѣлалъ привалъ на ½ часа.

Оттуда немедленно командировалъ, по направленію къ Ловчѣ, капитана генеральнаго штаба Стромилова съ полусотнею казаковъ, при хорунжемъ Каргинѣ.

Поднявшись на высоты полевой **) стороны рѣки Осмы, откуда въ 3-хъ верстахъ разстоянія видна Ловча, капитанъ Стромиловъ снялъ кроки мѣстности, которое при семъ прилагаю.

На этихъ высотахъ видны были сначала только баши-бузуки, которые держатъ караулъ, но потомъ явилась часть пѣхоты.

Вслѣдствіе этого, разъѣздъ отступилъ, но успѣлъ сдѣлать все, что̀ ему было приказано.

Къ вечеру, какъ видно, гора эта занята непріятелемъ; на ней видна пѣхота и кавалерія: пѣхоты приблизительно ста два, а кавалеріи съ сотня.

Какъ видно, появленіе наше произвело большую тревогу. Очень вѣроятно, что высота эта будетъ занята сильнѣе и, пожалуй, намъ не придется въ другой разъ такъ осмотрѣть Ловчу съ этой стороны.

Въ теченіи ночи я ограничусь наблюденіемъ за дорогою, идущею въ Ловчу.

Ночевать думаю между дер. Павликаны и Татарлы.

Лагеря съ этой стороны нѣтъ, а войскъ регулярныхъ замѣчено мало".

Подполковникъ Баклановъ.

25-го Іюля, 4 часа пополудни.

„Выступилъ въ 9 ч. Пришелъ въ Татарлы въ 11 ч. Привалъ ½ часа. Въ д. Татарлы 12½ ч."

На запискѣ рукою генерала Скобелева надписано:

„Это важное соображеніе для разсчета движенія резервовъ".

Генералъ-маіоръ Скобелевъ.

25-го Іюля 1877 г., 5 час. вечера".

Между тѣмъ, начальникъ наблюдательнаго поста, находившагося на горѣ у Омаркіоя, послѣдовательно записывалъ все, происходившее на его глазахъ у непріятеля.

Въ силу полученнаго приказанія, онъ доставилъ какъ дневное, такъ и вечернее донесенія. Въ утреннемъ донесеніи онъ сообщалъ:

---

*) Т. е. къ Павликанамъ, что на югѣ отъ Ловчи. Въ расположеніи Кавказской бригады тоже есть Павликаны.

*) Т. е. той, что ближе къ полю.

„1) Въ $12^1/_2$ ч. дня. Усиленная работа въ центральной батареѣ, въ которой видны двѣ амбразуры" *).

„Въ находящійся за нею лагерь передвигаются войска; тамъ замѣтны огни".

„Оттуда выѣзжаютъ разъѣзды".

„Главный начальникъ, какъ видно, находится въ центральной батареѣ. Оттуда было послано три всадника: одинъ въ Ловчу и два по направленію на Плевну. (Это было въ 2 часа)".

2) „$2^1/_2$ часа. Работы на батареяхъ продолжаются. Подошло къ нимъ около трехъ взводовъ кавалеріи".

3) „$2^3/_4$ ч. Гонятъ скотъ къ лагерю за центромъ".

„Расположеніе батарей слѣдующее: одна на высотѣ около Ловчи, двѣ въ центрѣ. Аванпостовъ нѣтъ, но есть учащенные разъѣзды".

„На высотахъ за лагеремъ, кажется, есть батареи".

„Въ центральной батареѣ передвинуто одно орудіе по направленію къ Ловчѣ".

„Передвиженія пѣхоты не замѣчено".

„Подписано: Начальникъ поста, хорунжій Владикавказскаго полка Кузьминъ".

Въ вечернемъ донесеніи онъ сообщалъ:

„Всматриваясь въ непріятельскій лагерь, предполагаю, что въ палаткахъ остались только офицеры, а пѣхота, кавалерія и артиллерія находятся за укрѣпленіями".

„Въ $4^1/_2$ часа варили пищу".

„Около 5 часовъ поднялась густая пыль, какъ будто пришелъ со стороны Софіи батальонъ пѣхоты. Кавалерія водитъ на водопой за лагерь въ балку".

„Пѣшіе часовые стоятъ на валахъ и батареяхъ".

„Лѣвѣе позиціи, какъ видно, расположился главный караулъ".

„Подъ Ловчей замѣтны стрѣлковые ложементы".

Хорунжій Кузьминъ".

Донесеніе командира Брянскаго полка даетъ возможность опредѣлить дѣятельность главныхъ силъ на сельвинскомъ шоссе.

Онъ писалъ:

Начальнику отряда свиты Его Величества

генералъ-маіору Скобелеву.

Донесеніе.

$9^1/_2$ час. вечера 25 Іюля 1877 г.

„Въ 5 ч. пополудни бивакъ 35-го Брянскаго полка придвинутъ ближе къ позиціи; 2-й и 3-й батальоны у самой позиціи за горой, а 1-й батальонъ поодаль, впереди кухонь".

---

*) Этими словами обозначалась извѣстная намъ батарея.

На мѣстѣ вчерашняго бивака 2-го и 3-го батальоновъ Брянскаго полка поставлены батальоны Ярославскаго полка и батарея 30-й артиллерійской бригады. Изъ батареи 9-й артиллерійской бригады одинъ взводъ выдвинутъ ко 2-му и 3-му батальонамъ Брянскаго полка, а прочіе остались на прежнемъ бивакѣ. Бивачное расположеніе пѣхоты прикрыто цѣпью казачьихъ аванпостовъ, протягивающихся черезъ гору, на которой находится домикъ, и вправо отъ этой горы (пересѣкая и далѣе), до возвышенности параллельно непріятельской позиціи; кромѣ того, влѣво отъ вышки, черезъ лощину, до слѣдующей возвышенности. Независимо отъ этого: параллельно казачьей цѣпи, въ 600 шагахъ позади ея, на мѣстности передъ нашей позиціей, расположена цѣпь стрѣлковъ отъ одной роты. Аванпосты заняли свои мѣста: казачьи въ 7 часовъ, пѣхотные въ 8 часовъ. Въ 6 часовъ пополудни командой рабочихъ Брянскаго полка, между кустарникомъ и виноградниками, продѣлана на гору дорога и расчищено мѣсто для позиціи артиллеріи. Работа окончена въ 7½ часовъ утра. Она производилась подъ прикрытіемъ одной линейной и одной стрѣлковой ротъ. Въ 7 часовъ пополудни, лично мною, на мѣстности, объяснено батальоннымъ и ротнымъ командирамъ расположеніе ихъ частей и значеніе завтрашняго дѣла.

Полковникъ Липинскій".

Пока происходили описанныя мною дѣйствія вокругъ Ловчи, въ Парадимѣ и въ Карагачѣ Болгарскомъ послѣдовала перемѣна въ главномъ управленіи войскъ, собранныхъ подъ Плевной. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ принималъ надъ ними начальство, а полки князя Шаховскаго *) отходили пока къ главной квартирѣ, расположенной въ настоящее время у Чаушъ-Махалы.

Начальникъ штаба 11-го корпуса, увѣдомляя объ этомъ генерала Скобелева **) отъ имени князя Шаховскаго, писалъ ему, что „командиръ корпуса не можетъ въ настоящую минуту писать лично, но проситъ передать всему отряду искреннюю благодарность за дѣло 18-го Іюля и душевную признательность вашему превосходительству. Проситъ выслать съ ротмистромъ Оболенскимъ ***) наградные листы лицамъ, бывшимъ въ вашемъ отрядѣ въ бою подъ Плевною 18-го Іюля и вами удостоиваемыхъ".

---

*) Вскорѣ они перешли на восточную полосу военныхъ дѣйствій.

**) Письмомъ отъ 25-го Іюля, въ 10 ч. утра, изъ Карагача Болгарскаго, полученнымъ въ штабѣ генерала Скобелева въ ночь на 27-е число.

***) Адъютантъ князя Шаховскаго, посланный къ генералу Скобелеву. Въ этомъ-же письмѣ было сказано, что графъ Келлеръ не можетъ быть назначенъ по желанію генерала Скобелева.

Одновременно съ этимъ было прислано приказаніе и отъ начальника западнаго отряда:

„Полковнику Тутолмину, отъ 25-го іюля, 5 часовъ 15 мин. пополудни.

„Пришлите принять 100 пудовъ сухарей. Приказалъ отпустить изъ полковъ 16-й дивизіи. Прилагаемый приказъ, по прочтеніи, прошу переслать генералу Скобелеву. 26-го во Владинѣ будетъ поставленъ батальонъ съ двумя орудіями. Пелишатъ 25-го, а завтра Парадимъ.

Генералъ-лейтенантъ Зотовъ.“

Это случайно выразившееся первое распоряженіе начальника западнаго отряда присылкою намъ хлѣба, произвело хорошее впечатлѣніе, и я позволю себѣ остановиться на этой случайности потому, что въ походной обстановкѣ многое зависитъ отъ впечатлѣнія. Долгая сторожевая жизнь пріучаетъ къ наблюденію и, по роду службы, требуетъ, такъ сказать, предсказаній, на основаніи случайныхъ, мимолетныхъ признаковъ. Если вѣрно, что человѣкъ, живущій заодно съ природою, начинаетъ понимать ея языкъ, то это вполнѣ подтверждается въ сторожевой, легкоконной службѣ. Цѣлые дни проводитъ всадникъ въ отдаленіи отъ всѣхъ разговаривающихъ съ нимъ человѣческимъ словомъ; но за то разговариваютъ съ нимъ луга и лѣса. Для него и воздухъ будетъ прозрачнѣе, чѣмъ для другого, не находящагося съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ жизни. Поэтому, нѣтъ для него той дали, на которой бы онъ что нибудь проглядѣлъ до границъ кругозора, да и въ птичьемъ полетѣ онъ узнаетъ причину ея перелета. Онъ узнаетъ —спугнулъ-ли ее человѣкъ, или сама она полетѣла. Такая одиночная жизнь невольно пріучаетъ вѣрить въ предзнаменованія; скажу болѣе: хочется имъ вѣрить, потому что они замѣняютъ друга, безъ котораго скучно въ одиночествѣ. И вотъ, пустая, счастливая случайность заставляетъ отъ сердца повѣрить хорошей примѣтѣ, отъ которой невольно чувствуешь себя лучше; она какъ будто подсказываетъ, что кто-то о тебѣ думаетъ, заботится и поможетъ въ трудную минуту. Такъ и двѣ строчки, говорившія: „пришлите принять сто пудовъ сухарей, приказалъ отпустить изъ полковъ 16-й дивизіи“, означали—я подѣлился съ вами, и говорили въ то же время что „мы о васъ думаемъ и заботимся“; а это уже много для насъ значило.

Я не помню, въ какой степени благосостоянія находилась у насъ въ это время продовольственная часть, но у меня сохранилась записка полковника Паренсова, писанная имъ, какъ и всѣ приказанія, со словъ генерала Скобелева 2-го. По всему вѣроятію, я доносилъ ему что-нибудь непріятное, потому что въ запискѣ, посланной съ шоссе у Ловчи въ $11^1/_2$ час. утра 25-го Іюля, было сказано:

«Полковнику Тутолмину.

«Патронный ящикъ желательно бы свезти, но отвлекаться отъ своего назначенія не слѣдуетъ. Вмѣсто сухарей, въ деревнѣ есть мясо, живность, мука, зерно въ полѣ и т. п. Желательно, конечно, получить сухари изъ Парадима, какъ написано вчера. Настоятельно прошу сдѣлать съемку непріятельскихъ позицій съ вашей стороны и вообще поступать согласно вчерашней запискѣ, посланной вечеромъ. Завтра назначается усиленная рекогносцировка. Наблюдайте тщательно дорогу Плевно-Ловча, доносите намъ и князю Шаховскому, прося его передать въ главную квартиру.

По приказанію начальника отряда,

полковникъ Паренсовъ».

Для объясненія нѣкоторыхъ выраженій этой записки считаю не лишнимъ пояснить слова, касающіяся патроннаго ящика. Сколько помнится, его можно было свезти не иначе, какъ только привязавъ къ другой повозкѣ. Раза два казаки припрягали къ нему болгарскія телѣги, но оба раза телѣги ломались подъ тяжестью ящика. Надо было снова отыскивать болгаръ, а это вызывало лишній разгонъ людей, и безъ того занятыхъ трудной службой. Что же касается сухарей, то, по всему вѣроятію, одно изъ моихъ донесеній, отправленное въ штабъ 11-го корпуса, о недостаткѣ ихъ, было передано новому начальству и вызвало распоряженіе начальника западнаго отряда. Я говорилъ уже, что Кавказская бригада не имѣла собственно ей принадлежащихъ продовольственныхъ учрежденій. Попавъ случайно, при началѣ войны, въ составъ 9-го корпуса, она въ то время оттуда получала сухари и патроны. Боевыя соображенія передъ второй Плевной присоединили ее къ 11-му корпусу и она явилась къ нему за патронами, количество которыхъ, конечно, было разсчитано только на потребность полковъ 11-го корпуса. Поэтому было весьма естественно, что начальникъ парка долженъ былъ отпускать ей, можетъ быть съ неудовольствіемъ, случайный излишекъ патроновъ и всѣми способами старался отдѣлаться отъ этого, неожиданнаго для него, требованія. Въ силу этого, раздаются уже неудовольствія на начальника парка, а онъ, въ свою очередь, негодуетъ на притязанія Кавказской бригады, и вотъ передъ самымъ сраженіемъ готова поселиться разладица.

Между тѣмъ, каждая сторона считаетъ себя правою и, дѣйствительно, права съ своей точки зрѣнія. Кавказская бригада не можетъ вступить въ бой безъ патроновъ; не виновато и артиллерійское вѣдомство, издалека пополняющее полки на основаніи ранѣе предъявленныхъ требованій отъ частей постояннаго состава корпуса.

Что же касается до приказа начальника западнаго отряда, который я долженъ былъ отправить генералу Скобелеву, то въ немъ объявлялось о

вступлении генералъ-лейтенанта Зотова въ отправленіе должности начальника войскъ, собранныхъ между Осмою и Видомъ *).

Но на завтра намъ назначена усиленная рекогносцировка, т. е., попросту сказать, тоже сраженіе, хотя далеко не такое упорное, какое обыкновенно происходитъ за обладаніе мѣстнымъ предметомъ, или ведется въ виду необходимости уничтожать противника.

Канунъ такихъ дней всегда бываетъ покойный, требующій размышленій, вызывающихъ необходимость намѣтить путь наступленія, по возможности, условиться въ общемъ способѣ дѣйствій, уяснить относительное значеніе мѣстныхъ предметовъ и выгоднѣе стать передъ непріятелемъ.

Мы на столько освоились уже съ бивакомъ подъ Ловчей, что знали откуда слѣдуетъ осматривать ее съ нашего наблюдательнаго кряжа, и ѣздили туда часто. И сегодня возвратились оттуда же начальники частей. Батарейные командиры осмотрѣли горный хребетъ, намѣтили лично ими избранные извилины подъема, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, поднявшись напрямикъ, по незнакомой имъ мѣстности, они измучили бы лошадей по рыхлой пахотѣ высокой кукурузы.

Словомъ, все было готово; оставалось лишь поужинать и отдохнуть.

---

*) Приказъ по западному отряду арміи.

25-го Іюля 1877 г., Пелишатъ.

№ 1-й.

Его Императорское Высочество Великій Князь Главнокомандующій для общей связи войскъ, собранныхъ подъ Плевною, приказаніемъ отъ 25-го Іюля сего года, за № 2-мъ, соизволилъ назначить меня начальникомъ западнаго отряда арміи, въ составъ котораго включается:

1) Командуемый мною 4-й армейскій корпусъ.

2) 9-й армейскій корпусъ.

3) Румынскія войска, прибывшія въ Никополь.

4) Часть 9-го армейскаго корпуса (Костромской полкъ, находящійся въ Никополѣ) и самая крѣпость.

5) Отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева.

6) Отрядъ войскъ 11-го корпуса, временно находящійся у Плевны.

Объявляя объ этомъ всѣмъ главнымъ начальникамъ поименованныхъ выше войскъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю имъ: а) поставить немедленно же о томъ въ извѣстность всѣ подвѣдомственныя имъ части; б) доставить мнѣ, въ возможной скорости, точныя свѣденія о боевой силѣ ихъ (числѣ штыковъ, коней и орудій), и в) отнынѣ впредь доставлять ко мнѣ всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ и вообще относиться ко мнѣ во всемъ, касающемся военныхъ предначертаній и дѣйствій. Командованіе 4-мъ армейскимъ корпусомъ возложено на начальника 4-й кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенанта Крылова. Начальникомъ штаба западнаго отряда назначается начальникъ штаба 4-го армейскаго корпуса, полковникъ Новицкій; а на мѣсто его, исправляющимъ должность начальника штаба 4-го армейскаго корпуса назначаю начальника штаба 4-й кавалерійской дивизіи, полковника Лауница.

Начальникъ западнаго отряда, генералъ-лейтенантъ Зотовъ.

Начальникъ штаба западнаго отряда, полковникъ Новицкій.

до утренней зари; но передъ самымъ вечеромъ необычайное для насъ происшествіе поставило всѣхъ на ноги: къ намъ пріѣхалъ нарочно присланный отъ Государя сказать Его сердечное спасибо.

Эта вѣсть до того была неожиданна, что въ первую минуту не вѣрилось своимъ ушамъ. Какъ? отъ Царя намъ прислано спасибо,—намъ, обойденнымъ крестами *) для раздачи въ сотни за дѣла отъ Дели-Сули до 20-го Іюля? Понятно, что, оставаясь въ такой обстановкѣ, мы должны были неожиданнаго гонца закидать разными вопросами. Между тѣмъ, приказано было всѣмъ казакамъ собраться, чтобы выслушать спасибо, присланное отъ Царя.

Хорошо почувствовали мы себя при этомъ, радостномъ для насъ, событіи; поэтому, пока собираются казаки, я разскажу то, что помню по поводу полученной нами благодарности.

Во второй части моего дневника я уже говорилъ, что, послѣ перваго сраженія подъ Плевной, я долженъ былъ получить выговоръ, еслибы подтвердились предположенія о бездѣйствіи Кавказской бригады. Но только сдержанность присланныхъ къ намъ ординарцевъ называла выговоромъ естественное послѣдствіе, которое должно было послѣдовать за бездѣйствіе начальника Кавказской бригады. На сколько были удивлены ординарцы разницею между слухами и дѣйствительностью, на столько-же измѣнилась впослѣдствіи и оцѣнка дѣйствій Кавказской бригады. Но впечатлѣніе складывается скоро, а правда выплываетъ не быстро, въ особенности-же когда наростаютъ горы новыхъ тягостей и бѣдъ. Такъ было и съ Кавказской бригадой, надъ которой тяготѣлъ еще какой-то гнетъ, выражавшійся отчасти и тѣмъ, что какъ будто-бы не помнили о казакахъ Кавказской бригады. Не лишнимъ будетъ припомнить здѣсь и то обстоятельство, что ординарцы передали мнѣ приказаніе—посылать важныя донесенія въ главную квартиру одновременно съ отправленіемъ таковыхъ непосредственному своему начальству. Этого я до той поры не дѣлалъ, считая себя не вправѣ непосредственно сноситься съ главною квартирою, такъ какъ, во-1-хъ, постоянно имѣлъ надъ собою не менѣе трехъ начальниковъ, а во-2-хъ, никогда ни отъ кого не получалъ на это не только полномочія, но и служебнаго сообщенія о мѣстѣ пребыванія главной квартиры. Но разъ приказаніе было получено, конечно, я не заставилъ отдавать его вторично, и разъѣзды довольно часто были отправляемы отъ насъ въ главную квартиру **). Отправляясь отъ насъ, они

---

*) Кромѣ тѣхъ 5-ти казаковъ, которые были посланы въ главную квартиру изъ Булгарени, награжденныхъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, и Бекъ-Узарова, украшеннаго собственною рукою Государя за отбитое имъ знамя въ ночномъ бою подъ Самовидомъ, въ бригаду не было еще прислано крестовъ за прошлыя дѣла.

**) Считаю нужнымъ оговориться, что въ описываемое время донесенія въ главную квартиру, конечно, шли не лично отъ меня, а отъ генерала Скобелева, какъ непосред-

получали приказаніе: непремѣнно явиться всѣмъ начальникамъ, мало-мальски имѣющимъ къ намъ отношеніе, и безъ утайки отвѣчать на все, что выставляетъ бригаду какъ съ хорошей, такъ и съ неблагопріятной стороны. Помимо служебныхъ обязанностей, по которымъ намъ необходимо было имѣть сношенія съ главною квартирой, эти разъѣзды принесли намъ и побочную пользу. Я говорилъ уже, что мы не имѣли досуга писать пространныя донесенія, и поэтому я невольно грѣшилъ передъ бригадой, ограничиваясь краткими донесеніями. Люди опытные предупреждали меня, что изъ этой краткости ничего добраго не выйдетъ. „Пишите реляціи", говорили мнѣ. Наша служба не такова, чтобы могла быть оцѣнена издали; у насъ нѣтъ возможности, какъ у пѣхоты, потерять на приступѣ 1,000 человѣкъ, и тѣмъ обратить на себя вниманіе; черкесы не хотятъ атаковать сплошною стѣною, турки не вылѣзаютъ изъ окоповъ, намъ только и остается, что броситься, очертя голову, на турецкую пѣхоту и положить половину бригады. И дѣйствительно, нетрудно было пустить Кавказскую бригаду на любую пѣхотную колонну, не разбирая въ какихъ условіяхъ она находится, положить въ этомъ налетѣ добрую половину людей безъ ощутительной пользы для дѣла,—и вотъ, мы имѣли бы безсмертную атаку, о которой говорили бы много и долго.

Желчные люди, говорилъ я себѣ, слушая подобные порывы неудовольствія; о чемъ я буду расписывать, когда и въ краткомъ донесеніи дѣло достаточно выяснено. Но желчные люди оказались правы, а я не умѣлъ выяснить дѣла въ короткомъ донесеніи. Поворотъ въ нашу пользу начался уже, какъ я сказалъ выше, черезъ нѣсколько дней послѣ перваго сраженія подъ Плевной. Но тогда только замолчали, а не разузнали, потому что некогда еще было сводить концы съ началомъ; чувствуя же правоту своего дѣла, мы не хотѣли навязываться съ оправданіями, будучи убѣждены, что рано или поздно и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Мало по малу начали насъ разспрашивать, и вотъ ранѣе нашихъ ожиданій, мы 25-го Іюля отпраздновали такой праздникъ, на который никогда не смѣли и разсчитывать.

Праздникъ этотъ сложился съ пріѣздомъ Владикавказскаго полка есаула Козлова, посланнаго къ намъ, по личному приказанію Государя.

Черезъ нѣсколько времени по прибытіи въ полкъ (что было съ вечера передъ ночнымъ боемъ), есаулъ Козловъ былъ назначенъ ординарцемъ къ командиру 9-го корпуса. Въ сраженіи 18-го Іюля подъ Плевной онъ показалъ себя храбрымъ и распорядительнымъ офицеромъ, по исполненію важныхъ приказаній генерала Криденера, и съ однимъ изъ

ственнаго моего начальника; генералу Скобелеву обязанность эта была вмѣнена уже и въ особомъ предписаніи изъ полевого штаба дѣйствующей арміи отъ 22-го Іюля.

донесеній былъ отправленъ оттуда въ Императорскую главную квартиру. Удостоенный неоднократными разспросами Государя о мельчайшихъ подробностяхъ происшествій между Осмою и Видомъ, онъ, между прочимъ, долженъ былъ доложить и о томъ, что прибылъ въ Владикавказскій полкъ передъ завязкою нашего ночнаго боя подъ Самовидомъ. Тогда Государю угодно было выслушать подробный разсказъ о нашемъ дѣлѣ, и Козловъ, при многолюдномъ собраніи присутствовавшихъ, доложилъ причину, по которой мы остались передъ Самовидомъ, и самый ходъ боя.

Скажу мимоходомъ, что время этого разсказа совпадало съ тягостными днями нашей войны. Чрезвычайныя напряженія не колебали рѣшимости русскаго войска въ честномъ выполненіи долга; но въ то время, когда побѣда не дается, тогда-то и чувствуется тягость трудовъ, тогда-то и хочется отраднаго облегченія въ непомѣрныхъ усиліяхъ. Въ такое-то вотъ время и нуженъ георгіевскій крестъ на грудь рядовому. Полученный на полѣ чести, онъ имѣетъ чарующую силу.

Нѣчто подобное такому настроенію было и въ Кавказской бригадѣ: хотя самоотверженіе казаковъ было всецѣлое, но не хватало для нихъ ласковаго слова, присланнаго свыше. И вотъ, въ такую-то пору, неожиданно для всѣхъ, есаулъ Козловъ былъ посланъ Государемъ благодарить войска западнаго отряда за службу, а Кавказской бригадѣ передать: „Его сердечное спасибо за службу и за молодецкое ночное дѣло“. Такія мгновенія составляютъ событіе въ жизни отряда. Всякая попытка къ подробному ихъ описанію не достигнетъ цѣли, потому что не слову передать все то, что чувствуетъ въ это время сердце. Поэтому я и ограничусь тѣмъ, что скажу лишь объ обрядѣ, съ которымъ у насъ приняли Царскаго посланца. Всѣ свободные отъ службы казаки сошлись въ широкій кругъ за серединою нашихъ орудій. Но вышло-бы не по-русски, если бы мы безъ заздравной чарки приняли нашу первую награду; сухарей же и водки у насъ не было въ то время. По счастью, часа за два передъ этимъ, изъ Сельви прислали генералу Скобелеву боченокъ мѣстнаго вина. За отсутствіемъ начальника отряда, доставившій боченокъ передалъ его на храненіе другому лицу, и тотъ, кому онъ былъ переданъ, призналъ его „какъ неба нѣкій даръ“, явившійся намъ кстати. Есаулъ Козловъ вышелъ на середину круга и передалъ, какъ сказано, отъ имени Царя: Его сердечное спасибо за службу и за молодецкое ночное дѣло. Имѣя въ то же время приказаніе благодарить бригаду и отъ имени Великаго Князя Главнокомандующаго, онъ вслѣдъ затѣмъ передалъ намъ и Его благодарность. Вырвалось изъ груди благодарное ура, и перекатомъ полетѣло по лѣсу и ущелью. Первая радостная чарка была выпита подъ Ловчей за здравье Русскаго Царя, и я слышалъ, какъ въ большомъ, веселомъ кругу казаковъ сказали: „За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ».

Стоявшему съ нами дивизіону Рижскихъ драгунъ, такъ же, какъ и намъ, была передана царская благодарность, и въ этотъ вечеръ всѣмъ было легко и, въ веселомъ настроеніи духа, мы заснули до завтрашняго дѣла.

На утро, есаулъ Козловъ долженъ былъ ѣхать въ отрядъ генерала Скобелева. За неимѣніемъ дѣловыхъ докладовъ, ему было донесено, что боченокъ его былъ принятъ, но выпитъ всею бригадою на нашемъ почетномъ, но не богатомъ пиру.

Конечно, это своеволіе не было обидно начальнику отряда, понимавшему всю силу присланнаго къ намъ ласковаго слова.

III.

Усиленная рекогносцировка Ловчи.

26-го Іюля.

Въ ночь съ 25-го на 26-е Іюля мы получили диспозицію для усиленной рекогносцировки. Ясно изложенныя въ ней приказанія не оставляли никакихъ недоразумѣній.

Въ ней было сказано:

„Завтра, 26-го Іюля, ввѣренному мнѣ отряду (35-й пѣхотный Брянскій полкъ, 2 батальона 117-го Ярославскаго полка, 3-я батарея 9-й артиллерійской бригады, 1-я батарея 30-й артиллерійской бригады, Кавказская казачья бригада, Донскіе полки № 30 и 23 *), 11-й Рижскій драгунскій полкъ, 8 конныхъ и 6 горныхъ орудій) произвести усиленную рекогносцировку города Ловчи.

Для сего:

Брянскому полку наступать по сельвинскому шоссе, поставя въ первой линіи 1-й и 2-й батальоны, выдвинувъ 1-й батальонъ правѣе 2-го, выдвинутаго съ вечера. Роты 3-го батальона остаются въ резервѣ первыхъ двухъ батальоновъ и поднимаются на гору, дабы быть ближе къ серединѣ боеваго порядка.

Двѣ девятифунтовыя батареи выдвигаются на горы правѣе и лѣвѣе шоссе, одновременно съ первымъ батальономъ Брянскаго полка.

Батальоны Ярославскаго полка станутъ въ общемъ резервѣ за горой. Мѣсто имъ будетъ указано полковникомъ Липинскимъ. Начало движенія на позицію въ 5 час. утра".

---

*) Они не были полнаго состава; если не ошибаюсь, то въ 30-мъ было 4 сотни, въ 23-мъ—двѣ сотни.

Далѣе было объяснено, что „такъ какъ цѣль дѣйствія отряда заключается въ усиленной рекогносцировкѣ, то когда стрѣлки перваго батальона поднимутся на гору садами, угрожая охватомъ лѣвому флангу непріятеля, тогда и откроется канонада изо всѣхъ орудій. Въ это время стрѣлки должны остановиться, такъ как ъ канонада имѣетъ цѣлью вызвать огонь непріятельскихъ орудій и ослабить позиціи непріятеля. Если-бы этого средства оказалось недостаточно для совершеннаго раскрытія непріятельскихъ силъ, то необходимо будетъ первому батальону произвести наступленіе противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи, одновременно съ наступленіемъ 2-го батальона съ фронта „на что—оговаривалось въ приказѣ—послѣдуетъ особое отъ меня приказаніе".

„Обозу расположиться, согласно приказу по отряду отъ 25-го сего Іюля, подъ прикрытіемъ роты Ярославскаго полка, взвода Брянскаго полка и двадцати казаковъ 30-го полка".

Относительно конницы въ приказѣ было сказано: „Кавалерійскій резервъ главныхъ силъ, подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, будетъ состоять: изъ 2-хъ эскадроновъ драгунъ, 2-хъ сотенъ 30-го полка и 4-хъ конныхъ орудій; ему наблюдать лощины вправо и влѣво. Мѣсто ему будетъ указано мною. Одну сотню 30-го полка—сказано было въ приказѣ—подъ командою опытнаго офицера отправить на усиленіе второй сотни и обѣимъ сотнямъ расположиться на крайнемъ правомъ флангѣ батальоновъ, назначенныхъ для движенія противъ непріятеля (1-й батальонъ Брянскаго полка), съ цѣлью прикрывать правый флангъ главныхъ силъ. Этимъ сотнямъ держать самую тѣсную связь съ главными силами, внимательно наблюдая за ходомъ дѣла".

Относительно Кавказской бригады съ ея артиллеріей было сказано, чтобы она имѣла „не менѣе 8 сотенъ и эскадрона драгунъ и, при открытіи огня орудій главныхъ силъ, произвела-бы противъ Ловчи настойчивую, усиленную рекогносцировку, подобно той, которая была произведена мною 16-го Іюля, но съ тѣмъ, чтобы ближе продвинуться къ непріятелю и точно раскрыть силы его съ сѣверной стороны. При этомъ необходимо, чтобы конно-горная батарея была-бы, по возможности, введена въ сферу огня".

Отряду полковника Бакланова (сотнѣ 23-го полка и одному эскадрону драгунъ) приказано: „Съ открытіемъ орудійнаго огня главныхъ силъ, произвести усиленную рекогносцировку Ловчи съ юга отъ Татарлы и разъѣздами освѣтить мѣстность по дорогѣ къ Микре", а затѣмъ было добавлено, что „въ виду численной слабости полковника Бакланова, неимѣнію у него артиллеріи, рекомендую ему, для выясненія силъ и расположенія непріятеля, дѣйствовать рѣшительно, налетомъ, но соображаясь съ боевыми средствами отряда и его безопасностью. По слухамъ, со стороны Микре безпрерывно двигаются подкрѣпленія на Ловчу".

„Если бы—говорилось въ приказѣ—рекогносцировка раскрыла значительныя непріятельскія силы и отрядъ, исполнивъ возложенную на него задачу, вынужденъ былъ бы къ отступленію подъ напоромъ непріятеля, то главныя силы будутъ отходить подъ личнымъ моимъ начальствомъ по шоссе къ Сельви и получатъ своевременно приказанія".

„Полковнику Тутолмину, въ случаѣ, если напоръ непріятеля будетъ направленъ противъ главныхъ силъ, по возможности, долѣе держаться въ соприкосновеніи съ непріятелемъ, продолжая рекогносцировку и донося командиру 11-го корпуса, для препровожденія начальнику штаба арміи.

„Чѣмъ упорнѣе будетъ со стороны кавалеріи наблюденіе за непріятелемъ при всѣхъ случайностяхъ, тѣмъ лучше будетъ выполнена задача кавалеріи въ обширномъ смыслѣ слова.

„Отрядъ полковника Тутолмина отступаетъ на Кара-хассанъ, внизъ по р. Осмѣ, опираясь на 4-ю кавалерійскую дивизію, и продолжаетъ служить связью между войсками, стоящими передъ Плевной и 8-мъ армейскимъ корпусомъ.

„Предоставляю полковнику Тутолмину распорядиться съ обозомъ по его усмотрѣнію *).

„Отряду полковника Бакланова отступать на сельвинское шоссе, по его усмотрѣнію на соединеніе съ главными силами.

„Перевязочный пунктъ будетъ находиться у общаго резерва за горой, правѣе шоссе.

„Всею пѣхотой и пѣшей артиллеріей" начальствовать командиру Брянскаго полка, полковнику Липинскому.

„Полусотню 1-й сотни 30-го полка отдать въ распоряженіе, на время рекогносцировки, полковника Липинскаго."

Мѣсто нахожденія начальника отряда было опредѣлено словами: „Я буду въ началѣ рекогносцировки впереди общаго резерва, вправо отъ шоссе и 3-й батареи 9-й артиллерійской бригады; а по выясненіи дѣйствій нашей артиллеріи—у ближайшихъ резервовъ боевой линіи, въ центрѣ позиціи.

Подписано: Начальникъ отряда, свиты Его Величества
генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й.

Начальникъ штаба
Полковникъ Паренсовъ.

Итакъ, усиленная рекогносцировка Ловчи должна быть произведена одновременно съ сѣверной, восточной и юго-восточной сторонъ.

Изложивъ дѣйствія Кавказской бригады, я дополняю, затѣмъ, разсказъ о рекогносцировкѣ донесеніями изъ прочихъ отрядовъ.

Кавказская бригада поднялась съ бивака съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы вступить въ дѣло одновременно съ главными силами отряда.

*) Т. е. съ вьюками, потому что обозъ былъ при 4-мъ корпусѣ.

Доколѣ пѣхота не покажется на западныхъ склонахъ восточныхъ Ловчинскихъ высотъ, она не могла быть видима нами; но батареи главныхъ силъ должны были стоять на вершинахъ, отчетливо намъ видныхъ; мы же, съ своей стороны, какъ только перевалимъ наблюдательный кряжъ, выкажемся имъ, какъ на ладони.

Кубанскій полкъ и 4 орудія 8-й батареи назначены были въ боевую линію; Владикавказскій, конно-горныя орудія и эскадронъ драгунъ—оставлены въ резервѣ. Выдвинувшись на свои мѣста, Кубанскій полкъ развернулся отъ дороги Иглава-Ловча до Павликанъ.

Для уменьшенія потерь отъ турецкаго огня, сотни разомкнулись на столько, чтобы не терять возможности ударить сплошнымъ строемъ. 8-я батарея должна была открыть огонь съ перваго удобнаго для нее мѣста, расположившись между сотнями Кубанскаго полка. Такъ какъ рекогносцировка должна была имѣть преимущественно артиллерійскій бой, то главное назначеніе Кубанскаго полка заключалось въ прикрытіи нашихъ орудій. Съ этою цѣлью, лѣвѣе батареи было поставлено три сотни Кубанскаго полка, изъ которыхъ одна разсыпалась въ передовую цѣпь, двѣ другія построились уступомъ за нею.

По правую сторону орудій находились остальныя три сотни Кубанскаго полка, въ томъ же порядкѣ.

Офицеры изъ каждаго полка назначены были для производства съемки. Въ такомъ порядкѣ кубанскія сотни спустились въ котловину Ловчи, а орудія остановились на одномъ изъ удобныхъ уступовъ южнаго склона.

Въ это время мелькнули въ кустахъ отдѣльные черкесскіе всадники, и бросились въ большую рощу, что́ лежала передъ нами въ разстояніи орудійнаго выстрѣла; оттуда, въ свою очередь, полетѣли гонцы, подъ окопы Ловчи.

Съ первымъ орудійнымъ выстрѣломъ изъ нашихъ главныхъ силъ, 8-я донская батарея должна была открыть огонь по этой рощѣ.

Вскорѣ взвился дымокъ съ невидимыхъ еще намъ орудій въ отрядѣ генерала Скобелева 2-го, раздался гулъ выстрѣла надъ восточною стороною Ловчи и вмѣстѣ съ нимъ первыя гранаты изъ 8-й Донской батареи шаркнули по рощѣ.

По одиночкѣ, въ разсыпную, показались на боковой ея опушкѣ нѣсколько черкесовъ, и человѣкъ 20 опрометью бросились назадъ, къ своей пѣхотѣ; граната полетѣла за ними. Эти первые, такъ сказать, дозорные выстрѣлы, очистившіе рощу, показали, что съ занятаго нами мѣста наши орудія не добросятъ снарядовъ до турецкихъ окоповъ.

Ихъ пѣхота притаилась за валами, ихъ орудія не присылали еще намъ ни одного снаряда, и мы, не безъ затрудненія, продвинулись впередъ еще саженъ на 200. Встрѣченныя же нами затрудненія заключа-

лись въ томъ, что на спускѣ горы находились глубокія каменоломни, передъ которыми мы должны были выбрать нашу первую позицію, чтобы обстрѣлять рощу. Онѣ то и мѣшали спустить орудія прямо передъ собою, и намъ пришлось обогнуть каменоломни; но для этого онѣ должны были вытянуться въ кишку подъ выстрѣлами турокъ.

Для того-же, чтобы, по возможности, уменьшить эту длинную и выгодную цѣль для турокъ, мы предпочли послать два орудія объѣздомъ влѣво, а другія два—обходомъ каменоломенъ справа.

Первыя два орудія должны были стать на нижнемъ приступкѣ кряжа въ ловчинскую котловину, а оба правыя могли временно стать на половинѣ этого разстоянія. Раздѣленіемъ батареи на двѣ половины мы, во-1-хъ, растягивали турецкій огонь на двѣ цѣли, и, во-2-хъ, заставляли ихъ терять время на двѣ пристрѣлки къ этимъ цѣлямъ. Когда правыя два орудія остановились на удобной для стрѣльбы площадкѣ, то первые же выпущенные ими снаряды легли, какъ намъ казалось, во рву и на валу того широкаго кургана, который мы называли встрѣчнымъ холмомъ. На немъ былъ насыпанъ высокій валъ; за нимъ были примѣтны два орудія; но, тѣмъ не менѣе, турки намъ не отвѣчали. Намъ становилось неловко отъ этого молчанія, потому что обыкновенно бывало такъ, что турки первыми открывали по насъ огонь издалека, и мы имъ не отвѣчали, сберегая свои снаряды. Между тѣмъ мы должны были обнаружить ихъ скрытыя силы и подвигаться до тѣхъ поръ, пока не вызовемъ на себя огня ихъ орудій и не опредѣлимъ того, чтò стоитъ передъ нами.

„Чтò сталось съ ними?“ вопросительно разсуждалъ широкоплечій донецъ, пока заряжали его орудіе: „бывало откуда начнутъ палить, а нынче словно вымерли...“

„Пли!“ раздалось подъ ухомъ, и точно съ выси облаковъ мгновенно повисъ въ воздухѣ надъ турками снарядъ и лопнулъ надъ курганомъ... „Угодилъ...“—продолжалъ донецъ. Но турки какъ ни въ чемъ ни бывало. „А вотъ опредѣлятъ и почнутъ садить“, протяжно отвѣчалъ вопрошавшему донцу товарищъ. Но такъ какъ и съ этого мѣста огонь нашихъ орудій не былъ вполнѣ дѣйствителенъ, турки не выказывались изъ-за окоповъ, то не стоило и оставаться на немъ долго.

Стрѣлявшія орудія спустились дальше и всѣ четыре стали за невысокими кустами, на рыхломъ подножіи послѣдняго уступа горъ. Отсюда снаряды ложились недурно, но турки все еще молчали. Отсюда, благодаря мѣстности, мы могли примѣтить, что на холмахъ, подъ орудійными валами, существуютъ окопы и въ нихъ сидятъ турки; за курганомъ была видна густая пѣхотная часть, но опредѣлить какой именно была она силы не представлялось еще возможности.

Слѣва, со стороны нашихъ главныхъ силъ, была слышна равномѣр-

ная орудійная стрѣльба и клубы бѣлаго дыма вставали другъ передъ другомъ. „Вѣроятно, думалось намъ, противъ Скобелева есть отдѣльныя батареи на горахъ, потому что изъ видимой нами логовины Ловчи турки не посылаютъ еще ему снарядовъ."

Часы показывали около 8 утра. Сообщеніе наше съ главными силами шло черезъ Присяку и вскорѣ оттуда было прислано приказаніе:

„Полковнику Тутолмину.

(Весьма спѣшное).

„Прошу настойчиво выяснить силы и положеніе противника. Сообщайте часто, дабы намъ прійдти къ вѣрному заключенію, важность котораго вамъ понятна.

„По приказанію начальника отряда, начальникъ штаба

полковникъ Паренсовъ".

„6 ч. 25 м. утра, на передовой позиціи у Ловчи".

Въ отвѣтъ на это приказаніе, въ 8 ч. 25 минутъ, было донесено:

„Перемѣняю третью позицію. Конница отошла къ Ловчѣ. Непріятель огнемъ орудій не отвѣчаетъ еще. Двигаюсь впередъ.

Полковникъ Тутолминъ".

Турки какъ будто ждали отправки этого донесенія. Какъ только отъѣхалъ отправленный съ запискою казакъ, турки открыли огонь изъ 4-хъ орудій, но всѣ первые ихъ выстрѣлы давали страшный перелетъ, который сряду же и вырвалъ двухъ лошадей изъ Владикавказскаго полка. Находясь въ резервѣ, онъ стоялъ на мѣстѣ нашихъ сторожевыхъ постовъ, и теперь, во избѣжаніе потерь, отодвинулся на нѣсколько десятковъ саженъ за гребень наблюдательнаго кряжа. Но вотъ турки „пристрѣлялись" и пошли „садить", по выраженію донца. Два орудія ихъ безповоротно били въ нашу сторону; другія два открыли огонь по направленію къ главнымъ силамъ, но одно изъ нихъ изрѣдка поворачивало и къ намъ.

Мы стояли на рыхлой почвѣ, хотя снаряды ихъ ложились хорошо и густо, но они захлебывались, всасывались въ земляную влагу. Разумѣется, стоять тутъ было жутко, не смотря на то, что большинство ихъ снарядовъ не разрывалось; но въ то же время становилось и смѣшно, когда казаковъ обсыпала взлетавшая земля, а не чугунные осколки. Турки били и по нашей цѣпи, поэтому разрѣдилась и цѣпь; они угадали протяженіе нашихъ орудій и мы расширили ихъ промежутки, сберегая, по возможности, людей и лошадей.

По мѣрѣ того какъ разыгрывался орудійный бой, на одной высотѣ съ нами обозначилась и батарея главныхъ силъ. 4-я сотня Кубанскаго полка, разсыпанная въ цѣпь нашего праваго крыла, захватывала все болѣе и болѣе вправо, чтобы расширить кругозоръ надъ Ловчей, — и нашъ глазъ не могъ оторваться отъ сознательнаго движенія каж-

даго звена 4-й сотни. Покойно, разумно они подавались впередъ и живописно загибали свою лаву, до самаго шоссе на ловчинской долинѣ. Наконецъ, они слишкомъ выдвинулись впередъ и пришлось подкрѣпить ихъ одною сотнею отъ праваго крыла Кубанскаго полка; на мѣсто же взятой къ нимъ на поддержку былъ придвинутъ эскадронъ драгунъ, которому могла предстоять хорошая работа. Для поясненія въ чемъ могла состоять эта работа, скажу, что передъ нами, но нѣсколько правѣе нашихъ орудій, была выгодная для ихъ стрѣльбы поляна, за которою находился густой кустарникъ. Мы должны были воспользоваться выгоднымъ расположеніемъ поляны и драгунскіе стрѣлки могли опушить прилегающій къ ней кустарникъ. Но ближайшіе къ нему казаки уже шарили между кустами, драгуны были удержаны подъ руками, и въ это же время начальникъ 4-й сотни есаулъ Юрьевъ, освѣщаемый донесеніями своихъ смѣтливыхъ прочноокопцевъ, осмотрѣлъ часть югозападной ловчинской долины. Отъ насъ было видно, какъ синій значекъ его 4-й сотни, съ большимъ осьмиконечнымъ крестомъ по серединѣ, распускался по вѣтру и покойное движеніе лавы оживлялось тѣмъ, что къ этому значку и отъ него поминутно бѣжали *) вѣстовые казаки **). Но казачья лава надвигалась къ Ловчѣ, а разъѣзды ея поворачивали и назадъ, къ подъему плевно-ловчинскаго шоссе. Толковое движеніе 4-й сотни растормошило турокъ. Зашевелилась ихъ пѣхота подъ южными холмами Ловчи, а конница показалась и прошла вдали, какъ-бы по направленію къ Микре. Юрьевъ прислалъ донесеніе:

„Три сотни непріятельской конницы идутъ вправо; въ томъ-же направленіи двигаются три табора пѣхоты". Вскорѣ отъ него же было получено и второе:

„Замѣченъ вправо отъ виноградниковъ непріятельскій завалъ, при-

---

*) „Бѣжали", т. е. ѣхали рысью.

**) По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, всѣ отдѣльные начальники имѣли опредѣленнаго цвѣта значки, и это въ высшей степени облегчало доставку донесеній, безошибочно указывая мѣстопребываніе начальника. Корпусный командиръ имѣлъ красный квадратный значекъ; начальникъ дивизіи такой же синій; начальникъ бригады малиновый треугольный. Каждая сотня кавказскихъ полковъ, по старинному обычаю, имѣла свой собственный значекъ. Въ Владикавказскомъ полку они были четырехъугольные; въ Кубанскомъ же имѣли видъ хоругви, т. е. были такіе же квадратные, но съ двумя длинными концами. Большой, нашитый по серединѣ, крестъ и кайма георгіевской ленты по значку придавали строю легкій и воинственный видъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служили „значкомъ" для сбора сотни. Нельзя не желать принятія ихъ въ каждомъ эскадронѣ регулярной кавалеріи, но не иначе, какъ по кавказскому размѣру. Въ 4-й Кубанской сотнѣ не было собственно ей принадлежащаго значка, потому что ей вручено было полковое знамя. Когда же генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й сдалъ начальствованіе дивизіей, то онъ передалъ ей свой значекъ съ осьмиконечнымъ крестомъ, пришедшійся совершенно кстати старовѣрческой сотнѣ.

близительно на 1/2 версты длиною. Въ настоящую минуту его занимаетъ пѣхота".

Этотъ завалъ былъ противъ праваго крыла 4-й сотни.

Движеніе турецкой конницы могло быть съ цѣлью обойти наше правое крыло, или прикрыть лѣвое крыло своей пѣхоты. Въ послѣднемъ случаѣ она должна была стать передъ нами, и, чтобъ не оставить ее безнаказанно, намъ слѣдовало подвинуться впередъ, на упомянутую площадку, выгодную для нашего орудійнаго огня. Съ выѣздомъ сюда, мы саженъ на 300 опережали видимую намъ линію орудійнаго огня нашихъ главныхъ силъ. Ширина площадки была не болѣе, какъ на два орудія, но мѣсто для стрѣльбы было превосходное и ровное, на пахатномъ, едва покатомъ, полѣ. По серединѣ этой площадки стояло два широкоствольныхъ вѣтвистыхъ дерева. Лучше этого мѣста трудно было и желать; но два дерева чуть было не помогли туркамъ, въ 1/2 часа времени, переколотить орудія, лошадей и людей артиллерійской прислуги. Я останавливаюсь на этомъ описаніи, чтобы обратить вниманіе на то, что своенравіе боя часто мѣшаетъ пользоваться очевидными, но иногда на-лету схваченными выгодами мѣстности.

По всему вѣроятію, разстояніе до этихъ двухъ деревьевъ заранѣе было вымѣрено у турокъ, потому, что въ то время, когда орудія снимались съ передковъ, между деревьями, грохнули двѣ турецкія гранаты. Донцы налегли на свои пушки и въ одно мгновеніе, на рукахъ, продвинули ихъ впередъ. Подались они на три, четыре сажени, но мѣсто уже было не то. Они остановились на спускѣ площадки, и пришлось подрыть хоботы станинъ; но турецкіе снаряды ложились уже позади нашихъ пушекъ. Деревья отъ нихъ щепились, разорвавшіяся гранаты недурно раскидывали осколки, а спасеніе донцевъ заключалось опять таки въ почвѣ. Еслибы снаряды не углублялись въ землю, то въ 20—30 минутъ времени вся площадка была-бы сплошь покрыта чугуномъ.

Въ такія минуты пушкари не допытываютъ уже, почему турки „словно вымерли"; тутъ только и слышатся однообразные возгласы: второе, первое, зарядъ.... затѣмъ мгновенный перерывъ, въ который быть можетъ и скажетъ досужій казакъ: „ишь, какъ садитъ"; но снова раздается: зарядъ и пли, да вздрагиваетъ станина, при вылетѣ снаряда. „Сколько же у васъ было убитыхъ?" вѣроятно, спросятъ меня. На этотъ вопросъ мнѣ приходится отвѣтить: сколько помнится, здѣсь всѣ уцѣлѣли, за исключеніемъ двухъ легко раненыхъ *).

Въ изложеніи своего дневника я ограничиваюсь указаніемъ на про-

*) „Ну ужъ и дѣло, если нѣтъ убитыхъ", скажутъ люди, оцѣнивающіе успѣхи по числу убитыхъ; но виноваты ли мы въ томъ, что турецкіе снаряды не всегда разры-

тивоположныя крайности бывшей у насъ потери въ людяхъ, и заношу въ разсказъ счастливыя случайности боевыхъ выстрѣловъ, Такъ, въ ту минуту, когда орудія снимались съ передковъ, одинъ изъ донцевъ принялъ на поводъ лошадей трехъ своихъ товарищей, и пѣшкомъ отводилъ ихъ на опредѣленное мѣсто. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ пушекъ, какъ граната упала между лошадьми. Взрытый ею столбъ земли скрылъ ихъ передъ нашими глазами; но улеглась земля и мы въ пороховомъ дыму, какъ въ облакѣ, увидѣли картину: рванувшіеся кони уперлись ногами въ землю и недвижимо стояли, на тугомъ чумбурѣ *) казака; ихъ вытянутыя головы какъ-бы выражали своимъ покорнымъ, умнымъ взглядомъ: „виноваты, веди, куда хочешь", и донецъ, недовольный только тѣмъ, что отъ него едва не ускользнули кони, молча отвелъ ихъ на указанное мѣсто; но ни онъ, ни лошади не были оцарапаны, а турки все стрѣляли. Тѣмъ не менѣе оставаться здѣсь орудіямъ не было возможности, и онѣ были продвинуты впередъ еще саженъ на 100; здѣсь стало легче; казаки прочистили кусты и били по кургану довольно мѣтко.

Между тѣмъ, часть показавшейся передъ нами конницы остановилась внѣ нашихъ выстрѣловъ, позади лѣваго крыла своей пѣхоты, а остальные скрылись къ западу отъ насъ, за горами, — потому-то разъѣзды изъ 4-й сотни и были посланы за плевнинское шоссе. Затѣмъ, въ 10½ час. утра, генералу Скобелеву заготовлено донесеніе, въ которомъ было сказано:

„Стоимъ болѣе чѣмъ въ сферѣ огня и кажется впереди вашихъ батарей. Передъ нами полка два (?) пѣхоты; роты двѣ залегли въ окопахъ; конница вытягивается вдали, противъ нашего праваго крыла."

Только что было написано это донесеніе, какъ изъ главныхъ силъ была прислана записка:

„Полковнику Тутолмину.

„Обнаружены силы непріятеля, не дозволяющія намъ атаковать. Желательно, чтобы вы выяснили силы непріятеля на лѣвомъ его флангѣ, расположенныя лагеремъ за батареей, которая въ васъ стрѣляетъ. Продолжайте рекогносцировку для достиженія этого результата.

„Дѣлайте съемку и ведите журналы, которые представить по окончаніи рекогносцировки. По окончаніи рекогносцировки вашему отряду отступить за Омаркіой.

ваются и не валятъ людей, какъ валится солома подъ серпомъ. Обыкновенно мы старались становиться въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ менѣе терпѣли отъ выстрѣловъ, если достиженіе цѣли позволяло намъ это дѣлать.

Въ сохранившихся у меня бумагахъ есть валовыя вѣдомости объ убыли чиновъ, за довольно большіе промежутки времени. Списки эти я приложу въ концѣ дневника.

*) Особый поводъ при уздечкѣ, назначенный для того, чтобы держать и привязывать лошадь.

Обращаю ваше вниманіе на возможность частнаго перехода въ наступленіе сегодня ночью.

По приказанію начальника отряда, начальникъ штаба

Полковникъ Паренсовъ.

10 ч. утра 26-го Іюля".

Такъ какъ донесеніе, приготовленное въ $10^1/_2$ ч. утра къ отправленію въ главныя силы изъ Кавказской бригады, отвѣчало на вопросъ и опредѣляло обнаруженную силу противника противъ нашей стороны, то на немъ и было приписано:

„Только что получилъ вашу записку, подписанную Паренсовымъ. Подожду и отступлю, если ничего не будетъ".

Отправивъ это донесеніе, мы продолжали орудійный огонь, обстрѣливая турокъ, по возможности, съ разныхъ сторонъ. Казаки надвигались, но противникъ не выходилъ къ намъ въ поле. За то отъ запада, вдали, обнаружились турецкія подкрѣпленія и въ это же время къ нашему правому крылу подошла отъ Слатины донская сотня, посланная начальникомъ западнаго отряда, и выслала разъѣзды къ плевнинскому шоссе.

Почти безошибочно можно предположить, что показавшіеся съ этой стороны турки подходили на подкрѣпленіе Ловчи изъ Плевны, и двигались въ промежуткѣ между Видомъ и шоссе, пока не вышли на него на высотѣ Сотево. Можетъ быть и часть конницы, вышедшей изъ-подъ Ловчи, соединилась съ ними.

Мы не могли остановить, собственными нашими силами, прибытіе пѣхотныхъ подкрѣпленій въ Ловчу; но, неотступно наблюдая за Ловчей, мы должны были слѣдить за прибылью и убылью турокъ. Поэтому, главною нашею заботою было удержаніе за собою наблюдательнаго кряжа.

Но намъ выгодно было и не обнаруживать себя, а держать турокъ въ предположеніи, что за нами стоятъ достаточныя силы и что мы сами ждемъ ихъ приступа на наши горы. Съ этою цѣлью сторожевые посты должны были стараться показывать себя противнику съ обращенныхъ къ нему пригорковъ, покрытыхъ кустами и кукурузой на нашемъ правомъ крылѣ. Не смотря на простоту столь наивнаго обмана, появленіе вооруженныхъ людей на опушкѣ лѣса всегда вліяетъ на сдержанность и осторожность противника.

Въ такомъ положеніи мы находились въ исходѣ перваго часа пополудни, когда изъ главныхъ силъ была прислана записка:

„Полковнику Тутолмину.

Рекогносцировка кончена. Вамъ отойти за Омаркіой, опираясь на войска 4-го корпуса, войти съ нами немедленно въ связь, донеся о ре-

когносцировкѣ. Можетъ быть вамъ придется войти съ нами въ связь чрезъ Типаву, хотя и велѣно черезъ Присяку.

12 ч. дня 26-го Іюля.

Полковникъ Паренсовъ".

Въ то время, когда наши главныя силы находились на сельвинскомъ шоссе въ 4-хъ верстахъ отъ Ловчи, пересылка свѣдѣній была весьма возможна черезъ с. Присяку, такъ какъ въ этомъ промежуткѣ находились двѣ сотни Донскаго 30-го полка и турки на столько были заняты нами, что врядъ-ли попытались бы врѣзаться въ это пространство. Но съ удаленіемъ главныхъ силъ и донцевъ это направленіе становилось далеко не обезпеченнымъ. Турецкіе сторожевые посты должны были выдвинуться къ Присякѣ и нашимъ гонцамъ не миновать бы ихъ пуль. Слѣдовательно, на постоянное сообщеніе черезъ Присяку мы не могли и разсчитывать *).

Между тѣмъ, показавшіеся на западѣ полка два турецкой пѣхоты и сотни четыре конницы подошли къ шоссейному спуску въ Ловчу. Напомню, что плевнинское шоссе, на высотѣ селенія Павликаны, спускается съ крутой горы въ котловину Ловчи и, направляясь отсюда къ городу. тянется подъ высокими горами въ очень близкомъ отъ нихъ разстояніи.

Отроги горъ между сс. Новосело и Лозницей покрыты высокимъ кустарникомъ. Разстояніе между нами и турками, въ минуту ихъ появленія на горахъ, было отъ 4-хъ до 5-ти верстъ. Тамъ пѣхота ихъ остановилась за шоссейнымъ переваломъ, а конница спустилась на долину. и около сотни человѣкъ, въ разсыпную, тронулись западнѣе Павликанъ.

4-я сотня Кубанскаго полка надвинулась на нихъ лавой, черкесы попятились и завязалась перестрѣлка. Съ нашей стороны подошла поддержка. Черкесы окончательно бросились назадъ, прочноокопцы ударили за ними въ шашки и тутъ завязка развязалась: табора два спускалось съ горъ; къ нимъ то и примкнули черкесы, опрокинутые казаками. Всѣ эти силы остановились передъ нашимъ правымъ крыломъ и 4-я сотня снова занавѣсила его, держась отъ турокъ на разстояніи ихъ ружейнаго выстрѣла.

„Чѣмъ все это кончится?" пробѣгало въ нашихъ мысляхъ. „Мы стоимъ подъ орудійными выстрѣлами Ловчи, въ которой есть и конница; къ западу, на глазахъ у насъ, стоятъ полка два пѣхоты и 300—400 всадниковъ; на востокѣ рекогносцировка окончена; уступить наблюдательнаго кряжа мы не можемъ, броситься на турокъ не будетъ имѣть смысла; подождемъ". Но въ то же время, когда въ головѣ одна за

*) Ниже увидимъ, что донцы были отведены на ночь отъ Присяки и сообщеніе во время ночи шло черезъ Типаву.

другою проходили эти мысли, была получена новая записка отъ начальника штаба, помѣченная:

„Бивакъ главныхъ силъ, шоссе изъ Ловчи въ Сельви, 6 верстъ отъ Ловчи.

Полковнику Тутолмину.

Начальникъ отряда приказалъ сообщить: рекогносцировка, открывъ значительныя силы противника и его расположеніе, окончена. Вамъ, какъ уже сказано, отойти за Омаркіой, расположиться въ удобной позиціи, подчиняясь 4-му корпусу (окрестности Дренова, Волчитронъ, Парадимъ). Немедленно войти съ нами въ связь.

Для этой цѣли по прежнему оставлена донская сотня около Присяки. Если-бы, паче чаянія, черезъ Присяку сообщеніе было неудобно, то придется переговариваться черезъ Типаву; но я думаю, что вполнѣ возможно черезъ Присяку.

Немедленно по разборкѣ прислать донесеніе о рекогносцировкѣ, ибо генералъ командируетъ меня къ Его Высочеству съ докладомъ, имѣющимъ весьма важное значеніе, но онъ не можетъ быть сдѣланъ безъ свѣдѣній отъ васъ. Обнимаю васъ и всѣхъ дорогихъ мнѣ кавказцевъ.

26-го Іюля, $1^1/_2$ ч. пополудни.

Полковникъ Паренсовъ".

Итакъ, въ то время, когда главный отрядъ окончилъ рекогносцировку, у насъ могло начаться дѣло. Около этого же времени, отъ командира 4-го корпуса, прибылъ разъѣздъ Харьковскаго уланскаго полка съ приказаніемъ узнать объ общемъ ходѣ сегодняшняго дня и съ сообщеніемъ, что, въ случаѣ надобности, къ намъ будетъ выслана подмога.

Между тѣмъ, спустившіеся въ долину турки все еще стояли, какъ будто-бы заслономъ, передъ нами и можно было предположить, что тѣ, которые остались за переваломъ, пробираются, скрытно отъ насъ, за лѣсомъ и горами, въ Ловчу.

Увѣдомивъ командира 4-го корпуса о положеніи у насъ дѣлъ, я въ $3^1/_2$ часа донесъ, съ позиціи Омаркіой-Павликаны, генералу Скобелеву, что:

„1) Вѣроятно не успѣю составить подробнаго донесенія о рекогносцировкѣ, потому что ожидаемъ развязки, быть можетъ, предстоящаго дѣла съ прибывшими отъ Плевны двумя полками пѣхоты и конницы.

2) Что пока можно только предположить о желаніи ихъ пробраться въ Ловчу.

3) Ежели-бы они двинулись на занятыя нами высоты, то мы отступимъ только въ томъ случаѣ, если турки собьютъ насъ, и тогда будемъ держаться между Дойраномъ и Иглавой. Если-бы же пришлось отступить дальше, то отойду на 4-й корпусъ.

4) Во всякомъ-же случаѣ рекогносцировка показала, что безъ 9-ти-

фунтовыхъ орудій бороться съ ихъ артиллеріей довольно трудно, по преимуществу ихъ дальнобойности, сравнительно съ нашими орудіями.

5) Находящіяся въ укрѣпленіяхъ Ловчи, собственно противъ Кавказской бригады, турецкія силы могутъ быть опредѣлены приблизительно до 2-хъ полковъ пѣхоты, расположенной за большимъ курганомъ. На курганѣ находится батарея съ 4-мя орудіями: два изъ нихъ обращены къ сѣверу, два къ востоку, на сельвинское шоссе".

Можно сказать, что отправленіемъ этого донесенія окончилась рекогносцировка и въ нашемъ отрядѣ. Давно уже была пора дать людямъ отдохнуть, но мы зависѣли отъ турокъ. Мы прождали еще около часу времени и турецкая пѣхота, неотступно сопровождаемая своею конницею, отошла къ юго-западу и скрылась за шоссейнымъ переваломъ. За нею высланы разъѣзды, а Кубанскій полкъ, весь день простоявшій подъ огнемъ, былъ отправленъ на мѣсто бивака, за исключеніемъ сторожевой сотни, занявшей дойранскій лѣсной кряжъ; Владикавказскій полкъ на нѣкоторое время оставленъ на высотахъ. Драгунскій эскадронъ тоже долженъ былъ выждать и отступить вслѣдъ за Кубанскимъ полкомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сотнику Шанаеву съ отдѣльнымъ постомъ осетинъ поручено было, съ крайней лѣвой оконечности кряжа у Омаркіоя, наблюдать подступы по Осмѣ, что̀ тянутся въ обходъ Омаркіоя.

Здѣсь, вмѣстѣ съ сильными преимуществами нашего расположенія, была и одна изъ слабыхъ его сторонъ, а именно: гора господствовала надъ окрестностью и наблюдать съ нея было удобно; но, при малѣйшей оплошности, обходъ нашего лѣваго крыла небольшимъ отрядомъ, вышедшимъ изъ Ловчи, былъ вполнѣ возможенъ какъ вдоль кустовъ, находившихся надъ лѣвымъ берегомъ Осмы, такъ и подъ высокими крутостями у подошвы наблюдательной горы. — Разсказавъ о рекогносцировкѣ съ нашей стороны, я воспользуюсь выжиданіемъ Кавказской бригады и, по имѣющимся въ моемъ распоряженіи донесеніямъ другихъ отрядовъ, дополню ими рекогносцировку Ловчи.

О направленіи дѣйствій главныхъ силъ можно судить по донесенію командира Брянскаго полка начальнику отряда (отъ 26-го Іюля, 11 ч. 45 мин. пополудни), въ которомъ сказано:

„Когда, въ 8 ч. 35 минутъ, ваше превосходительство лично отправились на правый флангъ боевой линіи и двинули 1-й батальонъ впередъ, то, дабы уменьшить вліяніе жестокаго огня, открытаго изъ всѣхъ непріятельскихъ ложементовъ, я приказалъ двинуть впередъ стрѣлковъ центра и лѣваго фланга, дабы огнемъ ихъ отвлечь на себя непріятельскихъ стрѣлковъ. Отправившись затѣмъ на лѣвый флангъ для личнаго наблюденія за дѣломъ, я приказалъ линейнымъ ротамъ, стоявшимъ въ резервѣ, сблизиться со стрѣлками, которые достигли уже подошвы каменной горы и сами открыли успѣшный огонь.

Но вскорѣ я получилъ разъясненіе вашего превосходительства о томъ, чтобы произвести только демонстрацію и не ввязываться въ атаку.

Большаго труда стоило остановить движеніе, и въ этомъ отношеніи много помогъ мнѣ командующій батальономъ, тутъ же раненый, маіоръ Ганько, и другіе бывшіе здѣсь офицеры.

Затѣмъ, часа черезъ полтора, ваше превосходительство приказали отходить назадъ на цѣпь третьяго батальона, находившагося въ резервѣ (кромѣ взвода стрѣлковъ).

Къ 2-мъ часамъ все это было выполнено и въ то же время свезена артиллерія.

Затѣмъ, по приказанію вашего превосходительства, 3-й батальонъ двинулся впередъ для поддержки казаковъ, посланныхъ для осмотра мѣстности и подбора раненыхъ. По частямъ третьяго батальона и въ особенности по казакамъ былъ открытъ жестокій огонь".

Въ томъ же донесеніи командира Брянскаго полка показано, что въ этотъ день въ Брянскомъ полку было убито 2 рядовыхъ и ранено 19. Изъ офицеровъ раненъ маіоръ Ганько.

Имѣющіяся у меня свѣдѣнія объ отрядѣ подполковника Бакланова неполны и касаются только утра 26-го Іюля. Въ запискѣ отъ 8 ч. 7 м. онъ сообщалъ, что „высота, на которой вчера стоялъ разъѣздъ, занята пѣшимъ и коннымъ непріятелемъ, а равно и та, что̀ лежитъ на лѣвомъ берегу Осмы". Затѣмъ, донесеніемъ объ отправленіи разъѣздовъ отъ 9 ч. 15 м. утра, увѣдомилъ, что разъѣздъ, посланный на Микре, вернулся и сообщилъ, что:

„1) Войскъ, въ послѣдніе 4 дня, по дорогамъ изъ Софіи къ Ловчѣ не проходило, кромѣ отдѣльныхъ командъ, сопровождающихъ транспорты.

2) Вооруженные деревенскіе жители, собиравшіеся въ Ловчѣ въ теченіи послѣднихъ дней (третьяго дня, вчера и сегодня), уходили небольшими партіями назадъ.

3) Разъѣздъ, высланный по правому берегу Осмы для наблюденія за Ловчей, донесъ, что изъ города пѣхотныя сильныя колонны двигаются по шоссе, на-встрѣчу нашимъ главнымъ силамъ".

Въ этихъ донесеніяхъ выражена вся суть дѣла, и я возвращусь къ разсказу о Кавказской бригадѣ.

Полковникъ Левисъ, оставленный съ Владикавказскимъ полкомъ на наблюдательномъ кряжѣ, послѣ нѣкотораго времени, въ свою очередь, призналъ уже возможнымъ отойти на бивакъ; но, изъ предосторожности, онъ велѣлъ начать отступленіе по-сотенно, а не всѣмъ полкомъ разомъ.

Въ данную минуту обѣ сотни осетинъ и одна казачья оставались еще на кряжѣ. Эта предусмотрительность дала ему возможность имѣть подъ рукою въ пять часовъ пополудни три свѣжія сотни и въ это время

дозоры его увѣдомили о вторичномъ появленіи турокъ изъ-за шоссейнаго перевала *).

Безъ всякаго сомнѣнія, это были тѣ же силы, которыя стояли на шоссе во время рекогносцировки. По всему вѣроятію, въ надеждѣ на весьма естественное наше отступленіе послѣ рекогносцировки, они рѣшились двинуться въ Ловчу, но по прежнему прикрываясь отъ насъ конницею. Эта послѣдняя спустилась въ долину, завязала перестрѣлку и, пользуясь мѣстнымъ превосходствомъ своихъ силъ, бросилась было, въ числѣ человѣкъ 300, на правое крыло ближайшей къ нимъ 2-й осетинской сотни; но осетины, во-время поддержанные свѣжею сотнею, ударили на нихъ, опрокинули и гнали до турецкаго ружейнаго огня.

Одновременно съ натискомъ нашего праваго крыла произошла такая же молодецкая схватка 1-й осетинской сотни съ черкесами у Омаркіоя. Сотникъ Шанаевъ, оставленный съ наблюдательнымъ постомъ у Омаркіоя, замѣтилъ въ кустахъ скрытное приближеніе 150 человѣкъ черкесовъ, направлявшихся въ обходъ горы, по лѣвому берегу Осмы. Шанаевъ озадачилъ ихъ своевременнымъ открытіемъ огня съ вершины горы, 1-я сотня успѣла взять ихъ съ тыла, ударила на нее и вогнала въ Осму. Тамъ, уходя въ бродъ и въ разсыпную по правому берегу рѣки, черкесы попали подъ выстрѣлы донской сотни 30-го полка, которая преслѣдовала ихъ по направленію къ Ловчѣ, пока они не скрылись подъ крутостями праваго берега Осмы. Душою этого осетинскаго дѣла была всегдашняя ихъ отвага, но запѣвалами этой увлекательной отваги были сотенные командиры Дударовъ и Зембатовъ.

Слѣдовательно, когда турецкая пѣхота, подъ прикрытіемъ конницы, подходила къ Ловчѣ, то, для отвлеченія отъ нее нашихъ силъ, черкесы были высланы изъ города въ обходъ Омаркіоя. Но дружное содѣйствіе донцевъ помогло намъ отразить ихъ съ полнымъ успѣхомъ. Они переняли черкесовъ за Осмой въ то время, какъ возвращавшійся съ $^1/_2$ сот. 6-й сотни Кубанскаго полка хорунжій Свидинъ остановилъ дальнѣйшее прибытіе къ намъ подкрѣпленій. Посланный, 25-го Іюля, въ главныя силы, вмѣстѣ съ эскадрономъ драгунъ возвращался онъ въ нашъ отрядъ; но, увидѣвъ съ высотъ праваго берега Осмы удачный для осетинъ оборотъ дѣла, увѣдомилъ о немъ генерала Скобелева, который шелъ уже къ намъ на выручку съ эскадрономъ драгунъ.

Получивъ донесеніе отъ Свидина, онъ въ $5^1/_2$ час. вечера писалъ съ позиціи у Присяки:

„Полковнику Тутолмину.

Пошелъ къ вамъ на выручку съ драгунами, но Свидинъ остановилъ. Поздравляю съ молодецкимъ дѣломъ на глазахъ всѣхъ. Не даромъ Царь

*) Рапортъ полковника Левиса отъ 29-го Іюля, за № 1555-мъ.

благодарилъ; сердцемъ поздравляю вас и жду подробнаго донесенія. Надѣюсь, что нашимъ гостямъ-драгунамъ данъ былъ случай. Завтра стойте на позиціи. Галдина сотню на ночь отвожу въ лагерь *). На разсвѣтѣ она вновь займетъ позицію въ виду васъ. Жду отчета рекогносцировки и кроки.

Генералъ Скобелевъ".

Что касается общаго вывода изъ усиленной рекогносцировки, то, по отзыву начальника отряда, можно было придти къ слѣдующему заключенію:

1) 26-го Іюля въ Ловчѣ находилось до 10 т. турокъ.

2) Всѣ горы, окружающія Ловчу, сами по себѣ составляютъ естественныя укрѣпленія.

3) Сверхъ того, онѣ усилены многочисленными батареями, ретраншаментами и ложементами, построенными на сѣверной, восточной и южной сторонахъ Ловчи.

4) Всѣ эти работы произведены съ 16-го Іюля, т. е. со времени взятія Ловчи турками.

5) Если не послѣдуетъ усиленія непріятельскихъ силъ въ Ловчѣ, то довольно будетъ двухъ дивизій съ соотвѣтствующей кавалеріей, чтобы уничтожить здѣсь турокъ.

6) Положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ для насъ будетъ хуже, если непріятель обратитъ вниманіе на этотъ пунктъ.

26-го Іюля, около 2-хъ часовъ пополудни, окончена была рекогносцировка въ восточномъ и южномъ отрядахъ. Они отдыхали уже и только Кавказская бригада не имѣла еще покою.

Это пребываніе въ безпрерывной тревогѣ стало обычной ея жизнью отъ переправы и до сего дня. Много бодрости духа должны были имѣть казаки, чтобы выдержать эту безсмѣнную сторожевую службу, находясь всегда въ нуждѣ и лишеніяхъ, ежечасно подъ черкесскою пулею; но, слава Богу, день прошелъ благополучно. Что-то будетъ ночью?

IV.

Дѣло 27-го Іюля.—Наводненіе Осмы.—Желаемыя условія для успѣха подъ Ловчей.

27-го Іюля.

Все было тихо на сторожевыхъ постахъ противъ Ловчи до поздняго вечера 26-го Іюля; но къ ночи появились предупрежденія. Разъѣздъ

*) Т. е. сотня 30-го полка не останется въ Присякѣ, а потому и сообщеніе должно быть черезъ Типаву.

Екатеринославскаго драгунскаго полка доставилъ ночью записку отъ начальника 4-го корпуса *). Онъ писалъ 26-го числа изъ Пелишата:

„Полковнику Тутолмину.

Въ 4 часа пополудни разъѣздами обнаружена на высотѣ д. Кришина значительная колонна турецкихъ войскъ, преимущественно пѣхота. Она направлялась по шоссе изъ Плевны въ Ловчу. Сообщаю вамъ свѣдѣніе это, полученное мною въ 6 часовъ, и присовокупляю, что ближайшая къ вамъ часть 4-го корпуса находится въ д. Владинѣ, а именно—три роты пѣхоты. Около Владины строится укрѣпленіе. Въ деревнѣ находится почтовый постъ отъ драгунскаго полка, посредствомъ котораго прошу сообщить мнѣ: гдѣ расположены вы и ближайшія части Скобелева и князя Святополка-Мірскаго **).

Командующій 4-мъ армейскимъ корпусомъ,

генералъ-лейтенантъ Крыловъ.

Прошу сообщить генералу Скобелеву".

На основаніи этого извѣстія, турки должны были быть у насъ около 9 ч. вечера. Но въ 9 ч. они еще не показывались. Темная южная ночь можетъ быть скрывала ихъ гдѣ нибудь по-близости въ горахъ и они выжидали полнаго полуночнаго успокоенія.

Вчера, т. е. 26-го, Кавказская бригада не поила и не кормила съ 4-хъ ч. утра до 7-ми вечера, весь день провела въ огнѣ и работѣ, а тутъ приходитъ извѣстіе, что къ намъ подвигается значительная колонна турецкихъ войскъ, преимущественно изъ пѣхоты. Что̀ остается дѣлать утомленной конницѣ? Что̀ означаетъ значительная колонна? Вѣдь и одинъ таборъ — значительная колонна, а все что больше этого, то въ полномъ смыслѣ слова сильная и для насъ непосильная. Къ тому же, можно было быть увѣреннымъ, что они двигаются не оплошно, поспѣвая на выручку Ловчи. Всѣ эти обстоятельства ограничивали нашу работу только наблюденіемъ и сообщеніемъ свѣдѣній по начальству. Будь у насъ значительныя свѣжія силы, можно было бы рѣшиться на ночную засаду; теперь же и сторожевую перестрѣлку приходилось считать хорошимъ успѣхомъ. Нельзя было опасаться, что турки появятся передъ нами внезапно, но на всякій случай, слѣдовало усилить передовыя наши части. Съ этою цѣлью на сегодняшнюю ночь и были высланы въ цѣпь значительныя поддержки. Передъ разсвѣтомъ, кубанскіе посты дѣйствительно извѣстили о томъ, что не менѣе какъ три табора турокъ подходятъ къ котловинѣ Ловчи. Сотни полторы всадниковъ прикрывало ихъ

*) У меня не отмѣчено время полученія записки, но обозначено, что отвѣтъ посланъ съ разъѣздомъ Екатеринославскаго драгунскаго полка, подъ начальствомъ офицера Маслянникова, въ 2 часа ночи изъ Иглавы.

**) Вопросы эти сдѣланы въ предположеніи, что послѣ рекогносцировки произошла перемѣна въ разстановкѣ войскъ.

отъ нашей стороны, но они держались въ полуружейномъ выстрѣлѣ отъ своей пѣхоты и ограничивались перестрѣлкою съ нашею цѣпью.

Я умышленно, каждый разъ, обращаю вниманіе на то, что конныя турецкія прикрытія не отдѣлялись отъ своей пѣхоты. У насъ распространено мнѣніе, что на такую дрянь, какъ турецкая конница, не стоило обращать вниманіе. Можетъ быть, въ отношеніи самостоятельныхъ дѣйствій конницы, въ томъ смыслѣ, какъ опредѣляетъ ихъ европейское искуство, — такой отзывъ будетъ безусловно справедливъ. Но черкесы прекрасно понимали свою несостоятельность въ борьбѣ съ русскою строевою конницею и потому дѣйствовали на основаніи своихъ собственныхъ разсчетовъ. Чувствуя свою слабость, они не принимали боя; но, сопровождая свою пѣхоту, они тѣмъ охраняли ее отъ всякаго нечаяннаго нападенія, а сами держались въ предѣлахъ ея ружейнаго выстрѣла.

Слѣдовательно, цѣль ихъ заключалась въ предупрежденіи своей пѣхоты и въ желаніи подвести подъ ея огонь зарвавшуюся русскую конницу. Смѣю думать, что тотъ способъ дѣйствій, который основанъ на сознаніи своихъ собственныхъ силъ и удачномъ ихъ примѣненіи къ главной цѣли, долженъ служить примѣромъ, а не возбуждать упрека, или презрѣнія къ противнику.

Къ чести турецкой конницы надо сказать, что мы ни разу не застали въ расплохъ турецкую пѣхоту. Благодаря черкесской бдительности, она всегда готова была встрѣтить насъ своимъ огнемъ. Но если правила военнаго искуства должны служить намъ указаніемъ, то, руководствуясь ими, слѣдуетъ помнить и то, что никогда ни единое изъ нихъ не говорило конницѣ: „бросайся на готовую къ бою пѣхоту". Напротивъ того, оно предостерегало отъ этого увлеченія во всѣ времена и включительно до послѣдней франко-прусской войны *).

Слѣдовательно, по разсужденіямъ, у насъ распространеннымъ, турецкая конница достойна осужденія за то, что она, сознавая свою слабость, дѣйствовала соразмѣрно своимъ силамъ и оберегала свою пѣхоту; но думаю, что она умышленно не мѣшала русской конницѣ наскакивать на градъ пуль изъ Пибоди, буде та вздумаетъ покрыть себя славою, такъ называемыхъ безстрашныхъ атакъ на сплоченную пѣхоту. Вотъ, въ такомъ-то положеніи были и мы въ то время, когда сторожевые посты извѣстили насъ о передвиженіи трехъ таборовъ пѣхоты въ Ловчу.

Донесеніе объ этомъ къ генералу Скобелеву было отправлено въ $5^1/_2$ ч. утра, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, полученнымъ ночью отъ начальника 4-го корпуса, а вскорѣ затѣмъ разыгралось у насъ и конное дѣло, замѣчательное по дружной, взаимной выручкѣ сосѣднихъ отрядовъ. По-

*) Разумѣется, кромѣ тѣхъ крайнихъ случаевъ, когда конница обязана погибнуть для спасенія главныхъ силъ, или, жертвуя собою, вырвать побѣду, склоняющуюся на сторону противника.

этому, я и приведу всѣ имѣющіяся у меня объ этомъ дѣлѣ записки, сличеніе которыхъ по часамъ отправленія ихъ покажетъ, между прочимъ, на сколько сообщеніе между нами было затруднительно.

Начну съ того, что начальникъ 1-й осетинской сотни доносилъ отъ 7½ ч. утра:

„Изъ лагеря выступило турецкое войско и двигается въ нашу сторону. Кавалеріи болѣе 200 человѣкъ.

Корнетъ Дударовъ".

Въ это время на смѣну 1-й осетинской сотнѣ подошла 2-я осетинская; слѣдовательно, для завязки дѣла силы были на столько достаточны, что по первому извѣстію не слѣдовало тревожить всей бригады, и потому у корнета Дударова было спрошено о числѣ непріятеля и о точномъ его направленіи. Въ отвѣтъ на это, онъ въ 9 час. утра доносилъ, что изъ города выступили значительныя силы пѣхоты съ артиллеріею и конницею, которыя направляются по шоссе на Плевну, но точнаго числа ихъ опредѣлить еще не можетъ.

На основаніи этого донесенія, весь Владикавказскій полкъ съ 2-мя орудіями былъ двинутъ на поддержку осетинъ, и генералу Зотову послано донесеніе о движеніи турокъ на Плевну *).

Вслѣдъ затѣмъ, въ 10½ ч. утра, генералу Скобелеву было сообщено:

„Часть турокъ, въ составѣ трехъ родовъ оружія, двинулась изъ Ловчи въ Плевну. Табора 3 прибыло ночью изъ Плевны въ Ловчу; теперь, вѣроятно, ихъ отсылаютъ обратно. Далъ знать въ 4-й корпусъ съ Оболенскимъ. У насъ перестрѣлка съ прикрывающими ихъ частями (два табора пѣхоты и сотни 2 конницы).

Тутолминъ".

Для поясненія послѣднихъ словъ этого донесенія слѣдуетъ сказать, что командиръ Владикавказскаго полка, полковникъ Левисъ, опередилъ свои сотни и, прибывъ къ осетинамъ, засталъ оживленную перестрѣлку по всей западной части наблюдательнаго кряжа. Обѣ сотни, подъ начальствомъ командира осетинскаго дивизіона, ротмистра Есіева, вступили въ дѣло съ двумя сотнями черкесовъ и башибузуковъ. Черкесы спѣшились на разстояніи ружейнаго выстрѣла и засѣли въ каменоломняхъ, противъ нашего праваго крыла. За ихъ прикрытіемъ, медленно подавались по направленію на Плевну два табора пѣхоты, а за этими послѣдними, по подножію горныхъ скатовъ, пробирались еще табора три пѣхоты съ 6-ю орудіями. Въ головѣ и хвостѣ этой головной части турецкаго отряда шло сотни 2 конницы. Слѣдовательно, выступивъ изъ Ловчи въ составѣ пяти таборовъ, 6-ти орудій и 3—4-хъ сотенъ кон-

*) Извѣстіе это было отправлено съ возвращавшимся отъ генерала Скобелева ординарцемъ Его Высочества, капитаномъ конной артиллеріи княземъ Оболенскимъ.

ницы *) и не смотря на то, что они имѣли передъ собою не болѣе 1300 чел. казаковъ съ эскадрономъ драгунъ, турки оградились отъ насъ сильнымъ боковымъ прикрытіемъ.

Мнѣ случалось слышать, что столь осторожный порядокъ движенія, въ виду горсти казаковъ, по сравненію ихъ съ турецкими силами, служитъ доказательствомъ нерѣшительности наступательныхъ дѣйствій нашего противника. Очень можетъ быть, что такіе взгляды и вполнѣ справедливы, но слѣдуетъ замѣтить, что подобныя предосторожности указаны военнымъ уставомъ; слѣдовательно, справедливѣе будетъ придти къ заключенію, что турки не пренебрегали этими правилами и ограждали себя отъ всякой случайности. Но, конечно, самолюбію нашему хочется видѣть въ этихъ предосторожностяхъ и особую честь для Кавказской бригады. Можетъ быть ея сторожевая служба на столько вводила турокъ въ заблужденіе, что они вообразили скрытыми за казачьей завѣсой большія русскія силы. Въ чемъ бы, однако, ни заключались различныя предположенія, турки въ описываемый часъ, по донесенію Дударова, поднимались на гору плевнинскаго шоссе, пріостановились на ней и разсыпали стрѣлковъ по косогорамъ. Но въ то время, когда осетины завязывали дѣло у Павликанъ, въ главныхъ силахъ слѣдили за этою завязкой и въ $8^3/_4$ час. утра начальникъ штаба писалъ:

„Полковнику Тутолмину

Наши аванпосты донесли: длинная колона войскъ тянется изъ Ловчи въ Плевну. Начальникъ отряда командируетъ двѣ сотни и полкъ Орлова для развѣдки. Вамъ приказывается сдѣлать тоже самое, т. е. разузнать, что̀ это за войска: отходящія ли изъ Ловчи, или вновь прибывающія отъ Софіи и проходящія черезъ Ловчу, какъ черезъ этапный пунктъ. Это можно узнать по присутствію тяжестей. Если можно пощипать хвостъ этой колонны, то весьма желательно. Въ виду извѣстія объ этихъ войскахъ, начальникъ отряда указываетъ вамъ на особенную важность стоянки вашей у Омаркіоя.

Полковникъ Паренсовъ“.

(Въ Кавказской бригадѣ эта записка была получена въ $10^1/_2$ час. утра и тотчасъ донесено о ходѣ у насъ дѣла).

По имѣющимся у меня полевымъ запискамъ видно, что въ то время, когда приказаніе это было уже на пути къ намъ, генералъ Скобелевъ получилъ отъ полковника Орлова донесеніе, отправленное имъ 27 Іюля, въ 10 час. утра, изъ Присяки.

Онъ писалъ: „Движеніе непріятеля не похоже на отступленіе, а скорѣе на демонстрацію, вызывающую Тутолмина съ цѣлью навести его на орудія и пѣхоту, которой видимо 9 ротъ, стоящихъ на правомъ

*) Предшествующій рапортъ полковника Левиса.

флангѣ 2-хъ-орудійной батареи. Эта пѣхота, ставъ по направленію къ Омаркіою, но не сходя съ шоссе, ведущаго на Плевну, открыла огонь по направленію къ Омаркіою. Есть еще пѣхота въ лѣсу (стрѣлки); кавалерія пошла впередъ; надо предполагать еще пѣхоту на лѣвомъ флангѣ батареи. Не есть-ли это демонстрація, съ цѣлью вызвать наши силы на нашъ правый флангъ, а затѣмъ атаковать нашу центральную позицію. Тутолмину дано знать.

Полковникъ Орловъ".

„Если, прибавлялъ Орловъ, они пойдутъ впередъ, я съ двумя сотнями пойду на подкрѣпленіе Тутолмина".

На запискѣ помѣтка рукою начальника отряда: „Получено безъ 20 мин. 11 час. 27-го Іюля 1877. Позиція у Фонтана".

И дѣйствительно, въ 11 ч. утра, мнѣ была доставлена записка, въ которой говорилось:

„Будь остороженъ, чтобы не нарваться на пѣхоту, которой болѣе 10-ти ротъ, и 2 орудія. Въ лѣсу есть стрѣлки и кавалерія.

Орловъ"

Донесенія полковника Орлова, наблюдавшаго съ высотъ праваго берега Осмы, вполнѣ очерчиваютъ наше положеніе между Омаркіоемъ и Павликанами. Въ это время, противъ нашего праваго крыла стояли: 5 таборовъ пѣхоты, 6 орудій и 4 сотни конницы, а по направленію на Омаркіой, т. е. на наше лѣвое крыло, могло двинуться десять ротъ пѣхоты.

Высокіе кусты, которые Орловъ столь же справедливо называлъ лѣсомъ, скрывали стоявшаго въ нихъ противника; но онъ его видѣлъ съ высотъ праваго берега, слѣдилъ за нимъ донскимъ орлинымъ взглядомъ и выяснилъ намъ эту сторону турокъ.

Хотя мы и были увѣрены въ томъ, что турки ничего болѣе не желаютъ, какъ только пройти въ Плевну, тѣмъ не менѣе 10-ть ротъ пѣхоты и присутствіе конницы на лѣвомъ нашемъ флангѣ требовали осторожности. Поэтому весь Кубанскій полкъ находился въ резервѣ и только одна сторожевая его сотня приняла участіе въ дѣлѣ у Павликанъ.

Прервавъ разсказъ о началѣ нашего дѣла, чтобы связать его съ приказаніями, шедшими изъ главныхъ силъ, я остановился на томъ, что осетины перестрѣливались съ черкесами у каменоломенъ. Надо замѣтить, что каменоломни находились по всему протяженію южнаго склона наблюдательнаго кряжа. Черкесы засѣли въ той части этихъ углубленій, которыя болѣе выдавались къ плевно-ловчинскому шоссе и находились подъ покровительствомъ турецкаго ружейнаго огня изъ передовыхъ окоповъ Ловчи. Въ это время, сторожевая Кубанская сотня подходила уже къ нашей сторонѣ селенія Павликанъ, а полковникъ Левисъ размѣстилъ свои сотни въ поддержку передовой цѣпи, и обѣ сотни осетинъ охва-

тили каменоломни, въ которыхъ засѣли черкесы. Перестрѣлка этихъ послѣднихъ была поддержана огнемъ пѣхоты, про которую писалъ Орловъ. Два табора турокъ, шедшіе между черкесами и своими главными силами, сворачивали уже на шоссе, на которомъ, по выраженію донесенія корнета Дударова, „турецкія орудія дали 14 выстрѣловъ незамѣтно по кому“. Огонь этихъ орудій былъ направленъ на Павликаны и по сторожевой сотнѣ Кубанскаго полка. Ясно было, что турки всѣми мѣрами старались удержать наши сотни на своихъ мѣстахъ; но осетины, не желая упустить черкесовъ, охватили каменоломни и ударили на черкесовъ въ шашки. Черкесы не выдержали и бросились въ разсыпную, частью подъ окопы Ловчи, частью на свою пѣхоту, что̀ была на плевнинскомъ шоссе. Но вотъ, въ разгарѣ этой погони, они узнаютъ, что 4 свѣжія сотни наступаютъ отъ Ловчи на наше лѣвое крыло. Въ это мгновеніе осетины выполняютъ тотъ недосягаемый для обыкновенной конницы пріемъ, который, въ большинствѣ такихъ случаевъ, относится къ области отрадныхъ мечтаній. Они, это олицетвореніе вдохновенныхъ наѣздниковъ, находясь въ пылу опьяняющей погони, не теряютъ способности оставить полусотню для наблюденія за турками, идущими на Плевну, а съ остальными внезапно бросаются въ противоположную сторону, во флангъ и тылъ черкесамъ, наступающимъ къ Омаркіою.

Тотъ, кто дѣйствительно служилъ въ конницѣ *) и по опыту знаетъ сокрушающую силу ея въ безповоротномъ, прямолинейномъ направленіи, тотъ пойметъ трудность пріема, выразившагося въ осмысленной удали осетинскаго народа. Не успѣли еще черкесы развернуться, какъ осетины уже насѣли на нихъ въ шашки. Увлекаемые своими начальниками и старшинами, они опрокинули черкесовъ и съ обычнымъ своимъ гикомъ бросились въ погоню, домчались до ближайшаго лѣса, но оттуда на нихъ посыпались турецкія пули.

Это явленіе предвидѣлъ Левисъ, и потому онъ, вмѣстѣ съ подоспѣвшими къ нему двумя сотнями Орлова, заблаговременно принялъ надлежащія мѣры. Онѣ заключались въ томъ, что 2 сотни донцевъ и 3-я сотня Владикавказскаго полка были спѣшены на кряжѣ и скрыты въ кукурузѣ, правѣе дороги изъ Омаркіоя къ Ловчѣ, а 1-я и 2-я владикавказскія сотни съ 2 орудіями удержаны въ резервѣ.

Когда осетины остановились, тогда представилась возможность отозвать ихъ и сообщить, что за ними въ кукурузѣ стоятъ наши спѣшенныя сотни. Осетины по-немногу начали отступать, но тутъ опять началась обычная продѣлка: едва наши дѣлали шагъ назадъ, турецкіе наѣздники подавались впередъ, и наоборотъ. Такъ продолжалось довольно долго, пока, наконецъ, осетинамъ не удалось на своихъ плечахъ подвести черкесскую

*) А не былъ ея гостемъ.

конницу подъ огонь спѣшенныхъ сотенъ въ кукурузѣ. Тогда эти послѣднія дали одинъ, два неожиданныхъ залпа и снова никого не было передъ нашимъ кряжемъ. Третья сотня Владикавказскаго полка была пущена за черкесами въ погоню и преслѣдовала ихъ до предѣла необходимости.

Смѣю думать, что изъ вышеизложеннаго мною можно видѣть, что Кавказская бригада всѣми своими средствами противодѣйствовала туркамъ. Что касается до дальнѣйшаго ихъ преслѣдованія по дорогѣ на Плевну, то, по условіямъ мѣстности, она только и могла сдѣлать, что выслать за ними сильные разъѣзды, дабы слѣдить за направленіемъ противника, такъ какъ выше я говорилъ уже о затрудненіи дѣйствовать по направленію отъ Дойрана на плевнинское шоссе. А между тѣмъ сторожевые посты 4-го корпуса извѣстили свои главныя силы о приближеніи къ нимъ турокъ, и генералъ Крыловъ писалъ, отъ 12¼ часа, изъ Пелишата:

„Получено извѣстіе, что отрядъ турокъ (трехъ родовъ войскъ) двигается изъ Ловчи въ Плевну, находясь теперь, въ 12 ч. дня, на высотѣ около Богота. Изъ Пелишата выступаетъ противъ нихъ 2 батальона и 2 эскадрона съ артиллеріею. Въ случаѣ отступленія турокъ обратно на Ловчу, удержите ихъ во что бы то ни стало“.

Эта записка получена у насъ въ 2 ч. 15 м. пополудни и, конечно, если-бы турки возвратились, то Кавказская бригада могла пріостановить ихъ до прибытія подкрѣпленій, въ которыхъ нельзя было и сомнѣваться въ этомъ случаѣ. Но отъ Пелишата до плевнинскаго шоссе не менѣе 10-ти верстъ разстоянія, которыя требуютъ по крайней мѣрѣ двухъ часовъ времени для того, чтобы перенять движеніе турокъ на Плевну.

Невыгоды такого удаленія нашихъ силъ отъ шоссе, конечно, сознавались въ западномъ отрядѣ, но имѣлась-ли у него возможность стать твердою ногою на перепутьи турокъ? Вотъ что сообщалъ по этому поводу начальникъ 4-го корпуса отъ 2 часовъ пополудни, 27-го ч., изъ Пелишата:

„Князь Оболенскій привезъ извѣстіе, что турецкая пѣхота пошла обратно изъ Ловчи въ Плевну. Бросаю на нее все что на бивакѣ: два батальона, одну батарею и одинъ эскадронъ,—больше нѣтъ. Если можно, ударьте и вы вслѣдъ за нею по шоссе, но осторожно, чтобы не вызвать турокъ изъ Ловчи. У меня кордонная тончайшая линія. Сообщите генералу Скобелеву.

Крыловъ“.

Въ моихъ бумагахъ не сохранилось донесенія, отправленнаго въ отвѣтъ на это отношеніе генерала Крылова. Но въ письмѣ его *), пи-

---

*) Отправленнаго изъ Пелишата 27-го числа вечеромъ и полученнаго въ 10½ ч. утра 28-го числа.

санномъ вечеромъ 27-го числа, говорилось, что разъясненія мои о значеніи Иглавы онъ, генералъ Крыловъ, лично передалъ командующему западнымъ отрядомъ, генералу, Зотову, присовокупивъ, прибавлялъ онъ, мое личное мнѣніе о необходимости усилить вашъ отрядъ. Дальше, въ письмѣ было сказано, что первое мое заявленіе, вѣроятно, будетъ принято, но второе не можетъ быть исполнено, и при этомъ пояснялось, что наша задача заключается въ наблюденіи за противникомъ. Затѣмъ генералъ Крыловъ сообщалъ, что „пелишатскій отрядъ, завтра, 28-го, перейдетъ на позицію къ Боготу и поставитъ почту въ Слатинѣ“, съ которою должна соединиться Кавказская бригада.

Что же касается 5-ти таборовъ, выступившихъ изъ Ловчи, то пелишатскій отрядъ, двинувшись по кратчайшему направленію на шоссе, успѣлъ занять тамъ позиціи; но, турки, не доходя ее, обмѣнялись съ нимъ орудійными выстрѣлами и свернули къ западу отъ плевнинскаго шоссе. Здѣсь, направляясь лѣсистыми кряжами на Каракіойское ущелье, они покойно могли слѣдовать между лѣвымъ его берегомъ и р. Видомъ. А потому генералъ Крыловъ и оканчивалъ свое письмо словами: „Сегодня, до настоящаго дѣла не дошло; ранили улана, убили двухъ лошадей, а по оврагамъ удиравшихъ турокъ догнать не могли.“

Этимъ событіемъ завершилась на нѣсколько дней орудійная стрѣльба подъ Ловчей. Въ 2 часа пополудни генералъ Скобелевъ 2-й призналъ возможнымъ отвести главныя силы далѣе отъ Ловчи и расположить ихъ по сельвинскому шоссе, на высотѣ д. Какрино.

Такъ какъ съ удаленіемъ ихъ отъ Ловчи, немыслимо было оставлять и донскую сотню у Присяки, то и ей приказано было отойти къ Тпаивѣ, для связи съ Кавказскою бригадой *).

28-го Іюля.

28-е Іюля прошло благополучно и безъ тревоги. На Слатину было обращено вниманіе и въ ней поставлено до $^1/_2$ эскадрона, какъ о томъ извѣщалъ начальникъ 4-й кавалерійской дивизіи.

Двухдневныя успѣшныя дѣла Кавказской бригады съ черкесами значительно подняли духъ болгарскаго населенія, и вотъ, какъ бы на радостяхъ отъ этого событія, къ намъ бѣжало нѣсколько болгаръ, ускользнувшихъ съ земляныхъ работъ по укрѣпленію Ловчи. Они говорили намъ, что укрѣпленія и окопы возводятся почти исключительно болгарами; сообщили объ имѣющихся въ Ловчѣ большихъ запасахъ продовольствія и врачебной части **); подтвердили показанія о скопищахъ

*) Приказъ по отряду генерала Скобелева отъ 27-го Іюля 1877 г.

**) По взятіи Ловчи 22-го Августа, въ ней былъ найденъ большой складъ хины, которымъ по случайностямъ боя, нельзя было вполнѣ воспользоваться.

баши-бузуковъ и турецкаго населенія, которое, по словамъ ихъ, въ послѣдніе дни выселялось къ югу отъ Ловчи. Но изъ свѣдѣній, особенно близко касавшихся Кавказской бригады, ими-же было передано, что черкесы дали сөбѣ слово отомстить за убитыхъ, которыхъ они не могли подобрать и оставляли въ полѣ, въ различныхъ схваткахъ съ казаками. Надо замѣтить, что въ дѣлахъ западнаго крыла нашихъ войскъ черкесы преимущественно имѣли дѣло съ Кавказскою бригадою. Обѣ стороны на столько пригдядѣлись другъ къ другу, что у насъ по крайней мѣрѣ отличали иныхъ всадниковъ по знакомымъ уже примѣтамъ. Черкесамъ ни разу не посчастливилось съ казаками, а за послѣдніе дни они оставили и немало убитыхъ въ полѣ. Во вчерашнемъ, напримѣръ, дѣлѣ лежало 18 тѣлъ вблизи отъ осетинской цѣпи. Бѣжавшіе болгары говорили, что будто-бы черкесы горевали о потерѣ именитыхъ людей и называли при этомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ,—павшихъ во вчерашнемъ дѣлѣ.

Не знаю, на сколько достовѣрны были эти свѣдѣнія; во всякомъ случаѣ они дѣйствовали на военное самолюбіе осетинъ, слѣдовательно, оказывали намъ чрезвычайную пользу. Но къ чести осетинъ надо сказать, что они сами отрядили нѣсколько человѣкъ зарывать тѣла убитыхъ горцевъ, не смотря на то, что для этой цѣли у насъ были собраны болгары *).

29-го Іюля.

По сбывшемуся-ли предсказанію болгаръ, или по простой случайности, но съ ночи 28-го числа черкесы сдѣлались назойливѣе, чѣмъ были прежде. Они не тревожили насъ большими силами, но непроходило и ночи безъ того, чтобы шайка человѣкъ въ 15—20 не порывалась поднять суматоху, то у Павликанъ, то у Смочина, или Омаркіоя.

Эти налеты вызывали и казаковъ на молодецкія выходки и уловки, на которыя иногда и поддавались черкесы. Такъ, напримѣръ, отдѣльный постъ у Смочина представлялъ много соблазна для противника. При малѣйшей оплошности со стороны казаковъ, его легко было окружить и вырѣзать до послѣдняго человѣка. Но, съ другой стороны, намъ было выгодно держать его на виду, чтобы черкесы не заглядывали въ эту сторону. Поэтому, днемъ часовой стоялъ на горѣ, а ночью постъ спускался ниже, подходилъ къ берегу Осмы и усиливалъ свою связь съ главнымъ карауломъ, что̀ находился вблизи Омаркіоя. Нѣсколько лишнихъ тревогъ надоумили терцевъ наказать противника и, въ свою очередь, они дождались благопріятной ночи и поймали, но на этотъ разъ башибузуковъ, а не черкесовъ, на самую простую, всѣмъ

*) Распоряженіе о зарытіи убитыхъ, помимо человѣческихъ обязанностей, было сдѣлано и во избѣжаніе разложенія тѣлъ, оставленныхъ вблизи отъ сторожевой цѣпи.

извѣстную уловку. Соломенное чучело было выставлено въ извѣстномъ направленіи, а по-близости казаки устроили засаду. Человѣкъ 50 башибузуковъ приняли солому за казаковъ, открыли по ней учащенную пальбу, но сами очутились подъ пулями и поспѣшили домой.

Башибузуки пріутихли, но черкесы не унимались еще нѣсколько сутокъ. Такъ какъ ежедневныя стычки продолжались съ утренней зари 29 Іюля вплоть до 10 Августа, и составляли чуть-ли не ежедневную потребность для обѣихъ сторонъ, то въ своемъ мѣстѣ я буду упоминать только о тѣхъ, которыя имѣли какое-либо значеніе. Правда, что, разбирая внѣшнюю сторону этихъ малозначущихъ продѣлокъ, про нихъ можно было сказать, что въ „этихъ сшибкахъ удалыхъ—забавы много, толку мало *), но такой взглядъ не совсѣмъ будетъ вѣренъ для оцѣнки неосязаемой ихъ стороны. Эти безпрерывныя схватки незамѣтно подтачиваютъ силы воюющихъ сторонъ, усиливая ихъ бдительность, а слѣдовательно и расходъ людей на сторожевую службу. Такъ было и у насъ. Черкесы все болѣе и болѣе ярились на свои неудачи, а казаки вырабатывались и крѣпли духомъ; но, во избѣжаніе напрасныхъ подъемовъ по тревогѣ всей бригады, мы должны были увеличить главный караулъ сторожевой цѣпи.

И потому съ этихъ дней у насъ находилось: 2 сотни на постахъ, 2 сотни въ главномъ караулѣ, 2 очередныхъ сотни подъ сѣдломъ на бивакѣ, итого ежедневно половина людей выходила на тяжелую службу.

Слѣдовательно, внутреннее значеніе такихъ схватокъ было не безъ вліянія на воюющія стороны; но, къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности развить этого неуловимаго, безпрерывнаго подтачиванія силъ противника; поэтому намъ по-неволѣ и приходилось ограничиваться мѣстною, неподвижною борьбою, и только урывками удавалось совершать небольшіе поиски въ сторону непріятеля.

Такъ, 29-го Іюля генералъ Скобелевъ, съ находившеюся въ непосредственномъ его распоряженіи конницею на сельвинскомъ шоссе, двинулся къ Трояну, черезъ Добродамъ. Цѣль его поиска заключалась главнымъ образомъ въ осмотрѣ дороги на Троянъ, въ вѣроятной возможности пощипать башибузуковъ и, наконецъ, въ необходимости добыть для продовольствія турецкаго скота.

Все, что можно было угнать изъ окрестностей Ловчи, турки отправили въ южныя горы, и мы начинали нуждаться въ мясѣ. Поэтому-то зачастую и случалось, что сами турки насъ и продовольствовали.

Не зная всѣхъ подробностей набѣга на Добродамъ, я ограничусь, въ разсказѣ о немъ, донесеніемъ подполковника Бакланова о дѣлѣ подъ

*) „Валерикъ“, Лермонтова

Доброданомъ, такъ какъ оно было самое видное событіе въ этомъ предпріятіи.

Баклановъ доносилъ *):

„Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву.

29-го числа сего Іюля мѣсяца, въ 10 ч. утра, я двинулся, по приказанію вашего превосходительства, съ отрядомъ изъ двухъ сотенъ 23-го полка, одной сотни 30-го и одного эскадрона 11-го драгунскаго Рижскаго полка, черезъ д. Рабіо, на д. Доброданъ. Подойдя къ послѣдней около 12 ч. дня, мы увидѣли отрядъ башибузуковъ изъ двухсотъ человѣкъ, которые встрѣтили авангардъ, съ фронта и фланговъ, сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Вслѣдствіе этого, я приказалъ сотнику Кудинову разсыпать одну полусотню и двинуться впередъ, прямо на деревню; хорунжему Каргину съ другою полусотнею идти за лѣвымъ флангомъ цѣпи и стараться охватить деревню слѣва; сотнику Рыковскому идти съ сотнею на правомъ флангѣ, безъ выстрѣла атаковать и выбить башибузуковъ съ правой стороны. Вторая сотня 30-го полка и эскадронъ драгунъ оставлены въ резервѣ. Двинувшіяся впередъ спѣшенныя и конныя части казаковъ дружнымъ натискомъ сбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ, не смотря на сильное его сопротивленіе, и прогнали за р. Осму“.

Указывая затѣмъ на небольшую потерю казаковъ, на убыль противника, оставившаго на мѣстѣ до 30 тѣлъ, и ходатайствуя объ отличившихся, подполковникъ Баклановъ продолжалъ въ своемъ рапортѣ:

„При этомъ считаю своею обязанностью доложить, что волонтеръ Сергѣй Васильевъ Верещагинъ, не смотря на имѣющіяся у него четыре раны, полученныя въ разныхъ дѣлахъ, былъ впереди цѣпи и своеручно изрубилъ черкеса.

„О таковомъ поступкѣ Верещагина представляю на усмотрѣніе вашего превосходительства. При семъ прилагаю серебряную медаль, снятую съ убитаго черкеса.

Подполковникъ Баклановъ“.

30-го и 31-го Іюля.

За неимѣніемъ вѣскихъ военныхъ событій въ теченіи 30-го и 31-го Іюля, эти дни остались памятны проливными дождями и страшною грозой по ночамъ. Дожди на столько растворили мягкую почву нашего бивака, что онъ въ полномъ смыслѣ слова обратился въ грязный скотный дворъ. Мы хотѣли было пріискать болѣе твердое мѣсто, но все, что̀ было подходящаго въ этомъ родѣ, не отвѣчало военнымъ требованіямъ, и намъ пришлось остаться на старомъ мѣстѣ. Въ добавокъ, свѣтлая, красивая Осма превратилась въ пучину и на $2^1/_2$ аршина под-

*) Рапортъ командира Донскаго казачьяго № 23 полка, отъ 30-го Іюля 1877 г., № 15.

нялась выше обыкновеннаго своего уровня; она ревѣла, пѣнилась и съ корнемъ вырывала прибрежныя деревья. Всякое сообщенiе съ правымъ берегомъ становилось затруднительно и было сопряжено съ вѣроятiемъ потонуть въ стремнинѣ.

Между тѣмъ связь была необходима, такъ какъ переписка безпрестанно проходила изъ Сельви въ Парадимъ, и казаки урывали для переправы случайное, скорѣе кажущееся затишье и пускались вплавь съ берега на берегъ.

При одномъ изъ такихъ случаевъ, на правомъ берегу Осмы показался Владикавказскаго полка казакъ Мордвиновъ. Вотъ онъ переговаривается съ казаками, стоящими на нашемъ берегу, но за шумомъ водобѣга не слыхать его голоса; однако, по всему видно, что онъ хочетъ переправиться. Ему машутъ и кричатъ, совѣтуя переждать напоръ порывистаго потока; но онъ снялъ шапку, вынулъ изъ нея бумагу, показалъ ее на воздухѣ какъ бы говоря этимъ: „знайте, донесенiе везу", снова засунулъ бумагу за курпей папахи, перекрестился и бухнулъ въ воду. Вспѣнилась Осма подъ конемъ; но конь, послушный сѣдоку, храпѣлъ и плылъ, пока не измѣнили ему силы. Усталый, онъ клонился подъ напоромъ потока и не устоялъ противъ сильной волны, которая опрокинула его и смыла Мордвинова съ сѣдла. Но всплылъ казакъ, а черезъ мгновенiе и конская голова показалась изъ воды. Мордвиновъ успѣлъ поймать его за поводъ, ухватилъ за гриву, и вотъ они поплыли оба рядомъ и достигли нашего берега. „Спѣшное,—сказалъ Мордвиновъ, вылѣзая изъ воды,—надо было плыть".

Въ чемъ же заключалась бѣда отъ разлива Осмы? спросятъ меня, быть можетъ, а пожалуй и прибавятъ: не въ томъ-ли, что одинъ казакъ могъ утонуть въ то время, когда тысячи людей валились подъ ударами войны? Бѣда заключалась въ томъ, что Осма уничтожала всѣ разсчеты и распоряженiя начальника западнаго отряда.

На основанiи предписанiя генералъ-лейтенанта Зотова, генералъ Скобелевъ долженъ былъ возвратить изъ состава своего отряда два батальона Ярославскаго полка съ ихъ батареею, Рижскiй драгунскiй полкъ, нашу 1-ю конно-горную батарею и два орудiя 6-й Донской батареи. Всѣ эти части должны были выступить къ Парадиму и присоединиться къ составу постоянныхъ своихъ отрядовъ.

Сотни 30-го Донскаго полка отходили въ то же время къ составу авангарда сельвинскаго отряда князя Святополка-Мирскаго, и къ нему же, вслѣдъ затѣмъ, присоединились и сотни подполковника Бакланова. Въ силу сказаннаго распоряженiя, выступили отъ Кокрина два батальона Ярославцевъ 30-го числа, которые, по трудности перехода, ночевали въ Типавѣ, а 31-го не могли еще переправиться черезъ Осму. Одновременно

съ этимъ, начальникъ западнаго отряда принималъ мѣры къ тому, чтобы усилить заслоны между Ловчею и Плевной. Съ этою цѣлью онъ придвинулъ 1-ю бригаду 30-й пѣхотной дивизіи (какъ увидимъ ниже) къ Дренову и Слатинѣ, а Кавказскую бригаду думалъ помѣстить между Осмою и сельвинскимъ шоссе.

Слѣдовательно, сдѣлавъ зависѣвшія отъ него распоряженія начальнику западнаго отряда, оставалось только потребовать ихъ исполненія, о чемъ онъ заранѣе и предупредилъ начальника сельвинскаго отряда, который и сообщилъ о томъ начальнику своего авангарда, полковнику Липинскому. Поэтому, предполагая осуществившимся уже занятіе конницею западнаго отряда всего пространства отъ Плевны до Иглавы, а Кавказскою бригадою отъ Осмы до сельвинскаго шоссе, начальникъ авангарда ожидалъ скорѣйшаго установленія между нами болѣе прочной связи *). Основывая свои соображенія по картѣ, онъ совершенно правильно предполагалъ, что Кавказская бригада должна будетъ занять Присяку, а потому и Смочинъ, какъ ближайшій пунктъ для связи съ Иглавой. Но, сверхъ занятія Присяки и Смочина съ боевою цѣлью, онъ предполагалъ, что для передачи переписки Кавказская бригада займетъ Типаву и Какрино, и такимъ способомъ черезъ Иглаву „войдетъ въ непосредственную связь съ войсками сельвинскаго отряда, авангардъ коего расположенъ верстахъ въ 5-ти южнѣе Какрина, на шоссе изъ Сельви на Ловчу".

„Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ", прибавлялъ онъ, зная „крайне ограниченныя кавалерійскія средства сельвинскаго отряда, подтвердитъ, вѣроятно, раціональность моего предложенія. Поэтому, я убѣдительнѣйше прошу васъ, писалъ онъ, не отказать увѣдомленіемъ относительно настоящаго дѣла и прошу васъ смѣнить мой пикетъ въ Типавѣ, который посылаетъ разъѣзды на Иглаву, Смочинъ и Какрино. Онъ слишкомъ слабъ для того, чтобы изъ этого что нибудь вышло, и связь между войсками западнаго и сельвинскаго отрядовъ, при столь слабыхъ пикетахъ, не можетъ считаться вполнѣ обезпеченной.

Полковникъ Липинскій".

Слѣдовательно: 1) основная мысль этой записки выражала недостаточность конницы въ сельвинскомъ отрядѣ. Всюду чувствовалась ея необходимость, а конницы не было подъ рукою.

2) Предложеніе о размѣщеніи нашихъ частей, основанное, какъ я сказалъ, вѣроятно, на картѣ, конечно, не могло имѣть возраженія. Если бы не трущобы между Присякой и Типавой, невыразимыя на картѣ

*) Въ описываемое время Кавказская бригада не имѣла еще свѣдѣній о томъ, что ее замѣнитъ конница западнаго отряда. Это замѣщеніе совершилось много дней позже, когда Кавказская бригада перешла на сельвинское шоссе, а конница западнаго отряда расположилась по линіи отъ Лежана, на Дреновъ, до Слатины.

десяти-верстнаго масштаба, то трудно и придумать лучшее для насъ расположеніе; но если бы оно было возможно, то генералъ Скобелевъ давно поставилъ бы Кавказскую бригаду въ Смочинѣ, или Присякѣ. А такъ какъ записка полковника Липинскаго была писана послѣ отъѣзда генерала Скобелева изъ сельвинскаго авангарда, то естественно, что начальникъ авангарда не успѣлъ и обмѣняться предположеніями по этому поводу. Генералъ Скобелевъ 2-й, съ трудомъ перебравшись черезъ Осму, прибылъ къ намъ 31-го числа, въ 4 часа пополудни; а записка полковника Липинскаго отправлена имъ 31-го числа, въ 11 часовъ вечера, и получена въ Кавказской бригадѣ только 1-го Августа, въ 7 часовъ вечера.

Слѣдовательно, полковникъ Липинскій, оставаясь въ зависимости отъ Осмы, только на вторыя сутки могъ получить отвѣтъ изъ Кавказской бригады. Ко времени пріѣзда генерала Скобелева, потокъ уже бѣжалъ плавнѣе, но переправа для войскъ, а въ особенности для артиллеріи, была крайне опасна. А потому, по распоряженію генерала Скобелева 2-го, два батальона Ярославскаго полка остались на правомъ берегу Осмы въ ожиданіи спаденія воды и дальнѣйшихъ приказаній. Я смѣю надѣяться, что мнѣ удалось выразить существенную помѣху отъ разлива Осмы, для поддержки связи двухъ разобщенныхъ отрядовъ.

Упомянутыя мною перемѣны въ составѣ отряда генерала Скобелева позволяли думать, что онъ и самъ можетъ получить другое назначеніе. Изъ первоначальнаго его отряда оставалась въ непосредственномъ его вѣдѣніи только Кавказская бригада, да и та въ послѣдніе дни составляла не болѣе, какъ дополненіе къ его отряду. Но Кавказской бригадѣ невыгодно было выходить изъ-подъ его начальства, потому что я не ошибусь, если скажу, что оба эти существа цѣнили другъ друга: начальникъ могъ положиться на добросовѣстное исполненіе приказанія, подчиненные знали чего отъ нихъ требуютъ. Поэтому, я говорю, пріятно было оставаться подъ такимъ начальствомъ, и мы не теряли надежды, что для взятія Ловчи будетъ образованъ такой отрядъ, въ которомъ, конечно, будетъ мѣсто Скобелеву, а Кавказская бригада давно уже была обречена на Ловчу. Но для выясненія всѣхъ условій, необходимыхъ для взятія Ловчи, генералу Скобелеву слѣдовало представить личный докладъ начальнику западнаго отряда. Съ этою цѣлью онъ поѣхалъ изъ Каврина въ Парадимъ, и у насъ, на перепутьи, составилъ памятную записку для доклада начальнику западнаго отряда. За неимѣніемъ свободныхъ писарей *), мнѣ пришлось писать и переписывать эту записку; поэтому,

*) Въ хорошихъ писаряхъ ощущался у насъ полный недостатокъ. Во время существованія Кавказской казачьей дивизіи въ составъ ея штаба были назначены писаря,

считая ее въ числѣ своихъ бумагъ, допускаемыхъ къ печати, я привожу ее дословно, какъ дѣловое указаніе на особенности прошедшей войны и на назначеніе конницы подъ Ловчей. Записка эта была перечнемъ отдѣльныхъ мыслей, которыя должны были быть представлены на обсужденіе въ слѣдующемъ видѣ:

А. 1) Общій отчетъ о рекогносцировкѣ Ловчи. Она выяснила:

а) Присутствіе болѣе 10 т. войска, 8 дальнобойныхъ орудій и, по всѣмъ признакамъ, существованіе резервной артиллеріи, какъ въ Плевнѣ.

б) Идея атаки Ловчи. Значеніе фортификаціоннаго элемента въ такой войнѣ, какъ нынѣ выясняется турецкая. Сходство дѣйствій турокъ съ южанами подъ Ричмондомъ въ 1862 г. и въ особенности съ карлистами при Эстелѣ въ 1874. Необходимость принять въ соображеніе соотвѣтствіе между превосходнымъ вооруженіемъ и отличительными свойствами турецкаго солдата болѣе, чѣмъ когда либо грознаго за закрытіями (26-го Іюля 1877).

в) Ловчу брать систематично, пользуясь содѣйствіемъ полевой фортификаціи и подробнымъ изученіемъ мѣстности, дабы съ меньшимъ рискомъ дать полное развитіе ночнымъ атакамъ. Подъ Ловчей слѣдовало-бы имѣть: 2 дивизіи пѣхоты, корпусную артиллерію и 6 полковъ кавалеріи.

Б. Сельвинскій отрядъ съ его авангардомъ. Значеніе дорогъ на лѣвомъ флангѣ. Печальное матеріальное положеніе казачьихъ полковъ вслѣдствіе гонки. Недостаточное ихъ число и невозможность прикрывать свое собственное расположеніе, а не только поддерживать связь и освѣщать мѣстность отъ Трояна до Владины. Кавказская бригада въ восьмирядномъ составѣ, а на аванпосты должна высылать отъ 3-хъ до 4-хъ сотенъ. Число рядовъ въ зависимости отъ убыли лошадей *).

В. Кавалерійскія стычки подъ Ловчей и движеніе на Троянъ доказываютъ, съ одной стороны, возможность много сдѣлать кавалеріею не только противъ баши-бузуковъ, но и противъ низама. Она можетъ перехватывать его въ полѣ, нравственно влiять какъ на болгаръ, такъ и укрощать неистовства мусульманъ.

которые, на основаніи приказа, что штабъ Кавказской дивизіи превращается въ штабъ передоваго отряда, всѣ и остались въ составѣ этого отряда. А такъ какъ и Кавказская бригада входила въ составъ этого отряда, то она и не могла потребовать своихъ писарей обратно, а мы остались безъ нихъ, потому что объ окончательномъ отдѣленіи насъ отъ передоваго отряда никѣмъ своевременно заявлено не было. Всѣ же остальные, хорошо грамотные казаки оказывались людьми на столько развитыми, что непозволительно было и отрывать ихъ отъ прямой обязанности осмысленной сторожевой службы; поэтому и приходилось самому вести переписку и только въ крайности, при невозможности переписать какое нибудь длинное донесеніе, не стыдно было взять для этого свободнаго человѣка.

*) И отъ большаго числа ординарцевъ и вѣстовыхъ.

Скажу даже и то, что, при данныхъ обстоятельствахъ, мы одними кавалерійскими наѣздами въ состояніи угрожать коммуникаціоннымъ линіямъ массъ, собранныхъ въ Ловчѣ и Плевнѣ, и поддерживать значеніе вновь созданнаго русскаго гражданскаго управленія.

Но это исполнимо лишь:

1) При соотвѣтствующемъ числѣ кавалеріи.

2) При единствѣ командованія ею на данномъ пространствѣ.

3) При полной мощи избраннаго для этого лица, который долженъ быть подчиненъ одному начальнику.

4) При употребленіи этой кавалеріи только для боевыхъ цѣлей, ибо кавалерія годна только на свѣжихъ лошадяхъ.

5) При достаточныхъ средствахъ для поддержанія сношеній съ лазутчиками.

6) Тогда, когда будутъ даны всѣ средства дѣйствовать, при теплом участіи къ успѣху и строгости за бездѣйствіе.

Г. а) Строгое наблюденіе за противникомъ возможно только при соотвѣтствующей силѣ.

б) Въ случаѣ движенія непріятеля на Сельви, немыслимо оставлять двѣ сотни на воздухѣ. Двинуться же во флангъ ему съ артиллеріею можно только на Присяку; но этому препятствуетъ близость Ловчи и несоотвѣтствіе силъ. Если выступить съ этою цѣлью на Типаву и Какрино, то, въ случаѣ отступленія сельвинскаго отряда, кавалерія можетъ быть уничтожена въ этихъ трущобахъ.

в) Въ случаѣ движенія турокъ на Плевну, дѣйствовать желательно, но для этого нужна сила и свѣжіе, облегченные, а не истощенные и обремененные кони. Дѣлить отрядъ немыслимо".

Съ этою запискою и съ докладомъ о томъ, что надѣлала Осма, вечеромъ-же 31-го Іюля начальникъ нашего отряда уѣхалъ въ Парадимъ.

Разставаясь съ полками, выбывавшими изъ-подъ его начальства, онъ отдалъ приказъ *), въ которомъ благодарилъ ихъ за службу.

„Я счастливъ—сказано въ приказѣ,—что могу выразить всѣмъ чинамъ отряда мое искреннее уваженіе къ молодецкой ихъ службѣ. Всѣ части войскъ: пѣхота, артиллеристы, драгуны и казаки, соревновали другъ передъ другомъ въ исполненіи долга присяги". Описывая далѣе доблестное поведеніе 3-хъ ротъ Брянскаго полка, подъ начальствомъ маіора Ганько, подошедшаго съ ними подъ жестокимъ огнемъ почти въ упоръ къ траншеямъ и, по приказанію, стройно отступившаго, приказъ объясняетъ, что „подобный примѣръ воинской доблести и дисциплины, въ высшемъ значеніи этого слова, заслуживаетъ удивленія всякаго

*) Приказъ по отряду 30-го Іюля 1877 г., бивакъ близь Какрина.

человѣка, бывшаго въ дѣлахъ, и служитъ лучшимъ доказательствомъ превосходной подготовки полка въ мирное время“.

Касательно дѣйствій конницы въ приказѣ выражено: „Съ 24-го Іюля Рижскому драгунскому полку пришлось нести самую тяжелую боевую службу, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ непріятелемъ. Несмотря на крайне невыгодныя условія службы, невозможность разсѣдлывать коней, вслѣдствіе постоянныхъ тревогъ, усиленныхъ движеній по едва доступной мѣстности, погони вслѣдъ за непріятельскими шайками, на разстояніи 75 верстъ, полкъ, какъ въ день рекогносцировки Ловчи, такъ и въ послѣдующихъ стычкахъ съ непріятелемъ, велъ себя въ полномъ смыслѣ слова молодецки, нисколько не уступая казакамъ въ подвижности. Донскимъ казакамъ и кавказскимъ *) ввѣреннаго мнѣ отряда большое душевное спасибо за ихъ послушаніе, лихость и боевую снаровку во всѣхъ случаяхъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ“.

Поименовывая начальниковъ частей, которымъ въ приказѣ была выражена благодарность за содѣйствіе, онъ передавалъ „молодцамъ нижнимъ чинамъ душевное спасибо. Павшимъ за вѣру, Царя и отечество вѣчная память“.

„Дай Богъ“, оканчивались слова приказа, „чтобы въ часъ боеваго испытанія всегда пришлось-бы служить и сражаться съ такими же молодцами, какъ мнѣ посчастливилось подъ Ловчей 26-го Іюля 1877 года“.

V.

Переправа черезъ Осму. — Кавказская бригада подъ Ловчей. — Тревожныя извѣстія съ Шипки. — Обратный переходъ на лѣвый берегъ Осмы.

1-го Августа.

Въ то время, какъ генералъ Скобелевъ ѣхалъ въ Парадимъ, на пути оттуда находилось предписаніе „начальника западнаго отряда“, посланное „полковнику Тутолмину“, въ которомъ было сказано, что:

„Какъ только будетъ возможно переправиться черезъ Осму, то предлагаю вамъ безотлагательно перейти на правый берегъ рѣки и охранять пространство передъ Осмою и шоссе изъ Ловчи въ Сельви. Объ исполненіи мнѣ донести, приложивъ дислокацію бригады **). Въ Иглавѣ оста-

---

*) ½ 6-й сотни Кубанскаго полка хорунжаго Свидина.

**) 31-го Іюля, 3 ч. пополудни. Получено въ Кавказской бригадѣ 1-го Августа, въ 7 час. утра.

вить постъ изъ десяти казаковъ, при урядникѣ, для передачи корреспонденціи. Сухарями можемъ подѣлиться; посылайте пріемщиковъ".

Передвигая Кавказскую бригаду на правый берегъ Осмы, генералъ Зотовъ имѣлъ въ виду замѣнить ее 1-ю бригадою 30-й пѣхотной дивизіи и занавѣсить послѣднюю постами 4-й кавалерійской дивизіи.

Получивъ по этому поводу приказаніе подвинуться къ Ловчѣ, командиръ 1-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи сообщалъ, отъ 1-го Августа, 11 ч. 30 м. пополудни, полковнику Тутолмину, что

„1-я бригада съ 3-ю батареею сейчасъ займетъ Слатину однимъ батальономъ; около Дренова станутъ остальные пять батальоновъ, если 2 батальона Ярославскаго полка присоединятся ко мнѣ, что и сообщаю для свѣдѣнія.

Генералъ-маіоръ Полторацкій".

Эти два батальона Ярославскаго полка принадлежали 1-й бригадѣ 30-й пѣхотной дивизіи и съ ранняго утра находились уже на правомъ берегу Осмы, противъ Иглавы, вполнѣ готовые къ переправѣ, но начать ее не было еще возможности.

Вода была еще высока и не уменьшала быстроты своего теченія. Между тѣмъ, генералъ Скобелевъ, по прибытіи въ Парадимъ, представилъ степень опасности для переправы въ настоящее время, о необходимости способствовать ей какими либо мѣрами, и по этому поводу увѣдомилъ насъ письмомъ отъ 1-го Августа: „Къ вамъ пріѣдетъ подполковникъ Палинъ *) для устройства переправы черезъ Осму. Я ѣду въ главную квартиру", а затѣмъ прибавлялъ въ концѣ своего письма: „Кажется выхлопочу бригадѣ полный восьмидневный отдыхъ".

Этотъ послѣдній былъ необходимъ; но ниже будетъ видно, на сколько бригада могла имъ воспользоваться, если бы онъ и былъ разрѣшенъ ей.

Вскорѣ пріѣхалъ подполковникъ Палинъ, съ цѣлью, какъ писалъ генералъ Скобелевъ, устроить переправу. Произведенный имъ, однако, осмотръ Осмы не привелъ къ утѣшительному заключенію, и на сегодняшній день, по крайней мѣрѣ, переправа была невозможна для пѣхоты, а въ особенности для артиллеріи. Казаки съ трудомъ переправлялись вплавь, и для поданія помощи, при опасности, казачьи посты были выставлены по обоимъ концамъ переправы.

2—3-го Августа.

Такое своенравіе Осмы возбуждало особое къ ней вниманіе, и начальникъ западнаго отряда сдѣлалъ-было распоряженіе о постройкѣ черезъ нее временнаго моста. Съ этою цѣлью предполагалось прислать роту 3-го сапернаго батальона въ наше расположеніе, а генеральнаго штаба

*) Подполковникъ генеральнаго штаба въ составѣ штаба западнаго отряда.

капитану Куропаткину, наканунѣ къ намъ прибывшему изъ Парадима *), приказано было завѣдывать порядкомъ переправы.

Съ этого дня начинается наше знакомство съ капитаномъ Куропаткинымъ, который и не выходилъ уже изъ отряда генерала Скобелева, а съ Кавказской бригадой не разставался до окончанія третьей Плевны.

Ко времени пріѣзда капитана Куропаткина вода пошла на убыль, но все еще рѣка несла и крутила толстые обломки деревьевъ.

Внезапность бушующихъ явленій Осмы указывала на необходимость построить мостъ довольно прочный, а такая работа не могла быть произведена на передовыхъ постахъ передъ Ловчей.

Слѣдовательно, на какомъ бы видѣ и способѣ устройства моста ни остановились, во всякомъ случаѣ нужно было употребить много времени и труда, которые врядъ-ли стоило затрачивать на такомъ близкомъ разстояніи отъ противника, на какомъ находилась Иглава, расположенная подъ завѣсой одной казачьей бригады.

Между тѣмъ, верстъ на 10 ниже по теченію Осмы, у Карахасана, берега были удобнѣе и лѣсъ находился ближе подъ рукою, а сообщеніе между нашими отрядами, будучи направлено изъ Парадима на Дреновъ, Карахасанъ и Лежанъ на Сельви, было бы немногимъ далѣе, чѣмъ черезъ Типаву. Поэтому и рѣшено было доложить о выгодахъ постройки моста у Карахасана, а въ ожиданіи этого разрѣшенія заготовить принадлежности, которыя можно было бы сплавить по теченію до Карахасана; въ Иглавѣ же начать переправу при помощи казаковъ.

Съ этою цѣлью двѣ сотни Кавказской бригады, по предложенію капитана Куропаткина, были назначены въ помощь батальонамъ Ярославскаго полка. Доказательствомъ того, до какой степени переправа была неблагопріятна, можетъ служить пробная переправа одной повозки, сдѣланная до прибытія казаковъ: напоромъ теченія снесло и опрокинуло повозку. Слѣдовательно, безъ казаковъ нельзя было и начинать переправы, а потому двѣ сотни **) Кавказской бригады дѣйствительно были необходимы для помощи пѣхотѣ, артиллеріи и повозкамъ. Особенно трудно было направлять высокія, тяжелыя лазаретныя линейки. Колеса ихъ вязли въ наносномъ илѣ, лошади выбивались изъ силъ и падали въ изнеможеніи. А въ то же время напоръ потока валилъ тяжелыя повозки и только вереница конныхъ казаковъ могла удерживать ихъ на канатахъ.

Дружно помогали здѣсь двѣ сотни Кавказской бригады и, начавъ свою работу съ десяти часовъ утра, на столько уже утомились, что капитанъ Куропаткинъ, въ 2 ч. и 5 м. пополудни, писалъ съ мѣста переправы:

---

*) Заболѣвшій подполковникъ Палинъ вернулся въ Парадимъ.

**) По одной изъ каждаго полка.

„Если найдете возможнымъ, пришлите еще двѣ сотни для перевозки пѣхоты. Сотни, уже присланныя, работаютъ для перевозки артиллеріи и обоза, и утомятся".

Въ Кавказской бригадѣ давно уже думали о возможности смѣнить эти сотни, но вотъ въ какомъ положеніи сама она находилась въ это время *):

3 сотни стояли на сторожевыхъ постахъ.

3 сотни смѣнились послѣ суточной сторожевой службы, слѣдовательно, были утомлены.

2 сотни работали на переправѣ.

2 дежурныя сотни, за часъ до записки капитана Куропаткина, были двинуты на поддержку сторожевыхъ постовъ, такъ какъ тамъ начиналось дѣло.

Слѣдовательно, и оставшіяся двѣ сотни были необходимы на всякій случай.

По счастію, поднявшаяся на сторожевыхъ постахъ тревога окончилась ежедневною черкесскою перестрѣлкой, и въ четвертомъ часу пополудни представилась возможность смѣнить работавшихъ на переправѣ. Новыя сотни помогли пѣхотѣ, перевозя ее за сѣдлами, на лошадяхъ, частью во всю ширину рѣки, частью помогая ей въ опасныхъ мѣстахъ, такъ какъ находились охотники перейти рѣку и собственными ногами, но, сколько помнится, такихъ было немного. Переправа шла медленно, хотя къ вечеру все-таки окончилась благополучно.

Итакъ, почти цѣлый день былъ употребленъ на переправу двухъ батальоновъ пѣхоты съ ея батареею, удавшуюся только при помощи четырехъ сотенъ Кавказской бригады.

На завтра, 3-го Августа, должны были переправиться рижскіе драгуны и вмѣстѣ съ конно-горною батареею выступить въ Горный Студень.

Тѣмъ временемъ въ западномъ отрядѣ арміи были приняты мѣры къ тому, чтобы угрожать непріятелю черезъ Типаву или Присяку, въ случаѣ если бы онъ двинулся изъ Ловчи на Сельви. Командиръ 1-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи сообщалъ по этому поводу что **), ему предписано дѣйствовать во флангъ и тылъ туркамъ при ихъ движеніи изъ Ловчи на Сельви. Въ случаѣ же наступленія непріятеля изъ Ловчи на Плевну, онъ направитъ пѣхоту съ кавалеріею на Боготъ, для дѣйствія во флангъ, оставивъ части для занятія Владины и Слатины. Поэтому прошу, кромѣ сообщенія въ корпусный штабъ о движеніи непріятеля, сообщать о томъ же и мнѣ запиской съ нарочнымъ, обозначивъ по воз-

*) Списокъ съ разсчета, записаннаго въ тотъ же часъ у Иглавы.

**) Въ 7 часовъ 10 минутъ вечера отъ 2-го Августа.

можности силы противника. У Слатины, писалъ онъ, находится одинъ батальонъ 118 Шуйскаго полка съ двумя орудіями и двѣ сотни казаковъ 9-го полка.

Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе, начальникъ Кавказской бригады сообщилъ генералъ-маіору Полторацкому: „Все что касается общаго смысла желаній вашего превосходительства, по возможности, будетъ исполнено; но, во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ встрѣтиться, заблаговременно увѣдомляю, что: 1) безусловное наблюденіе за движеніемъ непріятеля изъ Ловчи въ Сельви, по свойству гористой мѣстности и скрытому отъ насъ пути ихъ наступленія, затруднительно для Кавказской бригады, и 2) для точнаго исполненія этой обязаннности, около тѣхъ мѣстъ необходимо поставить отдѣльный, значительной силы, наблюдательный отрядъ. Вѣроятно, сообщалось далѣе, по сознанію этой необходимости, я получилъ, три дня тому назадъ, отъ начальника западнаго отряда, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находится Кавказская бригада, приказаніе: „переправиться на тотъ берегъ, какъ только вода спадетъ въ р. Осмѣ". И такъ какъ съ нашимъ уходомъ на тотъ берегъ открывается все пространство отъ Осмы до Слатины, то было прибавлено, что: „я просилъ его превосходительство сообщить, кому онъ прикажетъ сдать линію нашихъ аванпостовъ, расположенныхъ на кряжѣ горъ, дающихъ возможность наблюдать за противникомъ, и за самой Ловчей, у которой вчера происходила усиленная работа по укрѣпленію позицій".

Вмѣстѣ съ этимъ, генералу Полторацкому былъ представленъ разсчетъ, по которому было вычислено, что турки могутъ быть на высотѣ Богота и Владины черезъ часъ послѣ полученія отъ насъ донесенія.

Поэтому, для сокращенія передаточнаго пути, начальникъ Кавказской бригады просилъ усилить конную почту, „которую", было сказано: „я расширить не могу, безъ риска оставить у себя по 5-ти рядовъ во взводѣ, ибо у насъ и безъ того уже не болѣе 8-ми рядовъ во взводѣ. Слѣдовательно, вся та наша сила изображала собою полкъ, а не бригаду *).

Тѣмъ временемъ, на шоссе отъ Сельви до Какрина все оставалось въ прежнемъ положеніи дѣлъ, за исключеніемъ лишь смѣны Брянскаго полка Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Присоединившіеся къ намъ сегодня Рижскіе драгуны должны были вмѣстѣ съ горною батареею завтра же выступить въ Горный-Студень.

---

*) Для болѣе или менѣе необходимаго разъясненія этого явленія слѣдуетъ сказать, что регулярные полки пользуются въ этомъ отношеніи тѣмъ преимуществомъ, что у нихъ лошадь изъ-подъ убитаго или раненаго всадника остается въ строю; въ казачьихъ же полкахъ, она, какъ личная собственность казака, не всегда можетъ быть употреблена на службу подъ другого человѣка.

Конечно, условія нашей боевой обстановки большею частью исключали для Кавказской бригады возможность пользоваться помощью трехфунтовыхъ горныхъ орудій; но они ни разу не были для насъ тѣмъ бременемъ, какимъ должны были явиться при своей непримѣнимости къ стрѣльбѣ съ дальныхъ разстояній.

Впослѣдствіи *) мнѣ пришлось слышать, что присоединеніе конногорной батареи къ Кавказской бригадѣ обусловливалось предположеніемъ направить ее въ горы прямо съ мѣста переправы. Движеніе это, какъ мнѣ говорили, она должна была выполнить занятіемъ одного изъ западныхъ переваловъ Балкана для содѣйствія отряду генерала Гурко. Но въ тотъ день, когда рѣшено было присоединить Кавказскую бригаду къ 9-му корпусу, это предположеніе, вѣроятно, было измѣнено, или, по крайней мѣрѣ, о немъ никому не было заявлено. Кавказской же бригадѣ приказано было получить направленіе отъ командира 9-го корпуса, и она осталась между Осмою и Видомъ. На этой мѣстности конно-горнымъ орудіямъ не было работы; но когда на ея долю выпадала возможность помогать бригадѣ огнемъ своихъ орудій, тогда она, съ трехсотъ саженъ, стойко громила турокъ подъ Градешти и уложила ихъ на высотахъ Самовида, въ темную ночь съ 3-го на 4-е Іюля.

Врядъ-ли я ошибусь, если скажу, что, разставшись съ конно-горными донцами, Кавказская бригада помянетъ лихомъ время, проведенное съ ними въ походѣ.

4-го Августа.

Вмѣсто ожидаемаго перехода на правый берегъ Осмы, мы, утромъ 4-го числа, получили приказаніе оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ, сказано было въ запискѣ начальника штаба западнаго отряда, „ждемъ важныхъ извѣстій изъ полеваго штаба.“

Вмѣстѣ съ этимъ имъ же было сообщено, что „начальникъ западнаго отряда приказалъ взводу саперъ прибыть завтра въ Іоглавъ для вырубки и разсортировки лѣса; „а вашему высокоблагородію“, писалъ начальникъ штаба западнаго отряда:

а) „оказать саперамъ при этомъ посильную помощь и прикрытіе;

б) „собрать достаточное число подводъ для поднятія приготовленнаго саперами лѣса, и направить эти подводы прямо въ Карагачъ Булгарскій.

„Въ нѣкоторыхъ видахъ, сообщалъ далѣе полковникъ Новицкій, „начальникъ западнаго отряда ходатайствовалъ у Его Императорскаго Высочества о восьмидневномъ отдыхѣ вашей бригадѣ.

*) Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1877 года.

5-го Августа.

5-е Августа обошлось даже безъ перестрѣлки съ черкесами. Но отъ начальника западнаго отряда получено подтвержденіе: „зорко слѣдить за движеніемъ непріятеля, т. е. знать, что́ у него дѣлается *)“, какъ то поясняла собственноручная помѣтка генерала Зотова на поляхъ его предписанія, въ которомъ было выражено:

„Полковнику Тутолмину.

Его Императорское Высочество Главнокомандующій желаетъ, чтобы ваше высокоблагородіе съ ввѣренною вамъ бригадою, усиленно наблюдая Ловчу и дороги, ведущія изъ этого пункта на Плевну и Сельви, находились бы въ постоянномъ сношеніи съ отрядомъ князя Святополка-Мирскаго. Вслѣдствіе сего, вашему высокоблагородію имѣть постоянную связь съ Типавой, посредствомъ сильныхъ разъѣздовъ, избравъ для направленія послѣднихъ дорогу, по возможности, безопасную“.

Указывая затѣмъ на то, что въ Слатинѣ находится батальонъ съ 2-мя орудіями и что мѣстность впереди этого селенія наблюдается казаками 9-го полка, онъ предписывалъ: „въ случаѣ движенія непріятеля изъ Ловчи на Сельви, сообщать о томъ командиру 4-го корпуса и на ближайшіе посты 9-го полка, а Кавказской бригадѣ слѣдовать на лѣвый флангъ наступающаго непріятеля, для содѣйствія князю Святополку-Мирскому“.

Вмѣстѣ съ этимъ, Кавказской бригадѣ было указано „имѣть постъ въ Деветакѣ, или установить связь съ донцами сельвинскаго отряда по этому направленію“.

Слѣдовательно, въ словахъ этого предписанія прямо указывался внутренній, болѣе обезпеченный, путь сообщенія, который впослѣдствіи и былъ избранъ 4-ю кавалерійскою дивизіею.

Кавказская же бригада, установивъ уже сообщеніе на Типаву, Брестово и Какрино, поддерживала его, такъ какъ на ея отвѣтственности лежало обезпеченіе и Типавскаго ущелья.

6—7-го Августа.

Произошла перемѣна въ расположеніи отряда генералъ-маіора Полторацкаго,который былъ притянутъ къ Парадиму, а оставленному въ Слатинѣ батальону Шуйскаго полка было приказано: присоединивъ къ себѣ еще 4 орудія, укрѣпить Слатину, чтобы:

а) Охранять лѣвый флангъ 4-го корпуса, служа опорою двумъ сотнямъ 9-го Донскаго полка и Кавказской бригадѣ.

---

*) Отъ 5-го Августа, № 82, изъ штаба западнаго отряда.

б) Обороняться упорно при содѣйствіи казаковъ 9-го полка и Кавказской казачьей бригады.

в) Отступать черезъ Владину на Парадимъ, или, въ крайности, на Боготъ.

г) Донесенія посылать прямо въ Пелишатъ, командующему дивизіею.

8—10-го Августа.

8-го Августа должно быть отмѣчено у насъ днемъ тревожныхъ ожиданій.—Командиръ Минскаго полка сообщалъ:

Полковнику Тутолмину *).

Начальникъ штаба 9-й пѣхотной дивизіи сообщилъ мнѣ, по приказанію начальника сельвинскаго отряда, что генералъ-маіоръ Столѣтовъ донесъ, отъ 7-го Августа, что, въ $11^1/_2$ часовъ пополудни, съ Шипкинскаго перевала было видно, какъ 24 табора, 6 орудій и 3000 черкесовъ двигаются въ боевомъ порядкѣ, по дорогѣ отъ Эски-Загры и Манжлины, по направленію къ Янинѣ. Судя по движенію, наступленіе турокъ одинаково возможно какъ на Шипку, такъ и на Янинскій проходъ.—Непріятель отлично видѣнъ.

Начальникъ штаба проситъ, чтобы свѣдѣніе это какъ можно скорѣе было-бы доставлено начальнику западнаго отряда въ Парадимъ.

Для свѣдѣнія вашего добавляю, что сегодня Брянскій полкъ налегкѣ выступилъ въ Габрово, такъ что теперь только я съ полкомъ и батареею стою на вашемъ лѣвомъ флангѣ у Какрина; а Волынскій полкъ (безъ двухъ ротъ) съ батареею—въ городѣ Сельви. Лѣвѣе меня, до Трояна,—полторы слабыя сотни 30-го казачьяго полка.

Командиръ полка

полковникъ Мольскій".

„Сейчасъ получилъ донесеніе, что турки жгутъ Троянъ".

Подлинное сообщеніе полковника Мольскаго, въ 5 часовъ пополудни, было отправлено въ Парадимъ, а къ намъ почти въ то же время отъ начальника западнаго отряда прислано было приказаніе: весьма нужное, въ которомъ значилось:

„По нѣкоторымъ даннымъ можно ожидать, что турки сегодня или завтра сдѣлаютъ попытку къ наступленію; поэтому предпишите, чтобы на аванпостахъ была особенная бдительность.

Генералъ-лейтенантъ Зотовъ".

Получено 8-го Августа, въ 3 ч. пополудни.

Въ этотъ же день пріѣхалъ къ намъ на нѣсколько часовъ и возвратившійся генералъ Скобелевъ. Онъ сообщилъ, что, по приказанію

*) 8-го Августа 1877 г., № 4356, команд. Минскаго пѣх. полка. Получено 8-го Августа, 4 ч. пополудни.

генерала Зотова, къ Кавказской бригадѣ временно присоединятъ батальонъ Шуйскаго полка, которому и приказано занять мѣсто нашего бивака; намъ-же приказано стать ближе къ Дойрану. Въ случаѣ наступленія противника, намъ приказано держаться на откосахъ Дойрана — Иглавы до прибытія подкрѣпленій.

Для усиленія сторожевой службы, приказано было: „въ резервъ на ночь и даже днемъ выдвигать пѣхоту не болѣе одной роты и устроить для пѣхотнаго резерва засѣку, или эполементъ *)“.

Какъ бы въ подтвержденіе полученнаго предостереженія отъ генерала Зотова о возможномъ наступленіи турокъ изъ Ловчи, они 9-го Августа показались и передъ авангардомъ сельвинскаго отряда.

„Сегодня, въ 11½ ч. утра“, сообщалъ полковникъ Мольскій, „турки, повидимому, рекогносцировали мою позицію. Человѣкъ 400 черкесовъ, наступая по обѣ стороны шоссе, продвинулись на ружейный выстрѣлъ къ моимъ аванпостамъ, спѣшились и разсыпались въ стрѣлковую цѣпь“. Полковникъ Мольскій отбросилъ ихъ отъ шоссе и они отступили южными окольными дорогами на Ловчу и Павликаны.

Но, писалъ онъ отъ 9-го Августа, 2 ч. пополудни: „у моихъ казаковъ нѣтъ патроновъ; не можете-ли снабдить **)“.

Хотя у Кавказской бригады ихъ едва хватало и на собственное число рядовъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя было не выручить сосѣда, и Кавказская бригада сколько могла, столько и послала въ сосѣднюю сотню 30-го полка.

Прочитывая просьбу о присылкѣ патроновъ изъ чужаго отряда, весьма естественно предположить, что она можетъ удивить людей, не знакомыхъ съ отпускомъ патроновъ, а пожалуй и заподозрить ближайшее начальство въ нерадѣніи о своевременномъ удовлетвореніи этой потребности во ввѣренной имъ части. Но далекое разобщеніе полковъ и сотенъ между собою, существованіе одной патронной повозки на полкъ ***), удаленіе слабыхъ отрядовъ конницы отъ средоточія крупныхъ управленій и, наконецъ, разнообразіе вооруженія, такъ какъ казаки имѣли берданки, а армейская пѣхота ружья Крынка,—затрудняли своевременный подвозъ боевыхъ припасовъ. И много было такихъ причинъ, которыя ограничивали дѣятельность конницы наблюдательными и даже оборонительными дѣйствіями, вмѣсто того, чтобы дать ей возможность совершать далекія набѣги.

Поэтому-то часто и приходилось принимать лишь къ свѣдѣнію

*) Штабъ западнаго отряда арміи, отъ 7-го Августа 1877 г., № 98.

**) Получена въ Кавказской бригадѣ въ 6½ ч. вечера 9-го Августа.

***) Если я не ошибаюсь, то и эта, единственная на полкъ патронная повозка заведена на счетъ полковаго командира.

извѣстія, въ родѣ присланнаго сегодня же отъ полковника Мольскаго, который писалъ:

„Сейчасъ получилъ свѣдѣніе *) съ лѣваго моего фланга, что вчера 300 человѣкъ баши-бузуковъ напали на монастырь Успенія Пресвятой Богородицы; о результатахъ мародерства ничего не знаю. Князь Мирскій меня увѣдомилъ, что 2-я пѣхотная дивизія идетъ въ г. Сельви. Думаю, что такая масса пѣхоты назначена для чего нибудь серьезнаго. У моихъ казаковъ по два патрона на ружье. Если у васъ большой запасъ, то прошу васъ, Христа ради, пришлите, сколько можете. Моя позиція сильная и надѣюсь, что съ Божьей помощью выдержу наступленіе въ какихъ бы силахъ непріятель ни наступалъ. До сей же минуты, прибавлялъ онъ, имѣю категорическое приказаніе, чтобы, въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ, отступать на городъ Сельви.

Ясный смыслъ записки полковника Мольскаго краснорѣчиво знакомитъ съ положеніемъ, въ которомъ находилась его конница. Не получивъ еще отвѣта изъ Кавказской бригады о томъ, что мы подѣлились съ нимъ патронами, онъ, въ силу новыхъ, неблагопріятныхъ для него, свѣдѣній, повторяетъ свою просьбу; въ переводѣ же на языкъ передоваго отряда—его записка выражала: Монастырь Успенія находится въ моемъ сосѣдствѣ; башибузуковъ слѣдуетъ преслѣдовать и наказать, но ничего не могу сдѣлать: осталось по два патрона на человѣка. Если же позволительно развивать и дальнѣйшія размышленія по этому поводу, то можно придти и къ такому заключенію: „вчера башибузуки опредѣлили силу конницы въ сельвинскомъ авангардѣ и, убѣдясь въ ея слабости, а для себя въ безнаказанности, отправились, черезъ Павликаны, на монастырь Успенія, и похозяйничали въ окрестностяхъ Трояна на столько, на сколько нашли это для себя нужнымъ“.

По слухамъ, полученнымъ нами позднѣе описываемаго времени, мы узнали, что этотъ набѣгъ былъ местью за дѣло отряда генерала Скобелева 2-го подъ Доброданомъ. На этотъ разъ, какъ и въ послѣдующіе дни, башибузуки сожгли и ограбили много болгарскихъ деревень, которыя они пощадили, или не успѣли ограбить въ день занятія турками Ловчи.

10-го Августа, въ 5 часовъ пополудни, пріѣхалъ Скобелевъ 2-й и объявилъ, что Шипка два раза атакована Сулейманомъ, что оба приступа отбиты, но что Столѣтову держаться трудно и князь Святополкъ-Мирскій въ опасности. Поэтому Кавказская бригада, въ составѣ отряда изъ Казанскаго пѣхотнаго полка и одного батальона Шуйскаго полка,

*) Помѣчено: 10-го Августа, $10^1/_4$ час. утра; получено 10-го Августа, въ $6^1/_2$ ч. пополудни. Монастырь Успенія расположенъ въ окрестностяхъ Трояна.

подъ общимъ начальствомъ его, генерала Скобелева, переходитъ на сельви-ловчинское шоссе.

Выступленіе назначено на завтра, такъ какъ Казанскій полкъ подойдетъ только къ вечеру.

Одновременно съ нашимъ уходомъ, измѣнялось и расположеніе войскъ западнаго отряда арміи, которое заключалось, по словамъ записки начальника 4-го корпуса, въ томъ, что „вся линія подана назадъ; казаки стали по дугѣ отъ Радишева, на Тученицу, Боготъ, Дреново. Отъ Дренова прошу васъ войти съ ними въ связь до прихода взятой отъ меня кавалерійской бригады *).

Слѣдовательно, по смыслу этой записки можно было заключить, что бригада 4-й кавалерійской дивизіи куда-то продвинута, а казаки **) 9-го полка на нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, время останутся завѣсой всего лѣваго крыла западнаго отряда.

Итакъ, мы уходимъ на правый берегъ Осмы и передовая казачья завѣса передъ западнымъ отрядомъ арміи дѣлается еще слабѣе. Въ заключеніе послѣдняго нашего вечера подъ Дойраномъ, скажу, что съ передовыхъ постовъ были доставлены къ намъ только что бѣжавшіе изъ Ловчи болгары. Они показали, что Ловча занята 5 т. пѣхоты, при 6 орудіяхъ, что въ ней находятся большіе запасы, что лучшія вещи отправляются въ Софію и что туда же исправляются дороги.

11-го Августа.

Въ приказѣ по отряду генерала Скобелева на 11-е Августа было сказано, что онъ, по распоряженію начальника западнаго отряда, принимаетъ подъ свое начальство отрядъ изъ Казанскаго пѣхотнаго полка, перваго батальона Шуйскаго пѣхотнаго полка, 9-ти-фунтовой батареи 16-й артиллерійской бригады, 8-й донской батареи и Кавказской казачьей бригады. Начальникомъ штаба отряда назначается капитанъ Куропаткинъ. Батальонъ Шуйскаго полка на время начальствованія отрядомъ генерала Скобелева подчинялся командиру Казанскаго полка ***). Отряднымъ адъютантомъ назначенъ на то-же время Владикавказскаго полка сотникъ Верещагинъ. Касательно порядка выступленія было сказано, что главныя силы отряда выступятъ на бродъ черезъ рѣку Осму въ 7 ч. утра.

---

*) Помѣчено 10-го Августа, 7 часовъ пополудни, и доставлено съ разъѣздомъ кубанскаго полка, посланнымъ узнать о причинѣ замѣченнаго у насъ отступленія донцевъ и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ по этому поводу.

**) Не сказано сколько сотенъ.

***) Въ то время еще полковнику Тибякину, за неполученіемъ приказа, но уже произведенному въ генералъ-маіоры.

Бродъ будетъ указанъ капитаномъ генеральнаго штаба Стромиловымъ. Затѣмъ послѣдовательно было изложено, что:

А. Авангардъ отряда должны составить восемь сотенъ Кавказской бригады, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, которымъ выступить въ 6 часовъ утра.

Авангарду вмѣнялось въ обязанность:

1) Освѣтить мѣстность къ сторонѣ сельви-ловчинскаго шоссе.

2) Постепеннымъ занятіемъ соотвѣтствующихъ позицій прикрыть со стороны Ловчи фланговое движеніе главныхъ силъ.

3) Войти возможно поспѣшнѣе въ связь съ войсками сельвинскаго отряда.

4) Обрекогносцировать дороги на Деветакъ къ Лѣтницѣ и отъ Брестова къ Сопоту *).

Б. Казанскій пѣхотный полкъ, 9-ти-фунтовая батарея 16-й артиллерійской бригады и донская № 8-й батарея составятъ главныя силы, подъ начальствомъ командира Казанскаго полка. Имъ назначенъ слѣдующій порядокъ движенія:

Въ головѣ этого отряда должны были находиться первый батальонъ Казанскаго полка и двѣ батареи, имѣя конную батарею впереди пѣшей; за ними остальные два батальона того-же полка.

Вслѣдъ за главными силами долженъ былъ двинуться обозъ. Въ прикрытіе обоза назначена одна сотня Кавказской бригады и три роты шуйскаго батальона. При частяхъ, слѣдовавшихъ въ главныхъ силахъ, приказано оставить на всѣ три батальона одинъ патронный ящикъ, на каждую изъ батарей по два зарядныхъ ящика, на каждый батальонъ по одной лазаретной фурѣ.

Остальныя повозки обоза должны были слѣдовать въ слѣдующемъ порядкѣ: патронные и зарядные ящики впереди, затѣмъ войсковой обозъ и, наконецъ, провіантскія повозки. Начальникомъ обоза назначенъ командиръ шуйскаго батальона.

В. Вслѣдъ за обозомъ долженъ былъ двигаться арьергардъ изъ двухъ ротъ Шуйскаго пѣхотнаго полка и трехъ сотенъ Кавказской казачьей бригады, подъ общимъ начальствомъ маіора Сипягина. При арьергардѣ приказано слѣдовать одному врачу съ двумя лазаретными фурами.

Г. Сверхъ сего, полувзводу саперъ приказано слѣдовать въ головѣ главныхъ силъ, гдѣ обозначилъ свое мѣстопребываніе и начальникъ отряда **).

---

*) Сопотъ находится на правомъ берегу р.Руситы, на высотѣ сел. Бѣлорѣка, и на русской картѣ не показанъ.

**) Полувзводъ саперъ не былъ обозначенъ по № своего батальона и, сколько помнится, прибылъ съ Казанскимъ полкомъ, точно такъ же, какъ и команда Углицкаго полка,

Въ виду предстоящаго усиленнаго перехода, приказано раздать на завтрашній день по $1/2$ фунта мяса на человѣка.

Перейдя все еще глубокую и быструю Осму, мы вступили въ ущелье, выславъ по бокамъ охранительные отряды. Узкая горная дорога вплоть до Типавы тянулась между глубокимъ оврагомъ со стороны Ловчи и крутымъ, высокимъ утесомъ съ противоположнаго края. Вся сторона, обращенная къ Ловчѣ, была покрыта высокимъ, густымъ лѣсомъ.

По выходѣ изъ ущелья Типавы, дорога наша спустилась на открытыя, каменистыя поля, потомъ отъ Брестова на Какрино она снова вилась по крутому лѣсистому скату и такъ продолжалась вплоть до выхода на сельвинское шоссе.

По прибытіи на шоссе, Кавказская бригада выслала двѣ сотни къ сторонѣ Ловчи, сбила черкесскіе аванпосты и, очистивъ отъ нихъ шоссе вплоть до города, прикрыла выходъ на нее главныхъ силъ отряда.

Возвышенная, холмистая площадь господствовала надъ нами вплоть до праваго берега Осмы, а лѣсистыя глубокія балки спускались отсюда на южную сторону сельвинскаго шоссе. Отъ перекрестка сельвинскаго и какринскаго путей само шоссе спускалось подъ гору въ сторону Сельви, то приближаясь, то удаляясь отъ опушки сосѣдняго лѣса, и, наконецъ, освободилось отъ него вблизи рѣчки Острецъ (по Каницу—Рубшеръ по 10-тиверстной русской картѣ). Острецъ течетъ между совершенно отвѣсными, чрезвычайно глубокими берегами; правый берегъ чрезвычайно господствуетъ надъ лѣвымъ и весь онъ покрытъ роскошнымъ дубовымъ и кустарнымъ лѣсомъ. На одной изъ полянъ этого лѣса былъ расположенъ Минскій пѣхотный полкъ, получившій въ этотъ день приказаніе выступить въ Габрово. Увѣдомленіе объ этомъ выступленіи полковникъ Мольскій прислалъ намъ въ отвѣтъ на посланное ему сообщеніе о переходѣ Кавказской бригады на сельвинское шоссе *).

„Каждую минуту жду смѣны полками 2-й дивизіи, которая прибываетъ сегодня въ Сельви. Мнѣ предписано сегодня же быть въ Габровѣ, а дай Богъ, чтобы я поспѣлъ туда завтра вечеромъ. Такъ какъ вы остаетесь здѣсь охранять насъ со стороны Ловчи и Трояна, то настаивайте на томъ, чтобы Демьяново, Дебново, Троянскій монастырь, Млечново и Новосело были заняты сильными казачьими пикетами, такъ какъ по всѣмъ этимъ дорогамъ непріятель легко можетъ двигаться какъ на Сельви, такъ и на Габрово.

Шипка 9-го Августа была атакована Сулейманомъ, но отбита. 10-го Августа, въ 10 ч., атака возобновилась энергично; исходъ не извѣстенъ;

присутствіе которой обозначено въ нижеслѣдующемъ приказѣ. О назначеніи же и количествѣ ея не имѣю свѣдѣній.

*) Отъ 11-го Августа, въ 9 ч. 15 мин. Записка получена на пути къ Типавѣ.

что̀ дѣлается сегодня—Богъ знаетъ. Въ Габровѣ собирается сегодня вся 14-я дивизія и 4-я стрѣлковая бригада. Руссимъ-паша изъ Калофера идетъ на Шипку. Главная квартира требуетъ, чтобы сельвинскій отрядъ наблюдалъ изъ Сельви на Троянъ. 12-го Августа прибудетъ 2-й летучій паркъ въ Сельви. Полагаю, что у него есть патроны для берданокъ.

Полковникъ Мольскій".

Передъ сумерками пріѣхалъ къ намъ генералъ Скобелевъ, оставя при пѣхотѣ начальника своего штаба. Жаркій день и трудная дорога для артиллеріи утомила отрядъ до чрезвычайности.

Глубокія колеи на узкой дорогѣ особенно затрудняли движеніе пушекъ и обоза, и не ранѣе поздняго вечера отрядъ могъ достигнуть сельвинскаго шоссе. Поэтому, генералъ Скобелевъ рѣшилъ оставить его на ночлегъ въ Типавѣ и послалъ объ этомъ приказаніе командиру Казанскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ писалъ:

„Честь имѣю просить ваше превосходительство остаться на ночлегъ съ ввѣреннымъ вамъ полкомъ въ Типавѣ; завтра же выступить по вашему усмотрѣнію, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы люди могли отдохнуть и пообѣдать.

По выступленіи присоединиться къ Кавказской бригадѣ, расположенной на шоссейной дорогѣ близъ Какрина. Генеральнаго штаба капитану Куропаткину разрѣшается остаться при главныхъ силахъ. Сообщаю, что сегодня была небольшая перестрѣлка и черкесы были отброшены къ Ловчѣ".

Затѣмъ къ вечеру пришелъ Ревельскій пѣхотный полкъ на смѣну Минскаго полка, который ночью и выступилъ по назначенію.

12-го Августа.

Раннее утро 12-го числа отзывалось еще тягостью вчерашняго перехода. Начальникъ арьергарда доносилъ по этому поводу генералъ-маіору Скобелеву, отъ 12-го Августа, въ 5¹/₂ ч. утра, изъ Типавы, что онъ только что прибылъ въ Типаву, всю ночь помогая обозу казаками арьергардныхъ сотенъ, такъ какъ обозныя лошади положительно пристали. Пославъ соотвѣтствующія приказанія въ Типаву, генералъ Скобелевъ отдалъ приказъ по отряду, въ которомъ было сказано:

„По прибытіи остальныхъ частей отряда на выбранную мною позицію за д. Какрино, войска ввѣреннаго мнѣ отряда расположатся слѣдующимъ образомъ: Казанскій пѣхотный полкъ, батальонъ Шуйскаго полка, команда Углицкаго полка, взводъ саперъ и батарея 16-й артиллерійской бригады займутъ лѣсъ, а артиллерія станетъ влѣво отъ ловчинскаго шоссе. Кавказская казачья бригада и Донская батарея расположатся позади пѣхотной позиціи, на мѣстѣ, указанномъ мною начальнику бригады.

Обозы разберутся по частямъ.

За время моего отсутствія въ Сельви начальникомъ отряда назначается командиръ Казанскаго пѣхотнаго полка".

Далѣе, въ приказѣ были указаны къ непремѣнному исполненію мѣры для охраненія чистоты на бивакѣ и здоровья войскъ, нарушеніе которыхъ нерѣдко составляло предметъ неудовольствій между подчиненными и начальникомъ. Случалось, что отрядъ, занявъ мѣсто покинутаго другою частью войскъ бивака, находилъ на немъ требуху и разные остатки продовольственнаго скота, отъ гніенія которыхъ происходило чрезвычайное зараженіе воздуха. Поэтому, тотчасъ же начинались справедливыя жалобы на невозможность оставаться на избранномъ мѣстѣ; но не всегда можно было замѣнить его другимъ, болѣе удовлетворявшимъ боевымъ условіямъ бивака. Казалось, что самое простое средство помочь этому горю состояло въ томъ, чтобы зарыть, или сжечь всѣ эти гніющіе остатки; но именно въ этомъ-то и заключалась вся бѣда. Количество ихъ бывало столь велико, что иногда требовало работы пятидесяти человѣкъ въ теченіи цѣлаго дня, а къ тому же, не въ укоръ будь сказано русскому человѣку, онъ говаривалъ при этомъ: „другой напортилъ, а мы поправляй".

Но такъ какъ волей, иль неволей, а поправлять все-таки приходилось какъ чужую, такъ и свою неисправность, то между прочими начальниками и генералу Скобелеву неоднократно случалось приказывать, а 12-го Августа и подтвердить къ непремѣнному исполненію, чтобы „въ каждой части тотчасъ же устроить опредѣленныя мѣста для человѣческихъ потребностей и для боенъ, ежедневно зарывать ихъ свѣжею землею, а наблюденіе за выполненіемъ этого приказанія возлагалось на дежурныхъ по частямъ.

Изъ принятыхъ мѣръ для продовольствія отряда нелишнимъ будетъ замѣтить, что на сельвинскомъ шоссе мы первый разъ должны были получить печеный хлѣбъ вмѣсто сухарей. По приказанію начальника отряда, требованія были представлены въ управленіе товарищества по продовольствію войскъ; но заготовка не успѣвала удовлетворять запросу прибывающаго въ Сельви войска, и мы черезъ нѣсколько дней получили только часть потребнаго для насъ количества печенаго хлѣба. Что же касается до продовольствія лошадей, то ячмень покупался бо̀льшею частью у жителей, но иногда забирался на поляхъ подъ Ловчею, на глазахъ турецкихъ сторожевыхъ постовъ.

Касательно мѣръ военныхъ предосторожностей было предписано:

„Держать связь съ 4-мъ корпусомъ; для чего Кавказской бригадѣ и выставить постъ въ Деветакѣ, для сообщенія на Карахасанъ, Катарицу и Дреновъ; но, прибавлено было въ приказѣ, постъ этотъ содержать, пока положеніе противника то дозволяетъ, и, въ случаѣ необ-

ходимости, онъ отступаетъ на Типаву, къ отряду, или же на Крушинъ, къ Лѣтницѣ".

Въ силу этого приказанія, Кавказская бригада оставила сильный взводъ въ Деветакѣ, на сельвинское шоссе выслала сторожевую сотню, а другую выставила къ югу отъ шоссе, для связи съ полутора сотнями донцевъ, стоявшихъ у Демьянова. До дня 14-го Августа Какрино и Типава были заняты постами отъ сотни донцевъ 30-го полка; по отбытіи-же ихъ съ этого числа въ Сельви, въ оба селенія поставлены были сильные взводы отъ Кавказской бригады.

Близость города Сельви позволяла Кавказской бригадѣ исправиться ковкою и заготовкою подковъ. Поэтому, съ разрѣшенія начальника отряда, разрѣшено было ежедневно отправлять для этого часть нашихъ сотенъ въ Сельви. Эта льгота оказала намъ значительную помощь.

13—20-го Августа.

Всѣ дни, проведенные нами съ 13-го по 20-е на сельвинскомъ шоссе, могутъ быть названы выжидательнымъ временемъ между рѣшеніемъ участи Шипки и приготовленіемъ къ взятію Ловчи.

Шипка вызывала предположенія о наступленіи турокъ даже на Сельви. Опасенія эти были тѣмъ естественнѣе, что Сельви было занято сравнительно слабыми силами. Поэтому, отрядъ генерала Скобелева былъ необходимъ на сельвинскомъ шоссе, какъ единственная часть, могущая задержать наступленіе турокъ въ этомъ направленіи.

„Пока жестокій бой на перевалѣ Шипки не разрѣшится, сообщалъ начальникъ штаба сельвинскаго отряда, до тѣхъ поръ отрядъ генерала Скобелева долженъ служить заслономъ для Сельви. Изъ Сельви на Шипку уже взята бригада, было сказано въ той-же запискѣ, и Ревельскій полкъ сегодня-же будетъ притянутъ на Сельви, въ которомъ остался только одинъ полкъ" *).

Поэтому, все, что было возможно притянуть къ Сельви, было взято туда, включая сотню донцевъ 30-го полка, находившуюся въ нашемъ расположеніи **).

„По приказанію начальника сельвинскаго отряда, имѣю честь просить ваше превосходительство", писалъ Скобелеву, отъ 14-го Августа, начальникъ штаба сельвинскаго отряда, „отпустить донскихъ казаковъ

---

*) Записка начальника штаба сельвинскаго отряда для свѣдѣнія, послана 13-го Августа, 3 ч. 30 м., въ Кавказскую бригаду, за отсутствіемъ въ это время генерала Скобелева, бывшаго въ Сельви. Эти свѣдѣнія были сообщены по разнаго рода возбужденнымъ тогда вопросамъ.

**) Т. е. ту, что стояла въ Какринѣ и Типавѣ. Стоявшія по южную сторону шоссе были оставлены на своихъ мѣстахъ.

30-го полка. Положеніе на Шипкѣ до сегодняшняго утра 14-го Августа не ухудшилось. Вчерашнія атаки турокъ были отбиты, но и намъ не удалось сбить ихъ съ горъ".

Это тревожное ожиданіе вызывало особую дѣятельность отряда въ усиленіи своихъ средствъ для отраженія противника. Поэтому, по приказанію генерала Скобелева, были опредѣлены тѣ мѣста, „на которыхъ непріятель, наступая отъ Ловчи, можетъ поставить свою артиллерію и резервы пѣхоты". Выражаю это словами его приказа, въ которомъ предписывалось: „замѣченные пункты означить вѣхами. Эту работу произвести возможно тщательнѣе и объ исполненіи ее мнѣ донести".

„Командирамъ-же стрѣлковыхъ ротъ", приказано было, „измѣрить разстоянія отъ стрѣлковыхъ и резервныхъ ложементовъ до всевозможныхъ лощинъ и пунктовъ, которыхъ непріятель не минуетъ при наступленіи".

Одновременно съ этимъ, пѣхота окапывалась, для чего приказано было *) отъ каждаго батальона пѣхоты „назначить по 100 рабочихъ для производства саперныхъ работъ".

Весь лишній обозъ приказано было отправить въ Сельви, а вмѣстѣ съ нимъ разрѣшено было отослать туда и ранцы.

Во все это время Кавказская бригада работала по прежнему. Отъ нея посылались необходимыя донесенія въ главную квартиру, связи были выставлены до передовыхъ наблюдательныхъ и промежуточныхъ отрядовъ, а на усиленіе сторожевой службы выставлена была сотня въ Острецу; отдѣльными постами была упрочена связь съ Сельви; одинъ изъ разъѣздовъ былъ посланъ на Шипку, въ ожиданіи какихъ-либо безотлагательно важныхъ приказаній, и 30-ть человѣкъ охотниковъ ушли для осмотра перевала черезъ Иметли.

Принятіе усиленныхъ мѣръ предосторожности относится къ 18-му Августа, которыя и были исполнены на основаніи записки начальника штаба отряда, писавшаго 18-го Августа, въ 11 ч. 10 мин. утра:

„Полковнику Тутолмину.

По порученію начальника отряда, имѣю честь просить васъ направить сего же числа одну сотню изъ ввѣренной вамъ бригады въ д. Острицу (Встрѣчу) и расположить ее въ томъ пунктѣ, для лучшей связи съ сотнями есаула Грузинова, находящимися въ Демьяновѣ, и для лучшаго освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Ловчи и Трояна. Сотня эта подчиняется есаулу Грузинову.

Начальникъ штаба отряда,

генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ".

---

*) Приказомъ отъ 17-го Августа.

PS. „Прилагаемую записку къ Грузинову покорнѣйше прошу препроводить по назначенію“.

„Въ дополненіе къ изложенному выше, начальникъ отряда проситъ васъ:

1) Послать толковаго урядника съ двумя казаками на Шипку *), гдѣ урядникъ долженъ явиться къ генералъ-лейтенанту Радецкому и затѣмъ оставаться на Шипкѣ до полученія отъ генерала Радецкаго письменныхъ приказаній относительно нашего отряда.

2) Для связи съ 8-мъ корпусомъ пошлите двухъ человѣкъ въ д. Сербили (шоссе изъ Сельви въ Габрово), гдѣ они должны присоединиться къ посту донцевъ.

3) Внушить этимъ казакамъ, что они должны доставлять только пакеты на имя генерала Скобелева и отнюдь не возить другой корреспонденціи.

Капитанъ Куропаткинъ“.

Помянутый разъѣздъ на Иметли былъ отправленъ по распоряженію начальника отряда, выраженному въ приказаніи „начальнику Кавказской бригады“, въ которомъ было сказано:

„Предлагаю вашему высокоблагородію составить разъѣздъ изъ 40 человѣкъ казаковъ: 30-ти кавказскихъ, при офицерѣ по вашему усмотрѣнію, и 10-ти донцевъ съ сотникомъ Шаровымъ **).

„Казакамъ имѣть двойной комплектъ патроновъ, сухарей на два дня, лошадей кормить средствами по пути. Разъѣздъ этотъ долженъ быть отправленъ на совершенно облегченныхъ отъ вьюковъ лошадяхъ. Въ Демьяновѣ линейцамъ дать необходимый отдыхъ. Изъ Демьянова выступить, по возможности, раньше въ ночь съ 16-го на 17-е сего Августа и, по возможности, скрытно отправиться по направленію къ рѣкѣ Руситѣ (см. карту Артамонова), что на дорогѣ, ведущей изъ Новосела въ Дебельдялъ.

Прибывъ въ д. Паницака, начальнику разъѣзда собрать, по возможности, опредѣленныя свѣдѣнія:

1) О путяхъ, ведущихъ: а) изъ Паницаки къ Иметли, къ Зеленому Древу, Габрову и Трояну. б) Если на мѣстѣ окажется не безумно-отважнымъ (подъ этимъ выраженіемъ я понимаю такое движеніе впередъ, которое, по всѣмъ даннымъ, должно будетъ повести къ гибели отряда), то было бы крайне желательно двинуться изъ Паницаки въ горы, по направленію къ Иметлійскому перевалу. Цѣль этого движенія должна состоять въ томъ, чтобы убѣдиться какъ въ проходимости этого пути для всѣхъ трехъ родовъ оружія, такъ, въ особенности, въ настоящемъ распо-

---

*) По словесному разъясненію этого приказанія, съ разъѣздомъ былъ отправленъ маіоръ Сипягинъ.

**) Изъ сотенъ есаула Грузинова.

ложеніи непріятельскаго лѣваго фланга войскъ, дѣйствующихъ противъ Шипки.

2) Стараться собрать всѣ свѣдѣнія и примѣты, на основаніи которыхъ можно было бы заключить о намѣреніяхъ непріятеля.

Свѣдѣнія о противникѣ за 15-е Августа: послѣ ряда безуспѣшныхъ попытокъ овладѣть Шипкою, вчера послѣдовало затишье, которымъ турки пользуются, чтобы обходить большими массами нашъ правый флангъ на Зелено-Древо и Иметлійскій перевалъ.

Наши войска находятся: въ Габровѣ, на Шипкѣ и обороняютъ выходы изъ дефиле, ведущаго отъ Зеленаго Древа на Габрово.

Движеніе исполнить и свѣдѣніе доставить мнѣ возможно безотлагательно.

Содержаніе настоящаго предписанія прошу васъ сообщить есаулу Грузинову въ Демьяново. Разъѣзду выступить немедленно въ Демьяново. Всѣ расходы, произведенные на лазутчиковъ, будутъ немедленно возвращены мною.

Начальникъ отряда,
Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ".

„Позиція у Какрино, на шоссе изъ Сельви въ Ловчу, 16-го Августа 1877 года, 3 ч. пополудни".

Послать тридцать человѣкъ на Иметли въ то время значило для насъ послать ихъ въ разгаръ шипкинской борьбы и доставить, быть можетъ, случай самимъ имъ участвовать въ бою. Порученіе это было подъ силу только для людей отважныхъ. Но въ такихъ именно случаяхъ, начальникъ Кавказской бригады всегда находился въ затрудненіи, если думалъ придерживаться общей очереди, установленной для разъѣздовъ. Какъ только на очередную часть выпадало опасное порученіе, такъ сейчасъ же другая высказывала, что ей не даютъ возможности отличиться. Словомъ сказать, стремленіе на славныя дѣла глубоко гнѣздилось въ казачьей душѣ Кавказской бригады, а потому и въ перебой другъ передъ другомъ высказывались желанія идти на Иметли. Чтобы примирить этотъ великодушный споръ, пришлось прибѣгнуть къ вызову охотниковъ изъ обоихъ полковъ, такъ какъ разъѣздъ на Иметли выходилъ изъ ряда обыкновенной службы. Но на вызовъ откликнулось человѣкъ полтораста, и только брошенный между ними жребій прекратилъ всѣ споры.

Словесное приказаніе о снаряженіи этого разъѣзда было получено утромъ; предписаніе доставлено въ бригаду въ три часа пополудни; въ промежуткѣ этого времени сдѣлано сношеніе съ донцами, а въ 4 ч. пополудни Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву было донесено, что „начальникомъ разъѣзда въ 40 человѣкъ (30 кавказцевъ и 10 донцевъ), отправленнаго на Зелено-Древо и Иметли, назначенъ Дон-

скаго 30-го полка сотникъ Шаровъ. Отъ кавказскихъ полковъ назначенъ хорунжій Шапрынскій. Разъѣзды выѣхали.

Тутолминъ".

19-го Августа разъѣздъ благополучно возвратился уже къ намъ.

Всѣ свѣдѣнія о дорогахъ были собраны; расположеніе непріятеля противъ Шипки опредѣлено; разъѣздъ былъ у Зелена-Древа и взобрался на Иметлійскій перевалъ. Но тамъ казаки были обнаружены черкесскимъ разъѣздомъ и отступили, обстоятельно исполнивъ данное имъ порученіе. Работа этого молодецкаго разъѣзда въ свое время осталась незамѣченною, но смѣю думать, что она достойна вниманія какъ по выраженію отважной службы казаковъ, такъ и по значенію Иметлійскаго перевала. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ отрядъ генерала Скобелева перешелъ Балканы именно въ этомъ мѣстѣ и отсюда спустился къ Шейнову.

Сообщая въ штабъ отряда о благополучномъ возвращеніи разъѣзда, я счелъ своею обязанностью писать капитану Куропаткину:

„Не найдете-ли возможнымъ просить генерала отдать хорошее спасибо казакамъ, потому что разъѣздъ былъ недюжинный. Казаки, по словамъ Шапрынскаго, были замѣчательно хороши по соревнованію подойти ближе къ туркамъ".

Ежедневное теченіе нашей жизни шло своимъ порядкомъ. Разъѣзды и посты днемъ и ночью имѣли небольшія схватки съ башибузуками и черкесами. Густой лѣсъ въ окрестностяхъ Типавы и по южную сторону шоссе давалъ пріютъ малымъ шайкамъ башибузуковъ, которые пріутихли только съ тѣхъ поръ, какъ наши разъѣзды стали показываться по окрестностямъ. До тѣхъ поръ, зная всѣ выходы и тропинки, они пробирались по ночамъ и отхватывали болгарскій скотъ изъ сосѣднихъ деревень. Изъ стычекъ этого рода болѣе продолжительныя были 15-го и 17-го числа подъ Типавой и 19-го числа передъ с. Острецъ.

Конечно, эти расходы людей тяжело ложились на бригаду. Такъ, напримѣръ, приведу записанный у меня расходъ за 18-е Августа, который былъ составленъ по приказанію генерала Скобелева и представленъ по его требованію:

Число сотенъ.	Мѣста нахожденія сотенъ.
Одна сотня	По одному взводу въ Типавѣ, Какринѣ и Деветакѣ. Взводъ кругомъ лагеря на постахъ.
Одна сотня	На аванпостахъ.
Одна сотня	30 человѣкъ въ Иметли. 50 вернулись въ 4 часа ночи. 25 въ разъѣздѣ съ хорунжимъ Милашевичемъ, для прикрытія пѣхотной фуражировки.
Одна сотня	50 человѣкъ на осмотрѣ Ловчи съ начальникомъ отряда. 50 человѣкъ за Акинжиляромъ.

Число сотенъ.	Мѣста нахожденія сотенъ.
Одна сотня	въ Острецѣ.
Полъ сотни	Ночные разъѣзды на Демьяново только что вернулись, новые отправляются.
Болѣе полусотни.	Разъѣзды въ главную квартиру, на Шипку, дежурства, промежуточные посты.
Болѣе 6-ти сотенъ	болѣе сотни куетъ въ Сельви.

Къ этому надо прибавить и то, что положеніе русскихъ въ Болгаріи было исключительное. Мы воевали въ непріятельской землѣ, но въ то же время должны были ограждать отъ грабежей башибузуковъ ту же самую страну и прикрывать становища бездомныхъ дѣтей, женъ и стариковъ. Мы должны были спасать остатки ихъ имущества, остатки всего живаго и движимаго. Поэтому, на каждомъ шагу являлась необходимость отступать отъ правильности и строгости мѣръ военнаго времени, дѣлая уступки и поблажки потребностямъ болгарскаго населенія, чрезъ что, по всему вѣроятію, давался пріютъ турецкимъ лазутчикамъ. Я говорилъ уже, что болгаре не всегда стояли на нашей сторонѣ, да и не могли перейдти на нее безусловно. „Богъ вѣсть, чѣмъ кончится война", говорили они, „русскіе уйдутъ, а турки снова начнутъ насъ рѣзать"; поэтому они и были вынуждены служить обѣимъ сторонамъ одинаково.

Но вотъ наступило 19-е число; слухи о возможномъ наступленіи турокъ увеличивались. Ожидалось какое либо ихъ движеніе на Сельви; весьма вѣроятнымъ казался и обходъ ихъ съ юга на Зелено-Древо; генералъ Скобелевъ переговаривался съ Сельви и Шипкой, а капитанъ Куропаткинъ писалъ отъ 19-го Августа, въ 8 часовъ вечера:

„Полковнику Тутолмину.

Сейчасъ доставлены лазутчикомъ свѣдѣнія, что 600 черкесовъ и 1,400 башибузуковъ намѣревались сего числа двинуться изъ Ловчи на дер. Брестово и обойти затѣмъ правый флангъ нашего расположенія. Въ это же время пѣхота будетъ наступать изъ Ловчи на Сельви. По порученію генерала, прошу васъ, въ виду этихъ слуховъ, отправить разъѣздъ на Брестово и предписать всѣмъ постамъ особую бдительность. Генералъ сейчасъ уѣхалъ въ Сельви.

Пошлите, пожалуйста, въ виду этихъ слуховъ, 15 человѣкъ шагомъ по шоссе въ Сельви, до сельвинскихъ укрѣпленій. Тамъ эти люди должны остановиться и составить конвой генералу на его обратномъ пути. Если бы слухъ о появленіи массы непріятельской кавалеріи подтвердился, генералъ проситъ васъ выслать къ нему на-встрѣчу дивизіонъ казаковъ.

Онъ же проситъ о настоящихъ слухахъ сообщить генералу Леонтьеву *) и есаулу Грузинову.

Генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ".

Что же касается распоряженій по этому поводу, то общій смыслъ ихъ былъ уже объявленъ въ вышеприведенномъ приказѣ для пѣхоты, а конница, конечно, должна была дѣйствовать по обстоятельствамъ. Но „на случай ночнаго нападенія", писалъ капитанъ Куропаткинъ отъ 19-го Августа, въ 9 час. 30 м. утра:

Приказаніе начальника отряда всегда одно: 1) не сходить до разсвѣта съ занимаемыхъ частями мѣстъ; 2) съ разсвѣтомъ соединиться всѣмъ вмѣстѣ". А затѣмъ прибавлялось:

„По порученію начальника отряда, прошу васъ объ отправленіи въ Сельви, если тылъ будетъ покоенъ, всѣхъ больныхъ вашей бригады, неспособныхъ къ движенію".

Но ожидаемое наступленіе турокъ не состоялось и Кавказская бригада завтра должна была перейти опять на лѣвый берегъ Осмы, для приступа на Ловчу. Къ вечеру этого дня подошелъ къ намъ гвардейскій Терскій эскадронъ собственнаго Его Величества конвоя, и съ завтрашняго дня боевые его дни въ Болгаріи были связаны съ Кавказскою бригадой вплоть до третьей Плевны.

20-го Августа.

Раннимъ утромъ мы получили диспозицію на 20-е Августа, помѣченную 3 ч. утра, бивакъ у Какрина, на шоссе изъ Ловчи въ Сельви. Диспозиція дѣлила отрядъ на двѣ части: на главныя силы и Кавказскую бригаду.

А. Главныя силы должны были продвинуться къ Ловчѣ и стать, не доходя до высоты Присяки. Онѣ должны были выступить въ 9 час. утра въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Авангардъ: эскадронъ собственнаго Его Величества конвоя, одинъ батальонъ Шуйскаго полка и саперы.

2) Главныя силы: два батальона Казанскаго полка и 9-ти-фунтовая батарея подъ начальствомъ командира Казанскаго полка.

3) Арьергардъ: обозъ, двѣ сотни казаковъ (Кавказской бригады), одинъ батальонъ Казанскаго полка. Начальникомъ его долженъ быть старшій въ чинѣ.

При авангардѣ и главныхъ силахъ приказано имѣть шанцевый инструментъ.

Б. Кавказская казачья бригада съ 8-ю донскою батареею, кромѣ

*) Командующій 4-ю кавалерійскою дивизіею, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, стоялъ въ Карахасанѣ.

двухъ сотенъ *), остающихся при главныхъ силахъ, выступаетъ, въ 9 ч. утра, чрезъ Типовецъ, въ Иглаву, снимаетъ сотню въ д. Встрѣчѣ (Острецѣ) и посты въ Брестовцѣ, Типавѣ и Лежанѣ **). Кавказская бригада должна была: стать близь Омаркіоя, тѣсно наблюдать за Ловчей и плевнинскимъ шоссе, и составить репли для 1-й бригады 4-й кавалерійской дивизіи отъ Карахасана.

Изъ Омаркіоя установить связь съ главными силами черезъ Присяку и съ войсками, составляющими лѣвый флангъ расположенія передъ Плевной, и съ бригадой генерала Леонтьева.

Десять сотенъ Кавказской бригады выступили въ 9 часовъ утра обратно на Иглаву и около 3-хъ часовъ пополудни мы были уже на лѣвомъ берегу Осмы.

Въ отсутствіе наше, наблюдательные посты западнаго отряда были расположены отъ Карахасана на Дреновъ; связь между нами шла на Деватакъ и Типаву, и черкесы снова заняли нашъ южный кряжъ.

Такое расположеніе наблюдательныхъ постовъ вполнѣ было естественно для конницы, прикрывающей свою пѣхоту, расположенную у Владины и Парадима. Но оно давало полную возможность черкесамъ и башибузукамъ хозяйничать отъ Ловчи до высоты Деватака и въ самомъ устьѣ иглавскаго ущелья; а потому наши посты, оставленные въ Деватакѣ и Типавѣ, имѣли съ ними нѣсколько схватокъ. Съ прибытіемъ же Кавказской бригады на лѣвый берегъ Осмы, она, имѣя приказаніе занять Омаркіой, продвинулась туда, и черкесы уступили намъ наши старыя мѣста. Такимъ образомъ, мы становились передъ завѣсою западнаго отряда, которую въ этотъ день составляли части 9-го Донскаго полка, передъ Карахасаномъ.

Вступивъ наканунѣ въ Карахасанъ, командиръ 9-го донскаго полка писалъ въ Кавказскую бригаду: „По распоряженію командующаго 4-мъ корпусомъ, я съ 4-мя сотнями ввѣреннаго мнѣ полка прибылъ вчера въ Карахасанъ; имѣю приказаніе наблюдать по Осмѣ то пространство, которое было поручено двумъ кавалерійскимъ полкамъ; а потому двѣ сотни отправляю на аванпосты и для связи съ вашей бригадой, а двѣ будутъ служить смѣной, карауломъ и прикрытіемъ полковаго имущества; однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, что̀ потребуется отъ **полка**“.

Привожу дословную записку командира 9-го полка, какъ доказательство его горькой насмѣшки надъ самимъ собою. Во-1-хъ, обстоятельства сложились для него такъ, что одинъ его полкъ замѣнялъ бригаду; въ этомъ заключалось первое неблагопріятное для него условіе.

---

*) При главныхъ силахъ были оставлены 1-я кубанская и 2-я владикавказская.

**) Постъ стоялъ между Деватакомъ и Лежаномъ, какъ того требовали мѣстныя условія.

Во-2-хъ, онъ, командиръ 9-го полка, получаетъ приказаніе, конечно, вынужденное малочисленностью войскъ и ширью нашего расположенія, занять указанный участокъ полкомъ. Но въ казачьемъ полку 6 сотенъ, а у командира его на-лицо имѣется только четыре и, разумѣется, въ силу безпрестанной гоньбы и убыли людей, весьма слабаго состава. Поэтому то онъ и пишетъ, что остается съ двумя сотнями, которыя будутъ называться полкомъ.

Возможно-ли при этомъ условіи имѣть правильную смѣну людей, для необходимаго отдыха сторожевыхъ сотенъ? При этомъ считаю нужнымъ оговориться, что сотня, выставленная гдѣ нибудь на сторожевомъ посту, т. е. на-чеку передъ непріятелемъ, вся, до послѣдняго человѣка, находится въ боевомъ напряженіи. Люди не раздѣваются и большинство коней не разсѣдлывается въ ожиданіи тревоги.

Поэтому, на основаніи опыта войны, смѣло можно утверждать, что тамъ, гдѣ по протяженію мѣстности требуется поставить сотню, — необходимо выставить туда двѣ сотни. Въ противномъ случаѣ, конница быстро уничтожается, и работа ея остается безслѣдною для дѣла.

Эта возможность сохраненія въ совершенно безрасходномъ запасѣ столько же силъ, если не вдвое больше, сколько ихъ выставлено на сторожевую службу, и должна быть названа глубиною боеваго расположенія. Всякая другая постановка охраняющей себя и тревожащей непріятеля службы лишаетъ конницу возможности работать успѣшно. Но, кромѣ этого условія, конница обязана требовать, чтобы ей было назначено протяженіе, соразмѣрное съ ея силами. Въ противномъ случаѣ, всегда будетъ выходить, что обязанность наблюденія за непріятелемъ не позволитъ ей дѣйствовать противъ того же непріятеля.

Въ такомъ взаимномъ противорѣчіи желаемаго съ возможнымъ находился и командиръ 9-го Донскаго полка. Но прибытіе Кавказской бригады къ Омаркіою выводило его изъ этого затрудненія. Занимая посты отъ Карахасана на Дойранъ, онъ оставался позади нашего расположенія, и потому, по прибытіи Кавказской бригады въ Иглаву, командиру 9-го Донскаго полка было сообщено, что *):

1) Записка его получена на пути слѣдованія Кавказской бригады на Осму.

2) Что, по особому приказанію, мы возвратились на свои прежнія мѣста Иглава-Омаркіой, а слѣдовательно и стоимъ передъ 9-мъ полкомъ.

3) Что связь съ отрядомъ генерала Скобелева, подошедшаго подъ Ловчу, будемъ держать черезъ Присяку, которую сегодня же и займетъ одна сотня.

*) Время отправленія помѣчено $3^1/_2$ часа.

Поэтому, ему предложено было и съ своей стороны довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства, а пока переслать донесеніе генералу Зотову о прибытіи Кавказской бригады.

Въ этомъ донесеніи начальнику западнаго отряда, помѣченномъ $3^3/_4$ часа пополудни, было сказано:

„Въ силу особаго приказанія, Кавказская бригада возвратилась на лѣвый берегъ Осмы. Цѣль ея прибытія заключается въ наблюденіи за Ловчей и связи, черезъ Присяку, съ генераломъ Скобелевымъ; а потому, стоимъ цѣпью передъ 9-мъ полкомъ, слѣдовательно, одинъ другому не помогаемъ, о чемъ и доношу вашему превосходительству.

Полковникъ Тутолминъ".

Въ 6 ч. пополудни изъ Кавказской бригады было отправлено донесеніе и генералу Скобелеву:

„Кавказская бригада прибыла въ Иглаву въ $3^1/_4$ ч. пополудни. Генералу Зотову донесеніе послано съ донцами. Связь учинена. Сбили съ мѣста черкесовъ, занимавшихъ нашъ кряжъ. Присяку видно. Стоимъ между Омаркіоемъ и Иглавой; мѣсто бивака неблагопріятное.

Тутолминъ".

Вскорѣ по отправленіи этихъ донесеній, отъ начальника западнаго отряда было прислано приказаніе, помѣченное:

„Штабъ западнаго отряда арміи, № 162, Августа 20-го, село Парадимъ.

Полковнику Тутолмину.

„Прошу ваше высокоблагородіе обратить особенное вниманіе ваше на дороги, ведущія въ Ловчу изъ Плевны, что западнѣе шоссе, и о всякомъ движеніи по нимъ непріятеля немедленно доносить мнѣ и генералу Скобелеву.

Начальникъ западнаго отряда, генералъ Зотовъ".

Такъ какъ эти дороги постоянно наблюдались отдѣльнымъ постомъ, выставленнымъ отъ Кавказской бригады, то для ускоренія доставки отъ него донесеній была установлена подвижная связь изъ малыхъ разъѣздовъ.

Этимъ послѣднимъ приказаніемъ закончился день 20-го Августа; но въ то время какъ мы шли по типавскому ущелью, отрядъ генерала Скобелева съ боя взялъ передовыя непріятельскія высоты, которыя въ послѣдніе дни были заняты турками.

21-го Августа.

Утромъ 21-го числа, командиръ 9-го полка извѣстилъ насъ о передвиженіи его въ Слатину. „Командиръ 4-го армейскаго корпуса,—сообщалъ онъ, — предписалъ ввѣренному мнѣ полку немедленно передвинуться въ д. Слатину и занять посты отъ праваго фланга вашей бригады

до 1-й бригады 4-й кавалерійской дивизіи, а наблюденіе за Осмой оставить на вашей бригадѣ. Вслѣдствіе такого распоряженія, выступая въ село Слатину, увѣдомляю о семъ ваше высокоблагородіе. 21-го Августа.

Полковникъ Нагибинъ".

Хотя расположеніе донцевъ у Слатины и ставило ихъ въ отвѣтственность слѣдить за прибытіемъ турокъ съ запада, но, тѣмъ не менѣе, для собственнаго нашего успокоенія, мы не сняли съ себя этой обязанности. Поэтому, въ $10^1/_2$ час. утра, начальнику сторожевой кубанской сотни, сотнику Шишкову, было подтверждено „особенно слѣдить за прибытіемъ подкрѣпленій въ Ловчу изъ-за плевно-ловчинской дороги. Для сего, — было ему сказано, — держите разъѣзды и войдите въ связь съ донцами, которые должны быть правѣе васъ. Предложите и имъ дѣлать то же, на основаніи приказанія начальника западнаго отряда. Какъ только увидите подъ Присякой нашихъ, тотчасъ сообщите".

Особая наша забота о Присякѣ основана была на томъ, что она должна была служить звеномъ между главными силами и нашимъ отрядомъ. Къ тому же, съ ранняго утра раздалось въ томъ направленіи нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которые свидѣтельствовали, что Скобелевъ снова показался подъ Ловчей. Слѣдовательно, и съ нашей стороны могла явиться необходимость какого либо отвлеченія оттуда турокъ. Разъѣзды и сильный постъ между Омаркіоемъ и Присякой оживляли наше сообщеніе съ нею, хотя до 6-ти час. пополудни никакихъ особыхъ приказаній намъ прислано не было.

Въ 6-ть же часовъ пополудни мы получили записку, помѣченную:

„Отрядъ генерала Скобелева (№ 29), 21-го Августа, 5 ч. 10 мин. вечера.

Командиру Кавказской казачьей бригады,
полковнику Тутолмину.

„Сего числа сосредоточиваются подъ Ловчей всѣ войска, назначенныя для ея взятія, именно: 2-я пѣхотная дивизія, бригада 3-й пѣхотной дивизіи, 3-я стрѣлковая бригада, двѣ сотни вашей бригады, эскадронъ конвоя Его Величества, 4 батальона отряда генерала Скобелева и 92 орудія.

„Пока на взятыхъ нами вчерашняго числа позиціяхъ стоитъ Казанскій полкъ и 16 орудій. Потеря—15 человѣкъ. Сегодня въ ночь большая часть батарей будетъ поставлена на позиціяхъ. Съ разсвѣта начнется артиллерійская подготовка и утромъ атака центра позиціи Рыжей горы.

„Эту атаку поручено вести генералу Скобелеву. Копія съ общей диспозиціи будетъ вамъ переслана. Сущность части диспозиціи, относящейся до вашей бригады, состоитъ: Завтра, вмѣстѣ съ началомъ кано-

нады, бригада должна перейти на плевно-ловчинскую дорогу, наблюдать къ сторонѣ Плевны, поддерживать связь съ генераломъ Зотовымъ и разъѣздами наблюдать пути на Микре и Троянъ. Я читалъ черновую и за измѣненія не отвѣчаю. Генералъ приказалъ мнѣ, при составленіи диспозиціи собственно по ввѣреннымъ ему войскамъ (Казанскій полкъ, 1 батальонъ Шуйскаго полка, бригада 2-й дивизіи Разгильдѣева, дадутъ еще два батальона 1-й дивизіи, 3 сотни и около 60 орудій, а батальоновъ 12), послать двѣ сотни на дорогу изъ Ловчи въ Троянъ; онъ желаетъ, чтобы вы постарались войти въ связь разъѣздами съ этими сотнями".

„Капитанъ Куропаткинъ".

Вслѣдъ за этими свѣдѣніями была получена записка начальника штаба отряда, князя Имеретинскаго, подъ общимъ начальствомъ котораго находились войска, назначенныя для овладѣнія Ловчей.

Въ запискѣ этой, помѣченной 21-мъ Августа, на имя Тутолмина, было сказано:

„Между вами и главными силами будетъ дѣйствовать отрядъ, или, лучше сказать, правый флангъ главныхъ силъ—3-я стрѣлковая бригада генералъ-маіора Добровольскаго. Поэтому, чтобы положеніе дѣлъ у васъ всюду было извѣстно, всѣ ваши донесенія въ главныя силы направляйте черезъ генерала Добровольскаго. По прочтеніи вашихъ донесеній генераломъ Добровольскимъ, посланный вами казакъ долженъ ѣхать съ ними къ намъ, на шоссе.

Паренсовъ".

„Дайте Добровольскому на образецъ нѣсколько человѣкъ вашихъ казаковъ, а то не признаютъ за своихъ.

Паренсовъ".

VI.

Взятіе Ловчи.

22-го Августа.

Въ ночь съ 21-го на 22-е Августа намъ была прислана диспозиція князя Имеретинскаго, въ которой значилось:

„Завтра, 22-го Августа, ввѣренному мнѣ отряду предписываю наступать и атаковать Ловчу".

Войска князя Имеретинскаго были раздѣлены на:

1) правую колону,

2) лѣвую колону,

3) общій резервъ,

4) двѣ сотни Донскаго 30-го полка.

5) Кавказская бригада съ 8-ю донскою батареею.

1) Правой колоннѣ (3-я стрѣлковая бригада, гвардейская полурота почетнаго Его Величества конвоя, дальнострѣльная полубатарея *), 5-я и 6-я батареи 2-й артиллерійской бригады, всего 4 батальона, одна полурота, 20 орудій, подъ начальствомъ командира 3-й стрѣлковой бригады, генералъ-маіора Добровольскаго) наступать на высоты лѣвѣе деревни Присяки, противъ лѣваго фланга непріятеля.

2) Лѣвой колонѣ (Казанскій пѣхотный полкъ, 1-й батальонъ Шуйскаго полка, 1-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи, эскадронъ собственнаго Его Величества конвоя, 1-я сотня Кубанскаго казачьяго полка и 2-я сотня Владикавказскаго казачьяго полка, всѣ 9-ти-фунтовыя батареи отряда и 4-я батарея 2-й артиллерійской бригады, всего 10 батальоновъ, 1 эскадронъ, 2 сотни и 56 орудій, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева) наступать на высоты по обѣ стороны ловчинскаго шоссе.

3) Общему резерву (2-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи и 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи, 5-я и 6-я батареи 3-й артиллерійской бригады, всего 11 батальоновъ **) и 16 орудій, подъ общимъ начальствомъ командира 2-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Энгмана), расположиться на ловчинскомъ шоссе.

4) Двумъ сотнямъ Донскаго 30-го полка, подъ начальствомъ есаула Антонова, двинуться съ мѣста настоящаго расположенія къ дорогѣ, ведущей изъ Ловчи въ Троянъ; наблюдать эту дорогу и непремѣнно посылать разъѣзды къ западу отъ сказанной дороги, по направленію на Микре.

5) Кавказской казачьей бригадѣ (10 сотенъ и 6 орудій), подъ начальствомъ полковника Тутолмина, одновременно съ открытіемъ артиллерійскаго огня на правой позиціи, наступать по плевно-ловчинской дорогѣ, съ цѣлью пресѣчь на ней движеніе непріятеля и наблюдать ее самымъ тщательнымъ образомъ; сохранять постоянно связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Зотова и, имѣя въ виду вѣроятный путь отступленія непріятеля на Микре, посылать разъѣзды и на эту дорогу, стараясь войти въ связь съ сотнями, высланными съ тою же цѣлью отъ лѣваго фланга.

6) Открытіе огня въ 5 часовъ утра. Къ этому часу всѣмъ войскамъ быть на своихъ мѣстахъ, по указанію генералъ-маіора Добровольскаго,

---

*) Если не ошибаюсь, составленная изъ отбитыхъ у турокъ пушекъ подъ Никополемъ.

**) 1 батальонъ оставленъ въ Сельви.

*

Свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева и генералъ-маіора Энгмана.

7) По занятіи передовыхъ высотъ, войскамъ, по возможности, на нихъ окопаться и ввезти артиллерію для обстрѣливанія послѣдующихъ высотъ непріятеля.

8) Наблюденіе за правымъ флангомъ всего боеваго порядка возлагается на Кавказскую бригаду; за лѣвымъ—на кавалерію свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева.

9) Передовой перевязочный пунктъ назначается на шоссе за общимъ резервомъ. Главный перевязочный пунктъ на шоссе у мѣста расположенія парка.

10) Обозамъ всѣхъ частей, кромѣ лазаретныхъ фургоновъ, патронныхъ и зарядныхъ ящиковъ, стоять возлѣ парковъ, гдѣ расположиться вагенбургомъ.

11) Въ прикрытіе парковъ и обозовъ оставить находящіяся двѣ роты Великолуцкаго полка подъ командой маіора Молчанскаго, которому принять начальство на все время боя и надъ обозомъ.

12) Я буду на ловчинскомъ шоссе, при батареяхъ 1-й линіи.

Примѣчаніе. Форма одежды: мундиры, черныя шаровары и шапки безъ чехловъ, безъ ранцевъ; шинели имѣть скатанными черезъ плечо.

Подлинный подписалъ:

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ
князь Имеретинскій.
Начальникъ штаба
полковникъ Паренсовъ".

Итакъ, на 22-е Августа Кавказской бригадѣ предписано, одновременно съ открытіемъ огня въ главныхъ силахъ:

а) Наступать по плевно-ловчинской дорогѣ, съ цѣлью пресѣчь на ней движеніе непріятеля.

б) Наблюдать ее самымъ тщательнымъ образомъ.

в) Сохранять постоянную связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Зотова.

г) Наблюдать дорогу на Микре, посылая въ эту сторону разъѣзды и стараясь войти въ связь съ разъѣздами, высланными туда же съ лѣваго фланга."

д) Сверхъ того, наблюдать за правымъ флангомъ всего боеваго порядка.

Слѣдовательно, главныя силы Кавказской бригады должны были находиться на плевно-ловчинскомъ шоссе, такъ какъ ей приказано наступать по немъ на непріятеля. Поэтому, въ назначенное время она стала по обѣ стороны шоссе на высотѣ Павликанъ. Владикавказскій полкъ и 4 орудія были выдвинуты въ первую линію; Кубанскій и 2

остальныхъ орудія оставлены во 2-й линіи. Въ сторону Микре и на связь съ войсками генерала Зотова посланы сильные разъѣзды. Промежуточные посты выставлены на Присяку, для связи съ отрядомъ генерала Добровольскаго.

Въ первое время открытія огня мы не могли видѣть нашихъ главныхъ силъ; только дымъ и гулъ орудійныхъ выстрѣловъ служилъ намъ указаніемъ ихъ мѣста боя; но, по мѣрѣ наступленія, онѣ должны были обнаружиться на горахъ праваго берега Осмы, и затѣмъ, для овладѣнія въ долинѣ окопами турокъ, имъ приходилось спуститься съ горъ и два раза перейти рѣку въ бродъ. Тутъ отрядъ Добровольскаго разворачивался въ долинѣ Ловчи и встрѣчалъ передъ собою нѣсколько рядовъ турецкихъ окоповъ. Всѣ они опоясывали городъ Ловчу и смыкались съ громаднымъ курганомъ, увѣнчаннымъ редутомъ *).

Слѣдовательно, спустившись въ долину Ловчи, отрядъ генерала Добровольскаго, при неудачѣ приступа, могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи. Съ одной стороны надъ нимъ висѣли отвѣсныя кручи праваго берега Осмы, а съ другой—его правое крыло было совершенно открыто обхвату турецкою конницею и даже пѣхотою. И все это могло случиться именно въ то время, когда отрядъ Добровольскаго, неминуемо потерявъ свою сплоченность при спускѣ съ горъ и при переправѣ, находился бы въ весьма невыгодномъ для себя строѣ. Ясно было, что на этотъ случай Кавказская бригада должна была находиться въ долинѣ Ловчи. Здѣсь она могла пресѣчь движеніе по ней непріятеля. Отсюда она имѣла полную возможность оградить правое крыло своей пѣхоты и, наконецъ, уловивъ колебаніе защитниковъ Ловчи, ударить имъ на путь отступленія къ Микре. Но такъ какъ у насъ, вообще говоря, любили видѣть конницу въ тылу непріятеля, на какое бы протяженіе отъ своихъ силъ этотъ тылъ ни простирался, и не всегда соразмѣряли пространство съ силою коннаго отряда, назначеннаго для дѣйствія въ тылу непріятеля, то намъ слѣдовало выяснить свое положеніе. Руководствуясь тою мыслью, что конница всегда успѣетъ доканать противника, былъ бы только онъ разбитъ нашими войсками, и зная, что вся горная площадь къ югозападу отъ шоссе неблагопріятна для дѣйствія конницы, что она потребуетъ много времени для выхода на дорогу Ловча-Микре,—Кавказская бригада не могла не дорожить выгодною для ея дѣйствій долиною Ловчи.—Но полученное нами приказаніе: тщательно наблюдать дороги изъ Плевну и Микре, въ случаѣ какой либо неудачи, могло быть объяснено указаніемъ—послать туда значительную

*) Для Кавказской бригады этотъ курганъ былъ передовой турецкой обороной, но для отряда князя Имеретинскаго онъ былъ тыльнымъ, и я останавливаюсь на этомъ различіи, потому что съ этимъ именемъ придется встрѣтиться при дальнѣйшемъ описаніи боя.

часть бригады; обязанность же охранять правое крыло боеваго порядка, видимо необезпеченнаго, какъ бы говорила, что и здѣсь мы не должны быть слабѣе, чѣмъ за шоссейнымъ переваломъ. Поэтому, рѣшившись пока остаться на избранной нами мѣстности, Кавказская бригада оградилась слѣдующими мѣрами предосторожности: командиру 9-го полка, стоявшему съ 4-мя сотнями у Слатины, было сообщено о мѣстѣ нашего нахожденія, и въ $6^1/_2$ ч. утра къ нему отправлена записка: „Не найдете ли нужнымъ, или возможнымъ, на время штурма поставить промежуточный постъ между вами и нами. Если поставите, то сообщите гдѣ.

„Тутолминъ".

Въ 7 ч. утра отправлено въ главныя силы, черезъ генераловъ Добровольскаго и Скобелева, приславшаго узнать, гдѣ стоитъ Кавказская бригада, донесеніе, въ которомъ было сказано:

„Стою на плевно-ловчинской дорогѣ передъ Павликанами.—Прошу положительно опредѣлить: уйти ли мнѣ изъ долины Ловчи на горы?"

Быть можетъ такой вопросъ со стороны начальника бригады покажется пустымъ разговоромъ; но опытъ двухъ сраженій подъ Плевной пріучилъ къ необходимости имѣть точныя приказанія; площадь дѣйствія подъ Ловчей была широка и разнообразна, и каждое ея видоизмѣненіе обусловливало различный способъ дѣйствій. Можетъ быть, отъ Кавказской бригады ожидали только предупрежденія о приближеніи непріятеля и угрозы на путь отступленія турокъ; можетъ быть, ей слѣдовало настойчиво помогать генералу Добровольскому и отвлекать отъ него огонь турецкихъ орудій. Поэтому, въ томъ же донесеніи было испрошено приказаніе: ограничиваться ли связью съ генераломъ Добровольскимъ и выжидать возможности преслѣдовать турокъ, находясь между Ловчею и Микре, или же огнемъ своихъ орудій отвлекать часть силъ ихъ на себя. Послѣднее болѣе согласовалось съ вѣроятнымъ ходомъ боя, и можно было разсчитывать на отвѣтъ въ послѣднемъ смыслѣ.

Поэтому, какъ только турецкій огонь былъ открытъ въ сторону Сельви съ главнаго турецкаго кургана, который мы могли обстрѣливать, то 4 орудія 8-й донской батареи притянули на себя всѣ его выстрѣлы. Бѣлый дымъ изъ отряда генерала Добровольскаго какъ будто подавался впередъ; намъ слышна была его ружейная перестрѣлка, хотя люди его отряда еще не были видны. Но вотъ черезъ нѣсколько времени поднялось бѣлое кольцо изъ ближайшей къ городу, но все еще нагорной, батареи турокъ и сидѣвшая за нею пѣхота бросилась на-встрѣчу русскаго наступленія. Частая, безконечно-долгая, какъ казалось, дробь ружейныхъ выстрѣловъ раздалась въ томъ направленіи и облако пороховаго дыма остановилось въ кустахъ и лощинахъ нагорнаго берега Осмы. Неумолкаемый, трескучій звукъ ружейныхъ выстрѣловъ давалъ понять, что

тамъ идетъ жестокая борьба. Съ нашей стороны 8-я донская батарея участила свой огонь по турецкимъ батареямъ и турки усердно ей отвѣчали. Для уменьшенія потерь въ людяхъ, Владикавказскій полкъ, стоявшій уступами въ сотенныхъ колоннахъ, широко разомкнулъ свои сотни и ряды. Турки били по нашимъ орудіямъ, но мало задѣвали казаковъ осколками своихъ снарядовъ.

Въ то время, когда мы начали свои дѣйствія на плевно-ловчинскомъ шоссе, отъ начальника западнаго отряда пришло приказаніе *), въ которомъ было сказано:

„Полковнику Тутолмину.

Продвиньтесь немедленно съ бригадою къ Новоселу и Сотеву, для наблюденія горныхъ дорогъ изъ Плевны въ Ловчу и содѣйствія атакѣ Ловчи.

Генералъ Зотовъ".

Это послѣднее приказаніе было какъ бы отвѣтомъ на опасенія начальника Кавказской бригады. Оно положительно предписывало перейти шоссейный перевалъ и давало основаніе предполагать, что генералу Зотову не была еще извѣстна полученная нами диспозиція. Поэтому, начальнику западнаго отряда послано было донесеніе, въ которомъ сообщалось, что Кавказская бригада съ утра уже наблюдаетъ за дорогами отъ Сотева и Новосела, пославъ туда разъѣзды; что, по диспозиціи для штурма Ловчи, ей приказано наступать по плевно-ловчинскому шоссе, и что, до полученія еще записки начальника западнаго отряда арміи, послано уже въ главныя силы князя Имеретинскаго за разъясненіемъ: въ какомъ направленіи преимущественно должно выразиться содѣйствіе Кавказской бригады.

Вскорѣ по отправленіи этого донесенія, получена записка отъ начальника отряднаго штаба, въ которой онъ сообщалъ **):

„Велѣно передать, что стоите на плевнинскомъ шоссе хорошо. Всѣми мѣрами демонстрируйте на Микре; связь съ Добровольскимъ держите разъѣздами, охранняя, или, лучше, не обнажая нашъ правый флангъ. Непремѣнно стрѣляйте; намъ необходимо отвлеченіе, ибо въ 11 или въ 12 часовъ идемъ въ атаку лѣвымъ флангомъ Скобелева. Развязка у насъ много зависитъ отъ вашей энергіи.

Паренсовъ".

Смыслъ этой записки развязывалъ намъ руки, такъ какъ мы могли обстрѣливать турокъ только съ занятой нами позиціи. Къ тому же раз-

---

*) Помѣчено 22-го Августа, 7 ч. 40 м. утра. Получено въ Кавказской бригадѣ въ $9^1/_2$ ч. утра.

**) Получено 22-го Августа, 10 ч. 11 мин., батареею правѣе ловчинскаго шоссе; получено въ Кавказской бригадѣ въ 11 ч. дня.

горавшаяся битва сама давала намъ указаніе, послѣдовать которому Кавказская бригада обязана была во имя боеваго долга: въ долинѣ Ловчи наступало время выручки. Отрядъ Добровольскаго показался на откосахъ; на одной изъ обстрѣливавшихъ его батарей вспыхнулъ пожаръ и намъ казалось, что тамъ горятъ шалаши, или бараки. Низовыя батареи турокъ направили огонь по нашимъ войскамъ, что̀ показались надъ правымъ берегомъ Осмы, и видимо готовы были забыть о Кавказской бригадѣ. Но наша 8-я донская батарея напомнила имъ о себѣ. Она вынеслась впередъ и стала на шоссе въ томъ мѣстѣ, гдѣ на русской картѣ оно описываетъ дугу. Два орудія направили огонь по большому кургану, остальныя били по турецкимъ окопамъ, что́ примыкали къ лѣвому берегу Осмы. Кавказская бригада очутилась подъ ихъ ружейнымъ огнемъ; орудія ихъ большаго кургана направили свои жерла на 8-ю батарею. Въ этотъ часъ наша пѣхота начала спускаться къ Осмѣ.

Кавказская бригада стояла на уступѣ, относительно ея праваго крыла. Осетины и 1-я сотня стояли правѣе батареи; 3-я и 4-я были лѣвѣе ея. Эти послѣднія залегли въ кустахъ за болотистымъ ручьемъ, а передъ первыми возвышался холмъ, надъ которымъ спускался лѣсъ по обрывамъ высокаго кряжа. Молчаливый до сихъ поръ, онъ оживился перестрѣлкой, какъ только мы продвинулись впередъ и 1-я сотня Владикавказскаго полка выслала стрѣлковъ на гребень прилегавшаго холма, и черезъ часъ турки очистили его, но вывели нѣсколько человѣкъ изъ нашего строя.

Владикавказцы подались впередъ. Разсыпавшаяся пѣхота спустились къ Осмѣ и одна изъ ея батарей показалась на выдающемся утесѣ сѣвернѣе Ловчи. Большой турецкій курганъ пустилъ по ней гранаты, но взводъ 8-й батареи притягивалъ на себя его огонь, и скоро подбилъ одно изъ турецкихъ орудій. Вслѣдъ затѣмъ на курганѣ раздался взрывъ и пламя отъ взрыва упорно держалось въ редутѣ.

Намъ казалось, что это было дѣломъ 8-й батареи; но послѣ мы слышали, что за Осмой тоже имѣлось основаніе предполагать удачный выстрѣлъ одного изъ тамошнихъ орудій. Какъ бы то ни было, а взрывъ и подбитое орудіе обнаружились вслѣдъ за выслѣженными отъ насъ выстрѣлами изъ 8-й батареи. Общій разгаръ битвы переходилъ въ долину Ловчи; пѣхота скоплялась надъ Осмой; ближайшіе къ ней окопы густо одѣлись ружейнымъ дымомъ, и Кавказская бригада должна была сторожить по двумъ направленіямъ: съ одной стороны, турки могли не допустить пѣхоту переправиться черезъ рѣку, а съ другой—передъ нашимъ правымъ крыломъ лежалъ путь отступленія на Микре. Въ этомъ направленіи была намѣчена Кавказская атака, и полковнику Левису поручено особенно слѣдить за тыломъ кургана и уловить мгновеніе, чтобы ринуться на турокъ.

Чувствовалось, что Ловча будетъ наша; дымъ нашихъ батарей съуживался надъ городомъ; значительная доля нашей пѣхоты переправилась черезъ Осму и залегла передъ окопами турокъ. Разъѣзды изъ-за шоссе не сообщали никакой угрозы, а скоро и совсѣмъ отлегло на душѣ за дороги изъ Плевны.

Распоряженіемъ начальства западнаго отряда арміи, за нами поставленъ былъ значительный отрядъ изъ трехъ родовъ оружія, и мы получили записку, помѣченную:

„22-го Августа, 12 ч. 40 м. пополудни.

Полковнику Тутолмину.

„Я стою съ отрядомъ (1 полкъ кавалеріи, 3 батальона пѣхоты и 2 батареи) у караулки около взорваннаго моста. О положеніи непріятеля ничего не знаю. Отрядъ усталъ; поэтому далъ часовой отдыхъ. Ожидаю извѣстія.

Полковникъ Лауницъ".

Эта записка была отъ начальника штаба 4-го корпуса. Караулка была всего въ 10—12-ти верстахъ за нами; мы могли считать себя обезпеченными; а мостъ былъ взорванъ сотнями 9-го полка, въ самомъ началѣ ихъ пребыванія въ Слатинѣ. Полковнику Лауницу было послано увѣдомленіе о положеніи у насъ дѣлъ, видимо склонявшихся въ нашу пользу.

Въ $2^1/_2$ ч. пополудни получена была новая записка отъ начальника штаба нашего отряда, въ которой говорилось:

„Вступаемъ въ городъ, но тыльный редутъ еще не взятъ; атакуемъ. Дѣлайте свое дѣло по усмотрѣнію и войдите въ Ловчу, наблюдая за Плевной и Микре.

Паренсовъ"

„22-го Августа, 1 ч. 40 м., подъ Ловчей".

Въ это время Кавказская бригада была уже на коняхъ; наша батарея била по большому кургану, на которомъ съ противоположной отъ насъ стороны происходило какое-то движеніе и изъ-за кургана мелькнуло нѣсколько всадниковъ на сѣрыхъ лошадяхъ. Пѣхота нашего праваго крыла брала окопъ за окопомъ; въ раструбѣ горъ, гдѣ стояла Ловча, послышалась сплошная ружейная пальба, а Левисъ, какъ орелъ, выслѣживалъ свою добычу. Отдѣлившись отъ полка, онъ и человѣкъ пять его оруженосцевъ не сводили глазъ съ высокаго кургана. Онъ долженъ былъ уловить то мгновеніе, когда погнуться турки, и броситься съ полкомъ на перерѣзъ дороги на Микре. Кубанскому полку надлежало быть во 2-й линіи и стать уступомъ за лѣвымъ флангомъ Владикавказскаго полка, если преслѣдованіе пойдетъ на Микре. Это назначеніе обусловливалось тѣмъ, что мы не знали, кѣмъ занято пространство между дорогой на Микре и Осмой на югѣ Ловчи: въ случаѣ же если отступленіе турокъ

дѣйствительно пойдетъ на Микре, мы должны были перемѣнить направленіе, зайдя впередъ своимъ лѣвымъ плечомъ; слѣдовательно, мы открывали себя нечаянному удару непріятеля съ нашей лѣвой стороны.

Батарея должна была прекратить огонь только тогда, когда ее заслонятъ казаки; затѣмъ, она должна была слѣдовать за Кубанскимъ полкомъ, такъ какъ при началѣ свалки она не могла бы помогать намъ огнемъ своихъ орудій; другого же удобнаго мѣста ей не представлялось.

Но вотъ передъ высокимъ курганомъ раздался барабанный бой со стороны Ловчи; оттуда вышли сплошные ряды нашей пѣхоты, а надъ ними красовалось яркое большое полотно полковаго знамени или Скобелевскаго значка—различить было трудно. Мы находились не далѣе версты отъ этого послѣдняго турецкаго кургана и ясно было видно, какъ наступавшія отъ города войска облѣпили собою восточную его покатость.

Они безъ выстрѣла поднимались на-верхъ, но на гребнѣ кургана они вступали въ грохотавшее облако пороховаго дыма.

— „Пора!" произнесъ Левисъ, и, не вынимая шашки, онъ мановеніемъ нагайки двинулъ терцевъ подъ курганъ. Непристойно было-бы такому начальнику, какимъ онъ былъ, обнажить свою шашку передъ молодецкими рядами; онъ вынулъ бы ее въ минуту смерти, чтобы не даромъ достаться въ руки турокъ, но не теперь, когда казаки порывались къ бою и могли зарваться не въ попадъ. Вынуть же шашку—значило все и предоставить на волю той же шашкѣ. Рысью тронулась бригада; укоротили поводья казаки, нагнулись черныя папахи и десять сотенныхъ значковъ по вѣтру шелестѣли въ прозрачной синевѣ долины.

Въ это время русская пѣхота врывалась въ окопанный вѣнецъ кургана и видно было, какъ турки опрокинулись и побѣжали внизъ. Въ тоже мгновеніе изъ-за сосѣдней съ курганомъ деревни, что̀ была правѣе Владикавказскаго полка, обозначилась турецкая густая пѣхотная колонна. Завидя казаковъ, она какъ будто бы остановилась; еще минута, еще саженъ двѣсти—и терцы на нее насядутъ.—„Съ Богомъ, други, шашки вонъ!" прокатилось въ рядахъ Владикавказскаго полка, и четыре его сотни вырвались изъ рукъ и полетѣли *).

Обрывистый, невидимый доселѣ, ручей преградилъ имъ гладкую дорогу и казаки на мигъ укоротили ходъ. Тутъ-то вотъ, во рву ручья, стояло нѣсколько домовъ, а Владикавказцы шли между курганомъ и этими домами. Переправа съузила длину полка и оттянула его крылья; атака выходила клиномъ. Турки встрѣтили ее ружейнымъ огнемъ. Осетины перелетѣли черезъ ручей и ударили въ полъоборота направо, на тѣхъ, кто были ближе къ нимъ; 3-я и 4-я сотни врѣзались въ полъобо-

*) 3-я и 4-я Владикавказскія, 1-я и 2-я Осетинскія.

рота налѣво; кубанцы подходили и для хорошаго начала не хватало одной сотни вправо; турки могли уйти съ тылу.

— „Гдѣ же Астаховъ? нетерпѣливо спросилъ Левисъ тѣмъ голосомъ, въ которомъ сказывалась надежда на Астахова; а въ отвѣтъ ему отозвался размашистый топотъ сѣраго аргамака, который мчалъ Астахова изъ-за Кубанскаго полка. Занимая спѣшенными казаками тотъ холмъ, который находился на правомъ крылѣ Владикавказскаго полка, 1-я сотня должна была позднѣе другихъ сѣсть на коней и пропустить Кубанскій полкъ, опередившій батарею. Какъ только дозволило ему мѣсто, Астаховъ выпустилъ свою сотню и подоспѣлъ въ то время, когда въ немъ нуждался Левисъ. „Я здѣсь, полковникъ", отвѣтилъ онъ, придержавъ коня.—„Рубите вправо, за деревню", приказалъ Левисъ.—„Слушаю полковникъ", и снова мчался аргамакъ въ догонку своей сотни *).

Она, смѣкнувъ въ чемъ дѣло, сама взяла указанное направленіе; Астаховъ опередилъ ее на переправѣ, и сотня охватила турокъ съ тылу. Замолотили шашки въ разладѣ ружейныхъ выстрѣловъ турецкой пѣхоты и она припала къ копытамъ Владикавказскаго полка; порѣдѣла пыль, взвитая атакой, порѣдѣла и турецкая пѣхота. Не менѣе двухъ таборовъ легло на этомъ мѣстѣ подъ страшной сѣчей казаковъ и тѣмъ выразился первый приступъ Кавказской бригады къ погрому турокъ 22-го Августа. Но въ этомъ славномъ его началѣ, два сотенныхъ командира были въ числѣ не многихъ раненыхъ. Есаулъ Скоритовскій былъ пулею контуженъ въ грудь, Астаховъ остался безъ руки. Въ головѣ своей сотни онъ врубился въ свалку и въ тѣсной, рукопашной схваткѣ схватилъ рукою штыкъ турецкаго пѣхотинца. Ружье дало выстрѣлъ и раздробило Астахову кисть правой руки; но у него оставалась еще лѣвая рука и у сѣдла, въ прежде отбитыхъ турецкихъ кабурахъ, висѣли пистолеты; его лѣвая рука повалила стрѣлявшаго въ него турка и Астахова вывели изъ сѣчи.

Въ то время, когда терцы бросились въ атаку, а кубанцы подошли уже къ ручью, Кавказская бригада только и могла видѣть, что, въ первое мгновеніе терскаго урагана, вправо отъ нея были турки, а передъ нею прямо на югъ разстилалось холмистое поле.

Что̀ дѣлается за этими холмами и кто скрывается за ними—долженъ былъ рѣшить Кубанскій полкъ, выстроясь уступомъ за лѣвымъ крыломъ Владикавказскаго полка. Въ это самое мгновеніе, говорю я, по направленію отъ кургана былъ поданъ сигналъ: „батарея на позицію". Первый разъ въ жизни пѣвучій звукъ этого сигнала показался непріятнымъ;

---

*) Подъ Астаховымъ былъ любимый его сѣрый аргамакъ, Джамалъ, выведенный имъ изъ Хивинскаго похода. Будучи дежурнымъ въ день Высочайшаго смотра Кавказской бригадѣ въ Зимницѣ, Астаховъ на Джамалѣ рапортовалъ Государю за нѣсколько часовъ до переправы; на томъ же Джамалѣ онъ въ послѣдній разъ приложился правою рукою полковому командиру, передъ ловчинской атакой.

ухо его слышало, а сердце и мысли не хотѣли его признать; онъ шелъ въ разрѣзъ съ нашими частными распоряженіями, а бригада была на полномъ ходу. Но труба настойчиво дребезжала все тотъ же вызовъ батареи на позицію. Пришлось остановить Кубанскій полкъ на берегу ручья и вызвать батарею. Не замѣшкали наши пушки, но Кубанскій полкъ долженъ былъ пропустить ихъ и слѣдовать уже за ними; казалось, что онъ отстанетъ на уступѣ. Но такъ казалось въ рядахъ Кавказской бригады, а на самомъ дѣлѣ, изъ-за холмовъ, какъ буря летѣла дружная помощь Владикавказскому полку. Противъ насъ, на гребнѣ пологаго холма, обозначился широкоплечій кавказскій казакъ, а за нимъ выскочилъ на холмъ и сѣрый конь трубача собственнаго Его Величества конвоя. Въ широкоплечемъ казакѣ нельзя было не признать ротмистра Кулебякина, командира Терскаго Его Величества конвоя, и ясно было, что онъ выравнивался съ своими братьями Владикавказскаго полка. Онъ подоспѣлъ въ то самое время, когда Владикавказскій полкъ разрѣдилъ турецкіе таборы; и тогда то мы поняли, что эскадронъ его находился за холмомъ. Внезапное его появленіе въ то мгновеніе, когда намъ нужно было имѣть кого нибудь именно на томъ мѣстѣ, было выше счастья. Но мы еще не знали, какимъ образомъ они появились такъ кстати, а очевидно было только то, что гвардейскій эскадронъ сталъ рядомъ съ Владикавказскимъ полкомъ, что они вмѣстѣ понеслись на турокъ и еще пуще дрогнула земля подъ ними. Батарея и Кубанскій полкъ, выжидая своей очереди, слѣдовали рысью. Скоро должна была наступить она и для нихъ, такъ какъ гонецъ за гонцемъ скакали отъ князя Имеретинскаго и отъ генерала Скобелева съ приказаніемъ: „преслѣдовать до нельзя". Но вотъ выбились изъ силъ и терскіе кони, измученные трехверстною сѣчей на полномъ ходу. Тогда-то и пригодилась намъ батарея, которая и была вызвана на позицію, а Кубанскій полкъ смѣнилъ владикавказцевъ и Терскій эскадронъ собственнаго Его Величества конвоя. Этотъ послѣдній черезъ нѣсколько времени былъ отозванъ въ Ловчу, владикавказцамъ дана передышка, кубанцы заняли мѣста ихъ обоихъ и наступила менѣе блесткая, но болѣе трудная половина работы.

Въ четырехъ верстахъ передъ нами стояли покрытыя кустами отвѣсныя горы; на холмахъ между ними и нами разстилалась высокая кукуруза. Глубокія балки и канавы прорѣзывали всю эту площадь вплоть до уступовъ горъ, и по всему этому широкому пространству свистѣли турецкія пули; отдѣльныя кучки турокъ собирались въ кукурузѣ и кустахъ, и не отдавали даромъ своей жизни. Всѣ 6 орудій 8-й батареи открыли огонь по кустамъ, кубанцы развернулись лавой и, не давая опомниться туркамъ, насѣдали на нихъ неотступно.

Жестокая рубка продолжалась въ кукурузѣ; батарея чередовала орудія при перемѣнѣ позицій и добивала всѣхъ, кто уходилъ въ горы.

Нѣсколько пѣхотинцевъ просили пощады и бросили оружіе; между ними нѣкоторые крестились, выдавая себя за христіанъ. Небольшая ихъ кучка была отправлена въ Ловчу съ казаками, и тутъ, улучивъ минуту, удалось отправить къ начальнику отряда первое письменное донесеніе. Оно помѣчено:

„5 часовъ, полковнику Паренсову.

„Прошу доложить начальнику отряда, что преслѣдованіе будетъ настойчивое. У артиллеріи скоро выйдутъ заряды; прошу свѣжихъ двѣ сотни.

Тутолминъ".

Но на-встрѣчу этому донесенію, въ 5 ч. 30 мин., было отправлено уже новое приказаніе, въ которомъ говорилось полковнику Тутолмину:

„Начальникъ отряда, свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Имеретинскій, ожидаетъ отъ васъ самаго настойчиваго преслѣдованія.

Паренсовъ".

—„Того же ожидаетъ и генералъ Скобелевъ, и приказалъ передать это на словахъ",—прибавилъ гонецъ, привезшій записку отъ полковника Паренсова.

Наступалъ уже седьмой часъ вечера, и мы вступили въ горы. 2-я сотня Кубанскаго полка пошла въ обходъ налѣво, горными тропами на Гулецъ; 3-я сотня послана на Селимъ Мохалеси; 4-я шла въ авангардѣ на Микре; 5-я и 6-я карабкались за нею по кустамъ, истребляя все, чтò попадалось подъ пулю и подъ шашку казака.

Узкая дорога на Микре обвивала обрывистыя кручи и по мѣрѣ того, какъ поднималась въ горы, она становилась труднѣе. Отступавшіе турки завалили ее повозками и зарядными ящиками, и пока казаки сворачивали эти громоздкіе завалы, сотни огибали ихъ въ одинъ конь. Все рѣже и рѣже раздавались выстрѣлы, уменьшалось и число турокъ передъ нами, а въ это время командиръ 9-го Донскаго полка увѣдомилъ, что свѣжія силы турокъ вышли изъ-подъ Плевны и направляются на Ловчу. То же самое сообщилъ и полковникъ Чернозубовъ, подошедшій въ этотъ день съ своею Донскою бригадою въ распоряженіе начальника западнаго отряда арміи. Оба они добавляли, что слѣдятъ за непріятелемъ, и что ихъ казаки имѣли стычки съ конными разъѣздами, идущими въ головѣ турокъ.

Обѣ подлинныя записки были отправлены въ 6 часовъ пополудни вмѣстѣ съ донесеніями отъ Кавказской бригады къ князю Имеретинскому и генералу Скобелеву, въ которыхъ было сказано: „все, что попалось подъ руку, — лежитъ; непріятель уходитъ, поспѣшно заваливъ трудную горную дорогу повозками и зарядными ящиками; что въ 8-й донской батареѣ лошади пристали и останавливаются, но что Ку-

банскій полкъ гонитъ и рубитъ турокъ до-нельзя". Кубанскій полкъ безостановочно шелъ въ горы. Наконецъ, всѣ видѣнные нами турки лежали позади бригады, и темная ночь спустилась на верхушки лѣса, находившагося передъ нами. Идти далѣе не было возможности.

Раскинувъ сильные посты между дорогами на Микре и Радевени, и прикрывшись ими до плевнинскаго шоссе, Кавказская бригада въ 11 часовъ ночи возвратились подъ Ловчу, на плевно-ловчинскомъ шоссе, и стала въ авангардѣ отряда князя Имеретинскаго. Здѣсь она могла получить необходимый для нея 3-хъ—4-хъ часовой отдыхъ. Ея кони были осѣдланы, не кормлены и не поены съ 3-хъ часовъ утра, а съ разсвѣтомъ ей предстоялъ вторичный бой. Исправляющій должность начальника штаба 4-го армейскаго корпуса, полковникъ фонъ-дер-Лауницъ, писалъ по этому поводу, отъ 22-го Августа, въ 11 ч. вечера, изъ Парадима":

„Полковнику Тутолмину.

„Сегодня къ вечеру вышли изъ Плевны довольно значительныя силы непріятеля. До наступленія темноты турки не прошли мимо Богота, но повернули направо и, вѣроятно, ночуютъ около деревни Ралево. Мнѣ приказано сдѣлать завтра рано рекогносцировку съ 4-мя полками кавалеріи и просить вашего содѣйствія, если таковое потребуется." Въ концѣ прибавлялъ онъ: „Правда ли, что взята Ловча? Положительныхъ свѣдѣній у насъ еще не имѣется. Куда отступили турки?".

Увѣдомленіе полковника Лауница было передано въ наши главныя силы, а ему сообщены отвѣты на его вопросы.

Что же сдѣлала въ этотъ день Кавказская бригада подъ Ловчей?— Сколько вы положили турокъ? спросили ее въ тотъ часъ, когда она возвратилась подъ Ловчу. Этого она не знала и въ тотъ вечеръ турокъ не считала. Но черезъ нѣсколько дней князь Имеретинскій доносилъ Великому Князю Главнокомандующему изъ-подъ Плевны о послѣдствіяхъ сраженія подъ Ловчей и говорилъ: „кромѣ взятія Ловчи, результаты эти слѣдующіе: взято два знамени (а не значка); одно изъ нихъ представляю, другое хранится въ Калужскомъ полку, дерущемся въ настоящее время съ противникомъ; а потому представить его не могу. По выступленіи моемъ изъ Ловчи, генераломъ Давыдовымъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ позиціи непріятеля похоронено 1200 тѣлъ. Во время нахожденія отряда въ Ловчѣ 23-го Августа, похоронено 1000 тѣлъ. Во время преслѣдованія непріятеля 22-го Августа, Кавказской бригадой и эскадрономъ собственнаго Его Величества конвоя изрублено до 4000 тѣлъ. Массу патроновъ, брошенныхъ непріятелемъ и уничтоженныхъ нами, опредѣлить трудно; но во всякомъ случаѣ количество это далеко превышаетъ милліонъ штукъ. Намъ досталось нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, полныхъ снарядами; часть ящиковъ сломана. Массу брошеннаго оружія и одно орудіе, сломанное и брошенное турками при

преслѣдованіи, пришлось оставить на мѣстѣ. По распоряженію генерала Давыдова приняты мѣры къ отысканію орудія" *).

Сколько же спаслось турокъ, уходившихъ на Микре? Добросовѣстность кавказскаго казака не позволила ему сказать, что всѣ они легли подъ его напоромъ, хотя на этотъ отвѣтъ онъ имѣлъ достаточное право. Рубилъ онъ долго и долго шелъ впередъ безъ выстрѣла только потому, что передъ нимъ не стало турокъ. Но съ раннею зарею 23-го Августа разъѣзды наши зашмыгали къ сѣверо-западу, на Видъ. Въ одномъ изъ нихъ участвовалъ, помянутый мною въ Іюлѣ мѣсяцѣ, болгаринъ Кара-Ивановъ. Превосходно знакомый съ мѣстностью и жителями, онъ утверждалъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, изъ Ловчи успѣли уйти на Микре-паша, два орудія и до 400 человѣкъ турокъ, и,—прибавлялъ онъ,—они направились черезъ Микре на Медевенъ и Плевну. Но на сколько его свѣдѣнія были вѣрны, конечно, мы судить о томъ не можемъ. Во всякомъ случаѣ, на долю Кавказской бригады и Терскаго эскадрона собственнаго Его Величества конвоя выпадаетъ видная доля въ день взятія Ловчи.

Терцы собственнаго Его Величества конвоя подъ Ловчей.

Счастливое для насъ появленіе Терскаго эскадрона связало съ нимъ боевое воспоминаніе Кавказской бригады и позволяетъ ей отвести почетное ему мѣсто для разсказа о томъ, какимъ образомъ онъ соединился съ нею. Ротмистръ Кулебякинъ охотно сообщилъ мнѣ подробности этого гвардейскаго боя, въ письмѣ отъ 6-го Декабря 1878 года, и я приведу его, какъ предисловіе къ его разсказу.

Онъ писалъ:

„Посылаю безъискуственный разсказъ нашего дѣла подъ Ловчей; въ немъ слово не разойдется съ дѣломъ. Я выпускаю много славнаго, чтобы не утруждать тѣмъ, о чемъ много разъ приходилось намъ разговаривать. Ловчинское дѣло—чисто и бѣло.

Счастливо оставаться. Богъ помоги тебѣ во всемъ

П. Кулебякинъ".

Затѣмъ онъ говоритъ, что 22-го Августа, лейбъ-гвардіи Терскій казачій эскадронъ собственнаго Его Величества конвоя, въ день приступа на Ловчу, находился на сельвинской дорогѣ и стоялъ позади батареи, прозванной Скобелевымъ „счастливою".

---

*) Оставленная по выступленіи нашемъ изъ Ловчи 1-я сотня Кубанскаго полка — отыскала орудіе и вытащила его изъ кручи вмѣстѣ съ тремя зарядными ящиками.

„Около 2-хъ часовъ прискакалъ ко мнѣ“, пишетъ Кулебякинъ, „скобелевскій туркменъ Нурбай съ приказаніемъ: „во весь опоръ подойти къ генералу“. Весь путь до Скобелева“, продолжаетъ онъ, „былъ занятъ пѣхотой и артиллеріей, и мы, направляясь стороною дороги, кустарниками и садами, нагнали генерала въ полуверстѣ отъ Ловчи и вмѣстѣ съ нимъ вступили въ городъ. Здѣсь генералъ сказалъ мнѣ, что онъ сейчасъ же познакомитъ пѣхоту съ Терскимъ эскадрономъ, дабы она, по ошибкѣ, не приняла его за турецкихъ черкесовъ, — и мы выѣхали на турецкое кладбище. Здѣсь стояла наша пѣхота *) подъ сильнѣйшимъ огнемъ турокъ. Подъѣхавъ къ ней, Скобелевъ сказалъ: „Смотрите, не стрѣляйте по этимъ казакамъ; они будутъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ“.

И потомъ, желая выѣхать за городъ, онъ направился съ нами по одной изъ улицъ Ловчи, но вскорѣ чуть было мы не возвратились обратно: улица упиралась въ стѣну, въ которой, кромѣ низенькихъ воротъ, иного выхода не было. Я приказалъ выломать ворота и доложилъ генералу, что непремѣнно пройду за городъ.

Тогда, простившись съ нами, онъ сказалъ: „прикрывайте нашъ лѣвый флангъ и дѣйствуйте по вашему усмотрѣнію, а если можно, то и пушку отберите“, а самъ возвратился къ пѣхотѣ. Ворота, а затѣмъ и калитка скоро были выломаны и мы по широкой улицѣ вышли на край города. Здѣсь, за стѣною огороженнаго дома, эскадронъ былъ спѣшенъ, а предварительно высланные разъѣзды направились на южную, ближайшую къ намъ дорогу. Занятое нами мѣсто приходилось противъ праваго фланга непріятеля, на фронтъ котораго, правѣе насъ, наступала наша пѣхота. Вызвавъ стрѣлковъ и пользуясь садами, мы скрытно подошли къ непріятельскимъ ложементамъ и съ разстоянія 400 шаговъ открыли огонь по ихъ правому флангу. Продержавшись подъ сильнымъ отвѣтнымъ огнемъ и окончивъ это дѣло въ минуту прибытія пѣхоты, эскадронъ сѣлъ на коней и двинулся на южную дорогу, по которой, какъ донесли разъѣзды, отступили турецкіе обозы. Дорога проходила по узкому гористому ущелью, неудобному для наступленія. Высланные впередъ наѣздники вскорѣ донесли, что поперегъ дороги направлено на насъ два орудія и что ущелье занято турецкой пѣхотой и конницей. Въ виду невозможности подаваться въ этомъ направленіи, я оставилъ на немъ наблюдательные посты и, выведя эскадронъ изъ ущелья, направилъ его балкою въ обходъ большаго кургана, дабы не упустить съ него непріятеля. Балка и кукуруза скрывали наше движеніе, и мы, не замѣченные турками, стали въ такомъ положеніи, что могли наблюдать за тыломъ и правой (южной) стороной кургана.

Взявъ трубача и одного изъ казаковъ, я проѣхалъ впередъ осмотрѣть

*) Одинъ изъ полковъ 3-й пѣхотной дивизіи.

трѣть мѣстность. Въ 800-хъ шагахъ отъ эскадрона пролегала углубленная дорога, занявъ которую стрѣлками, мы могли открыть огонь по турецкой батареѣ. Поэтому, коноводамъ приказано было оставаться на прежнемъ мѣстѣ, а всему эскадрону залечь на углубленной дорогѣ. Въ тотъ промежутокъ времени, что̀ эскадронъ шелъ по этой дорогѣ, къ кургану подошли патронные вьюки отъ деревни, изъ-за которой вынеслась потомъ Кавказская бригада; вмѣстѣ съ ними прискакало человѣкъ 40 всадниковъ на сѣрыхъ лошадяхъ и быстро взлетѣли на курганъ. Въ это время эскадронъ открылъ по нимъ огонь, и сѣрые кони мгновенно съѣхали съ кургана, а за ними начала спускаться и турецкая пѣхота.

Мѣстность не позволяла намъ отсюда же броситься на турокъ; поэтому, вызвавъ коноводовъ, я повернулъ эскадронъ налѣво и по углубленной дорогѣ проскакалъ въ колоннѣ по̀ три, до деревушки, что̀ стояла вблизи отъ Ловчи, по южную сторону дороги на Микре.

По всему вѣроятію, турки приняли насъ за черкесовъ, потому что не дали по насъ и выстрѣла; а между тѣмъ, эскадронъ обогнулъ деревню, построилъ фронтъ и съ 50-ти шаговъ разстоянія бросился въ шашки. Тутъ произошла страшная рѣзня и все смѣшалось. Та часть турокъ, что осталась между нами и курганомъ, видя участь переднихъ, бросилась по двумъ направленіямъ: одни кинулись за деревню, отъ которой мы ударили въ шашки, другая откинулась къ своему лѣвому крылу. Тамъ въ это время стояло нѣсколько таборовъ пѣхоты, завидѣвшихъ Кавказскую бригаду. Но, по всему вѣроятію, бѣгущая съ горы пѣхота поселила въ нихъ впечатлѣніе, что они обойдены съ праваго крыла, и потому они, въ свою очередь, повернули было на Микре. Въ это-то мгновеніе въ нихъ и врѣзался Владикавказскій полкъ, присутствія котораго правѣе насъ мы до той поры не подозрѣвали. Не было предѣла нашему восторгу отъ этой непредвидѣнной встрѣчи, и мы, соединясь съ полкомъ, погнали турокъ на Микре. Подъ вечеръ собрался разсыпавшійся въ рубкѣ эскадронъ, лишившись ранеными 8 казаковъ и 10 лошадей выбывшихъ изъ строя *).

Если бы турки не приняли насъ за своихъ черкесовъ, то изъ всего эскадрона врядъ-ли уцѣлѣла бы и пятая доля. Но неожиданный ударъ съ пятидесяти шаговъ разстоянія произвелъ на непріятельскую пѣхоту ошеломляющее впечатлѣніе. Число изрубленныхъ и похороненныхъ турокъ на пути Терскаго эскадрона и Кавказской бригады показано въ донесеніи князя Имеретинскаго въ 4000 человѣкъ".

Ко всему описанному Кулебякинымъ я позволю себѣ прибавить, что, дѣйствительно, разсказъ его на столько-же безъискуственъ, на сколько

*) Изъ числа 8-ми человѣкъ, казакъ Пономаревъ не показалъ было своей штыковой раны въ руку, считая ее ничтожною, но потомъ долго долженъ былъ носить ее на перевязи.

можетъ быть безъискуственна правда. Если онъ, какъ говоритъ, „выпускаетъ много славнаго" изъ молодецкаго дѣла своего эскадрона, то что же можетъ быть еще болѣе славнаго чѣмъ-то, что̀ передано имъ. А частные разсказы еще болѣе подтверждаютъ, что весь гвардейскій эскадронъ, отъ рядового казака до командира, рубился дружно и безстрашно. Какъ ураганъ, они сметали все, что̀ было передъ ними, угадавшими мгновенье для успѣшнаго удара. И командиръ Владикавказскаго полка со своими молодцами не отсталъ въ этомъ умѣньи отъ гвардейскаго собрата. Наскочи онъ на турокъ пятью минутами раньше, и его полкъ не врѣзался-бы, но, быть можетъ, нарѣзался на недрогнувшую пѣхоту. Опоздай онъ эти пять минутъ—бѣда-бы вышла небольшая, но полкъ его не такъ блистательно-бы доказалъ, что конница можетъ изрубить пѣхоту,—находясь въ благопріятныхъ для этого условіяхъ.

23-го Августа.

Темная ночь съ 22-го на 23-е Августа лежала надъ Ловчей и яркіе костры пѣхотныхъ полковъ еще болѣе сгущали непроглядную тьму на знакомой намъ долинѣ Осмы. Отобравъ отъ турокъ Ловчу, наша пѣхота приспособляла ее къ своей оборонѣ, въ то время, когда рубилась Кавказская бригада. Какъ тѣнь проскользнула она между пѣхотными полками и ночевала подъ заревомъ ихъ огней. Въ началѣ четвертаго часа утра 23-го Августа, изъ сторожевой сотни дано было знать, что тамъ завязалась перестрѣлка въ направленіи на Баховицы и Зелкова. Двѣ очередныя сотни поддержали передовые посты, изготовилась бригада, ускоривъ водопой, а князю Имеретинскому отправлено донесеніе о приближеніи турокъ. Бригадѣ приказано выдвинуться на шоссейный перевалъ и опредѣлить непріятельскія силы; собственный конвой Его Величества, стоявшій на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ, выдвинутъ по дорогѣ на Микре.

Быстро скрылись турецкіе разъѣзды при наступленіи Кавказской бригады, но казаки наглядно опредѣлили 5—6 таборовъ и четыре орудія въ окрестностяхъ Зелкова.

Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ князь Имеретинскій и выдвинулъ полкъ пѣхоты на поддержку Кавказской бригады. Пѣхота расположилась по пути наступленія турокъ; Кавказской бригадѣ приказано до-нельзя оставаться впереди и задерживать турокъ.

Генералъ Скобелевъ принялъ начальство надъ всѣмъ авангардомъ. Кавказской бригадѣ вскорѣ было приказано стать передовымъ уступомъ правѣе (сѣвернѣе) пѣхотнаго авангарда и открыть неумолкаемый орудійный огонь по турецкой пѣхотѣ, какъ только она подойдетъ къ шоссейному перевалу.

На сколько мы могли понять тогдашнее наше положеніе,—вся задача усталаго отряда заключалась въ томъ, чтобы озадачить турокъ полною увѣренностью русскихъ въ совершенной ихъ готовности къ бою. На самомъ дѣлѣ эта готовность не могла еще быть въ той должной степени, въ какой она выразилась черезъ нѣсколько часовъ. Здѣсь, подъ Ловчей, мнѣ въ первый разъ удалось видѣть внутренній, домашній порядокъ войскъ, послѣ блистательной побѣды. Можетъ быть я очень ошибался, но мнѣ казалось, что цѣлость его общаго строя приходитъ въ такой-же разладъ при упоеніи побѣдой, какой иной разъ настаетъ и при печали пораженія.

Но главнымъ образомъ надо было употребить не мало времени, чтобы примѣнить къ нашимъ силамъ широко-раскинутые турецкіе окопы. Сколько помнится, было предположено оставить меньшую часть отряда князя Имеретинскаго въ Ловчѣ, а всѣ остальныя его силы, тотчасъ послѣ взятія города, должны были двинуться на Плевну.

Поэтому-то мнѣ и кажется, что вся суть русскаго желанія 23-го Августа собственно подъ Ловчей заключалась прежде всего въ томъ, чтобы: во-1-хъ, упрочить за собой обладаніе Ловчей; во-2-хъ, приспособить ее къ оборонѣ малымъ отрядомъ, но выказать туркамъ чрезвычайную нашу силу; въ 3-хъ, сдѣлать это такъ, чтобы не прерывать этихъ работъ, и, въ 4-хъ, что̀ не всегда и не всѣми принимается въ соображеніе,—дать возможность утомленному отряду вздохнуть и набраться свѣжихъ силъ, и тогда уже двинуть его на новыя битвы.

Но война хотѣла другого, и въ авангардѣ князя Имеретинскаго съ утра уже шла перепалка. Вѣроятность ея была предвидѣна и въ западномъ отрядѣ арміи, начальникъ котораго писалъ:

„Полковнику Тутолмину.

„Такъ какъ Ловча взята, то прошу васъ сѣсть верхомъ на ловче-плевненское шоссе, фронтомъ на Плевну; дѣлайте усиленные поиски въ горы, по направленію на Бирасъ и Бежаново; войдите въ связь съ Донскими полками Чернозубова и драгунами, которыхъ я послалъ по направленію къ Ласкару и Пырделеву.

Генералъ лейтенантъ Зотовъ“.

На оборотѣ помѣтка:

„Отправить князю Имеретинскому и полковнику Тутолмину“.

Изъ вышесказаннаго видно, что распоряженіями князя Имеретинскаго предначертанія генералъ-лейтенанта Зотова были уже выполнены наканунѣ; связь съ Донскими полками не прекращалась и на ходу погони, а сегодня возобновилась съ ранняго утра.

Изъ числа присланныхъ въ Кавказскую бригаду и отправленныхъ ею къ донцамъ и къ князю Имеретинскому записокъ у меня сохранились только двѣ.

*

Одна изъ нихъ помѣчена:

„Командиру Кавказской бригады 23-го Августа, 8 часовъ, изъ разъѣзда *). Турецкая кавалерія и пѣхота наступаетъ на городъ Ловчу въ большихъ силахъ по шоссе изъ города Плевно.

Сотникъ Ульяновъ“.

Другая записка помѣчена:

„23-го Августа, 12 ч. 30 м. пополудни.

„Полковнику Тутолмину.

„Турки противъ насъ отступаютъ; наши разъѣзды праваго фланга слѣдуютъ за ними по-пятамъ. Вслѣдствіе приказанія корпуснаго командира, моя бригада идетъ къ Слатинѣ.

Полковникъ Чернозубовъ“.

Итакъ, въ то время, когда Кавказская бригада видѣла передъ собою передовыя части турокъ, въ то же время донцы дополняли ея свѣдѣнія сообщеніемъ, что непріятель идетъ по шоссе изъ Плевны. Сѣвернѣе насъ, по направленію къ Слатинѣ, раскатывались орудійные выстрѣлы: то Чернозубовъ посылалъ гранаты на перерѣзъ турецкому движенію, и вотъ къ $12^1/_2$ часамъ турки отступили передъ нимъ за шоссе.

У насъ же за все это время происходило другого рода явленіе. По мѣрѣ наступленія турокъ на Ловчу, сотни Кавказской бригады отходили къ нашему авангарду. Владикавказскій полкъ оставался въ конномъ строю; Кубанцы частью были спѣшены и заняли сады. Турецкая пѣхота показалась на гребнѣ высокаго шоссейнаго кряжа и заняла его между дорогою на Радевини и шоссе. Густой зеленый лѣсъ укрылъ турецкую пѣхоту на скатахъ горъ, а въ двѣ широкія прогалины его надвинулось четыре орудія. Въ силу отданнаго приказанія — встрѣтить турокъ сильнѣйшимъ огнемъ — 8-я донская батарея пустила по нимъ свои выстрѣлы. Турецкія орудія отвѣчали имъ въ свою очередь; ихъ пѣхота широко раскинулась по лѣсу и по всей его глубинѣ зачастила ружейною пальбою. Можетъ быть она предполагала, что наши стрѣлки находятся въ лѣсу и потому заблаговременно открыла свой огонь. Но кубанцы залегли за садовымъ валомъ, на вѣрномъ выстрѣлѣ отъ горнаго лѣса, и открывали свой огонь только тогда, когда турки приближались къ нашей опушкѣ. Отсюда ихъ встрѣчали хладнокровнымъ огнемъ и они снова уходили на гребень. Раза четыре повторялась эта продѣлка; каждый разъ турки добирались до своего гребня и, словно пристыженные за свое поспѣшное отступленіе, опять возвращались подъ казачьи пули. Они пробовали обойти наше лѣвое крыло; тогда 2-я и 5-я сотни сѣли на коней, обскакали ихъ отъ ближайшей прогалины слѣва, завязали перестрѣлку и турки

*) Одного изъ Донскихъ полковъ.

не дошли до подножія кряжа. Они хотѣли было пробраться лощиною противъ нашего праваго крыла и занять не большое селеніе *); но подъѣхавшій къ намъ отъ пѣхоты въ эту минуту Скобелевъ предупредилъ ихъ и лично направилъ туда по одной сотнѣ отъ Кубанскаго (1-я) и Владикавказскаго (4-я) полковъ. Казаки заняли деревню и удержали турокъ на гребнѣ. Такъ продолжалось до начала двѣнадцатаго часа пополудни, при неумолкаемомъ огнѣ турецкой артиллеріи и 8-й донской батареи.

Съ этого времени турки начали отступать на западъ, къ р. Виду. Разъѣзды двинулись за ними. Объ этомъ было сообщено генералу Скобелеву, распоряжавшемуся ввѣренной ему пѣхотой, и въ Кавказской бригадѣ получена отвѣтная записка, помѣченная:

„Полковнику Тутолмину

По приказанію начальника отряда, ввѣренная вамъ бригада, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, должна оставаться на мѣстѣ и отдыхать. Артиллеріи не стрѣлять безъ нужды. Прошу сообщить полковнику Нагибину, что отрядъ генерала Скобелева намѣренъ предпринять наступленіе; если онъ не получилъ особыхъ приказаній, пусть поддержитъ нашу атаку. О началѣ ея, или отмѣнѣ, вамъ будетъ прислано приказаніе, примѣрно, черезъ полчаса. По приказанію начальника отряда, пошлите немедленно два разъѣзда, каждый по дорогамъ изъ Ловчи на Микре и Троянъ. 23-го Августа, 12½ час. пополудни. Позиція отряда впереди города Ловчи.

Капитанъ Куропаткинъ“.

Слѣдовательно, турки одновременно отступили какъ передъ Чернозубовымъ (его записка въ 12 час. 30 минутъ), такъ и передъ нами.

Въ два часа пополудни, въ Кавказской бригадѣ получено приказаніе отойти на бивакъ къ Ловчѣ; турки отошли на Медевенъ и Плевну.

Въ 6 ч. 20 м. пополудни, распоряженіемъ князя Имеретинскаго приказано:

„Засвѣтло отправить въ Ловчу двѣ сотни казаковъ, которыя на сегодня должны поступить въ распоряженіе командира 3-й стрѣлковой бригады генерала Добровольскаго. А затѣмъ, сказано было въ запискѣ капитана Куропаткина, „завтра, если обстоятельства не перемѣнятся, выступаемъ на Плевну. Одна изъ двухъ сотенъ, отправленныхъ къ генералу Добровольскому“, поясняло дополненіе къ отдѣльному приказанію, „должна будетъ идти въ арьергардѣ всего отряда князя Имеретинскаго; другая-же остаться въ гарнизонѣ города Ловчи, впредь до смѣны ея донскою сотнею“.

---

*) Настоящаго имени котораго я до сихъ поръ не могу узнать. На русской картѣ оно не показано, и на иностранныхъ не стоитъ, согласно дѣйствительному его положенію.

Это послѣднее назначеніе выпало на долю 1-й сотни Кубанскаго полка.

Кавказская бригада съ Терскимъ эскадрономъ собственнаго Его Величества конвоя должна была выступить въ головѣ авангарда князя Имеретинскаго. Общее начальство надъ авангардомъ было ввѣрено генералу Скобелеву.

23-го Августа окончилась служба Кавказской бригады подъ Ловчей. Цѣлый мѣсяцъ она изучала ее и покинула послѣ блистательной сѣчи, доказавшей, что во-время направленная въ дѣло и не раздробленная конница не упуститъ непріятельскую пѣхоту. Чтобы ни говорили предсказатели невозможности употребить въ дѣло шашку и саблю, 22-е Августа показало имъ противное. Нельзя дробить конницу, нельзя морить ее безсмѣнной сторожевою службой, не слѣдуетъ пускать ее на свѣжую пѣхоту, готовую встрѣтить ее штыкомъ и огнемъ; но она должна и можетъ рубиться, когда своя пѣхота подготовитъ ей работу. Можетъ быть Кавказская бригада могла нарубить и полонить непріятеля еще больше; все это можетъ быть. Но послѣдствія коннаго боя подъ Ловчей достаточно говорятъ въ его пользу сами за себя.

Не послѣднее мѣсто отведетъ 22-му Августа 1877 г. и маститая боевая лѣтопись кавказскихъ казаковъ. Всѣ тѣ, кого выставили они съ береговъ Терека, собрались подъ Ловчей, отважно ринулись на турокъ и дружно поддержали ихъ кубанцы. Они развили и довершили ихъ славное начало. И эта Терская встрѣча въ молодецкомъ налетѣ произвела на нихъ отрадное впечатлѣніе. Впервые Царская Терская гвардія билась бокъ о бокъ съ полевымъ Владикавказскимъ полкомъ и оба доказали, что слово ихъ не разошлося съ дѣломъ, когда, бывало, запѣвали: „съ Богомъ Терцы! не робѣя, смѣло въ бой пойдемъ, друзья“. Слова этой новой казачьей пѣсни были написаны Кулебякинымъ въ день объявленія войны, а со времени сраженія подъ Ловчей ею начинались и ею-же кончались минуты веселаго досуга кавказскихъ казаковъ. Съ нею они выступили изъ-подъ Ловчи, ею я и кончу ловчинскую службу:

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья,
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина—врага.

* * *

Тамъ, далеко за Балканы,
Русскій много разъ шагалъ,—
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.

* * *

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры, славу добывать!
Смерть за вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.

* * *

День двѣнадцатый Апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, Отецъ Державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда.

* * *

Какъ Онъ полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите", сказалъ, „Брата",
„Будьте каждый молодцемъ."

* * *

„Если нужно будетъ въ дѣло
„Николаю васъ пустить,
„То идите въ дѣло смѣло,
„Дѣдовъ славу не срамить!"

* * *

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья,
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина—врага.

(Слова Кулебякина).

И. Тутолминъ.

(продолженіе будетъ).

ПОПРАВКИ

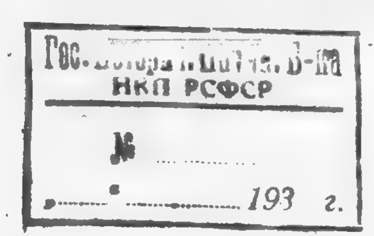
для 1-го выпуска походнаго дневника И. Тутолмина: „Кавказская казачья бригада въ Болгаріи 1877—1878 гг.“, приложеннаго къ концу II тома „Сборника военныхъ разсказовъ“, князя В. Мещерскаго.

Прусскаго военнаго агента маіора Лигница, у насъ называли Полковникомъ, разумѣя подъ этимъ словомъ штабъ-офицера. Оставаясь подъ впечатлѣніемъ походнаго названія, я упустилъ изъ виду эту неточность и сохранилъ слово полковникъ, вмѣсто маіора.

Нѣкоторыя селенія, въ зависимости отъ произношеній мѣстныхъ жителей, назывались различно, а это вліяло на разнообразіе правописанія ихъ. Такъ, напр., въ одно и тоже время приходилось слышать:

Плумбунта и Плумбуита.
Слободзея, Слободзія и Слобозя.
Булгарени и Болгарени.
Дели-Сула, Дели-Сули и Делису.
Муселео, Мысылео, Муселимъ Село и Муслемъ-су.
Пордимъ, Парадимъ и Породимъ.
Сгалевица, Сгалуица и Сгаленцы.
Тученица и Тучиница.
Дебо и Дебова.
Дойранъ, Дойранцы и Доранчи.
Иглавъ, Іоглавъ и Іоглау.
Типава и Типао.
Плевна, Плевно и Плевенъ.
Ловча и Ловецъ (замѣчательно, что казаки никогда не говорили: дѣло подъ Ловчей, а подъ Ловцемъ).

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
35	16 заглавная	23-го Мая	двадцат втораго Мая
37	1 „	29-го Апрѣля	двадцатъ третьяго Мая.
39	11 „	отъ 25-го до 31-го Мая	до двадцать девятаго Мая.
39	15 текста	предначалась	предназначалась.
42	8 „	въ ночь съ 7-го на 8-е Іюля	съ седьмаго на восьмое Іюня.
47	4 и 5 „	сорокъ два эскадрона	двѣнадцать эскадроновъ.
56	5 и 6 „	не преслѣдовали	ни преслѣдовали.
58	1 „ III гл.	на разсвѣтѣ 22-го Іюня	на разсвѣтѣ двадцать третьяго Іюня.
67	37 „	прибыванія	пребыванія.
80	38 „	20-го Іюня	тридцатаго Іюня.
86	4 въ выноскахъ	четверть фута	четверть фунта.
115	29 текста	прибывъ 30-го Іюля	тридцатаго Іюня.
148	17 „	по направленію на Плевну	по направленію на Овчую Могилу.


Гос. ... Б-ка
НКП РСФСР
№ ....
.... 193 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Золотой и дорогой 4. Стрѣлковой Бригадѣ отъ благодарнаго ей Главнокомандующаго Николая.

Типогр. и Хромолитогр. А. И. Траншеля, Стремянная, д. № 12.

Дорогой сердцу моему 4й Стрел-
ковой бригадѣ, въ знакъ памяти
и высокаго къ ней уваженія

Гурко.

Типогр. и Хромолитогр. А. И. Траншеля, Стремянная, д. № 12.

Храбрый, отличный
и [illegible]
[illegible] бригады [illegible]
[illegible]
[illegible]

Типогр. и Хромолитогр. А. И. Траншеля, Стремянная, д. № 12.

Главному Командиру
славной четвертой
стрелковой бригады.

[illegible]

1. Июня 1878.

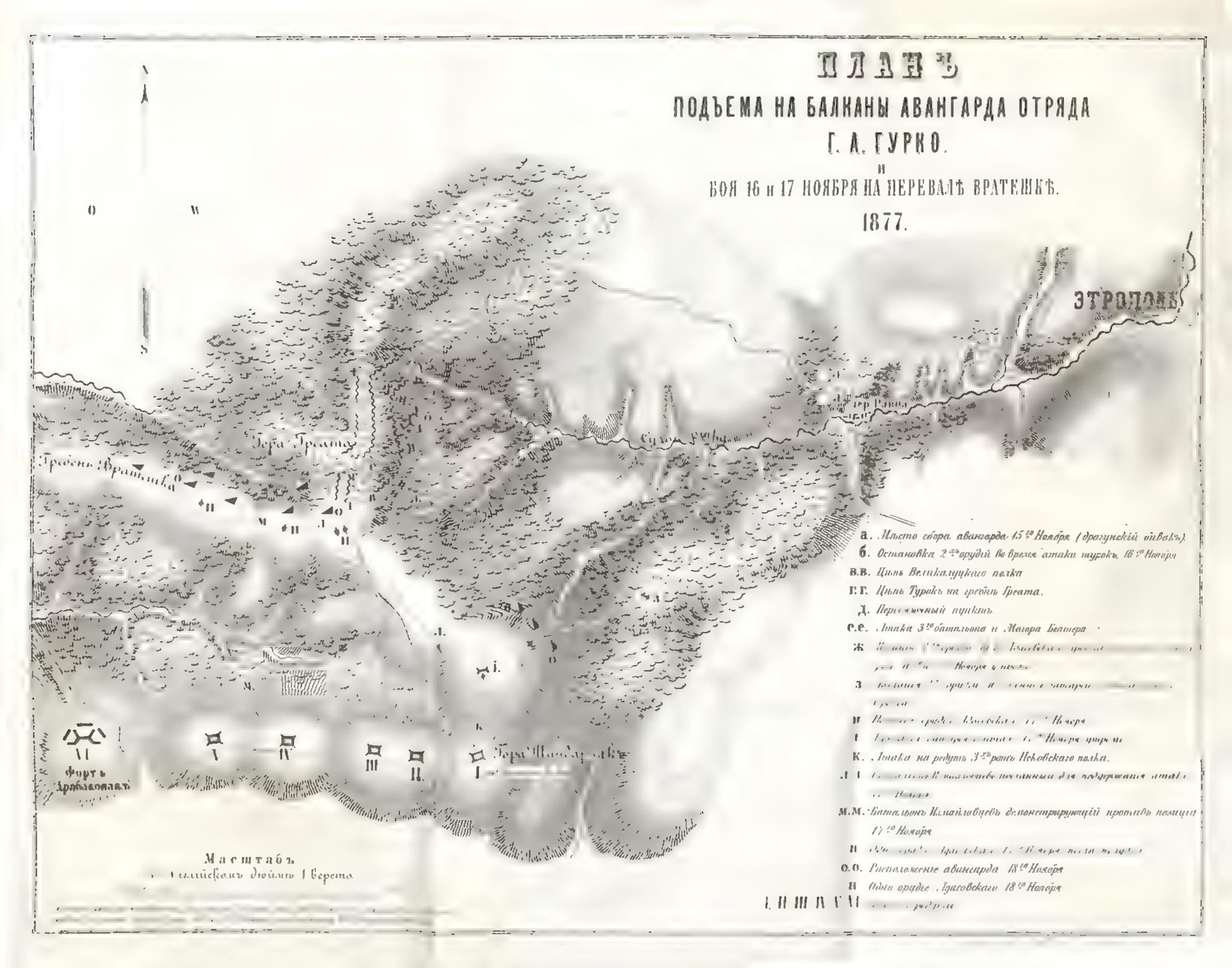
—

Типогр. и Хромолитогр. А. И. Траншеля, Стремянная, д. № 12.

Знаменитой Кавказской бригады, славному Командиру. —

М. Скобелев

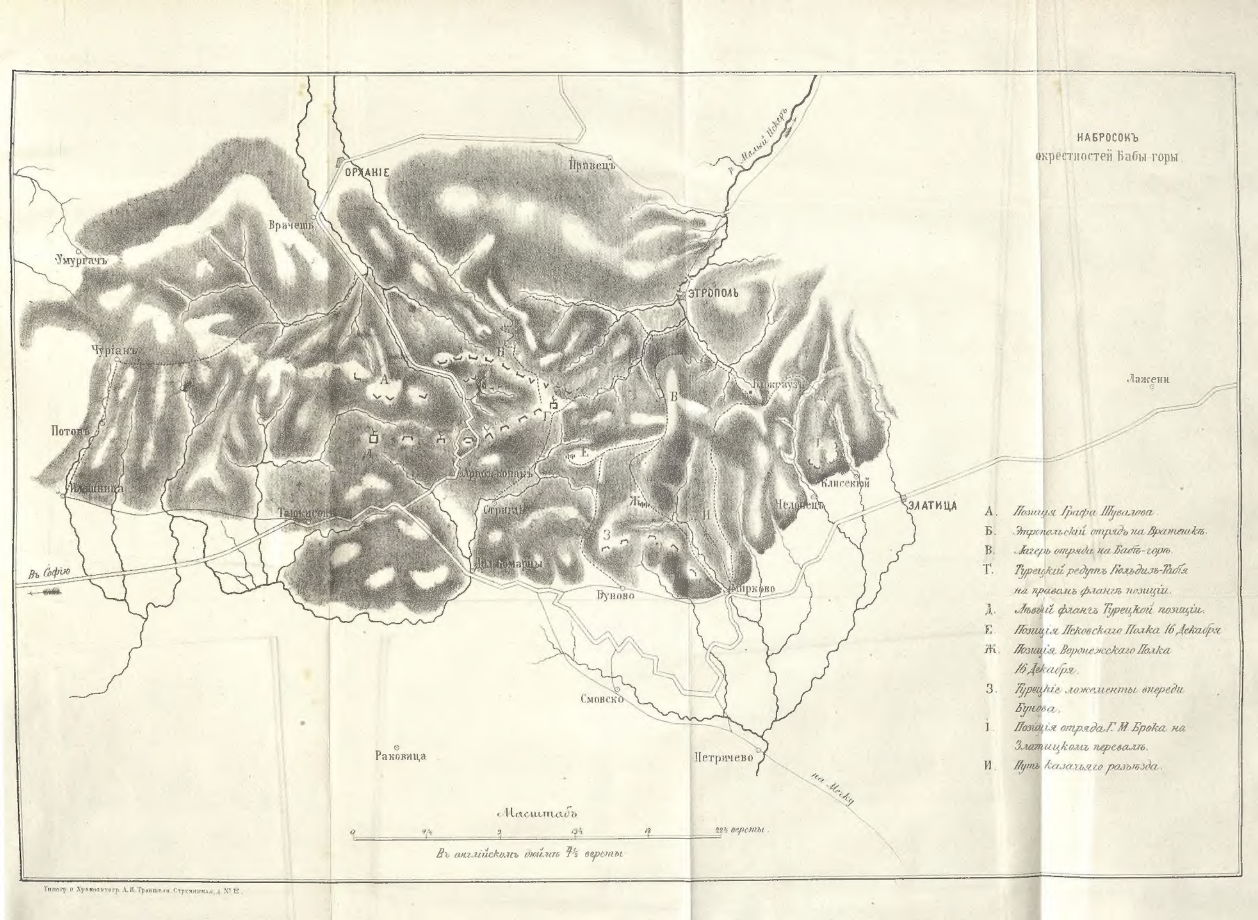
Типогр. и Хромолитогр. А. И. Траншеля, Стремянная, д. № 12.



ПЛАНЪ
ПОДЪЕМА НА БАЛКАНЫ АВАНГАРДА ОТРЯДА
Г. А. ГУРКО.
И
БОЯ 16 и 17 НОЯБРЯ НА ПЕРЕВАЛѢ ВРАТЕШКѢ.
1877.
ЭТРОПОЛЬ
Гора Греата
Гребень Братешка
Форть Драбаковскій
Гора Шандорникъ
Масштабъ
а. Мѣсто сбора авангарда 15го Ноября (драгунскій бивакъ).
б. Остановка 2хъ орудій во время атаки турокъ, 16го Ноября
в.в. Цѣпь Великолуцкаго полка
г.г. Цѣпь Турокъ на гребнѣ Греата.
е.е. Атака 3го батальона и Маіора Беатера
к. Атака на редутъ 3хъ ротъ Псковскаго полка.
м.м. Батальонъ Измайловцевъ демонстрирующій противъ позиціи 17го Ноября
о.о. Расположеніе авангарда 18го Ноября
п. Одно орудіе Лдасовскаго 18го Ноября

НАБРОСОКЪ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ЭТРОПОЛЯ
съ показаніемъ движенія войскъ при его взятіи 10, 11 и 12 Ноября
1877.
N.
S.
O
W
Яблоница
Видраръ
Тетевень
Орхание
Правецъ
ЭТРОПОЛЬ
А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
Л
А. Позиція передоваго отряда до 7го Ноября
Б. Его же позиція 9го Ноября.
В. Направленіе колонны Принца Ольденбургскаго
Г. Первая позиція Турокъ 10го Ноября
Д. Путь обходной колонны Полк. Рыдзевскаго.
Е. Атака Полк. Рыдзевскаго на позицію Троиц-
З. Вторая позиція Турокъ 11го Ноября.
И. Наступленіе Принца Ольденбургскаго 12го Ноября.
І. Наступленіе Полк. Любовицкаго 12го Ноября.
1 и 2. К. Наступленіе Преображенцевъ и Л. Гренадеръ по ущелью 11го и 12го Ноября.
Л. Л. 2 сотни донцевъ Подп. Штакельберга 11го и 12го Ноября.
Масштабъ

Карта
части средней Болгарии
Тутолмина
Условные знаки.
Лѣса
Проселочныя
СЕЛЬВИ



Типогр. и Хромолитогр. А. И. Траншеля. Стремянная, д. № 12.